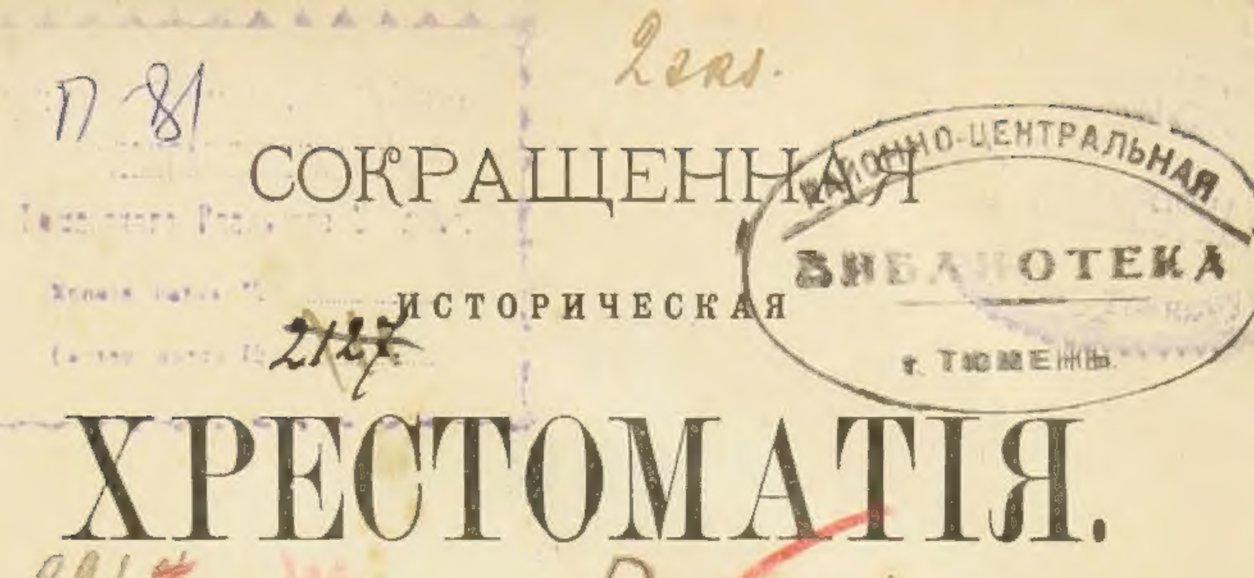
391
П-48.
26477



Сокращенная историческая Хрестоматія.

Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній.

Часть I.

составилъ

В. Покровскій.

Рекомендована (въ 1-мъ изданіи) Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Цѣна 1 р. 25 к.

Изданіе третье, напечатанное безъ измѣненія съ перваго.

МОСКВА.
Складъ въ книжномъ магазинѣ В. Спиридонова и А. Михайлова.
Тверская площадь, Столешниковъ пер., д. Ліанозова.
1906.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ виду того, что вышедшіе XI томовъ Исторической хрестоматіи, не говоря уже о послѣдующихъ, назначенной для учениковъ и преподавателей, вслѣдствіе обилія матеріала и дороговизны цѣны, не могутъ служить класснымъ пособіемъ въ рукахъ учениковъ, я рѣшилъ выпустить Сокращенную историческую хрестоматію, назначивъ ее исключительно для учениковъ, какъ пособіе при изученіи русской словесности.

Первая часть, составленная изъ статей первыхъ трехъ выпусковъ Исторической хрестоматіи, одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, обнимаетъ собою народную словесность и исторію древнерусской литературы.

В. Покровскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стран.

КНИЖНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стран.

НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБРЯДОВЫЯ И БЫТОВЫЯ ПѢСНИ.

Языческая религія русскихъ славянъ.

Вся природа для язычника была великимъ храмомъ всеобщей жизни. Не стихіямъ и не явленіямъ природы, а явленіямъ жизни язычникъ и творилъ поклоненіе. Многоразличіе его божествъ вполнѣ зависѣло отъ многоразличія явленій самой жизни. А онъ, исполненный чувства жизни, встрѣчалъ ея обликъ повсюду, и не было предмета въ окружающемъ мірѣ, который бы не свѣтился ему живою мыслью, не являлся живою волею и живымъ намѣреніемъ. Въ этомъ созерцаніи и скрывались источники языческаго удивленія и поклоненія матери-природѣ, источники такъ называемаго идолопоклонства. Здѣсь же скрывалась, такъ сказать, и вся система языческаго міровоззрѣнія, пониманія всѣхъ вещей: тамъ, гдѣ мы только изучаемъ и наблюдаемъ, язычникъ благоговѣлъ и возсылалъ моленія; тамъ, гдѣ мы находимъ только прекрасное, изящное, поэзію, онъ видѣлъ самое божество.

Его небо, его солнце съ своей недосягаемой высоты глядѣли на него живыми очами безпредѣльной отеческой любви и заботились обо всемъ, чего только желалъ этотъ робкій, но очень внимательный ихъ сынъ. Ихъ случайный гнѣвъ былъ гнѣвъ отца, котораго любовь и милость къ родному дѣтищу были безпредѣльны. Свѣтлыя звѣзды наблюдали самый часъ рожденія этого дѣтища и опредѣляли судьбу всей его жизни. Со всею природою онъ велъ нескончаемый разговоръ, или призывая на свои поля и въ свою храмину ея благодать и всякое добро, или отгоняя отъ себя ея вражду и ненависть. Все въ природѣ жило съ человѣкомъ человѣческими же мыслями и чувствами и бодрствовало человѣческою волею.

Само собою разумѣется, что, обожая природу, создавая себѣ на каждомъ шагу новые кумиры, претворяя свои первыя познанія и созерцанія, первые помыслы о мірѣ и о самомъ себѣ въ живые образы поэтическаго религіознаго чувства, язычникъ въ своей миѳологіи и въ своихъ вѣрованіяхъ выражалъ и изображалъ только то, что существовало передъ его глазами и что существовало въ немъ самомъ, въ устройствѣ его мысли, чувства, нрава и всего быта. Неопровержимая истина, что какова природа и каковъ человѣкъ, наблюдающій и испытывающій природу, таковы должны быть и его вѣрованія, таковы и его миѳы, таковы его боги. Поэтому язычество каждаго народа есть какъ бы зеркало, отражающее въ себѣ ликъ той страны, гдѣ живетъ язычникъ, и ликъ его быта домашняго, общественнаго и политическаго во всѣхъ подробностяхъ. Чего не существуетъ въ странѣ и въ быту язычника, того не существуетъ и на его Олимпѣ, въ святилищѣ его боговъ, въ кругу его миѳическихъ созерцаній.

На европейской почвѣ особенное поэтическое богатство миѳологіи выразилось въ двухъ мѣстахъ: на греческомъ югѣ и скандинавскомъ сѣверѣ; и тамъ и здѣсь на средиземныхъ моряхъ. Выразилось оно въ разной мѣрѣ сильно по той причинѣ, что и тамъ и здѣсь человѣкъ былъ поставленъ самою природою почти въ одинакія условія мѣстности и жизни. Полуостровная и многоостровная приморская страна, очень богатая просторомъ мореходства и передвиженія во всѣ окружающія мѣста, и тамъ и здѣсь уносила человѣка и самымъ дѣломъ и еще болѣе воображеніемъ въ такіе далекіе края, о которыхъ, какъ говорится, ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать. Отсюда, конечно, самъ собою нарождался и поэтическій просторъ для міросозерцанія и для могущества народной фантазіи. Однако, природа той и другой страны наложила неизгладимую печать на миѳическое творчество человѣка и рѣзко обозначила предѣлы и характеръ суроваго и мрачнаго сѣвера Скандинавіи и свѣтлаго и любовнаго юга Греціи. Принесенные изъ далекой прародины первичные миѳы этихъ европейцевъ и на сѣверѣ и на югѣ были воздѣланы въ томъ особомъ характерѣ, какой давала сама природа каждой страны. Точно такъ и пришедшіе въ наши мѣста славяне, живя въ этой равнинѣ, подъ этимъ небомъ, должны были воздѣлать свое принесенное первородное міросозерцаніе въ томъ особомъ харак-

терѣ какимъ отличалась сама здѣшняя природа. Русская природа не изумляла человѣка своими дивами. Ничего чрезвычайнаго, захватывающаго вниманія, она не представляла ни для мысли ни для чувства. Прежде всего, въ общемъ своемъ очеркѣ, который всегда запечатлѣвается въ народныхъ созерцаніяхъ, это была пустыня, тихое, спокойное, широкое, почти безконечное, повсюду однообразное раздолье на югѣ дикаго чистаго поля, на сѣверъ — дикаго и дремучаго лѣса и болота. И тамъ и здѣсь пытливая мысль нигдѣ и ни надъ чѣмъ не могла особенно сосредоточиться. Все здѣсь просто и обыкновенно. Если что и поражаетъ, то развѣ одна безмѣрная ширина картины. Но мысль и воображеніе, убѣгая въ этотъ глубокій, однообразный, неподвижный просторъ, совсѣмъ теряются въ немъ и въ недоумѣніи безмолвствуютъ, какъ сама пустыня. Въ этой равнинной ширинѣ, кажется, самое небо разстилается какъ-то низменнѣе, приземистѣе, совсѣмъ не въ такой красотѣ, какъ въ иныхъ странахъ, гдѣ горы и моря возносятъ его величавый сводъ несравненно выше и глубже въ даль міроваго пространства. Для поэтическаго міра созерцанія поднебесной высоты въ нашей равнинѣ недоставало тѣхъ именно горныхъ и морскихъ красотъ и чудесъ природы, которыя всегда дѣйствуютъ неотразимо на развитіе миѳическаго творчества. Очень естественно, что въ нашей равнинѣ самые боги должны были отличаться тѣмъ ровнымъ и спокойнымъ характеромъ своего могущества, какой господствовалъ въ самомъ ландшафтѣ всей страны.

Въ нашемъ родномъ ландшафтѣ во всѣхъ его очертаніяхъ мы прежде всего видимъ необычайное спокойствіе, ту сельскую и деревенскую тишину, которыя охватываютъ сердце какимъ-то миролюбивымъ тепломъ, вовсе не вызывающимъ ни на какую борьбу и битву. Никакого воздвиганія волнъ, никакой величавой далекой высоты, уносящей къ себѣ помыслы человѣка, здѣсь не видно. Всѣ наши помыслы исчезаютъ тутъ же посреди этого ровнаго и спокойнаго небосклона.

Чрезвычайная красота или чрезвычайное чудо природы, которыя изумляютъ наше вниманіе, есть, во-первыхъ, наши рѣки, отчасти озера: ихъ высокіе, крутые берега суть наши горы. Затѣмъ дремучій лѣсъ, закрывающій нашъ горизонтъ, гремучій ключъ, студеный колодецъ, родникъ, орошающій наше поле; глубокій, поросшій лѣсомъ оврагъ или безпредѣльное болото, тоже каменная глыба, гдѣ-либо спокойно лежащая посреди

чистаго поля — вотъ чудеса и красоты нашего ландшафта. Все это находится подъ рукою и не уноситъ воображенія въ высь и вдаль, къ тѣмъ поэтическимъ мечтаніямъ и созерцаніямъ, которыя создаются при иныхъ, болѣе рѣзкихъ и болѣе сильныхъ очертаніяхъ природы. Нашему воображенію не отчего пылать и разгораться, нашей мысли не надъ чѣмъ особенно работать и не съ кѣмъ бороться.

Горы наши не распадаются суровыми и мрачными скалами скандинавскаго сѣвера; солнце наше не горитъ египетскимъ или индійскимъ огнемъ, и наши звѣзды не блистаютъ египетскимъ окомъ звѣзды Сиріуса; ни звѣрь, ни растеніе, ни гадъ, ни цвѣтокъ не поражаютъ нашего воображенія какими-либо чрезвычайными дивами и чудами. Въ нашемъ равнинномъ ландшафтѣ самое разительное, единственное явленіе природы, которое наиболѣе изумляло и поражало человѣка, была гроза — громовая туча, сверкающая молніями. Это явленіе повсюду, у всѣхъ народовъ, было первою причиною, которая заставила почувствовать небесное существо вполнѣ живымъ, имѣющимъ волю и намѣреніе и грозный всемогущій образъ. Повсюду человѣкъ его понялъ не иначе, какъ поклоненіемъ, обожаніемъ. Но въ другихъ странахъ было много другихъ чудесъ природы, и потому явленіе грозы такъ скоро стало рядомъ съ другими чудными дѣлами неба и земли. Напротивъ того, въ нашей странѣ грозный и благодатный Перунъ былъ единымъ живымъ существомъ, которое въ истинномъ смыслѣ казалось господиномъ неба и земли. Нѣтъ сомнѣнія, что и миѳъ и имя Перуна славяне принесли еще изъ своей арійской прародины, отдѣлившись отъ своихъ азіатскихъ родичей, вѣроятно, еще въ то время, когда Перунъ и у нихъ былъ господствующимъ божествомъ.

Оттуда они принесли и имя Сварога, который означалъ небо, свѣтъ небесный; означалъ верховнаго небеснаго бога, бога боговъ, бога въ отвлеченномъ смыслѣ, потому что небесный сводъ, какъ пространство, невозможно было представить въ опредѣленныхъ, законченныхъ чертахъ какого-либо живого образа. Это былъ богъ неба, богъ свѣта, какъ обнаруживается и по корнямъ Сварогова имени. Это былъ прабогъ, великій, старѣйшій богъ, небесное естество. Можно полагать, что другіе боги неба, происходя отъ единаго небеснаго, представляли въ своемъ существѣ только особые образы того же Сварога — неба, были только Сварожичами, дѣтьми Сварога, почему въ представле-

ніяхъ и понятіяхъ народа сливались въ одно существо съ своимъ отцомъ. Вотъ почему византіецъ Прокопій еще въ половинѣ XI в. могъ весьма справедливо замѣтить, что славяне поклонялись единому Богу, единому владыкѣ вселенной, творцу молніи. Здѣсь слиты понятія о Сварогѣ и Перунѣ, потому что такъ они должны были представляться и въ воззрѣніи язычника.

Явленіе грозы, грома и молніи, этой Божьей милости, какъ и донынѣ говоритъ народъ, хотя и обозначалось особымъ именемъ Перуна, но оно все-таки было небеснымъ явленіемъ, дѣломъ и дѣйствіемъ небеснаго божества. Поэтому очень естественно, что Перунъ въ своемъ значеніи сливался съ именемъ Сварога. Это тотъ же Сварогъ, означаемый Перуномъ только по особому качеству своего небеснаго дѣла. Это не болѣе какъ грозное и благодатное хожденіе въ небесной высотѣ самого Сварога.

Очевидно, что въ миѳѣ Перуна язычникъ поэтически олицетворилъ жизнь неба, т.-е. дѣйствующую и ходящую силу грозы. Но главнымъ образомъ съ этимъ явленіемъ онъ связалъ свои понятія и представленія о жизни земли, какъ эта земля проявлялась и была зависима отъ небеснаго хожденія молніи и грома. Онъ скоро выразумѣлъ, что это чудо природы производитъ на землѣ дѣйствительныя чудеса, и если въ единичныхъ случаяхъ грозитъ и поражаетъ, зато въ общемъ своемъ дѣяніи разноситъ и разливаетъ по всей землѣ явную благодать плодорожденія и всякаго земного обилія. Только въ этомъ живомъ образѣ небеснаго божества язычникъ явственно могъ подмѣтить благое плодородящее снисхожденіе неба на землю и потому обоготворилъ Перуна высшимъ божествомъ, главнѣйшимъ дѣятелемъ земной жизни.

Совсѣмъ иное представленіе должно было существовать о солнцѣ. Перунъ въ раскатахъ грома, блистая молніями, торжественно проходилъ и скрывался до неизвѣстнаго времени. Солнце, огненное небесное тѣло, каждый день восходитъ и заходитъ, каждый годъ уходитъ и приходитъ, сотворяя теплое лѣто. Это не само небо — звѣздная высота и широта, гдѣ пребываетъ Сварогъ, сходящій на землю грозою Перуна; это какъ бы зависимое, подчиненное ему свѣтило, которое, очевидно, сынъ Сварога, Дажь-богъ, какъ именуетъ его лѣтопись и поэтическое слово объ Игорѣ. Дажь происходитъ отъ санскритскаго d a g, горѣть, жечь, и родственно съ готскимъ d a g s,

Таг — день, и съ славянскимъ (хорутанскимъ) дъжница — ранняя заря, слѣдовательно, это богъ — Свѣтъ-День.

Другое имя солнцу было Хорсъ, имя древне-персидское: Киросъ, Коросъ, Куросъ; ново-персидское Хоръ или Хуръ, — имя, вообще указывающее на тѣсныя связи и сношенія восточныхъ славянъ съ древне-персидскими странами по Каспійскому морю и за Кавказомъ, откуда оно могло распространиться и по нашей странѣ, если не принесено еще вмѣстѣ съ Перуномъ.

Но въ славянскомъ миѳическомъ языкѣ существуетъ слово, родственное этому имени и по корнямъ и по смыслу. Это **Кър тъ** — огонь, свѣтъ, солнце, а также слово **Кр ѣ съ**, означающее пламя, огонь. Съ миѳическимъ именемъ Хорса связаны слова **хороводъ** или **короводъ**.

Другой сынъ Сварога былъ Сварожичъ — Огонь. въ его земномъ видѣ. Имѣлъ ли онъ свое особое миѳическое имя, или прозывался только по батюшкѣ, неизвѣстно.

Въ сонмѣ русскихъ миѳовъ, по лѣтописи, послѣ Перуна занимаетъ второе мѣсто Хорсъ-Дажь-богъ. Но тотъ же лѣтописецъ, излагая договоры съ греками Олега и Святослава, упоминаетъ на второмъ мѣстѣ, подлѣ Перуна, Волоса, или какъ у западныхъ славянъ, Велеса, скотьяго бога. По соображеніямъ, весьма основательнымъ, изслѣдователи признаютъ въ этомъ божествѣ солнце, т.-е. новое имя того же Хорса-Дажь-бога. Подобно Аполлону, это богъ плодородія земли, покровитель земледѣлія и скотоводства и всякой паствы, высокій и великій пастухъ, Панъ, точно такъ же игравшій на гусляхъ, почему и вѣщій Боянъ, соловей стараго времени, какъ вѣщій поэтъ-гусляръ, именуется (въ Словѣ о полку Игоревомъ) внукомъ Велеса. Какъ скотій богъ, онъ несомнѣнно почитался и покровителемъ богатства и торговыхъ прибытковъ, тѣмъ болѣе, что главнѣйшій товаръ русской земли состоялъ изъ мѣховъ и звѣриныхъ шкуръ.

Въ лѣтописи, въ Словѣ о полку Игоревомъ и въ Словахъ или поученіяхъ противъ идолопоклонства упоминается еще божество Стри-богъ, существо котораго обозначается отчасти тѣмъ, что вѣтры представляются его внуками, слѣдовательно, и самъ дѣдушка былъ вѣтеръ. Можно полагать, что это божество особенно почиталось во время плаванія. Само собою разумѣется, что этими именами не исчерпывалось все богатство

языческаго поклоненія и олицетворенія. Въ старой письменности и въ устахъ народа остается еще много именъ, миѳическое значеніе которыхъ несомнѣнно, но смыслъ которыхъ трудно объяснить.

Чтобы яснѣе себѣ представить живой обликъ каждаго миѳа, т.-е. всѣ живыя черты языческаго поклоненія и живой кругъ вѣрованій въ тотъ или другой миѳическій образъ природы, необходимо имѣть въ виду общія основы языческаго міросозерцанія. Язычникъ обожалъ природу, но въ природѣ, какъ мы упоминали, онъ обожалъ въ сущности только единое существо — онъ обожалъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, почему и самую смерть необходимо представлялъ себѣ въ живомъ образѣ. Поэтому оставшіяся намъ глухія имена разныхъ божествъ мы можемъ хотя нѣсколько раскрыть, если вникнемъ въ смыслъ миѳовъ, еще доселѣ живущихъ подъ именами домового, водяного, лѣшаго, русалки и т. п. Всѣ они представители или выразители языческихъ и болѣе всего поэтическихъ понятій и представленій о кругѣ жизни, въ которомъ сосредоточиваются тѣ или другія дѣйствія жизни.

Такъ, въ образѣ домового олицетворялась жизнь дома, совокупность невѣдомыхъ и непостижимыхъ явленій, причинъ, дѣйствій возлѣ домашняго очага. Язычникъ не умѣлъ понять, отчего его дворовая скотина добрѣетъ, отчего вдругъ худѣетъ, отчего подымается во дворѣ невѣдомый трескъ, неожиданный переполохъ между тою же скотиною и домашнею птицею, отчего извѣстный цвѣтъ скотины не приходится ко двору: она гибнетъ, какъ ни сохраняй и что ни дѣлай. И такъ идетъ безконечный рядъ различныхъ примѣтъ, объясняющихъ только одно, что здѣсь всѣмъ дѣломъ заправляетъ какая-то невѣдомая сила, невѣдомая воля. Съ другой стороны, въ образѣ домового олицетворялась совокупность хозяйскихъ желаній, стремленій и всяческихъ заботъ, чтобы въ дому все было хорошо и благодатно. Извѣстно, что существующій въ дому очагъ или печка представляютъ какъ бы корень или сердце самаго дома и всего двора. Здѣсь сохраняется существенная благодать всего жилища, согрѣвающая во время холода, изготовляющая всякую снѣдь, способная претворять всякое вещество на пользу или удовольствіе человѣку. Огонь и безъ того являлся живымъ существомъ, былъ божичъ, Сварожичъ. Отсюда ясно, что домовой въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ самый этотъ домашній

огонь, очагъ. При переселеніи въ новую избу язычникъ переносилъ весь этотъ огонь въ видѣ горящихъ угольевъ изъ старой печи въ новую съ привѣтомъ: „Милости просимъ дѣдушка, на новое жилье!“

Обыкновенно домовой живетъ за печкою, куда и кладутъ ему домашнія жертвы, маленькіе хлѣбцы. Его вообще покармливаютъ, какъ человѣка, хлѣбомъ, кашею, пирогами, лепешками; оставляютъ ему на ночь накрытый ужинъ. Но важнѣйшая для него жертва — это пѣтухъ. Эта жертва его вполнѣ умилостивляетъ, если онъ чѣмъ-либо раздраженъ. Тогда въ полночь колдунъ рѣжетъ пѣтуха, выпускаетъ кровь на голикъ и голикомъ выметаетъ всѣ углы въ избѣ и на дворѣ съ приличными заклятіями. Какъ житель печки, домовой не боится мороза. Въ какой хороминѣ ставилась печка, тамъ непремѣнно и жилъ домовой.

Домовой очень добрый и самый заботливый хозяинъ во дворѣ. Вновь купленная скотина, лошадь, корова, отдавалась ему на руки съ привѣтомъ: „полюби, пои, корми сыто, гладь гладко, самъ не шути и жены не спущай и дѣтей унимай“. Веревку, на которой приводили скотину на дворъ, вѣшали у печки.

Домовой любитъ только свой домъ, свой дворъ, такъ что иной разъ таскаетъ даже изъ чужихъ сѣноваловъ и закормовъ кормъ для своей скотины. Въ сущности это идеалъ хорошаго хозяина. Онъ видитъ всякую мелочь, неустанно хлопочетъ и заботится, чтобы все было въ порядкѣ и наготовѣ, — здѣсь подсобитъ, тамъ поправитъ промахъ. По ночамъ слышно, какъ онъ стучитъ и хлопочетъ за разными подѣлками. Если жилье придется ему по душѣ, то онъ смотритъ за всѣмъ домомъ и дворомъ пуще хозяйскаго глаза, соблюдаетъ домашнія выгоды и радѣетъ объ имуществѣ пуще заботливаго мужика, охраняетъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней; смотритъ за птицею, особенно любитъ куръ; наблюдаетъ за овиномъ, огородомъ, конюшнею, хлѣвами, амбарами. По всѣмъ этимъ качествамъ домовой иначе называется доможилъ, хозяинъ, жировикъ, что уже прямо означаетъ привольную жизнь. Его также называютъ **сусѣдка, отецъ, дѣдушка.**

Очевидно, весь этотъ образъ домашняго духа есть въ сущности олицетвореніе домашняго счастія, домашней благодати. Онъ хранитель дома. По этой мысли и осязательный образъ

домового представляется обросшимъ густою мохнатою шерстью и мягкимъ пушкомъ. Даже ступни и ладони у него тоже покрыты волосами. По ночамъ онъ сонныхъ обитателей дома гладитъ ладонью; если тепла и мягка — къ счастью и богатству; холодна и щетиниста — не къ добру. По ночамъ онъ душитъ соннаго, но ради шутки. Такъ точно и во дворѣ по ночамъ онъ возится, проказитъ — все только тѣшится, безъ злобы. Домовой лихъ только до чужихъ дворовъ и большое зло дѣлаютъ только чужіе домовые.

Если домовой былъ олицетвореніемъ домашней работы, домашняго счастья, богатства, всякой благодати, то, по естественному родству понятій, въ немъ же почитался и духъ умершихъ родителей — предковъ, ибо кто же больше можетъ желать счастья жильцамъ дома, какъ не умершіе родители, или самые близкіе родные. Отъ этого домовой называется дѣдушка, не только какъ владѣющій духъ, но какъ родной, настоящій дѣдъ — предокъ. Быть-можетъ, на этомъ основаніи домовой принималъ иногда человѣческій образъ и казался иногда мальчикомъ, иногда старикомъ. Такимъ образомъ въ понятіяхъ о домовомъ сосредоточивались представленія о жизни дома и двора съ его прошедшимъ и будущимъ, съ его счастіемъ и невзгодами и всѣми заботами и работами его хозяйства. Это была сама жизнь людей въ границахъ дома и двора.

Тѣмъ же самымъ путемъ создавался и образъ лѣшаго. Лѣшій въ существѣ своихъ качествъ олицетворялъ жизнь лѣса, совокупность явленій, предъ которыми человѣкъ терялся и которыхъ не могъ постигнуть. Лѣшій осенью пропадалъ и появлялся весною, стало-быть, это не былъ лѣсъ только стоячій, деревянный, — это былъ лѣсъ живой, одѣтый живою зеленью, пѣвшій весеннею птицею, рыскавшій всякимъ звѣремъ, свиставшій зловѣщимъ свистомъ незнаемаго существа — дива. Лѣшій былъ такъ высокъ, какъ самое высокое дерево, и такъ малъ, какъ самая малая травка. Это самъ лѣсъ не въ смыслѣ количества деревьевъ, а въ живой полнотѣ того понятія о лѣсномъ царствѣ, какое неизмѣнно воплощалось въ представленіяхъ язычника цѣльнымъ, единымъ существомъ. Волоса у него на головѣ и бородѣ длинные, косматые, зеленые. Онъ остроголовый, мохнатый. Онъ любитъ вѣшаться, качаться на вѣтвяхъ, или качеляхъ. Онъ свиститъ, хохочетъ, такъ что на сорокъ верстъ кругомъ слышно; хлопаетъ въ ладоши,

ржетъ, какъ лошадь, мычитъ, какъ корова, лаетъ собакой, мяукаетъ кошкой, плачетъ ребенкомъ, стонетъ умирающимъ, шумитъ рѣчнымъ потокомъ. Всякій лѣсной звѣрь и всякая лѣсная птица находятся подъ его покровительствомъ. Лѣшій иногда заводитъ путника въ непроходимыя трущобы и болота и потѣшается надъ нимъ, перепутывая его дорожныя примѣты: станетъ предъ нимъ тѣмъ самымъ деревомъ, тѣмъ пнемъ, тою тропою, куда слѣдовало по примѣтѣ итти, и непремѣнно собьетъ съ дороги, заливаясь самъ громкимъ хохотомъ. Иногда обращается въ волка, въ филина. Иногда въ образѣ старика, такого же путника въ звѣриной шкурѣ, или въ образѣ мужика съ котомкою, самъ выходитъ навстрѣчу, заводитъ разговоръ, проситъ пирога, проситъ подвезти въ деревню, садится, ѣдетъ, глядь — а его ужъ нѣтъ, а путникъ съ возомъ ужъ въ болотѣ, въ оврагѣ или на крутомъ обрывѣ Обошедши подобнымъ образомъ путника, онъ принимается его щекотать и можетъ защекотать на смерть. Онъ уноситъ ребятъ, которые приходятъ домой иногда чрезъ нѣсколько лѣтъ. Все это рисуетъ извѣстныя обстоятельства, когда мальчики, дѣвушки или женщины, ходя въ лѣсъ за ягодами и грибами, теряютъ дорогу и, заблудившись, пропадаютъ на нѣсколько дней, а иногда и совсѣмъ.

Однако, это духъ добрый и благодатный, если его задобрить жертвою. Пастухъ, начиная пасти стадо, долженъ пожертвовать ему корову, — тогда онъ самъ съ охотою пасетъ стадо. Охотники всегда приносятъ ему на поклонъ краюху хлѣба съ солью, блинъ, пирогъ, и кладутъ эту жертву на пень. Другіе жертвуютъ полный уловъ птицы или звѣря и т. д. На Ерофея, 4 октября, лѣшій пропадаетъ. Въ это время онъ бѣсится, ломаетъ деревья, гоняетъ звѣрей и проваливается. Жизнь лѣса умираетъ на всю осень и на зиму.

Точно такъ же и въ образѣ водяного олицетворилась жизнь воды, жизнь рѣки, озера, болота, т.-е. та совокупность невѣдомыхъ и непостижимыхъ, но живыхъ, явленій этой стихіи, въ ея мѣстныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ человѣкъ не могъ подмѣтить истинной причины и, одухотворяя своимъ чувствомъ весь міръ, находилъ и здѣсь такую же живую волю и силу, какими обладалъ самъ.

Водяной живетъ въ омутахъ, водоворотахъ, и особенно у мельницы, у этой мудреной постройки, которая и человѣка — мельника неизмѣнно дѣлала колдуномъ и другомъ водяного.

Водяной — нагой старикъ съ опухшимъ лицомъ — образъ утопленника. Волоса на головѣ и бородѣ длинные, зеленые. Онъ является иногда весь въ тинѣ, въ высокой шапкѣ изъ водорослей, подпоясанъ поясомъ также изъ травы. Всякая водяная трава — это его одежда, его кора. Но онъ является иногда и въ образѣ обыкновеннаго смертнаго, мужика. Тогда его легко узнать: полы его платья всегда мокры; съ лѣвой полы всегда каплетъ вода; гдѣ сядетъ, то мѣсто оказывается всегда мокрымъ. Въ омутахъ онъ живетъ богато: у него есть каменныя палаты, стада лошадей, коровъ, овецъ, свиней (утопленники). Женится онъ на русалкѣ (утопленницѣ). Онъ можетъ загонять въ рыболовныя сѣти множество рыбъ. Ѣздитъ онъ на сомѣ и очень его жалуетъ. Днемъ водяной сидитъ въ глубинѣ омута. Съ заката солнца начинается его жизнь; тогда и купаться очень опасно; и даже дома опасно ночью пить воду — можно схватить болѣзнь — водянку. Въ лунныя ночи онъ хлопаетъ по водѣ ладонью. Вдругъ завертится и заклубится, и запѣнится вода — это водяной. Онъ бодрствуетъ только лѣтомъ, а зимою спитъ. Онъ просыпается отъ зимней спячки на Никитинъ день, 3 апрѣля. Ломится, претъ по руслу весенній ледъ, бурлитъ и волнуется рѣка — значитъ просыпается дѣдушка водяной, рѣка оживаетъ. Тогда приносятъ ему въ жертву лошадь, и онъ успокоивается. Рыбаки возливаютъ ему масло, мельники приносятъ черную, откормленную свинью. На прощанье, когда жизнь рѣки приходила къ концу, водяному приносили въ жертву гуся. Какъ въ домѣ домовой, въ лѣсу лѣшій, въ водѣ водяной, такъ и въ нивѣ живетъ ея живой духъ, дѣдъ полевой, или полевикъ, ростомъ равный высотѣ хлѣба, а послѣ жатвы — каждому оставшемуся срѣзанному стеблю.

Ясно, что всякій духъ, жившій въ лѣсу, въ рѣкѣ, въ полѣ, на вѣтвяхъ дерева, какъ русалка и т. п., была сама жизнь, которую понять и представить себѣ язычникъ иначе не могъ, какъ въ образѣ духа. Въ этотъ образъ живого духа онъ облекалъ и все умершее, не вѣря отъ полноты созерцаній жизни, что въ мірѣ что-либо умираетъ навѣки.

Язычникъ обожалъ природу, но въ природѣ онъ боготворилъ существенное одно — онъ боготворилъ жизнь во всѣхъ ея образахъ и видахъ, даже и тамъ, гдѣ жизнью являлась одна его мечта. Яснѣе всего раскрывалось это боготвореніе земли, поклоненіе ея силамъ въ самомъ кругу годовыхъ временъ, въ этомъ

чередованіи свѣта и мрака, тепла и холода, оживанія всей природы и ея замиранія до новаго тепла и лѣта. Этотъ чередъ возрожденія и угасанія жизни, быть-можетъ, и служитъ прямымъ и непосредственнымъ источникомъ для воспитанія и развитія языческихъ созерцаній о жизни, какъ единомъ существѣ всего міра. *Забѣлинъ.*

Праздники языческихъ славянъ.

Славяне располагали свои празднества сообразно тремъ видамъ дѣятельности свѣта, выражаемой перемѣнами года, который потомъ дѣлится на три части; праздниковъ было три, по тремъ дѣйствіямъ земледѣльческаго процесса: посѣять, убрать и приготовить.

Первый былъ праздникъ весны, торжество въ честь Лада, воскресеніе или возвращеніе солнца. И теперь у насъ по деревнямъ поются единственно весною до 23 іюня особенныя пѣсни съ именемъ Лада въ припѣвахъ. Время съ 23 мая до 23 іюня для земледѣльческаго класса довольно свободнее: тогда сѣвка кончается, а покосъ еще не начатъ.

Праздникъ весны начинался очень рано: когда только отъ солнца начиналъ таять снѣгъ, тогда отправлялось богослуженіе и приносился въ жертву козелъ.

Памятниками этого древняго обычая у славянъ остались: 1) пѣсни, въ которыхъ упоминается о такомъ жертвоприношеніи и 2) обычай водить козла, — это наблюдаютъ въ Украйнѣ при началѣ весны, обыкновенно при первой недѣли поста. Юноши и дѣвицы бѣгаютъ по улицѣ съ рукоплесканіями и пѣснями; въ этихъ пѣсняхъ въ первый разъ упоминается имя Лада съ эпитетомъ Лело, т.-е. свѣтлый. По русски этотъ праздникъ называется пролѣтье. Когда снѣгъ сходилъ, распускалась рѣка и показывалась первая трава, отправлялось торжество смерти зимы и воцареніе весны. Прежде всего хороводъ, составленный нарочно заранѣе изъ юношей и дѣвъ, называемый у поляковъ стадо, купался въ знакъ очищенія. Памятникомъ этого обряда остался на Украинѣ еще въ XVII в. обычай такой: на свѣтлой недѣлѣ юноши обѣгали съ ведрами за дѣвицами и обливали ихъ водою, а на другой день дѣвицы

тѣмъ же отплачивали мужчинамъ; въ другихъ мѣстахъ другъ друга бросали въ воду; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи до сихъ поръ поселяне погружаются на провеснѣ въ воду, потомъ взлѣзають на избу и поютъ пѣсни въ честь весны. Потомъ совершается символическій обрядъ утопленія зимы и заклинанія весны. Въ XVII в. въ Польшѣ дѣлали чучело, надѣвали на него женскую одежду, торжественно несли къ рѣкѣ и повергали въ воду; это чучело называлось Маржаною и означало у славянъ смерть или зиму, т.-е., воду въ стоячемъ положеніи. Тогда пѣли: „Смерть вьется по заборамъ, ища себѣ поживы“.

Потомъ совершалось заклинаніе или призываніе весны. Это торжество у русскихъ называется Красною Горкою. Такъ какъ идея свѣтопоклоненія относилась къ различнымъ предметамъ, то и праздникъ имѣлъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Во-первыхъ, это было торжество приходящей весны. Оно начиналось призываніями матери солнца, великой Лады. Послѣ того пѣли торжественные гимны въ честь солнцу; хороводъ обращался къ мѣсяцу и звѣздамъ; пѣли священныя пѣсни въ честь воды, совершали моленія о плодородіи и ниспосланіи дождя, обращались къ лѣсамъ, прося ихъ развиться, призывали птицъ развеселить пѣніемъ расцвѣтающія дубравы. Потомъ отправлялись символическія игры; нѣкоторыя изъ нихъ знаменовали весну, другія означали воспоминанія миѳологическихъ событій. Припѣвы: Ладо-Дидо-Ладо! (т.-е. великій Ладо) Лелю-Ладо! Дана! Дана! показываютъ, что всѣ они относятся къ исторіи язычества славянскаго, съ которою связывается свѣто- и водо-поклоненіе. Обряды и пѣсни сопровождались священными огнями; въ честь солнцу, небеснымъ свѣтиламъ и водѣ, невѣстѣ солнца, носили свѣтильники, подобно тому какъ въ Египтѣ на праздникъ Озириса, у грековъ въ честь Аполлона, изображавшагося съ факеломъ, также на праздникъ Цереры и Вакха. Названіе игры горѣлки, игры весенней, показываетъ, что она первоначально совершалась около зажженыхъ огней.

Второе значеніе Красной Горки было земледѣльческое. Такъ какъ это было время сѣянія, то земледѣльческія занятія изображались символическими образами. Доказательствомъ тому служатъ игры, какъ, напр., извѣстная игра сѣяніе проса, и пѣсни хороводныя, въ которыхъ изображается паханіе

вообще, сѣяніе мака, хмеля, ячменя и пшеницы, льна и разныя сельскія работы. Все это, изображаясь въ священнодѣйствіи, какъ бы освящало полевые труды поселянъ.

Третье значеніе праздника было семейственное. Высочайшій ладъ, всемірная гармонія, физически символизуются въ образѣ бракосочетанія огне-свѣта съ водою, олицетворяемыхъ подъ именами Свантовита и Дѣваны. Это бракосочетаніе совершалось въ день Купала, а до того времени, весною, происходила воображаемая любовь свѣта съ водою, какъ жениха съ невѣстою; слѣдствіемъ этой любви былъ всеобщій расцвѣтъ, радость, свѣжесть. Любовь свѣтоноснаго мужескаго и воднаго женскаго божествъ служила первообразомъ соединенія половъ на землѣ; потому въ хороводѣ, составленномъ для богослуженія, юноши и дѣвицы долженствовали соединиться бракомъ при концѣ праздника, а до того времени въ своихъ играхъ и пѣсняхъ выражать взаимную любовь для прославленія верховной любви. И весеннія игры символизують часто любовь и бракосочетаніе, напр., „царевичъ и царевна", или „сѣяное просо", гдѣ представляется умыканіе дѣвицъ и т. д. Эти игры, исключительная принадлежность Красной Горки, были, кажется, началомъ и религіознымъ освященіемъ тѣхъ игрищъ, которыя съ тѣхъ поръ должны были отправляться каждый вечеръ между дворами, и на которыхъ молодые люди знакомились между собою и приготовлялись къ браку.

Четвертое значеніе праздника было религіозно-погребальное. Тотъ же самый праздникъ народный, который теперь называется Красною Горкою, называется Радуницею или проводами и могилками. Послѣ веселыхъ игръ ходили на могилы или къ тѣмъ памятникамъ, гдѣ стояли на столбахъ сосуды съ пепломъ умершихъ, приносили туда яства и напитки, дѣлали возліянія въ честь покойниковъ, а женщины въ плаксивыхъ пѣсняхъ вспоминали достоинства умершихъ. Потомъ отправляема была тризна или страва, торжественное пиршество, на которомъ пили-ѣли званные и незванные, все въ честь покойниковъ, а потомъ начиналась борьба и ристаніе, подобно какъ въ древности у грековъ. Эти богатырскія игры считались необходимыми для умершихъ. Мы имѣемъ описаніе такой языческой тризны у Нестора, гдѣ разсказывается, что послѣ пиршествъ надъ могилою Игоря княгиня Ольга пригласила древлянъ на состязаніе съ кіевлянами. Поминовеніе оканчивалось

радостными пѣснями и танцами, что называлось закликать мертвыхъ, т.-е. призывать ихъ къ жизни и надеждѣ на воскресеніе.

Послѣ Красной Горки начинались полевыя работы, сопровождаемыя пѣснями и увеселеніями. Все носило видъ богослуженія Ладу. По вечерамъ собирались юноши и дѣвицы въ хороводѣ, обыкновенно у воды или въ рощахъ. Это-то были тѣ игрища „межю-селы“, на которыхъ, по словамъ Нестора, „умыкаху у воды дѣвиця“.

Когда земледѣльцы обсѣвались, и наступало болѣе свободное время, когда солнечный жаръ становился ощутительнѣе и развитіе органической жизни шло быстрѣе, славяне отправляли торжество въ честь Ладу, называемое Семикомъ. Праздникъ этотъ былъ тотъ же, который называется у русскихъ Ярилом, а у словаковъ Турицами и Лѣтницами. Подобно Красной Горкѣ, Семикъ имѣетъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное.

Праздникъ этотъ продолжался нѣсколько дней, можетъ-быть собственно семь, а можетъ-быть и доходилъ до дня Купала, какъ это можно предположить изъ того, что обряды лѣтницкіе совершаются въ разныхъ мѣстахъ славянщины въ разныя времена, но непремѣнно въ близкія около Троицына дня и купальнаго праздника. Идея его есть поклоненіе свѣтоносному существу въ эпоху сильнѣйшей его дѣятельности. Хороводъ юношей и дѣвицъ, въ вѣнкахъ, съ вѣтвями, собирался на берегу рѣки на возвышеніи, въ рощѣ. Срубленное дерево, украшенное лентами, вѣрно прежде символическими знаками, служитъ непремѣннымъ условіемъ этого праздника у русскихъ поселянъ. Обыкновенно это дерево — береза, и, кажется, оно символизовало мать Ладу природу, ибо береза въ малороссійскихъ пѣсняхъ и народныхъ сказкахъ всегда символизуетъ мать. Къ этому же торжеству относится и обрядъ погребанія Ярилы. Ярила празднуютъ теперь разнымъ образомъ. Встарину человѣкъ разрумяненный, обвязанный лентами и колокольчиками, съ краснымъ колпакомъ на головѣ, шелъ окруженный толпою народа, которая плясала, пѣла, пьянствовала и билась на кулачки до смерти. Въ заключеніе хоронили чучело мужчины. Такъ описанъ этотъ языческій праздникъ въ Воронежѣ, въ житіи преосвященнаго Тихона, который истребилъ и проклялъ идола. Въ другихъ мѣстахъ Яриломъ называютъ истукана, одѣтаго въ мужское и женское платье вмѣстѣ. Въ Бѣлоруссіи

Ярило изображался въ видѣ молодого человѣка, убраннаго цвѣтами. По всему однако видно, что Ярило однозначителенъ съ Ладомъ, ибо во Владимирской губерніи называютъ Ярила Ладомъ. Этотъ праздникъ отправлялся въ честь свѣта. Праздникъ приходится въ то время, когда вся природа бываетъ, по русскому выраженію, въ яру. Принадлежность этого праздника есть гаданіе, особенно посредствомъ вѣнковъ и цвѣтовъ, которые бросаютъ въ воду.

Религіозно-земледѣльческое значеніе лѣтняго праздника видно изъ обычаевъ ходить по полямъ съ образами, увитыми цвѣтами. Такъ какъ это происходитъ передъ началіемъ покоса и жатвы, то, значитъ, славяне отправляли въ то время очистку полей. Въ Галиціи особенно съ большимъ значеніемъ совершается такая процессія: юноши и дѣвицы идутъ въ вѣнкахъ и поютъ пѣсни, приличныя только этому времени; знамена увиты цвѣтами. Христіанскіе пастыри, распространяя вѣру, кротко обращали въ христіанскіе тѣ изъ языческихъ обрядовъ, которые не заключали ничего противнаго идеѣ христіанства.

Въ семейственномъ отношеніи пѣсни лѣтницкія отличны отъ весеннихъ. Въ нихъ уже молодцы не ищутъ дѣвицъ, не изображается первое знакомство любящихся, а выражается предчувствіе скораго брака. Такъ въ одной пѣснѣ дѣвушка думаетъ, что скоро придется быть замужемъ, въ другой сожалѣетъ о скоропреходящихъ дняхъ дѣвичества, дняхъ забавъ и пѣсенъ, за которыми послѣдуетъ однообразная жизнь семейная. Оттого въ весеннихъ пѣсняхъ отецъ отправляетъ дочь на игрище и говоритъ: „Гуляй, дочь моя, сколько хочешь! Два раза не будешь молодою“. А въ пѣсняхъ лѣтницкихъ мать посылаетъ дочь поневѣститься.

Рядомъ съ гуляньемъ, пиршествами и веселыми играми поминали мертвыхъ. Хороводъ переходитъ отъ священныхъ рощъ и водъ къ могиламъ: тамъ отправлялись тризны съ такими же играми, какъ и весною. И теперь, около этого времени, въ обыкновеніи отправлять панихиды. Живущіе, празднуя полную жизнь, земное царство свѣта, напоминали отжившимъ, что и для нихъ придетъ время, когда мечъ свѣта поразитъ „змока“ (дракона) и избавитъ ихъ изъ черной ночи.

Въ то же время отправлялись жертвоприношенія русалкамъ: и теперь недѣля послѣ духовой называется русальною.

Наконецъ, въ заключеніе продолжительнаго празднества Лада, отправляемо было великое торжество Купала. Ни одно изъ народныхъ празднествъ не оставалось съ его языческими принадлежностями, послѣ принятія христіанства, какъ праздникъ купальный. Духовные въ Россіи силились истребить его и не могли до сихъ поръ; они оставили намъ любопытныя описанія. Въ Стоглавѣ (въ XVI в.) жалуются, „что противъ праздника рождества Іоанна Предтечи, противъ ночи и во весь день до ночи, мужи, и жены, и дѣти въ домахъ и по улицѣ и ходя на водамъ, глумы творятъ со всякими играми и всякими скоморошествы и пѣсни сатанинскими, ночью въ рѣцѣ омываются голою, и пожаръ запаливъ, перескакаху по древнему нѣкоему обычаю“. Въ Польшѣ такой обычай называется соботка и въ XVI ст. служилъ увеселеніемъ даже высшаго класса. Огонь, назначенный для перескакиванія чрезъ него, добывался посредствомъ тренія дерева объ дерево. У западныхъ славянъ это празднество, называемое также соботка, такъ укоренилось, что на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, 23 іюня вечеромъ, горы Судетскія и Карпаты кажутся пылающими.

Слѣды этого празднества существуютъ у разныхъ народовъ. Такъ, въ сѣверныхъ странахъ такой огонь зажигался въ честь Бальдура, въ Германіи онъ называется Johannisfeuer: нѣмцы переводили черезъ него стада свои. У литовцевъ этотъ праздникъ назывался Роса, и зажиганіе огня было главнымъ его обрядомъ. У древнихъ римлянъ существовалъ пастушескій праздникъ Палилія, когда перескакивали черезъ огонь и проводили стада; вмѣстѣ съ тѣмъ совершалось очищеніе и посредствомъ воды. У грековъ очищеніе посредствомъ огня и воды составляло важный догматъ религіи и существенную часть таинствъ Цереры и Вакха. Въ глубокой древности, на праздникѣ Весты, 23 іюня, кропили водою дома и перепрыгивали ночью чрезъ зажженные костры. Такимъ образомъ торжество Купала у славянъ было общимъ праздникомъ всего языческаго міра.

Вотъ какъ отправляется этотъ праздникъ въ южной Россіи. Прежде всего юноши и дѣвицы купаются, потомъ надѣваютъ вѣнки изъ черноклена съ душистыми травами, подпоясываются чернобыльникомъ и, предъ захожденіемъ солнца, собираются на возвышенномъ мѣстѣ, непремѣнно надъ рѣкою. Ставятъ два изображенія: одно — чучело на подобіе человѣка,

другое — дерево, увитое женскими уборами, лентами и вѣнками. Дерево обыкновенно бываетъ черноклёнъ. Потомъ раскладываютъ кучи соломы и, постановившись кругомъ, поютъ пѣсни и, взявши въ руки изображенія попарно, парень съ дѣвкою, прыгаютъ черезъ огонь; когда всѣ перепрыгнутъ, бросаютъ въ воду изображенія, изъ которыхъ мужское называется Купаломъ, а женское Мареною. Вслѣдъ за тѣмъ бросаютъ съ себя вѣнки въ воду. Въ пѣсняхъ, которыя поются при этомъ, говорится, что Купало (передѣлываемый обыкновенно въ Ивана) купался, что играло на немъ солнце и что, наконецъ, купавшись, онъ упалъ въ воду. Поютъ также о Маренѣ, что она необыкновенная красавица, играла въ высокомъ теремѣ, потомъ бросилась въ воду. Кромѣ того поютъ о какомъ-то женскомъ существѣ, утонувшемъ въ Дунаѣ, и о мужскомъ, изрубленномъ дѣвицами и превратившемся въ нѣсколько цвѣтовъ.

Два изображенія — мужское и женское, Купало и Марена, означаютъ, очевидно, Лада-Свантовита, свѣтоносное начало, и женское водное начало, или Дѣвану; теперь они называются въ народѣ царь-огонь и царица-водица. Бракъ солнца съ водою былъ величайшимъ торжествомъ всего творенія: оттого, по народнымъ суевѣріямъ, и солнце три раза останавливается на день св. Іоанна, и птицы, и звѣри, и цвѣты, и деревья радуются. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время заключается въ природѣ процессъ растенія и возбужденія; поэтому тогда солнце представляется на высочайшей степени своей всеживотворящей дѣятельности.

Въ отношеніи семейномъ этотъ день былъ великъ у славянъ. Юноши и дѣвицы, составлявшіе хороводъ въ продолженіе праздника Лада, должны были соединиться бракомъ. Хороводъ уничтожается. Каждый юноша выбираетъ себѣ вѣчную подругу. Это доказывается тѣмъ, что пѣсни купальскія суть, по большей части, однѣ и тѣ же, что свадебныя. Въ нихъ уже мало поется о любви, а если поется, то о супружеской; дѣвушка теряетъ отца, брата, сестру, и пріобрѣтаетъ свекра, свекровь, деверя, золовку. Какъ купанье, такъ и перескакиванье чрезъ огонь — обряды брачные, и кажется, у славянъ языческихъ были тѣмъ, что теперь вѣнчаніе. Такъ Іаковъ Черноризецъ, жившій въ XI в., жаловался митрополиту Іоанну, что простые люди не вѣнчаются, а совершаютъ бракосочетаніе

посредствомъ плесканія. Огонь же употреблялся на свадьбахъ: въ Малороссіи и теперь на свадебномъ пиру молодые перескакиваютъ черезъ кучу зажженной соломы, какъ на Купала.

Въ хозяйственномъ отношеніи этотъ праздникъ имѣлъ также высокое значеніе. Въ этотъ день собираются обыкновенно травы, какъ медицинскія, такъ и такія, которымъ фантазія приписываетъ чародѣйственную силу. Какъ вода, такъ и огонь, и даже вѣники съ праздника купальскаго, признаются полезными для здоровья. Тогда находятъ подъ чернобыльникомъ какой-то земляной уголь, исцѣляющій отъ болѣзней. Тогда растетъ трава архилина, получаемая, какъ думали встарину, только чрезъ золотую и серебряную гривну, и трава-разрывъ, способная разрушать желѣзо, и цвѣтетъ папоротникъ, символъ таинственной силы свѣта. Огнемъ купальскимъ и травою очищали славяне скотъ, поля и огороды, приготовляясь къ началу полевыхъ работъ и полагая, что они предохраняютъ произрастенія отъ вредныхъ насѣкомыхъ. И потому справедливо называютъ Купала богомъ земныхъ плодовъ. Какъ смыслъ высочайшей силы солнца, онъ дѣйствительно былъ божествомъ плодородія.

Неизвѣстно навѣрное, имѣлъ ли праздникъ Купала значеніе для усопшихъ, но то вѣрно, что огонь и вода считались для нихъ необходимыми. Такъ русскіе объяснили арабскому путешественнику Ибнъ Фодлану, что они сожигаютъ тѣла для того, чтобы умершіе невозбранно сошли въ блаженство, слѣдовательно, достигли блаженства посредствомъ огня. Въ Богеміи если и хоронили трупы не сжигая, то считали необходимымъ, чтобы на могилѣ 3 или 7 дней горѣлъ огонь. Что вода была также необходимою для мертвыхъ, видно изъ того, что, по сказанію того же арабскаго путешественника, мертвыхъ сожигали непремѣнно въ лодкѣ на водѣ. Святославъ, для успокоенія усопшихъ, топилъ въ водѣ пѣтуховъ и младенцевъ.

По окончаніи длиннаго праздника Лада, начинались полевыя работы, которыя, несмотря на свою тяжесть, сопровождаются и теперь пѣснями. Когда жатва оканчивалась, отправлялся другой торжественный праздникъ Свантовиту-Ладу, теперь называемый „обжинки“. Саксонъ Грамматикъ описываетъ его у прибалтійскихъ славянъ такимъ образомъ. Въ день, назначенный для праздника жатвы, арконскій жрецъ входитъ въ святилище, т.-е. внутреннюю часть храма, едва переводя отъ благоговѣнія дыханіе, и смотритъ есть ли вино въ рогѣ.

находившемся въ правой рукѣ идола. Если нѣтъ или мало, это служило предвѣстіемъ хорошаго урожая на будущее время. Народъ собранъ передъ храмомъ и въ внѣшней части храма. Жрецъ допиваетъ остатокъ вина, наливаетъ рогъ, выходитъ къ народу, выпиваетъ при торжественныхъ моленіяхъ о всеобщемъ благоденствіи, побѣдѣ и мирѣ, желаетъ, чтобы никто изъ присутствующихъ не умеръ, потомъ наливаетъ снова рогъ виномъ и оставляетъ въ рукѣ идола. Послѣ того онъ выходитъ къ народу; приносятъ огромный медовый пирогъ и ставятъ передъ жрецомъ. Жрецъ спрашиваетъ: „Что, видите вы меня?" Если ему отвѣчаютъ: „Не видимъ", то говоритъ: „Ну, чтобы вы меня и на тотъ годъ не увидѣли за большимъ изобиліемъ!" Это драгоцѣнное извѣстіе мы можемъ считать относящимся и къ нашему отечеству. До сихъ поръ у малороссіянъ сохраняется подобный обрядъ, только перенесенный ко времени рождественскихъ святокъ. Отецъ семейства садится за столъ, на которомъ стоятъ кушанья, обставленныя снопами. Онъ спрашиваетъ: „Видите ли меня, дѣти?" Ему отвѣчаютъ: „Не видимъ". Онъ говоритъ: „Ну, дай Богъ, чтобы и на этотъ годъ не увидѣли". Послѣ обряда праздникъ проводился славянами въ пиршествахъ и забавахъ. Теперь въ простомъ народѣ празднуется торжество это съ различными церемоніями въ различныхъ краяхъ. Въ Россіи обыкновенно все село дѣлаетъ складчину, пьютъ и ѣдятъ, и отправляютъ при этомъ обряды истинно миѳологическіе, напр. дѣлаютъ чучело изъ снопа въ видѣ женщины или приносятъ въ церковь пѣтуха (а пѣтухъ, особенно красный, на всемъ европейскомъ сѣверѣ символизуетъ огонь). Въ Малороссіи жницы и жнецы несутъ снопы въ церковь, сами въ вѣнкахъ изъ колосьевъ, переплетенныхъ съ цвѣтами.

Третій праздникъ у славянъ отправлялся зимою въ то время, когда солнце доходило до наименьшей степени своей силы и возвращалось снова на весну. Праздникъ этотъ имѣетъ отношеніе къ общечеловѣческимъ миѳологическимъ понятіямъ о рожденіи свѣта. У римлянъ тогда отправлялись Январскія Календы (называвшіяся также Natales Solis invicti). Древнее изображеніе женщины съ младенцемъ было символомъ рождающагося солнца. У скандинавовъ тогда отправлялся праздникъ Іоля, въ знакъ возвращающагося солнца. У славянъ былъ въ то время праздникъ, именуемый теперь Коляда; упер-

жали, что Коляда есть испорченное слово Calendae и зашло въ Малороссію отъ поляковъ, которые заимствовали его отъ западныхъ европейцевъ. Но мы знаемъ, что не только въ Малороссіи, но и въ Великой Россіи, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ, извѣстно имя Коляды, притомъ находимъ видимое сходство обрядовъ этого праздника съ древними подобными миѳологическими торжествами. Имя Коляда, какъ можно полагать, не произошло отъ Calendae, а скорѣе однознаменательно со словомъ Іола, означающемъ колесо — кругъ солнца; то же значитъ и Коляда, отъ коло — кругъ, колесо.

Въ отношеніи религіозномъ этотъ праздникъ у славянъ отправлялся въ честь рождающагося солнца, изъ чего уже слѣдуетъ заключить, что годъ славяне начинали съ зимняго поворота. А такъ какъ солнце совершаетъ дѣятельность свою постоянно, и сначала оно является въ маломъ видѣ, то оттого и образовалось понятіе у всѣхъ языческихъ народовъ о рожденіи и дѣтствѣ свѣтоноснаго начала въ годичномъ его бытіи, оттого и произошло изображеніе женщины — олицетворенной природы — съ младенцемъ. Памятникомъ этому служитъ пѣсня:

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества.

Въ отношеніи семейственномъ этотъ праздникъ, кажется, имѣетъ также значеніе. Колядницы, ходящія подъ окнами въ Малороссіи, поютъ обрядныя пѣсни юношамъ и дѣвицамъ и всегда изображаютъ ихъ еще не знающими любви, но предвѣщаютъ имъ скорое знакомство съ этимъ чувствомъ. Такъ, юноша изображается съ аттрибутами молодца, на конѣ, на охотѣ или на войнѣ; нечаянно онъ находитъ себѣ дѣвицу и получаетъ ее то геройскою удалью, то прельщая красотою. Дѣвицѣ расхваливаютъ ея наряды, ея красоту, и говорятъ, что скоро сберутся къ ней князи и бояре (т.-е. женихи), будутъ искать любви ея, и, наконецъ, возьметъ доблестнѣйшій и красивѣйшій изъ всѣхъ юношей. По большей части гаданія, существенная часть праздника, относятся къ семейной связи. Дѣвушка хочетъ узнать своего суженаго, юноша свою будущую подругу. Къ такимъ принадлежитъ гаданье посредствомъ лошади: дѣвушки выводятъ коня и проводятъ его чрезъ бревно: ежели конь не зацѣпится, то мужъ у той, которая гадаетъ о себѣ, будетъ добрый, въ противномъ случаѣ — сердитый.

Гаданье посредствомъ кольца также древнее. Гаданье посредствомъ куръ, которыхъ заставляютъ пить воду, ѣсть хлѣбъ, брать кольца и т. п., сходно съ гаданьями римскихъ авгуровъ. Гаданье посредствомъ лучины, которую обмакиваютъ въ водѣ, зажигаютъ и, по скорому зажженію, заключаютъ о выгодномъ или невыгодномъ бракосочетаніи, имѣетъ соотношеніе съ языческимъ понятіемъ о бракосочетаніи огня съ водою. Всѣ эти гаданія исключительно семейныя. Очень вѣроятно, что въ язычествѣ на праздникѣ Коляды — рожденія солнца, — составлялся и хороводъ, котораго члены — юноши и дѣвицы — долженствовали на будущую весну своею любовію прославлять всеобщую любовь, выражаемую въ природѣ жизнью, а въ языческой миѳологіи — символическимъ бракосочетаніемъ царя-огня съ царицею-водицею.

Безъ малѣйшаго сомнѣнія, праздникъ Коляды имѣлъ важное значеніе въ земледѣльческомъ отношеніи. Обычаи щедровать и отчасти колядовать у малороссовъ преимущественно земледѣльческіе. Пѣвцы подъ окномъ прославляютъ обиліе и счастіе хозяина, говорятъ, что у него есть и пшеничный хлѣбъ, и кишки, и колбасы, и желаютъ ему такого же благоденствія на другой годъ. „Богъ тебе кличе! — говорится въ одной щедровкѣ; даетъ два лана жита, а третій пшеницы, а четвертый гречихи, а пятый овса“. Въ другой говорится, что Богъ любитъ хозяина, и когда онъ посѣетъ на будущій годъ хлѣбъ, то Богъ ниспошлетъ на ниву его дождь, который упадаетъ три раза въ маѣ, и на нивѣ уродится жито и пшеница, а хозяинъ, въ благодарность за хорошее желаніе, долженъ поставить пѣвцамъ меду и вина. У великоруссовъ хозяину желаютъ корысти въ домъ, а хозяйкѣ предвѣщаютъ, что она будетъ печь пироги, что значитъ принимать гостей. При святочныхъ подблюдныхъ пѣсняхъ всегда прежде всего воздается хвала хлѣбу:

Пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ.

Многія изъ гаданій относились къ урожаю въ будущемъ году, какъ и къ женитьбѣ. Гаданье посредствомъ соломины, которую берутъ, закинувъ голову, ртомъ изъ снопа и заключаютъ о счастіи, когда вынется соломина съ колосомъ, и о несчастіи, когда пустая, есть гаданье земледѣльческое.

Обычай посыпать зерном на Новый годъ, наблюдаемый въ Великой и Малой Россіи, сопряженъ съ большимъ торжествомъ, которое называется авсень у великоруссовъ, а у малороссіянъ щедрымъ вечеромъ. Этотъ праздникъ въ язычествѣ имѣлъ, вѣроятно, значеніе освященія зеренъ, приготовляемыхъ для посѣва. У малороссовъ поется при этомъ о святомъ Иліи, который носитъ плеть изъ жита, и гдѣ махнетъ ею, тамъ растетъ хлѣбъ. Подъ святымъ Иліею, вѣроятно, сокрылось другое языческое существо, которое могло быть не иное что, какъ Ладъ-свѣтъ, всеоживляющее, дарующее великое благо, начало, — Бѣлый Богъ, Свантовитъ, покровитель земледѣлія. *Костомаровъ.*

Святилища и обряды языческаго богослуженія славянъ.

Чувствуя силу природы, славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ божество и по ея дѣйствіямъ, были ли они благодѣтельны для него, или вредны, благословлялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. На землѣ божество жило, по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ, на небѣ — въ громѣ и молніи, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ и проч. О духахъ горъ, водъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣрья въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ.

Особенно было распространено поклоненіе божествамъ воды и огня.

Воду почитали славяне стихіей, изъ которой образовался міръ, и земля, по ихъ понятію, выплыла изъ моря, что видно изъ преданій, сохранившихся у разныхъ славянъ до нашего времени... Въ языческое время, поклоняясь воднымъ божествамъ, призывая ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, очищались водою, какъ стихіей священной, молились надъ водою, приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточные вѣнки, яства, деньги, пѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ творческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ; вѣря также, что имъ извѣстно было прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судьями. Воднымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія праздниствъ въ ихъ честь, для совершенія предъ ними

торжественнаго служенія и гаданій, съ нимъ соединенныхъ, [illegible]ло было особенно весною и среди лѣта. Съ вѣроятностію можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествамъ были особенныя мѣста у береговъ священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хотя отчасти, на понятіи древнихъ славянъ, что огонь, подобно водѣ, былъ первородной стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра.

Объ обожаніи огня славянами-язычниками мы имѣемъ извѣстія писателей арабскихъ. Древнее огнепоклоненіе указывается многими повѣрьями и обычаями славянъ современныхъ. Такъ всѣ славяне сохранили суевѣрную боязнь къ духамъ огня, огнянамъ, огневикамъ и т. п., являющимся въ видѣ огненныхъ людей, блуждающихъ огней, огненныхъ змѣевъ и проч. У всѣхъ славянъ есть вѣрованіе въ чистоту вновь возгнетаемаго огня (посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева), называемаго у русскихъ и у нѣкоторыхъ другихъ славянъ зничемъ или взничемъ (отъ нетити — нитити — возгнѣтать). У всѣхъ же славянъ есть что-то въ родѣ религіознаго уваженія къ очагу, какъ обиталищу духовъ, домовыхъ и пр.

Во всѣхъ земляхъ славянскихъ остается въ обычаѣ огневозжиганія въ полѣ почти вездѣ во время праздника Купала, а кой-гдѣ во время праздника Коляды и въ другое время; эти огневозжиганія соединены у многихъ славянъ съ перескакиваніемъ черезъ огонь — символъ очищенія огнемъ и съ обычаемъ жертвоприношеній огню. Во всѣхъ земляхъ славянскихъ остается также въ обычаѣ гаданія по пламени, углямъ, золѣ и т. п. У всѣхъ славянъ, отъ которыхъ уцѣлѣли памятники юридическіе или преданія, былъ въ обычаѣ судъ огнемъ и желѣзомъ: всѣ памятники, въ которыхъ упоминается о судѣ Божіемъ водою, говорятъ и о судѣ желѣзомъ. Древнѣйшее свидѣтельство о поклоненіи огню русскими читаемъ въ Словѣ Христолюбца: „И огневи молятся, зовуще его сварожичемъ, и огневи молятся подъ овиномъ". Другое древнее свидѣтельство о поклоненіи огню находимъ у Кирилла Туровскаго: „Уже бо не наречутся богомъ стихія, ни солнце, ни огнь". Огонь, какъ первосозданная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія, служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданій. Ему

молились — на очагѣ, подъ овиномъ у костра, ему приносили жертвы; его брали судіею при рѣшеніи дѣлъ, человѣку неясныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые праздники, каковы Колляда и Купало; ему посвящался особенный день — четвергъ, и служеніе ему предоставлялось жрецамъ. Горы, скалы и камни считались обиталищами божествъ, и потому не могли не быть почитаемы, какъ священныя мѣста богослуженія. „Не нарицайте себѣ бога въ каменіи", говорилъ русскій проповѣдникъ XII ст. Кириллъ, увѣщавая русскихъ, еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ Христовой, отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ. Божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы; къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее, и вершины горъ, скалы и камни были святилищами этого богослуженія. У горныхъ славянъ были жертвенники, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карпатахъ, Судетахъ, Исполиновыхъ горахъ и проч.

Лѣса, рощи и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ питали славяне, и сохранили отчасти донынѣ, чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ, поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ славянъ. О богослуженіи подъ деревьями у русскихъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный: „Приходя на островъ св. Георгія — говоритъ онъ — русскіе совершали жертвоприношеніе подъ большимъ дубомъ". Въ уставѣ Владимира о церковныхъ судахъ говорится о тѣхъ, кто молился въ „рощеніи", а въ житіи князя Константина Муромскаго читаемъ о поклоненіи „дуплинамъ деревяннымъ, вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе". Этотъ послѣдній обычай сохраняется до сихъ поръ въ Малороссіи, гдѣ на посвященныхъ дубахъ вѣшаютъ полотенца и мотки нитокъ, называя это приношеніями русалкамъ. Въ Густинской лѣтописи упоминается о жертвоприношеніяхъ рощеніямъ; а въ Ипатьевской лѣтописи — о служеніи около куста. И хотя уже Кириллъ Туровскій говорилъ, что „уже бо не нарекутся богомъ древеса", однако не только Духовный регламентъ запрещалъ „предъ дубомъ молитвы пѣть, но и до сихъ поръ народъ русскій разсказываетъ многое о духахъ, живущихъ въ лѣсахъ, о чудесахъ, тамъ происходящихъ, сохраняетъ благоговѣніе къ нѣкоторымъ

старымъ деревьямъ, и даже кое-какіе обычаи, напоминающіе о языческомъ лѣсномъ богослуженіи. Такъ, въ сказкахъ и заговорахъ говорится о „силѣ видимой-невидимой", живущей въ садахъ и лѣсахъ, о дубѣ мокрецкомъ, какъ о чемъ-то священномъ и пр. Семицкая пѣсня: „Подъ липою столъ стоитъ", какъ замѣтилъ уже Снегиревъ, намекаетъ на какой-то жертвенный обрядъ. Нѣкоторые изъ раскольниковъ совершаютъ свои обряды въ чащѣ лѣса, простой народъ вообще охотно вслушивается въ лѣсное ауканье, какъ въ голосъ судьбы. Ко всему этому прибавимъ еще, что въ рощахъ и лѣсахъ любили язычники-славяне хоронить мертвыхъ. Изо всего, что сказано выше о лѣсахъ и рощахъ, какъ святилищахъ, можно вывести слѣдующее: служеніе богамъ совершалось — или подъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, нерѣдко дуплистымъ, такъ что иногда мѣсто святилища было отгорожено кольями, иногда завѣшено тканями, брошенными на вѣтви, или около куста, или же въ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣляемы оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Совершеніе служенія поручалось жрецамъ, если не всегда и не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили яства, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ и на землѣ, славянинъ вѣрилъ, что все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благости божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло, по вѣрованію славянъ, жизнью каждаго человѣка. Славяне вѣровали въ дѣвъ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ славянъ и до сихъ поръ. Хорутане называютъ ихъ роженицами и разсказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженицу, которая предсказываетъ ему судьбу его. Русскіе славяне вѣрили также въ эти существа, называя ихъ рожаницами. „Молятся и роду и рожаницамъ", говоритъ одинъ христіанскій обличитель языческихъ вѣрованій. У всѣхъ славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе

въ предопредѣленіе Божіе. Русские говорятъ: „чему быть, тому не миновать; суженаго конемъ не объѣдешь“, или, какъ выражались прежде: „Ни хитру ни горазду суда Божія не минути“. Сербы говорятъ: „Отъ Божьей воли нельзя никуда уйти“. Славяне вѣрили, что боги и въ милости и въ гнѣвѣ предсказываютъ человѣку будущее сами, безъ его моленія, и различными знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать, ждать ли ему удачи въ дѣлѣ, или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій на солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ, на землѣ — во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у славянъ. „Вѣруемъ“, говоритъ Кириллъ, „въ дятловъ, въ воронъ и синицъ. Когда идемъ куда, и если которая впереди заиграетъ, то мы останавливаемся и слушаемъ: правая ли играетъ, или лѣвая? Если играетъ по нашей мысли, то мы говоримъ себѣ: добро намъ эта птица, доброе предвѣщаетъ она намъ. Если что на дорогѣ случится дурного, то говоримъ окружающимъ насъ: „а что, не воротиться ли?“ Когда отправляемся куда, заходимъ къ волхвамъ, вѣруемъ въ нихъ, въ встрѣчу, а когда идемъ въ долгій путь, мы слушаемъ птицу!“

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Все зависѣло отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва, все — и жизнь, и счастіе, и несчастіе человѣка; богами насылались бѣдствія, подобныя мору и голоду; богами казнились люди за неправоту, за нецѣломудріе и пр.

Въ мѣстахъ, освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ предъ лицомъ самого божества, нельзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а обращаясь къ Богу, молельщики выражали свое благоговѣніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленныя. Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Пѣніе было принадлежностью языческой религіи славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что „пѣвца добра милуютъ боги“, и что пѣвецъ Боянъ былъ внукомъ бога-солнца — Велеса.

Молитвы сопровождались жертвоприношеніями. Между ними нельзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ

жертвъ. Съ первыми соединялось или понятіе объ освященіи приносимаго, объ отрѣшеніи отъ него злыхъ божествъ, ему враждебныхъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, благому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хотя благомъ, но разгнѣванномъ и страшащемъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ оставалось грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго. Возношенія чаще всего были огнемъ и яствами. Обычаи разложенія огня сохранился до сихъ поръ у многихъ славянъ, не совсѣмъ забывшихъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды, или новогодія, и въ праздникъ Купала, или Креса, въ половинѣ года. Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію лѣтописцевъ, пламя возношенія горѣло постоянно: „Ему, какъ богу, жертву приносили и огонь неугасающій съ дубоваго дерева непрестанно палили“. Возношенія яствами были также обыкновенны: „Ты, Перунище, досыта ѣлъ и пилъ, а теперь плыви дальше“, говорилъ Перуну одинъ изъ его прежнихъ почитателей. „Кладутъ имъ требы, короваи имъ ломать, моленое то брашно дають и ядять, ставять кумирамъ трапезы“, сообщаетъ одно обличительное русское слово. Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Жертвы закланія возносимы были естественно въ честь божествъ во время празднествъ, имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивлять боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Что должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гаданіемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напримѣръ: быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвъ совершались гаданія, и при этомъ жрецъ для того, чтобы воодушевиться силою предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ. Но при-

несенія жертвы, часть ея иногда раздавали нищимъ, а остальное оставалось передъ идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо, какъ яства, на слѣдовавшемъ за тѣмъ пиршествѣ. Видно также, что жертвы могли приноситься и злому богу, враждебному людямъ. Во всякомъ случаѣ жертвозакланія имѣли двоякій характеръ: и характеръ освященія и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ чѣмъ-нибудь большимъ. Жертвы сожженія имѣли преимущественно характеръ дара богамъ; онѣ были вообще въ большомъ обычаѣ у славянъ. Самое слово жертва или жарнича происходитъ отъ жрѣти — сожигать. Было у славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у русскихъ, поляковъ и балтійскихъ славянъ; можно догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ славянскимъ народамъ. „Русскіе во время язычества, говоритъ нашъ лѣтописецъ, приводили дочерей своихъ и сыновей, приносили жертвы бѣсамъ, оскверняли землю требами своими и осквернилась кровью земля русская и холмъ тотъ“.

Гаданія составляли столь же необходимую принадлежность богослуженія славянскаго, какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою: раскрыть ему свою волю и его будущее, подать ему совѣтъ или повелѣніе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, оградить его рѣшимость своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинаніи зналъ напередъ, можетъ или не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, что божества и безъ воли человѣка раскрывали ему будущее.

Гадая о будущемъ, славянинъ-язычникъ допрашивалъ божество, во-первыхъ, о томъ, быть ли чему, или не быть, дѣлать ли ему что, или не дѣлать, — во-вторыхъ, о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно-то и было гаданьемъ по жребію. Распространенное во время язычества, оно и доселѣ составляетъ у простого народа славянскаго очень важную часть суевѣрій. Гаданія, въ понятіи язычниковъ-славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь

и частную и общественную. Гаданіемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось понынѣ. Помощью гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ семьѣ; въ городахъ избирали жениховъ для дѣвушекъ, и старожилы еще запомнятъ, какъ москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Николы Голстунскаго. Судъ по жребію былъ также обыченъ у славянъ, особенно судъ Божій. И здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ жребій имѣлъ религіозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданіемъ рѣшали предпріятія общественныя: походы и битвы, сухопутные и морскіе; гаданіемъ назначались дни богослужебныхъ празднествъ; гаданіемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ.

Срезневскій.

Борьба началъ свѣта и тьмы по воззрѣніямъ славянъ.

Въ своемъ младенчествѣ народъ такъ же мало понимаетъ все, что его окружаетъ, что происходитъ на землѣ и на небѣ, какъ ребенокъ то, что происходитъ въ домѣ его родителей и внѣ дома. Какъ ребенокъ чувствуетъ свою зависимость отъ старшихъ, его окружающихъ, такъ и народъ чувствуетъ свою зависимость отъ олицетворяемыхъ имъ явленій окружающей его природы. Нашъ простолюдинъ небо называетъ отцомъ-батюшкою, а землю — матушкой, кормилицей; въ сказкахъ нашихъ и пѣсняхъ часто вспоминается мать-сыра-земля. Небо, солнце, земля по представленію первобытнаго человѣка, грѣютъ, питаютъ, кормятъ народъ, хотя хлѣбъ добывалъ-то онъ собственнымъ трудомъ. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему приведетъ трудъ земледѣльца, когда земля недобрая, безплодная, когда солнце не будетъ грѣть вдоволь, а небо заупрямится, не смилуется надъ человѣкомъ, не пошлетъ благодатнаго дождика? За блага, даруемыя природой человѣку, народъ въ своемъ младенчествѣ любитъ ее, обожаетъ, поклоняется ей, какъ Богу, обращается къ ней въ своихъ нуждахъ, въ горѣ, въ болѣзни.

Небо, солнце, земля — эти силы природы казались славянамъ добрыми, благодатными богами.

Но не однѣ только добрыя благодѣтельныя силы видѣли предки наши въ природѣ: если бы одни только добрые боги владычествовали въ мірѣ, какъ доброе солнышко, откуда бы тогда взялись всѣ несчастія, постигающія человѣка: и голодъ, и холодъ, и болѣзнь, и смерть? Солнце, думали, доброе, не допуститъ человѣка голодать, значитъ есть въ мірѣ и въ природѣ злыя силы, злыя божества, навѣрное это они мѣшаютъ исполниться добрымъ желаніямъ бога-солнца; это они ниспосылаютъ стужу и всякія напасти на человѣка, разрушаютъ все то, что создано благотворными богами. Такимъ образомъ у славянъ, какъ и у всѣхъ младенческихъ народовъ, были боги добрые и злые.

И самые добрые боги, каково солнце, не всегда бываютъ милостивы къ людямъ: вѣдь и добрые люди подъ часъ прогнѣваются и творятъ зло. Солнце — творецъ урожая, податель пищи, покровитель всѣхъ бѣдныхъ и старыхъ, но, когда люди прогнѣваютъ доброе солнышко, оно шлетъ на землю свои огненныя стрѣлы, жгучіе палящіе лучи солнца, причиняющіе засуху, а съ ней голодъ и моръ. Солнце праведно: оно караетъ человѣка за всякую неправду, нечестіе.

Наши праотцы, видя солнце движущимся будто бы по небу, видѣли въ этомъ огненномъ шарѣ живое существо: имъ представлялось оно богомъ, выѣзжающимъ каждое утро изъ своего золотого дворца: выѣзжаетъ солнце-богъ въ своей свѣтозарной колесницѣ, запряженной бѣлыми огнедышущими конями, ѣдетъ по небу, откуда ниспосылаетъ оно на землю благодатное тепло и свѣтъ. При этомъ первобытному человѣку невольно приходили въ голову вопросы: „Какъ идетъ солнце по небу? Отчего нѣтъ пыли на его дорогѣ? Отчего не скатится солнце внизъ съ своего небеснаго пути?“

Утренняя и вечерняя заря представлялись двумя божественными сестрами, которыя постоянно находятся при солнцѣ, этомъ свѣтломъ божествѣ дня, и прислуживаютъ ему. Утренняя заря предшествуетъ солнцу, выводитъ за небесный сводъ его бѣлыхъ коней и яркими стрѣловидными лучами солнца поражаетъ мракъ и туманы ночи, развѣваетъ ихъ; вечерняя заря принимаетъ ослѣпительно-бѣлыхъ коней солнца, когда оно, совершивши свой дневной поѣздъ, скрывается на западѣ за горизонтомъ.

Показываясь раннимъ утромъ на краю неба, одѣтаго темною ночною пеленою, солнце казалось нашимъ далекимъ предкамъ

какъ бы рождающимся изъ тьмы, и, наоборотъ, когда солнце заходило вечеромъ, оно казалось умирающимъ. Прошло много вѣковъ, прежде чѣмъ убѣдились, что одно и то же солнце должно восходить ежедневно, и что, удалившись отъ земли во время холодной зимы, оно не покинетъ ея никогда, а опять приблизится къ землѣ и принесетъ съ собой весну и лѣто.

Согласно поэтическимъ воззрѣніямъ славянъ на природу, на небѣ постоянно происходила борьба между свѣтлыми божествами, какъ солнце, гроза, и другими, враждебными имъ, темными, злыми божествами, какъ облака, омрачающія ясное небо. Каждый разъ, когда эти свѣтлыя и темныя божества вступали въ борьбу, первобытные, младенческіе народы мучились сомнѣніями и вопросами: „Чѣмъ можетъ кончиться эта борьба? Не скроется ли уже солнце навсегда и перестанетъ грѣть и свѣтить землѣ? Что станется тогда съ людьми? Или же солнце выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы съ темными силами и опять покажется на небосклонѣ? Да и то же ли будетъ это солнце, или замѣнитъ его какое-нибудь новое“?

Такъ думали и тревожились наши отдаленные предки каждый разъ при наступленіи ночи или зимы. Зато какъ велика была ихъ радость при наступленіи каждой весны! Сколько веселья, пѣсенъ и радостей приносила она! Какими шумными, торжественными праздниками привѣтствовалось возрожденіе весны!

Младенческіе народы, простодушные еще, какъ дѣти, заставляли своихъ боговъ творить на небѣ то же, что дѣлалось на землѣ: вѣдь ссорятся же и враждуютъ между собою люди, отчего же не ссориться самимъ богамъ, когда они являлись воображенію народа въ человѣческомъ образѣ? Къ тому же наши предки думали объяснить себѣ такимъ образомъ, этой вѣчной враждой и борьбой боговъ свѣта и тьмы, непонятныя еще въ то время явленія природы, каковы смѣна дня и ночи, смѣна временъ года и проч.

День и ночь представлялись въ воображеніи нашихъ предковъ въ постоянной враждѣ; народная загадка называетъ день и ночь раздорниками, т.-е. ссорящимися. „Кои два супостата препираются?“ спрашиваетъ старинная народная загадка, и тутъ же сама отвѣчаетъ: „День и ночь“.

Они постоянно враждуютъ и сражаются, то день, то ночь побѣждаетъ. Одолѣвая въ вечернюю пору своего противника, ночь налагаетъ на него свои оковы, день лежитъ связаннымъ

плѣнникомъ и не можетъ до утра показываться людямъ на глаза, пока не разорветъ наложенныхъ на него тьмою цѣпей.

Та же борьба, какая видѣлась нашимъ предкамъ при ежедневной смѣнѣ дня и ночи, видѣлась имъ и въ смѣнѣ лѣта и зимы. Когда, съ приходомъ весны, снова раздавались удары грома, умолкавшие на зиму, то въ этихъ раскатахъ грома слышались нашимъ предкамъ удары, наносимые Перуномъ, богомъ грома и молніи, тучамъ, этимъ демонамъ, злымъ богамъ: въ молніяхъ видѣлся блескъ несокрушимой палицы Перуна и его летучихъ стрѣлъ, въ шумѣ бури слышались воинственные клики сражающихся. Грозныя и мрачныя тучи надвигались на небо и закрывали собой красное солнышко — это, должно-быть, злыя, враждебныя ему существа брали его въ плѣнъ и удерживали въ своихъ затворахъ въ плѣну золотые лучи солнца. Чѣмъ долѣе оставались на небѣ тучи, тѣмъ долѣе продолжалось ихъ движеніе, тѣмъ страшнѣе становилось за солнце.

Лунныя и солнечныя затменія предки наши объясняли себѣ по-своему тѣмъ, что свѣтила небесныя во время затменія находятся въ пасти чудовищъ, собирающихся поглотить солнце и луну; поэтому во время затменія старались производить всѣми возможными мѣрами шумъ, думая, что чудовища испугаются и выронятъ изъ пасти свою добычу. „Погибло, съѣдается солнце!“ — вотъ что восклицали наши предки при видѣ солнечнаго затменія. И теперь, во время затменій солнца или луны, крестьяне, чтобы прогнать злыхъ боговъ, пожирающихъ небесныя свѣтила, бѣгаютъ по деревнямъ и селамъ съ бѣшенымъ крикомъ и гамомъ; чтобы еще больше напугать нечистую силу, ударяютъ они въ бубны, тазы, сковороды и чугунныя доски, бренчатъ колокольчиками и бубенчиками, хлопаютъ бичами и стрѣляютъ изъ ружей; а пройдетъ часъ затменія, и вотъ радуются крестьяне, въ полной увѣренности, что не даромъ кричали да шумѣли, прогнали таки нечистую силу.

Славяне вѣрили, что въ громѣ и молніи живетъ и дѣйствуетъ сила бога Перуна, который считался главнымъ изъ боговъ. Его представляли себѣ наши предки разъѣзжающимъ по небу въ пламенной колесницѣ, запряженной крылатыми огнедышущими конями. Старинная русская поговорка: „Ѣдетъ божокъ съ перищемъ, стучитъ колесомъ“, указываетъ на то, что въ раскатахъ грома, дѣйствительно, представлялся нашимъ предкамъ поѣздъ бога-громовника. перище — это страшное оружіе, ко-

торымъ какъ понималъ народъ бога грома и молній или его страшные удары. Перунъ являлся въ воображеніи народа вооруженнымъ палицей или лукомъ и огненными стрѣлами. Какъ солнечные лучи представлялись стрѣлами бога-солнца, которыми оно гонитъ поутру ночь, разсѣваетъ туманы и разбиваетъ при началѣ весны льды и снѣга, такъ и молніи казались стрѣлами бога-громовника. Какъ молніи представлялись славянамъ молненосными стрѣлами Перуна, такъ радуга являлась въ воображеніи народа огненнымъ лукомъ, съ котораго пускались стрѣлы Перуномъ. До сихъ поръ говорятъ въ народѣ: „Ахъ ты радуга-дуга, ты убей мужика“. Такъ-то смотрѣли славяне на явленія грома и молніи. И что же, въ самомъ дѣлѣ, развѣ не напоминаютъ намъ раскаты грома грохотъ быстро ѣдущей колесницы и топотъ съ копытъ быстрыхъ коней? Развѣ быстрота молніи не напоминаетъ быстроту, съ какою летитъ пущенная съ лука стрѣла? Грохотъ грома и вой бури во время грозы не напоминаютъ ли намъ свистъ летящей стрѣлы, шумъ копья, брошеннаго сильною рукою? Страшные удары молніи, производящіе убійства и пожары, не такъ же ли ужасны, какъ на смерть поражающее остріе стрѣлы или копья? И теперь еще поселяне наши, заслышавъ перекаты грома, думаютъ, что это Илья пророкъ ѣдетъ по небу въ огненной колесницѣ: отъ грохота ея колесъ и происходитъ слышимый нами громъ.

Какъ солнце представлялось нашимъ праотцамъ въ вѣчной борьбѣ съ демонами, темными, нечистыми силами, враждебными свѣту, такъ и богъ-громовникъ. Не даромъ этотъ богъ-громовержецъ представлялся въ воображеніи народа вооруженнымъ огненными стрѣлами или копьями, молотомъ, палицей или огненнымъ мечомъ. А то какъ могъ бы богъ громовникъ вести борьбу съ великанами тучъ и зимнихъ тумановъ? А поражая ихъ своимъ оружіемъ, онъ низводитъ на жаждущую землю дождевые потоки и даетъ просторъ ясному солнцу. Вѣдь это они, эти мрачные демоны тучъ, производятъ все зло въ природѣ. Не они ли похищаютъ въ знойные дни лѣта дождевыя облака и порождаютъ губительную засуху? Не они ли скрываютъ золотые солнечные лучи въ темныхъ пещерахъ тучъ? А чья же это работа, какъ не этихъ злыхъ, враждебныхъ людямъ демоновъ, что въ теченіе всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ воды сковываются льдами, дождь не орошаетъ земли, и блескъ солнца омрачается туманами? Да въ это безотрадное время и лучшіе демоны не

сияать безъ дѣла, тогда-то они и строятъ въ небѣ крѣпкие города и заключаютъ въ нихъ плѣненныя и скованныя дождевыя облака и золотые солнечные лучи. Но не долго торжествовать вамъ свою побѣду! Вотъ ужъ скоро настанетъ весна, и тогда выступитъ во всей своей силѣ и во всемъ блескѣ своего мѣткаго оружія могучій Перунъ, своей палицей разобьетъ онъ воздвигнутые вами въ небесахъ укрѣпленные города, пробуравитъ облачныя скалы и прольетъ скрытыя въ нихъ благодатныя воды на томимыя мучительной жаждой поля, и снова загорится ослѣпительнымъ блескомъ свѣтильникъ солнца.

Такимъ-то образомъ происходитъ вѣчная вражда между богомъ-громовникомъ и злыми губительными демонами тучъ, и каждый разъ, послѣ каждаго пораженія ихъ, они возстаютъ съ новою силою и снова вызываютъ на бой Перуна. Хорошо еще, что у Перуна есть вѣрные и дружные помощники, какъ, напримѣръ, вѣтры, которые помогаютъ ему въ этой непрекращаемой борьбѣ съ безчисленными полчищами облачныхъ демоновъ. А демоны эти вѣдь всѣ чудовищные великаны и драконы, огромнѣйшие змѣи, и что мудренаго въ томъ, что не справиться бы, пожалуй, съ ними Перуну одному. Въ раскатахъ грома слышится стукъ небеснаго оружія, въ воѣ бури звуки военныхъ роговъ и клики сражающихся, а въ блескѣ молніи свѣтятся искры отъ ударовъ мечей.

Когда наставала весна и приводила съ собой дождевыя тучи, когда раздавались удары грома и сверкали молніи, предки наши привѣтствовали появленіе ихъ военными играми, воинственными кликами и стукомъ оружія; всѣмъ этимъ они старались подражать тѣмъ дѣйствіямъ грозы, которыя усматривали на небѣ: во всемъ этомъ изображалась борьба бога-громовника съ демонами-тучами. До сихъ поръ сохранилось у славянъ повѣрье, что нечистые духи и вѣдьмы боятся звона колоколовъ, который напоминаетъ имъ удары грома, и вотъ, заслышавъ звонъ колоколовъ, черти улетаютъ какъ можно дальше. Если звонъ застигнетъ ихъ вблизи, то охватываетъ своими звуками, какъ волнами и вертитъ въ страшномъ вихрѣ словно легкую ладью, попавшую въ стремительный водоворотъ.

Поэтому въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ во время грозы звонятъ въ колокола и стрѣляютъ изъ ружей, чтобъ разогнать чертей, которые угрожаютъ людямъ бурею и опустошеніемъ. Народъ нашъ и нынѣ увѣренъ въ томъ, что во время

грозы разъѣзжаетъ по небу въ огненной [illegible] и преслѣдуетъ молненосными стрѣлами діавола. Народъ и теперь считаетъ молнію за стрѣлу, которую бросаетъ Илья пророкъ въ змѣя или діавола, который, какъ только завидитъ молнію, тотчасъ прячется отъ нея, нерѣдко въ косматыхъ животныхъ, каковы кошка, собака. Поэтому поселяне наши во время грозы выгоняютъ изъ избы кошекъ и собакъ, чтобы избѣгнуть удара отъ небеснаго пламени. Но не укрыться діаволу нигдѣ отъ преслѣдованія: находитъ-таки его вездѣ и поражаетъ на смерть небесная стрѣла. Мѣстами у насъ народъ вѣритъ, что Илья-пророкъ побиваетъ нечистыхъ діаволовъ каменными стрѣлами, и что на мѣстѣ пожара, произведеннаго ударомъ молніи, и вообще послѣ грозы, можно находить чудесную громовую стрѣлку. По этому повѣрью, стрѣлы громовыя, когда выпадаютъ изъ тучъ, входятъ далеко въ глубь земли, а тогда черезъ три или черезъ семь лѣтъ, возвращаются на поверхность земли въ видѣ чернаго или сѣраго продолговатаго камешка.

Наши простолюдины вѣрятъ, что человѣкъ, убитый громомъ, очищается отъ своихъ грѣховъ, потому что бываетъ невинною жертвою укрывшагося за нимъ діавола, а діаволъ не дуракъ и не спроста прячется за человѣкомъ: знаетъ онъ, что человѣка-то Богъ любитъ, но изъ-за діавола Богъ и человѣка подъ часъ не пожалѣетъ. Славяне вообще убѣждены, что молнія, эта стрѣла Божія, всегда бьетъ въ то мѣсто, гдѣ бываетъ діаволъ.

Боязливые и набожные хозяева во время грозы опрокидываютъ горшки, кадки, вообще порожнюю утварь, и затворяютъ двери и окна, чтобы злые духи, гонимые молненосными стрѣлами бога-громовника, не спрятались въ избѣ и не привлекли громового удара.

Аѳанасьевъ.

О поэзіи.

Поэзія есть выраженіе духа человѣческаго во всѣхъ его проявленіяхъ, не простой вымыселъ безъ всякаго отношенія къ дѣйствительному міру, сухое, голое отвлеченіе, не рабское изображеніе дѣйствительности, напротивъ, она есть отраже-

ное сочетаніе идеальнаго съ дѣйствительнымъ, вѣрнѣйшее осуществленіе идеи изящнаго въ прекраснѣйшей, приличнѣйшей ей формѣ, такъ сказать ея очувствленіе: она — творчество по глубокому уразумѣнію силы внутренняго съ внѣшнимъ его образомъ, творчество по идеаламъ, отъ вѣка существующимъ, присущимъ всѣмъ временамъ и народамъ, гармоническое соединеніе духа и матеріи. Она истинное изображеніе жизни въ ея дѣйствительности, жизни, коей всякое біеніе уловлено, схваченъ внутренній, настоящій смыслъ каждой ея части, проявленъ въ формахъ, вполнѣ ее выражающихъ безъ педантизма, мелкой точности въ частностяхъ, легко добавляемыхъ при полной передачѣ главнаго, существеннаго. Но родъ человѣческій слагается изъ народовъ, изъ коихъ всякій имѣетъ свою поэзію, потому что поэзія прирождена народу: народъ, какого бы племени онъ ни былъ, вовсе безъ поэзіи быть не можетъ. Такое явленіе не въ природѣ вещей; такой безпоэтичный народъ несбыточное дѣло; это не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ. Отсюда у каждаго народа есть ему одному только свойственная поэзія, какъ плодъ внутренняго его творчества, его поэтической способности. Эта его поэзія, по тому самому, что составляя произведеніе его, непремѣнно и прежде всего должна быть отпечаткомъ его жизненнаго бытія, отголоскомъ всѣхъ его сотрясеній, являться въ томъ или иномъ видѣ, смотря по ходу судьбы народа, его жизни, положенія, обстоятельствъ, — слѣдовательно безпристрастно отражать внутреннюю и лицевую сторону существованія его, быть своенародною, своевременною. Будучи народной, она не перестаетъ быть изящной; изящное никогда не измѣнно: оно всегда и вездѣ равно самому себѣ, одинаково. Истинно изящное доступно и понятно всѣмъ вѣкамъ и народамъ и можетъ быть оцѣнено всѣми по своему достоинству. Всѣ народы согласно признаютъ одинъ и тотъ же предметъ прекраснымъ, изящнымъ, потому что въ духѣ нашемъ существуетъ первообразъ красоты, что идея изящнаго — неотъемлемая принадлежность всего человѣчества, оно равное производитъ впечатлѣніе и на грубыхъ, дикихъ народовъ и на самыхъ просвѣщенныхъ. Только форма проявленія изящнаго до безконечности разнообразна: нимало не измѣняя сущности его, народъ облекаетъ прекрасное согласно своимъ понятіямъ о немъ, согласно степени своего эстетическаго образованія.

Въ такомъ или другомъ взглядѣ народа на изящное, въ той или иной формѣ облеченія, осуществляется, заключается оригинальность творчества, самостоятельность всякаго искусства. Оттого поэзія необходимо должна имѣть на себѣ печать того народа, коему принадлежитъ, печать яркую, неизгладимую; оттого тѣ только поэтическія произведенія истинно изящны, кои, будучи свободнымъ плодомъ творчества человѣческаго духа, со всѣхъ сторонъ выражая идею изящнаго, отлиты въ типы самобытные, свойственные тому народу, къ которому относятся, отражаютъ въ себѣ, какъ въ кристалловидной поверхности воды, этотъ народъ, со всѣми его свойствами, похвальными качествами и недостатками, представляютъ собою полную картину, вѣрнѣйшій отпечатокъ, самый правдивый образъ его жизни, его судебъ въ данную эпоху бытія его. Такая поэзія будетъ въ высочайшей степени изящною, оригинальною поэзіей жизни, ей будутъ сочувствовать, ее поймутъ и оцѣнятъ не отдѣльные любители, не одни только записные знатоки изящнаго, но цѣлыя націи, цѣлые народы, все человѣчество.

Бодянскій

Значеніе народной поэзіи.

Пѣсня, сказка, поэтическое преданіе старины дороги народу не потому только, что забавляютъ въ досужее время, даютъ пищу праздному воображенію, ласкаютъ слухъ складными звуками — словомъ, не потому, чтобы народъ находилъ въ произведеніяхъ своей безыскусственной поэзіи удовлетвореніе только однимъ эстетическимъ стремленіямъ и позывамъ. Въ этихъ произведеніяхъ онъ чувствуетъ какъ бы дополненіе всему нравственному существу своему, потому что они сроднились въ его сердцѣ со всѣми лучшими, задушевными его помыслами, мечтами и вѣрованіями, потому что въ нихъ находитъ онъ уже готовое выраженіе тѣхъ сокровенныхъ душевныхъ началъ, которыя ему самому становятся доступны и ясны только въ этой внѣшней, уже установившейся, окрѣпшей формѣ. Это его старина и преданія, изъ которыхъ сложились первыя основы его нравственной физіономіи. Это — духовная собственность всѣхъ и каждаго. Кто поетъ пѣсню или разсказываетъ сказку, тотъ отъ и вѣритъ... какъ

литературная собственность, потому что онъ и самъ придумалъ бы и сказалъ бы точно такъ же, если бъ старина не послужилась ему готовымъ выраженіемъ. Поэтическое творчество цѣлыхъ массъ или поколѣній и творчество отдѣльной личности сливаются въ этомъ всеохватывающемъ широкомъ потокѣ народной поэзіи. Пѣвецъ или разсказчикъ что-нибудь иногда прибавитъ и отъ себя, но такъ, что ни онъ самъ того не замѣтитъ, ни другіе, точно такъ, какъ отъ избытка сердца слагается новое слово, мѣткое и бойкое, совершенно свѣжее, но уже изъ готовыхъ въ языкѣ этимологическихъ данныхъ.

Вдумываясь глубже въ общій смыслъ народной поэзіи, мы должны признать за нею высокое значеніе. Она сопутствуетъ народамъ на тяжеломъ историческомъ поприщѣ и, вѣчно юная и свѣжая, постоянно питаетъ въ нихъ высокія стремленія въ область идеи, она убѣждаетъ всякаго, что поэтическое настроеніе есть одна изъ необходимѣйшихъ, непреходящихъ потребностей духовной жизни, какое бы направленіе въ теченіе вѣковъ она ни получала, хотя бы даже исключительно практическое.

Если бъ народная поэзія ограничивалась одними эстетическими интересами, она бы давно уже изсякла въ своихъ источникахъ, она бы съ теченіемъ вѣковъ пропала; но какъ старина и преданіе, какъ вѣрованіе и обычай, она выше всякаго вымысла, питающаго только праздное эстетическое чувство; она внѣ всякаго подозрѣнія въ неправдѣ и обманѣ. Хотя и говорится въ народѣ, что сказка — складка, а пѣсня — быль, но это потому только, что замышленіе большей части сказокъ относится къ такой отдаленной эпохѣ, что народъ не успѣлъ удержать ихъ въ формѣ былины и уже передаетъ ихъ не въ связной формѣ стиха, а въ болѣе свободной, позднѣйшей формѣ, прозаической. Художественная правда сказокъ — если можно такъ выразиться — основывается на томъ, что почти всѣ онѣ у народовъ индо-европейскихъ поражаютъ изслѣдователя удивительнымъ сродствомъ. Сущая неправда, безсмысленная ложь, не могла бы пронестись на разстояніи вѣковъ по многимъ народамъ и племенамъ общимъ согласіемъ въ главныхъ мотивахъ сказочнаго преданія, не могла бы такъ твердо окрѣпнуть въ національности каждаго.

Буслаевъ.

Значеніе народныхъ пѣсенъ.

Поэзія есть принадлежность человѣка; безъ нея онъ не можетъ дышать. Минуты, въ которыя человѣкъ находится въ поэтическомъ настроеніи — суть тѣ минуты, когда онъ возвышается надъ повседневною сферою бытія и высказывается невольно, неосмотрительно. Истинная поэзія не допускаетъ лжи и притворства; минуты поэзіи — минуты творчества; его пѣсни — произведенія его чувства — не лгутъ; онѣ рождаются и образуются тогда, когда народъ не носитъ маски. Онъ самъ сознаетъ это: die Sache lebt im Gesang, говоритъ нѣмецъ; пѣсня — быль, скажетъ русскій. Въ самомъ дѣлѣ, народная пѣсня имѣетъ преимущество надъ всѣми сочиненіями: пѣсня выражаетъ чувства невыученныя, движенія души непритворныя, понятія незанятыя. Народъ является въ ней такимъ, какимъ есть: пѣсня — истина. Есть другое, столь же важное достоинство народной поэзіи: ея всеобщность. Никто не скажетъ, когда и кто сочинилъ такую-то пѣсню. Она выливается цѣлою массою; всякій, кто ее поетъ, какъ будто считаетъ ее собственное произведеніе. Нигдѣ не является народъ такимъ единымъ лицомъ, какъ въ этихъ звукахъ души своей, слѣдовательно, ни въ чемъ такъ не высказываетъ своего характера.

Вообще по важности для дѣеписателя пѣсни могутъ быть разсматриваемы въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1) Какъ лѣтописи событій, источники для внѣшней исторіи, по которымъ историкъ будетъ узнавать и объяснять происшествія минувшихъ временъ. Въ этомъ отношеніи достоинство пѣсенъ еще не такъ велико; во-первыхъ потому, что сюда принадлежатъ только такъ называемыя историческія пѣсни, во-вторыхъ потому, что цвѣты фантазіи часто закрываютъ истину.

2) Какъ изображенія народнаго быта, источники для внутренней исторіи, по которымъ историкъ могъ бы судить объ устройствѣ общественномъ, о семейномъ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ и т. п. Въ этомъ отношеніи пѣсни имѣютъ уже большее достоинство, но представляютъ также недостатки именно потому, что тѣ черты, которыхъ будетъ искать историкъ, являются часто темными, отрывочно и требуютъ пополненія и критики.

3) Какъ предметъ филологическаго изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи пѣсни для историка драгоцѣнность; значеніе ихъ здѣсь частно и касается преимущественно исторіи развитія языка, а не вообще народа.

4) Какъ памятники воззрѣнія народа самого на себя и на все окружающее. Это самое важнѣйшее и непреложное достоинство пѣсенъ. Здѣсь не нужно даже никакой критики, лишь бы пѣсня была народнаго произведенія. Жизнь со всѣми ея явленіями, истекаетъ изъ внутренняго самовоззрѣнія человѣческаго существа. На этомъ основывается то, что мы называемъ характеромъ: особенный взглядъ на вещи, который имѣетъ какъ всякій человѣкъ, такъ и всякій народъ.

Костомаровъ.

Природа въ поэзіи.

Человѣкъ, живя на землѣ, имѣетъ самую тѣсную связь съ физическимъ міромъ, къ которому принадлежитъ половиною своего двойственнаго бытія. Оттого существованіе каждаго народа условливается мѣстностію и качествами окружающей его природы. Оттого въ пѣсняхъ народныхъ видна природа тѣхъ странъ, гдѣ народъ жилъ; изъ нихъ можно узнать, въ какой степени онъ былъ въ связи съ природою, и какія формы принимало человѣческое сочувствіе въ природѣ. И сѣверъ, и югъ, и вершины горъ, и рыбы морей, и всѣ произведенія разнообразныхъ климатовъ, рисуются въ народныхъ пѣсняхъ. Пѣсни финна переносятъ насъ въ низенькія избы, закиданныя сугробами; при свѣтѣ очага собирается веселая семья разсказывать и пѣть. На дворѣ свищетъ буря, вьется вьюга, вдали воютъ голодные волки, а между тѣмъ въ скромномъ и тепломъ уголкѣ вы слышите о чудесахъ заморскихъ странъ, о подвигахъ старыхъ героевъ. Шотландецъ поетъ о своихъ ясныхъ озерахъ, о пропастяхъ и водяныхъ, о дикихъ ланяхъ, жителяхъ рощъ, объ уныломъ плескѣ волнъ на утесистые берега. Грека вы увидите сидящаго подъ оливою, на закатѣ горнаго солнца, въ кругу добраго семейства: въ воображеніи его славный въ подлунной Олимпъ, струящій 62 ключа; съ неимовѣрною легкостью бросается юноша на хребетъ моря, раскидываетъ могучія руки, какъ весла, грудь его становится кормиломъ, въ челнъ обращается легкое тѣло. Думы украин-

скія заносятъ ваше воображеніе „на степи оріанівськи", на необозримыя равнины, выжженныя пожарами; взоръ вашъ манитъ безпредѣльность, раздолье; дыханіе расширяется отъ свободнаго вѣтра пустыни. Печальныя могилы — остатки неизвѣстной старины, темные лѣса, гладкія степи, быстрыя воды, Днѣпръ широкій, буйный вѣтеръ, „яры глыбокіи", смутная чайка, вѣщая „зозуля, сизокрылы орлы", кречеты, летящіе въ туманѣ, который палъ на долину и разостлался по всему полю — вотъ образы, сопровождающіе степную жизнь казака. Пѣсни семейныя окружаютъ васъ другими картинами: „вишневый садокъ", цвѣтущая „яблоня", луговi верби, червона калина, очаровательный блескъ мѣсяца, пѣсни соловья, отряхивающаго раннюю росу съ кустарниковъ.

Не одними только изображеніями ограничивается все понятіе народа о природѣ. Предметы природы, часто встрѣчаемые, не интересуютъ народнаго воображенія потому только, что глазъ безпрестанно видитъ ихъ. Надобно, чтобы они существовали въ полномъ смыслѣ этого слова; народъ ищетъ въ нихъ жизни, а не призраковъ, хочетъ съ ними сообщаться не только тѣлесно, но и духовно. Физическая природа проникнута творческою идеею, согрѣта божественною любовью, облечена въ формы совершенства. Каждое явленіе въ ней не случайно, но имѣетъ свой законъ, открываемый духомъ. Въ природѣ заключается для человѣка значеніе, применительное къ его собственному существу; человѣкъ видитъ въ окружающихъ его предметахъ не одну грубую безжизненную матерію: напротивъ, какъ бы ни удалено казалось отъ его существа какое-нибудь произведеніе родной планеты, — въ человѣкѣ есть тайное око, которое видитъ, что и грубая матерія имѣетъ связь съ духовнымъ существомъ; есть тайный голосъ, который указываетъ, въ чемъ состоитъ эта связь. Есть это сознаніе духовнаго въ тѣлесномъ и составляетъ основу всего прекраснаго въ искусствѣ. Оно есть признакъ гармоніи и любви, существующей между Творцемъ и его твореніями. Человѣкъ способенъ любить только духъ; тѣлесное само по себѣ не доступно его сердцу.

На этомъ-то свойствѣ человѣческой природы народъ мало того что вноситъ въ свои произведенія образы физической природы, — онъ оживляетъ ее, природа получаетъ въ его глазахъ разумное бытіе. Такимъ образомъ предметъ тѣлесный

входя въ произведенія народной поэзіи, получаетъ въ ней духовное значеніе, которое является въ формѣ примѣненія къ быту нравственнаго существа: это называется въ обширномъ смыслѣ символомъ. Понятіе о символѣ не должно смѣшивать ни съ образомъ, ни съ аллегоріей, ни съ сравненіемъ: все это формы, въ которыхъ высказывается символъ. Всякое поэтическое сравненіе необходимо должно опираться на символъ; иначе будетъ только игрою словъ, обманчивымъ видѣніемъ и пролетитъ мимо насъ безплодно, не западая ни на минуту въ сердце. Если поэтъ сравниваетъ красавицу съ розою или удальца съ соколомъ — не въ правѣ ли мы спросить его: на чемъ основываетъ онъ сближеніе существъ, столь разнородныхъ? Есть, слѣдовательно, тайная связь между ними: одна и та же идея проявляется и въ мірѣ человѣческомъ и въ мірѣ природы. Если народъ имѣетъ опредѣленное понятіе о духовномъ значеніи какого-нибудь предмета физическаго міра, то это значитъ, что такой предметъ заключаетъ символъ для народа.

Костомаровъ.

Отношеніе европейскихъ народовъ къ народной поэзіи.

У всѣхъ европейскихъ народовъ видна любовь къ народности, уваженіе къ народной поэзіи. Вездѣ собирали народныя пѣсни, объясняли ихъ, подражали имъ, вездѣ народность — и въ наукѣ и въ словесности нашла себѣ представителей. Англійскіе поэты Вальтеръ Скоттъ и Томасъ Муръ черпали изъ народныхъ пѣсенъ вдохновеніе для своихъ поэтическихъ созданій. Всеобъемлющая лира Гёте въ лучшихъ своихъ пѣснопѣніяхъ настраивалась подъ ладъ старонѣмецкихъ „лидовъ“, баллады Уландовы такъ близки къ своему источнику, что замѣняютъ для народа прежнія, его собственныя произведенія. Множество важныхъ трудовъ посвящено изученію, разработкѣ и изданію народности. Собранія старинныхъ англійскихъ поэтическихъ произведеній, изданныя Перси, много доказали, какъ важны пѣсни народныя для исторіи и литературы. Четырехтомная исторія англійской поэзіи Вартона служитъ примѣромъ того, какъ люди ученые цѣнятъ народное достояніе. Не менѣе важны труды Эллерса, Ритсона и

другихъ. „Древнія баллады“ Джемсона и „Народныя пѣсни Бордеровъ“ Вальтеръ Скотта можно поставить примѣрами отличнѣйшихъ сборниковъ. Въ послѣднемъ сочиненіи превосходно разсмотрѣна исторія Бордеровъ съ примѣненіемъ къ народнымъ остаткамъ и показаны суевѣрія народныя, наводящія притомъ на яснѣйшія точки возрѣнія относительно повѣрій и миѳологіи европейскихъ народовъ. Въ Германіи замѣчательны труды Герреса, Брентана, Ерлаха. Новое изданіе нѣмецкихъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія подтверждаетъ то всеобщее вниманіе, какое оказываютъ къ народной поэзіи германцы. Не ограничиваясь разработкою отечественныхъ матеріаловъ, они занимались и поэзіею другихъ народовъ: такъ Гриммъ, Бюшингъ и Вольфъ познакомили нѣмецкую публику съ народными произведеніями скандинавскихъ, славянскихъ и романскихъ племенъ. Предъ всѣми народами нѣмцы могутъ похвалиться своимъ безсмертнымъ Гердеромъ, который нанесъ рѣшительный ударъ прежнимъ мнѣніямъ и водрузилъ на незыблемомъ основаніи знамя народности. Французы, сбросившіе позже иго классицизма, долго упорствовали въ ложныхъ и уродливыхъ понятіяхъ о романтизмѣ, — но они могутъ представить изъ числа своихъ ученыхъ такихъ, которые оказали услуги народности: Форвель, собиратель греческихъ пѣсенъ, Амперъ, Марье, Генрихъ, Бавазъ, Шарль Нодье и другіе. Испанцы еще въ XVI вѣкѣ имѣли собраніе своихъ народныхъ произведеній. Въ Швейцаріи, Швеціи и Даніи ученые также занимались этимъ предметомъ. Пѣсни славянскихъ народовъ были издаваемы нѣсколько разъ; но богатство матеріаловъ столь велико, что еще слишкомъ много нужно труда, дабы достичь того, что имѣютъ германскіе народы. У сербовъ есть прекрасный сборникъ пѣсенъ Вука Стефановича; словаки имѣютъ Коллара, поляки — Войцицкаго. Великорусскихъ пѣсенниковъ Сахаровъ насчитываетъ 120. Но преимущественно важны для насъ труды этого почтеннаго собирателя. Такимъ образомъ почти вездѣ занимались народностью.

[illegible]

Періоды въ развитіи народной словесности.

Развитіе и характеръ произведеній устной словесности вполнѣ соотвѣтствуетъ постепенному развитію народа, въ которомъ замѣчаютъ три періода: миѳическій, героическій и историческій.

Миѳическимъ называется самый древній, первоначальный періодъ народной жизни, когда создаются миѳы, т.-е. сказанія, въ которыхъ народы изображаютъ происхожденіе, характеръ и дѣятельность боговъ, а также происхожденіе міра и людей. Совокупность этихъ сказаній составляетъ миѳологію, выражающую религіозныя вѣрованія народа. Первоначальная основа миѳовъ всѣхъ народовъ заключается въ естественной, прирожденной человѣку, идеѣ о Существѣ Высшемъ, которая раскрывается въ человѣкѣ подъ вліяніемъ окружающихъ его явленій природы и разныхъ условій его быта, и потому въ выраженіи своемъ, естественно, получаетъ всегда рѣзкій отпечатокъ мѣстной страны народа и народнаго быта. Отсюда происходитъ то различіе, какое мы находимъ между миѳами разныхъ народовъ (напр. между миѳами индійцевъ, грековъ и скандинавскими миѳами). Не зная истиннаго Бога, отъ котораго все произошло и все зависитъ въ мірѣ, языческіе народы видятъ проявленіе божества въ тѣхъ дѣйствіяхъ стихіи и силъ природы, которыя особенно сильно поражаютъ ихъ воображеніе. Не умѣя объяснить этихъ дѣйствій, они самыя стихіи и силы, ихъ производящія, считаютъ существами высшими и самостоятельными и олицетворяютъ ихъ въ образѣ боговъ и богинь, отъ которыхъ производятъ и которымъ подчиняютъ какъ все въ природѣ, такъ и свою жизнь, и свои собственныя духовныя и тѣлесныя совершенства. Какъ олицетворенія стихій и силъ природы, миѳическія божества первоначально имѣютъ чисто стихійное значеніе: это боги и богини неба, солнца, земли, воды, огня, грома и молніи и проч.; народъ чтитъ въ нихъ самыя стихіи и силы природы. Это древнѣйшая космическая эпоха въ миѳологіи. Значеніе божествъ измѣняется и расширяется въ эпоху такъ называемаго антропоморфизма, когда яснѣе опредѣляется отношеніе этихъ божествъ къ людямъ и устанавливается правильный богослужебный культъ, т.-е. опредѣленное служеніе богамъ. Для этого требуется изобразить боговъ въ опредѣленной формѣ, и этой формой становится, какъ высшая изъ всѣхъ видимыхъ формъ, форма человѣче-

силъ природы. Вмѣстѣ съ человѣческою формою приписываются богамъ и человѣческія свойства, и самый образъ ихъ жизни и дѣятельности слагается въ народномъ воображеніи по образу жизни и дѣятельности человѣка. Къ стихійному значенію божествъ присоединяется нравственное значеніе; божества становятся олицетвореніемъ разныхъ нравственныхъ качествъ: являются боги и богини знанія, мудрости, справедливости и другихъ качествъ, и признаются устроителями и покровителями всякой человѣческой дѣятельности, земледѣлія, разныхъ ремеслъ, наукъ и искусствъ. Вообще вліяніе божествъ въ эту эпоху человѣкъ видитъ повсюду: горы, лѣса, долины, рѣки и источники находятся подъ ихъ защитою; точно такъ же и каждое замѣчательное, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, дѣйствіе человѣка совершается непремѣнно съ помощію боговъ. Поэтому чудное, или сверхъестественное, составляетъ отличительный характеръ миѳическаго періода народной жизни.

Въ миѳахъ выражаются первыя представленія о божествѣ, природѣ и человѣкѣ: это первая религія и вмѣстѣ съ тѣмъ первая философія народа; въ нихъ мы видимъ первые порывы къ знанію и первыя попытки младенчествующаго ума рѣшить разные вопросы относительно всего окружающаго. Происходя изъ такихъ основныхъ стремленій, они, естественно, глубоко проникаютъ во всю жизнь народную: даютъ содержаніе религіознымъ обрядамъ, служатъ предметомъ произведеній искусствъ, особенно пластическихъ, выражаются въ поэзіи — въ гимнахъ или религіозныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ (греческіе гимны и наши русскія обрядовыя пѣсни), въ сказкахъ, заговорахъ, заклятіяхъ, въ отдѣльныхъ поэмахъ, теогоніи и космогоніи (теогонія Гезіода), и, наконецъ, входятъ въ составъ пѣсенъ и поэмъ героическаго періода (индійскія поэмы — Ромаяна и Магабгарата; греческія поэмы — Иліада и Одиссея). Такъ тѣсно связанные со всѣми явленіями народной жизни, миѳы долго не уничтожаются въ народѣ и послѣ принятія имъ новой религіи; поэтому, въ низшихъ классахъ почти каждаго христіанскаго народа еще до сихъ поръ сохраняются остатки языческихъ суевѣрій, праздниковъ и обрядовъ, поэтому и въ произведеніяхъ народной словесности христіанскихъ временъ съ христіанскимъ содержаніемъ мы встрѣчаемъ смѣсь миѳическаго или языческаго пре-

мѣи (напр. въ извѣстныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ и русскихъ духовныхъ стихахъ и легендахъ).

Героическимъ періодомъ называютъ первыя времена въ исторіи каждаго государства, когда народъ находится еще въ состояніи племенного быта и, устраивая свою жизнь, ведетъ постоянную борьбу и съ природою своей страны, покоряя ее своему вліянію, и съ сосѣдственными племенами, расширяя свои владѣнія и отстаивая свое имѣніе и свою независимость. Такія времена и событія, въ нихъ происходившія, остаются навсегда въ памяти народа; фантазія народная украшаетъ ихъ разными вымыслами; лица, участвовавшія въ нихъ, становятся *героями*; въ этихъ герояхъ народъ представляетъ свои идеалы красоты, силы и храбрости, хитрости, ловкости, терпѣнія и другихъ физическихъ и нравственныхъ качествъ. Героическій періодъ въ исторіи народной жизни такъ тѣсно связывается съ періодомъ миѳическимъ, что трудно разграничить ихъ опредѣленными чертами. Герои — люди, но они, большею частію, божественнаго происхожденія, находятся постоянно въ сношеніяхъ съ богами и дѣйствуютъ подъ ихъ покровительствомъ. *Чудесное* составляетъ въ немъ такой же преобладающій элементъ, какъ и въ миѳическомъ періодѣ. Типъ героевъ слагается въ народномъ воображеніи подъ вліяніемъ уже существующихъ типовъ божествъ миѳическихъ; черты боговъ переносятся на героевъ, которые поэтому всегда представляются несравненно выше обыкновеннаго человѣческаго роста и уподобляются богамъ (божественный, богоравный, боговидный — обыкновенные эпитеты, которые постоянно придаются героямъ Иліады и Одиссеи). Народная фантазія надѣляетъ сверхъестественными свойствами и часто изображаетъ ихъ дѣятельность въ такихъ неестественныхъ формахъ, которыя могутъ характеризовать не человѣческія силы и свойства, а скорѣе стихійныя силы природы, олицетвореніемъ которыхъ служатъ первоначально миѳическія божества (такими качествами отличаются герои индійскаго и персидскаго эпоса и герои нашихъ былинъ, напр. Святогоръ и Микула Селяниновичъ). Смѣшеніе божескаго или миѳическаго элемента съ элементомъ человѣческимъ составляетъ отличительную черту представленія героическаго періода, который поэтому является продолженіемъ періода миѳическаго. Какъ въ образахъ боговъ, олицетворявшихъ первоначально явленія

природы, вносятся черты изъ природы человѣческой, и самыя отношенія между богами устраиваются по образу отношеній человѣческихъ, такъ въ типы героевъ, представляющихъ идеалы всего лучшаго въ человѣкѣ, вносятся черты разныхъ божествъ. Да и вообще въ сказаніяхъ героическаго періода весьма много встрѣчается такихъ образовъ, основа которыхъ находится еще въ миѳическихъ представленіяхъ. Сказанія о героическомъ періодѣ выражаются въ героическихъ пѣсняхъ (таковы напр. наши былины о богатыряхъ), изъ коихъ образуются потомъ у нѣкоторыхъ народовъ обширныя героическія поэмы (напр. Иліада и Одиссея у грековъ).

Историческій періодъ въ народной жизни начинается съ того времени, когда народъ изъ племенного быта переходитъ въ гражданскій, образуя изъ себя общество съ опредѣленными формами государственной жизни, и когда факты этой жизни заносятся на страницы *исторіи*. По той мѣрѣ, какъ человѣкъ знакомится съ природою, вѣра въ чудесное — миѳическое ослабѣваетъ; явленія природы и событія въ жизни людей представляются въ болѣе настоящемъ своемъ видѣ, мало-по-малу миѳъ и эпопею смѣняетъ *исторія*. Правда, первыя страницы исторіи-лѣтописи еще тѣсно связаны съ эпопеей и далеко не свободны отъ вымысла; но и лѣтописи уже заботятся объ истинѣ, или, по крайней мѣрѣ, о вѣроятности, и изъ множества древнихъ сказаній о народной жизни выбираютъ болѣе правдоподобныя. За непосредственнымъ нагляднымъ знакомствомъ съ природою и жизнію слѣдуетъ уже преднамѣренное, *разумное* стремленіе объяснить ихъ разнообразныя явленія, узнать общія и частныя причины, законы и цѣли всего существующаго въ мірѣ: является *наука*, или *философія*, сначала заключающая въ себѣ разныя науки, на которыя она впослѣдствіи раздробляется. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ накопляются идеи и знанія, добываемыя помощію науки, какъ умножаются примѣры и опыты, доставляемые исторіей, развивается потребность провести пріобрѣтенныя идеи и знанія въ жизнь, приложить добытые опыты и примѣры къ практической дѣятельности человѣка во всѣхъ ея сферахъ. Этой потребности удовлетворяютъ произведенія **ораторскаго искусства**.

Таковы главные моменты въ развитіи словесности.

Коляда.

Первымъ праздникомъ въ честь Дажь-бога или солнца и вмѣстѣ началомъ стараго языческаго года, по мнѣнію ученыхъ изслѣдователей, былъ зимній праздникъ во время такъ называемаго *солнцеворота*, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда, послѣ долгихъ ночей, начинаетъ прибывать день, когда, по народному выраженію, *солнце поворачиваетъ на лѣто*. Близкое совпаденіе этого праздника съ церковнымъ праздникомъ Рождества Христова было, конечно, причиною того, что въ христіанскія времена онъ примкнулъ къ празднику Рождества и сталъ отправляться 24-го декабря, наканунѣ Рождества, или во время самаго Рождества. Въ Великороссіи онъ отправлялся еще въ XVII в., а въ Малороссіи отправляется и теперь такимъ образомъ: наканунѣ Рождества или даже цѣлую рождественскую недѣлю молодые люди и дѣти собираются подъ окнами богатыхъ крестьянъ, поютъ пѣсни, величая хозяина, хозяйку и дѣтей ихъ, и просятъ денегъ, пироговъ и пр. Въ пѣсняхъ обыкновенно величается *Коляда*, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Овсень*, *Авсень*, *Таусень*: потому онѣ называются *колядками* и *овсеневыми*. Слово *Коляда* производятъ отъ латинскаго слова Calendae (Коляда, у поляковъ Colda, отъ caleo, разгорячиться, горѣть, что указываетъ на жаръ солнца). Было ли это слово названіемъ самого Дажь-бога, или только праздника въ честь его, опредѣлить трудно. Въ числѣ особыхъ божествъ Коляда не встрѣчается въ памятникахъ древней письменности; въ пѣсняхъ же она упоминается въ видѣ припѣва. Въ одной изъ колядскихъ пѣсенъ упоминается:

За рѣкою, за быстрою,
Ой Коліодка, ой Коліодка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя.
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни Коліодушки,
Ой Коліодка, ой Коліодка!

Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати...

Здѣсь, очевидно, описывается старый языческій праздникъ, когда предки наши приносили жертвы въ лѣсахъ; старикъ съ ножомъ — жрецъ, приносившій жертву, а козелъ — самая жертва. Для языческихъ жертвъ, во время праздника, собирались, вѣроятно, приношенія; во времена христіанскія это перешло въ обычай воспѣвать Коляду и собирать разныя подаянія. Вотъ колядка, при которой собираются подаянія:

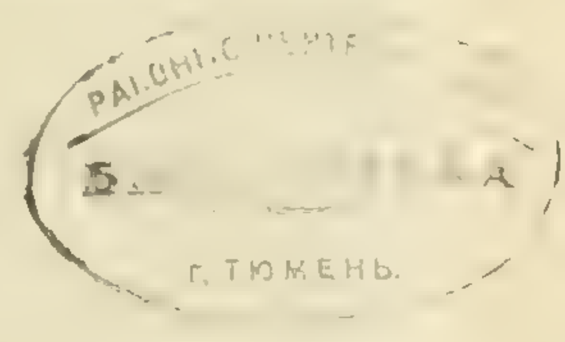
Коляда, Коляда!
Пришла Коляда
Наканунѣ Рождества.
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ и проулочкамъ;
Нашли Коляду
У Петрова-то двора...

Называется дворъ хозяина, подъ окнами котораго поется пѣсня. Далѣе въ пѣснѣ величается этотъ дворъ, его хозяинъ, хозяйка и дѣти ихъ. Дворъ обнесенъ желѣзнымъ тыномъ, а середи двора стоятъ три терема. Хозяинъ сравнивается съ свѣтлымъ мѣсяцемъ въ одномъ теремѣ, хозяйка — съ краснымъ солнцемъ въ другомъ, а дѣти ихъ — съ частыми звѣздами въ третьемъ теремѣ. Очень можетъ быть, что солнце, мѣсяцъ и звѣзды первоначально прославлялись во время Коляды сами по себѣ, самостоятельно, а потомъ, когда уже потерялся древній смыслъ праздника, они стали употребляться для сравненія съ ними прославляемаго въ пѣснѣ хозяина дома, его жены и дѣтей. Пѣсня оканчивается желаніемъ „здравствовать хозяину съ хозяюшкой на долгіе вѣки, на многія лѣта“. Въ этой пѣснѣ уже ничего не говорится о жертвоприношеніи, какъ въ первой пѣснѣ, а упоминается только *Коляда*, которая притомъ называется *святою*, и говорится, что она пришла наканунѣ Рождества. Такъ измѣнился смыслъ языческаго праздника Коляды, и справлявшимъ его впослѣдствіи

христіанамъ, конечно, и на мысль не приходило, что, собирая подаянія, они подражаютъ въ этомъ случаѣ своимъ предкамъ-язычникамъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто Коляды, въ пѣсняхъ воспѣвается *Овсень* или *Авсень*; потому и самыя пѣсни называются *овсеневыми*. Впрочемъ, какъ колядки относятся собственно къ кануну Рождества, такъ овсеневыя пѣсни поются, большею частію, наканунѣ Новаго года, вечеромъ, который въ народѣ называется *Васильевымъ вечеромъ*, оттого что въ Новый годъ церковь празднуетъ память св. Василія Великаго. Содержаніе *овсеневыхъ* пѣсенъ почти то же самое, что и колядскихъ, только вмѣсто Коляды въ нихъ величается *Овсень* или *Авсень*. Вотъ пѣсня Овсеню:

Ой Овсень, ой Овсень!
Походи, погуляй
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень, ой Овсень!
Посмотри, погляди.
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ!



Слово *Овсень* одни производятъ отъ *обсыпанія*, или *осыпанія*, *овсомъ*, которымъ сопровождается пѣніе овсеневыхъ пѣсенъ: поющіе обыкновенно бросаютъ зерна разнаго хлѣба и особенно *овса*; зерна эти слушающіе собираютъ и хранятъ до весенняго посѣва. Другіе это слово, произносимое въ различныхъ мѣстахъ различно (Авсень, Усень, Таусень), сближаютъ со словомъ *ясный* и видятъ въ немъ измѣненіе слова *ясень* — названіе солнца (ясное солнце). Какъ бы то ни было, только упомянутый обрядъ осыпанія, при пѣніи овсеневыхъ пѣсенъ, и сходство этихъ пѣсенъ съ колядскими, и по содержанію, и по времени, въ которое они поются, показываютъ, что *Овсень*, подобно Колядѣ, *имѣетъ отношеніе къ солнцу* и составляетъ, вѣроятно, только другое названіе одного и того же солнечнаго божества или праздника въ честь солнца, какъ источника теплоты и плодородія. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ они даже соединяются вмѣстѣ и величаются рядомъ одна съ другимъ. На то же самое указываютъ и другіе обряды, совершаемые въ разныхъ мѣстахъ въ Васильевъ вечеръ, когда поются овсе-

нечныя пѣсни. Въ Малороссіи въ этотъ вечеръ комнату устанавливаютъ снопами; снопы кладутся и на самый столъ, а посреди ихъ ставятъ большой пирогъ, сидя за нимъ, отецъ спрашиваетъ дѣтей: видятъ ли они его? „Не видимъ“, отвѣчаютъ дѣти. — „Ну дай Богъ, чтобы и на тотъ годъ не увидѣли“. Въ Галиціи при этомъ кладутъ еще на столъ рукоять плуга. Этотъ обрядъ, вѣроятно, соблюдался и у насъ; по крайней мѣрѣ изъ одного акта XVII в. извѣстно, что въ навечеріи Богоявленія встарину „кликали плугу“.

Порфирьевъ.

Красная горка и Радуница.

Красная горка на Руси составляетъ первый весенній праздникъ. Великоруссы здѣсь встрѣчаютъ весну, вѣнчаютъ суженыхъ, разыгрываютъ хороводы. Малоруссы отправляютъ свои веснянки, ходятъ съ пѣснями по улицамъ.

Поселяне Тульской губ. на Красную горку закликаютъ весну съ хороводными пѣснями. При восхожденіи солнца они выходятъ на холмъ или пригорокъ подъ предводительствомъ хороводницы. Обращаясь на востокъ, хороводница проговоривъ молитву, входитъ въ кругъ съ круглымъ хлѣбцемъ въ одной рукѣ и съ краснымъ яйцомъ въ другой и начинаетъ пѣсню:

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сошенькѣ,
На бороночкѣ и проч.

Въ Калужской губ. поселяне зазываютъ весну также съ пѣснями. Соломенное чучело, укрѣпленное на длинномъ шестѣ, ставится на горкѣ; кругомъ его собираются женщины и мужчины. Послѣ пѣсенъ катятся вокругъ горки, угощаютъ другъ друга яичницами. Вечеромъ сожигаютъ чучело съ пѣснями и плясками. Въ степныхъ селеніяхъ встрѣчаютъ весну съ одними пѣснями, безъ всякихъ обрядовъ.

Въ Валдаѣ выходятъ невѣсты и женихи въ праздничныхъ нарядахъ погулять на Красную горку. Здѣсь невѣсты выглядываютъ жениховъ. Тамъ очень часто случается, что на этотъ день происходятъ и самыя рукобитья.

Въ Буйскомъ уѣздѣ для встрѣчи весны взрослыя дѣвицы и холостые ребята, при восхожденіи солнца, обливаютъ себя водою на открытомъ воздухѣ. Отчаянные и смѣлые купаются въ рѣкахъ. Послѣ на сходбищѣ поютъ пѣсни, перепрыгиваютъ черезъ плетень огорода, взлѣзаютъ на деревья, ходятъ вереницами вокругъ сѣнныхъ стоговъ. Въ это время они поютъ

Весна, весна красная!
Приди весна съ радостью и пр.

На красную горку начинается и поминовеніе родителей. Въ Спасскѣ рязанскомъ дѣвицы и женщины въ жаленомъ (траурномъ) платьѣ выходятъ на кладбище поклониться своимъ родителямъ. Сначала по обыкновенію плачутъ на могилахъ съ разными причитаньями о житьѣ-бытьѣ покойниковъ, потомъ принимаются раскладывать по могиламъ кушанья и напитки. Родные и знакомые ходятъ по могиламъ въ гости. Здѣсь старые занимаются угощеньемъ, а молодые катаютъ по могиламъ красныя яйца. Остатки вина выливаются на могилы. Съ кладбищъ отправляются въ праздничныхъ платьяхъ разыгрывать Красную горку въ хороводахъ.

На Красную горку начинаютъ играть въ горѣлки, сѣять просо, плести плетень, прославлять заиньку.

Въ четвергъ на послѣдней недѣлѣ Великаго поста совершаются на Руси разные обряды.

Въ деревнѣ Сосновкѣ, Чистопольскаго уѣзда, бываютъ въ полночь сборы на рѣчкѣ Бахту. Ровно въ полночь, послѣ пѣнія первыхъ пѣтуховъ, выходятъ дѣвицы и молодицы на рѣчку почерпнуть воды, пока воронъ не обмакнулъ крыла. Почерпая воду, онѣ поютъ пѣсни и умываютъ лицо. По замѣчаніямъ сосновцевъ, будто въ полночь съ этого дня наступаетъ весна и приноситъ съ собою красоту и здоровье, и что воронъ изъ зависти спѣшитъ запастись здоровьемъ прежде людей.

Поселяне Буйскаго уѣзда Костромской губ. выходятъ рано утромъ встрѣчать весну. Буйскія дѣвицы выходятъ для сего къ рѣкамъ. Если вскрылась вода, то онѣ входятъ по поясъ въ рѣку, соединяются въ кружокъ, держась рука за руку, и поютъ: „Весна, весна красная, приди, весна, къ намъ съ милостію, съ тою милостію, съ великою благостію“. Если рѣки еще покрыты льдомъ, то онѣ окружаютъ проруби, умываютъ водой лицо, вертятся кругомъ и призываютъ весну.

Солигаличскія дѣвицы выходятъ на рѣчки при восхожденіи солнца, погружаются трижды въ воду, катаются три раза по землѣ на восточную и западную стороны; послѣ по угламъ взлѣзаютъ на избы, гдѣ поютъ пѣсни, и призываютъ весну. Все это дѣлается для здоровья.

Почти во всѣхъ мѣстахъ на Руси старушки пережигаютъ въ этотъ день въ печахъ соль. Такая пережженная соль называемая четверговою, употребляется въ домашнемъ лѣченіи отъ многихъ болѣзней.

Изъ Стоглава узнаемъ, что наши предки „порану солому палили и кликали мертвыхъ“. Мнѣ нигдѣ не встрѣчалось видѣть исполненіе такого обычая, и существуетъ ли онъ гдѣ доселѣ — не знаю.

Проводы весны сопровождаются разными обрядами и въ разные дни. Въ Саратовской губ. для сего дѣлали изъ соломы чучело, одѣвали его въ сарафанъ и кокошникъ съ ожерельями. Чучело носили по деревнѣ съ пѣснями, а послѣ раздѣвали и бросали въ воду. Встарину въ степныхъ селеніяхъ Тульской губ. избирали мужика, надѣвали на его голову березовый вѣнокъ, на кафтанъ нашивали ленты, въ руки давали древесныя вѣтки съ полевыми цвѣтами. Такой мужикъ назывался водокъ. Его угощали брагой и пирогами, провожали всѣ по селеніямъ съ пѣснями и плясками. Въ селеніяхъ Симбирской и Костромской губ. поселяне наряжались въ оборванныя старыя платья и представляли изъ себя хромыхъ, увѣчныхъ калѣкъ, слѣпыхъ попрошаекъ. Дѣвицы приготовляли соломенное чучело, а молодцы вывозили на улицу телѣги безъ переднихъ колесъ, связывали ихъ одна съ другою веревками въ видѣ гуська и впрягали лошадей. Потомъ начинался поѣздъ съ одного конца селенія до другого. На передней телѣгѣ помѣщалась старуха и держала на колѣняхъ чучело. Послѣ поѣзда разыгрывали хороводы. Вечеромъ съ пѣснями отправлялись къ рѣкѣ и бросали чучело въ воду.

Радуница сопровождается особенными обрядами и пѣснями. Въ Костромской губерніи Радуница бываетъ въ Ѳомино воскресенье, а въ другихъ въ понедѣльникъ. Бѣлоруссы справляютъ свою Радуницу во вторникъ, какъ и рязанцы. Въ Тулѣ въ Ѳоминъ понедѣльникъ ходятъ женщины на кладбище поминать родителей съ калачами и канунами. Въ Иркутскѣ Радуницу справляютъ на Крестовой горѣ. Сюда, какъ на облое

кладбище, сходятся поминать усопшихъ, гулять съ родными и знакомыми и пировать за упокой родителей, чѣмъ Богъ послалъ. Въ Кіевѣ поминали прежде родителей на горѣ Щекавицѣ. Здѣсь, послѣ панихиды, происходило въ семейныхъ кружкахъ угощеніе. Бурсаки пѣвали тогда особенные плачевные канты.

Бѣлоруссы выходятъ во вторникъ на могилы своихъ родителей, въ два часа пополудни, обѣдать и поминать ихъ за упокой. Сначала начинается катаніе на могилахъ красныхъ яицъ, потомъ обливаніе могилъ медомъ и виномъ. Яица раздаются нищимъ. Могилы покрываются бѣлымъ столечникомъ, уставляются кушаньями. По старымъ примѣтамъ кушанье должно состоять изъ нечетныхъ блюдъ и сухихъ. Богатые снабжаютъ бѣдныхъ кушаньями для родительской трапезы. Послѣ сего привѣтствуютъ родителей: „святые родзители, ходзите къ намъ хлѣба-соли кушаць!“ И садятся на могилахъ поминать ихъ. Остатки кушанья раздаются нищимъ, и день оканчивается при корчмахъ съ пѣснями и плясками.

Обкладываніе родительскихъ могилъ на Ѳоминой недѣлѣ почитается у русскихъ въ числѣ необходимой принадлежности старыхъ людей. Сюда сходятся женихи и невѣсты испрашивать благословеніе у своихъ покойныхъ родителей на любовь и союзъ, и въ воспоминаніе своего обѣта кладутъ на могилы красныя яица.

Радуницы напоминаютъ намъ древнія тризны нашихъ праотцевъ, сопровождаемыя поминками, жертвами и возліяніями, въ память усопшихъ.

Въ Орловской губерніи на Радуницкой недѣлѣ поселяне прогоняютъ смерть изъ своего села. Въ полночь дѣвицы выходятъ съ метлами и кочергами и гоняютъ по полю смерть. Въ степныхъ губерніяхъ женщины убираютъ всю недѣлю свои избы и на ночь оставляютъ на столѣ кушанье для покойныхъ родителей. Они твердо увѣрены, что ихъ покойные родители на Радуницкой недѣлѣ заглядываютъ въ избы къ своимъ роднымъ и наказываютъ тѣхъ, которые не приготовятся къ этому.

Въ Тульской и Костромской губ. на Радуницкой недѣлѣ поселяне и горожане окликаютъ первый дождь. По преданіямъ извѣстно, что прежде въ выкликаніи дождя участвовали всѣ возрасты, а нынѣ этимъ занимаются одни дѣти.

Сахаровъ.

Семикъ.

Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденія новою жизнію природы, находится праздникъ русалокъ или Русальная недѣля. Русалки вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы; имя ихъ не происходитъ отъ русла, но отъ русый (свѣтлый, ясный); русалки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природой. Народъ теперь вѣритъ, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія; но когда всѣ славяне умирали безъ крещенія, то души ихъ всѣхъ должны были становиться русалками. Русалки появляются съ Страстного четверга (когда встарину, по Стоглаву, порану солому палили и кликали мертвыхъ), какъ только покроются луга весеннею водой, распустятся вербы. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда, однако, носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящіе изъ могилъ, суть огни русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ, приговаривая: „Бухъ! бухъ! соломенный духъ. Мене мати породила, некрещену положила“.

Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ; на берега выходятъ только поиграть. У всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, поэтому и русалки являются изъ воды живутъ сперва въ рѣкахъ и показываются при колодцахъ. Съ Троицына дня до Петрова поста русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываніи душъ по смерти. Русальскія игры суть въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживаніе, маски, обрядъ, который не у однихъ славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ: человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя, безобразныя существа для того, чтобы пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней: если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то силою чародѣйства она можетъ на время оставлять тѣло и принимать ту или другую форму. Есть извѣстіе, что у чеховъ на перекресткахъ совершались

игрища въ честь мертвыхъ съ переряживаніемъ. Это извѣстіе объясняется обычаемъ нашихъ восточныхъ славянъ, которые, по лѣтописи, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутіяхъ, перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ предъ перекрестками, мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила. У русскихъ славянъ главнымъ праздникомъ русалокъ былъ Семикъ, великъ день русалокъ, въ это время, при концѣ весны, совершались проводы послѣднихъ. Конецъ Русальной недѣли — Троицынъ день былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ. Въ этотъ день русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій. Пѣсня говоритъ:

Русалочки земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалилися, забилися.

Здѣсь важно выраженіе земляночки, указывающее на русалокъ, какъ жительницъ земныхъ нѣдръ. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище — провожанье русалокъ въ могилы.

Соловьевъ.

Семикъ.

Русскіе величаютъ Семикъ честнымъ, подобно масленицѣ, почитая его однимъ изъ главныхъ праздниковъ лѣтнихъ, какъ и подтверждають слова старинной костромской пѣсни.

Какъ у насъ въ году три праздника,
Первый праздникъ — Семикъ честной,
Другой праздникъ — Троицынъ день,
А третій праздникъ — Купальница.

Позорищемъ Семика бываютъ рощи и лѣса, берега рѣкъ и озеръ или прудовъ; въ первыхъ завиваютъ вѣнки, а на другіе пускаютъ ихъ для загадыванія. Семикъ, несмотря на мѣстныя особенности, въ сущности своей одинаковъ и съ незапамятныхъ временъ извѣстенъ почти по всей великой Россіи, особливо тамъ, гдѣ находятся рощи, лѣса и воды, и даже въ степяхъ.

Такъ какъ въ Семикъ совершался древній благочестивый обычай погребенія и поминовенія убогихъ на убогихъ домахъ, или скудельницахъ, кои, по большей части, находились

въ рощахъ: то первый отправлялся болѣе на могилахъ, подобно древней тризнѣ. Но празднованіе Семика и христіанскій обычай погребенія на скудельницахъ составляютъ рѣзкую противоположность отъ разности источниковъ, изъ коихъ проистекъ тотъ и другой.

Время, измѣнившее или отмѣнившее затѣйливые обычаи народные, теперь преобразило этотъ многообрядный и многозначительный праздникъ въ простое гулянье столичныхъ и городскихъ жителей; одни еще поселяне и посадскіе удержали нѣкоторые завѣтные обряды древняго быта и повѣрья, какіе встрѣчаемъ въ разныхъ краяхъ Великой и даже Малой Россіи.

Донынѣ въ Семикъ ставятъ по улицамъ, у домовъ, и даже въ комнатахъ березки не только въ селахъ, городахъ, но и въ столицахъ Россіи, гдѣ только есть березнякъ и липнякъ. Лѣтъ за 40 въ Семикъ вся Москва представляла разгульный праздникъ; почти на каждомъ дворѣ, у хозяина и хозяйки съ семьей, въ видѣ куши обставливался березками столъ съ яичницой и драченой; вездѣ раздавались семицкія пѣсни, съ какими носили по улицамъ изукрашенную лентами и лоскутами березку, вездѣ — толпы народа въ вѣнкахъ изъ ландышей, дойничковъ и незабудокъ, или изъ березовыхъ и липовыхъ вѣтвей. До мора въ Москвѣ 1771 г., послѣ погребенія и поминовенія убогихъ на старыхъ убогихъ домахъ, или Божедомкѣ, ватаги народа, умывъ руки себѣ въ Самотекѣ, шли въ Марьину рощу завивать березку и пировать съ пѣснями и весельями, смѣнявшими слезы и рыданія.

Вѣрованіе въ русалокъ было на Руси древнимъ и народнымъ. По суевѣрному сказанію, онѣ живутъ въ рѣкахъ, а съ Троицына дня или съ Семика до Петрова дня странствуютъ по землѣ, витаютъ въ лѣсахъ, избирая себѣ пріютомъ старыя деревья, особенно дубы; качаются на сучьяхъ древесныхъ или разматываютъ пряжу, похищая ее у поселянокъ, которыя ложатся спать безъ молитвы. Въ однихъ мѣстахъ онѣ изображаются съ русыми, въ другихъ съ зелеными волосами. Въ южной Россіи онѣ почитаются за души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія. Тамъ суевѣрные поселяне утверждаютъ, что огни, видимые ночью на многихъ древнихъ курганахъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, разводятся днѣпровскими русалками для того, чтобы привѣтливымъ блескомъ заманить странниковъ къ кругинѣ и низвергнуть ихъ

въ пучины днѣпровскія. Въ Клечальную субботу, наканунѣ Троицына дня, русалки, по мнѣнію малороссіянъ, начинаютъ бѣгать по ржи и хлопать въ ладоши (приговаривая: Бухъ! бухъ! соломенный духъ, мене мати породила, некрещену положила). Съ Зеленой недѣли онѣ витаютъ въ лѣсахъ, гдѣ аукаютъ и зовутъ къ себѣ прохожихъ съ хохотомъ: ходите къ намъ на рели качаться. Онѣ заводятъ дѣвокъ и парней въ чащи лѣса и тамъ защекочиваютъ до смерти. На Русальной недѣлѣ въ Малороссіи никто не осмѣливается купаться въ рѣкѣ и хлопать въ ладоши; въ четвергъ на Зеленой недѣлѣ дѣвушки и даже женщины, боясь прогнѣвить русалокъ, чтобы онѣ не испортили скотины, не работаютъ, называя этотъ четвергъ великъ день русалокъ. Тогда взрослыя дѣвушки идутъ танкомъ въ лѣсъ, бросаютъ завитые вѣнки русалкамъ, чтобы онѣ добыли имъ суженыхъ-ряженыхъ, и тотчасъ убѣгаютъ. По ихъ мнѣнію, въ этихъ вѣнкахъ русалки рыскаютъ по ржи.

Снегиревъ.

Семикъ.

Семицкая недѣля бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи и получила такое народное названіе отъ Семика. Эта недѣля встарину извѣстна была подъ именемъ Русальной. Малороссы называютъ ее Зеленою, а послѣдніе три дня — Зелеными святками.

Семикъ отправляется народомъ въ четвергъ въ рощахъ, лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и прудовъ. Къ этому дню рубятъ березки, красятъ яйца въ желтую краску, готовятъ короваи, сдобники, драчены и яичницы. Съ разсвѣтомъ дня молодежь разставляетъ березки по домамъ, улицамъ и дворамъ. Встарину наши старики хаживали встрѣчать Семикъ на могилахъ родителей, гдѣ, послѣ поминовенія, они съ своими семействами разъѣдали яичницы и драчены. Отсюда молодежь отправлялась въ рощи завивать вѣнки изъ березъ. Здѣсь пѣли, плясали, играли въ хороводы до глубокой ночи. Послѣ игры „всею гурьбою“ заламывали березку, обвѣшивали ее лентами и лоскутками, и съ пѣснями возвращались домой.

Въ Спасскѣ рязанскомъ, встарину, въ первый понедѣльникъ Петрова поста совершалось игрище — провожаніе русалокъ. Для сего игрища женщины снаряжали изъ соломы два

чучела, въ видѣ женщины. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины и тихими хороводами приближались къ концу улицы. Здѣсь распѣвались попеременно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучеломъ плясала и своими кривляньями старалась приводить въ смѣхъ игроковъ. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенное чучело, русалку, дѣвицы принимали на свои руки, для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ, или защищались сами отъ нападенія. Защитницы кидали другъ въ дружку пескомъ, обливали водой, отмахивались соломой. Бойцы изъ улицы переселялись въ поле, гдѣ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучела и разбрасываньемъ соломы по полю. Въ это время дѣвицы причитывали похоронныя завыванія, а отчаянныя, распустивъ косы, припадали къ землѣ, какъ бы къ могиламъ. Такъ оканчивалось игрище провожанія русалокъ.

Семицкіе вѣнки въ однихъ мѣстахъ сохраняются въ избахъ до Троицына дня, а въ другихъ бросаютъ ихъ въ воду съ гаданіемъ: потонетъ ли вѣнокъ, или нѣтъ? На одномъ ли мѣстѣ онъ остановится, или поплыветъ въ сторону? Чей вѣнокъ плыветъ впереди, и чей остается назади? Подруги бросаютъ свои вѣнки вмѣстѣ. Догадливые люди по сближенію такихъ вѣнковъ на водѣ нерѣдко угадываютъ о близкой свадьбѣ. Бывали примѣры, что матушки никогда не отдавали своихъ дочекъ за такихъ суженыхъ, которыхъ семицкіе вѣнки потопали въ водѣ, въ виду всѣхъ. По замѣчаніямъ старушекъ, такіе суженые или скоро умираютъ, или спиваются съ круга. Ленты, которыми наши бабушки перевивали семицкіе вѣнки, сохранялись всю жизнь. Когда дѣвушка въ этотъ годъ выходила замужъ, ими связывали вѣнчальныя свѣчи.

Сахаровъ.

Купальскія травы.

Съ совершеніемъ купальскихъ обрядовъ неразлучны нѣкоторыя травы, какъ предохранительныя средства отъ болѣзней и злыхъ духовъ, или какъ имѣющія особую силу за-

колдовывать и открывать тайну. Къ таковымъ принадлежатъ: папоротникъ, плакунъ, разрывъ и мн. другія.

Папоротникъ срываютъ наканунѣ Иванова дня, ночью, съ особыми обрядами и заговорами. Думаютъ, что онъ въ это только время цвѣтетъ, однажды въ годъ, и огненнымъ цвѣтомъ. Кто отыщетъ расцвѣтшій папоротникъ, тотъ величайшій счастливецъ. Онъ можетъ повелѣвать всѣмъ безъ исключенія: предъ нимъ безсильны цари и мощные правители, и самые нечистые духи въ его распоряженіи. Онъ можетъ знать, гдѣ скрываются клады, входить безпрепятственно въ сокровищницы; лишь стоитъ ему приложить цвѣтокъ къ желѣзнымъ запорамъ и замкамъ — все разсыпается предъ нимъ. Онъ можетъ открыть себѣ свободный входъ ко всѣмъ красавицамъ, принимая на себя образъ невидимки. Какъ цвѣтетъ папоротникъ, и какія принимаютъ средства для полученія его, объ этомъ такъ разсказываютъ знахари. Изъ широколиственнаго папоротника является цвѣточная почка и поднимается постепенно: она то движется, то останавливается, и вдругъ зашатается, перевернется и запрыгаетъ, какъ живая. Иные слышатъ даже голосъ и щебетанье, и все это дѣлаетъ адская власть, чтобы, пугая людей, не допустить ихъ до цвѣточка. Когда созрѣетъ почка, тогда наступаетъ ровно 12 часовъ ночи: она раскрывается съ трескомъ, вся покрывается огненнымъ цвѣтомъ, глаза не могутъ вынесть — такъ пышетъ отъ него жаромъ! Вокругъ и вдали разливается яркій свѣтъ, и только невидимая рука срываетъ его. Ищущій цвѣтокъ очерчиваетъ около папоротника кругъ, становится въ немъ и, произнося заговоръ, ожидаетъ полуночи. Надобно, чтобы рѣшившійся на такой поступокъ былъ неустрашимый и переносилъ бы безбоязненно всѣ привидѣнія. Если онъ отзовется на голосъ или поворотится къ призраку, то лишится жизни. Злой духъ сорветъ съ него голову вмѣсто папоротника и пошлетъ его душу въ адъ на мученіе за то, что дерзнулъ похитить цвѣтокъ, составляющій украшеніе ада.

Плакунъ достается въ Ивановъ день при утренней зарѣ. Тотъ можетъ наводить страхъ на всѣхъ, кто владѣетъ имъ. Его обыкновенно имѣютъ только чародѣи. Особенная сила его состоитъ въ корнѣ, который гонитъ нечистыхъ духовъ и смиряетъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суевѣріе къ плакуну доходитъ до сумасбродства. Чародѣи, входя въ церковь съ кор-

немъ и ставъ у алтаря лицомъ къ востоку, произноситъ заговорныя слова: „Плакунъ! плакунъ! плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшенъ злымъ бѣсамъ, полубѣсамъ, старымъ вѣдьмамъ кіевскимъ. А не дадутъ тебѣ покорища, утопи ихъ въ слезахъ, а убѣгутъ отъ твоего позорища, замкни въ ямы преисподнія. Будь же слово при тебѣ крѣпко и твердо вѣкъ вѣкомъ!“ Почитая корень за чудесную силу, суевѣры носятъ его при себѣ на крестѣ. Тогда человѣкъ, по ихъ мнѣнію, не поддется ни въ какія искушенія діавола и ни въ какіе недуги. Повѣсивъ же сдѣланный изъ плакуна крестъ на бѣсноватаго, вѣрятъ, что этимъ способомъ можно изгнать бѣса. Утверждаютъ еще, что бѣснующіеся, увидѣвъ корень, вскрикиваютъ, мечутся во всѣ стороны и страшно ревутъ, когда надѣваютъ на нихъ крестъ изъ плакуна.

Разрывъ, извѣстный у нѣмцевъ подъ именемъ корня-прыгуна (Springwurzel), называется у насъ: прыгунъ, спрыгъ и скакунъ. Его отыскиваютъ въ Ивановъ день одни чернокнижники, и всякій можетъ достать его, у кого есть плакунъ и папоротникъ. Свойство разрыва разрывать желѣзные запоры, ломать сталь, серебро, золото, мѣдь на мелкіе куски однимъ прикосновеніемъ къ нимъ. Повсюду носятся разсказы, что въ ямахъ зарыты великія сокровища, хранимыя подъ желѣзными запорами, и что нечистая сила закрываетъ къ нимъ входъ своей спиною, усаженною иголками. Для уничтоженія этихъ преградъ недостаточно человѣческой силы, надобно прибѣгнуть къ разрыву. Разсказываютъ еще, что воры особенно употребляютъ эту траву: они подрѣзаютъ тѣло подъ ногтемъ пальца и кладутъ туда разрывъ, и думаютъ, когда прикоснутся пальцемъ до запоровъ или замковъ, тогда непремѣнно спадутъ запоры и отомкнутся замки. Сохранилось повѣрье объ нахожденіи разрыва. Отыскавъ гнѣздо дятла, слѣдуетъ тѣломъ вколотить гвоздь подъ деревомъ, потомъ разостлать внизу дерева полотно. Отыскиваемая трава узнается тѣмъ, что собираютъ все скошенное и бросаютъ въ воду: какая трава выплываетъ наверхъ, то разрывъ.

Герценко.

Ярила.

Названіе языческаго божества Ярилы сохранилось до нашихъ дней въ преданіяхъ бѣлоруссовъ, великоруссовъ и малороссовъ. Слово *Ярила* состоитъ изъ корня *яр* и окан-чанія *ила*. Корень *яр* соотвѣтствуетъ санскритскому *ar*, которому, въ свою очередь, соотвѣтствуетъ греческое *ἔρ*. *Ar* въ санскритѣ выражаетъ дѣйствіе возвышенія, движенія вверхъ. Подобно санскритскому корню *ar* славянскій корень *яр* также сохранилъ значеніе стремительности, быстроты, пылкости, силы, свѣта, весенняго или восходящаго солнца. Какъ санскритское „ара" значитъ быстрый, проворный, „арамъ" — быстро, скоро, такъ и великорусское областное слово „ярый" значитъ скорый. Такъ какъ одно изъ свойствъ свѣта есть быстрота его распространенія, то въ корнѣ *яръ* совмѣщаются значеніе быстроты и значеніе свѣта. Русское яркій значитъ свѣтлый. Весенній и утренній солнечный свѣтъ возбуждаетъ во всей природѣ силу возрождающую и оплодотворяющую; поэтому корень *яр* употребляется въ значеніи плодотворной силы весенняго и утренняго солнечнаго свѣта.

Ярила, богъ весенняго и утренняго солнца, изображался сначала въ видѣ коня и конской головы, потомъ въ видѣ младенца, сидящаго на рукахъ своей матери, иногда въ видѣ старика. Ярилѣ также приписывался и женскій образъ. Ярила прекрасный юноша даетъ растительную силу хлѣбамъ, травамъ и деревьямъ. На головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ, въ лѣвой рукѣ горсть колосьевъ — знакъ, что Ярила есть произрастатель цвѣтовъ и хлѣбовъ; въ правой рукѣ у него человѣческая голова, по всей вѣроятности, голова побѣжденной имъ зимы и ночи. Въ честь его совершалось два праздника: одинъ при началѣ весны или возрожденіе Ярилы, другой при концѣ весны — смерть Ярилы. О первомъ утвердительно можно сказать, что онъ совершался въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; о второмъ же нельзя говорить съ такою увѣренностію. Нынѣ праздникъ смерти весны или Ярилы совершается въ различныхъ мѣстностяхъ въ разное время, например въ Троицынъ день, наипозднѣе — въ первое воскресенье послѣ Петрова дня, но чаще

весело во Всесвятское заговѣнье, т. е. черезъ недѣлю послѣ Троицы. Въ Великороссіи празднованіе Ярилы представляетъ нѣкоторыя различія въ мѣстностяхъ. Въ Костромѣ отправляли похороны Ярилы во Всесвятское заговѣнье. Старикъ, одѣтый въ изодранное платье, несъ во гробѣ куклу Ярилы, въ видѣ мужчины. Пьяныя женщины провожали ее съ рыданіями и потомъ зарывали въ землю. Въ Галичѣ и Кинешмѣ, Костромской губерніи, представителемъ Ярилы выбирали старика, упаивали его и забавлялись надъ нимъ. Каждая дѣвушка отвѣшивала поясной поклонъ старику и потомъ вступала въ хороводный кругъ, составлявшій главную ихъ забаву въ это время. Ярилино торжество уничтожено стараніями архіепископовъ Меѳодія и Амвросія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губерніи наканунѣ Троицына дня служатъ молебны на поляхъ, окропляя ихъ и скотъ освященною водою. По окончаніи молебствія поселяне обоего пола пляшутъ и поютъ въ честь Ярилы. Въ Воронежѣ этотъ праздникъ совершался съ такими обрядами: люди всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ, нарядившись, какъ въ самый большой праздникъ, собирались съ разсвѣтомъ дня за городъ на большую площадь. Здѣсь начиналось общее разгулье, состоявшее въ пѣсняхъ, пляскахъ и музыкѣ. Среди общаго веселья наряжали мужчину въ пестрое платье, убирая его цвѣтами и навѣшивая на него ленты и бубенчики; лицо его чернили или наводили румянами, въ руки давали побрякушки. Дѣти возвѣщали шествіе Ярилы барабаннымъ боемъ. Ярила преважно расхаживалъ по площади и плясалъ; къ нимъ присоединялись и другіе плясуны, которые угощали его разными лакомствами. Среди разгула составляли разныя игры, отъ которыхъ переходили къ страшнымъ кулачнымъ боямъ. Епископъ Тихонъ, искоренившій этотъ обычай, называетъ его бѣсовскимъ и говоритъ, что нѣкогда былъ древній истуканъ Ярила. Праздникъ назывался „игрищемъ“, и народъ ожидалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Онъ начинался въ среду или въ пятницу послѣ дня Сошествія Св. Духа и оканчивался въ первый понедѣльникъ.

Ефименко.

—

Троицынъ день.

Въ этотъ день по всей Руси отправляется народный праз-[illegible] завиванье вѣнковъ, семицкаго коровая и хоро[illegible] игры. Въ завиваніи вѣнковъ сохранились слѣды древняго гаданія русскихъ дѣвушекъ о своихъ суженыхъ. Семицкій коровай выражаетъ остатки древняго [illegible] непомнящихъ праотцевъ. Въ хороводахъ обрядахъ замѣчаются [illegible] всего народа. Хранилища остатковъ старины замѣчаніе древняго вѣрованія въ гаданіе о будущемъ.

Рано утромъ въ городахъ и селахъ убираютъ дома березкою и цвѣтами, пекутъ короваи, сзываютъ гостей, завиваютъ вѣнки изъ березы и цвѣтовъ для старыхъ и молодыхъ людей. Въ старину бабка-позыватка ходила по всѣмъ домамъ и сзывала дѣвушекъ на гульбище. Хороводница съ короваемъ въ рукахъ выходила на улицу и запѣвала зазывную пѣсню. Къ ней со всѣхъ сторонъ собирались дѣвушки; съ толпою народа она отправлялась въ рощу. На широкой полянѣ растилалась скатерть, и коровай, убранный цвѣтными вѣнками, послѣ троицкихъ пѣсенъ клался на скатерть. Народъ разсыпался семейными кружками полдневать. Въ это время пожилой народъ занимался угощеніемъ родныхъ и знакомыхъ, а молодежь завивала вѣнки. Здѣсь братья завивали цвѣтные вѣнки для своихъ сестрицъ. Случалось часто, что сестрицы такіе вѣнки успѣвали скрытно передавать суженымъ, по наказу братьевъ. Троицкій вѣнокъ считался неизмѣннымъ вѣстникомъ брачнаго обѣта. Съ вѣнками на головѣ молодежь начинала разыгрывать хороводы, сначала отдѣльными кругами, гдѣ участвовали родные и знакомые, а потомъ въ мірскомъ кругѣ соединялись всѣ. Съ окончаніемъ хороводовъ начинались игры въ горѣлки. Вечеромъ уже возвращались изъ рощи прямо къ рѣкѣ, гдѣ молодой народъ бросалъ свои вѣнки въ воду. Если вѣнокъ поплыветъ, то это означало неизмѣнное счастье. Если вѣнокъ завертится на одномъ мѣстѣ, то это предвѣщало разстройство свадьбы, семейныя ссоры. Если вѣнокъ потонетъ, то это угрожало великимъ несчастьемъ, смертью родныхъ или суженаго. Если вѣнокъ останавливался на одномъ мѣстѣ, то изъ этого заключали, что дѣвицамъ въ этотъ годъ не быть замужемъ, молодцамъ остаться неженатыми.

Б. Покровскій. Сохран. историч. хр... ч. I.

Троицкій коровай и скатерть прежде у нашихъ бабушекъ заключали въ себѣ особенныя тайны. Хороводницы коровай раздавали по богатымъ семьямъ. Его засушивали въ сухари и хранили на свадебный обиходъ. Эти сухари замѣшивались въ свадебный коровай на счастье и на любовь молодымъ. Скатерть играла важную роль на смотринахъ. Ее клали тайно отъ всѣхъ на столъ и накрывали другою скатертью. Старушки увѣряли, что эта скатерть приковывала суженаго къ дѣвушкѣ крѣпче всякаго желѣза. Но на такой подвигъ отваживались не всѣ матушки изъ опасенія — не доспѣть бы своему дѣтищу лихого суженаго.

Мѣстные обряды троицкаго народнаго празднества имѣютъ свои отличія.

Въ Тульской и Псковской губ. старики и старушки послѣ вечерни выходятъ на кладбище обметать троицкими цвѣтами могилы родителей. Этотъ обрядъ называется „глаза у родителей прочищать“.

Поселяне Орловской губ. выходятъ въ рощи молить коровай. Для этого они готовятъ два коровая: одинъ для мірского стола, другой для рощи. Съ послѣднимъ короваемъ выходятъ завивать вѣнки. Мірской коровай остается для домашняго угощенія, а остатки раздаются нищей братіи.

Въ Нерехтѣ и окружныхъ селеніяхъ на Троицынъ день кумушки сбираются въ рощи, цѣлуются сквозь березку при развиваніи вѣнковъ и дарятъ другъ друга лентами или полотенцами.

Въ Енисейской губ., въ Минусинскомъ округѣ, изготовляется поселянками „гостейка“, березка, одѣтая въ лучшее женское платье. Гостейку на Семикъ приносятъ въ клѣть, гдѣ она стоитъ до Троицына дня. Молодицы и дѣвицы приходятъ провѣдывать гостейку, поютъ пѣсни и играютъ хороводы. На Троицынъ день послѣ обѣдни сбираются въ клѣти дѣвицы съ молодцами, выносятъ гостейку, отправляются къ рѣкѣ, играютъ въ хороводы, завиваютъ вѣнки и бросаютъ ихъ въ воду для загадыванья.

Въ Бѣлоруссіи также завиваютъ въ рощахъ изъ березокъ вѣнки для родныхъ и милыхъ. Матери завиваютъ вѣнки для дѣтей, дѣти для отца и матери, братья для сестеръ и суженыхъ. Дѣвушки мѣняются кольцами на вѣчную дружбу и поютъ русальныя пѣсни.

Въ степныхъ селеніяхъ троицкое гулянье считается послѣднимъ праздникомъ. Тамъ кумы посылають въ гостинцы своимъ крестникамъ гречневые короваи и желтыя яица. Дѣвицы дарятъ другъ друга лентами и мѣняются кольцами. Мѣновые вѣнки хранятъ на память дружбы, перевязывая ихъ лентами.

Сахаровъ

Свадебные обряды и пѣсни.

Свадебные обряды всѣхъ индо-европейскихъ народовъ вообще и народовъ славянскихъ въ частности естественнымъ образомъ распадаются на три отдѣла: 1) обряды, которые совершаются въ домѣ отца невѣсты; 2) обряды, имѣющіе мѣсто при отправленіи молодой въ домъ новобрачнаго и 3) обряды въ домѣ новобрачнаго. Въ виду того обстоятельства, что нѣкоторые обряды, имѣющіе мѣсто въ домѣ отца невѣсты, повторяются въ домѣ новобрачнаго, затѣмъ, въ виду неравномѣрнаго количественнаго распредѣленія обрядовъ по отдѣльнымъ актамъ свадьбы, болѣе удобнымъ является раздѣленіе всѣхъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ на два широкихъ отдѣла: 1) свадебные обряды и пѣсни, относящіеся къ гражданскому укрѣпленію брака и 2) свадебные обряды и пѣсни, служащіе въ языческой древности религіознымъ освященіемъ супружескаго союза. Почти всѣ свадебные обряды такъ или иначе примыкаютъ къ одному изъ этихъ двухъ отдѣловъ, или опредѣляютъ положеніе брачущихся въ семьѣ и обществѣ, или обезпечиваютъ имъ счастіе и чадородіе, ставя ихъ подъ покровительство обоготворенныхъ небесныхъ явленій.

Обряды юридическаго свойства очень тѣсно переплелись съ обрядами религіозно-миѳическими. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникаетъ большое затрудненіе опредѣлить происхожденіе и первоначальное значеніе обряда.

Иное свадебное дѣйствіе, возникнувъ, повидимому, изъ древнихъ семейныхъ отношеній, дѣйствіе исключительно бытовое, въ теченіе своей многовѣковой жизни, мало-по-малу отдѣлилось отъ породившаго его явленія, изъ живого дѣйствія сдѣлалось безсознательно или полусознательно совершаемымъ обрядомъ и глубоко сроднилось съ опредѣленной стороны съ дѣйствіемъ чисто миѳологическаго воззрѣнія.

[illegible] славянскія свадеб[illegible] боги и обряды, [illegible] свадебные обряды, [illegible] немногими исключеніями [illegible] ранее [illegible] [illegible]. Изученіе славянскихъ [illegible] свадебныхъ [illegible] [illegible] чѣмъ историку народной поэзіи и миѳологу.

[illegible] народа [illegible] какъ [illegible] соединенія двухъ [illegible], черты брака [illegible] перенесены на небо. Представляя и называя [illegible] небесное и земное, перенесли первообразные событія человѣческой жизни: она перевела въ воздушный [illegible] небесными явленіями она украшала скромное земное существованіе [illegible] лучами, облекала [illegible] и [illegible] дѣлала ее такою лучезарною и священною, какъ само солнце; [illegible] радуги облекали станъ дѣвушки и [illegible] молніи, кропила весенняя животворная вода [illegible] пирующихъ свадебныхъ гостей. Солнце, луна, [illegible] и молнія стали принимать дѣятельное участіе въ [illegible] человѣка, опредѣляли время его рожденія и счастіе или несчастіе всей будущей жизни, устраивать бракосочетаніе и т. д.

Перенесеніе брачныхъ свойствъ свѣтилъ небесныхъ на человѣческій бракъ сдѣлало послѣдній таинствомъ у [illegible] народовъ, въ томъ числѣ у образованнѣйшаго народа древности — грековъ, бракъ считался таинствомъ. Небесный бракъ [illegible] освящающимъ первообразомъ брака земного, придававшимъ послѣднему священное, таинственное значеніе. У [illegible] всѣ восемь формъ брака носили имена боговъ и демоновъ. Наиболѣе уважаемыя формы брака получили имена наиболѣе чтимыхъ боговъ.

Съ [illegible] и [illegible] [illegible] на землѣ [illegible] было [illegible] небесной [illegible]. Отсюда выраженія: „суженой“, „суженая“, „суженаго конемъ не объѣдешь“. Отмѣтимъ супружескія небесныя пары, [illegible] въ большей или меньшей мѣрѣ входившія въ міръ [illegible] славянскихъ народовъ.

1) [illegible] Очевидное для всѣхъ [illegible] Аѳанасьева, [illegible] земные урожаи [illegible]

въ умѣ мысли о супружеской связи неба съ матерью землею. Согласно съ этимъ небо обозначается словами мужескаго, а земля — женскаго рода.

2. *Солнце и земля.* Небо родило сына — солнце и уступило ему свое значеніе и силу. Дорогое дитя неба въ народныхъ міровоззрѣніяхъ заняло широкое мѣсто, вытѣснивъ изъ нихъ мало-по-малу своего родителя.

Представленіе о бракѣ земли съ юнымъ свѣтоноснымъ солнцемъ повело къ созданію многочисленныхъ разсказовъ, до сихъ поръ сохранившихся въ сказкахъ разныхъ народовъ. Сказки объ окаменѣломъ царствѣ, спящей или очарованной царевнѣ — остатки миѳа о зимнемъ снѣ земли, изъ котораго ее выводитъ первый поцѣлуй весенняго солнца. Въ слѣдующемъ замѣчательномъ болгарскомъ обычаѣ сказалась мысль о бракосочетаніи солнца и земли. 9-го марта въ каждомъ домѣ пекутъ круглый хлѣбъ, который называется „кравайче". Дѣти берутъ по своему „кравайчету" и идутъ на гору. Они пускаютъ хлѣбы катиться внизъ, и гдѣ онъ остановится, тамъ они вырѣзаютъ яму въ землѣ, а потомъ закапываютъ хлѣбъ. Этотъ кусокъ земли употребляется для лѣкарства, а на мѣстѣ, гдѣ похороненъ хлѣбъ, выростетъ лѣкарственная трава.

3. *Мѣсяцъ и звѣзда.* Нерѣдко замѣчается явленіе на небѣ, что какая-нибудь звѣзда случайно какъ будто идетъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ. Отсюда возникло представленіе, что звѣзда сопровождаетъ мѣсяцъ, какъ его близкая подруга. У мѣсяца изъ многихъ звѣздъ есть своя любимая подруга.

4. *Громовникъ и Облачная дѣва.* „Въ грозѣ, — говоритъ Аѳанасьевъ, — древній человѣкъ видѣлъ брачный союзъ бога-громовника съ облачной дожденосной дѣвой".

Свадебныя религіозныя пѣсни близко стоятъ къ молитвамъ; онѣ имѣютъ отъ послѣднихъ то существенное отличіе, что не заключаютъ въ себѣ просьбы, обращенной къ божеству, не имѣютъ прямой утилитарной цѣли. Въ нихъ воспѣвается бракъ небесный, какъ священный прототипъ брака человѣческаго.

Въ малорусскихъ пѣсняхъ вѣнчанье имѣетъ мѣсто не на землѣ, а въ таинственныхъ пространствахъ святой горы. Въ бѣлорусской пѣснѣ говорится о теремѣ между горъ, гдѣ свѣтитъ ясная звѣздочка. Въ великорусской пѣснѣ Архангельской губ. церкви высокой и красивой, стѣны храма бѣлокаменны.

Глубокой древностію отзываются свадебныя пѣсни объ оленѣ, соколѣ и павѣ.

Свадебныя пѣсни о бѣломъ оленѣ встрѣчаются въ губерніяхъ Курской, Пермской и Тульской и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи.

Въ нѣкоторыхъ свадебныхъ пѣсняхъ мѣсто оленя золотые рога занимаетъ соколъ. Соколъ свадебныхъ пѣсенъ есть зооморфическій образъ солнца и позднѣе — символъ жениха.

Въ пѣсняхъ часто невѣста уподобляется павѣ. Въ колядкахъ пава обладаетъ золотыми перьями, такъ что, вѣроятно, и въ свадебныхъ пѣсняхъ рѣчь идетъ о близости невѣсты къ извѣстному зооморфическому образу солнца.

Сумцовъ.

Бытовыя пѣсни.

Внутренняя жизнь русскаго народа, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, съ ея радостями и печалями, вылилась вполнѣ въ *частной* или *бытовой* пѣснѣ. Этотъ разрядъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, именно пѣсень семейныхъ — дѣвичьихъ, женскихъ, молодецкихъ и проч. — принадлежитъ къ чисто лирическому роду поэзіи, потому что пѣсни эти служатъ выраженіемъ внутренняго чувства человѣка, изліяніемъ горя или радости сердца.

Окружающая природа и внутренній народный бытъ — государственный, общественный и семейный, образовавшіеся подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, придаютъ тотъ или другой характеръ народной поэзіи и преимущественно народной пѣснѣ. Народныя пѣсни имѣютъ самую тѣсную связь съ жизнію народа. „Народныя пѣсни — это народная исторія, — говоритъ Гоголь, — живая, яркая, исполненная красокъ истины, обнажающая всю жизнь народа". Многія стороны и черты народной жизни, которыхъ мы не найдемъ въ сухихъ лѣтописныхъ разсказахъ, открываются только въ семейной, женской или молодецкой, словомъ, въ частной и бытовой пѣсни. Потому мы и разсмотримъ подробно собственно этотъ разрядъ нашихъ народныхъ пѣсенъ, богатыхъ чертами истинной, самобытной поэзіи русскаго народа.

Тонъ русской народной пѣсни — грустный, тоскливый до крайности, созерцательный характеръ — или глубокая сер-

дечная тоска, или отчаянное, неудержимое веселье, доходящее до самозабвенія. Такой характеръ нашей народной пѣснѣ придала — съ одной стороны — равнинная, по большей части, степная природа Россіи, невольно наводящая тоску и уныніе на душу своимъ ужасающимъ однообразіемъ. Припомнимъ наши обширныя, непроглядныя и малонаселенныя степи, наши дремучіе и до крайности однообразные лѣса; наши темныя, нескончаемыя осенніе ночи, наши долгія и суровыя зимы, — и намъ не покажется удивительнымъ то грустное чувство, которое прорывается повсюду въ русской народной пѣснѣ. Съ другой стороны, жизненныя, историческія причины, вслѣдствіе которыхъ сложился русскій народный бытъ, съ его семейнымъ деспотизмомъ, съ подчиненіемъ женщины грубой, деспотической власти мужчины, съ грубостію нравовъ вообще, съ неувѣренностію въ завтрашнемъ днѣ и въ своемъ семейномъ благополучіи, — все это наложило печать глубокой тоски на нашу народную пѣснь.

Пѣсни семейныя — женскія и мужскія, дѣвичьи, свадебныя и т. д. — запечатлѣны особеннымъ тономъ тяжкой, безысходной печали. Онѣ полны той глубокой, сокрушительной скорби, которая невольно васъ за сердце хватаетъ. Въ каждомъ словѣ ихъ слышны слезы *горючія*, которыя какъ *рѣка льются*, какъ *ручей текутъ*.

Не наполнишь ты синя моря слезами,

говорится въ одной дѣвичьей пѣснѣ. Нѣкоторыя дѣвичьи пѣсни отличаются въ то же время нѣжностію, а иногда и удивительною силою чувства, какою-то особенною, простодушною граціею и нѣжнымъ, поэтическимъ отношеніемъ къ природѣ. Вотъ какъ говоритъ дѣвушка въ пѣснѣ о вѣрности своему другу:

Я въ ты поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками...

Участь оставленной дѣвушки пѣсня сравниваетъ съ участію горемычной кукушки, у которой залетный соколъ разорилъ гнѣздо и разогналъ дѣтушекъ. А какъ хороша пѣсня, гдѣ дѣвушка сравнивается съ „тонкою, бѣлою, кудреватою березою, которую ни солнышко ни мѣсяцъ не грѣютъ, не

[illegible] а только [illegible] частыми дождями да ломитъ буйнымъ вѣтромъ".

Вообще чувство женщины выражается въ нѣкоторыхъ русскихъ пѣсняхъ съ рѣдкою поэтическою граціею и съ прекрасными поэтическими выраженіями, какъ напр. въ извѣстной пѣснѣ: „На горѣ стоитъ сѣнька" съ этимъ граціознымъ припѣвомъ:

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.

Въ большей же части личныхъ или женскихъ пѣсенъ высказывается горемычная доля дѣвушки, которую не спросясь ея желанія помимо ея свободнаго выбора выдаютъ за мужъ. Сколько безотрадной тоски и въ то же время какая трогательная кротость и нѣжная любовь къ родителямъ слышатся обыкновенно въ словахъ этихъ пѣсенъ! Дѣвушка прощается съ своей дѣвичьей красою, съ своимъ садикомъ, съ цвѣтами, съ соловьемъ: „Завянутъ безъ меня [illegible] въ саду", говоритъ она. „Пой, мой громкій соловей, во всю ночку, во всю мѣсячную! Ужъ не долго тебѣ меня тѣшити". Она, „горемычная горегорькая", съ кроткою мольбою и любовью обращается къ своей „желанной" матушкѣ и проситъ не отдавать ее чужимъ отцу съ матерью, которые „безжалостливы уродилися". Но свѣтелъ мѣсяцъ — родимый батюшка и красно солнышко — родима матушка [illegible] ее, дѣвицу красную, за поруки крѣпкія, за замки вѣковѣчные, выдали ее на чужую сторону, которая, въ [illegible] дѣвушки, „теремъ горожена, а печалью усожена, слезами поливана, тоскою покрывана". И здѣсь-то начинаются тѣ печальныя картины грубаго, суроваго семейнаго быта, которыя съ такою безпощадною вѣрностію [illegible] рисуются въ пѣсняхъ. Тутъ и свекоръ и свекровь лютые, и золовки смутливыя, и деверья пересмѣшливые, тутъ [illegible] съ нею не ласково [illegible] она [illegible] учится [illegible] и [illegible] горькую пѣснь [illegible] съ мужемъ [illegible] [illegible]

[illegible] которая [illegible] и разъ [illegible] другой разъ [illegible]. [illegible] Жалоба женщины на [illegible] и тяжелое положеніе въ семейномъ быту [illegible] или [illegible] пѣснямъ. [illegible] по большей части съ кроткою грустію [illegible], но въ иныхъ пѣсняхъ она [illegible] съ большею си- [illegible] напр. въ пѣснѣ: [illegible] что на всѣ на четыре стороны“.

При такомъ устройствѣ общественнаго быта, при такомъ [illegible] семейныхъ правовъ [illegible], что не только женщина, но и мужчина, и самъ древній добрый молодецъ, долженъ былъ страдать. И вотъ въ [illegible] нападаетъ на [illegible] молодца, „какъ туманъ на сине море“, добрый молодецъ [illegible] крестится, и [illegible] какъ былинка въ чистомъ полѣ шатается его буйная головушка. Добрый молодецъ допытывается у матери о своей судьбѣ и говоритъ:

Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государыни, моей матушки, спрошуся:
Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?

Но [illegible] не [illegible] буйная головушка не отъ времени, не отъ лѣтъ, все отъ безвременья. И добрый молодецъ, чтобы избыть свою зазнобу-тоску, [illegible] грубому разгулу, топитъ свое горе [illegible] *зеленъ винъ* и говоритъ въ пѣснѣ:

Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску-кручину...

Итакъ, вотъ гдѣ ищетъ утѣхи русскій добрый молодецъ своему горю. Такого [illegible] своему горю человѣкъ можетъ искать только въ [illegible] грубомъ [illegible] и [illegible] это, нѣтъ сомнѣнія, представляется крайне печальнымъ. Но [illegible] которую мы встрѣчаемъ въ [illegible] пѣсняхъ [illegible] [illegible]

жалобы на горемычную долю, разлитыя въ пѣсняхъ женскихъ, — все это доказываетъ, съ одной стороны, что древнерусскій человѣкъ не хотѣлъ мириться съ темною стороною своей дѣйствительности; что онъ протестовалъ противъ нея и искалъ выхода изъ-подъ тяжелаго гнета обстоятельствъ; а съ другой — свидѣтельствуетъ о необыкновенной силѣ воли и энергіи народнаго духа, которыя не могла сокрушить никакая невзгода, никакія неблагопріятныя обстоятельства исторіи.

Карауловъ.

Свадебныя пѣсни.

Въ разныхъ странахъ сѣверной Россіи свадебные обряды весьма разнообразны и многочисленны, такъ что они представляютъ многосложную, разительную и живую картину нравовъ и обычаевъ, повѣрьевъ и обрядовъ, въ коихъ отсвѣчивается мѣстность и духъ народа: большая часть этихъ обрядовъ суть символы и аллегоріи, коихъ смыслъ отчасти потерянъ. Сія драма народная, или, лучше сказать, опера-водевиль, во многихъ отношеніяхъ важна и занимательна. Нигдѣ такъ не проявляется народность и древній ея бытъ, какъ въ актахъ русской свадьбы, болѣе умилительной и торжественной при многихъ ея странностяхъ, нежели веселой и разгульной, хотя она и называется въ старомъ русскомъ языкѣ такъ, какъ нынѣ и въ червонорусскомъ и малороссійскомъ, — *веселіемъ, веселымъ пиромъ*, въ коемъ слилось религіозное съ народнымъ, древнее съ новымъ.

Лѣтописецъ говоритъ, что въ язычествѣ, вмѣсто браковъ, у радимичей, вятичей, сѣверянъ, были *игры межи селы* (т.-е не между селеній, а между полей), гдѣ среди игръ, пѣсенъ и плясокъ мужчины выбирали себѣ невѣсть. Остатокъ этого находятъ въ игрѣ *просо сѣяніе*. Самое выраженіе наше *играть свадьбу* едва ли не происходитъ отъ древнихъ *игръ*; притомъ въ областныхъ нарѣчіяхъ Россіи донынѣ говорится, вмѣсто пѣть пѣсни, *играть пѣсни*. Какъ свадебные обряды сопровождаются пѣснями и музыкою, то посему и говорится *играть свадьбу*.

Въ XI уже вѣкѣ были веселья и пѣсни на свадьбахъ, какъ видно изъ посланія вел. князя Владиміра Мономаха къ

Олегу. По сказанію Стоглава, гл. 41, вопр. 16: „въ мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и арганники, и гусельники, и смѣхотворцы и *бѣсовскія пѣсни* поютъ, и какъ къ церкве вѣнчатися поѣдутъ, священникъ со крестомъ будетъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рищутъ“ (Стоглавъ, изд. Кожанчикова, 1863, стр. 135). Духовные писатели народныя пѣсни и слѣдов. свадебные обряды называли *бѣсовскими*.

Свадебныя пѣсни, извѣстныя въ Россіи издревле, нерѣдко проникнутыя глубокими и умилительными чувствами, сопровождаютъ всѣ акты этой семейной драмы; каждому дѣйствію соотвѣтствуетъ особенная пѣсня: сговору, дѣвичнику, величанью и т. д. Онѣ содержатъ въ себѣ приготовленіе къ исполненію обязанностей жены и хозяйки, изображеніе замужней жизни съ ея горестями и заботами, радостями и надеждами, — описываютъ переходъ изъ дѣвическаго состоянія въ замужнее, изъ рукъ и дома родителей въ руки и домъ мужа, нерѣдко изъ родной въ чужую, дальнюю сторону; ибо для невѣсты русской встарину женихъ былъ *суженый*, который избирался волею родительской и для невѣсты былъ *судьбою*, и самый обрядъ вѣнчанія называется *судомъ Божіимъ*. Въ этихъ пѣснопѣніяхъ остались еще непростывшіе слѣды древняго быта народнаго; онѣ воспоминаютъ намъ миѳическаго Лада, Тура и припѣвъ Леля, синее море, горючъ камень, терема и свѣтлицы, *калиновые мостки, дубовые столы, скатерти браныя, караваи, перепечи, сахарныя яства, гривны* и пр. Свадебныя пѣсни, выражая мѣстность и духъ народа, бываютъ различны. Какъ при похоронахъ и поминкахъ, такъ и при свадебныхъ обрядахъ простолюдиновъ остались причитанія съ вытьемъ. Въ дѣвичникъ невѣста, закрытая фатою, среди дѣвицъ садится на возвышенное мѣсто съ искусною причитальщицей и начинаетъ причитать. Она напѣвнымъ голосомъ дѣлаетъ приличный причетъ отцу и матери, братьямъ, сестрамъ и всѣмъ родственникамъ, прощается съ отчиною своею, если ее выдаютъ на чужбину, и съ подругами, приговаривая, что она выходитъ изъ круга.

Снегиревъ.

Значеніе окружающей природы въ созданіи миѳовъ.

Въ странѣ, бѣдной [illegible] природой [illegible] и [illegible]-систой, гдѣ взоръ свободно распространяется [illegible] равнинъ [illegible], не [illegible] ни на чемъ не останавливаясь, [illegible] и [illegible] воображеніе въ странѣ, [illegible] силою [illegible] въ холодномъ, [illegible] мифическихъ [illegible] божествахъ могли удержаться [illegible] развитіе, только преданія о рѣкахъ. [illegible] не находитъ на Руси [illegible] обстановки: [illegible] вихри проносясь по степямъ [illegible] терялись въ однообразномъ пространствѣ, [illegible] негдѣ имъ было остановиться, чтобы [illegible] какіе образы, нѣтъ на Руси ни глубокихъ пещеръ, гдѣ бы они пріютились, ни высокихъ горъ, изъ-за которыхъ они вырывались бы наружу. Самое море въ нашихъ пѣсняхъ называется только синимъ, потому что племена, заселившія Русь, забыли уже его безпріютную, волнующуюся пучину и внесли съ собою только пріятное воспоминаніе о зеркальной поверхности воды, въ которой отражается синее, безоблачное небо. Нашъ эпосъ хотя и знаетъ морского царя, но чувствуетъ его только по отношенію къ рѣкамъ, чтобы въ немъ бо[illegible] дать имъ отца, потому даже низводитъ его до божества воды вообще, называя его водяникомъ и давая ему въ супруги какую-то царицу-водяницу.

Миѳологія финскихъ и сѣверныхъ нѣмецкихъ племенъ рисуетъ воображенію типическіе типы стихійныхъ божествъ воздуха, мороза, горной природы и морского тумана. Высокія горы и приморскія скалы издали обманываютъ взоръ своими причудливыми формами и мерещатся испуганному воображенію страшными великанами. Они [illegible] на смертныхъ [illegible] и силы, грозятъ своей массой [illegible] [illegible] поверхность моря [illegible] отражаетъ [illegible] и морской [illegible] [illegible] [illegible]

горы, по преданію сѣверной ми[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] нѣкогда [illegible] [illegible] изъ великановъ.

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] рѣкахъ [illegible] [illegible], между [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] сѣверными [illegible], [illegible] въ эпосѣ сербскомъ.

Впрочемъ, несмотря на то, что въ эпосѣ русскомъ не могли посчастливиться представленія о великанахъ горъ, все же были и на Руси зачатки этихъ представленій, вынесенные изъ общей индо-европейскимъ народамъ арійской родины, а у другихъ славянъ, при благопріятствовавшей обстановкѣ природы и быта, даже развились они, принявъ мѣстный, индивидуальный характеръ.

Впрочемъ, первая эпоха сильнѣе наложила свою печать на судьбу нашихъ богатырей. Какъ сѣверные великаны, они превращаются въ камни, горы и утесы, а превращеніе на эпическомъ языкѣ часто имѣетъ смыслъ и уподобленія, ассимиляціи, тождества. Слѣдовательно, это просто великаны горъ, миѳическое олицетвореніе самыхъ горъ и утесовъ. Такое миѳическое превращеніе соотвѣтствуетъ космогоническому преданію о самомъ рожденіи людей изъ каменьевъ, которые, по греческому миѳу, Девкаліонъ и супруга его, соотвѣтствующіе семитическому Ною и индо-европейскому Ману, бросили позади себя, и изъ каждаго камня рождался человѣкъ.

Титаническія стихійныя существа въ исторіи народнаго эпоса заслоняютъ собою преданія о первобытныхъ хаотическихъ переворотахъ на землѣ, совершавшихся нѣкогда могуществомъ высшихъ, недовѣдомыхъ силъ. По этимъ преданіямъ, горы, лѣса, воды въ хаотическомъ безпорядкѣ пространялись по землѣ и, какъ существа одушевленныя, могли сдвигаться между собою и раздвигаться, по приказанію высшаго [illegible].

Этой миѳической эпохѣ размѣщенія и установленія порядка и гармоніи между землею и водою соотвѣтствуетъ превращеніе стихійныхъ великановъ въ горы и рѣки. Эти миѳическія существа, одаренныя буйною силою, безъ всякой удержи и

блуждали, сталкивались между собою въ титанической борьбѣ и не давали простора обыкновеннымъ смертнымъ. Но рано или поздно законы природы должны были положить конецъ этому хаосу и неурядицѣ.

Слагатели миѳовъ и космогоническихъ эпизодовъ были глубоко убѣждены въ этомъ благотворномъ переворотѣ, потому что они хотя и не довѣряли невѣдомымъ силамъ природы, хотя страшились и благоговѣли передъ могуществомъ стихіи, но все же видѣли, что горы и лѣса стоятъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, что рѣки, что бы онѣ ни говорили своими плещущими струями, все же, по установленному порядку, неизмѣнно текутъ въ своихъ крутыхъ берегахъ. Куда дѣвались эти страшные для человѣка исполины, которымъ такъ привольно было блуждать въ первобытномъ хаосѣ? Они превратились въ рѣки и горы, повѣствуетъ народный эпосъ и успокоиваетъ запуганное воображеніе, наглядно убѣждая, что отъ страшныхъ сверхъестественныхъ силъ ничего больше не осталось, какъ грубая масса, въ которой они навсегда улеглись.

Буслаевъ.

Главныя основы и процессъ образованія народнаго эпоса.

Народный эпосъ — во всѣхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ, начиная съ миѳа и чарующаго заклятія, этого отголоска религіозныхъ миѳическихъ обрядовъ, и до дѣтской игры, сопровождаемой стихами или причитаньями, и до колыбельной пѣсни — есть не только выраженіе народнаго быта, но также сама народная жизнь, возведенная на первую степень сознанія и перелитая въ прекрасные звуки родного слова. Потому только въ связи съ характеристикою первоначальнаго эпическаго быта самого народа возможно себѣ составить вѣрное и полное понятіе объ этомъ существенномъ, основномъ родѣ поэтической дѣятельности.

Совокупному, такъ сказать, собирательному творчеству народной фантазіи и этому ровному неизмѣнному теченію эпоса соотвѣтствуетъ строгая обрядность эпическаго быта, подчиненная вѣрованію и сопровождаемая неизмѣнными обычными проявленіями въ дѣйствіяхъ и въ самыхъ словахъ. Съ самаго рожденія и до смерти вся жизнь человѣка подчиняется этому

ровному эпическому теченію, руководимая вѣрованіями старины, оглашаемая звуками родного слова (эпоса) въ его разнообразныхъ проявленіяхъ.

Сознавая или, точнѣе сказать, только ощущая всю полноту вымысловъ народной фантазіи, каждое поколѣніе получаетъ въ наслѣдство и удерживаетъ только часть этого всеобъемлющаго цѣлаго. Но зато въ каждомъ эпизодѣ, въ каждой эпической пѣснѣ чувствуются всѣ элементы, изъ которыхъ сложился народный эпосъ: чувствуется ясно, что только на широкой основѣ полнаго воссозданія жизни въ эпической формѣ была возможна та зиждительная сила, помощію которой сложился эпизодъ, отдѣльная пѣсня или сказка.

На этомъ основывается высокое достоинство эпизодовъ народнаго эпоса. Каждый изъ нихъ даетъ слушателю полную возможность оріентироваться, опознаться въ тѣхъ подробностяхъ разсказа и въ тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя въ эпизодѣ сообщаются, хотя бы подробности эти, какъ краткіе намеки, и состояли въ связи съ другими разсказами, съ другими пѣснями или сказками, т.-е. съ другими эпизодами великаго народнаго эпоса. Никогда не видя предъ собою цѣлаго эпическаго зданія (которое и живетъ только въ эпизодахъ), всякій и поющій и слушающій сообщается съ нимъ на каждомъ отдѣльномъ эпизодѣ, — подобно тому какъ говорящій проникается всею полнотою и силою своего родственнаго языка, хотя бы сказалъ только нѣсколько фразъ; или, чтобы вполнѣ восчувствовать всѣ оттѣнки грамматическаго состава, хотя бы самой короткой рѣчи, надобно усвоить себѣ весь внутренній строй языка.

Эпизодическое существованіе эпоса, вполнѣ согласное съ постоянно эпизодическимъ его употребленіемъ въ народѣ, опредѣляетъ всю историческую его судьбу, все его внѣшнее развитіе. Со временемъ одни эпизоды пропадаютъ, другіе возникаютъ вновь, иные подновляются, по требованію новыхъ обстоятельствъ и воззрѣній и, такъ сказать, покрываются новыми наростами. Однако, несмотря на видоизмѣненіе составныхъ частей, цѣлое остается невредимо, пока въ народѣ не угасла жизнь эпическаго творчества. Точно такъ дерево остается свѣжо и исполнено жизни, пока здоровъ его корень, сколько бы ни мѣняло оно вѣтвей и листьевъ. Потому, замѣчу мимоходомъ, мнѣ кажется, отличается необыкно-

[illegible] художественную [illegible] [illegible] народа [illegible] [illegible].

[illegible]

[illegible] ческаго разсказа.

Тогда въ памяти народа остаются только отрывочные намеки на утраченное цѣлое, въ видѣ обычныхъ эпическихъ формъ, въ образованіи и измѣненіи формъ которыхъ первоначальное значеніе уже непонятно; потому что онѣ уже стали не что иное какъ старый и разрушенный матеріалъ, пошедшій на новыя постройки.

Отрываясь отъ миѳическихъ основъ древнѣйшаго эпоса, народный эпосъ еще болѣе нарушаетъ [illegible] цѣльность своей внѣшней формы, потому еще болѣе нуждается въ [illegible] ческомъ изложеніи, и такимъ образомъ представляется въ собраніемъ отжившихъ или отживающихъ преданій и вѣчно [illegible] живучихъ убѣжденій [illegible] образовъ [illegible] героической миѳологіи и древнихъ характеровъ [illegible] народомъ идеаловъ. Миѳологическія и историческія [illegible] народнаго были сосредоточены къ [illegible] убѣжденіямъ и воззрѣніямъ народа на жизнь и природу, [illegible] идеальное, незримое, но [illegible] чувствуемое [illegible] органическому [illegible].

Буслаевъ.

Историческое развитіе характеровъ и идеаловъ русскаго эпоса.

Нѣтъ сомнѣнія, что пѣсни [illegible] Нибелунговъ, [illegible] пѣсни, [illegible] и которые сохранили въ себѣ гораздо болѣе [illegible] древнѣйшаго миѳическаго эпоса, нежели пѣсни [illegible],

которыя значительно потерпѣли отъ внесенія въ нихъ элемента историческаго. Надобно полагать, что эпическому циклу Владиміра Красна-Солнышка и его богатырей предшествовалъ въ русской поэзіи собственно миѳологическій и героическій эпосъ, идеальные типы котораго были потомъ перенесены на Владиміра и его поэтическихъ спутниковъ. Между этими послѣдними, можетъ-быть, уцѣлѣли нѣкоторыя имена и характеры того древнѣйшаго эпоса, какъ, напримѣръ, Дунай и его воинственная невѣста, эта Брунгильда русскаго эпоса. Сюда же можно отнести Волхва Всеславича, героя-оборотня, Потока Михайлы Ивановича съ его вѣщеи супругой бѣлою лебедью и нѣк. др. Но государственное начало, начинавшее уже пускать свои корни въ южной Руси, уже очень рано оказало свое дѣйствіе на составъ народнаго эпоса, сгруппировавъ цѣлый рядъ богатырей около княжеской власти, олицетворенной въ древнемъ миѳическомъ образѣ Красна-Солнышка, которому услужливая дружина дала имя любимаго ею князя. Къ тому же времени принадлежитъ и княжеская личность *Добрыни*. Окруженіе князя Владиміра представителями различныхъ сословій, безъ сомнѣнія, относится къ эпохѣ уже послѣдующей. Характеръ Алеши Поповича, очерченный народной фантазіей съ очевидными признаками ироніи, указываетъ уже на столкновеніе частныхъ интересовъ съ церковными. Величавая личность Ильи Муромца въ основныхъ своихъ очертаніяхъ, можетъ-быть, напоминала идеальные типы полубоговъ, сокрушителей всего зловреднаго на землѣ; можетъ-быть, она была снимкомъ съ миѳическаго идеала какого-нибудь Перуна, этого громовержца Тора славянской миѳологіи. Но въ эпоху историческую, когда сложился циклъ Владиміровъ, Илья Муромецъ сталъ могущественнымъ представителемъ силъ простого народа и защитникомъ его интересовъ. Потому отзываются уже позднѣйшимъ протестомъ всѣ тѣ пѣсни, гдѣ удалой Муромецъ превозносится своею физическою силою и своимъ благородствомъ надъ прочими сословіями, гдѣ и князья, и бояре, и гости богатые, и вся родня Алеши Поповича, намѣренно выставляются въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ сравнительно съ его чистою, простонародною личностью. Борьба Ильи Муромца съ Соловьемъ Разбойникомъ, также и битва Добрыни съ Бабою Горынинчною можетъ относиться къ первобытному миѳологическому эпосу; но соотношенія этихъ двухъ

богатырей другъ къ другу внесены во Владимировъ циклъ уже гораздо позже; точно такъ же въ позднѣйшей эпохѣ разлада между классами народа надобно отнести насмѣшки Ильи Муромца надъ прочими богатырями и видимое къ этимъ послѣднимъ презрѣніе. Въ пользу любимой народомъ личности эпическая фантазія не пощадила даже самого Владимира. По одному эпизоду, этотъ послѣдній хочетъ жениться на одной прекрасной женщинѣ, мужа которой усердные приспѣшники хотятъ для того извести смертію, но только одинъ Илья Муромецъ возмутился отъ такого нечистаго дѣла. „Ужъ ты, батюшка, Владимиръ князь!“ воскликнулъ онъ:

> Изведешь ты яснова сокола,
> Не поймать тебѣ бѣлой лебеди.

И за это слово былъ онъ посаженъ въ глубокій погребъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ послѣднею сословною раздражительностію даже нарушается величавый характеръ любимаго народомъ героя. Тогда муромскій богатырь теряетъ свое обычное торжественное спокойствіе и снисходительность — эту лучшую прикрасу своего могущественнаго характера, и безъ всякаго милосердія побиваетъ княжескую дружину. Наконецъ, превращеніе муромскаго мужика въ донского казака объясняется тѣмъ же протестомъ, который позднѣйшія поколѣнія хотѣли заявить въ лицѣ своего избраннаго представителя.

Таково, по нашему мнѣнію, постепенное, историческое развитіе самыхъ характеровъ и идеаловъ русскаго эпоса, въ связи съ убѣжденіями и понятіями смѣняющихъ другъ друга поколѣній. Анахронизмы, столь обыкновенные во всякой народной поэзіи, — какъ напр. у насъ въ пѣсняхъ Владимиръ ведетъ войну съ татарами, — не заслуживаютъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія. *Буслаевъ.*

Внѣшнее и внутреннее единство богатырскаго эпоса, древнѣйшія и позднѣйшія условія, опредѣлившія характеръ его.

Юную пору, золотую пору расцвѣта вполнѣ пробудившихся силъ составляетъ въ нашемъ эпосѣ пора кіевская — богатырская, т.-е. героическая наша пора. До сихъ поръ не забылъ

ни въ Сибири ни въ Олонецкомъ и Архангельскомъ краѣ, въ этомъ смыслѣ еще живая и до сихъ поръ съ ея радушнымъ и ласковымъ княземъ, съ ея сторожевою заставою, съ первымъ отраженіемъ христіанскихъ лучей на ея благодарной общинной почвѣ. Пора эта была какъ будто бы навсегда оставлена могучимъ воображеніемъ народа, такъ что и всѣ позднѣйшія, самыя важныя, раздѣленныя вѣками, событія отнесены къ ней, приурочены къ той же богатырской заставѣ и освѣщены тѣмъ же самымъ свѣтомъ простодушнаго, частію двоевѣрнаго, но въ сущности теплаго и не только наружнаго пониманія христіанства Такимъ образомъ, при всей своей многосложности, нашъ эпосъ оказывается въ своемъ родѣ объединеннымъ, такъ какъ въ немъ даже имѣется, конечно своеобразнымъ путемъ достигнутое, единство внѣшнее — мѣста и времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единство внутреннее —содержанія, мысли, главнымъ образомъ выразившейся въ слагавшемся въ теченіе вѣковъ, но все въ одномъ основномъ направленіи, идеальномъ образѣ Ильи Муромца.

Выводя этого богатыря своего изъ простого народа, эпосъ нашъ заставляетъ его постоянно помнить о слабыхъ, о голи, думать объ общихъ правахъ, объ общемъ народномъ дѣлѣ, ничего не ища для себя — ни здѣсь на землѣ у князя ни тамъ въ небесахъ у Бога.

Все, отзывающееся въ нашемъ эпосѣ человѣчностію и свободой, оказалось вытекающимъ изъ общиннаго начала, а потому и связывающимся съ временами его простора, а такими оказываются времена, предшествовавшія не только московскому, но и суздальскому періоду. Объ надавнемъ, путемъ естественнаго, ничѣмъ незадержимаго развитія, совершившемся у насъ переходѣ отъ родовыхъ отношеній къ общиннымъ свидѣтельствуетъ вся вообще словесность наша народная.

Славянамъ не досталось непосредственное сосѣдство съ дряхлѣющей, разлагающеюся имперіею римскою; въ нихъ такимъ образомъ легкостію добычи не были вызваны въ дѣло тѣ силы, которыя у германцевъ разыгрались воинственностію и положили завоевательное начало въ основу средневѣковой государственности. Не существовавшимъ для славянъ переходомъ въ преобладающее воинственное и притомъ наступательно-воинственное положеніе не могли быть пришиблены тѣ смягчающія основы осѣдлости земледѣльческой съ ея то-

ственно изъ нея вытекающею общинностью отношеній, которыя вездѣ зачинались, но въ славянствѣ сложились прочнѣе, ненарушимѣе и человѣчнѣе. Изъ этихъ-то основъ возникли и тѣ поэтическіе идеалы Микулы и Ильи Муромца, которыхъ земледѣльчески-передовое значеніе такъ знаменательно. Славяне русскіе изначала поставлены были въ условія едва ли не самыя выгодныя. Отдѣленные другими славянами отъ сосѣдства съ имперіею или съ германцами, они, въ своемъ движеніи на востокъ отъ Дуная, углубляясь въ теперешнюю Россію, попадали въ широкій просторъ — земли всюду въ волю, а населеніе на ней не густое, мирное, просто отодвигавшееся въ сторону и уступавшее мѣсто славянамъ или дававшее имъ садиться рядомъ — тамъ, гдѣ было уже и совсѣмъ просторно. Не имѣется у насъ ни преданій ни историческихъ свѣдѣній о какой-нибудь хотя мало-мальской борьбѣ пришлыхъ славянъ съ туземными финнами. Тутъ рѣшительно не было завоеванія съ его ожесточающими, развратительными послѣдствіями. Не было его, собственно говоря, и позже, по приходѣ варяговъ. Добровольно призванные славянами, а не насильно обрушившіеся на нихъ, какъ обрушились германцы на римскій міръ, князья со своими дружинами если позже и пускали въ дѣло мечи свои — для собиранія прочихъ племенъ (не участвовавшихъ въ призваніи) подъ власть свою, то съ иными племенами и тутъ порѣшили мирно; вообще же не [illegible] къ обычнымъ послѣдствіямъ прямого, настоящаго завоеванія, къ раздѣлу земли между побѣдителями [illegible] на два слоя — завоевателей, съ безграничнымъ правомъ, и [illegible], вовсе лишенныхъ правъ, и долгой борьбы [illegible] ничего подобнаго [illegible] исторіи не было.

Начало завоевательное коснулось нашей древней жизни только въ видѣ прививки. [illegible]

или другомъ направленіи, предубѣжденными исключеніями. Язычество наше, какъ совокупность повѣрій, преданій и обрядовыхъ дѣйствій, до сихъ поръ живетъ въ народѣ, невѣрно скрываясь подъ позднѣйшею христіанскою оболочкой. Но, не проникнувъ сквозь толстый слой миѳическихъ вѣрованій, христіанство, благодаря общинности, къ нему подготовившей, легко и сравнительно быстро, проникло въ нравственныя понятія народа. Такимъ образомъ древнѣйшія историческія условія были по преимуществу въ нашу пользу, и вотъ ими-то слѣдуетъ объяснять ту степень человѣческаго и свободнаго духа, какая заключается въ нашемъ эпосѣ. Это издавній плодъ общинности и первыхъ, сразу ее озарившихъ, лучей христіанства. Весь дальнѣйшій ходъ нашей исторической жизни вовсе не представлялъ удачнаго усвоенія преимуществъ, доставшихся намъ сначала. Христіанское просвѣщеніе, принявшееся такъ легко и давшее быстрые всходы, было скоро и на долгія времена задержано въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, подобно тому какъ въ нашемъ непостоянномъ климатѣ благодатные дары теплой и быстро наступившей весны нерѣдко бываютъ пришиблены внезапно наставшимъ долговременнымъ холодомъ. Дѣло въ томъ, что вмѣсто сосѣдства съ разлагавшеюся римскою имперіею, вызывавшею германцевъ на дѣйствія наступательныя, у насъ оказалось сосѣдство съ азіатскими кочевыми ордами, постоянно дѣлавшими нападеніе на насъ и заставлявшими насъ обороняться. Вотъ эти-то обстоятельства, отъ которыхъ рѣдко сталъ раздаваться голосъ пахаря, даже въ чисто земледѣльческомъ юго-западномъ краѣ, привели, наконецъ, къ тому, что рѣдко стала раздаваться и христіанская проповѣдь въ землѣ, такъ благопріятно подготовленной къ христіанству. Послѣ первыхъ задатковъ народнаго просвѣщенія, зачавшагося у насъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и сказавшагося въ нашихъ былинахъ грамотностью столь многихъ богатырей, мало-по-малу оказался такой застой, что сдѣлались возможными даже священники, совершенно безграмотные, и что въ XVI в. даже члены боярскихъ родовъ могли, за дальностью разстоянія, остаться безъ неотъемлемаго, по былинамъ, у святой Руси — „звона колокольнаго и пѣнія церковнаго“.

О. Миллеръ.

Измѣненіе былинъ подъ вліяніемъ времени.

Какъ совершался процессъ постояннаго созданія и переработки былинныхъ пересказовъ согласно съ измѣненіемъ историческихъ условій, можно видѣть изъ разсмотрѣнія нѣсколькихъ нынѣшнихъ пересказовъ одного и того же сюжета: одинъ пересказъ излагаетъ сюжетъ въ большой подробности, другой въ меньшей; одинъ сообщаетъ сюжету древнюю въ отношеніи быта обстановку, другой подновляетъ эту обстановку и вводитъ подробности новыя. Примѣрами растяжимости былинныхъ сюжетовъ могутъ служить многочисленные пересказы былины о борьбѣ Ильи Муромца съ Соловьемъ-Разбойникомъ: въ нѣкоторыхъ пересказахъ въ двухъ словахъ разсказывается то, что въ другихъ занимаетъ цѣлые десятки стиховъ; по пересказу Кирши Данилова, въ нѣсколькихъ стихахъ описана ссора Дюка Степановича съ Чурилою Пленковичемъ, между тѣмъ какъ въ олонецкихъ пересказахъ она составляетъ содержаніе цѣлыхъ большихъ битвъ. Иногда распространеніе состоитъ въ томъ, что къ былинѣ, по содержанію примыкающей къ Владимирову циклу, присоединяется эпизодъ посторонній, изъ другого цикла; такъ, напр., по одному онежскому пересказу, въ началѣ былины о Дунаѣ поставленъ эпизодъ, относящійся къ былинамъ о Ванькѣ Ключникѣ, Настасьѣ Королевнѣ Политовской и пр. Примѣрами того, какъ въ былинахъ уничтожается древняя бытовая обстановка, можетъ служить слѣдующее: вообще въ былинахъ Владимиръ называется великимъ княземъ, но въ нѣкоторыхъ пересказахъ ему дается названіе царя. Точно такъ въ часто упоминаемомъ Черниговѣ правитъ то князь, то воевода царскій, то, наконецъ, какой то невѣрный царь Черниговецъ. По нѣсколькимъ пересказамъ былины о Хотенѣ, въ которой разсказывается исторія его женитьбы, Хотенъ родомъ бояринъ или дворянинъ изъ Владимировой дружины, а невѣста его — тоже боярышня или дворянка, по пересказу Рыбникова, отцы ихъ — садовникъ и огородникъ, это показываетъ, что пѣвецъ-крестьянинъ перевелъ содержаніе пѣсни изъ древней обстановки въ современную, болѣе соотвѣтствующую его личному положенію и болѣе ему знакомую. То же отношеніе видимъ мы между былиной объ Алешѣ Поповичѣ и братьяхъ Збродовичахъ и двумя ея пере-

сказами: по первой — дѣйствіе происходитъ на пиру у Владимира, между тѣмъ какъ по послѣднимъ — происшествіе помѣщено въ поповскомъ домѣ. Такое перенесеніе сюжета изъ обстановки исторической въ современно-бытовую указываетъ на одинъ изъ фазисовъ, въ который можетъ вступить былина при исключительно устномъ храненіи.

Майковъ.

Значеніе былины.

Историческая пѣсня, или *былина*, заслуживаетъ особеннаго вниманія между прочими видами русской народной поэзіи. Она свидѣтельствуетъ намъ, что народъ принималъ живѣйшее участіе въ историческихъ судьбахъ Руси, умѣлъ по-своему очень вѣрно понимать ихъ и давать имъ мѣткую характеристику въ своихъ пѣсняхъ. Современники воспѣвали громкія имена и великія событія своего времени и передавали ихъ юному, нарождавшемуся поколѣнію, которое свято сохраняя завѣщанную отъ отцовъ старину, прилагало къ ней былины своего времени, какъ авторъ „Слова о полку Игоревѣ" прилагалъ *былины сего времени* къ замышленію Боянову, и потомъ бережно передавало оно накопленное имъ поэтическое сокровище потомству. Какъ бы ни совершалась эта завѣтная передача историческихъ былинъ, но пѣсни о Владимирѣ, о татарахъ, Литвѣ, объ Иванѣ Грозномъ и о другихъ историческихъ предметахъ и доселѣ живутъ въ устахъ народа. Ясно, что одно поколѣніе органически роднилось съ другимъ, будучи связываемо историческимъ преданіемъ. Какъ грамотные люди читали о родной старинѣ въ лѣтописяхъ, хронографахъ, житіяхъ святыхъ, такъ съ неменьшею для себя пользою простой народъ питался и доселѣ не перестаетъ питаться національными силами историческихъ преданій въ своихъ историческихъ былинахъ. Этотъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И если русскій безграмотный людъ не учится исторіи своей родной земли по школьнымъ учебникамъ, если не понимаетъ ни хронологической ни прагматической связи между важнѣйшими событіями родной старины, то все же онъ питаетъ къ нимъ поэтическое и нравственное сочувствіе, воспоминая о томъ, что больше можетъ роднить простой народъ съ его стари-

ною, — это ли нравственное, поэтическое сочувствіе, или школьный учебникъ; но не могу умолчать о томъ, что съ точки зрѣнія собственно литературной былина несравненно выше всевозможныхъ историческихъ руководствъ или учебниковъ, и для народа — въ его неразвитомъ, безсознательномъ, поэтическомъ періодѣ развитія — служатъ онѣ единственнымъ и самымъ популярнымъ средствомъ къ поддержанію и укрѣпленію національныхъ силъ, развитыхъ въ народѣ его исторіею. Правда, что былина, по большей части, обилуетъ грубыми анахронизмами, смѣшеніемъ исторической истины съ поэтическимъ вымысломъ; но въ общемъ своемъ составѣ, но въ нравственной характеристикѣ лицъ и въ пониманіи великихъ событій старины и до сихъ поръ она еще не встрѣчаетъ себѣ соперничества ни въ одномъ историческомъ, прагматическомъ сочиненіи, а по искренности національнаго чувства она можетъ равняться развѣ только съ самыми лучшими страницами лѣтописи, которой служитъ живымъ народнымъ отголоскомъ. Притомъ, самые анахронизмы и кажущіяся нелѣпицы исторической былины заслуживаютъ тщательнѣйшаго наблюденія для изученія того, какъ принимались народнымъ смысломъ историческіе факты, какъ группировались они въ его воображеніи и воспитывали въ немъ національное чувство. Если для исторіи науки поучительны самыя ошибки ученыхъ дѣятелей, особенно такихъ даровитыхъ, какъ напримѣръ Карамзинъ, то тѣмъ поучительнѣе поэтическія заблужденія цѣлаго народа, потому что они налагаютъ неизгладимыя черты на всю его нравственную физіономію. Что же касается до анахронизмовъ исторической былины, то, по моему мнѣнію, они имѣютъ еще болѣе глубокое значеніе по прямому ихъ отношенію къ нравственной жизни народа, которая вся состоитъ изъ безчисленнаго множества преданій, накопившихся отъ различныхъ временъ, вся сложена изъ анахронизмовъ, въ которыхъ новое со старымъ сливается въ одно органическое цѣлое. Давно уже историки занесли народныя пѣсни въ перечень историческихъ матеріаловъ и источниковъ. Теперь предстоитъ имъ по этому народному матеріалу возсоздать полную картину историческихъ свѣдѣній и убѣжденій простого народа.

Русская былина, вѣрная историческому развитію самой жизни, естественно отмѣчаетъ въ своей формаціи періодъ татар-

скій, когда съ особенною энергіею совершается въ народной фантазіи переходъ отъ миѳовъ древнѣйшаго періода къ эпосу собственно историческому, именно тотъ рѣшительный исходъ изъ сомкнутаго круга собственно миѳологическаго творчества, который замѣчается въ народахъ вслѣдствіе историческихъ переворотовъ, особенно потрясающихъ народное чувство и сильно дѣйствующихъ на воображеніе. Такія событія, какъ завоеваніе Испаніи маврами, какъ паденіе царства сербскаго, какъ погромы татарщины въ древней Руси — вызываютъ чувство и воображеніе къ дѣятельности и даютъ новое направленіе поэтической дѣятельности. Эпическій, спокойный тонъ разсказа уже нарушается лирическими порывами, въ которыхъ чувствуются горячіе слѣды текущихъ историческихъ событій.

Буслаевъ.

Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи.

Въ послѣднее время было много писано о нашихъ былинахъ, и ихъ разбирали со многихъ сторонъ. Но есть въ нихъ одна сторона, которая, какъ намъ кажется, оставалась безъ достаточнаго вниманія, — сторона историко-географическая. Именно любопытно знать, насколько справедливо изображаютъ былины прославляемую ими эпоху, насколько онѣ ей вѣрны, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны; карта древней Руси, которую онѣ намъ представляютъ, насколько вѣрна дѣйствительности?

Дѣйствіе былинъ происходитъ на Руси при князѣ Владимірѣ Святославичѣ, то-есть въ концѣ X и началѣ XI столѣтій. Въ какомъ же видѣ была тогда Россія, по словамъ пѣвцовъ?

Въ пѣсняхъ Россія является намъ соединенною въ одно цѣлое подъ властью великаго князя, сидящаго въ Кіевѣ. Удѣловъ почти нѣтъ. Единственный удѣльный князь, о которомъ упоминается, это Вольга, или Олегъ, сынъ сестры Владиміра. Онъ получаетъ отъ своего дяди нѣсколько городовъ и беретъ съ нихъ дань.

Есть у Владиміра и другіе племянники, но они еще очень молоды, волостей не имѣютъ и живутъ при дядѣ. Впрочемъ, пѣсни представляютъ ихъ обыкновенно людьми не княжескаго происхожденія, родственниками Владиміра по женскому ко

льну. Особенное положеніе Вольги объясняется тѣмъ, что онъ рожденъ не отъ простого смертнаго, а отъ чудеснаго змѣя. Нѣкоторыя пѣсни называютъ княземъ Добрыню Никитича, — и, вѣроятно это мнѣніе самое древнее, но и Добрыня не имѣетъ удѣла.

Великій князь всея Руси сидитъ въ стольномъ Кіевѣ на Днѣпрѣ рѣкѣ. Пѣсни наперерывъ воспѣваютъ красоту и величіе Кіева. Онъ называется „краснымъ городомъ“, „славнымъ, стольнымъ Кіевомъ градомъ“. Онъ „стоитъ на красѣ, на угожествѣ, въ немъ живетъ князь богачъ“. Литовская княжна Апракса, по ея словамъ, три года Богу молилась, чтобы попасть за князя Владимира: „хотя я не была въ городѣ Кіевѣ, однако знаю имѣнье-богачество у этого князя Владимира. Тамъ стоятъ палаты грановитыя, тамъ стоятъ луга красовитыя; у мово у сударя у батюшки, у мово короля у любимова, палатушки стоятъ все пустешеньки, лужишки помяты все низешеньки“.

Жизнь въ Кіевѣ — вѣчный пиръ, прерываемый только набѣгами кочевыхъ варваровъ, живущихъ по сосѣдству въ степи. Нашествія эти, впрочемъ, сами служатъ поводомъ къ новымъ пирамъ. Они бываютъ кратковременны и кончаются блестящимъ торжествомъ для русской земли. Такъ и было при историческомъ Владимирѣ. Что касается до его пировъ, то при Несторѣ ихъ хорошо помнили въ Кіевѣ. По словамъ лѣтописца, Владимиръ уставилъ творить пиръ у себя въ гридницѣ каждое воскресенье, и приходили бояре и гриди, и сотскіе, и десятскіе, и высокіе нарочитые люди при князѣ и безъ князя, и бывало тамъ множество мясовъ и отъ скота, и отъ звѣрины (дичины), и рыбы, и овощи разноличные, и множество вина и медовъ разныхъ. Переяславская лѣтопись прибавляетъ къ этому чисто эпическую черту: „а перцу выходило колода безъ князя, а при князѣ три колоды въ недѣлю, а колода 8 бочекъ“. Бѣднымъ же каждый день выдавались на княжемъ дворѣ съѣстные припасы и деньги, а больнымъ и калѣкамъ все это возилось на домъ. Но всего болѣе чествилъ Владимиръ дружину, т.-е. богатырей. Всѣмъ извѣстенъ тотъ случай, записанный Несторомъ, когда подпившая дружина стала корить князя въ скупости: „зло нашимъ головамъ: ѣдимъ деревянными ложками“. Владимиръ сейчасъ же велѣлъ сковать серебряныя. „Серебромъ и золотомъ, промолвилъ онъ, я не добуду дружины, а съ дружиной добуду и серебра и золота“.

Кіевъ и въ пѣсняхъ представляется святымъ городомъ. Тамъ церковь соборная, тамъ есть и чудотворцы. Но пѣсня говоритъ обо всемъ этомъ въ общихъ выраженіяхъ; да и точно, религіозное значеніе Кіева только начиналось при Владимирѣ.

Не менѣе Кіева дорога и памятна народу Нѣпра рѣка. Казалось бы, что до нея сѣвернымъ жителямъ, у которыхъ есть свои великія рѣки. Однако, въ пѣсняхъ Волга встрѣчается въ однѣхъ запѣвахъ, а Нѣпра олицетворяется не хуже, чѣмъ Ксанѳъ у Гомера. Она самая руская и была нѣкогда великой богатыршей, женой другой, священнѣйшей славянской рѣки — тихаго Дуная. Обѣ онѣ умерли несчастнымъ образомъ и превратились въ рѣки. Само собою разумѣется, что это преданіе гораздо древнѣе Владимира и только впослѣдствіи перенесено въ его эпоху. Будучи сама кіевлянкой, Нѣпра бережетъ свой Кіевъ. Въ превосходной пѣснѣ „Сухманѣ“ она не пускаетъ къ Кіеву татаръ, рветъ мосты, которые они наводятъ, берется съ ними три дня, наконецъ, выбилась изъ силъ и помутилась пескомъ. На помощь ей является богатырь Сухманъ, которому она объявляетъ языкомъ человѣческимъ объ опасности, и тотъ истребляетъ татаръ.

Есть еще рѣки, упоминаемыя въ былинахъ: Сафатъ, Изрой, Почай, Черега. Мѣсто ихъ, большею частію, не опредѣлено, но всѣ онѣ текутъ возлѣ Кіева. Первое имя, какъ объясняютъ, выдумано подъ вліяніемъ религіозныхъ преданій о Іосафатовой долинѣ, около Іерусалима. Второе носитъ миѳическій характеръ. Оба они замѣняютъ въ пѣсняхъ подлинное имя Нѣпра. Но Почай рѣка и понынѣ существуетъ въ Кіевѣ подъ именемъ Почайны. Это ручей, впадающій въ Днѣпръ въ самомъ Кіевѣ. Только пѣсни забыли его размѣры и поютъ о немъ, какъ о большой рѣкѣ. Въ нихъ встрѣчается форма Пучай, осмысленная отъ глагола пучиться: но первая форма древнѣе.

Ручей Почайна имѣлъ великое значеніе въ преданіяхъ: въ немъ происходило крещеніе руской земли. Кромѣ того, старое устье его, нынѣ уже занятое Днѣпромъ, составляло встарину кіевскую гавань. Поэтому и мѣстность, гдѣ протекаетъ Почай рѣка, изображена въ былинахъ довольно вѣрно. На этой рѣкѣ живетъ богачъ Чурило Пленковичъ, а живетъ онъ, по словамъ той же пѣсни, не въ Кіевѣ, а пониже Малаго Кіевца. Малымъ же Кіевцемъ можно считать только Вышгородъ, находящійся въ небольшомъ разстояніи отъ Кіева

и сѣвернѣе его, а Почайна именно беретъ свое начало между Кіевомъ и Вышгородомъ, пониже Малаго Кіевца, и течетъ къ Кіеву. Что пѣвцы именно такъ представляли себѣ дѣло, доказываютъ слѣдующіе стихи изъ былины о томъ же Чурилѣ. Владиміръ отправляется къ нему на Почай рѣку:

Будетъ князь на Почай рѣкѣ,
У чудна креста Леванидова,
У святыхъ мощей у Борисовыхъ.

А мощи свв. Бориса и Глѣба, какъ извѣстно, лежали въ Вышгородѣ. Такимъ образомъ Почай рѣка есть рѣка совершенно историческая. Но такой она является только въ пѣсняхъ о Чурилѣ. Въ другихъ же она, равно какъ и Израй, представляется рѣкою темною, текущею въ степи, обиталищемъ чудовищныхъ змѣевъ, которые живутъ въ ея бѣлокаменныхъ пещерахъ. Всѣ эти преданія зашли въ поэму изъ отдаленной старины и не могли примѣняться къ свѣтлой и слишкомъ извѣстной Днѣпрѣ. Поэтому для нихъ надо было изобрѣсть особенное помѣщеніе.

Посмотримъ теперь, какіе города знаетъ былина, кромѣ Кіева, и гдѣ ихъ помѣщаетъ? Во-первыхъ, выше Кіева Смоленскъ, въ сосѣдствѣ брянскихъ лѣсовъ. Тамъ, по словамъ одной былины, происходитъ бракъ Алеши Поповича, чуть ли не владѣющаго этимъ городомъ. Впрочемъ, о самомъ этомъ городѣ говорится рѣдко, а упоминаются только черныя грязи смоленскія. Даже Новгородъ только названъ въ былинахъ кіевскихъ, а отношенія къ нимъ не имѣетъ. Ни одинъ богатырь не произведенъ оттуда. Но въ древности была такая личность, именно тотъ Ставръ, который за похвальбу предъ княземъ былъ посаженъ въ погребъ и выручается оттуда своей женой. О немъ говоритъ новгородская лѣтопись. По ея словамъ онъ былъ сотскимъ въ Новгородѣ въ княженіе Мономаха. Мономахъ вызвалъ его въ Кіевъ и заточилъ въ тюрьму за то, что онъ принималъ участіе въ волненіяхъ. Пѣсня привязалась къ этому случаю и выбрала Ставра героемъ древняго и всюду распространеннаго разсказа о томъ, какъ жена выручаетъ мужа изъ бѣды. А такъ какъ князь, заключившій Ставра, назывался Владиміромъ, то и событіе легко можно было отнести къ Владиміру Красному Солнышку. Но впослѣдствіи пѣвцы забыли истинное происхожденіе Ставра и стали

выводитъ его изъ земли Ляховинской или Веденецкой (венеціанской). О Полоцкѣ, Минскѣ и вообще Бѣлой Руси нѣтъ ничего. Эти страны и самый Новгородъ рано зажили особою жизнью. Оттого и эпосъ у нихъ былъ особенный. Въ Новгородѣ онъ сохранился, въ Бѣлоруссіи погибъ, если не считать намековъ на него въ „Словѣ о полку Игоревѣ". Это обстоятельство составляетъ сильное доказательство въ пользу древности кіевскихъ былинъ. Если бы онѣ сложились на сѣверѣ, то въ нихъ, конечно, больше бы говорилось о сосѣднемъ Новгородѣ, нежели о Волыни, Галичѣ и Подольской землѣ.

Въ сѣверной Руси пѣсни знаютъ только два города: Ростовъ и Муромъ, да больше ихъ въ то время почти и не было. Впрочемъ, и Суздаль не безызвѣстенъ, — по крайней мѣрѣ упоминается о молодыхъ суздальцахъ. Ростовъ называется богомольной стороной: въ самомъ дѣлѣ, это была первая христіанская колонія на глубокомъ сѣверѣ. Основателемъ христіанства тамъ былъ святой епископъ Леонтій; народъ сдѣлалъ изъ него Левонтія, стараго соборнаго попа ростовскаго, а сынъ его есть ростовскій богатырь Алеша Поповичъ. Описывая путь Ильи въ Кіевъ, былины нѣсколько путаются. По ихъ словамъ, онъ пріѣзжаетъ въ Черниговъ безъ особыхъ затрудненій, а препятствія начинаются уже между Кіевомъ и Черниговомъ. Вѣрнѣе было бы помѣстить болота и Соловья сѣвернѣе Чернигова, потому что тамъ жили вятичи, язычники, мстившіе кіевлянамъ, какъ покоренное ими племя; но требовалось, чтобы Илья былъ предупрежденъ о предстоящей опасности, а это могло случиться только въ Черниговѣ, такъ какъ другихъ христіанскихъ городовъ между Муромомъ и Кіевомъ не было.

За Черниговомъ Илья встрѣчаетъ рѣку Смородину, которая считается въ числѣ трехъ заставъ, задерживающихъ путниковъ: первая застава — болота, вторая — Смородина, третья — Соловей. Имя Смородины темно. Сѣверная земля, съ ея столицей Черниговомъ, изображена христіанской, стоявшей заодно съ Кіевомъ и подвергавшейся тѣмъ же самымъ нападеніямъ со стороны кочевыхъ варваровъ. (Тѣмъ не менѣе она находится въ особыхъ отношеніяхъ къ Владиміру.)

Сѣверъ Руси огражденъ моремъ, пустыннымъ, наполненнымъ чудесами. Съ запада граничитъ съ Россіей земля свицкая, отдѣленная Варяжскимъ моремъ. Туда ѣздилъ однажды Добрыня за данью, а другой варіантъ замѣчаетъ, что онъ ѣздилъ за

синее море. Южнѣе Швеціи лежитъ третье королевство, напротивъ того, весьма извѣстное въ пѣсняхъ: это — земля ляховицкая или хоробра Литва. Здѣсь смѣшаны Польша и Литву по ихъ позднѣйшему соединенію. Столицей ляховицкой земли изображается исторически Краковъ. Вся земля представляется воинственной и грозной, притомъ король ея смотритъ высокомѣрно на Русь и соглашается съ трудомъ на бракъ своей дочери съ Владиміромъ. Такія отношенія между Русью и Польшей дѣйствительно существовали въ XI вѣкѣ, когда Польша первыхъ королей, гордая своимъ католичествомъ и королевскимъ титуломъ, вторгалась нѣсколько разъ на Русь и при случаѣ относилась къ русскимъ, какъ къ своимъ вассаламъ. Но эти гордыя притязанія не всегда соотвѣтствовали дѣйствительной силѣ двухъ земель. Владиміръ нѣсколько разъ побѣждалъ поляковъ, за походомъ Болеслава II — побѣда галицкихъ Ростиславичей. И въ пѣснѣ гордый король хороброй Литвы вскорѣ долженъ смириться передъ силой кіевскихъ богатырей. Но пѣсни, кромѣ того, представляютъ эту землю языческой, введенныя въ ошибку язычествомъ дѣйствительной Литвы. Дунай, служившій нѣсколько лѣтъ въ Литвѣ, знаетъ тамошніе порядки и потому, входя въ королевскую гридню, не крестится и не молится.

Связь Руси и Литвы заключается въ бракѣ Владиміра съ Опраксой, дочерью ляховицкаго короля. Отношенія Литвы къ Руси дѣлаются, вслѣдствіе этого брака, дружественными.

Кромѣ земли ляховицкой, на западѣ лежитъ земля латинская. О ней мало извѣстно. Въ нее посылаютъ покупать богатырскихъ коней, величаемыхъ латинскими.

Еще далѣе на югъ лежитъ Царьградъ, священный городъ, метрополія и средоточіе православія. Царь носитъ историческое имя Константина; отчество Боголюбовичъ указываетъ на его православіе. Отношенія Руси къ этому городу сыновнія и почтительныя. Симпатія къ нему русскихъ еще болѣе усиливается оттого, что Русь и Царьградъ пьютъ одну и ту же горькую чашу отъ варваровъ, враговъ христіанства. Но Русь еще не такъ отъ нихъ страдаетъ, отбиваясь довольно успѣшно. Царьградъ же однажды совершенно впадаетъ во власть темной силы. Тамъ воцаряется поганое Идолище, представитель язычества и магометанства, которыя слились воедино въ воображеніи нашихъ предковъ. Онъ насильничаетъ, грабитъ

казну и церкви, ругается надъ иконами, жретъ въ несмѣтномъ количествѣ быковъ и коровъ, вторгается даже въ семейную жизнь короля, котораго до времени еще терпитъ на престолѣ

И сидитъ онъ Идолъ въ новомъ теремѣ,
Промежду царя и царицы,
Не даетъ царю съ царицей думу думати.

Но вотъ идетъ помощь. Въ Царьградѣ является русскій паломникъ. Онъ становится подъ царскимъ окномъ и кричитъ громкимъ голосомъ, прося милостыню. А просить милостыню строго запрещено Идоломъ. Онъ преслѣдуетъ ее, какъ сущность христіанства. Отъ громкаго голоса калики дрожитъ теремъ, столы качаются, питья проливаются, страхъ беретъ самого Идола, а царь, напротивъ того, возрадовался и говоритъ таковыя слова:

Не красно солнце пораспекло,
Не ясенъ свѣтелъ мѣсяцъ поразсвѣтилъ,
Показался въ Цареградѣ
Старый казакъ Илья Муромецъ.

Онъ узналъ богатырскій голосъ; онъ знаетъ, что это идетъ поборникъ Руси на помощь старшимъ братьямъ. Идолъ упрекаетъ царя за то, что онъ позволяетъ шляться нищимъ, но изъ любопытства зоветъ въ теремъ „русскаго горлана". Тотъ входитъ, и чрезъ нѣсколько минутъ Идолъ и его воинство лежатъ мертвые.

Въ этихъ пѣсняхъ главнымъ образомъ сказалось исконное, вѣчное убѣжденіе русскаго народа, общее не ему одному, но всѣмъ его братьямъ по языку или по вѣрѣ, что рано или поздно Россія нанесетъ смертельный ударъ врагу христіанства. Народъ думалъ, что чаемое ужъ исполнилось однажды, и тѣмъ болѣе надѣялся на будущій успѣхъ. Но случалось русскимъ оказывать дѣйствительную помощь грекамъ. Не мало русскихъ служило въ ихъ войскѣ. Владиміръ нѣсколько разъ помогалъ кесарямъ въ бѣдѣ.

Однако на самомъ дѣлѣ съ Царьградомъ приходилось иногда ссориться. До крещенія Руси войны бывали не рѣдко. Самъ Владиміръ добывалъ себѣ крещеніе оружіемъ. Потомъ были еще двѣ войны, если не болѣе, и замѣчательно, что обѣ

русскіе князья назывались тоже Владимирами: Владимиръ Ярославичъ и Владимиръ Мономахъ.

Остается теперь югъ и востокъ. Они населены кочевниками, всѣ они подѣлены на орды; ордъ этихъ много, но имена ихъ сливаются какъ сливались и самыя племена. Есть орда задонская, есть золотая, есть темная орда. Однажды упоминается о богатомъ жидовинѣ, т.-е., какъ объясняютъ, козаринѣ. Этотъ богатырь по другимъ пѣснямъ, есть сынъ Ильи, внукъ короля задонскаго. Козары дѣйствительно жили за Дономъ. Всѣ эти орды воюютъ съ Россіей. Война идетъ съ перемѣннымъ успѣхомъ: то Владимиръ беретъ дань съ разныхъ царей, Налетовы и Бухарей, то самъ подвергается опасности отъ другихъ хановъ, посильнѣе — отъ Калиновъ и Батыевъ. Эти не разъ приходятъ подъ самый Кіевъ, но въ концѣ концовъ побѣждаются. Столицей Батыя называется Астрахань. Наконецъ, далеко на краю свѣта есть король Бутеянъ Бутеяновичъ. Пѣсни говорятъ, что онъ когда-то наложилъ дань на Владимира, когда — не извѣстно. Король этотъ живетъ такъ далеко, что можно было бы прекратить платежъ. Но Владимиръ, напротивъ того, хвастаетъ вѣрностію данному слову и посылаетъ туда богатырей съ данью за 12 лѣтъ. Дань, впрочемъ, чисто почетная: 12 лебедей и 12 кречетовъ. Богатыри пріѣзжаютъ къ Бутеяну только черезъ 6 лѣтъ, а ѣдутъ назадъ тоже 6, — такъ и разсчитана дань. Король пробуетъ силу богатырей, наконецъ, заставляетъ ихъ драться со всѣми его воинами. Но русскіе богатыри производятъ такое побоище, что король насилу ихъ можетъ унять и долженъ простить дань и обязаться самъ платить такую же, и такимъ образомъ честь Россіи возстановлена. Изъ именъ этихъ варварскихъ царей мы встрѣчаемъ много историческихъ. Древнѣйшіе — это змѣй Тугаринъ, т.-е. Тугорканъ, ханъ половецкій, страшно разорявшій Россію въ концѣ XI вѣка, и Шаркъ великанъ, Шарухань, жившій около того же времени, тоже половецкій ханъ. Эти [illegible] съ необычайными [illegible] или [illegible], [illegible] Русь и наконецъ, [illegible] Тугаринъ [illegible] Владимира [illegible] Алеша Поповичъ [illegible] съ Кіевомъ. [illegible] [illegible]

постыднаго мира и руки его дочери. Но и это не помогло. Тесть не унялся и былъ, наконецъ, убитъ въ битвѣ съ кіевлянами. Связи Святополка съ половецкой поганью, конечно, порицались многими русскими, и отголоски этихъ событій зашли въ эпосъ.

Болѣе сильными представляются цари, носящіе чисто татарскія имена: Батый, Сартакъ, Лоньшакъ, Мамай и др. Эти приходятъ съ несмѣтными полчищами. Ужасъ ихъ нашествія живо описанъ въ былинахъ. Такъ и вспомнилось лѣтописное описаніе взятія Кіева татарами.

Первоначальный эпосъ, разумѣется, зналъ только печенѣговъ, козаръ и тому подобныхъ; позже они смѣнились половцами; наконецъ, всѣ кочевники слились въ одно страшное имя татаръ. Описанія осады Кіева, большею частію, сложились уже послѣ нашествія послѣднихъ.

Изъ морей русскія былины знаютъ Варяжское. Оно же иногда называется Волынскимъ, по имени острова Волыни, съ богатымъ торговымъ городомъ того же имени. Другое море было Черное, служившее торговымъ путемъ въ Царьградъ къ царю заморскому. Изъ него суда поднимались по Днѣпру. Далѣе Царьграда полагается земля веденецкая (венеціанская). Въ Словѣ о полку Игоревѣ венеціанцы именуются венедицы. Тамъ былъ островъ Кодольскій (катаный), откуда пріѣзжали купцы. Однимъ изъ нихъ былъ Соловей Будимировичъ, удивившій Кіевъ своимъ богатствомъ и женившійся на Запавѣ, племянницѣ Владиміра. Третье море, извѣстное нашимъ предкамъ (мы не считаемъ Сѣвернаго Ледовитаго или вообще океанъ-моря, о которомъ кіевскія былины не много знаютъ, новгородскія напротивъ), было Хвалынское, или Каспійское. Тамъ ѣздилъ Илья съ другими богатырями на соколѣ-кораблѣ и билъ непріятельскія суда.

Квашнинъ-Самаринъ.

Народный бытъ и поэзія предъ судомъ современной литературы.

Въ прежнее время останавливали на себѣ взглядъ только высшіе пункты человѣческаго развитія, окруженные сіяніемъ вѣковой славы, которое своимъ ослѣпляющимъ блескомъ только

сильнѣе заставляло сгущаться окружающій эти свѣтлые пункты мракъ. Гомеръ, Дантъ, Шекспиръ, съ причисленіемъ къ нимъ немногихъ другихъ геніальныхъ личностей и крупныхъ талантовъ — таковъ былъ исключительный предметъ, достойный вниманія науки, поставленной на высокій пьедесталъ, въ уровень съ аристократическимъ блескомъ литературныхъ свѣтилъ, въ уровень и съ аристократическимъ вкусомъ изящныхъ умовъ избраннаго общества. Это была исторія цивилизаціи, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, то-есть исторія великихъ цивилизаторовъ, вождей и представителей цѣлаго народа и всего человѣчества. Историческое изложеніе состояло не въ естественномъ шествіи, шагъ за шагомъ, по медленному пути развитія народныхъ массъ, а въ смѣломъ перелетѣ отъ одного верстового знака къ другому, съ ихъ громкими надписями. Историкъ литературы столько же не хотѣлъ знать, какими духовными интересами пробавлялась темная толпа, влача свое скромное существованіе въ промежуткахъ, иногда довольно долгихъ, между этими бросающимися въ глаза гранями, сколько не хотѣлъ знать обитатель пышныхъ палатъ, какъ въ потѣ лица ѣстъ свой хлѣбъ окружающая его палаты нищая братія.

Признаніе за народными массами законнаго права на нравственное бытіе, не снисхожденіе только, а серьезное вниманіе къ ихъ духовнымъ интересамъ, къ ихъ самородной безыменной поэзіи, къ ихъ играмъ и забавамъ, къ народнымъ обычаямъ и вѣрованіямъ, къ народнымъ книгамъ, однимъ словомъ, все это множество вопросовъ по народной жизни и словесности, теперь понятныхъ всякому и оцѣненныхъ по достоинству, возникло въ сознаніи далеко не вдругъ, развивалось по частямъ и постепенно созрѣвало въ теченіе послѣдняго полустолѣтія, въ борьбѣ съ враждебными этимъ вопросамъ принципами и преданіями. Переворотъ въ пользу народныхъ массъ совершился не по расчетамъ теоріи, не въ досужествѣ ученыхъ изслѣдованій и поэтическихъ мечтаній. Историки литературы принялись за изслѣдованіе всевозможныхъ мелочей въ хламѣ старинныхъ рукописей, за тысячи безыменныхъ писателей сомнительнаго достоинства, за народныя пѣсни, сказки и былины, за площадныя фарсы и другія произведенія наивнаго народнаго слова, осужденныя реторикою приличія на вѣчное забвеніе, за все это, говорю, принялись историки литературы не потому, что покончили съ главнымъ и лучшимъ, то-есть съ геніаль-

ностями и талантами, ради процесса своей ученой работы, спускались все ниже и ниже, и, отъ нечего дѣлать, накинулись, наконецъ, на посредственность и всякую пошлость.

То же самое замѣчается и вообще въ искусствѣ, которое въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, раздѣляетъ судьбу литературы. Старинныя галлереи, составившіяся во времена теоріи изысканнаго вкуса, какъ Дрезденская, Луврская, въ ея прежнемъ составѣ, нашъ Эрмитажъ въ Петербургѣ, допустили на свои стѣны только великое, громкое или, по крайней мѣрѣ, изысканное и изящное, по мнѣнію тогдашняго избраннаго общества. XVI и XVII столѣтія господствуютъ въ своихъ лучшихъ представителяхъ, и все предшествующее этимъ представителямъ, все ихъ окружающее и сопровождающее предано полнѣйшему забвенію до такой степени, что только въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія немногимъ смѣлымъ умамъ удалось, къ общему удивленію, спасти изъ рѣки забвенія такія, ставшія теперь общеизвѣстными, имена, какъ Джіотто, Франческо Франчіа, Беато Анджелико или Бернардино Луини. Въ наше время коллекціи возникаютъ совершенно на другомъ основаніи и при другихъ взглядахъ, противоположныхъ прежнимъ. Такова, напримѣръ, коллекція такъ называемыхъ чудскихъ древностей въ нашемъ Эрмитажѣ, состоящая изъ металлическихъ издѣлій грубой работы съ чудовищными рисунками, отъ которыхъ съ презрѣніемъ отвернулся бы старинный чтитель болонской школы живописи, тогда какъ, на нашъ взглядъ, эти древности открываютъ для исторіи человѣчества цѣлый періодъ въ его развитіи, столько же любопытный для изслѣдованія раннихъ источниковъ, какъ и позднѣйшихъ вліяній. Точно такъ же не по внѣшнему изяществу, не по красотѣ линій или гармоніи колорита интересуютъ современную публику возникающіе въ разныхъ мѣстахъ музеи христіанскихъ древностей, составляемые изъ грубыхъ издѣлій средневѣковой иконографіи, въ которыхъ изъ-подъ безобразія внѣшней формы выступаетъ такое неисчерпаемое богатство содержанія, о какомъ и понятія не имѣли изящные щеголи XVIII столѣтія, украшавшіе свои дворцы Пуссенами и Лебрюнами. И какъ бы стали издѣваться они въ своемъ легкомъ остроуміи, если бы взглянули до какой жалкой тривіальности дошли ихъ потомки второй половины XIX столѣтія, что вздумали воздавать почести даже мужицкому костюму, и рядомъ

съ галлереями итальянской живописи стали заводить коллекціи изъ мужицкихъ кушаковъ, полотенецъ, ширинокъ и тому подобной рухляди, которой во время оно чопорный вкусъ не терпѣлъ даже въ пейзажахъ, замаскировывая все мужицкое въ классическіе костюмы пасторальнаго стиля.

Громаднымъ переворотамъ надобно было совершиться и въ жизни и въ умахъ, надобно было перетряхнуться вверхъ дномъ всѣмъ политическимъ, религіознымъ и общественнымъ учрежденіямъ, перетасоваться всѣмъ сословіямъ; надобно было пройти чрезъ цѣлый періодъ смѣшенія умовъ, направленій, вкусовъ и убѣжденій, чтобы перенести свои эстетическіе интересы отъ Виргилія и Вольтера къ простонародной пѣснѣ, отъ Лаокоона къ романской капители съ чудовищнымъ рельефомъ и отъ Рафаэля къ безсмысленному узору бабьяго полотенца. Не пресыщеніе изысканною цивилизацiей руководило вкусы въ этомъ переходѣ и, тѣмъ болѣе, не посягательство на великія знаменитости въ пользу дюжинной посредственности. Напротивъ того, никогда прежде не были изучаемы великіе писатели и знаменитые художники такъ основательно, какъ они изучаются теперь, и въ особенное достоинство нашему времени надобно приписать тотъ глубокій, всеобъемлющій взглядъ, которымъ современный человѣкъ умѣлъ окинуть въ своемъ прошедшемъ все великое и малое, и высоты геніальныхъ личностей и низменные уровни сплошныхъ массъ населенія, и въ томъ и другомъ открыть незримую до сихъ поръ гармонію, въ силу которой уравновѣшиваются достоинства и личностей и массъ.

Въ прежнее время не только безпрекословно относились къ авторитету геніальной личности, но и воздавали ей какое-то мистическое чествованіе. Это были идолы, предъ которыми должны были всѣ преклоняться, оракулы, которые изрекали всѣмъ мудрые отвѣты. Тогда-то составилось внушительное для скромныхъ умовъ убѣжденіе, что геній именно на то и призванъ, чтобы давать отвѣты на предложенные ему современностью вопросы, которыхъ сама она, безъ этого сверхъестественнаго пособія, не рѣшитъ. Усердно и послушливо внимали тогда геніальные отвѣты оракуловъ и вдавались имъ въ наставительной формѣ строгаго эстетическаго ученія, которое тѣмъ болѣе казалось цѣльнымъ въ округленности своей системы, чѣмъ далѣе уходило отъ исторической истины; потому что не только

понять эти отвѣты, какъ слѣдуетъ, подаже только открыть ихъ и на нихъ остановиться можно лишь тогда, когда чуткимъ ухомъ вслушаешься во всю массу относящихся къ нимъ вопросовъ; а для этого надобно сполна погрузиться въ ту низменную, бытовую среду, сложенную изъ тысячи жизненныхъ мелочей, на которыхъ возникла геніальная личность, и чѣмъ популярнѣе такая личность, чѣмъ глубже и шире захватываетъ она въ своей дѣятельности интересы массъ, тѣмъ необходимѣе для уразумѣнія ея это всестороннее изученіе окружающей ея среды. Какимъ множествомъ болѣе или менѣе замѣтныхъ нитей связывается Шекспиръ не только съ его ближайшими предшественниками и съ эпохой Возрожденія, но и съ массой раннихъ средневѣковыхъ памятниковъ народной жизни и литературы! Произведенія Рафаэля, ранняго наивно-благочестиваго стиля, почти сливаются съ массой предшествующихъ и современныхъ ему произведеній школы умбрійской, которую не только оцѣнили, но и открыли только въ наше время. Невниманіе къ скромнымъ дѣятелямъ, окружавшимъ знаменитую личность, доводили до вопіющей несправедливости, когда громкимъ именемъ этой личности покрывали ихъ собственныя произведенія, какъ, напримѣръ, многія картины Бернардино Луини до сихъ поръ шли въ разныхъ галлереяхъ подъ ярлыкомъ Леонардо да-Винчи. Микроскопическія наблюденія библіографовъ надъ массой самыхъ дюжинныхъ, казалось бы, незначительныхъ по своему литературному достоинству, памятниковъ рукописныхъ и печатныхъ, усвоила себѣ и новѣйшая исторія искусства, напримѣръ въ сочиненіяхъ Ваагена, Кроу Кавалькаселле и др. Въ параллель съ безыменною литературой народныхъ книгъ возникла такая же безыменная исторія искусства въ разработкѣ древне-христіанской археологіи и другихъ областей искусства, въ которыхъ выражается не личное вдохновеніе мастера, а совокупность убѣжденій и понятій всѣхъ и каждаго. Старинная рукопись съ неискусными передѣлками какихъ-нибудь восточныхъ сказокъ даетъ въ наше время такую же богатую поживу для историка литературы, какую извлекаетъ для себя и историкъ искусства изъ грубыхъ миніатюръ, которыми украшена рукопись. И какъ, благодаря этой кропотливой библіографической работѣ, наука открыла разные средневѣковые источники Шекспира и Данта, а также подражанія *Божественной Комедіи*

въ современной Данту еврейской поэзіи, такъ и для исторіи искусства безымянная, дюжинная миніатюра открыла новыя точки зрѣнія и новыя источники для объясненія многихъ крупныхъ явленій, которыя доселѣ стояли особнякомъ и не опирались на основѣ послѣдовательнаго развитія. Разительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ натурализмъ Джіотто и его школы. Этотъ рѣшительный поворотъ отъ прежней такъ называемой византійской рутины обыкновенно объясняли только личнымъ геніемъ великаго мастера. Знакомство съ миніатюрами въ рукописяхъ современныхъ и предшествующихъ этому живописцу не оставляетъ сомнѣнія, что наклонность къ натурализму замѣтно обнаруживалась въ самой средѣ читающей публики, особенно во Франціи, въ связи съ легкимъ и забавнымъ содержаніемъ рукописей, въ которыхъ миніатюристъ пробовалъ свои силы передать сцены изъ дѣйствительной жизни, описываемыя въ текстѣ. По самому ходу вещей болѣе и болѣе предъявляли право на уважительное вниманіе къ себѣ такія явленія въ искусствѣ, литературѣ и жизни, которыя прежде, кромѣ свидѣтельства грубости и варварства, не имѣли никакого значенія. Сколько вѣковъ оставался безсмысленнымъ загадочный барельефъ надъ вратами Пармскаго баптистерія, изображающій человѣка, взлѣзающаго на дерево, корень котораго подгрызаютъ два звѣря! И только въ наше время, когда съ должнымъ вниманіемъ отнеслись къ народнымъ книгамъ, стало всѣмъ ясно, что это не что иное, какъ скульптурное воспроизведеніе общеизвѣстнаго въ средніе вѣка эпизода изъ исторіи о Варлаамѣ и Іосафѣ царевичѣ, притомъ эпизода восточнаго, буддійскаго происхожденія, о древѣ жизни и человѣкѣ, стремящемся по этому древу за сластями міра сего. Эпизодъ этотъ часто попадается между неуклюжими миніатюрами и въ русскихъ рукописяхъ даже XVIII столѣтія. Ходившая у насъ на Руси забавная сказка о Соломонѣ и Китоврасѣ не только дала содержаніе одному изъ изображеній на вратахъ новгородскаго Софійскаго собора, но, по своимъ источникамъ, состоитъ въ ближайшемъ сродствѣ съ повѣствованіями о Мерлинѣ въ эпическомъ циклѣ о Сангралѣ и Кругломъ столѣ.

Итакъ, нашему времени принадлежитъ великая заслуга оцѣнить по достоинству скромную дѣятельность народныхъ массъ, вызвать изъ прошедшаго цѣлые періоды духовнаго

развитія, не отмѣченные ни однимъ замѣтнымъ именемъ выдающейся изъ сплошной среды личности. Наука и нравственное чувство слились вмѣстѣ въ этомъ подвигѣ высокой гуманности. Человѣколюбіе низошло къ меньшей братіи, погрязшей въ варварствѣ и невѣжествѣ, и усмотрѣло въ ней нравственные задатки человѣческаго развитія, а наука въ этихъ задаткахъ открыла прочную основу, на которой сооружается зданіе многовѣковой цивилизаціи. Признаніе высокихъ поэтическихъ достоинствъ за простонародными пѣснями и сказками было столько же подвигомъ великодушнаго самоотверженія со стороны цивилизованнаго общества, сколько и знакомъ зрѣлости эстетическаго вкуса, сказавшагося въ пользу простоты и естественности; потому что, какъ замѣтилъ Яковъ Гриммъ, въ поэзіи лирической и драматической, то-есть въ искусственной, книжной, при произведеніяхъ отличныхъ бываютъ и плохія; въ поэзіи эпической могутъ быть только произведенія или истинныя, настоящія, то-есть безыскусственныя, или же ложныя, то-есть искусственныя. При такомъ взглядѣ уравниваются въ своихъ достоинствахъ всѣ народности, къ какой бы породѣ онѣ ни принадлежали, и на какой бы степени цивилизаціи ни стояли: на самой ли высшей, какъ евреи, египтяне, народы классическіе, или на низшей, какъ финны, литва, татары и вообще дикари стараго и новаго свѣта

Буслаевъ.

Старшіе богатыри.

Нашъ народный эпосъ отличаетъ эпохи въ развитіи богатырскихъ типовъ, называя какія-то сверхъестественныя личности богатырями старшими; ясно, что эти старшіе богатыри отъ витязей цикла Владимирова отличаются громадной величиной и непомѣрной силой. Но всѣ ли они принадлежатъ къ существамъ стихійнымъ, или нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ другое значеніе? Если это существа стихійныя, то въ какомъ отношеніи состоятъ они къ стихійнымъ божествамъ ранней миѳологической эпохи? Сами ли это боги? Тогда выраженіе русскихъ былинъ „старшіе богатыри“ — не точное и не вѣрное, составившееся вслѣдствіе того, что народъ утратилъ сознаніе о своихъ богахъ. Или же это дѣйствительно богатыри

въ смыслѣ древнихъ великановъ, уже потомковъ какого-нибудь титаническаго, стихійнаго божества? Къ такимъ великанамъ стихійнымъ русскій эпосъ не присоединилъ ли другихъ, позднѣйшихъ, составившихся въ воображеніи народномъ вслѣдствіе историческихъ столкновеній съ враждебными народами? Наконецъ, кромѣ великановъ, къ этой породѣ титанической не принадлежатъ ли многія другія лица, въ которыхъ характеръ миѳическаго существа нѣсколько замаскированъ позднѣйшею обстановкою богатырей младшей эпохи? Въ такомъ случаѣ и Волхъ Всеславичъ, и Дунай, даже самъ Илья Муромецъ, въ своихъ богатырскихъ типахъ, представятъ намъ много такого, что больше принадлежитъ къ эпохѣ титанической, нежели къ позднѣйшей, богатырской, потому что эпосъ народный, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе многихъ вѣковъ, доходитъ до насъ преисполненный самыми странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами и другими несообразностями. Иногда, въ одномъ и томъ же лицѣ, какъ напримѣръ въ Ильѣ Муромцѣ, народный эпосъ смѣшиваетъ разновременныя и разнохарактерныя черты и бога Перуна, и Ильи пророка, и титаническаго Святогора, и лица историческаго, въ извѣстной мѣстной обстановкѣ. Еще больше надобно ожидать этой смѣси въ характерахъ богатырей старшихъ, относящихся къ ранней, миѳологической эпохѣ. Забывши свою миѳологію, народъ даетъ большой просторъ своей фантазіи, и чтобы имѣть точку опоры, переводитъ миѳическія существа на историческую почву.

Чѣмъ древнѣе миѳическія преданія русскаго народа, тѣмъ необходимѣе объяснять ихъ въ связи съ преданіями прочихъ славянскихъ нарѣчій, какъ общее достояніе всего славянскаго міра, предшествующее размѣщенію племенъ по разнымъ мѣстностямъ. Только этимъ путемъ можно опредѣлить первоначальное значеніе титаническихъ существъ, называемыхъ въ нашихъ былинахъ старшими богатырями. Что же касается до перехода ихъ въ великановъ — представителей враждебныхъ народовъ, то для объясненія этого должно прибѣгнуть къ лѣтописямъ и другимъ историческимъ свидѣтельствамъ.

Итакъ, въ послѣдовательномъ развитіи такъ называемыхъ старшихъ богатырей надобно отличать нѣсколько эпохъ, соотвѣтствующихъ переходу отъ древнѣйшихъ миѳологическихъ представленій къ позднѣйшимъ, темнымъ въ народѣ преданіямъ.

объ его раннихъ историческихъ судьбахъ, и, наконецъ, къ установившимся національнымъ типамъ богатырскаго эпоса цикла Владимирова.

Въ преданіи о старшихъ богатыряхъ русскій народъ сохранилъ память о древнѣйшихъ божествахъ своей миѳологіи. Собственныя имена, данныя этимъ богатырямъ въ разное время и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Нѣкоторыя имена, можетъ-быть, имѣютъ смыслъ миѳологическій, каковы: Сухманъ, Святогоръ, Волхъ или Вольга, Тугаринъ Змѣевичъ, Дунай, Донъ, при женскомъ существѣ Нѣпра или Днѣпра; другія составились подъ вліяніемъ книжнымъ, какъ напримѣръ Самсонъ богатырь, можетъ-быть и Полканъ, или вообще подъ вліяніемъ позднѣйшей, церковной обстановки, какъ, напримѣръ, Идолище Поганое, Старчище Пилигримище; другія заимствованы отъ названій народовъ, какъ Волотъ Волотовичъ; иные подъ своею новѣйшею формацией скрываютъ древнѣйшія преданія о первобытныхъ судьбахъ славянъ, какъ Микула Селяниновичъ; наконецъ цѣлый рядъ вѣрованій и миѳическихъ представленій, какъ древнѣйшій слой, вошелъ въ формацію героевъ даже младшей эпохи, такъ что въ самомъ Владимирѣ и Ильѣ Муромцѣ нельзя не замѣтить остатковъ древнѣйшей миѳической примѣси къ позднѣйшимъ чертамъ новаго богатырскаго типа.

Общее имъ названіе — старшіе богатыри — дано только по отношенію къ позднѣйшей эпохѣ, то-есть, исходя отъ понятія о богатыряхъ цикла Владимирова. Народъ только хотѣлъ заявить, что эти существа предшествуютъ богатырямъ Владимира Красна-Солнышка, но что они такое сами по себѣ, независимо отъ богатырей младшихъ, — неизвѣстно. Какъ существа стараго порядка вещей, они должны быть вытѣснены своими потомками, которые заступаютъ ихъ мѣсто или по наслѣдству, или вслѣдствіе побѣды надъ ними. Борьба съ дикими силами природы, со звѣрями и съ страшными враждебными народами, въ народномъ эпосѣ естественно перенесена была на борьбу съ миѳическими представителями стараго порядка вещей. Такимъ образомъ, первобытное божество, воплощаемое въ типѣ старшаго богатыря, нисходитъ до враждебнаго чудовища, или потому, что божество стараго порядка вещей уже не годилось въ позднѣйшей обстановкѣ народнаго

быта, или потому, что стихійныя и титаническія существа древнѣйшей миѳологіи естественно казались впослѣдствіи страшилами и чудовищами.

Буслаевъ.

Стихійные богатыри рѣкъ и миѳическія представленія животныхъ.

Миѳическія представленія свѣта, солнца, огня, неба, вѣтровъ, могутъ быть объяснены независимо отъ мѣстной обстановки тѣхъ племенъ, гдѣ эти представленія живутъ и развиваются. Иное дѣло съ рѣками и горами. Здѣсь общее представленіе о водѣ или возвышенности непремѣнно пріурочивается къ извѣстной мѣстности, а уже вмѣстѣ съ тѣмъ и къ индивидуальнымъ особенностямъ народнаго быта, состоящаго въ тѣсной связи съ условіями мѣстными.

Народный эпосъ воспѣваетъ миѳическія и героическія личности Дуная, Дона, Днѣпра и Днѣпры, или Нѣпры, Волхова, Смородины, не потому только, что въ эпоху образованія поэтическихъ миѳовъ у славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому, что рѣки, и именно извѣстныя рѣки, давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту славянъ. Дѣйствительно, въ раннюю эпоху миѳологическаго броженія, славянскія племена, разнося съ собою общія начала индо-европейской миѳологіи и еще во всей свѣжести возсоздавая миѳическія основы своего народнаго эпоса, разсѣялись по рѣкамъ. Рѣки были для нихъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Такимъ образомъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ, рѣки пролагали дорогу для кочевниковъ, а свои берега для осѣдлыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ.

Увѣрившись въ безвредности неодушевленной природы, оградивъ себя отъ ея произвола убѣжденіемъ, что уже разъ окаменѣвшіе богатыри не шевельнутся въ своихъ заматерѣвшихъ вѣками оковахъ, что Дунай Ивановичъ уже не соберетъ своей крови, превратившейся въ воду, и никогда не предстанетъ воочію, какъ существо человѣкообразное, все же воображеніе, воспитанное миѳическими страшилами, не скоро могло свыкнуться съ тою мыслью, что существа живыя, одаренныя произволомъ, для человѣка страшныя и непонятныя по своимъ

дѣйствіямъ, что именно звѣри, птицы, и особенно змѣи, не одарены тою же разрушительною, сверхъестественною силою, отъ которой нѣкогда человѣкъ спасся въ эпоху гибели титановъ, и которая, по наслѣдству отъ этихъ чудовищъ, доселѣ еще пребываетъ въ животныхъ.

Миѳическія преданія о чудовищныхъ зміяхъ и волкахъ, и о превращеніи людей въ эти чудовища, у славянъ восходятъ къ глубокой древности.

Народы дикіе и воинственные, согласно вѣрованіямъ въ животныхъ, получали имена зміевъ, волковъ, лютыхъ звѣрей и особенно отъ своихъ сосѣдей, которымъ они были страшны. Миѳы о титанахъ давали этому вѣрованію большой просторъ; потому звѣрскіе враги представлялись испуганному воображенію великанами. Такъ тѣ же волки или лютичи иначе называются велетами, или волотами, а слово волотъ на бѣлорусскомъ языкѣ издавна употреблялось въ смыслѣ исполина. Какъ стихійные богатыри превращаются въ горы и скалы, такъ и память о волотахъ сохранилась въ волоткахъ, какъ кой-гдѣ на Руси называются древніе курганы. До позднѣйшихъ временъ страшные враги представлялись народной фантазіи въ видѣ чудовищныхъ великановъ. Въ сказкахъ татары олицетворяются въ видѣ змія, который своимъ хоботомъ залегаетъ рѣки. *Буслаевъ.*

Святогоръ.

Богатыри старшіе (первоначально боги), соотвѣтственно греческимъ титанамъ, отличаются силами исполинскими, а потому также разрушительными. Таковъ Святогоръ, который чувствуетъ, что могъ бы поднять всю землю; по другому же варіанту онъ могъ бы смѣшать земныхъ съ небесными. Сообразно съ такою стихійною, страшною силою онъ невыносимо тяжелъ для земли; соразмѣренъ тому и ростъ — выше лѣсу стоячаго, такъ что славнѣйшій изъ младшихъ богатырей — Илья Муромецъ предъ нимъ карликъ: безъ труда умѣщается у него въ карманѣ. Таковъ по объему тотъ богатырь-гора, которому, подобно горѣ, и съ мѣста не сдвинуться, и для котораго получить ударъ отъ меча Ильи Муромца все равно, что за сучокъ зацѣпить или за камешекъ задѣть.

Точно такими же кажутся скандинавскому исполину Скримиру удары молота бога Тора, который, съ другой стороны, такъ же точно ночуетъ въ одномъ пальцѣ перчатки Скримира, какъ Илья въ карманѣ у Святогора. Послѣ всего этого богатырь гора едва ли не тождественъ со Святогоромъ, что отчасти указывается и именемъ этого послѣдняго. Если же вспомнить первоначальное миѳическое значеніе горы, то придется признать этихъ старшихъ богатырей антропоморфическими исполинскими миѳами тучъ. Ихъ неподвижность можетъ обозначать сплошныя, надолго залегшія небо тучи. Напротивъ, уже подвижными, даже бродячими, странствующими являются очень хорошо знакомые съ Святогоромъ и чрезмѣрностію силъ къ нему подходящіе богатыри, скрывающіеся подъ позднѣйшимъ именемъ каликъ-перехожихъ; на значеніе ихъ, какъ бродячихъ тучъ, указываетъ то носимое ими питьицо, при помощи котораго исцѣляютъ они Илью Муромца (та же живая вода — т.-е. дождь).

О. Миллеръ.

Вольгà Буслаевичъ.

Къ числу богатырей, стоящихъ какъ бы въ сторонѣ отъ плотнаго богатырскаго круга кіевскаго, относится Вольга Буслаевичъ (или Волхъ Всеславичъ). Изъ рода младшихъ богатырей выдвигается онъ по тому потрясающему впечатлѣнію, какое еще младенцемъ производитъ на всю природу. Это колебаніе матери сырой земли, когда онъ, еще только полуторачасовой, уже какъ громъ гремитъ, объясняется только уничтоженіемъ союза какъ (что уже оказалось намъ нужнымъ для возстановленія миѳовъ), послѣ чего въ немъ придется видѣть ужасающую, исполинскую силу грома, этого своего рода Горыныча (въ смыслѣ миѳической горы-тучи). Если же упомянутое выше, какъ одна изъ особенностей старшихъ богатырей, оборотничество, собственно принадлежитъ между ними одному Вольгѣ, то и оно въ настоящемъ случаѣ, можетъ-быть, служитъ миѳическимъ указаніемъ на то же явленіе, на ту безконечную смѣну самыхъ разнообразныхъ, но причудливыхъ образовъ, какіе принимаются громовыми тучами. Но въ настоящемъ видѣ былины оборотничество служитъ

Вольги пособіемъ въ дѣлѣ, уже совершенно темномъ. Если всѣ тѣ животныя, которыхъ видѣли въ тучахъ, должны были быть созданы воображеніемъ людей, жившихъ еще звѣроловнымъ бытомъ, то не мудрено, если и то небесное существо, которое проходило чрезъ всѣ эти образы, при существованіи въ немъ уже и образа человѣческаго, могло представиться звѣроловомъ небеснымъ. Такимъ и представляется Вольга въ нашихъ былинахъ. Но быть звѣроловомъ, какъ намъ уже извѣстно, тѣсно связано и съ бытомъ воинскимъ. И вотъ тотъ самый Вольга̀, при помощи того же миѳическаго оборотничества, совершаетъ и воинскіе походы. Но ежели первоначальный образъ долженъ былъ сложиться еще въ пору звѣроловнаго быта, то къ изначально-воинскимъ его сторонамъ могли примыкать и воинскія черты несравненно позднѣйшаго уже историческаго времени. Впаденіе его въ историческій типъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣна типу миѳическому съ особенною ясностію сказывается тамъ, гдѣ онъ собираетъ себѣ дружину. Въ этомъ случаѣ ему какъ будто не хватаетъ его собственныхъ силъ, и онъ такимъ образомъ даже болѣе измѣняетъ своему прежнему божественному характеру, чѣмъ богатыри младшіе, умѣющіе, какъ всѣмъ извѣстно, совершать свои подвиги и безъ дружины. Надѣленіе дружиною богатыря Вольгѝ могло, очевидно, совершиться только въ ту пору, когда въ самой жизни, въ самомъ быту появилась у насъ дружина княжеская; вотъ онъ и является княземъ дружиннымъ, даже собирателемъ дани съ тѣхъ городовъ, которые даетъ ему тутъ во владѣніе — не кто другой, какъ Владиміръ князь. Имя яснаго солнышка кіевскаго, обыкновенно являющагося ласковымъ хозяиномъ уже младшихъ богатырей, такимъ образомъ связывается тутъ съ однимъ изъ богатырей старшихъ. При подобномъ сближеніи позднѣйшаго историческаго съ самымъ древнимъ миѳическимъ, что мудренаго, ежели къ воинственно-изворотливому образу богатыря могли еще раньше примкнуть и полуисторическія преданія о князѣ, предшественникѣ Владиміра, Олегѣ Вѣщемъ, что нимало не помѣшало пожаловать этого послѣдняго въ племянники ясному солнышку кіевскому. Когда-то миѳическое оборотничество Вольги, по мѣрѣ усиленія въ немъ очеловѣченности, стало представляться умѣлостію, хитростію; а такія свойства сохранились въ народной памяти и за Олегомъ, самое имя котораго, по народному

способу произношенія — Олегъ, Вольгъ, — близко подходило къ имени богатыря Вольги, или Вольгà. Отсюда-то и возможность совпаденія опоэтизированнаго образа князя Олега съ образомъ очеловѣченнаго и тѣмъ самымъ сведеннаго на землю бога-богатыря Вольги. Извѣстно, что и въ лѣтописи Олегъ является отчасти лицомъ сверхъестественнымъ; онъ — Олегъ вѣщій, т.-е. вѣдунъ, знахарь, чародѣй, его чрезвычайная хитрость умудряется до чудесъ въ походѣ его на грековъ. Однимъ словомъ, уже въ лѣтопись Олегъ вошелъ отчасти такимъ, какимъ становился онъ въ поэтическихъ сказаніяхъ народа. Поэтому-то и въ былинахъ, можетъ-быть, къ нему же относилось свидѣтельство, что онъ, если не силой возьметъ, то хитростію; съ другой же стороны, можетъ-быть, даже память о походѣ его на Царьградъ сохраняется чисто въ баснословномъ преданіи былины о томъ, какъ Вольгà одержалъ побѣду надъ Турецъ-Санталомъ, при помощи своего оборотничества.

О. Миллеръ.

Женщина-героиня древнѣйшаго и позднѣйшаго народнаго эпоса.

Женскіе типы древнѣйшаго народнаго эпоса отличаются величавымъ характеромъ. Это героини воинственныя: какъ богатыри, ѣздятъ онѣ на коняхъ и раскидываютъ себѣ въ полѣ палатку для отдыха отъ воинскихъ подвиговъ; отлично владѣютъ оружіемъ и особенно мѣтко стрѣляютъ изъ лука. Многія изъ нихъ отличаются непомѣрною силою. Съ физическими качествами великановъ и старшихъ богатырей соединяютъ онѣ вѣщую силу слова, даръ предвѣдѣнья и премудрости. Сѣверныя валькиріи, рѣшая судьбу битвы, вмѣстѣ съ тѣмъ поучаютъ героевъ въ познаніи рунъ, содержащихъ въ себѣ всю древнюю мудрость. Въ двухъ сестрахъ княжны Любуши чешскій эпосъ воспѣваетъ вѣщую силу прорицанія, знахарства и всякаго вѣдѣнія. Чешская же поэма, извѣстная подъ именемъ Суда Любуши, повѣствуетъ о вѣщихъ дѣвахъ суда, выученныхъ вѣщбамъ во время суда, гдѣ онѣ должны были присутствовать, какъ древнія парки или сѣверныя норны, у одной въ рукахъ былъ мечъ, карающій кривду, у другой доски, съ начертанною на нихъ правдою или закономъ.

Надобно полагать, что въ сверхъестественныхъ, вѣщихъ и свѣтлыхъ идеалахъ женскихъ народный эпосъ сохранилъ память о богиняхъ и полубогиняхъ эпохи миѳической. Въ эпосѣ сѣверномъ, по пѣснямъ древней Эдды, такія героини дѣйствительно еще входятъ въ кругъ сѣвернаго Олимпа. Онѣ или богини изъ прекраснаго рода — племени Вановъ, или ихъ приспѣшницы, воинственныя валькиріи, первоначально существа стихійныя, какъ наши вилы, русалки, полудницы.

Впрочемъ, эпическая поэзія, всегда вѣрная дѣйствительности, не оставляетъ этихъ сверхъестественныхъ героинь въ туманномъ ореолѣ ихъ божественнаго величія, но придаетъ имъ краски народнаго быта, изображая въ нихъ то суровые нравы эпохи, то нѣжныя качества женственной натуры. Потому эти героини, вознесенныя надъ обыкновенными смертными, съ страшною физическою силой и съ вѣщею мудростью, возбуждающею благоговѣніе, соединяютъ въ себѣ женскую красоту, нѣжность любящаго сердца, преданность супружеской привязанности.

Высокая образующая сила эпоса состоитъ въ томъ, что онъ, за отсутствіемъ другихъ цивилизующихъ началъ, въ теченіе столѣтій можетъ питать въ народѣ грубомъ и неразвитомъ зародыши гуманныхъ идей и благородныхъ стремленій. Онъ подготовляетъ ту плодотворную почву, на которой, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, прочно и послѣдовательно возникаетъ истинная цивилизація; потому что, сопутствуя необозримымъ массамъ народа на скромномъ поприщѣ ихъ безвѣстнаго прозябанія, только онъ одинъ не перестаетъ поддерживать въ нихъ, хотя бы и смутное, сознаніе своего нравственнаго достоинства, сознаніе въ себѣ человѣческаго существа.

Потому не въ одномъ только эстетическомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія всякаго мыслящаго человѣка то замѣчательное явленіе, что русскій народный эпосъ представляетъ намъ нѣсколько яркихъ образцовъ высшей, идеальной натуры женской. И эти прекрасные образцы, то суровые и величавые, то нѣжные, чисто женственные, но преданію переходя изъ одного поколѣнія въ другое, дожили въ былинахъ и сказкахъ до нашихъ временъ, несмотря на педантство древне-русскихъ книжниковъ, не перестававшихъ въ теченіе столѣтій унижать темными подозрѣніями добрые нравы женщинъ; несмотря на грубую жизнь простонародья, столько вѣковъ кос-

нѣвшаго безъ руководства свѣтской литературы, столь доступной всякому и потому легко облагораживающей и очищающей нравы; несмотря, наконецъ, и на то, что на Руси вовсе не было общественной жизни, которая такъ способствуетъ образованію ума и сердца женщины.

Эти благородные типы женской натуры были созданы въ русскомъ эпосѣ тогда, когда народъ еще не успѣлъ подвергнуться ослабляющему вліянію восточнаго аскетизма и татарскихъ обычаевъ, когда еще дѣвицъ не запирали въ терема, чтобы спасти ихъ честь, и когда крестьянское сословіе, въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, не далеко отставало отъ князей и бояръ.

Уже то самое говоритъ въ пользу русской народности, что эти величавые типы въ ней сберeглись до сихъ поръ, какъ идеалы священной родной старины, къ которымъ должна бы направляться дѣйствительность, если бы въ ней больше было умственнаго и нравственнаго движенія.

Итакъ, идеальныя героини русскаго эпоса ведутъ свое происхожденіе изъ того же свѣтлаго миѳическаго источника, откуда пошли первоначально и старшіе богатыри съ ихъ чудодѣйственною, полубожественною силой.

По мѣрѣ того, какъ фантазія стала больше и больше свыкаться съ дѣйствительностью и воспроизводить ее въ своихъ идеалахъ, все больше и больше сокращались размѣры исполинскихъ женщинъ, суровое величіе уступало мѣсто граціи и спокойной красотѣ, а вѣщая сверхъестественная сила разума и предвѣдѣнія спускалась до житейской мудрости, сопровождаемой здравымъ смысломъ и тою ловкою смѣтливостью, которую народный эпосъ называетъ „женскими [illegible]“.

Какъ въ характерахъ Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, замѣтны разнообразные элементы, внесенные разными эпохами, такъ и въ женскихъ типахъ богатырскаго эпоса представляется та же смѣсь суровыхъ и жестокихъ формъ грубой старины съ нѣжными очертаніями и мягкимъ колоритомъ народныхъ пѣсень позднѣйшихъ временъ.

Одна и та же супруга Добрыни Никитича то [illegible] то скромна и [illegible] [illegible] [illegible]

идеалы, но первоначальные контуры этихъ идеаловъ были накинуты такою смѣлой рукою и въ такомъ величавомъ и строгомъ стилѣ, что они уже не могли измельчать и опошлѣть до того, чтобъ утратить первоначальное идеальное достоинство.

Народный эпосъ внушаетъ убѣжденіе, что женщина своею женской думушкою и своими догадками „и всѣхъ князей и бояръ повыманетъ и самого князя Владимира изъ разуму выведетъ“. Потому-то мужъ долженъ искать въ женѣ не одной красоты, но преимущественно ума, чтобъ „было ему съ кѣмъ думу думати, и было бы съ кѣмъ слово молвити“. Князь Владимиръ искалъ себѣ такой невѣсты, чтобы она была умомъ сверстна, чтобъ умѣла грамоту русскую и четью-пѣтью церковному“.

Женщины въ богатырскомъ эпосѣ пользуются значительною свободой. Онѣ устраиваютъ между собою пиры и собираютъ многочисленныхъ гостей. Такъ у Василисы Микуличны созваны были на столованье жены купеческія и вельможескія. Женщины между прочимъ проводили время въ игрѣ въ шахматы, какъ, напримѣръ, играла Катерина, жена Берматы, съ Чурилою. Чтобы выдать свою дочь замужъ, отецъ не злоупотреблялъ своею властью, и часто совѣтовался съ дочерью: шелъ къ ней вмѣстѣ подумать. Княжеская племянница, Забава Путятична, совершенно свободно гуляетъ по городу Кіеву, и даже сама приходитъ къ Соловью Будимировичу свататься. Впрочемъ, эта уже черезчуръ крайняя свобода, нарушающая женскую стыдливость, жениху не понравилась:

Всѣмъ ты мнѣ, дѣвица, въ любовь пришла,
А тѣмъ мнѣ ты, дѣвица, не слюбилася,
Что сама себя дѣвица просватала.

Дѣвица-невѣста обыкновенно живетъ въ теремѣ, гдѣ красное солнце не печетъ ее, буйные вѣтры не пахнутъ на нее. Богатырь Дунай, посланный княземъ Владимиромъ за невѣстою Апраксѣевною, находитъ ее въ теремѣ.

Ходитъ она по терему златоверху,
Въ одной тонкой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ одніхъ тонкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
У ней русая коса пораспущена.

Женскую красоту русскій эпосъ одушевляетъ мыслью и даетъ ей граціозное движеніе. Въ воображеніи нашихъ пѣвцовъ прекрасная женщина представляется —

Умомъ умна и станомъ статна,
Лицо бѣло, будто бѣлый снѣгъ,
Щечки будто маковъ цвѣтъ,
Походочка у ней какъ павиная,
Рѣчь-то у ней лебединая.

или.

... Ростомъ была высокая,
Станомъ она становитая,
И на лицо она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска (привѣтлива,
красива).

Частая походка — по нашимъ былинамъ одна изъ главныхъ примѣтъ, по которымъ тотчасъ отличишь женщину отъ мужчины.

По понятіямъ народнаго эпоса, жена составляетъ домашнее сокровище, которое мужъ не долженъ легкомысленно выставлять на позоръ публики. Многимъ доставалось плохо, когда они по неосторожности хвалились на пирахъ своими прекрасными и умными женами, потому что только —

Безумный дуракъ хвастаетъ молодой женой.

Особенно выступаетъ достоинство женщины въ лицѣ честной матерой вдовы, государыни-матушки удалого богатыря. Это самая почтенная особа, о которой всегда отзывается былина съ великимъ уваженіемъ.

Вдова учитъ своего сына уму разуму, иногда она настолько развита, что отдаетъ его учиться грамотѣ. Отъѣзжая на подвиги, богатырь беретъ у своей матери благословеніе великое. Случается, что отправляется вмѣстѣ съ нею, какъ, напримѣръ, Соловей Будимировичъ, привезшій свою матушку въ Кіевъ на кораблѣ изъ-за моря. Въ обращеніи съ матерью богатырь высказываетъ самое глубокое уваженіе:

Что не бѣлая береза къ землѣ клонится,
Не шелковая трава разстилается:
Ужъ какъ сынъ предъ матерью кланяется.

Честная вдова проводитъ время въ трудахъ и молитвѣ. Соловей Будимировичъ построилъ для своей матушки отдѣльный теремъ, гдѣ она молилась „со вдовами честными, многоразумными“, между тѣмъ какъ онъ самъ въ другомъ теремѣ веселился съ своими корабельщиками. Вдовы посѣщаютъ пиры и между собою веселятся, бесѣдуютъ, иногда ссорятся. Такъ вдова Блудова поссорилась съ вдовою Часовою за то, что эта послѣдняя, обидѣвшись бранными словами ея сына, не хотѣла выдать за него свою дочь. Потому —

Честная вдова, Блудова жена,
Пошла съ пиру не весела,
И не весела пошла — не радостна,
Зажала ручки вкругъ сердечушка,
Стянула головушку промежъ плечи.

Если сынъ женатъ, честная вдова господствуетъ въ домѣ и руководитъ своею невѣсткою, какъ, напримѣръ, мать Добрыни Никитича. Мать Дюкова изображается какой-то владѣтельной княгинею, окруженною всевозможными удобствами и великолѣпіемъ. Она распоряжается пріемомъ княжихъ оцѣнщиковъ, пріѣхавшихъ за тѣмъ, чтобы отнять ея имѣніе въ княженецкую казну, и ловко надѣвается надъ княземъ Владиміромъ. Неугомонный Василій Буслаевъ, объявляющій войну всему Новугороду и никого не боящійся, смиряется только предъ своею матерью. Когда она, чтобъ положить конецъ бѣдствіямъ новгородцевъ, проситъ его укротить свое богатырское сердце, богатырь почтительно отвѣчаетъ:

Ай же ты, моя родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна!
Никого я не послухалъ бы,
А послухалъ тебя, родну матушку:
Не послухать мнѣ законъ не дастъ.

Вообще надобно сказать, что богатырскій эпосъ приписываетъ огромное вліяніе вдовѣ-матери на образованіе и на поступки молодого поколѣнія богатырей. Любовь и уваженіе къ матери признакъ умнаго и вообще достойнаго человѣка. Гордиться своею матерью позволялось даже и на пирахъ. Эту похвальбу эпосъ не однажды повторяетъ пословицею.

А разумный хвастаетъ родной матушкой,
А безумный хвастаетъ молодой женой.

Иначе:

Умный хвастаетъ старой матерью.

Буслаевъ.

Женскіе типы въ былинахъ.

Женскія лица не многочисленны и взяты только изъ одного класса народа: они принадлежатъ или къ княжеской семьѣ, или къ семьѣ дружинниковъ. Въ своихъ женскихъ лицахъ былины изображаютъ преимущественно общія черты женской природы, при чемъ подчиняютъ ихъ строгой нравственной оцѣнкѣ. Чаще всего женщина изображается какъ жена; по понятію былинъ супружеская привязанность есть основа семейнаго счастія и пробный камень женскихъ характеровъ. Былины очень опредѣленно различаютъ нравственные типы жены злой и доброй. Былины съ сочувствіемъ изображаютъ два женскихъ типа, въ которыхъ онѣ предполагаютъ воплощеніе женскихъ добродѣтелей, Настасью Никуличну и Василису. Настасью Никуличну былины изображаютъ и дѣвицей и замужней женщиной. Дѣвицей она представляется какъ воинственная поленица, поляькующая въ чистомъ полѣ, и величавая, предъ величіемъ и силою которой оробѣлъ самъ Добрыня. Въ замужествѣ исчезаютъ чудесныя свойства ея природы и воинственность, и былины изображаютъ ее нѣжно-любящей женой, покорною мужу и „его государынѣ-матушкѣ". Подобно Василисѣ, характеристику Настасьи былины ограничиваютъ однимъ только случаемъ разлуки съ мужемъ. Добрыня принужденъ съ ней разстаться надолго, а можетъ быть, и навсегда. Онъ поручаетъ Настасью заботамъ матери и велитъ женѣ заповѣдь шесть лѣтъ не выходить ни за кого замужъ. Вѣрная Настасья не только исполняетъ свой долгъ, но еще удвоиваетъ срокъ его; на исходѣ 12-го года самъ Владимиръ сватаетъ за нее Алешу Поповича, который приноситъ вѣсть о Добрыниной погибели; менѣе рѣшительная и энергичная, чѣмъ Василиса Даниловна, Настасья не ищетъ себѣ смерти; смущенная, не имѣющая ни въ чемъ опоры, она принуждена

согласиться на бракъ, но въ самое время свадебнаго пира возвращается Добрыня.

Втапоры Настасья засовалася,
Хочетъ прямо скочить, обезчестить столы.

Матери богатырей всегда изображаются съ величайшимъ сочувствіемъ, даже почетомъ. Этотъ типъ до того опредѣленный, что матери разныхъ богатырей характеризуются одними и тѣми же постоянными чертами, впрочемъ, очень немногосложными. Мать богатыря — всегда честная, матерая вдова, набожная; многоразумная; она всегда любима и уважаема сыномъ:

Что не бѣлая березка къ землѣ клонится,
Ужъ не шелковая трава разстилается:
Ужъ какъ сынъ предъ матерію кланяется.

Сама она исполнена нѣжной къ нему привязанности, которую былины изображаютъ яркими чертами.

Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
Провожала его родна матушка,
Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по палатѣ похаживать,
Начала голосомъ поваживать,
Жалобнешько она съ причетью.

Вмѣстѣ съ сыномъ скорбитъ о его невзгодахъ и утѣшаетъ его; мать богатыря — его наставница и воспитательница, и горе тому сыну, который ослушается материнскихъ совѣтовъ. Это ослушаніе всегда не къ добру. Вообще мать изображается какъ лицо въ высшей степени почтенное и достойное уваженія.

Майковъ.

Младшіе богатыри и ихъ историческая эпоха.

Съ утратою языческаго вѣрованія, миѳъ, какъ бы онъ ни былъ заманчивъ по своему поэтическому образованію, уже перестаетъ быть выраженіемъ и обeрегателемъ народнаго сознанія. Онъ только забавляетъ, какъ сказка о какихъ-нибудь несбыточныхъ диковинкахъ, но не внушаетъ къ себѣ довѣрія

и уваженія, какими пользуется собственно богатырскій эпосъ, имѣющій предметомъ не боговъ, которымъ уже никто не вѣритъ и никто не поклоняется, а обыкновенныхъ смертныхъ, которые въ идеальныхъ типахъ богатырей становятся настоящими представителями народа, образцами всего, что почитаетъ онъ въ себѣ доблестнымъ и достойнымъ всякаго уваженія.

Къ младшимъ богатырямъ принадлежатъ всѣ тѣ, которые при князѣ Владимирѣ являются представителями мѣстныхъ, провинціальныхъ силъ и сословныхъ интересовъ древней Руси. Эти герои новой, исторической эпохи уже не помнятъ своихъ родственныхъ связей съ миѳическими предками.

Богатырскій эпосъ называетъ ихъ сыновьями уже обыкновенныхъ смертныхъ, и притомъ такихъ людей, о которыхъ не находитъ нужнымъ распространяться, видя въ нихъ мало интереснаго для своей публики. Зато эпосъ съ особенною любовью медлитъ на характеристикѣ матерей младшихъ героевъ, изображая ихъ обыкновенно вдовами.

Всѣ эти спутники ласковаго князя стекаются къ нему въ Кіевъ изъ разныхъ мѣстъ, безъ сожалѣнія покидая свою родину и отца съ матерью. Прерывая связь съ родною стариною, они становятся даже ея врагами, поражая и сокрушая ея остатки въ чудовищахъ и великанахъ, съ которыми ведутъ постоянную борьбу. Кто истребляетъ Змія Горыныча, кто полонитъ Соловья Разбойника, кто побѣждаетъ Тугарина, кто великана Шарка.

Только Илья Муромецъ, наиболѣе всесторонній и совершеннѣйшій типъ русскаго богатыря, относится къ старинѣ не съ одною враждою. Онъ наслѣдовалъ силу отъ великана Святогора, былъ ему меньшой братъ и учился у него всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, какъ сѣверные боги учатся премудрости отъ маститыхъ великановъ.

Всѣ богатыри князя Владимира — народъ молодой, безбородый; даже самый эпитетъ *молодой*, или младъ, постоянно прилагается Дюку Степановичу, Михайлѣ Казарянину, Чурилѣ Пленковичу, Соловью Будиміровичу, но особенно Добрынѣ Никитичу и Алешѣ Поповичу. Эпическій герой, по понятіямъ народа, силенъ свѣжими, молодыми силами, потому и называется молодцемъ, добрымъ молодцемъ. Не зрѣлое сужденіе и опытность руководятъ его дѣйствіями, а удаль и надежда на удачу; и потому онъ удалой, удача добрый *молодецъ*. Обык-

новенно являются богатыри при дворѣ князя Владимира холостыми и потомъ уже смышляютъ себѣ невѣсту и женятся.

Самъ Владиміръ князь такой же безбородый юноша, какъ и его спутники, даже моложе ихъ: „Всѣ вы переженены, говоритъ онъ имъ однажды: только я, князь, не женатъ, холостъ хожу“.

Потому-то при дворѣ Владимира часто играются веселыя свадьбы, но похоронъ не бываетъ. Всѣ молоды и здоровы, всѣ пируютъ, пьютъ и веселятся.

Илья Муромецъ опять отличается отъ другихъ богатырей. Онъ не только не юноша, но даже сѣдой, матерой богатырь, съ сѣдою бородою. Сѣдина — отличительная примѣта Ильи:

Не бѣлы снѣжки въ чистомъ полѣ забѣлѣлися,
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Съ частой со сѣдой мелкой бородушкой.

Безъ сомнѣнія, уже бородатый прибылъ Илья ко двору князя Владимира, потому что еще дома сидьмя сидѣлъ тридцать лѣтъ.

Илья Муромецъ умнѣе и благоразумнѣе своихъ богатырскихъ товарищей не потому только, что онъ изъ любимаго крестьянскаго сословія, но и потому, что онъ старше ихъ всѣхъ, опытнѣе, больше ихъ жилъ на свѣтѣ, больше видѣлъ и больше испыталъ. Потому онъ надъ ними начальствуетъ, какъ атаманъ, и называетъ ихъ своими „ребятушками“. По лѣтамъ они годятся ему въ сыновья.

Ничто великое не совершается богатырями безъ участія Муромца. Онъ ведетъ ихъ на враговъ и распредѣляетъ каждому дѣло по силѣ.

Итакъ, хотя съ младшими богатырями вступаетъ на свѣтъ новое, молодое, безбородое поколѣніе, но эпосъ, всегда вѣрный природѣ и историческому теченію жизни, даетъ въ руководство молодой рьяности и отвагѣ благоразуміе и опытность старины, представителемъ которой во всемъ, что она сберегла лучшаго и достойнаго, является при дворѣ князя Владимира муромскій крестьянинъ.

Въ богатырскомъ эпосѣ русскій народъ прославляетъ воинскіе подвиги и доблести своихъ героевъ, забывая на время ежедневные труды мирнаго земледѣльца. На самой ранней порѣ, только что Русь вышла на историческое поприще, тревожная эпоха междоусобій, особенно въ главныхъ сосредо-

точниковъ русской жизни, заглушала воинскимъ шумомъ и гамомъ мирные голоса земледѣльческаго населенія.

Не идиллія земледѣльческаго быта, на многіе вѣка остановившагося въ своемъ развитіи, дала содержаніе нашему народному эпосу; не мирные поселяне съ ихъ однообразными, скромными привычками искали для себя поэтическое отраженіе въ богатырскихъ идеалахъ; не въ тѣсныхъ стѣнахъ деревенской избы сосредоточила свои симпатіи творческая фантазія, населившая русскую старину богатырскими доблестями. Впервые пробудившійся духъ историческаго движенія съ свѣжею энергіей увлекаетъ въ своемъ потокѣ эти новыя историческія силы, такъ разнообразно направленныя въ ихъ тревожной дѣятельности, то въ отдаленныхъ поѣздкахъ богатырей, завоевывающихъ цѣлыя страны и собирающихъ съ нихъ дань, то въ защитѣ русской земли отъ сосѣднихъ хищниковъ, то въ борьбѣ съ чудовищами, то въ молодецкомъ похищеніи себѣ женъ, подобно римлянамъ маститыхъ временъ Ромула и Рема. И Муромъ, и Рязань, и Ростовъ, и другія родныя мѣста бросаютъ богатыри, и временщики тянутся къ Кіеву, не потому, чтобы не дорога была для нихъ родная сторона, но потому, что движеніе историческое сосредоточивается для нихъ въ Кіевѣ, въ лицѣ ласковаго князя Владиміра; потому, что уже нечего имъ дѣлать дома, въ тѣсной обстановкѣ доисторическаго быта, потому что новыя силы ищутъ простора для своей дѣятельности и находятъ въ княжеской дружинѣ достойную для себя задачу — въ заложеніи первыхъ основъ исторической на Руси жизни. Далекія области благословеніями напутствуютъ своихъ представителей, отправляющихся къ кіевскому князю на службу, не жалѣя, что въ своихъ богатыряхъ, разстаются онѣ съ лучшими силами, какія могли только возникнуть на ихъ родной почвѣ; потому что этимъ силамъ суждено было созрѣть и вполнѣ развиться уже въ иной обстановкѣ, болѣе благопріятной для историческаго движенія. Только Новгородъ ревниво отстаиваетъ свои права и не хочетъ подѣлиться съ Кіевомъ ни Садкомъ ни Васильемъ Буслаевымъ.

Буслаевъ.

Характеристика былинъ Владимирова цикла.

Былины Владимирова цикла выражають собою то именно время изъ прошедшей Руси, когда русскіе славяне впервые проявили стремленіе къ прочному государственному строю жизни и подъ охраной его впервые стали горячо отстаивать свою самостоятельность предъ натискомъ иноплеменниковъ; чтобы защитить и сохранить эту независимость, потребовалась крѣпкая, воинская сила, тѣсно связанная съ высшею властью — государственною, и таковою явилась дружина, которая и есть предметъ былинъ.

Охранительно-боевое значеніе богатырской дружины прямо указывается эпосомъ, ее воспѣвающимъ: по его словамъ, богатыри съѣзжаются въ Кіевъ, чтобы

Заложиться за князя Владимира,
Послужить ему вѣрой и правдой,
Постоять за вѣру христіанскую.

Эпосъ съ сочувствіемъ повѣствуетъ о богатырскихъ подвигахъ, совершонныхъ въ сознаніи этого долга, и самихъ подвижниковъ, стоятелей и оберегателей Руси, изображаетъ не иначе, какъ страшною грозою для ея враговъ: то влагаетъ онъ въ уста одному изъ сильнѣйшихъ богатырей слѣдующую ироническую похвальбу предъ побѣжденнымъ врагомъ:

Вы поѣдете по своимъ мѣстамъ,
Вы чините вездѣ такую славу,
Что святая Русь не пуста стоитъ,
На святой Руси есть сильны, могучи богатыри, —

то яркимъ и поразительнымъ сближеніемъ опредѣляетъ значеніе богатырей:

Предъ Кіевомъ три заставы крѣпкія:
Первая застава — сѣры волки,
Другая застава — змѣи лютыя,
Третья застава — стоитъ 12 богатырей.

Любовь народа къ этимъ первымъ народникамъ и собирателямъ земли русской, первымъ носителямъ идеи объ ея единствѣ, должна была рано вдохновить творчество и вызвать его

на созданіе того идеально-типическаго лица князя, около котораго группируется весь циклъ Владимира. Избирая себѣ героевъ изъ богатырей-дружинниковъ, окружающихъ Владимира, былины никогда не описываютъ ихъ жизни съ біографическою послѣдовательностью; онѣ узнаютъ одно или нѣсколько событии изъ жизни богатыря и повѣствуютъ о нихъ эпизодически; поэтому былинамъ рѣдко удается представить всестороннее изображеніе характера отдѣльной личности, но зато онѣ очень определенно воспроизводятъ общія типическія свойства богатырей-дружинниковъ. По большей части это люди съ свѣжими неутомимыми силами, въ лучшей, дѣятельнѣйшей порѣ жизни; почти всѣхъ ихъ эпосъ выставляетъ молодыми, и потому прозвище молодец почти неразлучно съ лицомъ богатыря. Такъ какъ война есть важнѣйшее дѣло богатырей, то совокупность воинскихъ доблестей и есть главная особенность, первое отличіе богатыря. А какъ войны, въ которыхъ участвуютъ дружинники богатыри имѣютъ важное народное значеніе, то и въ былинахъ воинской дѣятельности дружинниковъ приданъ высокій характеръ патріотическій и даже религіозный. Народное творчество всевозможными средствами старается выразить свое сочувствіе къ этимъ лицамъ, старается, такъ сказать, поднять ихъ надъ дѣйствительностію и идеализировать; поэтому оно придаетъ всевозможныя совершенства ихъ природѣ. Такъ то очевидно гиперболическаго представленія доводитъ оно тѣ физическія свойства, которыя оказываются вполнѣ соотвѣтствующими быту эпохи и дѣятельности дружины, если мы ихъ примемъ въ размѣрахъ обыкновенныхъ. Какъ воителямъ, дружинникамъ-богатырямъ нужна была и ловкость, и народное творчество одаряетъ ихъ силою чрезвычайною, почти чародѣйскою. Илья Муромецъ однимъ ударомъ стрѣлы разбиваетъ дубы въ черенья ножевыя и кидаетъ враговъ подъ небеса,

Выше лѣса стоячаго,
Выше облака ходячаго.

Добрыня съ Иваномъ Дубровичемъ побиваетъ цѣлую орду татарскую.

Богатырь Данила Игнатьевичъ носитъ клюку въ 40 пудовъ вѣсу, Алеша — въ 30 пудовъ да

Въ 50 пудовъ палицу свинцу чубурацкаго.

Въ соотвѣтствіе съ силой богатырей и походка ихъ изображается особенно тяжелою:

Идетъ Михайла Потокъ сынъ Ивановичъ,
Идетъ молодецъ по новымъ сѣнямъ,
Идетъ онъ—будто подпирается,
Ступеньки, мостики подгибаются;

и голосъ внушительно громкимъ:

А скрычалъ Дунай-то гласомъ громкіимъ:
Оттого палата зашаталася;

сонъ чрезвычайно продолжительнымъ:

Богатырскій сонъ на 12 денъ. . . .
. . . .
Онъ (Илья) спитъ, старый храпитъ,
Какъ телѣга ордынская гремитъ;

и, наконецъ, способность пить огромными пріемами, — чарами въ полтора, полсена, полпята, полтретья ведра. Представляя богатырей пьющими такъ много, былины влагаютъ въ ихъ уста насмѣшки надъ прожорливыми великанами. Народное творчество окружаетъ богатырей-дружинниковъ существами сверхъестественными и даже иногда въ собственную жизнь богатырей вводитъ событія чудесныя. Этотъ элементъ чудеснаго въ нашихъ былинахъ не есть случайный вымыселъ отдѣльныхъ пѣвцовъ, зависящій отъ личнаго произвола ихъ фантазіи; онъ порожденъ тою особенностію общенароднаго міросозерцанія, по которой многое, что совершается въ дѣйствительномъ мірѣ, во внѣшней природѣ, какъ ея явленіе, или въ человѣкѣ, какъ явленіе его духа, народъ за недостаткомъ точныхъ понятій и по естественному стремленію воображаетъ и объясняетъ себѣ въ видѣ миѳа.

Майковъ.

Время и мѣсто сложенія былинъ Владимирова цикла и ихъ историческое и нравственное значеніе для народа.

Былины Владимирова цикла представляютъ Русь христіанскою, сосредоточенною подъ властью великаго князя кіевскаго Владиміра, въ постоянныхъ сношеніяхъ, преимущественно враждебныхъ, съ татарами. Дѣйствіе былинъ происходитъ, главнымъ образомъ, въ Кіевѣ или около него, а изъ другихъ городовъ упоминаются преимущественно Черниговъ, Галичъ волынскій, Муромъ, Суздаль, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ. Между дѣйствующими лицами былинъ встрѣчаются лица, относимыя по лѣтописямъ къ X, XI, XII и XIII вѣкамъ. Въ былинахъ Владимирова цикла не видно преобладанія Москвы, ни какъ великаго княжества ни тѣмъ болѣе какъ царства; Москва даже никогда въ нихъ не упоминается, есть только московскія сторожевыя заставы. Соображая эти данныя, имѣемъ право думать, что содержаніе былинъ Владимирова цикла вырабатывалось въ продолженіе X, XI и XII вѣковъ, т.-е. въ первой половинѣ удѣльно-вѣчевого періода, а установилось не позже времени татарскаго владычества и даже именно той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала въ себѣ всю государственную силу Руси, и въ народѣ свѣжа была память о первенствующемъ значеніи Кіева. Такой эпохой можно считать вторую половину удѣльно-вѣчевого періода, вѣка XIII и XIV.

Мѣстность, въ которой могли быть пѣты былины въ XII вѣкѣ, была южная Русь, вѣроятно область Кіевская, въ предѣлахъ которой помѣщается большая часть происшествій, описываемыхъ въ былинахъ Владимирова цикла. Въ противоположность этому факту древности, въ настоящее время былинъ въ южной Руси не существуетъ; есть только въ нѣкоторыхъ малорусскихъ преданіяхъ упоминанія о лицахъ, воспѣваемыхъ въ былинахъ Владимирова цикла. Какъ объяснить это явленіе? Уже со времени основанія Владиміра Залѣсскаго, Ярославля и проч., въ X и XI вѣкахъ, мы видимъ постоянное движеніе южно-русскаго населенія на сѣверъ и сѣверо-востокъ, мы видимъ, что это движеніе особенно усили

вается въ XII вѣкѣ, когда великокняжескій столъ былъ перенесенъ во Владиміръ; если мы признали возможнымъ существованіе былинъ въ это время, то легко можемъ предположить, что онѣ были перенесены этими переселенцами съ юга въ тѣ мѣста, которыя впослѣдствіи составили центръ великой Руси, и здѣсь уже подверглись дальнѣйшей разработкѣ въ постоянномъ устномъ храненіи.

Подвиги и приключенія Владиміровыхъ богатырей-дружинниковъ по большей части вымышленные, но побужденія, ихъ создающія, и самый образъ дѣйствія былинныхъ героевъ такъ близки къ дѣйствительнымъ явленіямъ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ русской народной жизни, когда Русь впервые обособилась въ отдѣльное государственное тѣло, что общій смыслъ богатырской дѣятельности, а слѣдовательно и смыслъ эпоса о ней уже историческій, и, стало-быть, былины Владимірова цикла имѣютъ для народа значеніе какъ воспоминаніе, конечно, вполнѣ достовѣрное на его взглядъ, объ отдаленнѣйшемъ прошедшемъ родной земли, воспоминаніе тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно представляетъ родную старину въ яркихъ краскахъ и самыми привлекательными чертами. Этимъ объясняется та живучесть и свѣжесть, съ которой отъ глубоко древней эпохи до нашего времени былины сохранились въ народной памяти.

Значеніе нашихъ былинъ становится еще шире и полнѣе, благодаря прочному нравственному смыслу ихъ содержанія. Независимо отъ условій поэтическаго воспроизведенія дорогой народной старины, былины Владимірова цикла поучительны для народа, какъ рядъ разнообразныхъ картинъ житейскихъ явленій и людскихъ отношеній: въ былинахъ народъ съ умиленіемъ видитъ образцы высокихъ доблестей общественныхъ, образцы нѣжной супружеской привязанности, образцы любви къ слабому и угнетенному, кротости, прямодушія, благоразумія, твердости, самопожертвованія, и рядомъ имѣетъ случай справедливо осудить проявленія хвастовства, гордости, наглости, хитрости, жестокости... И всѣ эти картины и образы тѣмъ выше становятся въ нравственномъ отношеніи, что они представляютъ собою не лирическое заявленіе личнаго мнѣнія, не протестъ отдѣльныхъ лицъ противъ гнетущаго зла и несправедливости, но истинно эпическое высшее начало примиренія добра со зломъ, которое

въ своемъ приговорѣ по дѣламъ воздаетъ каждому человѣку и спокойно и безпристрастно, но не равнодушно, не безстрастно изображаетъ дѣла человѣческія.

Весь этотъ историческій и нравственный смыслъ былинъ для народа превосходно выраженъ въ слѣдующей припѣвкѣ, которою пѣвцы встарину заключали былины:

То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишинье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ, веселымъ молодцамъ, на потѣшенье,
Сидючи во бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласковому.

Майковъ.

Значеніе Кіева въ былинахъ о младшихъ богатыряхъ.

Стольный городъ Кіевъ, сосредоточивая въ себѣ областныя, національныя силы древней Руси, грубыя и невоздѣланныя, не только давалъ имъ нѣкоторую политическую организацію въ богатырской дружинѣ князя Владиміра, но и образовывалъ ихъ, приводя ихъ въ живительное столкновеніе другъ съ другомъ, вводя въ интересы зачинавшейся на Руси исторической жизни, а также сближая ихъ съ сосѣдними странами и чужими народами и знакомя съ иноземнымъ вліяніемъ.

Уже съ древнѣйшихъ временъ въ Кіевѣ много было пріѣзжихъ иностранцевъ, между которыми Слово о полку Игоревѣ называетъ нѣмцевъ, венеціанъ, грековъ. Владиміръ Мономахъ въ своемъ Поученіи дѣтямъ свидѣтельствуетъ, что отецъ его, живя дома, могъ выучиться говорить на пяти языкахъ. Кіевскій Патерикъ повѣствуетъ о варяжскихъ, то есть норманскихъ, пещерахъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, о сношеніи монастыря [illegible] съ армянами, ляхами. Народныя [illegible]

памятниковъ, до нашихъ временъ поддерживаетъ въ народѣ убѣжденіе, что Кіевъ былъ для русскихъ богатырей проводникомъ иноземнаго образованія. Въ числѣ ихъ были богатыри заѣзжіе, то-есть прибывшіе изъ чужихъ земель, какъ, напримѣръ, Соловей Будимировичъ. Какъ иностранецъ, онъ удивляетъ князя Владимира и его княгиню заморскими подарками, строитъ дотолѣ небывалыя въ Кіевѣ палаты и, вошедши къ князю въ любовь, женится на его племянницѣ, Запавѣ Путятишнѣ. Другіе богатыри сами совершали отдѣльныя поѣздки.

Расширяя поприще богатырскимъ подвигамъ, народный эпосъ называетъ царства: индѣйское, латинское, сорочинское и т. д.; часто упоминаетъ объ иностранномъ одѣяніи, о латинскомъ платьѣ, о колпакахъ и шляпахъ греческихъ. Особенно часто встрѣчаются любопытные намеки на сношенія кіевской Руси съ Польшею, Литвою и съ Волынемъ галицкимъ. Эпосъ знаетъ царство литовское.

Черниговъ, такъ же какъ Литва или Галичъ, представляется самостоятельнымъ княжествомъ, враждебнымъ городу Кіеву.

Нѣтъ сомнѣнія, что расширеніе кіевскаго горизонта иноземнымъ вліяніемъ и частыми сношеніями съ чужими землями должно было ввести въ народный эпосъ новое богатое содержаніе и отразиться новыми чертами въ характеристикѣ и самого князя и нѣкоторыхъ изъ его богатырей. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны былины о Чурилѣ Пленковичѣ и Дюкѣ Степановичѣ, въ высшей степени изящныя по эпическому изложенію и столько же важныя для исторіи внутренняго быта древней Руси. Оба богатыря заѣзжіе: Чурила изъ Малаго Кіевца, Дюкъ изъ Волынца, Красна-Галичья, или, какъ поется въ иныхъ былинахъ,

> Изъ Галицы проклятыя,
> Изъ тоя Индѣюшки богатыя,
> Со славнаго, съ богата Волынъ-города.

Галицкая земля представляется баснословною страной несмѣтнаго богатства и роскоши, потому и смѣшивается съ Индіею богатой. Кіевъ ей завидуетъ, и въ отношеніи къ удобствамъ цивилизаціи долженъ бы многимъ отъ нея позаимствоваться. Князь Владимиръ жадно бросается на нее, какъ могущественный завоеватель, но его грубая сила встрѣчаетъ

себѣ опору въ неистощимыхъ средствахъ, какія умѣетъ противопоставить образованіе невѣжеству. Таковъ общій смыслъ этихъ былинъ о сношеніяхъ Кіева съ Галицкой Русью, согласный съ свидѣтельствами лѣтописей объ успѣхахъ просвѣщенія въ этой странѣ, рано оказавшихся подъ вліяніемъ европейскимъ.

Буслаевъ.

Илья Муромецъ.

Главное лицо между богатырями-дружинниками, окружающими Владимира, есть Илья Муромецъ, знаменитѣйшій представитель русскаго богатырства, побѣдитель Соловья-Разбойника и Идолища, заступникъ князя Владимира предъ татарскимъ нашествіемъ.

Илья Муромецъ — сынъ крестьянина; онъ дорожитъ своими родовыми связями съ сельскимъ населеніемъ, и созданное ими общественное положеніе не хочетъ мѣнять на иное, даже болѣе значительное; такъ смоляганицы (по другимъ пересказамъ, черниговцы), которыхъ онъ освободилъ отъ татарской осады, зовутъ его къ себѣ воеводою, но онъ отказывается:

Не дай, Господи, дѣлати съ барина холопа,
Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
Дворянина съ холопа, съ попа палача,
А также изъ богатыря воеводу.

Уже съ запасомъ знаменитыхъ подвиговъ приходитъ онъ къ Владимиру: онъ заявляетъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ-Разбойникомъ, и непостижимо, невѣроятно кажется Владимиру это торжество надъ страшнымъ великаномъ, долговременнымъ врагомъ людей кіевскихъ: сила, никѣмъ невиданная доселѣ, необходима была для такого дѣла, и именно *силою и мощью*, какъ отличительною чертою, былины характеризуютъ Илью. Только ему одному покоряется Соловей-Разбойникъ: онъ не слушаетъ приказовъ князя Владимира и говоритъ ему въ отвѣтъ:

Не твоя слуга, не тебя и слушаю:
Я служу и слушаю Илью Муромца.

Чуя приближеніе этой могучей силы, другой противникъ Ильи, Збутъ Королевичъ, отвязываетъ своего пса отъ стремени, опускаетъ съ руки яснаго сокола, приговаривая имъ:

А теперь мнѣ не до тебя пришло.

Въ сознаніи своей неодолимой силы Илья даже не всегда употребляетъ ее въ дѣло, но только заявляетъ о ней врагамъ: въ чистомъ полѣ напали на него разбойники; Илья не защищается:

Что снимаетъ ли старый свой тугій, крѣпкій лукъ,
Онъ пускаетъ ли калену стрѣлу во сырой толстый дубъ,
Расколол онъ этотъ дубъ на четыре грани;
Вотъ и тутъ ли разбойнички испугалися,
По чистому полю разбѣжалися.

Вмѣстѣ съ этой неодолимой силой плоти нашего богатыря отличаетъ его *талантъ-участь*, его судьба, которую онъ самъ себѣ создаетъ, руководимый своими нравственными свойствами и инстинктами.

Какъ въ бою противъ богатырей онъ

Стоитъ — не шатнется,
На буйной головѣ колпакъ не тряхнется,

такъ же стоекъ онъ и въ людскихъ отношеніяхъ: среди пестрой дружины княжеской онъ вѣрный представитель крестьянства; на врага въ чистомъ полѣ онъ смотритъ не изъ трубочки серебряной, какъ Добрыня, а попросту изъ кулака молодецкаго; богатство ему не къ разуму; онъ не принимаетъ на себя никакихъ обязанностей, кромѣ долга богатырскаго, ради котораго онъ пришелъ въ Кіевъ.

Къ князю Владимиру
На положеніе и сбереженіе.

Эти слова свидѣтельствуютъ, съ какою довѣрчивостью смотритъ Илья на самого князя; порою это чувство переходитъ въ нѣжную отеческую заботливость: Владимиръ проситъ Илью заставить Соловья свистнуть громкимъ голосомъ. Илья исполняетъ просьбу только съ слѣдующею предосторожностію:

Ужъ ты, батюшка нашъ, Владимиръ князь!
Не во гнѣвъ бы теѣ, батюшка, показалосе:
Я возьму тея, батюшку, подъ пазушку,
А княгиню-то подъ другую.

То же благодушіе видно и въ обращеніи Ильи съ его товарищами — богатырями. Онъ одинъ старикъ между ними, но не

раздражительно, а степенно, съ благоразуміемъ, приличнымъ человѣку опытному и бывалому, относится къ людямъ иного, юнѣйшаго поколѣнія: то помогаетъ ослабѣвающему въ битвѣ Добрынѣ, то учитъ Дюка богатырской поѣздкѣ, то, стоя на заставѣ, разсуждаетъ о правѣ товарищей и сообразно съ нимъ опредѣляетъ, кому итти противъ приближающагося врага. Однажды Алеша Поповичъ раздосадовался на Илью; но и тутъ Муромецъ не вышелъ изъ себя или, лучше сказать, великодушно сдержалъ свой гнѣвъ: Алеша кинулъ въ него ножомъ.

Имамалъ на полету Илья булатный ножъ,
Взоткнулъ его въ дубовый столъ.

Илья благодушенъ даже съ врагами. Мы видѣли выше, какъ онъ только пугнулъ своей силой разбойниковъ, на него напавшихъ. Только врагамъ иноплеменнымъ онъ не знаетъ пощады: при осадѣ Чернигова

Побиваетъ онъ всѣхъ татаръ черныхъ
Съ перваго до послѣдняго.

Съ благодушіемъ въ нравѣ его соединяется и скромность: побѣдивши врага, котораго не могъ одолѣть никто другой изъ богатырей, Илья ограничивается слѣдующею похвальбою:

Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,—
Экаго чуда не наѣзживалъ.

Благодушіе и скромность не мѣшаютъ, однако, Ильѣ сохранять полную независимость своего характера. Эту независимость онъ обнаруживаетъ преимущественно въ своихъ отношеніяхъ къ княжескимъ дружинникамъ. Простой крестьянинъ, Илья не подчиняется образу ихъ дѣйствій и поступковъ; такъ, при наступленіи Мамая на Кіевъ, Владиміръ совѣтуется съ дружиною о томъ, какъ съ нимъ воевать. Трусливые князья и бояре говорятъ:

Что дѣлать надо стѣну бѣлокаменну
Да засыпать желтымъ пескомъ,

а Илья подаетъ совѣтъ

Послать къ Мамаю скора гонца,
Просить сроку на три мѣсяца,
Чтобы силамъ намъ поисправиться,
А могучимъ богатырямъ посъѣхаться.

Врагъ наушничества, Илья самъ дѣлается жертвой боярской клеветы; однажды бояре подмолвились князю:

Гой еси, батюшка, Владимиръ князь,
Всѣмъ-то намъ твои дары по душѣ пришли,
Одному-то удалому молодцу
Дары тѣ не по любви пришли,
Что по имени-то Ильѣ Муромцу.

И князь велитъ Илью посадить въ глубокъ погребъ.

Такимъ образомъ, уступая навѣтамъ боярскимъ, Владимиръ нарушаетъ дружественныя отношенія къ Муромцу.

Съ своей стороны и Муромецъ начинаетъ подозрительно смотрѣть на князя, къ которому такъ довѣрчиво относился сначала. Однажды Илья приходитъ на пиръ Владимировъ, не узнанъ княземъ и посаженъ имъ не съ боярами, а съ дѣтьми боярскими.

Не умѣлъ ты гостя на пріѣздѣ учествовать,
На отъѣздѣ гостя не учествуешь,
Самъ ты сидѣлъ съ воронами,
А меня садилъ съ воронятами,

отвѣчаетъ онъ Владимиру. По другой былинѣ, Владимиръ забылъ позвать Илью къ себѣ на пиръ:

Тутъ Илюшенькѣ стало зарко,—
Скоро онъ тянулъ тугъ лукъ,
Кладываетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ онъ тутъ по Божьимъ крестамъ,
По тыимъ маковкамъ золоченыимъ.

Нѣкоторыя былины только и знаютъ, что враждебныя отношенія между Владимиромъ и Ильей, даже при первомъ его появленіи; другіе вмѣстѣ съ ссорой знаютъ и примиреніе Ильи съ княземъ. Вообще многія былины придаютъ Ильѣ прозвище стараго казака и атамана, вѣроятно подъ вліяніемъ позднихъ непріязненныхъ отношеній между высшимъ классомъ и крестьянствомъ; какъ извѣстно, эти отношенія содѣйствовали распространенію казацкихъ вольницъ на русскихъ украйнахъ. Представляемый казакомъ, Илья Муромецъ въ одной казацкой пѣснѣ становится даже современникомъ и товарищемъ Стеньки

Разина. Въ ладу или не въ ладу съ княземъ, Илья всегда подчиняетъ свои подвиги, свою дѣятельность началу нравственному и религіозному: отправляясь изъ дому въ Кіевъ, онъ ставитъ часовню съ своимъ именемъ, или же служитъ обѣдни запрестольныя, кладетъ завѣты великіе, ставитъ свѣчку дорогую и сулитъ другую еще дороже за поправленіе во пути во дороженькѣ. Его подвиги — не безцѣльный размахъ силы, но защита слабымъ и угнетеннымъ.

Тѣснимый врагомъ Сокольничкомъ, Илья взмолился Богу:

Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію;
Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужныхъ женъ;
Благочестивыя жены, безмужніи вдовы,
Онѣ были богомольныя,
День и ночь онѣ Богу молятся.

Конечно, цѣною этихъ подвиговъ заслужилъ онъ милости свыше; по крайней мѣрѣ, былины вводятъ въ его судьбу непосредственное участіе силъ неземныхъ:

Написано было у святыхъ отцовъ,
Удумано было у апостоловъ —
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому.

Этотъ-то завѣтъ и осуществился въ томъ, что Илья окаменѣлъ въ кіевскихъ пещерахъ.

Это религіозное освященіе личности Ильи Муромца объясняется тѣмъ, что въ лицѣ его народное творчество съ большою полнотою воплотило лучшія нравственныя понятія и стремленія русскаго народа и потому естественно могло не связать ихъ съ народными вѣрованіями и религіозными убѣжденіями.

Майковъ.

Добрыня Никитичъ.

Добрыня по происхожденію княжичъ, между тѣмъ какъ Илья Муромецъ является въ дружинѣ Владимировой какъ представитель крестьянства во всей простотѣ сельскаго быта. Добрыня — представитель высшаго слоя общества, даже не боя-

ринъ, но родственникъ самого Владимира, какъ бы княжичъ безъ удѣла. Иныя былины и называютъ его княжичемъ; но, тѣмъ не менѣе, онѣ вообще представляютъ его не какъ лицо вполнѣ независимое, а какъ члена Владимировой дружины, на ряду съ прочими дружинниками. Лицо изъ высшаго общества, богачъ Добрыня служитъ представителемъ высшей степени образованности, возможной въ его время.

А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Добрынѣ въ наукъ пошла;
Посадила его матушка перомъ писать.

Оттого онъ и слыветъ за человѣка грамотнаго, „вострого". Кромѣ того, онъ мастеръ пѣть и играть на гусляхъ или гудкѣ, такъ что переодѣтый въ платье скоморошье онъ не былъ узнанъ ни матерью ни княземъ Владиміромъ; онъ и стрѣлецъ превосходный, и плавать гораздъ, и игрокъ уличный въ тавлеи — шахматы:

Съ измалехонька Добрыня тѣшился,
Съ малыми ребятами игрывалъ.

Онъ и борецъ отличный:

Съ измалехонька Добрынюшка тѣшился,
Съ малыми ребятушками барывался.

Онъ знаетъ всѣ тонкости людского обращенія. Онъ человѣкъ почетливый, учтивый. Входитъ онъ въ палаты княжескія,

Крестъ кладетъ онъ по-писаному,
Поклонъ ведетъ по-ученому,
Солнышку-Владиміру въ особину.

Найдетъ ли врага въ полѣ, онъ

Знаетъ, какъ съ богатыремъ съѣхаться,
Знаетъ, какъ богатырю честь отдать.

И у врага онъ

Будетъ спрашивать про имя, про вотчину.

Владиміра онъ упрекаетъ, что князь не умѣлъ гостя по пріѣздѣ учествовать, — не учествуетъ и на отъѣздѣ. О немъ

молва, что за нарушеніе учтивости онъ способенъ отрубить буйную голову.

Онъ на рѣчахъ разуменъ.

У него ли рѣчи привѣтливы,
У него ли рѣчи умильныя,
Онъ прельститъ и уговоритъ.

Совокупность всѣхъ этихъ свойствъ, отличающихъ Добрыню, былины называютъ „вѣжествомъ". Это вѣжество „прирожденное", стало-быть наслѣдованное Добрынею отъ предковъ, свойственное его княжескому роду. Его вѣжество и происхожденіе дали направленіе его дѣятельности, и вотъ какія службы справлялъ Добрыня при Владимирѣ:

Три года у князя стольничалъ,
Да три года у князя чашничалъ,
Да три года у князя въ приворотникахъ былъ.

Наконецъ, бывалъ онъ и не разъ въ послахъ. Впрочемъ, ловокъ Добрыня и въ бою: онъ убилъ Змѣя Горыныча, перебилъ много татаровей.

Съѣздилъ въ дальнія орды немирныя,
Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
Прекратилъ Сорочину долгополую,
И тѣхъ черкесъ пятигорскихъ,
А и тѣхъ калмыковъ со татарами,
Чукчи всѣ и алюторы.

Въ бою онъ легко увлекается:

Молодецкое сердечушко разорчивое и неуимчивое.

И далеко не такъ стоекъ онъ, какъ Илья: когда богатырь нахвальщина напущалъ на него своего коня,

Подъ Добрынею конь на колѣнца палъ;
Добрыня Никитичъ младъ
Господу Богу измолится
И мати Пресвятой Богородицѣ:
„Унеси, Господи, отъ нахвальщика".
Подъ Добрынею конь поисправился,
Уѣхалъ за заставу богатырскую.

Былины коротко знают нравы Добрыни въ частной жизни: человѣкъ тихій, смирный, онъ исполненъ уваженія къ своей матери; напутствуемый ея благословеніемъ, ѣдетъ онъ на богатырскіе подвиги: ея надзору поручаетъ онъ свою молодую жену, отъѣзжая на далекую службу.

Майковъ.

Новгородскіе богатыри.

Наравнѣ съ богатырями кіевскими народный эпосъ прославляетъ двухъ новгородскихъ, Садка, богатаго гостя, и Василья Буслаева. Оба они не имѣютъ ничего общаго ни съ Кіевомъ ни съ княземъ Владиміромъ. Былины о нихъ обоихъ ярко отмѣчены мѣстнымъ цвѣтомъ новгородскаго быта. Эти новгородскія былины особенно дороги для исторіи русской литературы, какъ образецъ мѣстнаго развитія эпической поэзіи, во всей его чистотѣ, безъ малѣйшей примѣси вліянія чужихъ мѣстностей. Этому способствовало то счастливое обстоятельство, что онѣ до настоящаго времени сбереглись въ устахъ народа тамъ, гдѣ была новгородская область, и, слѣдовательно, записаны тамъ, гдѣ онѣ возникли, процвѣтали и видоизмѣнились; между тѣмъ какъ пѣсни о кіевской мѣстности или возникали не въ Кіевѣ, а въ той же новгородской области, или въ Муромѣ, Рязани, Суздалѣ, а если и въ южной кіевской Руси, то уже рано перешли въ новгородскую область и тамъ видоизмѣнились, и преимущественно въ этой новгородской редакціи дошли до насъ, изданныя въ сборникахъ Кирши Данилова, Кирѣевскаго и особенно Рыбникова.

Кромѣ миѳической основы, былины о Садкѣ имѣютъ и бытовое, такъ сказать, историческое содержаніе. Народный эпосъ, сильно проникнутый мѣстными интересами, восходитъ здѣсь до торжественной пѣсни во славу великаго и богатаго Новгорода. Непомѣрный богачъ вздумалъ было тягаться со всѣмъ Новгородомъ, но тотчасъ же изнемогъ въ своей борьбѣ и смирилъ личную гордость предъ колоссальнымъ величіемъ своей славной родины, но въ своемъ пораженіи утѣшалъ себя патріотическою гордостью: всѣ они, гости богатые новгородскіе, только малыя частицы того великаго цѣлаго, которое всѣхъ ихъ объемлетъ и сообщаетъ имъ значеніе и силу. Такова глубокая мысль объ искренней, чистой любви къ своей родинѣ

въ этомъ простомъ, сказочномъ разсказѣ о любви, которая уравниваетъ всѣ личные интересы передъ священною идеею объ общемъ благѣ и славѣ цѣлой родины.

Въ эпизодѣ о покупкѣ Садкою товаровъ есть двѣ подробности, любопытныя для исторіи народнаго быта. Во-первыхъ, передъ тѣмъ, какъ скупать товары, Садко долженъ былъ въ новгородскую общину, называемую въ былинѣ братчиною Никольщиною, внести за себя извѣстную сумму. Во-вторыхъ, Садко построилъ нѣсколько церквей, каковы: во имя архидіакона Стефана, Софіи Премудрыя (то-есть Премудрости) и Николая Можайскаго. Эта подробность согласуется съ извѣстіями новгородскихъ лѣтописей о томъ, что нигдѣ на Руси не строилось такъ много церквей простыми гражданами, какъ въ Новѣгородѣ, тогда какъ въ другихъ областяхъ это дѣло преимущественно было князей и духовенства. Около церквей, построенныхъ частными лицами или посадскими, могли группироваться мелкіе прихожане и поддерживать авторитетъ ихъ богатыхъ строителей.

Былины о Васильѣ Буслаевѣ еще ярче рисуютъ передъ нами древній новгородскій бытъ. Съ именемъ этого героя народный эпосъ связываетъ живѣйшія воспоминанія о борьбѣ новгородскихъ партій, двухъ сторонъ Новгорода, раздѣляемыхъ рѣкою Волховомъ, а также о борьбѣ съ княжескою властью партіи народной и городской, во главѣ которой стоялъ Василій Буслаевъ.

Буслаевъ.

Василій Буслаевъ.

Ничто такъ хорошо не изображаетъ новгородскихъ нравовъ и явленій древней общественной жизни, какъ превосходная пѣсня о Васькѣ Буслаевѣ. Хотя она сильно расцвѣчена сказочнымъ эпосомъ, но дѣйствительность проглядываетъ изъ-подъ фантастическихъ красокъ во всемъ существѣ своемъ. Буслаевъ изображается знатнымъ, богатымъ, можетъ-быть, бояриномъ. Противники его — мужики, слово позднѣйшаго быта замѣнившее древнее названіе — простая чадь. Старый Буслай жилъ, по выраженію пѣсни, девяносто лѣтъ, т.-е. долго, и соблюдалъ миръ съ простою чадью; онъ не перечился — поперекъ слова ей не говаривалъ, ладилъ съ народомъ новгородскимъ,

ни со Псковомъ ни съ Москвою не вздоривалъ; а потому-то все житье-бытье свое (дворянское, по выраженію новому, вмѣсто боярское) передалъ въ цѣлости сыну. Мать Василья, послѣ смерти Буслая, стала главою дома. Жена теряется при мужѣ; вдова получаетъ полную независимость и значеніе. Мать отдаетъ сына въ науку. Пѣсня говоритъ, чему учился Василій, сынъ Буслая, то-есть чему слѣдовало учиться по тогдашнему понятію: грамотѣ, письму и пѣнію церковному. Всему этому выучился Василій. Пѣніе церковное считалось верхомъ образованности. Пѣсня распространяется объ этомъ достоинствѣ своего героя:

А и нѣтъ у насъ такого пѣвца
Во славномъ Новгородѣ
Супротивъ Василія Буслаевича.

Какъ сталъ онъ доходить до возраста юношескаго, стали его обучать и воинскимъ наукамъ; и ощутилъ онъ въ себѣ великую ратную силу, какъ познакомился съ копьемъ вострымъ, воинскою палицею и разрывчатымъ тугимъ лукомъ.

Наслѣдникъ богатства, оставленный подъ слабымъ надзоромъ матери, Василій ищетъ жизни, простора, приволья: хочется ногамъ расходиться, рукамъ размахнуться. И онъ сталъ ходить на улицу на Рогатицу, и сдѣлался приманкою для пьяницъ и гулякъ, которые составляли обычный образецъ новгородской вольной жизни. Это были тѣ, что при случаѣ дѣлались матеріальною силою партій и заговоровъ подъ покровительствомъ сильныхъ и богатыхъ, отваживались чинить смуты и толки, а иногда и сами составляли шайки, на разбой ходили, городъ поджигали... ребята неразсудные, безумницы, не помышляли о будущемъ, пускались на отважное дѣло, хотя успѣха впереди не видѣли; люди веселые — не разсуждали что за весельемъ часто горе бываетъ; люди добрые для тѣхъ, съ кѣмъ въ дружбѣ, грудью за нихъ встанутъ; люди буйные, разудалые — и святыня храма ихъ не удержитъ; въ церковный подвалъ залѣзутъ, сторожа церковнаго убьютъ. Съ такими водился Василій; поитъ ихъ допьяна; самъ пьянъ напивается, шумитъ; буянитъ, по улицѣ по Рогатицѣ, дерется съ встрѣчными, въ рукахъ силы много, въ груди удали много; кровь молодая кипитъ, согрѣтая виномъ; словно сказочный

Еруславъ Лазаревичъ — тому руку выдернетъ, этому ногу переломитъ. Мужики идутъ на него съ челобитною, да не къ посаднику, а къ матушкѣ, ясно, что его шалости преувеличены, — еще видно, онъ не надѣлалъ большой бѣды, а только одному-другому далъ затрещину, тѣ съ нимъ не могли сладить: и самъ силенъ и товарищи за него; идутъ къ матушкѣ: „Честная вдова! — говорятъ ей — уйми ты чадо свое милое! Нехорошія шутки сталъ онъ пошучивать! А то вѣдь съ такой удачей молодецкой наквасить ему рѣки Волхова“. Мать стала журить сынка. Удалецъ присмирѣлъ, покоряется матери, а самъ злится на мужиковъ: хочется имъ отплатить. Можетъ-быть съ жалобою и угрозы были: мужики нападутъ на него и отколотятъ; надобно себѣ запастись товарищами, дружиною, а то враговъ много можетъ собраться. Прежде онъ водился съ ярыгами, гуляками по вдохновенію, съ кѣмъ придется встрѣтиться на улицѣ на Рогатицѣ. Но гуляки встрѣчные могли его оставить; они ему чужіе, — это такіе товарищи, что вечеромъ погуляютъ вмѣстѣ, а утромъ въ глаза не узнаютъ. Есть въ народной жизни покрѣпче союзъ. Василій хочетъ подобрать себѣ названыхъ братьевъ, побратенниковъ. Это союзъ на жизнь и на смерть, такой союзъ, что измѣнить ему грѣхъ смертный, все равно что на роду итти не въ правду.

Издавна, еще въ языческія времена, былъ обычай, что богатыри устанавливали между собою названое братство, иначе побратенничество, у южныхъ славянъ побратимство. Одинъ передъ другимъ давалъ клятву быть вмѣстѣ какъ одинъ человѣкъ, другъ другу во всемъ помогать, другъ друга изъ бѣды выручать, жизнью за друга жертвовать, за смерть друга мстить. Подъ вліяніемъ христіанства этотъ обычай получилъ религіозное освященіе. Эта исконная принадлежность нравственныхъ понятій всѣхъ народовъ арійскаго племени; до сихъ поръ этотъ обычай сохранился у афгановъ. У древнихъ грековъ онъ является въ дружбѣ Ахилла и Патрокла, Тезея и Пиритоя, Геркулеса и Іола, Ореста и Пилада; на противоположномъ концѣ Европы, у скандинавовъ, онъ сопровождался завѣтными символическими обрядами.

У насъ этотъ союзъ связывалъ древнихъ богатырей сумрачно-героической эпохи Владимира-Краснаго Солнышка и почитался до того священнымъ, что богатырь упорный и неустрашимый терялъ духъ, когда увидалъ величайшее въ мірѣ без-

законіе — своего названаго брата, идущаго противъ него съ оружіемъ. Этотъ союзъ существовалъ въ новгородскихъ нравахъ, сохранившихъ чистоту древнихъ славянскихъ жизненныхъ началъ. Вотъ какъ удалецъ отыскиваетъ себѣ такихъ братьевъ. Василій Буслаевъ ставитъ чанъ вина посреди двора и опускаетъ туда огромную чару, или ковшъ. Его слуги понесли по Новгороду записки:

Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Вались къ Васькѣ на широкій дворъ;
Тотъ пей и ѣшь готовое,
И носи платье разноцвѣтное...

Замѣчательно, какъ измѣнился древній обычай подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія жизни. Прежде названые братья были равны между собою, хотя бы и много ихъ было въ одномъ братствѣ: — все у нихъ было общее; братъ считалъ братнее своимъ имуществомъ; самая жизнь принадлежала брату. Василій въ своихъ запискахъ предлагаетъ свое достояніе тѣмъ, кто придетъ къ нему на братство; но онъ не показываетъ притязанія самому имѣть право считать своимъ достояніемъ имущество названыхъ своихъ братьевъ.

Названые братья ниже его по достоинству: они его пособники, его вассалы, его дружина. Онъ надъ ними старшина, онъ ихъ будетъ поить и кормить. Древнее равенство отъ усложненія общественныхъ связей ниспускается до кліентства, хотя еще не дошло до наемничества. Новгородская свобода подорвала первобытное равенство отношеній; но она же не допуститъ до униженія одной стороны предъ другою, такъ какъ она же, хотя и возвышала бояръ въ Новгородѣ, не допускала черный народъ до безгласнаго порабощенія боярамъ. Приходящій вступалъ въ союзъ съ Василіемъ, и хотя былъ меньшимъ предъ нимъ, однако все-таки братомъ; такъ точно, какъ и Псковъ: хотя былъ меньшимъ, а все-таки братомъ, а не подчиненнымъ Великому Новгороду. Вѣсть о призывѣ на братство разнеслась быстро. Въ славномъ Новгородѣ тогда были грамотны люди. Большой литературной образованности, конечно, не было; зато грамотность должна была быть тогда обычнымъ дѣломъ. Вѣчевыя дѣла производились письменно; концы, улицы составляли приговоры, другъ съ другомъ переписывались; тор-

говыя и гражданскія сдѣлки совершались на письмѣ. Сами пастыри русскіе признавали за новгородцами то достоинство, что они были народъ книжный. Замѣчаніе въ пѣснѣ о грамотныхъ людяхъ въ Великомъ Новгородѣ осталось какъ воспоминаніе угасшей старины для послѣдующихъ вѣковъ, когда уже пѣсня приняла измѣненную подъ вліяніемъ московской народности редакцію.

Когда созывались братья съ улицы, нельзя же было принимать всякаго охотника въ братство безъ опыта. Въ пѣснѣ Буслаевъ испытываетъ своихъ названыхъ братьевъ такимъ способомъ: прихожій молодецъ подойдетъ къ поставленному по срединѣ двора чану съ виномъ, выпьетъ чару — Василій ударитъ его дубиною въ двѣнадцать пудъ. Молодецъ стоитъ — не шевелится, и на буйной головѣ кудри у него не тряхнутся. Это значило, годится молодецъ въ побратенники. Въ переводѣ на историческій языкъ этотъ эпическій образъ означаетъ, что Василій боролся съ каждымъ или дрался на палкахъ, по новгородскому обычаю. Такъ точно и у скандинавовъ, нерѣдко два богатыря сходились между собою на поединокъ; когда одинъ узнавалъ, что другой такъ же силенъ и неустрашимъ, какъ онъ самъ, то оба кидали оружіе, бросались другъ къ другу въ объятія и заключали взаимное братство.

Такъ сходились молодцы къ Василію. Пришелъ Костя новоторжанинъ; пришли Потанюшка хроменькій, Хомушка горбатенькій, пришли потомъ два сына боярскіе, братья родные: пришли мужики Залѣшане; — семь братьевъ Сбродовичи. Всѣхъ надобно было испробовать. Кто выдерживалъ испытаніе, тому Василій говорилъ:

А и будь мнѣ названый братъ,
И паче мнѣ брата родимаго.

Но приходившіе охотники не всѣ выдерживали нелегкое испытаніе. Были такіе, что заходили невпопадъ, слишкомъ на себя понадѣявшись; ихъ изломаютъ и за ворота выбросятъ.

И прибралъ Василій много-много товарищей,
Набралъ онъ ихъ три дружины въ Новѣградѣ,

и пошелъ Василій съ своими названными братьями искать

приключеній и случая начать задоръ съ новгородцами — отмстить имъ за то, что они на него жаловались.

Была братчина Никольщина. Это было обычное увеселеніе на Руси. Братчина носила характеръ правильно организованной общины. Каждый участникъ давалъ отъ себя часть, и это называлось ссыпь. Избирали пирового старосту, который долженъ былъ учреждать пиръ и наблюдать порядокъ. Встарину, при соблюденіи патріархальныхъ отношеній, ссыпь давалась натурой съѣстными припасами, солодомъ, ячменемъ, медомъ для напитковъ. Но впослѣдствіи стали ссыпщики давать свою часть деньгами, а пировой староста распоряжался покупкою. Сумма эта, какъ видно, хотя и опредѣлялась заранѣе, но иной ссыпщикъ могъ дать и больше другихъ, смотря по достатку и по щедрости. Братчина на этотъ разъ отправлялась въ приходѣ св. Николая — вѣрно по поводу храмового праздника. Церковный староста былъ старостою пира. Распорядители братчины не звали Василія; но Василій пришелъ самъ въ братчину со своими побратениками; спрашиваетъ, по скольку въ братчинѣ съ брата берется; и самъ даетъ за себя и за товарищей гораздо бóльшую сумму, чѣмъ платилось вообще; но собственно за свою особу онъ даетъ вдесятеро больше, чѣмъ за каждаго товарища: за себя пятьдесятъ рублей, за каждаго названаго брата пять рублей. Здѣсь тоже видна потеря древняго равенства отношеній: Василій считаетъ себя въ десять разъ выше своихъ побратениковъ.

На Василія была уже тайная злоба. Василій, заплативши больше всѣхъ и притомъ окруженный своею дружиною, сознавалъ свое первенство между всѣми, раздвигалъ братчиковъ, садился на переднее мѣсто, усаживалъ около себя товарищей. Мужики взглянули на него сыскоса и стали задирать его:

Званому гостю хлѣбъ да соль,
А незваному гостю и мѣста нѣтъ.

Въ этомъ замѣчаніи была уже угроза. Василій отвѣчаетъ имъ такою же двусмысленною угрозою:

Званому гостю много мѣста надо,
Много мѣста надо и честь большая;
А незваному гостю какъ Богъ пошлетъ.

Когда ссыпщики поѣли, попили, начались забавы молодец-

кія, стали молодцы между собою бороться, драться на кулаки и примѣрно сражаться: то были новгородскія забавы; но онѣ нерѣдко переходили въ дѣло серьезное, подъ пьяную руку. „Отъ того боя кулачнаго — говоритъ пѣсня — учинилась драка великая“.

Василій сталъ разнимать драку. Тутъ кто-то изъ-мужиковъ, по прежней злобѣ, а можетъ-быть и невзначай, оплелъ его по уху; тогда Василій крикнулъ громкимъ голосомъ:

Гой еси, ты, Костя новоторжанинъ,
И Лука, Моисей — дѣти боярскіе!
Уже Ваську меня бьютъ!

Тутъ бросились къ нему молодцы. Вся толпа выхлынула на улицу. Пошла потѣха. Мужикамъ достается; они кричатъ, ревутъ; а Василій видитъ, что ему везетъ счастье, разгорячился, крикнулъ на весь міръ:

Гой еси, вы, мужики новгородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ:
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися,
Со всею дружиною.
Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ городомъ —
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
На всякій годъ по три тысячи!
А буде я васъ побью,
И вы мнѣ покоритеся, —
То вамъ платить мнѣ такову же дань!

Мужики новгородскіе смекнули, въ чемъ дѣло. Василій надѣется на свою дружину и думаетъ, что его противниковъ только и есть, что на братчинѣ; но мужики связаны со всѣмъ Новгородомъ. Такого народа много найдется, что станетъ за нихъ, если дѣло на то пойдетъ. У всѣхъ есть пріятели.

Мужики говорятъ ему:

Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ,
Отгадываешь загадку великую:
Когда ты, Василій, удалые,
Пойдемъ же драться на мостикъ на Волховскій,

На тою на рѣченьку на Волхову;
Ты съ своими съ дружинами храбрыми, —
А мы будемъ драться всѣмъ народомъ.

Василію нельзя было итти напопятную. И вотъ ударились объ закладъ; написали запись; приложили руки; заложили головы. Въ записи постановлено: „Василію итти на Волховскій мостъ, поставить на мосту три заставы: Василій долженъ перейти черезъ всѣ заставы; если его свалятъ гдѣ-нибудь на мосту, закладъ проигранъ, и его тогда казнить; а если онъ пройдетъ всѣ три заставы и собьетъ всѣхъ своихъ противниковъ, тогда ему заплатятъ“. Черта чрезвычайно любопытная; она открываетъ для насъ много въ старой дѣйствительности. Такіе заклады, какъ видно, были въ обычаѣ, и этимъ-то, быть-можетъ, могли бы объясниться буйства въ Новгородѣ. Историческая основа этого дѣла та, что тогда образовалось двѣ удалыя партіи: одна Васильева, другая противная: одна подъ рукою знатнаго богатаго боярина, другая изъ толпы — черни, молодшихъ людей; и держали они закладъ, чья сторона одолѣетъ въ дракѣ на мосту.

Обѣ стороны составили договоръ и подписались. Запись эта получила юридическій характеръ. Само новгородское правительство ее признало. Матушка, узнавши, что ожидаетъ ея сына, побѣжала къ новгородскому князю хлопотать, нельзя ли какъ-нибудь пріостановить споръ. Но что тутъ можетъ сдѣлать князь, когда договоръ написанъ и подписанъ съ обѣихъ сторонъ? Князю оставалось только казнить Василія, когда ему противная сторона выдастъ его. И князь отвѣчаетъ матушкѣ:

Тогда прощу, когда голову срублю.

Началась свалка на мосту — правильная, законная. Храбрая дружина Буслаева одолѣваетъ. Тутъ противники, чтобъ не проиграть окончательно заклада, побѣжали къ матери Василія, принесли ей подарки и стали просить:

Матера вдова Амельфа Тимоѳевна!
Прими у насъ дороги подарочки;
Уйми свое чадо милое!

Старуха естественно склонна къ тишинѣ и спокойствію.

Она посылаетъ дѣвушку-чернавушку — взять Васеньку съ побоища и привести къ ней домой. Богатырь, отъ котораго трясется вся улица, покорятся безропотно:

Прибѣжала дѣвушка-чернавушка,
Схватила Ваську за бѣлы руки —
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкій дворъ.

Покорность эта въ духѣ тогдашнихъ нравовъ и понятій. Въ семейномъ быту власть матери считалась священнѣе и выше власти отца. Безъ материнскаго благословенія не было удачи въ жизни. Рьяный, неугомонный молодецъ дѣлается ниже травы, тише воды передъ матерью. Тутъ былъ чистый расчетъ. Что же, если удалецъ не послушаетъ, какая изъ этого ему корысть? — Материнскаго благословенія не будетъ; и ему удачи не будетъ; и сила его будетъ не въ силу. Оттого Василій такъ покорно отправился вслѣдъ за дѣвушкой-чернавушкой. Мать заперла его. Пѣсня за это называетъ ее неразмышленной:

А и та старуха неразмышленна,—
Посадила въ погреба глубокіе
Молодца Василія Буслаевича,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замками булатными.

Дѣйствительно, старуха не разсудила, поступивши такъ съ Василіемъ. Закладъ былъ сдѣланъ; договоръ подписанъ. Драка не прекратится оттого, что Василія нѣтъ на улицѣ. Противники его умышленно разсчитали, что безъ Василія дѣло обратится на ихъ сторону, а потому хитро и постарались отвлечь его отъ боя. Дружина осталась безъ атамана. Противники стали одолѣвать. Тогда пошла дѣвушка-чернавушка къ Волхову; и проходила она мимо побоища, и видѣла, какъ одолѣвали мужики Васильевыхъ побратениковъ; они подбѣжали къ ней и стали говорить:

Гой еси, ты, дѣвушка-чернавушка!
Не выдай насъ у дѣла ратнаго,
У того часа смертнаго.

Иначе — они просили, чтобъ она освободила Василья. Но мужики-противники, завидя ее, бросились на нее;

И тутъ дѣвушка-чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово;
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ новгородскимъ.

Какъ ни эпиченъ кажется этотъ образъ героини, но онъ не совсѣмъ лишенъ исторической дѣйствительности. Въ новгородскихъ женщинахъ была мужественность; въ судѣ, когда дѣло доходило до поля, женка съ женкою становилась на бой — дѣло было обычное и законное. Не мудрено, если и дѣвушка-чернавушка изъ Буслаева дома богатырски отмахивалась отъ мужиковъ.

И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала къ Василію Буслаеву;
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя:
А и спитъ Василій или такъ лежитъ? —
Твою дружину хоробрую
Мужики новгородскіе
Всѣхъ прибили, перераняли,
Булавами буйны головы пробиваны.

Дѣвушка-чернавушка освобождаетъ сама Василья. Но, можетъ-быть, и матушка тогда не противилась; матушка должна же была одуматься и разсудить, что если Васильеву дружину побѣдятъ, то доберутся до ея дома, и тогда придется ея сынку плохо. Какъ бы то ни было, Василій, освобожденный изъ заключенія, бросается стремглавъ; не попалось — говоритъ пѣсня — палицы желѣзной; попалась ему ось телѣжная — обычный образъ для означенія храбрости героя, который такъ силенъ и ловокъ, что и съ такимъ плохимъ оружіемъ можетъ творить чудеса. Выскочилъ Василій, и не достигъ еще моста, гдѣ дружина его, изнемогая, отдавала бока свои подъ мужичьи кулаки и палки.. вдругъ предъ нимъ явленіе — старчище-пилигримище, на плечахъ у него трехсотъ-пудовый колоколъ. То его крестовый батюшка. Былъ онъ, какъ видно, когда-то и самъ молодецъ-богатырь, а теперь уже удалился отъ міра

и уединился въ Кирилловъ монастырь. Мужики упросили его явиться посреди свалки и остановить Василья: они думали, что Василій, увидя предъ собою крестнаго отца и притомъ отшельника, посовѣстится ударить его. Онъ кричитъ ему

А стой, Васька, не попархивай,
Молодой глуздырь не полетывай!
Изъ Волхова воды не выпити,
Въ Новѣградѣ людей не выбити!
Есть молодцы супротивъ тебя!
Стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ!

Пилигримище даетъ знать, что сторону враговъ его приметъ цѣлый Новгородъ, что ему не сладить съ большою толпою; онъ его предупреждаетъ не раздражать Новгорода. Василій отвѣчаетъ ему:

Ай же ты, мой крестовый батюшко!
Тебя ли чортъ несетъ въ тои поры
На своего любимаго крестника!
А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
Головами, батюшка, играемся!
А и бился я о великъ закладъ
Со мужики новгородскими,
Опричь почестныхъ монастырей,
И тебя старца пилигримища;
Въ задоръ войду — и тебя убью!

Это не только крестный отецъ, — это олицетвореніе церковнаго начала. Это эпическое изображеніе тѣхъ владыкъ, отшельниковъ-угодниковъ, которые не разъ усмиряли волненіе толпы своимъ словомъ и своимъ достоинствомъ. Самое названіе пилигримище подходитъ къ такому объясненію. Пилигримъ — паломникъ, странствователь по святымъ мѣстамъ, было встарину лицо исключительно принадлежавшее церкви, какъ монахъ. Паломники были въ большомъ уваженіи въ Новгородѣ. Странствовать по святымъ мѣстамъ было до того обычно, что пастырямъ приходилось говорить противъ злоупотребленій такихъ благочестивыхъ путешествій. Очень естественно, что народное творчество изображало обыкновенно въ исторіи новгородскихъ смутъ явленіе духовнаго посредничества въ об-

разъ старца-паломника Василій, говоря, что онъ не держалъ заклада, опричь честного монастыря и старца пилигримища, ясно даетъ знать, что онъ подъ этими двумя приведенными образами разумѣетъ церковь. Монастыри и паломники пользовались во всеобщемъ мнѣніи изъятіемъ отъ земныхъ дѣлъ и житейскихъ треволненій; ихъ минуютъ страсти, и къ нимъ не смѣютъ прикоснуться земные договоры. Что тебѣ за дѣло — какъ бы хочетъ сказать паломнику Василій — мы до тебя не касаемся, мы людей церковныхъ не трогаемъ, не трогай же и насъ грѣшныхъ; мы васъ, церковниковъ, уважаемъ и въ нашихъ спорахъ васъ минуемъ; да и вы не подвертывайтесь намъ подъ руку".

Пилигримище — крестовый батюшка Василья Буслаевича, по народному вѣрованію, лицо, противъ котораго итти все равно, что противъ отца родного. Но удалецъ въ пылу своей отваги ни предъ чѣмъ не долженъ останавливаться: долгъ, связи, родство, все ни по чемъ, когда разыграется его широкая удаль молодецкая. Разъярилось богатырское сердце: крикнулъ Василій:

Ай же ты, крестовый мой батюшко!
Не далъ я ти яичка о Христовѣ дни,
Дамъ тебѣ яичко о Петровѣ дни.

И хватилъ онъ осью желѣзною въ колоколъ. По однимъ варіантамъ онъ убилъ крестоваго батюшку, а по другимъ — пилигримище оказался вовсе существомъ не плотскаго человѣческаго міра. Не даромъ на немъ и колоколъ въ триста пудъ. Василій ударилъ его: старецъ не шевельнулся отъ удара. Тогда Василій глянулъ подъ колоколъ, а у пилигримища во лбу глазъ ужъ нѣтъ. Кажется, народная поэзія выразила здѣсь символически совершенное отчужденіе Церкви отъ мірскихъ суетъ. У него нѣтъ глазъ подъ колоколомъ: онъ чуждъ всему, что происходитъ около него; онъ принадлежитъ иному міру — съ нимъ нельзя драться; онъ не даетъ отпора. Пилигримище исчезаетъ, какъ привидѣніе, безслѣдно, тотчасъ какъ только Василій глянулъ подъ колоколъ и увидалъ, что у него нѣтъ глазъ.

Василій доходитъ до моста. Какъ только завидѣли побратеннички своего атамана, у нихъ, молодцовъ, думушки прибыло, словно у соколовъ крылья отросли. Молодой Василій

идетъ къ нимъ на выручку. Дѣло ихъ вдругъ поправляется. Бой разгорѣлся. Мужики потянулись. Драка идетъ до вечера. Мужики побиты, сдались, мира просятъ. Они обращаются съ мировою не къ Василью, а къ его матери. Пѣсня расцвѣчиваетъ это событіе, говоритъ, что они одну чашу поднесли съ золотомъ, другую съ серебромъ; а это только подарокъ не въ счетъ условія. Три тысячи, что въ закладѣ положены, само собою; эти три тысячи разлагаются на опредѣленныя дани съ цѣлой улицы, такъ что Буслаевъ будетъ получать съ нихъ, какъ будто князь со своего княженія, дань. Таково было народное понятіе: кто одолѣлъ, тотъ съ побѣжденнаго беретъ дани и накладываетъ пошлины:

А и рады мы платить
На всякій годъ по три тысячи,
На всякій годъ будемъ тебѣ носить
Со хлѣбниковъ по хлѣбику,
Со колачниковъ по колачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Съ дѣвицъ повалечное,
Со всѣхъ людей ремесленныхъ,
Опричъ поповъ и дьяконовъ.

Можетъ-быть, въ случаѣ такихъ споровъ и закладовъ на то, кто кого побьетъ, проигранный закладъ падалъ на все общество, къ которому принадлежали побѣжденные, такъ что если такой-то улицы молодцы побиты въ закладѣ, то вся улица платила по разверсткѣ. Такъ и должно было быть тамъ, гдѣ и за сдѣланное убійство, когда убійца не отысканъ, платило все общество, и въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ представительство касалось извѣстной массы людей, соединенныхъ одномѣстностію жительства или принадлежностію къ одному управленію. Мать приказываетъ прежней же дѣвушкѣ-чернавушкѣ привести Василья. Дѣвушка застаетъ его еще среди боя, побѣждающаго мужиковъ. Она схватила Василья за руки и провозгласила удивительную вѣсть:

Мужики пришли новгородскіе,
Принесли они дорогіе подарочки,

И принесли записи заручныя
Ко твоей сударынѣ матушкѣ.

Бой прекратился. Василій пошелъ съ торжествомъ къ себѣ на дворъ, а за нимъ его удалые, вѣрные побратенники.

Костомаровъ.

Историческія пѣсни.

Кругъ собственно историческихъ былинъ весьма ограниченъ, и въ нихъ уже нѣтъ той свѣжести и силы первобытной поэзіи, какими отличаются былины о богатыряхъ, относящіяся къ болѣе героической эпохѣ. Но зато историческія пѣсни гораздо важнѣе въ томъ отношеніи, что показываютъ, какія событія и какія личности останавливали на себѣ вниманіе и общее сочувствіе народа и возбуждали чувство народной любви или ненависти, въ послѣдующій періодъ исторической жизни русскаго народа.

Со времени темнаго владычества татаръ историческія судьбы древней Руси не благопріятствовали развитію поэзіи; правильное развитіе народной жизни, сначала остановленное и подавленное, подъ гнетомъ дикихъ поработителей, приняло потомъ, въ эпоху уничтоженія удѣловъ и образованія единовластія Москвы, ложное направленіе, и поэтическая сторона народнаго духа, поэтическое творчество народа стали замѣтно ослабѣвать. Послѣ Владимира и его богатырей память народная сохранила и увѣковѣчила въ своихъ пѣсняхъ весьма немного историческихъ временъ и событій. Отъ татарской эпохи до насъ дошло всего нѣсколько пѣсенъ, какова, напр., пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ, гдѣ подъ именемъ Азвяка разумѣется татарскій ханъ Узбекъ, а подъ именемъ Щелкана Дудентьевича — Шевкалъ, сынъ Дюденя, родственникъ хана. Эта пѣсня замѣчательна потому, что въ ней выразился народный взглядъ на татаръ и ханскихъ чиновниковъ, или баскаковъ, собиравшихъ дань и творившихъ судъ на Руси. Пѣсня эта находится въ сборникѣ Кирши Данилова и въ „Сказаніяхъ русскаго народа", Сахарова...

Болѣе воспоминаній сохранилъ народъ о страшномъ царствованіи Ивана Васильевича Грознаго, и пѣсни о Грозномъ

принадлежатъ безспорно къ лучшимъ историческимъ пѣснямъ русскаго народа. Образъ „Грознаго царя“ московскаго — съ его „потухшимъ мутнымъ окомъ“, страшная память о немъ, его жестокія казни и палачи, опричники и убіеніе сына — все это воскресало въ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ со всею яркостію и живостью народнаго творчества.

Ай же вы, слуги мои вѣрные,
Палачи мои немилосливые!

говоритъ царь въ пѣснѣ объ убіеніи сына, и велитъ отвести сына на лобное мѣсто и срубить ему буйную головушку. „Всѣ палачи испужалися, одинъ палачъ не ужасается, одинъ злодѣй Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ“. Въ другой былинѣ говорится, какъ царь на поминки по сынѣ собралъ народъ поголовно и „повелѣлъ бояръ въ медвѣжины зашивать, а поповъ приказалъ во кули зашивать, по Москвѣ-рѣкѣ пускать“ (Извѣстно, какъ царь Иванъ травилъ медвѣдями бояръ и топилъ въ рѣкѣ новгородцевъ). Отъ времени Грознаго есть еще пѣсни, основанныя на нѣкоторыхъ, болѣе замѣчательныхъ событіяхъ его царствованія — взятіи Казани и Астрахани и покореніи Сибири Ермакомъ. Замѣчательна еще пѣсня, изображающая женитьбу Грознаго на Марьѣ Темрюковнѣ и плачъ по умершей царицѣ Софьѣ (собственно Настасьѣ) Романовнѣ.

Эпоха самозванцевъ и смутное въ Россіи время междуцарствія отразились въ двухъ народныхъ пѣсняхъ: о Гришкѣ Разстригѣ и о князѣ Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, молодомъ и любимомъ народномъ вождѣ, скоропостижная смерть котораго дала поводъ думать, что онъ былъ отравленъ боярами изъ зависти, во время пира у князя Воротынскаго.

Существуетъ еще шесть старинныхъ русскихъ стихотвореній, весьма замѣчательныхъ, которыя записаны были для одного англичанина, бывшаго въ Россіи въ 1619 году, бакалавра Оксфордскаго университета, Ричарда Джемса. Стихотворенія эти слывутъ подъ именемъ пѣсенъ Джемса и донынѣ хранятся въ подлинникѣ въ Оксфордѣ. Они имѣютъ содержаніемъ своимъ нѣкоторыя историческія событія того времени. Первая изъ пѣсенъ Джемса, извѣстная прежде и изъ сборника Кирши Данилова, относится къ смерти Скопина-Шуйскаго. Пѣсня эта заставляетъ говорить бояръ.

Высоко соколъ поднялся,
И о сыру матеру землю ушибся.

Вторая изъ пѣсенъ Джемса говоритъ о въѣздѣ патріарха Филарета въ Москву изъ литовскаго плѣна; двѣ пѣсни о горькой участи царевны Ксеніи Борисовны Годуновой; одна — о набѣгѣ крымскихъ татаръ на Россію и одна пѣсня — о „весловой службѣ“.

По словамъ г. Буслаева, эта послѣдняя пѣсня, равно какъ и пѣсня царевны Ксеніи даютъ намъ понятіе о томъ, какъ на основѣ эпической могла у насъ зарождаться народная лирическая поэзія. Въ ней излагается не событіе, а чувство, именно чувство радости при наступленіи весны.

Пѣсни изъ сборника Джемса интересны особенно въ томъ отношеніи, что представляютъ образецъ древнихъ русскихъ стихотвореній, сохранившихся отъ времени самозванцевъ и царя Михаила Феодоровича, безъ всякихъ измѣненій, какимъ подвергались пѣсни, живущія и до настоящаго времени въ устахъ народа. Изъ изслѣдованія г. Буслаева объ историческихъ пѣсняхъ и вообще о народной поэзіи XVII столѣтія можно заключать, что русская литература той эпохи принимала новое направленіе, и что при благопріятныхъ обстоятельствахъ въ ней развился бы преимущественно историческій родъ поэзіи.

Относительно историческихъ пѣсенъ г. Рыбниковъ справедливо замѣчаетъ, что онѣ „въ пріемахъ, языкѣ, въ цѣлыхъ частяхъ своихъ представляютъ подражаніе прежнимъ образцамъ (былинамъ) или даже явную передѣлку ихъ“. Но важно то, что русскій народъ, въ своей эпической поэзіи хотя и остановившейся на первой ступени развитія, т.-е. на былинѣ, увѣковѣчилъ тѣмъ не менѣе все, что прямо касалось его жизни, все, что было въ ней грустнаго и радостнаго для него: былины говорятъ о богатырской борьбѣ народа съ силами природы и потомъ о борьбѣ съ историческими врагами, особенно съ татарами; а историческія пѣсни, какъ мы видѣли, отмѣтили почти всѣ многознаменательныя личности и эпохи русской исторіи, вліявшія такъ или иначе на народную жизнь.

Карандаш

СКАЗКИ.

Художественно-бытовое значеніе сказки.

Сказка и пѣсня суть единственно поэтическія формы, которыми пользовался простой неграмотный простолюдинъ въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ. Это достаточно свидѣтельствуетъ объ ихъ историко-литературной важности. Но вопросъ въ томъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на сказку, съ какой стороны подойти къ ней, если она не имѣетъ опредѣленной исторіи. Мы думаемъ, что литературная оцѣнка сказки можетъ быть только художественно-бытовая. Трудно понять значеніе сказки для народа, мѣря ее одною мѣркою искусства: сказки нравятся простолюдину не потому только, что въ художественныхъ образахъ представляютъ идеальную истину, но и потому, что самая обстановка сказки, бытъ ея, далекій отъ слушателя и разсказчика, есть бытъ не будничный, потому что онъ даетъ пищу для мечты, иногда самой отрадной, успокоительной мечты, иногда тревожной, но во всякомъ случаѣ благодѣтельной. Заманчиво рисуя торжество угнетаемаго, побѣду правды и добра, сказка поддерживала въ народѣ душевную энергію, такъ часто изнемогавшую подъ тяжестію житейской нужды и тревоги; она будила и вызывала новыя силы для борьбы съ жизнію, однимъ словомъ, имѣла не только художественное, но и жизненное значеніе. Съ этой точки зрѣнія сказка является однимъ изъ незримыхъ, но дѣятельныхъ началъ въ исторіи народовъ; что при другихъ обстоятельствахъ дѣлаетъ наука и просвѣщеніе, то здѣсь до нѣкоторой степени исполнялось незатѣйливыми произведеніями народной фантазіи и наивнаго вѣрованія, говоримъ до нѣкоторой степени, потому что все же ихъ роль была пассивная, они не вели впередъ, а только сберегали и поддерживали силы, не допуская ихъ разслабленія и конечной гибели.

Какъ явленіе художественно-бытовое, сказка является предметомъ необыкновенно важнымъ въ исторіи литературы. До появленія письменности она вмѣстѣ съ пѣснею занимаетъ

цѣлый періодъ литературной дѣятельности народа и потомъ цѣлые вѣка остается любимѣйшей формой эпической и литературной потребности.

Котляревскій

Нравственное и педагогическое значеніе сказокъ.

Какъ отъ всѣхъ народныхъ произведеній, отъ сказокъ вѣетъ поэтическою чистотою и искренностію; съ дѣтскою наивностію и простотою, подчасъ грубою, онѣ соединяютъ честную откровенность и свои повѣствованія передаютъ безъ всякой затаенной ироніи и ложной чувствительности. Мы говоримъ о сказкахъ древнѣйшаго образованія. Въ позднѣйшемъ своемъ развитіи и сказка подчиняется новымъ требованіямъ, порожденнымъ развитіемъ дальнѣйшей жизни, является послушнымъ и прочнымъ орудіемъ народнаго юмора и сатиры и утрачиваетъ первоначальное простодушіе. (См. сказки о Ершѣ, сынѣ Щетинниковѣ, о Шемякиномъ судѣ и др.) Но всегда сказка, какъ созданіе цѣлаго народа, не терпитъ ни малѣйшаго намѣреннаго уклоненія отъ добра и правды; она требуетъ наказанія всякой неправды и представляетъ добро торжествующимъ надъ злобою. Такъ сказка о правдѣ и кривдѣ задаетъ практическій вопросъ: какъ лучше жить — правдою или кривдою? Здѣсь выведены два лица, изъ которыхъ каждый держится противоположнаго мнѣнія: правдивый и кривдушный. Правдивый — терпѣливъ, любитъ трудъ, безъ ропота подвергается несчастію, которое обрушилось на него по злобѣ кривдушнаго, а впослѣдствіи, когда выпадаютъ на его долю и почести и богатство, онъ забываетъ обиду, какую причинилъ ему кривдушный, вспоминаетъ, что нѣкогда они были товарищами, и готовъ помочь ему. Но чувство нравственное требуетъ для своего успокоенія полнаго торжества правды — и кривдушный погибаетъ жертвою собственныхъ расчетовъ. На такомъ нравственномъ началѣ создалась большая часть сказочныхъ интригъ. Несчастіе, бѣдность, сиротство постоянно возбуждаютъ народное участіе. Цѣлый рядъ сказокъ преслѣдуетъ нелюбовь и ненависть мачехи къ падчерицамъ и пасынкамъ и излишнюю зловредную привязанность ея къ своимъ собственнымъ дѣтямъ.

Этотъ характеръ мачехи, выставляемый народными сказками, составляетъ одно изъ самыхъ характерныхъ указаній на особенности патріархальнаго быта и вполнѣ оправдывается в

древнимъ значеніемъ сиротства и свадебными пѣснями о судьбѣ *молодой* среди чужой для нея семьи. Мачеха, по народнымъ сказкамъ, завидуетъ и красотѣ, и дарованіямъ, и успѣхамъ своихъ пасынковъ и падчерицъ, особенно если сравненіе съ этими послѣдними ея собственныхъ дѣтей, безобразныхъ и лѣнивыхъ, заставляетъ ее внутренно сознаваться въ томъ, чему такъ неохотно вѣритъ материнское сердце. Мачеха начинаетъ преслѣдовать бѣдныхъ сиротъ, задаетъ имъ трудныя, невыполнимыя работы, сердится, когда они удачно выполняютъ ея приказанія, и всячески старается извести ихъ, чтобы не имѣть предъ глазами постояннаго и живого укора. Но несчастія только воспитываютъ въ сиротахъ трудолюбіе, терпѣніе и глубокое чувство любви и состраданія ко всякому чужому горю. Это чувство любви и состраданія, такъ возвышающее нравственную сторону человѣка, не ограничивается тѣсными предѣлами людского міра, а обнимаетъ собою всю разнообразную природу. Оно одинаково сказывается при видѣ раненой птицы, голоднаго звѣря, выброшенной на берегъ морскою волною рыбы и больного дерева. Во всемъ этомъ много трогательнаго. Нравственная сила спасаетъ сироту отъ всѣхъ козней; напротивъ, зависть и злоба мачехи подвергаетъ ее наказанію, которое часто испытываетъ она на родныхъ своихъ дѣтяхъ, испорченныхъ ея слѣпою любовію и потому гордыхъ, жестокосердныхъ и мстительныхъ. Съ этой точки зрѣнія особенно интересною представляется намъ роль младшаго изъ трехъ братьевъ, дѣйствующихъ въ сказкѣ. Большая часть народныхъ сказокъ, слѣдуя обычному эпическому пріему, начинается тѣмъ, что у отца было три сына: два умные, а третій — дурень. Старшіе братья называются умными въ томъ значеніи, какое придается этому слову на базарѣ житейской суеты, гдѣ всякій думаетъ только о своихъ личныхъ интересахъ; а младшій — глупымъ въ смыслѣ отсутствія въ немъ этой практической мудрости. Онъ простодушенъ, незлобивъ, сострадателенъ къ чужимъ бѣдствіямъ до забвенія собственной безопасности и всякихъ выгодъ. Народная сказка однако всегда на сторонѣ нравственной правды, и, по ея твердому убѣжденію, выигрышъ постоянно долженъ оставаться за простодушіемъ, незлобіемъ и сострадательностію меньшаго брата. Очевидно, что эпическая поэзія истинно разумнымъ признаетъ одно добро, а зло хотя и слыветъ умнымъ между людьми.

но вводятъ своихъ поклонниковъ въ безвыходныя ошибки и нерѣдко подвергаетъ ихъ неизбѣжной гибели, слѣдовательно оно-то и есть истинно неразумное. Въ сказкѣ „Норка звѣрь“ три брата отправляются искать этого чуднаго звѣря: имъ предстоятъ многія опасности. Старшіе братья обнаруживаютъ при этомъ всю слабость духа и отстраняютъ отъ себя трудные подвигъ; но когда третій братъ смѣлостію преодолѣваетъ всѣ опасности — они замышляютъ завладѣть добытымъ имъ счастіемъ и посягаютъ на самую жизнь этого добродушнаго дурня. На возвратномъ пути изъ странъ подземнаго міра онъ готовъ былъ подняться на Русь по нарочно пущенному канату, но братья отрѣзываютъ канатъ и лишаютъ его послѣдней надежды возвратиться когда-нибудь въ родную семью. Въ такой бѣдѣ его спасаетъ то высокое чувство любви, которое не допускаетъ въ сердцѣ бѣдняка ни малѣйшаго ожесточенія даже послѣ столь горестнаго обмана. Оставленный въ подземномъ царствѣ, младшій братъ заплакалъ и пошелъ дальше. Поднялась буря; заблистала молнія, загремѣлъ громъ, и полился дождь. Онъ подошелъ къ дереву, съ надеждою укрыться подъ его вѣтвями отъ непогоды; смотритъ, а на томъ деревѣ сидятъ въ гнѣздѣ маленькія пташки и совсѣмъ измокли отъ дождя. Сострадательный дурень снялъ съ себя одежду и накрылъ птичекъ. Вотъ прилетѣла на дерево птица, да такая огромная, что затмила собой дневной свѣтъ, и какъ увидала своихъ дѣтей накрытыми, спросила: „Кто покрылъ моихъ пташекъ? Это — ты! Спасибо тебѣ: проси отъ меня, чего хочешь!“ и, по просьбѣ бѣдняка, выноситъ его на своихъ могучихъ крыльяхъ на Русь.

Таково въ немногихъ словахъ значеніе народной сказки. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ней найдется многое, что не можетъ удовлетворить нашимъ образованнымъ требованіямъ и взглядамъ на природу, жизнь и поэзію; но если въ зрѣлыхъ лѣтахъ мы любимъ останавливать свой взглядъ на дѣтскихъ играхъ и забавахъ, и если при этомъ невольно пробуждаются въ насъ тѣ чистѣйшія побужденія, какія давно были подавлены подъ бременемъ вседневныхъ заботъ, то не съ той ли теплою любовію и не съ тѣми ли освѣжающими душу чувствами можетъ образованный человѣкъ останавливать свое вниманіе на этой поэтической чистотѣ и дѣтскомъ простодушіи народныхъ произведеній?

Увлекаясь простодушною фантазіею народной сказки, дѣтскій умъ нечувствительно привыкаетъ къ простотѣ эстетическихъ требованій и чистотѣ нравственныхъ побужденій и познакомится съ чистымъ народнымъ языкомъ, его мѣткими оборотами и художественно вѣрными природѣ описаніями. Мысль эту раздѣляли лучшіе изъ нашихъ поэтовъ — Жуковскій и Пушкинъ, познакомившіе публику съ нѣкоторыми народными сказками, передавая ихъ простое содержаніе въ прекрасныхъ стихахъ. Жуковскій подъ конецъ своей жизни думалъ исключительно заняться переводомъ сказокъ различныхъ народовъ; а Пушкинъ въ одномъ изъ неизданныхъ своихъ писемъ говоритъ о себѣ: „вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!“

Афанасьевъ.

Процессъ образованія и видоизмѣненія сказки.

Нѣкоторые полагаютъ, что сходство между различными народами въ сказкахъ основывается не на племенномъ сродствѣ языковъ и національностей, а на общихъ законахъ развитія человѣческаго духа, который въ своемъ младенчествѣ вездѣ и всегда выражается одинаковыми явленіями, къ которымъ, между прочимъ, принадлежитъ и фантастическій матеріалъ сказокъ. Если бы мы согласились съ этимъ предположеніемъ, то еще больше выиграло бы въ нашихъ глазахъ значеніе сказки, какъ законнаго выраженія извѣстнаго момента въ психологическомъ развитіи человѣчества. И вѣроятно, въ этомъ предположеніи есть не малая доля правды, которая, впрочемъ, нисколько не будетъ противорѣчить выводамъ сравнительнаго изученія индо-европейскихъ народностей, именно тѣмъ выводамъ, по которымъ не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что ближайшее сродство этихъ народностей по миѳологіи, языку, обычаямъ и поэзіи опредѣляется общимъ историческимъ происхожденіемъ индо-европейскихъ народовъ отъ одного начала.

Теперь уже никто не сомнѣвается въ самомъ близкомъ взаимномъ сродствѣ индо-европейскихъ сказокъ, которое, по слѣдамъ братьевъ Гриммовъ, доказано множествомъ сближеній. Въ настоящее время вопросъ объ этомъ предметѣ

можетъ быть подвинутъ уже нѣсколько дальше, а именно: при общемъ согласіи сказочнаго матеріала, чѣмъ отличаются сказки каждаго изъ народовъ индо-европейскихъ отъ всѣхъ прочихъ?

Для рѣшенія этого вопроса надобно имѣть въ виду слѣдующія соображенія.

1) Народная поэзія зарождается вмѣстѣ съ миѳологіею. Конечно, не одна только поэтическая фантазія создаетъ народные миѳы: они происходятъ на болѣе широкомъ и глубокомъ основаніи, какъ выраженіе необходимой потребности вѣрованія; тѣмъ не менѣе никакъ нельзя отвергать участія поэзіи даже въ самыхъ раннихъ зародышахъ народныхъ миѳовъ. Это — первыя и блистательныя порожденія вѣрованія и творческой фантазіи, возбужденныхъ условіями народнаго быта и историческими судьбами племени. Именно здѣсь начало убѣжденію въ истинѣ, въ непреложности, въ высокомъ значеніи народной поэзіи. Здѣсь начало тому обязательному чудесному, которое проходитъ по всѣмъ ея произведеніямъ, не какъ выдумка, не какъ поэтическая прикраса, а какъ вѣрованіе, глубоко вкоренившееся въ сердцѣ каждаго. Какъ обломокъ доисторической старины, сказка содержитъ въ себѣ древнѣйшіе миѳы, общіе всѣмъ языкамъ индо-европейскимъ; но эти миѳы потеряли уже смыслъ въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ, обновленныхъ различными историческими вліяніями, потому сказка, относительно позднѣйшаго образа мыслей, стала нелѣпостью, складкою, а не былью. Но, въ отношеніи сравнительнаго изученія индо-европейскихъ народностей, она предлагаетъ матеріалъ для изслѣдованія того, какъ каждый изъ родственныхъ народовъ усвоилъ себѣ общее миѳическое достояніе. Чѣмъ стройнѣе миѳы, излагаемые сказкою, чѣмъ ближе они къ народному эпосу и къ миѳологической системѣ, тѣмъ богаче народъ, сохранившій ее, своими миѳологическими и поэтическими преданіями.

2) Сказка пошла отъ былины, то-есть, она не что иное какъ разрозненные и подновленные эпизоды народнаго эпоса. Потому въ народной поэзіи иногда тотъ же сюжетъ передается въ двоякой формѣ: въ древнѣйшей формѣ былины, или пѣсни, и въ позднѣйшей — въ сказкѣ. Иногда въ сказкѣ до позднѣйшихъ временъ удерживаются стихи то въ какомъ-нибудь причитаніи или призывѣ, то въ изліяніи чув-

сны въ молении и т. п. Эти стихотворные остатки относятся къ той эпохѣ, когда сказка, будучи былиною, составляла эпизодъ народнаго эпоса.

3) Чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ эпичнѣе его сказки и тѣмъ меньше въ нихъ примѣси прозаическаго элемента, поучительнаго и нравоописательнаго. Чѣмъ образованнѣе и развитѣе народъ, тѣмъ прозаичнѣе положеніе въ его сказкахъ, тѣмъ больше въ нихъ позднѣйшаго лиризма, состоящаго въ идиллической мечтательности и въ поучительной сатирѣ.

4) Сопутствуя народу въ его историческомъ развитіи, сказка получаетъ новый видъ; изъ миѳическаго эпизода переходитъ въ забавную новеллу. Здѣсь сказка соприкасается уже съ повѣстью и нравоучительною баснею. И дѣйствительно, средневѣковые сборники новеллъ и повѣстей содержатъ въ себѣ въ передѣлкахъ множество народныхъ сказокъ, а въ этихъ сборникахъ, какъ извѣстно, разсказы обыкновенно сопутствуютъ нравоученіямъ, какъ въ позднѣйшей, дидактической баснѣ. Итакъ:

5) Сказка есть не только уцѣлѣвшій обломокъ миѳической старины, но и позднѣйшая прозаическая форма, съ которою народъ нечувствительно выходитъ изъ замкнутаго круга эпохи эпической на новое поприще, открываемое образованностью въ успѣхахъ позднѣйшей лирики и прозы. Потому позднѣйшая сказка беретъ себѣ содержаніе уже изъ источниковъ литературныхъ, даже передѣлываетъ чужеземные разсказы, переведенные съ иностранныхъ языковъ. Она становится чтеніемъ для грамотника, обогащая содержаніе, такъ называемыхъ, народныхъ книгъ. Тогда она совершенно расторгаетъ уже всѣ узы, связывавшія ее съ народнымъ эпосомъ, и становится чистымъ вымысломъ, тою складкою, которую народъ противополагаетъ были, и которую до позднѣйшаго времени классическіе педанты полагали недостойною серьезнаго изученія.

Буслаевъ.

Отличіе сказки отъ былины.

Вѣрнѣе другихъ, какъ мнѣ кажется, смотритъ на сказку г. Котляревскій. Онъ въ немногихъ словахъ, но чрезвычайно точно, опредѣлилъ существеннѣйшія различія между сказкою и былиною. Оговорившись, что нѣкоторыя изъ нашихъ ска-

зокъ не что иное, какъ передѣланныя былины, онъ объясняетъ господствующій характеръ сказки слѣдующимъ образомъ: „Сказка совершенно чужда историческихъ воспоминаній; въ ней выступаютъ жизнь частная, домашняя съ ея завѣтными понятіями и обычаями, или же воспоминанія доисторическія, объясненіе которыхъ невозможно безъ сравнительныхъ сближеній. Въ сказкѣ болѣе миѳологіи, можетъ-быть, именно потому, что менѣе исторіи, менѣе мѣста вліяніямъ времени и обстоятельствъ“. Въ сказкѣ болѣе миѳологіи потому, что въ ней почти вовсе нѣтъ той стихіи, которая все болѣе и болѣе вытѣсняла миѳологію изъ былины — исторіи. Въ сказкѣ миѳологія удержалась болѣе, чѣмъ въ былинѣ, первоначально же она служила основою той и другой. И былина и сказка пошли отъ одного общаго корня — древнѣйшей миѳологической пѣсни, только каждая пошла отъ нея своимъ особымъ путемъ. Остаткомъ того рода пѣсни, отъ которой должны были первоначально пойти и былина и сказка, до сихъ поръ еще служатъ тѣ, напримѣръ, сербскія сказки, которыя, при характерѣ чисто эпическомъ, чужды всякихъ историческихъ отношеній, повѣствуютъ о явленіяхъ чисто миѳическихъ: женитьбѣ мѣсяца, сватовствѣ за солнцеву сестру и т. п. Съ теченіемъ времени этого рода первоначальная миѳическая пѣсня должна была однимъ путемъ перерабатываться въ былину, другимъ путемъ — въ сказку. Первымъ путемъ она вышла на почву исторіи: ея миѳическія личности и событія пріурочивались къ историческимъ мѣстностямъ и явленіямъ, получали все болѣе и болѣе историческую обстановку, наконецъ даже ставились въ соотношенія, иногда же и совсѣмъ совпадали съ личностями историческими. Переработавшись такимъ образомъ, пѣсня получила для народа, подвинувшагося между тѣмъ впередъ — чему доказательствомъ служитъ самая возможность подобной переработки — новаго рода важность — важность повѣствованія о дѣйствительно бывшемъ между людьми, важность *были*, *былины*, которая, на тогдашней ступени развитія, стала служить какъ бы тѣмъ, чѣмъ служитъ теперь исторія. Эту особенно драгоцѣнную быль надобно было хранить, какъ зѣницу ока, и ежели, при отсутствіи письменности, нельзя ее было сохранить съ тою точностію, съ какою свидѣтельства историческія сохраняются въ книгахъ, все-таки должна была развиться заботливость о сохраненіи

въ точности этихъ завѣтныхъ пѣсенъ. Вотъ какой-то заботливости, по всей вѣроятности, былина и обязана тѣмъ, что въ ней удержался, большею частью, и самый пѣсенный строй, до извѣстной степени охранявшій отъ искаженій и самое ея содержаніе. Дѣйствительно, чуть начинаетъ разлагаться въ былинѣ ея пѣсенный строй (такія разлагающіяся былины принято у насъ называть *побывальщинами*), вмѣстѣ съ нимъ утрачивается непремѣнно и самая стройность ея содержанія (что и замѣтно во всѣхъ записанныхъ до сихъ поръ побывальщинахъ). Съ окончательною утратою пѣсеннаго строя совершается дальнѣйшій переходъ побывальщины въ прозаическій разсказъ того рода, которому обыкновенно даютъ у насъ мѣсто въ собраніяхъ сказокъ*).

Самый фактъ изложенія и порчи былинъ, при важности, какую онѣ получили, долженъ былъ побуждать къ изысканію особенныхъ средствъ для болѣе точнаго ихъ сбереженія. Вслѣдствіе этого, по всей вѣроятности, былина и стала какъ бы переходить въ завѣдываніе только немногихъ; изъ народа стали до извѣстной степени выдѣляться особые и не совсѣмъ многочисленные его охранители.

„Не каждый, говоритъ г. Котляревскій, умѣетъ передать былину, требующую счастливой памяти, извѣстнаго развитія поэтическаго, даже музыкальнаго... Не такъ сказка: она доступна каждому, безъ различія возраста и пола". Сказка выработалась изъ своей первоначальной основы не тѣмъ путемъ, который бы могъ ей придать особую и новую важность... До сего теперешняго значенія сказки, какъ складки, она постепенно была доводима послѣдовательнымъ затемнѣніемъ въ сознаніи народа ея первоначальнаго миѳическаго значенія. Все болѣе и болѣе теряя ту важность, которую она должна была имѣть изначала, какъ выраженіе религіознаго вѣрованія, она только доставляла своимъ дѣйствіемъ на воображеніе беззавѣтное наслажденіе всѣмъ и каждому. Съ утратою первоначальнаго сознанія важности основного миѳа не могло уже быть и заботливости о томъ, чтобы бережно охранялся и способъ ея выраженія. Пѣсенный строй самымъ обра-

*) Такого рода разсказы, по-настоящему, слѣдовало бы скорѣе помѣщать въ видѣ дополненія въ собраніяхъ былинъ. Такія дополненія могли бы имѣть [illegible]
[illegible]

зомъ безпрепятственно долженъ былъ разлагаться въ прозу... Безпрепятственно измѣнялась, въ извѣстномъ отношеніи, и самая форма внутренняя: когда-то священное содержаніе нерѣдко втѣснялось въ самыя обыкновенныя рамки житейской и будничной жизни... И между тѣмъ — въ одномъ отношеніи основа этого содержанія среди всѣхъ измѣненій, встрѣчающихся на этомъ пути, могла сохраниться въ большей неприкосновенности, чѣмъ на пути, которымъ выработалась былина — гдѣ навстрѣчу миѳу попадалась исторія, всего болѣе опасная для нея. Не сохранивъ первоначальной пѣсенной формы, не сохранивъ своей несомнѣнной первоначальной серіозности тона, миѳическая основа однакоже сохранилась несравненно полнѣе въ той будничной обстановкѣ частнаго быта, которая давалась ей въ сказкѣ и которая съ меньшею тяжестію налегала на нее, чѣмъ историческая обстановка налегала на первоначальную основу былины.

О. Миллеръ.

—

Различіе между сказками и пѣснями (былинами).

Между сказками и пѣснями, по нашему мнѣнію, лежитъ рѣзкая черта. Сказка и пѣсня различны изначала. Это различіе уставилъ самъ народъ, и намъ всего лучше прямо принять то раздѣленіе, которое онъ сдѣлалъ въ своей литературѣ. *Сказка — складка* (вымыселъ), а *пѣсня — быль*, говоритъ народъ, и слова его имѣютъ смыслъ глубокій, который объясняется, какъ скоро обратимъ вниманіе на пѣсню и сказку.

Изъ этого же значенія пѣсни, какъ были, и сказки, какъ вымысла, выходитъ, что само содержаніе сказокъ, мѣсто дѣйствія и лица — существенно различны отъ пѣсенъ. Въ пѣсняхъ географія можетъ быть плоха, но это происходитъ отъ незнанія. Въ сказкѣ очень сознательно разсказчикъ нарушаетъ всѣ предѣлы времени и пространства, говоритъ о тридесятомъ царствѣ, о небывалыхъ странахъ и всякихъ диковинахъ. Отсюда выходитъ также, что содержаніе эпическихъ пѣсенъ народа — всегда лица или событія его народной жизни. Пѣсни — всегда народны. Сказка же, напротивъ, уходитъ въ чужіе края, и, какъ вымыселъ, носится, гдѣ угодно. Значеніе вымысла даетъ возможность пользоваться чужою фантазіею, и потому много

изъ сказокъ зашли къ намъ цѣликомъ изъ чужихъ краевъ (наиболѣе съ Востока), иныя переиначены по-своему, и почти всѣ говорятъ о странахъ чужихъ. Само собою разумѣется, что самое изложеніе, слогъ народныхъ русскихъ сказокъ принадлежатъ русскому человѣку: что если въ своихъ сказкахъ народъ не всегда самъ выдумщикъ, то всегда разсказчикъ; что и чужое, переиначивая его или нѣтъ, разсказываетъ онъ по-своему; и это-то изложеніе придаетъ сказкѣ народный характеръ и цѣну, независимо отъ ея содержанія. Въ какой же мѣрѣ самое содержаніе той или другой сказки выражаетъ народный духъ, — это уже особый, очень важный и знаменательный вопросъ, рѣшаемый при разсматриваніи самыхъ сказокъ.

Какъ на различіе между пѣснями и сказками, можно также указать на элементъ волшебный. Въ сказкахъ онъ постоянно присутствуетъ, и почти всѣ герои сказокъ находятъ себѣ опору и помощь въ волшебствѣ и волшебникахъ. Въ пѣсняхъ хотя нельзя не признать чародѣйственнаго элемента, но онъ всегда на враждебной сторонѣ, противенъ русскому духу, и богатыри русскіе не только не почерпаютъ въ немъ силъ, но постоянно ведутъ съ нимъ бой, прибѣгая съ молитвою къ одному Богу. Правда, есть пѣсня о Волхвѣ; но это преданіе (а не вымыселъ) о древнемъ сильномъ чародѣѣ, который самъ герой пѣсни и стоитъ совершенно одиноко между всѣми богатырями старины, глубже всѣхъ уходя въ древность. Всѣ богатыри и вообще всѣ герои пѣсенъ, начиная съ Ильи Муромца до Гордея, не водятся ни съ волшебствомъ ни съ волшебниками, а вездѣ бьютъ и преслѣдуютъ ихъ.

Г. Шеппингъ находитъ сходство въ языкѣ и выраженіяхъ между сказками и пѣснями; но тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. И тамъ и здѣсь языкъ русскій, народный, и тамъ и здѣсь подчиненъ онъ извѣстнымъ сочетаніямъ словъ, эпитетамъ и проч. Такое сходство необходимо; оно основано только на единствѣ языка. Но если вглядѣться пристальнѣе, то сейчасъ увидишь существенную разницу языка и слога пѣсеннаго съ сказочнымъ. Стоитъ обратить вниманіе хоть на тѣ отрывки сказокъ, которые приводитъ г. Шеппингъ, выставляя ихъ въ примѣръ сходства. Вотъ нѣкоторыя выраженія: „Шелкъ не рвется, булатъ не гнется, червонное золото въ грязи не ржавѣетъ“. Или: „Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей пламя“

Всякій, думаю я, согласится, что самый слогъ, отрывистый и скорый, пересыпанный близкими другъ отъ друга риѳмами, показываетъ, что сказка *сказывалась говоркомъ* или даже *скороговоркой*, а не пѣлась. Теперь не угодно ли сравнить какую-нибудь пѣсню, напр.

Да изъ Орды золотой земли,
Изъ тоя Могозея богатыя,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ царь Калиновичъ...

или

А и буйные вѣтры не вхнуть на нее,
А красное солнце не печетъ лицо...

или

А и ты, мать быстра рѣка, ты, быстра рѣка Смородина!
Ты скажи мнѣ, быстра рѣка, ты про броды конные...

Вы видите, что рѣчь здѣсь не торопится, медлитъ и очевидно указываетъ, что она должна пѣться. Эти повторенія, эти вставочныя: *ото и, и, тотъ* и проч., показываютъ очевидно, что они нужны были, какъ для гармоніи пѣнія, такъ и для оттѣнка самаго слога, совершенно особеннаго, слога собственно пѣсеннаго.

К. Аксаковъ.

Отношеніе сказки къ другимъ видамъ эпической поэзіи.

Ни одна отрасль народной словесности не отличается такою разносторонностію содержанія, какъ сказка. Это оттого, что она имѣетъ точки соприкосновенія со всѣми другими отраслями того же могучаго корня. Въ историческомъ ходѣ развитія поэтической мысли народа сказка занимаетъ среднее мѣсто между обрядною и былевою поэзіей. Уже давно доказано, что первоначальная поэзія, какъ и первоначальное искусство вообще, коренится въ обрядѣ. Не имѣя еще самостоятельнаго значенія, она или воздаетъ хвалу божествамъ, или же озаряетъ такія событія въ быту самого человѣка, каковы, напримѣръ, бракъ, похороны; или даже стремится непосредственно помочь человѣку въ нуждѣ, призывая на него вліяніе свѣтоносной силы — въ заговорѣ. Уже нѣсколько независимѣе отъ практическихъ примѣненій становится поэзія народа, устремляясь

только сосредоточить его вниманіе на какой-либо замысловатой сторонѣ миѳа — въ загадкахъ. Но и онѣ, т.-е. разгадываніе ихъ, имѣло, повидимому, какъ доказываютъ многія, но еще не вполнѣ разъясненныя, свидѣтельства самой народной поэзіи, какое-то особое, утилитарное значеніе въ жизни народа. Много должно было пройти времени, прежде чѣмъ поэтическая мысль народа, не измѣняя еще по преимуществу миѳическому настроенію, освободилась окончательно отъ всякихъ практическихъ цѣлей и нашла выраженіе въ такой миѳической пѣснѣ, которая уже пѣлась свободно, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ — пѣлась просто потому, что поется; оставалась же миѳическою потому, что только такое содержаніе и приходилось еще по силамъ народа. Вотъ такъ-то долженъ былъ возникнуть тотъ независимый отъ обряда миѳическій эпосъ, изъ котораго извѣстнымъ уже намъ путемъ выработалась въ позднѣйшее время и сказка. Какъ выросшая первоначально на миѳѣ, она имѣетъ точки соприкосновенія, а потому и должна быть сравниваема со всѣмъ, въ чемъ заключается миѳъ: и со всѣми видами обрядовыхъ пѣсенъ, и съ заговорами, и загадками. Но изъ миѳическаго эпоса выработалась не одна сказка: изъ него же выдѣлилась особымъ путемъ былина. Какъ одинъ изъ двухъ главныхъ видовъ чистаго, свободнаго отъ всякихъ утилитарныхъ примѣненій эпоса, сказка можетъ и должна быть сравниваема съ другимъ главнымъ видомъ этого эпоса, съ пошедшею съ нею отъ одного корня былиною. Но миѳическая пѣснь нерѣдко перерабатывалась еще, и это уже подъ вліяніемъ христіанства, въ *духовный стихъ*; и онъ потому-то имѣетъ свои точки соприкосновенія съ пошедшею отъ той же миѳической пѣсни сказкою. Наконецъ, эта послѣдняя, подъ тѣмъ же вліяніемъ христіанства, сама перерабатывалась въ легенду — вотъ и съ этимъ, хотя и позднѣйшимъ видомъ эпоса, сказки, въ свою очередь, соприкасаются и должны быть сравниваемы. Наконецъ, такъ какъ сказка, по мѣрѣ того, какъ она удалялась отъ основного миѳа, принимала въ себя черты бытовыя, именно черты изъ частнаго быта народа (подобно тому, какъ былина усвоивала себѣ тѣ же бытовыя черты, но въ болѣе широкихъ историческихъ ихъ размѣрахъ), то этимъ своимъ бытовымъ значеніемъ, во многихъ сказкахъ выдвинувшимся на первый планъ, сказка начинала соприкасаться съ пословицею, съ этой особой отраслью народной словесности, осо-

бенно мѣтко отражающею основы народнаго быта и вытекающаго изъ него міросозерцанія.

О. Миллеръ.

Значеніе сказокъ по отношенію къ животному эпосу.

Значеніе такъ называемаго животнаго эпоса (Thierepos, Thierfabel), или эпическихъ разсказовъ о звѣряхъ, указано только новѣйшими нѣмецкими учеными и преимущественно Я. Гриммомъ въ его превосходномъ изслѣдованіи о средневѣковомъ Рейнгартѣ (Reinhart Fuchs. Berl. 1834 г.). Проницательная критика знаменитаго ученаго много разъяснила сущность и ходъ развитія животнаго эпоса; ея строгія опредѣленія, основанныя особенно на германскомъ эпосѣ, такъ вѣрно схватываютъ черты этого направленія народной поэзіи, что къ нимъ одинаково подходятъ и произведенія этого рода въ другихъ литературахъ и народностяхъ. Оттого мы безопасно можемъ воспользоваться главными положеніями Гримма и для опредѣленія русскихъ сказокъ. Возможность животнаго эпоса, какъ отдѣльной отрасли народной поэзіи, заключается въ томъ же поэтическомъ созерцаніи природы, которое произвело и другія ея созданія. Соединяя со словомъ извѣстное понятіе, сливая въ немъ цѣлый отдѣльный миѳъ, языкъ сообщалъ поэтическій колоритъ и безжизненнымъ предметамъ природы; тѣмъ рѣзче онъ долженъ былъ отмѣтить міръ животныхъ, имѣвшій такія близкія отношенія къ быту человѣка. Пастушеская и охотничья жизнь легко знакомила человѣка съ окружающими его звѣрями, и онъ скоро могъ замѣтить въ нихъ что-то общее съ его собственной природой, что-то похожее на душевныя свойства и движенія человѣка, и даже превосходство звѣря въ физической силѣ, остротѣ слуха и зрѣнія. Въ быту своемъ человѣкъ или сохранялъ къ нимъ мирное расположеніе, или долженъ былъ страшиться и остерегаться ихъ. Все это давало животнымъ особенное значеніе въ глазахъ человѣка; онъ привыкъ считать ихъ самостоятельными и независимыми отъ него, и потому приписалъ имъ нѣкоторую личность; кромѣ обыкновенныхъ названій, иныя изъ нихъ, болѣе близкія или опасныя для него, получили кличку или собственныя имена, которыя впослѣдствіи, отъ постояннаго употребленія, могли

опять перейти въ нарицательныя названія. Современный народный языкъ, называя медвѣдя Мишкой или Михаиломъ Ивановичемъ, козу — Марьей, лису — Патрикѣевной и пр., сохранилъ въ этихъ именахъ намекъ на тѣ древнія отношенія къ животнымъ, когда человѣкъ старался установить съ ними обоюдное пониманіе. Древній взглядъ считаетъ даже звѣря существомъ равнымъ человѣку; миѳическія сказанія у всѣхъ народовъ сохранили повѣрье о превращеніи людей въ животныхъ и обратно, о существахъ, состоявшихъ наполовину изъ животнаго и человѣка, сфинксахъ, кентаврахъ и т. п.; отсюда ведетъ начало миѳъ о переселеніи душъ. Звѣри играютъ важную роль во всѣхъ языческихъ религіяхъ, иногда они, какъ египетскій быкъ или кошка, считались олицетвореніемъ божества; на ихъ дѣйствіяхъ, какъ на полетѣ птицъ, на кормѣ вѣщаго коня, основывались предвѣщанія и примѣты. Въ народной сказкѣ, даже мимо чистаго животнаго эпоса, животныя являются необходимыми участниками въ событіи: конь былъ совѣтникомъ и помощникомъ богатыря; волкъ, медвѣдь и лисица нерѣдко бываютъ союзниками сказочнаго героя и приносятъ ему помощь въ минуту опасности. Вслѣдъ за этимъ народная поэзія приписала имъ и даръ слова... По представленіямъ народной поэзіи, и вся природа одарена способностію говорить; крики животныхъ, пѣніе птицъ непонятны для простого человѣка, но звѣри по преимуществу владѣютъ этой способностію, и оттого они всего чаще выводятся дѣйствующими лицами среди людей и въ животномъ эпосѣ играютъ роль совершенно наравнѣ съ ними. Изъ этого повѣрья о говорѣ звѣрей родилась любопытная поговорка, для обозначенія давно минувшаго времени, „когда еще говорили животныя“, въ хроникѣ С. Дени и въ другихъ средневѣковыхъ памятникахъ, такъ же какъ и у [illegible], т.-е. когда еще говорили животныя.

Такимъ образомъ основа животнаго эпоса сближается съ тѣми миѳическими преданіями, изъ которыхъ выросли всѣ воззрѣнія народной поэзіи, но онъ существенно отличается отъ всякаго другого эпоса въ томъ, что предметъ послѣдняго проистекаетъ постоянно изъ дѣйствительнаго историческаго факта, тогда какъ сказки о звѣряхъ, очевидно, не могутъ имѣть подобнаго источника. Взамѣнъ этого народная фантазія создала имъ свою исторію; она подмѣтила особенности въ характерѣ животныхъ и, развивъ ихъ до извѣстной опре-

дѣленности и неизвѣстности, привела ихъ ко взаимному столкновенію; какъ только эта коллизія была допущена, предметъ сказанія могъ родиться легко. Новый интересъ придалъ былъ животному эпосу участіемъ человѣка въ его событіяхъ, участіемъ, иногда очень дѣятельнымъ; оно возможно было тѣмъ болѣе, что звѣрямъ уже приписанъ былъ даръ слова, легко сблизившій ихъ съ обществомъ человѣческимъ. Участіе человѣка уже точнѣе обозначило свойства и границы эпоса. Съ одной стороны, животныя одарены въ немъ умомъ и мыслью; переняли всѣ привычки обыкновеннаго быта людей: въ нѣмецкомъ эпосѣ убитую курицу приносятъ на носилкахъ къ царю звѣрей; онъ повелѣваетъ устроить погребеніе и поставить надгробную надпись; люди не отказываютъ волку, когда онъ приходитъ къ нимъ просить помощи; поселянинъ заключаетъ формальный договоръ съ лисою о своихъ курахъ и въ тяжбѣ съ нею призываетъ льва какъ общаго судью. Въ нашихъ сказкахъ, приведенныхъ у г. Аѳанасьева, лисица просится къ мужику переночевать, и онъ пускаетъ ее; обманывая волка, лиса говоритъ ему, что ее зовутъ на новой (пріемъ новорожденнаго); лисица, волкъ, заяцъ живутъ въ избушкахъ и проч. [1]) Съ другой стороны, не остаются забытыми и животные инстинкты и особенности звѣрей: лиса приходитъ, какъ мы сказали, ночевать въ избу мужика, но, проснувшись на другое утро, пугается собаки, которую спрятали въ ея мѣшокъ; и въ сказкѣ она любитъ куръ и гусей и пускается на всѣ хитрости, чтобы обмануть волка; медвѣдь сѣетъ вмѣстѣ съ мужикомъ пшеницу, но, подозрѣвая съ его стороны обманъ, грозится съѣсть его. Эти требованія вполнѣ естественны; лишенные человѣческой мысли, звѣри не могли бы дать сказкѣ драматическаго движенія, потому что поступки, вызванные только инстинктивными побужденіями, не представляютъ живого интереса; и напротивъ, лишенные своей животной природы, сказочные звѣри сдѣлались бы пустой формулой. Этимъ обусловливаются и другія требованія животнаго эпоса: если обыкновенная сказка заставляетъ говорить деревья, цвѣты, даже мертвые предметы, то сказки о звѣряхъ не принимаютъ ихъ въ свое содержаніе, какъ неспособные къ свободной дѣятельности. По той же причинѣ и звѣри не всѣ имѣютъ одина-

[1]) Въ нашей сказкѣ заяцъ плачетъ, лиса идетъ [illegible] ника.

ковое значеніе для сказки; въ ней рѣдко являются маленькіе звѣри; насѣкомыя получаютъ только второстепенныя роли, потому что не имѣютъ рѣзко-опредѣленныхъ физіономій; тѣмъ меньше кстати въ животной сказкѣ птицы, своей способностью летать удаленныя отъ того порядка, въ которомъ человѣкъ поставленъ съ животными; притомъ и самый, безпокойный по природѣ, характеръ птицы противорѣчитъ спокойному эпическому движенію; наконецъ, большіе, чужеземные звѣри не могутъ быть введены въ сказки уже потому, что незнакомы народу въ его собственномъ бытѣ и не напоминаютъ никакихъ отношеній. Такимъ образомъ главными дѣйствующими лицами являются болѣе извѣстные звѣри и домашнія животныя, хотя и между послѣдними не всѣ принимаются въ эту драму; собака, лошадь, быкъ давно стали слишкомъ ручными и прозаическими и потому не нашли мѣста въ сказкѣ, требующей отъ своихъ героевъ независимости и свободы дѣйствій; въ такомъ ограниченномъ кругу поэтизируется древнее воззрѣніе на животную природу. На этомъ основаніи сказки о звѣряхъ, какъ и эпосъ героическій, всегда сосредоточиваются около туземныхъ героевъ и относятся къ отдѣльной мѣстности.

Не можемъ не припомнить слѣдующаго мнѣнія К. С. Аксакова о сказкахъ про животныхъ: „Есть особый отдѣлъ сказокъ, это сказки домашнія, т.-е. дѣтскія, о волкѣ, медвѣдѣ, лисѣ, пѣтухѣ и пр. Онѣ исполнены невыразимой красоты и также заслуживаютъ вниманія“.

Пыпинъ.

Заклинанія.

Заклинанія суть молитвы нашихъ предковъ-славянъ, искаженныя временемъ и передѣланныя на новый ладъ подъ вліяніемъ христіанства. Въ немногихъ изъ нихъ удержались имена языческихъ божествъ, въ большей же части они замѣнены именами Господа Бога, Богородицы, ангеловъ и свв. угодниковъ. За этими послѣдними скрываются имена языческихъ божествъ, а эти божества суть только символы (образы) явленій и предметовъ природы, предъ которыми преклонялся первобытный человѣкъ, чувствуя надъ собою ихъ подавляющее могущество, и умолялъ ихъ о помощи или пощадѣ.

Заговоры начинаются обычною формулою: „стану я рабъ Бо-

жій (имя) благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверьми, изъ двора воротьми, выйду я въ чистое поле". Затѣмъ чаще всего упоминается восточная сторона, къ которой заклинатель обращается лицомъ и кланяется. Уже въ этомъ обращеніи къ восточной сторонѣ видно поклоненіе восходящимъ съ востока свѣтиламъ: солнцу, лунѣ и звѣздамъ. Далѣе упоминаются находящіеся на восточной сторонѣ святое океянъ-море и какой-то островъ. Заклинанія другихъ мѣстностей Великой Россіи начинаются прямо съ обращенія къ морю-окіяну и острову Буяну. На островѣ есть храмина, т.-е. дворецъ, въ храминѣ стоитъ престолъ, на которомъ возсѣдаетъ Господь или Богородица, или св. Николай. Здѣсь же находятся различныя чудесныя животныя и предметы, напр. золотая щука, бѣлый камень и проч. Все это сходствуетъ съ представленіями славянъ-язычниковъ о жилищѣ свѣтлыхъ божествъ.

Обыкновенная заклинательная формула заговоровъ такая: какъ невозможно то-то и то-то (говорится о чемъ-нибудь невозможномъ), такъ и это пусть будетъ невозможно (о чемъ просятъ въ заклинаніи), напр.: „какъ не бывать въ пресвѣтломъ раю въ небесномъ царствіи проклятому діаволу и волшебнику, такъ не бывать на мнѣ р. б. N тѣмъ злымъ лихимъ притчамъ, скорбямъ и болѣзнямъ"... или: „како изъ гроба не возставаетъ мертвый мертвецъ, тако бъ не могъ возставать супротивъ меня начальный человѣкъ"...

Какъ древнія языческія молитвы, наши заклинанія должны быть во многомъ сходны съ языческими молитвами индоевропейскихъ народовъ. И дѣйствительно, они похожи часто не только въ своихъ основахъ, но и въ выраженіяхъ. Разумѣется, тамъ, гдѣ въ языческихъ молитвахъ упоминаются имена божествъ, тамъ въ заклинаніяхъ употребляются имена Бога, Богородицы, ангеловъ и свв. угодниковъ.

Изъ сравненія русскихъ заклинаній съ заклинаніями другихъ народовъ можно было бы добыть много чрезвычайно важныхъ свѣдѣній для миѳологіи, между прочимъ можно было бы возстановить первобытныя формы заклинаній, потому что многое изъ того, что утратилось у одного народа, сохранилось въ другомъ.

Заговоры — „молитвы отъ нечистаго духа" наполнены странною смѣсью языческихъ понятій съ христіанскими. Громъ и молнія то олицетворяются въ нихъ въ видѣ отдѣльнаго су-

шества царя Грома и царицы Маланіи, или Молніи, то приписываются Господу Богу, небеснымъ силамъ—архангеламъ Михаилу и Гавріилу и Ильѣ пророку. Для примиренія языческихъ вѣрованій съ христіанскими, царя грома и царицу молнію подчиняютъ Господу Богу и называютъ ихъ святымъ духомъ, исходящимъ отъ Господа. Царь громъ и царица молнія, поднимающіеся съ востока, отъ престола Господня, гоняются за нечистыми духами, которые со страхомъ и трепетомъ убѣгаютъ въ свои „помѣстья": подъ пень и подъ колоду, въ озера и во омуты. Лихорадка олицетворяется въ видѣ 12 Иродовыхъ дочерей. Всякія злыя лихія притчи и скорби и болѣзни, двѣнадцать проклятыхъ Иродовыхъ дочерей, отсылаются туда, откуда пришли, въ преисподнюю бездну, въ адъ, къ дѣду своему, проклятому сатанѣ.

Выраженія, которыми заканчивается большая часть заклинаній: „будьте мои слова замкомъ замкнуты, ключомъ заперты, будьте мои слова крѣпки и ёмки, какъ ключи подземные, будьте мои слова тверды и крѣпки на вѣки нерушимы: ключъ въ воду, а замокъ въ руки" — почти не имѣютъ для насъ смысла и показываютъ, что заклинанія, сохранившіяся въ устахъ народа, сильно пострадали и сократились. Здѣсь память народная измѣнила себѣ. Поэтому для миѳологіи очень важны письменные заговоры, сохранившіеся въ большой полнотѣ и могущіе служить поясненіемъ первыхъ. Вышеприведенныя выраженія суть сокращенія нижеслѣдующаго. Заклинатель обращается къ Господу или св. угоднику и проситъ ихъ поставить около него или около скота „желѣзный тынъ" отъ неба и до земли со всѣхъ четырехъ сторонъ и окружить его огненною рѣкою для предохраненія ихъ отъ нечистаго духа, болѣзней, дикихъ звѣрей и пр.; потомъ проситъ замкнуть этотъ тынъ и положить ключи на престолъ Божій или опустить въ воду для того, чтобы ихъ поглотила божественная золотая щука, живущая въ жилищѣ свѣтлыхъ божествъ. Затѣмъ слѣдуетъ заклинательная формула: какъ нельзя достать ключей отъ престола Господня или отъ щуки, такъ бы не нападали на заклинателя и его скотъ скорби, болѣзни, нечистая сила, злые люди и звѣри. Этимъ объясняется обычай замыкать замокъ при заклинаніяхъ и бросать ключъ въ воду.

Желѣзный тынъ знаменуетъ собою небо, которое, по представленію язычниковъ, имѣло видъ крыши, покрывающей

землю; крышка эта сдѣлана изъ желѣза и опускается въ мореокіанъ, окружающій землю (огненная рѣка). Небо, по народнымъ преданіямъ, имѣетъ ворота, которыя ежедневно отпираетъ утренняя заря для пріѣзда бога солнца, а вечеромъ запираетъ ихъ на замокъ вечерняя звѣзда. Отсюда выраженіе „будьте мои слова замкомъ замкнуты, ключомъ заперты", или „будьте тверды, какъ ключи подземельные", означаетъ желаніе, чтобы слова заклинателя были такъ сильны и тверды, какъ замкнутое на замокъ небо.

Ефименко.

Главнѣйшіе періоды въ историческомъ развитіи пословицы.

Вмѣстѣ съ образованіемъ грамматическихъ формъ происхожденіе пословицы восходитъ ко временамъ доисторическимъ, и какъ языкъ отъ древнѣйшей эпохи, по преданію, переходитъ изъ рода въ родъ, сохраняя и до нашихъ временъ свои существенныя свойства въ устахъ народа, такъ и пословица, составившаяся при чуждыхъ нашимъ временамъ обстоятельствахъ давно угасшей жизни, по преданію же, доходитъ и до насъ въ народной рѣчи. Между такой древнѣйшей, доисторической притчей и пословицами позднѣйшими занимаютъ мѣсто собственно историческія, пріуроченныя къ какому-нибудь историческому факту, лицу или учрежденію. Къ этимъ послѣднимъ пословицамъ должно отнести цѣлый рядъ народныхъ реченій, начиная отъ Несторовыхъ притчей о Родни, Волчьемъ хвостѣ, и до позднѣйшихъ намековъ на событія и лица даже нашего столѣтія, пословицы о татарахъ, каковы напр. „постой, татаринъ! дай саблю вынуть", о бѣлой дани, напр. „будто бѣлую дань платитъ", о мѣстничествѣ, напр. „по имени тебѣ можно мѣсто дать, по изотчеству можно пожаловать", и мн. друг. Однако, сколько бы ни набралось такихъ историческихъ пословицъ, безъ сомнѣнія, драгоцѣнныхъ и для историка и для лингвиста, все-таки далеко не исчерпается ими все богатство народныхъ реченій, изъ которыхъ одни, именно позднѣйшей эпохи, кажутся намъ ясными и примѣнительными къ современному быту; другія же, формаціи доисторической, неопредѣленны, исполнены намековъ на отжившую старину, о которой сама исторія не много сохранила преданій. Эти два періода въ историческомъ развитіи пословицъ отдѣляются другъ отъ друга распространеніемъ въ народѣ свѣта

христіанскихъ идей: потому пословицы перваго отдѣла носятъ на себѣ характеръ миѳическій, второго — христіанскій. Пословица миѳическаго содержанія хотя и могла сохраниться въ употребленіи и до позднѣйшаго времени, но утратила свое настоящее, собственное значеніе, удержавъ за собою только смыслъ переносный. Такъ, напр., кто скажетъ теперь пословицу: „Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ",— тому уже никакъ не можетъ прійти въ голову, что солнце есть особенное существо изъ природы божествъ и притомъ именно богиня, на которую первоначально и намекаетъ эта пословица. Напротивъ того, пословицы періода христіанскаго, и вообще всѣ тѣ реченія, которыя составились при обстоятельствахъ жизни, не чуждыхъ и теперешнему образу мыслей, столь же понятны въ ихъ прямомъ, первоначальномъ значеніи, какъ и въ переносномъ. Пословицъ періода миѳическаго гораздо больше, нежели сколько думаютъ тѣ, которые видятъ въ пословицѣ только одно позднѣйшее ея примѣненіе въ переносномъ смыслѣ, полагая, что первоначальный ея составъ произошелъ случайно, даже безсмысленно. Такова, напр., пословица: „врагъ силенъ, валяетъ и въ синемъ". Въ этомъ отношеніи судьба пословицъ та же, что и самаго языка. Мы употребляемъ слова: *богатый, отецъ, лѣкарь, лебедь* и др., вовсе не зная и не предполагая, какой имѣли они смыслъ первоначально въ эпоху миѳическую. Есть, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ пословицахъ ясные намеки на переводъ ихъ изъ періода миѳическаго въ христіанскій. Сюда относятся тѣ, въ которыхъ миѳическое божество или замѣняется словами: врагъ, бѣсъ, чортъ, или же намѣренно унижается, какъ напр.: „взялъ боженьку за ноженьку да и объ полъ".

Изученіе областныхъ нарѣчій и тщательное собраніе и изданіе пословицъ и поговорокъ по областямъ многое объяснятъ въ нашей старинѣ, и особенно относящееся къ періоду миѳическому. Для примѣра возьмемъ слово *спибокъ*: въ Вологодской Ярославской и другихъ губерніяхъ ходитъ оно въ значеніи пира. Но одна пословица, употребляющаяся въ Тульской губерніи, еще точнѣе опредѣляетъ его значеніе: пиръ собственно погребальный, поминки. Вотъ эта пословица: „по дѣдѣ спибокъ, а по бабкѣ щипокъ". Самое слово спибокъ, предполагая глаголъ *спибать, спибаться*, указываетъ на его первоначальный смыслъ борьбы, боя, согласно съ словомъ

тризна, имѣющимъ значеніе и поминокъ и подвига, игры, битвы, какъ объясняютъ это слово Азбуковники и Памва Берында. Такимъ образомъ память о древнѣйшей тризнѣ отъ временъ Ольги до позднѣйшихъ временъ сохранилась какъ въ провинціальномъ словѣ ошибокъ, такъ и въ соотвѣтствующей этому слову миѳической пословицѣ.

Буслаевъ.

Миѳологическое и эпическое значеніе пословицы.

Было время, когда пословица, создаваясь въ устахъ народа вмѣстѣ съ миѳомъ и сказаніемъ, имѣла значеніе болѣе обширное и важнѣйшее, нежели теперь. Независимое отъ личнаго произвола, ея происхожденіе видно уже изъ общаго признанія того, что она сущая правда, никогда неизмѣнная. Однообразное теченіе — не внѣшнихъ событій, а нравственнаго быта эпической старины — постоянно возводило свое начало къ темной старинѣ. Въ эту эпоху всякій вымыселъ, всякая новая мысль могли получить право гражданства не какъ новость, но какъ припоминаніе утраченнаго преданія, какъ уясненіе и развитіе того, что отчасти было давно всѣмъ и каждому извѣстно. Слово, какъ вѣрнѣйшее хранилище преданія, по преимуществу должно было господствовать надъ всѣми жизненными интересами эпическаго періода. Конечно, не всякая рѣчь, имѣющая предметомъ насущныя потребности, могла остановить на себѣ вниманіе, какъ нѣчто самостоятельное, достойное разсужденія и преданія: вмѣстѣ съ текущимъ днемъ такая рѣчь навсегда исчезла изъ памяти народа, не покинувъ по себѣ никакого слѣда; потому что даже во время своего минутнаго существованія она ни въ чемъ сознаніи не могла отдѣлиться отъ преходящей потребности, ею выраженной; не могла выступить, какъ разумное проявленіе дара слова. Слово, какъ выраженіе разумной силы, уже въ отдаленную эпоху отдѣлилось отъ ежедневной рѣчи и мимолетнаго разговора, отличивъ себя мѣрнымъ и стихотворнымъ ладомъ и принявъ черезъ то постоянную, никогда не измѣняемую личнымъ произволомъ форму. Въ такомъ словѣ народъ впервые сознавалъ свое духовное бытіе и понятіе о мысли соединилъ въ неразрѣшимомъ единствѣ съ членораздѣльными звуками: потому-то и почиталъ

онъ его высоко, и не какъ внѣшнее только выраженіе душевныхъ интересовъ, но какъ самую душу свою, какъ всѣ умственныя и нравственныя убѣжденія, силою дара своего приведенныя въ видимость. Уваженіе къ этому высокому дару, которымъ Творецъ отличилъ человѣка отъ прочихъ твореній, было тѣмъ сильнѣе, что въ словѣ народъ видѣлъ не произвольную мысль отдѣльныхъ лицъ, тотчасъ же народившуюся и на глазахъ же погибавшую, а мыслительность цѣлыхъ поколѣній, никому невѣдомо, когда и какъ образовавшуюся. Самая неизвѣстность доисторическаго происхожденія языка достаточно уже подавала народу поводъ видѣть въ словѣ нѣчто господствующее надъ живыми, нарождающимися поколѣніями, смѣняющими другъ друга въ теченіе вѣковъ; тогда какъ основной строй языка въ своихъ обычныхъ изреченіяхъ, пѣсняхъ и сказкахъ, поговоркахъ и заклятіяхъ, величаво простиралъ свое господство надъ всѣми поколѣніями. Пословица, вмѣстѣ съ загадкою, заклятіемъ, наговоромъ, судебнымъ и всякимъ другимъ многозначительнымъ изреченіемъ, составляетъ часть того всеобъемлющаго и прекраснаго слова, которому соотвѣтствуетъ греческое названіе — эпосъ, по преимуществу выражающее самое полное его проявленіе въ миѳологическихъ преданіяхъ о богахъ и животныхъ.

Будучи голосомъ преданія, идущаго отъ временъ темныхъ, эпическая поэзія, какъ для пѣвца, такъ и для слушателей, казалась произведеніемъ, стоящимъ внѣ произвола личнаго. Въ періодъ миѳическій первые проблески своей духовной силы человѣкъ признавалъ за выраженія въ самомъ себѣ какихъ-то постороннихъ, стихійныхъ и именно вещественныхъ силъ.

Потому если язычникъ страшился проявленія своей души въ глазахъ, въ бровяхъ, даже въ пальцахъ, то тѣмъ болѣе обаятельную силу должна была оказывать на него живая рѣчь, въ которой высказывается душа во всей ея полнотѣ. По миѳическимъ представленіямъ слово вылетаетъ изъ-за городьбы зубовъ, какъ птичка; потому Гомеръ говоритъ: крылатое слово; или же оно льется, какъ рѣка; потому рѣчь и рѣка происходятъ отъ одного общаго корня *ру* или *ри*, гр. *ῥέω*; или же свѣтитъ и блистаетъ она, какъ стихія свѣтлая, воздушная: потому и слово *баять* имѣетъ при себѣ въ прочихъ языкахъ индо-европейскихъ родственныя слова, съ назначеніемъ свѣта: санскр. бhа, греч. *φάω, φαίνω*. Но еще яснѣе санскрит

въ одномъ корнѣ соединяетъ понятіе о словѣ, о рѣкѣ или водѣ, и о свѣтѣ: именно *над*-говорить и свѣтить, откуда существительное *нада* — рѣка.

Какъ отдѣльный членъ эпическаго преданія, пословица заимствовала свою обязательную для всѣхъ силу отъ старины, откуда ведетъ она свое происхожденіе. Какъ въ заклятіяхъ и наговорахъ слово будто бы могло насылать и лѣчить болѣзни, причинять и удалять бѣды и напасти: такъ въ пословицѣ явилось оно не только окончательнымъ рѣшеніемъ здраваго смысла: „пословица всѣмъ дѣламъ порѣшница", но и таинственнымъ изреченіемъ самаго рока. Въ пользу эпическаго характера пословицы надо привести то обстоятельство, что встарину захватывала она въ свой объемъ и прочіе члены эпическаго преданія, каковы примѣта, врачебное наставленіе, загадки и проч.

Буслаевъ.

Загадки и пословицы.

Памятники народнаго творчества находятся между собой въ тѣсной, неразрывной связи. Они уясняютъ намъ отношенія народа къ природѣ и собственной жизни, важны не только для этнографа, но и для историка. Находя неумѣстнымъ распространяться о значеніи обширнаго отдѣла сказокъ и пѣсенъ, ограничимся проведеніемъ небольшой параллели между краткими ходячими изреченіями — каковы загадки и пословицы. Въ первыхъ отразились взгляды народа на природу и окружающую обстановку; въ послѣднихъ — вся житейская мудрость и нравственная личность простолюдина.

Въ загадкѣ, болѣе древней по формѣ и происхожденію, открылся полный просторъ для творческой фантазіи народа; въ пословицѣ — для его здраваго смысла и критики. На загадки всегда вліяла окружающая обстановка, для распространенія многихъ изъ нихъ существовали географическія, рѣзко очерченныя границы; на пословицы вліяла людская среда, въ нихъ всегда сквозила личность, характеръ сказавшаго. Возьмите для примѣра старыя пословицы новгородцевъ и москвичей, и вы найдете между ними значительную, мѣстами рѣзкую разницу.

Неодинакія условія вызвали въ одномъ случаѣ иную обстановку, въ другомъ — иную среду. Загадка про кедръ могла сложиться исключительно тамъ, гдѣ онъ росъ; изреченія, полныя свободолюбія или приниженности лишь тамъ, гдѣ эти качества вошли въ характеръ сложившаго ихъ народа.

Происхожденіе загадки относится къ темной древности, къ тому времени, когда человѣкъ глядѣлъ на природу какъ на что-то живое, когда явленія ея были для него подавляющей, страшной тайной. Олицетворяя ихъ, дикарь первобытныхъ временъ слагалъ свой образный миѳъ, и многія изъ загадокъ носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ этой миѳической давности. По мѣрѣ того какъ борьба человѣка съ природой подвигалась впередъ, загадка, бывшая прежде хранительницей вѣрованій, постепенно утрачивала свое важное значеніе, стала удовлетворять одной народной любознательности. Осталась ея иносказательная, аллегорическая форма, уцѣлѣлъ образный сильный языкъ, но прежній смыслъ затерялся. Народъ сталъ смотрѣть на загадку, какъ на праздное упражненіе ума и предоставилъ ее почти исключительно дѣтямъ, существамъ, только еще раскрывающимъ глаза на окружающій міръ. Благодаря этому, образованіе загадокъ пошло новымъ путемъ.

Кругъ ихъ замѣтно расширялся, по мѣрѣ того какъ увеличивался кругозоръ самого народа. Накопленіе чувственныхъ и умственныхъ впечатлѣній отражалось въ непрерывавшемся творчествѣ. При поверхностномъ взглядѣ на народныя загадки можно различить ихъ главнѣйшія наслоенія, самый порядокъ отложенія послѣднихъ. Древнѣйшія, каковы загадки о небесныхъ свѣтилахъ и явленіяхъ природы, носятъ на себѣ ясные слѣды охотничьяго и пастушескаго быта, когда дикарь-человѣкъ почти не зналъ вещей и обстановки, весь зависѣлъ отъ природы той мѣстности, на которой ловилъ звѣрей и пасъ стада. Слѣдующее наслоеніе представляютъ загадки быта осѣдлаго, земледѣльческаго. Теплое жилье, хозяйство и орудія земледѣлія, большее общеніе съ подобными себѣ вызвало новый рядъ иносказательныхъ представленій, опредѣленій одного предмета другимъ по какому-нибудь сходному признаку. Христіанство и грамота отложили одно изъ послѣднихъ наслоеній; творчество ихъ внесло также свою дань. Вліяніе на большинство загадокъ, сложившихся у нашего народа, какъ и

пустое упражненіе въ словѣ, не стоящее вниманія, передалася по наслѣдству и образованному классу. Загадки собирали и записывали сравнительно въ небольшомъ количествѣ, что нельзя было объяснить какими-нибудь особенными трудностями ихъ собиранья. Напротивъ, загадку можно вызвать по желанію, какъ сказку и всякое другое эпическое произведеніе; это не то, что пословица, говорящаяся къ слову, за которой надо слѣдить въ разговорѣ. Понятно, что никто не станетъ высказывать внутреннихъ убѣжденій безъ всякаго повода: душа человѣка не открыта первому встрѣчному, и для отысканія новой пословицы надо разговориться съ простымъ человѣкомъ; загадку же скажетъ всякій знающій, каждый ребенокъ: стоитъ лишь заговорить, возбудить любознательность, которая направлена, какъ извѣстно, въ ранніе годы больше на конкретныя понятія, какъ болѣе доступныя, въ зрѣлые — на понятія отвлеченныя.

Садовниковъ.

Погребальныя почести въ сознаніи индо-европейскихъ народовъ.

Для чувства человѣка естественно стремленіе полагать границу между царствомъ жизни и смерти: обезображенная смертію распадающаяся плоть требуетъ немедленнаго исключенія изъ среды живыхъ людей, но человѣческій родъ, по прекрасному замѣчанію Я. Гримма, отрекся бы отъ своей собственной природы, если бы это право живыхъ не смягчалось послѣднимъ правомъ мертвыхъ на честь и заслугу, необходимую для того, чтобы она могла перейти и водвориться въ вѣчномъ жилищѣ и тамъ продолжать свое существованіе. Забота отдать этотъ долгъ родному или собрату, покончившему расчеты съ жизнію, *сомкнуть уста, закрыть глаза*, какъ забота нравственно естественная, всегда была священною нравственною обязанностію человѣка; только самые грубые народы, преданные лишь животнымъ инстинктамъ и потребностямъ, пренебрегаютъ или не знаютъ этой повинности, оставляя своихъ покойниковъ на произволъ судьбы; у всѣхъ же другихъ племенъ, имѣющихъ залоги исторической будущности, погребальная почесть искони была предметомъ высокаго нравственнаго и религіоз-

наго долга, въ произведеніяхъ народной словесности вездѣ проходитъ тоскливое чувство жалости и состраданія о человѣкѣ, лишенномъ погребальной чести. Народная пѣсня не знаетъ болѣе страшнаго проклятія, какъ *чтобы человѣкъ не имѣлъ гроба*, чтобы земля его не приняла; народная повѣсть съ любовію и сочувствіемъ останавливается на лицахъ, которыя не пренебрегли этою священною повинностію: она награждаетъ ихъ долгою и счастливою жизнію... И обычаи и законодательства освятили послѣднее право мертвыхъ на погребальную почесть. Въ Спартѣ каждый обязанъ былъ, найдя мертвое тѣло, похоронить его или, по крайней мѣрѣ, посыпать пепломъ; равнымъ образомъ и въ Аѳинахъ законъ предписывалъ похоронить трупъ, если онъ встрѣтится на дорогѣ, или за недосугомъ хотя посыпать его прахомъ. Законъ этотъ былъ общеэллинскимъ; онъ одинаково распространялся и на гражданина и на чужеземца. Въ погребальной почести не отказывали даже врагу. Дѣло благочестія стояло выше земныхъ страстей и ненавистей, оттого самымъ страшнымъ наказаніемъ въ классическомъ мірѣ было лишеніе погребенія; такъ карались только предатели отчизны, святотатцы, самоубійцы и должники. Лишаясь могилы и погребальной почести, человѣкъ, по понятіямъ древности, какъ бы лишался будущей жизни и подлежалъ вѣчному наказанію; душа его обрекалась на всегдашнее мятежное, безпріютное блужданіе; она, не отдавшая землѣ земного, не могла войти въ жилище усопшихъ и пріобщиться къ сонму милыхъ родственныхъ тѣней. Такъ муки собственной живой души, страждущей при мысли о возможности лишиться священнаго обряда погребенія, человѣкъ переноситъ на своихъ усопшихъ. Нося въ груди такое вѣрованіе, онъ менѣе всего могъ быть равнодушенъ въ своихъ отношеніяхъ къ усопшимъ; понятно, почему и боги и общественное мнѣніе преслѣдовали того, кто нарушалъ этотъ святой законъ или же пренебрегалъ имъ. Ничто такъ живо не даетъ чувствовать намъ высокаго значенія погребальной почести въ античномъ мірѣ, какъ художественнѣйшее произведеніе Софоклесовой музы „Антигона“, гдѣ неразумный отказъ въ погребеніи царскому сыну встрѣчаетъ и мужественный протестъ родственнаго чувства сестры умершаго, жертвующей жизнью за исполненіе своего святого долга, и справедливую кару боговъ за презрѣніе ихъ законовъ вѣчныхъ и незыблемыхъ“. То же со-

знаніе высокаго значенія погребальной почести, тоже чувство нравственнаго долга живыхъ относительно мертвецовъ мы находимъ и у прочихъ племенъ индо-европейскаго корня; одинъ видъ часто величественныхъ и погребальныхъ памятниковъ, разсѣянныхъ по Европѣ и уцѣлѣвшихъ вопреки урагану тысячелѣтій, краснорѣчиво говоритъ о глубокомъ религіозномъ почтеніи, съ какимъ провожали эти народы своихъ, отходившихъ на покой, отцовъ и праотцевъ; оттого такимъ ореоломъ святости окружаются мѣста, гдѣ почіетъ дорогой прахъ опочившихъ предковъ: это величайшая святыня, не терпящая оскорбленія. „У насъ есть могилы отцовъ, — говорили скиѳы посламъ Дарія, — отважьтесь ихъ потревожить, тогда узнаете, будемъ ли мы сражаться за нихъ, или нѣтъ". Если таково религіозное почтеніе къ праху и могиламъ праотцевъ у народа кочевого, то у племенъ осѣдлыхъ оно идетъ еще глубже, является еще необходимѣе; для нихъ родная земля не только мѣсто, гдѣ человѣкъ родился и взростъ, но и гдѣ покоится прахъ его предковъ, гдѣ видны ихъ могилы: онѣ покровители, стражи и свидѣтели родовой недвижимой собственности, по нимъ опредѣляются границы ея, рѣшаются возникающіе вопросы; онѣ, наконецъ, составляютъ общую святыню родственниковъ семьи, которая, питая загемнюемое годами сознаніе родственной связи, скрѣпляетъ ихъ въ тѣсный союзъ на общія предпріятія, одушевленныя унаслѣдованными отъ праотцевъ чувствами и стремленіями.

Котляревскій.

Значеніе похоронныхъ причитаній русскаго народа.

Похоронныя причитанія суть непосредственныя изліянія тѣхъ думъ и ощущеній, какія вызываются въ человѣкѣ потерею родныхъ и близкихъ сердцу. Уже одно то, что они суть отголоски сердечныхъ движеній, что они въ одно и то же время и творятся и поются, что они сколько связаны съ состояніями духа, столько же опираются на внѣшнія дѣйствительности, ручается за ихъ цѣнность для внутренней исторіи народовъ, для ихъ вѣрованій и быта, для ихъ языка и искусства. Если въ былинахъ, пѣсняхъ, побывальщинахъ и даже сказкахъ вызнается душа народа, то въ надгробныхъ и надмогильныхъ плачахъ еще скорѣе можетъ сказаться та правда, которой

нѣтъ въ дѣловыхъ актахъ, договорахъ и хроникахъ. Едва ли кто останется равнодушнымъ къ тому, что самъ народъ въ минуты горести повѣдаетъ самому себѣ и для себя, что разсказываетъ онъ о своемъ житьѣ-бытьѣ родному мертвецу, колодѣ бѣлодубовой и матушкѣ сырой землѣ...

При должномъ вниманіи къ народнымъ плачамъ нельзя не замѣтить, что въ нихъ отражаются слѣды вѣрованій разныхъ доисторическихъ эпохъ относительно духовнаго бытія, смерти и посмертнаго существованія: въ народномъ сознаніи сталкивались и перескались разныя міросозерцанія, образовались цѣлыя религіозныя наслоенія, которыя, въ свою очередь, не совсѣмъ вытѣснены ученіемъ христіанскимъ.

Со стороны бытовой и народныхъ нравовъ наши плачи рѣзко отличаются не только отъ плачей корсиканскихъ, но даже славянскихъ. Не чувствомъ мести и негодованія, какъ корсиканскіе, не духомъ воинственной храбрости, какъ сербскіе, дышутъ наши погребальные вопли; въ нихъ видятся мирные, земскіе люди, которые борются только съ сѣверной природой за свое существованіе: и эта-то суровая, неблагодарная природа заставляетъ ихъ оплакивать въ умершемъ прежде всего потерю рабочей силы, безъ которой такъ бѣдственно положеніе оставшейся семьи.

Здѣсь вы постоянно встрѣчаетесь „съ темными лѣсами дремучими“, съ высокими „горами толкучими“, „съ цѣпкими болотами и мхами зыбучими“, „съ Свирью — рѣкою свирѣпою“, „съ малыми круглыми озерышками“, „съ островами незнакомыми и берегами небывалыми“, „съ Онегушкимъ великимъ и Ладожскимъ сердитымъ“. Предъ вами мелькаютъ „деревца шатучія, суховерхія, рощицы еловыя, горькія осинушки, курчавыя березыньки, ракитовые кустики, малиновые прутики“, а въ нихъ витаютъ — „змѣи клевучіе и звѣри съѣдучіе“; чаще всего вы встрѣчаете „заюшка загнаннаго, горностаюшка удалаго, сѣраго волка и звѣря медвѣдко“, много бываетъ здѣсь птицъ незнаемыхъ, изрѣдка залетаетъ сюда соловей — „птица свистучая“, но чаще слышится „кокошка горегорькая“; есть птицы привѣтливыя и угодливыя: „соколочикъ златокрыленькой, орелъ — птица говорящая, косатая ласточка и бѣлая лебедушка“, но больше здѣсь птицъ хищныхъ и жадкихъ: „черный воронъ, гуси заблудящіе, сорока поскакучая, воронница полетучая и всякая упадь во темномъ лѣсу“. Буйные

вѣтры господствуютъ здѣсь: подымается „падера — погода неимовѣрная“, огромныя деревья вырываетъ съ корнемъ, горы даютъ трещины, въ морѣ вода мѣшается съ пескомъ.

Понятно, какую борьбу долженъ вести сѣверный человѣкъ съ такой угрюмой, бурной и непостоянной природой: не даромъ рабочая пора въ плачахъ называется „страдой или страднымъ временемъ“; для того только, чтобы поддерживать здѣсь свое существованіе, нужно имѣть „силу звѣриную, потяги надо держать лошадиные“.

Е. Барсовъ.

Воззрѣнія славянъ-язычниковъ на душу и ея загробное существованіе.

Множество древнихъ миѳовъ свидѣтельствуютъ, что въ ежедневномъ движенія солнца первобытный человѣкъ видѣлъ цѣлую жизнь живого существа, подобіе своей собственной: оно *рождалось*, быстро становилось *юношею*, затѣмъ — *мужемъ*, исполненнымъ силъ, постепенно *старѣло*, наконецъ — *умирало*. Во время своей жизни великое свѣтило дня согрѣвало міръ живительной теплотой, одушевляло его дѣятельностію и трудомъ, весельемъ и радостью; умирая, оно погружало природу въ мертвенность, мракъ и холодъ. Переводя такія воззрѣнія въ собственную жизнь, человѣкъ-младенецъ выразилъ ихъ рядомъ подражаніи тѣмъ явленіямъ и картинамъ природы, которыми сопровождалось жизненное теченіе свѣтила. Представимъ теперь явленіе солнечнаго заката, или смерти солнца, вообразимъ природу, среди которой совершалось это величественное, поражающее зрѣлище, и мы будемъ имѣть первообразы, съ которыхъ юныя племена сняли обыкновеніе погребать своихъ мертвецовъ: у племенъ приморскихъ *солнце*, окончивъ жизненный путь свой, *тонуло и погружалось въ море*; у жителей равнинъ и горъ — *оно сожигалось и уходило въ землю и за горы*. То мѣсто на далекомъ западѣ, гдѣ скрылось оно, представлялось человѣку обителью, которая ожидаетъ его самого послѣ смерти, куда прежде отошли его отцы, гдѣ они наслаждаются новою жизнью... и вотъ онъ хочетъ помочь своимъ близкимъ усопшимъ переселиться въ это жилище и избираетъ тѣ же пути и способы, какъ и великое небесное существо: онъ отправляетъ ихъ въ страну блаженства въ

ладьѣ, которую иногда *[illegible]* *море; или сожигали* ихъ и опускали прахъ ихъ въ землю или въ *землянную гору*.

Такъ, нужно полагать, возникли важнѣйшіе способы погребальной языческой почести: отправленіе мертвеца на ладьѣ въ открытое море, сожженіе и похороны праха.

Была, конечно, нѣкоторая историческая послѣдовательность въ появленіи погребальныхъ обычаевъ, но все, что можно сказать относительно историческаго движенія ихъ, это фактъ старшинства погребенія мертвецовъ въ землѣ. Вѣрованіе, что покойникъ продолжалъ жизнь въ могилѣ, существовало уже въ глубокой древности: душу не отдѣляли отъ тѣла и, предавая погребенію мертвеца, думали, что онъ живетъ, имѣетъ такія же нужды и потребности, какъ и въ земной жизни.

Можно полагать, что въ жизни арійскихъ племенъ имѣли мѣсто и обычай отправленія мертвеца на ладьѣ въ море.

Несомнѣнно, что въ арійскую эпоху существовалъ и обычай сожженія тѣлъ. Сожженіе усопшихъ тѣмъ легче могло войти въ жизнь и стать обычаемъ, что народъ соединялъ съ понятіемъ огня смыслъ священнаго элемента, посредника между небомъ и землею, а душу представлялъ какъ воплощеніе небеснаго огня. Далѣе, самый образъ жизни молодого арійскаго племени не мало способствовалъ такому обычаю; оно, быть можетъ, начинало уже свое великое кочевое движеніе, осѣдлость уступала мѣсто роковымъ стремленіямъ на западъ; а при непосѣдной жизни умѣстнѣе было сожженіе, чѣмъ погребеніе въ собственномъ смыслѣ. Погребальный обычай сожженія, снятый съ природнаго явленія огненной смерти солнца, распространился не въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, но обставился частностями старшаго погребальнаго порядка и такимъ образомъ очутился среди противорѣчій: съ покойникомъ сожигалась и его собственность, хотя совсѣмъ не трудно было понять, что послѣ такого обряда мертвецъ уже не воспользуется ею, остатки сожженныхъ предметовъ полагались вмѣстѣ съ прахомъ въ могилу, мертвецу приносились покормы, хотя душа очищалась огнемъ отъ плоти и не нуждалась въ матеріальныхъ потребностяхъ. Однимъ словомъ, въ этой области народнаго благочестія, куда ни взглянемъ мы, насъ обовсюду окружаютъ противорѣчія младенческой жизни.

Сравнивая славянскія воззрѣнія на существо души и образ-

посмертнаго ея существованія съ тѣмъ, что отмѣчено нами въ первое время общеплеменной арійской жизни, мы не увидимъ ни коренныхъ различій ни слѣдовъ замѣтнаго поступательнаго движенія: только немногія частныя черты представленіи указываютъ, что измѣняющая сила времени и жизненныхъ условій не оставалась праздною, что кой-гдѣ работала и мысль человѣка, пополняя или отвергая испоконъ вѣка шедшія воззрѣнія, но общимъ основаніемъ все же служила праотеческая старина, переходившая по наслѣдству черезъ тысячи поколѣній.

И для язычника-славянина понятія жизни и смерти опредѣлялись видимой природой въ ея ежедневныхъ и годовыхъ измѣненіяхъ. Какъ природа начинаетъ ежедневную жизнь свою утромъ и оканчиваетъ вечеромъ, одѣваясь сумрачнымъ покоемъ, какъ она весною расцвѣтаетъ для жизни и постепенно, съ приближеніемъ зимы, теряетъ силы и погружается въ сонъ и холодъ, такъ и жизнь человѣка, по славянскимъ понятіямъ, имѣетъ свое утро и свой вечеръ и ночь, свою красную весну и свою черную зиму: при рожденіи возжигается свѣтильникъ жизни, со смертію онъ погасаетъ, и человѣкъ отходитъ въ область черной ночи, засыпая въ ней; но какъ природа, умирая, не уничтожается, но только облекается холоднымъ мракомъ и покоемъ, такъ и человѣкъ не гибнетъ, но только отходитъ на покой, засыпаетъ сномъ.

Понятіе о матеріальномъ существѣ души человѣка условливаетъ необходимость другого понятія — о загробномъ ея существованіи, и у славянъ-язычниковъ оно выражалось съ тѣмъ разнообразіемъ и съ тѣми же противорѣчіями, какъ и у ихъ арійскихъ праотцевъ: вѣря, что покойникъ продолжаетъ жизнь въ гробѣ, они тѣмъ не менѣе отдѣляли существованіе души отъ тѣла и назначали особую область для ея пребыванія и дѣйствія.

Слѣды древней вѣры въ матеріальную жизнь мертвецовъ ясно видны изъ многихъ произведеніи славянской народной поэзіи; отвѣчая на призывы родственнаго чувства или необходимости, усопшіе часто прерываютъ свой могильный сонъ и выходятъ изъ жилищъ или подаютъ свой голосъ, чтобы попросить живыхъ о какой-либо услугѣ и дать имъ наставленіе; на такомъ вѣрованіи основанъ обычай вызыванія душъ усопшихъ, обычай естественно вытекавшій изъ сознанія не-

прерывной связи между поколѣніемъ живущихъ и сонмомъ усопшихъ. Могила — жилище усопшаго, но мрачное и безотрадное: сырая земля и камень налегли на сердце, руки и ноги замерли, глаза сомкнулись — вотъ образы, какими обыкновенно рисуетъ мертвецъ свою жизнь въ отвѣтъ на земные призывы; онъ не можетъ подняться и принять участіе въ горѣ или радостяхъ своихъ ближнихъ.

Рядомъ съ этимъ первобытнымъ и грубымъ представленіемъ было и другое, по которому душа, существо воздушное, вѣтеръ, птица или огонь, оставляетъ тѣло и отлетаетъ въ воздушную область. Эпическій мотивъ души, которая *перелетаетъ по деревамъ* — въ древности могъ имѣть болѣе широкій смыслъ пребыванія души въ сферѣ воздушной, на *облачныхъ деревахъ* (облакахъ); народныя повѣрья представляютъ нерожденныхъ младенцевъ сидящихъ на деревьяхъ, на вѣтвяхъ играютъ и мавки-русалки, которыя первоначально были облачными олицетвореніями душъ усопшихъ, впослѣдствіи же получили значеніе рѣчныхъ и лѣсныхъ существъ. Понимая облака, какъ *небесныя горы*, фантазія помѣщала въ нихъ и души усопшихъ: въ горы уходятъ и богатыри русскіе при своей погибели. Вообще въ поэтическихъ преданіяхъ славянскаго язычества почти нѣтъ такихъ образовъ, которые, олицетворяя явленія воздушной природы, не связывались бы съ представленіями душъ усопшихъ; онѣ воплощаются въ различные образы ея и дѣйствуютъ какъ элементарные духи огня, вѣтра, тучъ и т. д.

Но какъ разнообразіе природной жизни отражалось въ умѣ и фантазіи человѣка-младенца необычайнымъ разнообразіемъ представленій, такъ и судьба міра усопшихъ и мѣсто ихъ пребыванія не имѣли въ его понятіяхъ строго опредѣленнаго, установившагося характера. Страна усопшихъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ носитъ названія: *рай, навь и пекло*. Слова эти, кажется, обозначали въ стародавнемъ язычествѣ одинъ и тотъ же предметъ, или вѣрнѣе — различные образы, въ какихъ подземная облачная страна усопшихъ представлялась живой фантазіи язычника-славянина; опредѣляемые послѣднею, образы эти не имѣли твердости религіознаго догмата.

При нетвердости понятій о загробномъ мірѣ, языческіе славяне не могли имѣть и опредѣленной мысли о возмездіи. Правда, чувства родственной любви и уваженіе передъ добромъ населяли

рай сонмомъ блаженныхъ, отвращеніе къ злу и пороку усвоивало муку людямъ злымъ и врагамъ; но и [illegible] той страны могли терпѣть нужды и горести; и злые и рабы могли быть въ раю, хотя бы только предназначенные на служеніе блаженнымъ отцамъ. Вообще понятіе языческихъ славянъ о жизни въ загробномъ мірѣ было отраженіемъ земного быта и его условій: какъ здѣсь одни были свободны отъ напастей и заботъ, другіе были рабами, такъ и въ жизни посмертной. Въ періодъ юности народовъ понятіе добра опредѣляется отношеніями родственными или племенными и не выходитъ за черту ихъ; потому и въ томъ мірѣ, по понятіямъ языческихъ славянъ, враги и чужіе были рабами, или вовсе исключались изъ блаженной жизни; подвигъ не цѣнился во врагѣ или въ рабѣ: какъ врагъ, онъ велъ злую жизнь и терпѣлъ муки за гробомъ, какъ рабъ, онъ оставался рабомъ. Языческіе славяне были совершенно чужды понятія о загробной наградѣ за земныя горести и страданія: язычникъ уносилъ съ собой въ могилу твердую вѣру о продолженіи матеріальной жизни, именно той, которую онъ оставлялъ на землѣ; а какъ нужды были всегда удѣломъ человѣчества, то и загробная жизнь представлялась несвободною отъ нихъ, и притомъ не въ равной степени несвободною; ибо одни имѣли достатокъ и слугъ, другіе ихъ не имѣли, третьи, наконецъ, сами несли рабскую повинность. Нуждамъ усопшихъ помогало благочестивое чувство живыхъ; оно начинало свою благотворительность у постели больного и продолжало ее до той поры, пока, по вѣчному закону природы, и само потребовало посмертной услуги.

Страна отцовъ отдѣлена отъ міра живыхъ воздушнымъ моремъ; чтобы достигнуть новаго жилища, душа или должна итти по *мосту, небесной дорогѣ*, подъ которой славянскія повѣрья понимаютъ то радугу, то млечный путь, или переплыть по морю на ладьѣ. Судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ древности, у славянъ существовало представленіе о *проводникѣ отцѣ*, который сопровождаетъ ихъ на этомъ трудномъ пути и водворяетъ на мѣстѣ. *Котляревскій.*

Погребальные обычаи языческихъ славянъ.

Первой заботой живыхъ въ отношеніи къ умирающему была забота облегчить смертную борьбу или разставаніе души съ тѣломъ, закрыть глаза ему; для этого въ нѣкоторыхъ мѣстно-

стахъ Руси снимаютъ потолокъ надъ мертвецомъ; у болгаръ снимаютъ все, что виситъ на потолкѣ, сметаютъ пыль, паутину, какъ бы съ той мыслью, что, имѣя передъ собою открытое пространство, душа легче выйдетъ изъ тѣла. Почти у всѣхъ славянскихъ племенъ бытуетъ обычай облегчать предсмертную борьбу положеніемъ умирающаго на полъ, на землю или на солому, въ томъ убѣжденіи, что на постели онъ не легко разстается съ душой, иногда же вовсе умереть не можетъ.

Какъ скоро человѣкъ скончался, немедленно отворяли окно, на которое иногда ставятъ чашку съ водою, чтобы душа могла умыться и улетѣть. Славянскія преданія вообще связываютъ существо души съ элементомъ воды; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руси обмываютъ умирающаго еще заживо, и даже думаютъ, что дѣлать это послѣ кончины грѣшно. Впрочемъ, душа не удаляется отъ тѣла до исполненія погребальнаго обряда и даже возвращается въ домъ по его совершеніи, почему въ Галичинѣ на окно ставятъ кружку съ водой и хлѣбъ для покорма души. Породнивъ душу съ огнемъ, народная мысль выразила это и въ обычаѣ поставлять при усопшемъ свѣчу; у чеховъ и у галичанъ онъ продолжается донынѣ; въ другихъ мѣстахъ влагаютъ возженную свѣчу въ руки умершему.

Съ кончиной кого-нибудь, въ домѣ прекращается работа, чтобы не нарушить покоя усопшаго; потребности живыхъ уступаютъ мѣсто исполненію долга къ усопшему: одни заботятся о томъ, чтобы *опрятать* его и снарядить въ *далекій* путь, другіе идутъ возвѣстить событіе смерти тому округу, которому принадлежалъ покойникъ.

Опрятываніе покойника имѣло цѣлью удовлетворить его загробныя потребности, которыя, по понятіямъ языческой старины, ни въ чемъ не отличались отъ потребностей земной жизни: вѣря, что мертвецъ продолжаетъ жизнь, люди снабжали его всѣмъ необходимымъ какъ для того, чтобъ онъ могъ безпрепятственно совершить далекій путь и достигнуть страны отцовъ, такъ и для довольства существованія, чтобы онъ не почувствовалъ нужды и лишеній и имѣлъ все, что пріобрѣлъ своимъ трудомъ и чѣмъ владѣлъ въ земной жизни.

Какъ въ славянской древности совершалось опрятываніе мертвеца можно судить и по краткому извѣстію Ибнъ-Фоцлана и по многимъ народнымъ обычаямъ. По смерти русскаго купца, тѣло его вынесли изъ дому, опустили въ особую могилу съ кры-

шею, и занялись приготовленіями къ погребенію, шитьемъ платья и заботой о будущей женѣ покойника; всѣмъ этимъ распоряжалась особая старуха, главное лицо погребальнаго обряда. Очень много разнообразныхъ обычаевъ опрятыванія сохранилось въ современномъ бытѣ славянскихъ племенъ. Это дѣло кое-гдѣ и донынѣ состоитъ въ вѣдѣніи особой старухи: она умываетъ усопшаго, одѣваетъ его въ лучшую одежду и, у словинцевъ, сторожитъ его цѣлую ночь. Со всевозможною заботливостью снаряжаютъ простолюдины-славяне своего покойника; особенно наблюдается, чтобъ онъ былъ снабженъ *платкомъ* и *монетою*; первый повязываютъ на шеѣ или за поясомъ, вторую влагаютъ въ руку мертвеца или завязываютъ въ тотъ же платокъ. При этомъ монета, очевидно, имѣетъ значеніе платы проводнику или перевозчику небесному, который переправляетъ душу черезъ великій потокъ или воздушное море; что же касается платка или полотенца, которое даютъ покойнику, то можно полагать, что и его назначеніе было не иное: въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ какъ не полотномъ могъ заплатить покойникъ небесному перевозчику въ ту эпоху славянской жизни, когда еще не существовало монеты, какъ представителя цѣнности? Обычай перевозной платы наблюдается почти у всѣхъ славянскихъ племенъ, но у нѣкоторыхъ онъ выродился въ странное обыкновеніе закрывать деньгами глаза усопшаго; у другихъ монета бросается въ гробъ или могилу при самомъ погребеніи.

Опрятавъ мертвеца, его клали на лавку или усаживали на особомъ мѣстѣ. Затѣмъ присутствовавшіе, родные и близкіе покойника, начинаютъ обрядъ прощанія. Къ нему приготовляется хлѣбъ и вино, люди *пьютъ чашу на добрую дорогу* усопшему. Ибнъ-Фоцланъ говоритъ, что у русскихъ язычниковъ одна часть имущества назначалась именно на покупку напитка. Въ современномъ бытѣ поселянъ, почти у всѣхъ племенъ, вино, питье чаши составляетъ предметъ первой необходимости. Такую же важную роль имѣетъ въ погребальныхъ обычаяхъ и хлѣбъ. Обычай осыпать жилище и особенно мѣсто, гдѣ лежалъ мертвецъ, зерновымъ хлѣбомъ существуетъ у простолюдиновъ Червонной и Малой Руси; онъ имѣетъ, конечно, очистительное значеніе: жизнь (жито) возвращала силу тому, что осквернялось прикосновеніемъ смерти. Такимъ образомъ прощаются съ усопшимъ, желая ему счастливаго пути.

Душа мертвеца, по понятіямъ славянскаго язычества, слѣдовала за тѣломъ. По вѣрованію болгаръ, душа, въ образѣ птички или бабочки, летитъ за тѣломъ до могилы и садится на ближайшее дерево, ожидая погребенія; по совершеніи его, она отправляется со своимъ проводникомъ въ далекій путь; мазуры также думаютъ, что до погребенія душа находится вблизи тѣла и даже бываетъ видима; за гробомъ она слѣдуетъ и улетаетъ по окончаніи обряда. На основаніи такого вѣрованія провожающіе мертвеца бросаютъ на встрѣчныя перекрестокъ или границу пучокъ соломы, чтобы душа могла отдохнуть.

Отсюда становится яснымъ важное значеніе погребальнаго обряда у языческихъ славянъ: онъ былъ необходимъ, чтобы душа могла оставить землю и успокоиться; иначе она будетъ безпріютно блуждать и мстить людямъ за неисполненіе ихъ долга.

Изъ глубочайшей древности доносятся къ намъ глухіе отголоски, позволяющіе думать, что усопшихъ предковъ когда-то хоронили въ самомъ жилищѣ, подъ семейнымъ порогомъ, помостомъ или въ переднемъ углу избы: тамъ кой-гдѣ и теперь хоронятъ некрещенныхъ младенцевъ, тамъ по повѣрьямъ живутъ домашніе пенаты — покровители, которыми становились души предковъ; примѣръ прочихъ народовъ какъ-будто даетъ поддержку этой догадкѣ; ничего несогласнаго съ понятіями языческой жизни не имѣетъ она и сама по себѣ, ибо мощи родителей составляли домашнюю святыню, на которой основывалось благосостояніе дома.

Балтійскіе славяне и чехи въ эпоху язычества хоронили своихъ мертвецовъ по лѣсамъ и полямъ: по лѣсамъ — въ силу вообще священнаго значенія этого мѣста, по полямъ же — кажется, не безъ мысли, что предки будутъ оберегать владѣнія землевладѣльца. Этимъ понятіемъ можно объяснить и замѣченный нашимъ лѣтописцемъ русскій языческій обычай ставить прахъ покойниковъ *на путехъ*, ибо пути были межою поземельной собственности, а пограничными стражами ея стояли могилы, хранившія священный прахъ предковъ. Потому кажется, что въ славянской языческой сторонѣ не было опредѣленнаго обычая хоронить мертвецовъ на общемъ кладбищѣ: кладбища были семейныя или родовыя; общія же предназначались для людей безземельныхъ, не имѣющихъ ни роду ни племени.

Рабу не оказываютъ погребальной чести, бѣднаго чело-

вѣка погребаютъ просто, но когда умретъ какой-нибудь знатный, его хоронятъ торжественно, вмѣстѣ съ имуществомъ, слугами и женой". Вотъ общій предварительный выводъ, какой можно сдѣлать о характерѣ погребальнаго обряда языческой славянской старины. Разсмотримъ теперь частные порядки погребальнаго обряда.

Частности похороннаго славянскаго обряда зависѣли отъ состоянія и образа жизни покойника: богатый и знатный и хоронился богато, бѣдный же — просто, съ удовлетвореніемъ только первыхъ необходимостей загробной жизни. Воинъ погребался съ воинскою обстановкой, земледѣлецъ — съ земледѣльческою. Однимъ словомъ, загробный міръ, жизнь въ немъ и ея условія въ понятіяхъ язычниковъ были тѣ же, что и на землѣ.

Неизвѣстно съ точностью, когда у славянъ совершалась погребальная *тризна*: передъ началомъ обряда или по окончаніи его. Держась письменныхъ свидѣтельствъ, должно принять первое. Тризна отличалась отъ поминокъ: она была торжественнымъ прощаніемъ съ покойникомъ и имѣла видъ воинскаго ристанія, игры или битвы. О такомъ воинственномъ характерѣ обычая свидѣтельствуютъ многіе источники древности. Тризна могла родиться не иначе, какъ среди воинскаго быта: только воину прилично отдавать прощальную честь усопшему собрату воинской игрой или битвой; племена мирныя не знаютъ тризны и обходятся вмѣсто нея мирными поминками; потому, кажется, не всѣ славяне имѣли этотъ обычай, какъ не всѣ были воинами: исторически засвидѣтельствовано существованіе его у русскихъ и у чеховъ. Съ теченіемъ времени обычай тризны слабѣлъ, такъ что въ современныхъ суевѣрныхъ обычаяхъ почти не сохранилось его отголосковъ: онъ уступилъ мѣсто *стравѣ*, или поминкамъ, которыя совершались въ заключеніе погребальнаго обряда.

Несомнѣнныя свидѣтельства древности указываютъ на два способа славянской погребальной почести: погребеніе въ собственномъ смыслѣ, т.-е. похороны въ землѣ безъ сожженія, и сожженіе съ погребеніемъ праха. По свидѣтельствамъ древности видно, что въ позднѣйшую эпоху язычества не только у различныхъ славянскихъ племенъ, но у одного и того же племени и у различныхъ вѣтвей его одновременно употребляются разные погребальные обычаи, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ ихъ исторической преемственности; равнымъ образомъ

нѣтъ и слѣдовъ того, что такая разница зависѣла, какъ полагали нѣкоторые ученые, отъ разности религіозныхъ понятій племенъ или матеріальнаго достатка покойниковъ. Напротивъ, религіозныя понятія кривичей и сѣверянъ едва ли въ чемъ отличались отъ понятій древлянъ, а между тѣмъ эти племена имѣютъ различные обычаи погребенія; богатство же или бѣдность усопшихъ опредѣляли не самый обрядъ, но его внѣшнюю обстановку: бѣднякъ такъ же сожигался, какъ богатый, послѣдній былъ такъ же погребаемъ въ землѣ, какъ первый. Тѣмъ не менѣе причина различія должна была существовать, и ее можно предугадывать. Мы знаемъ, что еще въ эпоху глубокой древности возникъ и распространился обычай сожженія тѣлъ, но что не исключалъ совершенно старѣйшаго обычая погребенія въ землѣ, а бытовалъ совмѣстно съ нимъ. Нѣтъ никакихъ причинъ думать, что иначе было и въ послѣдующее время: если бы сожженіе окончательно вытѣснило похороны въ землѣ, то христіанство застало бы первый обычай повсемѣстнымъ, а этого не было; наоборотъ, если бы погребеніе въ землѣ пересилило обычай сожженія, то христіанство не могло бы застать сожженія. Остается полагать, что какъ погребеніе въ землѣ, такъ и сожженіе бывали совмѣстно и одновременно съ древнѣйшей эпохи до самой поры распространенія христіанства. Что такой фактъ дѣйствительно существовалъ, на это есть прямыя доказательства: при раскопкахъ нерѣдко встрѣчаютъ разные обычаи въ одной и той же могилѣ; возлѣ *сожженнаго* лежатъ иногда останки *погребеннаго*. По всему этому можно дозволить себѣ догадку, что различіе двухъ способовъ погребенія въ славянской языческой древности было различіемъ не вѣрованій и исторической жизни, а различіемъ преданія, хранившагося съ незапамятной древности въ отдѣльныхъ семьяхъ и родахъ. Союзъ семей различнаго преданія черезъ женитьбу можетъ служить объясненіемъ, почему одна и та же могила иногда принимала какъ сожженные, такъ и несожженные останки усопшихъ.

Покойнику погребаемому приготовляли посмертное жилище или домъ: вырывали въ землѣ могилу на подобіе просторной комнаты и полагали туда мертвеца.

Намъ не извѣстенъ способъ устройства могилы, но можно предполагать, что онъ зависѣлъ отъ состоянія покойниковъ: бѣдные прямо опускались въ землю, для болѣе богатыхъ усы

пальница отстраивалась деревомъ или камнемъ. Такого рода могилы дѣйствительно находятся въ пространствѣ, занятомъ славянскимъ племенемъ. Усопшаго полагали или просто, или въ особомъ помѣщеніи, въ выдолбленной колодѣ или ладьѣ. О послѣдней говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, хотя въ примѣненіи къ покойникамъ *сожигаемымъ*. Имѣя однако въ виду указаніе первоначальной лѣтописи, позволительно думать, что ладью иногда давали и *погребаемымъ*. Мысль язычниковъ не стѣснялась непослѣдовательностью: и погребаемыи въ землѣ могъ, по ихъ понятіямъ, воспользоваться ладьею для отплытія въ страну отцовъ, лежащую за моремъ.

Усопшій, котораго сожигали, не нуждался въ вырытой могилѣ; ему, какъ видно изъ Ибнъ-Фоцлана, строили иное жилище: ладью подымали на столбы или костеръ, на нее ставили смертное ложе, убирали его, раскидывали надъ нимъ шатеръ и на ложе полагали снаряженнаго покойника. Людей бѣдныхъ просто сожигали въ ладьѣ или на кострахъ. Такъ было у русскихъ язычниковъ.

Полагая, что усопшій и за гробомъ продолжаетъ ту же жизнь, языческая славянская старина равно надѣляла какъ погребаемыхъ, такъ и сожигаемыхъ всѣмъ необходимымъ для будущаго существованія: жены, рабы, домашнія животныя, одежда, украшенія и оружіе, домашняя утварь, яства и питія, и вообще всѣ предметы житейской необходимости, житейскихъ занятій и симпатій покойника полагались ему въ могилу. Воинъ погребался съ оружіемъ и конемъ, земледѣлецъ — съ животными и орудіями его мирнаго быта, женщина — съ украшеніями. Предметы назначались для прямого удовлетворенія нуждъ усопшаго и для того, чтобы облегчать ему переходъ въ вѣчность. Покойнику давали и молотъ, вѣроятно, по связи этого символа молніи съ представленіемъ души и ея посмертнаго мѣстопребыванія.

Показанія византійскихъ и арабскихъ писателей и „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ о томъ, что славяне надѣляли покойниковъ имуществомъ, находятъ полное оправданіе въ другихъ источникахъ древности. Археологическія раскопки свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ распространеніи этого обычая: могила безъ житейскихъ предметовъ — рѣдкость и исключительный случай въ археологическомъ мірѣ; она указываетъ на полную бѣдность и круглое сиротство усопшаго. Нѣкоторыя могилы пред-

даваетъ даже ясное подтвержденіе обычая одновременнаго погребенія жены съ мужемъ.

Изъ Ибнъ-Фоцлана видно, что обрядъ сожженія происходилъ при громѣ палицъ въ щиты; при громѣ небесномъ, по народнымъ повѣрьямъ, отворились небеса — рай. Подражая небесному явленію, наивное вѣрованіе думало отворить двери рая для новаго пришельца, точно такъ, какъ оно и теперь думаетъ, что душа человѣка, убитаго громъ, войдетъ въ рай, что случайный громъ при погребеніи обозначаетъ отвореніе небесныхъ воротъ для принятія души.

Надъ домомъ усопшаго *погребеннаго* насыпали холмъ, который долженъ былъ увѣковѣчить его память; останки же *сожженнаго* на другой день собирались въ сосудъ и ставились на холмѣ. Такъ свидѣтельствуетъ Ибнъ-Даста относительно славянъ. По словамъ же Ибнъ-Фоцлана, вслѣдъ за сожженіемъ на жаровницѣ былъ насыпанъ круглый холмъ, который и скрылъ подъ собою усопшаго. Свидѣтельства взаимно пополняютъ другъ друга. Извѣстіе Ибнъ-Фоцлана о насыпаніи холма вполнѣ подтверждается археологическими раскопками.

По возвращеніи домой участники погребальнаго обряда подвергались очищеніямъ отъ слѣдовъ общенія со смертью. Главными элементами являются огонь и вода: въ южно-славянскихъ земляхъ возвращающихся съ похоронъ встрѣчаетъ старуха съ горящими угольями, на нихъ льютъ воду и ею умываются; на Руси берутся руками за печь или заглядываютъ на нее. За очищеніемъ слѣдовали поминки, въ которыя непремѣнно входитъ питье чаши вина въ память покойника и поминальный пиръ, иногда состоящій изъ особыхъ жертвенныхъ яствъ.

Подобно прочимъ народамъ, и славяне въ язычествѣ чтили усопшихъ; они видѣли въ нихъ боговъ-покровителей, домашнихъ пенатовъ, которые блюли за благосостояніемъ семьи, роднаго крова и семейной собственности. Слѣды такой вѣры до сихъ поръ еще ясны въ многочисленныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ славянскихъ племенъ. *Чуръ, домовой, баба, родакъ*, Души предковъ — пенатовъ подъ именемъ *дѣдовъ, прадѣдовъ, щуровъ* — встарину стояли въ гораздо болѣе близкомъ общеніи съ семьей, чѣмъ нынѣ: они были предметомъ благоговѣйнаго чествованія, имъ приносились жертвы и покормы. Какъ высоко чтили славяне своихъ покойниковъ, видно изъ того, что ихъ останки были святыней, надъ которой про-

и годилась присяга; къ могилѣ, хранившей мощи покойниковъ, прибѣгали въ затруднительныхъ случаяхъ жизни, отъ нихъ ждали помощи, совѣта и благословенія, ихъ вызывали изъ могилъ молитвами и причитаніями.

Угощенія усопшихъ покормомъ и поминки по нихъ совершались сначала на 3-й, 6-й, 9-й и 40-й день погребенія, потомъ періодически: въ день смерти покойника — частныя его поминки, и весною — поминки общія всѣхъ *родителей*. На Руси праздникъ усопшихъ носитъ названіе *Радуницы* т.-е. обѣта.

Весенния поминки усопшихъ были столь же грустнымъ, сколько и веселымъ празднествомъ: мысль о смерти родныхъ требовала плача; вѣра, что усопшіе низошли на землю и принимаютъ участіе въ жизни близкихъ, вызывало радостное чувство, а оно выражалось игрою, обрядовою пляской и веселыми пѣснями. Игры въ честь предковъ совершались, такъ сказать, въ ихъ присутствіи, на распутіяхъ, потому что самыя жилища ихъ, хранители семейныхъ полей, стояли на *межахъ*, возлѣ которыхъ шли пути и встрѣчались раздорожья. Прошло много вѣковъ, жилища старыхъ боговъ стали чуждыми чувству человѣка, заглохли и часто сравнялись съ землею; но, привыкнувъ праздновать память отцовъ на мѣстахъ путей, простолюдинъ и до сихъ поръ съ понятіемъ перекрестковъ соединяетъ много суевѣрныхъ преданій.

Котляревскій.

Происхожденіе апокрифовъ.

Апокрифами, или апокрифическими книгами, какъ извѣстно, назывались сначала только неканоническія книги св. писанія, но впослѣдствіи этимъ именемъ стали называть всѣ вообще подложныя, испорченныя и ложныя сочиненія. Эти сочиненія назывались также *еретическими, богоотметными и отреченными*, потому что чтеніе ихъ было запрещено каноническими соборными постановленіями.

Всѣ апокрифическія сочиненія такого рода имѣютъ одинъ общій характеръ; въ нихъ религіозныя истины смѣшаны съ разными заблужденіями. Мысль или событіе, составляющія сюжетъ повѣсти или сказанія, заимствованы изъ книгъ св. писанія, библейской или церковной исторіи и житій святыхъ

но онѣ распространены такими вымышленными подробностями, для которыхъ нѣтъ основанія ни въ св. писаніи ни въ церковной исторіи. Происхожденіе такихъ сочиненій объясняется весьма естественно. И въ древнемъ и въ новомъ мірѣ строгой и точной исторіи всегда сопутствовала своеобразная народная легенда; великія лица и событія всегда служили центромъ самыхъ разнообразныхъ народныхъ сказаній. Дѣйствительные факты украшались разными вымыслами, оставленные исторіей пробѣлы или пропуски дополнялись разными разсказами. Этой общей участи не могли не подвергнуться и великія событія священной исторіи и великіе дѣятели ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви. Самыя важныя и самыя любопытныя событія разсказаны въ священной исторіи чрезвычайно кратко, какъ напр. жизнь праотцевъ Адама и Евы, паденіе и изгнаніе ихъ изъ рая, ихъ жизнь по изгнаніи изъ рая, всеобщій потопъ при праведномъ Ноѣ; судьба многихъ знаменитыхъ лицъ въ исторіи, напр. Еноха, взятаго на небо, Мелхиседека и другихъ, извѣстна только въ общихъ чертахъ. Любопытство и пытливость человѣческая желали знать больше, и, естественно, отыскивали всѣ древнія преданія объ этихъ лицахъ и событіяхъ и разные пробѣлы въ священномъ разсказѣ и недостающія подробности въ преданіи, старались дополнить соображеніями и догадками, которыя получили съ теченіемъ времени значеніе факта. У іудеевъ было много подобныхъ сказаній; они особенно усилились предъ пришествіемъ Спасителя. Впослѣдствіи они были записаны и вошли въ такъ называемый Талмудъ; изъ Талмуда и частью изъ устныхъ преданій апокрифическія сказанія перешли въ христіанскія книги. Такъ явились Адамовъ завѣтъ, исповѣданіе Евы, завѣтъ Еноха, сказаніе о Мелхиседекѣ, откровеніе Авраама, лѣствица Іакова, завѣты 12-ти патріарховъ и др. Во времена христіанскія такимъ же путемъ образовались свои апокрифы. Благочестивое чувство и воображеніе христіанъ первыхъ вѣковъ также не удовлетворялись тѣми краткими сказаніями о жизни и дѣлахъ Спасителя, Богоматери и апостоловъ, какія находятся въ книгахъ Новаго Завѣта; они старались дополнить эти сказанія разными подробностями изъ преданій. А преданій въ первыя времена, когда христіанское просвѣщеніе распространялось не посредствомъ книгъ, но чрезъ устныя наставленія и разсказы, было, конечно, много, они переходили отъ отца

области или города къ другимъ. При отсутствіи образованія, въ разсказахъ не всегда могли отличать истину отъ вымысла, а страсть къ чудесному и стремленіе во всемъ видѣть особенный смыслъ готовы были принять всякое невѣроятное сказаніе. При этомъ одна мысль св. писанія, часто одно слово или выраженіе, подъ вліяніемъ возбужденнаго воображенія, превращались въ настоящее событіе. Кромѣ того, христіанскіе учители первыхъ вѣковъ, чтобы яснѣе сдѣлать какой-нибудь догматъ, живѣе представить какое-нибудь событіе, любили прибѣгать, какъ показываютъ ихъ сочиненія, къ ораторскимъ пріемамъ и часто передавали христіанское ученіе въ оживленныхъ, иногда аллегорическихъ картинахъ; эти картины для необразованнаго большинства могли получать буквальный смыслъ и приниматься, какъ дѣйствительныя событія. Наконецъ, нѣкоторые апокрифы обязаны своимъ происхожденіемъ разнымъ еретикамъ, которые составляли ихъ съ тою цѣлью, чтобы защитить свое ученіе. Такъ произошли евангеліе Никодима, евангеліе Іакова, переписка Іисуса Христа съ Авгаремъ, акты Пилата, плачъ Богородицы, путешествіе апостоловъ и евангелистовъ. Первые вѣка христіанства были временемъ борьбы его съ язычествомъ и отжившей языческой цивилизаціей древняго міра; во время этой борьбы явились множество героевъ вѣры и церкви — мучениковъ, исповѣдниковъ, подвижниковъ и учителей; преданія объ ихъ подвигахъ составляютъ обширный отдѣлъ религіозныхъ сказаній. Въ этихъ сказаніяхъ воображеніе такъ же часто къ истиннымъ событіямъ примѣшивало разные вымыслы; такъ явились апокрифическія сказанія о святыхъ.

Порфирьевъ.

— —

Распространеніе, характеръ и значеніе апокрифовъ.

Большая часть апокрифовъ составлялись еще въ самыя первыя времена христіанства и вмѣстѣ съ христіанствомъ переходили отъ одного народа къ другому и распространились повсюду... Въ средніе вѣка особенно они имѣли весьма сильное вліяніе на развитіе духовной поэзіи, церковной живописи и скульптуры, которыя постоянно брали изъ нихъ сюжеты для своихъ изображеній. Особенно западныя духовныя драмы или такъ называемыя *мистеріи* обязаны апокрифамъ и своимъ

происхожденіемъ и своимъ развитіемъ. Одна изъ первыхъ католическихъ мистерій *„Страданія Спасителя“*, начинающаяся предсказаніемъ о рожденіи Богоматери и оканчивающаяся воскресеніемъ Спасителя, взята изъ евангелія рождества Пресвятой Дѣвы и евангелія Никодима. Наконецъ, слѣды апокрифическихъ сказаній ясно усматриваются въ позднѣйшихъ произведеніяхъ европейской литературы, напр. въ *„Потерянномъ раѣ“* Мильтона и *„Мессіадѣ“* Клопштока.. Къ намъ въ Россію апокрифическія сочиненія перешли изъ Византіи, вмѣстѣ съ другими памятниками церковной письменности, особенно въ палеяхъ и хронографахъ, гдѣ они преимущественно помѣщались. Болгарская и сербская редакція многихъ апокрифовъ показываютъ, что они, подобно другимъ памятникамъ письменности, принесены къ намъ изъ Болгаріи и Сербіи: встарину они и извѣстны были подъ именемъ *болгарскихъ басенъ*. Въ Болгаріи не только переводились восточныя и византійскія сказанія, но и составлялись новыя; *статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ* называетъ даже по имени одного болгарскаго составителя ложныхъ сказаній — *попа Іеремію*. Въ Россіи апокрифы иногда передѣлывались или принимали въ себя нѣкоторые элементы народныхъ вѣрованій... Не всѣ, конечно, апокрифы были одинаково распространены въ древней Руси. Нѣкоторые изъ нихъ въ рукописяхъ встрѣчаются очень рѣдко, и только имена ихъ указываются въ „статьѣ о ложныхъ книгахъ“. Болѣе другихъ интересны по содержанію и болѣе другихъ имѣли вліяніе на складъ религіозныхъ понятій нашихъ предковъ и на произведенія древней духовной письменности и духовной поэзіи слѣдующія апокрифическія сказанія: сказанія объ Адамѣ и исповѣданіе Евы; сказаніе о деревѣ крестномъ; сказаніе о праведномъ Енохѣ; сказаніе о потопѣ и праведномъ Ноѣ; повѣсти о Соломонѣ, описаніе Афродитіона персіанина о рождествѣ Іисуса Христа; преніе Іисуса Христа съ діаволомъ; слово Адама во адѣ къ Лазарю; хожденіе Богородицы по мукамъ; хожденіе апостола Павла по мукамъ; вопросы Іоанна Богослова о живыхъ и мертвыхъ; бесѣда трехъ святителей (Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста) и вопросы, отъ сколькихъ частей Адамъ созданъ; апокалипсисъ о нелѣлѣ и о свѣтлой недѣлѣ; сказаніе о 12-ти пятницахъ.

Всѣ апокрифическія сочиненія имѣютъ одинъ общій характеръ: священныя истины и событія въ нихъ смѣшаны съ

заблужденіями и вымыслами фантазіи. Мѣста писанія понимаются иногда въ превратномъ смыслѣ, къ истиннымъ событіямъ священной исторіи примѣшиваются самыя невѣроятныя вымышленныя подробности. Поэтому церковь и духовенство, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, запрещали читать апокрифическія писанія. Это запрещеніе (кромѣ другихъ сочиненій) выражалось въ спискѣ книгъ каноническихъ и апокрифическихъ. У насъ этотъ списокъ явился въ XIV в. и до конца XVII в. постоянно переписывался въ рукописяхъ, и, наконецъ, былъ напечатанъ въ извѣстной *Кормчей книгѣ*. Но, несмотря на запрещеніе, апокрифическія писанія были весьма распространены въ древнія времена. Древнерусская жизнь и древнерусское образованіе имѣли основу религіозную; на такой же основѣ возникли и развились и апокрифическія сказанія. Слѣдовательно они, какъ нельзя болѣе, приходились по вкусу древнимъ русскимъ читателямъ. А тѣхъ ошибокъ и невѣроятностей, того страннаго смѣшенія вымысла съ истиной, какія насъ поражаютъ въ апокрифахъ, древніе читатели, при своемъ слабомъ образованіи, не могли вполнѣ и сознавать; даже самые образованные изъ нихъ едва ли обладали такимъ знаніемъ св. писанія и исторіи, чтобъ критически могли относиться къ апокрифическимъ сочиненіямъ. А между тѣмъ въ этихъ сочиненіяхъ была привлекательная сторона: они удовлетворяли самому смѣлому любопытству, самой требовательной любознательности: они сообщали свѣдѣнія, какихъ не могла дать ни одна книга. То, что составляетъ непроницаемую тайну для исторіи, апокрифъ знаетъ самымъ обстоятельнымъ образомъ: онъ указываетъ день и даже часъ, когда произошло паденіе Адама и Евы, разсказываетъ подробности о первой ихъ жизни по изгнаніи изъ рая и, наконецъ, еще большія подробности о смерти Адама: онъ знаетъ, что чувствовали и говорили, находясь въ аду, Адамъ и другіе патріархи и пророки предъ пришествіемъ къ нимъ Спасителя; онъ рисуетъ подробныя картины кончины міра, страшнаго суда и будущей жизни, разсказывая о томъ, въ какомъ возрастѣ и видѣ возстанутъ на судъ умершие, узнаютъ ли на томъ свѣтѣ другъ друга и будутъ ли имѣть общеніе между собою родственники, чѣмъ насыщаются праведные въ раю. Другіе апокрифы нравились своею сказочною или загадочною формою, какъ напр. *Сказаніе о Соломонѣ* и *Бесѣда трехъ святителей*. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ апокри-

фахъ встрѣчаются глубоко-трогательныя и въ высшей степени поэтическія картины. таковы напр. въ *Хожденіи Богородицы по мукамъ* изображенія. какъ Богоматерь, осмотрѣвъ всѣ муки ада, призываетъ всѣхъ святыхъ, пророковъ, апостоловъ и всѣ небесныя силы молиться за грѣшниковъ, и какъ всѣ падаютъ ницъ предъ престоломъ Божіимъ и молятся; таковы же изображенія въ *Видѣніи апостола Павла*, какъ вся природа жалуется Богу на беззаконія людей, а Богъ проситъ ее потерпѣть, пока люди покаются; какъ ангелы Божіи, приставленные къ людямъ, по окончаніи каждаго дня и каждой ночи, приходятъ къ Богу и приносятъ дѣла добрыя и злыя. Не даромъ христіанскіе художники въ средніе вѣка такъ часто обращались къ апокрифическимъ сочиненіямъ за сюжетами для своихъ картинъ; въ нихъ дѣйствительно много истинно художественныхъ элементовъ. Съ этой стороны апокрифы замѣняли для древне-русскаго человѣка произведенія искусства поэтическаго, котораго въ древней словесности не было. Удовлетворяя чувству религіозному, они въ то же время удовлетворяли и чувству поэтическому, и тѣмъ лучше, что удовлетворяли изъ одного и того же религіознаго источника, который признавали единственно законнымъ въ силу изначала установившагося склада русской жизни. Послѣ этого понятно, почему, несмотря на запрещеніе и преслѣдованіе, апокрифическія сказанія были весьма распространены въ древнія времена. Постоянно читаемыя, они имѣли большое вліяніе на складъ религіозныхъ понятій и представленій нашихъ предковъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ произведенія религіозной народной поэзіи — такъ называемые *духовные стихи и легенды*.

Порфирьевъ.

Голубиная книга.

Въ этой книгѣ подъ ея позднѣйшимъ христіанскимъ значеніемъ таится основа миѳическая. Правда, съ одной стороны образцомъ ея могли послужить разныя книги, о которыхъ говорится въ апокрифѣ „Вопросы Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѳаворской“: „видѣхъ книги лежащи, яко мнѣ равны съ горы, толщина ихъ, долгота же ихъ умъ человѣчь не можетъ разумѣти“; въ другомъ апокрифѣ: „Эпистоліи о недѣлѣ“ [illegible]-

минается о спадении свитка книжнаго съ неба — въ Іерусалимѣ, а по нѣкоторымъ западно-европейскимъ преданіямъ — въ Римѣ. Въ иныхъ варіантахъ съ неба спадаетъ камень, по распаденіи котораго въ немъ обрѣтается свитокъ. Но вѣдь ясно, что и въ такихъ христіанизованныхъ преданіяхъ таится что-то древнее, дохристіанское. Съ другой же стороны, на такую основу указываетъ и наше названіе выпавшей съ неба книги — голубиною. Если тутъ и можетъ заключаться намекъ на христіанское символическое значенія голубя, то не надобно забывать, что голубь же имѣлъ въ отдаленныя времена значеніе космогоническое. Въ извѣстной колядкѣ два голубя образуютъ міръ. По ассирійско-вавилонскому миѳу голубь высидѣлъ яйцо неба, положенное въ Евфратъ и выброшенное рыбою на берегъ. Въ одномъ изъ преданій, передаваемыхъ Геродотомъ, міръ образовался изъ яйца, положеннаго птицею фениксомъ. Въ финской „Калевалѣ" міръ творится изъ яицъ, положенныхъ на колѣни Вейнемейнену орломъ-птицею... Отсюда становится понятнымъ и миѳическое зерно въ той книгѣ соборной голубинѣ, о которой говорятъ раскольническія преданія. Въ свою очередь и книга вообще, въ смыслѣ рукописанья, письменъ, имѣла значеніе уже въ преданіяхъ поры языческой. (О существованіи до христіанства письменъ у славянъ, хотя и несовершенныхъ — черты и рѣзы — свидѣтельствуетъ писатель X в. черноризецъ Храбръ; доски правдодатныя упоминаются въ Судѣ Любуши. Такъ же точно къ отдаленнѣйшей древности относятся и скандинавскія руны.) Своего рода письмена упоминаются уже въ извѣстной намъ миѳической загадкѣ: разсыпалась грамотка по синему бархату (звѣздное небо). Къ языческой порѣ должна относиться и книга гадательная царя Вольшана, находящаяся въ своего рода связи съ птицею: отъ помазанія перышками Могулъ-птицы она лишается своей силы. Имѣетъ ли собственно эта книга какую-нибудь связь съ голубиною, это, разумѣется, трудно сказать. Но надобно думать, что у насъ существовали миѳическія преданія о принесеніи съ неба книги голубемъ. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что въ окончательномъ видѣ стиха наша книга сдѣлалась символомъ откровенія — *великою книгою евангельскою*. При описаніи необъятности таинственной книги употребляется чисто русскій пріемъ: скромно говорится про нее, что она

И не малая, не великая...

Необъятность книги характеризуется тѣмъ, что самъ пророкъ Исаія читалъ ее трижды и прочелъ изъ нея три листа. А непроницаемая ея глубина такова, что изъ собиравшихся къ ней, не только царей и царевичей, но даже поповъ съ діаконами, никто къ ней не приступится, никто ко Божьей не пришатнется. Только Давиду она сама разгибается.

Все божественное писаніе объявляется.

Тутъ, повидимому, уже намекъ на то, что книга эта — откровеніе, что въ ней, по понятію христіанскому, самъ Богъ открылъ себя людямъ. Но и Давидъ, когда Владимиръ проситъ его по этой книгѣ объявить ему дѣла Божіи про нашe житіе про святорусское (русская земля какъ бы распространяется тутъ на весь міръ, кромѣ народа русскаго какъ бы нѣтъ никого на свѣтѣ), и Давидъ отказывается прочесть книгу:

Умомъ намъ сей книги не совмѣстити
И очамъ намъ книгу не обозрити...
Я по старой своей по памяти
Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ,

т.-е. даже онъ какъ бы отказывается уразумѣть весь сокровенный смыслъ св. писанія и обращается къ преданіямъ. И вотъ по этимъ преданіямъ начинаетъ онъ объяснять происхожденіе различныхъ явленій природы: подобно тому, какъ въ миѳологіи нѣкоторыхъ народовъ вселенная образуется изъ членовъ тѣла какого-нибудь исконнаго существа, такъ и тутъ различныя явленія природы происходятъ отъ различныхъ частей и различныхъ сторонъ дѣятельности одного существа. Это существо — уже Христосъ, Царь небесный, тѣмъ не менѣе подъ этимъ Ему придаваемымъ исполинскимъ образомъ скрывается древній миѳическій образъ, когда-то составлявшій общее достояніе разныхъ народовъ...

Далѣе, въ нашемъ стихѣ о Голубиной книгѣ, изъ различныхъ частей Адамова тѣла образуются различныя сословія: изъ головы — цари, изъ мощей (вѣроятно, туловища) — князья и бояре, изъ колѣнъ — крестьяне православные. Эта черта встрѣчается только въ немногихъ варіантахъ и составляетъ, очевидно, позднѣйшую вставку, занесенную къ намъ, чуждую, изъ книгъ.

подобное старание узаконить, сдѣлать нормальными исконными разделения между людьми совершенно не въ духѣ народной поэзіи русской, главный представитель которой крестьянинъ и притомъ крестьянинъ, умѣвшій даже посчитаться съ Владиміромъ, въ свою очередь отворяющимъ двери для всякаго рода людей. Послѣ того въ стихѣ нашемъ Давидъ начинаетъ опять, по стариннымъ преданіямъ, высчитывать первенствующіе предметы въ свѣтѣ, — и оказывается, что первенство получили они по большей или меньшей ихъ связи съ обстоятельствами или событіями христіанскаго міра. Тутъ опять является и глава Адама, но уже потому, что надъ ней былъ поставленъ крестъ Христовъ. — черта, заимствованная изъ апокрифовъ о древѣ крестномъ. Первенствующій тутъ городъ Іерусалимъ, въ которомъ стоитъ церковь Софіи, а въ ней ризы самого Христа. Іерусалимъ первенствующій тутъ городъ также и по тому обстоятельству, на которое указывалъ и нашъ литературный дѣятель XII в., Даніилъ Паломникъ: въ немъ среди земли. Въ стихѣ упоминается также камень *латырь*, получающій первенство оттого, что на немъ опочивъ держалъ самъ Іисусъ Христосъ и съ него распущалъ во всѣ стороны Голубиную книгу. Такимъ образомъ камень миѳическій получаетъ тутъ значеніе христіанское — подобно западному св. Граалю, въ основѣ котораго также миѳъ. Въ высшей степени поэтически описывается затѣмъ плакунъ-трава, своимъ происхожденіемъ обязанная слезамъ Богородицы, пролитымъ о Спасителѣ: черта, по всей вѣроятности, принадлежащая народу, который съ особенною любовью останавливался на отношеніяхъ Спасителя къ Богородицѣ — очевидно, вслѣдствіе кореннаго семейственнаго чувства русскаго человѣка. Океанъ-море является тутъ матерью морямъ не потому, что всѣ ихъ собой обнимаетъ, а потому, что посреди его церковь Климента, попа (папы) римскаго, изъ которой выходила опять Богородица, омывалась изъ океана и молилась на церковь. Эта церковь Климента находится среди моря; можетъ быть, дальнимъ образомъ намекаетъ на мощи св. Климента, вывезенныя Владиміромъ изъ приморскаго Корсуня. Богородица же, омывающаяся изъ океана очевидно, явилась тутъ взамѣнъ миѳическаго лица, быть можетъ, богини Зари; подъ церковію же можетъ тутъ скрываться Буянъ съ его алатыремъ. Слѣдующія за тѣмъ первенствующія существа — уже прямо существа миѳическія: это — китъ, ко-

рый когда поворотится, то бѣлый нашъ свѣтъ покончится; стратимъ-птица, производящая бурю на морѣ; индрикъ-звѣрь, который куда пройдетъ, тамъ вдругъ ключъ закипитъ. Подобныя же существа встрѣчаются и въ стихѣ о Егоріи храбромъ. Подробности объ нихъ отчасти могли сохраниться въ народной памяти какъ остатокъ родной миѳической старины, отчасти зайти къ намъ въ стихи изъ различныхъ, переведенныхъ съ греческаго, сочиненій о всякаго рода звѣряхъ, въ томъ числѣ и о фантастическихъ; а такія сочиненія были сильно распространены встарину; что касается собственно кита, то онъ имѣется и въ апокрифахъ, гдѣ умножается даже до 33 и куда, очевидно, попалъ изъ народныхъ преданій, сходныя съ коими имѣются опять и не у однихъ индо-европейцевъ: въ бурятской легендѣ, когда поворачивается рыба, дѣлается землетрясеніе. Но и съ этими чисто миѳическими существами соединяются воззрѣнія уже христіанскія. Хотя земля и основана на китахъ, стихъ немедленно прибавляетъ, что тѣмъ не менѣе она основана Св. Духомъ, а содержана словомъ Божіимъ, т.-е. безъ слова Божія киты не тронутся, и бѣлый свѣтъ не покончится. Если стратимъ-птица, встрепенувшись, и можетъ топить товары гостиные, то это дѣлается не иначе, какъ

По Божьему все повелѣнію.

Наконецъ, индрикъ-звѣрь въ нѣкоторыхъ варіантахъ живетъ уже не на святой горѣ (миѳической — м. б. той, на которой жилъ старшій, т.-е. полубогъ, богатырь Святогоръ), а на горѣ Аѳонѣ, знаменитой своимъ монастыремъ, гдѣ становится не только существомъ мирнымъ, но даже молится Богу. Изъ всего этого видно, что, и говоря по старымъ преданіямъ, Давидъ въ нашемъ стихѣ говоритъ подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ воззрѣній. Заставивъ и его отказаться отъ проникновенія въ глубину писанія, народъ черезъ то сознался въ своей собственной неспособности проникнуть умомъ въ эту глубину; но въ то же самое время, старыя свои преданія обновивъ образами изъ христіанскаго міра, онъ тѣмъ самымъ показалъ, что если еще далеко не умъ, то уже воображеніе его подвергалось вліянію христіанскому. Преданіе же о плакунъ-травѣ показываетъ, что христіанствомъ было отчасти затронуто и сердце народа. Сонъ Владиміра и его разгадка заимствованы стихомъ изъ «Бесѣды трехъ святителей»; но стихъ сдѣлалъ изъ

него самостоятельный и болѣе глубокій выводъ. Въ „Бесѣдѣ“ кривда отогнала правду, а лжекривда осталась, т.-е. побѣда явнымъ образомъ тутъ за кривдой. Народъ, повидимому, не могъ примириться съ такимъ мрачнымъ воззрѣніемъ, столь противорѣчащимъ тому, что мы видѣли въ сказкахъ. Признавая уже въ стихѣ, что кривда не только осталась, но даже разошлась по всей землѣ, по всей землѣ святорусской, что отъ кривды сталъ народъ неправильный, народъ нашъ не захотѣлъ видѣть въ этомъ окончательной побѣды надъ правдою; онъ даже утверждаетъ въ своемъ стихѣ, что побѣда, напротивъ того, осталась за правдой, но что она какъ бы сама не захотѣла оставаться на землѣ, пошла на небо. Народъ убѣжденъ въ томъ, что она тамъ, въ странѣ будущаго, что она у самого Христа, царя будущаго вѣка.

О. Миллеръ.

Егорій храбрый.

Между перенесенными къ намъ изъ Греціи житіями мучениковъ особенно привлекало своими апокрифическими подробностями житіе побѣдоносца Георгія ¹). Самое это названіе побѣдо-

¹) Существуетъ два вполнѣ исключающія другъ друга толкованія на Егорія: миѳологическое (Ор. Миллера и Аѳанасьева) и историко-аллегорическое. Первое видитъ въ Егоріѣ древняго бога солнца и въ то же время демиурга. Это солнце, [illegible] въ злато-серебряной одеждѣ, [illegible] временно со всѣми своими родомъ во власть представителя тьмы и холода; освободившись отъ [illegible] вѣтровъ, свѣтлый богъ вступаетъ на опустошенную холодомъ землю и начинаетъ дѣло творенія. Препятствія, встрѣчающіяся ему на пути, все миѳическаго характера: движущіяся горы — крылатыя горы Индры, т.-е. тучи; [illegible] значеніе имѣютъ и лѣса, и волки, и змѣи. Вѣщее слово бога [illegible] порядокъ хаосъ волшебства в земной поверхности; онъ освобождаетъ сестеръ своихъ отъ зимней коры и посылаетъ ихъ въ Іорданъ, [illegible]. Его побѣда надъ мучителемъ есть окончательная побѣда свѣтлаго начала надъ темнымъ.

По другому воззрѣнію Георгій есть настоящій типъ духовныхъ богатырей, распространявшихъ вѣру мирнымъ путемъ. Не миръ творитъ онъ, а [illegible] русскую землю. На Руси [illegible] строитъ церкви и [illegible] храмы, центръ будущихъ городовъ. Онъ типъ [illegible] устроителя земли русской, и по указанію г. Шапова, [illegible] отражаетъ имена Юрія Долгорукова, цивилизатора сѣвера.

Кирпичниковъ.

посна, означавшее собственно то, что твердости въ немъ не могли побѣдить никакія мученія, было, еще, вѣроятно, на Востокѣ буквально понято, явились апокрифическіе разсказы о воинскихъ или, лучше сказать, богатырскихъ побѣдахъ Георгія, въ особенности о знаменитомъ его торжествѣ надъ змѣемъ. И у насъ въ этихъ подвигахъ апокрифическаго Георгія народъ могъ видѣть много знакомаго, много напоминающаго его прежнихъ богатырей или даже боговъ. Благодаря этому сходству, то, что пѣлось про какое-нибудь существо миѳическое, могло, только съ замѣной именъ и нѣкоторыхъ подробностей, быть перенесено на Егорія храбраго, при чемъ простодушная наивность пѣвцовъ позволила себѣ приписать Георгію и такія черты старыхъ миѳическихъ пѣсенъ, которыя даже не представляли сходства съ его характеромъ. Вотъ какимъ образомъ объясняется происхожденіе того вида стиха о Егоріи храбромъ, въ которомъ нѣтъ еще ни слова объ его страданіяхъ, этой существеннѣйшей чертѣ историческаго Георгія, и говорится только объ немъ, какъ о побѣдителѣ различныхъ чудовищъ и устроителѣ порядка на землѣ. Все это, безъ сомнѣнія, пѣлось про миѳическое существо, заставшее на Руси совершенный хаосъ физическій — безконечное множество сросшихся вмѣстѣ и не дающихъ проѣзда лѣсовъ, такое же множество столпившихся горъ, множество рѣкъ и морей, въ безпорядкѣ текущихъ и опять не дающихъ проѣзда, множество всякихъ звѣрей, столпившихся вмѣстѣ, наконецъ, цѣлое стадо змѣиное, которое объявляетъ прямо, что земля руская *словомъ заказана, заповѣдана, что пѣшимъ по ней не прохаживати, на конѣ никто не проѣзживати*. Заставъ землю рускую въ такомъ положеніи, божество приводило ее въ порядокъ тѣмъ, что приказывало разойтись и разсыпаться по всему лицу земли руской лѣсамъ, разступиться и пораздѣльно разстановиться горамъ, во всѣ стороны покатить свои волны морямъ и рѣкамъ, расплодиться повсюду звѣриному стаду, наконецъ, оно изводило все великое множество змѣи. Собственно только послѣдняя черта представляла сходство со сказаніями о Георгіи; но ему же, побѣдоносцу, были приписаны и всѣ остальныя побѣды надъ лѣсами, горами, водами и стадами звѣрей. Только, сообразно съ христіанскимъ взглядомъ, совершая все это, онъ является самъ не богомъ, какъ орудіемъ другой, высшей силы:

По божьему все велѣнью,
По Георгіеву все моленію —
Святую вѣру утверждаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи.

Но если мы припомнимъ, какое значеніе имѣли въ древнѣйшихъ преданіяхъ миѳическихъ *горы*, лѣса, рѣки, стада звѣриныя, то не трудно будетъ во всѣхъ этихъ встрѣчахъ Егорія усмотрѣть тѣ, только различнымъ образомъ выражаемыя, темныя тучи, съ которыми въ постоянной борьбѣ и сказочные и былевые богатыри. Такимъ образомъ первоначальная мѣстность стиха о Егоріи оказывается мѣстностію небесною, онъ же самъ свѣтлымъ небеснымъ богомъ. И въ самомъ дѣлѣ, горы, съ которыми сталкивается Егорій, по нѣкоторымъ варіантамъ, оказываются толкучими; а также и тѣ горы сказокъ, изъ-за которыхъ добывается живая вода. Въ индійскихъ же миѳахъ встрѣчаются крылатыя горы, у которыхъ ради того, что онѣ заваливали цѣлые города, поотрѣзывалъ крылья богъ Индра — прямо соотвѣтствующій нашему Егорію, полагающему конецъ столь вредному скопленію горъ. Что касается столпленія лѣсовъ, то и тутъ надобно видѣть лѣса первоначально небесные, т. е. тѣ же тучи, которымъ свѣтлое божество приказываетъ быть земными; этимъ указывается на миѳъ о происхожденіи лѣсовъ отъ облаковъ, соотвѣтствующій миѳу о происхожденіи земныхъ рѣкъ отъ небесныхъ рѣкъ (у индійцевъ Гангъ упалъ съ неба), въ свою очередь выражающемуся въ нашемъ стихѣ о Егоріи. Въ сущности и встрѣча Егорія со змѣями, которыхъ онъ истребляетъ и въ крови которыхъ, по нѣкоторымъ варіантамъ, едва не тонетъ, есть только новый образъ для той же миѳической встрѣчи. Это ясно изъ болгарской пѣсни, въ которой три рѣки черной крови протекаютъ вслѣдствіе того, что Егорій сбиваетъ у огромной змѣи три ея головы; — но то не были три рѣки черной крови: первая рѣка была пшеница пахарямъ, другая — рѣка прѣснаго молока пастухамъ, третья — рѣка янтарнаго вина винодѣламъ[*].

Новый свѣтъ на стихъ о Егоріи бросаетъ сличеніе съ другими юго-славянскими сказаніями, въ которыхъ даже историческій врагъ Егорія, Діоклетіанъ, рисуется въ чудовищномъ образѣ діавола, похитителя солнца. Послѣ этого и плѣнъ Егорія Діоклетіаномъ въ подвалахъ глубокихъ долженъ оказываться

миөическимъ плѣномъ яснаго солнышка. Стало-быть и историческая сторона христіанскаго сказанія о Георгіи — его страданія — примкнула къ древнимъ миөическимъ сказаніямъ о страданіи свѣтлаго божества въ зимнемъ его плѣну у земного змѣя — тучи. Въ основѣ и тутъ, стало-быть, лежитъ миөъ, опять-таки сродный миөическимъ встрѣчамъ Егорія, такъ что, собственно говоря, мы имѣемъ въ стихѣ только нанизанные на одну нить, въ смыслѣ послѣдовательныхъ звеньевъ, различные миөы одного и того же — одной основной борьбы солнечнаго божества съ тучею. На миөическое значеніе указываетъ и тотъ чудовищный образъ, какой приписывается въ стихахъ сестрамъ Егорія, и который рѣшительно соотвѣтствуетъ сказочнымъ превращеніямъ.

Такимъ образомъ сказаніе, легшее въ основу нашего стиха, должно было пережить нѣсколько послѣдовательныхъ ступеней развитія. Сперва должны были существовать отдѣльные миөы о встрѣчѣ свѣтлаго божества — то съ горами, то съ лѣсами, то со змѣемъ, то со стадомъ звѣрей. Далѣе всѣ эти миөы были поставлены рядомъ, какъ послѣдовательные моменты, но дѣйствіе все еще происходило на небѣ. Уже позже оно должно было перенестись на землю; учредитель порядка въ небесномъ пространствѣ сталъ являться учредителемъ его на землѣ, размѣстителемъ въ ней горъ, лѣсовъ, рѣкъ, звѣрей, миөически производимыхъ, какъ мы видѣли, отъ небесныхъ предметовъ и животныхъ того же рода. Еще позже съ устроеніемъ физическаго наряда (порядка) въ русской землѣ стало соединяться и распространеніе въ ней христіанской вѣры. Какъ приписанное христіанскому чудотворцу Георгію торжество надъ чудовищнымъ змѣемъ роднило его съ миөическими змѣеборцами, такъ и въ самомъ торжествѣ Георгія надъ различными муками народу слышалось что-то близкое къ весеннему побѣдоносному выходу свѣтлаго бога изъ его зимняго продолжительнаго страдальчества. Вслѣдствіе этого легко и удобно, поверхъ основного миөическаго содержанія, легло новое христіанское, и все отъ начала до конца проникнулось послѣднимъ. Если страданія Георгія Побѣдоносца — великомученика были помѣщены народомъ не въ концѣ, а въ началѣ, то и въ этомъ можетъ заключаться особый христіанскій смыслъ. Это показываетъ, можетъ-быть, ознакомленіе народа съ историческими сказаніями о первыхъ мученическихъ

ыхъ Церкви; изъ чтенія ихъ народъ, можетъ-быть, сдѣлалъ выводъ, что христіанство росло и крѣпло среди мученій, что именно кровію своихъ исповѣдниковъ покупало оно побѣду. И у насъ на Руси были свои мученики — варяги отецъ и сынъ, принесенные въ жертву богамъ въ началѣ княженія Владиміра, но народъ позабылъ о нихъ, какъ позабылъ и о равноапостольномъ значеніи князя, величаемаго имъ только ласковымъ княземъ Владиміромъ, Солнышкомъ яснымъ; но не пересталъ онъ пѣть о своемъ обращеніи въ христіанство, не позабылъ, что у насъ, какъ вездѣ, оно было ознаменовано кровью; только свое обращеніе онъ отнесъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ и виновникомъ его сдѣлалъ знаменитаго мученика христіанской Церкви, который такимъ образомъ совмѣстилъ въ себѣ и Владиміра Равноапостольнаго и двухъ мучениковъ-варяговъ. Народъ совершенно усвоилъ себѣ Георгія или Егорія, какъ онъ передѣлалъ его имя.

О. Миллеръ.

Егорій Храбрый.

Стихъ о Георгіи Храбромъ имѣетъ космогоническій характеръ, но въ немъ говорится уже не о началѣ всего міра, какъ въ Голубиной книгѣ, а только о началѣ устроенія и просвѣщенія русской земли, которое приписывается св. Георгію. Въ стихѣ о Георгіи можно различать двѣ части. Въ первой части описываются происхожденіе и мученія Георгія. Сказаніе о происхожденіи Георгія представляетъ странное, противорѣчащее исторіи смѣшеніе времени, мѣстъ и лицъ. Св. Георгій жилъ при Діоклетіанѣ и отъ него принялъ мученическую кончину. имя Діоклетіана сохранилось, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ спискахъ; въ другихъ же его замѣнили царище Демьянище, Декміанище, Даріанище и др. Подъ этими именами, очевидно, изображается языческій царь или вообще язычество, гнавшее христіанство. Родился Георгій, по сказанію стиха, въ Іерусалимѣ, который оказывается въ Россіи; отецъ и мать Георгія не названы въ житіи, но фантазія народная матерью его сдѣлала Софью Премудрую, которая и родила три дочери, разумѣя подъ ними, вѣроятно, знаменитую мученицу Софію

и трехъ ея дочерей — Вѣру, Надежду и Любовь. Но всего страннѣе въ этомъ разсказѣ изображеніе самого Георгія:

По колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорья вся жемчужная,
По всемъ Егоріи часты звѣзды.

Такими же точно словами въ народныхъ сказкахъ описываются разные богатыри и герои, и потому очень можетъ быть, что народъ смѣшалъ Георгія съ какимъ-нибудь древнимъ богатыремъ или божествомъ (можетъ-быть съ самимъ Дажь-богомъ), мѣсто котораго онъ и замѣнилъ въ его представленіи, подобно тому какъ св. Власій замѣнилъ собою Волоса, св. Илья пророкъ — Перуна, св. Іоаннъ Предтеча Купалу; во второй части стиха онъ, дѣйствительно, изображается въ видѣ богатыря, разъѣзжающаго по русской землѣ. За разсказомъ о происхожденіи слѣдуетъ изображеніе мученій Георгія. Кромѣ житія, принятаго Церковью, въ которомъ изображаются мученія Георгія, ходили еще апокрифическія сказанія о Георгіи; въ статьѣ о книгахъ отреченныхъ, между другими апокрифами, упомянуто „Георгіево мученіе“. Подъ вліяніемъ такихъ сказаній, вѣроятно, и составилось въ стихахъ изображеніе мученій Георгія. „На городъ Іерусалимъ напустилъ Господь царище Діоклетіанище, безбожнаго пса басурманища“. Онъ умертвилъ благовѣрнаго царя Θеодора, взялъ въ плѣнъ Георгія и трехъ его братьевъ и трехъ сестеръ, увезъ въ свою землю невѣрную и здѣсь началъ ихъ мучить. Братья и сестры Георгія, убоявшись мученій, отказались отъ вѣры христіанской; но Георгій остался непоколебимъ. Царь приказалъ мучить его „муками разноличными“. Сначала онъ приказалъ его „во пилы пилить“.

По Божьему повелѣнію,
По Егоріеву моленію,
Не берутъ пилы жидовскія,
У нихъ зубья позагнулися,
Мучители всѣ утомилися.
Ничего Егорью не вредилося;
Егорьево тѣло исцѣлилося:
Возставалъ Егорій на рѣзвы ноги;

Поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ всѣ гласы архангельскіе.

Потомъ царь приказываетъ Егорья „въ топоры рубить“, „въ сапоги ковать гвозди желѣзные“, „въ котелъ садить и въ смолѣ варить“; „но ничего Егорью не вредилося“. Наконецъ, царь велѣлъ посадить его въ глубокій погребъ. Здѣсь Георгій сидѣлъ 30 лѣтъ. Когда исполнилось 30 лѣтъ, явилась Георгію пресвятая Богородица и сказала:

Ты за это ли терпѣніе
Ты наслѣдуешь себѣ царство небесное.

И поднялись вѣтры буйные, разнесли пески рудожелтые, разметали доски желѣзныя, — и Егорій вышелъ на святую Русь и пришелъ въ городъ Іерусалимъ. Здѣсь, въ соборной церкви, онъ нашелъ свою матерь. Разсказавъ матери, что съ нимъ случилось, онъ сталъ просить у нея благословенія — отправиться въ путешествіе по землѣ русской. Мать снаряжаетъ въ путь Георгія, какъ настоящаго богатыря:

Ты поди далече во чисты поля,
Ты возьми коня богатырскаго,
Со двѣнадесять цѣпей желѣзныихъ,
И со сбруей богатырскою,
Со вострымъ копьемъ со булатныимъ
И со книгою, со евангеліемъ.

Далѣе слѣдуетъ самое путешествіе Георгія по землѣ русской, которое можно назвать второю частію стиха. Земля русская представлялась Георгію совершенно дѣвственною и дикою, ненаселенною и невоздѣланною: повсюду „лѣса дремучіе“, „горы толкучія, „рѣки текучія“, „звѣри рыкучіе“ и „змѣи огненные“: нельзя ни пройти ни проѣхать.

Святой Егорій глаголуетъ:
„Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
Встаньте и расшатитеся,
Расшатитеся, раскачнитеся,
Порублю изъ васъ церкви соборныя,
Соборныя да богомольныя;

Въ васъ будетъ служба Господня.
Зараститеся вы лѣса
По всей землѣ свѣтло-русской.
По крутымъ горамъ, по высокіимъ.
По Божьему все велѣнію,
По Егоріеву все моленію,
Разрослись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
Растутъ лѣса, гдѣ имъ Господь повелѣлъ.

Проѣзжая далѣе, Георгій встрѣтилъ „рѣки быстрыя текучія“ и велѣлъ имъ размѣститься по всей землѣ русской. Послѣ рѣкъ онъ наѣхалъ на „горы толкучія“ и сказалъ имъ:

Станьте вы, горы, по-старому:
Поставлю на васъ церковь соборную,
Въ васъ будетъ служба Господня“.

Затѣмъ ему встрѣтилось стадо звѣриное.

Наѣзжалъ Егорій на стадо звѣриное,
На сѣрыхъ волковъ на рыскучіихъ.
И пасутъ стадо три пастыря,
Три пастыря да три дѣвицы,
Егорьевы родныя сестрицы.
На нихъ тѣло, яко еловая кора,
Власъ на нихъ, какъ ковыль трава:
Ни пройти ни проѣхати.
Егорій святой проглаголывалъ:
„Вы, волки, волки рыскучіе!
Разойдитеся, разбредитеся,
По два, по три, по единому,
По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ,
А ходите вы повременно,
Пейте вы, ѣшьте повелѣнное,
Отъ свята Егорья благословенное!“

Еще встрѣтились Георгію змѣи огненные, которымъ онъ повелѣлъ разсыпаться по сырой землѣ. Наконецъ онъ пріѣхалъ до города Кіева. На херсонскихъ вратахъ Кіева сидитъ птица черногаръ и въ когтяхъ держитъ осетра-рыбу. Георгій велѣлъ ей летѣть на океанъ-море. Внутри города онъ нашелъ

палаты бѣлокаменны, гдѣ жилъ царище Діоклетіанище. Описаніе встрѣчи съ нимъ Георгія очень напоминаетъ встрѣчу Ильи Муромца съ Соловьемъ-Разбойникомъ въ былинахъ. Увидѣвъ Георгія, царище, подобно Соловью, кричитъ по-звѣриному, визжитъ по-змѣиному, такъ что конь Георгія упалъ на сыру-землю. Егорій убилъ царище, разрушилъ его жилище, утвердилъ въ Кіевѣ вѣру самому Христу, Царю небесному. Потомъ взялъ своихъ сестеръ, привелъ ихъ къ Іорданьрѣкѣ и велѣлъ имъ умыться и окреститься: „камышъ-трава съ нихъ свалилася и еловая кора опустилася". Онъ возвратилъ ихъ своей матери.

Такимъ образомъ, изъ мученика за вѣру, какимъ Георгій изображается въ первой части стиха, онъ превращается во второй части въ учредителя порядка, устроителя и просвѣтителя русской земли. Черты, въ какихъ онъ изображается, очевидно, сняты съ какого нибудь древняго богатыря, хотя его дѣятельность не имѣетъ вполнѣ богатырскаго характера. Онъ ѣздитъ на богатырскомъ конѣ, съ вострымъ копьемъ богатырскимъ, но ни разу не употребляетъ его въ дѣло. Только уже въ Кіевѣ, лицомъ къ лицу встрѣтившись съ Діоклетіанищемъ, своимъ врагомъ и врагомъ христіанства, онъ пустилъ въ него калену стрѣлу и разрушилъ палицей его палаты, но все путешествіе онъ совершаетъ необыкновенно мирнымъ образомъ. Землю русскую онъ устрояетъ тѣмъ, что распространяетъ вѣру христіанскую, строитъ церкви соборныя и богомольныя, ѣздитъ повсюду съ книгою-евангеліемъ. Такимъ именно въ высшей степени мирнымъ способомъ, путемъ распространенія христіанской вѣры, дѣйствительно, и происходило устроеніе и просвѣщеніе земли русской. Въ Георгіи, можно думать, народъ представилъ типъ тѣхъ духовныхъ богатырей, героевъ вѣры и просвѣщенія, которые въ древнія времена повсюду являлись въ одеждѣ инока и мірянина, въ санѣ князя и епископа, просвѣщали дикія племена Руси, распространяя между ними вѣру, строя города, церкви, монастыри и пустыни.

Порфирьевъ.

Св. Георгій въ представленіи славянскихъ народовъ.

Образъ св. Георгія, издревле пользовавшагося у славянъ предпочтительнымъ уваженіемъ, очевидно, соединилъ въ себѣ всѣ черты, которыми народная фантазія во времена язычества надѣляла бога солнца; его чествуютъ, какъ „бога съ небесъ“, какъ коня, какъ бога свѣта, или Бѣлбога, какъ поборника злой силы, какъ бога весенняго плодородія и покровителя нивъ и стадъ.

а) Св. Георгій — „богъ съ небесъ“.

Въ лужицко-сербской пѣснѣ къ нему обращаются какъ къ солнцу — „богу на землѣ“:

Милый боже съ небесъ,
Милый святой Юрій!

Въ одномъ изъ великорусскихъ заговоровъ св. Георгій рисуется въ блескѣ сіяющаго золотомъ солнечнаго бога. „Сходитъ Егорій съ небесъ по золотой лѣстницѣ“, сноситъ 300 стрѣлъ златоперыхъ, 300 луковъ и 300 тетивъ златополосныхъ.

б) Св. Георгій — конь (хорсъ).

Почитаніе бога-солнца въ видѣ „солнцева коня“, перенесенное на св. Георгія, удержалось до нашихъ дней въ Бѣлоруссіи. Дѣвушки въ день этого святого (23 апрѣля) пляшутъ около коня, котораго величаютъ золотымъ, т.-е. сіяющимъ, блестящимъ, какъ золото.

Блестящій, сіяющій конь, воспѣваемый въ праздникъ рожденія солнца, во время котораго былъ обычай возить „воложка на бѣломъ конѣ“, несомнѣнно, находится въ связи съ древнимъ представленіемъ о блестящемъ солнцевомъ конѣ — хорсѣ, сивкѣ-златогривкѣ, превратившемся въ Бѣлоруссіи въ Юрьяконика, а у чеховъ — въ коня Янека.

Прибавлю еще, что въ Онегѣ и Онежскомъ уѣздѣ св. Георгій называется „конскимъ богомъ“, и „Егорьевъ день“ считается конскимъ праздникомъ. Лошадей въ этотъ день приводятъ къ церкви, священники служатъ молебны св. Георгію, кропятъ

лошадей святой водой. Лошади пользуются въ этотъ день самымъ лучшимъ кормомъ и гуляютъ по пoскотинѣ.

в) Св. Георгій — Бѣлбогъ или Дажь-богъ.

Характеристичнымъ признакомъ св. Георгія служитъ, между прочимъ, его бѣлый конь. Бѣлые кони посвящались именно богу-солнцу, какъ у древнихъ азіатскихъ аріевъ, такъ и у грековъ и у древнихъ славянъ.

Въ великорусскомъ заговорѣ на удачную охоту читаемъ: „Егорій храбрый, садись на бѣлаго коня!“ „Егорій храбрый на бѣломъ конѣ булатнымъ копьемъ подпирается“, произносятъ въ другомъ заговорѣ. „Ой ты гой еси, бѣлой рѣзвой конь“, восклицаетъ самъ св. Георгій въ духовномъ стихѣ. Но не только конь его, а и самъ святой, въ качествѣ Бѣлбога, представляется въ заговорахъ весь бѣлый и все одѣяніе, всѣ атрибуты его — также бѣлаго цвѣта: „На синемъ морѣ бѣлый камень, на бѣломъ камнѣ бѣлый человѣкъ въ бѣломъ платьѣ, свѣтъ Георгій храбрый“.

г) Св. Георгій побѣдилъ дракона.

Какъ важнѣйшія языческія божества небесныя въ древности представлялись побѣдителями злыхъ духовъ, являющихся въ образѣ змѣи, или драконовъ, такъ и св. Георгій, обыкновенно называемый храбрымъ, поражаетъ трехглаваго дракона и тѣмъ доставляетъ людямъ всякія благодѣянія. Въ болгарской народной пѣснѣ, которую поютъ въ Юрьевъ день, при собираніи лекарственныхъ травъ, перечисляются блага, возникающія для человѣка изъ крови умерщвленнаго св. Георгіемъ дракона; кровь течетъ тремя ручьями изъ трехъ отсѣченныхъ головъ дракона:

Хлынули три рѣки,
Три рѣки черной крови:
Первая рѣка, на пользу землепашцевъ —
Лучшая пшеница;
Вторая рѣка, на пользу пастуховъ —
Прѣсное молоко;
Третья рѣка, на пользу землекоповъ (виноградарей) —
Румяное вино.

Св. Георгій, въ качествѣ побѣдителя дракона, представителя злой силы, враждебной человѣчеству, такъ же какъ побѣдитель

всевозможныхъ непреодолимыхъ для простого смертнаго препятствій, является въ нѣкоторомъ родѣ Геркулесомъ, хотя съ христіанской окраской. Ему нерѣдко приписывается побѣда надъ нечистою силою, его призываютъ на помощь противъ недуговъ — дѣлъ рукъ діавола. Въ разныхъ мѣстахъ Россіи появляется на свадьбахъ забота о томъ, чтобы хранить молодыхъ и „поѣзжанъ“ отъ порчи и вообще вреднаго дѣйствія злыхъ силъ. Въ Пермской губерніи въ такомъ случаѣ обращаются къ помощи св. Георгія, какъ поборника злыхъ силъ. Пока поѣзжане и женихъ собираются въ путь, вѣжливецъ обходитъ лошадей, передвигаетъ телѣги, потряхиваетъ колокольцами и въ то же время шопотомъ говоритъ:

„Благослови меня, пресвятая Богородица, Егорій храбрый со княземъ, со тысяцкимъ, со большими боярами ко княгинѣ (т.-е. невѣстѣ) ѣхати, княгиню получити, съ княгиней въ Божью церковь доѣхати, законъ Божій приняти“...

Въ числѣ благодѣяній, оказываемыхъ человѣчеству св. Георгіемъ, признается и защита имъ путниковъ отъ воровъ и разбойниковъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій великорусскій заговоръ при отправленіи въ путь:

Ѣдетъ Егорій храбрый на бѣломъ конѣ,
Златымъ вѣнцомъ украшается,
Булатнымъ копьемъ подпирается,
Съ татемъ ночнымъ встрѣчается,
Рѣчью съ нимъ препирается:
„Куда, тать ночной, идешь?“
— Иду я людей убивать,
Купцовъ проѣзжихъ добывать.
А Егорій удалъ
Ему дороги не далъ,
Православныхъ оборонялъ,
Въ пути-дорогѣ сохранялъ.

Именемъ св. Георгія заклинаются змѣи (гадюки); напр. „Заклинаю васъ, гадюки, именемъ Господа нашего І. Христа и св. великомученика побѣдоносца Георгія“...

Въ качествѣ поборника всего злого, онъ побѣждаетъ и недуги, уроки и пр., удручающіе человѣка, такъ напр. въ великорусскомъ заговорѣ произносятъ:

„Сходитъ Егорій съ небесъ, и стрѣляетъ и отстрѣливаетъ у раба Божія (имя рекъ) уроки, прикосы", и т. д.

д) Св. Георгій — богъ весны („ключникъ") и плодородія, изобилія и богатства.

Побѣда надъ дракономъ соотвѣтствуетъ въ народномъ сознаніи побѣдѣ солнца надъ зимнею стужею и мракомъ, тѣмъ болѣе, что празднованіе дня св. Георгія совпадаетъ съ возвращеніемъ весны. Юрьевъ день принадлежитъ къ важнѣйшимъ весеннимъ праздникамъ православныхъ и приходится въ апрѣлѣ 23-го числа... По народному вѣрованію, онъ отмыкаетъ скованную зимнимъ холодомъ землю и, какъ весеннее солнце, вызываетъ въ ней новую жизнь.

„На Егорія весна въ разгарѣ" (русская поговорка). „Нѣтъ лѣта безъ Юрьева дня", говорятъ сербы. Въ Юрьевъ день во многихъ мѣстахъ, заселенныхъ славянами, устраиваются обрядныя процессіи, шествія вокругъ полей, заказываются луга (у словаковъ), начинаются весеннія игры, въ разныхъ мѣстахъ Россіи поются молебны на поляхъ и устраиваются крестные ходы вокругъ селъ и полей. Болгары обходятъ каждый свою ниву, держа короваи въ одной рукѣ и баклагу съ виномъ въ другой; потомъ всѣ сходятся на холмѣ, возвышающемся среди зеленой жатвы, ѣдятъ короваи, пьютъ вино, молясь поочередно, чтобы св. Георгій развеселилъ ихъ нивы и даровалъ имъ большие колосья, полные крупнаго зерна.

Бѣлоруссы — обходя въ Юрьевъ день поля, при чемъ несутъ пирогъ, водку и другіе припасы — взываютъ къ св. Георгію:

Юрій, вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпущай росу
На теплое лѣто,
На буйное жито,
На ядренистое,
На колосистое,
Людзямъ на здоровье...

е) Св. Георгій — „волчій пастырь", покровитель и защитникъ стадъ отъ хищныхъ звѣрей и недуговъ. Онъ у славянъ представляется волчьимъ пастыремъ, вообще повелителемъ надъ звѣрями.

Въ болгарскомъ заклинаніи (баяніи) св. Георгій, сидя на горѣ, собираетъ вокругъ себя хищныхъ звѣрей и сковываетъ ихъ тремя стами замками:

Вышелъ св. Георгій на высокую гору и заигралъ въ мѣдную трубу, и собралъ волка съ волчатами, медвѣдицу съ медвѣжатами, лисицу съ лисятами, зайца съ зайчатами, и всякую живую дичину, и отошелъ къ тремъ стамъ кузнецамъ и сковалъ триста замковъ и замкнулъ всякую дичину: уста, чтобы не ѣла, носъ, чтобы не дышала, очи, чтобы не глядѣла, уши, чтобы не слышала, ноги, чтобы не ходила.

По словамъ великорусскихъ и малорусскихъ заговоровъ, св. Юрій ходитъ или ѣздитъ на своемъ бѣломъ конѣ (по желѣзному мосту, вел.-рус.), въ сопровожденіи трехъ псовъ: сѣраго или червоннаго, бѣлаго и чернаго. Разъѣзжая по лѣсамъ, онъ раздаетъ звѣрямъ наказы. По словамъ духовнаго стиха, онъ наѣзжаетъ „на стадо звѣриное — на волковъ рыскучіихъ“ и повелѣваетъ имъ:

> Вы волки, волки рыскучіе!
> Разойдитеся, разбредитеся
> По глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ,
> А ходите вы повременно,
> Пейте, ѣшьте повелѣнное,
> Отъ свята Егорія благословенное.

Звѣри по словамъ стиха:

> ... пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
> Повелѣнное, благословенное
> Отъ Георгія храбраго.

Для полученія себѣ пищи, говоритъ Ефименко, волки, по малорусскому повѣрью, вымаливаютъ ее восемь въ теченіе двѣнадцати дней, стоя на дыбахъ передъ св. Георгіемъ, потому когда бываетъ слышенъ вой волковъ, то народъ въ Великороссіи, Малороссіи и Бѣлоруссіи говоритъ, что они просятъ у Бога пищи. Животное, назначенное волкамъ въ добычу, не можетъ нигдѣ укрыться отъ нихъ: при приближеніи волка къ стаду овецъ, роковая овца не только не уходитъ отъ него, но, напротивъ, сама, съ глазами, налившимися кровью, бѣжитъ къ нему. Животнаго, задушеннаго волками какъ назначеннаго самимъ Богомъ, народъ не употребляетъ въ пищу, развѣ

только въ такомъ случаѣ, когда священникъ освятитъ его. Въ Великоруссіи совсѣмъ не употребляютъ такихъ животныхъ.

Понятно, что при непосредственной власти св. Георгія надъ волками, главнымъ бичомъ стадъ и скотоводовъ, народъ старается всѣми силами задобрить и умилостивить этого святого, который у южныхъ и восточныхъ славянъ почитается покровителемъ скота.

Южные славяне (болгары, сербы) въ Юрьевъ день закалываютъ въ честь празднуемаго святого перваго въ году барашка (у болгаръ обязательно бѣлаго), съ соблюденіемъ своеобразныхъ пріемовъ и обрядовъ, несомнѣнно сохранившихся отъ временъ язычества. Обрядное зарѣзываніе живого животнаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и въ Карпатахъ замѣнилось символическимъ жертвоприношеніемъ покровителю стадъ, а именно: главный пастухъ закалываетъ пирогъ, сдѣланный въ видѣ овна. Въ этотъ день почти повсемѣстно въ первый разъ выгоняется въ поле скотъ.

Фаминцынъ.

Юрьевъ день.

Этотъ день чрезвычайно важенъ въ жизни крестьянина, безусловно во всей Великороссіи: это первый день выгона скота въ поле. Г. Барсовъ, близко знакомый именно съ тою областью русской, которая болѣе другихъ удержала остатковъ старины, говоритъ, что при этомъ первомъ выгонѣ пастухъ по одну сторону отъ скотины кладетъ ключъ, по другую замокъ и по спинѣ скотины водитъ какимъ-то желѣзнымъ орудіемъ. Онъ обходитъ скотъ съ иконой въ рукахъ, при чемъ имѣетъ при себѣ такъ называемый „божественный обходъ"; напр.: „Пошли, всемогущій Боже, св. великомученика Георгія побѣдоносца съ пламеннымъ копіемъ на сохраненіе счетнаго моего скота"; далѣе слѣдуетъ перечисленіе опасностей; онѣ суть: звѣри, сглазъ, колдуны и пр.

У пинежанъ (Арх. губ.) относительно этого дня существуютъ такія повѣрья: „на Егорія заря съ зарей сходятся"; „если Митрій на конѣ, то Егорій въ лодкѣ"; если на ночь на Егорьевъ день — заморозокъ, то будетъ еще 10 утреннихъ морозовъ; чтобы скотъ не пострадалъ отъ медвѣдя, нужно

сходить ночью на Егорьевъ день на пашню и прокричать, какъ можно сильнѣе.

Въ Олонецкой и Новгородской губерніяхъ на Егорьевъ день дѣлаютъ завѣтъ: „Егорій-свѣтъ храбрый! дай росу тихую да смирную и сохрани мою скотину нынѣшнимъ лѣтомъ, а я завѣчаю тебѣ въ день Ильи свѣта-преподобнаго барана или лошадь“. Въ этотъ же день дѣтей заставляютъ купаться въ лужахъ и котловинахъ.

Въ Лужскомъ уѣздѣ въ Егорьевъ день послѣ обѣда хозяинъ три раза обходитъ свой скотъ, держа въ рукахъ образъ, яйцо и топоръ; яйцо зарываетъ въ землю, а топоръ — подъ порогъ, и гонитъ скотину освященною вербою. На пастбищѣ пастухъ съ образомъ обходитъ три раза стадо, потомъ перекидываетъ съ одной стороны яйцо, съ другой — топоръ; яйцо и топоръ зарываются въ полѣ, а вербы кидаются въ воду, если есть порохъ, стрѣляютъ на воздухъ. Въ этотъ же день пекутъ особый коровай подъ названіемъ моленикъ, который жертвуютъ пастуху, а онъ кромѣ этого освященнаго хлѣба отдаетъ скоту.

Въ Ярославской губерніи въ ходу повѣрье, что Юрьева роса помогаетъ отъ сглаза и отъ семи недуговъ.

Въ Смоленской губерніи до 23-го апрѣля не станутъ городить изгородей въ поляхъ; въ этотъ день скотъ прежде всего пускаютъ въ поля, засѣянныя озимью. Скотъ въ полѣ обходятъ съ тремя яйцами. Пастухи закликаютъ волка, напримѣръ, въ такихъ выраженіяхъ: „Глухой, глухой, ци слышишь? — Не слышу. — Когда бы далъ Богъ, чтобы волкъ не слыхалъ нашего скота. — Хромой, хромой, ци дойдешь? — Не дойду. — Когда бы Богъ далъ, не дошелъ волкъ до нашего скота. — Слѣпой, слѣпой, ци видишь? — Не вижу. — Дай Богъ, чтобы волкъ не видѣлъ нашего скота“. Въ этотъ же день сѣютъ разсаду.

Въ Тульской губерніи въ этотъ день служатъ молебны на колодцахъ, окропляютъ скотъ св. водой и выгоняютъ его освященною вербою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день отправляется Красная горка. Въ Чухломскомъ и Костромскомъ уѣздахъ въ этотъ день окликаютъ Егорья, напримѣръ, такою пѣснею:

Мы вокругъ поля ходили, —
Егорья окликали,

Макарія величали:
Егорій ты нашъ храбрый,
Макарій преподобный,
Ты паси нашу скотину, и пр.

Этотъ день играетъ солнце.

Въ Муромскомъ уѣздѣ въ Юрьевъ день молятъ объ урожаѣ.

Въ Черниговской губерніи, освятивъ воду, идутъ съ церковною процессіей въ поле, ставятъ столъ, покрываютъ его бѣлымъ покровомъ, кладутъ на него хлѣбъ, соль и ставятъ храмовую икону св. Георгія. Послѣ обѣда снова съ закусками выходятъ въ поле.

Особенно много обрядовъ и пѣсенъ связано съ Юрьевымъ днемъ въ Бѣлоруссіи и Западномъ краѣ.

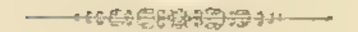
Пословицы, загадки и народныя примѣты указываютъ на связь Егорія съ пастушествомъ и земледѣліемъ: „На Юрья роса — скоту легкій годъ"; „на Юрья крупа — урожай на гречу"; „на Юрья дождь — гречи неродъ"; „до св. Юрья корми есть и у дурня"; „на Егорья роса — будутъ добрыя проса"; „какъ Егорьевъ день въ походѣ, пускай коня на волѣ"; „какъ Егорьевъ день въ молоду, держи коня въ поводу"; „на Егорья морозъ, такъ будетъ и подъ кустомъ овесъ"... Въ однихъ мѣстахъ Егорій является съ водой, въ другихъ съ тепломъ, кормомъ.

Въ загадкахъ птичка, прилетающая на Юрьевъ день, — соха; Егорій съ копьемъ — стогъ сѣна.

Въ заговорахъ Егорій вмѣстѣ съ царицей (т.-е. Богородицей), Миколой и Господомъ ограждаютъ скотъ тыномъ, вмѣстѣ съ Зосимой и Савватіемъ покровительствуетъ пчеловодству, охраняетъ на пути отъ татя, при чемъ является на бѣломъ конѣ съ копьемъ; въ томъ же видѣ онъ является помощникомъ на охотѣ; при этомъ его замѣняетъ какой-то бѣль-мужъ Жубрило, Михаилъ архангелъ и др. Вмѣстѣ съ Михаиломъ и другими святыми онъ охраняетъ скотъ — „Власьевъ родъ"; Михаилъ архангелъ и Егорій, „съ тугими стрѣлами, съ вострыми кнутами", дѣйствуютъ въ заговорѣ противъ костевой болѣзни. Георгій храбрый ограждаетъ растеніе отъ червей; онъ же излѣчиваетъ своими стрѣлами отъ болѣзни, являясь въ видѣ бѣлаго человѣка въ бѣломъ платьѣ, на бѣломъ конѣ, въ сообществѣ двухъ стрѣльцовъ, Симеона и Герасима.

И въ поговоркахъ и въ сказаніяхъ Егорій пасетъ звѣрей, особенно волковъ, и распредѣляетъ имъ пищу. При исполненіи обязанности земнаго пастыря Егорій является иногда бородатымъ старикомъ, съ нимъ раздѣляетъ эту обязанность св. Власій, и его замѣняетъ въ этомъ случаѣ иногда св. Николай. Вмѣстѣ съ Ильей и Михаиломъ Егорій колеблетъ скалы, отчего и происходитъ громъ (Угличскій уѣздъ).

Каринтинъ.



Книжная словесность.

Великое значеніе въ исторіи нравственныхъ силъ и значеніе первоучителей славянскихъ въ исторической жизни и развитіи племенъ.

Весьма поучительно бываетъ среди многоразличныхъ проявленій исторической жизни человѣчества останавливать вниманіе на такихъ явленіяхъ, въ которыхъ по преимуществу обнаруживается торжество нравственной силы надъ силою матеріальною. Такими явленіями по преимуществу питается нравственное чувство и возбуждается нравственная доблесть, духъ вѣры, упованія, мужества и самоотверженія. Между тѣмъ нельзя не сказать, что большая часть людей обыкновенно склонны бываютъ болѣе надѣяться и опираться на матеріальную силу, нежели на силу нравственную. Мы обыкновенно останавливаемся на ближайшихъ причинахъ и послѣдствіяхъ всякаго явленія, и здѣсь часто, на первый взглядъ, матеріальная сила представляется какъ будто торжествующею надъ силою нравственною. Но при болѣе широкомъ и цѣлостномъ взглядѣ на исторію человѣчества несомнѣнно оказывается, что самыя матеріальныя силы такъ или иначе являются въ исторіи орудіемъ нравственныхъ силъ, и вся жизнь человѣчества въ глубочайшихъ основаніяхъ своихъ зиждится и приводится въ движеніе нравственными силами. Такъ, нравственныя силы имѣютъ въ жизни человѣчества несомнѣнное, неизмѣримое превосходство предъ матеріальными силами! Это доказываетъ вся исторія человѣчества и преимущественно исторія христіанства, которое, само явившись въ міръ высочайшею нравственною силою, было встрѣчено самою ожесточенною враждой со стороны всѣхъ возможныхъ матеріальныхъ стихій міра, было

угнетаемо и преслѣдуемо ими въ продолженіе вѣковъ, и не только не уступило имъ, но само одержало надъ ними полнѣйшую побѣду, подчинило ихъ себѣ, утвердило свое владычество въ исторіи и преобразовало всю жизнь человѣчества.

Болѣе тысячи лѣтъ назадъ, въ вѣка, предшествовавшіе благословенной дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, наши предки славяне, хотя и составляли очень многочисленное племя, не имѣли однакожъ почти никакого историческаго значенія въ средѣ другихъ народовъ. Не было у нихъ ни науки, ни искусствъ, ни даже письменности. Не было у нихъ ни сколько нибудь твердой государственной организаціи, ни даже прочной осѣдлости. Неорганизованными массами, въ смѣшеніи съ другими племенами, населяли они огромныя, но мало обработанныя пространства земли въ восточной половинѣ Европы, двигаясь съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, наводя временами страхъ на другія племена, но нигдѣ не успѣвая создать себѣ твердаго государственнаго центра и часто погибая то во внутреннихъ междоусобіяхъ, то въ столкновеніяхъ съ другими, болѣе сплоченными и развитыми племенами. Это была громадная масса, богатая естественными силами, но не имѣвшая крѣпкихъ внутреннихъ нравственныхъ связей, не имѣвшая духа жизни. Свв. Кириллъ и Меѳодій впервые внесли въ эту неорганизованную массу духъ жизни. Христіанская проповѣдь съ богослуженіемъ на народномъ языкѣ и славянская грамота, изобрѣтенная свв. солунскими братьями, не только положили начало религіозному, нравственному и умственному развитію славянскихъ племенъ, но и двинули впередъ ихъ политическое образованіе. Проходитъ нѣсколько времени послѣ свв. Кирилла и Меѳодія, и въ славянскомъ мірѣ между неорганизованными доселѣ массами одно за другимъ возникаютъ крѣпкія и цвѣтущія государства. На югѣ образуются славныя въ свое время царства болгарское и сербское, которыя скоро не только по своей политической силѣ, но и по своему умственному развитію становятся опасными соперниками уже много вѣковъ жившей и унаслѣдовавшей сокровища древней цивилизаціи Византіи. На западѣ, въ сосѣдствѣ съ сильной германской имперіей, образуются также сильныя славянскія государства — моравское, чешское, польское. Наконецъ, и на отдаленномъ отъ всего тогдашняго образованнаго міра сѣверо-востокѣ мало-по-малу растетъ и крѣп-

нетъ русскій народъ, подъ благодатнымъ вліяніемъ той же проповѣданной свв. солунскими братьями христіанской вѣры и вмѣстѣ съ нею принятой Кирилловской грамоты. Такъ великая эпоха проповѣднической дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія сдѣлалась для славянскихъ племенъ началомъ не только религіозно-христіанскаго просвѣщенія, но и вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ умственнаго образованія и политическаго развитія.

Въ настоящее время всѣ славянскія племена съ благоговѣніемъ чтутъ имена свв. Кирилла и Меѳодія. Ни одинъ изъ могущественныхъ царей, управлявшихъ славянскими народами, ни одинъ изъ славныхъ законодателей, устроивавшихъ государственный бытъ славянъ, ни одинъ изъ знаменитыхъ полководцевъ, расширявшихъ предѣлы земель славянскихъ, не пріобрѣлъ себѣ такого великаго значенія въ общеславянской исторіи, такой славы, благодарности, любви и почитанія, какъ Кириллъ и Меѳодій.

Иванцовъ-Платоновъ.

Кириллъ и Меѳодій въ ихъ апостольской дѣятельности.

Кириллъ и Меѳодій явились провозвѣстниками великаго принципа усвоенія евангелія и совершенія христіанскаго богослуженія на родномъ языкѣ славянскихъ народовъ. Съ побѣдоноснымъ проведеніемъ этого великаго принципа глубочайшимъ образомъ связана вся послѣдующая судьба и образованіе всеславянскаго міра. Устроеніе славянскихъ письменъ, переводъ священнаго писанія на родной языкъ, зарожденіе и первые опыты славянской письменности, преобразованіе языка, распространеніе и укрѣпленіе между славянами христіанской вѣры, собраніе славянскихъ племенъ въ государства и, наконецъ, вообще пробужденіе и возвышеніе въ нихъ народнаго самопознанія и первый шагъ ихъ на поприщѣ общечеловѣческой образованности — всѣ эти событія внутренно связаны съ указаннымъ великимъ принципомъ. Проведеніе этого начала въ жизнь было новымъ крещеніемъ славянскаго духа путемъ образованія родной мысли и родного слова.

Но возвѣщать этотъ принципъ въ тогдашнемъ греко-римскомъ мірѣ значило становиться наперекоръ его понятіямъ, преданіямъ и законамъ. Гордый Римъ, заботившійся больше

о своемъ господствѣ, чѣмъ о спасеніи порученныхъ ему христіанскихъ душъ, еще въ самомъ началѣ VII вѣка объявилъ лишь три языка: еврейскій, греческій и римскій, значившіеся на титлѣ креста, достойными быть языками Церкви. Но не въ одномъ Римѣ были подобные „пилатники“. Были затѣмъ и въ Византіи люди, поносившіе славянское слово и славянское письмо. По крайней мѣрѣ не даромъ черноризецъ Храбръ долженъ былъ доказывать, что славянскій языкъ, какъ и другіе, созданъ Богомъ, и славянская грамота не только не ниже, но и выше греческой по своему происхожденію. „Словенскія письмена святѣйша суть и честнѣйша, святъ бо мужъ сотворилъ я есть, а греческая еллини погани“. Какое же нужно было величіе ума, чтобы стать провозвѣстниками этого великаго принципа? Какая потребна была сила духа, чтобы доставить ему побѣду въ греко-римскомъ мірѣ? Великія нравственныя силы, совершившія этотъ необыкновенный богатырскій историческій подвигъ, невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе.

На добрыхъ дѣтяхъ прежде всего отражается воспитаніе доброй матери; она своимъ мыслящимъ взоромъ зажигаетъ въ ихъ очахъ первыя искры разумѣнія; она своимъ ласковымъ лобзаніемъ зарождаетъ въ ихъ сердцахъ первые порывы и стремленія. Въ жизни славянскихъ первоучителей мы замѣчаемъ именно глубокіе слѣды воздѣйствія на нихъ любящей ихъ матери. Говоря о Кириллѣ, преданіе живописуетъ эту нравственную связь эпическимъ пріемомъ: тотчасъ по рожденіи младенецъ Кириллъ отвернулся отъ груди кормилицы и припалъ къ груди матери; онъ хотѣлъ кормиться отъ корени добраго и быть отображеніемъ ея высоконравственной личности. А когда онъ умеръ на чужой сторонѣ въ Римѣ, братъ его Меѳодій вспомнилъ завѣтъ своей матери и горячо со всею ревностію духа хлопоталъ его исполнить. Тяжкимъ казалось ему лишить любящую мать-старушку послѣдняго утѣшенія видѣть гробъ родимаго сына. „Святой отецъ“, взывалъ онъ къ папѣ. „Когда мы покидали родную землю ради нашего служенія, мать, проливая горячія слезы, умоляла насъ, что если кто-либо изъ насъ умретъ на чужбинѣ, то братъ, переживши, долженъ привезти тѣло умершаго брата въ его монастырь и похоронить его тамъ. Да соизволитъ же твоя святость мнѣ ничтожному выполнить этотъ долгъ, чтобы не казалось, что я противлюсь мольбамъ и заклинаніямъ матери

Изъ этихъ явленій глубочайшей любви солунскихъ братьевъ къ своей матери видно, кто впервые зажегъ въ ихъ сердцѣ божественное пламя и сочувствіе къ дѣлу Божьему. Мы, не колеблясь, принимаемъ аѳонское преданіе, гдѣ жили и подвизались солунскіе братья, что если отецъ ихъ и былъ грекъ, то по матери они были славяне. Они не были только учители, проповѣдники, миссіонеры среди славянъ; нѣтъ, любовь ихъ къ славянству — это была любовь прирожденная, кровная. Она ключомъ била въ ихъ душѣ; она звучала, какъ тонкій, серебристый звукъ, въ самыхъ живыхъ струнахъ живого сердца. Языкъ славянскій братья знали, какъ родной, а греческому, по многимъ преданіямъ, они должны были еще учиться.

Св. Кириллъ былъ образованнѣйшій человѣкъ своего времени. Ребенкомъ онъ учился въ солунской школѣ благородныхъ дѣтей, гдѣ являлся онъ „дивомъ“ по изумительной остротѣ и живости своей памяти: „спѣяше паче всѣхъ учениковъ въ книгахъ памятію вельми скорою, яко и диву ему быти“. Затѣмъ, благодаря связямъ и знакомствамъ при дворѣ, онъ попалъ въ число учениковъ цареградскаго придворнаго училища. Здѣсь онъ изумлялъ всѣхъ своими дарованіями не менѣе, чѣмъ и въ родной солунской школѣ. Здѣсь онъ скоро усвоилъ грамматику и геометрію, Гомера и діалектику, реторику и ариѳметику, астрономію, музыку и всѣ другія эллинскія художества. Итакъ, онъ получилъ самое высшее по тому времени научное и эстетическое образованіе. Но для насъ не довольно знать того, что онъ былъ человѣкъ образованный, намъ хотѣлось бы узнать его ближе; намъ желалось бы проникнуть въ личный укладъ его духа, въ самое направленіе его образованности, въ настроеніе его понятій и чувствъ, въ характеръ его убѣжденій и стремленій. Эпоха, въ которую онъ учился въ цареградской школѣ, отчасти объясняетъ для насъ, откуда вынесъ онъ глубокое сочувствіе къ идеямъ и идеаламъ жизни, то воодушевленіе, съ которымъ проводилъ онъ въ жизнь свои великіе принципы, и которое не покидало его до конца его подвига. Въ то время преподавателемъ философіи въ цареградской школѣ былъ Фотій, впослѣдствіи цареградскій патріархъ, поражавшій современниковъ своею громадною ученостію и знаніемъ древне-христіанской литературы. Самъ Фотій всегда потомъ вспоминалъ о своей педагогической дѣятельности въ этой школѣ, какъ о лучшихъ годахъ своей жизни, и эти воспоми-

нанія всего лучше вводятъ насъ въ интересы и настроенія, окрылявшіе умы и сердца его юныхъ и благородныхъ слушателей. „Друзья мои, говорилъ Фотій, вѣроятно, съ чистою совѣстію будутъ *добромъ поминать меня.* Могу ли и самъ я безъ слезъ вспомнить объ этомъ? Когда я былъ дома, то съ величайшимъ наслажденіемъ смотрѣлъ, съ какою ревностію учились окружающіе меня; съ какимъ вниманіемъ вопрошали меня; какъ упражнялись въ разговорахъ, съ помощію которыхъ пріобрѣтается навыкъ и правильнѣе выражается мысль. Радовался я, видя, какъ одни изощряли свой умъ математическими выкладками; какъ другіе изслѣдовали истину съ помощію философскихъ методъ; а третьи, изучая священное писаніе, устремляли свой умъ къ благочестію, этому вѣнцу всѣхъ прочихъ знаній. Такова была сфера, въ которой я постоянно вращался. Бывало, войду я во дворецъ, а ученики мои провожаютъ меня до самаго входа и просятъ, чтобы я скорѣе вернулся. Считая подобную привязанность высшею для себя наградою, я старался оставаться во дворцѣ не болѣе, какъ того требовали дѣла. Когда я возвращался домой, то мое ученое общество уже ожидало меня у дверей. Тѣ изъ моихъ учениковъ, кои своими превосходными качествами пріобрѣли нѣкоторое право на короткое со мною обращеніе, замѣчали мнѣ, что я слишкомъ замѣшкался; другіе радостно меня привѣтствовали; были и такіе, которые довольствовались тѣмъ, что я замѣчалъ ихъ усердіе. Ученіе въ такой школѣ не пропадаетъ безслѣдно для учащихся. Уроки, выносимые изъ такой школы, не растериваются по стогнамъ града. Знанія слагаются въ убѣжденія, въ юныхъ умахъ зарождаются идеалы жизни; въ молодыхъ сердцахъ зажигаются искры возвышенныхъ стремленій и на поприщѣ исторіи являются великія нравственныя силы“. Понятно, откуда св. Кириллъ вынесъ то одушевленіе, съ какимъ онъ неустанно всю свою жизнь проводилъ свои великіи принципъ распространенія среди славянскихъ народовъ Божьяго слова на родномъ ихъ славянскомъ языкѣ.

Онъ усвоилъ, какъ мы сказали, всѣ знанія, математическія, философскія и богословскія, преподававшіяся въ этой школѣ. Главное его сочувствіе сосредоточивалось, конечно, на предметахъ богословскихъ. Но и въ этой области его ученыхъ интересовъ сказывалась одна существенная и особенная черта его [illegible] духа. Творенія древнихъ греческихъ отцевъ

съ которыми знакомилъ своихъ учениковъ Фотій, такъ всесторонне знавшій древнюю христіанскую литературу, безъ сомнѣнія, возбуждали всеобщій интересъ. Въ этихъ твореніяхъ христіанское вѣроученіе отражалось какъ въ призмѣ, сообразно нравственной природѣ и духовнымъ настроеніямъ ихъ творцовъ. Григорій Нисскій это была *мысль*, и потому въ своихъ твореніяхъ онъ является философомъ; Григорій Богословъ былъ *образъ*, и потому въ своихъ твореніяхъ является поэтомъ и созерцателемъ; Василій Великій былъ самое *дѣло*, и потому въ своихъ твореніяхъ является естествоиспытателемъ. Самая жизнь ихъ, сообразно особенностямъ личнаго усвоенія христіанскаго вѣроученія, оказалась въ самыхъ разнообразныхъ христіанскихъ направленіяхъ.

Скажи мнѣ, говоритъ практическая мудрость, кто твой другъ, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ. Не даромъ, конечно, излюбленнымъ отцомъ церкви для св. Кирилла является не Григорій Нисскій, не Василій Великій, не Златоустъ, но именно Григорій Богословъ. Преданія передаютъ намъ, что съ ранняго дѣтства читалъ онъ и училъ наизусть его творенія; имъ пользовался онъ въ борьбѣ съ еретиками; его словами и образами выражалъ онъ свои мысли и свое вѣроученіе. Эта любовь его къ Григорію Богослову освѣщаетъ для насъ характеръ его христіанскаго міросозерцанія и направленія его богословской мысли. Стоитъ лишь воспроизвести намъ въ сознаніи образъ Григорія Богослова, его святого друга, его излюбленнаго отца, на которомъ онъ воспитался, и тогда станетъ для насъ понятнымъ многое и въ жизни самого Кирилла.

Григорій Богословъ былъ съ душою пылкою и прямою, не умѣвшею привязываться къ чему бы то ни было наполовину и чувствовать что бы то ни было слегка. Главная и существенная особенность его умозрѣнія состояла въ томъ, что, о чемъ бы онъ ни разсуждалъ, о Богѣ, или мірѣ, или человѣкѣ, у него мысль объ умѣ и созерцаніи, о свѣтѣ и озареніи всегда стояла на первомъ мѣстѣ. Высоко цѣня умъ, онъ столько же дорожилъ и даромъ слова; онъ обыкновенно говорилъ какъ вдохновенный, сильно и рѣшительно, выработалъ свой оригинальный возвышенный языкъ и заботился о томъ, чтобы каждое его слово было достойнымъ выраженіемъ его мыслей. Богъ для него былъ умъ или свѣтъ. Но этотъ высочайшій Умъ или Свѣтъ созерцалъ онъ въ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ, какъ

солнце, лучъ и свѣтъ, которыхъ „богатство въ соестественности и единомъ исторженіи свѣтлости“. Сладость созерцанія, наполнявшаго его душу священнымъ восторгомъ, дѣлала для него пустыню раемъ, и онъ выступалъ на общественное служеніе лишь только тогда, когда требовали того возникшія нужды Церкви и затѣмъ снова удалялся въ свою любимую пустыню. Въ жизни славянскаго апостола Кирилла мы видимъ тѣ же нравственныя черты. Разумѣніе Божества, какъ Триединаго Свѣта, представляетъ ту же особенность его личнаго богословскаго умозрѣнія, и ученіе о св. Троицѣ служило главною темой въ борьбѣ его съ сарацинами и жидами. Онъ, подобно Григорію Богослову, обладалъ созерцательнымъ и поэтическимъ направленіемъ мысли и дорожилъ словомъ *образнымъ* для выраженія христіанскихъ истинъ. Онъ и въ самой жизни является подобнымъ Григорію Богослову: то онъ выступаетъ на общественное служеніе, то удаляется въ уединеніе, то скрывается въ пустынѣ.

Совсѣмъ иного нравственнаго уклада и направленія была природа другого апостола славянства, св. Меѳодія. Неизвѣстно, гдѣ онъ получилъ свое образованіе, вѣроятно, въ той же солунской школѣ, но рано выступилъ на служебное жизненное поприще; онъ не занимался философіей, не упражнялся въ діалектикѣ, но основательно былъ знакомъ съ догматами восточнаго православія; и если Кириллъ былъ богословъ-созерцатель и поэтъ, подобный Григорію Богослову, то братъ его Меѳодій былъ дѣятель практическій, подобно Василію Великому. Кириллъ обладалъ творческимъ умомъ; Меѳодій былъ человѣкомъ крѣпкой и непоколебимой воли. Такимъ образомъ, въ этихъ двухъ самобратьяхъ чудеснымъ образомъ сочеталось величіе тѣхъ силъ, совокупностію которыхъ успѣшно созидается всякое великое дѣло. Безъ Кирилла дѣло славянскаго образованія не могло бы имѣть своего начала; безъ Меѳодія оно скоро замерло бы и не получило своего продолженія. Это были богатырскія историческія силы, восполнявшія одна другую.

Съ молодыхъ лѣтъ Меѳодій былъ воеводою въ одной [illegible] славянскихъ областей [illegible] Византійской имперіи. 10 [illegible] провелъ онъ на воеводствѣ и затѣмъ, сложивъ [illegible] [illegible] на Олимпѣ горѣ, гдѣ [illegible] [illegible]

съ текущими вопросами и разнообразными отношеніями жизни, выработала въ немъ практическій тактъ и твердость въ своихъ ясно сознанныхъ дѣйствіяхъ; преданіе доводитъ до насъ, что онъ обладалъ двоякимъ словомъ, сильнымъ и кроткимъ, сильнымъ на враговъ и кроткимъ на пріемлющія наказанія, онъ умѣлъ строго говорить съ своими противниками и мягко съ тѣми, кои внимали его наставленіямъ, онъ переживалъ нравственныя движенія горячности, но умѣлъ подчинять ихъ своей непоколебимой волѣ.

Труденъ и тяжелъ былъ жизненный путь Меѳодія, со времени смерти своего брата Кирилла, въ теченіе 15 лѣтъ, онъ долженъ былъ вести постоянную борьбу съ врагомъ сильнымъ и лукавымъ; ему выпало на долю вынести на своихъ плечахъ всѣ честолюбивыя ковы латино-нѣмецкаго духовенства. Латино-нѣмецкое духовенство постоянно, въ теченіе 15 лѣтъ, оскорбляло его цѣлымъ рядомъ несправедливостей и мучило его всякаго рода искушеніями. Не нужно исчислять всѣхъ невзгодъ, вынесенныхъ Меѳодіемъ, всѣхъ бореній, имъ испытанныхъ, всѣхъ бѣдствій, имъ пережитыхъ. Достаточно вспомнить его предсмертныя слова, обращенныя къ своимъ ученикамъ, чтобы понять, какъ ясное и спокойное сознаніе пережитой имъ неправды, такъ и все величіе и мужество его духа: „Возлюбленныя чада мои, говорилъ онъ, вы знаете, какъ сильны еретики въ злобѣ; вы знаете, какъ, искажая слово Божіе, они стараются напоить ближнихъ ученіемъ ложнымъ; вы знаете и ихъ средства, которыя они для того употребляютъ: убѣжденіе для неразумныхъ и жестокость для боязливыхъ. Я же надѣюсь и молюсь за васъ; надѣюсь, что основанные на камнѣ апостольскаго ученія, на которомъ основана и сама Церковь, вы не соблазнитесь лестью и не отступите передъ страхомъ жестокости. Я не молчалъ изъ страха; я всегда бодрствовалъ настражѣ и вамъ завѣщаю: будьте осторожны; охраняйте сердца братій вашихъ. Дни мои сочтены; послѣ моей кончины придутъ къ вамъ лютые волки, которые будутъ соблазнять народъ, но вы противостоите, будьте тверды въ вѣрѣ; это завѣщаетъ вамъ св. апостолъ Павелъ устами моими. Всемогущій Богъ Отецъ и предвѣчно рожденный отъ него Сынъ и Св. Духъ, отъ Отца исходящій да научитъ васъ всякой истинѣ и да сохранитъ васъ непорочными". Таковъ былъ св. Меѳодій въ его нравственной природѣ, въ мощи и крѣпости своей воли.

въ трезвой ясности своихъ воззрѣній и въ своихъ завѣтахъ.

Воеводское званіе и общественное положеніе промѣнялъ онъ на затворничество аѳонской кельи. Сюда пришелъ къ нему и Кириллъ, оставившій византійскую столицу и скрывавшійся до того еще въ какомъ-то неизвѣстномъ уединеніи. Стоитъ только вспомнить, до какого низкаго упадка дошла общественная мораль тогдашней византійской имперіи, и мы поймемъ, какъ тяжело было этимъ великимъ нравственно-высокимъ людямъ пребываніе въ тогдашнемъ мірѣ среди мрака и безнравственной морали.

Въ теченіе цѣлаго вѣка до того народная мысль увлечена была въ область интеллектуальныхъ интересовъ — въ борьбу съ иконоборцами, и народное чувство витало въ религіозной сферѣ, въ области чистой морали. Теперь же настала въ обществѣ усталость отъ религіозныхъ дебатовъ. Съ окончаніемъ борьбы имъ овладѣло холодное равнодушіе къ религіознымъ вопросамъ, такъ долго занимавшимъ умы, которое разрѣшилось еще болѣе глубокимъ упадкомъ нравственной жизни. Общество стало ни тепло ни хладно къ своей вѣрѣ, и сила совѣсти надолго въ немъ уснула. Удовольствіе стало цѣлью жизни; порокъ, прикрываясь невиннымъ именемъ наслажденія, сталъ потребностью общества; суевѣріе было сильнѣе религіи. Наступилъ глубокій упадокъ морали не только въ высшихъ слояхъ, но и въ средѣ народной. Изъ столицы разносились по византійской имперіи самыя мрачныя и ужасающія вѣсти. Императоръ Михаилъ III, развращенный своимъ воспитаніемъ, безсовѣстно ругался надъ всѣми священными для всякаго христіанина чувствованіями и публично смѣялся надъ христіанскою вѣрою своего народа. Введя комедію и фарсъ въ число народныхъ увеселеній, онъ бралъ сюжеты для своихъ маскарадныхъ процессій изъ области христіанскаго обряда — и вотъ по улицамъ Цареграда, для потѣхи константинопольскаго населенія, идетъ однажды притворный шутъ въ патріаршемъ облаченіи, за нимъ одиннадцать константинопольскихъ епископовъ въ ризахъ, шитыхъ золотомъ, и, наконецъ, толпа притворной челяди, переодѣтая въ костюмы священниковъ и диаконовъ, — самъ императоръ соучаствуетъ въ этомъ кощунственномъ шествіи. Маскарадъ несетъ зажженныя свѣчи, куритъ ѳиміамъ и поетъ стихи, въ которыхъ прославляются безпутство и пьянство.

Таковъ былъ потокъ столичной общественной жизни, по обычаю далеко разливавшейся по угламъ и закоулкамъ византійской имперіи. Придворные и чиновники заявляли подобнымъ потѣхамъ свое удовольствіе; купцы потирали руки отъ своихъ барышей, доставляемыхъ общественною расточительностью; темная чернь забавлялась подобными безумствами. Но что должны были чувствовать при этомъ люди съ высокимъ нравственнымъ міросозерцаніемъ, съ глубокими благочестивыми чувствами и честными правилами жизни? Что долженъ былъ переживать при этомъ такой великій человѣкъ, какъ Кириллъ, въ глубинѣ своего духа носившій „вѣдѣніе и созерцаніе“, подобно Григорію Богослову, какъ великое христіанское откровеніе и какъ божественное призваніе человѣчества къ истинѣ? Что должна была чувствовать его душа, уносившаяся къ созерцанію, творчески-вдохновенная, среди этого царства лжи, видя, какъ всюду ликуетъ грѣхъ противъ истины, тотъ единственный грѣхъ, который не прощается ни въ сей жизни ни въ будущей? Что было дѣлать и куда дѣваться Меѳодію, при его высокой и благочестивой настроенности, при его порывахъ къ честности и подвигу нравственной жизни? Спасеніе предстояло одно: бѣжать, уйти скорѣе отъ этого темнаго и развращеннаго міра, скрыться въ самыя уютныя мѣста, какъ можно дальше, на Аѳонъ, въ монастырскія кельи, и тамъ, вдали отъ людей, посвятить себя самоуглубленію и служенію святой истинѣ. Константинъ въ это время, по свидѣтельству житій, посвящая себя молитвамъ, *„съ книгою бесѣдоваше“*; Меѳодій, братъ его, выполняя требованія монастырскаго устава, *„прилежаше книгамъ“*. Можете себѣ представить, какъ должны были подымать ихъ духъ аѳонскія преданія о подвигахъ свв. апостоловъ, и тѣ аѳонскія книги, коимъ они прилежали, открывавшія для нихъ возможность „собесѣдованія“, безъ сомнѣнія, съ глубокою христіанскою древностью. Здѣсь созрѣла и окрѣпла въ нихъ навсегда апостольская задача ихъ жизни. По крайней мѣрѣ, съ того времени оба самобрата являются для насъ на поприщѣ миссіонерскихъ подвиговъ среди славянскихъ народовъ и въ этихъ подвигахъ вечеряютъ дни свои.

Итакъ, на нашъ взглядъ, въ солунскихъ братьяхъ глубокую любовь къ славянству зажгла мать-славянка; идеалы жизни зародила цареградская школа; къ апостольскому подвигу воззвалъ ихъ Аѳонъ. *Е. Барсовъ.*

Значеніе славянскихъ первоучителей для русскаго народа.

Всѣ апостольскіе подвиги Кирилла и Меѳодія, всѣ просвѣтительные труды ихъ учениковъ, вся болгарская образованность, созданная ихъ школою, совершились какъ будто для того, чтобы перейти въ душу и исторію славянскаго народа болѣе юнаго, болѣе мощнаго и крѣпкаго, того народа, который искони назывался Русью. Не идея всеславянскаго единства, въ коей ищутъ спасенія другія славянскія племена, не политическія страсти, коими движутся иные народы, вызываютъ въ насъ благоговѣйное чествованіе славянскихъ апостоловъ. Ихъ великое дѣло было пережито нами въ нашей собственной исторіи — въ русской мысли, въ русскомъ чувствѣ и русскомъ подвигѣ. Съ каждымъ періодомъ нашей исторіи ихъ образы и лики все ярче и ярче выступали въ общественномъ сознаніи. Ихъ помнила, имъ молилась и чествовала ихъ Русь кіевская, и монгольская, и Русь московская.

Во всѣ эти эпохи наша исторія отражала въ общественной жизни разныя стороны христіанства и своимъ прогрессивнымъ движеніемъ обязана лишь славянской грамотѣ и книгѣ, данной намъ славянскими апостолами.

Кіевская Русь была эпохою познанія христіанства. Я не буду говорить о томъ, что явившаяся къ намъ болгарская письменность стала основою литературнаго языка, который, при воздѣйствіяхъ на него великорусскаго и малорусскаго нарѣчій, переродился въ самостоятельный *языкъ славяно-русскій*; я не намѣренъ распространяться и о тѣхъ кіевскихъ мужахъ, *хитрыхъ книгамъ и ученію*, которые создавали у насъ новые переводы съ греческаго и положили основаніе кіевской литературно-повѣствовательной школѣ. Я желалъ бы въ данномъ случаѣ остановить вниманіе лишь на томъ всенародномъ впечатлѣніи, которое произвела на тогдашнее общество вновь появившаяся, для всѣхъ доступная и всѣмъ понятная, *словенская книга*, которую можно было и слышать въ храмѣ и читать у себя дома.

Нужно отрѣшиться на минуту отъ того понятія, которое мы имѣемъ о книгѣ. Книга въ то время была своего рода чудомъ, болѣе изумительнымъ, чѣмъ въ наши дни телеграфъ и

телефоны. Глянетъ человѣкъ въ книгу — и знаетъ, что было въ минувшіе вѣка, какъ долженъ смотрѣть человѣкъ на самого себя, какъ онъ долженъ жить и дѣйствовать, и что постигнетъ за его гробомъ. Книга явилась внезапнымъ свѣтомъ, который разомъ далъ почувствовать обществу его нравственную слѣпоту, и съ этой минуты неграмотный человѣкъ сталъ на Руси человѣкомъ темнымъ. Книга — это была мудрость, передъ которою казались ничтожными всѣ хитрости языческихъ волхвовъ и мудрецовъ. Книга — это были глаголы самого Бога, и кто ее читаетъ, тотъ бесѣдуетъ съ самимъ Господомъ. Если мы наглядно представимъ себѣ этическое сознаніе тогдашняго кіевскаго общества, тогда для насъ станетъ ясно, почему христіанство въ тогдашнюю эпоху сказалось въ образѣ Софіи, въ образѣ мудрости. Безъ сомнѣнія, подъ воздѣйствіемъ этого образа, въ Кіевѣ и Новгородѣ созидаются соборные храмы въ честь св. Софіи. Эти храмы, какъ и святыя книги, давали язычникамъ видѣть, гдѣ является истинная, Божественная мудрость. Понятнымъ для насъ становится и то, почему самая Софія въ древнѣйшемъ ея образѣ писалась въ формѣ „книги", лежащей на престолѣ. Книга и Божественная мудрость отождествлялись въ сознаніи. Въ этомъ-то образѣ „книги" кроется первый возбудитель русскаго духа къ свѣту и образованію. Онъ — этотъ образъ — увлекаетъ любознательную мысль къ списыванію и переписыванію святой и понятной для всякаго книги въ первые годы появленія христіанства на Руси.

Въ этомъ голосѣ для насъ слышится радованіе всей кіевской Руси. Имя первоучителя было занесено въ святцы Остромирова евангелія, это значитъ, что было и церковное празднованіе въ честь его въ кіевской Руси. Самое крещеніе Руси преданіе спѣшило связать съ дорогими именами славянскихъ апостоловъ. По нѣкоторымъ спискамъ лѣтописей философъ Константинъ учитъ св. Владиміра православной вѣрѣ и вразумляетъ его, показывая ему картину *Страшнаго суда*.

Иначе сказалось значеніе родной и святой книги для Руси монгольской. Если въ кіевскую эпоху она пробудила русскую мысль и направила ее къ истинной мудрости, то въ періодъ монгольскій она содѣйствовала развитію въ русскомъ сердцѣ христіанскаго чувства. Явилась сила вражья, сила несмѣтная, сила татарская; подъ нею погибла горделивая, удалая кіевская Русь, богатырская. Тяжелая настала година; среди вѣко-

вой истомы и лютыхъ мученій хлѣбъ не шелъ въ уста, и самая земля возстонала; отцы и матери плакали, зря своихъ чадъ разбиваемыхъ и умерщвляемыхъ; рыдали и чада о разлученіи родитель своихъ; и не бысть помилующаго, ни избавляющаго, ни помогающаго.

Со страхомъ и трепетомъ заносилъ на свои хартіи лѣтописецъ описаніе этихъ страшныхъ событій, и въ отчаяніи воскликнулъ: о, Господи, помилуй!

Горе усиливалось сознаніемъ, что все сіе бысть за грѣхи наши, и гроза, и страхъ, и трепетъ бысть за беззаконія наша.

Жестокость и грубость враговъ, тяготѣвшая надъ Русью цѣлые вѣка, готова была исказить самую нравственную природу русскаго человѣка.

И если Русь святая спаслась и не погибла подъ гнетомъ этихъ ужасовъ и отчаянія, если русскій народъ не совершенно загрубѣлъ среди повсюднаго варварства, то этимъ обязанъ церковнымъ пѣснопѣніямъ, которыя, раздаваясь въ понятномъ для него словѣ, прямо падали на душу и смягчали его чувства упованіемъ на силу Божію, наполняли его сердце милосердіемъ Христа и направляли его къ любви, сострадающей и сочувствующей своимъ ближнимъ. Вотъ почему въ монгольскій періодъ у насъ появилось такъ много храмовъ. Благодаря богослуженію на родномъ славянскомъ языкѣ, народъ скоро понялъ, что для той скорби, которой не въ силахъ онъ разсѣять ни въ лѣсахъ темныхъ ни въ поляхъ чистыхъ, онъ встрѣтитъ утѣшеніе лишь въ святомъ храмѣ, въ моленіяхъ церкви и ея пѣснопѣніяхъ, которыя то возводятъ его на небо, то низводятъ его въ глубину его собственной совѣсти. Въ развитіи церковнаго обряда Церковь въ этотъ періодъ ступала впередъ. Такъ, въ богослуженіе въ честь Бориса и Глѣба введены были пареміи, составленныя въ честь ихъ изъ лѣтописныхъ сказаній; молитвы Кирилла Туровскаго также были внесены въ богослужебныя сборники скитскихъ моленій. Не удивительно, если въ это время появилась у насъ и молитва съ именемъ Кирилла философа, учителя словеномъ и болгаромъ, иже греческую грамоту на русскую преложи.

Но если въ эпоху монгольскаго ига славянская священная книга перелила въ народное сердце христіанскія чувства и воспитала его въ упованіи и любви, сожалѣющей и сострадающей, то въ эпоху московской Руси она научила народъ [illegible]-

тическому подвигу. И если тогда имѣли главное значеніе славянскія пѣснопѣнія, то теперь выступали съ преобладающею силою „Житія святыхъ“. Уроки практическаго христіанства въ этихъ послѣднихъ для грамотнаго люда предлагались въ самыхъ опытахъ и дѣйствовали на воображеніе. Правила, кои въ отвлеченномъ видѣ могутъ понимать лишь только немногіе, привыкшіе къ разсужденію, здѣсь представлялись со всею увлекающею силою въ живыхъ примѣрахъ. Въ темныхъ лѣсахъ и дебряхъ, среди финскихъ поселеній, появились носители вѣры, и даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не ступала нога человѣка. Съ молитвой на устахъ и крестомъ въ рукахъ эти отшельники выступили противъ лѣшей силы, обитавшей въ тѣхъ мѣстахъ и пугавшей народъ своими страхованіями. Выстроивъ часовню и келью, они своими подвигами стягивали разрозненное населеніе, своими порядками обучали ихъ правильнымъ формамъ гражданственности и своими книгами вносили въ нихъ свѣтъ христіанской истины. Эти отшельники не были восточными анахоретами, — они были большаки — настоятели и устроители общиннаго хозяйства. Пустыни, бывшія прежде жилищами бѣсовскими, наполнялись градами, какъ выражается церковь, богоподобными и душеполезными. Я не буду распространяться объ ихъ значеніи для русской колонизаціи и культуры. Замѣчу лишь только то, что это были нравственно-властныя общины, сослужившія громадную службу московскому государству. Глухія поселенія на окраинахъ Руси, съ благоговѣніемъ глядя на этихъ свѣтильниковъ, съ уваженіемъ относились и къ московскому самодержцу, — и вмѣстѣ съ ними душою тянули къ Москвѣ. Сѣверная земля наполнилась русскими вкладами, и создалась затѣмъ русская агіобіографія, дорогая не только для исторіи нашего нравственнаго напряженія, но и для уразумѣнія помысловъ и чувствъ древне-русскаго общества. *Е. Барсовъ.*

Значеніе церковно-славянскаго языка для русскаго литературнаго.

Языкъ гражданскій, принятый теперь русскою литературою и образованными людьми всѣхъ классовъ, по всѣмъ краямъ нашего великаго отечества, есть необходимый результатъ исто-

рической жизни русскаго государства и русскаго просвѣщенія ведущаго свое начало отъ церковнаго преданія славянскихъ первоучителей. Церковно-славянская письменность была главнымъ, почти единственнымъ источникомъ для русскихъ писателей до XVII столѣтія, которые иначе не могли понять языка литературнаго, какъ въ его классической формѣ церковнаго стиля, выработаннаго переводчиками св писанія по образцу греческихъ оригиналовъ. Правда, что кое-гдѣ, въ юридическихъ актахъ, даже въ лѣтописяхъ, слышатся звуки разговорной рѣчи; но главный строй и складъ древне-русской литературы дается языкомъ Церкви, который служитъ для русскихъ писателей какъ бы канвою, или основою, которую они забираютъ цвѣтными нитями разговорнаго языка съ его мѣстными областными оттѣнками. Такимъ образомъ составился искуственный литературный языкъ древне-русскій, который столько же былъ понятенъ для всѣхъ и въ Кіевѣ, и Львовѣ, и Смоленскѣ, и Новѣгородѣ, и Ростовѣ, и, наконецъ, въ Москвѣ. Каждая область чувствовала родственную симпатію къ этому искусственному единству вслѣдствіе внесенныхъ въ него своихъ мѣстныхъ домашнихъ особенностей, но эти особенности поглощались общимъ теченіемъ церковно-славянской рѣчи и, такимъ образомъ, теряя характеръ провинціальной исключительности, вмѣстѣ съ языкомъ Церкви пріобрѣтали право на общее всероссійское господство.

Москва, собравъ около себя всѣ нѣкогда разрозненные удѣлы и области, вмѣстѣ съ тѣмъ внесла къ себѣ отовсюду и памятники древне-русской письменности, сначала преимущественно изъ Суздаля и Ростова, потомъ изъ Нова-города и Пскова и, наконецъ, въ XVII столѣтіи — изъ Кіева. Средоточіе государственной жизни стало средоточіемъ русской литературы и языка. Москва, грозная для областей въ политическомъ отношеніи, не могла дѣйствовать деспотически въ отношеніи умственномъ и литературномъ. Образовавшись позднѣе старыхъ городовъ, она отъ нихъ брала плоды древне-русскаго просвѣщенія и грамотности; она налагала печать своей областной рѣчи на другія провинціи, но изъ нихъ брала себѣ все то, что было необходимо для умственной жизни всей русской земли. Такимъ образомъ Москва стала хранительницею церковно-славянскаго преданія славянскихъ первоучителей, но уже вполнѣ сливающагося съ родными, домашними особенностями всѣхъ

областей нашего отечества. Болгарскій языкъ свв. Кирилла и Меѳодія въ московской печати XVII вѣка потерялъ уже всѣ не нужные для русскихъ читателей болгаризмы.

Это сталъ языкъ не церковно-болгарскій, а церковно-русскій, какимъ онъ является, напримѣръ, въ Четьихъ-Минеяхъ Димитрія Ростовскаго и въ другихъ произведеніяхъ конца XVII столѣтія и начала XVIII в. Оставалось только исключить *аще*, *обаче*, *паки* и т. п., чтобы сдѣлать естественный переходъ къ чисто русскому литературному языку Ломоносова, и этотъ переходъ былъ тѣмъ возможнѣе, что и въ древней Руси, при церковно-славянской грамматикѣ, въ массѣ церковныхъ писаній все же, время отъ времени, прорывалась въ искусственной письменности живая струя разговорной рѣчи. Надобно было дать ей только болѣе широкій исходъ, который теперь не могъ уже принести вреда, наводнивъ искусственный всероссійскій языкъ невоздѣланнымъ сырьемъ провинціализмовъ. Нашъ современный литературный языкъ до того окрѣпъ и созрѣлъ, до того слился съ русскою цивилизаціей, постоянно внося въ свою область, въ теченіе многихъ столѣтій, и грецизмы, и болгаризмы церковныхъ переводовъ, и новгородскую областную рѣчь, и полонизмы южно-русской печати, и, наконецъ, всевозможныя нововведенія изъ западной Европы, — этотъ, можно сказать, классическій языкъ до того покорилъ своему цивилизующему вліянію всякую областную, провинціальную отсталость, до того провелъ объединяющую свою силу, черезъ всю мелкую рознь тысячи мѣстныхъ отличій русскаго населенія, что сталъ главнымъ отличительнымъ признакомъ всякаго образованнаго на Руси человѣка. Словомъ, гражданскій языкъ, принятый теперь всѣми русскими, непосредственно изъ церковно-славянскаго языка, какъ своего источника, заимствовалъ то объединяющее могущество, то цивилизующее и ведущее впередъ вліяніе, которому должны были подчиниться всѣ мѣстныя особенности (какъ нѣкогда подчинялись они языку Церкви).

Буслаевъ.

Вліяніе христіанства на нравы и вѣрованія народа.

Первый примѣръ нравственнаго перерожденія подъ вліяніемъ православія представляетъ намъ самъ Владиміръ. Изъ удалого витязя дружины, чуждаго землѣ, какими были и онъ и всѣ

прежніе князья, онъ сталъ первымъ земскимъ княземъ и народникомъ, который думалъ съ дружиной, епископами и старцами о строѣ земляномъ, который и воевалъ уже не изъ одной беззавѣтной богатырской удали, а для защиты своей страны сталъ „краснымъ солнышкомъ“ народа. Его широкая натура, которая вела его прежде къ излишествамъ языческаго разгула, теперь проявлялась въ необыкновенномъ благодушіи и ласковости, о которыхъ говорятъ и лѣтопись и старыя былины. Это былъ ласковый князь, у котораго всѣмъ былъ радушный пріемъ и привѣтъ, добрый кормилецъ нищихъ, покровитель слабыхъ. Бѣднякъ смѣло шелъ на его княжескій дворъ и бралъ кушанье, питье и деньги. Этого мало, „дряхлые и больные, сказалъ князь, не могутъ ходить до моего двора“, и велѣлъ всякіе припасы развозить для нихъ по городу. Въ праздники онъ ставилъ трапезы себѣ съ дружиной, духовенству и нищимъ. Въ своемъ церковномъ уставѣ онъ тоже позаботился о богадѣльняхъ и больницахъ. 25 іюля 1015 года умеръ добрый князь, и плакали по немъ всѣ, знатные и убогіе. Мощи его положены въ Десятинной церкви. Владиміръ былъ неграмотенъ; дѣти его являются уже представителями новаго грамотнаго поколѣнія, таковы: Ярославъ, Мстиславъ, Изяславъ, Борисъ и Глѣбъ. Послѣдніе двое особенно процвѣтали благочестіемъ; они и умерли мучениками за новыя нравственныя понятія въ борьбѣ съ старымъ языческимъ обществомъ, представителемъ котораго явился братъ ихъ Святополкъ. Христіанство не замедлило выставить образцы высшаго совершенства въ монастыряхъ, которые были основаны при Владимірѣ въ Новгородѣ. Понятно, впрочемъ, что дѣйствіе христіанства могло обнаружиться въ жизни пока только немногихъ лучшихъ людей. Восходящее солнце озарило еще только вершины, низменности оставались въ прежнемъ мракѣ.

Народъ крестился, большею частью, или изъ повиновенія властямъ, или же будучи привлекаемъ къ новой вѣрѣ одною ея внѣшностью, обрядностью. Къ нравственному перевоспитанію этого множества крещеныхъ людей Церковь не имѣла еще ни времени ни средствъ. Оттого послѣ крещенія Руси мы видимъ въ нашей церковной исторіи длинный періодъ грубаго двоевѣрія, въ которомъ сильно язычество даже преобладаетъ надъ христіанствомъ. Послѣ обязательной молитвы въ христіанскомъ храмѣ двоевѣръ отправлялся къ священному дубраву, къ озеру

студенцу, къ старому дубу, подъ овинъ, гдѣ жили его старые боги, и творилъ тутъ другую молитву по обычаю отцовъ и дѣдовъ; на ряду съ священниками, и даже больше ихъ, почиталъ своихъ прежнихъ волхвовъ. Христіанскій пастырь, преслѣдовавшій суевѣріе, тѣснившій волхва, былъ даже зломъ для полувѣра; бѣжалъ отъ него этотъ полувѣръ, какъ отъ врага своей старины, и самую встрѣчу съ нимъ считалъ зловѣщею. При недостаткѣ просвѣтительныхъ и воспитательныхъ мѣръ Церковь могла бороться съ язычествомъ только внѣшними мѣрами, истребленіемъ языческихъ святынь, запрещеніемъ языческихъ обрядовъ. Но если гдѣ, то именно у русскихъ славянъ эти мѣры не вели ни къ какимъ важнымъ результатамъ. Славяно-русское язычество было религіей преимущественно домашней, съ слабыми только начатками общественнаго богослуженія въ игрищахъ между селами и обрядахъ на священныхъ урочищахъ, безъ храмовъ и жрецовъ. Храмомъ ея была изба, жрецомъ — глава семьи, да еще знахарь, волхвъ, къ которому прибѣгали въ крайнихъ случаяхъ, гдѣ казались недостаточными домашнія религіозныя средства. Оттого христіанскій храмъ у насъ строился не на развалинахъ языческаго, а на пустомъ мѣстѣ, особо; христіанскій священникъ не отнималъ себѣ общественнаго положенія у жреца, а тоже явился на пустое мѣсто. Оттого христіанство распространялось у насъ необыкновенно мирно и сразу заняло господствующее общественное положеніе. Но этого было мало для его торжества. Ниспровергая кумиры, разгоняя мелкія языческія собранія, оно задѣвало несущественныя стороны славяно-русскаго язычества; для полной побѣды надъ старою вѣрою ему нужно было проникнуть въ самое святилище ея, въ темный уголъ семейнаго быта, а для этого внѣшнія мѣры были недостаточны, нужна была борьба нравственными средствами, нужно было произвести замѣну однихъ вѣрованій другими черезъ воспитаніе народа. Такой нравственной борьбы церковь долго не въ состояніи была предпринять и послѣ крещенія народа, такъ что язычество имѣло возможность не только цѣликомъ сохраниться въ семейномъ быту, но даже оказывать значительное вліяніе на самыя христіанскія вѣрованія народа, вносить въ нихъ замѣтную долю нечистой примѣси изъ области своихъ вѣрованій. По своей неразвитости оно не успѣло выяснить миѳовъ о высшихъ божествахъ, Сварогѣ, Перунѣ, Дажбогѣ, Волосѣ,

и создало только слабые образы ихъ; эти боги скоро были забыты или слились съ христіанскими святыми, — Перунъ съ прор. Иліею, Волосъ съ св. Власіемъ и т. п. Но зато въ народныхъ вѣрованіяхъ цѣликомъ остались образы низшихъ божествъ, живущихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ въ его избѣ, на его очагѣ, въ овинѣ, въ рѣкѣ, гдѣ онъ ловилъ себѣ рыбу, въ лѣсу, куда онъ ходилъ съ своимъ топоромъ, косой и сохой, божествъ съ рѣзко очерченными характерами, — домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ, русалокъ и проч. Цѣликомъ остался и языческій взглядъ на природу съ его примѣтами, повѣрьями, чародѣйными средствами, обрядами, которыми обставлены были каждый шагъ славянина, каждый предметъ его домашняго обихода.

Знаменскій.

Общій характеръ и направленіе древне-русской книжной словесности.

Обстоятельства, при которыхъ возникло у насъ образованіе и появилась письменность, сообщили всей древней словесности особый характеръ и направленіе.

Образованіе возникло у насъ изъ христіанской вѣры и въ ней имѣло главный источникъ. Оно сосредоточивалось въ монастыряхъ и въ училищахъ при церквахъ, совершилось лицами духовными и монашествующими, по книгамъ церковнымъ и духовнымъ. Это сообщило какъ древней русской жизни, такъ и древней словесности *религіозно-церковное направленіе*. Не говоря о томъ, что большая часть памятниковъ древней словесности состоитъ изъ сочиненій духовныхъ: словъ, поученій, посланій, житій святыхъ, — даже сочиненія описательныя и историческія, какъ напр. путешествія и лѣтописи, имѣютъ религіозный характеръ. Основной духъ, которымъ они проникнуты, точка зрѣнія, съ которой смотрятъ и оцѣниваютъ всѣ явленія въ природѣ и событія въ жизни лѣтописцы и путешественники, отличаются религіознымъ направленіемъ. Литературой занимались лица духовныя, а если, по особымъ случаямъ и обстоятельствамъ, становились писателями лица изъ другихъ сословій, княжескаго или боярскаго (напр. Владиміръ Мономахъ, Іоаннъ Грозный, князь Курбскій и др.), то и они писали въ томъ же религіозномъ направленіи, такъ какъ то-

писывались также на церковныхъ и духовныхъ книгахъ. Произведенія свѣтской литературы мы встрѣчаемъ чрезвычайно мало, какъ особаго отдѣла, свѣтской науки и литературы въ древней книжной словесности и не было. Научныя и литературныя потребности были мало развиты; имъ удовлетворяли произведенія литературъ иностранныхъ, въ которыхъ переходили къ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія по разнымъ наукамъ и литературѣ.

Христіанскую вѣру мы приняли отъ грековъ изъ Византіи, *греческій* или частнѣе *византійскій* характеръ получила и наша словесность. Христіанское ученіе мы усвоили подъ руководствомъ греческихъ учителей и по сочиненіямъ греческой и византійской литературы. Византійской литературой называется періодъ греческой словесности отъ Юстиніана до паденія Константинополя (529—1453). Эта литература была съ одной стороны продолженіемъ христіанской литературы первыхъ вѣковъ Церкви, съ другой стороны — наслѣдницей древняго греко-римскаго образованія. Греко-римская наука и греко-римская литература, съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства, были приняты отцами и учителями Церкви въ пособіе при распространеніи и утвержденіи христіанскаго ученія. Большая часть отцовъ и учителей Церкви воспитывались въ школахъ разныхъ философовъ и ораторовъ. Поставленные въ борьбу съ язычествомъ и сознавая, какую пользу можетъ принести, какъ для успѣшной борьбы съ нимъ, такъ и вообще для христіанскаго образованія, правильное изученіе древней языческой мудрости, они не только сами знакомились съ греко-римскою наукою и литературою, но совѣтовали и другимъ знакомиться съ ними. Въ Византіи изученіе древнихъ греческихъ писателей вошло въ составъ преподаванія въ школахъ, вмѣстѣ съ изученіемъ св. писанія и отеческихъ твореній. Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, отеческихъ твореній первыхъ вѣковъ христіанства, съ другой — древнихъ греческихъ писателей и сложился характеръ византійскаго образованія и литературы. Главное значеніе византійской литературы заключается въ томъ, что она въ темные средніе вѣка поддерживала образованіе и сохранила плоды древней науки и литературы до того времени, когда западные христіанскіе народы, освободившись отъ мрака невѣжества и варварства, созрѣли и сдѣлались способными

ги сохранила лишь плоды, но сама она не произвела никакихъ оригинальныхъ трудовъ, которые могли бы дать новое направленіе наукѣ и подвинуть ее впередъ на пути развитія Права. Въ ней являлись по временамъ замѣчательные ученые и писатели; таковы напр. были, въ началѣ VII вѣка Іоаннъ Грамматикъ, ученый объяснитель Аристотеля и авторъ многихъ сочиненій по части грамматики и философіи; въ VIII вѣкѣ св. Іоаннъ Дамаскинъ, основатель христіанскаго систематическаго богословія; въ IX в. константинопольскій патріархъ Фотій, обладавшій, какъ показываютъ его сочиненія, обширными свѣдѣніями въ литературѣ, исторіи и древностяхъ; но такихъ лицъ было не много. Большая часть писателей занималась передѣлываніемъ сочиненій прежнихъ языческихъ и христіанскихъ писателей, составляли изъ нихъ извлеченія и сборники, писали словари. Вообще это литература подражательности и упадка. Отъ христіанскихъ и языческихъ образцовъ были усвоены ученые и литературные пріемы и формы сочиненій, которые и самую мысль заковывали въ самомъ неподвижномъ направленіи. Не обращая вниманія на потребности современной дѣйствительной жизни, писатели повторяли то, что было сказано въ прежнія времена, при другихъ условіяхъ и потребностяхъ жизни. Языкъ и слогъ отличаются искусственностью и витіеватостью, наклонность къ символизму и аллегоріи, употребленіе длинныхъ рѣчей и разговоровъ, постоянныя сравненія, противуположенія, вопросы, восклицанія, обращенія и другія риторическія формы составляютъ отличительныя свойства византійскаго слога. Все сказанное о византійской словесности относится не только къ свѣтскимъ ученымъ и литературнымъ произведеніямъ, но и къ духовнымъ. Съ VI вѣка, какъ извѣстно, и отеческая литература начала упадать; съ этого времени уже не появлялись такія оригинальныя произведенія, каковы были произведенія Аѳанасія александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста: стали собирать прежнія творенія, дѣлали изъ нихъ извлеченія и составляли сборники. Съ VII вѣка появляются *[illegible]*, особаго рода сборники, которые состояли изъ выписокъ о разныхъ предметахъ не только изъ св. писателей, отцовъ и учителей Церкви, но и изъ разныхъ свѣтскихъ писателей, философовъ и историковъ, ораторовъ и поэтовъ. Такой характеръ имѣютъ сбор-

никъ Максима Исповѣдника и два сборника инока Антонія, прозваннаго *Пчелою*, каковое названіе осталось какъ за его, такъ и за послѣдующими сборниками. Форма сборника, сдѣлавшаяся господствующею формой византійской письменности, перешла и въ нашу древнюю письменность; мы встрѣчаемъ въ ней также множество сборниковъ съ разными названіями и безъ названій. Древнѣйшимъ, послѣ Остромирова евангелія, памятникомъ славянской письменности служитъ сборникъ Святослава (1073), который былъ переведенъ съ греческаго сборника еще въ Болгаріи. Сборники подъ названіемъ *Пчелъ*, хотя явились позже въ нашей письменности, но также очень были распространены въ ней. Очень видное мѣсто въ византійской литературѣ занимаютъ произведенія историческія, или лѣтописныя, такъ называемыя *хроники* и *хронографы*. Эти хроники и хронографы имѣли большое вліяніе на нашу лѣтописную словесность; первый нашъ лѣтописецъ Несторъ уже ссылается въ своей лѣтописи на хронику Георгія Амартола (IX в.). Кромѣ богословскихъ и историческихъ сочиненій, въ Византіи было довольно разныхъ повѣстей и сказаній литературнаго характера, полудуховнаго, полусвѣтскаго и чисто свѣтскаго и даже сказочнаго содержанія; особенно сильно распространены были такъ называемыя апокрифическія сказанія. Всѣ эти произведенія переходили къ намъ и имѣли вліяніе на нашу словесность. Наконецъ изъ византійской же словесности, принявшей на себя элементы греко-римскаго образованія, перешли въ нашу древнюю словесность и нѣкоторыя свѣдѣнія по разнымъ наукамъ и литературѣ, — свѣдѣнія историческія, географическія и физическія, изреченія древнихъ философовъ, ораторовъ и поэтовъ.

Какъ христіанство изъ Греціи, такъ вмѣстѣ съ нимъ и греческое образованіе стали распространяться въ другихъ странахъ славянскихъ еще задолго до крещенія Россіи. Въ этихъ странахъ прежде всего начала развиваться, подъ вліяніемъ греческаго образованія и славянская письменность. Средоточіемъ этой греко-славянской письменности сдѣлались Болгарія и Сербія, и особенно Болгарія, которая вѣрнѣе всѣхъ странъ славянскихъ, сохранила славянскую письменность, полученную отъ Кирилла и Меѳодія. Въ X в., при болгарскомъ царѣ Симеонѣ, который за любовь къ просвѣщенію, былъ прозванъ книголюбцемъ, мы встрѣчаемъ въ Болгаріи уже свою собствен-

ную письменность. Заботясь о распространеніи христіанскаго просвѣщенія, Симеонъ самъ занимался переводомъ сочиненій Златоуста и составилъ изъ нихъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ Златоструя. Кромѣ Симеона, изъ болгарскихъ писателей этого вѣка извѣстны: ученикъ свв. Кирилла и Меѳодія Климентъ, епископъ величскій, составившій до XX словъ и поученій на разные церковные праздники; Константинъ, епископъ болгарскій, составившій воскресныя поученія; Іоаннъ, экзархъ болгарскій, переводившій сочиненія Іоанна Дамаскина и написавшій Шестодневъ; пресвитеръ Григорій, переведшій хронику Іоанна Малалы; пресвитеръ Козьма, составившій книгу противъ ереси богомиловъ, и черноризецъ Храбръ, написавшій сказаніе о письменахъ славянскихъ. Сочиненія этихъ писателей распространялись въ Сербіи, гдѣ была также и своя переводная и оригинальная письменность, и въ другихъ странахъ славянскихъ. Къ намъ эти сочиненія начали переходить съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, вмѣстѣ съ учеными болгарами, которые, несомнѣнно, были у насъ первыми учителями въ училищахъ и первыми переводчиками книгъ съ греческаго. Впрочемъ, вліяніе болгарской и сербской словесности на нашу словесность не ограничивалось только первыми временами; и въ послѣдующія времена изъ Болгаріи и Сербіи приходили къ намъ ученые иноки; таковы напр. были въ XIV в. митр. Кипріанъ, въ XV в. Григорій Цамблакъ и Пахомій Логоѳетъ. При постоянныхъ сношеніяхъ съ этими странами, конечно, переходили къ намъ и разныя сочиненія. По крайней мѣрѣ въ старыхъ нашихъ библіотекахъ множество разныхъ рукописей болгарской и сербской редакціи. Таковы, между прочимъ, разныя повѣсти, легенды и апокрифическія сказанія, языкъ которыхъ показываетъ, что большая часть изъ нихъ перешла къ намъ изъ Болгаріи и Сербіи. Такимъ образомъ вліяніе Болгаріи и Сербіи на наше образованіе было весьма значительно; онѣ были посредницами между Греціею и Россіею и помощницами Россіи въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія.

Греческое или византійское вліяніе на нашу словесность продолжалось въ теченіе всего древняго періода, но особенно оно сильно было до XVI в., т. е. до паденія Константинополя. Съ конца XVI в., чрезъ Польшу, начало проникать къ намъ западно-европейское образованіе. Оно, впрочемъ, не измѣнило сущности древне-русскаго религіознаго образованія; оно внес-

только въ древнюю словесность научные и литературные элементы, пріемы и формы и сообщило ей такъ называемое *схоластическое* направленіе.

Порфирьевъ.

Блестящій вѣкъ греческой письменности.

Смерть Меѳодія и гоненіе, поднятое католическимъ духовенствомъ на его учениковъ и преемниковъ, заставило послѣднихъ удалиться въ Болгарію, гдѣ сосредоточилась вся ихъ духовная дѣятельность, положившая начало быстрому развитію славяно-болгарской литературы при Симеонѣ. Ученики эти, извѣстные въ нашей Церкви вмѣстѣ съ Кирилломъ и Меѳодіемъ подъ именемъ свв. седмичисленниковъ, *οἱ ἅγιοι ἑπτάριθμοι*, были родомъ изъ разныхъ странъ. Гораздъ былъ изъ Моравіи, Климентъ изъ Болгаріи; происхожденіе Наума, Ангелара и Саввы не извѣстно. Принятые въ Болгаріи съ радостію, они своими подвигами оставили по себѣ память, освященную болгарскою Церковію, такъ что и теперь еще находятся нѣкоторые храмы, воздвигнутые во имя этихъ свв. мужей.

Съ Климентомъ, какъ писателемъ, начинается блестящій періодъ времени царя Симеона. Но прежде, чѣмъ обратимся къ разсмотрѣнію трудовъ св. Климента, посмотримъ, чѣмъ замѣчателенъ на литературномъ поприщѣ самъ двигатель славяно-болгарскаго просвѣщенія — Симеонъ Великій. Сравнивая его современниковъ, взвѣшивая умственное развитіе сосѣднихъ государствъ и ту энергію, съ какой дѣйствовалъ онъ для славы своей родины, тѣмъ рѣзче выдвигается впередъ образъ вѣнценосца Болгаріи, тѣмъ болѣе уяснится и столь отдаленная древность. Свидѣтельство современника въ этомъ случаѣ, и что важнѣе, современника отечественнаго, можетъ подтвердить слова наши: „Что лучше, что и слаже для боголюбцевъ, говоритъ І. Экзархъ, которые искренно жаждутъ обрѣсти жизнь вѣчную, не отступаютъ никогда отъ мысли о Богѣ и всегда помнятъ Его высокое твореніе? Яко и се ты, господи мой, княже славный Симеоне Христолюбче! не престаеши взискуя повелѣнія Его и твари, хотя ся ими красити и славити“. Покровительство, которое Симеонъ оказывалъ просвѣщенію, открывается и изъ другихъ писателей его времени. Къ нему, по словамъ жизнеописателя св. Климента, приходилъ

сеи послѣдніи на совѣтъ и поученіе. По его желанію переводилъ епископъ Константинъ слова Аѳанасія александрійскаго на аріанъ; ему несли плоды своихъ трудовъ и Іоаннъ экзархъ, и Григорій попъ, и составитель Изборника (переписаннаго позднѣе въ Россіи для Святослава въ 1073 г.).

Симеонъ еще съ юныхъ лѣтъ былъ посланъ отцомъ своимъ въ Константинополь. О воспитаніи, какое получилъ онъ въ Царьградѣ, мы имѣемъ свидѣтельство одного западнаго писателя Лиутпранда, бывшаго въ Константинополѣ въ 948 году посломъ императора Оттона. Лиутпрандъ говоритъ, что Симеонъ за свою ученость былъ прозванъ полугрекомъ. Ему приписываютъ собраніе словъ Іоанна Златоуста, которому Симеонъ далъ названіе Златоструя.

Разсмотримъ теперь, что именно написалъ или перевелъ Климентъ. Изъ жизнеописанія св. Климента открывается, что имъ написаны слѣдующія сочиненія: 1) Проповѣди, написанныя языкомъ простымъ и яснымъ, такъ что каждый болгаринъ могъ понимать ихъ; 2) Похвальное слово Пресвятой Дѣвѣ, „на всѣ Ея торжественные дни въ году"; 3) Похвала Іоанну Крестителю; 4) Житія многихъ пророковъ и апостоловъ; 5) Житія и подвиги мучениковъ; 6) такъ называемая Цвѣтная Тріодь. „Однимъ словомъ, говоритъ жизнеописатель, всѣ находящіяся у насъ въ церквахъ книги, по которымъ понимаемъ и славимъ Бога и всѣхъ святыхъ, все то получили мы, болгаре, отъ Климента". Вотъ перечень книжныхъ трудовъ этого святителя, отмѣченныхъ его жизнеописателемъ.

Однимъ изъ плодовитѣйшихъ писателей времени царя Симеона есть, неоспоримо, Іоаннъ экзархъ или, какъ онъ и самъ себя именуетъ, пресвитеръ экзархъ. Изъ трудовъ его извѣстны до сихъ поръ слѣдующіе: 1) Переводъ богословія Іоанна Дамаскина подъ заглавіемъ *Небеса*, 2) *Шестодневъ*, заключающій толкованіе первыхъ главъ первой книги Моисея о шестидневномъ твореніи міра. Сочиненіе это составлено по Северіану Гевальскому, св. Василію и св. Іоанну Златоусту. Тѣ мѣста, которыя не принадлежатъ ни одному, ни другому, ни третьему, написаны самимъ Іоанномъ; 3) переводъ греческой грамматики Іоанна Дамаскина, примѣненной къ языку славянскому; 4) переводъ діалектики или философіи того же Дамаскина, въ семидесяти главахъ, и 5) нѣсколько Словъ.

Переводъ богословія Іоанна Дамаскина сдѣланъ Іоан-

номъ экзархомъ по истеченіи не болѣе 100 лѣтъ послѣ того, какъ оно было написано.

Основная мысль и планъ Шестоднева составлены по св. Василію Великому, Северіану Гевальскому и Іоанну Златоусту, писавшихъ о шестидневномъ твореніи міра. Кромѣ того, Іоаннъ экзархъ, при составленіи своего Шестоднева, пользовался руководствомъ и другихъ писателей, какъ это видно изъ заглавія древнѣйшаго сохранившагося списка. „Шестоденье, сьписано Іоанномъ Презвитеромъ Екзархомъ, отъ святаго Василія, Іоанна, и Севіріана, и Аристотелѣ философа и инѣхъ“. Неизвѣстно, какимъ путемъ списокъ этотъ, составленный на Аѳонѣ, перешелъ въ Россію. Должно полагать, что не одно греческое духовенство посѣщало, послѣ паденія восточной римской имперіи, Россію для сбора милостыни, но что нерѣдко могли являться въ Москву и иноки двухъ славянскихъ обителей Святыя Горы Зографской и Хиландарской. Пользуясь сочиненіями своихъ предшественниковъ о томъ же предметѣ, Іоаннъ, съ своей стороны, излагаетъ въ Шестодневѣ также и свои мысли о мірозданіи, касается предметовъ, которые относятся прямо къ его эпохѣ, однимъ словомъ, онъ является въ этомъ произведеніи переводчикомъ-сочинителемъ. Все то, что не находится ни у Василія Великаго, ни у Северіана Гевальскаго, ни у Іоанна Златоуста, все это принадлежитъ Іоанну экзарху. Начиная по обычаю времени, прологомъ, Іоаннъ обращается сначала къ царю Симеону и изложивъ въ краткихъ словахъ величіе и красоту міротворенія, заключаетъ: **„сія же словеса шесть господи мои, не ѿ себе мы ѥсмъ съставили нъ око ѿтъ ѥксамера светаго Василия истолка словеса, око же и разоумы ѿтъ него възимлюще, такожде и ѿтъ Иоанна, а дроугое ѿтъ дроугыихъ“**. Изучая глубже этотъ памятникъ старины, нельзя не видѣть въ Іоаннѣ одного изъ ученѣйшихъ мужей своего времени, который, зная въ совершенствѣ языки славянскій, греческій и даже еврейскій, какъ это явствуетъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Шестоднева, имѣя глубокія познанія въ книгахъ св. писанія, коротко знакомый съ твореніями свв. отцовъ православія, не пренебрегалъ и философами древней Эллады, изучалъ Платона, Аристотеля, Ѳалеса (у него Талла), Парменида, Демокрита, Діогена и другихъ, обличая ихъ ложныя понятія о началѣ міра и сравнивая Аристотелеву мудрость въ этомъ случаѣ съ морской пѣной. Третій трудъ Іоанна экзарха

есть переводъ грамматики І. Дамаскина *[illegible]*. Справедливо замѣтилъ Калайдовичъ, что Кириллъ и Меѳодій, при составленіи первыхъ переводовъ съ греческаго языка на славянскій, должны были брать въ руководство для формъ своего языка правила языка греческаго. Это видно изъ тѣхъ грецизмовъ, которые такъ часто встрѣчаются въ древнихъ переводахъ книгъ св. писанія. Переводъ Іоанна экзарха, судя по сохранившемуся отрывку, можно подвести подъ категорію перевода Шестоднева, т.-е. что онъ не есть буквальное переложеніе и примѣненіе правилъ греческаго языка къ славянскому, а руководство, по которому экзархъ хотѣлъ дать грамматическія правила своему отечественному языку. Если бы эта грамматика дошла до насъ въ цѣлости, то возстановленіе древнѣйшихъ формъ славянскаго языка много бы облегчило его изученіе. Названіе осьми частей рѣчи въ грамматикѣ Іоанна экзарха поставлены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) имя *ὄνομα*, 2) рѣчь *ῥῆμα*, 3) причастіе *μετοχή*, 4) различіе (членъ) *ἄρθρον*, 5) мѣстоимѣніе *ἀντωνυμία*, 6) предлогъ *πρόθεσις*, 7) нарѣчіе *ἐπίρρημα*, 8) союзъ *σύνδεσμος*. Затѣмъ разсматривается каждая изъ этихъ частей рѣчи отдѣльно, и рукопись прерывается различіемъ или членомъ, который, хотя и былъ заимствованъ переводчикомъ изъ языка греческаго, но такъ какъ употребленіе его было несвойственно славянскому языку, то переводчикъ-сочинитель не примѣнилъ его къ этому языку. Что Іоаннъ экзархъ не переводилъ буквально грамматику Дамаскина, а старался приспособить ее къ языку славянскому, это видно не только изъ нѣкоторыхъ правилъ, но и изъ приводимыхъ примѣровъ, которые по духу и даже по собственному названію не могли принадлежать языку греческому. Четвертый трудъ Іоанна экзарха есть переводъ философіи Дамаскина или, какъ переводчикъ называетъ ее по-славянски, *Діалектики*. Какъ въ греческомъ подлинникѣ, такъ и въ спискѣ митрополита Даніила, философія раздѣлена на нѣсколько главъ. Слѣдуя непосредственно за грамматикой, можно было заключить, что обѣ эти науки составляютъ у Іоанна одно твореніе; но отличіе въ содержаніи заставляетъ почитать каждое изъ этихъ твореній трудомъ отдѣльнымъ. Сочинитель говоритъ вначалѣ о разумѣ, о мысли, опредѣляетъ науку, какъ наставницу жизни, даетъ ея раздѣленіе, излагаетъ ея пользу и заключаетъ свое сочиненіе краткимъ обозрѣніемъ явленій

природы Экзархъ при переводѣ сдѣлалъ только нѣкоторыя примѣненія въ расположеніи подлинника, какъ это видно изъ заключенія философіи.

Кромѣ этихъ произведеній Іоанну экзарху приписываютъ еще нѣсколько словъ на разные праздники, показывающихъ въ немъ и древнѣйшаго славяно-болгарскаго проповѣдника: Слово *на Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа*, дошедшее до насъ въ рук. XV и XVI вв., не потеряло слѣдовъ своего южно-славянскаго происхожденія; Слово *на Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа* и на евангельскій текстъ: *отъидоста паки къ себѣ ученика, дивящася*.

Современникъ Іоанна экзарха былъ епископъ Константинъ, ревностный ученикъ свв. первоучителей. Сохранившіяся и досе нѣ открытыя произведенія его слѣдующія: a) Четыре слова Аѳанасія александрійскаго на аріанъ; b) Выборъ словъ на недѣльныя евангелія, т.-е. 37 словъ І. Златоуста и 5 — Исидора Пелусіотскаго, одно собственное его слово съ прологами и послѣдованіями, сочиненными самимъ Константиномъ. Наконецъ c) приписываемая ему молитва о недавно совершившемся крещеніи славянъ. Изъ словъ на аріанъ едва ли не замѣчательнѣе послѣсловіе четвертаго слова, изъ котораго открывается, какъ мы видѣли, что Константинъ переложилъ эти книги, по повелѣнію царя Симеона, въ 6014 (906) г. индикта 15-го. Изъ другого его труда, т.-е. изъ выбора словъ на недѣльныя евангелія, открывается весьма вѣрное обстоятельство, что епископъ Константинъ перевелъ эти слова по настоянію старца Наума, одного изъ седмичисленниковъ, и что переводъ этотъ сдѣланъ при царѣ Симеонѣ въ 898 году. Онъ самъ говоритъ, что былъ убѣжденъ другими въ необходимости переводить на славянскій языкъ сказанія евангельскія. Въ томъ же самомъ *Прологѣ* есть молитва, извѣстная уже изъ другихъ хронографовъ, приписанная тому же Константину епископу. Молитва эта, написанная въ азбучномъ порядкѣ, начинается такъ:

Азъ словомъ симъ молюся Богу.
Боже всея твари, Зиждителю
Видимыя и невидимыя.

Къ числу дѣествователей въ Болгаріи во время царя Симеона принадлежитъ также Григорій пресвитеръ. Кромѣ имени, сана и труда его болѣе ничего неизвѣстно объ его жизни. Пове-

ннемъ *христолюбиваго* царя болгарскаго „любящаго ему чести вся книги“, Григорій перевелъ для него съ греческаго языка церковную и гражданскую исторію, т.-е. хронику византійца Малалы, гдѣ весьма замѣчателенъ подробный разсказъ о взятіи и разореніи греками Трои. Важность славяно-болгарскаго перевода хроники Малалы заключается не въ одномъ только литературномъ его достоинствѣ, не въ одномъ новомъ доказательствѣ ревности къ просвѣщенію царя Симеона; но возстановленіе самаго греческаго подлинника, въ которомъ, какъ извѣстно, недостаетъ начала и даже нѣсколькихъ предложеній въ самомъ текстѣ, даетъ славянскому переводу Григорія явное преимущество.

Кромѣ того, кто бы могъ подумать, что нашъ Григорій, пресвитеръ-мнихъ, дѣйствовавшій на книжномъ поприщѣ во время царя Симеона, есть одно лицо съ Григоріемъ мнихомъ переводчикомъ книги Царствъ, и съ Григоріемъ, переводчикомъ хроники Георгія Амартола. Благодаря ревностнымъ занятіямъ и открытіямъ А. М. Оболенскаго, нѣтъ болѣе сомнѣнія, что всѣ эти переводы, находящіеся теперь, большею частію въ позднѣйшихъ русскихъ спискахъ, перешли въ Кіевъ изъ Болгаріи, и что Несторъ пользовался не подлинниками греческихъ лѣтописцевъ, а ихъ славяно-болгарскими переводами. Въ хронику Малалы переводчикъ Григорій внесъ такъ называемую *Александрію*, или жизнь и похожденія Александра Македонскаго. Объ этой повѣсти уже Востоковъ замѣтилъ, что она представляетъ древній болгарскій переводъ съ греческаго. Герои македонскіе и походъ Ахиллеса съ мирмидонянами подъ Трою были любимымъ чтеніемъ болгаръ. Не сверхъестественныя приключенія и геройскіе подвиги Ахиллеса и Александра воспламеняли воображеніе читателей, и, мало-по-малу проникая въ народъ и переходя по преданію отъ самой отдаленной древности, будто мирмидоняне и македоняне были предками болгаръ, заставляли послѣднихъ полюбить и героя-царя и гордиться своимъ происхожденіемъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ писателяхъ времени царя Симеона. Одинъ изъ двухъ этихъ писателей, которого имя еще не открыто, есть переводчикъ двухъ житій: *житія Антонія Великаго*, составленнаго Аѳанасіемъ, и *житія П[illegible]*, ученика Петрова. Эти переводы недавно найдены въ одномъ сборникѣ, гдѣ въ заключеніи самъ безыменный переводчикъ

говоритъ: „Не на свой же умъ надѣющеся, ни собою дерзнухомъ на дѣло сіе, толь велико суще, но принужени отъ строителя церковнаго Іоанна, Болгарскія земли“. Это достаточно указываетъ на время и мѣсто перевода. Другой писатель этого времени — *Черноризецъ Храбръ*, замѣчательный своимъ сказаніемъ о письменахъ, гдѣ онъ подробно излагаетъ изобрѣтеніе свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ славянской азбуки.

Пыпинъ.

Вліяніе Византіи на Русь.

Пути, которыми дѣйствовала Византія на старую русскую жизнь, были очень разнообразны и приводятся къ основному факту — принятію христіанства изъ этого восточнаго источника. Этотъ фактъ поддержанъ былъ потомъ и другими историческими обстоятельствами, которыя еще увеличили его значеніе. Съ принятіемъ византійскаго христіанства, въ древнюю Русь перешло вмѣстѣ множество элементовъ чисто византійскихъ: наряду съ церковными учрежденіями, переносимыми цѣликомъ, проникали византійскіе элементы гражданскаго законодательства; съ славянскимъ переводомъ писанія — многочисленныя произведенія византійской церковной и легендарной литературы; церковная связь поддерживалась личнымъ присутствіемъ греческаго духовенства, военными и родственными отношеніями князей, странствіями паломниковъ и т. д.

Наши историки предпринимали въ послѣднее время ближайшее опредѣленіе этихъ отношеній къ Византіи. Одинъ изслѣдователь греческаго вліянія въ древней Руси высчиталъ, что, по основаніи кіевской митрополіи, только пятый митрополитъ былъ родомъ русскій, что вообще въ до-татарскій періодъ изъ 23 митрополитовъ въ Кіевѣ семнадцать были несомнѣнно греки, происхожденіе трехъ неизвѣстно, и только остальные трое были русскіе; нѣкоторые изъ митрополитовъ до того оставались греками, что даже не выучивались по-русски. Епископы въ большинствѣ случаевъ были русскіе, но и между ними было не мало грековъ въ главнѣйшихъ городахъ, какъ Новгородъ, Ростовъ, Смоленскъ, Черниговъ и пр. Въ первое время приходили даже греческіе священники и клирики, церковные пѣвцы, церкви строились греческими мастерами, напримѣръ, знаменитѣйшія древнія церкви: Десятинная, Софи-

ская, Успенiя въ Печерскомъ монастырѣ, — онѣ украшаются привознымъ мраморомъ, всѣмъ искусствомъ греческой архитектуры, живописи, „мусiи“ (мозаики) и т. д.

Византiя, давно знакомая военнымъ дружинамъ, какъ цѣль походовъ и исканiя богатой добычи, а „гостямъ“ по торговымъ сношенiямъ, стала теперь привлекать многочисленныхъ странниковъ своими религiозными святынями. Ольга уже странствовала въ Константинополь, въ началѣ XI вѣка Антонiй обошелъ аѳонскiе монастыри и сталъ начинателемъ русскаго монашества; игуменъ Варлаамъ около половины того же вѣка доходилъ до самаго Iерусалима, въ началѣ XII столѣтiя путешествуетъ въ святыя мѣста Палестины знаменитый игуменъ Даніилъ, съ которымъ вмѣстѣ была цѣлая „дружина“ русскихъ паломниковъ; въ концѣ того же столѣтiя свершилъ свое странствiе Добрыня Ядрейковичъ (потомъ Антонiй, архiепископъ новгородскiй) и т. п. Этотъ Добрыня упоминаетъ между прочимъ, что въ одной изъ константинопольскихъ церквей видѣлъ могилу попа Леонтiя, русина, который „трижды въ Iерусалимъ пѣшь ходилъ“. Подъ конецъ церковныя власти даже стали вооружаться противъ паломничества, которое, по видимому, переходило уже въ злоупотребленiе.

Кромѣ сношенiй церковныхъ и торговыхъ, съ Византiей велись и теперь военныя и политическiя дѣла. Русскiе отряды не одинъ разъ отправлялись въ греческую землю въ качествѣ вспомогательнаго войска; князья роднились съ семьей императора, византiйскiе претенденты заходили на Русь; русскiе князья не одинъ разъ уходили въ изгнанiе въ Грецiю и т. д. и т. п.

Для новой народной жизни особенное значенiе получили церковныя связи, съ которыми соединялась и первая письменность. Греческая Церковь при самомъ началѣ стала передавать русской свои отличительныя особенности — строгое храненiе православiя, соборныхъ постановленiй и преданiя, враждебное отношенiе къ латинской Церкви и ея догматическимъ и инымъ нововведенiямъ, свое церковно-гражданское законодательство. Русская литература складывалась подъ непосредственнымъ дѣйствiемъ византiйскихъ образцовъ: въ догматикѣ, въ поученiи, въ „житiи“ русскiе писатели примѣняли византiйскую манеру. Византiйская догматика повторяется съ точностью и догматическiя тонкости вникаются въ поучительныхъ статьяхъ; русскiе писатели должны были замѣча-

тельнаго реторическаго совершенства, какъ, напр., Кириллъ Туровскій; въ житіяхъ святыхъ съ самаго начала устанавливается условный стиль, перенятый у грековъ и отличавшій потомъ наши произведенія этого рода. Единственнымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній о древнемъ мірѣ былъ византійскій хронографъ.

Успѣхъ Церкви былъ несомнѣнный и обширный: ея авторитетъ былъ неоспариваемый; духовенство со времени Владиміра поставлено было въ извѣстное независимое — нравственно и матеріально — положеніе; князья строили по собственному усердію церкви и приказывали строить; искали поученія и руководства у игуменовъ и епископовъ, сами вступали въ монашество и выдерживали его съ замѣчательной ревностью. Благодаря этому положенію, духовенство стало, наконецъ, богатѣйшимъ и привилегированнымъ землевладѣльцемъ и самобытной властью, со множествомъ своихъ чиновниковъ и управителей.

Такъ какъ первое распространеніе грамоты началось съ принятіемъ христіанства и первыя книги были церковныя, то и послѣ книжное образованіе было отождествлено съ церковнымъ ученіемъ: оно было въ особенности принадлежностью церковнаго сословія и высшаго класса. Древняя Русь еще знала нецерковную книжность, какъ доказываетъ „Слово о полку Игоревѣ“; но затѣмъ мы почти не видимъ слѣдовъ этой свѣтской письменности; въ наши средніе вѣка церковная книжность господствуетъ, но уровень знанія, внѣ церковныхъ интересовъ, былъ крайне невысокій, что, наконецъ, отозвалось ко временамъ Петровской реформы. Первыя вліянія новой европейской образованности, въ формѣ схоластической школы и литературы, появляются только съ XVI вѣка въ южной Руси, откуда въ XVI—XVII столѣтіяхъ онѣ только съ трудомъ проникли въ Москву.

Въ какомъ же отношеніи оказалось старое содержаніе народныхъ понятій къ новому въ періодъ введенія христіанства? Какъ ни умѣренными могутъ намъ представляться успѣхи образованія того времени, но древній періодъ обнаруживалъ, какъ мы говорили прежде, замѣчательную для своихъ условій ревность къ новому просвѣщенію.

Старое и новое были такъ не схожи, что преобладаніе и потомъ господство христіанскаго мировоззрѣнія должно было

составлялъ сильный умственный и нравственный переворотъ. Это дѣйствительно такъ и было: характеръ народный измѣнился, и въ этомъ измѣненіи мы видимъ примѣръ того, какимъ образомъ можетъ принимать совсѣмъ иное направленіе та народная жизнь, которой любятъ приписывать неизмѣнный складъ, незыблемое филологическое развитіе въ одномъ искони опредѣленномъ смыслѣ. Христіанство смѣнило прежнюю естественную религію и внесло новое нравственное сознаніе личнаго долга, святой жизни. Вмѣстѣ съ [illegible], христіанская литература выставила новую космогонію и теогонію, легенда принесла новую миѳологію, церковь дала освященіе власти, поддержала стремленіе къ единодержавію, сообщила новую опору утверждавшемуся порядку вещей. Перемѣна произошла и въ нравственныхъ понятіяхъ и въ устройствѣ общественной жизни.

Новый періодъ жизни былъ заявленъ быстро: [illegible] съ введеніемъ христіанской религіи возникали тотчасъ храмы новой вѣры, церковныя учрежденія, грамота и т. д. Христіанское мало-по-малу, намѣренно и ненамѣренно, [illegible] на мѣсто языческаго, отчасти удаляя его совсѣмъ, [illegible] смѣшиваясь съ нимъ. Давно указано, что еще въ первое время христіанства Церковь старалась замѣнять языческія [illegible]нія и предметы поклоненія христіанскими, превращала языческіе храмы въ церкви, замѣняла память о [illegible] божествахъ христіанскими святыми, языческія празднества христіанскими торжествами и т. д.

Церковь начала противодѣйствовать и бытовымъ обычаямъ и нравственнымъ понятіямъ народа: она возставала противъ многоженства или отсутствія брака, противъ языческихъ праздниковъ. Проповѣдь этого рода была настолько дѣйствительна, насколько новые христіане успѣвали проникнуться церковнымъ ученіемъ; всего сильнѣе она была въ княжескомъ обществѣ и въ городскомъ населеніи, ближе къ офиціальной церковной власти и духовному поученію. Дѣйствительно, уже вскорѣ встрѣчаются въ этомъ кругу примѣры большой религіозности и ревности: церковное строеніе сопровождаетъ крупныя событія ихъ жизни; въ удѣльныхъ распряхъ и войнахъ городскія граждане шли [illegible] за Спаса и Пречистую, [illegible] за Софію, которые олицетворяли для нихъ родной городъ и землю. [illegible] [illegible] сохраняются [illegible] въ украйнахъ [illegible] отъ центровъ края Русской земли.

Съ христіанскимъ ученіемъ входило новое понятіе о природѣ. Если, какъ надо полагать, наше язычество не представляло достаточно опредѣленной космогоніи, исторіи божествъ и творенія міра, то тѣмъ легче могло привиться новое представленіе о мірѣ, основанное на библейскомъ разсказѣ, по-своему — весьма точное, особенно украшенное средневѣковой фантазіей и легендой. Здѣсь просвѣщаемый новымъ ученіемъ узнавалъ исторію шестидневнаго творенія міра („Шестодневъ" является однимъ изъ древнѣйшихъ произведеній старославянской литературы), низверженіе непокорныхъ духовъ въ бездну, строеніе ада и рая, затѣмъ исторію первыхъ людей и человѣчества, пришествіе Спасителя. Изображеніе природы, полученное изъ византійскихъ книгъ, во всякомъ случаѣ должно было превышать старыя народныя понятія объ этомъ предметѣ; то, что оставалось неяснымъ и непонятнымъ, восполнялось изобильной фантастикой, всесильной тамъ, гдѣ для испытанія ея не было никакихъ знаній. Впослѣдствіи, когда въ русскую письменность проникла цѣлая масса такъ называемыхъ апокрифическихъ сочиненій, христіанской легендарной поэзіи именно этого фантастическаго характера, поэзіи, дополнявшей то, чего не знали изъ писанія о событіяхъ священной исторіи, о тайнахъ загробной жизни, наконецъ о явленіяхъ природы, эта легендарная поэзія стала у большинства господствующей космогоніей и теогоніей, гдѣ все уже было ясно, и гдѣ съ полной увѣренностію и подробностію описаны и тайны неба, ада и рая, и странствія души, покинувшей тѣло и т. д. Природа, изъ которой изгнаны были языческія божества, населилась, въ понятіяхъ этого большинства, новыми обитателями: средневѣковая легенда давала особыхъ ангеловъ солнцу, которое они двигали, другимъ небеснымъ свѣтиламъ, населяла землю добрыми и злыми духами, которые управляли явленіями природы и вели между собою споръ о человѣкѣ, желая пріобрѣсти его для рая или ада и т. д.

Книжники вскорѣ усвоили себѣ христіанскую космогонію и съ пренебреженіемъ опровергали то, что говорили о разныхъ явленіяхъ природы (напримѣръ, затменіяхъ и т. п.) „невѣгласы", т.-е. люди невѣжественные, не знающіе книжнаго ученія; книжники не вѣрили, чтобы во время затменія кто-то съѣдалъ солнце, но были убѣждены, что подобныя знаменія бываютъ не даромъ, что они посылаются по особеннымъ

случаямъ, когда Богъ хочетъ напомнить людямъ о покаяніи, исправленіи отъ грѣховъ, посылаетъ казнь за грѣхи, войну, моръ и т. п. Все въ природѣ дѣлается по непосредственному Божію велѣнію, и явленія необычныя имѣютъ смыслъ особеннаго указанія, предзнаменованія, угрозы.

Паломничество доставляло множество подтвержденій новому ученію: о чемъ разсказывали книги, то разсказывали и „калики перехожіе", бывавшіе на мѣстахъ. Паломники, въ своихъ странствіяхъ, видѣли тѣ самыя мѣста, гдѣ свершалась библейская исторія, и видѣли многочисленные памятники ея событій: тогдашній Константинополь, въ особенности св. Софія, былъ переполненъ множествомъ священныхъ реликвій, оставшихся воспоминаніемъ о земной жизни Христа и предметами поклоненія, множествомъ мощей святыхъ и всевозможныхъ предметовъ, оставшихся отъ нихъ памятью. Нѣсколько позднее путешествіе конца XII вѣка, очень любопытное между прочимъ съ этой стороны, перечисляетъ длинный рядъ изумительныхъ рѣдкостей, находившихся въ св. Софіи и другихъ храмахъ до завоеванія Царьграда крестоносцами. Здѣсь были многочисленные памятники исторіи ветхаго и новаго завѣта, памятники исторіи святыхъ и мучениковъ, чудотворные предметы и изображенія. Вотъ, напримѣръ, что собственными глазами видѣлъ русскій паломникъ въ святой Софіи, въ царскихъ золотыхъ палатахъ и въ иныхъ церквахъ Царьграда: тамъ была трапеза, на которой праотецъ Авраамъ ѣлъ хлѣбъ съ посѣтившей его св. Троицей; крестъ изъ той лозы, которую посадилъ Ной послѣ потопа, и масличный сучокъ, принесенный голубемъ въ ковчегъ; палица Моисеева, которою онъ раздѣлилъ Черное море и провелъ черезъ него людей израильскихъ; скрижали Моисеева закона и кіотъ, а въ немъ манна; труба мѣдная іерихонскаго взятія Іисуса Навина, въ которую вострубитъ ангелъ при второмъ пришествіи; часть милоти пророка Иліи и его пояса, и т. д. Отъ земной жизни Іисуса Христа сохранились многочисленные священные памятники: здѣсь были пелены Христовы; златые сосуды, принесенные младенцу Христу въ даръ волхвами; свердла и пилы, которыми тёсанъ былъ крестъ Господень, честной крестъ, вѣнецъ, губа, гвозди, копье и орудія страданія Іисуса Христа, поясъ Пресвятой Богородицы, сорочка, пелены и платокъ, и камень гроба Христа, мраморная лохань, въ которой онъ умылъ

нои своимъ ученикамъ; его трапеза; мраморный камень отъ колодца, у котораго Христосъ говорилъ съ самарянкой; камни отъ гроба Господня; Нерукотворенный образъ и проч. Здѣсь было множество частей и цѣлыхъ мощей святыхъ, угодниковъ и мучениковъ, начиная отъ Іоанна Крестителя. Здѣсь были чудотворныя иконы, какъ, напримѣръ, икона Богородицы, держащей Христа, въ которую жидовинъ ударилъ ножомъ въ гортань Христа и изъ нея потекла кровь; икона Спасова, которую св. Германъ послалъ безъ корабля посольствомъ въ Римъ; икона Богородицы, изъ очей которой шли слезы; икона или изображеніе „Корлѣя“ (т.-е. Куръ-Леона, императора Льва Мудраго), и у него камень дорогой въ челѣ, и почью свѣтитъ по святой Софіи, и т. д. Русскаго паломника поражали и тѣ необычайныя богатства, которыя собраны были для украшенія перваго храма восточнаго христіанства, — золото, серебро, мраморъ, драгоцѣнные камни, — наконецъ, произведенія искусства, наполнявшія св. Софію: все это вмѣстѣ должно было производить чрезвычайное впечатлѣніе; лѣтописное преданіе разсказываетъ, что одинъ видъ св. Софіи и церковнаго служенія въ ней увѣрилъ посла князя Владиміра, что здѣсь, у грековъ, должна быть истинная вѣра. Эти живыя впечатлѣнія странниковъ, безъ сомнѣнія, не меньше книжнаго ученія и проповѣди содѣйствовали успѣху христіанства: Царьградъ получилъ народную славу; легенда, принесенная очевидцами священныхъ памятниковъ, получила полную убѣдительность.

Русское христіанство, въ руководящемъ классѣ народа, уже вскорѣ пріобрѣтаетъ значительную самобытность. Благодаря болгарамъ и сербамъ, оно получило переводъ писанія необходимѣйшихъ церковныхъ книгъ и нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей и произведенія писателей южно-славянскихъ, такъ что располагало съ самаго начала обширной церковной и легендарной литературой. Произведенія первыхъ русскихъ писателей свидѣтельствуютъ, что этотъ литературный запасъ былъ хорошо усвоенъ. Церковь начинаетъ обнаруживать собственную дѣятельность, довольно независимую отъ византійскаго первенства и руководства. Эта независимость рѣзко обнаружилась въ примѣрѣ избранія митрополита безъ всякаго сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ. Церковь имѣла уже русскихъ святыхъ, признанныхъ и славянскимъ югомъ; имѣла даже

праздники греческимъ святымъ, не существовавшіе у самихъ грековъ.

Съ теченіемъ времени христіанское сознаніе стало господствующимъ; народъ еще въ древнемъ періодѣ сталъ считать свою вѣру однимъ изъ тѣхъ основныхъ качествъ, которыя отличали его отъ нехристіанскаго восточнаго сосѣдства: это были „крестьяне“ и „поганые“.

Но успѣхи христіанства, какъ ни были значительны, имѣли свою оборотную сторону. Прежнія понятія такъ были вплетены во всѣ отношенія обыденной жизни, что для народной массы отказаться отъ нихъ было невозможно за одинъ разъ, и они продолжали жить въ народѣ долгое время, то окрашивая христіанскія понятія примѣсью стараго суевѣрія, то сохраняясь чисто языческимъ обычаемъ. Языческое сознаніе такого обычая обыкновенно ослабѣвало, но оно сохранялось какъ дополненіе новой вѣры. Обычай христіанскій распространялся, но къ нему прибавлялся оттѣнокъ языческаго фетишизма; обрядъ, священный предметъ цѣнились не только какъ религіозное воспоминаніе или символъ, но имъ самимъ приписывалась божественная и чудодѣйственная сила. Доброе и злое, начало нравственное, поняты были прямо какъ двѣ враждующія силы, которыя спорятъ о человѣкѣ, и съ которыми онъ самъ можетъ вступить въ союзъ и договоръ. Извѣстно, что средневѣковая, особенно монашеская, легенда сама воспитывала подобное воззрѣніе, и оно было воспринято съ особенной охотой и доводимо до послѣдней осязательности. Старинные моралисты не обращали вниманія на подобныя извращенія религіозныхъ понятій, потому что и сами были къ нимъ очень близки, или даже вполнѣ раздѣляли ихъ, хотя они сурово вооружились противъ всего, что напоминало суевѣрія языческія. А такихъ было не мало: главныя божества языческой религіи были забыты — въ древнѣйшихъ обличеніяхъ еще называются имена Перуна, Волоса и т. п., но потомъ они исчезаютъ, какъ, вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ исчезли изъ народной памяти; зато сбереглось множество божествъ второстепенныхъ и частныхъ повѣрій и обычаевъ. Рядомъ съ добрыми и злыми духами христіанства, но отдѣльно отъ нихъ существовали домовые, лѣшіе, водяные, русалки; по пѣснямъ помнились языческіе обряды, заклинанія, по сказкамъ памятна была баба-яга, живая и мертвая вода, говорящія птицы и деревья, волшебное превращеніе черезъ [illegible]

ножей и т. п. Жизнь домашняя и земледѣльческая обставлены были и теперь, какъ прежде, множествомъ специальныхъ обрядностей, примѣтъ, смыслъ которыхъ заключался, съ одной стороны, въ расчетѣ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій земледѣльческаго труда, съ другой — въ волшебномъ удаленіи зловредныхъ силъ. Къ христіанской молитвѣ примѣшалось прежнее колдовство и заговоры: въ этихъ послѣднихъ, какъ они сохранились теперь, не подлежитъ сомнѣнію основа давняго и народнаго происхожденія, но къ ней мирно присоединялись имена христіанскихъ святыхъ, авторитетъ которыхъ призывался на помощь языческому волхвованію.

Самъ народъ, очевидно, не отдавалъ себѣ отчета въ этой двойственной вѣрѣ; онъ, вѣроятно, скоро воспринялъ понятіе о христіанскомъ всемогущемъ Богѣ, о будущей жизни, о грѣхѣ, о наградѣ и наказаніи, но никогда не умѣлъ отчетливо раздѣлить старыхъ и новыхъ понятій, которыя не совсѣмъ умѣли дѣлить и его руководители: онъ наивно принималъ и то, что было стародавнимъ преданіемъ, и то, въ чемъ убѣждало его церковное ученіе; воображеніе и чувства одинаково поражались и тѣми страхами, какіе внушало старое суевѣріе, и тѣми, какими угрожало грѣшнику церковное ученіе, по преданію, не одинъ разъ прибѣгавшее къ картинѣ страшнаго суда для убѣжденія язычниковъ; въ особенности народъ не могъ дѣлить стараго и новаго въ области фантастическаго и поэтическаго и простодушно вѣрилъ чудесному, и христіанскому и языческому одинаково. Понятно, что эти старыя мнѣнія и привычки всего сильнѣе держались именно въ народѣ. Въ первое время Церковь не имѣла, конечно, никакихъ средствъ обезпечить его христіанское обученіе: это продолжалось и потомъ; если въ XV столѣтіи церковные правители жаловались на недостатокъ сельскихъ священниковъ, порядочно знающихъ грамоту, то прежде народная масса, безъ сомнѣнія, еще больше бывала предоставлена случаю. Извѣстно, что въ народѣ въ тѣ времена являлась даже мысль, что церковный обрядъ предназначается только для высшаго класса, напримѣръ, что вѣнчаніе браковъ нужно только для бояръ. Понятно, что въ сельскомъ быту далекихъ отъ центра краевъ свободно могли жить остатки язычества въ самыхъ очевидныхъ формахъ.

Это было то „двоевѣріе", которое ревностно обличали старинные моралисты: для нихъ, успѣвшихъ усвоить аскетиче-

скій идеалъ, невыносимо было древнее народнаго быта, въ которомъ языческія воспоминанія были несомнѣнны, гдѣ въ первое время, вѣроятно, поминались въ пѣсняхъ поименно языческія божества и продолжали совершаться языческие обряды и праздники.

Это старое „двоевѣріе“ удержалось надолго; мы упоминали, какъ до временъ самого Петра продолжалось осужденіе народнаго обычая. Извѣстно очень хорошо, что въ сущности двоевѣріе, въ формѣ очень туманнаго представленія о религіозныхъ истинахъ или въ формѣ крайняго суевѣрія, продолжается и до настоящей минуты. Языческая старина еще не вымерла окончательно въ народныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ, заговорахъ, былинахъ и проч. Ученый этнографъ встрѣчаетъ ихъ теперь какъ „драгоцѣнный остатокъ старины“, сохраненію которыхъ онъ радуется, какъ свидѣтельству старой патріархальной, чистой народной непосредственности, въ которыхъ онъ видитъ даже предметъ гордости передъ другими народами, затерявшими это старое наслѣдье, передъ прозаической сухостью новѣйшей, ему не совсѣмъ симпатичной, „цивилизаціи“. Но ревнитель церковности, какіе ратовали за ея чистоту въ XII—XVII столѣтіяхъ, и теперь могъ бы съ той же нетерпимостью вооружиться противъ „поганскихъ“ игрищъ, скаканія, противъ пѣсенъ и сказокъ (старинные моралисты нападали и на тѣхъ, кто „сказки сказываютъ небылыя“).

Что же означала эта борьба съ двоевѣріемъ? Очевидно, что двоевѣріе было состояніемъ огромнаго большинства народа, и что извѣстный „разладъ“, который находятъ теперь между образованнымъ классомъ и народной массой, и изъ котораго дѣлаютъ столь тяжелый упрекъ образованному классу, начался въ сущности очень давно, именно въ тѣ вѣка, когда съ принятіемъ христіанства и усиленіемъ государства впервые рѣзко выдѣлились высшія сословія и стали надъ народной массой какъ своимъ общественнымъ, матеріальнымъ значеніемъ, такъ и своей долей тогдашняго образованія, у нихъ являлся, такъ или иначе, другой складъ жизни, въ которомъ имъ легче было отказаться отъ стараго обычая; народъ, въ силу простѣйшихъ условій своей жизни, захолустнаго деревенскаго быта, недостатка церковнаго обученія, оставался съ старыми обычаями. Книжники не думали отличать въ этихъ обычаяхъ то, что могло быть вреднымъ заблужденіемъ и что было только невин-

ной поэтической принадлежностью народнаго увеселенія: они не думали и о томъ, что вина сохраненія старины (если она была вредна) было не злокачественное упорство народа, а недостатокъ обученія, доставить которое обязаны были они сами и руководящая ими власть: вмѣсто того, чтобы приблизиться къ народу и дать ему недостающее просвѣщеніе, они презрительно осуждали его образъ жизни, и съ теченіемъ времени все усиливался высокомѣрный тонъ, съ какимъ книжники относились къ народной темнотѣ.

Недостатокъ правильной школы производилъ то, что въ народной массѣ вмѣстѣ съ распространеніемъ фантастическаго суевѣрія, одѣвшагося въ христіанскія черты, шло слишкомъ внѣшнее пониманіе религіи, приверженность къ обряду и къ буквѣ. Этотъ особый народный культъ вѣками дошелъ, наконецъ, до степени непоколебимаго убѣжденія, и когда въ XVII вѣкѣ начались попытки церковнаго исправленія, давно необходимаго, и коснулись этого культа, результатомъ народнаго неудовольствія явился расколъ въ видѣ защиты „старыхъ книгъ“. Начинателями и приверженцами раскола были, какъ извѣстно, вовсе не одни изувѣры изъ простого народа, но и множество духовныхъ лицъ, священниковъ и монаховъ, напримѣръ, цѣлая Соловецкая обитель.

Въ какомъ же отношеніи стояло просвѣщеніе древней Руси къ тогдашнему содержанію образованности европейской, къ которой она стала такъ враждебно къ концу московскаго періода, и съ которой должна была считаться со временъ Петра?

Исторія западнаго просвѣщенія не есть исторія католицизма и не поглащается господствомъ его догмата. Западное просвѣщеніе въ своихъ начаткахъ дѣйствительно связывалось съ католицизмомъ, но имѣло однако свою особую исторію, и замѣчательнѣйшія дѣянія образованности съ давнихъ временъ не только совершались внѣ католицизма, но состояли именно въ отрицаніи того, что католицизмъ заключалъ въ себѣ превратнаго и стѣснительнаго для человѣческой мысли. Если это превратное и стѣснительное мы назовемъ клерикальнымъ, то этотъ клерикальный элементъ представляла въ той или другой степени и сама Византія. На католицизмѣ, какъ теократической системѣ, лежитъ вина крайняго извращенія религіи для политическихъ цѣлей, церковнаго подлога и обмана; греческая церковь хранила вѣрно догматъ, но сохраненіе догмата не

предотвратило многихъ печальныхъ церковныхъ явленій, которыя представляетъ и исторія самой Византіи и которыя также способны были производить и производили деморализующее дѣйствіе. Въ смыслѣ народной цивилизаціи, католицизмъ справедливо винятъ въ томъ, что онъ не допускалъ національныхъ церквей, запрещалъ народный языкъ въ богослуженіи, не дозволялъ перевода св. писанія; но это не устраняло и въ немъ проповѣди на народныхъ языкахъ, а единство церковнаго языка имѣло свою историческую выгоду, какъ объединеніе народовъ западной Европы, въ литературѣ и образованности; господство латыни облегчило развитіе „возрожденія", которое стало многозначительной эпохой европейскаго образованія.

Изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, чтобы значеніе католицизма было безразлично въ исторіи образованности; напротивъ, онъ внесъ въ исторію Запада много вражды, невѣжества, общественной порчи, и отвращеніе къ католицизму, возбужденное въ древней Руси изъ Византіи, имѣло свое благотворное вліяніе, устранившее отъ русскаго народа властолюбивыя притязанія папства, — но Византія не выяснила вполнѣ настоящихъ зловредныхъ сторонъ католическаго клерикализма: догматическая нетерпимость мало-по-малу заключила въ себѣ всѣ вопросы просвѣщенія; Византія отдалила древнюю Русь не только отъ католицизма, но вообще отъ Запада, и, сдѣлавъ невозможными образовательныя связи съ Западомъ, сама нимало не вознаградила этого собственными источниками образованія.

Въ теченіе древняго періода религіозная нетерпимость русскихъ къ католическому Западу еще далеко не имѣла такого чрезвычайнаго развитія, какое отличаетъ послѣдующую эпоху; ея часто вовсе даже незамѣтно внѣ духовнаго сословія. Но византійскіе учители съ самаго начала требовали ея самымъ настойчивымъ образомъ: по лѣтописному преданію объ испытаніи вѣръ Владиміромъ, греческій философъ предупредилъ уже Владиміра (язычника, ничего не знавшаго обо всемъ христіанствѣ), что не слѣдуетъ принимать вѣры латинъ потому, что они „служатъ на опрѣснокахъ". На первый разъ это невразумительное для Владиміра обвиненіе противъ „латыни" было единственное; потомъ оно разъяснено было дальше, а, наконецъ, въ нашей древней литературѣ является цѣлый рядъ произведеній направленныхъ противъ „латыни" и писанныхъ отчасти греками, митрополитами, отчасти русскими іерархами. Тон-

обличеній уже съ перваго времени обнаруживаетъ сильную враждебность, которая потомъ возрастаетъ еще болѣе, пока, наконецъ, доходитъ до послѣдняго предѣла въ московскомъ періодѣ. Дѣло представлялось вообще въ такомъ видѣ, что въ московскій періодъ, когда сношенія съ Западомъ были затруднены самымъ историческимъ положеніемъ государства, „латина“ стала предметомъ благочестиваго ужаса, — имѣть съ ней дѣло значило осквернить себя и подвергнуть великой опасности свое спасеніе въ будущей жизни. Вслѣдствіе этого древняя Русь была связана въ умственныхъ интересахъ только съ одной Византіей, и это было великой потерей для ея просвѣщенія и причиной крайней непрочности науки и образованія.

Защитники Византіи ставятъ обыкновенно очень высоко ея просвѣщеніе и утверждаютъ даже, что она была тѣмъ источникомъ, откуда и самый Западъ почерпалъ свою науку. Но это большая историческая ошибка. Византія въ сравненіи съ древневѣковымъ Западомъ имѣла дѣйствительно сильное преимущество — въ возможности непрерывнаго наслѣдованія отъ древней образованности: для византійскаго грека эта послѣдняя могла быть гораздо ближе, чѣмъ для итальянца, франка или германца, которые, хотя имѣли и свою связь съ римскимъ міромъ (но кромѣ итальянцевъ въ извѣстной степени), не имѣли непрерывности языка, не сохраняли такого обилія древнихъ памятниковъ литературы или искусства. Византія, однако, не воспользовалась своими выгодными условіями въ такой мѣрѣ, въ какой это было возможно. Правда, она имѣла много по-своему ученыхъ людей — искусныхъ теологовъ, діалектиковъ, особенно стилистовъ; литературное образованіе было распространено, особенно въ началѣ среднихъ вѣковъ, несравненно обширнѣе, чѣмъ на Западѣ; ея искусство и внѣшняя культура отличались иногда большимъ блескомъ и высокой степенью развитія; но въ области научнаго знанія, здѣсь не только не было движенія впередъ, но скорѣе отступленіе назадъ. Ея наука направилась главнымъ образомъ на схоластическую догматику, и внѣ этой области ея писатели не имѣли вообще ни самостоятельнаго творчества ни широкой критической мысли. Наслѣдіемъ древней литературы они воспользовались только какъ собиратели, комментаторы; направленіе ихъ работъ было почти исключительно компилятивное; были между ними восторженные почи-

затели античной поэзіи, но въ ихъ рукахъ античныя воспоминанія не обновили литературы новымъ содержаніемъ и остались безплодны. Древняя наука, которая съ такимъ блескомъ была обрабатываема въ Александріи, не нашла между византійцами ни одного достойнаго продолжателя ни въ геометріи и астрономіи ни въ изученіи природы, и греческая литература византійской эпохи забыла знаменитыя имена античнаго и александрійскаго періода и не стала выше уровня средневѣковаго популярнаго міровоззрѣнія.

Въ нашей исторической литературѣ была выражена мысль, что въ общемъ счетѣ для русской образованности не было большой потери, что она не знала схоластической науки среднихъ вѣковъ, которая была же покинута въ самой Европѣ съ началомъ новаго научнаго развитія, что такимъ образомъ древняя Русь обошлась только безъ лишняго балласта. Это оригинальное мнѣніе представляетъ весьма неточное представленіе о дѣлѣ. Какова ни была наука настоящихъ схоластиковъ, она имѣла въ себѣ стороны, представлявшія извѣстное движеніе и упражненіе мысли, ея теологическая сторона заключала не больше ложнаго, чѣмъ византійская схоластика и мистика и легендарные миѳы, пріобрѣтенные древнею Русью изъ Византіи; и когда, съ успѣхами европейской мысли, эта ложная сторона схоластики была отвергнута, это было новымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, которое у насъ осталось неизвѣстно. Въ этомъ смыслѣ русская образованность вовсе не миновала схоластики, не была отъ нея свободна, а, напротивъ, только дольше оставалась въ ней: именно оставалась и тогда, когда въ Европѣ схоластика отжила уже свое время, везде, кромѣ католической клерикальной школы. Вмѣсто XII—XVI-го вѣка, схоластика проникла къ намъ въ XVI—XVIII вѣкахъ. Когда мы, оставивши византійскую традицію, обратились къ западной образованности, мы попали въ заднie ея ряды. Но, кромѣ того, очень ошибочно думать, что средневѣковая мысль заключалась въ одной схоластикѣ, въ стилѣ Ѳомы Аквината. Напротивъ, „средневѣковой мракъ“ на Западѣ былъ вовсе не такъ великъ, какъ о томъ говорятъ. Оживленная дѣятельность мысли обнаруживается съ первыхъ вѣковъ европейскихъ обществъ. Паденіе античнаго міра было паденіемъ старой образованности, стремленія лучшихъ людей поглощены были разрѣшеніемъ религіознаго вопроса, принесеннаго христіанствомъ,

старыя знанія, старое научное движеніе были забыты; новые народы принимали съ христіанствомъ новое міровоззрѣніе, въ которомъ понятіе о природѣ было не плодомъ размышленія и изученія, а легендой; первая схоластика была стремленіемъ отдать себѣ отчетъ въ этихъ понятіяхъ о мірѣ, привести ихъ въ систему, найти для нихъ логическое оправданіе; схоластика приняла на вѣру легенду, которая имѣла за себя могущественный авторитетъ, но самая попытка логическаго построенія была началомъ критики, изслѣдованія; въ помощь ему уже теперь взятъ былъ Аристотель; къ нему присоединились потомъ другія вліянія античной науки чрезъ посредство арабской учености. Тогдашняя мысль долго блуждала при этомъ въ дебряхъ казуистики и суевѣрія вмѣстѣ, но нерѣдко производила замѣчательныя и смѣлыя построенія. Эта философія, говорившая на латинскомъ языкѣ, становилась общеевропейскимъ достояніемъ, общимъ умственнымъ интересомъ западныхъ народовъ, который полагалъ основаніе и ихъ дальнѣйшему солидарному движенію къ другимъ областямъ науки. Отрицаніе того, что мы называли выше клерикальнымъ элементомъ понятій, издавна овладѣло умами до такой степени, что возстаніе противъ папскаго теологическаго и общественнаго авторитета заявлено было рѣшительно еще за нѣсколько вѣковъ до реформаціи — въ ересяхъ, охватывавшихъ цѣлыя страны, какъ ересь альбигойцевъ, въ цѣлой обширной литературѣ. Такъ называемое „Возрожденіе" XIV—XV вѣка своими корнями лежитъ далеко въ глубинѣ среднихъ вѣковъ, и теперь справедливо начинаютъ отыскивать его первые источники въ непрерывавшейся традиціи классическихъ воспоминаній въ Италіи; эта традиція давала уже почву для ученыхъ византійцевъ, приходившихъ въ Италію въ XIV—XV вѣкѣ, которымъ прежде почти исключительно приписывалась заслуга обновленія античной древности (которой, дѣйствительно, они не въ силахъ были обновить у себя дома).

Если папскій католицизмъ имѣлъ свою огромную силу надъ умами массы, то, съ другой стороны, тѣ же средніе вѣка начали противъ него борьбу, которая, свергнувъ для многихъ народовъ теократическое иго папства, открыла дорогу и для свободной мысли, которая сдѣлалась общечеловѣческой основой умственнаго развитія. Къ этой основѣ должна была долго спустя прійти и русская образованность, когда хотѣла поки-

нуть свою средневѣковую миѳологическую ступень и начать путь научнаго сознанія.

Въ этомъ Византія нимало не помогала древней Руси. Та высокая цивилизація, какую ей приписываютъ ея поклонники, осталась неизвѣстна древней Руси; Византія не сообщала ей ничего изъ тѣхъ преданій античной цивилизаціи, какія сохранялись у ея собирателей, схоластовъ и компиляторовъ, и передала только свои церковно-клерикальныя произведенія и популярно-монашескую легенду. Тѣ запасы чисто-образовательнаго содержанія, какіе въ ней все-таки были, не доходили до древней Руси; дошла только клерикально исключительная литература и миѳологія. Мы не скажемъ, чтобы вина односторонности и скудости просвѣщенія въ древней Руси пала на одну Византію; надо признать, что запросъ на это просвѣщеніе не былъ великъ; но, вѣроятно, и самое просвѣщеніе Византіи было таково, что его другія стороны не настолько были замѣтны въ общемъ тонѣ литературы, чтобы привлекать на себя вниманіе и возбуждать любознательность.

Такимъ образомъ, по началу и направленію образованности древняя Русь примыкала къ Византіи и осталась чужда западно-европейскому движенію; тѣсныя связи съ Византіей въ политическомъ и особенно церковномъ отношеніи не дали ей элементовъ свѣтской науки; отношенія къ Западу еще не были затруднены той церковной и національной нетерпимостью, которая развилась впослѣдствіи, но Западъ былъ далекъ, и его возбужденная дѣятельность не отразилась почти ничѣмъ въ жизни древней Руси. Преобладающимъ вліяніемъ осталась византійская церковность, которая возымѣла свое полное дѣйствіе въ слѣдующемъ періодѣ.

Но во всякомъ случаѣ древній періодъ не представляетъ той замкнутости отъ Европы, какая была послѣ, и былъ бы способенъ къ болѣе широкому образованію, если бы обстоятельства были болѣе благопріятны: древняя Русь не могла сравниться съ народами Запада потому уже, что не имѣла той болѣе или менѣе значительной близости съ остатками древней цивилизаціи, какъ это было не только въ романскихъ, но отчасти и въ германскихъ земляхъ; единственнымъ путемъ и опорой образованности была Византія, которая, внѣ клерикальныхъ и политическихъ отношеній, не имѣла никакого интереса къ русскому народу и его просвѣщенію. Характеръ византійскихъ вліяній

обозначился уже въ первомъ періодѣ нашей исторіи, въ полной мѣрѣ онъ выразился въ московскомъ періодѣ. Тяжелая исторія раздѣлила сѣверъ и югъ Россіи. послѣдній провелъ нѣсколько вѣковъ въ борьбѣ за религію и національное существованіе; первый создавалъ новый оттѣнокъ русской народности, который сталъ господствующимъ представителемъ русскаго племени. Великорусскій сѣверъ былъ еще больше отдаленъ отъ всякихъ соприкосновеній съ европейскимъ міромъ, и въ своей борьбѣ съ азіатствомъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, поглощенный построеніемъ государства, тѣмъ больше могъ уйти въ крайнюю національную и религіозную исключительность и полувосточную умственную неподвижность. Съ паденіемъ Византіи московское царство осталось единственнымъ представителемъ восточнаго православія, и это еще увеличило его самодовольство, но не увеличило образованности. Восточные патріархи, вызванные въ Москву для устраненія внутреннихъ неурядицъ московской религіозной жизни, замѣтили недостатокъ просвѣщенія; византійцы не сознавали, что прежде всего это была ихъ собственная вина. *Пыпинъ.*

Поученіе Луки Жидяты.

Поученіе къ братіи новгородскаго епископа Луки Жидяты важно для насъ не по одной своей древности; нѣтъ, а особенно потому, что оно составлено человѣкомъ, который первый изъ нашихъ соотечественниковъ удостоился степени архипастырства, потому, что оно, сколько донынѣ извѣстно, есть первое, собственно русское, церковное слово, которое, судя по содержанію его и тону, святитель новгородскій произнесъ едва ли не при самомъ вступленіи въ свою паству (1035 г.). Не отличается это поученіе ни искусственнымъ краснорѣчіемъ ни глубиною и плодовитостію мыслей; напротивъ, дышитъ совершенною простотою и кратко излагаетъ самыя общія, первоначальныя наставленія въ истинахъ вѣры и нравственности. Но зато оно вполнѣ соотвѣтствовало настоятельнымъ потребностямъ времени и мѣста, вполнѣ приспособлено было къ понятіямъ тѣхъ младенцевъ по вѣрѣ, къ которымъ было направлено.

„Первѣе всего, братіе“, говоритъ проповѣдникъ, „вотъ какую

заповѣдь всѣ мы христiане должны содержать несомнѣнно: вѣровать во единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, во Отца и Сына и Святаго Духа, какъ научили апостолы и утвердили святые отцы; вѣрую во единаго Бога... до конца. Вѣруйте также воскресенiю и жизни вѣчной и вѣчной мукѣ (уготованной) грѣшникамъ. Не лѣнитесь ходить въ церкви и на заутреню, и на обѣдню, и на вечерню; и въ кельи своей, отходя ко сну, прежде помолись Богу, и тогда возлегай на постелю. Въ церкви предстойте со страхомъ Божиимъ: не говори ничего и ни о чемъ не мысли, но всею мыслью моли Бога, да отпуститъ тебѣ Богъ грѣхи".

Указавъ, такимъ образомъ, главныя обязанности христiанина по отношенiю къ Богу, проповѣдникъ начинаетъ преподавать своимъ слушателямъ христiанскiя обязанности и къ ближнимъ: „любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ, а особенно съ братiею, и да не будетъ иное на сердцѣ, а иное на устахъ. Не рой ямы предъ братомъ, да не ввергнетъ тебя Богъ еще въ большую; но будь такъ правдивъ, чтобы ради правды и закона Божiя быть готовымъ положить свою главу, да сочтетъ тебя Богъ со святыми. Прощайте братъ брату и всякому человѣку, а не воздавайте зломъ за зло; похвалите другъ друга, да и Богъ васъ похвалитъ. Не смущай, да не наречешься сыномъ дiавола; но примиряй, да будешь сыномъ Богу. Не суди брата даже мыслью, поминая грѣхи свои, да и тебя Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныхъ и убогихъ и заключенныхъ въ темницахъ, и будьте милостивы къ своимъ сиротамъ".

Послѣ сего проповѣдникъ обращаетъ вниманiе своихъ слушателей преимущественно на самихъ себя и наставляетъ, какъ они должны вести себя по-христiански: „Не прилично вамъ, братiе, имѣть лицемѣрiе и гнѣваться на всякъ день. Не злобствуй, не смѣйся ни надъ кѣмъ; въ напасти терпи, возлагая упованiе на Бога. Не имѣйте дерзости, ни гордости, не притыкайтесь къ чему-либо иному подобному, памятуя, яко заутра мы будемъ смрадъ и гной и червiе. Будьте смиренны и кротки, да и послушницы будьте и творцы Божiимъ заповѣдямъ, ибо въ сердцѣ гордаго обитаетъ дiаволъ, и слово Божiе не можетъ утвердиться въ немъ".

Наконецъ, проповѣдникъ изрекаетъ еще нѣсколько общихъ наставленiй касательно обязанностей христiанина въ отношенiи къ Богу, къ ближнимъ и къ самому себѣ. Особенно въ силу

семейномъ, гражданскомъ и церковномъ, и тѣмъ заключаетъ свое поученіе. „Чтите стараго человѣка и родителей своихъ; не клянитеся именемъ Божіимъ, ни иного заклинаніе, ни проклинайте. Судите по правдѣ, мзды не емлите, не отдавайте въ лихву. Бога бойтеся, князя чтите: мы рабы, во-первыхъ, Бога, а потомъ государя. Чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слуги церковныя. Не убій, не укради, не солжи; не будь довѣрчивъ лжи; не ненавиди, не завиди, не клевещи; не пей безвременно, но пей въ мѣру и не до пьянства. Не буць гнѣвливъ и дерзокъ; съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ. Не ядите сквернаго; святые дни чтите. Богъ же мира со всѣми и вами! Аминь".

Повторяемъ: просто это поученіе и безыскуственно; но оно показываетъ въ авторѣ пастыря мудраго, ясно понимавшаго, какою пищею ему надлежало питать свое духовное стадо; пастыря ревностнаго и попечительнаго, который, казалось, хотѣлъ напутствовать своими наставленіями ввѣренныхъ его водительству во всѣхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ жизни; пастыря кроткаго и любвеобильнаго, умѣвшаго говорить съ духовными чадами голосомъ убѣжденія и сердца. Одно уже это объясняетъ намъ, почему Ярославъ, несмотря на преобладающее въ то время вліяніе греческаго духовенства въ нашей церкви, рѣшился избрать на новгородскую каѳедру русскаго — Луку Жидяту и предпочелъ его ученику прежняго новгородскаго епископа Іоакима, Ефрему, тогда какъ послѣдній, по завѣщанію своего учителя, уже пять лѣтъ отправлялъ обязанности его учительства. *Митр. Макарій.*

Слово Иларіона „О законѣ и благодати".

Перлъ всей нашей духовной литературы перваго періода есть „Слово" пресвитера Иларіона, бывшаго въ селѣ Берестовѣ, впослѣдствіи митрополита кіевскаго. Взглянемъ на него во всей его цѣлости, чтобы составить о немъ надлежащее понятіе. Нельзя не удивляться зрѣлости ума, глубинѣ чувства, обилію богословскихъ свѣдѣній и тому ораторскому одушевленію и искусству, какими запечатлѣно это образцовое слово, написанное Иларіономъ еще въ санѣ пресвитера. Оно состоитъ изъ трехъ частей, которыя, повидимому, разнородны между

собою, но имѣютъ тѣсную, внутреннюю связь и составляютъ одно художественное цѣлое. Въ первой части витія показываетъ превосходство закона евангельскаго, т.-е. вѣры Христовой предъ закономъ Моисеевымъ, и распространеніе ея между всѣми народами, и въ особенности въ землѣ русской; во второй восхваляетъ равноапостольнаго Владимира, просвѣтившаго землю русскую этою спасительною вѣрою, столько превосходящею законъ Моисеевъ; въ третьей — обращается съ молитвою къ Богу отъ лица всей новопросвѣщенной земли русской, — такъ что первая часть служитъ самою твердою основою для второй, а вторая естественно приводитъ къ третьей и заключается ею. Всѣ эти три части означены въ самомъ заглавіи слова: „О законѣ Моисеомъ данѣмъ, и о благодати и истинѣ Іисусомъ Христомъ бывшимъ, и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни и вѣра во вся языки простреся и до нашего языка русскаго; и похвала кагану нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всеа земля наша“.

„Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, Богъ христіанскій, — такъ начинается первая часть слова, — яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ (Лук. 1, 68), — не презрѣ твари своей до конца и не попустилъ ей быть одержимою мракомъ идолопоклонства и бѣсовскимъ служеніемъ, но оправдалъ сперва племя Авраамово чрезъ скрижали и законъ, а послѣ чрезъ Сына Своего спасъ всѣ народы евангеліемъ и крещеніемъ, вводя ихъ въ обновленіе пакибытія, въ жизнь вѣчную. Итакъ, восхвалимъ и прославимъ Его, непрестанно хвалимаго отъ ангеловъ; поклонимся Ему, Которому непрестанно кланяются херувимы и серафимы, ибо онъ призрѣлъ на людей своихъ, — и не ходатай, ниже ангелъ, но Самъ спасъ насъ (Ис. 63, 9), пришелъ на землю не привидѣніемъ, но истинно пострадавъ за насъ плотію, до гроба, и воскресивъ насъ съ Собою. Облекшись плотію, пришелъ Онъ къ живущимъ на землѣ человѣкамъ; а бывъ распятъ и положенъ во гробѣ, сошелъ къ находящимся во адѣ, чтобы и тѣ и другіе, живые и мертвые, познали посѣщеніе и пришествіе къ нимъ Божества и уразумѣли, что Богъ имѣетъ власть и силу надъ живыми и мертвыми. Ибо кто такъ великъ, какъ Богъ нашъ? Онъ единъ творитъ чудеса. Онъ положилъ законъ для приготовленія людей къ принятію истины и благодати, чтобы человѣче-

ское естество, при руководствѣ закона, уклоняясь отъ языческаго многобожія, приучилось вѣровать въ единаго Бога, чтобы человѣчество, какъ сосудъ оскверненный, бывъ омыто закономъ и обрѣзаніемъ, какъ водою, могло принять млеко благодати и крещенія. Законъ былъ предтечею и служителемъ благодати и истины; истина же и благодать служатъ вѣку будущему, жизни безсмертной. Ибо законъ приводилъ подзаконныхъ къ благодатному крещенію; крещеніе же препровождаетъ сыновъ своихъ въ вѣчную жизнь. Моисей и пророки проповѣдали о пришествіи Христовомъ, а Христосъ и Его апостолы — о воскресеніи и будущемъ вѣкѣ".

Послѣ этой общей мысли о законѣ и благодати, составляющей какъ бы вступленіе къ первой части, витія подробно разсматриваетъ ихъ взаимное отношеніе подъ символическими образами сперва Агари и Сарры, потомъ Манассіи и Ефрема, и раскрываетъ преимущественно двѣ истины: во-первыхъ — ту, что законъ данъ былъ только на время, служилъ только приготовленіемъ къ благодати, сѣнію грядущихъ благъ и долженъ былъ прейти, когда возсіяла благодать и начала приводить людей къ вѣчной жизни; а во-вторыхъ — ту, что законъ данъ былъ однимъ іудеямъ и не простирался на другіе народы, тогда какъ благодать и вѣра христіанская дарована для всѣхъ людей, распространилась на множество языковъ, наполнила всю землю, покрыла ее, какъ вода морская, и спасаетъ всѣхъ.

При созерцаніи такого превосходства благодати предъ закономъ, витія снова возносится къ самому виновнику благодати Господу Іисусу и восклицаетъ: „Итакъ, кто не прославитъ, кто не восхвалитъ Его, кто не поклонится величію славы Его? Кто не удивится неизмѣримому человѣколюбію Его? Рожденный прежде вѣковъ отъ Отца, единый сопрестольный Отцу, единосущный Ему, какъ свѣтъ солнцу, сошелъ на землю; не отлучаясь отъ Отца, посѣтилъ людей своихъ, воплотился единъ сый отъ Троицы — въ двухъ естествахъ: божескомъ и человѣческомъ, — совершенный человѣкъ по вочеловѣченію, а не въ привидѣніи, и совершенный Богъ по божеству, а не простой человѣкъ. На землѣ Онъ явилъ (свойства и дѣла) божескія и человѣческія: какъ человѣкъ питался матернимъ млекомъ, и какъ Богъ повелѣлъ ангеламъ съ пастырями воспѣвать „слава въ вышнихъ Богу"; какъ человѣкъ повитъ былъ пеленами, и какъ Богъ путеводствовалъ волхвовъ звѣздою; какъ

человѣкъ возлегъ въ ясляхъ, и какъ Богъ принялъ отъ волхвовъ дары и поклоненіе; какъ человѣкъ бѣжалъ во Египетъ, но какъ Богу поклонились Ему рукотворенная египетская (Ис. 19, 1); какъ человѣкъ пришелъ креститься, но какъ Бога убоявшися, Іорданъ возвратился вспять; какъ человѣкъ, обнажившись, вошелъ въ воду, и какъ Богъ принялъ свидѣтельство отъ Отца: „сей есть Сынъ мой возлюбленный", какъ человѣкъ постился сорокъ дней и взалкалъ, и какъ Богъ побѣдилъ искусителя; какъ человѣкъ вошелъ на бракъ въ Кану Галилейскую, и какъ Богъ преложилъ воду въ вино; какъ человѣкъ спалъ на кораблѣ, и какъ Богъ запретилъ вѣтрамъ и морю, и они послушались Его; какъ человѣкъ прослезился о Лазарѣ, и какъ Богъ воскресилъ его изъ мертвыхъ; какъ человѣкъ всѣлъ на осля, но какъ Богу Ему взывали „благословенъ грядый во имя Господне"; какъ человѣкъ былъ распятъ, и какъ Богъ по своей власти ввелъ въ рай распятаго съ Нимъ; какъ человѣкъ вкусилъ отца и испустилъ духъ, и какъ Богъ помрачилъ солнце и потрясъ землю; какъ человѣкъ положенъ былъ во гробѣ, и какъ Богъ разрушилъ адъ и освободилъ души; какъ человѣкъ запечатанъ былъ во гробѣ, и какъ Богъ исшелъ, сохранивъ печати въ цѣлости; іудеи старались утаить Его воскресеніе, какъ человѣка, подкупая стражу, но, какъ Бога, Его познали всѣ концы земли. Поистинѣ, кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Той есть Богъ, творяй чудеса крестомъ и страданіями на лобномъ мѣстѣ. Онъ содѣлалъ спасеніе посреди земли (Пс. 73, 12), вкусивъ оцта и желчи, чтобы горькимъ вкушеніемъ уничтожить преступленіе и грѣхи, порожденные сладкимъ адовымъ вкушеніемъ отъ древа".

„Но, — продолжаетъ ораторъ, — сотворившіе съ Нимъ сіе сами преткнулись, какъ бы о камень, и сокрушились", и показываетъ, почему и какъ іудеи не приняли Спасителя и сами за то были отвергнуты, и законъ, какъ вечерняя заря погасъ; почему и какъ благодать распространилась между новыми народами и достигла народа русскаго. Остановившись особенно на послѣднемъ событіи, русскій пресвитеръ говоритъ: „вотъ уже и мы со всѣми христіанами славимъ святую Троицу, а Іудея молчитъ, Христосъ прославляется, а іудеи проклинаются; язычники приведены, а іудеи отринуты.. Уже не идолослужителями именуемся мы, а христіанами; мы уже не безъ упованія (Еф. 2, 11), но уповаемъ на жизнь вѣчную

Уже не капища строимъ, но созидаемъ церкви Христовы, не закалаемъ другъ друга бѣсамъ, но Христосъ за насъ закалается и раздробляется въ жертву Богу и Отцу. Уже не кровь жертвъ вкушаемъ и погибаемъ; но вкушаемъ пречистую кровь Христову и спасаемся. Всѣ народы помиловалъ благій Богъ, и насъ не презрѣлъ; восхотѣлъ — и спасъ насъ и привелъ въ познаніе истины. Пуста была земля наша и изсохла, зной идолослуженія изсушилъ ее; но внезапно потекъ источникъ евангелія и напоилъ всю землю нашу... Такъ, вѣруя въ Него и содержа преданіе святыхъ отецъ седми соборовъ, молимъ Бога, да поспѣшитъ намъ еще и еще, и направитъ насъ на путь заповѣдей своихъ", и проч.

Если хороша первая часть разсматриваемаго нами слова, то еще лучше, вдохновеннѣе и краснорѣчивѣе вторая. Здѣсь прежде всего ораторъ призываетъ соотечественниковъ восхвалить своего равноапостола и начертываетъ картину, какъ онъ насадилъ св. вѣру въ землѣ русской: „славитъ похвалами римская страна Петра и Павла, чрезъ которыхъ увѣровала во Іисуса Христа, Сына Божія; Асія, Ефесъ и Патмосъ — Іоанна Богослова; Индія — Ѳому; Египетъ — Марка; каждая страна, городъ и народъ чтутъ и славятъ своихъ наставниковъ, которые научили ихъ православной вѣрѣ. Прославимъ и мы, по силѣ нашей, хотя малыми похвалами, совершившаго великія и чудныя дѣла, нашего учителя и наставника, великаго кагана земли нашей Владимира... Когда жилъ онъ и землю свою управлялъ съ правдою, мужествомъ и смысломъ: пришло на него посѣщеніе Вышняго, призрѣло на него всемилостивое око благаго Бога, и возсіялъ въ сердцѣ его разумъ; онъ уразумѣлъ суету идольскаго заблужденія и взыскалъ единаго Бога, сотворившаго все видимое и невидимое. А особенно, — онъ всегда слышалъ о православной, христолюбивой и сильной вѣрою землѣ греческой, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицѣ и поклоняются Ему, — какъ творятся тамъ силы, чудеса и знаменія, — какъ въ селеніяхъ и городахъ благовѣрныхъ всѣ прилежатъ къ молитвѣ, всѣ предстоятъ Богу. Слыша все сіе, возгорѣлся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ быть христіаниномъ и обратить всю землю въ христіанство. По благоволенію и любви Божіей къ роду человѣческому это и исполнилось. Совлекся каганъ нашъ одежды, а съ нею и ветхаго человѣка; сложилъ одежду тлѣнную, отрясъ прахъ

невѣрія и, вошедши въ святую купель, возродился отъ Духа и воды. Во Христа крестившись, въ Христа облекся, и вышелъ изъ купели убѣленный, сталъ сыномъ нетлѣнія, сыномъ воскресенія; принялъ имя вѣчное и славное въ роды и роды — Василій, по которому и написанъ въ книгѣ живота, въ вышнемъ градѣ, въ нетлѣнномъ Іерусалимѣ. Впрочемъ, на этомъ еще не остановился онъ въ подвигѣ благовѣрія, и не въ этомъ только явилъ свою любовь къ Богу, но простерся далѣе и повелѣлъ всему народу своему креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, чтобы открыто и громогласно славилось во всѣхъ городахъ имя святыя Троицы, и всѣ были христіанами: малые и великіе, рабы и свободные, юные и старые, бояре и простые, богатые и убогіе. И ни одинъ человѣкъ не противился его благочестивому повелѣнію, крестились, — если кто не по любви, то по страху къ повелѣвшему, поелику благовѣріе въ немъ соединено было со властію. Такимъ образомъ вся земля наша въ одно время стала славить Христа со Отцемъ и Святымъ Духомъ. Тогда мракъ идольскій началъ отъ насъ удаляться, и появилась заря благовѣрія. Тогда тьма служенія бѣсовскаго исчезла, и осіяло нашу землю солнце евангелія; капища разрушены, и церкви воздвигаются, идолы низвергаются, и явились иконы святыхъ; бѣсы убѣжали, крестъ освятилъ города; пастыри словесныхъ овецъ Христовыхъ — епископы, пресвитеры и діаконы стали возносить безкровную жертву, и клиръ украсилъ и облекъ въ благолѣпіе святыя церкви. Труба апостольская и громъ евангельскій огласили всѣ города; оиміамъ, возносимый Богу, освятилъ воздухъ. Поставлены на горахъ монастыри, явились черноризцы; мужи и жены, малые и великіе, всѣ люди наполнили святыя церкви, прославили Господа“.

Затѣмъ начинается самая похвала: „Тебя же какъ восхвалимъ, досточтимый и славный отецъ нашъ, премужественный между владыками земными, Василій? Какъ можемъ надивиться твоей доблести, крѣпости и силѣ? Какую воздадимъ благодарность за то, что чрезъ тебя познали мы Господа и избавились заблужденія идольскаго, что по твоему повелѣнію по всей землѣ нашей славится Христосъ? ... Не видѣлъ ты Христа, не ходилъ по немъ, какъ же сталъ Его ученикомъ? Другіе, видѣвъ Его, не вѣровали, а ты, не видѣвъ, увѣровалъ. Знавши законъ и пророковъ распяли Христа, а ты, не читавъ...

ни закона ни пророковъ, распятому поклонился. Какъ разверзлось сердце твое? Какъ вошелъ въ тебя страхъ Божій? Не видѣлъ ты апостола, который бы, пришедъ въ землю твою, своею нищетою и наготою, гладомъ и жаждою, преклонилъ твое сердце къ смиренію. Не видѣлъ, какъ изгоняли бѣсовъ именемъ Христовымъ, возвращали здравіе больнымъ, какъ прелагался огонь въ холодъ, воскресали мертвые. Не видѣвъ всего этого, какъ же ты увѣровалъ? Дивное чудо! Другіе цари и властители, видя, какъ все это совершилось святыми мужами, не вѣровали, но еще самихъ ихъ предавали страданіямъ и мученіямъ. Но ты, блаженный, безъ всего этого притекъ ко Христу; руководствуясь только своимъ добрымъ смысломъ и острымъ умомъ, ты постигнулъ, что единъ есть Богъ, Творецъ невидимаго и видимаго, небеснаго и земного, и что пославъ Онъ въ міръ для спасенія людей своего возлюбленнаго Сына. И съ сими помыслами вступилъ ты въ свѣтлую купель".

Послѣ этого проповѣдникъ прославляетъ щедроты и милостыни Владимира и доказываетъ на основаніи слова Божія, что за свои милостыни и за свой великій подвигъ обращенія безчисленныхъ грѣшниковъ отъ идолопоклонства и насажденія благовѣрія во всей странѣ своей онъ, безъ сомнѣнія, подобно Константину великому, удостоится славы на небесахъ: „подражатель Великаго Константина, равный ему умомъ, равный любовію ко Христу и почитаніемъ служителей Его! Тотъ, со святыми отцами Никейскаго собора, положилъ законъ людямъ; а ты, часто собираясь съ новыми отцами, нашими епископами, съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ уставить законъ сей среди людей, недавно познавшихъ Господа. Тотъ покорилъ Богу царство эллинское и римское; а ты, блаженный, то же сдѣлалъ въ Россіи: ибо какъ у тѣхъ, такъ и у насъ уже Христосъ именуется Царемъ. Тотъ съ матерію своею Еленою утвердилъ вѣру, когда принесъ крестъ изъ Іерусалима и разослалъ части его по всему міру своему; а ты утвердилъ вѣру съ бабкою твоею Ольгою, принесши крестъ изъ новаго Іерусалима, града Константинова, и поставивъ его на землѣ своей. И, какъ подобнаго Константину, Богъ сдѣлалъ тебя участникомъ славы и чести на небесахъ за благовѣріе, которое имѣлъ ты въ этой жизни".

Какъ на свидѣтелей благовѣрія равноапостольнаго князя, витія указываетъ на Десятинный храмъ, созданный Владими-

ромъ, гдѣ покоилось и честное тѣло его, и на сына его Ярослава — продолжателя его благочестивыхъ дѣлъ, и при этомъ въ порывѣ ораторскаго воодушевленія восклицаетъ: „Встань отъ гроба твоего, честная главо, встань, отряси сонъ! Ты не умеръ, но спишь до общаго всѣмъ возстанія. Встань! Ты не умеръ. Не свойственно умереть тебѣ, когда увѣровалъ ты во Христа, Жизнь всего міра. Отряси сонъ, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей небесныхъ, не оставилъ тебя безъ памяти и на землѣ, въ сынѣ твоемъ. Встань, посмотри на сына своего Георгія, посмотри на кровнаго своего, посмотри на своего возлюбленнаго, посмотри на того, котораго извелъ Господь отъ чреслъ твоихъ, посмотри на украшающаго престолъ земли твоей, и возрадуйся, возвеселись! Посмотри и на благовѣрную сноху твою Ирину, посмотри и на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ, какъ содержатъ они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ святые храмы, какъ славятъ Христа, какъ поклоняются Его имени. Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ; посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство; посмотри на городъ, освящаемый и блистающій иконами святыхъ, благоухающій иміамомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями. И увидѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись и восхвали благого Бога, строящаго все сіе“.

Наконецъ Иларіонъ обращается къ Владиміру, какъ уже прославленному на небесахъ, съ хвалебными восклицаніями: радуйся, и съ молитвою, чтобы онъ, получивъ за свои добрыя дѣла въ царствѣ небесномъ возмездіе, помолился Господу о землѣ своей и о людяхъ, надъ которыми благовѣрно владычествовалъ, и въ особенности о сынѣ своемъ каганѣ Георгіи (Ярославѣ).

Послѣ этой краткой молитвы къ равноапостольному Владиміру слѣдуетъ обширная молитва къ Богу, составляющая третью часть и какъ бы общее заключеніе всего слова. Въ ней служитель Церкви отъ лица всей земли русской взываетъ:

„Ты же, Владыко, Царю и Боже нашъ, высокій и славный! Человѣколюбецъ, воздающій по трудамъ славу и честь и творящій причастниками твоего царства! Помяни, какъ благъ, и насъ убогихъ твоихъ, яко имя Тебѣ человѣколюбецъ. Хотя и не имѣемъ мы добрыхъ дѣлъ, но спаси насъ по великой

твои милости. Мы бо люди твои и овцы пажити твоея: мы стадо, которое недавно Ты началъ пасти, исторгши насъ изъ пагубнаго идолослуженія. Пастырю добрый, положившій душу свою за овцы! Не оставь насъ, хотя мы и доселѣ блуждаемъ, не отвергни насъ, хотя мы и доселѣ согрѣшаемъ предъ Тобою, какъ рабы новокупленные, ни въ чемъ не умѣющіе угодить господину своему.. Каемся о злыхъ дѣлахъ своихъ; просимъ, да пошлешь страхъ Твой въ сердца наши, молимъ, да помилуешь насъ на страшномъ судѣ... Ты Богъ нашъ, и мы люди Твои, Твоя часть, Твое достояніе. Не воздѣваемъ рукъ нашихъ къ богу чуждому, не послѣдуемъ какому-либо пророку, не держимся ученія еретическаго; но призываемъ Тебя, Бога истиннаго.. Доколѣ стоитъ міръ сей, не наводи на насъ напасти и искушенія и не предай насъ въ руки иноплеменниковъ, да не назовется градъ Твой градомъ плѣненнымъ, и стадо Твое—пришельцами въ землѣ не своей; да не скажутъ вопреки намъ народы: гдѣ есть Богъ ихъ? Не попускай на насъ скорби, града, внезапной смерти, огня, потопленія, чтобы не отпали отъ вѣры нетвердые въ вѣрѣ Немного накажи, немного помилуй; не сильно порази, но милостиво исцѣли; не надолго оскорби, но вскорѣ утѣшь... Продли милость Твою на людяхъ Твоихъ, враговъ прогони; миръ утверди; народы укроти; голодъ вознагради изобиліемъ. Государей нашихъ сдѣлай грозными народамъ; боляръ умудри; города распространи; Церковь Твою возрасти; достояніе Твое соблюди: мужей, женъ и дѣтей спаси; находящихся въ рабствѣ, въ плѣненіи, въ заточеніи, въ путешествіи, въ плаваніи, въ темницахъ, въ алчбѣ, жаждѣ и наготѣ, всѣхъ помилуй, всѣхъ утѣшь, всѣхъ обрадуй, подавая имъ радость тѣлесную и душевную" и проч. Въ доказательство того, какъ высоко цѣнили предки наши эту молитву, довольно припомнить, что она принята была въ церковное употребленіе и еще въ XVI вѣкѣ возглашалась при общественныхъ службахъ *Митр. Макарій.*

Значеніе словъ Иларіона и Луки Жидяты.

Первые митрополиты наши были греки, но вотъ уже при Ярославѣ видимъ мы въ Кіевѣ перваго митрополита изъ русскихъ — Иларіона. Въ Новгородѣ послѣ Іоакима корсуня-

нина видимъ мы архіереемъ также русскаго — Луку Жидяту (1035—1059). Оба эти пастыря Церкви были и первыми духовными писателями изъ русскихъ; отъ каждаго сохранилось намъ по поученію. Слово Луки Жидяти, по всей вѣроятности, сказано при самомъ вступленіи его на паству, т.-е. въ 1035 г.; слово Иларіона, вѣроятно, нѣсколько позже, хотя и до избранія его въ митрополиты, совершившагося въ 1051 г. Совершенная простота, краткость и, такъ сказать, чисто насущное содержаніе перваго слова, и замѣчательное искусство въ изложеніи, обширность, глубокомысліе второго — отражаютъ отчасти различную степень религіознаго просвѣщенія новгородской и кіевской паствы. Видно, что Лука обращался къ людямъ только что начинающимъ освоиваться съ христіанствомъ; Иларіонъ — къ такимъ, съ которыми можно было бы уже бесѣдовать объ основномъ, существеннѣйшемъ отличіи христіанства отъ іудейства — предметъ, предполагающій уже привычку мыслить о предметахъ религіозныхъ. (Надобно, впрочемъ, полагать, что слово Иларіона обращено было собственно къ духовенству, такъ какъ проповѣдникъ свидѣтельствуетъ, что имѣетъ дѣло не съ какими-нибудь невѣдущими, а „съ насытившимися сладости книжной".) Совершенно неувлекательное для насъ поученіе Луки Жидяты для слушателей того времени имѣло значеніе, когда говорилъ: „любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ", „не отдавайте зломъ за зло", „не оскорбляйте ближняго", „не возлагайте въ лихву" (т.-е. не отдавайте въ ростъ, не берите процентовъ, — привычка, противъ которой и долгое время спустя приходилось вооружаться пастырямъ новгородскимъ). Въ словѣ Иларіона почти нѣтъ наставленій; но оно должно было производить на людей, уже знакомыхъ съ основными правилами христіанства, своего рода торжественное впечатлѣніе, указывая на преимущества христіанства, и на то, какое счастье было для Руси его принятіе. Самаго высокаго, одушевленнаго краснорѣчія достигаетъ Иларіонъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ сравниваетъ состояніе Руси до крещенія съ тѣмъ, что совершилось въ ней послѣ него. Отсюда совершенно естественнымъ образомъ переходитъ онъ къ мысли о заслугахъ просвѣтителя Руси — Владиміра; поученіе постепенно обращается въ похвальное слово ему, наконецъ въ молитвенное обращеніе къ его памяти, и завершается молитвою къ Богу о дальнѣйшемъ преуспѣяніи имъ просвѣщенной Руси.

Можетъ-быть это слово, произнесенное Иларіономъ еще въ санѣ священника, обратило на него особенное вниманіе Ярослава, „любившаго словеса книжная“, но, безъ сомнѣнія, еще болѣе онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ образомъ жизни. *О. Миллеръ.*

Сочиненія Өеодосія.

Содержаніе поученій къ братіи слѣдующее: во-первыхъ, увѣщаніе къ добродѣтелямъ и подвигамъ — къ самоотверженной и дѣятельной любви къ Богу, къ терпѣнію и мужеству въ подвигахъ монашескихъ, къ возненавидѣнію міра и всего, что въ немъ, и къ непрестанному покаянію, къ прогнанію злыхъ помысловъ, и къ достойному провожденію великаго поста; во-вторыхъ, дисциплинарныя наставленія, именно наставленіе о хожденіи въ церковь и о поведеніи во время пребыванія въ ней; въ-третьихъ, обличенія къ братіи и именно, во-первыхъ, за ихъ ропотъ на то, что онъ, Өеодосій, часто не хотѣлъ постригать въ монахи и удалялъ изъ монастыря тѣхъ, которые оказывались въ искусѣ слабыми и нерадивыми, и что онъ принималъ въ монастырь на его содержаніе странниковъ и бѣдныхъ, во-вторыхъ, за недостатокъ покоренія и смиренія, за лѣность о хожденіи въ церковь на службы и вообще за нерадѣніе о своемъ спасеніи и за необращеніе къ нему, игумену, для духовныхъ совѣтовъ. Есть основанія полагать, что поученій къ братіи преп. Өеодосіемъ написано было болѣе, нежели сколько извѣстно въ настоящее время, но во всякомъ случаѣ число ихъ не можетъ быть предполагаемо слишкомъ большимъ.

Преп. Өеодосій писалъ поученія, обращенныя ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Въ настоящее время пока извѣстно такихъ поученій два. Отличительная черта обоихъ поученій есть та, что они не состоятъ изъ общихъ мѣстъ, а прямо касаются современныхъ русскихъ людей. Довольно значительная часть перваго поученія, которое едва ли не написано по случаю какого-нибудь особеннаго бѣдствія, постигшаго Русь, посвящена рѣчи о казняхъ посылаемыхъ свыше на земли и народы, отъ чего и все поученіе надписывается въ спискахъ

поученіемъ о казняхъ Божіихъ. Сказавъ и показавъ, что казни эти, именно болѣзни, голодъ, бездождіе, нашествіе иноплеменниковъ, междоусобныя войны, посылаются Богомъ за грѣхи людей, онъ обличаетъ въ послѣднихъ современныхъ ему русскихъ и призываетъ ихъ къ покаянію. Далѣе въ поученіи слѣдуетъ обличеніе современниковъ за языческія суевѣрія и языческіе обычаи, которыхъ они продолжали держаться, и за всѣ непотребныя дѣла, которыми обольщаетъ насъ діаволъ; обличеніе за худое стояніе въ храмѣ съ увѣщаніемъ стоять благоговѣйно и приходить въ церковь съ очищеннымъ сердцемъ; наставленіе о соблюденіи постовъ не только тѣлесномъ, но и духовномъ; наконецъ, сильное обличеніе пребывающимъ въ пьянствѣ съ показаніемъ, какъ оно противно Богу и какъ угодно діаволу.

Во второмъ поученіи преп. Ѳеодосій преподаетъ наставленія относительно того, что обѣду и всякой трапезѣ двѣ молитвы, что кутью установлено святить въ честь святыхъ и за упокой, но не во оставленіе грѣховъ, что обѣда и ужина святить заупокой не установлено, что въ алтарь не должно вносить ничего снѣднаго, кромѣ просфоры, ладана и свѣчи; затѣмъ болѣе пространно говоритъ о чинномъ и честномъ сидѣніи за столомъ во время обѣда, безъ пустошныхъ словъ, безъ смѣха и кощуновъ и пр. и, наконецъ, всего пространнѣе о пьянствѣ. На Русь перенесенъ былъ изъ Греціи обычай пить на торжественныхъ и праздничныхъ обѣдахъ чаши Спасителя, Божіей Матери и святыхъ празднуемыхъ съ произнесеніемъ предъ ними тропарей; желающіе пить какъ можно болѣе этихъ чашъ утверждали, что чѣмъ болѣе говорится тропарей, тѣмъ благочестивѣе. Преп. Ѳеодосій, желая положить предѣлы этому обычаю, дѣлаетъ свой отеческій указъ относительно количества чашъ на обѣдахъ: „въ пиру говорить чашамъ тропари только три — передъ началомъ обѣда славится Христосъ Богъ нашъ, передъ окончаніемъ прославляется Дѣва Марія, рождшая Христа Бога, а третья чаша князя, а больше не велимъ, если и поемые въ церкви при трезвомъ умѣ тропари не рождаютъ плача, то тропари, творимые у питья, не плачь рождаютъ, а грѣхъ и муку; говорить въ пиру многіе тропари уставили не Богу, но чреву работники, желая много пить". Большую и главную часть поученія составляетъ весьма сильное увѣщаніе и обличеніе: „сами пытаите въ писаніи, что сказала

пресвятая Богородица св. Василію: „если хочешь, сказала она ему, быть моимъ другомъ и имѣть меня заступницей и многопослушницей во всѣхъ бѣдахъ, откажись отъ многаго питья, а если будешь приносить молитвы пьяный, то не только не будешь услышанъ, но и болѣе разгнѣваешь Бога“. Много объ этомъ пишется въ правилахъ, но умнымъ и сказаннаго довольно, а неумные не повѣрятъ, хотя бы имъ повѣдать сказанія книгъ всего міра. Бѣсноватый страдаетъ не по своей волѣ, и онъ получитъ (за свое страданіе) царство небесное, а пьяный, страдая по собственной волѣ, добудетъ себѣ вѣчную муку: священникъ, пришедъ къ бѣсноватому и сотворивъ молитву, прогонитъ бѣса, а къ пьяному, если бы и со всей земли собрались священники, то не прогонятъ самовольнаго бѣса запоиства злого. И поэтому-то святые отцы положили въ уставныхъ книгахъ не каждый день говорить въ церкви тропари, а только въ нарочитые праздники“. Это поученіе преп. Феодосія показываетъ, что онъ имѣлъ даръ общедоступнаго ученія.

Е. Голубинскій.

Значеніе поученій Феодосія.

Всего болѣе высказывается Феодосій въ своихъ поученіяхъ. Изъ дошедшихъ до насъ два обращены вообще къ народу (о казняхъ Божіихъ и о пьянствѣ), десять — къ инокамъ (изъ нихъ только пять сохранились вполнѣ, остальные въ отрывкахъ). Въ поученіяхъ къ инокамъ выставляется тотъ идеалъ монастырской жизни, къ которому стремился Феодосій. Сильно хотѣлось ему и мірянъ приблизить къ этому идеалу. Видя, какъ далеки они отъ него, онъ старался подѣйствовать на ихъ воображеніе указаніемъ на казни Божіи, т.-е. на тѣ бѣдствія, которыя въ то время часто постигали людей: нашествіе иноплеменниковъ, безпрерывно повторявшееся вслѣдствіе сосѣдства съ воинственными кочевыми народами, и голодъ, происходившій то отъ бездождія, то отъ града, морозовъ не во-время и т. п. неблагопріятныхъ явленій природы. Частыя въ то время междоусобныя брани представляются его воображенію дѣломъ діавола, который съ особеннымъ удовольствіемъ воздвигаетъ ихъ и радуется имъ. Больно христолюбивому про-

повѣднику видѣть въ своихъ слушателяхъ еще многіе остатки языческихъ суевѣрій (боязнь встрѣтиться съ чернецомъ, точно такъ же со свиньей или лысой лошадью, вѣра въ волхвованіе, чародѣяніе и т. п.).

Но еще болѣе возмущался онъ поступками, недостойными христіанъ: рѣзоиманіемъ (мздоимствомъ), прикладами (отдачей въ ростъ, на проценты), зубами (по всей вѣроятности, дракою), скомороществомъ, гуслями, сопелями и другими играми, вѣроятно, соединявшимися съ нѣкоторыми языческими суевѣріями.. Старался Өеодосій внушить своимъ слушателямъ, чтобы чаще ходили они въ церковь Божію: но и тутъ ужасалъ его образъ діавола, внушающаго имъ и во время богослуженія смѣхъ, шопотъ и другія непотребности. Хотѣлось бы Өеодосію, чтобы всѣ отъ чистаго сердца могли воззвать къ Богу: „да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою, воздѣяніе руку моею“; но опять ужасаетъ его мысль о томъ, что у многихъ, можетъ-быть, руки нечисты отъ грабежа. Наконецъ, заговоривъ о праздникахъ христіанскихъ, онъ вооружается противъ привычки праздновать ихъ не духовно, а тѣлесно, противъ той старой привычки, о которой Владиміръ говорилъ проповѣдникамъ магометанскимъ: „веселіе есть Руси пити, не можемъ безъ того жити“. Яркими красками рисуетъ онъ заботы діавола объ умноженіи пьянства, но въ то же самое время позволяетъ пить въ мѣру и приличнымъ образомъ.

Другое слово Өеодосія, обращенное ко всему народу, дошло до насъ не вполнѣ: тутъ прежде всего проповѣдникъ вооружается противъ суевѣрнаго непониманія нѣкоторыхъ христіанскихъ обрядовъ (напримѣръ, противъ того особеннаго значенія, какое придавали кутьѣ, считая ее къ очищенію грѣховъ); потомъ снова вооружается противъ главнаго современнаго ему порока — пьянства; особенно же противъ стремленія оправдать неумѣренность въ питіи вина тропарями или церковными пѣснями, воспѣваемыми за чашею. Өеодосій позволяетъ спѣть за столомъ только три тропаря, т.-е. другими словами, три чаши — во славу Божію, пресв. Богородицы и за здравие государя. Яркими красками обрисовывается у Өеодосія то унизительное положеніе, до котораго доходитъ пьяный, и несмотря на то, что преподобный и пьянство, какъ другие пороки, причисляетъ наважденію діавола, онъ вполнѣ признаетъ, что отъ самого человѣка зависитъ подчиниться или не под-

чинитьея этому наважденію. Въ словѣ о пьянствѣ Θеодосій приводитъ примѣръ св. Василія, исцѣленнаго отъ такого нравственнаго недуга пресв. Богородицею. Замѣчательно, что объ исцѣленіи повѣствуетъ и цѣлый рядъ народныхъ духовныхъ пѣсенъ, и даже самое картинное описаніе состоянія пьяницы довольно сходно въ словѣ и въ народныхъ стихахъ.

О. Миллеръ.

Преподобный Θеодосій, какъ писатель.

Преподобный Θеодосій Печерскій, достопамятный въ исторіи русской Церкви, какъ одинъ изъ величайшихъ подвижниковъ благочестія, какъ одинъ изъ основателей Кіево-Печерской лавры, какъ основатель и „начальникъ общаго монашескаго житія въ Россіи“ достоинъ признательной памяти и въ исторіи русской словесности, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ первыхъ нашихъ писателей. Только два русскихъ писателя нѣсколько upредили его по времени: это новгородскій епископъ Лука († 1035), которому приписывается весьма краткое поученіе, и Иларіонъ, митрополитъ кіевскій († 1051 г.), отъ котораго сохранились три небольшія сочиненія. Слѣдовательно, Θеодосій въ хронологическомъ спискѣ нашихъ писателей занимаетъ третье мѣсто.

Сочиненія великаго игумена печерскаго (1062—1074), которыя донынѣ остаются извѣстными, большею частію, только по имени, и изъ которыхъ одни сохранились въ полномъ своемъ составѣ, а другія въ отрывкахъ, можно раздѣлить на 4 класса. Къ первому принадлежатъ два поученія его, обращенныя вообще къ народу русскому; ко второму — десять поученій, сказанныхъ собственно кіево-печерскимъ инокамъ; къ третьему — два посланія къ в. князю Изяславу; къ четвертому — двѣ молитвы къ Богу.

Гдѣ и какъ образовался преподобный Θеодосій? Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Курскѣ, въ одной изъ тамошнихъ школъ, существовавшихъ въ первой половинѣ XI вѣка, хотя, разумѣется, онъ научился тамъ только грамотѣ. Впослѣдствіи онъ самъ восполнилъ свое образованіе по обычаю тѣхъ временъ, чрезъ чтеніе св. писанія, церковно-богослужебныхъ книгъ, житій святыхъ и твореній свв. отцовъ,

Изъ отеческихъ твореній, кажется всего болѣе на него имѣли вліяніе писанія преп. Ѳеодора Студита, котораго уставъ онъ ввелъ въ своей обители. По крайней мѣрѣ, поученія Ѳеодосія къ инокамъ и по тону, и по оборотамъ, и по всему очень похожи на такія же поученія пр. Ѳеодора Студита. Замѣчательно также, что преп. Ѳеодосій приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ тексты изъ книгъ св. писанія, особенно пророческихъ, не съ буквальною точностію и часто въ видѣ распространенномъ: знакъ, что св. отецъ или писалъ эти тексты прямо изъ своей памяти, или воспользовался св. текстомъ вмѣстѣ съ толкованіями на него, которыя тогда дѣйствительно существовали въ славянскомъ переводѣ. Какой характеръ самихъ сочиненій Ѳеодосія? Всѣ они болѣе или менѣе кратки и почти всѣ содержанія нравственнаго. Они составлены не по правиламъ искусства и отличаются совершенною простотою, но проникнуты жизнію и пламенною ревностію о благѣ ближнихъ. Тонъ поученій часто обличительный, но вмѣстѣ глубоко-наставительный и нерѣдко умилительный и трогательный. Языкъ — церковно-славянскій, но имѣющій нѣкоторыя особенности въ словахъ и оборотахъ рѣчи и не чуждый вліянія языка народнаго...

Поученія Ѳеодосія къ народу указываютъ на нѣкоторые недостатки и пороки, господствовавшіе въ народѣ. Поученія къ братіи обнаруживаютъ и слабыя стороны иноческой жизни въ Кіево-Печерской обители, не извѣстныя изъ писаній пр. Нестора, который желалъ выставить преимущественно свѣтлую сторону родной обители въ назиданіе потомству. Наконецъ, посланія къ в. князю Изяславу ясно обозначаютъ и религіозные вопросы, какіе занимали тогда самихъ нашихъ князей. Вообще видно, что сочиненія пр. Ѳеодосія написаны не на какія-либо отвлеченныя темы, а соотвѣтственно современнымъ потребностямъ, и потому, изображая въ себѣ умъ и сердце самого писателя, не мало обрисовываютъ и его время.

Митр. Макарій.

Кириллъ туровскій и его проповѣди.

Непосредственно послѣ крещенія Руси перешло къ намъ изъ Болгаріи значительное число переводовъ и извлеченій изъ отцевъ

Церкви: они усердно у насъ переписывались, къ нимъ присоединялись другія, отчасти вновь переходившія къ намъ, отчасти у насъ же переводившіяся произведенія того же рода. Ихъ усердно читали, имъ и начинали подражать. Такимъ подражателемъ въ своихъ поученіяхъ является Кириллъ, епископъ туровскій. Сынъ богатыхъ родителей, подобно Өеодосію, не захотѣлъ пользоваться преимуществами богатства, а постригся въ монахи.. Не удовлетворившись монастырскимъ отшельничествомъ, Кириллъ заключилъ себя въ столпѣ, гдѣ оставался на нѣкоторое время, упражняясь въ постѣ, молитвѣ и составленіи благочестивыхъ сочиненій Слава его до такой степени распространилась, что сами жители, вмѣстѣ съ княземъ, упросили Кирилла занять въ ихъ городѣ только-что упразднившуюся епископскую каѳедру. Такимъ образомъ, подобно Мономаху, онъ былъ призванъ самимъ народомъ. Жилъ онъ нѣсколько лѣтъ позже Мономаха, во время знаменитаго Андрея Боголюбскаго († 1174 г.), которому, какъ сказано въ житіи Кирилла, писалъ „многія посланія отъ евангельскихъ и пророческихъ указаній".

На словахъ Кирилла туровскаго видно вліяніе проповѣдей отцовъ Церкви и высокопоэтическихъ богослужебныхъ пѣснопѣній: его проповѣди заключаютъ въ себѣ рядъ образцовъ, созданныхъ воображеніемъ. Каждая заключаетъ въ себѣ разсказъ о событіи, послужившемъ основаніемъ празднику, разсказъ, въ которомъ подробности событія развиты и дополнены фантазіей. Нерѣдко между лицами, участвовавшими въ событіи, завязываются у Кирилла туровскаго цѣлые діалоги: они высказываются другъ передъ другомъ въ патетическихъ рѣчахъ, сочиненныхъ, конечно, въ духѣ этихъ лицъ проповѣдникомъ. Слова Кирилла туровскаго окончательнымъ перевѣсомъ воображенія отличаются отъ словъ Иларіона и Өеодосія, у которыхъ, какъ мы видѣли, кромѣ воображенія, въ значительной степени проявлялись: у перваго — глубокомысленный умъ, у второго — теплое и простое, безъ всякой искусственности выражающееся чувство. Въ иносказательномъ, символическомъ значеніи витіевато-образныхъ словъ Кирилла заключается вся поучительная или нравственная сторона его проповѣди. Сторона эта въ ней развита вообще очень мало: менѣе замѣтно старанія сколько-нибудь примѣнить нравственныя наставленія къ потребностямъ и нравамъ того времени.

Въ словахъ Кирилла рѣшительно нѣтъ ничего современнаго, кромѣ развѣ одного указанія въ Словѣ на Ѳомино воскресенье, указанія на то, что въ числѣ даровъ, приносимыхъ людьми воскресшему Спасителю, ненавидящіе должны принести духовную любовь: а такихъ ненавидящихъ въ то время междоусобій было не мало; время было вообще таково, что могло бы вызвать проповѣдника на прямое противодѣйствіе именно тому роду золъ, которыя тогда преобладали. Изъ словъ Кирилла Туровскаго особенно хорошо могутъ познакомить съ характеромъ его проповѣди слова на Ѳомину недѣлю, на недѣлю о разслабленномъ, на Вознесеніе; въ первомъ — сначала иносказательно излагается значеніе недѣли, или дня недѣльнаго (воскресенья), также значеніе недѣли новой, или первой по Пасхѣ, и раздаваемаго наканунѣ артоса, потомъ проводится довольно искусственнымъ образомъ сближеніе между весною и Воскресеніемъ Христовымъ или вообще возрожденіемъ человѣчества, наконецъ, излагается самое событіе для испытанія Ѳомою язвъ Спасителя, при чемъ и Спаситель и апостолъ говорятъ пространныя рѣчи. Слово на недѣлю о разслабленномъ, кажется, совершеннѣе всѣхъ прочихъ: иносказательный смыслъ, приданный тутъ разслабленному, какъ представителю всего разслабленнаго волею и Спасителемъ исцѣляемаго человѣческаго рода, и придуманъ и развитъ безъ всякой натяжки, съ совершенною ясностью и безъ утомительныхъ длиннотъ... Слово на Вознесеніе — самое замѣчательное по богатству и высотѣ образовъ; это распространеніе церковныхъ пѣснопѣній на этотъ день. Такія слова вмѣстѣ съ самыми пѣснопѣніями Церкви не могли не дѣйствовать на воображеніе воспріимчивыхъ людей изъ народа. Подъ вліяніемъ ихъ развивался совершенно новый родъ народной поэзіи, въ которомъ, правда, много уцѣлѣло изъ поэзіи богатырской, но, уцѣлѣвъ, переиначилось и пополнилось впечатлѣніями, полученными отъ церковныхъ поэтическихъ образовъ, — это такъ называемые духовные народные стихи. Особенное вліяніе на образованіе ихъ должны были имѣть такія слова, предметъ которыхъ, выходя за точные предѣлы св. истины, давалъ полный просторъ религіозной фантазіи.

О. Миллеръ.

Содержаніе и анализъ словъ Кирилла туровскаго.

Слово въ недѣлю по Пасхѣ имѣетъ предметомъ объяснить значеніе воскресенья, замѣнившаго ветхую субботу, или древнев нашей недѣли, по имени которой названа послѣ и вся седмица, также объяснить обрядъ церкви, — раздачу артоса въ этотъ день и, наконецъ, вспомнить Ѳомино испытаніе ребръ Господнихъ. Я приведу только тѣ части, въ которыхъ болѣе выдается его изобразительный характеръ.

„Въ минувшую недѣлю (т.-е. воскресенье) все измѣнилось: небомъ стала земля, очищенная Богомъ; обновилась тварь: не нарицаются уже богами стихіи... Отселѣ адъ не пріемлетъ младенцевъ, закалаемыхъ отцами; ни смерть не знаетъ уже почести; престало идолослуженіе; не только спасенъ человѣческій родъ, но и освятился Христовою вѣрою. Христосъ одинъ — жертва за всѣхъ. Пересталъ праздникъ субботъ; царствуетъ во дняхъ недѣля — день воскресенія. Увѣнчаемъ же, братіе, царицу дней, принесемъ же ей драгоцѣнные дары съ вѣрою; дадимъ по силѣ всякій, что можетъ: кто милостыню, беззлобіе и любовь, другіе вѣру правую и смиреніе нелицемѣрное; иные пѣніе псалмовъ, апостольское ученіе и молитву съ воздыханіемъ предъ Богомъ".

Далѣе слѣдуетъ параллель между временемъ года — весною и праздникомъ Воскресенія Христова во всемъ обширномъ его значеніи. „Все ветхое конецъ пріяло и стало новымъ: какъ видимое, такъ и невидимое. Нынѣ небеса просвѣтились, совлекли съ себя темныя облака, какъ вретища, и свѣтлымъ воздухомъ исповѣдаютъ славу Господню; эти видимыя небеса — символъ небесъ разумныхъ или сіонской горницы, соединившей апостоловъ. Солнце восходитъ, красуясь и радуясь, землю согрѣваетъ: такъ возсталъ изъ гроба праведное солнце — Христосъ и спасаетъ всѣхъ вѣрующихъ. Луна уступила честь высшему свѣтилу: ветхій законъ — закону Христову. Зима языческаго кумирослуженія престала; ледъ Ѳомина невѣрія показаніемъ ребръ Христовыхъ растаялъ. Весна красная — то вѣра Христова, оживляющая естество человѣка; бурные вѣтры — грѣхотвореній помыслы, покаяніемъ претворенные въ добро, возвращаютъ плоды душеполезные; земля естества нашего, принявъ, какъ сѣмя, слово Божіе, ро-

жаетъ духъ спасенія. Новорожденные агнцы и юницы бѣгутъ съ веселіемъ на поля къ матерямъ своимъ, и пастухи играютъ въ свирѣли: кроткіе изъ язычниковъ люди — агнцы, кумиро-служители невѣрныхъ странъ — юницы, возвращаются ко святой Церкви и сосутъ млеко ея ученія; пастухи — учители Христова стада, они молятся о всѣхъ и славятъ Христа-Бога, собравшаго и волковъ и агнцевъ въ одно стадо. Деревья распускаются... Тамъ мы были прежде древами дубравными, не приносили плода, а нынѣ привилась къ намъ вѣра Христова. Земледѣльцы — ратаи слова приводятъ словесныхъ юнцовъ къ духовному ярму, погружаютъ крестное рало въ браздахъ мысли, всыпаютъ сѣмя духовное и веселятся надеждами будущихъ благъ. Рѣки полны водъ, совершаются рыбные ловы: такъ апостолы, испытавъ глубину Божія вочеловѣченія, обрѣтаютъ церковную мрежу, полную ловитвы. Трудолюбивыя пчелы летятъ на цвѣты и творятъ медвяные соты: то иноки, которые въ пустыняхъ сами себя питаютъ, удивляютъ ангеловъ и человѣковъ и готовятъ сладость людямъ и потребное церкви. Наконецъ птицы — веселые лики въ сеи церкви... На этотъ новый праздникъ Воскресенія приносятся разные дары: отъ языковъ — вѣра, отъ христіанъ — вѣра, отъ іереевъ — святыя жертвы, отъ міродержателей боголюбная милостыня, отъ вельможъ — церковное попеченіе, отъ праведниковъ — смиренномудріе, отъ грѣшниковъ — истинное покаяніе, отъ нечестивыхъ — обращеніе къ Богу, отъ ненавидящихъ — духовная любовь. Взойдемъ нынѣ и мы, братія, мысленно въ сіонскую горницу, гдѣ собрались апостолы и самъ Іисусъ"... Здѣсь слѣдуетъ пришествіе Ѳомы, слово Спасителя къ нему и отвѣтъ его, изображающіе переходъ отъ невѣрія къ полной и совершенной вѣрѣ.

Такъ все это слово въ главной мысли своей представляетъ символическій образъ: одухотвореніе всей видимой природы, во время самаго лучшаго ея расцвѣта, въ невидимую въ самомъ высшемъ проявленіи богочеловѣческаго ея начала. Краски византійскія особенно ярки на образахъ этого слова.

Слово о разслабленномъ имѣетъ другой характеръ и представляетъ яснѣе другую сторону проповѣди Кирилловой — сторону богословской мысли. Здѣсь проповѣдникъ распространяетъ только разсказъ о томъ, что̀ содержится въ Іоанновомъ благовѣстіи о разслабленномъ, но съ постоянною мыслію извлечь

изъ простого повѣствованія евангельскаго все глубокое его значеніе. Эта мысль обнаруживается все болѣе и болѣе въ разговорѣ между разслабленнымъ и Спасителемъ; почему я и представлю этотъ разговоръ въ сокращеніи.

Господь пришелъ къ Овчей купели и, увидѣвъ человѣка разслабленнаго, долгое время лежавшаго на одрѣ въ недугѣ, спросилъ его: „хощеши ли здравъ быти?“ — „Ей, рече, Господи! хотѣхъ быхъ, но не имамъ человѣка, дабы по возмущеніи ангеловѣ ввергль мя въ купель“. Разслабленный изображаетъ Спасителю свои недуги, подражая во многомъ словамъ Іова и Псалмопѣвца. Тридцать восемь лѣтъ на одрѣ семъ, недугомъ пригвожденный, лежу, говоритъ онъ. Грѣхи мои разслабили всѣ члены тѣла моего; Богу молюся,— и не слушаетъ меня. Врачамъ роздалъ все мое имѣніе, но помощи получить не могъ: нѣтъ у нихъ зелія, могущаго перемѣнить казнь Божію. Знакомые мои гнушаются мною; смрадъ мой лишилъ меня всякой утѣхи; ближніе мои стыдятся меня... Нѣтъ утѣшающаго. Мертвымъ ли себя назову? Но чрево мое пищи желаетъ, а языкъ изсыхаетъ отъ жажды. Живымъ ли себя помышлю? Но не только встать съ одра, ни подвинуть себя не могу: ноги мои „не поступны“, руки не только бездѣльны, но и тѣла осязать не могутъ; непогребеннымъ мертвецомъ „разумѣюся“, и одръ сей гробъ мнѣ есть. Мертвый я въ живыхъ и живой въ мертвыхъ. Какъ живой питаюся, какъ мертвый ничего не дѣлаю. Мучимъ я, какъ въ аду, безстудіемъ поносящихъ меня: смѣхъ юношамъ, притча старцамъ. Всѣ глумятся надо мною. Внутри болѣзнь „клещитъ“ меня, извнѣ обиды... Обрящу ли брашно, но въ уста положить его не могу; всѣмъ молюсь, чтобы кто-нибудь накормилъ меня, и бываетъ дѣлимъ мой бѣдный укругъ съ питающими меня; стеню со слезами, томимъ болью недуга, и никто не придетъ посѣтить меня... Лежу „нагъ Божія покрова“, не имѣю человѣка, кто бы не гнушаясь послужилъ мнѣ. Енохъ и Илія взяты на небо; Авраамъ съ Іовомъ преставились въ безконечную жизнь; Моисей — боговидецъ и законодавецъ не узрѣлъ обѣтованной земли. „Господи, человѣка не имамъ, вложаща мя въ купель, вси убо уклонившася и неключими быша, и нѣсть творящаго блага, нѣсть ни единаго и не разумѣють вси творящіи беззаконие“.

И, все сіе услышавъ изъ устъ разслабленнаго, благій нашъ врачъ Господь Іисусъ Христосъ отвѣчалъ ему: „Что глаголеши:

человѣка не имамъ? Азъ тебѣ ради человѣкъ быхъ, щедръ и милостивъ, не солгавъ обѣта Моего вочеловѣченія. Ты слышалъ пророка говорящаго: отроча родися, сынъ Вышняго; той болѣзни и недуги наша понесетъ. Тебе ради, безплотенъ сый, обложился Я плотію. Тебя ради невидимый силамъ ангельскимъ, явился всѣмъ человѣкамъ. Не хотѣлъ Я презрѣть образа Моего, лежащаго въ тлѣніи, но хотѣлъ спасти его и въ разумъ истинный привести, и говоришь ты: человѣка не имамъ? Азъ быхъ человѣкъ, да Богомъ человѣка сотворю, рѣхъ бо: богами будете и сынами Вышняго вси. И кто же иной вѣрнѣе Меня служитъ тебѣ? Тебѣ всю тварь на работу Я сотворилъ: небо и земля тебѣ служатъ: небо — влагою, земля — плодомъ; для тебя солнце свѣтомъ и теплотою служитъ, и луна съ звѣздами „ночь облѣляетъ“, для тебя облака напояютъ землю дождемъ, и земля на твою службу возращаетъ всякую траву сѣменитую, древа плодовитыя; для тебя текутъ рѣки, и пустыня звѣрей питаетъ, и говоришь ты: человѣка не имамъ? И кто Меня вѣрнѣе человѣкъ? Я не солгалъ обѣта Моего вочеловѣченія. Я клялся Аврааму и соблюдалъ клятву. Я послалъ въ крещеніи ту воду, которой жаждетъ Исаія: а ты жаждешь отъ сей купели. Встань, возьми одръ свой, да слышитъ Меня Адамъ и обновится нынѣ съ тобою отъ истлѣнія; въ тебѣ исцѣляю Еввину клятву перваго преступленія. Встань, возьми одръ свой и иди въ домъ свой“! Внезапно вскочилъ разслабленный съ одра, здравый всѣми членами тѣла и силою мощный, и, взявши одръ, пошелъ посреди народа. Кто же этотъ разслабленный, исцѣленный Спасителемъ? Заключительныя слова Спасителя, обращенныя къ Адаму, показываютъ, что подъ нимъ разумѣется весь ветхій человѣкъ, на которомъ тяготѣла клятва паденія. Что знаменуетъ овчая купель? Купель крещенія, вода которой, чрезъ освященіе Духомъ, даетъ всѣмъ здравіе. Самъ проповѣдникъ свидѣтельствуетъ, что сказаніе евангельское имѣетъ всемірное значеніе слѣдующими словами: „Но да не мнимъ, яко тому единому се глаголетъ Христосъ, но всѣмъ намъ, премнимымъ прощеніемъ благодать имъже праотеческія очистихомся скверны, и исцѣлени быхомъ отъ растлѣвающаго ны грѣха“.

Наконецъ, третье слово, самое блистательное изъ всѣхъ, слово на Вознесеніе Господне, совмѣщаетъ съ глубиною христіанской мысли все изящество поэтическаго образа. Вдохно-

венныи мысль высочайшаго праздника послѣ Пасхи, проповѣдникъ, согласно съ Церковію, приглашаетъ пророка Захарію дать начало его слову, потому что онъ всѣхъ яснѣе пророчествовать о вознесеніи Христовомъ, и припоминаетъ слово Исаіи, который всѣхъ явственнѣе предсказалъ, какая была брань на общаго врага, діавола, какъ Христосъ, побѣдою крестною надъ врагами темными, извелъ всероднаго Адама со всѣми народами міра и всѣ языки соединилъ въ имени людей, а скончавшихся въ законѣ нарекъ чадами, по слову пророка: не людіе ли сіи суть и чада моя? Проповѣдникъ приглашаетъ христіанъ пріити умомъ на гору Елеонскую и узрѣть мысленно славное, что на ней совершилось. На ту гору самъ Христосъ Богъ сегодня пришелъ и собралися чины всѣхъ святыхъ: соборы праотцевъ, патріарховъ множество, полки пророковъ, лики апостоловъ, толпы вѣрныхъ. Тутъ, въ небесахъ и на землѣ, готовится торжество вознесенія. Собрались ангельскія силы и архангельскія воинства: однѣ приносятъ облака на крыльяхъ вѣтряныхъ, для взятія отъ земли Христа-Бога нашего; другія готовятъ престолъ херувимскій. Богъ Отецъ ожидаетъ Того, кого въ лонѣ Своемъ имѣлъ еще прежде съ Собою. Небеса веселятся, украшая свои свѣтила, готовя ихъ къ тому, чтобы принять благословеніе отъ Творца, когда онъ съ плотію Своею черезъ ихъ же врата на облака вознесется. Земля радуется, видя на себѣ Бога, явственно ходящаго, и вся тварь красуется, просвѣщаемая отъ Елеонской горы, которая святостію превзошла Синайскую.

Началось пѣснословіе небесное, во славу вознесенія. Сначала, какъ громы, раздаются голоса пророковъ: „вознесися силою Твоею, Боже! поемъ и воспоемъ силы Твоя“. За ними поютъ ангелы. Патріархи начинаютъ пѣснь: Се Богъ нашъ вознесися! Возглашаютъ преподобные, велегласуютъ праведные. Давидъ, какъ старѣйшина ликовъ, уясняя пѣсненные голоса, говоритъ: вся языцы восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радости, да взыдетъ Богъ въ воскликновеніи и Господь во гласѣ трубнѣмъ. Всѣ голоса заключаетъ апостолъ Павелъ, присущій также вознесенію не по времени послѣдованія сказаній новозавѣтныхъ, но по вѣчной мысли тайны Христовой, такъ ясно открывавшейся ему во всѣхъ событіяхъ Спасителевой жизни.

За этими ликами слѣдуетъ голосъ Церкви. Христова невѣста,

мига Жениха своего, возносимаго на небеса, скорбитъ и, стеная отъ сердца, вопіетъ съ Соломономъ: „уязвлена я любовію Твоею, Жениху мой небесный!“ и, провожая любезнаго, проситъ, да цѣлуетъ Онъ ее отъ лобзаній устъ своихъ. За ней и апостольскій ликъ жалостно молитъ Владыку не оставить ихъ сирыхъ и послать имъ утѣшителя Духа.

Іисусъ произнесъ слово утѣшенія, воздвигъ руки, благословилъ ихъ, и началъ возноситься на небо; апостолы поклонилися Ему, и свѣтлое облако подняло Его отъ очей ихъ, и взошелъ Онъ на херувимахъ, и полетѣлъ на крыльяхъ вѣтряныхъ, и возносилъ съ собою души человѣческія въ даръ Отцу Своему.

Внезапно видѣнію проповѣдника открывается въ небесахъ чудная борьба между ангелами. Впереди Спасителя текутъ ангельскія силы со страхомъ и радостью и хотятъ отворить врата небесныя; но высшіе ратники возбраняютъ имъ, вопія: се врата Господни: никто изъ земныхъ ими не проходитъ, такъ положилъ самъ Богъ; нынѣ дивимся, зря человѣка, сидящаго на херувимскомъ престолѣ и хотящаго пройти чрезъ врата прежде серафимовъ. Ангелы повѣдали силу и санъ Сына Божія, человѣческимъ обложеннаго тѣломъ, и сказали: не пререкайте воли Божіей; никто не чуялъ, какъ сошелъ Онъ на землю, и се, рабій нося образъ, восходитъ. Но небесные вратники отвѣчали: не покоримся, если не услышимъ слова Божія. Тогда возгласилъ Христосъ: отверзите Мнѣ врата правды, и, внидъ въ нихъ, возвѣщу Отцу Моему, что сдѣлалъ и какъ пострадалъ на землѣ. И не знавши гласъ Господень, всѣ силы небесныя пали, поклонившись и говоря: если не видали, Владыко, Тебя сходящаго, то поклоняемся Тебѣ восходящему во славѣ. Тогда Духъ Святый исходитъ на срѣтеніе, вводитъ равнаго Себѣ Сына Божія и, почесть творя, глаголетъ: да поклонятся Ему всѣ ангелы Божіи. Самъ Богъ Отецъ возглашаетъ грядущему во плоти: Сынъ Мой еси Ты, сяди одесную Мене; се престолъ Твой, Боже, во вѣки вѣковъ: Твои небеса и Твоя земля, и конецъ земли Ты основалъ. И, посадивъ Отецъ Сына на престолѣ, вѣнчаетъ Его десницею, воспѣвающимъ серафимамъ: положилъ еси на главѣ Его вѣнецъ отъ камене честна, славою и честію вѣнчалъ Его, силу и велелѣпіе возложилъ на него.

Шевыревъ.

Построеніе и характеръ словъ Кирилла туровскаго.

Въ числѣ уцѣлѣвшихъ словъ Кирилла находятся восемь на опредѣленные праздники и дни года, именно: а) въ недѣлю вай, б) на св. Пасху, в) въ недѣлю Ѳомину, г) въ недѣлю о мироносицахъ, д) въ недѣлю о разслабленномъ, е) въ недѣлю о слѣпомъ, ж) на Вознесеніе Господне и з) на соборъ 318 свв. отцовъ перваго вселенскаго собора, и одно слово, не приспособленное ни къ какому празднику и изложенное въ видѣ притчи о слѣпцѣ и хромцѣ. Каждое изъ этихъ словъ начинается приступомъ, въ которомъ, большею частію, выражена какая-либо общая мысль, не всегда, однакожъ, удачно приспособленная къ послѣдующему изложенію слова. Въ самомъ словѣ обыкновенно изъясняется предметъ праздника, раскрываются обстоятельства воспоминаемаго событія, его значеніе и слѣдствія, или излагается притча. При изъясненіи подробностей событія или притчи проповѣдникъ почти вездѣ старается показать ихъ переносный, таинственный смыслъ, иногда естественно и вѣрно, иногда довольно принужденно и произвольно; краткія евангельскія сказанія, большею частію, распространяетъ; нѣкоторыя простыя и несложныя событія представляетъ въ образной, драматической формѣ, и въ уста дѣйствующихъ лицъ влагаетъ длинныя рѣчи и объясненія, которыя, хотя разсматриваемыя отдѣльно, иногда прекрасны, но не всегда естественны и нерѣдко дѣлаются утомительными при чтеніи, нарушая единство слова.

Всѣ слова оканчиваются или краткимъ назиданіемъ слушателямъ, или краткимъ повтореніемъ прежде сказаннаго, или молитвою къ Богу, или похвалою угодникамъ Божіимъ и молитвою къ нимъ. Вообще о словахъ святителя туровскаго можно сказать, что отдѣльныя мѣста въ нихъ есть весьма хорошія, даже прекрасныя, но цѣлаго, вполнѣ выдержаннаго и совершеннаго слова нѣтъ ни одного; что въ нихъ довольно искусственности и изысканности какъ въ сочетаніи мыслей, такъ и въ выраженіяхъ, и очень мало нравственныхъ наставленій.— слѣд. недостаетъ двухъ самыхъ главныхъ свойствъ проповѣди св. Златоуста: общедоступности и нравственнаго преобладающаго направленія.

Митр. Макарій.

Библейское и византійское вліяніе въ сочиненіяхъ Кирилла туровскаго.

Степень убѣдительности выводовъ о литературномъ значеніи Кирилла туровскаго всего вѣрнѣе можетъ опредѣлиться посредствомъ сравненія сочиненій его съ произведеніями, служившими ему источниками. Рѣдкій писатель бываетъ въ разладѣ съ духомъ вѣка, съ общимъ направленіемъ литературы, и въ этомъ-то направленіи должно искать данныхъ для характеристики писателя...

Въ древній періодъ, до XVI—XVII в., словесность наша подвержена была двумъ вліяніямъ, библейскому и византійскому. Библейское вліяніе, проникая во всѣ литературы христіанскихъ народовъ, является въ полномъ блескѣ и въ литературѣ византійской въ періодъ ея, обнимающій IV столѣтіе. Но у послѣдующихъ писателей обнаружилось иное направленіе, которое хотя и напоминало библейское вліяніе многочисленными цитатами изъ библіи, но въ сущности все болѣе и болѣе уклонялось отъ него. Византійская литература, постоянно и въ сильной степени подвергаясь библейскому вліянію, до такой степени измѣнила его, что трудно въ нѣкоторыхъ случаяхъ разграничить элементъ библейскій собственно и элементъ библейско-византійскій, проникшій въ русскую письменность съ первыхъ, можно сказать, дней ея существованія. Тѣмъ не менѣе, существенныя черты отличія не могутъ ускользнуть отъ внимательнаго изслѣдователя. За библейскимъ вліяніемъ остается глубина воззрѣнія, свѣжесть чувства, широкій взглядъ на человѣка и сочувственный на природу. Византійскій элементъ принесъ съ собою не глубокія идеи или поэтическое чувство, а исключительные односторонніе взгляды на человѣка и прозаическую холодность къ природѣ. Византійское вліяніе не поддерживало художественныхъ стремленій, не содѣйствовало литературному развитію и, напротивъ, заставляя писателей чуждатися дѣйствительности и современности. Не находя умѣстнымъ подтверждать мысль свою многими доказательствами, которыя представятся сами собою изучающимъ нашу и родственную намъ старину sine ira et studio, скажу только, что по отношенію къ занимающему насъ вопросу о Кириллѣ туровскомъ вліяніе библейское, и все-

выразилось преимущественно въ чувственномъ взглядѣ на природу и человѣка, въ символизмѣ и аллегоризмѣ, наконецъ, на литературныхъ пріемахъ вообще...

Символизмъ вытекаетъ изъ сочувственнаго взгляда на природу: между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ образуется таинственная связь, входящая въ представленія народа, не зависимая отъ чьего-либо личнаго произвола. Но къ живому представленію примѣшивается мало-по-малу произволъ, условное пониманіе и толкованіе. Здѣсь переходъ отъ символизма къ иносказанію, къ аллегорическому объясненію; въ послѣднемъ полное торжество византійскаго элемента.

Кириллъ туровскій есть въ полномъ смыслѣ слова представитель византійскаго вліянія на нашу древнюю словесность, и съ совершенною справедливостью можно сказать, что опредѣлить направленіе Кирилла туровскаго значитъ опредѣлить направленіе, господствовавшее въ нашей литературѣ въ теченіе цѣлыхъ шести столѣтій.

Библейское вліяніе обнаруживается во множествѣ текстовъ, приводимыхъ Кирилломъ туровскимъ, но обнаруживается болѣе внѣшнимъ образомъ, нежели внутреннимъ. Между словами св. писанія и словами и мыслями автора не всегда видна та живая связь, какая замѣтна напр. у Нестора. Библейскіе образы и выраженія не вытекаютъ свободно изъ религіознаго настроенія, а сопоставляются съ нѣкоторою искусственностью, отчасти наивностью. Не всѣ тексты приводятся умѣстно: иногда они служатъ только для распространенія мысли, нисколько не содѣйствуя ея изобразительности и живости производимаго ею впечатлѣнія. Гораздо удачнѣе тѣ мѣста у Кирилла туровскаго, которыя, не состоя изъ подбора текстовъ, явились, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ библейскихъ образцовъ, хотя и не имѣютъ буквальнаго сходства съ ними. Таковы, напр., жалобы страдальца, напрасно умоляющаго о помощи, картины ликующей природы и т. п.

Многія поученія Кирилла туровскаго состоятъ изъ пересказа евангельскаго повѣствованія, съ различными дополненіями и объясненіями. Тексты рѣдко приводятся съ точностью и опредѣлительностью. Обыкновенно нѣсколько текстовъ сводятся въ одинъ и связываются собственными словами автора. Многіе тексты приводятся въ сокращеніи, такъ что болѣе передается мысль библейскаго повѣствованія, а не слова его

Свидѣтельства библіи пополняются изъ другихъ источниковъ, частью же изъ самаго св. писанія, но съ перерывомъ послѣдовательности библейскаго изложенія. Слова св. писанія весьма часто перемѣшиваются съ собственными словами автора, такъ что иногда цѣлыя страницы состоятъ изъ словъ и выраженій св. писанія, а между тѣмъ нѣтъ ни одного текста вполнѣ.

Частое, почти безпрестанное употребленіе Кирилломъ туровскимъ текстовъ или ихъ отрывковъ доказываетъ, съ одной стороны, начитанность автора въ св. писаніи, дающую ему возможность съ большою легкостью выражать мысль словами, взятыми изъ нѣсколькихъ мѣстъ библіи и искусно слитыми въ одно цѣлое; съ другой стороны, привычка и желаніе говорить текстами препятствовала свободному выраженію мыслей автора и придала слогу его искусственность, заслонившую элементъ народный. А только въ народномъ, непринужденномъ словѣ можетъ вполнѣ отразиться самобытный образъ мыслей, движеніе чувства, воззрѣніе народа...

Литературные пріемы усвоены Кирилломъ туровскимъ подъ вліяніемъ византійскихъ образцовъ. Введеніе длинныхъ рѣчей, сравненія и противоположенія, вопросы и восклицанія, обращенія и олицетворенія, словомъ вся реторическая сторона его сочиненій объясняется условіями византійскаго краснорѣчія. Въ числѣ представителей ея здѣсь могутъ быть названы: Іоаннъ Златоустъ и его подражатели: Проклъ константинопольскій, Титъ Бострскій, Евлогій александрійскій, Кириллъ александрійскій, Епифаній кипрскій, Симеонъ Логоѳетъ и другіе. Большая часть этихъ писателей такъ сходны между собою и по направленію и по выбору предметовъ и образовъ, что многія черты, замѣчаемыя въ ихъ произведеніяхъ, служатъ выраженіемъ не ихъ личнаго взгляда и таланта, а общаго литературнаго обычая, рутины. Одинъ и тотъ же образъ, одно и то же толкованіе, даже одни и тѣ же выраженія встрѣчаются у нѣсколькихъ изъ нихъ, такъ что нѣтъ никакой возможности сказать, откуда именно заимствовалъ нашъ авторъ общія всѣмъ черты. Впрочемъ, очевидно то, что онъ заимствовалъ не столько слова, сколько манеру вообще. Масса писателей, извѣстныхъ русскому книжнику XII в., не должна казаться удивительною. Почти всѣ они принадлежатъ къ отцамъ Церкви, творенія которыхъ переводились на славянскій языкъ въ глубокой древности. Притомъ, такъ какъ изученіе ихъ ни

сали, большею частью, по одному и тому же поводу — преимущественно на праздники церковные — и располагались по порядку праздниковъ, то чтеніе „сборника“ или „торжественника“ могло уже достаточно ознакомить съ произведеніями византійскихъ писателей. Примѣръ Кирилла туровскаго указываетъ на подобный путь заимствованія и служитъ однимъ изъ доказательствъ существованія такого рода сборниковъ въ XII столѣтіи, если не ранѣе.

Современные и ближайшіе потомки не безъ основанія могли называть святителя туровскаго русскимъ Златоустомъ, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобъ сочиненія его равнялись по достоинству и характеру съ твореніями древняго златословеснаго учителя, а въ томъ, что св. Кириллъ былъ тогда у насъ самымъ лучшимъ витіею и отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ; но въ словахъ его „недостаетъ двухъ самыхъ главныхъ свойствъ проповѣдей св. Златоуста: общедоступности и нравственнаго преобладающаго направленія“.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что пониманіе Златоуста во всей полнотѣ его литературнаго и общественнаго значенія было рѣшительно недоступно писателю XII в., даже даровитому и начитанному. Ему оставалось только усвоить черты общедоступныя и внѣшнюю форму. Но какъ форма тѣсно связана съ содержаніемъ, то и Кириллъ туровскій формальною стороною своихъ словъ сближается болѣе съ другими византійцами, а не съ Златоустомъ. У другихъ византійскихъ ораторовъ преобладаетъ аллегоризмъ, отчужденіе отъ современной имъ дѣйствительности, равнодушіе къ общественнымъ недугамъ Византіи. У Златоуста, даже въ словахъ, гдѣ наиболѣе догматизма, слышится то сочувствіе къ нуждамъ общества, то участіе въ горькой долѣ пролетарія, которое заставило его сказать исполненныя глубокаго смысла слова: „Богъ не такъ скоро услышитъ слова праведныхъ, какъ бѣдныхъ“.

Общій характеръ подражателей Златоусту и большей части византійскихъ ораторовъ состоитъ въ преобладаніи догматизма въ содержаніи ихъ сочиненій и искусственности во внѣшней отдѣлкѣ. Искусственность выражалась въ производимыхъ сближеніяхъ, повтореніяхъ, въ растянутости, въ неумѣстныхъ и безцвѣтныхъ рѣчахъ со множествомъ сентенцій и изысканныхъ неизящныхъ образовъ. Изъ сочиненій Златоуста составлялись выборки, эклоги, болѣе или менѣе неудачныя, изобилую-

ця бесѣдами, принадлежащими безспорной непосредственности. Вмѣстѣ съ подлинными произведеніями Златоуста переводились и подложныя. Они должны быть принимаемы въ соображеніе при разборѣ поученій Кирилла туровскаго.

Сухомлиновъ.

Поученія Серапіона, епископа владимірскаго.

Серапіонъ былъ игуменомъ Кіево-Печерскаго монастыря; въ 1274 г. былъ поставленъ въ епископа владимірскаго, а въ слѣдующемъ 1275 г. скончался. Лѣтопись называетъ Серапіона *зѣло учительнымъ и сильнымъ въ божественномъ писаніи*; самъ онъ, обращаясь къ своимъ слушателямъ, употребляетъ такія выраженія: *многажды глаголахъ вамъ*. Намъ извѣстны пока только пять поученій Серапіона, которыя были написаны имъ, вѣроятно, во время епископства во Владимірѣ.

Почти сорокъ лѣтъ уже прошло послѣ того, какъ иго татарскаго владычества отяготѣло надъ Россіею (1237—1274). Нашествіе татаръ сопровождали разореніе городовъ, убійства и грабежи, пожары и опустошенія всякаго рода; за ними слѣдовали тяжкіе налоги, притѣсненія и порабощеніе. При такихъ обстоятельствахъ проповѣдывалъ Серапіонъ, и очень естественно, что его проповѣдь получила печальный тонъ. Съ глубокимъ чувствомъ скорби, во всѣхъ своихъ поученіяхъ, онъ указываетъ на бѣдственное состояніе страждущей Руси, усматривая въ немъ наказаніе за грѣхи. „Сколько разъ, говоритъ онъ въ первомъ поученіи, мы видѣли солнце затмившимся, луну померкшею, видѣли перемѣны въ звѣздахъ! Земля, отъ начала утвержденная и неподвижная, нынѣ двигается, по повелѣнію Божію, колеблется отъ грѣховъ нашихъ, не можетъ носить нашихъ беззаконій. Мы не послушали евангелія, не послушали апостоловъ, не послушали пророковъ, не послушали великихъ свѣтилъ, т.-е. Василія, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и другихъ святыхъ святителей. Вотъ и наказываетъ насъ за сіе Богъ знаменіями, землетрясеніемъ, бывшимъ по Его повелѣнію. Не говоритъ устами, но показываетъ на дѣлѣ; нынѣ потрясаетъ и колеблетъ землю, хочетъ стрясти съ земли беззаконія и грѣхи многіе, какъ листья съ дерева. Но что потомъ? Огню ли не палилъ насъ? не мора ли непрерывнаго не было? не частыя ли рати? О таковыхъ

мы не покаялись, пока пришелъ на насъ, по Божію попущенію, народъ немилостивый, опустошилъ нашу землю, плѣнилъ города наши, разорилъ святыя церкви, избилъ отцевъ и братій нашихъ, поругался надъ нашими матерями и сестрами". Послѣ этого Серапіонъ убѣждаетъ слушателей обратиться къ Богу съ покаяніемъ и отстать отъ своихъ грѣховъ, между которыми указываетъ на „скверные и немилостивые суды, на кровавое рѣзоимство (взиманіе роста съ рѣзовъ, т. е. процентовъ съ денегъ) и всякое грабленіе". „Много разъ я говорилъ вамъ, братія и чада; но вижу, что немногіе принимаютъ слова мои и исправляются поученіями нашими".

Второе поученіе также проникнуто чувствомъ глубокой скорби о бѣдствіяхъ и грѣхахъ народа. „Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ, болящихъ дѣлами беззаконными. Многократно бесѣдовалъ я съ вами, но не вижу въ васъ никакой перемѣны... Всегда сѣю я на нивѣ сердецъ вашихъ сѣмя божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозябло и принесло плодъ... Чего мы не навлекли на себя? Какихъ не понесли мы наказаній отъ Бога? Не была ли плѣнена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не въ короткое ли время отцы и братья наши пали мертвы на землѣ? Не отведены ли въ плѣнъ жены и дѣти? А мы, оставшіеся, не порабощены ли были горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже сорокъ почти лѣтъ продолжается томленіе и мука, тяжкіе налоги не прекращаются, также голодъ и моръ скота нашего. Мы и хлѣба не можемъ ѣсть въ сладость. Отъ воздыханій и печали сохнутъ кости наши. Что же довело насъ до этого? Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность". И Серапіонъ снова убѣждаетъ слушателей къ покаянію и исправленію.

Въ третьемъ поученіи Серапіона содержится превосходная картина татарскаго нашествія. „Мы ни въ чемъ, говоритъ Серапіонъ, не оказывались лучшими. Тогда Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей: ибо мы подвигли на себя ярость Бога нашего. Разрушены Божіи церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители сдѣлались добычею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены въ пищу птицамъ, кровь отцовъ и

братьевъ нашихъ, какъ вода многа напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ; храбрые наши бѣжали, исполненные страха; а еще болѣе братьевъ и чадъ нашихъ отведено въ плѣнъ. Поля наши поросли травою, и величіе наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось въ удѣлъ другимъ, труды наши достались невѣрнымъ. Земля наша стала достояніемъ иноплеменниковъ, мы сдѣлались предметомъ поношенія для сосѣдей нашихъ, посмѣшищемъ для враговъ нашихъ. Ибо свели мы на себя гнѣвъ Господа, какъ дождь съ небеси, подвигли на себя ярость Его, отвратили отъ себя великую Его милость и довели себя до того, что на насъ смотрятъ съ сожалѣніемъ. Нѣтъ наказанія, которое бы не постигло насъ.“

Четвертое поученіе было сказано Серапіономъ по особенному случаю. Необразованный и суевѣрный народъ вообразилъ, что голодъ, нѣсколько лѣтъ постигавшій его, происходитъ отъ наговоровъ волшебниковъ и волшебницъ. Во времена общественныхъ бѣдствій нѣтъ ничего легче, какъ привести народъ въ возмущеніе, указавъ ему на истинныхъ или мнимыхъ виновниковъ его страданій. Такъ и въ то время злонамѣренные люди возбудили простой народъ противъ нѣкоторыхъ людей, которые, вѣроятно, слыли у него за колдуновъ и волшебниковъ, и онъ началъ сожигать и бросать ихъ въ воду, чтобы испытать, виновны они или нѣтъ, предположивъ, что если они станутъ тонуть, то невинны, а если поплывутъ, то волшебники. Всею силою своего слова возсталъ просвѣщенный пастырь противъ такого грубаго суевѣрія и своеволія народа. „Я думалъ, говоритъ онъ, вы уже утвердились и съ радостію принимаете божественное писаніе... Между тѣмъ вы еще держитесь языческихъ обычаевъ, вѣрите волхвованію и сожигаете невинныхъ людей, и дѣлаете виновными въ убійствѣ все общество и весь городъ... Изъ какихъ книгъ или какого писанія узнали вы, что отъ волхвованія бываетъ голодъ на землѣ, и опять — волхвованіемъ умножается хлѣбъ? Если сему вѣрите, то почему сожигаете волхвовъ? Вы молитесь и почитаете ихъ, приносите имъ дары, если они благоустрояютъ міръ, посылаютъ дождь, наводятъ теплую погоду, повелѣваютъ землѣ приносить плоды. Вотъ нынѣ уже три года не родится хлѣбъ не только на Руси, но и въ землѣ латинской; волхвы ли это сдѣлали? Не Богъ ли устрояетъ свою тварь, какъ хочетъ, на-

казывая насъ за грѣхи? Я знаю изъ божественнаго писанія, что чародѣи и чародѣйницы дѣйствуютъ чрезъ бѣсовъ на людей но только на тѣхъ, которые имъ вѣруютъ, потому что бѣсы дѣйствуютъ только по попущенію Божію, а Богъ попускаетъ имъ дѣйствовать только на тѣхъ, которые боятся ихъ. Но кто твердо вѣруетъ въ Бога, надъ тѣмъ чародѣи не имѣютъ силы. Скорблю я о вашемъ безуміи. Умоляю васъ, оставьте дѣла языческія... Божественныя правила повелѣваютъ осуждать человѣка по свидѣтельству многихъ. А вы поставляете въ свидѣтели воду и говорите: если станетъ тонуть, то невинна; а если поплыветъ, то волшебница. Не можетъ ли діаволъ, видя ваше маловѣріе, поддержать человѣка на водѣ, чтобы онъ не потонулъ, и тѣмъ вовлечь васъ въ душегубство? Потому что вы, оставивъ свидѣтельство богоподобнаго человѣка, обратились къ бездушному веществу — къ водѣ, и, принявъ такое свидѣтельство, прогнѣвляете Бога".

Въ пятомъ поученіи „О маловѣріи" Серапіонъ возстаетъ противъ другого суевѣрія народа. Народъ запрещалъ погребать удавленниковъ и утопленниковъ, и выгребалъ ихъ, приписывая имъ несчастія, постигавшія землю. „Это ли ваше покаяніе? говоритъ Серапіонъ. Тѣмъ ли Бога умилостивите, чтобы утопшаго или удавленника выгрести? Тѣмъ ли Божію казнь хотите утишить? Лучше, братія, перестанемъ отъ зла; отступимъ отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ: разбоя, грабительства, пьянства, скупости, лихвы, обиды, воровства, лжи, клеветы, рѣзоиманія. Я, грѣшный, всегда учу васъ, дѣти: велю вамъ каяться, вы же не перестали отъ злыхъ дѣлъ. А если какая на насъ казнь отъ Бога придетъ, то мы еще болѣе Его прогнѣвляемъ, дѣлая извѣты: того ради вёдро, сего ради дождь, того ради жито не родится, — и бываете строители Божіей твари, а о безуміи своемъ не скорбите". Обличаемое здѣсь суевѣріе, по которому перемѣны въ воздухѣ и вредныя явленія въ природѣ приписывались погребенію утопленниковъ и удавленниковъ, существовало въ народѣ и послѣ Серапіона. Въ XVI в. Максимъ Грекъ писалъ „Посланіе на безумную прелесть и богомерзкую мудрствующихъ, яко погребанія для (ради) утопленнаго и убитаго бываютъ плодотлительны стужи земныхъ прозябаній".

Всѣ поученія Серапіона отличаются особенною простотою и задушевностію и глубокою любовію къ поучаемымъ.

Порфирьевъ.

Отъ епископа владимірскаго Серапіона, который, по словамъ лѣтописи, былъ „зѣло учителенъ и силенъ въ божественномъ писаніи“, дошло до насъ пять словъ или поученій; но несомнѣнно, что ихъ было гораздо больше: онъ самъ свидѣтельствуетъ, что учитъ своихъ духовныхъ чадъ всегда, проповѣдывалъ имъ много и многажды, хотя, съ другой стороны, нельзя забывать, что архипастырская дѣятельность его продолжалась не болѣе года (1274—1275). Уцѣлѣвшія поученія владимірскаго святителя не богаты содержаніемъ и очень сходны между собою, однообразны. Во всѣхъ онъ вооружается противъ господствовавшихъ пороковъ своего времени; во всѣхъ указываетъ на современныя казни Божіи, особенно на монгольское иго; во всѣхъ призываетъ слушателей къ покаянію и исправленію жизни. Пороки, которые онъ преслѣдовалъ, обыкновенные между людьми и встрѣчающіеся во всѣ времена; только въ четвертомъ словѣ онъ возстаетъ противъ частнаго языческаго обычая — сожигать волхвовъ, а въ пятомъ кромѣ того — противъ обычая выгребать изъ могилъ удавленниковъ и утопленниковъ. Впрочемъ, при всемъ сходствѣ и даже единствѣ главнаго содержанія, слова различаются между собою и по составу, и по формѣ, и нѣкоторыми частностями, и неодинаковымъ выраженіемъ однѣхъ и тѣхъ же мыслей. Проповѣдникъ говоритъ просто, ясно, кратко, безъ многословія и риторизма. Его рѣчь сильна убѣжденіемъ, проникнута пастырскою ревностію и любовію и отзывается современностію. Характеръ его рѣчей можно назвать обличительнымъ.

Митр. Макарій.

Составъ и характеръ лѣтописи.

Составъ лѣтописи обнаруживаетъ, что она не была дополненіемъ къ хронографу византійскому. Съ первыхъ же страницъ, съ извѣстія о раздѣленіи земель между народами, въ числѣ которыхъ были и славяне, главнымъ предметомъ лѣтописи является русская земля съ жителями ея и событіями, въ ней происходившими. Число извѣстій, касающихся Греціи и большею частью краткихъ, незначительно въ сравненіи съ извѣстіями русскими, изложенными съ большими подробностями. Участіе иностранныхъ образцовъ въ появленіи русской лѣто-

писи можетъ быть до нѣкоторой степени опредѣлено формою, въ которой впервые она явилась. Во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ лѣтопись имѣетъ форму погоднаго разсказа: происшествія описываются изъ года въ годъ, и впереди всегда выставленъ годъ, а за нимъ уже слѣдуетъ описаніе, какого бы объема оно ни было. Такая форма встрѣчается и въ лѣтописяхъ византійскихъ, какъ, напримѣръ, въ хроникѣ Ѳеофана, писателя начала IX вѣка. Въ ней счетъ годовъ идетъ отъ творенія міра и отъ Рождества Христова, и къ нимъ присоединяются годы царствованія государей римскаго и персидскаго и управленія епископовъ: римскаго, константинопольскаго, іерусалимскаго, александрійскаго и антіохійскаго. Такая же форма господствуетъ и въ большей части древнихъ лѣтописей, веденныхъ на югѣ и на сѣверѣ христіанской Европы. Неописанные года наводятъ на мысль о таблицахъ, послужившихъ основаніемъ для внѣшняго порядка лѣтописей.

Внимательное чтеніе лѣтописи удостовѣряетъ въ томъ, что въ ней находятся единство внутреннее и единство внѣшнее. Первое заключается въ духѣ, проникающемъ повѣствованіе, независимо отъ личныхъ усилій автора. Второе состоитъ въ соблюденіи порядка, принятаго самимъ лѣтописцемъ, какъ и всѣми вообще лѣтописцами, и сохраняемаго постоянно и настойчиво. Мы говоримъ о порядкѣ лѣтъ, годовъ, имѣющемъ такое важное значеніе въ лѣтописяхъ. Всѣ повѣствованія, какого бы объема они ни были, примыкаютъ къ году, выставленному въ началѣ ихъ и объясняющему отчасти самое ихъ появленіе. Одною изъ причинъ, почему событіе занесено въ лѣтопись, остается непремѣнно годъ, въ которомъ оно случилось. Напротивъ того, годы внесены совершенно независимо отъ событій. Доказательствомъ этому служатъ сто семь лѣтъ, означенныхъ, но не описанныхъ въ древней лѣтописи. Отсюда слѣдуетъ прямое заключеніе и объ остальныхъ годахъ: значитъ и они выставлены были прежде, нежели понадобились для опредѣленія времени какого-либо событія. Рядъ пустыхъ годовъ былъ вполнѣ у мѣста только на пасхальныхъ таблицахъ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣлъ смыслъ по отношенію къ кругу церковныхъ праздниковъ. Такимъ образомъ рядъ лѣтъ является древнѣйшею и существенною особенностью лѣтописи, опредѣлившею навсегда ея форму. Первыми начатками лѣтописанія по данной формѣ должны быть признаны безъ сомнѣнія и

извѣстія, которыя отличаются отъ другихъ, во-первыхъ, сообщеніемъ событій наиболѣе древнихъ, во-вторыхъ, краткостію.

Обычай подробно описывать достопамятное замѣчаніе образовался позднѣе. Если изъ двухъ извѣстій одно заключается въ нѣсколькихъ словахъ, другое обставлено подробностями, то съ большою вѣроятностью можно допустить, что первое ближе къ своему начальному виду, нежели второе. Къ числу лѣтописныхъ замѣтокъ, представляющихся древнѣйшими, какъ по формѣ, такъ и по точности, которая возможна только для времени самаго близкаго къ событію, принадлежатъ слѣдующія:

Въ лѣто 6416. Въ лѣто 6417. Въ лѣто 6418. Въ лѣто 6419 Явися звѣзда велика на западѣ копѣйнымъ образомъ.

Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ. Въ лѣто 6512. Въ лѣто 6513. Въ лѣто 6514. Въ лѣто 6515. Принесени святии (т.-е. иконы) въ святую Богородицю.

Въ лѣто 6516. Въ лѣто 6517. Въ лѣто 6518. Въ лѣто 6519 Представися царица Володимеряя Анна.

Первоначальныя краткія замѣтки мало-по-малу увеличивались въ своемъ объемѣ.

Число событій, отмѣчаемыхъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ, постепенно возрастало; многія изъ нихъ описывались пространно; сверхъ того дѣлаемы были извлеченія изъ различныхъ сочиненій, явившихся независимо отъ лѣтописи.

Лѣтопись дѣлалась все сложнѣе и сложнѣе посредствомъ заимствованій изъ сочиненій, излагавшихъ тѣ же предметы, о которыхъ упоминалось подъ тѣми годами. Еще ранѣе XII вѣка были у насъ описанія жизни святыхъ, поученія пастырей, памятники законодательства, и т. п. Всѣ эти произведенія въ большей или меньшей степени послужили къ обогащенію лѣтописи, къ приданію ей большей полноты и внутренняго значенія. Мѣста, заимствуемыя изъ различныхъ источниковъ, находились въ прямой связи съ лѣтописнымъ разсказомъ. Такъ, въ замѣткѣ 6559 года: „постави Ярославъ Лариона митрополитомъ русина“, присоединена повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, ведущемъ свое начало отъ Иларіона. Въ двухъ спискахъ древней лѣтописи непосредственно за извѣстіемъ о возвращеніи оправданнаго епископа Луки Жидяты на свою паству помѣщено поученіе его — замѣчательный памятникъ русской словесности XI вѣка, и т. п. Разнородныя дополненія къ основному тексту при его внутреннемъ развитіи сообщили лѣтописи

ютъ характеръ, въ которомъ являются они въ древнѣйшихъ спискахъ. Разборъ же, замѣчаемый въ нихъ составъ, ясно указываетъ, что они не сложились самостоятельно, а взяты изъ сборниковъ. Источниками же, послужившими къ составленію лѣтописи, были, кромѣ хронографовъ, книги св. писанія.

Книги св. писанія составляли почти и наиболѣе цѣнимое чтеніе древнихъ грамотныхъ. Мысль и чувство, возвышаемыя ими, облекались лѣтописцами въ слово библейское, въ образы библейскіе. Большею частію тексты являются сами собою, вызываемые предметомъ сказанія. Въ нашей лѣтописи приводятся мѣста изъ писанія безъ... изъ книгъ моисеевыхъ, псалтыри, Исаіи, притчей Соломона, книги Іова, пророковъ: Осіи, Амоса, Исаіи, евангелія Іоанна, евангелія Луки, посланій апостола Павла. Особенно часто приводятся слова Соломона, то въ видѣ изреченій, вставленныхъ въ самый разсказъ, то въ пространной выпискѣ изъ книги притчей, какъ, напримѣръ, разсужденіе о злыхъ и добрыхъ женахъ. Такое же изобиліе мѣстъ изъ св. писанія замѣчаемъ и у другихъ лѣтописцевъ средневѣковыхъ, отъ Георгія Амартола до Григорія Турскаго. Иногда вся рѣчь ихъ состоитъ изъ длиннаго ряда текстовъ.

Вліяніе Палеи на нашу лѣтопись также несомнѣнно. Подъ именемъ Палеи, какъ особеннаго сочиненія, извѣстно въ славянскихъ рукописяхъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ добавленіями изъ книгъ апокрифическихъ и съ толкованіями. Это изложеніе имѣетъ характеръ полемики противъ іудеевъ и отчасти противъ магометанъ. Изъ ветхаго завѣта вошли въ Палею, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, книги: Моисея, Іисуса Навина, Судей, Руфь и Царствъ. За повѣствованіемъ о Давидѣ послѣдовало собраніе его пророчествъ. Большая часть лѣтописныхъ извѣстій подъ 6494 годомъ — о предложеніи вѣры Владиміру — находится и въ Палеѣ. Отзывъ греческаго миссіонера о вѣрѣ болгаръ, приведенный въ лѣтописи, объясняется полемическими выходками Палеи противъ магометанства. За указаніемъ разности ученія магометанъ, папистовъ, іудеевъ помѣщена въ лѣтописи рѣчь греческаго миссіонера, въ которой съ особенною подробностью излагается ветхозавѣтная исторія. Въ этомъ изложеніи основа удержана библейская, но внесено много такого, о чемъ не упоминается въ св. писаніи. Когда убитъ былъ Авель, говоритъ лѣтопись, то Адамъ и Ева,

впервые увидѣвше смерть, не знали, что дѣлать съ мертвымъ тѣломъ сына, пока не прилетѣли двѣ птицы, изъ которыхъ одна умерла, а другая вырыла яму и положила въ нее умершую; увидѣвъ это, Адамъ и Ева выкопали яму и погребли Авеля. Арапъ, братъ Авраама, погибъ въ пламени, бросившись за идолами: это былъ первый сынъ, умершій прежде отца, и съ тѣхъ поръ начали умирать сыновья прежде отцовъ и т. п. Несходство лѣтописныхъ извѣстій съ библіею объясняется посредствомъ Палеи: въ ней встрѣчается большая часть добавленій лѣтописи сравнительно съ библіею.

Въ нашей лѣтописи подъ 898 годомъ говорится о нашествіи угровъ и войнѣ съ моравами и чехами, принадлежащими къ племени славянскому. Для славянъ-то, прибавляетъ лѣтописецъ, переведены были свв. книги, отчего и грамота прозвалась славянская, употребляемая теперь въ Россіи и въ Болгаріи. За упоминаніемъ о грамотѣ лѣтопись сообщаетъ самыя обстоятельства перевода книгъ: говоритъ о призывѣ къ этому дѣлу Кирилла и Меѳодія, объ изобрѣтеніи азбуки, о гоненіи на святыхъ братьевъ и, наконецъ, о совершеніи ими подвига, къ которому были призваны. Свѣдѣнія свои о первоучителяхъ лѣтописецъ почерпалъ преимущественно изъ такъ называемыхъ паннонскихъ жизнеописаній. Самые богатые источники для знакомства съ судьбою Кирилла и Меѳодія заключаются въ ихъ житіяхъ, писанныхъ по-славянски въ Паннонiи. Полагаютъ, что житіе св. Кирилла писано ученикомъ его Климентомъ, епископомъ болгарскимъ. Житіе св. Меѳодія признается столь же древнимъ памятникомъ, явившимся въ той же странѣ. Начало лѣтописнаго повѣствованія сходно съ паннонскими житіями въ общихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ, что даетъ поводъ думать объ участіи другого какого-либо источника, доступнаго лѣтописцу. Но скорѣе можно допустить, что причина несходства заключается въ томъ, что самыя житія дошли до насъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а со многими сокращеніями и дополненіями, отчасти русскими. Въ дальнѣйшемъ изложеніи сходство открывается не въ общихъ мысляхъ, но въ самыхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ иныя удержаны лѣтописцемъ дословно, другія въ сокращеніи.

Разсмотрѣвши заимствованія, находящіяся въ древней лѣтописи, переходимъ къ ея содержанію самостоятельному.

Особенности древней лѣтописи какъ произведенія литера-

турнаго, могутъ быть наблюдаемы въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ самомъ содержаніи лѣтописи, въ тѣхъ данныхъ, изъ коихъ она составлена; во-вторыхъ, въ способѣ сообщенія данныхъ, излагаемыхъ въ опредѣленномъ порядкѣ.

Главный предметъ лѣтописи ясно указанъ первыми ея словами: „Се повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла русская земля, и кто въ ней поча первое княжити". Такъ читается начало лѣтописи въ большей части списковъ. Судьба русской земли раскрывалась во множествѣ событій, и выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ для внесенія въ лѣтопись зависѣлъ отъ личной цѣли и взгляда лѣтописца.

Передъ изложеніемъ происшествій собственно русскихъ Несторъ сообщаетъ свѣдѣнія о единоплеменныхъ русскому народу славянахъ: моравахъ, чехахъ, сербахъ и др.; затѣмъ — о племенахъ, вошедшихъ уже въ Несторово время въ составъ народа русскаго: полякахъ, древлянахъ, новгородцахъ и т. д. Подъ 862 годомъ встрѣчаемъ имя перваго русскаго князя, судьба потомковъ котораго сливается съ судьбою русскаго народа. Преданіе о призывѣ первыхъ князей сообщено съ большою точностью, безъ всякихъ украшеній, съ коими являются древнія преданія у большей части лѣтописцевъ. Извѣстія о послѣдующихъ князьяхъ сообщаются также съ точностью, которая возрастаетъ по мѣрѣ приближенія событій ко времени жизни лѣтописца. Въ княженіи Олега отмѣчены преимущественно его походы; двигаясь къ югу, онъ покорилъ жителей Смоленска, Любеча, Кіева; потомъ — древлянъ, сѣверянъ, радимичей. Походъ Олега въ Грецію переданъ съ большою подробностью, при чемъ приведенъ и пространный договоръ съ греками. Въ описаніи княженія Игоря также говорится подробно о походѣ на грековъ и договорѣ съ ними и о войнѣ Игоря съ древлянами. Вся исторія Святослава есть исторія походовъ, на хозаръ, ясовъ, печенѣговъ, грековъ и другихъ народовъ, съ которыми Святославъ былъ въ постоянной враждѣ. По смерти Святослава описываются междоусобія сыновей его — Ярополка, Олега, Владимира. Большая часть извѣстій о княженіи Ярослава состоитъ изъ описаній войны этого князя съ Святополкомъ и съ ляхами и печенѣгами, призванными Святополкомъ; борьбы Ярослава съ Брячиславомъ, внукомъ Владимировымъ, и Мстиславомъ; единоборства Мстислава съ княземъ касожскимъ; походовъ Ярослава на ятвяговъ, мазовшанъ

и т. п. Подъ 1061 годомъ упоминается впервые о нашествіи половцевъ на Русь; подъ 1067 годомъ говорится весьма подробно о набѣгахъ половецкихъ и приводится поученіе Өеодосія, объясняющее причину несчастія, постигшаго русскую землю. Начиная съ 1061 г. по 1110 г., почти при [illegible] годовъ, находятся извѣстія о половцахъ, то въ видѣ краткихъ замѣтокъ, то въ видѣ описаній довольно пространныхъ, каковы помѣщенныя подъ 1093, 1095, 1096, 1103, 1107 годами. Описаніе несчастныхъ слѣдствій борьбы съ [illegible] рядомъ съ описаніемъ раздоровъ княжескихъ. [illegible] мая полная, вѣрная и печальная картина, представленная въ повѣсти объ ослѣпленіи Василька.

Вѣрно изображая дѣйствительность, [illegible] Нестора [illegible] самою грустною повѣстью, если бы не передавала [illegible] лой стороны жизни того времени. Эта свѣтлая сторона [illegible] двигавшая умомъ и чувствомъ Нестора, какъ и [illegible] его современниковъ. Самыя бѣдствія получали [illegible] въ воззрѣніи религіозномъ. Страданія, понесенныя [illegible] представлялись не несчастіемъ, не паденіемъ, а [illegible] нать силою вышнею, затѣмъ [illegible] Примѣры подвиговъ вѣры [illegible], а потому [illegible] саніе ихъ не могло не имѣть [illegible] не могло не найти мѣста въ его трудѣ, посвященномъ [illegible] чательнымъ событіямъ родины. Разсказъ о борьбѣ [illegible] собою и съ чужеземцами соединяется въ [illegible] ніемъ о борьбѣ внутренней, выдержанной [illegible] тивъ враговъ ихъ душевнаго блага, [illegible] ихъ усердіе къ вѣрѣ. Подъ 983 годомъ [illegible] добное сказаніе о варягѣ и его сынѣ, [illegible] что остались твердыми въ своихъ [illegible]. Въ самомъ обширномъ объемѣ излагается [illegible] утвердившаго христіанство въ русской земли. Въ [illegible] смыслѣ Владиміра можно назвать главнымъ [illegible] подвиги его изображены съ наибольшею подробностію [illegible] вымъ сочувствіемъ. Описывая [illegible] Владиміра, его отношенія къ новообращенному народу, [illegible] и преемство [illegible] для современнаго Владиміру русскаго [illegible] и пиры съ дружиною, сохранившіе [illegible] съ врагами, вызывавшими русскихъ [illegible]

съ ними силою. Будучи истиннымъ и ревностнымъ христіаниномъ, Несторъ вмѣстѣ съ тѣмъ писатель народный; общее не заглушаетъ въ немъ частнаго, народнаго: онъ постоянно удерживаетъ двойственный характеръ — христіанина и русскаго писателя XI вѣка. Дѣйствія силы высшей всего скорѣе обнаруживались въ храмахъ, посвященныхъ истинному Богу; почему сооруженіе церкви считалось важнымъ событіемъ и тщательно отмѣчалось какъ нашими лѣтописцами, такъ и западно-европейскими. Мѣстомъ священнымъ почитаемы были также монастыри. Подобно другимъ европейскимъ лѣтописцамъ, Несторъ неоднократно упоминаетъ о созданіи церквей и учрежденіи монастырей. Однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ княженіи Ярослава, по словамъ лѣтописца, было то, что при немъ „нача вѣра христіанская плодитися и расширяти, и черноризцы почаша множитися, и монастыреве починаху быти“.

Въ повѣствованіи о крещеніи Владимира и всей земли русской лѣтописецъ нашъ слѣдовалъ автору „Житія блаженнаго Володимера“. Оно съ вѣроятностью можетъ быть приписано мниху Іакову, русскому писателю XI вѣка. Отдѣльнымъ сочиненіемъ, вставленнымъ въ лѣтопись, является житіе святыхъ Бориса и Глѣба.

Въ лѣтописи подъ 6575 (въ иныхъ спискахъ подъ 6576) и 6582 годами приводятся мѣста изъ поученій преподобнаго Феодосія Печерскаго († 1071). Описаніе событій перваго года начинается такъ: на русскую землю пришли иноплеменники — половцы. Изяславъ же, Святославъ и Всеволодъ выступили противъ враговъ на Альту; но, по грѣхамъ нашимъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, попустилъ Богъ поганыхъ: русскіе князья бѣжали, а половцы побѣдили. Вслѣдъ за этими словами приводится поученіе Феодосія о причинахъ, по которымъ Богъ попускаетъ нашествіе иноплеменниковъ. Поученіе передается почти дословно, что дѣлается очевиднымъ при сравненіи его съ текстомъ лѣтописи.

Въ числѣ событій, описанныхъ подъ 6605 (1097) годомъ, видное мѣсто занимаетъ ослѣпленіе князя Василька Ростиславича. При описаніи какъ самаго злодѣянія, такъ и близкихъ къ нему происшествій лѣтописецъ пользовался письменнымъ разсказомъ того Василія, который велъ переговоры съ ослѣпленнымъ княземъ. Лѣтописецъ руководствовался своимъ источникомъ не вполнѣ, передавъ по-своему его содержаніе.

Лѣтописцы наши пользовались византійскими источниками. на это указываютъ и составъ лѣтописей и собственныя слова лѣтописцевъ, означавшихъ иногда, откуда почерпнуто ими то или другое свѣдѣніе. Между византійскими хронистами всѣхъ ближе во многихъ отношеніяхъ къ нашимъ лѣтописцамъ — Георгій Амартолъ. Въ древней лѣтописи приводятся неоднократно мѣста изъ его хроники, по разнымъ поводамъ изъ различныхъ частей ея. Отсюда слѣдуетъ заключить, что древнему лѣтописцу извѣстна была хроника Амартола во всемъ ея объемѣ. Составляя хронику, Георгій Амартолъ имѣлъ опредѣленную цѣль и придалъ труду своему опредѣленное направленіе, которыя ясно выражаются въ предисловіи. Авторъ обѣщаетъ изложить паденіе ложныхъ языческихъ ученій, начало и распространеніе монашеской жизни, борьбу истинной вѣры съ злою ересью иконоборческою и другими ересями. Дѣйствительно, во всей хроникѣ главнымъ предметомъ являются судьбы вѣры и Церкви, торжество православія надъ еретиками. Преобладающая мысль сочиненія высказывается съ большею или меньшею силою, сообразно съ свойствомъ описываемыхъ предметовъ. Хроника начинается краткимъ обзоромъ замѣчательнѣйшихъ лицъ древняго міра, частью историческихъ, частью миѳическихъ. Потомъ излагается исторія библейская, исторія вавилонскаго царства, исторія римской монархіи въ періодъ языческій и наконецъ, исторія византійскаго государства до смерти царя Михаила. Слѣдовательно, Амартолъ писалъ до 867 года; все же, что относится къ событіямъ послѣ 867 года, къ которымъ принадлежатъ и походы руссовъ, описано не имъ, а его продолжателями. Судьба христіанской Церкви составляетъ тотъ предметъ, которымъ преимущественно занимается Амартолъ при изложеніи исторіи съ эпохи Константина Великаго.

Поэтому на первомъ планѣ является описаніе вселенскихъ соборовъ, какъ событій, упрочившихъ спокойствіе Церкви а, съ другой стороны — описанія ересей, усилій лжеучителей разрушить единство Церкви и положить преграды распространенію истинной вѣры. Возмущенія произведенныя иконоборцами, изложены съ особенною подробностью и энергіей. Обличая ложность началъ, руководившихъ исчисленными еретиками, Амартолъ расточаетъ укоризны ихъ предстателямъ и защитникамъ. Такое же мѣсто занимаютъ при описаніи другихъ царствованій подвиги святыхъ и учителей Церкви съ извѣстіемъ о чудесахъ, совершенныхъ ими

Вмѣстѣ съ происшествіями чудесными въ собственномъ смыслѣ, Амартолъ описываетъ и вещи просто диковинныя. Такъ онъ разсказываетъ о фокусникѣ, который отбиралъ кольца у зрителей, а собака возвращала каждому по принадлежности. Сравненіе соотвѣтствующихъ мѣстъ нашей лѣтописи и хроники Амартола показываетъ, что иныя заимствованія изложены лѣтописцемъ въ сокращеніи и отчасти своими словами, другія же выписаны почти дословно.

На Меѳодія патарскаго ссылается лѣтописецъ нашъ при разсказѣ о нашествіи половцевъ въ 1096 году. Безбожные сыны Измаиловы, говоритъ лѣтопись, пришли изъ пустыни Етривской. Меѳодій свидѣтельствуетъ, что 8 колѣнъ убѣжало въ пустыню, и „по сихъ 8 колѣнъ, въ кончинѣ вѣка“ выйдетъ нечистое племя, заключенное Александромъ македонскимъ. Отрокъ Гюряты новгородца узналъ отъ Югры о неслыханномъ чудѣ: о горахъ „зайдуче луку моря“, въ которыхъ вѣчный крикъ и говоръ, и люди сѣкутъ гору, „хотяще высѣчися“. Это и есть люди, заключенные Александромъ Македонскимъ. Затѣмъ приводится свидѣтельство о нихъ изъ сочиненія того же Меѳодія. Упоминаемый въ лѣтописи авторъ, Меѳодій патарскій, былъ епископомъ сперва въ Олимпѣ, городѣ малоазіатской области Ликіи, потомъ въ главномъ городѣ той же области Патарѣ, наконецъ въ Тирѣ, и пострадалъ во время преслѣдованій Діоклетіана около 311 года.

Сверхъ всего этого, въ лѣтопись вводились иногда оффиціальные документы, какъ договоры. По лѣтописи извѣстны четыре договора: подъ 907 годомъ приводится договоръ Олега съ царями Львомъ и Александромъ; подъ 912 г. — другой договоръ Олега съ тѣми же царями; подъ 945 г. — договоръ Игоря съ царемъ Романомъ и сыновьями его, Константиномъ и Стефаномъ; подъ 971 годомъ — договоръ Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ.

Таковы главнѣйшіе источники, послужившіе къ составленію древней лѣтописи. Въ выборѣ ихъ ясно обнаруживаются вѣкъ и образованность лѣтописца, а въ цѣли заимствованій — искусство его, какъ писателя. Въ этомъ отношеніи замѣчательно подчиненіе всего вносимаго главной мысли повѣствованія. Извлеченіями изъ разныхъ источниковъ объясняются тѣ явленія въ русскомъ мірѣ, которыя по своей важности или по своей необычайности нуждались въ объясненіи для людей

[illegible], не [illegible] разсужденіях къ причинамъ событій. Между источниками русск[illegible] [illegible] отличается книги св. пи-санія. Затѣмъ [illegible] вліяніе лѣто-писца проявляется [illegible] ему по слову и по [illegible] Въ [illegible] памятниками русскими нахо-дятся памятники литературы византійской, черезъ посредство которой русское общество ознакомилось съ идеями христіан-скими. Въ способѣ пользоваться источниками какъ отечествен-ными, такъ и иностранными замѣтны [illegible] пріемовъ: лѣтописецъ обыкновенно не выписываетъ обстоя-тельства своего источника дословно во всемъ его объемѣ, а приводитъ изъ него извлеченія, связывая его съ главнымъ предметомъ повѣствованія...

Передавая различныя событія, лѣтописецъ сообщаетъ свѣ-дѣнія о лицахъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ. Извѣстія о лицахъ состоятъ обыкновенно изъ замѣчаній о [illegible] ихъ рожденія, изъ описанія ихъ дѣятельности, преимущественно военныхъ, и изъ упоминанія о годѣ смерти и мѣстѣ погребе-нія. За извѣстіемъ о смерти часто слѣдуютъ отзывы, болѣе или менѣе знакомящіе со свойствами умершихъ. Отзывы о лицахъ касаются какъ внутреннихъ ихъ качествъ, такъ и наружныхъ, и, несмотря на всю краткость, ясно указываютъ различіе между упоминаемыми лицами. О князѣ Ростиславѣ († 1065) лѣтописецъ говоритъ: „Бѣ же Ростиславъ мужь добль, ратенъ, *[illegible]* и красенъ лицемъ и милостивъ убогимъ". О Глѣбѣ († 1077): „бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогымъ, и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ".

Вмѣстѣ съ свѣдѣніями о замѣчательныхъ происшествіяхъ и о личныхъ свойствахъ князей и другихъ общественныхъ дѣя-телей, лѣтописецъ сообщаетъ и нѣкоторыя черты [illegible]: говоритъ о [illegible] отношеніяхъ [illegible] о празднествахъ, [illegible] черты разсѣяны по разнымъ мѣстамъ [illegible] Ярослава [illegible] русскомъ княжескомъ быту. Умирая, Ярославъ [illegible] своимъ дѣтямъ: „Се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте [illegible], понеже [illegible] и матери [illegible]

въ васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще. аще ли будете ненавидно живуще, въ распряхъ и которающеся, то погибнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ. Но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ себе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ; сего послушайте, якоже послушаете мене, да то вы будеть въ мене мѣсто, а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль" и т. д. О любознательности Ярослава и о мѣрахъ къ распространенію просвѣщенія свидѣтельствуютъ слѣдующія слова лѣтописи: „И бѣ Ярославъ книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне, и собра писцѣ многы, и прекладаше отъ грекъ на словѣньское писмо, и списаша книгы многы, ими же поучающеся вѣрнии людье, наслажаются ученья божественаго."

Отъ содержанія древней русской лѣтописи, въ которое вошли довольно разнообразные предметы, обращаемся къ способу изложенія этихъ предметовъ.

Несмотря на строгій хронологическій порядокъ, въ лѣтописи часто сопоставлялись происшествія, лишенныя внутренней связи между собою, несмотря на краткость и какъ бы случайность разныхъ замѣтокъ, древнюю лѣтопись отнюдь нельзя назвать сборникомъ отрывочныхъ извѣстій, не имѣющихъ одно съ другимъ ничего общаго. Содержаніе ея не состоитъ изъ ряда сухихъ фактовъ, а изложеніе изъ безцвѣтныхъ описаній: она получаетъ жизнь и колоритъ отъ искусства лѣтописца, который, будучи человѣкомъ мыслящимъ и способнымъ сочувствовать общему горю и общей радости, многими чертами въ повѣствованіи обнаруживаетъ свои понятія и чувства, составляющія, такъ сказать, внутреннюю сторону и описываемой имъ дѣйствительности. Понятія его выражаются въ указаніи причинъ происшествій и преимущественно въ объясненіи ихъ, какъ въ одной изъ самыхъ яркихъ особенностей нашей древней лѣтописи. Въ большей части приводимыхъ причинъ лѣтописецъ остается вѣренъ общему мнѣнію и духу вѣка, не стараясь толковать событія произвольно; но въ тѣхъ случаяхъ, когда молва народа не могла удовлетворить человѣка начитаннаго и разсудительнаго, лѣтописецъ, указывая ея несостоятельность, выражаетъ свое мнѣніе, основанное на свидѣтельствахъ, вполнѣ достовѣрныхъ.

При сужденіи о причинѣ событій, указываемой въ лѣтописи, необходимо держаться исторической точки зрѣнія. То, что намъ кажется маловажнымъ, для предковъ нашихъ имѣло совершенно другое значеніе, вслѣдствіе различныхъ условій ихъ быта, съ коими находится въ связи тотъ или другой взглядъ на вещи. Высшею причиною событій, достопамятныхъ для потомства, лѣтописецъ признаетъ волю Господню, праведный судъ Божій; благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствію небесной силы...

Не только въ событіяхъ историческихъ, въ дѣйствіяхъ людей, но и въ явленіяхъ внѣшней природы лѣтописецъ не допускаетъ случайности. По его понятію, различныя явленія на землѣ и на небѣ происходятъ не сами по себѣ, не лишены всякой связи съ судьбою человѣка: напротивъ, ихъ таинственный смыслъ можетъ быть разгаданъ только наблюденіемъ дѣлъ человѣческихъ. Такая вѣра въ родство человѣка съ природою, въ единство всѣхъ силъ вселенной, средоточіемъ которой является человѣкъ съ его замыслами и поступками, съ его ограниченными нуждами, — есть слѣдъ давно минувшаго быта, удержанный сказаніями лѣтописи. Возникнувъ во времена первобытныя, эта вѣра оживляла многія поколѣнія, къ разряду коихъ принадлежитъ и поколѣніе, современное нашему лѣтописцу. Простымъ и необходимымъ явленіямъ природы онъ придаетъ значеніе высшее, какъ бы осмысляетъ ихъ, что показываетъ самое названіе: знаменіе — явленіе знаменательное, предвѣщавшее что-либо доброе или злое. „Знаменія бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро", говоритъ лѣтописецъ. Въ знаменіяхъ искали пророческаго смысла всѣ: и простолюдины и люди высшаго сословія, даже духовенство; лѣтописецъ также принимаетъ общее мнѣніе, какъ видно изъ собственныхъ словъ его о причинѣ знаменій и изъ одобрительнаго отзыва о людяхъ, прибѣгающихъ къ Богу съ молитвою о томъ, чтобы Онъ явленія небесныя обратилъ на добро. Но не все то, чему въ простотѣ сердца вѣрили массы, признавалъ за достовѣрное и лѣтописецъ. Когда случались солнечныя затменія, народъ говорилъ, что солнце съѣдено; такъ думали во времена Нестора. Отголосокъ такого же мнѣнія сохраняется и досель въ устахъ народа. Лѣтописецъ отвергаетъ толки народа, называя „невѣгласами" тѣхъ, которые думаютъ, что солнце съѣдается. Въ самомъ же затменіи лѣтописецъ допускаетъ связь съ событіями земными тѣмъ, будто бы служило оно предзнаменованіемъ

Мысль о событіяхъ выражается въ лѣтописи не въ отвлеченной формѣ, а въ живой связи съ повѣствованіемъ. Лѣтописецъ высказываетъ мнѣніе о томъ, что близко его душѣ, что имѣло вліяніе на судьбу русской земли, а потому мысли его исполнены одушевленія, соединяясь съ чувствами, вызванными тѣми же предметами, о коихъ излагаетъ онъ свое мнѣніе. Чувство лѣтописца иногда высказывается въ замѣчаніи, вставляемомъ въ разсказѣ, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ: „Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ руськѣй много зло створше, проливше кровь хрестьянску, ея же крове взищетъ Богъ отъ руку его, и отвѣтъ дати има за пагубленье души хрестьяньскы“. Иногда же чувства выражаются въ формѣ болѣе пространной, какъ заключеніе предлагаемаго описанія, почему встрѣчается при извѣстіяхъ о смерти достопамятнаго лица или о совершеніи замѣчательнаго подвига. Особенное сочувствіе лѣтописца вызываютъ подвиги для блага русской земли, для улучшенія ея состоянія нравственнаго, умственнаго, общественнаго. Отзывъ объ Ольгѣ, первой изъ русскихъ, вошедшей въ царство Божіе, полонъ душевнаго участія. Изъ всѣхъ качествъ и дѣйствій Ярослава его любовь къ просвѣщенію и мѣры къ его поддержанію наиболѣе цѣнимы лѣтописцемъ, признающимъ великую пользу отъ ученія книжнаго. Доводы его проникнуты живымъ чувствомъ, которое выражается и въ превосходномъ сравненіи заслугъ Владимира и Ярослава. Общественное благо потрясаемо было набѣгами вражескими и междоусобіями князей; описаніе и тѣхъ и другихъ несчастій сопровождается излiяніемъ горестнаго чувства. Половцы пришли на землю русскую, и на Руси открылась печальная картина: „Ови ведуться полонени; друзіи посѣкаеми бывають; друзіи на месть даеми бывають, горкую смерть пріемлюще; друзіи трепечють, зряще убиваемыхъ; друзіи гладомъ умориеми и водною жажею“. Внутреннія смуты также печалили мыслящаго лѣтописца. Согласіе между братьями лѣтописецъ признаетъ залогомъ счастія русской земли и, по поводу братолюбія Изяслава, доказываетъ необходимость любви. Описываетъ ли подвиги своихъ соотечественниковъ, говоритъ ли о чужеземцахъ, Несторъ не увлекается ни слѣпою любовью ни безпощадною ненавистью. Чувства его не безотчетны: они основываются на вѣрномъ взглядѣ на вещи, похвалы и порицанія находятъ положительное подтвержденіе

въ самомъ повѣствованіи. Но простота и преобладаніе мысли, сдерживающей увлеченіе чувства, составляютъ существенныя внутреннія качества Нестора. Оно выражается всюду, и ее можетъ быть наблюдаема личность лѣтописца: въ его отзывахъ объ историческихъ лицахъ, въ описаніи событій, въ его разсказѣ вообще.

Отличительное свойство повѣствованія Нестора заключается въ ровности изложенія. У него нѣтъ порывовъ и внезапныхъ отступленій и воззваній. Рѣчь его чужда искусственныхъ украшеній, изысканныхъ троповъ и фигуръ; но зато она исполнена внутренней силы: слова ясно и точно передаютъ мысль, и ихъ сказано не болѣе не менѣе какъ сколько нужно для яснаго и точнаго выраженія мысли. Описаніе сраженій и побѣдъ, печальной смерти и т. п. особенно благопріятствуютъ тропамъ и фигурамъ, и у словоохотливыхъ повѣствователей самыя краснорѣчивыя страницы посвящаются подобнымъ описаніямъ. Но у Нестора и въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, господствуетъ ровность и простота изложенія. Къ нѣкоторымъ событіямъ лѣтописецъ питалъ особенное сочувствіе, и оно выражалось не отрывистыми, восторженными фразами, а послѣдовательнымъ описаніемъ происшествій.

Бѣдствія, постигшія русскую землю съ нашествіемъ половцевъ, описаны, повидимому, съ большимъ спокойствіемъ, но въ этой спокойной рѣчи много такого, что можетъ вызвать чувство читателя скорѣе самыхъ затѣйливыхъ описаній.

([illegible])

Характерныя черты нашей древней лѣтописи.

Лѣтопись вышла изъ рукъ духовенства; то, само собою разумѣется, сильнѣе всего должно было опредѣлить ея характеръ. Лѣтописецъ — духовное лицо и ищетъ въ описываемыхъ имъ событіяхъ религіозно-нравственнаго смысла, предлагаетъ читателямъ свой трудъ какъ религіозно-нравственное поученіе. Отсюда высокое религіозное значеніе этого труда въ глазахъ лѣтописца и въ глазахъ всѣхъ современниковъ его.

Говоря вначалѣ о событіяхъ древней языческой исторіи, лѣтописецъ удерживается отъ благочестивыхъ наставленій и размышленій: поступки людей, невѣдущихъ закона Божія, не представляютъ ему приличнаго къ тому случая. Только съ рас-

сказаніи объ Ольгѣ-христіанкѣ начинаются благочестивыя размышленія и поученія, непослушаніе Святослава Святославу святой матери подаетъ поводъ къ тому же. „Онъ же не послуша матере, творяше норовы поганьскые, не вѣдый, аще кто матере не послушаеть, въ бѣду впадаеть, якоже рече: аще же кто отца ли матере не послушаеть, смертью да умреть". Такимъ образомъ бѣдственная кончина Святослава представляется слѣдствіемъ его непослушанія матери. Смерть св. Ольги доставляетъ поводъ къ другому размышленію: **о славѣ и блаженствѣ праведниковъ...**

Святополкъ Окаянный съ самаго разсказа о зачатіи его подвергается уже нареканію, предсказывается въ немъ будущій злодѣй: „Отъ грѣховьнаго бо корени золъ плодъ бываеть". Противоположность Владиміра язычника и Владиміра христіанина также подаетъ поводъ къ поученію; смерть двухъ варяговъ-христіанъ не могла остаться безъ благочестиваго размышленія о преждевременной радости діавола, который не предвидѣлъ скораго торжества истинной вѣры. При извѣстіи о началѣ книжнаго ученія лѣтописецъ обнаруживаетъ сильную радость и прославляетъ Бога за неизреченную милость Его: „Симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: во оны дни услышать глусіи словеса книжная, и ясенъ будеть языкъ гугнивыхъ. Се бо не бѣша преди слышали словесе книжнаго, но по Божью строю, и по милости своей помилова Богъ, якоже рече пророкъ, помилую, его же аще помилую" и проч. За извѣстіемъ о смерти Владиміра слѣдуетъ похвала этому князю, изъ которой узнаемъ, что во времена лѣтописца Владиміръ не былъ еще причтенъ къ лику святыхъ: „Дивно же есть се, колико добра створилъ Русьстѣй земли, крестивъ ю. Мы же хрестьяне суще, не въздаемъ почестья противу оного възданью. Аще бо онъ не крестилъ насъ, то нынѣ были быхомъ въ прельсти дьяволи, якоже и прародители наши погынуша. Да аще быхомъ имѣли потщанье и мольбы приносили Богу за нь, въ день преставленья его, и видя бы Богъ тщанье наше къ нему, прославилъ бы и; намъ бо достоить за нь Бога молити, понеже тѣмъ Бога познахомъ".

По смерти Ярослава, явленія, стоящія на первомъ планѣ въ лѣтописи, суть отношенія княжескія, усобицы и потомъ нашествія степныхъ варваровъ, половцевъ. Понятно, что лѣто-

писецъ, вмѣстѣ со всѣми современниками, видитъ въ усобицахъ главное зло и сильно противъ нихъ вооружается. Лѣтописецъ смотритъ на усобицу, какъ на слѣдствіе дьявольскаго внушенія, и нашествія иноплеменниковъ, пораженія отъ нихъ суть наказанія Божіи за грѣхъ усобицы: „Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянутися къ Богу: усобная же рать бываетъ отъ соблажненья дьяволя“.

Часто князья преступали клятвы, данныя другъ другу, отчего и происходили усобицы; по двумъ основаніямъ, религіозному и политическому, лѣтописецъ долженъ былъ сильно вооружиться противъ клятвопреступленій, которыя вмѣстѣ были кресто-преступленіями, ибо клятвы запечатлѣвались цѣлованіемъ креста. Ярославичи цѣловали крестъ Всеславу полоцкому и тотчасъ же нарушили клятву, посадили Всеслава въ тюрьму. Но Всеславъ освободился изъ заключенія вслѣдствіе изгнанія Изяслава: по этому случаю лѣтописецъ говоритъ: „Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я и (Всеслава); тѣмже наведе Богъ поганыя, сего же явѣ избави крестъ честный въ день бо Въздвиженья. Всеславъ вздохнувъ, рече: „О кресте честный! понеже къ тебѣ вѣровахъ, избави мя отъ рва сего“. Богъ же показа силу крестную на показанье землѣ русьстѣй, да не преступають честнаго креста, цѣловавше его; аще ли преступитъ кто, то и здѣ пріиметь казнь и на придущемъ вѣцѣ казнь вѣчную“.

Начало усобицы между Ярославичами, изгнаніе Изяслава меньшими братьями, преступленіе заповѣди отцовской, даетъ случай лѣтописцу сказать грозное слово: „Въздвижа дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичахъ... Велій бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамове на землю Сиѳову, и по 400 лѣтъ отмщеніе пріяша отъ Бога; отъ племене бо Сиѳова суть евреи, же избивше хананѣиско племя, всприяша свой жребій и свою землю. Паки преступи Исавъ заповѣди отца своего, и пріа убійство; не добро бо есть преступати предѣла чужего“. Смерть Изяслава, положившаго голову свою за брата, даетъ лѣтописцу случай распространиться въ похвалу братолюбію. „Поистинѣ аще что створилъ есть (Изяславъ) въ свѣтѣ семъ етеро согрѣшенье, отпустится ему, занеже положи главу свою

за брата своего, не желая болшее волости, ни имѣнья, хотя болша, но за братню обиду“. Говоря о мести Василька Теребовльскаго, сперва на невинныхъ жителяхъ города Всеволожа, а потомъ на боярахъ Давыда Игоревича, лѣтописецъ прибавляетъ: „Се же второе мщенье створи, его же бяше не лѣпо створити, дабы Богъ отместникъ былъ, и взложити было на Бога мщенье свое“. Въ разсказѣ о борьбахъ и счетахъ княжескихъ лѣтописецъ стоитъ за старшихъ противъ младшихъ: никогда не находитъ оправданія послѣднимъ, не разъ находитъ упрекъ имъ: такъ, на югѣ, лѣтописецъ вооружается противъ Ярослава Святополковича за гордость противъ дяди и тестя; на сѣверѣ, разсказавши о побѣдѣ Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: „Богу наказавшю князей креста честнаго не преступати и старѣйшаго брата чтити...“

О нашествіи варваровъ лѣтописецъ отзывается постоянно какъ о наказаніи Божіемъ за грѣхи народа; подъ 1093 годомъ: „Бысть плачь въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженье беззаконій нашихъ. Се бо на ны Богъ попусти поганымъ, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ. симъ казнить ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся вспомянемъся отъ злаго пути своего“. Подобное разсужденіе повторяется и впослѣдствіи. Таково же воззрѣніе лѣтописца и на всѣ другія бѣдствія: „Богъ бо казнитъ рабы своя напастьми различными, огнемъ и водою и ратью и иными различными казньми, хрестьянину бо многими напастьми внити въ царство небесное, согрѣшихомъ, казними есмы, яко сотворихомъ, тако и пріяхомъ, но кажетъ ны добрѣ Господь нашь. Но да никтоже можетъ рещи, яко ненавидитъ насъ Богъ; не буди то!“ Болѣзни, всякаго рода страданія, напрасная смерть очищаютъ человѣка отъ грѣховъ: по свидѣтельству лѣтописца князь Ярополкъ Изяславовичъ молился: „Господи Боже мой! приими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братома моима Борису и Глѣбу, отъ чюжю руку, да омыю грѣхи своею кровью“. Сказавши о смерти князя Святослава Юрьевича, лѣтописецъ прибавляетъ: „Си же князь избранникъ Божий бѣ: отъ рождества и до свершенья мужьства бысть ему болѣзнь зла, ея же болѣзни просяхуть на ея святіи апостоли и святіи отци у Бога: кто бо постражетъ болѣзнью тою, якоже книгы глаголютъ, тѣло его мучится, а душа его

словами: Также и Глѣбъ, а нынѣ святый Святославъ, Божіи угодники, избравши [illegible] ему Богъ вмѣсто земли [illegible] царство небесное“. Ту же мысль выражаетъ лѣтописецъ и въ разсказѣ о смерти Андрея Боголюбскаго. Мнихъ [illegible] Ростиславичъ Храбрый говаривалъ дружинѣ своей передъ битвою: „Братья! нынѣ же имѣте во умѣ своемъ, что аще умремъ за христіаны, то очистимся грѣховъ своихъ и Богъ вмѣнитъ кровь нашу съ мученики“. Лѣтописецъ, держащійся того же мнѣнія, даже [illegible] христіанскихъ воиновъ [illegible], называетъ крестоносцами (Полное собр. русскихъ лѣтописей. I. 139.) Успѣхъ и побѣда [illegible] приписывается обыкновенно [illegible] милости Божіей и молитвѣ святыхъ, также молитвѣ предковъ умершихъ, отца, дѣда и прадѣда; напр., описывая торжество Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: „И поможе Богъ Михалку и брату его Всеволоду, отца и дѣда его молитва и прадѣда его...“

Каждое необыкновенное физическое явленіе предвѣщаетъ что-нибудь необыкновенное въ мірѣ нравственномъ, обыкновенно что-нибудь недоброе; въ 1063 году шелъ Волховъ въ Новѣгородѣ назадъ 5 дней; это знаменіе было не къ добру, говорили лѣтописецъ, на четвертый годъ князь Всеславъ пожегъ городъ. Въ слѣдующемъ году „бысть знаменіе на западѣ, звѣзда превелика, лучи имущи аки кровавы, выходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ, и пребысть за 7 дней; се же проявляше не на добро: по семъ бо быша усобицѣ многи и нашествіе поганыхъ на Рускую землю, си бо звѣзда бѣ аки кровава, проявляющи кровопролитье...“

Однако солнечное затменіе въ 1113 г., предвозвѣстившее [illegible] смерть великого князя Святополка, [illegible] лѣтописецъ присовокупляетъ: „Се же бываютъ знаменія не на добро; бываютъ знаменія въ солнци и въ лунѣ или звѣздами не по всей земли, но въ которой либо земли аще будетъ знаменье, то та земля и видитъ...“

Подъ 1111 годомъ читаемъ: „Бысть знаменіе [illegible] [illegible] [illegible] знаменіе въ образѣ [illegible] въ часъ дневный и [illegible] Тогда же [illegible] въ [illegible] сторонѣ, [illegible]“ Подъ 1161 годомъ: „Бысть знаменіе

въ лунѣ страшно и дивно, идяше бо луна чрезъ все небо отъ востока до запада, измѣняючи образы своя: бысть первое убыванiе по малу, дондеже вся погибе, и бысть образъ ея яко скудна, черна, и паки бысть яко кровава, и потомъ бысть яко двѣ лицѣ имущи, едино зелено, а другое желто, и посреди ея яко два ратьная сѣкущеся мечема, и единому ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше; сему же рекоша старiи людiе: не благо есть сиково знаменiе, се прообразуетъ княжю смерть" (еже бысть: убитъ былъ Изяславъ Давыдовичъ). Подъ 1195: „Тоже зимы, по Феодоровѣ недѣли во вторникъ въ 9-й часъ потрясеся земля по всей области Кiевской и по Кыеву: церькви каменыя и деревяныя колебахуся, и вси людiе видяще, отъ страху не можаху стояти, ови падаху ници, инии же трепетаху. И рекоша игумени блаженiи: се Богъ проявилъ есть показая силу свою за грѣхи наша, да быхомъ остали отъ злого пути своего; инiи же молвяхуть другъ ко другу: сiи знаменiя не на добро бываютъ, но на паденiе многимъ, и на кровопролитiе, и на мятежь многъ въ русской землѣ" (еже и сбысться: усобица Мономаховичей съ Ольговичами)...

Соловьевъ.

Литературное значенiе лѣтописи Нестора.

Чувство религiозное и чувство патрiотическое составляютъ основные мотивы, которые проходятъ по всѣмъ разсказамъ лѣтописи. Какъ благочестивый христiанинъ, воспитанный на чтенiи священныхъ книгъ, Несторъ всѣ событiя въ мiрѣ и явленiя въ природѣ разсматриваетъ съ точки зрѣнiя религiозной и объясняетъ ихъ непосредственнымъ участiемъ божественнаго промысла. Осуждая Святополка за то, что онъ одинъ хотѣлъ завладѣть всею Русью, онъ говоритъ: „помыслилъ такъ въ своемъ высокоумiи, не зная, что Богъ даетъ власть кому хочетъ; ибо Вышнiй поставляетъ царя или князя... Если какая земля *управится* предъ Богомъ, онъ поставляетъ ей праведнаго царя или князя, любящаго судъ и правду, и властителя и судью, любящаго судъ. Если князья бываютъ правдивы на землѣ, то прощаются многiя согрѣшенiя; а если бываютъ злы и лукавы, то большее зло Богъ наводитъ на землю, ибо они глава земли. Разсказывая о нашествiи на Русь

половцевъ, онъ приводитъ слова изъ Епифанія объ ангелахъ, приставленныхъ къ каждой землѣ: „также и въ каждой землѣ приставленъ ангелъ, да соблюдаетъ каждую землю *иже суть и языки* (т.-е. ея жители). *Если же будетъ гнѣвъ Божій* на какую-либо землю, Онъ повелѣваетъ итти на эту землю войною ангелу какой-либо земли, и ангелъ не воспротивится повелѣнію Божію“. Такъ и за насъ, за грѣхи наши, Богъ навелъ поганыхъ иноплеменниковъ, и они побѣдили насъ по повелѣнію Божію, ибо водимы были ангеломъ по повелѣнію Божію“. Всѣ бѣдствія въ народѣ: междоусобія, войны, засуха, голодъ, моръ суть наказанія Божіи за грѣхи: „за грѣхи на каждую землю Богъ наводитъ голодъ, или моръ, или засуху или иную казнь“. Явленіе кометы, солнечное затменіе или другое какое-нибудь особенное явленіе природы суть знаменія гнѣва Божія и предвѣстники того или другого бѣдствія. „Въ сіи времена (1064—65 г.), говоритъ лѣтописецъ, было знаменіе на западѣ, звѣзда превеликая, имѣвшая лучи, какъ бы кровавые; оно предвѣщало недоброе: послѣ этого были многія усобицы и нашествіе поганыхъ на русскую землю; кровавая звѣзда предвѣщала кровопролитіе... Знаменія на небѣ, въ звѣздахъ, или въ солнцѣ, птицами или другимъ чѣмъ-либо *не на добро* бываютъ, но на зло бываютъ“. Такія размышленія по поводу разсказываемыхъ событій весьма часто встрѣчаются въ лѣтописи и сообщаютъ ей поучительный характеръ. Въ нихъ выражаются благочестивыя христіанскія чувства: вѣра въ промыслъ Божій, миръ, любовь, братолюбіе, почтеніе къ родителямъ и старшимъ, вѣрность крестному цѣлованію, раскаяніе во грѣхахъ, любовь къ родной русской землѣ и забота о ея цѣлости и защита отъ враговъ; при этомъ приводятся часто обширныя выписки изъ св. писанія и примѣры изъ исторіи другихъ народовъ. При такомъ характерѣ лѣтопись, естественно, должна была имѣть высокое образовательное значеніе. Сужденія лѣтописца о дѣлахъ людей и народовъ отличаются правдивостью и безпристрастіемъ. Христіанскій взглядъ и религіозное чувство нисколько не препятствуютъ ему видѣть доброе и у народовъ нехристіанскихъ. Такъ, онъ хвалитъ законъ сирянъ, бактріанъ, индійскихъ брахмановъ и британцевъ; разсказывая о полянахъ, онъ одобряетъ ихъ вѣрность отеческимъ обычаямъ, кротость ихъ нравовъ, брачные уставы и обряды. Подробно и съ живымъ сочувствіемъ изображаетъ Несторъ первоначаль-

ныя языческія времена Руси и дѣла древнихъ языческихъ князей. При этомъ онъ передаетъ тѣ поэтическія сказанія о нихъ, которыя сложились, вѣроятно, въ кругу княжеской варяжской дружины и составляютъ драгоцѣнный остатокъ недошедшаго до насъ дружиннаго эпоса. Таковы сказанія объ Аскольдѣ и Дирѣ, о славномъ походѣ Олега подъ Константинополь, о его чудесной кончинѣ, по предсказанію кудесника, объ оригинальномъ мщеніи Ольги надъ древлянами за смерть Игоря, о подвигахъ Святослава. Въ этихъ сказаніяхъ весь древній періодъ нашей исторіи представляется въ настоящемъ героическомъ свѣтѣ; особенно истиннымъ героемъ изображается въ нихъ Святославъ, который проводилъ жизнь свою на ратномъ полѣ, „*легко ходя аки пардусъ*"... „возъ по себѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ... Посылаше къ странамъ, глаголя: „хочю на вы ити"; который, сражаясь при Переяславцѣ съ многочисленнымъ войскомъ грековъ, говорилъ своей испугавшейся дружинѣ: „уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу: да не посрамимъ землѣ рускіѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ, ащели побѣгнемъ,. срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду, аще моя глава ляжеть, то промыслите собою". Но передавая съ участіемъ обо всемъ, въ чемъ выражается сила и слава Россіи, Несторъ, разумѣется, съ особеннымъ одушевленіемъ разсказываетъ о временахъ христіанскихъ. Крещеніе св. Ольги, крещеніе св. Владимира и, наконецъ, всего народа русскаго составляютъ въ лѣтописи самыя подробныя и самыя лучшія картины. Въ нихъ есть высокія лирическія мѣста, исполненныя глубокаго христіанскаго и патріотическаго одушевленія. Изображая путешествіе Ольги въ Царьградъ, для принятія крещенія, онъ сравниваетъ ее съ царицею Савскою, которая приходила къ Соломону послушать его мудрости: „Такъ и сія блаженная Ольга искала доброй мудрости Божіей, но та искала мудрости человѣческой, а сія Божіей". Разсказывая о кончинѣ св. Ольги, онъ говоритъ: „и плакаль о ней сынъ ея, и внуки ея, и всѣ люди плачемъ великимъ... Она была предтечею въ христіанской землѣ, какъ денница передъ солнцемъ и какъ заря передъ свѣтомъ; она

сіяла, какъ луна въ ночи посреди невѣрныхъ людей свѣтилась какъ бисеръ... Она первая вошла въ царство небесное *отъ Руси*; ее хвалятъ русскіе сыны, какъ начальницу; она по смерти молитъ Бога за Русь". Изобразивъ картину крещенія Россіи, онъ взываетъ: „благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, который возлюбилъ новыхъ людей, русскую землю, просвѣтилъ ее святымъ крещеніемъ! Припадемъ къ Нему и скажемъ: Господи Іисусе Христе! что мы воздадимъ Тебѣ за все, что Ты воздалъ намъ, грѣшникамъ? недоумѣваемъ воздать Тебѣ воздаяніе противъ даровъ Твоихъ. Великъ еси и чудна дѣла Твоя, величію Твоему нѣсть конца, родъ и родъ восхвалитъ дѣла Твоя. Скажу съ Давидомъ: пріидите, возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу и Спасу нашему; исповѣдаемся Ему, яко благъ, яко въ вѣки милость Его, яко избавилъ ны есть отъ врагъ нашихъ, рекше отъ идолъ поганыхъ... Колькая радость! не одинъ, не два спасаются... радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся, но вотъ не одинъ, не два, но безчисленное множество обратились къ Богу и просвѣтились святымъ крещеніемъ"... Описывая кончину св. Владиміра, онъ называетъ его новымъ Константиномъ и говоритъ: „достойно удивленія, сколько добра сдѣлалъ онъ русской землѣ... Мы же будучи христіанами, не воздаемъ ему почестей сообразно тому, что онъ для насъ сдѣлалъ... Если бы онъ не крестилъ насъ, то мы теперь оставались бы въ прелести діавола, какъ погибли наши прародители. Если бы мы имѣли усердіе и приносили мольбы за него къ Богу, въ день его преставленія, то Богъ, видя наше усердіе къ нему, прославилъ бы его; мы должны молить за него Бога, потому что чрезъ него познали Бога". Къ подобнымъ же изображеніямъ относятся и тѣ мѣста, въ которыхъ Несторъ разсказываетъ объ основаніи Кіево-печерскаго монастыря и первыхъ его подвижникахъ, преп. Антоніи и Феодосіи, о братской любви и мученической кончинѣ свв. Бориса и Глѣба, о просвѣтительной дѣятельности Ярослава, который заводилъ училища, собиралъ и переводилъ книги и самъ любилъ читать ихъ днемъ и ночью. „Подобно тому, говоритъ онъ, какъ кто-нибудь вспашетъ землю, а другой засѣетъ, а иные пожинаютъ и ѣдятъ не скудѣющую пищу, такъ сдѣлалъ и онъ (Ярославъ). Ибо отецъ его, Владиміръ, вспахалъ и умягчилъ, т. е. просвѣтилъ землю русскую кре-

почнемъ, а онъ засѣялъ книжными словесами сердца вѣрныхъ людей, мы же пожинаемъ, воспринимая книжное ученіе. Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго; книгами бо кажеми (наказуеми, наставляемы) и учимы есми пути покаянію, а мудрость бо обрѣтаемъ и воздержаніе отъ словесъ книжныхъ: се бо суть рѣки, напаяющія вселенную; се суть исходища мудрости, книгамъ бо есть неисчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаемы есмы; сіи суть узда воздержанію". Но любовь къ отечеству и къ славнымъ дѣламъ предковъ не заслоняетъ отъ лѣтописца слабыхъ сторонъ и недостатковъ въ ихъ характерѣ и жизни, о которыхъ онъ говоритъ съ полною откровенностію. Сюда относятся, между прочимъ, разсказы о жизни Владимира до принятія имъ христіанства, о хитрости Ольги и жестокихъ поступкахъ ея съ древлянами, разсказы о томъ, какъ предки наши никакимъ образомъ сами не могли установить въ своей землѣ порядка и должны были послать за море и сказать князьямъ чужимъ: *вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдите княжить и володѣти нами*"; какъ Владимиръ предъ магометанскими послами сознавался въ природномъ русскомъ недостаткѣ: *Руси есть веселье питіе, не можемъ безъ того быти*".

Изложеніе лѣтописи Нестора отличается эпическимъ характеромъ. Разсказъ, подобно эпосу, идетъ медленно и спокойно, захватывая на пути все, что представляется важнымъ и интереснымъ, и часто заходитъ въ сторону; часто, какъ мы замѣтили, встрѣчаются вводные разсказы и отступленія, приводятся иногда довольно большія выписки изъ св. писанія и собственныя благочестивыя размышленія лѣтописца. Разсказывая о разныхъ событіяхъ, лѣтописецъ часто приводитъ собственныя слова дѣйствующихъ лицъ; изложеніе лѣтописи при этомъ принимаетъ разговорную форму. Не только отдѣльныя лица, но цѣлые народы и племена ведутъ у Нестора разговоры между собою. „Рѣша козари: платите намъ дань. Сдумавше поляне и вдаша отъ дыма мечь". — „Рѣша древляне... рѣша же кіяне". — „Рѣша Руси чюдь, словени и кривичи". Языкъ лѣтописи церковно-славянскій, или древне-болгарскій; но въ немъ встрѣчается много словъ и древняго народнаго, южно-русскаго языка, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приводятся народныя преданія и собственныя слова или разговоры дѣйствующихъ лицъ. Такія выраженія, каковы напр. не

въ греки, посла по варяги; да пойди за князь нашъ, за Малъ, яшася по дань; за маломъ бо бѣ не дошелъ до Царьграда", должны быть отнесены къ чисто русскимъ выраженіямъ. Наконецъ въ лѣтописи приводится и нѣсколько народныхъ пословицъ; таковы: „аще ли ся въвадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо"; „Егда не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель начнеть тонути"; „погибоша аки Обре"; „бѣда акы въ Роднѣ".

Порфирьевъ.

Убѣжденія лѣтописца.

Сочинитель Повѣсти временныхъ лѣтъ провелъ въ своемъ трудѣ однѣ и тѣ же убѣжденія, и эти убѣжденія достойны вниманія, какъ отголосокъ дальняго времени, отъ котораго намъ осталось очень немногое въ этомъ родѣ.

Основаніе этихъ убѣжденій — книги св. писанія, но не во всякомъ случаѣ исключительно.

По убѣжденію лѣтописца событія совершаются „по Божію строю и милости" и по проныръству діавола. По Божію строю возвеличилась Русь, какъ предсказано было Андреемъ Первозваннымъ, и какъ предугадано потомъ козарами.

„Богъ свѣсть помышленья человѣчьская" и наставляя наказываетъ людей. „Богъ наводить по грѣхамъ на каждую землю гладомъ, или моромъ, ли ведромъ, ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже". „Наводить Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако съкрушенымъ имъ въспомянуться къ Богу". „Насылаетъ Богъ и моръ за грѣхы и неправды". Вообще „Богъ есть отместникъ за зло".

„Но да никто не дьрзнеть рещи, яко ненавидимы Богомъ есмы: да не будеть". „Богъ не хощеть зла человѣкомъ", и въ добро помогаетъ имъ, особенно когда они просятъ его молитвою, какъ видно изъ разсказа о чудѣ Богородицы Влахернской.

„Творя ангелы своя духи и слугы своя огнь палящь; и къ земли суть повелѣньемъ Божиимъ, аможе хощеть Владыка и творець всѣхъ". „Къ коей же твари ангелъ приставленъ, ангелъ облакамъ и мъгламъ, и снѣгу и граду и мразу, ангелъ гласомъ и громомъ, ангелъ зимѣ и зною, и осени и веснѣ и лѣту. Ко всѣмъ тварьмъ ангелы приставлени". „Аще Божии [illegible] на кую либо землю, повелѣвая ангела

тому на кою либо землю бранью или, то оной землѣ ангелъ не въспротивиться повелѣнью Божию. Ангелы на благо посылаеми. Ангелъ человѣку зла не сътворяетъ, но благое мыслитъ ему всегда, паче же хрьстьяномъ помагаетъ и заступаетъ отъ супротивнаго дявола".

„Ангелами своими посылаетъ Богъ и знаменья. Знаменья бываютъ ово на зло ово на добро". Бѣсы съ ихъ родоначальникомъ сатаною или „сами пакости дѣютъ" или наводятъ на нихъ людей, „на злое всегда ловятъ, завидяще ему понеже видятъ человѣка Богомъ почьщена. Сами пакости дѣяли они монахомъ въ Печер. црѣ и народу въ Полотскѣ, уязвляя людей невидимо.

„Бѣси подътокше на зло вводятъ, посемъ же насмисаются, въвергъше въ пропасть смертную. Ученьемъ христіанскимъ побѣжаемъ противнаго врага, попирающе подъ ногы". Простодушно вѣритъ лѣтописецъ и исполненію предсказаній бѣсовскихъ. „Се же дивьно ѥсть, яко отъ вълхкованья събываѥться чародѣйствомъ". Это сказано при разсказѣ о смерти Олега, и при этомъ прибавлены подтвердительные случаи изъ хроники Георгія Амартола. Не одинъ разъ намеками лѣтописецъ высказываетъ свои понятія объ обязанностяхъ нравственныхъ вообще каждаго человѣка и, кромѣ того, чисто религіозныхъ, выставляетъ любовь къ ближнимъ, особенно любовь между родными.

„Въ любьви все съвьршаѥтся, любъве ради сьниде Господь на землю, и распятъ ся за ны грѣшьныя, вьземъ грѣхы наша, пригвозди (ся) на крьстѣ, давъ намъ крьстъ свои на прогнанье ненависти бѣсовьскоѥ; любьве ради мученици пролиша кръви своя. Любъве же ради сии князь (Изяславъ) пролья крьвь за брата своѥго сьвьршая заповѣдь Господьню". Въ другомъ мѣстѣ припоминаетъ слово: „Се коль добро и коль красьно ѥже братома жити въкупѣ"; еще въ одномъ: „Велій есть грѣхъ преступати заповѣдь отьцъ". Противоположное добру зло онъ видитъ во враждѣ и въ лести, въ злыхъ женахъ, злыхъ слугахъ. О злѣ вообще говоритъ онъ: „Золъ человѣкъ тыщася на злоѥ не хужи есть бѣса: бѣси бо Бога боятьться, а золъ человѣкъ ни Бога боиться, ни человѣкъ ся стыдитъ, бѣси бо креста ся боять Господьня, а человѣкъ золъ ни креста ся боитъ".

На нравственныя обязанности человѣка смотрѣлъ лѣтопи-

сетъ не исключительно со стороны его личной, книжной ученой. Онъ проникнутъ былъ и любовью къ отечеству. Любовь къ отечеству заставляетъ его часто говорить о землѣ русской. Сквозь слова другихъ, имъ приводимыя, она видна самъ: „Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити русьскыѣ земли. Аще бо возмете рать межю собою, погании имуть радоватися и возмуть землю нашю, иже бяша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудомъ великымъ и храбрьствомъ, побарающе по русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю русьскую“.

Не случайно приведены и слова Василька: „и любо налѣзу себѣ славу, а любо голову свою сложю за русьскую землю“. Не напрасно вспомянуто, что и Феодосий молился „за люди крестьяньскыя, за землю русьскую“. То же чувство видно и въ выраженіи: „наша земля оскудѣла есть отъ ратии и отъ продажь“, и въ словахъ Мономаха, гдѣ онъ пеняетъ князей, что они не жалѣютъ смердовъ.

Нѣсколько мѣстъ выражаютъ довольно ясно понятия лѣтописца объ обязанностяхъ, добродѣтеляхъ и дурныхъ качествахъ князя:

О Владимирѣ: „Бѣ Володимеръ любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмь и о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ, и бѣ живя съ князи околними миромъ. Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божьи“...

О Мстиславѣ: „Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чьрменъ лицемъ, великома очима; храбръ на рати, милостивъ, любяше дружину по велику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше“.

О Ярославѣ: „При семъ нача вѣра хрестьяньская плодитися и расширяти... И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьцѣ. И книгамъ прилежа и почитая е часто... и собра писцѣ многы и прекладаше отъ грекъ на словѣньское писмо и списаше книгы многы, и списка, ими же поучащеся вѣрнии людье наслажаются ученья божественаго. Церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди“.

О Глѣбѣ: „Бѣ милостивъ убогымъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ“.

Не таковы лѣтописцы на нѣкоторыхъ другихъ князей.

На Святополка: „Есть же могила его въ пустыни и до сего дне, исходить отъ нея смрадъ золъ. Се же Богъ показа на наказанье княземъ русьскимъ, да аще сии еще сице створять, се слышавше, ту же казнь приимуть, но и больше сея“.

На Олега: „Олегъ же въсприимъ смыслъ буи и словеса величава, рече сице: нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ“.

Вообще о князьяхъ высказано такое понятіе: „Аще бо князи правьдиви бываютъ на земли, то много отдаются согрѣшенья; аще ли зли и лукави бываютъ, то больше зло наводить Богъ на землю, понеже то глава есть земли. Лютѣ бо граду тому, въ немъ князь унъ, любяи вино пити съ гусльми и съ младыми съвѣтники“. *(Срезневскій.)*

О русскихъ лѣтописяхъ.

Лѣтописи наши — это записки, писанныя отчасти свѣтскими людьми, отчасти духовными. Было мнѣніе, что составленіе ихъ принадлежитъ исключительно послѣднимъ, но это несправедливо, ибо въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прямо замѣтно свѣтское положеніе писателей. Лѣтописей было чрезвычайное множество; большая часть ихъ издана, но многія еще до сихъ поръ находятся въ рукописяхъ, какъ напр. нижегородская, вятская, чрезвычайно важная, и тверская. Лѣтописи имѣютъ тотъ общій характеръ, что всѣ онѣ исходятъ отъ одного начала, такъ что до XII вѣка образуютъ одну общую лѣтопись, и только съ этихъ поръ развѣтвляются на мѣстныя. Въ этомъ отношеніи онѣ имѣютъ большое сходство съ исторіею русской жизни и русскаго быта: сначала въ русской землѣ сохраняется единство, которое прекращается раздѣленіемъ ея въ XII вѣкѣ на многія княжества.

Не слѣдуетъ думать, что лѣтописи и прежде были такъ написаны, какими дошли до насъ: первоначальный видъ ихъ не дошелъ до насъ, и мы имѣемъ только позднѣйшіе сборники, въ которыхъ видны слѣды первоначальнаго состава. Важность и достоинство лѣтописей состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что онѣ писались не для удовлетворенія простого любопытства, но и для спеціальныхъ практическихъ цѣлей: онѣ имѣли офиціальный характеръ. Доказательствомъ ихъ офиціальности

сказать слѣдующіе примѣры: въ никоновской лѣтописи говорится: *Первіи наши властодержцы безъ гнѣва, повелѣваху вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати* — это служитъ доказательствомъ того, что князья дѣйствительно повелѣвали писать эти лѣтописи. Въ волынской лѣтописи говорится, что въ 1289 году князь Василько Мстиславичъ приказалъ лѣтописцу записать крамолу города Берестья, слѣдовательно, слѣды этого обыкновенія мы видимъ еще въ XIII вѣкѣ. Далѣе, когда въ XV вѣкѣ князь Василій Васильевичъ Темный судился съ Юріемъ Шемякою предъ ханомъ, то доказывалъ права свои по „отечеству и дѣдеству", а Юрій *лѣтописцами и старыми списками*. Когда Іоаннъ III замышлялъ уничтожить свободу Новгорода (1471 г.), то взялъ съ собою человѣка, знавшаго лѣтописную мудрость, чтобы показать новгородцамъ ихъ старинныя преступленія противъ князей и убѣдить ихъ въ томъ, что достоинство князя существовало издревле.

Что лѣтописи наши имѣли юридическое значеніе, это, наконецъ, подтверждается еще тѣмъ, что въ нихъ помѣщены многіе памятники нашего древняго юридическаго быта: договоры первыхъ нашихъ князей съ греками, Русская Правда, разные другіе договоры князей, духовная волынскаго князя Василька, а впослѣдствіи даже ханскіе ярлыки. Всѣ эти обстоятельства ясно показываютъ, что лѣтописи велись подъ надзоромъ князей и вообще подъ вліяніемъ правительства.

Кромѣ этихъ общихъ лѣтописей были еще лѣтописи церковныя. При церквахъ и монастыряхъ были люди, записывавшіе событія, касающіяся Церкви вообще, и въ особенности той церкви или того монастыря, гдѣ велась эта лѣтопись. Въ такія лѣтописи вносились причины основанія, а также имена основателей, жертвователей и возобновителей церквей для вѣчнаго поминовенія, такъ какъ монастыри и церкви обязывались молиться за нихъ при жизни и по смерти.

Въ этихъ монастырскихъ и церковныхъ рукописяхъ записывались разныя естественныя событія, предзнаменованія и также бѣдствія народныя, имѣющія, по народному вѣрованію, связь съ предзнаменованіями. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы благочестивые люди на будущее время могли остерегаться замѣтя что-либо, и молитвами отклонять гнѣвъ Божій. Такъ, напримѣръ, въ лѣтописи Нестора подъ 1071 годомъ сказано

„Въ си времена приде волхвъ, прельщенъ бѣсомъ, пришедъ бо Кыеву глаголаше сице, повѣдая людямъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати гречьски земли на руской, а русьскѣй на гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи послушаху, а вѣрнiи же насмѣхаются, глаголюще ему: бѣсь тобою играетъ на пагубу тобѣ“. Далѣе говорится о погибели этого кудесника въ одну ночь отъ бѣса.

Можно себѣ представить, какое огромное число лѣтописей было у насъ, если въ каждомъ монастырѣ велась своя отдѣльная лѣтопись. Дѣйствительно, нѣсколько такихъ монастырскихъ записокъ до насъ дошли цѣликомъ; напримѣръ 3-я новгородская лѣтопись, приложенiе ко 2-й новгородской, въ которой отмѣчены только церковныя событiя, перечень новгородскихъ владыкъ и проч.

Другое важное значенiе нашихъ лѣтописей то, что онѣ были писаны большею частью современниками и очевидцами событiй. Это можно заключать какъ по слогу и характеру разсказа, такъ и потому, что въ лѣтописи вошли многiя событiя, о которыхъ никто не могъ написать, кромѣ лицъ, прямо участвовавшихъ въ нихъ; наконецъ, это можно видѣть особенно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ лѣтописецъ говоритъ о себѣ. Такъ, напримѣръ, подъ 1051 г., объ основанiи Печерской лавры и ея дальнѣйшей исторiи ясно сказано, что эти событiя описаны современникомъ; лѣтописецъ говоритъ, что онъ пришелъ въ Кiево-печерскiй монастырь къ преподобному Өеодосiю: „Къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и прiятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего“. Подъ 1064 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о разныхъ дурныхъ предвѣщанiяхъ и, между прочимъ, говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ другими былъ въ Кiевѣ, когда вытащили изъ рѣки сѣтями урода, „его же позоровахомъ до вечера“. Подъ 1093 годомъ, описывая погребенiе св. Өеодосiя, лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ очевидцемъ этого событiя. Подъ 1096 годомъ, въ разсказѣ о нашествiи половецкаго хана Боняка (прозваннаго русскими Шелудивымъ) на Печерскiй монастырь, читаемъ: „И придоша въ монастырь Печерскiй, *намъ* сущимъ по кельямъ, почивающимъ по заутрени... *намъ* же бѣжащимъ за домъ монастыря... *намъ* исходящимъ (со стѣны) съ оружiемъ“. Ясно, что писавшiй былъ не только современникъ, но и очевидецъ, знающiй всѣ подробности событiя

Этихъ свидѣтельствъ достаточно для доказательства, что извѣстія въ нашихъ лѣтописяхъ записывались современниками. Эти два качества нашихъ лѣтописей: оффиціальное значеніе, какое онѣ имѣли въ древности, и современность лѣтописателей съ описываемыми событіями составляютъ важное доказательство ихъ достовѣрности.

Лѣтописи наши, какъ мы сказали, сначала составляютъ одно цѣлое до начала XII вѣка, именно, до 1110 года; съ этихъ поръ лѣтописное повѣствованіе теряетъ свое единство и начинаетъ развѣтвляться: образуются частныя лѣтописи, повѣствующія о событіяхъ русскихъ земель, и присоединяются къ главной первоначальной лѣтописи. Такъ, въ видѣ продолженія послѣдней, является кіевская лѣтопись, обнимающая событія южной Руси въ XII вѣкѣ, преимущественно Кіева; она прерывается на 1200 годѣ. Съ этого времени безъ начала (по всему видно нѣкогда существовавшаго, но теперь утраченнаго) слѣдуетъ лѣтопись, названная волынскою, но которая правильнѣе должна быть названа галицко-волынскою; она прерывается на 1305 годѣ. Съ половины XII вѣка отъ кіевской лѣтописи отдѣляется лѣтопись суздальская, примыкающая къ позднѣйшимъ московскимъ. Ея варіантъ, доведенный до второго десятилѣтія XIII вѣка, составляетъ лѣтопись переяславскую. Въ XIV столѣтіи возникла лѣтопись тверская, которой отрывки сохранились въ нѣкоторыхъ спискахъ, перемѣшанныхъ съ частями суздальской. На сѣверѣ образуется свой особый циклъ лѣтописей, посвященныхъ почти исключительно дѣламъ Новгорода и Пскова. Смоленская земля имѣла свою особую лѣтопись, которой обломки вошли въ западно-русскія лѣтописи XIV и XV вѣка. Эти послѣднія, какъ и сѣверныя, составляютъ свой мѣстный циклъ и обнимаютъ событія со времени образованія литовской державы. Существовали также нѣкоторыя мѣстныя лѣтописи, не дошедшія до насъ въ ихъ первоначальномъ видѣ, но извѣстія изъ нихъ сохранились въ позднихъ редакціяхъ. Таковы лѣтописи вятская, нижегородская, Устюга-Великаго.

По мѣрѣ того какъ земля русская начинаетъ подчиняться единодержавному [illegible] лѣтописи [illegible] въ которыхъ [illegible] [illegible] [illegible]

Значеніе лѣтописи въ общественной жизни нашихъ предковъ и различные ея виды (государственная, семейная, монастырская и литературная).

Мы имѣемъ очень много русскихъ лѣтописей; одна археографическая коммиссія ихъ собрала 168, и сколько ихъ еще хранится въ разныхъ библіотекахъ, у собирателей старинныхъ рукописей, и сколько скрывается по чердакамъ и кладовымъ въ старинныхъ домахъ или при церквахъ и въ монастыряхъ. Такое обиліе не могло быть слѣдствіемъ одного только пристрастія къ историческому чтенію; чтобы поддержать ревность къ отечественнымъ лѣтописямъ въ томъ объемѣ, въ какомъ она была у нашихъ предковъ, для этого нужно, чтобы знаніе отечественныхъ лѣтописей принадлежало къ потребностямъ жизни, чтобы оно тѣсно было связано съ условіями общественнаго быта нашихъ предковъ. Здѣсь необходимо допустить, что хорошее знакомство съ лѣтописями въ прежней жизни условливало какія-либо наличныя выгоды, давало какія-либо преимущества, или служило средствомъ къ защищенію личныхъ или семейныхъ правъ, что и на самомъ дѣлѣ подтверждается не только обиліемъ и разнообразіемъ даже дошедшихъ лѣтописей, но и прямыми указаніями исторіи. Такъ въ 1471 году в. кн. Иванъ Васильевичъ, отправляясь въ первый походъ на новгородцевъ, признаетъ за нужное взять съ собою дьяка Степана Бородатаго, умѣющаго говорить по русскимъ лѣтописцамъ. Могущественный государь, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ, управляемымъ знаменитыми полководцами, не довольствуется сими преимуществами своего дѣла, но хочетъ, чтобы оно было подтверждено давними правами, и указанія на его права ищетъ въ лѣтописяхъ: „Едда, рече, приидутъ, и дьякъ воспоминаетъ ему говорить противъ измѣны давные, какъ они измѣняли великимъ княземъ въ прежніе времена отцемъ его, дѣдамъ и прадѣдамъ“. Ясно, что въ древности отечественныя лѣтописи были кодексомъ правъ государственныхъ; государство тѣсно связывало свою жизнь съ своею исторіею и не иначе хотѣло поступать, какъ на правахъ, засвидѣтельствованныхъ лѣтописями, какъ поступали отцы, дѣды и прадѣды государей. Другой примѣръ важнаго значенія отечественныхъ лѣтописей

въ дѣлахъ государственныхъ засвидѣтельствованъ исторіею княженія в. кн. Василія Васильевича. По указанію московскаго боярина Ивана Дмитріевича, соперникъ Василіевъ, дядя его, Юрій Дмитріевичъ предвосхитилъ великокняжеское достоинство у своего племянника, основываясь на лѣтописцахъ: „Князь Великій Василіи Васильевичъ по отечеству и по дѣдеству искаше стола своего, князь же Юрій Дмитріевичъ, дядя его, лѣтописцы и старыми списки и духовною отца своего великаго князя Дмитрія“. Но и государственнаго значенія лѣтописей недостаточно для того, чтобы распространить ихъ въ такомъ объемѣ, какъ они были распространены у нашихъ предковъ; ибо государственныхъ мужей всегда бываетъ немного; слѣдовательно, это значеніе лѣтописей, взятое одно, само по себѣ, не имѣло бы такого обширнаго вліянія на распространеніе отечественныхъ лѣтописей; для этого нужно, чтобы лѣтописи имѣли значеніе семейное или родовое, чтобы семейство и роды видѣли въ нихъ основаніе или поддержку своихъ частныхъ правъ. И таково значеніе точно было въ старой общественной жизни нашихъ предковъ; ибо служба родовъ и семействъ основывалась на указаніяхъ разрядовъ и лѣтописей; отечественная лѣтопись была справочною книгою въ дѣлахъ мѣстничества. Такъ въ счетномъ дѣлѣ 1592 год. князь Василіи Щербатый прямо говоритъ: „Православный государь покажи милость, вели мнѣ на нево (Полева) дати свой царскии судъ въ моемъ безчествѣ, и вели, государь, насъ счести въ нашемъ отечествѣ своими государевыми разряды и лѣтописцы“. Или въ томъ же дѣлѣ тотъ же Василій Щербатый прямо ссылается на лѣтописцы: „Да шлюсь, государь, на лѣтописцы, каковы Оболенскіе съ Полевыми; вели, государь насъ счесть лѣтописцы“. Такимъ образомъ каждый родъ, каждое семейство должны были имѣть свой частный семейный лѣтописецъ для справокъ о службахъ своихъ предковъ; для каждаго семейства лѣтопись была такою книгою, которая считалась необходимою для обороны родовой чести; точно такъ же, какъ въ каждомъ семействѣ для той же цѣли были свои частныя, семейныя разрядныя книги разныхъ службъ. И это-то послѣднее назначеніе лѣтописей въ прежней жизни нашихъ предковъ было одной изъ главныхъ причинъ того огромнаго числа отечественныхъ лѣтописей, которое дошло до нашего времени. Но не одно государственное и семейное

значеніе имѣли наши лѣтописи: кромѣ правительства и семейства, въ прежней жизни лѣтописи нужны были для монастырей и церквей, какъ собственно по исторической любознательности иноковъ и священнослужителей, и для увѣковѣченія церковныхъ и гражданскихъ событій и замѣчательныхъ лицъ, такъ и для защиты разныхъ привилегій и правъ на движимыя имущества, чему есть указанія въ самыхъ лѣтописяхъ. Такъ, напримѣръ, въ Софійскомъ Временникѣ помѣщены Русская Правда и Судебникъ греческаго царя Константина; въ лѣтописи, изданной Львовымъ, находятся ярлыки монгольскихъ хановъ, данные разнымъ русскимъ митрополитамъ. Третья новгородская лѣтопись говоритъ о разныхъ денежныхъ пожертвованіяхъ, дѣланныхъ Софійскою церковію въ пользу народа. Такъ въ этой лѣтописи подъ 6873 годомъ сказано: „что для пополненія Новгорода и каменнаго дѣтинца взять сребро у святой Софіи изъ палаты владычни Моисеева копленія". Отмѣтками въ лѣтописяхъ о таковыхъ пожертвованіяхъ на пользу общую церковь Софійская всегда могла защищаться, въ случаѣ притязаній на ея права и привилегіи, которыя были обширны и могли приходить въ столкновеніе съ правами и требованіями города. Конечно, разныя права и привилегіи церквей и монастырей утверждались особыми грамотами и другими офиціальными документами, но это не мѣшало для большаго подкрѣпленія то же самое записывать въ лѣтописяхъ. Различное значеніе лѣтописей въ общественной жизни нашихъ предковъ необходимо должно было породить и различные виды лѣтописей. Виды сіи слѣдующіе: 1) лѣтопись государственная; 2) лѣтопись семейная или родовая; 3) лѣтопись монастырская или церковная, и 4) лѣтопись литературная, т.-е. написанная только по исторической любознательности составителей, къ каковымъ вообще принадлежатъ наши лѣтописные сборники, каковы, напр., троицкій, никоновскій, воскресенскій и подобные. Сюда же можно отнести степенную книгу и лѣтопись Густинскаго монастыря.

Лѣтописи государственныя.

Первое мѣсто между лѣтописями, безъ сомнѣнія, должна занимать государственная лѣтопись; ибо въ ней излагаются

событія всего государства, съ цѣлію увѣковѣченія достойныхъ подвиговъ и для руководства въ нужныхъ случаяхъ на предбудущіе годы. По прежней раздробленности Россіи государственная лѣтопись не всегда могла быть обширна, ибо она преимущественно ограничивалась событіями мѣстными, о постороннихъ же говорила только мелькомъ, по связи съ своими событіями. Напримѣръ, кіевская лѣтопись преимущественно говоритъ о дѣлахъ кіевскихъ, волынская о волынскихъ, новгородская о новгородскихъ. Но эта ограниченность объема съ избыткомъ всегда выкупалась полнотою содержанія, ибо, кромѣ мѣстныхъ подробностей, лѣтописи сіи сообщаютъ своимъ сказаніямъ особый характеръ, принадлежащій той странѣ, которой принадлежала лѣтопись, выражавшій жизнь того народа, его общественное устройство. Такъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ взглядъ на происшествія и сужденія о лицахъ совершенно не походятъ на взглядъ и сужденіе лѣтописей московскихъ и кіевскихъ.

Лѣтописи фамильныя, или частныя.

Частные, или фамильные, лѣтописцы составлялись въ родахъ и фамиліяхъ служилыхъ людей, съ цѣлью, чтобы имѣть въ виду государственную службу составителей или ихъ предковъ и родичей, а также службу и тѣхъ родовъ, съ которыми составители могли быть въ соприкосновеніи по службѣ. Эта цѣль уже опредѣляетъ самое значеніе и составъ фамильныхъ лѣтописей. Въ сихъ лѣтописяхъ, по преимуществу, записывались только тѣ событія и распоряженія правительства, въ которыхъ участвовала служба, и которыя какимъ-либо образомъ относились къ службѣ; слѣдовательно мы отъ нашихъ фамильныхъ лѣтописей не должны требовать ни описанія событій изъ чистой семейной жизни, ни замѣтокъ о распоряженіяхъ правительства, не относящихся къ службѣ, ни упоминанія о происшествіяхъ и лицахъ, не принадлежащихъ къ служебному кругу. Конечно, все это можетъ встрѣчаться и здѣсь, но не какъ принадлежность сихъ лѣтописей, относящаяся къ ихъ характеристическимъ чертамъ, а не больше какъ личная прихоть составителя. Самое описаніе событій, часто относящихся къ службѣ, въ фамильныхъ лѣтописяхъ

не можетъ быть пространно и подробно; ибо для составителя въ сущности нужны только лица, занимающія тѣ или другія должности, самыя же происшествія записываетъ онъ только для связи и по необходимости и всегда готовъ ихъ сократить донельзя и даже выпустить, ежели только это не вредитъ его главной цѣли — указать на службу родичей. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что иныя происшествія здѣсь могутъ быть описаны гораздо подробнѣе, нежели гдѣ-либо, это именно тѣ, въ которыхъ лично участвовалъ самъ сочинитель или его ближайшіе родственники; но здѣсь опять должно повторить, что подобныя подробности могутъ встрѣчаться какъ отступленія, а не какъ существенная, характеристическая принадлежность фамильныхъ лѣтописей...

Фамильныя лѣтописи, какъ матеріалы для отечественной исторіи, занимаютъ второе мѣсто послѣ лѣтописей государственныхъ, ибо основа ихъ собственно оффиціальныя извѣстія, тѣ же самыя, которыя помѣщались и въ государственныхъ лѣтописяхъ; ихъ составители не имѣли нужды измѣнять происшествій, записываемыхъ оффиціально, имъ нужны только лица, на происшествія же они смотрѣли безразлично, для нихъ все равно: были ли происшествія удачны или неудачны, похвальны или унизительны, лишь бы не упустить изъ виду лицъ той или другой службы. А потому мы не можемъ подозрѣвать фамильныхъ лѣтописей въ подлогахъ или намѣренныхъ искаженіяхъ событій; здѣсь историкъ имѣетъ полное право вѣрить имъ на слово, лишь бы только событія были записаны сколько-нибудь понятно и не слишкомъ сокращенно. Составитель только могъ пропускать событія, которыя считалъ ненужными для своихъ частныхъ цѣлей, а не искажать ихъ; для него здѣсь главное составляла служба родичей, исторія же была предметомъ постороннимъ, въ которомъ онъ почти не принималъ участія; и ежели что въ этомъ отношеніи говорилъ неправильно, то дѣлалъ это не отъ себя, не по страсти, а только потому, что такъ говорили и такъ понимали дѣло всѣ его современники. А это если для историка и не имѣетъ цѣнности, какъ правда, совершенно согласная съ событіемъ, то представляетъ свой интересъ, какъ выраженіе общаго взгляда, общаго пониманія современнаго событія. Лѣтописи фамильныя имѣютъ важное значеніе для историка, какъ средства для провѣрки литературныхъ лѣтописныхъ сборниковъ; при ихъ помощи

мы легко можемъ узнать, что въ литературные сборники вошло изъ другихъ источниковъ. И такъ какъ составители фамильныхъ лѣтописей не имѣли нужды искажать и передѣлывать событія, то при помощи сихъ лѣтописей для насъ тѣмъ удобнѣе открывать всѣ передѣлки, искаженія и басни литературныхъ лѣтописныхъ сборниковъ. Въ фамильныхъ лѣтописяхъ мы видимъ событія безъ всякихъ украшеній, въ изложеніи часто небрежномъ и едва понятномъ, а посему тѣмъ болѣе можемъ вѣрить ихъ свидѣтельству и не увлекаться велерѣчивыми возгласами и величавыми картинами лѣтописныхъ сборниковъ, а понимать дѣло, какъ оно было.

Лѣтописи монастырскія.

Третій разрядъ лѣтописей составляютъ монастырскія лѣтописи. Русскіе монастыри и церкви должны были вести свои лѣтописи какъ по исторической любознательности иноковъ и церковно-служителей, наслѣдованной отъ византійцевъ и поддерживаемой множествомъ церковно-историческихъ книгъ, принятыхъ въ нашу Церковь изъ греческой по чину церковнаго служенія, такъ и по самому значенію лѣтописей въ русской общественной жизни. Когда при нашихъ монастыряхъ и церквахъ начались лѣтописи, мы не знаемъ; но нѣтъ сомнѣнія, что начало ихъ относится къ первымъ вѣкамъ введенія христіанства въ Россіи: ибо уже у Нестора, писателя первыхъ лѣтъ XII в., видно, что онъ пользовался предшествовавшими ему монастырскими записками или лѣтописями, какъ это уже доказано г. Погодинымъ. Кромѣ того, въ Патерикѣ упоминается о древнемъ ростовскомъ лѣтописцѣ. Онѣ исчислены въ Архе-реи россійскіе.

Достоинство монастырскихъ или церковныхъ лѣтописей въ историческомъ значеніи, т. е. какъ источниковъ отечественной исторіи, опредѣляется въ особенности отношеніемъ по содержанію къ достовѣрности, сколько онѣ нынѣ извѣстны. Разсматривая сіи лѣтописи со стороны достовѣрности извѣстій, мы должны согласиться, что извѣстія, сообщаемыя таковыми лѣтописями, могутъ быть приняты какъ достовѣрныя и истинныя, ибо скромные составители подобныхъ лѣтописей, по большей части современники описываемыхъ ими событій, не могли быть

намѣренными лжецами; о событіяхъ нецерковныхъ они говорили мимоходомъ, невольно, слѣдовательно, не имѣли причины украшать ихъ или переиначивать; но, конечно, они могли ошибиться во многомъ, говоря о современныхъ дѣлахъ по слухамъ, иногда невѣрнымъ; для историка подобныя ошибки имѣютъ большое значеніе: онѣ свидѣтельствуютъ о современномъ взглядѣ на событіе, о народныхъ толкахъ того времени.

По отношенію же къ скудости или обилію извѣстій монастырскія или церковныя лѣтописи въ дѣлахъ нецерковныхъ вообще нельзя отнести къ богатымъ источникамъ нашей исторіи, хотя, конечно, тутъ должно допустить много степеней, смотря по свѣдѣніямъ составителей и по отношенію разныхъ монастырей и церквей къ обществу; но все это не можетъ поставить монастырскія лѣтописи наравнѣ съ прочими источниками нашей исторіи въ отношеніи къ обилію извѣстій нецерковныхъ.

—

Лѣтописныя сборники, или лѣтописи литературныя.

Послѣдній разрядъ лѣтописей составляютъ лѣтописные сборники, или лѣтописцы литературные. Сюда принадлежатъ всѣ извѣстные въ разное время подъ разными названіями русскія лѣтописи, или временники. Всѣ они начинаются почти одинаково по образцу первой извѣстной намъ литературной лѣтописи, приписываемой кіево-печерскому иноку Нестору.

Всѣ сіи сборники составлялись по одному образцу и располагались, пополнялись и измѣнялись составителями по ихъ соображеніямъ и по источникамъ, бывшимъ подъ руками. Кто первый началъ составлять русскіе лѣтописные сборники или собственно литературныя лѣтописи, мы не знаемъ и не можемъ указать прямо и положительно; но, судя по самой старой дошедшей до насъ лѣтописи, приписываемой Нестору, можно предполагать, что Несторъ первый проложилъ путь для лѣтописныхъ сборниковъ. Его временникъ, или лѣтопись, именно принадлежитъ къ настоящему разряду литературныхъ лѣтописей: это не офиціальная, не фамильная и не монастырская лѣтопись, ибо извѣстія, сообщаемыя Несторомъ, такъ разнообразны по своему составу и по источникамъ, что никакимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ одному которому-либо изъ упомянутыхъ трехъ разрядовъ лѣтописей, но неминуемо ко всѣмъ тремъ.

Составъ и характеръ всѣхъ лѣтописныхъ сборниковъ, равно какъ и источники ихъ, совершенно одинаковы съ характеромъ и источниками временника Нестора. Стоитъ только взглянуть на любой изъ нихъ, чтобы убѣдиться въ справедливости этого положенія. Но сборники сіи, одинаковые по своему основному характеру и часто по самымъ источникамъ, въ то же самое время чрезвычайно разнообразны по своему изложенію и по взгляду на событія. Здѣсь въ каждомъ почти сборникѣ рѣзко высказывается или личный характеръ составителя, его умъ и степень образованія, или характеръ мѣстности, племени, къ которому принадлежалъ составитель. Такъ, напримѣръ, составитель новгородской лѣтописи смотритъ на событія какъ новгородецъ, въ кіевской какъ кіевлянинъ, въ суздальской какъ суздалецъ, въ волынской какъ волынецъ, въ московской какъ москвичъ.

Указавши на общій характеръ лѣтописныхъ сборниковъ и на неодинаковость взгляда въ разныхъ сборникахъ, смотря по степени образованія и по личному характеру составителей, а также и по мѣстности, по народному характеру того или другого племени, къ которымъ принадлежали составители, теперь слѣдуетъ упомянуть о достоинствѣ литературныхъ лѣтописей, какъ источниковъ или матеріаловъ для позднѣйшаго историка или изслѣдователя отечественной исторіи. Здѣсь лѣтописные сборники или литературные лѣтописцы съ одной стороны должны нѣсколько уступить и офиціальнымъ, и семейнымъ, и монастырскимъ лѣтописямъ, ибо въ нихъ разсказъ о событіяхъ, большею частію, идетъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, слѣдовательно, теряетъ часть, если не достовѣрности, то, по крайней мѣрѣ, подлинности первобытнаго разсказа, принимаетъ свой особый отпечатокъ болѣе или менѣе искусственный, и что всего ощутительнѣе для позднѣйшаго историка въ лѣтописныхъ сборникахъ нерѣдко сглаживаются мѣстныя черты выраженій первобытныхъ источниковъ, иногда рѣзко характеризующія внутренній бытъ того племени, о событіяхъ котораго разсказываетъ позднѣйшій составитель лѣтописнаго сборника.

Но лѣтописные сборники, уступая въ достоинствѣ первобытнымъ лѣтописямъ съ одной стороны, много выигрываютъ съ другихъ сторонъ. Во-первыхъ, каждый изъ нихъ, представляетъ собою соединеніе нѣсколькихъ первобытныхъ лѣтописей.

естественно дѣлается разнообразнѣе каждой изъ нихъ, взятой въ отдѣльности; но здѣсь опять встрѣчается неудобство: составитель по своимъ цѣлямъ или по личному взгляду многое могъ выпускать, или объ иномъ упоминать мелькомъ, что въ первобытныхъ лѣтописяхъ было описано подробно, какъ мы нерѣдко и видимъ, сравнивая одни лѣтописные сборники съ другими. Во-вторыхъ, лѣтописные сборники недостатокъ взглядовъ мѣстныхъ или племенныхъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, вознаграждаютъ взглядомъ общимъ, слѣдовательно менѣе пристрастнымъ, или указываютъ на событія съ другихъ точекъ, а не съ тѣхъ, съ которыхъ смотрѣли на нихъ лѣтописи мѣстныя, естественно близорукія. Составитель лѣтописнаго сборника, имѣя подъ руками нѣсколько источниковъ, разно описывающихъ одни и тѣ же событія, могъ соображать, выводить свои заключенія и такимъ образомъ сообщать своему разсказу новый смыслъ, новое значеніе, которыхъ нельзя открыть въ лѣтописяхъ мѣстныхъ, первобытныхъ; конечно, взглядъ составителя лѣтописнаго сборника не будетъ уже взглядомъ современника и очевидца; но позднѣйшій изслѣдователь или историкъ и въ этомъ несовременномъ взглядѣ найдетъ для себя большое пособіе: онъ откроетъ въ немъ, какъ на извѣстное событіе смотрѣли черезъ сто, двѣсти и триста лѣтъ послѣ своего совершенія, какъ его понимали позднѣйшіе потомки дѣйствователей, и оставило ли оно какіе слѣды своего вліянія на позднѣйшую жизнь общества, и какіе именно слѣды оно оставило. Въ-третьихъ, наконецъ, важнѣйшая заслуга и достоинство лѣтописныхъ сборниковъ состоитъ въ томъ, что они сохранили намъ множество древнихъ памятниковъ, важныхъ для исторіи, которые безъ сборниковъ для насъ были бы совершенно утраченными. Такъ, напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ сборникѣ сохранены увѣщаніе и письма Вл. Мономаха, въ Ипатьевскомъ духовная грамота Владимира Васильевича и многія другія. Кромѣ того, самыя мѣстныя и первобытныя лѣтописи были бы намъ неизвѣстны, если бы ими не воспользовались составители сборниковъ. Конечно, они передали ихъ не съ дипломатическою точностію и во многомъ передѣлывали на свой ладъ; но тѣмъ не менѣе изслѣдователю и историку есть еще возможность добраться до истины, особенно при хорошемъ знакомствѣ съ древними нашими памятниками и при сличеніи сборниковъ другъ съ другомъ; ибо, какъ уже

замѣчено выше, передѣлки были незначительны, и составители, большею частью, старались придерживаться своихъ источниковъ, такъ что разложеніе сборниковъ на ихъ источники не представляетъ неодолимыхъ затрудненій.

И. Бѣляевъ.

Содержаніе Поученія Владимира Мономаха.

Поученіе Мономаха обнимаетъ обязанности человѣка вообще и князя въ частности, религіозныя, семейныя и общественныя и представляетъ первообразъ тѣхъ домостроевъ, которые мы видимъ въ послѣдующихъ вѣкахъ: „Страхъ имѣйте Божій въ сердцѣ, и милостыню творите неоскудную, потому что это есть начало всякому добру“. Такъ начинаетъ Мономахъ свое Поученіе. Потомъ онъ объявляетъ поводъ, по которому написалъ Поученіе: по окончаніи усобицы съ Давидомъ Игоревичемъ на Витичевскомъ съѣздѣ, поѣхалъ онъ на сѣверъ въ Ростовскую область и, будучи на Волгѣ, получилъ посольство отъ двоюродныхъ братьевъ съ приглашеніемъ идти на Ростиславичей галицкихъ, которые не хотѣли исполнить общаго княжескаго приговора. Двоюродные братья велѣли сказать Мономаху: „ступай скорѣе къ намъ, прогонимъ Ростиславичей и волость у нихъ отнимемъ; если же не пойдешь съ нами, то мы себѣ, а ты себѣ“. Мономахъ велѣлъ отвѣчать: „сердитесь, сколько хотите, не могу съ вами идти и преступить крестнаго цѣлованія“. Угроза братьевъ разъединиться съ нимъ сильно опечалила Мономаха; въ этой печали онъ разогнулъ Псалтырь и попалъ на мѣсто: „вскую печальна еси, душе моя? вскую смущаеши мя?“ и проч. Утѣшенный псалмомъ, Мономахъ рѣшился тутъ же написать своимъ сыновьямъ Поученіе, въ которомъ господствуетъ та мысль, что человѣкъ [illegible] сообразоваться съ правилами вѣры и во всѣхъ случаяхъ жизни долженъ полагаться на одного Бога, который не хочетъ погибели человѣку, творенію рукъ Его. Выписавши изъ Псалтыря тѣ мѣста, въ которыхъ выражается эта мысль, также и наставленіе Василія Великаго, Мономахъ продолжаетъ: „[illegible] добрыми дѣлами, небѣ [illegible] [illegible] [illegible] слезами и милостынею, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

теряютъ нѣкоторые добродѣтельные люди; малымъ дѣломъ можете вы получить милость Божію. Послушайте меня, если не можете всего исполнить, то хотя половину. Просите Бога о прощеніи грѣховъ со слезами, и не только въ церкви дѣлайте это, но и ложась спать; не забывайте ни одну ночь класть поклоновъ, потому что ночнымъ поклономъ и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола и получаетъ прощеніе грѣховъ. Когда и на лошади сидите, и ни съ кѣмъ не разговариваете, то чѣмъ думать безлѣпицу, повторяйте безпрестанно въ умѣ: Господи помилуй! если другихъ молитвъ не умѣете, эта молитва лучше всѣхъ. Больше же всего не забывайте убогихъ, но, сколько можете, по силѣ кормите, больше другихъ подавайте сиротѣ, сами оправдывайте вдовъ, не позволяйте сильнымъ погубить человѣка. Ни праваго ни виноватаго не убивайте, не приказывайте убивать. Въ разговорѣ, что бы вы ни говорили, никогда не клянитесь Богомъ: нѣтъ въ этомъ никакой нужды; когда придется вамъ крестъ поцѣловать къ братіи, то цѣлуйте подумавши, можете ли сдержать клятву, и разъ поцѣловавши, берегитесь, чтобъ не погубить души своей. Съ любовію принимайте благословеніе отъ епископовъ, поповъ и игуменовъ, не устраняйтесь отъ нихъ, но по силѣ любите и снабжайте ихъ, пусть молятся за васъ Богу. Пуще всего не имѣйте гордости въ сердцѣ и умѣ, говорите: всѣ мы смертны, нынѣ живы, а завтра въ гробѣ; все, что Ты, Господи, далъ намъ, не наше, а Твое, поручилъ намъ на малое число дней; въ землю ничего не зарывайте: это большой грѣхъ. Старыхъ чти, какъ отцовъ, молодыхъ — какъ братью. Въ домѣ своемъ не лѣнитесь, но за всѣмъ присматривайте сами; не надѣйтесь ни на тіуна ни на отрока, чтобъ гости не посмѣялись ни дому ни обѣду вашему. Вышедши на войну, также не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ; питью, ѣдѣ, спанью не предавайтесь; сторожей сами наряжайте; распорядившись всѣмъ, ложитесь, но вставайте рано, и оружія не снимайте съ себя: отъ лѣни человѣкъ внезапно погибаетъ. Если случится вамъ ѣхать куда по своимъ землямъ, то не давайте отрокамъ обижать жителей, ни своихъ ни чужихъ, ни въ селахъ ни на поляхъ, чтобъ послѣ васъ не проклинали. На дорогѣ или гдѣ остановитесь, напойте, накормите нищаго; особенно же чтите гостя, откуда бы онъ къ вамъ не пришелъ, простой или знатный человѣкъ, или посолъ; если не можете чѣмъ иным-

одарить его, то угостите хорошенько, странствуя, они разнесуть по всѣмъ землямъ хорошую или дурную славу о человѣкѣ. Больного навѣстите и къ мертвому ступайте, помня, что мы всѣ смертны. Человѣка не пропустите не поздоровавшись, всякому доброе слово скажите. Женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою власти. Что знаете доброго, того не забывайте, а чего еще не знаете, тому учитесь. Не лѣнитесь ни на что доброе; прежде всего не лѣнитесь ходить въ церковь; да не застанетъ васъ солнце на постели. — Въ заключеніе Мономахъ разсказываетъ дѣтямъ о своихъ трудахъ.

(Сокр.)

Содержаніе и значеніе Поученія Владимира Мономаха.

Въ Мономаховомъ Поученіи можно замѣтить *четыре главныя мысли*, которыя авторъ старается развивать, имѣя въ виду начертать правила поведенія человѣка-христіанина вообще и князя-христіанина въ особенности. Первая и самая главная мысль опредѣляетъ *отношенія человѣка къ Богу*; вторая касается *отношенія между властью и подданными*; третья мысль указываетъ на *отношеніе человѣка къ самому себѣ* и опредѣляетъ *взаимныя отношенія между людьми*. Общій составъ и порядокъ Поученія можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ: въ началѣ описывается случай, подавшій поводъ къ написанію Поученія. Самое Поученіе начинается выписками изъ Псалтири, за коими слѣдуетъ размышленіе о величіи Божіемъ, далѣе — общія нравственныя наставленія, потомъ — особыя наставленія, обращенныя именно къ дѣтямъ, касательно образа дѣйствій на войнѣ, во время мирныхъ сношеній съ сосѣдями, при исправленіи обязанностей судьи, въ домашнемъ быту, между своими братьями князьями. Наконецъ слѣдуетъ *автобіографія* Мономаха, въ которой излагаются многія подробности обстоятельствъ, упомянутыхъ лѣтописями, а главное — представляется общее изображеніе княжеской жизни того времени: [illegible], хозяйственныя распоряженія, безпрерывныя путешествія изъ города въ городъ по всѣмъ областямъ, составлявшимъ то или другое княжество.

Мысль Мономаха, указывающая на необходимость опредѣлить отношеніе человѣка къ Богу, — мысль весьма естественная [illegible]

времени, когда Русь только что приняла христіанство, только что начала сознавать себя подъ вліяніемъ новыхъ христіанскихъ понятій. Во времена господства язычества отношенія человѣка къ божеству обыкновенно бываютъ слишкомъ внѣшни, формальны: человѣкъ даже и не предполагаетъ тогда возможности какихъ-либо иныхъ, болѣе внутреннихъ, сердечныхъ отношеній къ божеству. Язычество вообще характеризуется какъ натурализмъ: язычникъ обоготворяетъ внѣшнюю природу и ея явленія. Не подозрѣвая существованія неизмѣнныхъ законовъ, которыми управляется природа, язычникъ предполагаетъ въ ней такія же произвольныя желанія, какія онъ сознаетъ въ себѣ. Но въ то же время онъ представляетъ природу, съ одной стороны, могучею и властною, а потому боится ея и спѣшитъ умилостивить часто внѣшнимъ образомъ — жертвами; съ другой стороны, въ его умѣ возникаетъ мысль о возможности покорить, подчинить себѣ эту природу. Разумѣется, не всякій человѣкъ имѣетъ силу покорять природу: такую силу, по мнѣнію народа, имѣютъ только чародѣи, или вѣщіе, знающіе. Такое внѣшнее, формальное отношеніе къ божеству, по которому человѣкъ то униженно склонялся передъ природою, то сознавалъ себя надъ нею могущественнымъ царемъ, предъ магическимъ словомъ котораго она должна преклоняться, еще болѣе усилилось въ русскомъ язычествѣ съ того времени, какъ въ немъ стала развиваться идея *рока*, судьбы. Въ русскомъ язычествѣ совершенно отсутствовала нравственная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій. Одни люди являлись любимцами боговъ — „богатыми“, другіе — „убогими“ — слово, означающее отверженца боговъ. Чтобы восполнить бездну, оставленную отсутствіемъ нравственнаго содержанія въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, язычество и создало идею судьбы (рока), которая должна опредѣлить ходъ человѣческой жизни. Эту судьбу прежде соединяли съ непосредственнымъ вліяніемъ звѣздъ и планетъ; впослѣдствіи звѣзды превратились въ „рожаницъ“ или дѣвъ судьбы, которыя опредѣляютъ будущее.

Съ принятіемъ на Руси христіанства явилась нужда опредѣлить отношеніе человѣка къ Божеству, основанное на христіанскихъ началахъ, явилась необходимость разъяснять новымъ христіанамъ, что Богъ есть живое, дѣятельное, полное безконечной любви къ міру Существо, которое, въ свою оче-

рель, требуетъ не пустого формальнаго отношенія къ Нему, а внутренней, живой, чистосердечной любви и безпредѣльной преданности Его волѣ. [illegible] до Мономаха были люди, которые старались проводить въ среду тогдашняго общества такую мысль. Такъ, митрополитъ Иларіонъ (1051—1054), въ извѣстномъ своемъ Словѣ о законѣ и благодати старается въ догматѣ о двухъ естествахъ во Христѣ, божескомъ и человѣческомъ внести идею о необходимости для христіанина внутренняго, сердечнаго общенія съ Божествомъ. Эта же мысль сквозитъ въ той части его Слова, гдѣ онъ говоритъ о достоинствѣ христіанской религіи сравнительно съ язычествомъ. „Взыщемъ Бога рыданіемъ, слезами, постомъ, бдѣніемъ, покореніемъ же и послушаніемъ“, говоритъ пр. Ѳеодосій Печерскій въ одномъ изъ своихъ поученій, желая провести ту же мысль. Кромѣ Иларіона и Ѳеодосія, мысль о необходимости духовнаго отношенія человѣка къ Богу проводилась и еще нѣкоторыми проповѣдниками, жившими до Владиміра Мономаха, но при всемъ томъ приходится сознаться, что русская проповѣдь того времени слишкомъ мало обращала вниманія на этотъ важный вопросъ. Потому ли, что сами русскіе проповѣдники смутно и неясно понимали его, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, — только они главнымъ образомъ направляли свою проповѣдь съ обличеніями противъ пороковъ, сильно развитыхъ въ обществѣ, или же призывали вѣрующихъ къ исполненію внѣшнихъ обрядовъ благочестія, какъ-то: къ соблюденію постовъ, посѣщенію храмовъ и т. д., а о томъ, какъ христіанинъ долженъ относиться къ Богу, они упоминали только изрѣдка, вскользь. Первую, болѣе или менѣе удовлетворительную попытку къ рѣшенію этого важнаго вопроса встрѣчаемъ мы въ поученіи Владиміра Мономаха. Мы называемъ эту попытку Мономаха въ томъ смыслѣ удовлетворительною, что она рѣшаетъ указанный вопросъ не теоретически-отвлеченно, какъ, напримѣръ, у Иларіона, и потому едва ли понятно для большинства, а практически, наглядно, примѣнительно къ [illegible]ственному сознанію простыхъ, неразвитыхъ русскихъ [illegible] той эпохи. Мономаха можно включить въ число тѣхъ немногихъ русскихъ людей своего времени, которые [illegible] остального общества понимали сущность христіанской религіи. Это особенно видно изъ того [illegible] Вѣра [illegible] Мономаха была не формальное [illegible]

совѣта о поклонахъ и молитвѣ онъ переходитъ къ дѣламъ милосердія и правды и говоритъ: „всего же паче убогихъ не забывайте“. Человѣкъ съ такими истинно-христіанскими понятіями не могъ не замѣтить, въ чемъ особенно нуждается современное ему общество, не могъ не понять, что это общество совсѣмъ не знаетъ свойствъ христіанскаго Бога, отчего отношенія человѣка къ Божеству являются внѣшними, а не живыми, полными любви и преданности. Вотъ почему Мономахъ такъ обстоятельно посвящаетъ первую часть своего Поученія разъясненію внутренняго смысла и значенія христіанской религіи, дѣлая все это не въ формѣ отвлеченныхъ разсужденій, а въ видѣ религіозныхъ предписаній и нравственныхъ наставленій.

Въ той части своего Поученія, въ которой Мономахъ обращается къ своимъ дѣтямъ, какъ князьямъ, правителямъ ввѣреннаго имъ народа, онъ имѣетъ въ виду опредѣлить отношеніе власти къ подданнымъ. Владиміръ Мономахъ былъ прекраснымъ государемъ и тѣмъ не безъ причины заслужилъ искреннюю любовь народа, которою онъ такъ славенъ въ древней исторіи Руси. Такой достойный государь очень хорошо понималъ, что требуется отъ князя для того, чтобы народъ былъ счастливъ. Это, прежде всего, постоянная заботливость и неусыпный надзоръ за строгимъ и безкорыстнымъ исполненіемъ правосудія. Въ своемъ Поученіи Мономахъ даже требуетъ отъ дѣтей-князей по возможности *лично* исправленія обязанности судьи. — „вдовицу оправдите *сами*“, говоритъ онъ, чтобы тѣмъ самымъ было больше истиннаго правосудія, такъ какъ, по его же словамъ, нельзя было надѣяться на честность посадниковъ и бирючей.

Владиміръ Мономахъ, какъ лучшій человѣкъ своего времени, хорошо понималъ всю безнравственность несоблюденія данныхъ обязательствъ и глубоко скорбѣлъ при видѣ этой язвы тогдашняго общества. Весьма трогательно онъ умоляетъ своихъ дѣтей не клясться и не творить крестнаго цѣлованія. „Не клянитеся Богомъ, не креститеся“, говоритъ онъ, „нѣту бо ни нужа никоея же; аще ли вы будете крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому, а ли управивше сердце свое, на немъ же можете устояти, тоже цѣлуйте и цѣловавше блюдѣте, да не преступивши погубите душѣ своеи“. Соблюденіе крестнаго цѣлованія особенно было важно среди княжескихъ

политическихъ отношеній, такъ какъ оно въ большинствѣ случаевъ обезпечивало миръ страны и спокойное состояніе гражданъ, постоянно страдавшихъ отъ внутреннихъ усобицъ; а между тѣмъ князья-то и нарушали, главнымъ образомъ, крестное цѣлованіе, данное другъ другу въ обезпеченіе неприкосновенности ихъ взаимныхъ мирныхъ отношеній. Такъ, и извѣстенъ случай, бывшій съ великимъ княземъ Святополкомъ.

Требуя отъ дѣтей-князей, по возможности, личнаго производства суда надъ своими подданными, съ цѣлью лучшаго соблюденія *правды* въ отношеніи къ нимъ, Мономахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, заботился и о *милости* при произнесеніи приговора суда надъ преступникомъ: „Ни права ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его“, говоритъ онъ.

Удерживая судей отъ смертныхъ приговоровъ, Владиміръ Мономахъ не столько, можетъ-быть, боялся въ смертной казни проявленія невыносимаго для него духа мести, сколько стремился не погубить душу преступника, котораго продолжалъ считать христіаниномъ, такъ какъ послѣдній чрезъ скорую смерть лишался времени, необходимаго для исправленія и покаянія. „Аще будетъ повиненъ въ смерти“ — и тогда „душа не погубляйте никакоя же хрестьяны“, говоритъ Мономахъ. Какой христіански-гуманный взглядъ! Изъ этихъ словъ понятна та твердость и рѣшительность, съ которою современникъ Мономаха митрополитъ Никифоръ „печаловался“ предъ этимъ княземъ за осужденныхъ. Митрополитъ очень хорошо зналъ, что онъ имѣетъ дѣло съ образованнымъ и гуманнымъ княземъ-христіаниномъ, которому собственное его сердце подскажетъ личность тамъ, гдѣ слова защитника не будутъ достаточно убѣдительны. „О семъ испытай, княже мой“, писалъ Никифоръ въ одномъ посланіи къ Мономаху, — „о томъ помысли, о изгнанныхъ отъ тебе, о осужденныхъ отъ тебе наказанія ради, о презрѣныхъ; воспомяни о всѣхъ, кто на кого изрекъ и кто кого оклеветалъ, и самъ судія разсуди таковыя, и якоже отъ Бога наставляемъ, всѣхъ помилуй, и яко створи и отпусти, да ти ся отпуститъ, и отдаждь, да ти ся отдастъ. Аще бо не [illegible]... прѣгрѣшенія человѣкомъ, ни Отецъ небесный [illegible] намъ прегрѣшеній нашихъ“... Чтобы князь не подумалъ, что митрополитъ дѣйствуетъ въ семъ случаѣ по сто-роннимъ частнымъ обстоятельствамъ, а не по наставленію

Церкви, Никифоръ прибавляетъ: „Нѣтъ, ради благовѣрія твоего, просто написалъ я такъ на воспоминаніе тебѣ, потому что великія власти великаго напоминанія требуютъ: великую пользу приносятъ онѣ и великимъ грѣхамъ подвержены“.

Обычаи печалованія, которымъ такъ знаменитъ былъ въ разсматриваемую эпоху митрополитъ Никифоръ, и который вошелъ въ особенное употребленіе въ позднѣйшее время, въ періодъ московскаго единодержавія, составлялъ издавна неотъемлемое право духовенства, проистекшее изъ того высокаго уваженія, какимъ оно пользовалось въ древней Руси. Отсюда понятно то благоговѣніе, съ какимъ Мономахъ говорилъ о почитаніи духовенства, требуя отъ дѣтей, чтобъ они не отклоняли отъ себя лицъ духовнаго сана, но съ любовію принимали ихъ благословенія и молитвы: „епископы и попы и игумены съ любовью взимайте отъ нихъ благословенье, и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да пріимите отъ нихъ молитву отъ Бога“. Владиміръ и на самомъ дѣлѣ глубоко уважалъ духовенство, что видно особенно изъ отзыва о немъ лѣтописца: „Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ, любовь имѣя къ митрополитомъ и къ епископомъ и къ игуменомъ, паче же и черньчьскый чинъ любя и черницц любя“...

Итакъ, говоря объ отношеніи власти къ подданнымъ, Владиміръ Мономахъ требуетъ отъ дѣтей-князей прежде всего заботы объ истинномъ правосудіи въ ихъ вотчинахъ, въ частности же соблюденія на судѣ принципа правды и милости. Далѣе, онъ совѣтуетъ строго соблюдать крестное цѣлованіе, данное князьями въ обезпеченіе мира страны; наконецъ, проситъ князей во всемъ руководиться любовію къ своимъ подданнымъ, особенно любить лицъ духовнаго сана, которыхъ, кромѣ того, уважать и слушаться ихъ совѣтовъ.

Третья мысль, которую развиваетъ въ своемъ Поученіи Мономахъ, показываетъ, какъ долженъ человѣкъ относиться къ самому себѣ, а также опредѣляетъ взаимныя отношенія людей между собою. Вся эта часть Поученія, по своему внѣшнему виду, представляетъ не что иное, какъ рядъ нравственныхъ правилъ поведенія человѣка въ его обыкновенномъ повседневномъ бытѣ, и съ этой стороны имѣетъ большое внѣшнее сходство съ Домостроемъ, попа Сильвестра, также опредѣлявшимъ обыкновенный повседневный бытъ русскаго человѣка своего времени. Но какая огромная внутренняя разница между

Домостроемъ древнѣйшей Руси и Домостроемъ XVI вѣка. Насколько нравственъ принципъ Домостроя Мономахова, настолько же, можно сказать, безнравственъ въ смыслѣ отсутствія нравственной идеи принципъ Домостроя Сильвестрова. У Сильвестра всюду сквозитъ начало уклончивости, примѣнительности къ жизни и угодливости людямъ. Множество его наставленій направлены именно къ тому, чтобъ научить — какъ ужиться со злыми людьми въ жизни, и при этомъ только по возможности сохранять правду, жертвуя при случаѣ ею, чтобы не поссориться съ несправедливыми людьми и тѣмъ не повредить ни своимъ добрымъ къ нимъ отношеніямъ, ни другимъ своимъ интересамъ. Такой принципъ уклончивости, примѣнительности и угодливости людямъ, который въ жизни легко переходитъ въ совершенное равнодушіе къ правдѣ и неправдѣ и въ потворство неправдѣ, такой принципъ въ концѣ концевъ можетъ привести къ совершенному безразличію общественнаго мнѣнія и суда надъ людьми несправедливыми, къ уничтоженію прямыхъ и искреннихъ отношеній между людьми и къ совершенному ослабленію нравственной жизни общества. Совсѣмъ не таковъ взглядъ Мономаха. Не только въ разсматриваемой части Поученія, но и во всемъ этомъ произведеніи мы не находимъ ничего сходнаго съ принципомъ Сильвестра. Русскій человѣкъ XII вѣка гораздо нелицемѣрнѣе смотрѣлъ на людскія отношенія и болѣе вѣрилъ въ искренность этихъ отношеній, нежели русскій же человѣкъ XVI вѣка, и въ противоположность послѣднему, скорѣе былъ готовъ пожертвовать собственными интересами за правду, чѣмъ примѣняться къ обстоятельствамъ, льстить и угождать несправедливымъ людямъ. [illegible] въ какую дурную сторону уклонилась нравственная жизнь XVI вѣка, очевидно, еще носившая тогда мрачные слѣды двухвѣковаго рабства азіатскимъ варварамъ. Но это какъ свѣжи какъ отравы понятія монгольскія, еще не испорченной государственными бѣдствіями до-татарской Руси! [illegible] понятія являются потомъ даже извѣстными. [illegible] пріятно звучитъ [illegible] сравнительно съ отталкивающею и холодною [illegible] современниковъ Сильвестра. Сильвестръ совѣтуетъ, напримѣръ, угостить, а иногда и подарить [illegible] съ тѣмъ практическимъ расчетомъ, чтобы [illegible] гостепріимство человѣка, [illegible] его [illegible] товара [illegible]

зали" (гл. XL). Мономахъ также предписываетъ гостепріимство, особенно къ чужеземцамъ, но совсѣмъ не съ такимъ сухимъ матеріальнымъ расчетомъ, какой обнаруживается у Сильвестра. Какъ всякій человѣкъ, Мономахъ не лишенъ былъ нѣкотораго тщеславія; но это чувство выражается у него до крайности наивно, просто и добродушно. Онъ потому совѣтуетъ угощать чужестранцевъ, что они мимоходомъ прославляютъ человѣка по всѣмъ землямъ. „Болѣ же чтите гость", предписываетъ Мономахъ, „откуду же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или золъ, аще не можете даромъ — брашномъ и питьемъ, ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ".

Опредѣляя отношенія, въ коихъ человѣкъ долженъ стоять къ самому себѣ, Мономахъ требуетъ не имѣть гордости ни въ сердцѣ ни въ умѣ: „паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ; но рчемъ: смертни есмы, днесь живи а заутра въ гробѣ". Онъ хорошо понималъ, что гордость есть величайшій порокъ, который препятствуетъ человѣку идти по пути къ нравственному самоусовершенствованію. Гордость ума дѣлаетъ человѣка обыкновенно заносчивымъ, заставляетъ его кичиться нерѣдко мнимыми достоинствами и чрезъ то забывать, что всѣ люди равны, какъ по происхожденію отъ одного Творца, такъ и по одинаковой смертности всего вообще человѣчества. Вотъ почему онъ совѣтуетъ постоянно помнить о смертномъ часѣ: „смертни есмы, днесь живи, а заутра въ гробѣ", такъ какъ памятованіе о смерти, всегда готовой встрѣтить человѣка, всего лучше умѣряетъ гордость. Но еще болѣе могла казаться Мономаху недостойною христіанина гордость въ сердцѣ, такъ какъ эта гордость окончательно уничтожаетъ христіанскую любовь къ ближнимъ, дѣлаетъ человѣка безсердечнымъ и безучастнымъ къ несчастіямъ ближнихъ. Онъ совѣтуетъ постоянно говорить себѣ: „се все что ны (ты) еси (Господи) вдалъ, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало дний", — и въ силу этой мысли онъ прибавляетъ: „въ земли не хороните: то есть великій грѣхъ", то-есть, не копите, не прячьте въ землю своихъ прибытковъ, но раздавайте неимущимъ вашимъ ближнимъ, ибо прятать — великій грѣхъ.

Опредѣливъ внутреннее отношеніе человѣка къ самому себѣ, Мономахъ старается указать нѣкоторыя правила внѣшняго

поведенія человѣка у себя дома и въ обществѣ. Съ этой стороны Поученіе Мономаха особенно близко сходится съ Домостроемъ Сильвестра, содержащимъ, главнымъ образомъ, наставленія, какъ вести себя дома и въ людяхъ. Но и тутъ нельзя не отдать превосходства Мономаху предъ Сильвестромъ. Сильвестръ непріятно поражаетъ мелочностію своихъ наставленій, часто совершенно излишнихъ. Мелочность Сильвестра доходитъ иногда до того, что онъ, напримѣръ, совѣтуетъ покупать хозяйственные припасы въ свое время (гл. XL), покупать не по мелочамъ, а массою (XLI), купленные припасы сберегать, чтобъ они не испортились или не были раскрадены. Такъ всюду и проглядываетъ черствый, практическій и расчетливый умъ Сильвестра, который выше всего на свѣтѣ ставитъ, чтобъ „у рубля полтина береглась". Гораздо проще и короче касается всего этого Мономахъ. Онъ говоритъ только: „въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите". И этого достаточно: тутъ ясно, что домохозяину не должно лѣниться, но за всѣмъ самому смотрѣть, а при такихъ условіяхъ само собою все будетъ въ порядкѣ. Далѣе у Мономаха прибавляется: „не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему", — и затѣмъ онъ снова говоритъ противъ лѣни, особенно на войнѣ, во время которой совѣтуетъ не предаваться продолжительному сну и даже по возможности не снимать оружія во время сна, такъ какъ отъ лѣности не трудно погибнуть на войнѣ: „лѣнощами внезапу бо человѣкъ погыбаеть". Владиміръ Мономахъ, какъ замѣтно, почему-то особенно часто говоритъ въ своемъ Поученіи противъ лѣности. Въ одномъ мѣстѣ Поученія онъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ лѣность и указываетъ на дурные результаты этого порока: „лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще не мозите ся лѣнити ни на что же доброе". Не указываютъ ли такія настойчивыя и частыя повторенія наставленій не лѣниться на то, что наши предки отличались неповоротливостію, апатичностію въ веденіи своихъ дѣлъ и отсутствіемъ подчасъ необходимой энергіи? Если эта особенность русскаго характера и въ настоящее время даетъ иногда себя знать, то съ большою вѣроятностію можно предположить то же самое и у современниковъ Мономаха. Отсутствіе необходимой жизненной энергіи и лѣнивый

неподвижный характеръ древняго русскаго человѣка даже побудили русскую проповѣдь того времени употребить свое слово противъ указаннаго общаго недостатка. Въ „поученіи лѣнивымъ, иже не дѣлаютъ", между прочимъ, говорится слѣдующее: „Възбужайте спящая и на дѣло подвизайте ихъ лѣнивыхъ. Аще бо земныя убѣгаете страдъ (трудовъ) вы, то небесныхъ не узрите благыхъ, иже дѣлателемъ Богъ обѣщалъ есть. Отъ труда убо здравіе и отъ страды спасеніе; лѣнивыи же, по апостолу, да не ядять... Лѣность бо всѣмъ дѣломъ злыма есть... кто убо на дѣло лѣнивъ, той и о души своей не подвизается".

Весьма наивны и простосердечны предписанія Мономаха относительно ночныхъ поклоновъ, которые всего лучше отгоняютъ діавола, имѣющаго ночью, по понятіямъ нашихъ предковъ, особенную власть и силу надъ людьми. „Не грѣшите", говоритъ Мономахъ, „ни одну же ночь, аще можете поклонитеся до земли, али вы ся начнеть не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣжаетъ дьявола, а что въ день согрѣшить, а тѣмъ человѣкъ избываетъ". Убѣжденіе нашихъ предковъ въ томъ, что діаволъ имѣетъ большую силу надъ людьми по ночамъ, сохранялось на Руси отъ далекихъ временъ язычества, по вѣрованіямъ котораго темныя демоническія силы боятся дневного свѣта и начинаютъ свою дѣятельность только при наступленіи ночи и преимущественно въ темныхъ мрачныхъ мѣстахъ, какъ-то: въ дремучихъ лѣсахъ, топкихъ болотахъ и водяныхъ омутахъ.

Утромъ вставать послѣ сна Мономахъ предписываетъ до солнечнаго восхода: „да не застанеть васъ солнце на постели". Пробудившись, нужно „первое къ церкви" и „заутреню" отдать „Богови хвалу". Такимъ образомъ, Мономахъ предписываетъ начинать день молитвою во храмѣ.

Безъ сомнѣнія, имѣя въ виду своихъ дѣтей-князей, Мономахъ совѣтуетъ немедленно же послѣ молитвы „сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати". „Спанье", замѣчаетъ Владиміръ, „есть отъ Бога присуждено полудне, отъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птица, и человѣци". И дѣйствительно, обычай послѣобѣденнаго, полуденнаго сна былъ во всеобщемъ употребленіи въ древнее время. „И приде на половины въ монастырь Печерьскыи"

разсказываетъ лѣтописецъ, „намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени", то-есть, послѣ утрени, около полудня. Несторъ въ житіи пр. Ѳеодосія разсказываетъ про нѣкоего Судислава Геуевича, который далъ обѣщаніе пожертвовать двѣ гривны золота и вѣнецъ на икону Богородицы въ монастырь Ѳеодосія, но забылъ исполнить. „И се по днѣхъ нѣкихъ спящу ему въ полудне" явилась ему икона, напомнивъ о данномъ обѣщаніи. Обычай полуденнаго сна ведетъ свое начало изъ отдаленной древности. По старинымъ миѳическимъ представленіямъ древнихъ языческихъ славянъ, въ полдень, преимущественно на поляхъ, являются какія-то духовныя существа, называемыя *полудницами*, съ серпами въ рукахъ, и всякаго, замѣшкавшагося на работѣ, эти полудницы останавливаютъ, начинаютъ разспрашивать: какъ обрабатывать и прясть ленъ и т. п., и кто не устоитъ противъ разспросовъ, тому срубаютъ голову серпомъ. Отсюда сонъ въ полдень — самое лучшее средство къ тому, чтобъ избѣжать пагубной встрѣчи съ полудницами.

„Лжѣ блюдися и пьянства, въ томъ бо душа погибаетъ и тѣло", предписываетъ Мономахъ. Ложь — порокъ весьма обычный въ то темное время, когда нравственное сознаніе настолько было еще слабо, что многіе даже не признавали и порока во лжи. Пьянство нужно отнести къ тѣмъ порокамъ, которые достигли наибольшаго развитія въ тогдашнемъ обществѣ. Понятно, что они вызвали Мономаха сдѣлать предостереженіе противъ нихъ своимъ современникамъ.

Мы замѣтили, сопоставляя сильвестровскій Домострой XVI вѣка съ Поученіемъ Владиміра Мономаха, что въ послѣднемъ отношенія, долженствующія быть между людьми, рисуются болѣе искренними и правдивыми, сравнительно съ не совсѣмъ честною примѣнительностію и угодливостію людямъ, возведенною въ руководительный принципъ Домостроемъ XVI вѣка. Мы должны прибавить, что эта искренность и правдивость отношеній человѣка къ другимъ людямъ, предписываемыя Владиміромъ Мономахомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуты въ высшей степени христіанскою гуманностію, достойною человѣка, воспитавшагося и не при тогдашнемъ еще низкомъ уровнѣ общественнаго развитія. Среди человѣческихъ отношеній отношенія между мужемъ и женою, безспорно, самыя близкія и тѣсныя. По понятіямъ церковнымъ мужъ и жена составляютъ одно существо, и связь между ними

должна продолжаться до самой смерти кого-либо изъ нихъ. Владимиръ Мономахъ хорошо понималъ, что такая тѣсная связь между супругами, проповѣдуемая Церковью, не возможна безъ любви и потому предписываетъ: „жену свою любите“.

Дальнѣйшія предписанія Мономаха объ отношеніи человѣка къ другимъ людямъ (такъ же какъ и *все* въ его Поученіи) проникнуты чисто евангельскимъ духомъ: „больного присѣтите, надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы... убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ“. Всѣ эти нравственныя предписанія, несмотря на ихъ общеизвѣстность и неновость, имѣли большое значеніе для того времени. Тогда нужны были постоянныя напоминанія и повторенія самыхъ простыхъ и несложныхъ требованій евангельской любви, такъ какъ при всеобщей почти религіозной и нравственной неустойчивости эти требованія скоро забывались. Замѣчательно, что Мономахъ старается, чтобъ и чисто внѣшнія, формальныя и случайныя отношенія между людьми были проникнуты искренностію и глубокимъ участіемъ, чтобы въ нихъ не было даже никакихъ признаковъ грубости, холодности, индифферентизма. „Человѣка не минѣте“, говоритъ онъ, „не привѣчавше (не привѣтствуя), добро слово ему дадите... куды же поидете, идѣже станете, напойте, накормите унеина“ [1]), то есть, обласкайте, будьте привѣтливы, окажите участіе къ слабымъ, безпомощнымъ бѣднякамъ.

Переходимъ теперь къ заключительной мысли Поученія Владимира Мономаха.

Въ самомъ концѣ Поученія Мономахъ проводитъ мысль о промыслѣ Божіемъ, простирающемся на каждый случай жизни человѣческой. Еще въ срединѣ Поученія онъ говорилъ, что въ основѣ всего, всѣхъ человѣческихъ дѣйствій долженъ лежать страхъ Божій, то-есть постоянная мысль о Богѣ и о томъ, что Онъ видитъ всѣ дѣла и помышленія

[1]) [illegible] ясняютъ. Карамзинъ (т. II, прим. 232) подъ словомъ „унеинъ“ разумѣетъ „хозяина“, производя отъ слова „уина“, что на кабардинскомъ языкѣ значитъ „домъ“. Шевыревъ согласенъ съ Карамзинымъ. Г. [illegible]евъ (Хрестоматія) гово- [illegible] бѣдный. Мы принимаемъ это послѣднее толкованіе.

человѣка, и что потому нужно всегда „страшиться“ оскорбить его дурными поступками („се же вы конецъ всему — страхъ Божiи имѣйте выше всего“). Теперь, какъ бы дополняя прежде сказанное, онъ говоритъ, что въ жизни съ человѣкомъ даже ничего не можетъ случиться безъ воли Божiей. Вотъ подлинныя слова этой заключительной мысли Мономаха: „никто же насъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья, не могутъ отъяти... Божье блюденье лѣплѣе есть человѣческаго“. Поставленныя въ концѣ Поученiя эти слова имѣли значенiе показать, что, слѣдуя неуклонно тѣмъ правиламъ поведенiя человѣка-христiанина, которыя предлагаются во всемъ Поученiи и чрезъ то угождая Богу, человѣкъ пусть не опасается, что съ нимъ въ жизни могутъ случиться какiя-либо несчастiя или напрасная смерть, потому что ничего не совершается въ мiрѣ безъ воли Божiей, и Промыслъ сохранитъ такого человѣка отъ всѣхъ несчастiй за выполненiе нравственныхъ предписанiй евангелiя*). Если же человѣкъ не станетъ исполнять заповѣдей Божiихъ, то охраняющiй Промыслъ оставитъ его, и пусть онъ тогда не надѣется на людей: ни отецъ, ни мать, ни братья, не спасутъ его, ибо „Божье блюденье лѣплѣе есть человѣческаго“.

П[illegible]

Владимиръ Мономахъ по лѣтописи.

Лѣтопись сначала выставляетъ его самымъ добрымъ сыномъ: „бѣ бо любимъ отцу повелику, въ животѣ и по смерти не ослушася его ни въ чемъже“. Позже, благоговѣйно памятуя о немъ, [illegible] чиновнымъ образомъ чтитъ и мачеху. Приступая къ Кiеву съ войсками, для наказанiя вел. кн. Святополка за вину его противъ Василька, онъ остановленъ вдовою Всеволода и [illegible]-

*) Въ слѣдующихъ словахъ Поученiя: „тура мя два метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ, а двѣ лоси, одинъ ногама топталъ, а другой рогома болъ... съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ не блюда живота своего, не щадя головы своея... и *Богъ невреждена мя съблюде*“, — Мономахъ хотѣлъ выразить такую мысль: вотъ я соблюдалъ по возможности заповѣди Божiи, и потому, несмотря на часто случавшуюся опасность для жизни, все-таки былъ хранимъ Промысломъ: „Богъ невреждена мя съблюде“.

ною къ нему кіевлянами, расплакался и рече: „поистинѣ отцы наши и дѣды наши соблюли землю русьскую, а мы хочемъ погубити.“ — и преклонися на мольбу княжинину“. — Чувство семейное выражается въ немъ и крѣпкою любовію къ брату: „нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимерима, и хотѣ подхватити брата своего, и мало не утопе самъ“. Таковы отношенія его семейныя.

Столь же сочувственны и общественныя. Послѣ смерти отца своего, Всеволода, онъ имѣетъ полную возможность овладѣть великокняжескимъ столомъ кіевскимъ, но не дѣлаетъ того, уважая чужое право. И въ то же время онъ власть настоящая, нравственная власть надъ князьями. Но вотъ неутомимыя старанія его о братскомъ единеніи ихъ нарушены вѣстію о безчеловѣчномъ ослѣпленіи Василька: „ужасеся и всплакавъ рече: сего не бывало есть на русьстѣй земли... И абіе посла къ Давыду и къ Ольгови, глаголя... Поправимъ сего зла, еже ся створи се въ русьтѣи земли и въ насъ братьи... да аще сего не правимъ, то больше зло встанетъ на насъ, и начнетъ братъ брата закалати, и погыбнетъ земля русьская, и врази наши половци пришедше возьмутъ землю русьскую“. Когда же, немного спустя, другіе князья, очевидно не очень впечатлительные, затѣваютъ походъ противъ того же самаго ослѣпленнаго Василька и осмѣливаются съ угрозою требовать суда и Владимира, онъ съ твердостью отвѣчаетъ имъ: „аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити; ни креста переступити“. И его твердость заставляетъ князей измѣнить намѣреніе; вмѣсто войны устрояется, вѣроятно, по мысли Владимира же, княжескій съѣздъ, а затѣмъ, по рѣшительномъ замиреніи, начинаются совокупные ихъ походы на половцевъ. И неоднократно замиряетъ ихъ Мономахъ для отпора врагамъ Руси: всѣ походы его на половцевъ и сосчитать мудрено. Однажды дружина Святополка князя, отлынивая отъ похода, стала опираться на такое сужденіе: „не годно нынѣ, веснѣ, ити хочемъ, погубити смерды (крестьянъ) и ролью (пашню) ихъ. И рече Владимиръ: „дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же то оретъ; а сего чему не промыслите, оное то начнетъ орати смердъ, и пріѣхавъ половчинъ ударитъ и стрѣлою, а лошадь его поиметъ, а въ село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все имѣнье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?“ И не могоша отвѣщати дружина

Святополча, и рече Святополкъ: се азъ готовъ уже, и вста Святополкъ. И рече ему Володимеръ: то ти, брате, велико добро створиши земли руськой". Въ другой же разъ самъ Владиміръ находитъ нужнымъ повременить войною, возможнымъ заключить съ половцами хотя временный миръ. „Кыяне же не хотѣша, но рекоша: хочемъ ся бити". И Мономахъ пошелъ во главѣ ихъ, покоряясь волѣ народной.

О. Миллеръ.

Владимиръ Мономахъ по лѣтописи.

Владиміръ считалъ какъ бы своимъ призваніемъ — примирять родичей: миролюбіе было основною чертою его характера, такъ что онъ заслужилъ прозваніе „братолюбца". Лѣтописецъ разсказываетъ, какое сильное впечатлѣніе произвела на Владиміра вѣсть о звѣрскомъ поступкѣ Давида Игоревича надъ Василькомъ. „Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василько и ослѣпленъ, ужасеся и всплакавъ и рече: сего не бывало есть въ руськѣй земьли ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ, сякаго зла". Потомъ онъ послалъ сказать Давиду и Олегу Святославичамъ: „поидемъ къ Городцю, чтобы исправить это зло... да аще сего не правимъ, то больше зло встанеть въ насъ, и начнетъ братъ брата закалати, и погибнетъ земля русская". Сколько искренней, неподдѣльной любви къ родной русской землѣ и сколько сердечныхъ опасеній за будущность ея дышитъ въ этихъ словахъ Владиміра! Для людей благочестивыхъ Мономахъ былъ образцомъ благочестія. Лѣтописи весьма часто указываютъ на постоянное благочестивое настроеніе князя. „Дарь си отъ Бога прія", говорится въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, — „да егда въ церковь внилшеть и слыша пѣнье, а абы слезы испущашеть". Въ 1116 году Глѣбъ Минскій не оказалъ должной покорности Владиміру, совершивъ нападеніе на послѣдняго. Лѣтописецъ замѣчаетъ по этому поводу: „Володимеръ же надѣяся на Бога и на правду", самъ пошелъ къ Минску — наказать ослушника. Глѣбъ сталъ просить пощады. Володимеръ же сжалився о семъ, оже проливашеться кровь въ дни постныя великого поста, и вдасть ему миръ". Есть въ похвальную черту въ характерѣ Мономаха.

лѣтописецъ обращаетъ вниманіе на его уваженіе и почтеніе къ своимъ родителямъ. Свою мачеху Владиміръ „чтяшеть отца ради своего, бѣ бо любимъ отцю своему повелику, и въ животѣ и по смерти не ослушаяся его ни въ чемъ же“. Но болѣе всего нравится лѣтописцу-иноку то, что Владиміръ „чтяше санъ святительскій“. Онъ, говоритъ лѣтописецъ, „любовь имѣя къ митрополитамъ и къ его епископамъ и къ игуменамъ, паче же и черническій чинъ любя, и черницы любя, приходящая къ нему напиташе и напаяше“. Говоря о смерти Мономаха, всѣ лѣтописцы пользуются случаемъ высказать какую-нибудь похвалу князю, а лаврентьевская, ипатьевская и воскресенская лѣтописи помѣщаютъ длинные панегирики его добродѣтелямъ. Вотъ отзывъ лаврентьевской лѣтописи. Преставися благовѣрный и великый князь рускыи Володимеръ... украшенный добрыми нравы, прослывый въ побѣдахъ, его имени трепетаху вся страны и по всѣмъ землямъ изиде слухъ его: понеже убо онъ всею душою възлюби Бога... Се же чудныи Володимеръ потщася Божія хранити заповѣди, и Божьи страхъ присно имѣя въ сердци... добро творяще врагомъ своимъ, отпуща я одарены. Милостивъ же бяше паче мѣры... тѣмъ и не щадяше имѣнья своего, раздавая требующимъ и церкви зижа и украшая; чтяшеть же излиха черническыи чинъ и поповскій, подавая имъ еже на потребу и пріимая отъ нихъ молитвы... тѣмъ и Богъ вся прошенья его совершаше и исполни лѣта его въ добродѣньствѣ“. Въ томъ же родѣ, только нѣсколько покороче, высказывается о Мономахѣ и воскресенская лѣтопись. Ипатьевская лѣтопись произноситъ отзывъ о Мономахѣ болѣе съ государственной точки зрѣнія. Онъ, по ея словамъ, „просвѣти рускую землю, аки солнце луча пущая; его же слухъ произиде по всѣмъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ поганымъ“. Далѣе Владиміръ характеристично называется „братолюбцемъ“, „нищелюбцемъ“ и „добрымъ страдальцемъ“ за рускую землю. Послѣднее выраженіе особенно живо говоритъ въ пользу Мономаха, какъ человѣка, посвятившаго себя всецѣло народному дѣлу. Добрый страдалецъ за родину — вотъ идеалъ древне-русскаго князя.

Продолженіе

- - -

Общее содержаніе, идея и форма Слова о полку Игоревѣ.

Слово о полку Игоревѣ начинается „вступленіемъ“, въ которомъ авторъ, обращаясь „къ братіи“, заявляетъ, что онъ будетъ изображать походъ Игоревъ исторически, а не поэтически, по былинамъ сего времени, а не по замыслу Боянову, и при этомъ характеризуетъ старыя словеса „или пѣснотворчество“ Бояна.

Затѣмъ въ Словѣ рисуются четыре главныя картины.

Картина первая изображаетъ передъ нами личный характеръ Игоревъ, его жажду славы, его безстрашіе, самый походъ, отчаянныя битвы, его пораженіе и бѣдствія русской земли, вызванныя этимъ пораженіемъ.

Картина вторая рисуетъ предъ нами образъ великаго князя Святослава кіевскаго, который спѣшитъ къ нему на помощь и взываетъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ, приглашая ихъ вступиться за землю русскую, за раны Игоревы. При этомъ передается его зловѣщій сонъ, оправданный несчастьемъ Игоря, а самое воззваніе къ князьямъ называется „золотымъ словомъ со слезами смѣшаннымъ“.

Картина третья даетъ намъ образъ Ярославны, которая тоскуетъ въ Путивлѣ и, глядя съ городской стѣны на чистое поле, причитаетъ, обращаясь съ заклинаніями къ солнцу, вѣтру и Днѣпру и умоляя ихъ прилелѣять къ ней ея милаго лада.

Наконецъ картина четвертая изображаетъ передъ нами освобожденіе Игоря изъ плѣна, его бѣгство въ родную землю, его прибытіе въ Кіевъ и торжество обрадованныхъ [illegible], которые поютъ славу сперва старымъ князьямъ, а потомъ и молодымъ съ ихъ дружиною.

Таково общее содержаніе „Слова“.

Но, рисуя эти картины, авторъ влагаетъ въ нихъ и свою политическую думу о тогдашнемъ укладѣ кіевской Руси. Исходною точкою его воззрѣнія служитъ *[illegible]*, или, что то же, единаго государства русскаго. Печальное зрѣлище представляла тогда кіевская Русь: она состояла изъ многихъ областей, разрозненныхъ между собою и живущихъ своими особыми интересами. Князья этихъ областей [illegible] лишь только личными счетами и [illegible] другъ [illegible] Внутри себя Русь представляла тогда [illegible] интересовъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

было государственное сознаніе автора „Слова", тѣмъ больше возмущается душа его бѣдствіями, вытекавшими изъ этой удѣльной розни и княжескихъ усобицъ. Стонетъ Кіевъ, стонетъ градъ Черниговъ, взываетъ онъ, и печаль жирная течетъ по землѣ русской. Гибнутъ вои, гибнетъ дружина, и плачи и стоны раздаются въ осиротѣлыхъ семействахъ. Со всѣхъ сторонъ скачутъ враги и зорятъ безпрестанно русскія области и города. Все больше и больше изнемогала сила русская, и вмѣстѣ съ тѣмъ подымалась и царила надъ ней сила поганая. Изобразивъ въ подобныхъ очертаніяхъ бѣдствія кіевской Руси, авторъ „Слова", какъ человѣкъ государственный, видѣлъ для нея одно спасеніе лишь въ государственномъ союзѣ и единствѣ интересовъ. Онъ возвышаетъ свой голосъ и стремится воскресить въ сознаніи современниковъ забытое понятіе, что всѣ области кіевской Руси суть „*единая земля русская*".

Здѣсь мы замѣтимъ, что это понятіе „*земли русской*" было нѣкогда содержательнѣе, чѣмъ затѣмъ смѣнившія его понятія „московскаго государства" и „имперіи русской". Въ первые годы съ нимъ связывалось живое преданіе о тѣхъ боевыхъ трудахъ и страдахъ, коими отцы и дѣды наши стяжали и соблюли землю русскую. Одно напоминаніе тогда „*о русской земли*" вызывало слезы у лучшихъ людей кіевской Руси. Такъ, когда кіевляне въ IX вѣкѣ замѣтили Владиміру: „аще будете рать имати между собою, то поганые будуть радоватися и возьмутъ землю нашу, юже бѣша стяжали отцы наши и дѣды трудомъ своимъ великимъ", онъ *заплакалъ* и сказалъ: „поистинѣ отцы наши и дѣды зблюли „*землю русскую*", а мы хочемъ погубити". Такъ сильно нѣкогда дѣйствовало на князей понятіе „*земли русской*", но въ эпоху пѣвца Игорева оно лишилось своей исторической силы и было лишь преданіемъ.

Авторъ Слова, указывая на бѣдствія и опасности кіевской Руси, стремится, говоримъ, воскресить въ сознаніи современниковъ это понятіе „*единой земли русской*". Отъ личныхъ раздоровъ и мелкихъ интересовъ онъ возводитъ вниманіе князей къ идеѣ государственнаго единства и напоминаетъ имъ объ ихъ государственномъ долгѣ дѣйствовать заедино и служить общему благу. Среди разрозненныхъ областей и ихъ многочисленныхъ знаменъ онъ возвышаетъ одно великое знамя, на которомъ написано „*единая земля русская*", и водружаетъ его на горахъ кіевскихъ. Носителемъ этой идеи и этого

знамени авторъ дѣлаетъ именно кіевскаго великаго князя Святослава Всеволодовича. Онъ заставляетъ его говорить знаменитую рѣчь, которую самъ же называетъ *„золотымъ словомъ“*. Сила и одушевленіе этой рѣчи, этотъ кованый и мощный языкъ, указываютъ, какъ сильно сознавалась имъ потребность въ государственномъ объединеніи разрозненныхъ областей кіевской Руси. Съ высоты кіевскаго престола Святославъ обращается ко всѣмъ тогдашнимъ князьямъ, зоветъ ихъ на помощь и умоляетъ ихъ вступиться за землю русскую, за раны Игоревы, стрѣлять того поганаго Кончака, загородить полю ворота своими острыми стрѣлами, за землю русскую, за раны Игоревы. Самъ онъ, глубокій старикъ, готовъ съ пыломъ молодого сердца стать грудью за русскую землю и нападать на враговъ подобно соколу, разъярившемуся во время мыта, но вотъ зло: князья ему не помогаютъ.

Стоя на высотѣ этого государственнаго идеала земли русской, авторъ и самъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ внѣшнихъ стѣсненій, стоитъ выше князей, раздаетъ имъ похвалы и порицанія, и притомъ какъ властный носитель исторической истины и правды. Какъ дружинникъ, онъ восторгается дѣйствіями князей, насколько отражался въ нихъ идеалъ дружинный. Онъ сочувствуетъ ихъ стремленіямъ водить вои на землю половецкую; онъ благоговѣетъ предъ ихъ храбростью, безстрашіемъ и готовностію сложить свою голову; онъ дорожитъ дружинными понятіями рыцарской чести и славы, но, какъ человѣкъ государственный, онъ скорбитъ въ то же время объ удѣльной розни, о княжихъ крамолахъ, такъ губившихъ силу русскую. Этимъ объясняется и нѣкоторая двойственность въ характерѣ Слова: пѣснь славы является въ то же время и пѣснею скорби; восторженный тонъ быстро смѣняется элегическимъ; и радость и горе здѣсь, такъ сказать, обнимаются.

Многіе видятъ Слово нестройнымъ по своей внѣшней формѣ: одни видятъ въ немъ пропуски, другіе — вставки, иные — смѣшеніе фактовъ. Мы, съ своей стороны, не видимъ ничего подобнаго. Напротивъ, на нашъ взглядъ, Слово и по своей внѣшней формѣ есть произведеніе удивительно цѣльное и гармонически стройное.

Особенности формы Слова съ одной стороны обусловлены подражаніемъ пѣснотворчеству Бояна, а съ другой — личнымъ творчествомъ автора.

Подобно тому, как Боянъ, начиная кому пѣснь творить, уносился фантазіей ко временамъ отдаленнымъ и художественно сочеталъ свое время съ временами древними, и авторъ Слова *сливаетъ* въ немъ свою эпоху — эпоху Игоря и Святослава съ эпохой старой, воспѣтой Бояномъ, — съ эпохой Олега и Ярослава. Такое *слитіе* двухъ эпохъ проходитъ черезъ все Слово, отъ начала до конца, представляетъ тотъ историческій нервъ, который связываетъ его съ поэзіей Бояна и служитъ органическимъ узломъ двухъ литературныхъ направленій. Обѣ указанныя эпохи имѣютъ внутреннюю связь тамъ: въ князьяхъ первыхъ временъ, воспѣтыхъ Бояномъ, лежитъ начало усобицъ, которыя взросли такими несчастіями въ годину Святослава и Игоря; гранью, соединяющею обѣ эти эпохи, служитъ Владиміръ Мономахъ: его относитъ авторъ Слова къ первой годинѣ и къ первымъ князьямъ, но именно отъ него же начинаетъ онъ и свою собственную повѣсть: „почьнемъ же повѣсть сію отъ стараго Владимера“. Говоритъ ли затѣмъ о неслыханныхъ битвахъ Игоря, вызванныхъ его жаждой личной славы и начатыхъ необдуманно, онъ вводитъ въ эту картину и воспоминаніе о томъ, какъ было „въ ты полки и въ ты рати“, въ эпоху Ярослава и Олега, при усобицахъ, пѣтыхъ Бояномъ; обращается ли онъ затѣмъ на западъ Руси, къ славному нѣкогда полоцкому княжеству, онъ и здѣсь усобицы своего времени связываетъ съ усобицами времени стараго, и рядомъ съ Изяславомъ, княземъ нынѣшнимъ, годины Святославовой, изображаетъ Всеслава, князя первыхъ временъ, воспѣтыхъ Бояномъ. Выдвигая самого Святослава, какъ носителя идеи единой земли русской во время похода Игорева, онъ, при изображеніи бѣдствій, вызванныхъ этимъ походомъ, съ сожалѣніемъ вспоминаетъ и Владиміра Мономаха, который держалъ знамя этой идеи на тѣхъ же горахъ кіевскихъ, въ годину первую, при первыхъ князьяхъ, пѣтыхъ Бояномъ.

При этомъ самыя характеристики князей старой эпохи по преимуществу оказываются эпическими очертаніями и видимо отражаютъ на себѣ воздѣйствіе Бояновыхъ пѣсенъ.

Такимъ образомъ тѣ мѣста, которыя нѣкоторымъ изслѣдователямъ кажутся излишними или мало умѣстными, нарушающими стройность или послѣдовательность разсказа, на нашъ взглядъ, являются въ Словѣ существенными и органически необходимыми: они именно показываютъ, что авторъ его от-

начала до конца находится подъ воздѣйствіемъ Бояна и, подобно ему, свивалъ въ своей пѣсни разныя эпохи. Слово, такъ сказать, соткано на основѣ Боянова пѣснотворчества. Пѣснь по былинамъ отражаетъ въ себѣ форму старой исторической пѣсни на героической основѣ.

Далѣе, форма Слова характеризуется свободнымъ творческимъ расположеніемъ историческихъ фактовъ. При чтеніи и художественной его оцѣнкѣ никакъ не слѣдуетъ забывать, что авторъ является въ немъ не какъ историкъ, а какъ художникъ — поэтъ. Не преемственность фактовъ, не дробность событія имѣютъ для него значеніе, но лишь характеры дѣйствующихъ лицъ и главнѣйшіе моменты дѣйствія, въ которыхъ сказалась ихъ сила. Слово представляетъ не лѣтописное повѣствованіе о событіи, а лишь, такъ сказать, галлерею отдѣльныхъ картинъ этого событія художественно воспроизведенныхъ творческимъ геніемъ и озаренныхъ одной и той же идеей. Вслѣдъ за вступленіемъ, не касаясь никакихъ обстоятельствъ похода, авторъ прямо начинаетъ разсказъ свой съ характеристики Игоря, какъ отважнаго и рѣшительнаго героя: онъ прямо ставитъ его въ землѣ половецкой и притомъ въ самую критическую минуту его нравственной борьбы, когда онъ съ одной стороны стоитъ уже на вражеской землѣ, а съ другой — само небо заставляетъ его воротиться. Это былъ моментъ, въ которомъ наиболѣе всего сказалось его нравственное распаленіе къ воинскому подвигу. При этомъ собственными его словами авторъ характеризуетъ неустрашимый и непреклонный духъ своего героя.

Характеристику Игоря авторъ заканчиваетъ славословіемъ его дружины, достойной, по собственнымъ словамъ его, пѣснотворчества Боянова. Его творческому воображенію невольно предстаетъ при этомъ и другой главный герой его поэмы князь Всеволодъ съ его курянами къ характеристикѣ которыхъ онъ и переходитъ, пользуясь совершенно другими моментами дѣйствія.

Любопытенъ и въ высшей степени своеобразенъ переходъ отъ одной характеристики къ другой. Пользуясь пѣснями Бояна и подлаживаясь подъ ихъ размѣръ, и [illegible] какъ лучше прославить отважную рѣшимость Игоря и его дружины, онъ продолжаетъ:

Стоятъ стязи въ Путивлѣ,
Игорь ждетъ мила брата Всеволода,
И рече ему буй-туръ Всеволодъ.

Такимъ образомъ съ полей половецкихъ, отъ страшнаго солнечнаго знаменія, авторъ свободно и быстро переноситъ Игоря въ родную землю на бесѣду съ своимъ братомъ, въ тотъ моментъ приготовленія ихъ къ походу, въ который также ярко сказался нравственный образъ этого „буй-тура“ и его рѣшимость дѣйствовать заедино.

При этомъ авторъ характеризуетъ его, подобно Игорю, также собственными его словами. „Свѣтлый ты Игорь! говоритъ Всеволодъ, „оба мы Святославичи, т.-е. одного мы племени и духу; сѣдлай своихъ борзыхъ коней, а мои давно ужь готовы“. Итакъ, второй герой былъ столь же рѣшительный и того же закала, какъ и самъ Игорь. Дружина же его, по собственнымъ словамъ, была свѣдома въ воинскихъ путяхъ и закалена въ бояхъ, она была достойна своего „буй-тура“. Трудно что-нибудь представить художественнѣе описанія этой дружины.

Охарактеризовавъ подобнымъ образомъ главныхъ своихъ героевъ въ самыя рѣшительныя минуты нравственнаго возбужденія ихъ къ воинскому подвигу, авторъ снова ставитъ Игоря на пунктѣ солнечнаго затменія и рисуетъ затѣмъ переполохъ въ степяхъ половецкихъ, возбужденный походомъ Игоря. Дальнѣйшее движеніе его обозначено также кратко: „Игорь къ Дону вои ведетъ“, и обставлено новыми зловѣщими знаменіями природы, которая продолжаетъ сдерживать его на пути.

Далѣе изображаются самые бои и паденіе стяговъ Игоревыхъ.

Такимъ образомъ весь этотъ разсказъ о походѣ Игоря представляетъ здѣсь лишь живописныя очертанія, выражающія слѣдующіе главнѣйшіе моменты дѣйствія: 1) герой Игорь въ минуту страшнаго солнечнаго затменія; 2) буй-туръ Всеволодъ въ минуту приготовленія къ походу; 3) переполохъ въ землѣ половецкой; 4) новые ужасы на дальнѣйшемъ пути Игоря, 5) первая удачная стычка и несчастные бои. Не смѣна времени и мѣста, не преемство фактовъ имѣютъ при этомъ значеніе, живые люди съ ихъ думами и ощущеніями прежде всего носятся въ творческомъ духѣ автора.

Итакъ, другая существенная особенность внѣшней формы Слова характеризуется быстрыми и неожиданными переходами отъ одного момента дѣйствія къ другому. Эти переходы — совершенно бояновскіе, подобные перелетамъ орла или рысканію волка, но въ сущности они указываютъ на творческій геній автора, умѣющій схватить самые существенные моменты въ событіяхъ и въ немногихъ словахъ художественно очертить характеры дѣйствующихъ лицъ, не нарушая въ существѣ сцены самаго дѣйствія.

Эта особенность, такъ же, какъ и первая, проходитъ чрезъ все Слово отъ начала до конца. И тѣ изслѣдователи, которые смотрятъ на Слово съ точки зрѣнія лѣтописной и предъявляютъ къ нему требованія хронологіи и фактической послѣдовательности, на нашъ взглядъ, обнаруживаютъ лишь свое недомысліе художественнаго и творческаго характера Слова и задачи самого пѣвца, который характеризуетъ лица и событія, какъ поэтъ, а не описываетъ ихъ, какъ историкъ. Не слѣдуетъ отъ автора требовать того, чего онъ дать не думалъ.

Е. Барсовъ.

Общій характеръ и духъ Слова.

Наблюдая Игореву пѣснь относительно духа, находимъ, что отличительный характеръ оного состоитъ въ соединеніи двухъ главнѣйшихъ началъ: любви къ землѣ русской и ея славѣ и вѣры въ жизнь природы и глубокаго съ нею сочувствія. Два начала сіи — суть основныя и господствующія въ духѣ поэзіи пѣвца Игоря: изъ нихъ уже проистекаютъ, или ими проникнуты, или подъ ихъ господствомъ раскрываются другіе виды любви и вѣры, другія чувства и понятія.

А. Духъ любви.

Любовь къ русской землѣ и ея славѣ есть первое главнѣйшее начало въ пѣсни Игоря. Изъ сего-то родника, изъ сей [illegible]ственной, родинной любви проистекаютъ [illegible] во-первыхъ, [illegible] всей пѣсни разлитый духъ [illegible] соединенніи [illegible] [illegible] общихъ [illegible] [illegible] любви [illegible] минувшему воспоминанія о прежнихъ [illegible] русской [illegible] и силы, [illegible] на [illegible]

для русской земли и недостойныя прежней славы ея, въ-четвертыхъ, грустный тонъ цѣлой пѣсни, который, по освобожденіи Игоря, перемѣняется на радостное движеніе. Сею главною, родинною любовью усилена личная любовь пѣвца къ героямъ его пѣсни; съ нею соединена и любовь его къ пѣснопѣнію вообще и вѣра его въ природу: выраженіемъ оной служатъ у него и пѣсня дѣвъ, ею проникнута у него и любовь женская.

За землю русскую и ея славу — вотъ главная мысль, основная пружина дѣйствія, непрестанно повторяющееся слово въ его пѣсни. Такимъ образомъ, Игорь исполнился ратнаго духа и навелъ храбрые полки свои на землю половецкую за землю русскую; русичи полегоша за землю русскую; злато русское потопилъ Игорь въ половецкой рѣкѣ; русскимъ златомъ звенятъ; по русской землѣ простерлись опять половцы съ побѣдами и пламенемъ; вступиться за эту обиду пѣвецъ зоветъ князей, вступиться за землю русскую и раны Игоревы, повторяя это трижды; на землю русскую навели поганыхъ своими крамолами князья половецкіе. О, стонать русской землѣ, вспоминая прежнее время и первыхъ князей своихъ. „О русская земля! Ты уже за шеломянемъ еси!“ два раза восклицаетъ пѣвецъ, когда русскіе перешли за предѣлы ея на незнаемое поле земли половецкой.

а) Ратный духъ.

Ратный духъ воспитывался въ русскихъ издавна, особенно набѣгами азіатцевъ, непрестанными съ ними битвами и схватками оборонными, наступательными и союзными — и обратился въ потребность, въ славу и честь, — и уже лѣтописцы говорили: „брань славна лучше есть мира студна“! Изображеніемъ сего ратнаго духа въ разнообразныхъ его явленіяхъ, картинами битвы и смерти особенно богатъ и могучъ пѣвецъ Игоря: и его пѣснь по сему отношенію не даромъ названа героическою. Разсмотримъ же нѣсколько мѣстъ нашей пѣсни, чтобы видѣть, какъ въ ней выражается сей боевой духъ и другие предметы. Послушайте, во-первыхъ, главнаго героя пѣсни, князя Игоря, мужающагося на половцевъ за землю русскую. „Наполнився ратнаго духа, — рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! Луцежъ бы потяту быти, нежели полонену быти“.

При семъ вы, конечно, вспоминаете рѣчь Святослава предъ

битвою съ греками, и въ изреченіи Игоря видите мужество, завѣщанное прежнимъ русскимъ княземъ-воителемъ. Игорь продолжаетъ:

„А всядемъ, братіе, на свои бръзыи комони, да позримъ синего Дону!.. Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля половецкаго, съ вами русичи! хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!“ Вотъ жажда, наслѣдованная Игоремъ отъ славнаго Мономаха, который „пилъ Донъ золотымъ шеломомъ“, по любимому выраженію того времени: вотъ истинно-рыцарскій обѣтъ русскаго князя; и какъ не любить его пѣвцу, исполненному любви къ землѣ русской и ея славѣ?

Другой герой пѣсни князь Всеволодъ храбръ и силенъ, какъ туръ (или зубръ, красивый, дикій звѣрь, весьма уважавшійся славянами); потому и прозывается онъ въ пѣсни „буй-туромъ“ или яръ-туромъ. Всеволодъ всегда готовъ къ битвѣ, и въ ней все забываетъ; но ему не чужды и нѣжность души: онъ исполненъ любви братской. „Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю! Оба есвѣ Святославича! говоритъ онъ. „Сѣдлай, брате, свои бръзыя комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди...“ Всеволодъ, и по словамъ Кіевской лѣтописи, „бѣ въ Ольговичехъ всѣхъ удалѣе рожаемъ и възрастомъ и всею добродѣтелію и мужественною дѣблестію, и любовь имѣяше къ всѣмъ“.

Посмотрите же, каковъ онъ въ битвѣ: „Яръ-туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскачяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкыя: поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя отъ тебе яръ туръ Всеволоде!..

Таковы наши искатели славы, князья сѣверскіе, у коихъ, по выраженію Святослава, храбрыя сердца изъ крѣпкаго булата скованы и закалены въ мужествѣ („въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена“), которые рано начали половецкую землю мечами опустошать, а себѣ славы искать.

Приведу теперь изображеніе курской дружины Всеволода:

„А мои ти куряни свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конецъ копія въскръмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени; сами скачютъ акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы“.

Послѣднее выраженіе повторяется и передъ битвою съ половцами: „Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы“.

Вотъ еще примѣръ русской удалости, воззваніе къ Всеволоду Юрьевичу, великому князю владимірскому и суздальскому, старшему тогда между сѣверно-русскими князьями:

„Великый княже Всеволоде! не мыслію ти прилетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу весли раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ“.

Наконецъ, вотъ еще пѣснь великому кіевскому князю Святославу, побѣдителю хана Кобяка:

„Грозою бяшеть: притрепалъ своими сильными плъкы и харалужными мечи, наступи на землю половецкую, притопта хлъми и яругы, возмути рѣкы и озеры, изсуши потоки и болота; а поганаго Кобяка изъ луку-моря отъ желѣзныхъ великыхъ плъковъ половецкихъ яко вихрь выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ въ гридницѣ Святъславли“.

б) Любовь къ минувшему и скорбь о настоящемъ.

Изъ любви пѣвца къ землѣ русской и ея славѣ, какъ сказалъ я, проистекаютъ любовь его къ минувшему, духъ гнѣва на междоусобія князей, духъ скорби о настоящей бѣдѣ земли русской и ея обидѣ отъ ненавистныхъ половцевъ. У пѣвца не сходитъ съ сердца эта бѣда, эта обида его времени; онъ не можетъ забыть славы былого времени, или, лучше сказать, только въ ней забывается. Потому онъ такъ часто вдается въ воспоминанія о прежнихъ князьяхъ, потому такъ часто въ его пѣсни раздается звонъ дѣдовской славы, такъ часто объ ней напоминаетъ своимъ князьямъ, указываетъ имъ на золотой отцовскій престолъ, скорбитъ объ ихъ междоусобіяхъ, негодуетъ на нихъ за то, что они стали ковать крамолу и черезъ то попустили половцамъ разорять русскую землю: поганымъ ли на обиду должна была достаться слава и сила ея?...

„Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло... не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине!...“

Но у князей — продолжаетъ пѣвецъ — пропала вражда на поганыхъ. Говорятъ они другъ другу то мое и то мое! и

стали князья про малое говорить: это великое, и сами на себя крамолу ковать; а поганые со всѣхъ сторонъ приходить съ побѣдами на землю русскую.

Пѣвецъ восклицаетъ: Ярославъ и всѣ внуки Всеволодови! опустите знамена свои, вложите свои мечи поврежденные! Вы отпали отъ дѣдовской славы! Вы своими крамолами начали наводить поганыхъ на землю русскую, на жизнь Всеслава: было ли бы какое насиліе отъ земли половецкой?...

О, стонать руской землѣ, помянувши первую годину и первыхъ князей! Того стараго Владимира нельзя было пригвоздить къ горамъ кіевскимъ!...

Вотъ думы и печали пѣвца древней Руси, когда она уже упадала и кончала первый періодъ славной жизни своей, когда рыцарская отвага сѣверскихъ князей его не унялась, и пали знамена Игоревы. Поэзія, какъ и жизнь, безъ вѣры въ прочность настоящаго, безъ надежды на будущее, обращается къ минувшему, живетъ воспоминаніями.

в) Битва и смерть.

Въ пѣсни Игорю находятся нѣсколько картинъ битвы и смерти весьма поразительныхъ и совершенно народныхъ.

Поле жатвы обратилось въ поле брани; вотъ, кажется, задушевная мысль южно-русскаго пѣвца, съ которою онъ представляетъ битву на родимой землѣ своей: ибо онъ изображаетъ ее красками земледѣльческаго быта — пашнею, посѣвомъ, молотьбою. Не отзывается ли здѣсь духъ древняго земледѣльца, потомъ увлеченнаго на войну и въ ней возмужавшаго?...

Тогда при Олегѣ Гориславичѣ сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Дажь-Божа внука... Тогда по руськой земли рѣдко ратаевѣ кыкахуть: но часто врани граахуть, трупія себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе. Изображая битву на рѣкѣ Каялѣ, пѣвецъ говоритъ:

„Чърна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по русской земли".

Вотъ еще третья картина: битва при *Немизѣ*.

На *Немизѣ* не снопы стелютъ — головы, молотятъ цѣпами булатными, на току кладутъ жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немизы не добромъ были засѣяны, засѣяны костьми русскихъ сыновъ.

уподобленіе поля битвы пашнѣ есть черта южно-русской поэзіи, которая также оставляетъ трупъ воина въ добычу ворону:

Ой тамъ казакъ убытъ лежитъ;
Въ головонькахъ воронъ кряче,
А въ ноженькахъ коникъ плаче;

или

Воронъ прилетае, въ очи заглядае,
Бѣле тѣло объѣдае, кости покидае.

Что касается до представленія смерти, то въ пѣснѣ Игорю находятся также небольшія, но не менѣе прекрасныя картины оной.

Въ одной изъ нихъ смерть русскихъ воиновъ въ битвѣ на Каялѣ уподоблена брачному пиру; и это уподобленіе встрѣчается также не только въ украинской и великорусской, но и въ новогреческой народной поэзіи.

Въ пѣснѣ Игорю: „Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи русичи, сваты попоиша, а сами полегоша за землю русскую“.

Въ украинской пѣснѣ — „Ой конь бѣжитъ, трава шумитъ“ — умирающій казакъ посылаетъ прощальный поклонъ матери черезъ коня своего и поручаетъ не говорить, что онъ убитъ уже:

Ты скажи, коню, я оженився,
Да понявъ себѣ паняночку —
Въ чистомъ полѣ земляночку.

Въ одной изъ лучшихъ великорусскихъ пѣсенъ: „Ужъ какъ палъ туманъ на сине море“ — русскій воинъ также говоритъ коню своему:

Ты скажи моей молодой женѣ,
Что женился я на другой женѣ,
На другой женѣ, мать сырой землѣ:
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

Итакъ, это уподобленіе смерти въ битвѣ брачному пиру и усыпленію и земли невѣстѣ есть черта свойственная не одной нашей народной поэзіи, черта весьма поэтическая и мно-

значительная: воинъ за родину и славу встрѣчаетъ смерть въ бою радостно, какъ брачное веселіе!

Посмотримъ еще на одно изображеніе смерти: „Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ червлеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи. Дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысть ту брата Брячислава, ни другого Всеволода; единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе. Унылы голоси, пониче веселіе; трубы трубятъ городеньскии". Здѣсь опять такія же все кровавыя краски: смертною постелью князю, подъ багровыми щитами, служитъ окровавленная трава; смертный покровъ дружинѣ составляютъ распростертыя надъ нею крылья хищныхъ птицъ, и кровь ея полизали звѣри.

Но обратите вниманіе на изображеніе кончины князя: онъ одинъ безъ братьевъ выронилъ свою жемчужную душу изъ храбраго тѣла чрезъ золотое ожерелье. Какое нарядное трогательное и совершенно народное изображеніе исхода души! Душа представлена какъ любимое сокровище, какъ перлъ многоцѣнное: ибо славяне весьма дорожили этимъ произведеніемъ природы, въ X вѣкѣ (по свидѣтельству Фоцлана) платили по драхмѣ золота за жемчужину для женскаго ожерелья; притомъ это сокровище печальное, ибо крупный жемчугъ по русскому повѣрью, составляетъ примѣту слезъ (такъ и въ самой пѣснѣ Игорю).

Золотымъ ожерельемъ иносказательно названа впадина, гдѣ отъ груди начинается шея; на это мѣсто и теперь укажетъ простолюдинъ, если спросить у него: гдѣ у тебя душа? И чрезъ это-то золотое ожерелье выронилъ свою жемчужную душу князь Изяславъ, и притомъ одинъ (какъ сказано) важно и въ этомъ одиночествѣ смерти еще болѣе печали, чѣмъ въ одиночествѣ жизни, особенно для воина южно-русскаго, какъ видно изъ народныхъ пѣсенъ. „Уныли голоса, поникло веселье, трубы трубятъ Городенскія" вотъ похоронные звуки въ вѣчную память князя, какими и поэзія украинская обыкновенно поминаетъ смерть казаковъ своихъ.

Такова красота здѣсь поэтическаго погребальнаго обряда, который вмѣстѣ съ предшествующими ему кровавыми изображеніями и послѣдующимъ поминовеніемъ составляетъ полную совершенно народную картину смерти.

г) Любовь къ пѣснопѣнію.

Естественно, что пѣвецъ Игоря исполненъ любви къ пѣснопѣнію, не только лично, какъ пѣвецъ столь талантливый, но и народно, какъ славянинъ вообще, какъ южный русинъ въ особенности. Потому прекрасное начало пѣсни своей онъ посвятилъ Бояну, котораго величаетъ именемъ вѣщаго, котораго называетъ соловьемъ стараго времени, къ которому неоднократно обращается, какъ своему вдохновителю, и приводитъ слова его, какъ изреченія вѣщей мудрости.

Но онъ такъ любитъ, такъ величаетъ Бояна, какъ пѣснотворца стараго времени, прежнихъ князей и прежней славы русской; ибо сія любовь къ пѣснопѣнію у нашего пѣвца слита съ любовью главною, родинною.

Поэтому у него и женская пѣсня служитъ орудіемъ для выраженія общественнаго чувства. Такъ, по плѣненіи Игоря: „Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю; звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю“. Но, когда Игорь возвратился на рускую землю, „Дѣвици поютъ на Дунаѣ; вьются голоси чрезъ море до Кыева... страны ради, гради весели, пѣвше пѣсень старымъ княземъ, а потомъ молодымъ“. Воспѣвая пѣснь Донцу, пѣвецъ обращается въ минувшее, вспоминаетъ о Ростиславѣ; — въ самой пѣснѣ Ярославны находитъ славословіе побѣдителю Кобяка.

д) Любовь женская.

Но женская пѣсня собственно есть выраженіе любви женской. Въ пѣснѣ Игорю ихъ двѣ: пѣсня русскихъ женъ и плачъ княгини Ярославны.

О погибели Игорева войска: „рускыя жены всплакашась, аркучи (говоря): уже намъ своихъ милыхъ ладъ (мужей) ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати; а злата и сребра ни мало того потрепати!“

Какъ это совершенно по-русски! И теперь еще услышите такія же жалобныя поминальныя рѣчи жены или матери, убивающейся надъ гробомъ родного покойника.

Но другая пѣснь, плачъ Ярославны объ Игорѣ, отличается народно-образцовою, высокою красотою и замѣчательна какъ сама по себѣ, такъ по мѣсту и назначенію своему въ составѣ

цѣлой пѣсни Игорю. Между тѣмъ какъ пѣвецъ напрасно взываетъ о помощи къ князьямъ.

„Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крильцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? чему, господине, мое веселіе по ковылию развѣя? Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на забороле, аркучи: о Днѣпре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до плъку Кобякова: възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче".

Б. Духъ вѣры.

Послѣ того какъ пѣвецъ съ напрасною надеждою взываетъ къ князьямъ и думою уносится въ минувшее, онъ обращается къ природѣ голосомъ женской любви: и природа услышала голосъ сей и отозвалась на него благотворно своими стихіями, дотолѣ враждовавшими съ Игоремъ: „Прысну море полунощи, идутъ сморци (смерчи) мьглами: Игореви князю Богъ путь кажетъ отъ земли половецкой на землю рускую къ отню злату столу... Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти: Князю Игорю не быть!" И кто же сей Овлуръ, избавитель Игоря изъ плѣна отъ поганыхъ половцевъ? Этотъ крещеный половецъ, у лѣтописцевъ называемый Лавромъ. Итакъ, посредствомъ половца же Богъ кажетъ путь Игорю на землю русскую; и не могъ ли пѣвецъ Игоря сказать вмѣстѣ съ другими нашими предками: великъ русскій Богъ! Но какая глубокая мысль пѣвца, сіе избавленіе Игоря представить отвѣтомъ на плачъ Ярославны, вымоливъ его силою любви и простосердечной вѣры въ природу.

а) Вѣрованіе въ чудесное.

Вѣра въ чудесное свойственна человѣку, такъ же какъ и самая природа не чужда оной. Сія вѣра перерождается въ многочисленныя, разнообразныя суевѣрія — неодолимое стремленіе разгадывать будущее, склонность къ ворожбѣ, колдовству, чародѣйству, вѣру въ сны, встрѣчи и вообще въ примѣты. Суевѣрію и страсти къ чудесному разнаго рода подвержены были почти всегда люди даже великіе и образованные, вопреки силѣ своей воли, голосу разума и религіи. Суевѣріе сильно было между русскими въ древности, хотя ихъ учители церковные называли оное наущеніемъ и наважденіемъ навольскимъ; сильно оно было и въ средніе вѣка наши, хотя и не въ такой степени, какъ было волшебство на Востокѣ, и даже на Западѣ; оно осталось и понынѣ, особенно вѣра въ сны и примѣты, которая встрѣчается даже въ высшемъ классѣ народа, преимущественно же между женщинами. Не много правды въ этихъ примѣтахъ, рѣдко сны бываютъ предвѣщательные; но эти всѣ виды суевѣрія, имѣя основаніемъ своимъ чудесное, мечтательное, тайное, заключаютъ въ себѣ много поэзіи.

Пѣвецъ Игоря воспользовался этимъ чудеснымъ для своей пѣсни, особенно въ снѣ Святослава, когда печаль овладѣла умомъ его, или какъ говорятъ бояре: „уже, княже, туга умъ полонила“.

Видѣлъ я, говоритъ имъ князь, въ Кіевѣ въ эту ночь одѣвали меня чернымъ покровомъ на кровати тесовой; черпали мнѣ синее вино, съ отравою (трудомъ) смѣшанное; на лоно мнѣ сыпали тощими тулами крупный жемчугъ, и нѣжатъ меня; а доски ужъ безъ князя (кнѣса) на моемъ златоверхомъ теремѣ, и всю ночь съ вечера каркали бѣсовы (босуви) вороны...

Въ этомъ снѣ примѣты все народныя; черный покровъ и нынѣ считается траурной примѣтой печали; карканье ворона всегда было дурнымъ предвѣстіемъ; доски безъ матицы или верхней перекладины (называемой также конемъ или княземъ) понынѣ означаютъ лишеніе членовъ семейства; крупный жемчугъ и теперь есть предзнаменованіе слезъ, какъ въ пѣснѣ Игоря, по словамъ коей (согласно съ лѣтописями). „Тогда великій Святославъ изрони злато слово слезами смѣшено“. У русскихъ встарину были цѣлыя волшебныя книги съ XVI вѣка по

лѣнныя отреченными, или еретическими), напр. Чаровникъ, Волховникъ, Коледникъ, Громникъ, Молніяникъ, Сносудецъ, въ нихъ излагались волхвованія, гаданія сновъ и судьбы по разнымъ примѣтамъ, особенно по звѣрямъ и птицамъ, было также астрологическое гаданіе судьбы по свѣтиламъ. Въ книгѣ Волховникѣ „вороногран, страшенъ сонъ“ означали недоброе щекотаніе сороки, волчій вой, появленіе дятла — считали также примѣтами, какъ и въ пѣснѣ Игоря.

б) Вѣра въ знаменія природы.

Но возвышеннѣе сихъ вѣрованій вѣра въ знаменія природы, которая была сильно распространена на Руси между самыми церковными людьми. Знаменія почитали чудесными предвѣщательными явленіями природы, посылаемыми отъ Бога и къ добру и къ худу. Къ числу ихъ принадлежитъ и полное затменіе солнца, бывшее на небѣ предъ неудачнымъ походомъ Игоря на половцевъ: Игорь воззрѣлъ на свѣтлое солнце, и видитъ, что отъ него покрылось тьмою все его воинство. Печальное знаменіе это было ему не къ добру; но ему было лучше быть изрублену, нежели полонену... Чудесное и столь рѣдкое явленіе природы, какъ полное затменіе солнца, было тогда въ самомъ дѣлѣ 1 мая, въ день пророка Іереміи: „На вечерни, говоритъ лѣтописецъ, бысть знаменье въ солнцѣ — и мрачно вельми, яко и звѣзды видѣте человѣкомъ, въ очью, яко зелено бяше, и въ солнцѣ учинися яко мѣсяць, изъ рогъ его яко угль жаромъ исхожаше: и страшно бѣ видѣте человѣкомъ знаменіе Божіе!“ И этою чудесною дѣйствительностію природы, лучшею всякаго чудеснаго вымысла, пѣвецъ воспользовался для своей исторической пѣсни; и не сама ли природа этимъ внезапнымъ затменіемъ утвердила пѣвца въ той вѣрѣ, что она принимаетъ участіе въ его героѣ и дѣлахъ земли русской.

в) Вѣра въ природу и сочувствіе съ нею.

И эта вѣра въ жизнь и сочувствіе природы съ человѣкомъ есть господствующая вѣра у пѣвца Игоря. Потому и цѣнишь сію его вѣру, и любуешься не какъ вымысломъ, когда онъ изображаетъ столь живое и, такъ сказать, личное участіе природы въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ его, когда, напр., сѣялась

смертельное уноение русскихъ на рѣкѣ Каялѣ, гдѣ пустыни силу прикрыли, онъ изображаетъ печаль прибрежной природы: „Ничить трава жалощами: а древо съ тугою къ земли приклонилось". Въ пѣснѣ Ярославны мы видѣли уже прекрасное выраженіе сей вѣры въ природу и бесѣду съ нею княгини за Игоря; теперь послушайте еще разговоръ Игоря съ рѣкою Донцомъ, привѣтствующимъ его освобожденіе, и полюбуйтесь заботливостью доброй рѣки о своемъ князѣ.

Донецъ говоритъ: княже Игорь! не мало тебѣ величія, а Кончаку досады, а русской землѣ веселья! Игорь говоритъ: о Донецъ! не мало величія и тебѣ: ты лелѣялъ князя на волнахъ своихъ, стлалъ ему зеленую траву на своихъ берегахъ серебряныхъ; одѣвалъ его теплыми туманами подъ сѣнію зеленаго древа; ты стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернетями на вѣтрахъ. Не такова ли рѣка Стугна? Недобрую струю имѣя, она поглотила чужие ручьи и разметала струги по кустамъ. Днѣпръ затворилъ свои темные берега юному князю Ростиславу; и плачется мать Ростиславова по юношѣ князѣ Ростиславѣ; уныли цвѣты отъ жалости, а древо съ печалью къ землѣ приклонилось.

Такая жизнь, такое одушевленіе природы является въ цѣлой пѣснѣ; пѣвецъ вѣрно изображаетъ природу, или, лучше сказать, ее живописуетъ,— и про него, какъ первенствующаго пѣвца южно-русскаго, можно сказать стихами Баратынскаго (къ Гёте):

С ъ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанья.

Впрочемъ, это послѣднее чувство къ природѣ растительной раскрылось собственно въ поэзіи украинской; пѣвцомъ же Игоря всего болѣе любимы высшіе классы природы, птицы, звѣри, въ коихъ жизнь природы развитѣе и одушевленнѣе,— особенно птицы, у коихъ и вѣщій смыслъ природы всего сильнѣе, и голосъ настроенъ такъ звонко для пѣсни, которыя самымъ полетомъ своимъ отъ земли въ вышину согласнѣе съ восторженіемъ души въ поэтическомъ ея вдохновеніи. Въ этомъ восторженномъ состояніи душа пѣвца, близкая къ природѣ, вступаетъ съ нею въ тѣснѣйшій союзъ; тогда пѣвецъ живѣе

чувствуетъ оя живые предметы, и въ нихъ видитъ явнѣе, находитъ вѣрнѣе подобіе съ поэтическими предметами души своей; тогда предметы природы становятся символами его собственныхъ думъ, приходятъ сами для выраженія оныхъ, и пѣвецъ выражаетъ себя живымъ, предметнымъ языкомъ природы. Откуда непрестанныя уподобленія и метафорическій способъ выраженія, не выисканный, не искусственный, но необходимый и естественный.

Максимовичъ.

Историческая сторона Слова.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ изображается походъ новгородъ-сѣверскаго князя Игоря Святославича противъ половцевъ въ 1185 г. До нашествія татаръ половцы были главными врагами Россіи, съ которыми она должна была вести постоянную борьбу. Предметъ Слова, взятый изъ исторіи этой борьбы, могъ быть интересенъ ужъ самъ по себѣ; но онъ получилъ еще особенное значеніе отъ того, что борьбу съ половцами авторъ связалъ въ немъ, какъ она и дѣйствительно была тѣсно связана, съ тогдашнимъ внутреннимъ строеніемъ Россіи, раздираемой княжескими междоусобіями. Пользуясь раздоромъ князей, половцы смѣло производили набѣги, жгли и разоряли города и села; да и сами князья, сражаясь другъ съ другомъ, часто призывали ихъ къ себѣ на помощь. Походъ Игоря противъ половцевъ былъ несчастный; онъ не только не заключалъ ничего славнаго для русскихъ, но даже окончился совершеннымъ ихъ пораженіемъ и продолжительнымъ плѣномъ того самаго князя, который его предпринималъ; но авторъ, можетъ быть, потому и сдѣлалъ его предметомъ своей пѣсни, что онъ представлялъ лучшій поводъ изобразить страданія Руси отъ половцевъ, вслѣдствіе постоянныхъ междоусобій русскихъ князей.

Въ походѣ участвовали: новгородъ-сѣверскій (Новгородъ-Сѣверскъ — въ Черниговской губерніи) князь Игорь Святославичъ, сынъ Святослава Ольговича, князя черниговскаго, братъ его Всеволодъ Святославичъ, князь курскій и трубчевскій (Трубчевскъ [illegible] нынѣ въ Орловской губ.); ихъ [illegible]

Святославъ Ольговичъ рыльскій (Рыльскъ — въ Курской губерніи) и сынъ Игоря, Владимиръ путивльскій (Путивль — также въ Курской губ.). Изображаемыя событія, подвиги и битвы князей, происходятъ на берегахъ Дона и близъ устья рѣки Каялы, впадающей въ Азовское море (нынѣ Кагальникъ въ землѣ войска донского). Весь походъ или всѣ событія, составляющія предметъ Слова, описаны въ ипатьевской лѣтописи подъ 1185 г. въ слѣдующихъ чертахъ. Князь Игорь, позвавъ съ собою брата своего Всеволода, племянника Святослава и сына Владимира, отправился воевать съ половцами. Пріѣхавъ къ Донцу, онъ увидѣлъ солнечное затменіе и принялъ его за печальное предзнаменованіе. Переѣхавъ Донецъ, онъ два дня ждалъ брата Всеволода изъ Курска. Въ пятницу они встрѣтили и побѣдили половцевъ, которые обратились въ бѣгство. Игорь, не довольствуясь побѣдой, погнался за половцами, которые между тѣмъ, получивъ подкрѣпленіе, возвратились назадъ и въ субботу сами напали на русскихъ. Произошла битва при рѣкѣ Каялѣ и продолжалась цѣлый день; русскіе потерпѣли совершенное пораженіе. Игорь, раненый въ лѣвую руку, и Всеволодъ были взяты въ плѣнъ. Между тѣмъ какъ другіе русскіе князья воевали съ половцами, Игорь оставался въ плѣну, пользуясь, впрочемъ, нѣкоторою свободою: ему позволено было ѣздить на охоту, имѣть при себѣ священника и слугъ. Одинъ половчинъ (Лаворъ) предлагалъ ему даже бѣгство; но, не желая оставить въ плѣну своихъ мужей, Игорь сначала отказался; но потомъ, убѣжденный нѣкоторыми изъ нихъ, рѣшился и убѣжалъ въ свою землю, воспользовавшись сномъ половцевъ, упившихся кумысомъ. Другая лѣтопись (лаврентьевская подъ 1186 г.) прибавляетъ, что князья и бояре, услышавъ о пораженіи русскихъ, восплакали. Кіевскій князь Святославъ, собравъ своихъ сыновей и другихъ князей, отправилъ ихъ на половцевъ, которые, услышавъ объ этомъ, бѣжали за Донъ. Князья возвратились и разошлись по своимъ городамъ. Половцы, узнавъ объ этомъ, напали на Ярославль и другіе города... Между тѣмъ Игорь убѣжалъ отъ половцевъ. Сравнивая Слово съ этими сказаніями лѣтописей, мы находимъ въ нихъ совершенное сходство не только въ цѣломъ разсказѣ, но и въ главныхъ его подробностяхъ; единственный вымыселъ въ Словѣ, о которомъ не упоминаютъ лѣтописи, есть плачъ Ярославны, подъ которой разумѣется

вторая супруга Игоря Евфросинія, дочь Ярослава Владимірковича галицкаго. Во время похода Игоря она находилась въ Путивлѣ, удѣльномъ городѣ сына Игоря, Владимира. Кромѣ того, въ Словѣ упоминается еще супруга Всеволода, Ольга Глѣбовна. Такимъ образомъ, предметъ Слова о полку Игоревѣ — историческій и изображается, въ главныхъ чертахъ, согласно съ лѣтописями. *Порфирьевъ.*

Поэтическая сторона Слова.

Разсмотрѣвъ историческую сторону Слова, взглянемъ теперь на поэтическую. Изъ собственнаго признанія автора намъ извѣстно, что онъ отказался отъ поэзіи вымысла въ пользу важныхъ событій времени; уступилъ право пѣсней прежнимъ поэтамъ, а себѣ предоставилъ повѣствованіе. Во всемъ характерѣ своемъ Слово обнаруживаетъ переходъ отъ поэзіи вымысла, которой представителемъ является Боянъ, къ поэзіи дѣйствительной жизни, которую изображаетъ самъ творецъ Слова: переходъ отъ пѣсни къ повѣсти, говоря его же выраженіемъ. Мы видѣли, какъ это оправдывается и внѣшнею формою Слова: отрывки пѣсенъ и ладъ созвучіи отзываются иногда въ его рѣчи; но главный ея характеръ — проза, форма той поэзіи, которая ближе къ вопросамъ жизни и тѣснѣе связана съ дѣйствительнымъ бытіемъ нашимъ.

Въ содержаніи Слова авторъ не допустилъ ни малѣйшаго произвола, не удалился ни на шагъ отъ современныхъ событій. Плачъ Ярославны данъ ему положеніемъ жены, разлученной съ плѣннымъ мужемъ. Главное чувство Слова, горе, есть плодъ той же современной жизни въ душѣ чистой и русской. Мысль о единствѣ земли вызывается ея же тяжкими бѣдами. Да, тутъ все дала жизнь: поэтъ благородно уступилъ ей свободу своего вымысла — и я не скажу, чтобы отъ того что-нибудь потеряло его Слово.

Поэтъ нашелъ поэзію въ красотахъ природы, никогда неизмѣнной въ мнимой своей измѣнчивости, равно отзывной и горю и веселью, равно прекрасной въ дни скорби и радости.

Разсмотримъ же красоты природы, составляющія главное поэтическое содержаніе Слова о полку Игоревѣ, сначала въ отношеніи къ мѣстности края, гдѣ произведеніе родилось, потомъ

въ отношеніи къ самой природѣ, какъ она предстаетъ созерцанію поэта.

За семь съ половиною вѣковъ прежде, чѣмъ Гоголь накинулъ намъ своею широкою кистью южно-русскія степи, творецъ Слова о полку Игоревѣ уже далъ намъ вкусить красоту ихъ природы въ своемъ произведеніи. Стада вороновъ, галокъ, лебедей, орлы и соколы, чайки и гоголи, дятлы и сороки, проносятся здѣсь, какъ по степямъ южнымъ. Трава зашумѣла, когда двинулись шатры половецкіе; не степная ли это трава? *Земля тутнетъ* — *кликну, стукну* земля — не созданы ли эти выраженія самимъ поэтомъ, который часто прислушивался къ гулу степи, къ ея чуткому отзыву на всякое движеніе? *Телѣги кричатъ съ полуночи, какъ лебеди распущенные* — эта краска не снята ли со степей малорусскихъ, гдѣ и теперь еще скрипятъ обозы чумаковъ, и этотъ скрипъ ярче отдается въ полуночной тишинѣ ровнаго поля? Всѣ отголоски ярки въ этомъ Словѣ, какъ въ степи: Овлуръ свистнулъ за рѣкою — и черезъ свистъ переговаривается съ княземъ; стяги говорятъ, когда идутъ половцы отъ Дона. Плакучія деревья, частыя на югѣ, и здѣсь нерѣдко изображаютъ скорбь. Слово также богато и растительностью, какъ южная природа. Рѣки стелютъ зеленую траву на серебряныхъ, т.-е. бѣлопесчаныхъ берегахъ, и теплые туманы подымаются отъ волнъ ихъ. Текутъ онѣ своенравно и быстрыми потоками заливаютъ кусты.

Но природа является у поэта не въ отрывочныхъ описаніяхъ, не въ отдѣльныхъ картинахъ, снятыхъ съ мѣстности и приложенныхъ къ событію. Нѣтъ, она является живымъ, одушевленнымъ лицомъ; она заодно съ поэтомъ; она полна сочувствія къ человѣку; она раздѣляетъ всѣ его волненія, и особенно горе; она угрожаетъ предвѣстіями, она откликается и на радость. Всѣ явленія природы — здѣсь разныя чувства одной и той же души, струны одного органа, члены одного тѣла. Только поэтъ истинный могъ такъ живо и цѣльно понимать природу.

Когда Игорь ѣдетъ въ походъ, солнце тьмою путь ему заступаетъ, ночь, стеная грозой, будитъ птицъ; звѣри ревутъ; дивъ кличетъ сверху дерева и велитъ слушать землѣ незнакомой, Волгѣ и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, тьмутараканскій болванъ! Кликъ этой зловѣщей птицы, при отъѣздѣ князя, простирается до крайнихъ предѣловъ русскаго юга. Когда половцы съ одной стороны

а Игорь съ дружиной подходитъ къ Дону, тогда волки воютъ по оврагамъ, орлы клектомъ на кости звѣрей зовутъ, лисицы брешутъ на червленые щиты.

Въ день пораженія, рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, черныя тучи идутъ съ моря, хотятъ прикрыть четыре солнца, а въ нихъ трепещутъ синія молніи: быть грому великому! Вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы!

Земля стучитъ, рѣки текутъ мутно, пыль поля покрываетъ.

Въ первые дни междоусобій часто врана каркали да галки рѣчь свою говорили... Всю ночь каркаютъ вороны близъ Кіева, предвѣщая несчастіе Игоря.

Когда кончилась битва и полегли воины за русскую землю, никнетъ трава отъ жалости и дерево съ печали къ землѣ преклонилось. Преклонилось оно также, когда мать Ростислава плакала по своемъ утонувшемъ сынѣ... Дивъ, предрекавшій несчастье въ началѣ похода, бросился на землю, когда оно сбылось.

Но нигдѣ такъ прекрасно не выражается это сочувствіе природы къ несчастію и къ человѣческой душѣ въ ея завѣтныхъ чувствахъ, какъ въ плачѣ Ярославны. Здѣсь, конечно, лучшая поэтически и прекрасная человѣчески мысль творца Слова. Плачъ жены по мужѣ, — погибшемъ, плѣненномъ или отъѣхавшемъ на войну, — въ нравахъ нашей древней поэзіи. Припомнимъ плачъ княгини Анны по убитомъ Михаилѣ Тверскомъ въ житіи сего послѣдняго, и плачъ Евдокіи по Димитріи Іоанновичѣ въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ. Первая мысль этихъ плачей, конечно, въ древнемъ обычаѣ русскихъ женъ — причитать на могилахъ мужей или во время разлуки съ ними. Причитанья, которыми кончается Плача, похожи на наши. Мысль, какъ и самый обычай, вытекла изъ нашего особенно крѣпкаго семейнаго начала. Такого мотива нельзя найти въ рыцарской поэзіи Запада: онъ наша особенность.

Но нигдѣ эта мысль не достигла такой красоты художественнаго исполненія, какъ въ нашемъ Словѣ: здѣсь она является вполнѣ оригинальнымъ созданіемъ. Прочтемъ самый плачъ, припомнивъ то мѣсто, гдѣ онъ поставленъ. Когда послѣ тщетнаго призыва къ князьямъ, поэтъ перешелъ къ грустнымъ воспоминаніямъ междоусобій и гибели князей, и вырвалось у него почти стономъ слово: „О! стонати русской землѣ, помянувше

первую годину и первыхъ князей!“ — тогда слышится голосъ Ярославны одинокой кукушкой...

Жалобный плачъ супруги Игоревой несется къ вѣтру, Днѣпру и солнцу. Лишь только раздался онъ, какъ начинается избавленіе Игоря. То, чего не сдѣлали железные полки совокупныхъ князей, совершается чудомъ любви супружеской. Горькому воплю сирой жены сочувствуетъ и бездушная природа и прикрываетъ побѣгъ ея мужа. Море прыснуло въ полночь, туманы пошли отъ него столбами. Богъ кажетъ путь князю Игорю изъ земли половецкой на землю русскую. Донецъ встрѣчаетъ его привѣтными словами, лелѣетъ его на волнахъ, стелетъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣваетъ его теплыми мглами подъ сѣнью зеленаго дерева, стережетъ его гоголями на водѣ, чайками на струяхъ. Когда Гзакъ и Кончакъ, два половецкихъ хана, гонятся за Игоремъ, бѣгущимъ въ родную землю, тогда зловѣщія птицы умолкаютъ: вороны не каркаютъ, галки притихли, сороки не стрекочутъ, только ползкомъ ползаютъ; дятлы же текотомъ путь къ рѣкѣ кажутъ, — а соловьи веселыми пѣснями зорю повѣдаютъ. Явился Игорь въ русской землѣ — и солнце свѣтится на небесахъ. И на Дунаѣ раздаются дѣвичьи пѣсни, и вьются голоса черезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ къ образу Божьей Матери...

Эта изящная мысль есть плодъ прекраснаго человѣческаго чувства и крѣпкаго семейнаго начала, присущаго нашему народу. Если прощаніе Гектора съ Андромахой принадлежитъ по чистотѣ мысли къ числу многихъ сокровищъ греческой поэзіи, то плачъ Ярославны есть одно изъ немногихъ сокровищъ нашей поэзіи, отъ котораго не отказалась бы и богатая Греція.

Шевыревъ.

Образъ выраженія слова.

О пособіяхъ.

Всего чаще у пѣвца предметъ природы служитъ одною изобразительною чертою какого-либо свойства или движенія: это подобіе называется простымъ. Сей родъ подобія принимаетъ разные обороты, кои можно привести къ тремъ видамъ: положительному, отрицательному и положительно-отрицательному.

I. Подобіе положительное или прямое. По обороту рѣчи, въ какомъ оно является, имѣетъ слѣдующія три разности:

а) При изображеніи какого-нибудь одного единичнаго предмета, подобіе обыкновенно у насъ выражается творит. падежомъ того предмета, съ котораго оно заимствуется. То же находимъ и въ народныхъ пѣсняхъ нашихъ и въ разговорной рѣчи: и это принадлежитъ къ свойствамъ языка русскаго.

Въ примѣръ можемъ привести бѣгство Игоря изъ плѣна: для каждаго его движенія пѣвецъ находитъ образъ въ предметахъ природы. „Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду. Въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него, и босымъ влъкомъ потече къ лугу Донця и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди...“ Такимъ же образомъ пѣвецъ Игоря рисуетъ иногда и движеніе мысли. „Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеся мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы“.

б) Другой оборотъ положительнаго подобія выражается простѣйшимъ, обыкновеннѣйшимъ образомъ, посредствомъ сравнительныхъ союзовъ: аки, яко, рци (словно). Замѣчу однакоже, что въ пѣснѣ Игоря сей оборотъ употребляется только тогда, когда употребляемый предметъ будетъ множественнаго числа или же имени собирательнаго. Это видно изъ слѣдующихъ пяти случаевъ сего оборота, находящихся въ пѣснѣ Игоря:

„По русской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо“. „Куряни — акы сѣрыи влъци“.

„Кричатъ телѣгы (половецкія) полунощи (т. е. о полуночи), рци лебеди роспущени“. Подобіе понятное для всякаго, кто слышалъ, какъ кричатъ и поютъ арбы татарскія.

„Ты буи Рюриче и Давыде!... Не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы тури, ранены саблями калеными“.

„А ты буи Романе и Мстиславе!... высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти“*).

в) Наконецъ, третій оборотъ положительнаго подобія состоитъ въ простомъ сопоставленіи или сближеніи подобныхъ

*) Въ двухъ послѣднихъ отрывкахъ та грамматическая особенность, что глаголы плаваеши и рыкають въ числѣ своемъ согласованы не съ употребленными предметами, къ коимъ относятся, но съ числомъ предметовъ, отъ коихъ взято подобіе.

предметовъ и есть простое соотвѣтствіе паралели. Напримѣръ, въ пѣснѣ Игоря: „Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь князь въ русской земли“.

II. Другой видъ подобія есть отрицательный, такъ называемый потому, что здѣсь подобіе принимаетъ образъ отрицанія. Пѣвецъ Игоря разговоръ Гзака и Кончака хочетъ уподобить стрекоту сорокъ, но выражается такимъ образомъ: „А не сорокы втроскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ“.

Отрицательныя подобія особенно любимы великорусскою народною поэзіею. Напримѣръ:

Не соколъ леталъ по поднебесью,
Что ходилъ-гулялъ добрый молодецъ.

III. Наконецъ, есть еще третій видъ подобія, изъ соединенія двухъ первыхъ происходящій, который потому и называю положительно-отрицательнымъ. Въ немъ сначала ставится подобіе положительное, потомъ оно повторяется въ образѣ отрицанія, наконецъ, слѣдуетъ самый уподобляемый предметъ (что въ двухъ прежнихъ видахъ составляетъ вторую часть подобія).

Такой трехчленный оборотъ пѣвецъ Игоря употребилъ, продолжая вышеприведенное изображеніе Бояна слѣдующимъ превосходнымъ представленіемъ его пѣснопѣнія:

„Тогда пущашеть (Боянъ) десять соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣснь пояше — старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожскими, красному Роману Святъславичу“.

„Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше“.

„Нъ свои вѣщія пръсты на живая струны въскладаше: они же сами княземъ славу рокотаху!“

Всѣхъ сихъ видовъ подобіе я назвалъ простымъ, желая черезъ то отличить другой родъ подобія, когда пѣвецъ цѣлою картиною природы хочетъ изобразить какое-либо сложное дѣйствіе. Это собственно то, что называется аллегоріей. Хотите ли видѣть русскій образецъ аллегоріи и вмѣстѣ прекраснѣйшій образецъ исторической живописи картиною природы надземной? Посмотрите, какъ пѣвецъ Игоря изображаетъ шествіе половцевъ на пораженіе четырехъ русскихъ князей при рѣкѣ Каялѣ.

„Другого дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Черныя тучи съ моря идуть, хотятъ прикрыти четыре солнца; а въ нихъ трепещутъ синіи млъніи."

„Быти грому великому! итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго!"

Не правда ли, что всякая подробность этой картины — красота: и эта кровавая предвѣстница грознаго дня, и вся гроза, готовая уже разразиться и грянуть дрожащими въ ней какъ бы отъ ярости, сильными молніями и губительнымъ дождемъ стрѣлъ своихъ! И какое прекрасное и сильное движеніе рѣчи и выраженіе образцово-русское!

Въ разсказѣ бояръ Святославу о пораженіи сѣверскихъ князей на третій день битвы продолжается эта картина.

„Темно бо бѣ въ третій день: два солнца померкоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Владиміръ и Святославъ — тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла!"

Замѣтить надобно, что уподобленіе князей и властителей свѣтиламъ весьма любимо въ народѣ русскомъ. Такъ въ старинныхъ пѣсняхъ Владиміръ Великій называется солнцемъ.

Въ славномъ городѣ Кіевѣ
У князя Владиміра,
У солнышка у краснова.

Такъ и Несторъ изображаетъ предтечу христіанства русскаго, блаженную Ольгу: „Аки денница предъ солнцемъ и аки заря предъ свѣтомъ; си бо сіяше, аки луна въ нощи."

Потому въ описаніи возвращенія Игорева начальныя слова „Солнце свѣтится на небесѣ. Игорь князь въ Руской земли" имѣютъ красоту народно-поэтическую, особенно послѣ того какъ передъ походомъ князя солнце закрылось полнымъ затменіемъ и покрыло тьмою воинство его.

Изъ слѣдующаго отрывка можно видѣть, что у пѣвца и аллегорія принимаетъ иногда образъ отрицанія. „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая: галицы стады бѣжатъ къ Дону великому". Пѣвецъ хочетъ сказать, что къ Дону бѣгутъ не русины, но [illegible] половецкіе. Впрочемъ такое отрицаніе не въ оборотѣ только рѣчи, не [illegible], но [illegible] сходнѣе [illegible], прямѣе, [illegible] аллегорическое

въ другихъ мѣстахъ пѣсни прямое, которое пѣвецъ любитъ употреблять для сильнѣйшаго выраженія себя.

Разсмотрѣвъ сіи опредѣленные виды подобія у пѣвца Игоря, мы можемъ изъяснить себѣ, отчего пѣснь его отличается вообще чрезвычайною изобразительностію выраженія.

О повтореніяхъ.

Встрѣчая частое повтореніе нѣкоторыхъ подобій, приписывайте оное не бѣдности, но вѣрности его воображенія. Изъ небогатой природы своей онъ избралъ не многія, но прочныя краски для картинъ своихъ, и онѣ у него любимыя, привычныя, составляютъ отличіе и характеристику его живописи. Такое однообразіе красокъ свойственно особенно народной поэзіи и составляетъ въ ней красоту, хотя и въ искусственной поэзіи есть свои привычныя краски, имѣющія повсюдное и всегдашнее употребленіе, но оттого не теряющія своего достоинства, ибо оно истинное, напр. роза, лилія.

Повтореніе извѣстныхъ словъ и цѣлыхъ реченій въ народной поэзіи имѣетъ особенную значительность, есть постоянная, отличительная ея принадлежность, составляетъ иногда особенный образъ въ пѣснопѣніи. Потому слѣдуетъ обратить на него особенное вниманіе и въ пѣсни Игоря.

1) Сюда, во-первыхъ, принадлежитъ постоянное повтореніе нѣкоторыхъ словъ. Я разумѣю постоянные эпитеты, усвоенные разнымъ вещамъ и лицамъ и всегда къ нимъ прилагаемые. Сей гомерическій обычай усвоенія постоянныхъ эпитетовъ есть общая принадлежность поэзіи народной. Такъ въ пѣсни Игорю встрѣчаются многіе эпитеты, совершенно народные, сохранившіеся и любимые донынѣ преимущественно въ великорусской народной поэзіи; нѣкоторые же изъ нихъ встрѣчаются у другихъ славянъ, и потому должны быть весьма древніе. Таковъ, напр., эпитетъ „красная“; въ пѣсни Игорю красная дѣвица, красныя дѣвы готскія, красныя дѣвки половецкія, красная Глѣбовна; у Нестора красныя жены. Эпитетъ сей употребителенъ въ великорусскихъ пѣсняхъ и поговоркахъ. Слѣдующіе эпитеты изъ пѣсни Игорю донынѣ остаются любимыми эпитетами великорусскими: звѣрь *лютый* (тожъ въ Поуч. Мономах.), конь *борзый*, море *синее*, поле *чистое*, стрѣла *каленая*, воронъ *черный*, орелъ названъ *сизымъ*, волкъ *сѣрый* (однажды босымъ), мечи и копья *харалужныя*; въ великорус-

[illegible] употребительныя *[illegible]* мечь, ножъ. Донъ у нѣмъ именуется иногда *[illegible]*, но чаще и собственнѣе *[illegible]*, а въ великорус. пѣсняхъ *[illegible]*, иногда же *Донъ* [illegible] или (ужасомъ) Ивановичемъ, подобно чему Днѣпръ названъ *Словутичемъ* (т. е. сынъ славы, славичъ). Половцы постоянно называются погаными, какъ послѣ называли татаръ. Къ симъ эпитетамъ принадлежатъ и прозванія разнымъ лицамъ. Боянъ названъ *[illegible]*, Всеволодъ *буй-туромъ* (яръ-туромъ и просто туромъ, по разу); Ярославъ галицкій *Осмомысломъ*, три Мстиславича — *шестокрыльцами*.

Всѣ эти эпитеты происходятъ и существуютъ отъ желанія означить предметъ наименованіемъ существеннаго, главнаго его свойства, и отъ народнаго понятія и вкуса. При томъ они, особенно у русскихъ, заимствуются иногда отъ самаго имени предмета, въ коемъ заключается уже его опредѣленіе, напр., чудо чудное, диво дивное, воля вольная; либо же составляются повтореніемъ того самаго или близкаго слова иногда только въ другомъ видѣ, напр. горе-гореванье, пированье-почетныя пиры, родъ-племя, молодо-зелено, кричмя кричитъ. Къ такимъ выраженіямъ въ Словѣ о полку Игоревѣ принадлежатъ слова: „заря-свѣтъ, свѣтъ-свѣтлый“.

2) Что касается до повторенія рѣчей, то оно также и естественно и часто составляетъ красоту. Удачно сказанное изреченіе врѣзывается въ память, становится любимымъ и привычнымъ, обращается въ поговорку. Такихъ повтореній въ Словѣ весьма много. При подобномъ случаѣ оно [illegible] уже повторяется, какъ бы само собою, и этимъ пріемомъ [illegible] производитъ [illegible] впечатлѣніе. До какой степени повтореніе себѣ любимо нашею народною поэзіей, это увидимъ еще въ свое время; теперь же приведу реченія, повторяющіяся въ пѣсни Игорю.

У пѣвца однажды повторилось изреченіе: „Ищучи себѣ чти, а князю славы“ о русскихъ воинахъ, готовящихся на битву съ половцами.

„О русская земле! уже за шеломянемъ еси!“ [illegible] [illegible] пѣвецъ [illegible] русичей [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]; и [illegible] [illegible] русской земли, на которую уже не [illegible] воины Игоревы!

„А Игорева храбраго полку не кресити!“ [illegible]

также пѣвцомъ, при воспоминаніи о плѣнѣ Игоря и о новыхъ бѣдствіяхъ отъ половцевъ (эти же слова у Нестора говоритъ древлянамъ Ольга про своего Игоря: „уже мнѣ мужа своего не креситя!“

Три воззванія пѣвца къ князьямъ о помощи оканчиваются одинаково: „За землю русскую, за раны Игоревы, буего Святъславича!“.

Наконецъ, печаль прибережной природы о погибели Игорева полку на Каялѣ и о смерти Ростислава въ р. Стугнѣ изображается одинаково: „и древо съ тугою къ земли преклонилось“.

Не правда ли, что все это выраженія такія, кои стоили повторенія, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ могли повториться сами собою?

Не менѣе прекрасно и повтореніе словъ: „Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на забралѣ аркучи“, въ началѣ каждой строфы ея пѣсни, хотя такое повтореніе относится къ наружному виду пѣсни.

Народно-поэтическая символика птицъ и звѣрей.

1) Изъ всѣхъ птицъ чаще встрѣчается въ пѣснѣ соколъ, почти всегда избивающимъ птицъ (особенно гусей и лебедей).

Игорь нѣсколько разъ представленъ соколомъ, а вмѣстѣ съ нимъ уже и братъ Всеволодъ. „О, далече заиде соколъ, птиць бья къ морю, а Игорева храбраго пълку не кресити“. „Се бо два сокола слетѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крыльца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опуташа во путины желѣзны“.

Въ погонѣ за Игоремъ Гзакъ говоритъ Кончаку о соколичѣ, плѣнномъ сынѣ Игоря: „Ажъ соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича растрѣляевѣ своими злачеными стрѣлами“.

Святославъ, говоря о воинской храбрости, восклицаетъ: „А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду!“

Наконецъ и 10 вѣщихъ перстовъ Бояна у пѣвца падаютъ на живыя струны, какъ 10 соколовъ на стадо лебедей.

2) Живая струна Бояна, которая сама рокочетъ пѣснь славы князьямъ, уподобленная лебедю, напоминаетъ намъ лебединое

пѣніе классической миѳологіи, показываетъ, что лебедь и у пѣвца нашего былъ символомъ пѣнія и звука вообще.

3) По эмблемою пѣвца, по всемірному употребленію, служитъ лучшій изъ пернатыхъ пѣвцовъ — соловей, который своимъ „щекотомъ“ воспѣваетъ и славу полковъ и приближеніе свѣта солнечнаго.

4) Пареніемъ сизаго орла выражается полетъ поэтическаго „ума“ или „замышленія“ Боянова.

5) Зегзицѣ, т.-е. кукушкѣ (по-украински зозуля), уподоблена Ярославна, тоскующая одиноко по своемъ Игорѣ. Птица сія, по природѣ своей сиротствующая, лишенная радости — насиживать гнѣздо и заботиться о семьѣ своей, есть вѣрный символъ сиротства и родственной печали.

6) Противоположное значеніе симъ птицамъ имѣетъ воронъ и однородники его — галка и сорока.

Воронъ въ нашей поэзіи всегда недобрая примѣта, всегда является на горе; его карканье („вороно-грай“) всегда зловѣщій голосъ, какъ во снѣ Святославовомъ.

7 и 8) Подобное значеніе въ пѣснѣ Игорю имѣютъ галка и сорока. Вспомните, какую „свою рѣчь говоряхуть галицы“, когда собратья ихъ, вороны, дѣлили между собою трупы. Полки половецкіе также названы у пѣвца галичьими стадами въ противоположность соколамъ-руссинамъ; а разговоръ половецкихъ хановъ уподобленъ стрекоту сорокъ.

Вотъ еще картина ночи предъ битвою съ половцами: „Длъго ночь мркнетъ, заря-свѣтъ запала; щекотъ соловій успе, говоръ галичъ убуди“. Вотъ противоположная картина разсвѣта, предъ возвратомъ Игоря на русскую землю: „Тогда врани не граяхуть, галицы помолъкоша, сороки не троскоташа; полозію ползоша только; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ (т.-е. Донцу) кажуть; соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають.“

Здѣсь весь родъ вороніи представленъ въ противоположности съ соловьемъ — вѣстникомъ свѣта и дятломъ — показателемъ пути въ родную землю.

Что касается до звѣрей, то всего чаще въ пѣсни Игорю встрѣчается волкъ, служащій для выраженія быстроты бѣга по землѣ. Это видѣли мы уже въ изображеніи бѣгущаго Игоря, курской дружины и замышленія Бояна (какъ пѣвца историческихъ событій на землѣ русской, который, по словамъ пѣвца Игоря, „рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы“

Кромѣ того, по словамъ пѣвца Игоря, волкомъ скакалъ и рыскалъ Всеславъ полоцкій, бѣжалъ къ Дону Гзакъ и Влуръ слѣдомъ за Игоремъ изъ плѣна.

Несторъ въ описаніи Святослава быстроту его сравниваетъ съ пардусомъ. „Легко ходя, акы пардусъ, войны многы творяше". — И пѣвецъ Игоря упоминаетъ одинъ разъ о семъ звѣрѣ, говоря, что „по русской земли простропіася половци, акы пардуже гнѣздо".

Но важнѣйшій изъ звѣрей — символъ храбрости и силы есть туръ — красивый, дикій, нынѣ весьма уже рѣдкій быкъ (urus); онъ назывался прежде у насъ, у чеховъ, у литовцевъ туромъ (отъ лат. taurus); но также и польскимъ именемъ — зубромъ. За нимъ любили охотиться встарину, какъ видно изъ Поученія Владимира Мономаха, который, разсказывая о своихъ ловахъ звѣриныхъ въ Черниговѣ, говоритъ: „Тура мя два метала на розѣхъ". Въ пѣсни Игорю буй-туромъ (и яръ-туромъ) называется удалый Всеволодъ; дружина Рюрикова также уподоблена турамъ. И волынская лѣтопись, описывая „великаго и памятнаго" Романа галицкаго, говоритъ: „Храбръ же бѣ, яко и туръ; ревнова же дѣду своему Мономаху".

Максимовичъ.

Личность и міросозерцаніе пѣвца Слова о полку Игоревѣ.

За авторомъ Слова всѣ единогласно признаютъ званіе лица свѣтскаго, но намъ кажется, что можно еще ближе опредѣлить его званіе, если вглядѣться въ его отношеніе къ князьямъ, дружинѣ и народу. Онъ ставитъ себя въ одинаковое положеніе съ поэтомъ Бояномъ, который, по его же описанію, видимо, былъ поэтомъ или пѣвцомъ дружины: воинственные подвиги князя и его дружины — вотъ предметъ его пѣсенъ. Тотъ дружинный эпосъ, отрывки котораго вошли въ лѣтопись Нестора, развивался дружинными поэтами въ родѣ Бояна. Русскіе бояны — это барды, скальды, миннезингеры другихъ народовъ, пѣснотворцы воинственныхъ вѣковъ, выразители дружинной жизни. Понятно, что они должны были воспитаться дружиною, ея духомъ, проникнуться ея идеалами, участвовать въ ея полити-

тахъ и пирахъ. Ихъ пѣсни и могли сохраниться только въ дружинѣ и могли переходить, какъ бы по наслѣдству, отъ одного пѣвца къ другому. Лучшіе изъ нихъ были образцами другимъ, которые ими развивали свои поэтическіе дары. Такъ Боянъ служилъ образцомъ пѣвцу Слова о полку Игоря, котораго мы также должны назвать дружиннымъ пѣвцомъ. Онъ воспѣваетъ Игоря и буй-тура Всеволода за ихъ отвагу, мужество, за добываніе взаимной славы и чести, за все то, за что пѣснотворцы стараго времени восхваляютъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава и другихъ русскихъ князей. Эти свойства эпическаго Святослава Несторовой лѣтописи являются и здѣсь, какъ лучшія и блестящія качества князя, которыя служатъ предметомъ поэтическаго одушевленія. Поэтъ знаетъ не только „былины своего времени“, т.-е. всѣхъ современныхъ ему князей, какъ пѣвецъ дружины, близкій къ князю, который считалъ себя членомъ общей княжеской семьи, родовичемъ; но онъ знаетъ и „былины стараго времени“, знаетъ не по отрывочнымъ лѣтописнымъ сказаніямъ, а по живымъ преданіямъ, по пѣснямъ Бояна и, можетъ-быть, другихъ пѣснотворцевъ стараго времени. Сочувствіе его ко всѣмъ имъ опредѣляется тѣми же самыми чертами удали, которыя дѣлали князя идоломъ дружины. Онъ описываетъ ихъ личности по удалымъ ихъ подвигамъ, по такимъ, которые доставляли князю славу, а дружинѣ честь. А эти подвиги могли совершаться только на полѣ битвы съ врагами для охраны родины. Наконецъ, близкое, какъ бы родственное отношеніе пѣвца къ дружинѣ ясно говоритъ намъ, въ какой средѣ могли развиваться его идеалы. Онъ самъ одушевленъ тѣмъ ратнымъ духомъ, какимъ живетъ дружина, ищущая себѣ чести, а князю славы. „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ“, говорила дружина Святославу, и въ этомъ заключалась воинская честь ея. Та же самая тѣсная связь на полѣ брани между княземъ и дружиною является и у пѣвца Слова, отношенія не измѣнились. Князь говоритъ дружинѣ: „Лучше быть побиту, чѣмъ полонену“, и дружина идетъ храбро за княземъ, и пѣвецъ съ сочувствіемъ слѣдитъ за дружиною, такъ какъ всѣ ея интересы близки ему самому. Зато въ каждомъ пѣсенномъ изображеніи онъ представляетъ ее, это вѣрные сыны, подъ трубами повиты, подъ шеломами взлелѣяны, концомъ копья вскормлены, пути имъ и овраги знакомы имъ, [illegible]

оперены, сабли наточены, и цѣль всего этого добыть себѣ чести, а князю славы. Все это заставляетъ насъ предполагать, что дружинная жизнь близко знакома пѣвцу Слова. Но наше вниманіе не можетъ остановиться только на этой сторонѣ личности поэта; въ ней ярко выступаетъ еще и другая, на которой нельзя не остановиться. Поэтъ вездѣ высказываетъ самое искреннее сочувствіе народному бѣдствію и страданіямъ отъ княжескихъ крамолъ и усобицъ, отъ дикихъ набѣговъ и разореній половецкихъ. Онъ глубоко скорбитъ и плачетъ о родной землѣ. Ее, раздѣленную на удѣлы, онъ признаетъ за страну единую, и негодуетъ на тѣхъ князей, которые говорили: „и то мое и это мое", за малое спорили, какъ за великое, и изъ личныхъ интересовъ проливали русскую кровь. Подвиги ихъ на этомъ поприщѣ онъ не признаетъ за доблесть, называетъ ихъ крамолами и этимъ взглядомъ руководствуется также при оцѣнкѣ княжеской дѣятельности. Тутъ онъ является строгимъ судьею и не стѣсняется въ приговорахъ. Олегъ Святославичъ превращается у него въ Олега Гореславича; потому что, по его взгляду, много горя посѣялъ онъ на русской землѣ, указывая къ ней дорогу половцамъ. Здѣсь мы видимъ не только дружинника, занятаго одними дружинными интересами, но и русскаго человѣка, сознающаго тѣсную связь со всею землею, съ народомъ; сознаніе единства русской земли, несмотря на ея раздробленность, ясно высказывается поэтомъ, онъ чуждъ всякаго мѣстнаго, удѣльнаго патріотизма, онъ страдаетъ равно за всѣхъ русскихъ, терпящихъ бѣды, за княжескія крамолы. Самыя вѣрованія его мы должны назвать народными. Въ его время они были еще въ полной силѣ въ народѣ, вдали отъ русско-христіанскаго центра, Кіева, хотя уже не могли быть господствующими въ дружинѣ. Эти вѣрованія еще миѳическія и являются не какъ поэтическія украшенія, а какъ вѣрованія искреннія, отчего они сохраняютъ всю свѣжесть живыхъ образовъ. Пѣвецъ самъ вѣритъ и въ Стрибога, и въ Дажьбога, и въ Хорса, и въ Велеса, котораго въ Кіевѣ уже во времена Нестора стали забывать, почему лѣтописецъ считаетъ нужнымъ опредѣлить его эпитетомъ „скотiи богъ", тогда какъ тутъ же рядомъ Перуна оставляетъ безъ всякаго опредѣленія, какъ бога, еще всѣмъ хорошо знакомаго. Поэтъ вѣритъ и въ миѳическую силу стихій, къ которымъ заставляетъ обращаться плачущую Ярославну, какъ къ дѣйствительно къ живымъ.

божествамъ, на что, между прочимъ, указываетъ и эпитетъ „господине", относимый къ каждой стихіи порознь, эпитетъ, который выражаетъ живую, одушевленную силу. Наконецъ, хорошее слѣдствіе этой миѳической молитвы выказывается тотчасъ же въ спасеніи князя Игоря: стихійныя божества какъ будто услышали скорбное моленіе тоскующей жены и помогли ея мужу воротиться на родину. Все это миѳическое міросозерцаніе сообщаетъ поэту множество живыхъ поэтическихъ образовъ, не выходящихъ изъ круга родныхъ вѣрованій. У него сохраняется то же миѳическое отношеніе къ природѣ, та же вѣра въ оборотней, волкодлаковъ, въ добрыя и злыя предвѣщанія, какія еще живо сохранялъ русскій народъ.

Во всемъ этомъ мы еще не видимъ вліянія христіанства. Только въ концѣ поэмы одинъ маленькій эпизодъ говоритъ, что идетъ рѣчь о князѣ-христіанинѣ, но особенно для характеристики самыхъ идеаловъ поэта онъ не имѣетъ никакого значенія.

Трудно сказать, въ такомъ ли видѣ вышло Слово изъ устъ поэта, и самъ ли онъ его записалъ, или оно записано кѣмъ другимъ, неумѣвшимъ сохранить пѣсеннаго размѣра. Но, соображая обстоятельства, мы склонны предполагать это послѣднее. Грамотность была потребностью только людей религіозныхъ, слѣдственно, только они преодолѣвали трудъ ученія. Всѣмъ же другимъ умѣнье читать и писать не представляло никакого интереса. Пѣвецъ Слова, если и считался христіаниномъ, то ужъ никакъ не былъ религіознымъ человѣкомъ, проникнутымъ христіанскими идеями и стремленіями, которыя внутренно даже и не коснулись его. Итакъ, если онъ могъ быть грамотнымъ, то вслѣдствіе какой-нибудь особенной случайности; но вѣрнѣе, что онъ и не принимался за эту науку. Обыкновенно учились читать по часослову, по псалтырю или по другимъ священнымъ книгамъ, потому что иныхъ не было. Странно было бы предположить, что нашъ поэтъ, учась, конечно, по этимъ книгамъ, не принималъ оттуда никакихъ идей, а, принявъ хоть нѣсколько, онъ невольно бы разрушилъ ту цѣлость миѳическаго міросозерцанія, которую мы замѣтили въ его поэмѣ. Онъ не могъ бы быть такимъ наивно-искреннимъ, касаясь того, другого или третьяго миѳическаго образа. Съ другой стороны, поэты въ то время не были писателями и слѣдовательно, поэтическія стремленія не имѣли

ничего общаго съ умѣньемъ читать и писать. Боянъ, кого хотѣлъ воспѣть, брался за гусли, а не за перо и былъ, по всей вѣроятности, безграмотный. То же мы думаемъ и о пѣвцѣ Слова. Значитъ, остается на предположеніи, что поэма прошла черезъ чужое перо, слѣдственно могла нѣсколько измѣниться въ формѣ изложенія.

Стоюнинъ.

Путешествіе игумена Даніила.

Біографическихъ свѣдѣній объ игуменѣ Даніилѣ пока мы не имѣемъ никакихъ. Въ своемъ Паломникѣ онъ дѣлаетъ два указанія на мѣстность, гдѣ должно полагать его родину. Во-первыхъ, описывая Іорданъ (гл. VI), онъ говоритъ, что святая рѣка всѣмъ похожа на рѣку русскую Сновъ — и шириной, и глубиной, и излучистостью теченія, и берегами. А рѣка Сновь течетъ съ сѣверо-западной части Черниговской губерніи, выходя изъ-подъ Стародуба и впадая въ Десну немного выше Чернигова. Во-вторыхъ, сообщая о князьяхъ русскихъ, которыхъ имена для поминовенія о здравіи онъ записалъ въ монастырѣ святого Саввы (гл. XXII, ѳп.), онъ называетъ вмѣстѣ съ бывшими въ его время главными князьями еще побочныхъ князей полоцко-минскихъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что онъ находился къ этимъ князьямъ въ какомъ-то особомъ отношеніи. Такъ какъ сѣверо-западная часть нынѣшней губерніи Черниговской смежна съ древнимъ княжествомъ полоцко-минскимъ, то по сейчасъ приведеннымъ указаніямъ Даніила о мѣстѣ его родины нужно думать одно изъ двухъ или что онъ былъ полочаниномъ изъ юго-восточной части княжества и зналъ черниговскую рѣку Сновъ по сосѣдству, или что онъ былъ сѣверо-западный черниговецъ и записалъ имена полоцко-минскихъ князей по той же самой причинѣ. Болѣе вѣроятно послѣднее, чѣмъ первое. Относительно времени путешествія Даніила въ Іерусалимъ мы находимъ у него возможно точныя указанія. Онъ говоритъ, что отправился въ путь въ княженіе великаго князя Святополка Изяславича (гл. XXII, ѳп.), который умеръ 16 апрѣля 1113 года; затѣмъ онъ говоритъ, что путешествіе изъ Іерусалима къ Тиверіадскому озеру онъ совершилъ подъ прикрытіемъ войска тогдашняго христіан-

скаго государя Іерусалима — Балдуина, который шелъ въ походъ на Дамаскъ (гл. XIV), а этотъ походъ имѣлъ мѣсто въ 1115 году въ первой его половинѣ. Слѣдовательно, Даніилъ отправился изъ Россіи до апрѣля 1113 года, а предпринялъ обратный путь послѣ первой половины 1115 года.

Цѣль, съ которою Даніилъ рѣшился написать свой Паломникъ, совершенно понятна сама собою. Для благочестивыхъ русскихъ людей святой градъ Іерусалимъ и святыя палестинскія мѣста были такими же дорогими и высоко-интересными предметами, какъ и для всѣхъ вообще благочестивыхъ людей, а между тѣмъ они не имѣли книги, въ которой могли бы читать ихъ описаніе и по которой могли бы составлять себѣ о нихъ нѣкоторое понятіе. Такимъ образомъ Даніилъ, рѣшившись написать свой Паломникъ, хотѣлъ удовлетворить ихъ насущной нуждѣ въ подобной книгѣ.

Многочисленные богомольцы, ходившіе въ Іерусалимъ прежде Даніила, возвращались изъ него съ разсказами о видѣнномъ. Но съ этими разсказами было то же, что въ настоящее время съ разсказами богомольцевъ-простолюдиновъ — одни повѣствовали одно, другіе — другое, третьи — Богъ знаетъ что. Въ виду этихъ повѣствователей-сочинителей Даніилъ задался мыслію составить описаніе, по-возможности, вѣрное и точное, на что онъ, желая внушить вѣру къ себѣ, неоднократно нарочитымъ образомъ и указываетъ въ своемъ Паломникѣ (введеніе, гл. XVI, XVII, fin. и XX, fin.). Чтобы не только самому видѣть все собственными глазами, но и видѣть, по-возможности, обстоятельно, Даніилъ не ограничился недѣльнымъ посѣщеніемъ Іерусалима, какъ это дѣлаютъ обыкновенные богомольцы, осматривающіе его святыни, такъ сказать, впопыхахъ и на бѣгу, но прожилъ въ немъ цѣлые 16 мѣсяцевъ (введеніе). Чтобы объ осматриваемыхъ святыняхъ пріобрѣтать свѣдѣнія, по-возможности, вѣрныя, чтобы видѣть именно то, что и надлежало видѣть, необходимымъ условіемъ было пріобрѣтеніе возможно надежныхъ и знающихъ путеводителей и руководителей. И Даніилъ употребилъ объ этомъ, какъ онъ самъ говоритъ, все свое стараніе, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ со средствами, то вполнѣ въ этомъ и успѣлъ (ibid).

Не ограничиваясь Іерусалимомъ и его ближайшими окрестностями, Даніилъ хотѣлъ оставить возможно полное описаніе всѣхъ святыхъ палестинскихъ мѣстъ. Но въ тѣ времена

по причинѣ разбойниковъ было крайне опасно путешествие изъ Іерусалима въ древнюю Галилею, къ Тиверіадскому озеру. Энергія и счастие помогли въ этомъ случаѣ нашему путешественнику. Въ бытность его въ Іерусалимѣ святой городъ находился въ обладании крестоносцевъ, у которыхъ тогда іерусалимскимъ королемъ былъ Балдуинъ I, или, какъ называетъ его нашъ паломникъ, князь Балдвинъ. Даніилъ представлялся Балдуину, успѣлъ пріобрѣсти его полное расположение и прошелъ путемъ отъ Іерусалима до Тиверіады вмѣстѣ съ нимъ самимъ, когда онъ предпринялъ военный походъ въ Дамаскъ.

Послѣ желанія составить описаніе возможно вѣрное и обстоятельное, вообще возможно удовлетворительное, оставалось имѣть способность и талантъ на то, чтобы написать его какъ слѣдуетъ, чтобы дать ему литературное изложеніе, по возможности соотвѣтствующее и подходящее. „Азъ написахъ не хитро но просто написахъ“, говоритъ Даніилъ о своемъ Паломникѣ (во гл. XX, fin), и этими словами опредѣляетъ какъ характеръ, такъ и достоинство своего труда. Онъ несомнѣнно былъ человѣкъ настолько въ тогдашнемъ смыслѣ образованный, чтобы имѣть способность писать витиевато и хитрословесно; но природный тактъ подсказалъ ему, что сочиненіе, подобное его Паломнику, должно отличаться совершенной, нисколько не хитрословесной, простотой, и онъ дѣйствительно написалъ его съ этою, составляющею величайшее достоинство его труда, простотой. Не украшая рѣчь свою цвѣтами ораторства, онъ описываетъ предметъ за предметомъ — то, что видѣлъ, и болѣе ничего. Отъ этого Паломникъ Даніила выходитъ нѣсколько сухъ, но зато онъ имѣетъ величайшее достоинство описанія, ничѣмъ лишнимъ не загроможденнаго и не запутаннаго, величайшее достоинство описанія, котораго его малограмотные читатели не имѣли нужды вкривь и вкось комментировать и толковать, а должны были только читать, совершенно уразумѣвая то, что описывается.

Паломникъ Даніила, какъ мы сказали, представляетъ собою не частное описаніе только нѣсколькихъ святыхъ мѣстъ Палестины, но Паломникъ палестинскій или іерусалимскій совершенно полный, съ описаніемъ всей Святой земли, насколько она достопримѣчательна для христіанъ. Слѣдуя порядку, въ которомъ обозрѣвалъ святыни, и который есть естественный топо-

графически порядокъ и самъ по себѣ. Даніилъ описываетъ: 1) Іерусалимъ со всею его святынею и всѣ ближайшія къ нему святыя мѣста въ собственной Палестинѣ, или древней Іудеи (послѣ святыни самого Іерусалима здѣсь читается: о Виѳаніи, Геѳсиманіи, Виѳлеемѣ, Іорданѣ, Іерихонѣ, о монастыряхъ Ѳеодосія, Саввы и Харитона, о Хевронѣ и дубѣ мамврійскомъ), 2) святыя мѣста древней Галилеи съ включеніемъ немногихъ мѣстъ Самаріи (здѣсь — о Самаріи-градѣ, о верховьяхъ Іордана, о градѣ Тиверіадѣ и о морѣ, о горѣ Ѳаворской, о Назаретѣ и Канѣ галилейской). Въ началѣ и въ концѣ Паломника Даніилъ прилагаетъ краткое расписаніе путей, которыми ѣхалъ отъ Константинополя до Іерусалима и обратно. Въ видѣ приложенія онъ помѣщаетъ разсказъ „о свѣтѣ святѣмъ, како сходитъ съ небесе ко гробу Господню“, въ которомъ весьма обстоятельно и интересно повѣствуетъ, какъ совершилось это схожденіе при немъ самомъ.

Паломникъ Даніила несомнѣнно долженъ быть признанъ не только книгою совершенно удовлетворительною для своего времени, но и замѣчательно хорошею. Достоинство Паломника въ состояніи были оцѣнить и наши предки, у которыхъ онъ пользовался весьма большою популярностію, какъ о томъ ясно свидѣтельствуетъ множество дошедшихъ до насъ его списковъ.

Игуменъ Даніилъ, человѣкъ довольно чиновный, бывъ въ Іерусалимѣ, сознавалъ себя какъ бы представителемъ русской земли; поэтому онъ хотѣлъ ознаменовать свое пребываніе въ немъ дѣломъ такого представительства: на день великой субботы, въ которую сходитъ на гробъ Господень небесный огонь, Даніилъ испросилъ дозволеніе у Балдуина поставить на последнемъ кандило за землю русскую по подобію иныхъ греческихъ, поставлявшихся на немъ на сей день, кандилъ, именно — греческаго и монастыря св. Саввы. „Въ пятницу великую въ 1 часъ дни, — разсказываетъ Даніилъ, — идохъ азъ худый ко князю Балдвину, и поклонихся ему до земли; онъ же видѣвъ мя поклонившагося и призва мя къ себѣ съ любовію и рече ми: что хощеши игумене русскій? — позналъ бо мя бяше добрѣ и любляше мя вельми, яко бяше мужь благъ и смиренъ и не гордяше ни мало. Азъ же рекохъ ему: господине мой княже, молю ти ся Бога дѣля и князей ради русскихъ, хотѣлъ быхъ и азъ поставити кандило свое на гробѣ Господни за всю русскую землю, за всѣ христіане

русскія земля. И тогда же князь повелѣ ми поставити свое кандило, и съ радостію посла со мною мужа своего лучшаго ко эконому святаго Воскресенія и къ тому, иже держитъ гробъ Господень. Повелѣста ми оба — економъ и ключарь гроба Господня — принести кандило свое съ масломъ; азъ же поклонихся имъ съ радостію великою и шедъ на торгъ и купихъ кандило стклянное велико и наліяхъ масла древяпаго чистаго безъ воды и принесохъ ко гробу Господню уже вечеру сущу и умолихъ ключаря того единаго и взвѣстихъ ему, онъ отверзе двери гроба Господня и повелѣ ми выступити изъ калигъ и введе мя босого въ гробъ Господень съ кандиломъ, еже ношахъ азъ руками своими грѣшныма, и повелѣхъ ми поставити кандило на гробѣ Господни, и поставихъ своима рукама грѣшныма въ ногахъ, идѣже лежаста пречистіи нозѣ Господа нашего Іисуса Христа, — въ главахъ стояше кандило греческое, на персяхъ поставлено бяше кандило св. Саввы и всѣхъ монастырей, тако бо обычай имутъ по вся лѣто поставляти кандило греческое и св. Саввы..." По словамъ Даніила, вмѣстѣ съ двумя сейчасъ помянутыми кандилами и его кандило возжглось само, егда сниде свѣтъ святый. На третій день онъ взялъ свое кандило, чтобы нести его домой.

Е. Голубинскій.

Паломничество.

Школою русскаго иночества постоянно служилъ Востокъ. Есть извѣстіе, что еще Владиміръ I (1001) отправилъ пословъ въ Египетъ, Іерусалимъ и другія страны, чтобы они на мѣстѣ увидѣли жизнь богоугодныхъ мужей. Уже при Ярославлѣ I является русскій отшельникъ Иларіонъ, а Антоній отправляется для подвиговъ на Афонъ и оттуда приноситъ на горы кіевскія образъ жизни тамошнихъ отшельниковъ. При Изяславѣ странствовалъ въ Іерусалимъ и Константинополь, для обозрѣнія монастырей и закупки церковныхъ вещей, Варлаамъ, сперва подвижникъ печерскій, а потомъ игуменъ Дмитріевскаго монастыря. Во второй половинѣ XII в. въ тѣхъ же мѣстахъ былъ Антоній Дымскій. Въ XII в. странствованія на Востокъ распространились до такой степени, что возникъ даже вопросъ

[illegible]стрѣхъ ли возбранили нѣкоторымъ эти странствованія? Рѣшенія въ пользу запрещенія. Многіе давали даже присягу итти въ Іерусалимъ и для того была назначена епитимія, ибо, какъ сказано въ запрещеніи, присяга эта „губитъ нашу землю“. То же самое пришлось повторить и въ началѣ XIV вѣка, такъ какъ и тогда [illegible] странствованія совершались въ значительныхъ размѣрахъ. Это настроеніе, вѣроятно, и поддерживалось и восточными странниками, заходившими въ Россію, о которыхъ встрѣчаются извѣстія очень рано, а потомъ постепенно. Центрами, привлекавшими нашихъ путешественниковъ на Востокѣ, были: Константинополь, Аѳонъ и Іерусалимъ съ его окрестностями. Тамъ можно было встрѣтить [illegible] даже изъ далекаго Новгорода. Путь этотъ былъ опасенъ, потому что нерѣдко на путешественниковъ нападали морскіе разбойники, отъ которыхъ иногда приходилось терпѣть притѣсненія. Но вѣра превозмогала всѣ препятствія.

Все вниманіе путешественниковъ сосредоточивалось на религіозныхъ предметахъ и вполнѣ характеризуетъ ихъ время. Съ мельчайшими подробностями передаютъ они о мѣстахъ, освященныхъ религіозными воспоминаніями; записываютъ преданія, сложившіяся о нихъ, и стараются не пропустить ни одного изъ нихъ въ своихъ странствованіяхъ. На пути изъ Константинополя въ Іерусалимъ игуменъ Даніилъ только мимоходомъ замѣчаетъ объ островахъ, гдѣ добывается мастика, вино, овощи, сѣра (Хіосъ, Пилосъ). Ефесъ для него важенъ потому, что тамъ гробъ Іоанна Богослова, изъ котораго исходитъ перстъ для исцѣленія; а недалеко отъ Ефеса находится пещера семи отроковъ, спавшихъ 372 г. отъ Деція до Ѳеодосія. Кипръ важенъ потому, что тамъ находится безчисленное множество святынь, а на горѣ, гдѣ поставленъ кипарисный крестъ Еленою, являются знаменія и чудеса. Здѣсь родится ладанъ темьянъ, который падаетъ съ неба на деревья, какъ роса. Перечисляя острова, которые лежали на его пути, Даніилъ при этомъ указываетъ, какіе святые почиваютъ на нихъ. Но особенно подробно онъ говоритъ о Іерусалимѣ и его окрестностяхъ. Тамъ онъ исходилъ всю землю [illegible] до моря Тиверіадскаго и до горы Ѳавора, до Назарета, Хеврона и Іордана. Онъ отмѣчаетъ [illegible] [illegible] отношеніяхъ, и разсказ[illegible] мѣстныя [illegible] Вообще [illegible]

гора, которая разсѣлась во время распятія Іисуса, и то мѣсто называется адъ. На мѣстѣ распятія Христа замѣтна также разсѣлина, чрезъ которую пролилась его кровь на главу Адама. Даніилу указывали мѣсто жертвоприношенія Авраама; столпъ Давида, гдѣ онъ составилъ псалтирь; мѣста исцѣленій Іисуса; дома, гдѣ жили извѣстныя лица священной исторіи. Содомское море оттекло далѣе на 4 версты ради крещенія Іисуса. На Іорданѣ показывали мѣсто, чрезъ которое по водѣ прошла Марія Египетская, чтобы пріобщиться у Зосимы. Даніилу случилось быть на Іорданѣ, во время водоосвященія, и достойные люди, по его замѣчанію, видятъ, какъ исходитъ Духъ Св. на воды іорданскія. Въ Іерихонѣ показывали Даніилу 12 камней, взятыхъ со дна Іордана въ то время, когда разступились его воды для перехода евреевъ. Онъ видѣлъ дубъ мамврійскій, возлѣ котораго стоялъ шатеръ Авраама, когда онъ принималъ Троицу. Недалеко отъ Сихема онъ видѣлъ колодецъ Іакова, гдѣ бесѣдовалъ Іисусъ съ самарянкою. На горѣ Ѳаворской есть пещера съ трапезою, куда и теперь приходитъ Мельхиседекъ совершать литургію. Особенное же вниманіе Даніилъ обратилъ на свѣтъ, который нисходитъ съ неба, во время вечерни въ великую субботу и зажигаетъ кадила. Даніилъ отвергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые говорили, что Духъ Св. нисходитъ на гробъ Іисуса, а также и другихъ, которые зажиганіе кадилъ объясняли дѣйствіемъ молніи: по его мнѣнію, они зажигаются отъ невидимаго дѣйствія благодати. „Свѣтъ же этотъ, по замѣчанію Даніила, не похожъ на настоящій, но свѣтится какъ-то чудно и особенно, цвѣтомъ своимъ напоминая киноварь“. Притомъ не всѣ кадила загораются отъ него, а только православныя, латинскія же горятъ инымъ свѣтомъ, и не такъ, какъ тѣ, „изрядно и чудно свѣтясь“. Этотъ свѣтъ обращалъ на себя вниманіе и другихъ путешественниковъ.

Въ духѣ путешествія Даніила и написаны другія странствованія по Востоку: какъ Іерусалимъ привлекалъ ихъ своими воспоминаніями, такъ Константинополь — монастырями. Описаніе Константинополя Стефана Новгородца есть описаніе монастырей и ихъ святынь. И здѣсь онъ останавливается преимущественно на тѣхъ предметахъ, которые могутъ удовлетворить чувство вѣры. Разсказывая о мозаическомъ образѣ Іисуса въ Софійскомъ храмѣ, онъ замѣчаетъ, что изъ ногъ

его, гдѣ нарисованы язвы гвоздиныя, идетъ святая вода, и что здѣсь онъ мазался масломъ и пилъ воду. Увидѣвъ трапезу Авраама, онъ вспоминаетъ о дубѣ мамврійскомъ, видѣнномъ въ Іерусалимѣ: листья его остаются зелеными лѣтомъ и зимою, и останутся навсегда такими. Въ колоннѣ Константина В. Стефанъ видѣлъ сѣкиру Ноя; а въ церкви апостоловъ 2 столпа: одинъ — къ которому привязанъ былъ Іисусъ, а другой — у котораго плакалъ Петръ послѣ отреченія. Въ монастырѣ Спаса ему показывали чашу изъ бѣлаго камня, въ которой Іисусъ претворилъ воду въ вино. Въ Константинополѣ вниманіе путешественниковъ останавливалось на трапезѣ Авраама, ковчегѣ Ноя и сѣкирѣ, которою онъ строилъ его: они видѣли камень, изъ котораго извлекъ Моисей воду; тамъ были собраны всѣ принадлежности страданій Іисуса и остатки хлѣба, который онъ вкушалъ на вечери. Въ монастырѣ Продромѣ хранились волосы Богородицы. На Сіонѣ путешественникамъ показывали священные камни, на которыхъ, по преданію, Іисусъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ, и другіе, на которые онъ указалъ, когда говорилъ іудеямъ, что камни возопіютъ, если онъ заставитъ молчать учениковъ. На Ѳаворѣ хранились камни, на которыхъ стоялъ Іисусъ во время преображенія. На Сіонѣ, въ армянскомъ монастырѣ, хранился огонь, у котораго грѣлся апостолъ Петръ. Въ Египтѣ указывали знаки перехода израильтянъ черезъ Чермное море. Таково содержаніе записокъ нашихъ путешественниковъ — духовныхъ. Но и записки свѣтскихъ лицъ, каковы дьякъ Александръ и купецъ Гагара (XVII в.), не выходятъ изъ предѣловъ религіознаго описанія. Дьякъ Александръ заключаетъ: „невозможно исходить вездѣ и видѣть всѣ монастыри или записать это: всего тамъ тысячи тысячами, а иныхъ св. мощей и чудотвореній невозможно исповѣдать“. Только мимоходомъ наши путешественники касаются описанія зданій, природы, событій.

Изъ содержанія этихъ путешествій можно видѣть, что главнымъ побужденіемъ, которое влекло ихъ на Востокъ, было желаніе увидѣть собственными глазами то, о чемъ они читали въ своихъ книгахъ или слышали отъ другихъ. Вотъ почему они стараются не пропустить ни одного преданія о какомъ-нибудь священномъ предметѣ, и не могутъ удержаться отъ выраженія тѣхъ чувствъ, которыя такъ долго сдерживались въ ожиданіи этой обѣтованной земли. Это чувство, постоянно

поддерживаемое новыми впечатлѣніями въ томъ же родѣ, не давало путешественнику успокоиться настолько, чтобы онъ могъ сдѣлаться спокойнымъ зрителемъ человѣческихъ дѣлъ, окружавшихъ его въ шумной столицѣ имперіи. „Въ Царьградъ войти, —говоритъ Стефанъ Новгородецъ,—все равно, что въ дуброву, безъ хорошаго проводника ходить невозможно, и бѣдный или скупой не можетъ ни видѣть ни цѣловать какого-нибудь святого, кромѣ праздника“. Уваженіе къ Востоку, какъ религіозному центру, сохранялось во все время господства религіозныхъ идей, т.-е. въ эпоху древней Россіи.

Иконниковъ.

Паломничество на Руси.

Въ XII и послѣдующихъ вѣкахъ особенно распространена была на Руси страсть къ посѣщенію святыхъ мѣстъ. Толпы благочестивыхъ паломниковъ отправлялись туда, чтобы по словамъ былины:

Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань рѣкѣ искупатися.

Подвижниковъ, совершившихъ длинный и трудный путь, встрѣчало на родинѣ не одно любопытство, но и искреннее уваженіе русскихъ людей. По церковному уставу св. Владиміра „странники“ принадлежали къ числу „людей церковныхъ“. Они становились какъ бы на ряду съ духовенствомъ. На нихъ смотрѣли, какъ на людей избранныхъ, угодившихъ Богу. Народная былина разсказываетъ, какъ атаманъ калѣкъ перехожихъ, отправлявшихся въ Іерусалимъ, Касьянъ Михайловичъ, исцѣлилъ жену Владиміра —

А и дунулъ духомъ святымъ своимъ
На младу княжну Апраксѣевну...
Оградилъ ее святой рукой.

Если въ толпѣ калѣкъ перехожихъ и были иногда люди, которые присоединялись къ ней „абы порозну ходяче ѣсть и пить“; если, по словамъ былины, „на всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцовъ“ каличій кругъ долженъ былъ, подъ стра-

комъ строгаго наказанія, налагать обѣтъ воздержанія, то общій тонъ каличьему обществу давался людьми искренней вѣры и благочестія. Между калѣками перехожими всегда были лица духовныя. Даніилъ паломникъ ходилъ въ Іерусалимъ „съ дружиною“, и были въ той дружинѣ „новгородци и кыяне“, люди мірскіе: Седеславъ Иванковичъ, Городиславъ Михаиловичъ и „иные многіе“. Калѣки группировались около церквей, пустынь, монастырей. Народныя былины сохранили воспоминаніе объ этой связи калѣкъ съ средоточіемъ книжнаго просвѣщенія древней Россіи; къ нимъ стекались калѣки изъ окрестныхъ мѣстъ, около нихъ объединялись общимъ обѣтомъ всѣ калѣки изъ окрестныхъ мѣстъ, всѣ калѣки, сбиравшіеся въ святую землю:

А *изъ пустыни* было Ефимьевы,
Изъ *монастыря* изъ Боголюбова
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Ерусалиму.

Исполнивши благочестивый обѣтъ, поклонившись святынямъ іерусалимскимъ, калѣки собираются на родину и идутъ въ путь

До *своего* монастыря Боголюбова
И до пустыни Ефимьевы.

Такъ въ кружкѣ калѣкъ перехожихъ соединились представители народа съ грамотными людьми древней Россіи, съ духовенствомъ.

И думали они думушку единую.

Эти книжные люди были „вожами и языками“ кружка калѣкъ, которые естественно должны были стоять подъ вліяніемъ „своего“ монастыря и „своей пустыни“. Въ мѣстахъ земной жизни Христа паломниковъ охватывала длинная цѣпь мѣстныхъ христіанскихъ преданій, и это великое цѣлое восточно-христіанскаго эпоса, выразившееся въ апокрифическихъ евангеліяхъ, служило для нихъ лучшимъ комментаріемъ къ тому, что они видѣли въ Палестинѣ. Монументальные памятники прошедшаго остаются безмолвными камнями, если ихъ не объяснитъ живое слово. „Невозможно безъ вожа добрѣ ходити и безъ языка добрѣ испытати и видѣти всѣхъ святыхъ“, говоритъ Даніилъ паломникъ. Русскій игуменъ нашелъ въ одной

лаврѣ „мужа свята и стара деньми и книжна вельми“. Онъ разсказалъ ему все „отъ святыхъ книгъ“. Этими святыми книгами для Даніилова „вожа“ были апокрифическія евангелія, преимущественно перво-евангеліе Іакова. Изъ него почерпнуты почти всѣ легенды, внесенныя въ „Странникъ“ Даніила и позднѣйшихъ паломниковъ русскихъ: іеродіакона Зосимы, Іоны и Трифона Коробейникова. Въ стихахъ калѣкъ перехожихъ повторяются тѣ же легенды апокрифическихъ евангелій, слышанныя ими въ Іерусалимѣ или узнанныя на родинѣ отъ грамотныхъ „языковъ“...

Тихонравовъ.

—

Паломничество и крестовые походы.

Многочисленность русскихъ паломниковъ въ Грецію и Палестину въ теченіе всего домонгольскаго періода находится внѣ всякаго сомнѣнія. Увлекая собой наиболѣе любознательныхъ и предпріимчивыхъ людей, паломничество не только давало матеріалъ для множества устныхъ разсказовъ, но и обогатило скудную русскую письменность нѣсколькими паломническими сказаніями и отразилось въ народной поэзіи, въ былинахъ *о Василіи Буслаевѣ и о сорока каликахъ со каликою*. По времени русское паломничество совпадало съ эпохой того религіознаго одушевленія, которое охватило собою западную Европу и выразилось въ крестовыхъ походахъ. Есть нѣкоторое сходство между этими двумя историческими явленіями, совершившимися одновременно, но независимо одно отъ другого. Отмѣтимъ черты сходства.

а) И то и другое явленіе совершалось подъ покровительствомъ церкви. Такъ было на Западѣ. Напр., папа Евгеній въ своемъ посланіи предъ началомъ второго крестоваго похода писалъ: „Всѣмъ тѣмъ, которые рѣшатся предпринять и исполнить благочестивый обѣтъ на дѣло столь святое и необходимое, даемъ властію, полученною отъ Бога, такое же отпущеніе грѣховъ, какое установилъ нашъ предшественникъ папа Урбанъ; женъ же ихъ, дѣтей, имущество и владѣнія повелѣваемъ объявить подъ покровительствомъ святой церкви и подъ нашею защитою, равно какъ подъ защитою архіепископовъ, епископовъ и другихъ прелатовъ Божіей церкви.

Точно такъ же и на Руси: по церковному уставу Ярослава паломникъ считался въ числѣ церковныхъ людей. Паломники вездѣ находили радушное гостепріимство, такъ что, по свидѣтельству памятника XII вѣка, иные и становились паломниками, чтобы ѣсть и пить готовое.

б) И русское и западное движеніе на Востокъ сходствовали между собою обширными размѣрами. Въ западной Европѣ цѣлыя мѣстности пустѣли вслѣдствіе поголовнаго стремленія на Востокъ. „Изумительное стремленіе на востокъ (говоритъ современникъ 1-го крестоваго похода) одинаково воодушевляло и богатыхъ и бѣдныхъ, и мужчинъ и женщинъ, монаховъ и стариковъ, горожанъ и поселянъ. Мужья оставляли домы возлюбленныхъ женъ, а жены, рыдая и разставаясь съ дѣтьми и богатствами, страстно желали послѣдовать за своими мужьями въ походъ. Всѣ пожитки, до того времени дорогіе, продавались за ничтожную цѣну". „Многіе изъ тѣхъ, которые не имѣли ни малѣйшаго желанія отправиться, прибавляетъ другой современникъ, шутили и смѣялись надъ тѣми, кто продавалъ свои вещи дешево, и утверждали, что еще болѣе жалкими они вернутся домой; на другой же день эти же самые люди, одержимые внезапно тѣмъ же желаніемъ, отдавали все свое имущество за ничтожныя деньги и шли вмѣстѣ съ тѣми, надъ кѣмъ только что смѣялись... При этомъ можно было увидѣть самыя забавныя приключенія, вызывавшія смѣхъ: бѣдные, подковавъ быковъ, какъ то дѣлаютъ съ лошадьми, запрягали ихъ въ двуколыя телѣги, на которыхъ помѣщались ихъ малые пожитки вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми, и тащили все за собою. Когда дѣти видѣли замокъ или городъ, то поспѣшно спрашивали: „не Іерусалимъ ли это, къ которому они идутъ?" Нѣчто подобное, хотя, конечно, гораздо въ меньшей степени, совершалось и на Руси. Новгородскій епископъ Нифонтъ совѣтовалъ клиру налагать епитимію за обѣтъ паломничества, ибо-де эта клятва „губитъ русскую землю". Чѣмъ бы ни губила эта присяга русскую землю, — тѣмъ ли, что многіе не въ состояніи были выполнить обѣтъ, или тѣмъ, что множество рабочихъ силъ покидало родину и тратилось въ далекихъ странствіяхъ, — во всякомъ случаѣ это выраженіе указываетъ на крайнее развитіе паломничества.

в) Проникнутые религіознымъ одушевленіемъ, и русскіе и западные паломники отправлялись въ путь съ самыми бла-

гими намѣреніями. „Воры, пираты и другіе злодѣи, — говоритъ Ордерикъ Виталій, — отъ прикосновенія Духа Божія возвышались изъ глубины неправды, отказывались отъ преступленій и, примирясь съ Богомъ, отправлялись на чужбину“.

Русская былина сообщаетъ, что во время пути-дороги русскіе паломники положили промежъ себя заповѣдь великую.

А иттить намъ, братцы, дорогою неближнею,
Итти селами и деревнями,
Городами тѣми съ пригородками,
А и въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена:
Кто украдетъ или солжетъ,
Едина оставить во чистомъ полѣ
И окопати по плечи въ сыру землю.

г) Но какъ на Западѣ, такъ и на Руси очень часто благія намѣренія оставались безъ исполненія. Толпы западныхъ крестоносцевъ часто оказывались толпами буйнаго сброда, подорожными грабителями. „Крестоносцы, — говоритъ современникъ, — не считали грековъ христіанами и убить грека было ни почемъ; по той же причинѣ трудно было удержать нашихъ отъ грабежа“. И еще: „За то, что жители Константинополя заперли отъ толпы городскія ворота, нельзя ихъ упрекать, ибо нашлись между нами безумцы, которые сожгли много домовъ и оливковыхъ рощъ, или по недостатку дровъ, или по дерзости, или въ пьяномъ видѣ. Король очень часто приказывалъ рѣзать такимъ уши, руки и ноги, но и этого было недостаточно, чтобы укротить ихъ неистовство“. О русскихъ паломникахъ мы не имѣемъ подобныхъ свѣдѣній, хотя самый уговоръ: „не красть, не лгать, не пускаться на большой грѣхъ“ указываетъ на возможность такихъ проступковъ.

д) И русскіе и западные паломники сходствовали между собою формою похода: и тѣ и другіе шли не одиночно, но дружинами. Крестоносцы должны были образовать изъ себя воинскія дружины, такъ какъ цѣль ихъ была исхитить гробъ Господень изъ рукъ невѣрныхъ. Такая организація устроялась сама собою. „Пока князья мѣшкотно собирались въ дорогу, — говоритъ Гвибертъ ноланскій, — чернь, бѣдная средствами, но богатая числомъ, собралась около Петра Пустынника и изъявила ему повиновеніе, какъ своему вождю“.

Русскіе паломники выбирали вождя и организовались въ форму дружинъ, чтобъ удобнѣе переносить трудности и опасности далекаго странствованія. О паломнической дружинѣ говоритъ и былина „Сорокъ каликъ со каликою" и былина „о Василіѣ Буслаевѣ". Игуменъ Даніилъ своихъ спутниковъ въ Царьградѣ и Іерусалимѣ называетъ также дружиною. Паломническая дружина бывала иногда богата физическими силами не меньше иной дружины воинской. Когда калики русской былины зычнымъ голосомъ стали просить у князя Владимира св. милостыню, то „дрогнетъ матушка сыра земля, съ деревьевъ вершины попадали, подъ княземъ конь окорачился, а богатыри съ коней попадали, съ теремовъ верхи повалилися, а съ горницъ охлопья попадали, въ погребахъ питья всколебалися".

Терновскій.

Слово Даніила Заточника.

Вліяніе на насъ пришлыхъ византійскихъ воззрѣній усиливалось довольно быстро. Это можно замѣтить по двумъ различнымъ видамъ загадочнаго произведенія извѣстнаго подъ именемъ „Слова Даніила Заточника". Собственно это произведеніе, заключая въ себѣ не болѣе какъ родъ челобитной, поданной опальнымъ лицомъ своему князю, и такимъ образомъ имѣя въ виду только насущные интересы этого лица, не могло бы быть отнесено къ разряду литературныхъ произведеній. Но такъ какъ это не была челобитная, написанная по установленной разъ навсегда казенной формѣ, а просительное посланіе, въ которомъ оригинальнымъ образомъ выразился умъ просителя; такъ какъ проситель вмѣстилъ въ свое прошеніе множество разнообразныхъ изреченій, которыя могли показаться занимательными и полезными для лицъ, совершенно постороннихъ, которымъ не было никакого дѣла собственно до его просьбы, то посланіе это получило извѣстность, переписывалось, дополнялось и передѣлывалось. Такимъ образомъ, изъ частнаго, дѣлового письма оно сдѣлалось своего рода умственною пищею для всѣхъ и каждаго, а потому и получило характеръ произведенія литературнаго. Правда, съ начала и до конца оно почти исключительно состоитъ изъ заимствованій у византійской литературы, тѣмъ что самобытно-русскаго.

кромѣ нѣкоторыхъ народныхъ пословицъ, въ немъ нѣтъ или почти нѣтъ. Но самыя эти заимствованія, очевидно нравившіяся многимъ (иначе произведеніе не переписывалось бы), принадлежатъ не одному Даніилу, но вмѣстѣ съ нимъ и русскому обществу, и по нимъ можно судить о перемѣнѣ, происходившей въ его понятіяхъ. Произведеніе переписывалось, передѣлывалось — вслѣдствіе этого явились различные виды его, различные изводы, или редакціи.

О. Миллеръ.

Слово Даніила Заточника.

Кто былъ Даніилъ Заточникъ — неизвѣстно. Изъ слова видно, что онъ находился въ заточеніи на озерѣ Лачь (въ Олонецкой губерніи), но за какую вину, не говорится. Находясь въ заточеніи, онъ написалъ Слово къ какому-то князю, чтобы вымолить у него свободу.—Заточникъ — типическое лицо древняго русскаго книжника, воспитаннаго на чтеніи книгъ и преимущественно разныхъ сборниковъ. „Я, княже господине, говоритъ онъ, не за море ходилъ и не отъ философовъ научился, но какъ пчела, припадающая по разнымъ цвѣтамъ и совокупляющая медовый сотъ, по многимъ книгамъ *собиралъ сладость словесную и разумъ*". Все Слово, дѣйствительно, представляетъ рядъ собранныхъ изъ разныхъ книгъ размышленій и изреченій, между которыми есть и мѣста изъ писанія, особенно изъ премудрости Соломона и Сираха, и народныя притчи и пословицы, и изреченія изъ разныхъ сборниковъ, между прочимъ изъ *Пчелы*. Набранная изъ разныхъ сборниковъ мудрость Заточника вполнѣ и отличается характеромъ этихъ сборниковъ: тотъ же взглядъ на все въ жизни, тотъ же поучительный тонъ и украшенный слогъ, то же, наконецъ, отсутствіе прямой связи между разными размышленіями. Размышленія Заточника касаются разныхъ предметовъ: щедрости и скупости, богатства и бѣдности, мудрости и глупости; между этими размышленіями нѣтъ непосредственной связи: они связываются между собою только тою цѣлію, для которой они собраны авторомъ, цѣлію обратить вниманіе князя на свое положеніе. Это положеніе человѣка опальнаго и свойственныя этому положенію чувства общему типу древняго книжника.

въ какомъ является предъ нами Заточникъ, естественно, должны были сообщить и частныя черты его личнаго характера. Какъ человѣкъ опальный, онъ опасается раздражить князя, и потому высказываетъ свои чувства не прямо, а въ разныхъ стороннихъ размышленіяхъ и картинахъ. Онъ, повидимому, шутитъ и смѣется надъ своимъ положеніемъ, какъ будто хочетъ повеселить князя разными смѣшными изображеніями; но сквозь его смѣхъ и шутки слышится въ то же время горькая жалоба на жизнь и глубокая скорбь человѣка страдающаго, которая часто выражается въ разныхъ сатирическихъ выходкахъ противъ разныхъ пороковъ и недостатковъ въ жизни. Это сообщило его Слову характеръ тѣхъ произведеній, которыя обыкновенно называютъ юмористическими.

Изображая свое бѣдственное положеніе, какъ человѣка опальнаго, Заточникъ сравниваетъ себя съ поблекшею травою, растущею въ такой тѣни, что на нее ни солнце не сіяетъ, ни дождь нейдетъ, и съ деревомъ при пути, которое прохожіе посѣкаютъ и бросаютъ въ огонь. Потомъ жалуется на свою бѣдность и при этомъ проводитъ такую параллель между богатымъ и бѣднымъ: „богатый человѣкъ повсюду извѣстенъ и въ чужой землѣ имѣетъ друзей, а бѣдный и между своими *не видимо ходитъ*. Заговоритъ богатый, всѣ замолчатъ и слова его превознесутъ до облаковъ; заговоритъ бѣдный, всѣ на него закричатъ и *упрятятъ ему уста*: чье платье богато, у того и рѣчь хороша. *Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенета, яко птицу отъ клапцы (отъ силокъ)*“. Изобразивъ свое бѣдственное состояніе, Даніилъ проситъ князя, чтобы онъ, веселясь многими брашнами и пія сладкое вино и покоясь на мягкой постели, подъ собольими одѣялами, вспомнилъ, что онъ, Даніилъ, въ это время ѣстъ сухой хлѣбъ, пьетъ теплую воду и умираетъ отъ холода „Да не будетъ, княже, рука твоя согнута на подаяніе убогимъ; чашею не вычерпать моря, и тѣмъ, что мы беремъ у тебя, не истощить твоего дома. Не удерживай золота и серебра, но раздавай людямъ... Ткань, испещренная многими шелками, украшаетъ лицо; и князь честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ многими людьми. „Похвалился царь Іезекія посламъ царя вавилонскаго и показалъ имъ множество золота и серебра, а они сказали ему: нашъ царь богаче тебя не множествомъ золота, но множествомъ воиновъ: „*мужемъ [illegible]*.

а златомъ людей не добыти". Потомъ слѣдуетъ нѣсколько параллелей между щедрымъ и скупымъ княземъ, мудрымъ и безумнымъ мужемъ, хорошими и дурными совѣтниками князя и доброю и злою женою. Вотъ параллель между щедрымъ и скупымъ княземъ: „князь щедрый — отецъ всѣмъ. Кто служитъ доброму господину, дослужится большей работы. Князь щедрый, какъ рѣка безъ береговъ, протекающая по дубровѣ, напояющая не только людей, но и скотовъ и звѣрей, а князь скупой, какъ рѣка, имѣющая высокій каменный берегъ; нельзя ни напиться, ни коня напоить". При этомъ употреблены очень рѣзкія выраженія *о тіунѣ* и чиновникахъ князя: „не имѣй двора около княжескаго двора, не держи села около княжескаго села; ибо *тіунъ* князя какъ огонь, *трепетицею накладенъ* (на зажженной тряпицѣ), а *рядовичи* (чиновники) его какъ искры. Если убережешься отъ огня, то не можешь уберечь своей одежды отъ искры". Затѣмъ слѣдуетъ параллель между умнымъ и глупымъ: „станешь посылать умнаго, не много говори ему; а пошлешь глупаго, и самъ не лѣнись итти вслѣдъ за нимъ. . Лучше слышать споръ умныхъ, нежели наставленіе глупыхъ... Не сѣй на бороздахъ жита, а мудрости на сердцѣ безумныхъ: *безумныхъ ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, а сами ся рожаютъ* (родятся). Какъ въ худой мѣхъ воду лить, такъ и глупаго учить; мертваго не разсмѣшить, а безумнаго не научить". Далѣе замѣчательно изображеніе добрыхъ и дурныхъ совѣтниковъ князя: „княже мой, господине! не море топитъ корабли, а вѣтры, и не огонь разжигаетъ желѣзо, но *надыманіе* мѣховъ; такъ и князь не самъ впадаетъ во многія вещи злыя, но *думцы* (совѣтники) *творятъ. Съ добрымъ думцею князь высокаго стола додумается* (*достигнетъ большого владѣнія*), *а съ лихимъ* (*дурнымъ*) *думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ*". Отсюда до конца Слова продолжается самая рѣзкая сатира на злыхъ женъ: „лучше вола ввести въ домъ, нежели взять за себя злую жену; волъ не *молвитъ* и не мыслитъ зла, а злая жена біема бѣсится, а кротима высится, въ богатствѣ гордится, а въ убожествѣ (бѣдности) другихъ осуждаетъ. Что есть злая жена? мірской мятежъ, ослѣпленіе ума, начальница всякой злобы .. поборница грѣха, засада спасенія. Добрая жена вѣнецъ мужу своему и безпечаліе, а злая жена печаль лютая и погибель дому. Червь дерево точитъ, а злая жена домъ мужа

своего расточаетъ. Лучше въ худой ладьѣ по водѣ плыть, нежели злой женѣ тайны повѣдать. Лучше долотить камень и варить желѣзо, нежели злую жену учить; желѣзо уваришь, а злой жены не научишь: ибо злая жена ни ученія не слушаетъ, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но все укоряетъ и все осуждаетъ". У одного человѣка умерла злая жена, а онъ, по смерти ея, началъ дѣтей продавать; люди сказали ему: зачѣмъ продаешь дѣтей? Онъ отвѣчалъ: если они уродились въ мать, то, выросши, меня продадутъ". Такой мрачный типъ злой жены списанъ Заточникомъ, конечно, не съ русской женщины тогдашняго, хотя необразованнаго, но еще молодого русскаго общества, а съ разныхъ восточныхъ сказаній (повѣсти о Соломонѣ) и съ греческихъ поученій о женахъ, въ которыхъ изображается испорченная византійская женщина, и которыя начали распространяться въ нашей письменности съ самаго ея начала. Уже въ Златострує Симеона и сборникѣ Святослава мы встрѣчаемъ такія поученія. Подъ вліяніемъ подобныхъ сочиненій и образовался въ древней письменности тотъ презрительный взглядъ на женщину, который перешелъ изъ нея въ жизнь и выразился здѣсь крутымъ и часто жестокимъ обхожденіемъ съ женщиной и всего болѣе, конечно, способствовалъ къ ея нравственному униженію.

Слово Даніила Заточника пользовалось большою извѣстностію въ древнія времена. Въ XIII в. оно было даже передѣлано. Эта передѣлка помѣщена въ одномъ спискѣ Пчелы XV в., подъ заглавіемъ: „*Даніила заточника моленіе къ своему князю, Ярославу Всеволодовичу*". Обращаясь къ князю, авторъ говоритъ въ своемъ Моленіи: „кому ти есть Переславль, а мнѣ Гореславль", и потомъ: „княже мой, господине! орелъ — царь надъ птицами, а осетръ — надъ рыбами, а левъ надъ звѣрьми, а ты, княже, надъ переяславцы". Изъ Моленія не видно, былъ ли авторъ, подобно Даніилу, въ заточеніи или просто былъ въ немилости у князя и приноровилъ къ своему положенію Слово Даніила Заточника; равнымъ образомъ нельзя сказать, точно ли онъ также носилъ имя Даніила или Моленіе названо Даніиловымъ только потому, что оно составляетъ подражаніе Слову Даніила. Все главное содержаніе Моленія взято изъ Слова Даніила Заточника, на которое авторъ и ссылается въ одномъ мѣстѣ. Но кромѣ мѣстъ заимствованныхъ, есть и мѣста оригинальныя, принадлежащія ав-

тому передѣлывателю. Между ними особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто о рабскомъ состояніи: „княже, господине мой, былъ я въ великой нуждѣ, подъ работнымъ ярмомъ пострадалъ, испыталъ все это зло. Лучше было бы мнѣ видѣть свои ноги въ лыкахъ, да въ дому твоемъ, чѣмъ въ красныхъ сапогахъ, да на боярскомъ дворѣ... часто работный хлѣбъ у меня, какъ полынь въ устахъ, а питье свое растворяю плачемъ. Доброму господину служа, дослужишься свободы, а злому мужу служа, дослужишься большаго рабства. Не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ". Основываясь на этомъ сильномъ негодованіи противъ холопскаго состоянія, думаютъ, что авторъ самъ находился въ такомъ же состояніи при дворѣ какого-нибудь боярина.

Порфирьев

Симонъ и Поликарпъ.

Симонъ и Поликарпъ — оба писатели XIII вѣка и современники. О первомъ изъ нихъ лѣтопись даетъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній. Изъ черноризцевъ печерскихъ въ первыхъ годахъ XIII столѣтія онъ былъ возведенъ въ санъ игумена владимірскаго монастыря Рождества Богородицы. Великая княгиня Марія, жена Всеволода Георгіевича, была его духовною дочерью, и вообще онъ пользовался уваженіемъ и любовью всей великокняжеской семьи. Такъ, Верхуслава Всеволодовна писала къ нему самыя лестныя посланія. „Для тебя и для Поликарпа — говоритъ она въ одномъ изъ нихъ — я готова издержать хотя до тысячи серебра". Юрій же Всеволодовичъ, братъ Верхуславы, сдѣлавшись послѣ отца своего великимъ княземъ владимірскимъ и отдѣливъ свой стольный городъ отъ ростовской епархіи, поставилъ преподобнаго Симона (въ 1214 г.) епископомъ своей области, и онъ началъ собою рядъ іерарховъ Владиміра и Суздаля. Вскорѣ (въ 1215 г.) князья заставили Юрія отказаться отъ Владиміра въ пользу старшаго брата Константина. Тогда и препод. Симонъ оставилъ свой епископскій столъ и сопутствовалъ княжеской семьѣ въ городецъ Радиловъ, которымъ долженъ былъ удовольствоваться Юрій. Въ 1217 г. препод. Симонъ пріѣзжалъ съ своимъ княземъ во Владиміръ, куда Константинъ призывалъ брата для

примиренія; но потомъ опять послѣдовалъ за Юріемъ въ Суздаль, на этотъ разъ доставшійся ему въ удѣлъ. Наконецъ, когда по смерти Константина Всеволодовича сѣлъ снова на великокняжескомъ столѣ Юрій, Симонъ снова возвратился на свою епископію.

Несмотря на то, что монастырь Печерскій, мѣсто своего постриженія, препод. Симонъ любилъ больше всего и готовъ былъ отказаться отъ чести и славы епископа перваго стольнаго города сѣверной Руси, лишь бы „хотя соромъ валяться у воротъ честной Лавры",—онъ до конца жизни не рѣшился, однакожъ, оставить добровольно свою епископію: поставленный разъ пастыремъ церкви, онъ не считалъ себя въ правѣ отказаться отъ возложеннаго на него бремени; онъ былъ вполнѣ преданъ заботамъ о ввѣренной ему паствѣ и для блага ея молилъ Бога о продолженіи своей жизни. Въ 1225 г. окончилъ онъ построеніе суздальской Богородичной церкви, которая составляла его гордость, а въ слѣдующемъ году скончался, написавъ за годъ, или, можетъ-быть, даже въ самый годъ смерти, свое прекрасное посланіе къ Поликарпу, произведеніе, которое ставитъ Симона въ ряду замѣчательнѣйшихъ писателей русской древности. Онъ погребенъ былъ первоначально во владимірской соборной церкви; но впослѣдствіи горячее желаніе его исполнилось: мощи его перенесены были въ Кіевопечерскую лавру, гдѣ и нынѣ почиваютъ. Лѣтописецъ называетъ препод. Симона „милостивымъ и учителемъ".

Извѣстій о Поликарпѣ, какъ не занимавшемъ виднаго мѣста, въ лѣтописяхъ не сохранилось. Все, что можно сказать о немъ, о его жизни и характерѣ, заключается главнымъ образомъ въ посланіи къ нему Симона и въ его собственномъ посланіи къ архимандриту Акиндину. Въ какихъ отношеніяхъ онъ былъ къ Симону? Житіе печатнаго Патерика положительно называетъ ихъ родственниками, и хоть не изъ чего не видно, чтобы составители Житія пользовались при этомъ какими-нибудь неизвѣстными источниками, но, какъ предположеніе, это весьма вѣроятно: отношенія между Симономъ и Поликарпомъ были слишкомъ близкія. Ясно, напр., что Симонъ имѣлъ надъ Поликарпомъ какую-то власть. Такъ онъ позволяетъ себѣ открыто протестовать противъ назначенія молодого человѣка епископомъ, онъ говоритъ ему: „захотѣлъ ты быть игуменомъ у святого Димитрія: а не принуждалъ тебя —ни игуменъ ни

князь, ни я". Это странное сопоставленіе Симономъ своей воли съ волей князя и игумена Поликарпа заставляетъ предположить, что Симонъ имѣлъ надъ Поликарпомъ власть старшаго родственника, потому что епископская его власть не простиралась ни на Кіевопечерскій ни на Дмитріевскій монастыри. Далѣе: въ письмѣ къ Симону княгиня Верхуслава говоритъ о Поликарпѣ, какъ о лицѣ близкомъ епископу и сопоставляетъ ихъ имена и интересы: „Для тебя и для Поликарпа — говоритъ она — я готова издержать хотя до тысячи серебра". Что же связывало юношу черноризца съ престарѣлымъ епископомъ? По разности лѣтъ и положенія церковной іерархіи, друзьями они не могли быть; не могъ быть Поликарпъ и въ послушаніи у Симона, не могъ быть его келейникомъ, по той простой причинѣ, что Симонъ оставилъ Печерскій монастырь прежде, чѣмъ Поликарпъ могъ поступить въ него. Такимъ образомъ естественно прійти къ заключенію, что между ними существовали отношенія родственныя. Какъ бы то ни было, однакожъ достовѣрно, что Симонъ и Поликарпъ были въ очень близкихъ отношеніяхъ, что они долго были лично знакомы.

Изъ словъ обоихъ посланій мы видимъ, что Симонъ часто бесѣдовалъ съ молодымъ человѣкомъ о Печерскомъ монастырѣ, къ которому — какъ уже сказано было — питалъ уваженіе и любовь безграничную, доходившую почти до пристрастія. Понятно, что Симонъ, который радъ бы былъ бросить богатство и честь, какими былъ окруженъ, чтобы только хоть „нищимъ стоять у входа честной Лавры, коломъ торчать, соромъ валяться за ея воротами". Симонъ, который „тужитъ, скорбитъ и плачетъ", что не тамъ придется лежать его костямъ, этотъ краснорѣчивый „учительный" Симонъ передалъ своему ученику часть своего воодушевленія, своей любви къ святому мѣсту: Поликарпъ постригся въ Печерскомъ монастырѣ. Но и послѣ этого отношенія между нимъ и его наставникомъ не прерывались. Они продолжались посредствомъ посланій, и Поликарпъ уже изъ монастыря пріѣзжалъ во Владиміръ къ епископу. Сильно дѣйствовали на молодого человѣка пламенныя рѣчи Симона; крѣпко рѣшился онъ отказаться отъ міра и всего мірского, далъ обѣтъ отдать все имѣніе свое на нужды монастырскія, и на первый разъ устроилъ на свой счетъ двое дверей въ церкви Печерской. Такіе крѣпкіе подвиги предпри-

нималъ онъ, что Симонъ былъ вынужденъ нѣсколько разъ повторять ему предостереженіе, чтобы онъ „въ высокомѣріи своемъ не начиналъ дѣла выше силы". Но не укрѣпился еще онъ въ великихъ иноческихъ добродѣтеляхъ — послушаніи и смиреніи, и ему приходилось выдерживать постоянную борьбу своей пылкой натуры съ правилами, внушенными Симономъ. Оттого и замѣчаемъ мы въ характерѣ Поликарпа постоянныя противорѣчія: то является онъ кроткимъ и молчаливымъ, то громко высказываетъ свое неудовольствіе на начальство и ссорится съ братіей; то смиренный и робкій, съ безпредѣльнымъ благоговѣніемъ къ своему игумену, онъ, „отъ стыда предъ его благочестіемъ", не можетъ говорить спокойно, отъ страха забываетъ, что хотѣлъ разсказывать; то, нарушая монастырское правило, ходитъ по келіямъ, возстановляетъ братію противъ архимандрита, говоритъ: „чѣмъ хуже я равныхъ начальниковъ? почему не достоинъ я власти?" Самый благоустроенный въ то время, отличавшійся святостію жизни своихъ иноковъ, монастырь Печерскій не удовлетворялъ строгимъ требованіямъ молодого человѣка: не былъ онъ доволенъ ни уставами монастырскими ни начальниками — исполнителями ихъ. Все хотѣлось ему измѣнить, передѣлать по-своему; а глубоко было въ немъ сознаніе собственнаго достоинства, глубока вѣра въ свои силы. И задумалъ онъ самъ сдѣлаться „законодавцемъ". Это не была жажда власти для власти: въ глазахъ ученика Симонова она была только средствомъ улучшить положеніе дѣлъ. Случаевъ къ исполненію намѣренія Поликарпу представлялось много. Строгая жизнь и большія дарованія, о чемъ свидѣтельствуетъ посланіе его, рано обратили на него вниманіе. Многіе монастыри желали имѣть его своимъ игуменомъ. Верхуслава Всеволодовна, не жалѣя денегъ, старалась доставить ему епископскій столъ, а братъ ея Юрій хотѣлъ оставить его у себя во Владимірѣ совмѣстникомъ Симона (Посл. Сим.). Только этотъ послѣдній успѣлъ отклонить ихъ отъ такихъ намѣреній. Одинъ разъ Поликарпъ уже оставлялъ Лавру для игуменства во владимірскомъ Козьмодаміанскомъ монастырѣ; но вліяніе Симона и здѣсь взяло верхъ: Поликарпъ возвратился въ Печеры. Однако отношенія его въ этомъ монастырѣ не измѣнились: онъ не могъ спокойно ни покориться начальникамъ, которыхъ не считалъ лучше себя, ни переносить обидъ отъ равныхъ. И вотъ онъ пишетъ къ сво-

ему другу и „господину епископу Симону“ посланіе, въ которомъ жалуется на свои огорченія и досады, и уже снова готовъ оставить свой монастырь для игуменства у святого Димитрія (монастырь въ Кіевѣ). По этому случаю написалъ ему свое извѣстное посланіе Симонъ. Строго обличаетъ онъ заблужденія и недостатки своего ученика, убѣждаетъ остаться въ святой обители, отказаться отъ исканія власти, угрожая въ случаѣ ослушанія проклятіемъ. Для большей убѣдительности онъ приводитъ разсказы изъ жизни святыхъ печерскихъ, которые (какъ разсказъ объ Онисифорѣ и Аѳанасіи затворникѣ) или прямо доказываютъ великую пользу пребыванія въ Лаврѣ свв. Антонія и Ѳеодосія, или (какъ всѣ остальные до Эразма) свидѣтельствуютъ о величіи монастыря, прославленнаго такими подвижниками. Наконецъ, когда, послѣ повѣсти о Николѣ Святошѣ, строгость обличенія доходитъ до жестокости, мудрый наставникъ, чтобы не ввести своего молодого друга въ отчаяніе и ободрить его, разсказываетъ ему „о подобномъ его усердіи“ (объ Эразмѣ). За этимъ, по связи мысли, переходитъ къ увѣщанію не роптать, если придется невольно лишиться имѣнія, хотя Поликарпъ и на нужды церковныя предназначилъ его. Въ подтвержденіе своей мысли Симонъ приводитъ примѣръ Ареѳы. Слѣдующій разсказъ (о Титѣ и Евагріи) направленъ опять противъ Поликарпа, противъ его нетерпѣливости къ обидамъ. Но заключаетъ Симонъ уже довольно мягкимъ обращеніемъ къ ученику своему. Въ концѣ своего посланія онъ помѣщаетъ сказаніе о созданіи церкви печерской, проникнутое общею мыслью всего произведенія о святости монастыря и благодати Божіей, присущей въ немъ. Эту повѣсть разсказываетъ онъ, повидимому, уже съ опредѣленною цѣлью — разсказать, „чтобы всѣ знали, что самого Господа Промысломъ и волею и Его Пречистой Матери молитвою и хотѣніемъ создалась и совершилась боголѣпная и великая церковь печерская“. Какъ ни обширно посланіе Симона, онъ радъ бы былъ еще долго бесѣдовать о любезномъ ему монастырѣ; но старость одолѣла его. Почти нѣжно, съ благословеніемъ прощается Симонъ съ любимымъ своимъ ученикомъ.

Въ этомъ твореніи, — въ которомъ авторъ то съ убѣжденіемъ истиннаго краснорѣчія обращается къ Поликарпу, то съ истиннымъ вдохновеніемъ поэзіи повѣствуетъ о святой и разными напастями искушаемой жизни отцовъ печерскихъ, — есть что-то

въ своемъ родѣ особенно привлекательное. Но самую замѣчательную часть его посланія составляетъ заключеніе, въ которомъ содержится сказаніе о созданіи церкви печерской. (Кубаревъ).

Подѣйствовало ли это убѣдительное, повидимому, посланіе на Поликарпа — не знаемъ; не знаемъ, остался ли онъ въ монастырѣ. Этотъ вопросъ рѣшаютъ обыкновенно утвердительно, основываясь на томъ, что Поликарпъ написалъ свое посланіе къ Акиндину будто бы послѣ Симонова. Но доказательства послѣдняго мнѣнія довольно шатки, и мы не знаемъ времени написанія посланія Поликарпова. Достовѣрно только, что оно написано въ Кіевопечерскомъ монастырѣ бывшему тогда печерскому архимандриту Акиндину. Можетъ показаться страннымъ, что изъ кельи въ келью одного монастыря пересылались посланія. Но самъ Поликарпъ объясняетъ намъ цѣль своего произведенія и поводъ къ его написанію. Симонъ, какъ видно, долго пребылъ въ Печерскомъ монастырѣ; многое о его древнихъ подвижникахъ, о чудесахъ, бывшихъ въ немъ, слышалъ онъ отъ старцевъ, многое видѣлъ самъ, что забывалось уже во времена Акиндина. Поэтому-то благочестивый архимандритъ часто призывалъ къ себѣ Поликарпа, какъ близкаго человѣка къ Симону, и заставлялъ его разсказывать слышанное отъ епископа владимірскаго. Но молодой человѣкъ, по собственнымъ его словамъ, робѣлъ, совѣстился говорить передъ игуменомъ своимъ, отъ страха забывалъ половину; то, что разсказывалъ, разсказывалъ невразумительно. И вотъ, съ одной стороны, для удовлетворенія любознательности своего архимандрита, съ другой, и главнымъ образомъ, на память потомству, „на пользу будущимъ инокамъ“, рѣшился онъ записать то, чего не могъ говорить, стѣсняясь присутствіемъ начальника. Предназначая свой трудъ первоначально для одного лица, онъ далъ ему форму посланія, или письма; но это письмо уже самъ онъ называетъ Патерикомъ. *Викторова.*

Посланія Симона и Поликарпа и значеніе Кіевопечерскаго патерика.

Св. Симонъ, епископъ владимірскій, котораго лѣтописецъ называетъ „учительнымъ“, жилъ нѣсколько послѣ св. Кирилла Туровскаго, но также принадлежалъ къ числу замѣчательнѣй-

шихъ писателей Церкви, хотя и въ другомъ родѣ. Отъ него сохранилось только одно нравственно-историческое сочиненіе, которое отличается свѣтлостію взгляда на предметы, вѣрностію сужденій, простотою и безыскусственностію, какъ въ мысляхъ, такъ и въ слогѣ, и глубокою назидательностію. Это — посланіе св. Симона къ черноризцу печерскому Поликарпу. Поводъ къ написанію посланія подалъ самъ Поликарпъ. Онъ былъ молодой инокъ, постриженникъ Кіевопечерскаго монастыря; нѣсколько времени жилъ при св. Симонѣ, пользовался его расположенностью и пастырскими бесѣдами; потомъ возвратился въ родную обитель. Но здѣсь, еще не твердый въ монашескихъ подвигахъ, увлекся видами честолюбія: два раза оставлялъ св. обитель, чтобы игуменить, въ первый разъ въ монастырѣ Козьмодаміанскомъ, въ другой — въ монастырѣ Димитріевскомъ, и даже желалъ достигнуть сана епископскаго, при содѣйствіи супруги князя Ростислава Мстиславича — Верхуславы. При такомъ настроеніи мыслей, живя снова въ Печерской обители по возвращеніи изъ Димитріевскаго монастыря, Поликарпъ неохотно покорялся настоятелю, не хотѣлъ принимать участія въ общей церковной молитвѣ, былъ недоволенъ распоряженіями эконома и крайне огорчался разными оскорбленіями отъ нѣкоторыхъ братій. Всѣ эти досады свои онъ изобразилъ въ письмѣ къ св. Симону, и Симонъ съ отеческою любовію подвигся, чтобы уврачевать больную душу юнаго друга, и написалъ (1225—1226 г.) къ нему свое обширное, пастырски-наставительное посланіе. Въ посланіи можно различать три главныя части.

Первая, которая составляетъ какъ бы вступленіе въ посланіе, почти вся нравоучительная: содержитъ въ себѣ разныя наставленія, направленныя противъ душевныхъ недуговъ Поликарпа, хотя по мѣстамъ ссылается и на исторію: „Братъ, пишетъ св. Симонъ, сядь въ безмолвіи, собери умъ свой и скажи въ себѣ: о убогій иноче! Не оставилъ ли ты міра и по плоти родителей ради Господа? Если же, и пришедши сюда для спасенія, ты не духовное творишь: то для чего облекся въ иночество? Не избавятъ тебя отъ муки черныя ризы, если живешь не по-чернечески. Знаешь ты, какъ величаютъ тебя здѣсь князья, бояре и всѣ друзья твои, говоря: „блаженъ онъ, что возненавидѣлъ міръ и славу его, уже не печется ни о чемъ земномъ, желая небеснаго“. А живешь не по-монашески. Вели-

...и стыдъ объемлетъ меня за тебя. Что если ублажающіе насъ предварятъ насъ въ царствіи небесномъ и будутъ въ покоѣ, а мы, мучимые горько, будемъ вопіять? Кто помилуетъ тебя, когда самъ ты себя погубилъ? Воспряни, братъ, и попекись мысленно о душѣ своей, работай Господеви со страхомъ и со всякимъ смиренномудріемъ. Не будь нынѣ кротокъ, а завтра яръ и золъ; ненадолго молчаливъ, а потомъ опять ...ленъ къ роптанію на игумена и его служителей. Не будь ...невъ и, подъ предлогомъ болѣзни, не отлучайся отъ собранія церковнаго. Ибо какъ дождь раститъ сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла. Что ни дѣлаешь въ кельѣ, не имѣетъ такой силы, какъ совершаемое въ церкви. Читаешь ли псалтирь или поешь 12 псалмовъ, — это не сравнится съ однимъ соборнымъ пѣніемъ: Господи, помилуй. Вспомни, братъ, что и верховный апостолъ Петръ, самъ церковь Бога живаго, когда былъ взятъ Иродомъ и посаженъ въ темницу, не молитвами ли церковными избавленъ отъ руки Ирода? И Давидъ молитвенно говоритъ: едино просихъ отъ Господа, то взыщу, еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего и зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святый его (Пс. 26, 4). Да и самъ Господь сказалъ: храмъ мой храмъ молитвы наречется (Матѳ. 21, 31); идѣже бо еста два или тріе собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ (18, 20). А когда собирается цѣлый соборъ — болѣе ста человѣкъ братіи, — тѣмъ болѣе вѣрую, что посреди ихъ Господь Богъ нашъ. Отъ церковнаго [illegible] приготовляется и обѣдъ ихъ, котораго одна крупица для меня вожделѣннѣе всего, что предо мною. Свидѣтельствуюсь Господомъ, что не желалъ бы вкушать иного брашна, кромѣ укруха хлѣба и гороху, приготовленнаго для святой братіи. А ты, братъ, не дѣлай такъ, что нынѣ хвалишь соучастниковъ трапезы, а завтра ропщешь на повара и служащаго брата и тѣмъ оскорбляешь начальствующаго. Терпи, братъ, и досажденіе: претерпѣвый бо до конца, той спасется (Матѳ. 24, 13). Если и случится тебѣ быть оскорбленнымъ, и кто-нибудь придетъ и скажетъ тебѣ: такой-то очень не хорошо говорилъ о тебѣ, — скажи вѣстнику: хотя онъ и укорилъ меня, но онъ мой братъ, ...достоинъ этого, и онъ не самъ собою дѣлаетъ, но врагъ его научилъ, чтобы разсорить насъ между собою. Господь да поразитъ лукаваго, а брата да помилуетъ. Скажешь: онъ ...явно оскорбилъ меня предъ всѣми. Не смущайся, чадо, и

не предавайся скоро гнѣву, но, падши до земли, поклонися брату и скажи ему: прости меня. Исправь въ себѣ прегрѣшеніе, и побѣдишь всю силу вражію. Если на поношеніе будешь отвѣчать грубостію: то вдвойнѣ досадишь себѣ. Развѣ ты болѣе царя Давида, котораго Семей поносилъ въ лицо? А онъ намѣревавшемуся отомстить за него слугѣ своему сказалъ: не дѣлай сего, да видитъ Господь смиреніе мое и воздастъ ми благая, клятвы его ради. Вспомни чадо и большее: какъ Господь смирилъ себя, бывъ послушливъ до смерти Отцу своему: стражда не прещаше (1 Пертр. 223): слыша хулы, бѣса имать, по лицу біемый, заушаемый, оплеваемый, не гнѣвался, но и за распинающихъ молился и тебя научилъ молиться за враговъ: любите, сказалъ, враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянущіе вы, молитесь за творящія вамъ напасть (Матѳ. 5, 44). Довольно, брате, и того, что ты сдѣлалъ по своей гордости: теперь тебѣ слѣдуетъ оплакивать то, что, оставивъ святой монастырь святыхъ отцовъ Антонія и Ѳеодосія и свв. черноризцевъ, которые съ ними, взялся быть игуменомъ въ монастырѣ св. безмездниковъ. Хорошо ты поступилъ, когда вскорѣ оставилъ это начинаніе и не далъ плещи врагу своему, который хотѣлъ погубить тебя. Развѣ ты не знаешь, что дерево не поливаемое, но часто пересаживаемое, скоро засыхаетъ? И ты, отказавшись отъ послушанія отцу и братіи своей, скоро погибнешь: овца въ стадѣ безопасна, а отдѣлившись отъ стада, скоро гибнетъ отъ волковъ. Тебѣ бы прежде надлежало размыслить, для чего ты хотѣлъ выйти изъ святой, блаженной и честной обители Печерской, гдѣ такъ удобно всякому желающему спастись. Я думаю, братъ, что самъ Богъ попустилъ сему быти въ наказаніе твоей гордости за то, что ты не захотѣлъ служить мужу святому, своему господину, а нашему брату, архимандриту Акиндину, игумену печерскому. Печерскій монастырь, какъ море, не содержитъ въ себѣ гнилого, но извергаетъ вонъ. А что писалъ ты ко мнѣ о своей досадѣ, — горе тебѣ, ибо ты погубилъ свою душу. Спрашиваю тебя: чѣмъ ты хочешь спастися? Будь ты постникъ, всегда трезвенъ и нищъ, проводи ночи безъ сна: но если не переносишь оскорбленій, не спасешься. Порадовались было о тебѣ игуменъ и вся братія, и мы утѣшились вѣстію о твоемъ обрѣтеніи. Но ты и еще попустилъ быть твоей волѣ, а не волѣ игуме-

[illegible] еще разъ былъ игуменомъ у святаго Димитрія. Хотя никто тебя не принуждалъ: ни игуменъ, ни князь, ни я. И вотъ теперь ужъ ты [illegible]. Пойми же, братъ, что Богу не угодно твое старѣйшинство, и потому онъ послалъ тебѣ слабость [illegible]. Но и этимъ ты не вразумился, чтобы сказать: благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ твоимъ. Я вижу, что ты самолюбецъ и ищешь славы отъ людей, а не отъ Бога. Развѣ я недостоинъ, говоришь ты, такого сана? Чѣмъ я хуже, напримѣръ, [illegible] или кого другого? Пишетъ ко мнѣ супруга князя Ростислава Верхуслава, желая видѣть тебя епископомъ въ Новгородѣ на мѣсто Антонія, или въ Смоленскѣ на мѣсто Лазаря, или въ Юрьевѣ на мѣсто Алексія, и говоритъ: я готова ради тебя и Поликарпа истратить хоть бы до тысячи серебра. Но я отвѣчалъ ей: дочь моя Анастасія! Дѣло не богоугодное хочешь ты сдѣлать. Если бы Поликарпъ остался въ монастырѣ и съ чистою совѣстію, въ послушаніи игумену и всей братіи, въ совершенномъ воздержаніи проводилъ жизнь, то не только во святительскую одежду былъ бы облеченъ, но удостоился бы и небеснаго царства. А ты, братъ, епископства ли пожелалъ? Доброе дѣла желаеши, но прочитай, что говоритъ апостолъ Павелъ къ Тимоѳею, и подумай, находишь ли ты въ себѣ тѣ качества, какія долженъ имѣть епископъ. Если бы ты былъ достоинъ такого сана, я не отпустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы тебя намѣстникомъ въ обѣ епископіи: во Владимиръ и въ Суздаль, какъ хотѣлъ князь Георгій. Братъ, не въ томъ совершенство, чтобы быть славимымъ отъ всѣхъ, но въ томъ, чтобы исправить свое житіе и явить себя чистымъ. Изъ Печерскаго монастыря многіе поставлены во епископовъ. Какъ отъ самого Христа Бога нашего апостолы посланы были во всю вселенную, такъ отъ Его Матери, Госпожи нашей Богородицы, изъ монастыря Ея многіе поставлены были во епископовъ по всей землѣ русской. Первый — ростовскій Леонтій, великій святитель, котораго Богъ прославилъ нетлѣніемъ. Это былъ первый престольникъ, котораго невѣрные много мучили и били, и онъ сталъ третьимъ гражданиномъ русскаго міра, получивъ вмѣстѣ съ двумя варягами вѣнецъ отъ Христа, ради котораго пострадалъ. О [illegible] Иларіонѣ митрополитѣ ты самъ читалъ въ житіи [illegible] Антонія, [illegible] имъ [illegible] поставленъ и послѣ того [illegible]

Послѣ нихъ поставлены были епископами Николай и Ефремъ въ Переяславль, Исаія въ Ростовъ, Германъ въ Новгородъ, Стефанъ во Владимирь, Нифонтъ во Новгородъ, Маринъ въ Юрьевъ, Мина въ Полоцкъ, Николай въ Тмуторокань, Феоктистъ въ Черниговъ, Лаврентій въ Туровъ, Лука въ Бѣлгородъ, Ефремъ въ Суздаль. Если хочешь знать обо всѣхъ, прочти старую лѣтопись ростовскую и найдешь, что всѣхъ было болѣе 30, а если считать далѣе и до насъ грѣшныхъ, думаю, будетъ около 50. Пойми же, братъ, какова слава сего монастыря, и, утвердившись, покайся и возлюби тихое и безмятежное житіе, къ которому Господь привелъ тебя. Я былъ бы радъ оставить епископство и служить игумену въ томъ святомъ Печерскомъ монастырѣ, но знаешь, что удерживаетъ меня. Кто не знаетъ, что у меня, грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь во Владимирѣ, красота города, а другая въ Суздалѣ, которую я самъ создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ! И десятину собираютъ по всей землѣ той, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ: всю сію славу и власть за уметы вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хоть коломъ торчать за воротами и соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ, и быть попираему людьми. Одинъ день въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести: въ немъ хотѣлъ бы я жить лучше, нежели въ селеніяхъ грѣшничихъ". Такъ оканчивается первая часть посланія св. Симона.

Вторую часть можно назвать преимущественно историческою: то, чему прежде онъ училъ Поликарпа общими наставленіями, то самое теперь старается представить ему въ живыхъ назидательныхъ примѣрахъ, которые все заимствуетъ изъ исторіи Печерской обители, дѣлая къ нему по мѣстамъ приличныя обращенія. Всѣхъ разсказовъ въ этой части девять.

Третья и послѣдняя часть посланія Симонова также вся содержанія историческаго; только обращена уже не къ одному Поликарпу, а и ко всѣмъ вѣрующимъ. Въ этой части можно различать шесть отдѣльныхъ сказаній.

Особенную цѣну посланію св. Симона, какъ сочиненію историческому, придаетъ то, что онъ почти вездѣ указываетъ источники, которыми пользовался, и источники достовѣрные. Объ однихъ лицахъ и событіяхъ онъ говоритъ какъ очевидецъ; о другихъ какъ слышалъ отъ очевидцевъ; о третьихъ

слышалъ изъ вторыхъ устъ. Въ нѣкоторыхъ разсказахъ онъ ссылается на живыя и общеизвѣстныя преданія, сохранявшіяся въ Печерской обители. Еще въ нѣкоторыхъ ссылается на синодики этой обители, на иконы, книги и другія вещи, хранившіяся въ ней отъ извѣстныхъ лицъ. Наконецъ, нѣсколько разъ указываетъ на какое-то житіе преп. Антонія, до насъ не дошедшее, и на житіе преп. Феодосія, составленное Несторомъ.

Какъ бы продолженіемъ посланія Симонова къ Поликарпу служитъ посланіе самого Поликарпа къ кіевопечерскому архимандриту Акиндину. Какъ бы продолженіемъ, потому что Поликарпъ, дѣйствительно, продолжаетъ писать о томъ же предметѣ, о которомъ писалъ и Симонъ, — о Кіевопечерской обители, и повѣствуетъ именно о тѣхъ печерскихъ черноризцахъ, о которыхъ Симонъ еще не писалъ, а съ другой стороны, и потому, что въ своихъ сказаніяхъ Поликарпъ почти исключительно пользуется тѣмъ, что слышалъ прежде изъ устъ Симона, изрѣдка только ссылаясь на неизвѣстное намъ житіе преп. Антонія. Слѣдовательно, Поликарпу принадлежитъ это посланіе болѣе по формѣ, а содержаніемъ своимъ оно обязано преимущественно Симону. Трогательныя убѣжденія послѣдняго, вѣроятно, глубоко подѣйствовали на воспріимчивую душу юнаго Поликарпа, онъ остался жить въ Печерской обители простымъ черноризцемъ, началъ повиноваться настоятелю своему Акиндину и по его-то желанію принялъ на себя и выполнилъ настоящій письменный трудъ (около 1231 г.), въ память и наученіе будущимъ инокамъ. Въ этомъ трудѣ заключается двѣнадцать отдѣльныхъ разсказовъ о великихъ подвижникахъ печерскихъ, — разсказовъ поучительныхъ и разнообразныхъ. Эти разсказы почти всѣ гораздо обстоятельнѣе и обширнѣе разсказовъ св. Симона: такъ какъ Симонъ имѣлъ въ виду опредѣленную цѣль и иногда упоминаетъ лишь объ одномъ или двухъ случаяхъ изъ жизни какого-либо подвижника, въ назиданіе Поликарпу, а Поликарпъ старался, по возможности, начертать полныя житія избранныхъ имъ святыхъ. Нѣкоторые разсказы Поликарповы оканчиваются обращеніями къ Акиндину и нравственными соображеніями. Такъ въ концѣ сказанія о Лаврентіи затворникѣ, во дни котораго по свидѣтельству [illegible] бѣсноватаго, приведеннаго въ Печер- [illegible]

зяихъ власть надъ бѣсами. Поликарпъ замѣчаетъ: „Вотъ почему и написалъ тебѣ, господинъ Акиндинъ, да не покроются тьмою невѣдѣнія дивныя чудеса, знаменія и исправленія тѣхъ блаженныхъ и преподобныхъ нашихъ отцовъ, да увѣдаютъ и прочіе ихъ святое житіе и то, что въ одно время были такіе мужи, числомъ до тридцати, которые могли словомъ изгонять бѣсовъ. Нѣкоторые другіе разсказы Поликарповы, не имѣющіе подобныхъ приложеній въ концѣ, имѣютъ ихъ въ началѣ. Напримѣръ, житіе преп. Марка печерника начинается такъ. „Мы, грѣшные, подражаемъ древнимъ жизнеописателямъ. Но они употребили много труда, странствовали въ пустыняхъ и горахъ и пропастяхъ земныхъ, и однихъ изъ преподобныхъ мужей, о которыхъ писали, видѣли сами, а о другихъ — о ихъ жизни, чудесахъ и богоугодныхъ дѣлахъ слышали отъ преждебывшихъ отцовъ, и такимъ образомъ составили патерики, которые мы читая, наслаждаемся тѣми духовными словами. Я же, недостойный, и разума истины не постигъ, и ничего такого не видѣлъ, а только послѣдуя мною слышанному отъ епископа Симона, написалъ это твоему отчеству. Я никогда не обходилъ св. мѣстъ, не видѣлъ ни Іерусалима ни Синайской горы, дабы приложить что-нибудь къ моей повѣсти, какъ имѣютъ обычай украшаться хитрословесники. Я же не хочу хвалиться ничѣмъ, какъ только св. монастыремъ Печерскимъ и бывшими въ немъ св. черноризцами, ихъ житіемъ и чудесами, которыя воспоминаю съ радостію: ибо и я, грѣшный, желаю молитвы тѣхъ св. отцовъ. Отсюда начну повѣсть о преп. Маркѣ печерникѣ...“ Подобныя же краткія вступленія, впрочемъ болѣе нравственнаго содержанія, есть и еще при четырехъ житіяхъ, помѣщенныхъ въ посланіи Поликарпа.

Какъ памятникъ литературный, это посланіе уступаетъ по достоинству посланію св. Симона. Разсказъ у Поликарпа также простъ, естественъ, но менѣе проникнутъ теплотою чувства и болѣе растянутъ, слогъ не столько точенъ и правиленъ и замѣтно страждетъ многословіемъ; самыя мысли въ тѣхъ случаяхъ, когда Поликарпъ позволяетъ себѣ говорить отъ своего лица, менѣе зрѣлы и послѣдовательны, нежели у св. Симона. Но, какъ сочиненіе историческое, судя по источникамъ, какими пользовался Поликарпъ, посланіе его можетъ быть поставлено совершенно наравнѣ съ посланіемъ св. Симона, и, при единствѣ предмета и самыхъ источниковъ, объ

которыя представляются какъ бы только частями одного цѣлаго. Это-то, какъ извѣстно, и послужило главною основою для Кіево-печерскаго патерика. Кіевопечерскій патерикъ важенъ для насъ въ трояком отношеніи: церковномъ, литературномъ и историческомъ. Въ церковномъ это одна изъ самыхъ благочестивыхъ книгъ, какія предлагаетъ св. Церковь для чтенія православнымъ, книга тѣмъ болѣе близкая сердцу русскихъ и назидательная, что она повѣствуетъ о нашихъ отечественныхъ и притомъ первыхъ подвижникахъ, о началѣ и процвѣтаніи нашей святой, великой, чудотворной Лавры. Въ литературномъ это, по крайней мѣрѣ въ главныхъ частяхъ своихъ, одинъ изъ древнѣйшихъ и притомъ лучшихъ памятниковъ нашей духовной письменности частію XI, а частію XIII в. Въ историческомъ: это одинъ изъ наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ нашей церковной, частію и гражданской исторіи въ древній періодъ, столь небогатый источниками.

Митр. Макарій.

Патерикъ и его содержаніе.

Патериками (*πατερικόν*, подразум. *βιβλίον*, по-русски отечникъ, отечная книга, т.-е. книга отцовъ или объ отцахъ) у грековъ назывались въ области аскетической литературы собранія или краткихъ, исполненныхъ чудесъ, повѣстей о подвижникахъ какой-нибудь знаменитой иночествомъ мѣстности или краткихъ аскетически-нравоучительныхъ словъ этихъ отцовъ, или же того и другого вмѣстѣ. Такъ извѣстны патерики египетскіе (азбучный и скитскій), іерусалимскій, синайскій. Нашъ Патерикъ печерскій, представляя собой подражаніе патерикамъ греческимъ, явился собраніемъ перваго рода, именно собраніемъ краткихъ, исполненныхъ чудесъ, повѣстей о подвижникахъ Печерскаго монастыря и о самомъ монастырѣ. Первое начало Патерику печерскому положилъ нашъ первый лѣтописецъ. Будучи монахомъ Печерскаго монастыря, онъ не могъ оставить, чтобы, передавая потомству дѣянія, такъ сказать, чужихъ, не увѣковѣчить славы своего родного мѣста. Разсказавъ подробно, во-первыхъ, подъ 1051 г. объ основаніи монастыря преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, и во-вторыхъ, подъ 1074 годомъ о смерти Ѳеодосія, лѣтописецъ присоединяетъ къ послѣднему изъ разсказовъ, на похвалу и на

щ: поставленіе монастыря, повѣсть о бывшемъ въ немъ жительствѣ при Феодосіи послѣ его смерти. Сказавъ, что совокупленные Феодосіемъ и оставшіеся послѣ него черньцы яко свѣтила въ Руси сіяли, что одни изъ нихъ упражнялись въ однихъ подвигахъ, другіе въ другихъ, и что всѣ они представляли собою образъ ... зуемаго крѣпкою и высокою любовію братства, лѣтописецъ затѣмъ, какъ онъ говоритъ, „намѣняетъ нѣколико мужь чудныхъ", т.-е. разсказываетъ, какъ бы къ примѣру, о нѣсколькихъ подвижникахъ печерскихъ, еще при своей жизни прославившихся тѣмъ или другимъ даромъ чудотворенія.

Послѣ небольшаго начала, положеннаго лѣтописцемъ, дальнѣйшихъ повѣствованій о подвижникахъ и чудотворцахъ печерскихъ не являлось въ продолженіе около ста съ четвертью лѣтъ. Наконецъ, въ первой половинѣ XIII вѣка почти заразъ написаны были два собранія повѣстей о нихъ, которыя и составили собственный Патерикъ печерскій. Авторами этихъ собраній были епископъ владимірскій и суздальскій Симонъ и монахъ Печерскаго монастыря Поликарпъ.

Собраніе сказаній, написанныхъ Симономъ, состоитъ изъ девяти отдѣльныхъ разсказовъ о чудотворцахъ печерскихъ и изъ пяти, составляющихъ одно цѣлое, частныхъ разсказовъ о чудесахъ, сопровождавшихъ построеніе главной Печерской церкви. Что касается до времени жизни лицъ и времени событій, о которыхъ разсказываетъ Симонъ, то въ двухъ случаяхъ онъ говоритъ какъ очевидецъ, въ двухъ передаетъ со словъ очевидцевъ, во всѣхъ же остальныхъ источникомъ его свѣдѣній должны быть считаемы сохранявшіяся въ Печерскомъ монастырѣ преданія.

Собраніе Симона дополнилъ новымъ собраніемъ тотъ самый Поликарпъ, къ которому писалъ онъ, и который адресовалъ свой трудъ, какъ бы посланіе, тогдашнему архимандриту печерскому Акиндину. Сначала читается краткое вступленіе или обращеніе, въ которомъ Поликарпъ говоритъ Акиндину, во-первыхъ, объ источникѣ своихъ свѣдѣній, во-вторыхъ, о томъ, почему пишетъ ему вмѣсто того, чтобы разсказывать устно, затѣмъ слѣдуютъ самыя повѣсти, которыхъ у Поликарпа числомъ 11.

Содержаніе всѣхъ разсказовъ Симона и Поликарпа составляютъ чудеса, совершившіяся въ Печерскомъ монастырѣ. Отличительная черта наибольшей части чудесъ есть ихъ исключи-

цѣльность и великость или особенная необычайность. Самъ Симонъ, указывая на эту черту ихъ Поликарпу, спрашиваетъ его: „поистинѣ, брате Поликарпе, гдѣ слышалъ ты о такихъ дивныхъ чудесахъ, какія творились во святомъ Печерскомъ монастырѣ?“ Разсказавъ о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной церкви Печерской, Симонъ пишетъ: „прошли мы книги ветхаго и новаго завѣта и нигдѣ не находили о святыхъ церквахъ такихъ чудесъ, какъ объ этой“.

Въ литературномъ отношеніи оба сочиненія, и Симоново и Поликарпово, очень удовлетворительны. Симонъ въ своей вступительной части къ разсказамъ или въ своемъ собственномъ обличительномъ письмѣ къ Поликарпу даетъ видѣть въ себѣ не просто толковаго разсказчика, но вообще писателя и оратора очень замѣчательнаго.

Величайшее сравнительно множество дошедшихъ до насъ списковъ Патерика печерскаго несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ самою любимою четьею книгою нашихъ предковъ. Онъ во всѣ времена усердно читаемъ былъ, во-первыхъ, по причинѣ его высокаго духовнаго интереса, во-вторыхъ, потому, что великими чудесами Богъ благоволилъ ознаменовать святое мѣсто у насъ на Руси, и что такимъ образомъ онъ, Патерикъ, повѣствуя о сихъ чудесахъ, даетъ доказательство особеннаго Божія благоволенія именно къ нашей Руси.

Представляемъ краткій обзоръ собранія Симона и Поликарпа*).

*) Собственно Патерикъ печерскій, по намѣренію писавшихъ, составляетъ собраніе сказаній Симонова и Поликарпова. [illegible] Патерикъ [illegible] съ большимъ или меньшимъ количествомъ статей дополнительныхъ, начиная [illegible] смерти Θеодосіевой и о первыхъ подвижникахъ, объ открытіи мощей Θеодосія, Несторово житіе Θеодосія и пр.) и кончая весьма не близкими къ нимъ [illegible] государства. По этимъ добавочнымъ статьямъ, которыя въ однихъ спискахъ находятся въ одномъ, въ другихъ — другомъ количествѣ, послѣдніе раздѣл[illegible] группы или редакціи. Кромѣ того, и самыя собранія Симона и Поликарпа не во всѣхъ спискахъ читаются въ одномъ и томъ же видѣ: состоя каждое изъ многихъ отдѣльныхъ повѣстей, и, кромѣ того, первое изъ трехъ отдѣльныхъ частей (самое посланіе къ Поликарпу, сказанія о чудотворцахъ печерскихъ и сказаніе о чудесахъ при построеніи Печерской церкви), они представляли возможность

Первое, какъ мы сказали, состоитъ изъ трехъ частей: обличительнаго письма къ Поликарпу, сказаній о подвижникахъ печерскихъ и сказаній о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной Печерской церкви. Оставляя первую часть, начнемъ прямо со второй. Она состоитъ изъ сказаній

1) Объ Онисифорѣ пресвитерѣ и недостойномъ инокѣ. У Онисифора былъ одинъ духовный сынъ и другъ изъ числа монаховъ, который по наружности являлся подражателемъ святого, казался постникомъ, но втайнѣ ѣлъ, пилъ и жилъ скверно, что утаилось отъ его духовнаго отца. Въ одинъ день онъ внезапно умеръ, и отъ тѣла его пошелъ такой смрадъ, что никто не могъ терпѣть. Хотѣли было выбросить его вонъ изъ пещеры, гдѣ онъ былъ съ трудомъ погребенъ, но по молитвѣ святого, которому было открыто въ видѣніи о причинѣ смрада, послѣдній пропалъ, и явившійся преп. Антоній сказалъ Онисифору: „смиловался я надъ душой этого брата, потому что не могу нарушить обѣта моего: я обѣщался вамъ, что всякій, положенный здѣсь, будетъ помилованъ, хотя бы и грѣшенъ.

перестановки и выпуска — то и другое отдѣльныхъ сказаній, а первое, кромѣ [illegible]
промежуткомъ вставочныхъ статей.

быть... никто изъ монастыря этого не будетъ осужденъ на муку...“

2) Объ Евстратіи постникѣ. Взятый въ плѣнъ половцами при одномъ изъ нападеній ихъ на Кіевъ и Печерскій монастырь, онъ проданъ былъ одному корсунскому жиду. Послѣ многихъ истязаній и мученій, жидъ распялъ его въ [illegible] на крестѣ, на которомъ онъ оставался живымъ въ продолженіе 15-ти дней. Смерть его, послѣдовавшая отъ пронзенія копьемъ, сопровождалась чудесами, а его мучителя и всѣхъ жидовъ корсунскихъ постигъ тяжкій небесный гнѣвъ.

3) О Никонѣ многотерпѣливомъ и сухомъ. Бывъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Евстратіемъ, онъ не хотѣлъ, чтобы его выкупили, какъ то готовы были сдѣлать родственники и сторонніе, а желалъ терпѣть для Господа. За это половцы мучили его безъ всякой милости. Наконецъ послѣ трехлѣтнихъ страданій онъ невидимо былъ освобожденъ изъ плѣна и невидимо перенесенъ въ Печерскій монастырь, въ которомъ послѣ того долго оставался въ живыхъ, весь изсохшій и сгнившій отъ ранъ, полученныхъ въ плѣну.

4) О священномученикѣ Кукшѣ и Пименѣ постникѣ. Первый, крестивъ вятичей, много перенесъ мученій отъ невѣрныхъ и, наконецъ, былъ убитъ ими съ ученикомъ своимъ. Второй, прозрѣвшій свою смерть за два года, возвѣстилъ въ монастырѣ объ убіеніи Кукши въ часъ сего послѣдняго и умеръ въ одинъ съ нимъ день.

5) Объ Аѳанасіи затворникѣ. Скончавшись послѣ продолжительной болѣзни, по небреженію онъ не былъ погребенъ въ самый день смерти (какъ это дѣлалось въ то время); когда на другой день пришли хоронить его, онъ оказался живымъ, ибо воскресъ изъ мертвыхъ. Преподавъ братіи, по ея усиленной просьбѣ, нѣсколько наставленій и между ними главное молиться, чтобы окончить жизнь въ монастырѣ и сподобиться погребенія въ пещерѣ со святыми отцами, онъ заключился въ безвыходный и безмолвный затворъ, въ которомъ пробылъ послѣ того 12 лѣтъ. Когда онъ умеръ во второй разъ, то при тѣлѣ его совершилось чудо исцѣленія отъ болѣзни. (О послѣднемъ чудѣ слышано отъ самого исцѣленнаго.)

6) О преподобномъ Святошѣ, князѣ черниговскомъ. Святоша, что есть уменьшительное отъ Святославъ, былъ сынъ Давида и внукъ Святослава черниговскихъ и правнукъ Ярослава Ве-

..икало: онъ былъ между князьями первый, добровольно постригшійся въ монахи, и единственный, постригшійся не передъ смертію, а еще задолго до нея съ цѣлью быть настоящимъ монахомъ. Принявъ монашество съ именемъ Николая въ Печерскомъ монастырѣ въ 1106 году, онъ неисходно прожилъ въ немъ 36 лѣтъ, прошелъ должности повара и вратаря и все время монашества провелъ въ вольной убогой нищетѣ и въ подвигахъ поста, за что удостоился дара прозрѣнія и чудотвореній.

7) О черноризцѣ Еразмѣ. Пришедъ въ монастырь съ большимъ богатствомъ, онъ все употребилъ его на окованіе монастырскихъ иконъ. Истративъ все и дошедъ до нищеты, онъ вмѣсто ожидаемыхъ почестей, какъ ничего не имущій, началъ быть пренебрегаемъ отъ братіи: сталъ онъ отчаяваться, что не получитъ и вѣчной награды за истраченное, потому что употребилъ его на церковь, а не на милостыню роздалъ; вслѣдствіе сего впалъ въ искушеніе діавольское, началъ нерадѣть о житіи своемъ и проводить дни свои во всякомъ небреженіи и безчинствѣ. Но, постигнутый тяжкою болѣзнію, онъ удостоился видѣнія преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія съ Божіею Матерью, изъ которыхъ двое первыхъ сказали ему, что по ихъ молитвѣ Господь даетъ ему время покаяться, а вторая сказала: за то, что ты украсилъ церковь Мою и иконами возвеличилъ ее, Я тебя поставлю въ царствѣ Сына Моего. Послѣ сего онъ исповѣдалъ предъ всѣми грѣхи свои, принялъ схиму и на 3-й день скончался съ миромъ. (Слышанное отъ очевидцевъ.)

8) О черноризцѣ Аретѣ. Имѣвъ большое богатство, онъ былъ чрезвычайно скупъ, такъ что и самого себя морилъ голодомъ. Въ одну ночь воры покрали все его богатство, отъ чего онъ впалъ въ великое отчаяніе, не хотѣлъ слышать никакихъ увѣщаній и утѣшеній братіи. Но Господь, который хочетъ всѣхъ спасти, вразумилъ его посредствомъ видѣнія пришедшихъ къ нему ангеловъ и діаволовъ. Послѣ этого онъ покаялся, а пропавшее серебро было вписано ангелами въ милостыню (разсказываетъ какъ очевидецъ).

9) О Титѣ священникѣ и Евагріи діаконѣ. Титъ и Евагрій сначала были великими друзьями, а потомъ, по враждѣ діавола, стали ожесточенными врагами. Когда первый однажды разболѣлся и, бывъ при смерти, захотѣлъ примириться со вто-

римъ, то братія никакъ не могла заставить сдѣлать это Еваргія, который сказалъ: никогда не хочу примириться съ нимъ ни въ этомъ вѣкѣ ни въ будущемъ. За это невидимо пораженъ былъ отъ ангела внезапною и страшною смертію (разсказываетъ какъ очевидецъ).

Третья часть о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной Печерской церкви:

1. О Шимонѣ, князѣ варяжскомъ. Якунъ слѣпой, князь варяжскій, помогавшій Ярославу противъ Святополка, послѣ смерти брата своего Африкана, изгналъ двухъ его сыновей изъ ихъ областей. Одинъ изъ двоихъ изгнанныхъ, по имени Шимонъ, пришелъ служить къ Ярославу, который имѣлъ его въ чести и сдѣлалъ старшимъ бояриномъ у сына своего Всеволода. Этотъ Шимонъ началъ имѣть особую любовь къ монастырю Печерскому по тому случаю, что когда въ 1066 году сыновья Ярославовы Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, отправляясь въ походъ на половцевъ, пришли къ Антонію для молитвы и благословенія, то старецъ предрекъ имъ пораженіе, а Шимону, который былъ вмѣстѣ съ князьями, предрекъ явно, но и спасеніе и погребеніе послѣ мирной смерти въ своемъ монастырѣ, и, что согласно съ симъ пророчествомъ, Шимонъ, бывъ раненъ, чудесно былъ избавленъ отъ опасности плѣна и вмѣстѣ исцѣленъ отъ ранъ. Послѣ этого случая Шимонъ, пришедъ къ Ѳеодосію, разсказалъ ему, что отецъ его Африканъ устроилъ крестъ, на который возложилъ золотой вѣнецъ и золотой поясъ, что когда онъ, Шимонъ, собираясь бѣжать, взялъ вѣнецъ и поясъ, то къ нему былъ небесный гласъ: никогда не возлагай вѣнца на свою голову, а неси его на уготованное ему мѣсто, гдѣ строится церковь Матери Моей преподобными и отдай имъ въ руки, чтобы повѣсили надъ моимъ жертвенникомъ, что, плывя по морю во время великой бури, онъ видѣлъ съ спутниками на небѣ церковь и слышалъ о ней, что это есть та церковь, которая имѣетъ быть построена преподобными, и что ему дана была мѣра той церкви, измѣренная поясомъ со креста, который онъ несъ съ собою. До сихъ поръ, заключилъ Шимонъ свой разсказъ, я не зналъ, гдѣ будетъ построена видѣнная мною церковь, а теперь изъ твоихъ устъ, что буду положенъ здѣсь, въ имѣющей быть созданною церкви, я сіе узналъ. Съ этими словами Шимонъ, переименованный отъ преподобнаго въ Симона, вручилъ ему

вѣнецъ и поясъ. Далѣе разсказывается, какъ этотъ Симонъ, пришедъ къ преп. Θеодосію, испросилъ у него, во увѣреніе того, что онъ молится за него и за родъ его такъ же, какъ о своихъ черницахъ, писанную молитву. Затѣмъ прибавочная повѣсть, какъ сынъ этого Симона, Георгій, въ правленіе Юрія Долгорукова, оковалъ гробъ преп. Θеодосія, какое дѣло ознаменовалось чудомъ надъ невѣрнымъ поручникомъ Георгія, на котораго онъ возложилъ дѣло.

2) О зодчихъ и

3) О живописцахъ. И тѣ и другіе чудесно были присланы изъ Константинополя, — первые при жизни Антонія и Θеодосія Божіей Матерію, приславшею и намѣстную икону для церкви, вторые самими, уже преставившимися, Антоніемъ и Θеодосіемъ.

4) Объ Іоаннѣ и Сергіи. Въ Кіевѣ были два человѣка отъ великихъ града Іоаннъ и Сергій, которые вступили въ духовное братство предъ чудной иконой Божіей Матери, присланной ею самой. Спустя много лѣтъ, Іоаннъ, разболѣвшись и готовясь умереть, призвалъ Сергія и вручилъ ему на храненіе деньги, которыя оставлялъ пятилѣтнему сыну въ наслѣдство. Достигнувъ 15-лѣтняго возраста, этотъ сынъ Іоанна пожелалъ получить отъ Сергія свое имѣніе, но тотъ заперся и не хотѣлъ отдавать. Тогда призванная во свидѣтельницы икона Божіей Матери, предъ которою заключено было духовное братство, обличила и жестоко наказала Сергія и вмѣстѣ удвоила находившіяся у него на храненіи деньги.

5) О святой трапезѣ. Когда церковь была совсѣмъ готова, долго искали мастера, который бы сдѣлалъ каменную доску для престола, и, не нашедши, рѣшили приготовить доску деревянную. Но митрополитъ тогдашній Іоаннъ не хотѣлъ, чтобы въ такой великой церкви была на престолѣ деревянная доска. Игуменъ былъ въ великой печали. Но когда наканунѣ назначеннаго ея освященія пришли въ церковь пѣть вечерню, то у алтарной преграды нашли каменную доску. На освященіе церкви собралось нѣсколько епископовъ, которые никѣмъ не были званы, а явились по чудесному званію.

Въ собраніи Поликарпа содержатся повѣсти:

1) О Никитѣ затворникѣ, послѣ епископѣ новгородскомъ. Этотъ Никита, желая пріобрѣсти славу у людей, несмотря на запрещенія и увѣщанія игумена, уединился въ затворъ.

Но скоро, какъ предрекалъ игуменъ, онъ прельщенъ былъ бѣсомъ, который являлся ему въ образѣ ангела, и при помощи котораго онъ дѣйствительно прославлялся у людей. Наконецъ, изъ его отвращенія къ книгамъ новаго завѣта, которыхъ онъ не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать, ни читать, было познано, что онъ прельщенъ отъ врага. Святые отцы, собравшиеся къ прельщенному и помолившись надъ нимъ, прогнали отъ него бѣса. Послѣ этого, вышедъ изъ затвора, Никита предалъ себя на воздержаніе, послушаніе и смиренное житіе.

2. О Лаврентіи затворникѣ. Желая войти въ затворъ и не получивъ на это дозволенія въ Печерскомъ монастырѣ, удалился въ монастырь Димитріевскій. За крѣпкое житіе удостоился дара исцѣленія. Однажды онъ не могъ выгнать бѣса изъ приведеннаго бѣсноватаго и послалъ послѣдняго въ Печерскій монастырь. При этомъ бѣсъ засвидѣтельствовалъ, что въ Печерскомъ монастырѣ есть 30 иноковъ, которые могутъ изгнать его однимъ словомъ.

3. О св. Агапитѣ, безмездномъ врачѣ. Исцѣлялъ больныхъ молитвою и зельемъ, которое вкушалъ. Между другими исцѣлилъ Владимира Всеволодовича Мономаха. Посрамилъ бывшаго въ то время въ Кіевѣ врача, родомъ изъ армянъ, и, наконецъ, расположилъ его перейти въ православіе и принять монашество въ Печерскомъ монастырѣ.

4. О св. Григоріи чудотворцѣ. Прилежа къ молитвѣ, получилъ побѣду на бѣсовъ. По наученію бѣсовъ обокраденный ворами, чудеснымъ образомъ наказалъ послѣднихъ. Смерть принялъ отъ руки одного разгнѣваннаго князя, который приказалъ бросить его въ Днѣпръ, при чемъ мертвый съ камнемъ на шеѣ, съ которымъ былъ брошенъ, очутился въ своей кельѣ.

5. Объ Іоаннѣ затворникѣ.

6. О Моисеѣ Угринѣ.

7. О Прохорѣ Лебедникѣ. Питался одною лебедою, не вкушая ничего болѣе. Во время голода питалъ неимущихъ хлѣбомъ изъ этой лебеды, которые казались получившимъ ихъ отъ Прохора чистыми и вкусными хлѣбами. Однажды, когда [illegible] войны не было подвоза соли, [illegible] раздача [illegible] превратилъ въ соль пепелъ. Обличилъ [illegible] вел. кн. Святополка Изяславича.

[illegible] Маркѣ Печерникѣ. [illegible]

мался тѣмъ, что копалъ могилы въ пещерѣ для умирающихъ и на своихъ плечахъ выносилъ землю. За свою богоугодную жизнь сподобился такого дара чудотвореній, что его голоса слушались мертвые.

9. О Ѳеодорѣ и Василіи. Ѳеодоръ предъ поступленіемъ въ монашество роздалъ все свое богатство нищимъ, но въ монастырѣ началъ раскаиваться и подвергся искушенію отъ демона сребролюбія. Василій былъ орудіемъ его исцѣленія отъ болѣзни душевной. Оба они пострадали отъ одного, не совсѣмъ ясно какимъ образомъ имѣвшаго въ Кіевѣ власть, князя, бывъ оклеветаны послѣднему демономъ.

10. О Спиридонѣ просфорникѣ и Алимпіи иконописцѣ. Тотъ и другой обладали даромъ чудотвореній.

11. О многострадальномъ Пименѣ. Родившись и выросши въ болѣзни, онъ желалъ постричься въ монахи; но родители, надѣясь на его выздоровленіе, не дозволяли ему этого. Принесенный для исцѣленія въ Печерскій монастырь, онъ постриженъ былъ въ одну ночь ангелами. Пролежавъ много лѣтъ въ болѣзни, сотворилъ многія и великія чудеса.

Существующій съ давняго времени печатный Патерикъ печерскій не представляетъ собою напечатаннаго собранія древнихъ сказаній въ ихъ подлинномъ видѣ, но есть позднѣйшая изъ нихъ и на основаніи ихъ компиляція или обработка, по достоинству своему далеко не удовлетворительная. Собственнымъ ея составителемъ былъ Сильвестръ Коссовъ, епископъ мстиславскій и могилевскій (1635—1647), потомъ митрополитъ кіевскій († 1657), который напечаталъ свой трудъ на польскомъ языкѣ въ 1635 г. Но монахи печерскіе, рѣшивъ издать этотъ Патерикъ на русскомъ языкѣ, подвергли его своей собственной передѣлкѣ, при чемъ не только нѣсколько измѣнили его, но и нѣсколько ухудшили. Въ первый разъ они напечатали свою новую редакцію въ 1661 г., въ архимандритство Иннокентія Гизіеля или Гизеля, подъ заглавіемъ: Патерикъ или отечникъ печерскій, содержащь житія святыхъ преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, просіявшихъ въ пещерахъ и проч. Послѣ предисловія къ читателю православному, содержащаго отвѣты противу хуленіямъ на святыхъ печерскихъ, Патерикъ раздѣляется на три части: въ первой — житія Антонія и Ѳеодосія; во второй — Несторово сказаніе о построеніи церкви (съ Симоновымъ), житія игуменовъ Стефана, Никона и

Варлаама, житія преп. Ефрема епископа переяславскаго и Исаіи епископа ростовскаго и изъ лѣтописи житія преп. Даміана, Іереміи, Матѳея и Исаакія; во второй — сказанія Поликарповы съ присоединеніемъ на концѣ — ихъ начала или вступительнаго обращенія Поликарпа къ Акиндину, въ третьей — сказанія Симоновы съ присоединеніемъ на концѣ житія Нифонта епископа новгородскаго, первой или обличительной части посланія Симона къ Поликарпу и житіи писателей Патерика — Нестора лѣтописца, епископа Симона и Поликарпа, котораго составители принимаютъ за одно лицо съ архимандритомъ Поликарпомъ, умершимъ въ 1182 г.

Е. Голубинскій.

Житія въ отношеніи къ другимъ литературнымъ памятникамъ.

Грамотнаго человѣка занимали не сказочные подвиги въ родѣ Добрыни Никитича или Алеши Поповича: къ нимъ, какъ созданьямъ вымысла и притомъ вымысла грѣховнаго, не могъ онъ питать сочувствія. Ему нужна была истина, а потому онъ болѣе удовлетворялся лѣтописью. Впрочемъ, разсказы о томъ, что дѣлалось въ томъ или другомъ городѣ, какъ вздорили между собою князья, или какъ опустошали русскую землю половцы, татары и литва, могли быть очень интересны и назидательны; но разсказы эти дѣйствовали болѣе на умъ и отчасти на патріотическое чувство, а творческое воодушевленіе оставляли въ покоѣ, и потому нисколько не могли обнять всѣ духовные интересы человѣка, какъ обыкновенно обхватываетъ ихъ произведеніе, собственно художественное. Даже сама лѣтопись, чтобы вполнѣ овладѣть вниманіемъ читателя, чтобы обхватить все нравственное существо его, время отъ времени, переходила отъ свѣтской исторіи къ житію святыхъ, отъ того, что дѣлалось просто и обыкновенно, къ тому, что совершалось въ мірѣ чудесъ по невѣдомымъ человѣку божественнымъ силамъ. Такимъ образомъ, сама лѣтопись, выступая изъ предѣловъ дѣйствительности и проникаясь вѣрою въ чудесное, иногда могла возносить читателя въ міръ идеальный.

Но собственное назначеніе изображать этотъ высшій, идеальный міръ принадлежитъ житіямъ. У русскихъ [illegible]

Начиная свой разсказъ, авторъ житія тотчасъ же переносится своимъ восторженнымъ духомъ къ высокому идеалу нравственнаго совершенства въ лицѣ того угодника, о которомъ пишетъ. Какъ старинный миніатюристъ XIII вѣка, украшая священныя рукописи изображеніями, хотя и *самоучка, былъ не искусенъ*, но, отъ благочестиваго умиленія, по выраженію Данта, *трепетала рука его*: такъ и авторъ житія, приступая къ своему благочестивому подвигу, признается, что онъ, взявъ трость и начавъ ею писать, не разъ бросалъ ее: „трепетна бо ми десница, яко скверна сущи и недостойна къ начинанію повѣсти“; но потомъ, утѣшаясь молитвою и находя въ ней для себя и нравственную подпору и творческое вдохновеніе, принимался писать, какъ бы въ поэтическомъ восторгѣ, весь проникнутый вѣрованіемъ и любовью къ изображаемому имъ угоднику.

Буслаевъ.

Иночество и его идеалы.

Велики изображаются по житіямъ подвиги иноковъ, тяжела ихъ борьба съ грѣшною чувственностію и съ лукавыми демонами, но зато еще въ сей жизни они начинаютъ жить въ мірѣ чудесъ. Звѣри имъ служатъ, стихіи ихъ слушаются, ангелы съ ними бесѣдуютъ, будущее и отдаленное отъ нихъ не закрыто, равно и сокровенныя мысли простыхъ смертныхъ. Для періода вселенскихъ соборовъ иночество сдѣлалось тѣмъ же, чѣмъ было мученичество для Церкви первенствующей. Къ нему стремились всѣ, жаждавшіе высшихъ духовныхъ интересовъ, и аскетическій идеалъ безраздѣльно царилъ въ нравственной жизни греко-восточнаго міра. Женское иночество, какъ видно, установилось не вдругъ. Но очень рано опредѣлилось распаденіе иночества на два вида: уединенное отшельничество и общежитіе. Подъ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ центръ иноческой жизни передвигался, сначала онъ былъ въ Египтѣ, Палестинѣ и на Синаѣ; потомъ въ Константинополѣ и его окрестностяхъ (обитель студійская и неусыпаемыхъ); наконецъ на Аѳонѣ. Эпоха иконоборства угрожала рѣшительнымъ ударомъ монашеству, но послѣ нея оно опять воскресло съ новою силою, хотя жаръ первона-

чальнаго увлеченія аскетическими идеалами охладѣлъ въ значительной степени.

Но въ нашемъ отечествѣ иночество возродилось съ энтузіазмомъ и увлеченіемъ своихъ первыхъ временъ, и Патерикъ печерскій, по богатству духовно-аскетическаго эпоса, можетъ достойно соперничать съ палестинскимъ, синайскимъ и египетскимъ. Древніе аскетическіе идеалы въ житіяхъ Макарія, Евфимія и др. стояли предъ глазами русскихъ подвижниковъ; уставъ студійской обители опредѣлялъ ихъ внѣшнюю жизнь, а въ душѣ русскихъ — какъ выражается Соловьевъ — богатырей-монаховъ было много той восторженности и беззавѣтной преданности подвигу, которая создавала когда-то Антоніевъ и Макаріевъ. Русскіе иноки вошли въ кругъ идей, какими питался восточный аскетизмъ: въ трудномъ подвигѣ умерщвленія чувственности ихъ поддерживала память о смерти и страшномъ судѣ, представленіе о козняхъ діавольскихъ и вѣра въ чудесную помощь, которую Богъ всегда готовъ подать своимъ вѣрнымъ рабамъ. Что удивительнаго, если при одинаковыхъ условіяхъ повторялись одни и тѣ же явленія, если на преп. Авраамія смоленскаго бѣсы нападали такъ же, какъ на Антонія великаго, и если преп. Сергій радонежскій поновилъ въ своей жизни чудеса Евфимія великаго. Сходство между житіями греко-восточныхъ и русскихъ иноковъ такъ велико, что могло бы навести на мысль о литературномъ заимствованіи, если бы мы не знали, что тутъ повторялась жизнь, а не одни только житія.

Достойно замѣчанія, что и въ нашемъ отечествѣ, такъ же, какъ и въ Византіи, большинство святыхъ составляли иноки, сначала изъ Кіевопечерскаго, а потомъ изъ разныхъ сѣверно-русскихъ монастырей. Всѣхъ канонизованныхъ иноковъ на Руси насчитывается до 270. Если сюда присоединить 54 канонизованныхъ русскихъ іерарховъ, то окажется, что почти всѣ русскіе святые прошли путемъ иночества.

Терновскій.

Значеніе Кіевопечерскаго монастыря.

Въ [illegible] кіевскихъ и вообще южно-русскихъ обителей стояла [illegible] обитель Кіевопечерская. Настоятели ея въ ряду другихъ настоятелей занимали всегда первое мѣсто

Они только одни во всей южной России начали называться архимандритами, не оставляя, впрочемъ, и прежняго своего имени — игумена; послѣднимъ именемъ выражалось ихъ начальственное отношеніе къ своему монастырю, а наименованіемъ архимандрита — ихъ отношеніе къ прочимъ настоятелямъ и первенство надъ ними. Съ какого времени и по какому праву кіево-печерскіе игумены усвоили себѣ имя архимандрита — неизвѣстно: но въ первый разъ, по лѣтописи, это имя встрѣчается за ними въ 1174 году.

Въ ряду архимандритовъ кіево-печерскихъ первымъ былъ Поликарпъ (съ 1164 г.). Онъ пользовался особеннымъ уваженіемъ вел. кн. ростовскаго и другихъ князей и нерѣдко исполнялъ ихъ важныя порученія. Подвергся заточенію по случаю происходившихъ тогда споровъ о постѣ въ среду и пятокъ, но весьма скоро (упом. уже 1170 и 1171 г.) возвратился съ честію въ свою обитель, какъ страдавшій невинно, и продолжалъ управлять братіею. Скончался въ 1182 году, и нетлѣнныя мощи его, доселѣ почивающія въ кіевскихъ пещерахъ, служатъ живымъ доказательствомъ его высокихъ добродѣтелей. По смерти Поликарпа, случившейся 24 іюля въ субботу, произошло въ печерскомъ монастырѣ сильное волненіе: братія никакъ не могла избрать себѣ новаго настоятеля, и была общая скорбь и великая печаль. Потому во вторникъ братія ударили въ било, сошлись въ церковь и начали молиться Пресв. Богородицѣ; въ это время къ общему изумленію многіе единогласно изрекли: „пошлемъ къ священнику Василію, что на горѣ Щековицѣ, да будетъ онъ нашимъ игуменомъ“. И, пришедши, поклонились Василію и сказали: „мы всѣ, братія-черноризцы, кланяемся тебѣ и хочемъ имѣть тебя своимъ отцомъ и игуменомъ“. Пораженный этимъ священникъ, также поклонившись, отвѣчалъ: „Отцы и братія! признаюсь, что сдѣлаться черноризцемъ я уже помышлялъ въ сердцѣ своемъ; но какъ вы вздумали предлагать мнѣ, недостойному, игуменство?“ И долго противился имъ и отрекался. Наконецъ, братія взяли его и привели въ обитель въ пятницу, а въ воскресенье прибылъ туда же самъ митрополитъ Никифоръ и съ нимъ епископы: туровскій Лаврентій и полоцкій Николай, и всѣ игумены. Митрополитъ своею рукою постригъ Василія и поставилъ его игуменомъ Ѳеодосіева монастыря. Каковъ былъ архимандритъ Василій, отчасти видно

изъ посланія къ нему, съ вѣроятностію приписываемаго святителю туровскому Кириллу. Здѣсь святитель, между прочимъ, говоритъ: „честный, богоблаженный Василій, по истинѣ славный и великій во всемъ мірѣ архимандритъ, отецъ отцовъ, великій для всѣхъ путеводитель къ горнему, душа, проникающая тонкимъ умомъ своимъ всѣ богодухновенныя писанія, второй Ѳеодосій, игуменъ печерскій, хотя не по имени, но по дѣламъ и вѣрѣ, равный ему святостію, но и болѣе того возвеличенный Христомъ, какъ угодный Ему рабъ и Его Матери слуга, ибо Ѳеодосій, начавъ строить церковь, позванъ былъ Богомъ и къ Нему отошелъ; тебѣ же даровалъ Богъ не только церковь устроить, но и создать каменную ограду вокругъ лавры, гдѣ жилища святыхъ и дворы преподобныхъ. Ты какъ бы спрашиваешь меня о великомъ и святомъ образѣ схимы, въ который издавна желаешь облечься. Конечно, не по невѣдѣнію вопрошаешь о семъ, но испытуешь мое убожество, какъ учитель ученика и господинъ раба. Ты въ бѣльцахъ и въ иночествѣ велъ жизнь богоугодную и душеполезную". Изъ преемниковъ Василія (скон. послѣ 1197 г.) достопамятны Досиѳей и Акиндинъ. Первый принесъ въ Россію со св. горы Аѳонской чинъ о пѣніи [illegible] мовъ и написалъ отвѣтъ на предложенные ему вопросы о жизни аѳонскихъ иноковъ, досель уцѣлѣвшій въ рукописяхъ. Послѣдняго, который упоминается въ 1231 году при поставленіи ростовскаго епископа Кирилла, св. Симонъ, епископъ владимірскій, называетъ „мужемъ святымъ", и по его порученію черноризецъ Поликарпъ написалъ извѣстное посланіе о подвижникахъ печерскихъ, въ память и назиданіе послѣдующимъ черноризцамъ.

Въ какомъ состояніи находилась жизнь иноческая въ Печерской обители, свѣдѣній почти не сохранилось. Судя по общимъ выраженіямъ св. Симона, Печерская обитель процвѣтала благочестіемъ и пользовалась высокимъ уваженіемъ въ Россіи. Онъ называетъ ее „мѣстомъ святымъ, блаженнымъ, честнымъ, [illegible]", уподобляетъ морю, которое не держитъ въ себѣ ничего гнилого, но извергаетъ вонъ, и обращаясь къ Поликарпу, говоритъ: „Возлюби, брате, какъ велика слава этого монастыря, и, усиливаясь, покайся и возлюби тихое и безмолвное житіе, къ которому Господь призвалъ тебя. Я бы радъ оставилъ [illegible] и служилъ игумену печерскому [illegible]

мыслью, что удерживаетъ меня. И кто не знаетъ меня, грѣшнаго епископа Симона, и этой соборной церкви владимірской красоты города, и другой суздальской церкви, которую я создалъ? Сколько онѣ имѣютъ городовъ и селъ? И десятину собираютъ по всей земли той и всѣмъ тѣмъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ: всю сію славу и власть за уметы вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хотя коломъ торчать за воротами или соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ и быть попираему людьми. День одинъ въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести, и я гораздо охотнѣе согласился бы пребывать въ немъ, нежели жить въ селеніяхъ грѣшничьихъ". Можно думать, что особенно процвѣла въ Кіевопечерской обители жизнь затворническая. О затворахъ въ Кіевѣ, бывшихъ въ то время, не разъ упоминаютъ лѣтописи, и въ пещерахъ Кіевской лавры донынѣ нетлѣнно почиваютъ весьма много св. затворниковъ, которые извѣстны только по имени. Къ чести Печерскаго монастыря служило и то, что онъ далъ изъ среды своихъ иноковъ достойныхъ іерарховъ для русской Церкви. *Пр. Макарій.*

Кіевопечерскій монастырь являлся свѣтильникомъ любви, мира и добрыхъ христіанскихъ нравовъ на всю тогдашнюю Русь. Въ немъ, однимъ и тѣмъ же перомъ, началась лѣтопись государственная и лѣтопись монастырская — житія святыхъ. Обѣ струи вытекли отсюда, въ первой глядится первоначальная жизнь самого народа, во второй самъ народъ созерцалъ для себя высшіе образцы духовной жизни и къ нимъ стремился. Можно ли исчислить все доброе, которое воспитали въ немъ житія святыхъ? Онъ читалъ ихъ и улучшался; они были для него духовною школою, откуда онъ почерпалъ свое христіанское смиреніе, неистощимую любовь и преданность вѣрѣ. То, что начато было монастыремъ Кіевопечерскимъ, продолжалось послѣ, въ теченіе всей жизни древле-русской: не оскудѣвали никогда въ нашей допетровской словесности ни лѣтописныя сказанія ни преданія о жизни духовныхъ мужей, которыми воспитывалась внутренняя сила отечества. Въ примѣрахъ русской святости мы видимъ, какъ народъ нашъ понималъ христіанство и переносилъ его истину во внутреннюю глубину своего духа, не употребляя никогда оной для какихъ-нибудь внѣшнихъ, практическихъ цѣлей, сохра-

женныхъ съ выгодами человѣческой личности. Христіанство воздѣлывало у насъ внутренняго человѣка и не обращало вниманія на блескъ внѣшняго. Желательно, чтобы въ наше время, когда образованіе обратилось на эту внѣшнюю сторону, приведено было въ яснѣйшее сознаніе то, что воспитала древняя Русь, — тотъ человѣкъ внутренній, который образуется духомъ вѣры и содержитъ въ себѣ почву для всякаго прочаго внѣшняго развитія.

Шевыревъ.

Культурное значеніе монастырей.

Исторія развитія монастырской жизни обнимаетъ собою главныя стороны общественнаго быта. Прототипомъ монашества было отшельничество, явившееся вслѣдствіе стремленія отдѣльныхъ лицъ къ уединенной жизни; но обыкновенно это удаленіе отъ міра продолжалось недолго: вокругъ отшельника собиралось братство, полагавшее начало монастырю. Съ теченіемъ времени около монастыря являлись поселенія. Благодаря религіозному уваженію къ монастырю и особенно къ его основателю, прославившемуся въ народной молвѣ чудесами, онъ обогащался, получалъ значительные вклады и земли; а льготы, которыми вообще пользовались монастыри въ отношеніи налоговъ и торговли, привлекали въ его владѣнія значительное крестьянское населеніе. Тогда монастырь становился богатымъ землевладѣльцемъ. Такимъ путемъ въ значительной степени колонизовалась сѣверо-восточная Россія. Въ этомъ отношеніи развитіе монастырской жизни на сѣверо-востокѣ имѣетъ историческое значеніе, какъ одно изъ главныхъ средствъ заселенія края и распространенія гражданственности. Съ другой стороны, вторгаясь въ инородческія поселенія на сѣверо-востокѣ, монастыри приняли на себя миссіонерскую дѣятельность — распространеніе христіанства. Близкое соприкосновеніе монастырей съ общественною жизнью и то уваженіе, какимъ пользовались настоятели знаменитыхъ обителей въ высшей сферѣ, дали этимъ монастырямъ политическое значеніе. Это особенно выразилось въ періодъ образованія Московскаго государства. Господствующее значеніе религіозныхъ идей [illegible] древней Россіи [illegible] монастыри [illegible]

тельною школою и средоточіемъ образованности. Въ свою очередь образовательное вліяніе монастырей давало преобладаніе въ обществѣ религіозному строю жизни. Вотъ главные моменты въ культурномъ значеніи монастырей.

Иконниковъ.

Образовательное значеніе монастырей.

Въ то время, когда Россія подчинилась вліянію Византіи, господство религіозныхъ идей достигло тамъ полнаго апогея, и монастыри давали направленіе обществу. Отсюда распространилось вліяніе византійской образованности на Россію, и потому она вполнѣ можетъ назваться монастырскою. Такое вліяніе совершалось путемъ книжнымъ, такъ какъ монастыри сосредоточили въ своихъ стѣнахъ богатыя библіотеки, и посредствомъ монастырскаго воспитанія.

Въ числѣ монастырскихъ занятій мы постоянно встрѣчаемъ живопись и списываніе книгъ. „Какъ корабль безъ гвоздей не составляется, говорили тогда, такъ инокъ не можетъ обойтись безъ чтенія книгъ". Такой взглядъ образовался вслѣдствіе религіознаго назначенія книги. „Велика бываетъ польза отъ ученія, говоритъ древній лѣтописецъ, потому что книгами мы учимся покаянію; книги учатъ мудрости и воздержанію; это рѣки, напояющія вселенную; это источники мудрости, въ книгахъ неисчетная глубина; ими мы утѣшаемся въ печали; онѣ узда воздержанію. Если поищешь прилежно въ книгахъ мудрости, то найдешь великую пользу для души своей". Ясно, что такой характеръ книгъ наиболѣе соотвѣтствовалъ монастырскимъ потребностямъ. Поэтому въ монастыряхъ сосредоточилась вся книжная дѣятельность древней Россіи. Занятіе книгами составляло уже предметъ заботъ въ Печерскомъ монастырѣ „Въ то время, какъ Никонъ сидѣлъ и переплеталъ книги, Ѳеодосій сидѣлъ вблизи его и пряль нитки, нужныя для этого дѣла Въ числѣ печерскихъ монаховъ былъ весьма искусенъ въ писаніи книгъ Иларіонъ: онъ каждый день и ночь писалъ книги въ келіи Ѳеодосія". Біографъ Авраамія смоленскаго говоритъ, что онъ выбиралъ необходимыя мѣста изъ разныхъ книгъ, самъ списывалъ ихъ или заставлялъ дѣлать это своихъ писцовъ Сергій радонежскій, за неимѣніемъ перга

мена, писалъ на берестѣ и особенно покровительствовалъ хорошимъ писцамъ. Стефанъ пермскій собственноручно списалъ много книгъ. Въ числѣ келейныхъ занятій Кирилла бѣлозерскаго и Іосифа волоколамскаго было списываніе книгъ; а первый изъ нихъ даже запретилъ своимъ ученикамъ держать въ кельяхъ что-либо, кромѣ книгъ. Въ то время, когда, вслѣдствіе односторонняго назначенія книжности, образованность общества стояла на низкой степени, въ монастыряхъ книжное дѣло велось систематическимъ порядкомъ, такъ какъ тамъ чтеніе и списываніе книгъ составляли обязанность каждаго. Германъ соловецкій, будучи самъ некниженъ, поручалъ списываніе другимъ и собиралъ книги. Соловецкая библіотека обязана своимъ происхожденіемъ тамошнему монаху Досиѳею (конца XV в.), который на собираніе книгъ посвятилъ всю свою жизнь. Живя случайно въ Новгородѣ, онъ пріискивалъ писцовъ и оттуда посылалъ книги въ Соловецкій монастырь. Кромѣ того, монастыри имѣли собственныхъ писцовъ, главная обязанность которыхъ состояла въ перепискѣ книгъ для монастыря. Въ обширномъ видѣ эта дѣятельность велась въ Троицкой лаврѣ и Соловецкомъ монастырѣ. Другой способъ образованія монастырскихъ библіотекъ состоялъ въ пожертвованіяхъ. Въ числѣ приношеній и завѣщаній на монастыри мы постоянно встрѣчаемъ вклады книгами. Обыкновенно ихъ жертвовали на поминъ по душѣ и потому въ приписахъ къ нимъ вкладчики помѣщали страшныя заклятія на тѣхъ, кто похититъ или уничтожитъ пожертвованную книгу. Въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершались эти пожертвованія, можетъ служить примѣромъ Соловецкая библіотека: количество пожертвованныхъ туда книгъ насчитывается свыше 350 экземпляровъ, а число вкладчиковъ до 150.

Въ то время книжное дѣло требовало большой опытности отъ лицъ, занимавшихся имъ. Исправность и изящество книгъ зависѣли исключительно отъ нихъ. Древнѣйшіе писцы писали уставомъ, при чемъ соблюденіе всѣхъ строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ и украшеніе заставокъ и начальныхъ буквъ разными изображеніями требовало много времени и большихъ усилій. Упрощеніе способа письма служитъ доказательствомъ усиленной потребности на книги, которая усилилась вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства. Въ XIV в. и ранѣе трудная система письма уставомъ облегчается введеніемъ полу-

устнаго письма, а съ половины XVI в. является уже скоропись, которая становится господствующею. Трудность работы и доставанія книжнаго матеріала было причиною, что книжное производство въ то время цѣнилось высоко. Поэтому нерѣдко въ церковномъ обиходѣ, даже въ большихъ городахъ (напр. въ Псковѣ), ощущался недостатокъ книгъ. Но что было затруднительно для частныхъ лицъ и церквей, то легко удовлетворялось въ монастыряхъ, благодаря ихъ матеріальнымъ средствамъ и большому количеству свободныхъ рукъ, притомъ лучше знакомыхъ съ дѣломъ. Когда Геннадій архіепископъ новгородскій, во время своей борьбы съ ересью жидовствующихъ, не могъ отыскать даже въ Новгородѣ полнаго состава библіи и другихъ книгъ (соч. Мефодія Патарскаго, Діонисія Ареопагита, логики Іоанна Дамаскина, посланія Фотія къ болг. князю Борису, слова Козьмы противъ богомиловъ), онъ обращался за ними въ монастыри Бѣлозерскій, Ферапонтовъ и Спасокаменный. Задумавъ вслѣдъ за тѣмъ сдѣлать полное собраніе библіи, онъ опять посылалъ за списками ея по монастырямъ. Въ обществѣ существовало мнѣніе, что въ монастыряхъ хранятся всѣ необходимыя книги.

До сихъ поръ въ библіотекѣ Троицкой лавры хранится болѣе 80 рукописей и до 3000 старопечатныхъ книгъ.

За исключеніемъ произведеній, знакомившихъ съ общественною жизнію, хотя далеко не вполнѣ, въ монастыряхъ остается обширное собраніе рукописей и книгъ, исключительно посвященныхъ духовной литературѣ. Но и между ними рѣзко выдается преобладающее направленіе — аскетическое. На 2673 книги, помѣщенныя въ описи степенныхъ монастырей, приходится до 1000 экземпляровъ исключительно аскетическаго содержанія. Судя по количеству сохранившихся рукописей и древнихъ книгъ, болѣе всего цѣнились писатели и сочиненія созерцательнаго характера: Василій В., Діонисій Ареопагитъ, Исаакъ Сиринъ, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Григорій Синаитъ, Лѣствица и патерики.

Таковъ кругъ монастырской образованности. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ ея источники, монастыри естественно стали регулирующими центрами въ общественной жизни древней Россіи. Въ ихъ стѣнахъ заключалась почти вся книжная дѣятельность, и потому не удивительно, что умственной жизни общества были монастырскія [illegible]

До конца XVII в. вся русская образованность носила на себѣ исключительно духовный характеръ, и свѣтскій писатель при господствѣ извѣстныхъ понятій, необходимо долженъ былъ итти по той же дорогѣ; по крайней мѣрѣ, замѣчаетъ Пыпинъ, извѣстныя намъ сочиненія бояръ и дьяковъ позднѣйшаго времени таковы, что, не зная ихъ сочинителей, мы, не колеблясь, признали бы ихъ духовными лицами. Очевидно, что такое исключительное преобладаніе извѣстныхъ понятій обусловливало и самыя формы письменности. Отношеніе монастыря къ обществу выражалось преимущественно съ нравственной стороны или вызывалось извѣстными религіозными явленіями, становившимися въ противорѣчіе съ господствующими вѣрованіями. Сообразно съ этимъ и древняя письменность принимаетъ свойственный характеръ поучительный и полемическій, который проникаетъ во всѣ формы ея, будетъ ли это лѣтопись, посланіе, описаніе, путешествіе, біографія или отдѣльное изложеніе какого-нибудь факта: вездѣ преобладаетъ тотъ или другой мотивъ, а нерѣдко они находятся въ тѣсной связи между собою.

Результатомъ монастырской образованности было появленіе въ Россіи особаго рода литературы, важнаго по богатству матеріала для политической и церковной исторіи, — это житія святыхъ. Этотъ отдѣлъ письменности по своей обширности занимаетъ первое мѣсто въ многихъ библіотекахъ древней Россіи.

Иконниковъ.

Нравственное вліяніе монастырей.

Нравственное вліяніе монастырей на общество совершалось двоякимъ путемъ: посредствомъ монастырскаго воспитанія и вліянія представителей монашества на семью. При нѣкоторыхъ монастыряхъ существовали училища. Въ монастыри стекались со всѣхъ сторонъ массы народа различныхъ состояній и возрастовъ съ спеціальною цѣлью — принять наставленіе. Матеріаломъ для поученія въ такихъ случаяхъ обыкновенно [illegible] монастырскихъ уставовъ, особенно же сочиненія Нила Сорскаго и писателей созерцательнаго направленія. Многіе [illegible]

въ монастырѣ, чтобы подчиниться той же самой дисциплинѣ. Такіе обыкновенно отдавались подъ надзоръ одному изъ старцевъ, болѣе извѣстныхъ своею строгостью: почти каждый отшельникъ вышелъ изъ подобной школы и, въ свою очередь, сдѣлался руководителемъ многихъ учениковъ. Какъ въ боярскихъ и дворянскихъ фамиліяхъ, такъ и въ простомъ быту существовалъ обычай отдавать дѣтей на воспитаніе въ монастырь. Изученіе псалтири и здѣсь составляло основу обученія знаніе ея наизусть было весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ монастыряхъ. Вполнѣ естественно, что лица, отданныя въ монастырь, оставались въ немъ навсегда. Но его вліяніе, при господствѣ извѣстныхъ идей, не ограничивалось этимъ. Монастырское воспитаніе сообщилось всему строю общественной жизни.

Въ той средѣ, гдѣ книжность была болѣе распространена, оно утверждалось посредствомъ книгъ. До второй половины XVII в. царскія и частныя библіотеки, по своему составу, нисколько не разнились отъ монастырскихъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ сочиненій общаго содержанія (лѣтописи, хронографы, исторія Александра македонскаго, разсказы о римскихъ цезаряхъ, Антоніи и Клеопатрѣ и т. п.), книжныя собранія бояръ состояли изъ твореній отцовъ Церкви. Въ дворцовыхъ библіотекахъ такой составъ вполнѣ сохраняется до второй половины XVII вѣка.

Если такъ было въ высшей сферѣ, то въ народномъ быту эта книжность, посредственно или непосредственно, вполнѣ господствовала. Такой характеръ книжности не остался безъ вліянія на направленіе мысли общества. Было много примѣровъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ дѣти начинали учиться (съ 7 лѣтъ) и знакомиться съ произведеніями тогдашней литературы, у нихъ начиналъ слагаться аскетическій идеалъ, и, едва пришли въ возрастъ, они спѣшили осуществить его. Тогда нерѣдко можно было встрѣтить отшельниковъ въ 11 — 15 лѣтъ. Рельефный примѣръ подобнаго увлеченія книжнымъ образцомъ представляетъ намъ Даніилъ переяславскій. Услышавъ при чтеніи житія Симеона Столпника, что тотъ тайно обвилъ себя веревкою для усмиренія плоти, и Даніилъ отрѣзалъ себѣ часть веревки, которою рыбаки привязывали къ берегу ладью, обвилъ ею такъ крѣпко свой станъ, что веревка стала врѣзаться въ тѣло. Когда родители его увидѣли этотъ мучительный

поясъ и постригшими снять его. Іоаннъ бѣжалъ въ монастырь. Другой способъ подобнаго вліянія на семью состоялъ въ наставленіи. По временамъ отшельники оставляли свои убѣжища, являлись среди общества, обходили знакомые дома, вездѣ находили ласковый пріемъ, а нерѣдко такъ умѣли подѣйствовать своими разсказами на впечатлительныя натуры, что нѣкоторые изъ членовъ семьи немедленно оставляли домъ и уходили вмѣстѣ съ своими наставниками въ отдаленный монастырь или пустыню. Но еще глубже было вліяніе духовниковъ. При господствѣ монастыря въ жизни и низкомъ положеніи бѣлаго духовенства, строгіе хранители религіозной чистоты любили избирать себѣ духовниковъ въ средѣ монастырской; чѣмъ строже кто относился къ этой сторонѣ дѣла, тѣмъ болѣе строгаго старался избрать себѣ духовника. Въ высшемъ классѣ подобный обычай былъ въ большомъ ходу. Конечно, это былъ самый прочный способъ вліянія монастыря на общественную среду.

[illegible]

Повѣданіе о Задонскомъ боѣ.

Съ первыхъ вѣковъ существованія русскаго государства ему пришлось вести непрерывную борьбу съ сосѣдями кочевниками. Сперва то были печенѣги, половцы. Затѣмъ въ первой четверти XIII в. изъ степей Средней Азіи нахлынули на Русь татары. Между тѣмъ какъ дикіе предшественники ихъ только опустошали русскую землю, татары окончательно заполонили ее и держали подъ своимъ игомъ въ теченіе слишкомъ полутораста лѣтъ. Не красна была жизнь русскаго народа въ это тяжелое время. Князья ради спасенія себя и народа отъ „потока и разграбленія“, ради избѣжанія столкновенія съ татарами, брали на себя доставку дани въ Орду и сборъ ея съ народа; но князьямъ необходимы были его средства для междоусобной борьбы, которая не прекращалась и теперь, какъ въ прежніе періоды независимости. [illegible] [illegible]. Одинъ изъ [illegible] Серапіонъ говоритъ, что [illegible] [illegible]

въ плѣнъ". Грамотность остановилась, какъ бы замерла, и лишь въ монастыряхъ, куда часто укрывался отъ міра сего русскій человѣкъ, велась скорбная лѣтопись скорбныхъ событій.

Къ этимъ внѣшнимъ, такъ сказать, матеріальнымъ бѣдствіямъ присоединились и духовныя страданія: тяжелое сознаніе господства „безбожныхъ агарянъ надъ православными хрестьяны" угнетало русскаго человѣка, утратившаго всякую надежду избавиться отъ этого бича Божія, посланнаго, по выраженію того же Серапіона, за грѣхи, „по Божію попущенью". Воспоминаніе объ этой тяжкой годинѣ породило въ нашей литературѣ особый циклъ произведеній, героями которыхъ являются богатыри, ведущіе борьбу съ татарами, переносимыми въ эпоху Владиміра. Воспѣвая князя Владиміра красное солнышко съ его „душой" Апраксѣевной, или Илью-богатыря, народъ вполнѣ естественно преувеличивалъ ихъ качества и подвиги; но всѣмъ безъ исключенія богатырямъ онъ приписывалъ борьбу съ татарами, особенно удручавшими русскую землю.

Ненависть къ татарамъ такъ сильно сказалась въ народѣ, что самое имя *татарин* рѣдко употребляется безъ эпитета *злой*. Весьма понятно теперь то радостное чувство, то сознаніе своей силы, которымъ проникся русскій человѣкъ послѣ удачной, хотя и тяжелой по потерямъ, Куликовской битвы. Вся Русь, какъ одинъ человѣкъ, кромѣ Рязани да Литвы, встала въ этой битвѣ на защиту отечества, по зову великаго князя Димитрія, получившаго въ исторіи прозваніе Донской. Татары были разбиты, и самъ „Мамай-собака", „безбожный царь", такъ кичившійся своею силою, обратился въ постыдное бѣгство.

И вотъ забитая, приниженная, смолкшая подъ тягостнымъ гнетомъ литература народа, его поэтическое творчество пробуждается какъ бы отъ летаргіи и начинаетъ разрабатывать эту новую тему — пораженіе татаръ, твердо помня основные факты и измѣняя лишь частности его.

Рядомъ съ массой пѣсенъ, торжествующихъ это освобожденіе Руси отъ Мамая „безбожнаго", появляются литературныя произведенія, описывающія и нашествія Батыя и подвиги князей въ Ордѣ, а главное — Куликовскую битву въ связи съ личностью Мамая, съ одной стороны, и героя побѣды, Димитрія Донского — съ другой...

Вскорѣ послѣ Куликовской битвы появляется въ нашей литературѣ особое произведеніе, имѣющее своимъ предметомъ, такъ сказать, спеціальное описаніе битвы и всѣхъ предшествующихъ и послѣдующихъ, находящихся съ нею въ связи, эпизодовъ, — это „Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ“. Составляя смѣсь историческихъ фактовъ съ вымыслами и преданіями, это произведеніе, сохранившееся во многочисленныхъ спискахъ, представляетъ въ одной редакціи спокойное, прагматическое изложеніе событія, изрѣдка лишь прерываясь вставками во вкусѣ Слова о полку Игоревѣ, а въ другой, гораздо менѣе пространной, является рабскимъ подражаніемъ Слову, его копіей и притомъ довольно блѣдною. Къ первому типу мы относимъ „Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Донского“ съ варіантами, ко второму — „Задонщину“, напечатанную архимандритомъ Варлаамомъ, и „Слово о великомъ князѣ Димитріи Ивановичѣ“, изданное Ундольскимъ.

Содержаніе „Повѣданія“*) таково. Въ лѣто 6888 (1380) „попущеніемъ Божіимъ, отъ наважденія дьявола“ воздвигся на Русь царь восточныя страны, по имени Мамай, „вѣрою еллинъ, идоложрецъ, иконоборецъ“. Онъ задался задачей „разорить“ православную вѣру и истребить на Руси христіанство. Завидуя своему предшественнику Батыю и древнему отступнику Юліану, онъ захотѣлъ „побить“ князя и княжить и сѣсть въ ихъ красномъ градѣ. Переправясь черезъ Волгу и дойдя до устья рѣки Воронежа, Мамай распустилъ своихъ „улусниковъ“, запретилъ имъ сѣять хлѣбъ. „Будьте готовы“ сказалъ онъ имъ, „на русскіе хлѣба“. „Безумный“ Олегъ („о горе безумнымъ симъ властелемъ“), князь рязанскій, узнавъ, что „сильный и вольный царь Мамай идетъ на Москву“, посылаетъ грамоту на Литву къ Ольгерду**), предлагая ему присоединиться къ Мамаю, который дастъ Олегу Коломну и „иные“ города, а ему, Ольгерду, давно желанную Москву. Послѣ совѣщанія съ „панами“, Ольгердъ посылаетъ одновременно поздравительныя отвѣты Олегу и „нѣкоего мудраго мужа“.

*) Авторъ здѣсь имѣетъ въ виду списокъ „Повѣданія о Задонскомъ боѣ“ Тихо- [illegible] Рукопись профессора Н. С. Тихонравова имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Лѣта [illegible] году сказаніе о Задонскомъ боѣ“. Въ ней же помѣщена и „Похвала великому князю Димитрію Іоанновичу и его брату Владимиру Андреевичу“.

**) Въ это время въ Литвѣ былъ Ягайло (1377—1434).

чацкие земли (чешской?) Биртяга, съ „безчисленными" подарками и „книгами", въ которыхъ заключалась просьба: „да пріидеть держава" Мамая на князя Димитрія. Не ожидавшій помощи отъ измѣнившихъ Москвѣ князей, Мамай отвѣчаетъ имъ въ „писаніи", что ему ихъ помощь не особенно надобна, ибо онъ, если бы только захотѣлъ, могъ бы плѣнить „тотъ древній Іерусалимъ". Теперь же, съ помощію ихъ, его грознымъ именемъ „распуженъ" будетъ Димитрій московскій. Послы, отправленные къ Мамаю, объявили „скудоумнымъ князьямъ", что царь благодаритъ ихъ: „Здравствуетъ вельми и вамъ захвалилъ по велику". На вопросъ Ольгерда о Мамаѣ Биртятъ дѣлаетъ такую характеристику послѣдняго: „человѣкъ возрастомъ средній, разумомъ же вельми твердъ, въ рѣчи не памятливъ, но гордъ вельми"... Когда „вѣстники" сообщили Димитрію о безбожномъ „нахожденіи" татаръ, князь сильно опечалился, — у Мамая было „9 ордъ" и 70 князей, — пошелъ въ свою опочивальню и здѣсь упалъ на колѣни предъ стоявшимъ въ изголовьи образомъ. Въ молитвѣ князь считаетъ себя виновникомъ грозящей бѣды: „Вѣмъ бо, Господи, яко хощеши мене ради всю землю нашу погубить, азъ бо предъ Тобою согрѣшилъ паче всѣхъ человѣкъ". Подкрѣпясь въ молитвѣ, Димитрій посылаетъ по князя Владимира Андреевича, бывшаго въ Боровскѣ и „по всѣ князи руськіе", чтобъ они прибыли на Москву. По прибытіи князя Владимира, Димитрій вмѣстѣ съ нимъ идетъ къ митрополиту Кипріану сообщить о грозящей бѣдѣ. По совѣту митрополита, Димитрій отправляетъ къ Мамаю посольство съ подарками „много злата", хотя дань была „исправлена" не только „по преданію отецъ", но еще „наипаче".

Не успѣло посольство дойти до Орды, какъ Димитрія поразила новая вѣсть. Княжій посолъ изъ рязанской земли увѣдомилъ князя объ измѣнѣ Ольгерда и Олега. Больше всего опечалился князь: „Суди, Господи, межь ими и мною", говоритъ онъ, и снова идетъ къ митрополиту. Кипріанъ утѣшаетъ князя словами: „Хранимаго Богомъ весь міръ не можетъ убить". Димитрій приступаетъ къ воинскимъ распоряженіямъ и идетъ на военный совѣтъ, собранный у Миколы Васильевича, гдѣ рѣшаютъ отправить „въ поле" сторожевые посты изъ „крѣпкихъ окружниковъ"...

По прибытіи Захарія (посла) изъ орды, великій князь посы-

[illegible] по городамъ грамоты съ приказомъ быть къ Успеньеву дню въ Коломнѣ всѣмъ князьямъ, боярамъ, воеводамъ и дѣтямъ боярскимъ. Но еще ранѣе полученія грамотъ собирается на Москву князья бѣлозерскіе, ярославскіе, Глѣбъ курскій, Димитрій ростовскій и другіе: „Уже бо рыкаетъ, стукъ стучитъ и громъ гремитъ, стучитъ сильная рать великаго князя Димитрія Ивановича въ славномъ градѣ Москвѣ“.

Но не ратный шумъ, не эти воинскія приготовленія смущали набожнаго князя. Онъ ищетъ подкрѣпленія духовнаго и находитъ его въ бесѣдѣ съ преподобнымъ Сергіемъ. „Господине,“ сказалъ отшельникъ, — „Христосъ Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ“. „И рече ему тайно: [illegible] имаши побѣдити враги своя, елико довлѣетъ твоему государству“. Преподобный далъ князю двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя. Вмѣсто обыкновеннаго оружія Сергій далъ имъ схиму съ нашитымъ на ней крестомъ. Обвеселился сердцемъ Димитрій, но не сказалъ никому повѣданнаго тайно ему Сергіемъ и пошелъ въ Москву, какъ будто онъ нашелъ „нѣкое многоцѣнное сокровище“.

Между тѣмъ Олегъ рязанскій, узнавъ о движеніи Димитрія съ войскомъ и о духовной ему со стороны „Сергія чудотворца помощи“, устрашился сердцемъ и „распался мыслями“. Бесѣдуетъ онъ съ боярами, сердится на нихъ, что они не посовѣтовали ему ранѣе умолить Мамая оставить Русь въ покоѣ, и утѣшается лишь тѣмъ, что не онъ одинъ „оскудѣлъ умомъ“. Переправились черезъ Донъ; стражи постоянно сообщаютъ, что уже близко татары. Радуются русскіе удальцы.

Природа, какъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ, посылаетъ свои предзнаменованія. На мѣстѣ битвы появляется множество волковъ; воютъ они безпрестанно по цѣлымъ ночамъ, страшно слышать ихъ вой, но все-таки онъ придаетъ мужество храбрымъ полкамъ. Вороны собрались, неумолчно граютъ, галки своею рѣчью говорятъ; орлы съ устьевъ Дона прилетѣли, [illegible] кости [illegible], „ждучи дня грознаго, Богомъ изволеннаго, когда достанется имъ много трупія, и много крови прольется, яко воды морскія“. Отъ такого страха, отъ такой грозы деревья преклоняются и трава „постилается“. Многіе унываютъ, видя предъ глазами смерть. Сильно и страшно [illegible], а другіе ликуютъ, ожидая вѣнцовъ отъ Вседержителя. Вѣстники постоянно доносятъ о приближеніи „поганыхъ“.

Воинство и всѣ „удальцы“ одушевлены однимъ желаніемъ умереть другъ за друга; у нихъ единогласная молитва: „Боже, съ высоты призри на ны и даруй православному князю нашему, яко Моисею, покорити подъ нозѣ ему враги, якоже кроткому Давиду Голіафа“. Димитрій, увидѣвъ образцовый порядокъ въ войскѣ, обвеселился духомъ, сошелъ съ коня на ковылѣ-травѣ, прямо противъ великаго полка и чернаго знамени, на которомъ былъ „вообраменъ“ образъ Іисуса, началъ изъ глубины сердца звать всегласно: „О Владыко Вседержителю, взглани „смотрѣливымъ“ окомъ своимъ на людей Твоихъ. Обрати лицо Твое на нечестивыхъ съ яростію: они творятъ зло рабамъ твоимъ“. Окончивъ молитву, великій князь сѣлъ на коня и обратился къ войску съ слѣдующею рѣчью: „Братья мои милые, сыны русскіе, уже приспѣла ночь, близокъ день грозный; мужайтесь и крѣпитесь. Останьтесь всѣ на своихъ мѣстахъ, завтра некогда снаряжаться. Гости наши уже на рѣкѣ Непрядвѣ“.

Тепла и тиха наступила ночь накапунѣ праздника Рождества Богородицы, ночь „несвѣтлая невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщеніе“. Димитрій волынецъ позвалъ великаго князя на поле Куликово — наблюдать примѣты, которымъ послѣдній, несмотря на свою глубокую религіозность, вѣритъ. Съ татарской стороны слышенъ былъ стукъ и крикъ, словно торжище снималось, словно громъ гремитъ или трубы голосятъ; позади же полковъ волки грозно воютъ, справа орлы клекчутъ и вороны и галки, а по рѣкѣ Непрядвѣ гуси и лебеди крыльями плещутъ, „необычайную грозу повѣдающе“. Наступилъ праздникъ Рождества Богородицы, день „великому спасенію христіанскому“. На разсвѣтѣ 8-го сентября начали трубить трубы и развѣвать знамена. Во второмъ часу же дня начали трубить трубы, и оба войска двинулись другъ на друга: „начаша снематися“. Трубы татарскія точно онѣмѣли. Застонала земля, вѣщаетъ грозу отъ востока и до запада. Поле Куликово „прегибается“. Рѣки выступили изъ береговъ: много было полковъ тутъ. Димитрій разъѣзжаетъ по полю, повсюду разнося слово ободренія: „Отцы и братья! Господа ради подвизайтесь ради вѣры христіанской и ради Божіихъ церквей. Это смерть — не смерть, но животъ вѣчный. Оставимъ земное и устроимся на свое дѣло“... Послѣ этого великій князь сталъ на своемъ мѣстѣ и, воззрѣвъ на небо, обратился съ молитвой къ животворному кресту, который носилъ на груди („за пазухой“) и въ кот-

ромъ были части живоноснаго древа. Въ это время отъ игумена Сергія пришло письмо съ благословеніемъ великому князю и всему воинству; при письмѣ преподобный приложилъ еще „освященный хлѣбъ". Посланіе укрѣпило князя, „аки нѣкими бронями твердыми". Несмотря на просьбы воеводъ не принимать участія въ битвѣ, Димитрій рѣшилъ раздѣлить общую участь: или умереть съ другими, или остаться въ живыхъ и раздѣлить радость побѣды опять же съ другими.

Мамай выѣхалъ на высокое мѣсто съ тремя князьями смотрѣть на битву. Битва начинается единоборствомъ. Изъ татарскаго лагеря выѣзжаетъ богатырь „еллинскій" Тебей (по всей вѣроятности описка, вмѣсто Телебей, находящаяся въ большинствѣ рукописей), „похваляясь и храбрясь, какъ и древній Голіафъ". Инокъ Александръ, называемый Пересвѣтомъ, двинулся противъ татарина со словами: „Игуменъ Сергій, помогай мнѣ молитвою святою". Ударились борцы копьями такъ сильно, что „едва земля не провалилась подъ ними", кони ихъ пали „на корачки", и сами они, упавъ съ коней, тутъ скончались. Въ третьемъ часу дня битва сдѣлалась всеобщею, и вотъ какъ описываетъ ее сказатель, хорошо знакомый, очевидно, со Словомъ о полку Игоревѣ: Трещатъ копья харалужныя, звенятъ доспѣхи злаченые, стучатъ щиты червленые. На куликовскомъ полѣ, какъ ни велико оно, мало мѣста войску: люди погибаютъ на свалкѣ („сами о себя избивахуся и отъ великія тѣсноты задыхахуся"), множество передавлено лошадьми. Потекли кровавыя озера, трепещутъ молніи „отъ облистанія мечнаго", страшный шумъ идетъ „отъ мечнаго сѣченія" и конскаго „вопленія"; солнца не видно, полки — словно густыя облака, а оружіе — точно молнія въ нихъ; Донъ наполнился кровью, трупы „поганыхъ" словно лѣсъ посѣченный. Проходитъ четвертый часъ, проходитъ и пятый — неослабно бьются христіане съ татарами (въ рукописи: „съ печенѣги"). Въ шестомъ часу татары „Божіимъ попущеніемъ" и „нашихъ ради согрѣшеній" начали одолѣвать русскихъ. Много именитыхъ русскихъ удальцовъ побиты. Самого великаго князя велми уязвили. Много нашихъ знаменъ уже подрублено. Въ это время, по разсказу одного изъ самовидцевъ, на небѣ было замѣчено слѣдующее явленіе: на отверстомъ небѣ появилось облако, наполненное человѣческими руками; однѣ держали вѣнцы, другія — „древеса нѣкая, красны зѣло", иныя —

цвѣты. Въ тяжелый часъ (то-есть шестой) эти вѣнцы опустились изъ облака на головы русскія. Сѣча между тѣмъ усиливается; отъ человѣческихъ тѣлъ нѣтъ возможности пробраться конямъ; „бродятъ по колѣно кони въ крови". Татары, наконецъ, окружаютъ русскихъ.

Находящійся въ засадѣ князь Владиміръ Андреевичъ, видя страшное побоище и превосходство татаръ, рвется на помощь брату, но опытный Димитрій Волынецъ сдерживаетъ его, уговаривая подождать „до времени", до осьмого часа. Грустно рати князя Владиміра видѣть пораженіе своихъ, рвутся они, „какъ званые на пиръ вина пить". Насталъ и осьмой часъ. Потянулъ южный вѣтерокъ на сидѣвшихъ въ засадѣ. Волынецъ закричалъ: „Князь Владиміръ, настало время! Дерзайте, братья, съ нами сила Святого Духа!"

Выѣхали изъ дубровы „единомысленные друзья", какъ соколы обученные на стада журавлиныя. Съ крикомъ: „перемудрила насъ Русь, худшіе съ нами бились, а лучшіе сохранились", татары обратились въ бѣгство („даша плещи своя"). Словно лѣсъ, они клонятся; какъ трава отъ косы постилается, такъ татарскіе полки сѣкутся русскими мечами. Количество бѣжавшихъ было такъ велико, что, по выраженію сказателя, холмы и луга притоптаны были, рѣки и озера наполнились убѣгавшими отъ преслѣдованія и искавшими убѣжища „въ Лукоморьѣ" татарами. Скрежетъ зубовный и проклятія сопровождаютъ Мамая со стороны его единомышленниковъ. Богатая добыча досталась побѣдителямъ: узорочье, доспѣхи, кони, верблюды, дорогіе камни, атласы. Видя пораженіе своихъ, Мамай бѣжитъ и призываетъ на помощь боговъ своихъ: Перуна, Хорса (и Салавата, Ираклія и Турка) и великаго пособника своего Багмета. Но боги помощи не подаютъ. Русскіе стали осматривать поле битвы. Князь Владиміръ, ставъ „на костехъ", подъ чернымъ знаменемъ великокняжескимъ и, не найдя брата своего, великаго князя Димитрія, велѣлъ трубить сборъ. Прошелъ часъ, а Димитрія все нѣтъ. Въ слезахъ Владиміръ объѣзжаетъ полки и разспрашиваетъ всѣхъ и каждаго, не видалъ ли кто великаго князя. Одинъ отвѣчаетъ, что видѣлъ его въ десятомъ часу, другіе видѣли его позднѣе сражавшимся съ четырьмя печенѣгами. Нѣкто Стефанъ Новосильскій даетъ подробный отвѣтъ о состояніи князя: бился онъ съ четырьмя татарами и былъ „уязвленъ вельми". Сте-

фанъ хотѣлъ помочь ему, но конь его выбился изъ силъ, и налетѣвшіе татары отбили его отъ великаго князя. Разсыпались удальцы-воины во всѣ стороны искать виновника побѣды („побѣды побѣдителя“). Одни за великаго князя приняли убітаго Бренка, другіе — князя Ѳедора Семеновича Бѣлозерскаго, „занеже приличенъ бѣше ему“. Наконецъ два воина уклонились направо въ дубраву и тамъ нашли Димитрія, „бита велми и сѣчена“, отдыхающимъ подъ срубленною березою. Извѣстили о находкѣ князя Владимира. Быстро собрались воины вокругъ раненаго вождя, и Владимиръ возвѣстилъ ему побѣду. „Сей день, иже сотвори Господь“, восклицаетъ обрадованный князь Димитрій, „возрадуемся и возвеселимся въ онь“.

Ему подвели „смирнаго“ коня, и онъ выѣхалъ на поле битвы: много побито русскаго воинства, а поганыхъ вчетверо.

Князь проситъ усопшихъ помолиться за оставшихся въ живыхъ. Затѣмъ приступаютъ къ погребенію христіанъ, а нечестивыхъ „повергоша звѣремъ на съѣденіе“. Мамай прибѣжалъ въ городъ Кафу. Здѣсь его признали фряжскіе купцы и убили за посягательство на русскую землю.

Въ день Воздвиженія Честнаго Креста переправились побѣдители черезъ Донъ. Испуганный Олегъ рязанскій убѣжалъ, пока пройдетъ его землю войско, и укрылся на Литвѣ. Въ Коломнѣ великаго князя встрѣчаетъ епископъ Евѳимій съ духовенствомъ — торжественнымъ крестнымъ ходомъ. На Москвѣ великаго князя встрѣтила княгиня Евдокія во Фроловскихъ воротахъ, съ князьями Василіемъ и Юріемъ. Князь отправляется въ Архангельскій соборъ, затѣмъ въ Успенскій и, наконецъ, возсылаетъ мольбы у гроба чудотворца Петра. Отдохнувъ на Москвѣ, великій князь отправился къ „молитвеннику своему“, игумену Сергію, возблагодарить его за оказанную въ лицѣ Пересвѣта помощь, и затѣмъ возвратился на Москву.

Таково содержаніе „Повѣданія“. Какъ преданіе объ одномъ изъ важнѣйшихъ событій древне-русской жизни, какъ памятникъ народнаго самосознанія, оно имѣетъ значеніе для историка по своему содержанію, а по изложенію, методу его и формѣ — для критика, изучающаго древне-русскую литературу. Сочиненное кѣмъ-либо однимъ, а затѣмъ передѣлываемое, исправляемое подъ вліяніемъ многоразличныхъ условій мѣста и времени, оно представляетъ намъ ясные отголоски быта и духа народнаго, знакомитъ, напримѣръ, съ переходомъ отъ древняго языка къ новѣйшему.

Какъ въ Словѣ о полку Игоревѣ сквозитъ на каждомъ шагу языческій элементъ, языческія понятія, вѣрованія и суевѣрія, такъ въ Повѣдапіи мы должны отмѣтить измѣненіе религіозныхъ вѣрованій народа, выразившееся со всею очевидностью въ нашемъ памятникѣ, измѣненіе, совершившееся подъ вліяніемъ христіанскихъ учителей. Правильно, сознательно трактуемые въ Словѣ языческіе боги утратили навсегда для составителя Повѣданія свой смыслъ и свое значеніе. Такъ, напримѣръ, авторъ Повѣданія приписываетъ Мамаю знакомство съ слѣдующими богами, имена которыхъ дошли до него понаслышкѣ: Перуномъ, Хорсомъ (передѣланнымъ въ Гурса) и Мокошемъ (въ сп. Тимковскаго), забывая, что эти боги исключительно славянскіе; очевидно, эти боги утратили для автора свой настоящій смыслъ.

Въ Повѣданіи, какъ и въ Словѣ, природа даетъ русскимъ различныя предзнаменованія, но слагатель Повѣданія былъ слишкомъ отодвинутъ отъ языческой обстановки, у него слишкомъ притупилось чутье въ истолкованіи различныхъ явленіи природы, и тѣ предзнаменованія и „знаменья небесны", которыя въ Словѣ вѣщаютъ Руси погибель, здѣсь, наоборотъ, возвѣщаютъ успѣхъ ей и гибель татарамъ. Наконецъ, господство христіанскаго элемента, особливо въ спискѣ профессора Тихонравова, до того уже сильно, что духовная окраска совершенно закрываетъ тотъ поэтическій колоритъ, который замѣчается въ весьма ничтожныхъ размѣрахъ въ Повѣданіи.

Кромѣ того, въ Повѣданіи сохранились любопытныя указанія на государственный и общественный бытъ современной ему эпохи. Повѣданіе знакомитъ насъ съ тою порой московской государственной жизни, когда идея самодержавія еще только слагалась, когда на ряду съ великимъ княземъ стояло народное вѣче, когда князь обязанъ былъ слушать дружину — въ первое время, или позже — совѣтниковъ, тоже князей, какъ и онъ, когда духовенство, въ качествѣ „Божьихъ представителей", призывалось къ государеву совѣту въ тяжелыя критическія минуты; словомъ, Повѣданіе знакомитъ насъ съ эпохой доокончательнаго освобожденія отъ татаръ.

Издатель Повѣданія, Снегиревъ, въ предисловіи къ издаваемому памятнику, говоритъ: „Эта умильная повѣсть, какъ достопримѣчательный памятникъ нашей средней словесности, достойна чтенія наравнѣ съ другими произведеніями отече-

ственной древности, проявилъ въ себѣ черты русскаго народа". Изъ нашего изложенія содержанія памятника можно выбрать массу доказательствъ справедливости словъ Снегирева.

На первомъ планѣ въ Повѣданіи стоитъ та глубокая ненависть русскихъ къ своимъ притѣснителямъ-татарамъ, которая засвидѣтельствована другими произведеніями народнаго творчества и послужила источникомъ многочисленныхъ, разсыпанныхъ въ Повѣданіи, прозвищъ и эпитетовъ, не лестныхъ для „безбожныхъ" агарянъ.

Горячая, беззавѣтная любовь къ князю, готовность откликнуться на первый его призывъ, опасеніе потерять его въ битвѣ, — всѣ качества народа русскаго, засвидѣтельствованныя какъ народными произведеніями, такъ равно и исторіей; любовь къ Богу, надежда исключительно на Его святую помощь, начинаніе каждаго дѣла съ горячей молитвы къ нему и Его святымъ, наконецъ, вѣра въ чудесное — вмѣшательство послѣднихъ и заступничество за правое дѣло, — опять-таки характерныя черты, составляющія отличительное свойство русскаго человѣка.

Гумаревъ.

— —

Задонщина.

Задонщина, сочиненіе Софонія, старца рязанскаго, имѣетъ полное право на названіе его „раболѣпнымъ и буквальнымъ" подражаніемъ Слову. Этотъ памятникъ найденъ архимандритомъ Варлаамомъ въ русскомъ сборникѣ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря и напечатанъ въ V-мъ томѣ Ученыхъ Записокъ второго отдѣленія Академіи Наукъ.

Полное заглавіе произведенія такое: „Задонщина великаго князя господина димитрія ивановича и брата его князя володимира андреевича". Съ вступленія, съ первыхъ строкъ этого небольшого произведенія видна живая связь его съ пѣвцомъ Слова и близкое знакомство его автора съ содержаніемъ послѣдняго. „Пойдемъ, брате" начинаетъ авторъ Задонщины, „въ полоуночною страноу... ѡтолѣ взыдемъ на горы кievскыя, первѣе всѣхъ вниде, восхвалимъ вѣщаго бояна въ городѣ въ киевѣ, гораздо гоудца".

У пѣвца Задонщины еще свѣжо было въ памяти, а можетъ-быть даже находилось передъ глазами (записанное кѣмъ-

либо поэтическое описаніе самого Бояна и его пѣснопѣнія въ Словѣ.

„Тои бо вѣщіи боянъ“, говоритъ пѣвецъ Задонщины, „воскладая свои златыя персты на живыя строуны пояше славоу роусскыимъ княземъ, первомоу князю рюрикоу игорю рюриковичу и святославоу ярославичю, ярославоу володимеровичу“.

Подобно тому какъ пѣвецъ Слова спрашиваетъ Бояна, этого „соловья стараго времени“, „абы“ онъ „ущекоталъ“ (громко воспѣлъ) храбрые полки Игоря Святославича, такъ и пѣвецъ Задонщины довольно неясно приписываетъ восхваленіе подвиговъ „господина князя димитрія ивановича и брата его князя володимера ондреевича“ тому же „горазду пѣснями и гуселенными буиными словесы гоудцоу“.

Причина восхваленія „пѣсенными словесы“ князей Игоря и Димитрія у пѣвцовъ Слова и Задонщины одна и та же: воспѣваемые князья имѣли „мужество и желаніе за землю роусскую и за вѣру христіаньскую поостриша сердца свои моужествоу“.

Въ порывѣ лирическаго увлеченія, подавляемый поэзіей Слова, пѣвецъ Задонщины говоритъ о поляхъ половецкихъ, на которыя, какъ „соколи съ земли роусскыя, взялися оба русскіе князя“ — Димитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ. Подобно пѣвцу Слова, начинающему „повѣсть“ свою „отъ стараго Владимера“, пѣвецъ Задонщины считаетъ необходимымъ упомянуть „прадѣда, князя володимера кіевскаго, царя роусскаго“.

Описаніе приготовленій и готовности русскихъ къ битвѣ съ татарами въ Задонщинѣ совершенно тождественно съ такимъ же описаніемъ въ Словѣ и, очевидно, возникло подъ вліяніемъ послѣдняго.

Въ pendant описанію приготовленій „курянъ“, дружины буй-тура Всеволода, въ Задонщинѣ мы находимъ описаніе приготовленія новгородцевъ: „какъ стоятъ моуже наугородцы оу стыя софіи“, какъ орлы слетѣлись „со всея полуноцныя страны“, собрались всѣ князья русскіе около Димитрія и убѣждаютъ его пойти за „быструю“ рѣку Донъ — „оукоупить землямъ диво“, такъ какъ „межю дономъ и днѣпромъ“, на рѣкѣ Мечѣ стоятъ татары, желая отнять русскую вотчину.

Мысль о русской національности, о вотчинѣ, о принадлеж-

пѣсни всѣхъ князей одному роду. Идея объ общей солидарности проводится и здѣсь, какъ въ Словѣ. „Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо", а вмѣсто Слова „гнѣздо есмя были", говоритъ въ Задонщинѣ князь Димитрій, — „единого князя великаго Ивана Даниловичя, — досели есмя были брате никому не въ обижены ни соколоу, ни ястребоу, ни бѣлоу кречетоу, ни тому псоу поганому Мамаю". Развѣ не представляютъ послѣдния слова буквальной копіи описанія гнѣзда Олгова въ Словѣ, гдѣ находимъ слѣдующее: „гнѣздо не было обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ черный воронъ, поганый половчинѣ".

Выраженіе Слова: „о Бояне, соловию стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ", — видоизмѣняется въ Задонщинѣ и примѣняется къ Ольгердовичамъ такъ: „славие птица что бы еси выщекоталъ сія два брата два сына вольярдовы андрея половетцако. дмитрея бряньскаго".

Характеристика Всеволодовой дружины въ Словѣ дала автору Задонщины поводъ къ поэтическому описанію сторожевыхъ полковъ, которые „на защитѣ рожены, подъ трубами повиты, подъ шеломы възлѣлеяны, конецъ копия вскормлены, съ вострого меча поены". А вотъ характеристика дружины въ Словѣ: „Куреня подъ трубами повити, подъ шеломы вскрьмлены, пути имъ вѣдомы" и проч.

Сторожевыми полками начальствуютъ князья Андрей половетцкой и Димитрій брянской, которые называютъ себя „два сына Вольярдовы (Ольгердъ, 1345—1377) внучаты Едименговы" (Гедиминъ, 1315—1340). Эти князья высказываютъ желаніе биться за русскую землю съ татарами совершенно такъ какъ въ Словѣ: „сядемъ брате на свои борзи комони, испіемъ брате шеломомъ своимъ водоу, испытаемъ мечи свои булатныя". До того сильна и велика рать Димитрія Ивановича, что выступленіе ея сравнивается съ громовымъ шумомъ, какъ то гласитъ и пѣвецъ Слова: „Не стоукъ стучитъ, ни громъ гремитъ, стучитъ сильная рать великаго князя, гремятъ оудалцы золочеными шеломы черпеными щиты".

Какъ въ Словѣ начала второй битвы съ половцами предсказывается дурными предзнаменованіями, въ Задонщинѣ такими же предзнаменованіями сопровождается приходъ татаръ, а, слѣдовательно, и потеря русскихъ въ битвѣ съ татарами: „оуже бо всташа сильнии вѣтри с морѣ прилелѣяша тоучу

великоу, на оусть Непра, на роусьскоую землю не тоучи, выстоупили кровавыя облака, а из нихъ пашоуть синіе молньи быти стоукоу и громоу великоу межю Дономъ и Непромъ", замѣчаетъ авторъ Задонщины, очевидно, имѣя въ виду слѣдующее мѣсто Слова: „рано кровавыя зари свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучи съ моря идутъ: а въ нихъ трепещутъ синіе млъніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго".

Приходъ татаръ сравнивается съ приходомъ сѣрыхъ волковъ: „то ти были не сѣріи волци, пришоша поганые татары хотятъ пройти воючи, взяти всю землю рускую".

И здѣсь, какъ въ Словѣ, животныя предвѣщаютъ гибель многихъ русскихъ „удальцовъ": ворони грають, галици свои рѣчи говорять, орли восклекчють, волци грозно воють, лисицы часто брешють". Разница въ воззрѣніяхъ автора Слова и пѣвца Задонщины та, что послѣдній считаетъ сейчасъ перечисленныя предзнаменованія благопріятными для русскихъ; животныя, по его мнѣнію, „чають побѣду на поганыхъ"; авторъ же Слова сокрушается при этихъ предзнаменованіяхъ: „уже бо бѣды его пасетъ птиць", говоритъ онъ.

Тотъ же пріемъ, какой употребленъ пѣвцомъ Задонщины при описаніи выступленія полковъ князя Владимира Андреевича, употребленъ раньше въ Словѣ, при описаніи выступленія цѣлаго войска: „Не громъ гремитъ" и т. д. Если потерпѣвшему отъ половцевъ Игорю „солнце тьмою путь заступаше", когда онъ вступилъ въ „златъ стремень", то великому князю Димитрію, наоборотъ, „солнце на востоцѣ ясно свѣтить, поуть ему повѣдаеть", когда онъ „ступилъ въ свое златое стремя"; за него молитвы творятъ сродники его Борисъ и Глѣбъ.

Задонщина заканчивается плачемъ „женъ-боярынь" „по своихъ государѣхъ". Этотъ плачъ, отличаясь поэтической окраской, даетъ намъ большее право уподобить его плачу Ярославны въ Словѣ.

Тимофѣевъ.

Слово о Димитріи Ивановичѣ.

Въ 1852 г. М. В. Ундольскій обнародовалъ въ XIV книгѣ Временника Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ принадлежавшую ему редакцію сказанія о Куликовской битвѣ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Слово о великомъ

князѣ дмитрее ивановиче. и брате его князе владимире андрѣевиче. яко побѣдили супостата своего царя мамая".

Этотъ текстъ гораздо полнѣе сейчасъ разсмотрѣннаго и представляетъ какъ бы подробное его изложеніе. Поэтому, при разсмотрѣніи его необходимо остановиться на тѣхъ мѣстахъ, которыя отличаются болѣе или менѣе существенно отъ Задонщины. Слово о великомъ князѣ начинается заявленіемъ Димитрія Ивановича „на пиру" у Микулы Васильевича о томъ что „у быстрого дону царь мамай пришелъ на рускую землю и идетъ въ залѣсскую землю".

Близость пѣвца Слова о великомъ князѣ къ пѣвцу Слова о полку Игоревѣ видна изъ слѣдующаго мѣста въ началѣ памятника: „лудчи бо намъ братіе начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалу великому князю Димитрію Ивановичу и брату его князю Владимеру Андреевичу, начати повѣдати по дѣломъ и по былинамъ". Извѣстно выраженіе, употребленное пѣвцомъ Игоря „начати же ся тъ пѣсни по былинамъ сего времени".

Въ описаніи хода битвы въ Словѣ о великомъ князѣ нѣтъ такихъ подробностей, какъ въ Повѣданіи, хотя изложеніе болѣе обстоятельно, чѣмъ въ Задонщинѣ. Зато въ Словѣ о великомъ князѣ, какъ и въ Задонщинѣ, авторъ не заставляетъ Пересвѣта выходить на единоборство; послѣдній взамѣнъ единоборства, просто „поскакиваетъ на своемъ добромъ конѣ" по всему полю. Здѣсь, какъ и въ Задонщинѣ, Ослябя предсказываетъ товарищу близкую вѣрную смерть: „вижу на тебѣ твоемъ раны великыя", говоритъ онъ Пересвѣту.

Авторъ Слова о великомъ князѣ весьма подробно излагаетъ „плачъ" боярынь. Кромѣ Евдокіи, плачутъ „Тимофеева жена Валуевича" Марья, Андреева жена Марья и Михайлова жена Оксинья, и въ плачѣ ихъ мы опять находимъ выраженія, напоминающія пѣвца Игорева.

Что касается до фактовъ историческихъ, то въ Словѣ о великомъ князѣ они или опускаются вовсе, или видоизмѣняются по волѣ автора. Такъ, напримѣръ, князь Владимиръ Андреевичъ по разсказу Слова, не становится въ засаду, а просто „заворачиваетъ", вмѣстѣ съ братомъ, „вспять". О переодѣваніи великаго князя Димитрія Ивановича и боярина Бренка нѣтъ и рѣчи, какъ не говорится и о примѣтахъ. В[illegible] Волынецъ и вовсе не упоминается. Ничего не говорится и

о походѣ великаго князя къ Троицѣ за благословеніемъ преподобнаго Сергія, очевидно, Слово о великомъ князѣ писалось на скорую руку, и авторъ его готовъ былъ скорѣе пофантазировать, чѣмъ останавливаться на историческихъ подробностяхъ; писалъ онъ, очевидно, подъ вліяніемъ минуты и увлекся успѣхомъ русскихъ.

Слово о великомъ князѣ оканчивается описаніемъ бѣгства Мамая въ „градъ Хафесть“, къ фрязямъ“, и его погибели. Фрязове ставятъ въ вину Мамаю его посягательство на русскую землю, „орду залѣсскую“. „Уподобился еси“, говорятъ они, малому младенцу у матери своей. Вотъ та тенденція которою такъ замѣтно окрашено Повѣданіе въ спискѣ, напримѣръ, профессора Тихонравова.

Изъ подробнаго анализа Слова о великомъ князѣ и его сравненія съ Задонщиной оказывается, по нашему мнѣнію, слѣдующее: Слово составляетъ какъ бы переходную ступень отъ Задонщины къ Повѣданію, содержа въ себѣ, при несомнѣнно сильной поэтической окраскѣ, уже сравнительно большое количество чисто историческихъ фактовъ и эпизодовъ, которые въ Повѣданіи стоятъ, въ ущербъ поэзіи, на первомъ планѣ. Даже второстепенныя личности сходятся въ Словѣ о великомъ князѣ и въ Повѣданіи своими именами. И въ первомъ и во второмъ, напримѣръ, счетчикомъ русской убыли въ битвѣ является „московскій бояринъ Михайло Александровичъ“.

Слово заканчивается такъ: „Пойдемъ во свою залѣсскую землю“, говоритъ великій князь, „сядемъ, брате, на своемъ княженіи; а чти (чести) есми, брате, добыли и славнаго имени Богу нашему слава!“ *Тимофеевъ.*

Объ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ.

По неразвитости литературныхъ началъ, старая письменность наша не могла имѣть того разряда произведеній, гдѣ являлось бы поэтическое изображеніе дѣйствительности, какъ въ западныхъ поэмахъ и рыцарскихъ исторіяхъ. Единственный почти памятникъ съ чисто поэтическою задачею и соотвѣтственнымъ ея исполненіемъ, Слово о полку Игоревѣ, доказываетъ, однако, что въ древней нашей словесности была

богатые залоги поэтической дѣятельности. Немного позднѣйшіе памятники XIV—XV вѣка. Сказаніе о побѣдѣ великаго князя Димитрія Іоанновича надъ безбожнымъ Мамаемъ, извѣстное во множествѣ списковъ и редакцій, приводитъ, напротивъ, къ заключенію, что дальнѣйшая судьба этого направленія была далеко не такъ счастлива, какъ его начатки. Въ сказаніи видно сильное желаніе стать выше уровня обыкновенной исторической повѣсти, но виденъ и упадокъ поэтической силы. Авторъ сказанія невозвратно уклонился отъ живого настроенія народнаго эпоса и, оставленный собственнымъ средствамъ, способенъ былъ только на блѣдное подражаніе. Заимствуя и передѣлывая изъ Слова о полку Игоревѣ отдѣльныя описанія, сочинитель не могъ уйти отъ обыкновенной рутины и вслѣдъ за хитросплетеннымъ описаніемъ битвы приводитъ длинные списки именъ, годные только для лѣтописи. На всемъ изложеніи находится отпечатокъ схоластической манеры; нерѣдкое употребленіе греческихъ словъ и книжные обороты показываютъ, что авторъ подчинялся извѣстному вліянію литературныхъ памятниковъ своего времени. Вообще сравненіе этихъ двухъ произведеній достаточно рисуетъ разницу между древнимъ и среднимъ періодомъ нашей литературы. Съ теченіемъ времени трудъ новыхъ писателей болѣе и болѣе занималъ историческій разсказъ, господствовавшій и въ XVII столѣтіи. Древнѣйшія попытки его выразились почти въ одно время съ лѣтописью и жизнеописаніемъ; рядомъ съ Несторомъ и сказаніями кіевскаго патерика стоятъ жизнеописанія князей Владиміра, Бориса и Глѣба и пр. Рядъ подобныхъ сказаній безъ перерыва продолжается до послѣднихъ временъ нашей исторіи: каждое замѣчательное лицо или событіе становилось предметомъ описанія. Появились *историческія* повѣсти и сказанія о нашествіи злочестиваго царя Батыя, о подвигахъ Александра Невскаго, объ убіеніи Михаила, жизнеописаніе Донского, сказаніе о взятіи Новгорода, взятіи Казанскаго царства, осадѣ Пскова Баторіемъ или Абатуромъ, и о множествѣ другихъ событій. Мѣстныя историческія преданія и легенды также нашли себѣ выраженіе и повторялись въ обширномъ собраніи повѣстей, полуправдивыхъ, полутуманныхъ, которыя смѣшаннымъ характеромъ своимъ соотвѣтствовали незатѣйливымъ потребностямъ старинныхъ читателей. Съ расширеніемъ этой литературы измѣнялся и характеръ лѣтописи къ своему времени

ической нити она прибавляла цѣлыя сказанія отдѣльныя и, такимъ образомъ, удалялась отъ прежней формы; впослѣдствіи она вполнѣ замѣнена была лѣтописными сборниками и компиляціями, подобными Степенной книгѣ. Позднѣйшіе историческіе разсказы о древнихъ событіяхъ, у насъ, какъ и вездѣ, вносили много такого, что неизвѣстно теперь изъ коренныхъ источниковъ. Иное могло быть вѣрно и принадлежало старымъ извѣстіямъ, до насъ не дошедшимъ, другое зависѣло болѣе или менѣе отъ вымысла, основываясь или на позднихъ представленіяхъ о старинѣ, или на народныхъ преданіяхъ. Присутствіе этого послѣдняго начала даетъ повѣстямъ особенный интересъ, независимо отъ ихъ цѣны въ качествѣ историческихъ матеріаловъ; къ сожалѣнію, они до сихъ поръ очень мало разработаны съ подобной точки зрѣнія. Въ XVI—XVII столѣтіяхъ историческій разсказъ особенно страдалъ отъ позднѣйшихъ выдумокъ, въ чемъ виновато было отчасти и знакомство съ польскими историками и лѣтописцами. Происхожденіе Руси, „начало" Москвы и „первоначальнаго великаго Новаграда", и даже послѣдующія событія, облечены были глубокою древностію, привязаны были или къ именамъ библейской исторіи, или другимъ знаменитымъ людямъ древности. Извѣстная книга о „Древностяхъ Россійскаго государства" діакона Каменевича-Рвовскаго была не столько его выдумкой, сколько обширной компиляціей баснословныхъ повѣстей, прежде существовавшихъ въ литературѣ.

Другими представителями исторической повѣсти были многочисленные хронографы и палеи. Въ старинной русской библіотекѣ хронографъ занималъ первое мѣсто послѣ главныхъ душеспасительныхъ книгъ, какъ богатый запасъ чтенія и занимательнаго и наставительнаго. Этимъ объясняется чрезвычайное распространеніе хронографовъ. Будучи книгой первой необходимости, хронографъ имѣлъ и большой авторитетъ для старинныхъ грамотеевъ; составленіе хронографа было дѣломъ существенной важности, и книжники наши сдѣлали изъ него цѣлую историческую энциклопедію, въ которую попало даже много такого, что было излишне въ сочиненіи историческомъ. Хронографы имѣли много различныхъ редакцій — однѣ основныя и болѣе извѣстныя, другія — частныя, принадлежавшія отдѣльнымъ собирателямъ и зависѣвшія только отъ ихъ выбора и матеріаловъ. Эти сборники играли важную роль въ

все продолженіе старинной литературы, начиная отъ Нестора, читавшаго лѣтописаніе греческое, и волынскаго лѣтописца, совѣтовавшаго читателю для почтенія хронографъ, до послѣдняго русскаго хронографа, составленнаго въ половинѣ прошедшаго столѣтія для канцлера Бестужева.

Въ хронографѣ совмѣщалась цѣлая историческая библіотека. Начинаясь сотвореніемъ міра, онъ приводилъ библейскую и церковную исторію, добавляя ее сказаніями апокрифическими, разсказывалъ о судьбахъ древнихъ народовъ, особливо римскаго и греческаго, до паденія Византіи, переходилъ къ славянскимъ племенамъ и къ Руси, исторію которой излагалъ по лѣтописнымъ сборникамъ. Отдѣльныя произведенія вносимы были въ хронографы въ извлеченіи или же цѣликомъ, напр. псевдо-Каллисѳенова исторія Александра, троянскія сказанія и многія другія повѣсти. Говоря о сотвореніи міра, хронографъ выписывалъ толкованія отцевъ Церкви, вставлялъ космографическія и географическія свѣдѣнія, разсказывалъ о греческой миѳологіи. Вслѣдствіе этого состава изложеніе, большею частію, носило отрывочный анекдотическій характеръ, потому что составители не столько заботились о внутренней связи разсказа, сколько обращали вниманіе на отдѣльные факты. Лѣтописцы наши уже рано начали пользоваться славянскими хронографами; послѣдніе лѣтописные сборники, какъ Никоновскій, компилированы изъ нихъ еще болѣе. Вплоть до XVII вѣка хронографы и палеи оставались главнымъ источникомъ, гдѣ русскіе авторы почерпали нужныя для нихъ историческія свѣдѣнія. Изъ отдѣльныхъ повѣстей, внесенныхъ въ хронографы, мы замѣтимъ только немногія, болѣе любопытныя въ литературно-историческомъ отношеніи.

Повѣсть о взятіи Царяграда турками распространилась, вѣроятно, вскорѣ послѣ самаго событія. Въ хронографахъ она заканчивается обыкновенно [illegible] иноземныхъ [illegible]. Это событіе описано было и въ другихъ разсказахъ, какъ можно судить по нѣсколькимъ нашимъ лѣтописнымъ [illegible] исторіи [illegible] и [illegible] Царяграда, помѣщенной въ хронографахъ и переписанной въ [illegible] лѣтописи и Никоновской [illegible]. Всего болѣе извѣстна была эта послѣдняя исторія, очень нерѣдкая и въ хронографахъ. Содержаніе повѣсти [illegible] основаніи Царяграда Константиномъ и пере-

ходитъ потомъ къ обстоятельному описанію и взятію города; въ заключеніе приводится предсказаніе о будущей гибели безбожныхъ завоевателей и возрожденіи Византіи. Важность этого сказанія заключается въ томъ, что оно было не компиляціей изъ другихъ историковъ, а разсказомъ оригинальнымъ, составленнымъ если не очевидцемъ, то, безъ сомнѣнія, современникомъ событій: точность фактовъ и вѣрныя подробности даютъ русскому сказанію ту же цѣну, какую имѣютъ для историка извѣстія Франца, Дуки и Леонарда Хіосскаго. По мнѣнію Срезневскаго, повѣсть стала извѣстна у насъ при Іоаннѣ III, когда усилились особенно связи съ греками; быть-можетъ, она принесена и тотчасъ, по взятіи Царьграда, когда греки стали приходить въ Россію за милостынею и вспоможеніемъ. Называя повѣсть русскою, нельзя однако принимать такое выраженіе буквально: едва ли она могла быть сочинена по-русски или пересказана русскимъ, потому что списки повѣсти сохраняютъ много признаковъ, которые могли принадлежать греческому произведенію. Притомъ, существованіе сербскихъ списковъ, довольно старыхъ, наводитъ на мысль, что сказаніе намъ доставлено уже въ готовомъ славянскомъ переводѣ, тогда сказаніе можетъ быть названо русскимъ только на томъ основаніи, что нигдѣ оно не было извѣстно въ такой степени, какъ въ нашей старинной литературѣ. Почему она столько нравилась читателямъ, объясняется самымъ дѣломъ. „Повѣсть о семъ событіи, говоритъ Полевой, была одним изъ любимыхъ чтеній на Руси, украшенная множествомъ приключеній на память родамъ грядущимъ; въ ней съ радостію видѣли русскіе, что послѣ паденія Греціи осталась одна земля православная — Русь, и слышали пророчества, что Руси предоставлено нѣкогда взять Семихолмный градъ, воцариться въ немъ и возстановить православіе въ землѣ Константина“.

Той же эпохѣ принадлежитъ сказаніе о Дракулѣ, воеводѣ Мутьянской земли. Дракула былъ сынъ валашскаго воеводы Милади, отсѣкъ голову наслѣднику его Даку и сдѣлался правителемъ Валахіи въ первой половинѣ XV столѣтія. Дракула отличался большимъ коварствомъ и хитростію и удачно поддерживалъ независимость своей страны, поставленной въ невыгодное положеніе между Венгріей и уже сильными въ Европѣ турками. Наша повѣсть рисуетъ самыми темными красками характеръ ужаснаго Дракулы, имя котораго должно означать

и русскій дьяволъ: онъ преслѣдовалъ неправду и пороки, но на всѣхъ наводилъ страхъ жестокостію, не имѣвшею предѣловъ. Повѣсть наполнена анекдотами о безчеловѣчныхъ поступкахъ Дракулы или съ подданными его, или съ иноземцами, приходившими въ его страну; всеобщій страхъ его тиранства дошелъ до такой степени, что въ его землѣ никто не осмѣливался брать чужого. Однажды онъ увидѣлъ на какомъ-то бѣднякѣ худое платье и спросилъ его, есть ли у него жена? Когда тотъ отвѣчалъ, что есть, Дракула велѣлъ вести себя въ домъ его и, увидѣвъ молодую и здоровую жену, снова спросилъ мужа: есть ли у тебя ленъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Дракула обратился къ женѣ и сказалъ: отчего ты лѣнишься заниматься дѣломъ? мужъ твой долженъ пахать землю, а ты не сшила ему рубахи, въ этомъ ты виновата, а не онъ, и затѣмъ Дракула велѣлъ отсѣчь ей руки и посадить на колъ. Чтобы испытать правдивость своихъ подданныхъ, онъ поставилъ на источникѣ драгоцѣнную чару, и никто не осмѣлился взять ее, доколѣ онъ [illegible]. Дракула пребылъ. Подобные разсказы составляютъ и главнѣйшее содержаніе повѣсти. Иные изъ нихъ могли принадлежать и не именно Дракулѣ, или перенесены были на него изъ другихъ преданій и разсказовъ.

Повѣсть о Дракулѣ занимаетъ средину между историческими сказаніями хронографовъ и тѣми повѣстями, въ которыхъ была полная свобода вымысла, хотя и развиваемаго иногда на основѣ дѣйствительнаго факта. *Пыпинъ.*

Содержаніе повѣсти о Царьградѣ и ея значеніе.

Въ числѣ древнихъ и старинныхъ памятниковъ русскихъ осталось много замѣчательныхъ и важныхъ упоминаній о Царьградѣ, на которыхъ, большею частію, лежитъ печать современности. Такъ на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей мы находимъ замѣчанія о событіяхъ IX и X вѣка, записанныя [illegible] о мирныхъ и немирныхъ сношеніяхъ русскихъ съ Царьградомъ съ припоминаніями о его величіи и могуществѣ. Позже въ одной изъ древнихъ лѣтописей, Новгородской, мы находимъ сказаніе о взятіи Царьграда латинами. Отъ половины XIV вѣка осталось довольно подробное описаніе

Царьграда — новгородца Стефана; отъ конца XIV вѣка — два описанія: одно дьяка Александра, а другое діакона Игнатія, отъ начала XV вѣка — хоть и не подробное, но умное описаніе іеродіакона Зосимы и т. д. Въ XV вѣкѣ, когда вѣсть о паденіи Царьграда подъ ударами Магомета II разошлась по Руси, не могли у насъ не появиться описанія и этого „страшнаго событія". Можно предполагать, что такихъ описаній было у насъ нѣсколько... Одно изъ нихъ, очень подробное, нравилось, вѣроятно, болѣе другихъ и потому сохранилось въ значительномъ количествѣ списковъ въ хронографахъ, лѣтописяхъ и сборникахъ. Это — Повѣсть о созданіи и взятіи Царьграда".

Повѣсть о взятіи Царьграда, занимательная по изложенію и по подробностямъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ вовсе нѣтъ въ другихъ сказаніяхъ, оживлена сочувствіемъ къ событіямъ и къ лицамъ, но такъ что никто изъ христіанъ того времени не обиженъ, не очерненъ. Списки этой повѣсти довольно различны — не только въ мелочахъ чтенія и правописанія, но и въ тѣхъ чертахъ, которыя могутъ годиться для отвѣта на вопросъ, когда, кѣмъ и по какому случаю она написана. Безъ сличенія возможно большаго количества списковъ нельзя рѣшить, что считать въ нихъ вставками и измѣненіями позднѣйшаго времени, и что именно было въ подлинникѣ; а безъ такого очищенія первобытнаго текста нельзя допустить и окончательныхъ выводовъ о значеніи повѣсти, какъ памятника историческаго. Впрочемъ, и теперь, перечитывая ее въ спискахъ, болѣе или менѣе искаженныхъ, можно догадываться, что она составлена если и не очевидцемъ, то современникомъ, или, по крайней мѣрѣ, по разсказамъ современниковъ, и должна занять почетное мѣсто между другими современными разсказами.

Въ 5818—910 году великій Константинъ Флавій, царь римскій, отовсюду собирая христіанъ, сталъ заботиться объ укрѣпленіи и расширеніи вѣры христіанской. Въ XIII годъ своего царствованія онъ задумалъ создать городъ въ свое имя. Голосъ, слышанный царемъ во снѣ, обозначилъ мѣсто: „Въ Византіи подобаетъ Константиню граду создатися". Царь отправился въ Византію, увидѣлъ тамъ семь горъ и много морскихъ заводей (глубинъ), велѣлъ срывать верхи горъ, засыпать низменныя мѣста, на глубинахъ ставить каменные столбы, на нихъ св-

ни стѣны и такимъ образомъ родилась мысль. По семъ по совѣтѣ съ вельможами царь рѣшилъ основать городъ и крѣпости, велѣлъ размѣрить мѣстность на три угла во всякую сторону по семи верстъ, какъ указывало пространство материка между морями Чернымъ и Бѣлымъ*). И вотъ внезапно вышелъ изъ норы змій и поползъ по площади, а на небѣ надъ нимъ явился невѣсть откуда орелъ, спустился на змія, схватилъ его и поднялся съ нимъ на воздухъ. И царь и всѣ, кто тутъ были, смотрѣли: видѣли, какъ крѣпко змій обвился вокругъ орла, какъ орелъ летѣлъ съ нимъ все выше; оба скрылись надолго, потомъ опять показались, стремясь внизъ, и палъ орелъ со змѣемъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ поднялся. Люди прибѣжали, высвободили орла и убили змія. Испуганный царь созвалъ книжниковъ и мудрецовъ, разсказалъ имъ это знаменіе, и вотъ что они, поразмысливъ, отвѣчали царю: „Это мѣсто называется Седмихолмнымъ, прославится и возвеличится во всей вселенной болѣе всѣхъ другихъ городовъ; его между двухъ морей будутъ бить волны морскія, и будетъ онъ колебаться. Орелъ знаменіе христіанства, змій — знаменіе басурманства: что змій одолѣлъ орла — это знакъ, что басурмане одолѣютъ христіанъ; а что христіане змія убили и освободили орла — это знакъ того, что христіане одолѣютъ басурманъ, возьмутъ Седмихолмный назадъ и воцарятся въ немъ". Смутился великій Константинъ, но велѣлъ написать ихъ слова и продолжалъ свои заботы о построеніи города... Городъ устроивался, а жителей было немного, и поэтому царь сталъ вызывать изъ Рима и изъ другихъ странъ вельможъ, мегистановъ, сановниковъ строить ихъ домы... Онъ воздвигъ большую „палату", „шпицу" ипподромъ и рынокъ, т.-е. крытую улицу для торга. Онъ же воздвигъ храмы св. Софіи, св. апостоловъ, св. Ирины и много другихъ. На одной изъ площадей онъ поставилъ удивительный „багряный столпъ", перевезенный изъ Рима: три года нужно было для этого, потому что онъ былъ очень великъ и тяжелъ; сто [illegible] перетаскивали его цѣлый годъ, и царь, приходя часто самъ смотрѣть на работы, раздавалъ много золота работникамъ, чтобы они берегли его. Въ его основаніе положены были двѣнадцать кошницъ, благословенныхъ Спасителемъ, частица

*) Подъ именемъ Бѣлаго моря въ повѣсти разумѣется то, что обыкновенно называлось у насъ Узкимъ моремъ. Бѣлымъ моремъ болгары называютъ и теперь весь Архипелагъ, не только Узкое, т.-е. Мраморное море.

честнаго древа и мощи святыхъ „на утвержденіе и сохраненіе предивнаго единокаменнаго столпа". На немъ поставленъ былъ кумиръ, принесенный изъ Солнечнаго города фригійскаго, съ семью лучами на головѣ. Много и другихъ удивительныхъ и славныхъ вещей Константинъ принесъ въ свой городъ. Онъ назвалъ его *новымъ Римомъ*, Царьградомъ, и завѣщалъ, чтобы и преемники его заботились объ украшеніи города сооруженіемъ храмовъ и зданій. И точно хранимъ былъ этотъ завѣтъ. Юстиніанъ, Ѳеодосій Великій, царица Евдокія и многіе другіе цари исполнили его и такъ наполнили Царьградъ „преславными и дивными вещами", что блаженный Андрей критскій, изумляясь его величію, сказалъ о немъ: „воистину градъ сей выше слова и разума есть". Но и этотъ городъ за несчетныя согрѣшенія и беззаконія пострадалъ отъ различныхъ бѣдъ и напастей. Такъ и нынѣ въ послѣднее время, за наши грѣхи унизили его и нападенія невѣрныхъ, и голодъ, и повѣтрія, и междоусобныя брани (1453 г.).

Въ 6961—1452 году „безбожный Магметъ", сынъ Амурата, несмотря на миръ съ православнымъ царемъ Константиномъ Мануиловичемъ, на свое обязательство и клятвы, пошелъ на него войною. Его большое войско, приведенное по сушѣ и по морю, внезапно обложило городъ. Царь послалъ къ султану пословъ для объясненія и переговоровъ о мирѣ; но „окаянный султанъ", „безвѣрный и лукавый", отпустилъ пословъ безъ отвѣта. Въ декабрѣ (1452 г.) онъ выслалъ войско съ тѣмъ, чтобы бить въ городъ изъ пушекъ и пищалей и изъ другихъ стѣнобитныхъ орудій и приготовляться къ приступу. И турки обложили городъ. Тогда царь повелѣлъ вельможамъ и мегистанамъ*) распредѣлить воиновъ по стѣнамъ, стрѣльницамъ и воротамъ, назначивъ каждому свое мѣсто съ его отрядомъ и съ „ратными колоколами"**), расположивъ всюду, гдѣ было нужно, пушки и *пищали* для охраненія стѣнъ и запретивъ всѣмъ выѣзжать и выходить изъ города. А самъ онъ съ патріархомъ, съ царицей, со святителями и со всѣмъ священнымъ соборомъ, въ сопровожденіи множества женъ и дѣтей, обходилъ ежедневно храмы Го-

*) Мегистаны — *μεγιστᾶνες* и *μεγιστανοι* (отъ *μέγας* [illegible] *μέγιστος* [illegible] [illegible]

**) [illegible] ратными [illegible] ему какой-нибудь знакъ.

спошии, возносся мольбы къ Милосердному. Онъ часто объѣзжалъ и вокругъ города, подкрѣпляя стратиговъ, воиновъ и всѣхъ людей надеждою на Господа и ободреніемъ ихъ храбрости. Турки между тѣмъ на всѣхъ мѣстахъ бились день и ночь, смѣняя одни другихъ, не давая отдыха городу, стараясь утомить его защитниковъ, съ тѣмъ чтобы облегчить себѣ задуманный приступъ. Такъ прошло тринадцать дней. Въ четырнадцатый день турки возгласили свою „скверную молитву", загремѣли въ сурны*), варганы**) и накры***), и, подкативши много пушекъ и пищалей, начали „бить городъ", стрѣляя между тѣмъ и изъ ручныхъ луковъ.

Горожане не выдержали этого прибоя, запали за стѣны и только отстрѣливались, сколько могли, изъ пушекъ и пищалей; а турки съ кликомъ и воемъ бросились къ городу, одни съ огнями или съ лѣстницами, другіе съ стѣнобитными орудіями и разными „козньми", нужными для осады. Въ Царьградѣ повсюду раздался звонъ колоколовъ; по войску турецкому — звуки сурнъ, трубъ и тимпановъ****). Началась лютая, страшная сѣча. Отъ стука пищалей, отъ звука колоколовъ, отъ треска оружія, отъ вопля и крика воиновъ, отъ плача и рыданія женъ и дѣтей казалось, что колеблется земля. Тучи дыма покрывали городъ и войско, такъ что бьющимся не было видно, съ кѣмъ приходилось биться, и многіе задохлись отъ „зелейнаго*****) духа". Схватывались и рубились во всѣхъ стѣнахъ до тѣхъ поръ, пока ночная тьма не развела враждующихъ. Отходя отъ стѣнъ города, турки не взяли своихъ падшихъ, а осажденные отъ утомленія пали, какъ мертвые, оставя на стѣнахъ только стражей. На утро царь велѣлъ собрать и

*) Сурна, сурма ср. нов. греч. *σύρμα* — одинъ изъ 19 тоновъ греч. музыки. Въ Ник. и Воскр. [illegible] 19 г. [illegible] сурны, въ Воскр. сопѣли.

**) *Варганъ—ὄργανον*, organum, принималось у византійцевъ въ смыслѣ fistula — флейта.

***) Накры — бубны — *ἀνάκρα*, anakara.

****) Тимпанъ, —барабанъ, *τύμπανον*, tympanum.

*****) Зелье — порохъ. Въ древ.-рус. слово **зелие** употреблялось въ значеніи лѣкарства и яда (Ип. лѣт. 1190: Угри же приложивше зелие смертное ранамъ, и съ того умре); а такъ какъ и лѣкарства и яды приготовлялись болѣе въ видѣ порошка (*κόνις, κονία*, pulvis), то всякому вредному порошку можно было дать по-[illegible] не зелья; такъ зельемъ называли и табакъ, сначала нюхательный; тѣмъ зельемъ называли и порохъ.

добрести мертвыхъ; ихъ было: славныхъ грековъ 1740, а фряговъ и армянъ 700. Обходя стѣны города, онъ видѣлъ павшихъ своихъ воиновъ, видѣлъ, что рвы наполнены трупами враговъ, что громады труповъ ихъ покрываютъ и потоки и берега, и „посмѣтили“ всѣхъ убитыхъ турокъ 18 000. Онъ приказалъ сжечь стѣнобитныя орудія, и потомъ вошелъ съ патріархомъ и со всѣмъ духовенствомъ въ Софійскій храмъ принести благодарственный молебенъ Господу силъ: надѣялъ, что „безбожный“ (Махметъ) отступилъ отъ города, увидя такую погибель своихъ. Но „звѣроподобный“ думалъ не такъ. Имъ посланы были на другой день многіе полки, чтобы собирать мертвыхъ, и они, безъ сопротивленія со стороны грековъ, какъ и желалъ царь, очистили рвы и потоки и сожгли трупы; а на седьмой день послѣ того султанъ двинулъ вновь свое войско къ городу...

На тридцатый день послѣ перваго приступа турки прикатили пушки и пищали и другіе стѣнобитные „сосуды“. Магометъ въ ярости закричалъ „ягма, ягма!“ т.-е. „на разграбленіе города!“ Вскричало за нимъ все войско и бросилось къ приступу. Осажденные вышли на стѣны всѣ, такъ что остались только патріархъ, святители и священство, молясь въ церквахъ. Царь безъ отдыха объѣзжалъ по всему городу, плача и рыдая и умоляя стражниковъ и всѣхъ людей мужаться, не ослабѣваться въ трудахъ, не падать надеждою, „кладуще главы своя за православную вѣру и за святыя церкви, яко да и насъ помилуетъ и прославитъ всещедрый Господь Богъ“, и велѣлъ звонить по всему городу. И люди, услыша звонъ святыхъ храмовъ, ободрились, охрабрились и, сражаясь съ турками, говорили другъ другу: „умремъ за вѣру христіанскую“. Падали трупы съ обѣихъ сторонъ, какъ снопы, и потоки крови текли, какъ рѣки. Рвы наполнились трупами до верху такъ, что турки ходили по нимъ къ городу какъ по ступенямъ; ихъ мертвые были имъ мостомъ и лѣстницей. Если бъ Господь Богъ не покончилъ дня, была бы тогда же городу конечная погибель, потому что осажденные совершенно изнемогли.

Спустя девять дней послѣ того, „скверный Магметъ“ велѣлъ всему своему войску вновь готовиться къ приступу, веля большую пушку передѣлать крѣпче прежняго...

Осажденные днемъ бились съ турками, а ночью выходили во рвы, пробивали стѣны рва со стороны поля и „измыряли

...ме по застѣнью во многихъ мѣстахъ, зарывъ въ нихъ бочки и сосуды съ пушечнымъ зельемъ. По стѣнамъ также приготовляли сосуды со смольемъ и съ горячей сѣрой и пескомъ съ смолою и съ пушечнымъ „зельемъ“. Такъ въ ежедневной борьбѣ съ врагами провели они еще 25 дней.

Велѣлъ безбожный прикатить большую пушку. Она была обвязана желѣзными обручами и казалась отъ этого крѣпче, но лишь только ее пустили, то при первомъ ударѣ она разсѣлась на части. Считая себя поруганнымъ, „безбожный“ велѣлъ прикатить къ городу всѣми силами свои крытые туры*) и, уставивъ ихъ по берегу рва, наполнять ровъ деревьями, хворостомъ, землею, придвинуть туры еще ближе къ городу и подкапывать стѣну, чтобы она рухнула; но когда турки доступили ко рвамъ, осажденные зажгли зеленные сосуды, сдѣланные внѣ рва. Взгремѣла земля, какъ громъ, и поднялась съ турами и турками къ облакамъ зеленная буря. Страшенъ былъ трескъ и порушеніе туровъ, страшенъ вопль и стонъ людской. Когда же потомъ горожане вышли на стѣну и увидѣли во рву множество турокъ, стали они зажигать бочки со смолою и бросать на нихъ. „Злонравный Магметъ“ издали глядѣлъ на все это и не зналъ, что бы сдѣлать; а между тѣмъ его ратники, устрашенные, отступили отъ города. Греки вышли изъ-за стѣнъ, добивали во рвахъ турокъ, еще живыхъ, и, складывая „громадами“, сожгли ихъ вмѣстѣ съ остальными турами. Такъ освободился городъ въ этотъ день „отъ безбожныхъ турковъ“. Царь и патріархъ, со священствомъ, вознесли благодарственныя мольбы, думали, что брань этимъ кончится. Мая 6-го „безвѣрный“ велѣлъ бить городъ въ то же мѣсто, гдѣ и прежде, и били изъ многихъ пушекъ въ продолженіе трехъ дней. Горожане расширяли башню, укрѣпляя всю „проталину“, и навели въ нее много пушекъ тайно, потому что башня была изнутри города. На утро, когда увидѣли турки, что стѣна не задѣлана, напали и стали биться съ греками. Греки принуждены были отступить, отстрѣливаясь изъ однѣхъ пушекъ.

Между тѣмъ царю объявили, что турки уже взошли на стѣну и одолѣваютъ горожанъ. Царь кинулся къ стѣнамъ, вельможи и стратиги за нимъ. Царь сталъ рубить турокъ

*) Туръ — τύρρις turris, деревянная бойница.

нещадно и ужасно, разсѣкая „кого надвое, ино на полы", такъ что ничто не удерживало меча его. Они бѣжали отъ него изъ города къ пролому. Къ вечеру они совершенно отступили. На утро эпархъ Николай повелѣлъ выбросить изъ города и за рвы убитыхъ турокъ: ихъ было 16.000. Они были приняты невѣрными и сожжены.....

Къ 26-му мая невѣрные, послѣ того какъ ихъ глашатаи прокричали „свою скверную молитву", ринулись къ городу. Прикатили пушки и пищали, туры, лѣстницы, деревянные городки и другія стѣнобитныя „козни", съ моря придвинули катарги *) и корабли, и начали бить городъ отовсюду и строить мостъ черезъ рвы. Сбивъ воиновъ со стѣнъ, придвинули деревянные городки, высокіе туры и множество лѣстницъ, и старались силой взобраться по стѣнамъ; но греки рубились съ ними крѣпко. Въ то же время „окаянный Махмедъ, заигравъ „во всѣ игры и въ тимпаны", съ крикомъ, какъ буря, бросился къ пролому, думая мгновенно овладѣть городомъ; но и тутъ осажденные подъ начальствомъ Юстиніана выдержали напоръ враговъ... Обороняясь отъ нападеній, греки метали на турокъ съ обѣихъ сторонъ стѣны горячую смолу, горящіе пуки смолья .. Зашло солнце, а сѣча не переставала. „Безбожный" зажегъ множество огней, самъ скакалъ во всѣ мѣста съ крикомъ и воплемъ, понуждая своихъ и надѣясь немедля пожрать городъ. Не унывали греки и ихъ сподвижники на стѣнахъ, вооружаясь храбростью, и рубились до полуночи. Они успѣли согнать турокъ съ забралъ и съ ихъ городковъ на землю. Сѣча прекратилась; но турки не отступали отъ города; „самъ окаянный" стоялъ у стѣнъ, оберегая свои городки и другія „козни", чтобы горожане не подожгли ихъ...

29-го мая турки, прикативъ пушки противъ пролома, начали бить въ него, и когда отбили горожанъ отъ пролома, поспѣшили очистить путь, поровнять ровъ, бросились въ проломъ и опрокинули горожанъ. Завязалась сѣча. Царь принялъ въ ней участіе, и началась сѣча упорнѣе всѣхъ прежнихъ: вельможи, мегистаны и стратиги падали одни за другими. „Окаянный Махметъ" послалъ всю свою рать въ городъ по всѣмъ улицамъ и по всѣмъ воротамъ. Народъ на улицахъ и

*) Катарга — галера: *κάτεργον, κάτεργα.*

[illegible]рахъ защищали себя отъ турокъ не желавшимъ покорит[illegible] защищались и воины въ стрѣльницахъ отъ турокъ, нап[illegible]авшихъ на нихъ изъ города и съ поля. Кидали на турокъ съ домовъ керемиды *), плиты **), бревна поджженныхъ деревянныхъ кровель. Паши приходили въ ужасъ. Санджакъ-беи ***) послали сказать султану, что если онъ самъ не войдетъ въ городъ, то его не одолѣть. Магометъ велѣлъ искать царя и царицу; позвалъ плѣнныхъ бояръ и стратиговъ царскихъ, одѣлилъ ихъ дарами и послалъ съ пашами и съ санджакъ-беями сказать горожанамъ на улицахъ и воинамъ въ стрѣльницахъ свое слово съ клятвою, что битва должна прекратиться безъ страха, убійства и плѣненья, а если не прекратится, то „всѣхъ васъ, грековъ, и женъ, и дѣтей вашихъ, да пожретъ мечъ". И битва прекратилась. Обрадовался султанъ и велѣлъ очищать улицы и площади.

Онъ послалъ санджакъ-беевъ по всѣмъ улицамъ съ воинами стеречь, чтобы не было измѣны — „[illegible]", а самъ пошелъ черезъ ворота св. Романа къ храму Софіи, гдѣ были собраны патріархъ со всѣмъ клиромъ и много народа, женъ и дѣтей. На площади у храма онъ сошелъ съ коня, палъ наземь, посыпалъ голову землею въ знакъ благодаренія Богу, и потомъ, удивляясь красотѣ храма, сказалъ: „подлинно это были люди; нѣтъ ихъ и не будетъ имъ подобныхъ". Вошелъ онъ во храмъ, — вошли съ нимъ мерзость и запустѣніе въ святилище Божіе и осквернили святое мѣсто. Патріархъ, клиръ и народъ, увидя его, возопили и пали предъ нимъ. Онъ подалъ знакъ рукою, чтобы встали, и сказалъ: „Тебѣ говорю, патріархъ, и всѣмъ твоимъ, и всему народу: не бойтесь съ этого дня моего гнѣва, ни убійства, ни плѣненія". Потомъ, обратясь къ своимъ пашамъ и санджакъ-беямъ, велѣлъ возвѣстить всему войску, чтобы никто, подъ опасеніемъ смерти, не смѣлъ трогать горожанъ. Народу, бывшему въ церкви, онъ приказалъ разойтись по домамъ, потому что хотѣлъ взять церковныя „уряды", и всѣ сокровища, но не могъ [illegible] [illegible] и вышелъ самъ. Онъ пошелъ къ царскому [illegible]. Тутъ встрѣтилъ [illegible]

*) Керемида — κεραμίς, — ίδος черепица и всякое издѣліе изъ глины.

**) Плита — πλίνθος, кирпичъ, плита.

***) Санджакъ-бей — domonus vexilli; военачальникъ, имѣвшій свое знамя.

лову царя. Султанъ обрадовался, но не повѣривъ, допросилъ бояръ и стратиговъ, точно ли это голова царя, и, увѣрившись, облобызалъ ее. Онъ послалъ ее къ патріарху, чтобъ тотъ обложилъ ее серебромъ и золотомъ и сохранилъ, какъ самъ знаетъ. Патріархъ положилъ ее въ серебряный позолоченный ковчегъ и скрылъ ее въ Софійскомъ храмѣ подъ престоломъ. Отъ другихъ же слышали мы, что оставшіеся отъ воиновъ, бывшихъ близъ царя, у Золотыхъ воротъ, унесли тѣло его ночью въ Галату и тамъ скрыли. О царицѣ сказали султану, что великій дука и другіе отправили ее на кораблѣ: султанъ казнилъ ихъ за это смертью.

Такъ совершилось за грѣхи наши, что „беззаконный Махметъ сѣлъ на царскомъ престолѣ, на престолѣ, который благороднѣе всѣхъ, какіе есть подъ солнцемъ, и сталъ владѣть обѣими частями вселенной... Но помни, „окаянный“: если совершилось все предсказанное при царѣ Константинѣ, и Мефодіемъ Патарскимъ и Львомъ Премудрымъ, если всѣ знаменія въ этомъ городѣ исполнились: то совершится и послѣднее, какъ сказано — русскій родъ сразится съ измаильтянами, и возьмутъ Седмихолмый съ первозаконными его обладателями и воцарятся въ немъ. *Срезневскій.*

Содержаніе хожденія за три моря Аѳанасія Никитина.

За тридцать лѣтъ до того времени, какъ португалецъ Васко-де-Гама предпринялъ въ 1497 году свое славное морское путешествіе, открывшее морской путь въ восточную Индію, нашъ тверитянинъ отправился туда же черезъ Персію въ 1466 году, прожилъ въ Индіи четыре года, составилъ записки о своемъ пути и пребываніи и въ 1472 году, возвращаясь въ свою родную Тверь, умеръ на дорогѣ въ Смоленскѣ. Тетради, его рукою писанныя, привезены были купцами въ Москву и вручены дьяку великаго князя, Василью Мамыреву, который, какъ должно думать, и внесъ ихъ въ современную лѣтопись подъ 1475 годомъ. Нашему ученому Срезневскому мы обязаны объясненіемъ этого памятника: онъ сличалъ его съ итальянскими и португальскими путешественниками въ XV вѣкѣ описавшими Индію, и вывелъ заключеніе, что только разсказы венеціанца Николо Конти 1444 и отчасти Васко-де-Гама 1497—1499

могутъ быть поставлены рядомъ съ Хожденіемъ Аѳанасія Никитина (1466—1472), что если путешествіе Васко несравненно значительнѣе было по своимъ всемірнымъ послѣдствіямъ, то наблюденія де Конти и Никитина гораздо цѣннѣе по обилію содержанія, и Никитинъ въ этомъ отношеніи долженъ быть даже поставленъ выше де Конти.

Что побудило Аѳанасія Никитина предпринять такое отдаленное и трудное путешествіе? Должно думать, что путешественника манила ложная надежда завести большую торговлю съ индійцами. „Меня залгали, говоритъ онъ, псы бесермены, а сказывали много всего нашего товару; ано нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ бѣлой на бесерменскую землю, да краска — то и дешево; возити моремъ, и пошлины много, а на морѣ разбойниковъ много". Судя по этимъ словамъ, Никитинъ, увлеченный преувеличенными разсказами жителей Востока, обманулся въ своихъ торговыхъ надеждахъ.

Выѣхалъ онъ съ русскимъ посломъ Василіемъ Папинымъ и пользовался покровительствомъ посла персидскаго къ Іоанну III Асанъ-Бега. Татары на югѣ были довольно къ нимъ негостепріимны. Персія не привлекла вниманія нашего путника, видно что все оно сосредоточилось на Индіи. Его поразилъ сначала видъ наготы и черноты индійскихъ туземцевъ, которые бѣгали за нимъ толпою, удивляясь бѣлому человѣку.

Подробно описываетъ Никитинъ нравы и обычаи индійцевъ, но съ особеннымъ вниманіемъ ихъ вѣру. Замѣчательно, что когда онъ открылся имъ христіаниномъ, и [illegible] Асанъ [illegible] переименовали его въ Ходжа Юсуфъ Хоросани, [illegible] перестали передъ нимъ скрываться, и женъ своихъ отъ него уже не прятали. Когда онъ разспросилъ ихъ о ихъ вѣрѣ, они сказали ему, что вѣруютъ въ Адама, называя его [illegible]. Всѣхъ вѣръ нашелъ Никитинъ въ Индіи 84 [illegible] въ Бута [illegible] а вѣра съ вѣрою ни пьетъ, [illegible] ни женятся между собою, [illegible] по [illegible] есть [illegible] вѣра. „[illegible]" Онъ былъ въ Парватѣ [illegible] Іерусалимъ, [illegible] храмъ Буты [illegible] расписана [illegible] Бути [illegible] въ [illegible] и [illegible] ихъ. [illegible] чудо Буты [illegible] жены, [illegible]

тѣмъ, какъ входили въ Бутхану. Подробно описанъ каменный идолъ Будды, здѣсь стоявшій, съ лицомъ обезьяны, правую руку поднялъ высоко, какъ царь Юстиніанъ въ Царьградѣ, а въ лѣвой копье. Передъ нимъ стоитъ волъ огромный, вырѣзанный изъ чернаго камня и весь позолоченный; его цѣлуютъ въ копыто и сыплютъ на него цвѣты, такъ же какъ и на Будду.

Замѣтилъ Аѳанасій обрядъ похоронный, какъ сожигаютъ тѣла умершихъ и пепелъ сыплютъ въ воду, какъ отецъ даетъ имя сыну и мать дочери. Вотъ подробное описаніе торжественнаго выѣзда Султана на праздникъ Байрама въ Бедери. Съ двадцатью визирями онъ выѣхалъ. Триста слоновъ, наряженныхъ въ доспѣхи булатные, съ окованными городками на нихъ, а въ каждомъ городкѣ по шести человѣкъ, также въ доспѣхахъ, съ пушками и пищалями, а на великомъ слонѣ двѣнадцать человѣкъ; на всякомъ слонѣ по два большихъ прапорца (знамени); къ зубамъ привязаны великіе мечи, къ рылу великія желѣзныя гири, человѣкъ сидитъ на доспѣхѣ промежъ ушей, крюкъ у него желѣзный великій, и тѣмъ онъ правитъ; коней простыхъ тысяча въ золотыхъ убранствахъ, верблюдовъ сто съ нагарами (барабанами); трубниковъ 300; плясуновъ 300. На султанѣ кафтанъ весь саженъ яхонтами; на шапкѣ чечакъ алмазъ великій; саадакъ золотой съ яхонтами; три сабли на немъ золотомъ окованы, сѣдло золотое; передъ нимъ бѣжитъ кафиръ пѣшій, играетъ теремцомъ (зонтикомъ), за нимъ пѣшихъ много, а тутъ блаженой слонъ идетъ, весь наряженъ въ камку, большая желѣзная цѣпь во рту, отбиваетъ коней и людей, чтобы на султана не наступали близко. Братъ султановъ и ханъ Махмутъ, составлявшіе свиту султана, выѣзды султана и его приближенныхъ, на потѣхи или увеселительныя зрѣлища, описаны равно подробно. Сообщены также свѣдѣнія о войскѣ бедерскаго султана и другихъ владѣтельныхъ хановъ.

Природа Индіи привлекла также вниманіе нашего путешественника. Онъ обозначилъ разницу въ климатѣ многихъ мѣстностей. Въ Бедери, въ Великую ночь, т.-е. на Пасху, онъ дѣлалъ свои астрономическія наблюденія надъ небомъ Индіи, называя созвѣздія русскими народными именами: волосыни, кола и лось. Изъ животныхъ слоны особенно не поразили его, потому, конечно, что онъ видалъ ихъ и прежде. Обезьяны напротивъ, показались ему особеннымъ народомъ, имѣющимъ

свои замки и своего обезьяньяго князя, который хотѣлъ съ ними ратью и мстить людямъ за обижаемыхъ подданныхъ; замѣчательны здѣсь мифическія преданія объ обезьянахъ изъ индійской поэмы Рамаяна и о князѣ ихъ Ганумянѣ. Упоминаетъ Никитинъ о ночной птицѣ гукукъ, такъ названной по крику своему, птицѣ зловѣщей, которая, по мнѣнію индійцевъ, садясь на кровлю дома, предвѣщаетъ въ немъ мертвеца. Въ Бедери на улицахъ видѣлъ онъ змѣй длиною въ двѣ сажени. Мускусовые олени были ему также извѣстны. Изъ растительнаго царства Никитинъ замѣтилъ тѣ плоды, изъ которыхъ готовятся водки и питья въ родѣ вина, и цѣнности Индіи въ географическомъ отношеніи, гдѣ родятся драгоцѣнные камни, и особенно алмазныя копи, съ обозначеніемъ цѣны локтя алмаза въ двѣ тысячи фунтовъ золота, были также имъ замѣчены.

Пристани Индійскаго моря: Гурмызъ, Камбатъ, Дабыль и Келекотъ, Силянъ (Цейлонъ), Шабатъ, описаны имъ подробно и вѣрно въ отношеніи къ произведеніямъ природы и къ торговлѣ, какую тогда вели.

Сокрушала Никитина невозможность исполнять со всею строгостію всѣ предписанія православной вѣры касательно постовъ и главныхъ праздниковъ. Но, сколько могъ, онъ соблюдалъ православные обычаи древняго русскаго человѣка съ удивительною настойчивостью. Правительство восточное было пристрастно къ его вѣрѣ и хотѣло насиліемъ обратить его къ своей. Никитинъ съ отчаяніемъ восклицаетъ: «Изобрате, русьи христіане, кто хощетъ поити въ Индѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнувъ Махмета да поиди въ Гундустаньскую землю». Желая въ пути своемъ соблюсти законъ своей вѣры, Никитинъ запасся было еще на Руси книгами, для того нужными, но его на дорогѣ ограбили и книги всѣ у него взяли. Несмотря на то онъ, держась своего расчета, соблюдалъ посты, особенно Великій, ѣлъ только два раза въ день хлѣбъ и воду, да молился Христу Вседержителю, Кто сотворилъ небо и землю, а иного не призывалъ никотораго имени. Нѣсколько разъ въ описаніи своего многолѣтняго странствія онъ выражаетъ душевную тоску по родной вѣрѣ и отдаетъ отчетъ своимъ соотчичамъ въ томъ, какъ проводилъ онъ святые дни поста и гдѣ встрѣчаетъ Великій день.

«А уже проидоша Великія дни четыре въ Бесерменской земли, а христьянства не оставихъ, далѣ Богъ вѣдаетъ что будетъ»

Господи Боже мой, на Тя уповахъ, спаси мя, Господи Боже мой". Отдавая отчетъ, въ послѣднiй разъ о постѣ и праздновании Пасхи, онъ съ отчаянiя уже такъ выражается: „правую вѣру Богъ вѣдаетъ, а правая вѣра та единаго знати и имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисто..., а о Велика дени христьянскаго не вѣдаю Христова Въскресенiя, а говѣй-нее же ихъ говѣхъ съ бесермены, и разговѣхся съ ними и Великъ день взялъ въ Келберii". Вотъ, наконецъ, мысль, которая заставила его послѣ шестилѣтняго отсутствія возвратиться въ отечество: когда онъ прiѣхалъ въ городъ Дабыль, пристань на Индiйскомъ морѣ, онъ раздумался о вѣрѣ христiанской, о крещенiи Христовомъ, о постахъ, святыми отцами устроенныхъ, о заповѣдяхъ апостольскихъ, и устремился умомъ итти на Русь.

Въ описанiи своего хожденiя Аѳанасiй Никитинъ вставилъ много выраженiй, цѣлыхъ реченiй и даже отрывковъ на персидскомъ, тюркскомъ (татарскомъ) и арабскомъ языкахъ, которые онъ во все время странствiя своего, а частью, можетъ-быть, и прежде себѣ усвоилъ. Всѣ эти восточныя вставки изслѣдованы и переведены на русскiй языкъ нашимъ орiенталистомъ Казембекомъ. Здѣсь иногда восточными языками Никитинъ прикрываетъ то, что совѣстится сказать по-русски. Но большею частiю вставляетъ на этихъ языкахъ молитвенныя выраженiя восточныхъ народовъ, которымъ сочувствуетъ. Въ одномъ мѣстѣ молится за русскую землю. Вотъ смыслъ этой молитвы: „Да сохранитъ Богъ землю русскую! Боже сохрани (ее)! Въ семъ мiрѣ нѣтъ подобной ей земли. Да устроится русская земля. О Боже, Боже, Боже, Боже, Боже!" Послѣднiе пять воззванiй „о Боже" — на арабскомъ, персидскомъ, два на русскомъ и одно на тюркскомъ языкахъ. Хожденiе свое онъ заключилъ магометанскою молитвою на арабскомъ языкѣ, называемой „аспаулахъ". Въ молитвѣ изложены общiя свойства Бога, какъ существа совершеннаго; но Аѳанасiй вставилъ въ эту молитву имя Iисуса, драгоцѣнное для христiанъ.

Шевыревъ.

Значеніе хожденія за три моря Аѳанасія Никитина.

Не можемъ разстаться съ Хожденіемъ нашего странника безъ сожалѣнія, что на долю его не досталось пожить еще нѣсколько лѣтъ. Если бы онъ успѣлъ отдохнуть отъ своихъ бѣдъ въ родной Твери, то, можетъ-быть, оставилъ бы на память о себѣ не только краткія записки, но и подробное описаніе чудесъ природы, имъ видѣнныхъ.

Какъ однако ни кратки записки, оставленныя Никитинымъ, все же и по нимъ можно судить о немъ, какъ о замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ XV вѣка. И въ нихъ онъ рисуется, какъ православный христіанинъ, какъ патріотъ, какъ человѣкъ не только бывалый, но и начитанный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ любознательный наблюдатель, какъ путешественникъ-писатель, по времени очень замѣчательный, не хуже своихъ собратовъ-торговцевъ XV вѣка. По времени, когда писаны, его записки принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ своего рода: разсказы ди-Конти и отчеты Васко-де-Гама одни могутъ быть поставлены вровень съ Хожденіемъ Никитина. Не ниже ихъ это Хожденіе ни по слогу, хотя и можетъ онъ намъ теперь казаться слишкомъ мало-литературнымъ, ни по простодушію и отрывочности замѣчаній, ни по довѣрчивости къ разсказамъ туземцевъ, заставлявшей его иногда повторять и невѣроятное. А что умно-разнообразна была наблюдательность Никитина, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. И въ этомъ отношеніи Никитинъ не ниже, если не выше его современниковъ. Приведу нѣсколько строкъ, гдѣ оно обозначилось довольно рѣзко...

„Обильны всѣмъ побережье губы Севастопольской и Грузія и турецкая земля; обилье во всемъ, и все дешево въ Волошской землѣ и въ Подольской. А русская земля — да сохранитъ ее Богъ. Боже, сохрани ее! Въ этомъ мірѣ нѣтъ такой прекрасной страны. Да устроится русская земля“.

Это припоминаніе говоритъ само за себя. Читая его, нельзя не сказать, что обширенъ былъ кругозоръ Никитина, что его вниманіе привлекали къ себѣ земли, самыя отдаленныя отъ Руси и такой же мѣры, какъ и близкія. Былъ ли онъ во всѣхъ земляхъ, о которыхъ тутъ вспоминаетъ? Если не былъ, то замѣтка его еще важнѣе, какъ доказательство, что память свое

любилъ онъ обмѣниваться разными свѣдѣніями, вычитывая ихъ изъ книгъ и выспрашивая отъ людей знающихъ и очевидцевъ, и умѣлъ ихъ припомнить. По этой одной черточкѣ можно судить, какъ многое, достойное любопытства, нашло бы мѣсто въ запискахъ Никитина, если бы онъ имѣлъ случай передѣлать ихъ на досугѣ, дома, отдохнувъ отъ заботъ странническихъ.

Невольное уваженіе вселяютъ къ себѣ такіе люди старой Руси, и, вѣроятно, мы найдемъ ихъ со временемъ не мало, когда будемъ искать съ любовью къ дѣйствительнымъ достоинствамъ людей, а не къ фантастическимъ идеаламъ, не забывая о времени, когда они жили.

И. Срезневскій.

Нравственно-обличительныя сочиненія Максима Грека.

Нравственно-обличительныя сочиненія Максима Грека ради системы мы будемъ разсматривать въ такомъ порядкѣ: 1) обличенія, направленныя противъ вѣры въ звѣздочетство и предразсудковъ, 2) противъ недостатковъ общества и 3) сочиненія, разсматривающія общественныя отношенія и состояніе общества. „Астрологія, — говоритъ Шлейденъ, — современна первобытному, сознавшему себя человѣчеству; никакая борьба противъ нея, даже до нашего времени, не могла ея вытѣснить. Церковь въ апогеѣ своего могущества была безсильна противъ астрологовъ. Римскіе и нѣмецкіе императоры тщетно силились преслѣдовать ихъ. Все шире и шире распространялась и проникала астрологія въ сокровенную жизнь человѣка въ средніе вѣка. Пустивъ безчисленные корни въ богословіе, опредѣляя государственныхъ людей помощію гороскопа и элекціи, основывая календари, управляя медициной, она сдѣлала такіе успѣхи, что, наконецъ, приговоры ея привели въ ужасъ всю Европу; сильные и слабые міра сего трепетали отъ предвозвѣщеннаго ею приближенія кончины міра“. Слѣдуетъ замѣтить, что астрологія находилась въ большомъ уваженіи у іудеевъ, индійцевъ, китайцевъ, аравитянъ и вообще у восточныхъ народовъ.

Происхожденіе ея обыкновенно приписываютъ вавилонянамъ или халдеямъ. Имя „халдея“ въ Римѣ было однозначащимъ съ именемъ „математика“ или „астролога“. Въ Греціи астро-

оны безпрепятственно предсказывали судьбу людей по положенію звѣздъ во время рожденія. Въ Римѣ они подвергались нѣсколько разъ изгнанію, какъ во время республики, такъ и во время имперіи. Однако находились и между передовыми римлянами люди, вѣрившіе въ астрологію, напр. Сенека признавалъ вліяніе планетъ за несомнѣнное, а Тацитъ въ своихъ Лѣтописяхъ сдѣлалъ даже большое отступленіе въ защиту науки [illegible]. Тертулліанъ свидѣтельствуетъ, что его современники любили совѣтоваться съ астрологами о продолжительности жизни императоровъ, а рабы — съ [illegible] своихъ господъ. Въ средніе вѣка Востокъ славился большими астрологическими школами, между которыми [illegible] другихъ была извѣстна школа въ Балкѣ [illegible] Пер[illegible] въ ней воспитывалась большая часть восточныхъ астрологовъ. Въ западной Европѣ особенно содѣйствовали распространенію астрологіи — аравитяне. Монахъ Доминикъ, преподаватель богословія и философіи въ Парижѣ, и извѣстный [illegible], пользовался особеннымъ уваженіемъ у Роберта, короля неаполитанскаго, отъ котораго и получилъ [illegible]. Даже Петрарка оплакалъ его смерть въ стихахъ, въ которыхъ особенно хвалитъ его способность [illegible]. Максимъ Грекъ говоритъ: „О, сколько [illegible] учителяхъ и въ Галліи страдающихъ [illegible], который заставляетъ скрывать [illegible]“. До XVII столѣтія рѣдко какой изъ европейскихъ [illegible] обходился безъ астролога. Съ XVI в. астрологія [illegible] въ календари и народную медицину, и Максимъ [illegible] ствуетъ, что альманахи въ Италіи переписывались и [illegible] въ большомъ количествѣ. Вспомнимъ [illegible] вѣковое убѣжденіе, высказанное [illegible] небесныя явленія бываютъ или къ добру или [illegible], и [illegible] будетъ, что астрологическія предсказанія, [illegible] неизвѣстное будущее, должны были [illegible] на массу. [illegible] митрополитъ Кипріанъ [illegible] отреченныхъ книгахъ упоминаетъ [illegible]. Въ XV и XVI вв. астрологическія [illegible] распространены, чему особенно способствовали [illegible] иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію. О [illegible] замѣчено, что онъ [illegible] ученъ всякому [illegible] чарод[illegible]

...ею же и съ астрологіи жили во градѣ, нарицаемомъ Кіевѣ". Эти знатоки астрологіи учили „по звѣздамъ смотрѣти и строити рожденіе и житіе человѣческое, а писаніе Божественное презирати яко ничтоже суще и не потребно человѣкомъ". Замѣчательно, что занятія Схаріи съ астрологіею соединяются съ его пребываніемъ въ Кіевѣ, куда скорѣе всего могли переходить астрологическія сочиненія изъ Польши и Германіи. Въ Польшѣ рукописные календари съ астрологическими предсказаніями появляются уже въ XIII в., а печатные, какъ и въ Германіи, въ концѣ XV столѣтія. Въ одной рукописи, писанной полууставомъ XV в., находится наставленіе „о днѣхъ, въ нихъ же достоитъ отъ всего хранитися".

У Максима Грека есть прямое указаніе на то, что иностранцы, проживавшіе въ Россіи, распространяли между русскими астрологическія свѣдѣнія; мы думаемъ, что главнымъ распространителемъ астрологическихъ свѣдѣній въ Россіи при Максимѣ Грекѣ былъ не Николай Шонбергъ, но Николай Люевъ. Максимъ Грекъ писалъ сочиненія противъ звѣздочетства на имя того же Николая Нѣмчина, къ которому относятся нѣкоторыя изъ его обличеній противъ западной Церкви. Изъ сочиненій Максима мы узнаемъ, что Николай Нѣмчинъ успѣлъ склонить къ астрологіи извѣстнаго Карпова, вступившаго по этому поводу въ переписку съ Максимомъ, и какого-то инока, бывшаго игуменомъ, съ которымъ Максимъ Грекъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Изъ посланія же Филоѳея къ Мунехину видно, что Николай Нѣмчинъ писалъ къ послѣднему посланіе астрологическаго содержанія. И дѣйствительно, звѣздочетство имѣло тогда большой успѣхъ между русскими. Максимъ Грекъ писалъ, что и „мудростію велицы и зѣльни видятся быти сія учащіи". Карповъ полагалъ „звѣздозрѣнія прелести нужнѣи быти христіаномъ и зѣльми потребнѣи". Нѣкоторые говорили, что астрологіею слѣдуетъ заниматься уже потому, чтобы не смѣялись иностранцы („срамотни для иноземцевъ"), что показываетъ большое значеніе въ этомъ отношеніи послѣднихъ. Такое увлеченіе русскихъ звѣздочетствомъ вполнѣ понятно, когда даже Борисъ Годуновъ, при появленіи кометы въ 1604 году, считалъ нужнымъ освѣдомиться о ея значеніи у одного старика.

Обличенія Максима Грека на звѣздочетство были вызваны совершившимися на его глазахъ фактами. Съ одной стороны

сии [illegible] увлечены прелестями фантазиями латинскими, съ другой — старания нѣкоторыхъ [illegible] распространить это въ народѣ. И то и другое [illegible] распространенiемъ западныхъ источниковъ („прелести латиномудрствующихъ германъ"). И то и другое требовало обличенiя какъ „развращенiе отчемерзкаго мудрованiя" и „соблазнъ бѣсовскимъ звѣздъ угаданiи".

По этому поводу Максимъ Грекъ писалъ слѣдующiя сочиненiя: „Посланiе Ѳеодору Карпу (Карпову) Ивановичю"; „Слово о томъ, яко промысломъ Божiимъ, а не звѣздами и колесомъ счастия, вся человѣческая устрояются"; „Слово противу тщащихся звѣздозрѣнiями предрицати о будущихъ и о самовластiи человѣчьомъ"; „Посланiе къ нѣкоему князю, слово поучительно о прелести звѣздочетстѣй и утѣшительно живущимъ въ скорбѣхъ"; „Посланiе нѣкому иноку, бывшему въ игуменѣхъ, о нѣмецкой прелести, глаголемѣй фортунѣ и о колесѣ ея"; „Слово на Николая Нѣмчина, прелестника и звѣздочетца"; „Слово обличительно отчасти латинскаго злословiя, въ немже и на альманака, иже возвелерѣчевавша потопа всемирнаго быти иже нѣкогда поминаемыхъ губительнѣйша". Кромѣ того, Максимъ Грекъ касается того же предмета въ сочиненiи: „Словеса супротивна ко Iоанну Людовику, толковнику священныя книги св. Августина, еписк. иппонскаго", въ „Бесѣдѣ души и уму по вопросу и отвѣту, о еже откуду страсти раждаются въ насъ, въ немже и о божественномъ промыслѣ и на звѣздочетцовъ", и въ „Словѣ на общую прелесть мечтаемыхъ въ снѣ сонiихъ".

Нѣкоторыя изъ этихъ словъ были вызваны личными отношенiями Максима Грека. Такъ посланiе къ Карпову написано по поводу посланiя послѣдняго къ Максиму, въ которомъ тотъ оказался приверженцемъ астрологiи; „Посланiе къ нѣкому иноку" было написано вслѣдствiе дружескихъ отношенiй къ нему Максима. Наконецъ мы должны сдѣлать еще замѣтку относительно „Посланiя къ нѣкому князю".

Это посланiе, судя по его характеру, писано къ тому же князю Димитрiю, къ которому относится „Посланiе утѣшительное о терпѣнiи въ скорбѣхъ". И то и другое имѣли назначенiе утѣшить страждущаго князя, доходившаго отъ постоянныхъ бѣдствiй до сомнѣнiя въ промыслѣ Божiемъ. Изъ послѣднiя [illegible] видно, что оно написано уже во время [illegible] Максима.

что князь Димитрій имѣлъ участь подобную Максиму, потому что въ немъ Максимъ Грекъ говоритъ: „Благороднѣйшій господине мой князе Димитріе! прости мя Господа ради, зане за многій, юже имамъ къ тебѣ духовную любовь, дерзнухъ писахъ, малыми къ твоему благородію, мое сіе утѣшеніе, отъ нихже бо самъ пострадалъ лѣта довольна, научихся и иныхъ учити то же мнѣ терпѣніе являти къ напущаемымъ на насъ неначаемымъ скорбемъ неизглаголанными судьбами Божіими, грѣхъ ради нѣкихъ нашихъ“.

Такія бѣдствія заставили князя роптать на свою судьбу, вслѣдствіе чего Максимъ Грекъ отвѣчалъ ему, что „мы сами себѣ виновны бываемъ достизающихъ насъ скорбѣхъ и лютыхъ обстояній, преслушающе спасительныхъ заповѣдей сотворшаго насъ“, и въ примѣръ ему ставилъ Давида, терпѣвшаго гоненія отъ Саула. Въ обоихъ посланіяхъ Максимъ Грекъ старался представить князю, посредствомъ примѣровъ и доводовъ, безполезность „безмѣрной скорби“, когда существуетъ промыселъ Божій, въ которомъ Максимъ совѣтуетъ ему искать утѣшенія. Изъ посланія къ Димитрію, которое относится къ числу обличеній, направленныхъ противъ звѣздочетства, видно, что оно было написано во время самаго разгара борьбы Максима Грека противъ астрологіи; послѣднее обстоятельство, вѣроятно, и побудило его указать князю на то, что звѣздочетство ведетъ къ отпаденію отъ промысла Божія, точно такъ же, какъ и самъ князь дошелъ до этого, начавъ роптать на свою судьбу, а потому въ астрологіи нельзя искать утѣшенія.

Кто же былъ этотъ князь Димитрій, сходный по страданіямъ съ Максимомъ, которыя притомъ постигли его отъ нестроенія и продолжались такъ долго? Кажется это былъ Димитрій Андреевичъ, внукъ Василія Темнаго, сынъ Андрея углицкаго. Когда Іоаннъ III въ 1491 г. подъ видомъ измѣны послѣдняго (у Максима намекъ: „хотяще всѣхъ подъ нозѣ свои попраніе имѣти“, а также „нестроенія“) заключилъ его въ темницу, то два сына его подверглись заключенію въ Переяславлѣ. Одинъ изъ нихъ — Иванъ умеръ въ монашествѣ, а другой — Димитрій содержался 49 лѣтъ въ темницѣ, и хотя Іоаннъ Грозный освободилъ его отъ оковъ (въ 1540 г.), но онъ все-таки находился въ заключеніи въ Вологдѣ, гдѣ и умеръ. Къ нему же могутъ быть отнесены всѣ выраженія Максима Грека. Какъ же Максимъ могъ писать посланіе къ Димитрію, не зная его

[illegible] 3) объясняется вышеприведенными словами: „Богородице [illegible] моли вкупе Димитріе [illegible] Господ[illegible] аще бо многія даже имать ко всѣмъ духовную любовь, [illegible] твоему благородно, мое сіе утѣшеніе, [illegible] бо сами пострадахъ [illegible] и иныхъ учити то же [illegible] терпѣніе являти“ и т. д.

Обличенія Максима Грека противъ астрологическихъ предсказаній сосредоточиваются: 1) на возраженіяхъ, направленныхъ противъ звѣздочетства вообще, и 2) на опроверженіи распространеннаго альманахомъ и Николаемъ Нѣмчиномъ мнѣнія о скоромъ потопѣ и кончинѣ міра. Вмѣстѣ съ ними мы будемъ разсматривать обличенія Максима, направленныя противъ другихъ гаданій и примѣтъ.

Вся астрологія научно развивалась подъ вліяніемъ Аристотелевскаго воззрѣнія на міръ и Птоломеевской системы. Нѣкоторыя астрологическія книги носили даже имя Аристотеля, напримѣръ: „Аристотелевы врата“ или просто „Аристотель“. Такое значеніе его въ глазахъ астрологовъ, при всеобщемъ уваженіи къ нему въ средніе вѣка, объясняетъ намъ отчасти, почему нѣкоторые обличители, считая астрологію одною изъ причинъ безбожія, относились съ видимымъ пренебреженіемъ къ греческому философу.

На гаданіе астрологіею Максимъ смотритъ какъ на дѣло противное священному писанію и разрушающее вѣру въ промыслъ Божій. „Звѣздозрительное художество, говоритъ Максимъ, сопротивно мудрствующимъ всѣмъ вкупѣ богодухновеннымъ писаніемъ“; оно „божественныя законы вся разрушаетъ и звѣздамъ силу и путь поставляетъ противу божественнаго законоположенія“.

Съ содержаніемъ астрологическихъ предсказаній Максимъ Грекъ былъ знакомъ еще въ Италіи, гдѣ онъ и самъ [illegible] астрологіей [illegible] [illegible] которыми [illegible] въ Россіи. Напр. [illegible]

будетъ просто „измѣненіе и перемѣненіе всѣхъ сущихъ на земли“. — Вотъ тѣ черты звѣздочетства, какія мы находимъ въ сочиненіяхъ Максима Грека:

1) Звѣздочетцы совѣтовали и повелѣвали на каждомъ шагу жизни обращаться къ альманаху, за указаніемъ планетъ на извѣстный случай.

2) По ихъ мнѣнію планеты и звѣзды побуждаютъ человѣка на извѣстный поступокъ.

3) Каждая планета обладаетъ особеннымъ свойствомъ: однѣ считались „благотворными“, другія „злотворными“, отъ которыхъ зависятъ не только дни и часы (добрые и злые), но и свойства человѣка. Планетамъ и звѣздамъ приписывали вліяніе на дѣла человѣка, т.-е. что „зодіями планитными дѣла произволенія нашего совершаются, и житія наша къ добродѣтелямъ или ко злобамъ, или благоденствію или злоденствію тѣми же управляются“, и вліяніе ихъ простирали даже на положеніе человѣка въ обществѣ, на его мысли, волю и душевное состояніе. При такомъ значеніи астрологическихъ опредѣленій въ жизни человѣка, они получили важное примѣненіе, а вслѣдствіе этого и гаданіе судьбы по времени рожденія и планетамъ сильно распространилось. Оно особенно привлекало тѣхъ, которые интересовались общественнымъ положеніемъ, такъ какъ вѣрили „схожденію звѣздному виновну бывати — овѣмъ убо богатства или славы и сана начальственнаго, овѣмъ же убожьства и безславія и безчестія послѣдняго“. Однимъ словомъ утверждали, что все совершается вліяніемъ звѣздъ и „ничтоже кромѣ ихъ устроенія“.

4) Послѣдователи звѣздочетства дни и часы распредѣляли также по астрологическимъ указаніямъ, на основаніи которыхъ считали „овѣхъ дней и часовъ благихъ, овѣхъ же злыхъ и отбѣгныхъ быти“. Наконецъ,

5) Въ томъ же альманахѣ, противъ котораго писалъ Максимъ Грекъ, находилось предсказаніе о новомъ потопѣ „грознѣйшемъ всѣхъ бывшихъ отъ вѣка“). Такимъ образомъ сочиненія Максима Грека даютъ довольно обстоятельныя понятія объ астрологическихъ мнѣніяхъ, распространенныхъ тогда въ Россіи. Обличенія Максима Грека, направленныя противъ звѣздочетства, основываются на священномъ писаніи, отцахъ Церкви, философахъ, историческихъ примѣрахъ, примѣрахъ изъ обыденной жизни и т. п.

Мѣста заимствованныя Максимомъ изъ священнаго писанія для опроверженія звѣздочетства, состоятъ изъ такихъ выраженій, которыя опредѣляютъ какъ бы непосредственное участіе воли Божіей въ судьбѣ человѣка. При томъ онъ замѣчаетъ: „се правое и нелестное мудрованіе и учительство: самъ праведный Судія и промышленникъ всѣхъ вещей царей своихъ, овогo убо возвыситъ, овогo же смиряетъ судьбами неизглаголанными, имже вѣсть самъ одинъ, а не баснословимо счастіе и кругъ зодійскій и схожденіе звѣздамъ и планитамъ". Слова священнаго писанія Максимъ подтверждаетъ примѣрами изъ него же. Затѣмъ опроверженія Максима Грека на звѣздочетство основываются на выраженіяхъ свв. отцовъ, которые положительно отвергаютъ его. Рядомъ съ опроверженіями, основанными на священномъ писаніи и отцахъ Церкви, у Максима Грека идутъ опроверженія, основанныя на философахъ, поэтахъ и историческихъ примѣрахъ. Онъ говоритъ: „Ижеименную мудрость (звѣздочетство) не токмо Христовы Церкви одолѣваемій (истинные) поборники осуждаютъ праведнѣ, но и Платонъ самъ, внѣшнихъ философовъ верховный, далече отгоняетъ ю отъ законоположеннаго обою философскаго гражданства... ниже обрящеши гдѣ въ богодуховенныхъ писаніяхъ носимо сицево душегубительно мудрованіе (ученіе о счастіи, фортунѣ), ниже бо отъ внѣшнихъ всѣхъ философъ хвалимо слышавше ё. Понеже нѣцыи отъ нихъ слѣпу нарицутъ ея и безпромысленное міру строеніе... сирѣчь не по Божію промыслу и ученію бываемое". Называя послѣдователей звѣздочетства „служителями нечистаго духа, представителями всякаго злодѣянія, послѣдователями халдеевъ, вавилонянъ и египтянъ, и аравлянъ, и финикіянъ, изначала въ нечестіи просіявшихъ, Епикура и Діагора безбожнаго", Максимъ прибавляетъ: „ниже Сократъ, ниже Платонъ, ниже Аристотель мнящіеся честнѣйшіи и истиннѣйшіи еллинскихъ философовъ, сложишася когда звѣздозрительнѣй прелести, якоже отъ писаній явственне является".

Третій родъ возраженій Максима Грека противъ звѣздочетства состоитъ въ нравственно-богословскихъ доводахъ. Здѣсь Максимъ послѣдовательно проводитъ слѣдующую мысль: если человѣкъ находится подъ исключительнымъ вліяніемъ звѣздъ, то значитъ онъ не свободенъ, и въ такомъ случаѣ не долженъ отвѣчать за свои поступки, а потому не нуждается

судъ и наказанія за уклоненія отъ закона правды. Сверхъ того, если звѣзды могутъ побуждать человѣка къ дурнымъ поступкамъ, то значитъ онѣ злы по своему существу, а въ такомъ случаѣ зло слѣдуетъ приписать Творцу, создавшему ихъ злыми, что противно богословскому ученію. Притомъ Творецъ не можетъ уже требовать отвѣтственности отъ человѣка за его дѣла, если только человѣкъ подлежитъ вліянію звѣздъ и не дѣйствуетъ по собственной волѣ. Въ „Бесѣдѣ души и ума" Максимъ Грекъ представилъ и тѣ нравственно-религіозныя послѣдствія, какія происходятъ, по его мнѣнію, отъ вѣры въ звѣздочетство, а именно:

1) совершенное пренебреженіе законовъ и неисполненіе ихъ постановленій, при чемъ виновникъ отговаривается „насиліемъ своея звѣзды".

2) Развивается безразличіе въ нравственныхъ достоинствахъ человѣка.

3) Является отчаяніе, потому что человѣкъ, въ случаѣ уклоненія отъ нравственнаго долга, не находитъ внѣ себя готовой помощи, а между тѣмъ убѣжденіе въ неумолимомъ вліяніи звѣздъ заставляетъ его покоряться случайностямъ безъ всякой борьбы.

4) Послѣдователи звѣздочетства пренебрегаютъ Богомъ, покаяніемъ, будущимъ судомъ, „молитвами, точно безсловесныхъ скотъ житіе свое совершаютъ, ему же конецъ есть вѣчно мучащь огонь". При всей разнохарактерности обличеній Максима противъ звѣздочетства можно подмѣтить, что основная идея, около которой онъ группируетъ свои доводы, есть идея о промыслѣ Божіемъ. Но, ставя человѣка подъ непосредственное покровительство Промысла, Максимъ долженъ былъ опредѣлить и причины уклоненій человѣка отъ нравственнаго закона. Поэтому онъ замѣчаетъ (на основаніи слова Максима Исповѣдника), что человѣка влекутъ три силы къ добру: естественное расположеніе къ нему, святыя силы и добрая воля, и три силы къ злу: страсти, бѣсы и злая воля. Все зависитъ отъ борьбы; потому что „власть есть уму и сила, ему же хощетъ или послѣдовати, или противитися, и святыя убо силы преубѣдятъ всегда на добрая, естественная же сѣмена и доброе изволеніе помогаютъ, бѣсовскіе же приступы страсти и лукавое изволеніе составляютъ въ насъ". Къ числу дѣйствій діавола Максимъ относитъ и звѣздочетство, чрезъ которое человѣкъ отпадаетъ отъ Бога.

Непосредственную связь съ [illegible] идеею въ Руси имѣютъ распространявшiяся въ XVI в. мнѣнiя о близкой кончинѣ мiра. У насъ [illegible] сочетанiе альманаха и Николая Нѣмчина. Мнѣнiе о близкой кончинѣ мiра идетъ съ древнихъ временъ. Систематически въ первый разъ развито это мнѣнiе въ посланiи Варнавы. Въ немъ говорится: „Такъ какъ тысяча лѣтъ предъ Богомъ, яко день единъ (Псал. 89, 5), то Богъ, какъ сотворилъ все въ шесть дней, такъ и совершитъ все въ шесть тысячъ лѣтъ. И какъ Богъ почилъ въ седьмой день, такъ въ седьмой день мiра (тысячелѣтiе) почiетъ Онъ, когда приидетъ Его Сынъ и прекратитъ время беззаконнаго, осудитъ нечестивыхъ и измѣнитъ солнце, луну, звѣзды. А восьмой день, въ который воскресъ Iисусъ, предызображаетъ новый мiръ съ началомъ восьмого тысячелѣтiя“. Ту же мысль продолжали развивать и нѣкоторые отцы Церкви, различно толкуя и примѣняя къ ней то слова евангелiя о шестомъ часѣ (Iоанна XIX, 14), то ветхозавѣтный праздникъ кущей (совершавшiйся въ седьмомъ мѣсяцѣ, послѣ собранiя плодовъ), то слова Апокалипсиса и притчи о виноградникѣ (при объясненiи которой день принимали за продолженiе мiра въ 6000 лѣтъ, а часъ за эпохи въ 500 лѣтъ (Мат. XX).

Съ IX и X вѣковъ предсказанiя о кончинѣ мiра сплетаются съ астрологическими комбинацiями. Такъ, напримѣръ, въ 1179 году западные астрологи разослали во всѣ страны письма, въ которыхъ предсказывали на 1186 годъ погибель человѣческаго рода и тѣмъ навели на всѣхъ паническiй страхъ. Еще большiй ужасъ возбудило предсказанiе Iоганна Штефлера, что въ 1524 году мiръ погибнетъ отъ потопа [illegible]. Ужасъ проникъ во всѣ сословiя въ Германiи, Францiи, Италiи, Испанiи, Голландiи, Англiи и Скандинавiи. Люди дѣлали [illegible] приготовленiя для своего [illegible] [illegible] и т. п. Правители потребовали мнѣнiя объ этомъ у своихъ придворныхъ астрологовъ и священниковъ [illegible] между нѣми и другими возникла самая ожесточенная [illegible] война.

Съ первыхъ же [illegible] христiанства на Руси [illegible] въ [illegible] степени распространены [illegible] Ипполита „О кончинѣ мiра [illegible]“ [illegible] Ефрема Сирина: „Объ антихристѣ и кончинѣ мiра“ и Андрея кон-

стантинопольскаго. «О послѣднемъ времени и о пришествіи отъ бездны антихриста». Кромѣ того были извѣстны «Діоптра» Филиппа, слово Меѳодія патарскаго «О царствіи языкъ послѣднихъ временъ» (извѣстное еще Нестору), Синаксарь (на который ссылается Іосифъ волоколамскій), апокрифическое посланіе Іисуса (римскаго происхожденія, помѣщенное въ «Кипріановскомъ» часословѣ) и Астрологія, въ которыхъ такъ или иначе проводилась мысль о семитысячелѣтнемъ существованіи міра. Подъ вліяніемъ подобныхъ статей, ее поддерживали проповѣдники въ своихъ поученіяхъ и словахъ. Въ физическихъ явленіяхъ и общественныхъ бѣдствіяхъ лѣтописцы и проповѣдники видѣли подтвержденіе той же мысли. Ею пользовалось духовенство въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось дѣйствовать наставленіемъ по поводу несогласія и безпорядковъ. Ее распространяли даже книжники: такъ Епифаній, авторъ житія Сергія радонежскаго, говоритъ, что такой святильникъ въ русской землѣ не даромъ возсіялъ «на скончаніе седьмой тысячи». Такимъ путемъ мнѣніе о кончинѣ міра, по прошествіи 7000 лѣтъ отъ сотворенія его, сдѣлалось общимъ. И когда Стефанъ пермскій крестилъ Пермь, то его современники выражали радость о томъ, что «на исходѣ седьмой тысячи лѣтъ Господь помилосердовалъ о народѣ пермскомъ и послалъ ему христіанскаго просвѣтителя въ лицѣ Стефана». Новгородцы и псковичи устроили у себя семь соборныхъ храмовъ, въ память семи соборовъ святыхъ отцовъ и семи вѣковъ, доходящихъ до будущаго вѣка».

Паденіе Константинополя и наступавшее завершеніе пасхаліи еще болѣе утвердили въ этомъ мнѣніи. Изъ житія Стефана пермскаго извѣстно, что мартъ считался роковымъ мѣсяцемъ, въ который ожидали кончины вѣка, потому что 21-го марта, какъ думали, созданъ былъ Адамъ; въ мартѣ израильтяне освободились отъ работы египетской; въ мартѣ они вошли въ обѣтованную землю, въ мартѣ совершилось Благовѣщеніе и въ мартѣ былъ распятъ Іисусъ. Въ 1459 г. Благовѣщеніе пришлось на Пасху, а потому на основаніи пасхаліи ожидали втораго пришествія. Подобно греческой пасхаліи и русская (написанная новгородскимъ архіепископомъ Василіемъ 1331—1352), послѣ роковаго года (1492), скорбнымъ возгласомъ возвѣщала о кончинѣ міра: «здѣ страхъ,—говорилось въ ней,—здѣ скорбь, яко и въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и на

концѣ явися, ли небо, чемъ и всемірное Твое пришествіе“. И когда исходила пасхалія, то, по словамъ Геннадія, „была хула въ людехъ не только въ простыхъ, но и въ преимущихъ, о семъ многимъ сомнѣніе бысть, иніи мнѣша, яко скончаваемѣ седмой тысящи быти и скончанію міру, такоже и прежде скончаваемѣ шестой тысящи, сицевое же мнѣніе одержаша люди“. Наконецъ, наступила роковая ночь на 25-е марта 1492 года, въ которую ожидали трубнаго гласа архангеловъ Михаила и Гавріила, такъ какъ уже прошли три года господства антихриста, которое современники видѣли въ ереси Схарія. Но къ общему удивленію послѣдняя ночь 1492 года прошла, какъ и другія, что доставило еретикамъ поводъ къ насмѣшкамъ. Съ другой стороны предубѣжденіе противъ пасхаліи и ея мнимаго конца заставило соборъ позаботиться о составленіи ея на 8-ю тысячу. Митрополитъ Зосима составилъ на 20 лѣтъ; Геннадій, по его порученію, предложилъ до 70-го года 8-й тысячи, при чемъ въ своемъ толкованіи замѣчалъ: „сіе счисленіе уставлено коловратно, а конца не имать того ради, что скончаніе міру будетъ безвѣстно“.

Напрасно думалъ Шевыревъ, что, по прошествіи страшной ночи, „свѣтлѣе стало въ умахъ русскаго народа, что онъ стряхнулъ съ себя тяжелый и нелѣпый предразсудокъ въ тотъ достопамятный годъ, когда пытливый геній Запада въ лицѣ Колумба открывалъ вторую половину обитаемой нами планеты и братался съ нашими антиподами“. Урокъ былъ данъ, но онъ остался безъ особенныхъ послѣдствій. Въ статьѣ о составленіи пасхаліи Зосимою, помѣщенной въ рукописной Кормчей XV вѣка, читаемъ: „Зосима митрополитъ... потщався написати пасхалію на осмую тысящу лѣтъ, въ нейже чаемъ всемірнаго пришествія Христова“. Въ одномъ сборникѣ XVI вѣка, послѣ сочиненія папы Ипполита „о кончинѣ міра“ сдѣлана приписка: „аще кто имать умиленіе и слезы въ [illegible] и молитва Господеви, да избавитъ отъ скорби тоя великія (кончины міра), хотящія прити на землю“, и т. д. Но старая мысль распространялась попрежнему: одни опять основывались на скоромъ исходѣ пасхаліи, составленной Геннадіемъ, другіе опирались на общественныя бѣдствія и въ подавленіи Москвою областныхъ интересовъ видѣли послѣдніе дни. Такъ развивалась мистическая идея о кончинѣ міра до тѣхъ поръ, когда и Максиму пришлось высказать свое мнѣніе

о немъ. Онъ былъ вызванъ на это мнѣніемъ Николая Нѣмчина, альманахомъ и одною рукописью, которую ему давали читать.

Возраженія Максима Грека противъ мнѣнія о скоромъ всеобщемъ потопѣ и кончинѣ міра состоятъ въ слѣдующемъ.

1) Онъ говоритъ распространителямъ этой мысли: „аще Христу вѣруете и воскресенію мертвыхъ... что ради святыхъ его обѣщаній, яже къ праведному Ноеви пренебрегше и звѣздозрительнымъ льщеніемъ послѣдующе, проповѣдуете измѣненію и преиначенію быти всѣхъ сущихъ и движущихся на земли".

2) Это видимое для Максима противорѣчіе приводитъ его къ заключенію, что тѣ, которыхъ онъ обличаетъ, или не вѣрятъ въ промыслъ Божій, или допускаютъ его относительно „небесныхъ", а земное, по ихъ мнѣнію, управляется „зодіями, планитами и счастіемъ". И то и другое, замѣчаетъ онъ, „равно безбожно есть".

3) „Аще же была бы въ нихъ такова сила, якову мечтаете вы (относится къ послѣдователямъ звѣздочетства) издавна убо все сіе погибло неотрочными (неотвратимыми) звѣздными насилованно нужами, аще не божественнымъ нѣкимъ правительнымъ маніемъ, но своею силою и обношеніемъ, яко же вы глаголете таковая наводятся погубленія".

4) Но если есть Промыслъ, то, „какъ возможно будетъ зодіамъ и планитомъ таково погубленіе (потопъ) навести Божіимъ тваремъ, содержащу Богу сихъ и соблюдающу содѣтельною дланію своею?"

5) Максимъ указываетъ на наказаніе за преступленіе заповѣдей (примѣры изъ священнаго писанія: судьба Содома и Гоморры, Фараона, израильтянъ и т. п.), какъ на доказательство того, что Богъ управляетъ міромъ, а не „планиты и звѣзды безумныя и глухія вещи". Къ числу подобныхъ наказаній онъ относитъ и первый потопъ.

6) Максимъ ставитъ во вниманіе библейское выраженіе: „и навожу потопленіе", которое, по его словамъ, Богъ употребилъ для опроверженія тогдашнихъ звѣздочетцевъ, полагавшихъ всю силу въ „зодіяхъ и планитческомъ обхожденіи" (Здѣсь онъ замѣчаетъ, что звѣздочетство уже тогда существовало, потому что оно получило начало отъ Сиѳа). и

7) Въ одномъ словѣ на Николая Нѣмчина Максимъ выставляетъ на видъ постигшее недавно какое-то бѣдствіе

въ доказательство того, что звѣзды не могутъ предрекати и прочихъ случаевъ жизни, а не только кончину міра.

Общая идея, проходящая чрезъ эти обличенія, состоитъ въ указаніи того, что „вѣра въ алманахъ" отрицаетъ Промыслъ и потому „беззаконна"; заключительная мысль Максима здѣсь можетъ быть выражена словами: „Божій промыслъ не звѣзднымъ путямъ и планитическимъ сложеніямъ подлежитъ, но самъ владѣетъ всѣми и управляетъ вся, яко же хощетъ."

Такимъ образомъ въ своихъ обличеніяхъ противъ распространявшейся мысли Максимъ Грекъ ограничивается доказательствами ложности астрологическихъ предсказаній, общаго мнѣнія о близкой кончинѣ міра, существовавшаго независимо отъ нихъ, онъ не касается и не опровергаетъ.

Въ числѣ запрещенныхъ книгъ ходили по рукамъ [illegible] ники и сборники примѣтъ и гаданій [illegible]. Почти каждый родъ примѣтъ имѣлъ особенныя книги, посвященныя объясненіямъ ихъ смысла; напримѣръ „[illegible] волхвующе всякими кобями, птицами и звѣрьми", отмѣчающіе различныхъ птицъ: воронограй, куровникъ и т. п.; путникъ книга, въ ней же есть писано о встрѣчахъ кобь всякая еретическая „сонникъ", „громникъ", „молніяникъ", и т. п.

Вѣра въ волхвованіе была общею. Владимірскій соборъ считалъ нужнымъ въ числѣ условій для поставленія священниковъ постановить, чтобы избираемые не занимались чародѣйствомъ. Іосифъ Волоколамскій избраніе Зосимы въ митрополиты объяснялъ только волхвованіемъ, посредствомъ котораго [illegible] на вел. князя. Василій Іоанновичъ, женившись на Глинской, прибѣгалъ къ чародѣямъ. Рано начались обличенія противъ волхвованія и примѣтъ. Такъ мы встрѣчаемъ возраженія на нихъ еще въ сочиненіяхъ Феодосія Печерскаго (противъ вѣры во встрѣчу, чохъ), потомъ у митрополита Кирилла II (противъ вѣры „во встрѣчу, чохъ, [illegible] грай и ворожбу"); Серапіона еп. XIII вѣка, (онъ говоритъ противъ мнѣнія, что отъ волхвованія бываетъ голодъ и неурожай), митр. Фотія (противъ „жёнъ, призывающихъ [illegible] и ворожения") и въ духовныхъ сборникахъ (противъ тѣхъ, которые по захожденіи солнца ничего не давали изъ дому, [illegible] куриному, вранамъ и птичьемъ и лисицамъ, вѣры въ сновидѣнья и т. п.). Духовные обличители [illegible] всякаго рода суевѣрія угрожали страшнымъ.

судомъ", „гнѣвомъ Божіимъ", отлученіемъ отъ Церкви и т. п. религіозными наказаніями, и совѣтовали преслѣдовать тѣхъ, которые вѣровали волхвованію и занимались имъ. Максимъ Грекъ въ своихъ обличеніяхъ упоминаетъ о гаданіяхъ по „лѣтаніямъ птичнымъ, облачнымъ смотрѣніямъ, движенію ока и блюденіямъ дланнымъ, о „волхованіяхъ ячменныхъ, мучныхъ и бобныхъ, о вѣрѣ въ озванія (оклики) и срящи (встрѣчи)". Взглядъ Максима Грека на эти суевѣрія одинаковъ со взглядами предшествовавшихъ ему обличителей, т.-е. онъ смотритъ на нихъ какъ на „сатанинское дѣло" и совѣтуетъ не надѣяться „получите гласомъ птичнымъ и лѣтаніемъ будущихъ предувѣдѣніе", такъ какъ „сія вся святыми отцы проклята, иже ученіе преслушати явственно есть отъ жизни вѣчныя отпаденіе".

Иконниковъ.

Максимъ Грекъ какъ писатель.

Сочиненія Максима представляютъ собою какъ бы зеркало, въ которомъ до нѣкоторой степени отразились и современная ему Россія, съ нравственной стороны, и его собственная судьба. Максимъ по своей природѣ и убѣжденіямъ сердца до того былъ воспріимчивъ, что не могъ не отзываться на происходившія вокругъ него крупныя явленія. А обстоятельства жизни его были таковы, что невольно заставили его вооружаться перомъ въ защиту себя и своего дѣла. Въ Россіи жива еще была ересь жидовствующихъ, хотя уже осужденная и подвергшаяся жестокому преслѣдованію. Максимъ подалъ свой голосъ противъ этой ереси и ея проповѣдниковъ. Русскихъ сильно безпокоили тогда происки придворнаго врача Николая Нѣмчина, старавшагося распространить между ними и латинство и астрологію: въ обличеніе его Максимъ написалъ нѣсколько сочиненій. Между грамотеями русскими были тогда въ большомъ ходу разные апокрифы, и число ихъ еще увеличивалось переводомъ новыхъ подобныхъ книгъ съ латинскаго языка. Максимъ, разбирая эти апокрифы, показывалъ ихъ нелѣпость, несостоятельность. Въ народѣ русскомъ господствовали суевѣріе, лицемѣріе, грубые пороки, между властями крайняя несправедливость, мздоимство, жестокосердіе къ бѣднымъ и

несчастнымъ; въ духовенствѣ — небрежность къ своему долгу, попеченіе о мірскомъ, соблазнительный образъ жизни. Максимъ смѣло обличалъ всѣ эти недостатки и училъ всѣхъ, какъ жить и дѣйствовать по-христіански. Однимъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ времени былъ вопросъ о монастырскихъ имуществахъ: Максимъ прямо и твердо высказался и по этому вопросу. Максима судили, осудили, томили въ заточеніи, какъ будто еретика, когда онъ считалъ себя совершенно невиннымъ, и вопль страдальца выразился въ цѣломъ рядѣ оправдательныхъ его посланій. Максимъ не оставлялъ безъ отвѣта и частныхъ вопросовъ, предлагавшихся ему тѣмъ или другимъ лицомъ; пользовался и частными случаями (каковы — пожаръ въ Твери, побѣда надъ татарами), чтобы обличать, вразумлять, наставлять.

По внутреннему своему достоинству сочиненія Максима далеко не равны между собою. Есть между ними очень удовлетворительныя по единству содержанія, по основательности мыслей, по стройности и послѣдовательности изложенія, по силѣ убѣжденія или назидательности; но такихъ сочиненій не много. Между догматико-полемическими такихъ можно указать не болѣе трехъ, между нравоучительными — пять, шесть, между апологетическими — два, три, а въ остальныхъ отдѣлахъ нельзя указать и по одному. Наибольшая часть сочиненій Максима болѣе или менѣе неудовлетворительны и слабы: одни слишкомъ растянуты и многословны, другія безсвязны и малопослѣдовательны, третьи разсматриваютъ предметъ односторонне или поверхностно; многія, по краткости своей, едва касаются своего предмета и почти безсодержательны. Нѣкоторыя же можно назвать вовсе неудовлетворительными, каковы, напримѣръ, слово обличительное на агарянскую прелесть и слово на армейское зловѣріе. Въ первомъ Максимъ доказываетъ ложность магометанской религіи, къ изумленію, тѣмъ, между прочимъ, что догматы ея не согласны съ ученіемъ пророковъ и апостоловъ, съ догматами и преданіями христіанства, а все послѣднее слово, направленное противъ армянъ, состоитъ въ опроверженіи одной еретической мысли, будто Богъ пострадалъ на крестѣ, тогда какъ армяне отнюдь не держатся этой ереси и обвиняются въ ней несправедливо. Причину слабости и неудовлетворительности многихъ сочиненій Максима мы полагаемъ въ томъ, прежде всего, что онъ пи-

салъ сочиненія эти почти всегда наскоро, въ видѣ письмъ къ знакомымъ и краткихъ отвѣтовъ на предложенные ему вопросы, иногда же не имѣлъ времени, какъ самъ сознается, за другими занятіями, написать о чемъ-либо обстоятельно и подробно, а съ другой стороны —и въ степени тогдашняго образованія русскихъ, для которыхъ Максимъ могъ считать достаточнымъ и того немногаго, что онъ говорилъ имъ, не вдаваясь въ болѣе обширныя разсужденія или изслѣдованія. Впрочемъ, надобно сознаться, что нѣкоторыя, даже слабыя сочиненія Максима, напримѣръ, изъ числа написанныхъ имъ противъ латинянъ, гораздо выше и основательнѣе тѣхъ, какія писались у насъ прежде для той же цѣли; а къ апокрифамъ, или лживымъ книгамъ, которыя прежде у насъ только перечисляли въ индексахъ и запрещали читать, Максимъ первый отнесся критически и разбиралъ самое содержаніе ихъ, какъ человѣкъ мыслящій и ученый. Направленіе въ сочиненіяхъ Максима догматико-полемическихъ, какъ и естественно, полемическое и обличительное, нерѣдко отзывающееся самою крайнею рѣзкостію и бранчивостію, особенно противъ Магомета и его послѣдователей. А въ нравственныхъ сочиненіяхъ преобладающее направленіе учительное и руководственное: особыхъ статей въ нравственно-обличительномъ родѣ Максимъ написалъ до пяти; въ другихъ же нѣкоторыхъ сочиненіяхъ своихъ онъ касается нравственныхъ недостатковъ и обличаетъ ихъ только мимоходомъ. Слогъ въ сочиненіяхъ Максима нельзя назвать ни чистымъ ни правильнымъ. Сначала, по пріѣздѣ къ намъ, Максимъ почти не зналъ русскаго языка; потомъ хотя изучилъ его и писалъ на немъ, но не владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Въ статьяхъ Максима встрѣчаются нерѣдко слова греческія, латинскія, гораздо чаще, и русскія или славянскія, но имъ самимъ придуманныя неудачно, или искаженныя, или ложно понятыя и неразумительныя. Встрѣчаются также весьма часто не только выраженія, но и цѣлые обороты рѣчи —чисто греческіе и множество всякаго рода погрѣшностей противъ правилъ русскаго языка, отчего иногда рѣчь писателя до того темна, что ее почти невозможно постигнуть.

Богословскія свои познанія Максимъ показалъ преимущественно въ статьяхъ противъ латинянъ и въ нѣкоторыхъ статьяхъ правоучительныхъ; познанія изъ наукъ свѣтскихъ

обнаружилъ наиболѣе въ сочиненіяхъ противъ астрологіи. Въ области богословія ближайшимъ своимъ руководителемъ онъ признавалъ св. Іоанна Дамаскина, богословскую систему его считалъ лучшею изъ книгъ и надежнѣйшимъ оружіемъ противъ всѣхъ ересей, а самого назвалъ „просвѣтителемъ вселенной, солнцемъ церковнымъ, сладкопѣсненнымъ органомъ Святаго Духа“, и давалъ совѣтъ одному своему знакомому: держися крѣпцѣ Дамаскиновы книги и будеши великъ богословецъ и естествословецъ“ (I, 179. 260; II, 62; III, 227, 232). Изъ свѣтскихъ языческихъ писателей ссылался на Гомера, Гезіода, Пиѳагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Діагора, Ѳукидида, Плутарха, Менандра и др. (I, 299, 354, 417; II, 9, 14, 84); а, кромѣ того, по мѣстамъ высказывалъ и общія сужденія о значеніи свѣтскихъ писателей и наукъ. Философію называлъ священною потому, что она учитъ о Богѣ, о Его правдѣ и Его промыслѣ, и хотя не во всемъ успѣваетъ, не имѣя божественнаго вдохновенія, какимъ обладали пророки, но показываетъ достоинство добродѣтели и устанавливаетъ гражданственность (I, 356). Признавалъ нужнымъ и полезнымъ изученіе логики, наукъ словесныхъ, астрономіи, и вообще одобрялъ всякое „внѣшнее наказаніе“ или науку (I, 218, 351, 459, 462; II, 75). Но утверждалъ, что мы, при божественномъ откровеніи, должны пользоваться всѣми этими внѣшними знаніями только настолько, насколько они могутъ способствовать къ утвержденію христіанской вѣры и благочестія, возбуждать въ насъ любовь къ Богу, содѣйствовать Его славѣ, и что философія должна быть только рабынею евангелія и богословія, — мысль, которую высказывали еще древніе учители Церкви, — а какъ скоро внѣшнія писанія и знанія кажутся не согласными съ священнымъ писаніемъ, противными божественному ученію, пагубными для христіанской вѣры и нравственности, мы должны чуждаться и „гнушаться“ этихъ писаній и знаній (I, 351, 357; III, 208, 262). Держась такихъ мыслей, Максимъ рѣзко порицалъ господство схоластическаго богословія въ тогдашнихъ итальянскихъ школахъ, гдѣ „Аристотель, Платонъ и другіе философы потопляли многихъ подобно потокамъ, и никакой догматъ не считался вѣрнымъ, если не подтверждался силлогизмами Аристотеля“.

Излишне было бы доказывать, что Максимъ Грекъ, который

какъ самъ о себѣ говоритъ, „многа и различна прочеть писанія, христіанска и сложена внѣшними мудрецы, и довольну душевную пользу оттуду пріобрѣтъ", и какъ свидѣтельствуютъ его сочиненія, превосходилъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей и грамотеевъ, если не обширностію, то основательностію своихъ познаній, не только внѣшнихъ, но и богословскихъ: тѣ и другія онъ пріобрѣлъ чрезъ чтеніе самыхъ подлинниковъ во всей ихъ полнотѣ, а не какихъ-либо славянскихъ переводовъ, часто отрывочныхъ, иногда неполныхъ или неточныхъ и искаженныхъ, и пользовался этими познаніями при умѣ, развитомъ классическимъ образованіемъ — преимущества, которыя не доступны были тогда писателямъ русскимъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ, Іосифъ волоцкій, митрополитъ Даніилъ) собственно богословскою начитанностію едва ли не превосходили Максима. Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что онъ, по своему просвѣщенію, не былъ выше своего вѣка, не возвышался даже надъ нѣкоторыми понятіями, воззрѣніями, погрѣшностями, какія господствовали тогда въ Россіи: напримѣръ, вѣрилъ въ близкую кончину міра съ наступленіемъ восьмого вѣка или тысячелѣтія, признавалъ необходимость казни еретиковъ, а ношеніе русскими „тафій и сапоговъ туркообразныхъ" считалъ до того важнымъ и противнымъ вѣрѣ, что давалъ совѣтъ не желавшихъ оставить употребленіе означенныхъ вещей отлучать отъ св. причастія и не пускать въ церковь, а купцовъ, привозившихъ такой товаръ, подвергать битью кнутомъ и разграбленію (I, 54, 132; II, 384).

Уваженіе къ сочиненіямъ Максима, начавшееся при его жизни, не прекращалось и послѣ его смерти. Еще съ XVI столѣтія стали собирать ихъ въ сборники, болѣе или менѣе полные, и такіе сборники списывались и распространялись въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій и въ значительномъ числѣ сохранились доселѣ. На свидѣтельство Максима ссылались иногда наряду съ свидѣтельствами свв. отцовъ Церкви. А нѣкоторыя статьи его даже цѣликомъ вносимы были въ другіе, вновь составлявшіеся, сборники, или печатались особо... Въ наши дни, конечно, сочиненія Максима не могутъ уже имѣть другого значенія, кромѣ историческаго.

Пр. Макарій.

Церковныя нестроенія и постановленія Стоглаваго Собора.

Въ 1551 году на церковномъ соборѣ царь подалъ святителямъ слѣдующій списокъ безпорядкамъ, для прекращенія которыхъ требовалъ ихъ содѣйствія: чтобъ по церквамъ звонили и пѣли по уставу, чтобъ поставлены были старосты поповскіе надъ всѣми священниками; при отдачѣ антиминсовъ продажа дѣлается большая; иконы пишутся неприлично; чтобъ при дачѣ вѣнечныхъ знаменъ не было великой продажи христіанству; божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ и, написавъ, не исправляютъ же; ученики учатся грамотѣ небрежно; у владыкъ бояре, діаконы, тіуны, десятники и недѣльщики судятъ и управу чинятъ не прямо, волочатъ и продаютъ съ ябедниками вмѣстѣ, а десятники поповъ по селамъ продаютъ безъ милости, дѣла сочиняютъ съ ябедниками; въ монастыряхъ нѣкоторые постригаются для покоя тѣлеснаго, чтобъ всегда бражничать; архимандриты и игумены нѣкоторыя службы Божіи, трапезы и братства не знаютъ, покоятъ себя въ кельи съ гостями, племянниковъ своихъ помѣщаютъ въ монастыри и довольствуютъ ихъ всѣмъ монастырскимъ; ребята молодые по всѣмъ кельямъ живутъ, а братія бѣдная алчутъ и жаждутъ и ничѣмъ неупокоены; все богатство монастырское держатъ власти съ своими родственниками, боярами, гостями, пріятелями и друзьями; монахи и монахини по міру бродятъ, монахини живутъ въ мірскихъ просвирняхъ, монахи у мірскихъ церквей въ попахъ живутъ; просвирни надъ просвирами приговариваютъ. Милостыню и кормъ годовой, хлѣбъ, соль, деньги и одежду по богадѣльнымъ избамъ во всѣхъ городахъ даютъ изъ царской казны, христолюбцы также милостыню подаютъ; но въ богадѣльныя избы вкупаются у приказчиковъ мужики съ женами, а прямые нищіе, больные и увѣчные безъ призору по міру ходятъ; монахи и монахини, попы и міряне, мужчины и женщины съ образами ходятъ и собираютъ на церковное строеніе: иноземцы этому дивятся. Надобно подумать: [illegible] ли быть несудимымъ грамотамъ? Въ монастыри отдаются имѣнія, а строенія въ монастыряхъ никакого не прибыло и старое опустѣло, кто этимъ корыстуется? Надобно рѣшить, прилично ли монастырямъ отдавать деньги въ ростъ? Старосты на [illegible] поставить или церковь срубить, а попы и

міру съ иконою просить на сооруженіе, у царя земли и руги просить, а что соберетъ, то пропьетъ; должно избирать игуменовъ и священниковъ достойныхъ. Въ церквахъ стоятъ въ тафьяхъ и шапкахъ, съ палками, говоръ и ропотъ и всякое прекословіе и бесѣды и срамныя слова; попы и дьяконы пьютъ безчинно, церковные причетники всегда пьяны, безъ страху стоятъ и бранятся; попы въ церквахъ дерутся между собою, и въ монастыряхъ тоже; попы и дьяконы безъ ризъ служатъ; понамари и дьяки двоеженцы и троеженцы въ алтари входятъ и святыни касаются. Головы и бороды бреютъ и платье иновѣрныхъ земель носятъ; крестное знаменіе кладутъ не по существу; бранятся скаредными словами; и у иновѣрцевъ такое безчиніе не творится; клянутся именемъ Божіимъ во лжу; ружные попы не исполняютъ своихъ обязанностей. Продаютъ давленину. Христіане приносятъ въ церковь кутью, канунъ, на великъ день Пасху, сыры, яица, рыбы печеныя, въ иные дни калачи, пироги, блины, короваи и всякіе овощи: въ Новгородѣ и Псковѣ для этого устроенъ кутейникъ во всякой церкви, въ Москвѣ же все это вносится въ жертвенникъ и въ алтарь. Надобно заняться выкупомъ плѣнныхъ изъ басурманскихъ рукъ.

Соборъ, удовлетворяя царскимъ требованіямъ, постановилъ о поповскихъ старостахъ въ Москвѣ: сто священниковъ, или какъ число вмѣститъ, избираютъ себѣ священника исполненнаго разума духовнаго, рачителя божественному писанію, всякими добродѣтелями украшеннаго; тотъ избираетъ себѣ десятскихъ, и быть у одного старосты храмамъ сряду, чтобъ священники могли удобнѣе собираться для совѣщаній о церковныхъ чинахъ, духовныхъ дѣлахъ и всякомъ благочестіи. Должно устроить въ Москвѣ семь соборовъ и семь старостъ. Этихъ избранныхъ старостъ приводятъ къ митрополиту, который ихъ испытываетъ и поучаетъ; староста и священники въ соборномъ храмѣ держатъ полное собраніе божественныхъ правилъ, съ которыми старосты должны постоянно справляться; а священники и діаконы, которые въ ихъ соборѣ, сходясь, держатъ передъ ними совѣщанія о всякихъ духовныхъ дѣлахъ: всѣ дѣла рѣшаютъ по правиламъ св. отецъ, въ чемъ же будетъ сомнѣніе, извѣщаютъ общему пастырю и учителю, митрополиту. Относительно церковнаго благочинія и нравственности духовенства соборъ постановилъ, чтобъ

церковное и алтарное устроеніе было благообразно, чисто и непорочно, въ жертвенникъ и алтарь отнюдь бы ничего не вносили, ни съѣстного, никакихъ другихъ вещей, кромѣ иконъ, крестовъ, священныхъ сосудовъ, ризъ, покрововъ, свѣчей, ладану, просвиръ, масла и вина служебнаго, чтобъ на священныхъ сосудахъ непремѣнно были третій покровъ или воздухъ, также чтобъ престолъ не былъ безъ покрова и царскія двери безъ занавѣса...

Соборъ постановилъ, чтобъ просвирни были вдовы послѣ одного мужа, не моложе 50 лѣтъ, въ добрыхъ дѣлахъ свидѣтельствованныя; отнюдь не должны онѣ говорить надъ просвирами никакихъ рѣчей; чтобъ монахини при мірскихъ церквахъ не жили въ просвирняхъ. Чтобъ звонъ церковный былъ по уставу, чтобъ священники уговаривали своихъ духовныхъ дѣтей чаще ходить въ церкви, особенно по воскресеньямъ и господскимъ праздникамъ; священники въ церквахъ должны показывать собою примѣръ всякой добродѣтели, благочестія трезвости; также на пирахъ, во всенародномъ собраніи и во всякихъ мірскихъ бесѣдахъ священникамъ должно духовно бесѣдовать и божественнымъ писаніемъ поучать на всякія добродѣтели; а праздныхъ словъ, кощунства, смѣхотворенія отнюдь бы сами не дѣлали и дѣтямъ своимъ духовнымъ дѣлать запрещали; гдѣ же будутъ гусли, прегудники и потѣхи худыя — отъ этихъ игръ священники должны удаляться, уходить домой, а сами на нихъ отнюдь не играть; чтобъ службы церковныя священники отправляли чинно и въ рядахъ. Каждому новому десятиннику всѣ городскіе попы и діаконы обязаны показывать свои жалованныя, ставленныя, благословенныя и отпускныя грамоты, передъ поповскими и земскими старостами и цѣловальниками, которые у десятниковъ въ судѣ сидятъ, при чемъ пошлинъ съ этихъ грамотъ не даютъ; у которыхъ поповъ и діаконовъ такихъ грамотъ не будетъ, тѣхъ отсылать къ святителямъ за порукою. У сельскихъ поповъ и діаконовъ смотрѣть грамоты десяцкіе священники и старосты земскіе. Для большаго утвержденія всѣ святители посылаютъ къ духовенству и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, по всѣмъ городамъ и селамъ, соборныхъ священниковъ, добрыхъ, искусныхъ, чтобы церковные чины и божественное пѣніе совершались по уставу. Святители также должны посылать грамоты къ архимандритамъ, игуменамъ и протопопамъ, чтобъ

они наблюдали за поведеніемъ поповскихъ старостъ и десяцкихъ и всего духовенства. Относительно наблюденія за исполненіемъ соборныхъ предписаній мы имѣемъ выпись, данную въ 1552 году Бересневу и Тютину, въ которой говорится: „Не велѣно священническому и иноческому чину, по священнымъ правиламъ и соборному уложенію, въ корчмы входить, упиваться, празднословить, браниться: и которые священники, дьяконы и монахи станутъ по корчмамъ ходить, упиваться, по дворамъ и улицамъ скитаться пьяные, драться: такихъ безчинниковъ хватать и заповѣдь царскую на нихъ брать, по земскому обычаю, какъ съ простыхъ людей бражниковъ берется, и отсылать чернецовъ въ монастыри къ архимандритамъ и игуменамъ, и тѣ ихъ смиряютъ по монастырскому чину; а поповъ и діаконовъ отсылать къ поповскимъ старостамъ, которые объявляютъ о нихъ святителямъ, и святители исправляютъ ихъ по священнымъ правиламъ; на которомъ чернецѣ нельзя заповѣди доправить, то взять заповѣдь на томъ, кто его напоилъ. Велѣть по торгамъ кликать: чтобъ православные христіане отъ мала и до велика именемъ Божіимъ во лжу не клялись, на кривь креста не цѣловали, непристойными словами не бранились, бородъ не брили и не стригли, усовъ не подстригали, къ волхвамъ, чародѣямъ и звѣздочетцамъ не ходили и у поля (судебнаго поединка) чародѣи не были бы“. Какія мѣры употреблялись для исправленія церковныхъ служителей, забывавшихъ свои обязанности, видно также изъ слѣдующаго разсказа новгородскаго лѣтописца подъ 1572 годомъ: архіепископъ Леонидъ велѣлъ дьяковъ своихъ пѣвчихъ поставить на правежъ и велѣлъ на нихъ взять по полтинѣ московской за то, что не ходятъ въ церковь къ началу службы. Относительно иконописанія соборъ постановилъ: писать живописцамъ иконы съ древнихъ образцовъ, какъ греческіе живописцы писали, и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочіе пресловутые живописцы, а отъ своего замышленія ничего не измѣнять. Архіепископы и епископы по всѣмъ городамъ и весямъ и по монастырямъ испытываютъ мастеровъ иконныхъ и ихъ письма сами смотрятъ; каждый въ своемъ предѣлѣ избираетъ нѣсколько живописцевъ, нарочитыхъ мастеровъ и приказываетъ имъ смотрѣть надъ всѣми иконописцами, чтобъ въ нихъ худыхъ и безчинныхъ не было, а сами архіепископы и епископы смотрятъ надъ тѣми избранными живописцами и берегутъ

что дѣло на крѣпко, а живописцевъ берегутъ и почитаютъ больше простыхъ людей; вельможи и простые люди должны также живописцевъ во всемъ почитать...

На жалобу царя, что ученики учатся грамотѣ небрежно, соборъ отвѣчалъ: ставленниковъ святители строго допрашиваютъ, почему мало умѣютъ грамотѣ? и они отвѣчаютъ „мы учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ учится негдѣ“; но отцы ихъ и мастера сами мало умѣютъ, тогда какъ прежде въ Москвѣ, Великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ многія училища бывали, грамотѣ, писать, пѣть и читать учили; и мы, по царскому совѣту, соборомъ уложили: выбирать добрыхъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ женатыхъ, благочестивыхъ, грамотѣ читать и писать горазныхъ, и у нихъ устроить въ домахъ училища; учили бы они дѣтей со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, болѣе же всего учениковъ своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ...

Въ Новгородѣ Великомъ попы, діаконы, дьяки, понамари, просвирни и уличане къ церкви принимаютъ за большія деньги, на понамарѣ берутъ рублей 15, а иногда 20 и 30, и кто даетъ деньги, съ тѣмъ идутъ къ владыкѣ всею улицею; а если владыка пришлетъ къ церкви попа хорошаго поведенія и грамотѣ гораздаго, но если этотъ попъ большихъ денегъ уличанамъ не дастъ, то они его не примутъ. Вслѣдствіе этихъ злоупотребленій и постановлено было извѣстное уже намъ правило объ избраніи священнослужителей.

О церковномъ судѣ соборъ постановилъ: весь священническій и иноческій чинъ судятъ сами святители съ великимъ истязаніемъ и обыскомъ, соборно, по священнымъ правиламъ, во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ и въ прочихъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, или судятъ тѣ, кому святители велятъ судить, а не отъ мірскихъ. А что по монастырямъ у архимандритовъ, игуменовъ и строителей есть царскія жалованныя грамоты, гдѣ написано, что не судить владыкамъ архимандритовъ, игуменовъ, поповъ, черницовъ и весь причтъ церковный, то грамоты эти давались вопреки священнымъ правиламъ, и впередъ такимъ грамотамъ не быть.

Относительно безпорядковъ въ богадѣльняхъ соборъ отвѣтилъ: да повелитъ благочестивый царь всѣхъ больныхъ и престарѣлыхъ описать по всѣмъ городамъ отдѣльно отъ здоровыхъ [illegible], и въ каждомъ городѣ устроить богадѣльни

мужскія и женскія, гдѣ больныхъ, престарѣлыхъ и неимущихъ куда голову подклонить довольствовать пищею и одеждою, а боголюбцы пусть милостыню и все потребное имъ приносятъ, да приставить къ нимъ здоровыхъ строевъ и бабъ стряпчихъ сколько будетъ пригоже, священникамъ добрымъ, цѣловальникамъ или городскимъ людямъ добрымъ смотрѣть, чтобъ имъ насильства и обиды отъ стряпчихъ не было; священники должны приходить къ нимъ въ богадѣльни, поучать ихъ страху Божію, чтобъ жили въ чистотѣ и покаяніи, и совершать всѣ требы. Чтобъ здоровые строи съ женами по богадѣльнямъ не жили, а питались бы отъ боголюбцевъ, ходя по дворамъ, которые же могутъ работать, работали бы.

О выкупѣ плѣнныхъ соборъ отвѣчалъ: которыхъ окупятъ царскіе послы въ Ордахъ, Цареградѣ, въ Крыму, въ Казани или Астрахани, или въ Кафѣ, или сами откупятся, тѣхъ всѣхъ плѣнныхъ окупать изъ царской казны. А которыхъ плѣнныхъ православныхъ христіанъ окупятъ греки, турки, армяне или другіе гости, и приведутъ въ Москву, а изъ Москвы захотятъ ихъ опять съ собою повести, то этого имъ не позволятъ, за то стоять крѣпко и плѣнныхъ окупать изъ царской же казны, и сколько этого окупа изъ царской казны разойдется, и то раскинуть на сохи по всей землѣ, чей кто ни будь — всѣмъ равно, потому что такое искупленіе общею милостынею называется. Но когда статьи соборнаго постановленія были посланы въ Троицкій Сергіевъ монастырь къ бывшему митрополиту Іоасафу, бывшему ростовскому архіепископу Алексію, бывшему чудовскому архимандриту Вассіану, бывшему троицкому игумену Іонѣ и всѣмъ соборнымъ старцамъ, то они, утвердивъ всѣ статьи, о выкупѣ плѣнныхъ написали: „окупъ брать не съ сохъ, а съ архіереевъ и монастырей Крестьянамъ, царь государь, и такъ много тягости; въ своихъ податяхъ, государь, покажи имъ милость".

Соловьевъ.

Характерныя предписанія Домостроя.

Въ пространномъ Домостроѣ говорится объ обязанностяхъ къ Богу, духовнымъ пастырямъ, ближнему вообще, къ царю. Между предписаніями религіозными насъ останавливаютъ осо

щенныя, напримѣръ: св. крестъ, образа, мощи цѣловать, перекрестясь, духъ въ себѣ удержавъ, губъ не разѣвая; зубами просвиры не кусать, какъ обыкновенный хлѣбъ, но ломать маленькими кусочками и класть въ ротъ, ѣсть губами и ртомъ не чавкать. Если съ кѣмъ хочешь сотворить цѣлованіе о Христѣ, также долженъ духъ въ себѣ удержать и губами не плескать. „Поразсуди человѣческую немощь: нечувственнаго духа гнушаемся — чесночнаго, хмельнаго, больного и всякаго смрада, кольми мерзки предъ Господомъ нашъ смрадъ и обоняніе“.

Объ обязанностяхъ родителей къ дѣтямъ говорится такъ: „Имѣть попеченіе отцу и матери о дѣтяхъ: снабдить ихъ и воспитать въ добромъ наказаніи; учить страху Божію, приличному поведенію (вѣжеству) и всякому благочинію; по времени, и по дѣтямъ, и по возрасту смотря, учить рукодѣлію, кто чего достоинъ, кому какую способность (спосудъ) Богъ далъ. Любить ихъ и беречь, и страхомъ спасать; уча, и наказуя, и разсуждая, раны возлагать. Казни сына своего отъ юности, и будетъ покоить тебя на старости, не ослабѣвай, бія младенца: если жезломъ біешь его, не умретъ, но здоровъ будетъ; бія его по тѣлу, душу избавляешь отъ смерти, и проч. А у кого дочь родится, то разсудительные люди откладываютъ на нее отъ всякаго приплода, также полотна и прочее, каждый годъ ей въ особый сундукъ кладутъ, всего прибавляютъ постоянно понемножку, а не вдругъ: дочери растутъ, страху Божію и вѣжеству учатся, а приданое съ ними прибываетъ, и какъ замужъ сговорятъ, то все готово“.

Относительно обязанностей дѣтей къ родителямъ не встрѣчаемъ ничего особеннаго противъ общихъ нравственныхъ правилъ. Обязанности замужней женщины Домострой опредѣляетъ такъ; она ходитъ въ церковь, по возможности, по совѣту съ мужемъ.

Мужья должны учить женъ своихъ съ любовью и благоразсуднымъ наказаніемъ. Если жена по мужнему поученію не живетъ, то мужу надобно ее наказывать наединѣ и, наказавъ, пожаловать и примолвить, другъ на друга не должны сердиться. Слугъ и дѣтей также, смотря по винѣ, наказывать и раны возлагать, да наказавъ, пожаловать, а хозяйкѣ за слугъ печаловаться: такъ слугамъ надежно. А только жены, сына или дочери слово или наказаніе не иметъ, то плетью постегать, а побить не передъ людьми, а наединѣ; а по уху, по лицу не

бить, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ ни посохомъ не колотить и ничѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ. А если велика вина, то, снявъ рубашку, плеткою вѣжливенько побить, за руки держа. Жены мужей своихъ спрашиваютъ о всякомъ благочиніи и во всемъ имъ покоряются. Вставши и помолившись, хозяйка должна указать служанкамъ дневную работу; всякое кушанье, мясное и рыбное, всякій приспѣхъ скоромный и постный, и всякое рукодѣлье она должна сама умѣть сдѣлать, чтобъ могла и служанку научить; если все знаетъ мужнинымъ наказаніемъ, и грозою, и своимъ добрымъ разумомъ, это все будетъ споро и всего будетъ много. Сама хозяйка отнюдь никогда не была бъ безъ дѣла: тогда и служанкамъ, смотря на нее, повадно дѣлать; мужъ ли придетъ, гостья ли придетъ — всегда бъ за рукодѣльемъ сидѣла сама, то ей честь и слава и мужу похвала; никогда не должны слуги будить хозяйку, хозяйка должна будить слугъ. Съ слугами хозяйка не должна говорить пустыхъ рѣчей и пересмѣшныхъ; торговки, бездѣльныя жонки и волхвы чтобъ къ ней не приходили, потому что отъ нихъ много зла дѣлается. Всякій бы день жена у мужа спрашивалась и съ нимъ совѣтывалась о всякомъ обиходѣ; знаться должна только съ тѣмъ, съ кѣмъ мужъ велитъ; съ гостями бесѣдовать о рукодѣльѣ и домашнемъ устройствѣ, примѣчать, гдѣ увидитъ что хорошее; чего не знаетъ, спрашивать вѣжливо, кто что укажетъ — низко челомъ бить и, пришедши домой, все мужу сказать. Съ такими добрыми женщинами пригоже сходиться, ни для ѣды ни для питья, а для доброй славы и науки, внимать себѣ на пользу, а не пересмѣхать и никого не переговаривать; спросятъ о чемъ про кого другіе — отвѣчать: не знаю, ничего не слыхала и сама о ненадобномъ не спрашиваю, о княгиняхъ, боярыняхъ и сосѣдяхъ не пересуживаю. Отнюдь беречься отъ пьянаго питья; должна пить безхмельную брагу и квасъ, и дома и въ людяхъ; тайкомъ отъ мужа ни ѣсть ни пить; чужого у себя не держать безъ мужня вѣдома; обо всемъ совѣтоваться съ мужемъ, а не съ холопомъ и не съ рабою. Безлѣпицъ домашнихъ мужу не доносить; въ чемъ сама не можетъ управиться, о томъ должна сказать мужу въ правду.

Объ отношеніяхъ къ слугамъ Домострой говоритъ: „господа должны людей своихъ жаловать, кормить, поить, одѣвать, въ теплѣ держать, во всякомъ покоѣ и благоденствіи; а если

держать у себя людей не по силѣ, не по доходу, не довольствовать ихъ ѣдою, питьемъ и одеждою, или держать нерукодѣльныхъ, которые сами ничего не умѣютъ промыслить: такимъ слугамъ поневолѣ, со слезами, и лгать, и красть, и развратничать, мужчинамъ разбивать, и красть, и въ корчмѣ пить. Такимъ безумнымъ господамъ отъ Бога грѣхъ и отъ людей посмѣхъ, а со сосѣдями дурное житье. Слугамъ приказывать о людяхъ не переговаривать, гдѣ въ людяхъ были и что видѣли недобро — того дома не сказывали бы, а что дома дѣлается, того въ людяхъ не пересказывали бы; помнили бы о томъ, за чѣмъ посланы, а о другомъ о чемъ станутъ спрашивать — не отвѣчать, поскорѣе отдѣлавшись, домой итти, такъ между господами никакой ссоры не будетъ. Куда пошлютъ слугу въ добрые люди, то онъ долженъ у воротъ легонько поколотить; когда будетъ итти по двору и кто спроситъ: за какимъ дѣломъ идешь? отвѣчать: не къ тебѣ я посланъ, къ кому посланъ, съ тѣмъ и буду говорить; должно сказать только, отъ кого идешь; пусть скажутъ господину. У сѣней избы или кельи должно ноги грязныя вытереть, носъ высморкать, выкашляться, искусно молитву сотворить; если аминя не отдадутъ, то и въ другой, и въ третій разъ молитву сотворить, побольше перваго раза; если и тутъ отвѣта не дадутъ, то легонько потолкаться; когда впустятъ, святымъ иконамъ поклониться и отъ господина челобитье и посылку править, и въ это время носа не копать пальцемъ, не кашлять, не сморкать, не харкать, не плевать; если же нужно, то, отшедъ въ сторону, устроиться, вѣжливенько стоять и на сторону не смотрѣть, исправить что наказано, ни о чемъ другомъ не бесѣдовать и скорѣе къ себѣ итти. Гдѣ случится быть, при господинѣ, или безъ господина, никакой вещи не ворошить, не смотрѣть, ни съ мѣста не переложить, ѣды и питья не отвѣдывать; что куда послано, того также не осматривать и не отвѣдывать".

Вотъ идеалъ семейной жизни, какъ онъ былъ созданъ древнимъ русскимъ обществомъ! Женщина поставлена здѣсь въ видномъ мѣстѣ; ея дѣятельность обширна, она — хозяйка, то-есть, раньше всѣхъ встаетъ, будитъ слугъ и до ночи не перестаетъ работать; указываетъ, распоряжается, минуты она не можетъ быть праздна; мужъ долженъ каждый день ходить въ церковь ко всѣмъ службамъ, жена, по возможности, сколько

позволяли ей хозяйственныя заботы. Женщина-мать не на первомъ планѣ; кратко въ общихъ выраженіяхъ говорится, что она вмѣстѣ съ мужемъ должна воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ и благочестіи, должна учить дочерей рукодѣльямъ; гораздо подробнѣе говорится, какъ со дня рожденія дочери она должна копить ей приданое; матеріальныя, хозяйственныя заботы должны поглощать все существо женщины, начиная съ двѣнадцатилѣтняго возраста, когда она могла по закону выходить замужъ. Но вотъ она переступаетъ порогъ дома, ѣдетъ въ гости: чего же требуетъ отъ нея здѣсь Домострой? Съ гостями она должна бесѣдовать о рукодѣльѣ и о домашнемъ строеніи: какъ порядокъ вести и какое рукодѣльице сдѣлать. Необходимаго для возстановленія нравственныхъ силъ развлеченія, перемѣны занятія, перемѣны предмета для разговора нѣтъ и быть не должно, по общественнымъ условіямъ. Домострой совершенно правъ, предписывая женщинѣ заниматься только хозяйствомъ и говорить только о хозяйствѣ, ибо другого приличнаго для нея занятія, другого приличнаго для нея разговора нѣтъ: если она не будетъ говорить о хозяйствѣ, то она будетъ пересмѣхать, переговаривать; дома она должна постоянно сидѣть за работою или распоряжаться работами другихъ, развлеченія, какимъ она можетъ предаться — все это развлеченія постыдныя, вредныя: пустые пересмѣшные разговоры съ слугами, съ торговками, женками бездѣльными, волхвами. Повторяю, что мы не имѣемъ никакого права упрекать Домострой въ жестокости къ женщинѣ: у него нѣтъ приличныхъ, невинныхъ удовольствій, которыя бы онъ могъ предложить ей, и потому онъ принужденъ отказать ей во всякомъ удовольствіи, принужденъ требовать, чтобъ она не имѣла минуты свободной, которая можетъ породить въ ней желаніе удовольствія неприличнаго, что всего хуже, желаніе развеселить себя хмелемъ. Сколько женщинъ по доброй волѣ могло приближаться къ идеалу, начертанному Домостроемъ; сколькихъ надобно заставлять приближаться къ нему силою, и сколькихъ нельзя было заставить приблизиться къ нему никакою силою; сколько женщинъ предавалось названнымъ неприличнымъ удовольствіямъ? — на этотъ вопросъ мы отвѣчать не рѣшаемся.

Много главъ посвящено въ Домостроѣ подробностямъ хозяйственнымъ; какъ всякое платье кроить, остатки и обрѣзки

беречь, всякую посуду и снасть ремесленную въ порядкѣ держать, чтобъ все было свое, не нужно было итти ни за чѣмъ на чужой дворъ, какъ всякое платье носить бережно, какъ запасъ годовой и всякій товаръ покупать: покупать все, чему привозъ, что дешево; какъ огородъ и садъ водить и проч. Въ главѣ о томъ, какъ избу устроить хорошо и чисто, видимъ только перечисленіе посуды, которую должно держать въ чистотѣ и порядкѣ; предписывается мыть избу, стѣны, лавки, скамьи, полъ, окна, двери; у нижняго крыльца класть сѣно для обтиранія ногъ, передъ дверьми — рогожку или войлокъ. Объ иконахъ говорится, что ихъ должно ставить на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ, свѣтильниками и завѣсою.

Всякій день мужъ съ женою, дѣтьми и домочадцами поетъ на дому вечерню, повечерницу, полунощницу. Послѣ правила отнюдь не пить, не ѣсть, не разговаривать; въ полночь должно тайно вставать и со слезами Богу молиться.

Когда предлагается трапеза, то вначалѣ священники прославляютъ Отца и Сына и Св. Духа, потомъ Богородицу, пречистый хлѣбъ вынимаютъ, и по окончаніи стола, пречистый хлѣбъ воздвизаютъ, и, отпѣвъ Достойно, ѣдятъ и чашу Пречистой пьютъ; а потомъ о здравіи и за упокой. Когда передъ тобой поставятъ пищу, то не смѣй хулить, а съ благодарностью ѣшь. Очень любопытно наставленіе, какъ вести себя на свадьбѣ, показывающее нравы и обычаи времени. „Когда званъ будешь на бракъ, то не упивайся до пьянства и не засиживайся поздно, потому что въ пьянствѣ и долгомъ сидѣньи бываетъ брань, свара, бой, кровопролитіе. Не говорю не пить вовсе, нѣтъ! но говорю не упивайся; я даръ Божій не хулю, но хулю пьющихъ безъ воздержанія".

Соловьевъ.

Содержаніе Сильвестрова Поученія сыну и характеристика автора.

Въ Домостроѣ безспорно принадлежитъ Сильвестру послѣдняя глава, начинающаяся такъ: „Благословеніе отъ благовѣщенскаго попа Сильвестра возлюбленному моему единородному сыну Анфиму". Это поученіе сыну, подкрѣпленное собственнымъ примѣромъ, очень напоминающее Поученіе Мономаха,

легко можетъ быть принято за совершенно отдѣльное сочиненіе, не имѣющее никакой связи съ собственно такъ называемымъ Домостроемъ и приложенное къ послѣднему позднѣйшимъ составителемъ или переписчикомъ по сходству содержанія. И потому сначала мы должны обратиться къ собственно Сильвестрову Поученію, а потомъ къ пространному Домострою, имѣющему также для насъ большую важность по изложенію понятій и обычаевъ времени: „Сынъ мой! говоритъ Сильвестръ, ты имѣешь на себѣ и святительское благословеніе и жалованіе государя царя, государыни царицы, братьевъ царскихъ и всѣхъ бояръ, съ добрыми людьми водишься, и со многими иноземцами большая у тебя торговля и дружба; ты получилъ все доброе: такъ умѣй совершать о Богѣ, какъ начато при нашемъ попеченіи. Имѣй вѣру къ Богу, все упованіе возлагай на Господа, прибѣгай всегда съ вѣрою къ Божіимъ церквамъ: заутрени не просыпай, обѣдни не прогуливай, вечерни не пропускай; повечерницу, полунощницу и часы ты долженъ пѣть каждый день въ своемъ домѣ; если возможно, по времени, прибавишь правила: это отъ тебя зависитъ: большую милость отъ Бога получишь. Въ церкви и дома на молитвѣ самому, женѣ, дѣтямъ и домочадцамъ стоять со страхомъ, не разговаривать, не озираться; читать единогласно, чисто, не вдвое. Священническій и иноческій чинъ почитай; повинуйся отцу духовному, въ домъ свой призывай священниковъ служить молебны. Въ церковь приходи съ милостынею и съ приношеніемъ. Церковниковъ, нищихъ, малолѣтныхъ, бѣдныхъ, скорбныхъ, странствовавшихъ призывай въ домъ свой, по силѣ накорми, напой, согрѣй, милостыню давай въ дому, въ торгу, на пути. Помни, сынъ, какъ мы жили: никогда никто не вышелъ изъ дому нашего тощъ или скорбенъ. Имѣй любовь нелицемѣрную ко всѣмъ, не осуждай никого, не дѣлай другому, чего самъ не любишь, возненавидь хмельное питье; Господа ради отвергни отъ себя пьянство: отъ него рождаются всѣ злые обычаи; если отъ этого сохранитъ тебя Богъ, то все благое и полезное отъ Господа получишь, отъ людей честенъ будешь и душѣ своей просвѣтъ сотворишь на всякія добрыя дѣла. Жену люби; что самъ дѣлаешь, тому же и жену учи: всякому страху Божію, всякому знанію и промыслу, рукодѣлью и домашнему обиходу, всякому порядку (порядни). Умѣла бы сама и печь, и варить

всякую домашнюю порядню знала бы и всякое женское рукодѣлье. Хмельнаго питья отнюдь бы не любила, да и дѣти и слуги у ней также бы его не любили; безъ рукодѣлья жена ни на минуту бы не была, также и слуги. Съ гостями у себя и въ гостяхъ отнюдь бы не была пьяна, съ гостями вела бы бесѣду о рукодѣльѣ, о домашнемъ порядкѣ, о законной христіанской жизни, а не пересмѣивала бы, не переговаривала бы ни о комъ. Въ гостяхъ и дома пѣсней бѣсовскихъ и всякаго срамословія ни себѣ ни слугамъ не дозволяла бы; волхвовъ, кудесниковъ и никакого чарованія не знала бы. Если жена не слушается, всячески наказывай страхомъ, а не гнѣвайся, наказывай наединѣ, да наказавъ примолви, и жалуй, и люби ее. Также и дѣтей и домочадцевъ учи страху Божію и всякимъ добрымъ дѣламъ. Домочадцевъ своихъ одѣвай и корми достаточно. Ты видѣлъ, какъ я жилъ въ благоговѣніи и страхѣ Божіи въ простотѣ сердца, въ церковномъ прилежаніи со страхомъ, всегда пользуясь божественнымъ писаніемъ; ты видѣлъ, какъ я былъ отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ; всякому старался я угодить, ни передъ кѣмъ не гордился, никому не прекословилъ, не укорялъ, ни съ кѣмъ не бранился: приключилась отъ кого обида — терпѣлъ и на себя вину полагалъ; отъ того враги дѣлались друзьями. Не пропускалъ я никогда церковнаго пѣнія, нищаго, страннаго, скорбнаго никогда не презрѣлъ, заключенныхъ въ темницы, плѣнныхъ, должныхъ выкупалъ, голодныхъ кормилъ; рабовъ своихъ всѣхъ освободилъ и надѣлилъ, и чужихъ рабовъ выкупалъ. И всѣ эти рабы наши свободны и добрыми домами живутъ, и молятъ за насъ Бога, и добра хотятъ намъ всегда. Теперь домочадцы наши всѣ свободные, живутъ у насъ по своей волѣ. Видѣлъ ты, сколько я сиротъ, и рабовъ, и убогихъ, мужескаго пола и женскаго, въ Новгородѣ и въ Москвѣ вскормилъ и вспоилъ до совершеннаго возраста, научилъ, кто къ чему былъ способенъ: многихъ грамотѣ, писать, пѣть, иныхъ иконному писанію, другихъ книжному рукодѣлью, однихъ серебряному мастерству, другихъ другому какому-нибудь рукодѣлію, нѣкоторыхъ выучилъ торговать. Также и мать твоя многихъ дѣвицъ, сиротъ и бѣдныхъ, воспитала, выучила и, надѣливъ, замужъ отдавала, а мужчинъ мы поженили у добрыхъ людей. Многіе изъ нихъ въ священническомъ и дьяконскомъ чину, въ дьякахъ, подьячихъ и во всякихъ чинахъ, кто чего достоинъ и въ чемъ

кому благоволилъ Богъ. Во всѣхъ этихъ нашихъ вскормленникахъ и послуживцахъ ни сраму, ни убытка, никакой продажи отъ людей, ни людямъ отъ насъ, ни тяжбы ни съ кѣмъ не бывало; а отъ кого изъ нихъ досады и убытки большие бывали, то все на себѣ понесено, никто того не слыхалъ, а намъ то Богъ исполнилъ. И ты, сынъ, такъ же дѣлай: на себѣ всякую обиду понеси и претерпи: Богъ сугубо исполнитъ. Гостей пріѣзжихъ у себя корми; а на сосѣдствѣ и съ знакомыми любовно живи, о хлѣбѣ, о соли, о доброй сдѣлкѣ, о всякой ссудѣ. Поѣдешь куда въ гости, поминки недорогія вези за любовь. А въ пути отъ стола подавай домохозяевамъ и приходящимъ, сажай ихъ съ собою за столъ и питейца также подавай; а маломочнымъ милостыню давай. Если такъ будешь дѣлать, то вездѣ тебя ждутъ и встрѣчаютъ, въ путь провожаютъ, отъ всякаго лиха берегутъ, на стану не подадутъ, на дорогѣ не разобьютъ. Кормятъ вотъ для чего: добраго за добро, а лихого отъ лиха, чтобъ на добро обратился. Во всемъ этомъ убытка нѣтъ: въ добрыхъ людяхъ хлѣбъ-соль заемное дѣло; и поминки тоже, а дружба вѣчная и слава добрая. На дорогѣ, въ пиру, въ торговлѣ отнюдь самъ брани не начинай, а кто выбранитъ, терпи Бога ради. Если людямъ твоимъ случится съ кѣмъ-нибудь брань, то ты на своихъ бранись, а будетъ дѣло кручиновато, то и ударь своего, хотя бы онъ и правъ былъ: тѣмъ брань утолишь, также убытка и вражды не будетъ. Недруга напоить и накормить: то вмѣсто вражды дружба. Вспомни великое Божіе милосердіе къ намъ и заступленіе: отъ юности и до сего времени на поруку я не давалъ никого, ни меня никто не давалъ, на судѣ не бывалъ ни съ кѣмъ. Видѣлъ ты самъ: мастеровъ всякихъ было много, деньги я давалъ имъ на рукодѣлье впередъ, много было изъ нихъ смутьяновъ и бражниковъ: но со всѣми съ тѣми въ сорокъ лѣтъ разстался я безъ остуды, безъ пристава, безо всякой кручины. Все то мирено хлѣбомъ да солью, да питьемъ, да подачею, да своимъ терпѣніемъ. А самъ у кого что покупалъ, продавцу отъ меня милая ласка, безъ волокиты платежъ, да еще хлѣбъ и соль сверхъ. Отсюда дружба вовѣкъ: мимо меня не продаетъ, худого товара не даетъ. Кому что продавывалъ, все въ любовь, не въ обманъ: не понравится кому мой товаръ, назадъ возьму и деньги отдамъ; о куплѣ и продажѣ ни съ кѣмъ брани и тяжбы не бы-

вало: оттого добрые люди во всемъ вѣрили, иноземцы и здѣшние. Никому ни въ чемъ не солгано, не манено, не пересрочено; ни кабалы ни записи на себя ни въ чемъ не давывалъ, ложь никому ни въ чемъ не бывала. Видѣлъ ты самъ, какія большія сплетни со многими людьми бывали, да все, далъ Богъ, безъ вражды кончалось. А вѣдаешь и самъ, что не богатствомъ жито съ добрыми людьми: правдою да ласкою, да любовью, а не гордостью и безо всякой лжи".

Въ этомъ наставленіи, въ этомъ указаніи на свой образъ мыслей и жизни, Сильвестръ обнаруживается передъ нами вполнѣ. Мы понимаемъ то впечатлѣніе, какое долженъ былъ производить на современниковъ подобный человѣкъ: благочестивый, трезвый, кроткій, щедрый, ласковый, услужливый, превосходный господинъ, любившій устраивать судьбу своихъ домочадцевъ, человѣкъ, съ которымъ каждому было пріятно и выгодно имѣть дѣло — вотъ Сильвестръ! Таковъ именно долженствовалъ быть этотъ человѣкъ: иначе мы не поймемъ его нравственнаго вліянія надъ молодымъ царемъ, не поймемъ того, какъ простой священникъ могъ собрать около себя остатки боярства. Но спросятъ: какъ же при этой кротости, уклончивости, Сильвестръ успѣлъ раздражить противъ себя царя и царицу? Это объясняется очень легко изъ того же образа мыслей и дѣйствій, какой высказывается въ Домостроѣ: Сильвестръ къ Іоанну находился въ отношеніи наставника, руководителя; здѣсь онъ считалъ своею обязанностью поступать строго, требовать буквальнаго исполненія предписаннаго: мы видѣли, что Сильвестръ предписываетъ сыну ударить домочадца, хотя бы и праваго, лишь бы только предотвратить вражду и убытокъ: Іоаннъ былъ для Сильвестра его ученикъ, сынъ; какъ самъ Сильвестръ, при столкновеніи съ другими, считалъ своею обязанностью уклоняться, уступать, предотвращая вражду, такъ требовалъ того же самаго и отъ царя въ столкновеніи послѣдняго съ боярами: отсюда объясняются намъ жалобы Іоанна на это принесеніе въ жертву его выгодъ выгодамъ бояръ; пользуясь своимъ нравственнымъ вліяніемъ Сильвестръ позабывалъ въ Іоаннѣ царя и видѣлъ въ немъ только молодого человѣка, обязаннаго быть кроткимъ, терпѣливымъ и послушнымъ; въ боярахъ видѣлъ онъ мужей совѣта и зрѣлости и вотъ когда молодой царь рѣшался прекословить имъ, настаивать на своемъ мнѣніи, какъ, напримѣръ, отно-

сительно войны ливонской, то Сильвестръ смотрѣлъ на это какъ на грѣхъ и грозилъ молодому человѣку небесною карою за своевольство.

Несмотря на то, что наставленіе Сильвестра сыну носитъ, повидимому, религіозный, христіанскій характеръ, нельзя не замѣтить, что цѣль его — научить житейской мудрости: кротость, терпѣніе и другія христіанскія добродѣтели предписываются какъ средства для пріобрѣтенія выгодъ житейскихъ, для пріобрѣтенія людской благосклонности, предписывается доброе дѣло и сейчасъ же выставляется на видъ матеріальная польза отъ него; предписывая уступчивость, уклоненіе отъ вражды и основываясь при этомъ, повидимому, на христіанской заповѣди, Сильвестръ доходитъ до того, что предписываетъ человѣкоугодничество, столь противное христіанству; „ударь своего, хотя бы онъ и правъ былъ: этимъ брань утолишь, убытка и вражды избудешь“. Вотъ слѣдствіе того, что христіанство понято не въ духѣ, а въ плоти! Сильвестръ считаетъ добрымъ дѣломъ освободить рабовъ, хвалится, что у него всѣ домочадцы свободные, живутъ по своей волѣ, и въ то же время считаетъ позволительнымъ бить домочадца, хотя бы онъ и справедливъ былъ: хочетъ исполнить форму, а духа не понимаетъ, не понимаетъ, что христіанство, ученіе божественное и вѣчное, не имѣетъ дѣла съ формами преходящими, дѣйствуетъ на духъ, на очищеніе и посредствомъ этого очищенія дѣйствуетъ уже и на улучшеніе формъ.

Что смѣшеніе чистаго съ нечистымъ, смѣшеніе правилъ мудрости небесной съ правилами мудрости житейской мало приноситъ и житейской пользы человѣку — видно всего лучше изъ примѣра Сильвестра; онъ говорилъ сыну: „Подражай мнѣ. Смотри, какъ я отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ, потому что всѣмъ упоровилъ“. Но подъ конецъ вышло, что не всѣмъ упоровилъ, ибо всѣмъ упоровить дѣло невозможное; истинная мудрость велитъ работать одному господину. По всѣмъ вѣроятностямъ, и во время болѣзни царя Сильвестръ хотѣлъ всѣмъ упоровить, вслѣдствіе чего уклонился, голоса его вначалѣ не было слышно, а потомъ онъ хотѣлъ помирить князя Владиміра съ больнымъ Іоанномъ, говорилъ присягнувшимъ боярамъ: „Зачѣмъ вы не пускаете князя Владиміра къ государю? Онъ государю добра хочетъ“.

Соловьевъ.

Значеніе Домостроя.

Изъ обозрѣнія Домостроя открывается, что въ немъ самыми подробными правилами опредѣленъ каждый шагъ въ жизни человѣка, начиная съ важнѣйшихъ обязанностей религіозныхъ и оканчивая самымъ мелочнымъ хозяйственнымъ занятіемъ. Нашимъ предкамъ послѣ него, конечно, не нужно было никакихъ другихъ руководствъ въ жизни: Домострой замѣнялъ для нихъ всѣ возможныя руководства. Руководство Домостроя тѣмъ болѣе имѣло авторитета въ глазахъ ихъ, что заключало въ себѣ собраніе уроковъ, добытыхъ жизнію ихъ отцовъ и дѣдовъ. Домострой называется въ рукописяхъ завѣщаніемъ отъ отца къ сыну, но въ сущности онъ былъ, какъ мы видѣли выше, завѣщаніемъ всего древняго русскаго человѣка своимъ потомкамъ. А извѣстно, какую силу и живучесть имѣютъ преданія предковъ и въ одномъ семействѣ: ихъ духъ не утрачивается часто до позднѣйшихъ поколѣній, ихъ печать не сглаживается иногда никакими обстоятельствами и переворотами въ судьбѣ ихъ. Такъ случилось и съ Домостроемъ — съ этимъ сборникомъ вѣковыхъ преданій русскаго народа. Въ жизни русскаго народа не было переворота болѣе сильнаго и рѣшительнаго, поколебавшаго весь строй ея, какъ переворотъ, произведенный въ XVIII в. Петромъ Великимъ. Но Домострой пережилъ и этотъ переворотъ и сохранился до нынѣ не въ рукописяхъ только, такъ недавно еще открытыхъ любителями древней письменности, но въ самой жизни многаго множества людей, живущихъ еще до сихъ поръ по его правиламъ. Наблюдателю городовъ столичныхъ или мѣстъ, ближайшихъ къ нимъ, эта мысль, можетъ-быть, покажется странною, но чѣмъ болѣе онъ будетъ удаляться отъ нихъ и внимательнѣе присматриваться къ жизни людей преимущественно средняго и низшаго сословія (купеческаго, мѣщанскаго и крестьянскаго), тѣмъ болѣе онъ будетъ встрѣчать слѣдовъ Домостроя. Еще во многихъ мѣстахъ и у многихъ [illegible] основы и взгляды [illegible], начала жизни семейной, нравственныя отношенія членовъ въ семействѣ, воспитаніе и даже самый внѣшній обрядъ [illegible] проникнуты духомъ Домостроя. Благочестивые обычаи Домостроя сохранились еще во многихъ домахъ [illegible], какъ предписывается въ Домострое, [illegible] иконами, а иногда [illegible]

образныя — домашніе храмы Домостроя. Въ многихъ мѣстахъ, по Домострою, всякое дѣло и рукодѣліе начинаютъ, умывъ прежде руки и сдѣлавъ нѣсколько поклоновъ передъ иконами. на столъ смотрятъ какъ бы на предметъ священный, а на обѣдъ какъ бы на обрядъ религіозный. во время котораго говорить много и громко считается грѣхомъ; во время болѣзни не обращаются къ медику, а умываются богоявленской водой, или водой, въ которой, нарочно для этого случая, омываютъ домашніе кресты и иконы, и пр. Правила домохозяйства во многихъ мѣстахъ еще тѣ же самыя, какія предписываются въ Домостроѣ; тѣ же заготовленія въ прокъ разныхъ припасовъ въ извѣстныя времена года; даже тѣ же кушанья постныя и скоромныя. Строго даже соблюдается древнее обыкновеніе роскошно праздновать праздники и давать пиры въ дни именинъ, крестинъ и свадьбы; при неумѣренной расточительности во время праздниковъ и пировъ, та же скупость въ обыкновенное время. Но мы долго не окончили бы, если бы стали продолжать еще эту параллель между Домостроемъ и современною жизнію средняго и низшаго класса нашего общества. Да, Домострой еще господствуетъ въ этой жизни, хотя живутъ здѣсь не справляясь съ нимъ, какъ съ книгою, не знаютъ, можетъ-быть, даже имени его и никогда не слышали о его составителѣ; его правила суть преданія предковъ, — и вотъ причина его такой силы и живучести; разныя обстоятельства, замедлявшія распространеніе просвѣщенія между этими сословіями, только помогли ему сохранить эту силу. Никто, конечно, не будетъ сожалѣть о томъ, что еще до сихъ поръ сохраняются начала нашей древней жизни, наша древняя набожность и древніе благочестивые обычаи, какъ основа нашей народности. И если при указанной параллели можетъ пробуждаться въ душѣ тяжелое чувство, то потому только, что рядомъ съ хорошими обычаями Домостроя существуютъ еще въ настоящее время и тѣ дурные обычаи и грубые пороки, противъ которыхъ возставалъ еще Домострой; что до сихъ поръ еще во многихъ мѣстахъ существуютъ тѣ недостатки въ пониманіи истиннаго христіанскаго благочестія, недостатки воспитанія и семейной жизни, которые встарину были слѣдствіемъ недостатка образованія, и которымъ нынѣ пора бы уничтожиться. Но, кромѣ средняго класса общества, или лучше въ этомъ классѣ и особенно крестьянскомъ, есть еще

особая сфера, гдѣ Домострой живетъ даже въ томъ видѣ старины, въ какомъ онъ дошелъ до насъ отъ древняго періода, — сфера раскольническихъ общинъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ уже самую букву Домостроя; здѣсь даже говорятъ часто тѣмъ самымъ языкомъ, какимъ изложенъ Домострой. Отдѣлившись отъ Церкви и, въ нѣкоторомъ отношеніи, отъ государства, въ то время когда еще не было у насъ никакихъ другихъ понятій, другихъ правилъ и обычаевъ жизни, кромѣ изложенныхъ въ Домостроѣ, раскольники унесли его съ собою и хранятъ, какъ единственно возможный образецъ жизни. При отсутствіи образованія, которое одно даетъ человѣку возможность стать выше опредѣленной обычаемъ и преданіемъ жизни и взглянуть на него безпристрастно, раскольникамъ и на мысль не приходило и не приходитъ, что не всѣ же старыя понятія безусловно истинны, что вмѣсто старыхъ нѣкоторыхъ обычаевъ могутъ явиться и естественно являются новыя правила и обычаи, сообразно съ большимъ развитіемъ тѣхъ же религіозно-нравственныхъ понятій и съ улучшеніемъ условій частнаго и общественнаго быта, помощію науки, искусства и промышленности. И это обстоятельство, что у нихъ есть такой строго опредѣленный образецъ жизни, въ совершенствѣ котораго они такъ убѣждены, кажется, было въ числѣ важныхъ причинъ такой силы и твердости раскола. Но преданія и обычаи плодотворны и спасительны въ жизни только тогда, когда они находятся въ тѣсной связи съ тою силою, которая ихъ создала, съ тѣмъ источникомъ, изъ котораго они произошли, и который постоянно своими свѣжими струями долженъ поддерживать ихъ плодотворность. Въ противномъ случаѣ, оставаясь въ наружной неприкосновенной цѣлости, они теряютъ свою жизненную силу и превращаются въ пустую форму, не только безплодную, но и вредную для жизни, подобно тому какъ вода, получившая начало изъ чистаго источника, но разобщенная съ нимъ, скоро превращается въ мутную воду, негодную и вредную для употребленія. Такъ и случилось у раскольниковъ съ Домостроемъ — съ этимъ уставомъ древней жизни. Отдѣлившись отъ Церкви, подъ вліяніемъ которой составилась большая часть правилъ Домостроя, относительно вѣры и жизни нравственной, раскольники, безъ ея руководства, скоро утратили истинный смыслъ этихъ правилъ и перетолковали ихъ самымъ ложнымъ образомъ. Они образовали

изъ этихъ правилъ цѣпь религіозныхъ софизмовъ, которою опутали не только сами себя, сдѣлавши, такимъ образомъ, невозможнымъ доступъ въ свой замкнутый кругъ всякаго явленія новой жизни, кажущейся имъ своеволіемъ и беззаконіемъ, но и опутываютъ постоянно другихъ, неспособныхъ понять и разрушить ложность этихъ софизмовъ и обольщающихся только наружнымъ ихъ видомъ благочестія и старины.

Порфирьевъ.

Записки Курбскаго о Грозномъ.

Въ лѣтописяхъ и лѣтописныхъ сборникахъ XV и XVI столѣтіи находимъ мало извѣстій, относящихся къ изображенію быта современнаго общества, его нравовъ, обычаевъ и вѣрованій. Эта сторона нашей исторіи осталась бы весьма неполной, если бы не было современныхъ записокъ русскихъ людей и иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію. Изъ записокъ русскихъ людей особенно замѣчательны записки князя Курбскаго и Кошихина. Первый оставилъ подробную исторію царствованія Грознаго, послѣдній — повѣствованіе о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича.

Записки Курбскаго изданы Устряловымъ въ двухъ томахъ: въ первомъ помѣщена исторія царствованія Грознаго до 1578 г.; во второмъ — переписка Курбскаго съ царемъ и письма его къ разнымъ лицамъ. Сочиненіе Курбскаго „Исторія князя великаго московскаго, о дѣлахъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ“ содержитъ исторію Грознаго отъ самаго его дѣтства до 1578 года. Сказавъ кратко о характерѣ великаго князя Василія Ивановича, о разводѣ его съ первою супругою, Соломонидою, Курбскій описываетъ воспитаніе Іоанна и крамолы бояръ. Далѣе Курбскій разсказываетъ о мятежахъ московскихъ и о чудесномъ исправленіи Іоанна подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева, потомъ подробно повѣствуетъ о покореніи Казани, о походѣ на крымскихъ татаръ и о войнѣ ливонской; наконецъ, приступаетъ къ главному предмету: къ описанію тиранства Грознаго. Записки Курбскаго имѣютъ важное значеніе, какъ произведеніе современное очевидца, близкаго къ лицу, котораго дѣянія онъ изображаетъ; но онѣ не имѣютъ главнаго достоинства

историческаго сочиненія, именно, безпристрастія. Курбскій является какъ бы адвокатомъ партіи, къ которой самъ принадлежалъ, защитникомъ боярства, подавленнаго Грознымъ. Основная его мысль та, что всѣ славныя дѣла Грознаго принадлежатъ не ему, а его совѣтникамъ, и что Грозный до тѣхъ поръ царствовалъ мудро и счастливо, пока руководствовался совѣтами Сильвестра, Адашева и ихъ друзей. Руководясь этою мыслью, Курбскій изображаетъ царствованіе Грознаго въ двухъ эпохахъ: въ первой онъ изображаетъ Грознаго образцомъ монарха и описываетъ его славные подвиги (покореніе Казани, Астрахани, побѣды въ Крыму и Ливоніи); вторая же эпоха представляетъ мрачную картину бѣдствій и униженія Россіи отъ страшнаго тирана-царя; начинается она съ тѣхъ поръ, когда Іоаннъ удалилъ Сильвестра и Адашева, началъ царствовать самовластно, окруженный новыми любимцами, подъ вліяніемъ которыхъ онъ палъ нравственно и сдѣлался тираномъ. Переписка Курбскаго съ Грознымъ представляетъ большой матеріалъ для исторіи послѣдняго. Въ ней ярко высказывается задушевная мысль царя, отстаивавшаго свои священныя права: быть независимымъ въ своихъ дѣйствіяхъ отъ бояръ и казнить ихъ за измѣну и крамолу. Курбскій, напротивъ, въ своихъ письмахъ является горячимъ защитникомъ боярства и оправдываетъ свою измѣну жестокостью царя, укоряетъ его въ неблагодарности къ Сильвестру и Адашеву, въ изгнаніи и избіеніи доблестныхъ синклитовъ и въ бѣдствіяхъ Россіи, которыя накликалъ царь своимъ тиранствомъ и несправедливостью къ мудрымъ совѣтникамъ; и Грозный и Курбскій горячо отстаиваютъ свои права и убѣжденія, а потому въ перепискѣ много пристрастія. *Лашнюковъ.*

Грозный въ своей перепискѣ съ Курбскимъ и въ его исторіи.

Явилось мнѣніе, по которому у Іоанна не было ни одного [illegible] важныхъ дѣлъ, совершенныхъ въ его царствованіе; при ихъ совершеніи царь былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ мудрыхъ совѣтниковъ своихъ — Сильвестра и Адашева. Мнѣніе это опровергается [illegible] въ перепискѣ съ Курбскимъ [illegible]

повидимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти. Но, читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій, пишутъ подъ вліяніемъ страсти, и потому оба преувеличиваютъ, впадаютъ въ противорѣчія. Если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтниковъ, то основная мысль Іоанна состоитъ въ томъ, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію царской воли волѣ собственной: такое стремленіе въ глазахъ Іоанна есть величайшее изъ преступленій, и всею тяжестію его онъ хочетъ обременить Сильвестра и его приверженцевъ: вотъ почему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренностію, самовольство, самоуправство, говоритъ, что вмѣсто него они владѣли царствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ неограниченною своею довѣренностію; вотъ эти знаменитыя мѣста: „Вы ль растлѣнны, или я? что я хотѣлъ вами владѣть, а вы не хотѣли подъ моею властію быти, и я за то на васъ гнѣвался? Больше вы растлѣнни, что не только не хотѣли быть мнѣ повинны и послушны, но и мною владѣли и всю власть съ меня сняли: я былъ государь только на словахъ, а на дѣлѣ ничего не владѣлъ". Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, щеголявшій остроуміемъ, ловкостію въ словопреніи, низлагаетъ Курбскаго слѣдующею увerткою, не думая, что послѣ можно будетъ употребить его адвокатскую ловкость противъ него же самого: „Ты говоришь, что для военныхъ отлучекъ мало видалъ мать свою, мало жилъ съ женою, отечество покидалъ, всегда въ городахъ противъ враговъ ополчался, претерпѣвалъ естественныя болѣзни и ранами покрывался отъ варварскихъ рукъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь: но все это случилось съ тобою тогда, когда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣли. Если это вамъ было не угодно, то зачѣмъ же такъ дѣлали? Если же дѣлали, то зачѣмъ, своею властію сдѣлавши, на насъ вину вскладываете?" Приводитъ еще третье мѣсто въ доказательство, что походъ на Казань предпринятъ не Іоанномъ, что приверженцы Сильвестра везли его насильно царя: „Когда мы съ крестоноснымъ хоругвіемъ всего православнаго христіанскаго воинства двинувшись на безбожный языкъ Казанскій, и получивъ, неизрѣченнымъ Божіимъ милосердіемъ, побѣду, возвратились домой, то какое доброхотство къ себѣ испытали мы отъ людей, ко-

рыхъ мы называемъ мучениками? Какъ плѣнника посадивши въ судно, везли съ ничтожнымъ отрядомъ чрезъ безбожную и невѣрную землю". Но здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія на невольный походъ, ибо Іоаннъ прямо говоритъ: „Когда мы двинулись", потомъ Іоаннъ говоритъ ясно, что не заботились о его безопасности, везли какъ плѣнника уже на возвратномъ пути, по взятіи Казани. Курбскій обвиняетъ Іоанна въ недостаткѣ храбрости во время Казанскаго похода, въ желаніи поскорѣе возвратиться въ Москву; Іоаннъ возвращаетъ ему всѣ эти обвиненія и такъ описываетъ свое поведеніе и поведеніе бояръ въ казанскихъ войнахъ: „Когда мы посылали на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем. Ив. Микулинскаго съ товарищами, то что вы говорили? Вы говорили, что мы послали ихъ въ опалѣ своей, желая ихъ казнить, а не для своего дѣла! Неужели это храбрость, службу ставить въ опалу? такъ ли покоряются прегордыя царства? Сколько потомъ ни было походовъ въ Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, охотно? Когда Богъ покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ, и тогда вы не хотѣли воевать, и тогда съ нами не было болѣе пятнадцати тысячъ по вашему нехотѣнію. Во время осады всегда вы подавали дурные совѣты, когда запасы перетонули, а вы, простоявши три дня, хотѣли домой возвратиться! Никогда не хотѣли вы подождать благопріятнаго времени; вамъ и головъ своихъ не было жаль и о побѣдѣ мало заботились; побѣдить или потерпѣть пораженіе, только бы поскорѣе домой возвратиться! Для этого скораго возвращенія войну вы оставили, и отъ этого послѣ было много пролитія христіанской крови. На приступѣ, если бъ я васъ не удержалъ, то вы хотѣли погубить православное воинство, начавши дѣло не во время". Какъ согласить эти слова: „я посылалъ, если бъ я васъ не удержалъ" съ словами: „вы торопились, а я ничѣмъ не владѣлъ"? Эти несогласія показываютъ намъ ясно, съ какого рода памятникомъ мы имѣемъ дѣло, и какъ мы имъ должны пользоваться.

Важное значеніе Сильвестра и Адашева, проистекавшее изъ полной довѣренности къ нимъ Іоанна въ извѣстное время, безспорно, явственно изъ всѣхъ источниковъ, но вмѣстѣ видно также, что Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ близкихъ къ нему людей. Война Ливонская была предпринята вопреки ихъ совѣтамъ, они сердились и покори-

Крымъ. Послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные (т.-е. сторона Сильвестра) совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны: но царь „совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ совѣта шурей своихъ". Слѣдовательно, Іоаннъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь одной стороны. Когда въ 1555 году царь выступилъ противъ крымскаго хана и пришла къ нему вѣсть, что одинъ русскій отрядъ уже разбитъ татарами, то многіе совѣтовали ему возвратиться, но храбрые настаивали на томъ, чтобы встрѣтить татаръ: и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т.-е. на совѣтъ приверженцевъ Сильвестра, потому что когда Курбскій хвалитъ, то хвалитъ своихъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что Іоаннъ въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ — другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу съ совѣтниками. О могущественномъ вліяніи Сильвестра говорятъ единогласно всѣ источники; но мы имѣемъ возможность не преувеличивать этого вліянія, установить для него настоящую мѣру, ибо до насъ дошелъ любопытный памятникъ, въ которомъ очень ясно можно видѣть отношенія Сильвестра къ митрополиту Макарію по поводу дѣла о ереси Башкина. „Государю преосвященному Макарію, митрополиту всея Руси, и всему освященному собору, благовѣщенскій попъ Селивестришко челомъ бьетъ. Писалъ тебѣ, государю, Иванъ Висковатый: Башкинъ съ Артемьемъ и Семеномъ въ совѣтѣ, а попъ Семенъ Башкину отецъ духовный и дѣла ихъ хвалитъ; да писалъ, что я, Сильвестръ, изъ Благовѣщенья образа старинные выносилъ, а новые своего мудрованія поставилъ: государь святый митрополитъ! Священникъ Семенъ про Матюшу мнѣ сказывалъ въ Петровъ постъ на заутренѣ: пришелъ на меня сынъ духовный необыченъ, и многіе вопросы мнѣ предлагаетъ недоумѣнные. И какъ государь изъ Кириллова пріѣхалъ, то я съ Семеномъ царю государю все сказали про Башкина, Андрей протопопъ и Алексѣй Адашевъ то слышали жъ. Да Семенъ же сказывалъ, что Матюша спрашиваетъ толкованья многихъ вещей въ апостолѣ, и самъ толкуетъ, только не по существу, развратно, и мы то государю сказали жъ. И государь велѣлъ Семену говорить Матюшѣ

чтобы онъ всѣ свои рѣчи въ постелѣ измѣнилъ, но тогда царь и государь въ Коломну поѣхалъ и то было позадержалось. А про Артемья, бывшаго троицкаго игумена, сказываетъ Иванъ, что мнѣ съ нимъ совѣту было: но до троицкаго игуменства я его вовсе не зналъ; а какъ избрали къ Троицѣ игумена, то Артемья привезли изъ пустыни; государь велѣлъ ему побыть въ Чудовѣ, а мнѣ велѣлъ къ нему приходить и къ себѣ велѣлъ его призывать и смотрѣть въ немъ всякаго нрава и духовной пользы. Въ то же время ученикъ его Порфирій приходилъ къ благовѣщенскому священнику Семену и велъ съ нимъ многія бесѣды пользы ради; Семенъ мнѣ пересказывалъ все, что съ нимъ говорилъ Порфирій: я усумнился, позвалъ Порфирія къ себѣ, дважды, трижды бесѣдовалъ съ нимъ довольно о пользѣ духовной, и все пересказалъ царю государю. Тогда царь государь, Богомъ дарованнымъ своимъ разумомъ и благоразсуднымъ смысломъ, ошибочное Порфиріево ученіе и въ учителѣ его Артеміи началъ примѣчать". Здѣсь, съ одной стороны, видна высокая степень довѣрія, которою пользовался Сильвестръ: его посылалъ царь къ Артемію испытать, годится ли послѣдній занять мѣсто троицкаго игумена; но, съ другой стороны, ясно видно, что Сильвестръ долженъ былъ обо всемъ докладывать Іоанну, и тотъ самъ распоряжался, какъ вести дѣло, самъ вникалъ въ него и своимъ разумомъ и смысломъ подмѣчалъ то, чего не могъ замѣтить Сильвестръ; когда Іоаннъ уѣзжалъ изъ Москвы, дѣла останавливались. Какъ же послѣ этого можно буквально принимать слова Іоанна и думать, что Сильвестръ владѣлъ государствомъ, оставляя ему одно имя царя? Всего страннѣе предполагать, чтобы человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ! Наконецъ, мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о поведеніи Іоанна относительно крымскаго хана послѣ сожженія Москвы Девлетъ-Гиреемъ, потомъ относительно короля шведскаго и особенно относительно Баторія. Непріятно поражаетъ насъ этотъ скорый переходъ отъ гордости къ униженію; мы готовы и по своимъ понятіямъ имѣемъ право видѣть здѣсь робость. Но мы не должны забывать разное положеніи, въ какихъ воспитываемся мы, и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ образованнаго

укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они и происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этихъ искусственныхъ укрѣпленій и сдерживаній и потому не стыдились рѣзкихъ переходовъ отъ одного чувства къ другому противоположному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые по степени образованія всего болѣе приближаются къ предкамъ. Притомъ, относительно Іоанна IV мы не должны забывать, что это былъ внукъ Іоанна III, потомокъ Всеволода III; если нѣкоторые историки заблагоразсудили представить его вначалѣ героемъ, покорителемъ царствъ, а потомъ человѣкомъ постыдно робкимъ, то онъ нисколько въ этомъ не виноватъ. Онъ предпринялъ походъ подъ Казань по убѣжденію въ его необходимости, подкрѣплялся въ своемъ намѣреніи религіознымъ одушевленіемъ, сознаніемъ, что походъ предпринятъ для избавленія христіанъ отъ невѣрныхъ; но вовсе не велъ себя Ахиллесомъ: сцена въ церкви на разсвѣтѣ, когда уже войска пошли на приступъ, сцена такъ просто и подробно разсказанная лѣтописцемъ, даетъ самое вѣрное понятіе объ Іоаннѣ, который является здѣсь вовсе не героемъ. Іоаннъ самъ предпринималъ походъ подъ Казань, потомъ подъ Полоцкъ, въ Ливонію, по убѣжденію въ необходимости этихъ походовъ, въ возможности счастливаго ихъ окончанія, и тотъ же самый Іоаннъ спѣшилъ, какъ можно скорѣе, прекратить войну съ Баторіемъ, ибо видѣлъ недостаточность своихъ средствъ для ея успѣшнаго веденія: точно такъ, какъ дѣдъ его, Іоаннъ III, самъ ходилъ съ войскомъ подъ Новгородъ, подъ Тверь, разсчитывая на успѣхъ предпріятія, и обнаружилъ сильное нежеланіе сразиться съ Ахматомъ, потому что успѣхъ былъ вовсе не вѣренъ. Таковы были всѣ эти московскіе или вообще сѣверные князья-хозяева, собиратели земли. *(Соловьевъ)*

Посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Кирилло-Бѣлозерскій монастырь такъ жаловался царю на одного старца, Александра: „Живетъ, государь, тотъ Александръ не по монастырскому чину: въ церковь не ходитъ, а строитъ пустыню и опустошаетъ монастырь; всякіе запасы

изъ погребовъ, изъ казны, изъ селъ беретъ къ себѣ въ пустыню. Держитъ онъ своихъ слугъ и лошадей, ѣздитъ съ саблями и ружницами, торгуетъ на себя солью. Пріѣдетъ онъ въ монастырь, начнетъ бранить игумена и братью: однихъ выгоняетъ и разсылаетъ въ дальнія земли; другихъ колетъ остномъ и бьетъ плетьми безъ совѣта игумена и старцевъ, на цѣпь и въ желѣза сажаетъ. Пьетъ онъ съ своими людьми, да грозитъ братіи, хочетъ сговаривать всѣхъ передъ тобою. Семь лѣтъ былъ онъ строителемъ на Москвѣ, а никакого отчета въ монастырской казнѣ не далъ*. При всеобщемъ господствѣ грубой силы, подобные случаи въ тогдашнее время, конечно, были не рѣдки. Но и сами старцы легко измѣняли строгій монастырскій уставъ въ угоду знатнымъ людямъ. Такъ, опальный бояринъ Шереметьевъ, сосланный въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, судя по словамъ Іоанна Грознаго, завелъ въ немъ пиры и угощенья. Задобренные имъ старцы докучали царю своимъ объ немъ ходатайствомъ; Іоаннъ Грозный отвѣчалъ на ихъ просьбы любопытнымъ посланіемъ, которое сохранилось до нашего времени. „Подобаетъ вамъ", пишетъ Грозный, „крѣпко держаться преданія чудотворца Кирилла, а не быть блудными, не бросать оружія Божія ради сластолюбія, не быть предателями, какъ Іуда. У васъ свои Анна и Каіафа Шереметьевъ и Хабаровъ... Отцы святые! допустите въ маломъ ослабу, произойдетъ большое зло. Если намъ благоволитъ Богъ у васъ постричься, то монастыря у васъ ужъ не найдемъ, а будетъ царскій дворъ. Тогда зачѣмъ и идти въ монахи, зачѣмъ говорить: отрицаюсь отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ. Кто пострижется, тотъ даетъ обѣтъ слушаться игумена и всей братіи. Но какъ Шереметьеву назвать монаховъ братьею? У него и десятый холопъ, что живетъ въ кельѣ, ѣстъ лучше братіи, которые ѣдятъ въ трапезѣ. Великіе свѣтильники — Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій, Пафнутій и многіе преподобные въ русской землѣ установили крѣпкое иноческое житіе, а бояре, пришедши къ вамъ, ввели свои любострастные уставы. Значитъ, не они у васъ постриглися, а вы у нихъ, не вы имъ учители и законоположители, а они вамъ. Да, Шереметева уставъ добръ — держитесь его, а Кирилловъ уставъ не хорошъ — оставьте его... Кириллъ чудотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ него Сергій, и каковъ былъ законъ, прочтите въ житіи [illegible], а потомъ одинъ ввелъ малую слабость, другіе [illegible]

пустили новыя слабости, и теперь что видимъ на Симоновѣ? Кромѣ немногихъ, остальные только по одеждѣ монахи, а все по мірскому дѣлается. Вы надъ Воротынскимъ поставили церковь: вотъ надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чудотворцемъ нѣтъ; Воротынскій въ церкви, а чудотворецъ за церковью!.. Прежде, когда мы въ молодости были въ Кирилловѣ монастырѣ и опоздали на ужинъ, то нашъ человѣкъ потребовалъ отъ подкеларника стерлядей и другой рыбы; подкеларникъ отвѣчалъ: „объ этомъ мнѣ приказу не было, а о чемъ былъ приказъ, то я и приготовилъ; теперь ночь, взять негдѣ; государя боюсь, а Бога надобно больше бояться". Такая у васъ тогда была крѣпость. А теперь у васъ Шереметьевъ сидитъ въ кельѣ, что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими чернецами, да ѣдятъ и пьютъ, что въ міру; а Шереметьевъ, невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ пастилы, коврижки и иные пряные, составные овощи, а за монастыремъ у него дворъ, на дворѣ запасы годовые всякіе, и вы молча смотрите на такое безчиніе. Нѣкоторые говорятъ, и вино горячее потихоньку приносили Шереметьеву въ келью; но по монастырямъ и фряжскія вина держать зазорно, не только что горячее! Это ли иноческое житіе? Или вамъ нечѣмъ было кормить Шереметьева, что у него особые годовые запасы? Милые мои! Прежде Кирилловъ монастырь многія страны пропитывалъ въ голодные годы, а теперь и въ хлѣбное время васъ самихъ кормитъ Шереметьевъ: безъ него вы всѣ умерли бы съ голоду! Хорошо ли, чтобъ въ Кирилловѣ было, какъ у Троицы, гдѣ митрополитъ Іоасафъ пировалъ съ клирошанами, и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ жили вельможи. То не путь спасенія, когда въ чернецахъ бояринъ не сострижетъ своего боярства, а холопъ не избудетъ холопства. При нашемъ отцѣ келарь былъ Нифонтъ, холопъ Ряполовскаго, да ѣдалъ съ одного блюда съ Бѣльскимъ, а теперь бояре по всѣмъ монастырямъ испразднили это братство... Когда рыболовъ Петръ и поселянинъ Іоаннъ Богословъ и всѣ двѣнадцать убогихъ станутъ судить сильныхъ царей, обладавшихъ вселенною, то какъ вамъ своего Кирилла съ Шереметьевымъ поставить? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у государя не былъ! Сергій, Кириллъ и другіе святые не гонялись за боярствомъ, да бояре за ними гонялись, и обители ихъ распространились. У Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ

[illegible] великое и молит[illegible] не построить. [illegible] и не часть ничего. А сказываете вы, что Шереметеву отъ хворости болѣзнь и ему нужно дать послабленіе, и пусть онъ лежитъ у себя одинъ съ келейникомъ. А сходятся къ нему на что, и пировать [illegible] въ келью на что? [illegible] въ Кирил[illegible] иноки [illegible] не держати. А нынѣ монастырю [illegible] все это безчиніе, [illegible] а если нужда, то [illegible] въ келью, какъ [illegible] кромѣ хлѣба, [illegible] рыбы да чаши квасу, а что сверхъ того, если вы [illegible] даете, то вы и давайте, сколько хотите, только [illegible] ли, а сходокъ и пировъ не было бы. Кому прилучится по нужѣ [illegible] бесѣды духовной, то прилучи не въ трапезное время, [illegible] и пища чтобъ въ это время не было; [illegible] къ нему приходило, то раздавать бы на всю братію, а не двумъ-тремъ, [illegible] и пристрастіе, и вы его въ кельѣ монастырскимъ [illegible]. А люди его за монастыремъ [illegible] бы [illegible] братьевъ съ грамотами, съ запасомъ, съ поминками, [illegible] два, три, и взявши отвѣтную грамоту, [illegible], такъ и ему будетъ покойно и монастырю безмятежно. Теперь вы присылали грамоты, отъ васъ намъ [illegible] нѣтъ [illegible] Шереметевъ: я писалъ вамъ, чтобъ Шереметевъ и Хабаровъ [illegible] въ трапезѣ съ братіей, а это приказывалъ для монастырскаго чину, а Шереметевъ поставилъ себѣ такъ бы въ [illegible]. [illegible] вамъ потому очень жаль Шереметева, и вы такъ [illegible] за него стоите, что братья его и до сихъ поръ не перестаетъ посылать въ Крымъ и наводить басурманъ на христіанъ? А Хабаровъ велитъ мнѣ перевести себя въ другой монастырь, а не ходили ему и его скверному житію, онъ мнѣ [illegible] наскучилъ. Иноческое житіе не игрушка. [illegible] нахъ, а седьмой монастырь мѣняетъ! Когда былъ въ міру, то только и зналъ, что образа окладывать, книги въ бархатъ переплетать съ застежками и жуками серебряными, [illegible] убирать, жить [illegible], келью ставить, четки [illegible] нахъ, а теперь вмѣстѣ съ братіею ѣсть не хочетъ. Надобно [illegible] не на скрижаляхъ каменныхъ, а на скрижаляхъ серд[illegible] [illegible], а Хабаровъ [illegible] какъ себѣ хочетъ [illegible] и [illegible]. А что Шереметевъ говоритъ [illegible] мнѣ [illegible] то [illegible] не [illegible]. Нашъ [illegible] я къ вамъ мало [illegible] любви [illegible] написано было. Больше [illegible]

нію, а впредь бы вы о Шереметевѣ и о иныхъ такихъ же безлѣпицахъ намъ не докучали: намъ отвѣта не дати".

Это замѣчательное посланіе объясняетъ намъ болѣе нравы того вѣка, чѣмъ характеръ Грознаго. Здѣсь, какъ и въ другихъ его сочиненіяхъ, видна обыкновенная его наклонность поучать, сказать кстати красное словцо, выставить свой умъ; видна подозрительность, съ какою онъ старается уединить опальныхъ бояръ, удаляя отъ нихъ всѣхъ людей, съ какою готовъ упрекать даже преданныхъ ему монаховъ въ сочувствіи измѣнникамъ. Эти опальные бояре, насильно постригаемые въ чернецы, конечно, послѣ роскошной московской жизни, не легко могли привыкнуть къ монастырской трапезѣ, и очень возможно, что кирилловскіе старцы, также изъ уваженія къ заслугамъ Шереметьева и Хабарова, посѣщали ихъ въ кельѣ и ходатайствовали о нихъ передъ Грознымъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что тотъ недостатокъ равенства, то измѣненіе старинныхъ обычаевъ, на которые указываетъ Грозный, существовали въ его время. Изъ его же словъ явствуетъ, что монастыри встарину привлекали строгою постническою жизнью: были люди, искавшіе подвиговъ, готовые умерщвлять свою плоть и отказываться отъ всѣхъ выгодъ жизни. Такіе люди встрѣчались и теперь, но обстоятельства измѣнились. Мѣсто, занимаемое въ государевой службѣ, и знатность рода получили особое значеніе въ Московскомъ государствѣ; въ монастыряхъ, часто посѣщаемыхъ боярами и князьями, естественно утверждались обычаи московской жизни, а время Грознаго, когда надо всѣмъ господствовала опричнина, вовсе не было благопріятно для того, чтобы дѣйствовать, несмотря на лица. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ богатствами, которыя пріобрѣтали монастыри, исчезла прежняя простота нравовъ; нѣкоторая роскошь и многіе поводы къ соблазну, къ отступленію отъ древнихъ уставовъ возникли сами собою: уже Іоаннъ Грозный ставитъ въ образецъ монастырскаго нищенства „кромѣ хлѣба звено рыбы да чаша квасу", но древніе пустынножители вкушали одну воду, да и то въ мѣру. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь не могъ считаться бѣднымъ. Отецъ Іоанна Грознаго, Василій, далъ въ этотъ монастырь 1000 руб. на покупку села; самъ Іоаннъ пожертвовалъ 500 руб. на поминъ своихъ дочерей и подарилъ двѣ вотчины по душѣ боярина Бѣльскаго. Другія лица также дѣлали значительные вклады

Кирилло-Бѣлозерскій монастырь долгое время имѣлъ право торговать на 10.000 пудовъ соли, что приносило доходу до 600 руб. въ годъ (около 2000 нынѣшнихъ).

Воробьевъ.

Дѣятельность іезуитовъ въ западно-русскомъ краѣ.

Въ 1564 г. іезуиты водворились въ Польшѣ, куда приглашены были епископомъ-кардиналомъ Станиславомъ Гозіемъ, и гдѣ въ самое короткое время успѣли показать себя съ самой выгодной стороны въ борьбѣ съ протестантами. Этотъ-то Гозій, который родомъ былъ изъ Вильны, человѣкъ весьма умный и просвѣщенный, отличавшійся величайшею приверженностію къ папству, бывшій нѣсколько времени предсѣдателемъ на Тридентійскомъ соборѣ и пользовавшійся высокимъ авторитетомъ во всемъ католическомъ мірѣ, далъ совѣтъ виленскому біскупу Валеріану Протасовичу вызвать въ Вильну іезуитовъ для противодѣйствія усилившимся въ ней кальвинистамъ и другимъ сектантамъ. Протасовичъ съ радостію послѣдовалъ совѣту и, купивъ домъ для помѣщенія іезуитовъ, просилъ Гозія о присылкѣ ихъ въ Вильну. Когда посланные Гозіемъ іезуиты приближались къ Вильнѣ, Протасовичъ, опасаясь, чтобы на нихъ не сдѣлали здѣсь нападенія еретики, отправилъ навстрѣчу прибывшимъ собственный экипажъ и отрядъ вооруженныхъ слугъ, подъ охраною которыхъ достойные ученики Лойолы и въѣхали въ литовскую столицу. Это было въ сентябрѣ 1569 г., вскорѣ послѣ того, какъ окончился пресловутый люблинскій сеймъ (10 янв. —12 авг. 1569 г.), на которомъ состоялось окончательное соединеніе Литвы съ Польшей. Такимъ образомъ въ одинъ и тотъ же годъ совершились два роковыя событія, имѣвшія гибельнѣйшія послѣдствія для всего западно-русскаго края и существовавшей въ немъ православной Церкви. На люблинскомъ сеймѣ утверждена такъ называемая [illegible] Литвы съ Польшей; но то была собственно не унія, не соединеніе двухъ государствъ на равныхъ правахъ, а подчиненіе и порабощеніе одного государства другому, литовскаго польскому, — порабощеніе, которое повело къ постепенному ослабленію и подавленію русской народности и русскаго языка

въ литовскомъ государствѣ, бывшихъ тогда здѣсь господствующими, хотя при заключеніи люблинской уніи и было постановлено, что литовцы и русскіе, наравнѣ съ поляками, будутъ всегда пользоваться всѣми своими правами, гражданскими и религіозными, и что для русскихъ всѣ грамоты и указы будутъ всегда писаться, всякое дѣлопроизводство въ судахъ будетъ всегда совершаться не иначе, какъ на русскомъ языкѣ. Съ прибытіемъ іезуитовъ въ Вильну, вновь начались почти уже забытыя попытки насадить въ Литвѣ такъ называемую *церковную унію*, которая, наконецъ, и водворилась здѣсь, при содѣйствіи іезуитовъ и повела къ постепенному подавленію православія во всемъ западно-русскомъ краѣ, и сопровождалась непрерывнымъ рядомъ притѣсненій и бѣдствій для православныхъ, не соглашавшихся принять ее, а затѣмъ и для самихъ уніатовъ.

Домъ, въ который ввелъ бискупъ Валеріанъ іезуитовъ, представлялъ удобное помѣщеніе для тридцати членовъ этого ордена, и былъ совершенно приспособленъ для устройства въ немъ іезуитскаго коллегіума. Кромѣ того, Валеріанъ купилъ и подарилъ имъ еще два дома, находившіеся вблизи, съ обширными площадями, назначилъ на содержаніе самаго коллегіума по двѣ тысячи копъ литовскихъ грошей изъ своихъ имѣній, а на содержаніе при коллегіумѣ гимназіи опредѣлилъ нѣсколько своихъ деревень съ ихъ доходами. Когда все уже было подготовлено для открытія обоихъ этихъ заведеній, пріѣхалъ (въ іюлѣ 1570 г.), по приказанію іезуитскаго генерала Франциска Борджія, провинціалъ австрійскихъ и польскихъ іезуитовъ Лаврентій Магій. При немъ находился Станиславъ Варшевицкій, сынъ варшавскаго кастеляна, получившій отличное образованіе въ виттембергскомъ университетѣ, не разъ исполнявшій должность секретаря при королѣ Сигизмундѣ Августѣ и его посланника къ разнымъ европейскимъ дворамъ, а съ 1567 г. самый ревностный іезуитъ, славный своею ученостью и краснорѣчіемъ. Открытіе іезуитскаго коллегіума и гимназіи Магій совершилъ съ особенною торжественностію, въ присутствіи бискупа Валеріана, его капитула и многочисленнаго духовенства, — при чемъ какъ сами іезуиты, такъ и ихъ ученики говорили рѣчи и стихи на языкахъ латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ. Число братьевъ іезуитовъ въ новооткрытомъ коллегіумѣ простиралось уже до 26-ти. Отъѣзжая изъ Вильны, Магій назна-

чилъ ректоромъ этого коллегіума и гимназіи Станиславъ Варшевицкаго.

Школа всегда была въ рукахъ іезуитовъ самымъ могущественнымъ орудіемъ для ихъ пропаганды. Но открытая въ Вильнѣ гимназія ихъ вначалѣ почти не имѣла учениковъ. Православные, естественно, смотрѣли на нее съ подозрѣніемъ и не пускали туда своихъ дѣтей; у протестантовъ были свои гимназіи и школы въ Вильнѣ и другихъ мѣстахъ; сами католики предпочитали свои прежнія училища, особенно находившіяся при виленскомъ каѳедральномъ соборѣ св. Станислава. Бискупъ Валеріанъ написалъ окружное посланіе ко всей своей паствѣ, въ которомъ восхвалялъ ученость о. іезуитовъ и рекомендовалъ всѣмъ основанную ими гимназію. Мало-по-малу, когда въ Вильнѣ стали привыкать къ іезуитамъ, когда увидѣли блестящіе успѣхи ихъ учениковъ, особенно въ латинскомъ языкѣ, и узнали, что дѣтей бѣдныхъ родителей іезуиты обучаютъ у себя безплатно, ихъ гимназія начала наполняться и въ нее посылали своихъ дѣтей даже православные. Въ томъ же 1570 году іезуиты успѣли воспользоваться и другимъ своимъ обычнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ иновѣрцами: разумѣемъ диспуты. Поводъ къ тому подали сами иновѣрцы, которыхъ было тогда множество въ Вильнѣ. Между ними наиболѣе славились своею ученостію два кальвинскихъ учителя: Андрей Трицезій и особенно Андрей Воланъ, съ юныхъ лѣтъ бывшій секретаремъ при князѣ Николаѣ Радзивиллѣ Черномъ и издавшій много ученыхъ сочиненій. Однажды оба эти лица, съ большою толпою лютеранъ и кальвинистовъ, пришли въ коллегіумъ къ іезуитамъ и горделиво вызвали ихъ на пренія о вѣрѣ, предлагая вопросы о таинствѣ евхаристіи. Іезуиты приняли вызовъ и прежде всего спросили своихъ противниковъ: должно ли, по ихъ мнѣнію, вѣрить тому, чему учили св. отцы Церкви? Получивъ утвердительный отвѣтъ, принесли множество книгъ, начали приводить свидѣтельства отцовъ, особенно Августина и Амвросія, касавшіяся избранной темы, — завязался жаркій споръ, переходили съ предмета на предметъ, и дѣло окончилось ничѣмъ. Недовольные тѣмъ, что это преніе было какъ бы домашнее, происходило въ стѣнахъ коллегіума, братія іезуиты сочли нужнымъ вызвать своихъ противниковъ на публичную борьбу, написали на бумагѣ нѣсколько богословскихъ тезисовъ для диспута, въ томъ числѣ и о таинствѣ евхаристіи, и при-

вѣсили тезисы на дверяхъ свято-іоанновскаго костела, обращая свой вызовъ ко всѣмъ проходящимъ. Въ назначенное для диспута время на площади предъ костеломъ собралось множество жителей Вильны и между ними кальвинистовъ и другихъ сектантовъ. Пришли и отцы іезуиты; но изъ противниковъ никто не выступилъ для состязанія съ ними. Тогда находчивые отцы рѣшились произвесть диспутъ сами между собою, раздѣлившись на разныя партіи: одни изъ нихъ отстаивали ученіе Кальвина, другіе Лютера и Цвинглія, третьи Арія и Социна, а четвертые ученіе римской церкви. Въ такомъ видѣ публичный диспутъ продолжался три дня сряду, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей всѣхъ исповѣданій. Участвовавшіе въ спорѣ, казалось, защищали каждый свои мнѣнія съ искреннимъ убѣжденіемъ и ревностію; но споръ всегда оканчивался торжествомъ римской Церкви и посрамленіемъ иновѣрцевъ. Подобными диспутами, часто потомъ возобновлявшимися, іезуиты до крайности унижали, въ глазахъ толпы, иновѣрныя исповѣданія и ихъ проповѣдниковъ и привлекали къ себѣ всеобщее уваженіе и сочувствіе.

Кромѣ указанныхъ двухъ средствъ, школы и диспутовъ, іезуиты всегда и вездѣ умѣли искусно дѣйствовать для своихъ цѣлей и другими средствами, собственно религіозными, каковы: богослуженіе, проповѣдь и исповѣдь. Этими средствами воспользовались они и въ Вильнѣ. Съ самаго своего прибытія они начали домогаться, чтобы имъ былъ отданъ архипресвитеріальный костелъ св. Яна (Іоанна), находившійся возлѣ ихъ дома, въ центрѣ города. Епископъ Валеріанъ вполнѣ соглашался на ихъ желаніе; но настоятель костела Петръ Ронзій, родомъ испанецъ, нерасположенный къ братству Іисуса, не хотѣлъ уступать своей церкви и оставался непреклоннымъ, несмотря на всѣ увѣщанія и приказанія епископа. Обратились къ королю, и король пожаловалъ грамоту, которою передавалъ костелъ іезуитамъ. Вскорѣ, впрочемъ, послѣдовала и смерть Ронзія (1571). Тогда іезуиты, овладѣвъ костеломъ, поспѣшили его обновить и украсить, устроили въ немъ новые престолы, выписали для него прекрасныя иконы и распятія, завели богатѣйшую ризницу и всю церковную утварь, отличныя органы и хоръ пѣвчихъ, и начали совершать богослуженіе съ такимъ великолѣпіемъ, какого прежде никто не видалъ въ Вильнѣ. Самъ престарѣлый епископъ являлся къ нимъ на

служеніе въ большіе праздники со всѣмъ своимъ капитуломъ. Все это производило на народъ неотразимое впечатлѣніе. Толпы богомольцевъ наполняли костелъ не только въ праздники, но и въ простые дни, такъ что отцы іезуиты, ежедневно совершая въ немъ для приходящихъ по нѣскольку службъ, выбивались изъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый день, утромъ и вечеромъ, по распоряженію Варшевицкаго, раздавались въ костелѣ проповѣди, то на польскомъ, то на латинскомъ, то на нѣмецкомъ, то на итальянскомъ языкахъ. Самъ Варшевицкій, обладавшій ораторскимъ талантомъ, говорилъ весьма часто, и вліяніе его проповѣдей было до того сильно, что иногда весь народъ въ церкви рыдалъ. Въ 1573 г. прибылъ въ Вильну еще весьма даровитый іезуитъ, бывшій прежде каноникомъ львовскимъ, докторъ философіи Петръ Скарга, превосходившій самого Варшевицкаго необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Проповѣди новаго духовнаго витіи съ перваго же дня начали привлекать массы слушателей всѣхъ исповѣданій и имѣли громадный успѣхъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ проповѣдей и пышныхъ церемоній, совершавшихся въ костелѣ, не только латиняне, но часто и иновѣрцы толпами окружали потомъ конфессіоналы іезуитскихъ духовниковъ, и число жаждавшихъ исповѣдаться было иногда такъ велико, что іезуиты приглашали себѣ на помощь другихъ монаховъ и ксендзовъ. Всѣ исповѣдавшіеся у іезуитовъ принимали отъ нихъ и причащеніе, а затѣмъ вносились въ списки правовѣрующихъ и считались уже добрыми католиками.

Скарга, быстро сдѣлавшійся знаменитостью въ Вильнѣ, придумалъ еще средство для успѣховъ своего общества: онъ учредилъ (1573) при свято-іоанновскомъ костелѣ „братство тѣла Господня или таинства евхаристіи“, по идеѣ прямо направленное противъ протестантовъ. Въ это братство, которое не замедлили утвердить и папа и король, первые вписались бискупъ Валеріанъ и кардиналъ Гозій, а изъ свѣтскихъ виленскій войтъ, проконсулъ, бурмистръ и затѣмъ многіе другіе, духовные и міряне. Въ костелѣ устроена была особая часовня во имя тѣла Господня. Скарга выписалъ для нея изъ Рима большое распятіе прекрасной работы. Варшевицкій, ѣздившій (1574) по приказанію папы въ Швецію для убѣжденія короля Іоанна принять латинство, привезъ оттуда для часовни мощи св. Феофила, которыя и положены въ ней въ серебряной ракѣ

Члены братства дѣлали ежегодныя приношенія въ братскую кружку и принимали участіе въ церковныхъ церемоніяхъ и крестныхъ ходахъ, съ своимъ особымъ хоромъ пѣвчихъ, въ своихъ особыхъ костюмахъ, съ своимъ особымъ знаменемъ, распятіемъ, фонарями, бубенчиками, и тѣмъ увеличивали пышность совершавшихся обрядовъ и увлекали толпу. Но главная обязанность братчиковъ состояла въ томъ, чтобы всѣми мѣрами содѣйствовать достиженію цѣлей іезуитской пропаганды. Нельзя не упомянуть здѣсь и объ одномъ обстоятельствѣ, повидимому, случайномъ, которое, однакожъ, весьма много послужило въ пользу іезуитовъ. Въ 1571 г. въ Вильнѣ свирѣпствовало страшное повѣтріе, такъ что всѣ, кто могъ, бѣжали изъ города. Уѣхалъ и біскупъ съ своимъ капитуломъ, разъѣхались и всѣ почти ксендзы. Но Варшевицкій съ нѣсколькими товарищами не покидалъ своего коллегіума. Они продолжали совершать церковныя службы и проповѣдовать, посѣщали и утѣшали больныхъ, помогали бѣднымъ, ухаживали за умирающими, исповѣдывали ихъ и пріобщали. Болѣе двадцати другихъ братій обходили съ тою же цѣлію окрестныя села и деревни и вездѣ являлись съ своею помощію, вещественною и духовною. Нѣкоторые изъ нихъ сами притомъ заразились у одра больныхъ и умиравшихъ и поплатились жизнію. Такіе подвиги самоотверженія и христіанской любви не могли не подѣйствовать глубоко на мѣстное народонаселеніе и не возбудить въ немъ горячей признательности и расположенности къ отцамъ іезуитамъ.

Пріобрѣтши расположенность виленскихъ гражданъ, іезуиты начали мало-по-малу входить въ ихъ дома, проникать въ ихъ семейную жизнь; а такіе іезуиты, какъ Варшевицкій и Скарга, по самому своему образованію и общественному положенію, легко пролагали себѣ путь въ дома богатыхъ людей и магнатовъ. Вездѣ, куда ни являлись отцы, они старались заводить рѣчь о предметахъ вѣры, и своею ученостію, краснорѣчіемъ, иногда ловкими и побѣдоносными состязаніями съ иновѣрцами, дѣйствовали на совѣсть слушателей и увлекали ихъ сердца. Жилъ въ Вильнѣ родной братъ знаменитаго кардинала Гозія, по имени Ульрихъ, человѣкъ весьма богатый, но упорный кальвинистъ. Всѣ усилія кардинала обратить его къ римской вѣрѣ оставались тщетными. Но Варшевицкій своими бесѣдами успѣлъ поколебать этого кальвиниста, и онъ сдѣлался като-

лизмъ. Еще важнѣе было обращеніе Яна Іеронимовича Ходкевича, маршалка литовскаго, державцы жмудскаго. Онъ былъ внукъ основателя супрасльскаго православнаго монастыря и самъ много лѣтъ оставался въ православіи, а совратившись въ кальвинство, считался однимъ изъ главныхъ его опоръ и покровителей. Варшевицкій близко познакомился съ этимъ Ходкевичемъ еще въ виттенбергскомъ университетѣ, гдѣ они вмѣстѣ воспитывались, и, поселившись въ Вильнѣ, началъ часто посѣщать домъ своего бывшаго товарища. Всѣ усилія хитраго іезуита были направлены къ тому, чтобы привлечь на свою сторону такого знатнаго вельможу; но послѣдній не поддавался и, желая осязательнѣе убѣдиться, какая вѣра истинная, пригласилъ къ себѣ лучшихъ протестанскихъ богослововъ и предложилъ имъ вступить въ преніе съ Варшевицкимъ и другими іезуитами о таинствѣ евхаристіи. Этотъ домашній диспутъ возобновлялся нѣсколько разъ и иногда продолжался сряду до пяти часовъ. Наконецъ, Ходкевичъ призналъ протестантовъ побѣжденными, попросилъ себѣ латинскаго катихизиса, и чрезъ нѣсколько дней принесъ въ руки папскаго нунція, кардинала Коммендонія, свое исповѣданіе вѣры, совершенно латинское, торжественно принялъ (1572 г.) католицизмъ и актъ своего обращенія велѣлъ напечатать и распространить по всему краю. Вскорѣ іезуиты торжествовали новую и пріятнѣйшую для нихъ побѣду. Главный врагъ католицизма въ Литвѣ и главный насадитель здѣсь кальвинизма, князь Николай Радзивилъ Черный (+ 1565 г.) оставилъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ Николаю-Христофору было 16 лѣтъ, Юрію 9, Альберту 7 и Станиславу 6. Всѣ они были реформатскаго исповѣданія и воспитывались сначала въ виленской школѣ, а потомъ въ лейпцигской академіи. За старшимъ изъ нихъ Николаемъ, прозваннымъ Сироткою, іезуиты начали слѣдить еще до смерти его отца, и незамѣтно окружали неопытнаго юношу повсюду, во время его путешествія по Франціи и Италіи, стараясь колебать его вѣру. По возвращеніи на родину, онъ подпалъ здѣсь подъ вліяніе знаменитаго Скарги, который своими проповѣдями и увѣщаніями окончательно увлекъ его и заставилъ принять латинство (1574 г.). Второй братъ, Юрій, по возвращеніи изъ лейпцигской академіи, нашелъ въ отцовскомъ домѣ большія перемѣны: здѣсь, вмѣсто кальвинской молельни, существовала уже великолѣпная кат-

ническая часовня, и главное общество составляли отцы iезуиты. Юрiй не разъ вступалъ съ ними въ споры, но чувствовалъ себя всегда побѣжденнымъ и скоро послѣдовалъ примѣру брата. Юрiй отправился въ Римъ, а престарѣлый бискупъ виленскiй Протасевичъ, по совѣту iезуитовъ, объявилъ (17 мая 1574) въ своемъ капитулѣ, что желаетъ назначить князя Юрiя Радзивила, намѣревающагося вступить въ духовное званiе, своимъ коадъюторомъ, и черезъ годъ (1 iюля 1575) папа Григорiй XIII дѣйствительно опредѣлилъ этого юношу, едва имѣвшаго девятнадцать лѣтъ, виленскимъ епископомъ-коадъюторомъ. Въ этомъ году приняли католичество и два младшiе брата, Альбертъ и Станиславъ. Обращенiе къ латинству четырехъ братьевъ Радзивиловъ имѣло особенную важность уже потому, что они принадлежали къ знаменитѣйшему тогда роду литовскихъ вельможъ и своимъ примѣромъ могли увлечь многихъ, а еще болѣе потому, что, владѣя многочисленными имѣнiями, въ которыхъ отецъ ихъ старался утвердить кальвинство, они немедленно изгнали изъ этихъ имѣнiй реформатскихъ пасторовъ и ихъ церкви передали ксендзамъ. Совершилось тогда, подъ влiянiемъ iезуитовъ, обращенiе къ латинству и другихъ менѣе знатныхъ лицъ.

Сначала дѣятельность литовскихъ iезуитовъ сосредоточивалась въ Вильнѣ и направлена была преимущественно на подавленiе протестанства. Затѣмъ они успѣли утвердиться и въ другихъ мѣстахъ западно-русскаго края, и въ нѣкоторыхъ почти исключительно для совращенiя православныхъ. Въ августѣ 1579 г. Стефанъ Баторiй осадилъ Полоцкъ. При королѣ и войскѣ постоянно находились iезуиты. Сначала осада шла неудачно отъ постоянныхъ проливныхъ дождей. По совѣту iезуитовъ, король приказалъ служить въ лагерѣ молебствiя, а самъ далъ обѣтъ основать въ Полоцкѣ, какъ только онъ будетъ взятъ, iезуитскую коллегiю. По взятiи города (27 сент.), Баторiй, въ благодарность Богу за одержанную побѣду, дѣйствительно тотчасъ же основалъ тамъ коллегiю и костелъ для iезуитовъ, отдалъ имъ во владѣнiе всѣ русскiя церкви и монастыри въ Полоцкѣ, именно восемь церквей и семь монастырей, большею частiю разоренныхъ, а вмѣстѣ и всѣ принадлежавшiя имъ имѣнiя. Нѣкоторыя изъ этихъ имѣнiй были расхищены въ предшествовавшее смутное время, а три находились въ пожизненномъ владѣнiи смоленскаго кастеляна За-

ковича; но король велѣлъ назначить коммиссію, которая раз-
слѣдовала дѣло и возвратила іезуитамъ одиннадцать селъ, а въ 1583 г. къ нимъ присоединены королевскою грамотою и три села, бывшія во власти Зеновича. Новою своею грамотою (11 апр. 1584) король уступилъ іезуитамъ и разныя дани, которыя прежде шли съ пожалованныхъ имъ крестьянъ въ королевскую казну и на земскія повинности. Варшавскій сеймъ 1585 г. утвердилъ за полоцкими іезуитами всѣ подаренныя имъ православныя церкви, монастыри и ихъ имѣнія. Такое дѣйствіе Стефана Баторія было вопіющею несправедливостью. Жители Полоцка почти всѣ были православные, и онъ оставилъ имъ только одну церковь, каѳедральную, софійскую, и за однимъ только владыкою архіепископомъ утвердилъ всѣ прежнія его имѣнія; а всѣ прочія церкви и монастыри съ ихъ имѣніями насильно отнялъ у православныхъ и отдалъ іезуитамъ. И для чего отдалъ? Для того, какъ самъ говоритъ въ грамотѣ (20 янв. 1582), чтобы они основали семинарію для воспитанія юношества, распространяли въ схизматическихъ странахъ католическую вѣру, устрояли латинскіе приходы и, слѣд., искореняли православіе. Очень естественно, если православные жители Полоцка относились вначалѣ къ іезуитамъ враждебно и противодѣйствовали имъ, какъ только могли. Открытая іезуитами семинарія или школа едва имѣла до пяти учениковъ, а вскорѣ въ ней находились уже многіе ученики и въ числѣ ихъ даже дѣти мѣстнаго православнаго владыки. Въ 1582 г., получивъ подъ свою власть Ливонію, Баторій лично посѣтилъ городъ Ригу, сопровождаемый іезуитами, и, принимая мѣры къ возстановленію между жителями страны католицизма, основалъ и въ Ригѣ іезуитскую коллегію, при церкви св. Іакова. Эта коллегія, при которой скоро открыта была и школа, назначалась прежде всего для привлеченія къ латинству мѣстныхъ протестантовъ, но могла оказывать вліяніе и на православныхъ, которые имѣли въ самой Ригѣ свою церковь св. Николая, находившуюся въ вѣдомствѣ полоцкаго архіепископа. Третью коллегію іезуитовъ и при ней школу основалъ (1585) въ своемъ имѣніи Несвижѣ князь Николай Христофоръ Радзивиллъ и надѣлилъ ее богатыми имѣніями. Изъ Несвижа, который находился въ новогрудскомъ воеводствѣ, іезуиты часто предпринимали путешествія по сосѣднимъ городамъ и особенно въ Новгородокъ, и въ немъ одномъ обратили въ латинство

тридцати человѣкъ православныхъ. Слѣдуетъ упомянуть и о четвертой коллегіи іезуитской, которую основала еще въ 1576 г., по совѣту Скарги, тогда пока львовскаго каноника, одна польская магнатка, Софія Одровонжъ, въ своемъ городѣ Ярославлѣ, потому что городъ этотъ, находившійся въ Галиціи, въ перемышльской епархіи (нынѣ мѣстечко Люблинской губерніи), былъ окруженъ сплошнымъ православнымъ народонаселеніемъ. Ярославская коллегія имѣла свои миссіи, при латинскихъ бискупахъ, въ городахъ Львовѣ и Луцкѣ, гдѣ также много обитало православныхъ, а ярославская школа, существовавшая при коллегіи, по своему устройству принадлежала къ числу высшихъ.

Кромѣ коллегіи и другихъ учебныхъ заведеній, іезуиты старались учреждать церковныя братства. Старшее изъ нихъ братство тѣла Господня или евхаристіи, основанное по мысли Скарги, какъ мы видѣли, еще въ 1573 г. при костелѣ св. Яна, ежегодно совершало въ Вильнѣ свою церковную процессію, при особомъ участіи всѣхъ отцовъ іезуитовъ и ихъ многочисленныхъ питомцевъ, и всегда привлекало ею толпы народа всѣхъ вѣроисповѣданій. Но никогда эта процессія не отличалась такою торжественностію, пышностію и обстановкою, какъ въ 1586 г., когда она привлекла къ себѣ несмѣтное множество разновѣрцевъ даже изъ окрестныхъ мѣстъ Вильны и произвела на нихъ такое впечатлѣніе, что многіе родители побрали своихъ дѣтей изъ протестантской школы и отдали въ іезуитскую, а изъ взрослыхъ, вскорѣ за тѣмъ, болѣе трехсотъ человѣкъ приняли латинскую вѣру. Въ томъ же 1586 г. учреждено при іезуитскомъ свято-яновскомъ костелѣ братство Маріи (sodalitas Mariana), вскорѣ распространившееся по всей странѣ. А въ 1588—1589 г., когда въ Вильнѣ свирѣпствовало повѣтріе, образовалось при этомъ же костелѣ братство милосердія Господня, и члены братства, преимущественно іезуиты, съ великимъ усердіемъ посѣщали больныхъ, безъ различія вѣроисповѣданія, въ домахъ и госпиталяхъ, кормили бѣдныхъ и убогихъ у своего клаштора, утѣшали и напутствовали умирающихъ и не упускали случаевъ обращать облагодѣтельствованныхъ ими иновѣрцевъ къ своему исповѣданію: въ это время однихъ православныхъ они обратили пятьдесятъ три человѣка.

Іезуиты не ограничивались заведеніемъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ коллегій и школъ, устроеніемъ братствъ, но дѣйство-

[illegible] на иновѣрцевъ, и [illegible] еще
словомъ устнымъ и печатнымъ. Проповѣдовали не только въ церквахъ, но и на площадяхъ, на торжищахъ и на другихъ общественныхъ собраніяхъ, всегда и вездѣ искали случаевъ вызывать православныхъ на открытыя состязанія о предметахъ вѣры, писали и распространяли между православными сочиненія для обращенія ихъ въ латинство. Въ послѣднемъ отношеніи наиболѣе всѣхъ показалъ ревности Антоній Поссевинъ. Во время своего непродолжительнаго пребыванія въ Вильнѣ онъ издалъ на русскомъ языкѣ нѣсколько своихъ латинскихъ катихизисовъ, хотя, какъ самъ сознавался впослѣдствіи, русскіе типографщики — „схизматики“ посмѣялись надъ нимъ и, при печатаніи книгъ, внесли въ нихъ разныя заблужденія и все исправили катихизисы по-своему. А чего не успѣлъ сдѣлать самъ, то совѣтовалъ сдѣлать другимъ. Онъ совѣтовалъ прежде всего издать на латинскомъ языкѣ два извлеченія изъ исторіи или апологіи флорентійскаго собора, которые приписывали тогда латиняне уважаемому православными цареградскому патріарху Геннадію Схоларію. Совѣтовалъ далѣе напечатать на русскомъ языкѣ катихизисъ Петра Канизія и такъ называемый римскій катихизисъ, сократить и издать на русскомъ языкѣ сочиненіе Скарги о единствѣ Церкви и нѣкоторыя изъ житій святыхъ, составленныхъ Скаргою, и [illegible] раздавать русскимъ попамъ для чтенія въ церквахъ; пересмотрѣть и исправить, разумѣется въ латинскомъ духѣ, русскія евангелія, псалмы, молитвы, минеи и другія богослужебныя книги, — и для подобныхъ изданій завести въ Вильнѣ іезуитамъ печать. Не знаемъ, всѣ ли эти совѣты Поссевина исполнились, но нѣкоторые дѣйствительно исполнились.

Пр. Макарій.

Вліяніе іезуитовъ на просвѣщеніе въ Польшѣ.

Вліяніе іезуитовъ на просвѣщеніе въ Польшѣ около двухъ столѣтій времени (отъ конца XVI до второй половины XVIII столѣтія) и такъ рѣшительно, что и мѣстные польскіе ученые и писатели не могли не обратить на него своего особаго вниманія, и разработали его до такой степени, что въ настоящее время вопросъ объ іезуитахъ въ Польшѣ можно считать окончательно рѣшеннымъ. [illegible]

и будутъ открыты какіе-нибудь матеріалы по этому предмету, то они все-таки не въ состояніи измѣнить выводовъ, находимыхъ въ изданныхъ донынѣ трудахъ польскихъ ученыхъ.

Въ концѣ XVI столѣтія реформація въ Польшѣ распространялась все болѣе и болѣе, и католическіе епископы, въ видахъ огражденія и спасенія католичества, рѣшились прибѣгнуть къ помощи іезуитскаго ордена, тогда еще недавно основаннаго, но уже успѣвшаго пріобрѣсти извѣстность своею ревностью и искусствомъ въ борьбѣ съ иновѣрцами и въ воспитаніи молодежи въ видахъ пользы католической теократіи. Варминскій епископъ и кардиналъ Станиславъ Гозіушъ, во время пребыванія на тридентскомъ соборѣ, имѣлъ случай познакомиться съ нѣкоторыми членами іезуитскаго ордена, и ему-то принадлежитъ мысль о настоятельной необходимости въ іезуитахъ въ тогдашней Польшѣ. Іезуиты были вызваны Гозіушемъ въ Брунсбергъ въ 1564 году, и черезъ пять лѣтъ открыли тамъ первую свою школу.

По прибытіи въ Польшу, сыны Лойолы прежде всего хлопотали о привлеченіи на свою сторону знатныхъ благодѣтелей и благодѣтельницъ, которые бы своими пожертвованіями и приношеніями могли обезпечить новыхъ пришельцевъ. Такихъ благотворителей и благодѣтельницъ нашлось въ Польшѣ не малое количество. Доротея Барзина, жена краковскаго воеводы, славившаяся своею набожностью и готовностью на благочестивые подвиги, предалась душою и тѣломъ іезуитамъ, а за ней явилось у нихъ множество адептовъ изъ прекраснаго пола.

Іезуиты обращали особенное вниманіе на молодежь, стараясь привлечь на свою сторону всѣхъ, кто хоть сколько-нибудь отличался знатностью происхожденія и талантами. Скоро іезуиты одержали рѣшительно верхъ надъ туземными учителями, и Рѣчь Посполитая, отказавъ имъ въ 1635 г. въ учрежденіи школы въ Краковѣ, гдѣ уже существовалъ старѣйшій изъ польскихъ университетовъ, въ то же время не только подтвердила всѣ прочія іезуитскія школы въ Польшѣ и Литвѣ, но и приняла ихъ подъ особенное свое покровительство. Этого только и нужно было іезуитамъ, такъ какъ подобное постановленіе предавало въ ихъ руки все просвѣщеніе страны.

Обыкновенно въ іезуитскихъ коллегіумахъ школы дѣлились на пять классовъ, изъ которыхъ три низшихъ были грамматическіе: инфима, грамматика и синтаксисъ, и два высшихъ

поэзія и реторика. Въ болѣе значительныхъ коллегіумахъ присоединялись классы философіи и богословія. Изъ этого раздѣленія школъ уже видно, что въ нихъ главное и видное мѣсто занимали грамматика, поэзія и реторика, всѣ же прочія науки были тамъ второстепенными, и на нихъ не обращалось много вниманія. Грамматику преподавали очень долго и не столько для ознакомленія учениковъ съ составомъ и свойствами древнихъ языковъ, сколько для пріученія говорить по-латыни. Грамматика Альвара была единственнымъ и, быть-можетъ, темнѣйшимъ изъ всѣхъ учебниковъ для преподаванія латинскаго языка въ іезуитскихъ школахъ, и, несмотря на то, она держалась у іезуитовъ въ XVI, XVII, XVIII и, наконецъ, въ XIX столѣтіяхъ (успѣвъ перейти притомъ на долгое время и въ кіевскій коллегіумъ). Альваръ, желая быть яснымъ и точнымъ, самымъ этимъ усиліемъ достигнуть ясности и точности сдѣлался темнымъ и непонятнымъ не только для начинающихъ изучать латынь, но даже и для тѣхъ, кто ее зналъ хорошо. Изученіе этого языка считалось необходимымъ у іезуитовъ для сочиненія учениками стиховъ и рѣчей въ поэзіи и реторикѣ. Изъ этихъ двухъ классовъ рѣшительно и единственно хотѣли создавать поэтовъ и ораторовъ и для того мучили учениковъ, заставляя заучивать формы, загромождая ихъ память реторическими фигурами, силлогизмами и отрывочными свѣдѣніями изъ миѳологіи, римскихъ и греческихъ древностей, географіи, исторіи — все это съ цѣлью, чтобы іезуитскіе воспитанники могли потомъ блистать ложною эрудиціею и распространять въ полуобразованномъ обществѣ славу своихъ наставниковъ. Такимъ образомъ все преподаваніе латыни ограничивалось лишь заучиваніемъ реторическихъ и піитическихъ правилъ.

Въ іезуитскихъ школахъ не обращали вниманія на развитіе въ молодыхъ людяхъ мышленія и понятій, но зато дѣйствовали на воображеніе, и безъ того бурливое въ молодежи, не учили мыслить и вдумываться въ прочитанное, но останавливались на внѣшностяхъ, на формѣ; не обогащали памяти познаніями, приложимыми къ жизни, но зато забивали ее заучиваемыми правилами изъ всего огромнаго Альвара, реторическими правилами изъ Суареса, силлогизмами изъ разныхъ [illegible] и длиннымъ перечнемъ мировыхъ событій. Ариѳметика и географія, столь необходимыя въ жизни, не преподавались.

въ іезуитскихъ школахъ до класса философіи, а между тѣмъ до него достигало очень мало учениковъ. Въ преподаваніи богословія іезуиты всего болѣе старались не объ утвержденіи молодыхъ людей въ истинахъ и обязанностяхъ христіанина, но о пріученіи учениковъ къ ханжеству, внѣшнимъ обрядамъ и суевѣрію; учащимся давали читать только аскетическія сочиненія въ родѣ „Примѣры мукъ адскихъ" и др. т. п.; кромѣ того, занимали ихъ безпрестанно и много чисто обрядною стороною религіи. Нигдѣ не расточали такъ напрасно времени, какъ въ іезуитскихъ школахъ: его убивали тамъ преимущественно на сочиненіе нескончаемыхъ панегириковъ, и самые лучшіе годы жизни проходили въ твержденіи правилъ поэзіи и реторики. Цицеронъ, Виргилій, Горацій были знакомы ученикамъ, но никто изъ нихъ не проникался духомъ этихъ великихъ писателей, потому что все изученіе ихъ ограничивалось усвоеніемъ способовъ выраженій для кропанія своихъ собственныхъ реторическихъ фигуръ. Щегольство цитатами и вообще ложная эрудиція произвели, наконецъ, то, что могучій польскій языкъ началъ портиться латынью, а чувство изящнаго въ литературѣ притупляться и упадать. Панегирики, похвалы магнатамъ, могущественной шляхтѣ, что въ школахъ почиталось за верхъ премудрости и выдавалось какъ нѣчто необходимое при воспитаніи молодежи, губительно дѣйствовали и на хвалителей и на хвалимыхъ, убивая независимость духа въ полякахъ: хвалители, составляя панегирики, привѣтствія и посвященія, научались гнусному, на расчетѣ основанному, ласкательству, а хваленые набирались мыслей о гербахъ, родословныхъ и деньгахъ. Въ іезуитскихъ коллегіумахъ дѣти выучивались различать пана и шляхтича, что не признавалось польскими законами, и вообще въ воспитанникахъ систематически развивалось предосудительное рабство и низкопоклонничество.

Іезуиты явились въ Польшу XVI вѣка съ мистицизмомъ, который нравился, какъ новость, съ ласкательствомъ, которое удивительно щекотало шляхетскую суетность, наконецъ съ нетерпимостью, которая, подъ видомъ усердія къ вѣрѣ, обращала взаимные раздоры земляковъ въ святое дѣло. Шляхта любила необычайное и блескъ, а что же могло быть необыкновеннѣе и блестящее іезуитскихъ процессій, духовныхъ мистерій, канонизацій, диспутовъ? Шляхта любила свои гербы, а

рбы явились съ религіозными фигурами: кто можетъ сомнѣваться на оскорбленіе эстетическаго чувства, когда въ поэзіи луну и звѣзды шляхетскихъ гербовъ превозносили, какъ небесныя свѣтила отечественнаго свѣта; столбы сравнивались съ колоннами и подпорами родины; крестъ въ гербѣ былъ символомъ покоя, а стрѣлы — знаками высокаго [illegible] и т. д.? Шляхта стала вѣрить, что, имѣя гербы, она дѣйствительно одарена всѣми возвышенными качествами, эмблемы которыхъ были намалеваны на гербовыхъ щитахъ. Можно ли сильно сердиться на іезуитовъ, которые научили читать въ шляхетскомъ гербѣ похвалы и возвеличенія роду? на іезуитовъ, которые какого-нибудь поручика именовали Марсомъ, какого-нибудь ротмистра — Аполлономъ, а знатнаго — Юпитеромъ? Тѣ же іезуиты назначали въ школьныхъ комнатахъ для дѣтей извѣстныхъ фамилій особыя лавки.

Чтобы окончательно заглушить движеніе мысли впередъ, чтобы создать новое поколѣніе согласно видамъ своего ордена и отнять всякую возможность вредить теократическимъ замысламъ, іезуиты постарались, чтобы цензура книгъ, по мнѣнію ихъ, очень слабая въ Польшѣ, съ самаго начала XVII вѣка или перешла подъ ихъ непосредственный надзоръ, или же испытывала сильное вліяніе ихъ. Вслѣдствіе того начали размножаться каталоги запрещенныхъ книгъ. Послѣ тридентскаго собора занялись очищеніемъ библіотекъ отъ сочиненій, почему-либо казавшихся вредными, и усилили особый надзоръ за вновь выходящими сочиненіями. Все, что имѣло малѣйшій намекъ на ересь или просто имѣло направленіе анти-іезуитское, всѣ старинные остатки народности, преданія и пѣсни, въ которыхъ пробивался какой-нибудь слѣдъ языческихъ временъ, — все подвергалось гоненію подъ предлогомъ, что подобные предметы поддерживаютъ суевѣріе. При этомъ не щадились сочиненія, хотя и католическія, но написанныя лицами, лишь подозрѣваемыми въ еретичествѣ, или печатанныя въ типографіяхъ, гдѣ когда-нибудь печатались сочиненія иновѣрцевъ. Сотни книгъ сжигались на кострахъ торговыхъ площадей Варшавы и Вильны, и позднѣйшіе пожары и двукратные грабежи шведовъ не могли причинить болѣе вреда библіотекамъ.

Religіозные единственно въ осуществленіи идеи своего ордена [illegible] съ пренебреженіемъ, и даже презрѣніемъ

смотрѣли на природныхъ обитателей страны, которая кормила ихъ своимъ хлѣбомъ. При такомъ воззрѣніи и систематически распространяя обскурантизмъ, іезуиты, наконецъ, достигли того, что схоластическія тонкости замѣнили истинное просвѣщеніе, любовь къ истинѣ; въ изслѣдованіяхъ заступили пустые диспуты, преувеличеніе и мистицизмъ; народная литература, языкъ и ясный слогъ должны были дать мѣсто плохой латыни и толпамъ панегириковъ. Польскій языкъ исказился отъ словоизвитій, надутости и макаронизмовъ. Вліяніе іезуитовъ было еще губительнѣе въ Литвѣ, гдѣ, во времена ихъ прибытія, просвѣщеніе едва только стало развиваться.

Вредъ, нанесенный іезуитами польскому просвѣщенію, произошелъ отъ фальшиваго положенія, въ которое они сами, по собственному желанію, поставили себя въ Польшѣ. Сыны Лойолы ввѣренную имъ молодежь образовывали не какъ будущихъ гражданъ, а какъ подпору католицизма, какъ слугъ и орудіе іерархіи, духовенства, какъ монаховъ. Безъ устали внушалось молодому поколѣнію, что наука не есть главная цѣль пребыванія ихъ въ школѣ, но только средство, способъ къ достиженію вѣчнаго спасенія, то-есть, другими словами, къ интересамъ ордена и іерархіи. Какъ учрежденіе религіозное, призванное для теологической борьбы, орденъ іезуитовъ долженъ былъ или не выходить изъ этой сферы и не касаться воспитанія молодежи, или же, разъ принявъ на себя эту обязанность, принести миръ въ религіозныя и политическія распри. Въ томъ и другомъ отношеніи предназначеніе іезуитовъ было бы заслугою для края. Но они дѣйствовали иначе: опасаясь, чтобы подъ личиною прогресса не вкралась какая-нибудь неблагопріятная для ихъ видовъ новизна, это опасеніе побуждало іезуитовъ держаться неуклонно старыхъ обычаевъ, стѣснять кругъ мышленія и возвышать чрезъ мѣру всякую власть, была ли то папы и сильныхъ мира сего, или даже литературная писателей, признанныхъ за образцовыхъ. Страшась дѣятельности мысли, они были вынуждены держаться мертвой буквы и въ церкви и въ школѣ, не дозволяя изслѣдованій разума, чтобы чрезъ то не впасть въ какую-нибудь ересь. Изъ такого предосудительнаго правовѣрія явилось одностороннее направленіе мышленія, теократическій взглядъ на всѣ предметы, а въ сердцахъ учившихся, вмѣсто живой вѣры и поэзіи, образовался педантизмъ.

одеревяненіе, непониманіе прекраснаго. Вмѣсто того, чтобы мысль направить на истинный путь, іезуиты создали преграды къ дальнѣйшему развитію и дали заплесенѣть благороднымъ помысламъ въ полякахъ. Постепенно и настойчиво іезуиты заковывали мысль въ нравственную неволю. Кромѣ іезуитскихъ среднихъ и высшихъ школъ въ Польшѣ были низшія, находившіяся въ рукахъ мѣстнаго духовенства и также не удовлетворявшія дѣйствительнымъ потребностямъ въ жизни народа. Все преподаваніе ограничивалось передачею обрядной стороны религіи; учениковъ заставляли читать церковныя и аскетическія книжки, житія, часословы, духовныя пѣсни и т. п. Можетъ-быть, возразитъ кто-нибудь, что такъ велось во всей католической Европѣ, и что таковъ былъ тогдашній духъ времени? На это отвѣчаемъ: ханжество не было порожденіемъ духа времени въ Европѣ XVII столѣтія, но слѣдствіемъ школьнаго образованія и того вліянія, которымъ въ томъ вѣкѣ пользовалась теократія въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ 1679 году по Польшѣ путешествовалъ французъ Боже (Beaujeu), самъ горячій католикъ, однако не могшій удержаться отъ удивленія при видѣ въ Польшѣ такого благочестія, какого онъ не встрѣчалъ ни во Франціи, ни въ нѣмцахъ, ни въ Бельгіи. „Въ описанныхъ мною — говоритъ онъ — деревняхъ и плохихъ мѣстечкахъ, называемыхъ здѣсь городами, видны церкви великолѣпно украшенныя; въ нихъ заключается все, что ни есть значительнаго въ Польшѣ, въ которой благочестіе ограничивается внѣшними украшеніями и состоитъ въ ужимкахъ ханжества. Почти вся Польша предана католицизму до суевѣрія, и это проявляется особенно въ учрежденіяхъ монашествующихъ. Послѣдніе всѣ безъ изъятія пользуются хорошими доходами, живутъ въ удобныхъ помѣщеніяхъ и очень уважаемы... монахи и іезуиты владѣютъ четвертью всѣхъ имуществъ въ Польшѣ. Нерѣдко частныя лица въ своихъ завѣщаніяхъ предпочитаютъ монастыри законнымъ наслѣдникамъ и чрезъ то самое оставляютъ послѣднихъ въ жалкомъ состояніи единственно для обогащенія монашествующихъ". [illegible]

Вліяніе Польши на просвѣщеніе юго-западной Руси.

По[illegible] въ концѣ XVI и въ XVII столѣтіяхъ на [illegible] просвѣщенія сравнительно [illegible]

нею Россiею, необходимо и неизбѣжно должна была оказывать влiянiе на образованiе послѣдней. При этомъ случаѣ въ русскихъ воеводствахъ, подчиненныхъ тогдашней Польшѣ, не могло также не проявиться того отличительнаго характера польской цивилизацiи, отъ котораго она долгое время и послѣ не въ состоянiи была отрѣшиться — это замѣтное преобладанiе въ дѣлѣ воспитанiя и просвѣщенiя теократическаго элемента. Iезуиты принимали въ свои школы православныхъ монаховъ и давали имъ возможность оканчивать курсъ наукъ въ высшихъ своихъ заведенiяхъ не въ видахъ распространенiя знанiй между польскими подданными, которые по разнымъ неблагопрiятнымъ обстоятельствамъ были лишены ихъ, но единственно съ цѣлью расширять папское могущество и значенiе своего ордена. Тѣ изъ русскихъ, для которыхъ была дорога вѣра ихъ предковъ, и которые рѣшились поддерживать православiе противъ католицизма, замѣтили скоро послѣ прибытiя iезуитовъ въ Польшу настоящiя намѣренiя ордена и, не обладая значительными средствами къ распространенiю просвѣщенiя помимо папства, старались, по крайней мѣрѣ, о прегражденiи всякой возможности къ общенiю съ iезуитами и, слѣдовательно, къ проискамъ ихъ. Извѣстный ревнитель православiя, князь Константинъ Острожскiй на собственныхъ сыновьяхъ имѣлъ случаи испытать всю ловкость iезуитскаго ордена въ обращенiи православныхъ въ папство: одинъ изъ сыновей князя, Янушъ, въ которомъ онъ надѣялся видѣть со временемъ подпору своимъ единовѣрцамъ, принялъ католичество, какъ только удалился на нѣкоторое время отъ отца въ Вѣну; другой сынъ, Константинъ, также при жизни стараго князя, былъ готовъ слѣдовать внушенiямъ iезуитовъ.

Чѣмъ болѣе, однако, усиливались въ Польшѣ и Литвѣ iезуиты, тѣмъ труднѣе было со стороны православныхъ избѣгнуть влiянiя ихъ пропаганды. Отсутствiе учебныхъ заведенiй въ юго-западной Россiи (школы при православныхъ братствахъ были весьма плохи, да и притомъ имѣли специальное назначенiе приготовлять изъ воспитанниковъ церковнослужителей), необходимость для польскаго подданнаго въ знанiи латинскаго языка, наконецъ, мода въ Польшѣ посылать своихъ дѣтей непремѣнно въ iезуитскiя школы — все это было причиною, что шляхтичи изъ православныхъ стали отдавать своихъ дѣтей къ опытнымъ iезуитамъ, и немного прошло

съ того времени, какъ большая часть молодого поколѣнія русской шляхты перешла въ католичество. Одинъ изъ современныхъ свидѣтелей успѣховъ іезуитовъ, сначала самъ православный, потомъ уніатъ, потомъ и ревный католикъ, Кассіанъ Сакковичъ, описываетъ обстоятельно причины переходовъ своихъ собратій въ папство: „Дѣти русской шляхты (говоритъ онъ), учась въ школахъ, академіяхъ и коллегіяхъ католическихъ, привыкаютъ къ церковнымъ обрядамъ римской Церкви, а вышедши изъ школы или опредѣляются въ военную службу, или поступаютъ во дворъ какого-нибудь католическаго пана (такъ какъ у русскихъ шляхтичей нѣтъ такого обычая) и въ послѣднемъ случаѣ должны ходить съ паномъ въ костелъ; въ военной же службѣ принуждены участвовать съ товарищами и въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ и въ ѣдѣ, а потомъ, привыкнувъ къ католическимъ обрядамъ, отступаютъ отъ своихъ русскихъ и, вообще, на дворѣ ли у пана, въ военной ли службѣ — уже не любятъ, чтобъ ихъ называли русскими, такъ что имъ, по необходимости, надобно приставать къ католичеству. А еще когда кто изъ нихъ возметъ себѣ жену польку, тогда самая разность въ постахъ и въ праздникахъ принуждаетъ русскаго до соединенія съ женою въ вѣрѣ, чему помогаетъ и ксендзъ, навѣщающій свою овечку. Быть можетъ, на тотъ часъ случится и попъ; тогда ему, простаку, задается какой-нибудь вопросъ, а попъ или не сумѣетъ на него возразить, а если и отвѣтитъ, то какой-нибудь безсмыслицей, и попъ и панъ смущаются, а послѣдній, [illegible]вшись, дѣлается католикомъ. Чему такъ много примѣровъ.“

Не одни шляхтичи были увлекаемы въ папство въ юго-западной Руси XVII вѣка, тѣ изъ немногихъ ученыхъ, которые тамъ отъ времени до времени рѣшались вступать въ литературную полемику съ іезуитами и считались потому опорою православія, подъ конецъ стали измѣнять ему. Католики видѣли въ этомъ свое торжество и уже думали, что [illegible] у нихъ было выиграно: они никакъ не могли угадать, чтобы [illegible] на ихъ сторонѣ люди ученѣйшіе и способнѣйшіе изъ православныхъ, побуждаемые послѣдними къ напряженію [illegible] дѣятельности, въ усиліяхъ [illegible] противопоставить все болѣе [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] вторженіе папства.

Пекарскій.

Православныя церковныя братства въ юго-западной Россіи.

Въ мрачныя, неблагопріятныя для православной Церкви времена въ юго-западной Россіи явились такъ называемыя православныя церковныя братства. Это были общества, составлявшіяся изъ православныхъ лицъ разнаго званія и состоянія, на защиту православныхъ южно-русской Церкви отъ угнетенія со стороны латинянъ и лютеранъ, усиливавшихся вовсе уничтожить православную Церковь въ польскихъ владѣніяхъ (въ XVI и XVII вѣкахъ). Обогащая свои храмы различными пожертвованіями и вкладами, братства учреждали при нихъ монастыри, богадѣльни, страннопріимные дома, госпитали, училища и типографіи. Богатыя духовными и вещественными средствами, пользуясь отъ королей различными привилегіями и правами, покровительствуемыя патріархами и митрополитами, имѣя въ числѣ своихъ членовъ многихъ знаменитыхъ особъ княжескаго рода и дворянскаго сословія, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ, по разнымъ нуждамъ, съ иностранными государствами — съ восточною Россіею, Греціею и Молдавіею, — братства мало-по-малу сдѣлались, съ одной стороны, представителями всего русскаго народонаселенія въ юго-западной Россіи, а съ другой — самымъ твердымъ оплотомъ и защитою православной вѣры, противъ всѣхъ нападеній на нее римскихъ католиковъ и униатовъ.

За образецъ и основаніе, при учрежденіи церковныхъ братствъ, приняты были примѣры христіанской жизни первыхъ временъ и многочисленныя заповѣди Спасителя и апостоловъ о любви, которую должны имѣть христіане другъ къ другу.

На такую мысль въ учрежденіи братствъ прямо указывали патріархи восточные и короли польскіе. Давая грамоты на основаніе того или другого братства, патріархи многократно приводили въ нихъ слова Спасителя и апостоловъ, заповѣдующія христіанамъ имѣть между собою любовь, и прямо свидѣтельствовали, что братство утверждается на основаніи заповѣди Спасителя о любви, и притомъ не иначе, какъ по примѣру христіанской жизни апостольскихъ временъ, когда небольшое еще общество христіанъ было какъ бы однимъ братствомъ, въ которомъ, по слову святого Евангелиста, было *сердце и душа едина*. Поэтому они называли братства не новыми

такимъ либо учрежденіемъ, но учрежденіемъ древнимъ. Имѣя для себя высокій образецъ въ обществѣ христіанъ апостольскихъ временъ, православные южно-русскіе христіане, при учрежденіи своихъ братствъ, укоряли иногда себя за то, что они „поздно послѣдовали сему спасительному примѣру". Какъ общества, основанныя на евангельской любви, братства весьма часто назывались въ грамотахъ того времени „братствами любви" и „братствами милосердія". Ближайшимъ же поводомъ къ учрежденію православныхъ братствъ юго-западной Россіи были историческія обстоятельства.

Со времени вступленія на польскій престолъ Ягайлы, до самаго пресѣченія его династіи, мы видимъ постоянное стремленіе Польши слить литовскую Русь съ собою военно и постоянное стремленіе послѣдней отдѣлиться отъ Польши. Главною причиною этого было различіе вѣроисповѣданій. Поляки ясно понимали, что до тѣхъ поръ, пока существуетъ это различіе, связь литовской Руси и Польши не будетъ прочна; отсюда [illegible] въ Польшѣ стремленіе уничтожить разность въ вѣрѣ, истребить православіе, которое было основою русской народности. Такимъ образомъ, еще со времени Ягайлы началось преслѣдованіе православныхъ. Рѣшительное же преслѣдованіе православныхъ въ Литвѣ началось съ 1570 года (черезъ годъ послѣ присоединенія Литвы къ Польшѣ), то-есть со времени появленія іезуитовъ. По смерти Сигизмунда Августа и краткаго царствованія Генриха Валуа, на престолъ вступилъ Стефанъ Баторій, — государь великій, но, къ несчастію, имѣвшій нужду въ благосклонности Рима, дабы удержаться на престолѣ, ослабивъ партію австрійскаго дома. По этимъ-то видамъ онъ дозволилъ [illegible] самовластно папскому орудію — іезуитамъ. Прибывъ для преграды вкрадывавшагося въ Литву протестантства, іезуиты распространили свои [illegible] и на православныхъ. Ихъ проповѣди, сочиненія, объявленія и вмѣстѣ съ тѣмъ лесть и разныя хитрости, увлекли на ихъ сторону много знатныхъ лицъ, которыя присоединились къ Римской Церкви. Впрочемъ, какъ ни сильно было ихъ вліяніе, какъ ни хитры [illegible], православная вѣра не потеряла значенія [illegible] въ Литвѣ. Но, къ скорби Церкви православной и къ несчастію [illegible], въ нѣдрахъ самой православной Церкви появилась измѣна, которая, [illegible] и честолюбія, привела въ [illegible]

ние намѣреніе іезуитовъ несравненно скорѣе, чѣмъ всѣ ихъ хитрости, козни и насилія. Наступилъ 1596 годъ. Явилась унія, столько вожделѣнная для Рима и ненавистная для русскаго народа. Папа, котораго власть видимо начала колебаться на Западѣ, никакъ не хотѣлъ отказаться отъ намѣренія утвердить свою власть на Востокѣ, особенно въ несчастномъ литовскомъ княжествѣ. Онъ подослалъ сюда іезуитовъ, кознямъ, хитростямъ и пронырству которыхъ ничто не могло противостоять, и унія распространилась во всѣхъ концахъ Литвы, отъ чертоговъ князей и вельможъ до хижинъ ихъ рабовъ и куреней запорожской вольницы, кровью и огнемъ ознаменовывая свое появленіе. Іезуиты дѣйствовали хитро, не шли прямо противъ православія, но прокладали путь мало-по-малу: они привлекали православное юношество въ свои школы, не показывая вида съ какою цѣлію; а между тѣмъ тихо и незамѣтно разрушали прежнія вѣрованія учениковъ, и въ то же время разсѣивали множество книгъ въ литовскомъ княжествѣ, частію полемическихъ, частію догматическихъ въ духѣ латинства. На духовенство дѣйствовали обѣщаніями выгоднѣйшаго положенія, сенаторскихъ креселъ, и т. п.; съ другой стороны, представляли униженіе повиноваться константинопольскому патріарху, поставленному будто бы султаномъ, и отъ котораго, какъ они безстыдно выражались, можно было получить все за деньги. Со времени обнародованія уніи начался рядъ постоянныхъ насилій и преслѣдованій православныхъ христіанъ, которые не хотѣли покориться умыслу Рагози; православные храмы были запечатываемы и отдаваемы жидамъ на поруганіе или обращаемы въ шинки, конюшни, сараи; православные священники, непреклонные къ уніи, были изгоняемы изъ приходовъ, бросаемы въ темницы, какъ мятежники, мучимы, лишаемы жизни; помѣщики выгонялись изъ своихъ имѣній, которыя были захватываемы латинянами и уніатами; младенцы умирали безъ крещенія, мертвые были бросаемы безъ погребенія — всѣ роды поруганій и казней были испытаны надъ православнымъ духовенствомъ и народомъ. Читая кровавую исторію уніи, трудно повѣрить, чтобы христіане могли съ такимъ звѣрствомъ гнать христіанъ же и притомъ братій своихъ единокровныхъ! Напрасно доблестные мужи, подобно знаменитому князю Константину Ивановичу Острожскому, проливали кровь свою за Польшу на ратномъ

полѣ, ожидали отъ нея закона [illegible] своему исповѣданію: напрасно на сеймахъ раздавался вопль единовѣрцевъ нашихъ, что въ лицѣ ихъ попираются и законы государства и право самаго человѣчества. Ни голосъ благоразумнѣйшихъ изъ поляковъ, что ихъ отчизна сама себѣ роетъ могилу, губя свои собственныя силы, ни стараніе самихъ легатовъ папскихъ укротить неистовое ожесточеніе сердецъ, не имѣли никакого успѣха.

Что же оставалось дѣлать православнымъ, при видѣ неминуемой гибели вѣры православной? Ожидать ли помощи отъ знаменитыхъ и единовѣрныхъ князей? — Но ихъ голосъ былъ неслышимъ среди шума ожесточеннаго фанатизма. — Отъ восточныхъ патріарховъ? — Но подъ смертною казнью запрещены были всѣ сношенія съ ними. — Отъ своихъ ли іерарховъ? — Но они сами нерѣдко должны были съ апостольскимъ самоотверженіемъ обрекать себя на нищету, узы и смерть во имя Христово и для блага православной Церкви. Оставалась только надежда на единовѣрную Москву; но Москвѣ, терзаемой самозванцами, невозможно было и подумать о дѣлахъ литовскихъ. Итакъ, надобно было принять къ защитѣ свои собственныя мѣры и тѣснѣе соединиться другъ съ другомъ, чтобы общими силами вѣрнѣе отразить всѣ нападенія враговъ. Тогда-то православные жители юго-западной Россіи, ревнуя по православной греческой вѣрѣ и ненавидя все, что только носило на себѣ какой-либо отпечатокъ латинства, для поддержанія православія и для противодѣйствія уніи, повсюду начали учреждать церковныя общества, или братства, члены которыхъ клятвенно обѣщались твердо стоять въ вѣрѣ своихъ отцевъ и всѣми силами удерживать потокъ римскаго раскола; а прежде учрежденныя братства тогда же (1588 г.) получили отъ вселенскихъ патріарховъ новое, окончательное устройство, приспособленное къ обстоятельствамъ Церкви, и такимъ образомъ послужили образцомъ для другихъ. Тогда-то возникли братства по всѣмъ предѣламъ юго-западной Россіи: [illegible] виленское, кіевское, луцкое, [illegible] пинское, бѣльское, минское и множество другихъ, [illegible]

училища; разрушенію православныхъ храмовъ — ревность къ созиданію и благоукрашенію ихъ; преслѣдованію и гоненію на Церковь православную — свое посильное за нее ходатайство предъ королями. Наконецъ, при раскрытіи причинъ происхожденія братствъ, нельзя опустить изъ виду еще одно обстоятельство. Несомнѣнно, что, съ одной стороны, духъ евангельской любви соединилъ между собою православныхъ въ общества, или братства, а съ другой — историческія обстоятельства времени вызвали оныя на поприще исторической дѣятельности; но почему братства явились въ такой именно, а не въ другой формѣ, иначе, откуда православные могли заимствовать мысль — учредить братства въ такомъ видѣ, въ какомъ представляются они въ исторіи? Далѣе, — какъ польскіе короли и вообще польское правительство могли допустить существованіе братствъ, когда они явно противодѣйствовали ихъ видамъ и политикѣ? То и другое приводитъ къ заключенію, что братства должны были возникнуть изъ устройства современнаго общества или, по крайней мѣрѣ, находить для себя опору въ гражданскихъ учрежденіяхъ того времени. Такъ дѣйствительно и было; извѣстно, что многіе города юго-западной Россіи издревле пользовались такъ называемымъ магдебургскимъ правомъ, котораго сущность можно представить въ слѣдующемъ видѣ: мѣщане извѣстнаго города, на основаніи магдебургскаго права, составляли общину, имѣвшую свое внутреннее устройство, свой судъ и управленіе. Управленіе возлагалось на бургомистровъ и ратмановъ; а власть судебная предоставлена была войту и лавникамъ, или присяжнымъ засѣдателямъ. Ремесленники каждаго значительнаго ремесла соединялись въ цехи. Цехъ составляетъ корпорацію, имѣвшую свой особый уставъ, своихъ начальниковъ, казну, оружіе и принадлежности. Ремесленники одного цеха впослѣдствіи также назывались братствомъ. Цеховое братство состояло изъ лицъ, принадлежавшихъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ и имѣвшихъ свои алтари или церкви, куда они, несмотря на различіе по вѣрѣ, вносили извѣстное количество денегъ изъ своихъ общихъ доходовъ. Поставляя устройство ремесленныхъ цеховъ во взаимное соотношеніе съ устройствомъ православныхъ церковныхъ братствъ, находимъ между ними не малое сходство. И цехи и православныя братства составляли собою общины, имѣвшія свое внутреннее управленіе, свой судъ, свои особые

уставы; тѣ и другіе ежегодно избирали четырехъ братьевъ для управленія братскими дѣлами, имѣли свою казну, куда вносили извѣстное количество денегъ; тѣ и другие имѣли общія обязанности, какъ-то: должны были снабжать свою церковь всѣмъ необходимымъ, содержать больницу и оказывать пособіе каждому брату, обѣднѣвшему по болѣзни или по какому-нибудь другому посѣщенію Божію, обязывались также заботиться о распространеніи славы Божіей, присутствовать въ дни праздниковъ при богослуженіи и находиться при погребеніи умершихъ братій. Различіе между цехами и братствами въ томъ только состояло, что цехи, кромѣ порядка ремесленнаго и цехового, носили на себѣ отчасти религіозный характеръ; тогда какъ братства были обществами исключительно религіозными. И такъ какъ магдебургское право съ относящимися къ нему цехами возникло въ Литвѣ гораздо ранѣе, чѣмъ православныя церковныя братства, то очень вѣроятно, что если православные жители юго-западной Россіи не отсюда именно заимствовали мысль для учрежденія своихъ братствъ, то, по крайней мѣрѣ, братства были терпимы правительствомъ по видимой сообразности ихъ съ существующими гражданскими учрежденіями. За вѣрность этой мысли ручается слѣдующее также обстоятельство: извѣстно, что въ Вильнѣ было пять церковныхъ православныхъ братствъ, одни изъ нихъ состояли исключительно изъ такихъ членовъ, кои по своей должности принадлежали къ магдебургской общинѣ; таково, напр., было братство панское, состоявшее изъ пановъ, бурмистровъ и радцевъ, а другія изъ такихъ, кои были ремесленниками извѣстнаго цеха, какъ, напр., братство купнерское, состоявшее изъ купнеровъ, означающихъ по-польски шапошниковъ, или братство кожемяцкое, состоявшее изъ скорняковъ.

При объясненіи такого близкаго отношенія между братствами и цехами надобно принять во вниманіе слѣдующее: магдебургское право съ зависящими отъ него цехами явилось, какъ выше сказано, ранѣе братствъ. Къ цехамъ, какъ извѣстно, принадлежали всѣ ремесленники безъ различія вѣроисповѣданія, такъ что членами извѣстнаго цеха могли быть и римско-католики, и [illegible] и православные. Но [illegible] 1458 году [illegible] ремесленники православнаго исповѣданія, [illegible]

или братства, сперва въ видахъ благотворенія, а потомъ, съ усиленіемъ въ Литвѣ латинства, съ ближайшею и преимущественно непосредственною цѣлію — поддерживать и защищать вѣру православную. Послѣ сего не удивительно, если между братствами и магдебурскими общинами замѣчается нѣкоторое сходство: учреждая православныя братства, православные легко могли приносить сюда нѣкоторыя черты изъ устройства магдебурскихъ общинъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ сами къ нимъ принадлежали.

Такимъ образомъ, находя для своего существованія опору въ самомъ устройствѣ нѣкоторыхъ городовъ юго-западной Россіи, православныя братства по тому уже одному не могли казаться подозрительными для польскаго правительства, несмотря на то, что состояли изъ лицъ, чуждыхъ полякамъ по своей вѣрѣ и происхожденію, несмотря на то даже, что каждое изъ нихъ имѣло свои сходки или собранія, гдѣ могло разсуждать о своихъ дѣлахъ и видахъ, не всегда согласныхъ съ намѣреніями и распоряженіями иновѣрнаго правительства. Церковныя братства, какъ общества, сходныя въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ давно уже существовавшими свѣтскими братствами, были обыкновеннымъ явленіемъ въ глазахъ польскихъ королей, и потому они беспрепятственно давали имъ грамоты на учрежденіе, тѣмъ болѣе, что братства учреждались, между прочимъ, для цѣлей благотворительныхъ и для распространенія грамотности и, слѣдовательно, были полезны для польскаго правительства. Польскіе короли считали подозрительными тѣ только братства, которыя основывались безъ ихъ вѣдома и соизволенія. Православныя церковныя братства, какъ учрежденія общественныя, вызванныя историческими обстоятельствами времени, заслуживаютъ полнаго вниманія каждаго любителя русской старины, особенно въ настоящее время, когда все, касающееся до нашихъ предковъ, даже частныя событія, дѣлается предметомъ историческихъ изысканій и изслѣдованій. Братства выходятъ на поприще исторіи съ 1439 года и продолжаютъ свое существованіе до позднѣйшихъ временъ, и такимъ образомъ являются одними изъ главныхъ дѣятелей во весь періодъ юго-западной Руси, съ самаго отдѣленія ея отъ Руси восточной. Но если для каждаго любителя русской старины, и особенно для каждаго занимающагося исторіей юго-западной Россіи, необходимо изученіе братства, то для

сти Церкви православной эта необходимость составляетъ уже существенный вопросъ! Въ этихъ братствахъ мы видимъ такія общества, которыя главною цѣлію, главною задачею своего существованія поставляли храненіе и поддержаніе вѣры православной до послѣдней капли крови. Постоянныя сношенія ихъ по дѣламъ всей Церкви, съ патріархами восточными, съ кіевскими митрополитами, съ епископами литовской Руси, ихъ прямое живое участіе въ дѣлахъ, касающихся всей Церкви, дѣлаютъ исторію ихъ, особенно со времени уніи, нераздѣльною съ исторіею всей юго-западной Церкви.

[illegible]

Кіево-могилянская коллегія.

Могила, слѣдуя примѣру академіи краковской, открылъ въ своей школѣ полный курсъ наукъ старшихъ, начиная съ низшихъ классовъ до философіи и богословія, завелъ библіотеку и типографію, которая, впрочемъ, не долго тамъ существовала, а была соединена съ лаврскою. Вмѣстѣ съ этимъ кіево-братская школа была переименована въ коллегію и возведена на степень первоклассныхъ училищъ, а для приготовленія учениковъ въ новообразованную коллегію Петръ Могила основалъ особую школу въ Винницѣ, мѣстечкѣ, принадлежавшемъ прежде лаврѣ.

Воспитанники училищъ были раздѣлены на два разряда: высшій и низшій. Къ первому принадлежали студенты богословія и философіи, называвшіеся sodales Majoris Congregationis, ко второму — ученики реторики и низшихъ классовъ, носившіе наименованіе sodales Minoris Congregationis. Съ [illegible] вмѣстѣ построена и конгрегаціональная училищная церковь во имя благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Въ настоятели этой церкви былъ назначенъ іеромонахъ, обыкновенно бывшій учителемъ реторики, который потому назывался Pater Congregationis. Впрочемъ, для служенія, происходившаго здѣсь только во воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, опредѣленъ былъ особый [illegible] учителей, священникъ, который бывалъ и духовникомъ воспитанниковъ, напутствовалъ больныхъ таинствами и погребалъ умершихъ.

Съ [illegible] умноженіемъ учебныхъ предметовъ [illegible] и [illegible] раздѣленіе классовъ. Такъ

первою статьею училищной инструкціи поставлялось изученіе языковъ латинскаго, славянскаго и греческаго, то для этого открыты были четыре низшіе класса. Въ первомъ изъ нихъ обучали читать и писать, но непремѣнно на трехъ языкахъ, а не на одномъ славянскомъ, какъ это было въ приходскихъ школахъ; этотъ классъ назывался аналогіею или фарою. Во второмъ классѣ, именуемомъ инфимой, пріучали учениковъ уже къ грамматическому разбору, не заходя, впрочемъ, далѣе первоначальныхъ понятій. Въ классѣ грамматики прочитывались уже сполна грамматики означенныхъ языковъ съ подробнымъ филологическимъ разборомъ; затѣмъ ученики переходили въ классъ синтаксимы, гдѣ они практиковались въ переводахъ съ означенныхъ языковъ на русскій и славянскій и обратно. Кромѣ сего здѣсь преподавали катихизисъ, ариѳметику, нотное пѣніе и отчасти инструментальную музыку. Окончившій ученіе въ низшихъ классахъ переходилъ въ средніе, которыхъ было два: классъ поэзіи, или піитики, и классъ реторики.

Замѣчательно такое распредѣленіе уроковъ словесности. Теперешнія наши понятія о поэзіи представляютъ ее, какъ вѣнецъ и высшее проявленіе обработаннаго ученымъ образомъ слова человѣческаго, но не такъ было въ то время. Коллегія разумѣла поэзію только какъ artem pangendi versus — какъ искусство сплетать вирши, и, конечно, потому поставила ее прежде реторики, что по опыту знала, что это ремесло не требуетъ большого труда и строгой послѣдовательности мыслей, особенно подъ защитой нарочно придуманной для этого вольности піитической (licentia poëtica), что механическая работа стихосложенія сама собою вызываетъ слово за словомъ, особенно, если стихи еще не нуждаются риѳмы: тогда уже и мысли самыя, говоря словами Пушкина, двѣ придутъ сами, третью приведутъ. А всякій порядочный ученикъ переходилъ изъ синтаксимы въ поэзію съ огромнымъ запасомъ равнозначащихъ выраженій, эпитетовъ и сближенія понятій. Надобно было придумать средство къ установкѣ всего этого въ какомъ-нибудь порядкѣ, и для сего тогдашніе ученые признали лучшимъ извѣстное количество слоговъ, метръ, цезуру и пр. Невольно этими условными берегами стѣснялось разливное море словъ и понятій, накопленныхъ отъ неизбѣжныхъ справокъ съ лексиконами при синтактическихъ переводахъ и отъ кри-

тическаго выбора того или другого болѣе годнаго выраженія. Стѣсняемый правилами піитики, ученикъ свободнѣе потомъ писалъ въ классѣ реторики, которая уже не предписывала ему ни метра ни цезуры, а между тѣмъ онъ тутъ являлся уже пріученнымъ къ обдумыванію каждаго ставимаго на бумагу слова. Но пріучая механическимъ окончаніемъ вирщей къ правильному сочетанію понятій и предложеній, наставники поэзіи въ то же время сообщали своимъ питомцамъ современныя свѣдѣнія о всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи, начиная отъ эпопеи до простой надписи на какомъ-либо памятникѣ. Такимъ образомъ въ учебникѣ, дошедшемъ до насъ отъ времени Петра Могилы (1637 г.), усматриваемъ, что тогда трактовали о происхожденіи, достоинствѣ и значеніи поэтовъ, о томъ, что можетъ быть предметомъ поэтическихъ произведеній, и какъ раздѣляется поэма, что̀ такое эпопея, комедія, трагикомедія, трагедія, буколическая, элегическая, идиллическая, дидактическая и сатирическая поэзія, и, наконецъ, исполняемыми всѣ виды эпиграммы или надписей.

Миѳологія, считавшаяся необходимою принадлежностью поэзіи, была преподаваема въ коллегіи съ нарочитою обширностью и съ малѣйшими подробностями. Знаніе этой науки было до того развито въ воспитанникахъ, что кромѣ стихотворныхъ издѣлій, наполняемыхъ всѣми богами Олимпа, не свободны были отъ миѳологическихъ примѣненій даже и такія сочиненія, которыя легко могли бы обойтись безъ этого. Самые проповѣдники и богословы рѣшались иногда облекать христіанскія истины въ одежду языческую, не подозрѣвая нимало въ простотѣ сердца неприличія такихъ сочетаній.

Преподаваніе реторики нимало не отличалось отъ того, какимъ оно было въ знатнѣйшихъ того времени высшихъ европейскихъ училищахъ. Въ руководствахъ, относящихся къ XVII вѣку, реторику раздѣляли то на двѣ, то на три части, но каждая изъ нихъ имѣла предметомъ своимъ одно и то же. Сначала говорили объ изобрѣтеніи мыслей, потомъ о расположеніи и, наконецъ, о выраженіи. Къ этому иногда были присовокуплены правила, какъ сочинять рѣчи и письма поздравительныя, привѣтственныя, благодарственныя, просительныя, прощальныя и надгробныя. Этимъ, по большей части, и ограничивался курсъ реторики.

Впрочемъ, въ составъ ея входили иногда и [illegible]

церковномъ краснорѣчіи; но эта наука, какъ и слѣдовало, отнесена была къ классу богословія и преподавалась уже тѣмъ, которые имѣли въ непродолжительномъ времени поступить въ проповѣдники слова Божія.

Съ реторикою была иногда соединена и діалектика, составлявшая какъ бы переходъ отъ наукъ собственно словесныхъ къ наукѣ свободнаго мышленія. Это былъ непрерывный рядъ схоластическихъ диспутацій, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на нѣсколько вопросовъ и потомъ на нѣсколько болѣе частныхъ пунктовъ, дробилась далѣе на частнѣйшія положенія, которыя съ своей стороны вызвали по нѣскольку возраженій и, наконецъ, опроверженій. Посредствомъ такой почти механической работы молодые умы заранѣе приготовлялись къ ловкости и оборотливости мышленія и къ критическому принятію того, что готовила имъ каѳедра философіи.

Классы реторики и поэзіи никогда не были скудны слушателями, ибо тутъ именно преподавалось то, что было самымъ необходимымъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ училища. Съ готовою привѣтственной рѣчью или праздничными виршами школьникъ всегда былъ нелишнимъ на домашней пирушкѣ какого-нибудь зажиточнаго обывателя и, возвеличивъ такимъ образомъ своего милостивца, имѣлъ полную надежду уйти самъ отъ него не съ пустыми руками. Замѣчательно, что на изученіе сихъ двухъ видовъ словесности полагалось всего только одинъ годъ, а между тѣмъ и этого короткаго срока достаточно было для того, чтобъ воспитанники переходили въ высшій классъ уже довольно приготовленными; значитъ, въ синтаксисѣ они развивались уже въ совершенствѣ и являлись въ словесной аудиторіи съ немалымъ запасомъ свѣдѣній въ языкахъ, какъ существенномъ условіи ихъ успѣховъ въ дѣлѣ сочинительскомъ.

Высшихъ классовъ было два: философскій и богословскій. Кіевская коллегія, поставленная Могилою на ряду съ знаменитѣйшими училищами Европы, съ самаго преобразованія своего повела науку той стезей, какою она шла у прочихъ просвѣщенныхъ націй. Корифеемъ этой науки въ то время былъ Аристотель. Несокрушимое владычество его процвѣтало и тогда, когда Англія уже имѣла Бэкона (Bacon) и Локка, а Франція — Декарта. Подражая въ этомъ отношеніи старѣйшимъ училищамъ въ Европѣ, кіевская коллегія тоже вела у себя

философскую науку по указанію Аристотеля. Дошедшія до нашего времени руководства, относящіяся къ XVII вѣку, всѣ составлены по одному образцу и обыкновенно раздѣлены на три главныя части: философію умственную, или логику, естественную, или физику, и божественную, или метафизику. Первой части почти всегда предшествовала діалектика, въ которой прежде всего разсуждаемо было о законахъ, руководствующихъ разсудокъ въ его дѣйствіяхъ. Сообщивъ свѣдѣнія о самомъ законѣ и его природѣ, діалектика приступала къ раскрытію перваго разсудочнаго дѣла, именно: составленія понятій, затѣмъ предложеній и, наконецъ, доказательствъ, или силлогистическихъ умозаключеній. Такимъ образомъ это была какъ бы теоретическая часть философіи умственной; нарицаемая же логикой становилась въ этомъ случаѣ наукою прикладною; ибо тѣ же самые законы мышленія она прилагала только къ разнымъ случайностямъ умственнаго дѣланія. Вторая часть науки философской — физика была обширнѣе всѣхъ: общее начало всѣхъ вещей, матерія, форма и ихъ видоизмѣненія; природа и свойство предметовъ видимыхъ, и жизнь ихъ, какъ самихъ въ себѣ, такъ и внѣ себя; безконечное въ его качествахъ; пространство, время и физическая пустота; законы общаго движенія; наконецъ душа вообще и душа разумная со всѣми ея силами и способностями — вотъ предметы, которыми занималась естественная философія временъ давноминувшихъ. Остальная часть, именовавшаяся философіей божественной, или метафизикой, была ограничиваема лишь разсужденіями о существѣ возможномъ, какъ произведеніи ума философствующаго и, наконецъ, о существахъ безтѣлесныхъ.

Изъ этого краткаго обзора видно, что на философской каѳедрѣ были предлагаемы и разбираемы всѣ тѣ вопросы, какими оглашались въ то время обширнѣйшія аудиторіи европейскихъ университетовъ. Но, несмотря на то, что коллегіальное начальство старалось поддерживать любовь къ этой наукѣ, включивъ студентовъ ея разряда въ Majoris Congregationis; несмотря на то, что для слушанія философіи положено было ровно два года, — суровая строгость и головоломная сухость этой науки какъ будто пугала пылкихъ сыновъ Украины. Они уважали ее, даже поставляли за честь себѣ отличаться діалектической тонкостью, но тѣмъ дѣло и кончалось. Искренно всей душой привязаться къ этой наукѣ, погрузиться, такъ сказать,

въ глубину ея ни у кого недоставало охоты. Какъ будто въ духъ и душу воспитанниковъ православной коллегіи вросло то правило совѣтованія о благочестіи, которымъ повелѣвалось „всею душою въ смиреномудріи утверждаться на догматахъ и писаніяхъ святыхъ отцовъ вселенскихъ, а не основываться на латинскихъ силлогизмахъ и хитро ими извращенныхъ писаніяхъ и не обучаться имъ“. Ихъ не прельщало и то, что въ этомъ классѣ преподаваемы были геометрія и астрономія; хотя и обучались они этимъ наукамъ, но мысли ихъ были устремлены на другой важнѣйшій предметъ.

Выше всѣхъ наукъ въ кіевской коллегіи стояло богословіе, какъ предметъ, характеризующій спеціальность этого училища. „Если бы нешедшіе отъ насъ, говорилъ одинъ депутатъ на сеймѣ 1620 года, не возстали на насъ, то такія науки, такія училища, такое число достойныхъ людей не явились бы въ русскомъ народѣ; ученіе въ храмахъ нашихъ попрежнему было бы покрыто пылью нерадѣнія“. Мы уже видѣли, что было причиною возникновенія училищъ на юго-западѣ Россіи; знаемъ, съ кѣмъ приходилось вступать въ религіозное состязаніе защитникамъ православія и потому не сочтемъ удивительнымъ, что богословіе въ то время было преимущественнѣйшею наукой. Оно читалось съ величайшей обширностію и отчетливостью, и потому полный курсъ богословія оканчивался не иначе, какъ въ четыре года. Всякій вопросъ поневолѣ сталкивался съ убѣжденіями и вѣрованіями, противными духу православія, и оттого преподаваніе этой науки неизбѣжно принимало характеръ нѣсколько полемическій и слѣдовательно въ высшей степени интересный, по соприкосновенію и частному обращенію слушавшихъ уроки съ лицами неправовѣрующими. Если присовокупить къ сему и то еще, что преподавателями богословія избираемы были люди самые ученѣйшіе и читали его съ искреннимъ увлеченіемъ, то нимало не покажется удивительнымъ, что наука эта была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи въ древней кіевской коллегіи.

Вся Европа состояла тогда подъ игомъ такъ называемаго схоластицизма, которому подчинены были даже и такія науки, какъ богословіе. И здѣсь господствовалъ Аристотель съ своей стѣснительной систематичностью, съ узкими формулами своей методики. Всѣ заведенія руководствовались, по части богословія, системою Ѳомы Аквината, носившаго полное названіе

Doctoris Angelici et Divini, и только лучшій изъ тогдашнихъ университетовъ, парижскій, рѣшился отступить отъ этого авторитета, издавъ въ 1658 году свою особую систему богословія: Summa Theologiae Scholasticae; но и она, какъ видно изъ самаго заглавія, закована была все въ тѣ же оковы схоластицизма, какія лежали на всѣхъ прочихъ руководствахъ по сему предмету.

Первые наставники могилянской коллегіи, сами воспитавшіеся за границей, не смѣли съ перваго же раза измѣнить авторитету, руководящему ихъ въ изученіи важнѣйшей изъ наукъ. Тотъ же Ѳома Аквинатъ явился и въ Россію съ своей системою. Его придерживались, какъ школьнаго руководителя; но живые интересы, затрогиваемые современными событіями, неизбѣжно должны были вызвать наставниковъ на рѣшеніе такихъ вопросовъ, о которыхъ Аквинатъ, вѣроятно, и не думалъ. Нельзя было миновать тѣхъ мнѣній, которыя ревностно были распускаемы между народомъ и служили въ подрывъ православію: ибо въ Кіевѣ было все — и католицизмъ, и лютеранство, и уніаты, и армяне, и кальвинисты, и социніане, и, наконецъ, евреи. Спорный вопросъ невольно заставлялъ преподавателя отрываться отъ Аквината и вести рѣчь не „латинскими силлогизмами", а отъ догматовъ и писаній святыхъ отцовъ восточныхъ. Системы богословскія, въ непродолжительномъ послѣ сего времени появившіяся въ кіевской коллегіи, отличающіяся своеродностію взгляда и особенностію плана, служатъ очевиднымъ доказательствомъ того, что въ дѣлѣ богословствованія наши ученые не довольствовались европейскими образцами и пошли дальше, оставивъ назади своихъ руководителей.

Въ классѣ богословія, какъ выше упомянуто, была преподаваема и гомилетика, но, подчиненная общимъ реторическимъ пріемамъ, она мало была приспособлена къ высокому дѣлу проповѣданія слова Божія. Тогда не считалось неприличнымъ святыя преданія Церкви мѣшать съ баснями миѳологическими, нападать на противника со всѣмъ жаромъ полемики безъ большой разборчивости въ выраженіяхъ. Самое расположеніе бесѣдъ и поученій неизбѣжно подчинялось класическимъ образцамъ и, превосходное на римскомъ форумѣ, ошибочно почиталось хорошимъ и на каѳедрѣ церковной. Но, несмотря на недостаточность школьнаго преподаванія гомилетики, всѣ на-

ставники коллегіи, согласно волѣ и распоряженію мудраго основателя ея, обязаны были говорить поученія въ храмѣ Божіемъ. На всякій воскресный и праздничный день назначаемъ былъ очередной коллегіатъ, который проповѣдовалъ въ большой братской церкви. Кромѣ этого установлены были такъ называемыя инструкціи, изъ коихъ одна называлась великою, а другая малою. Первую составляли поученія, которыя были произносимы чрезъ весь годъ передъ позднею литургіей, учителемъ реторики или префектомъ въ классѣ реторическомъ. Предметомъ этой инструкціи было систематически-послѣдовательное истолкованіе какой либо цѣлой книги изъ ветхаго, а чаще новаго завѣта. Кромѣ воспитанниковъ, обязанныхъ непремѣнно бывать на этой инструкціи, къ слушанію ея безпрепятственно были допускаемы и лица посторонніе, и особенно богомольцы, приходившіе изъ дальнихъ странъ на поклоненіе святынѣ Кіева. Малая инструкція состояла въ изъясненіи народу православнаго катихизиса. Это дѣлалось на ранней обѣднѣ, для чего избираемъ былъ одинъ изъ младшихъ учителей, который въ теченіе цѣлаго года являлся на каѳедрѣ церковной съ своими поученіями.

Главнѣйшимъ изъ языковъ, преподаваемыхъ въ древней коллегіи, былъ языкъ латинскій. На него было обращено особенное вниманіе какъ потому, что онъ былъ, по выраженію патріарха Паисія, „благопотребенъ тогда кіевлянамъ, яко между латинами живущимъ", такъ и по той причинѣ, что это былъ классическій языкъ, на которомъ во всѣхъ европейскихъ училищахъ преподаваемы были всѣ вообще науки. Безъ этого языка нельзя было пріобрѣсти названіе образованнаго человѣка. Зато жъ въ кіевской коллегіи приняты были всѣ мѣры, чтобы усовершенствовать воспитанниковъ въ знаніи латыни. Едва ребенокъ поступалъ въ школу, ему тотчасъ давали въ руки латинскій букварь, и отчета въ заданномъ урокѣ требовали гораздо строже, чѣмъ по другимъ языкамъ; прійти въ училище съ невыученнымъ урокомъ и скрыть свое незнаніе не было никакой возможности: ибо пока доберется учитель до ученика, онъ обязанъ былъ проговорить свой урокъ предъ однимъ изъ прилежнѣйшихъ своихъ товарищей, которому поручаемо было наблюденіе и надзоръ за успѣхами нѣсколькихъ человѣкъ. Этотъ строгій блюститель, называвшійся авдиторомъ (auditor), выслушавъ одного изъ подвѣдомственныхъ себѣ, подъ личною отвѣтственностью, отмѣчалъ степень его знанія

или незнанія на листѣ, называвшемся нотатою или эрратою (notata s. errata) и представлялъ ее учителю, который поэтому безъ труда могъ знать успѣхи и прилежаніе каждаго изъ своихъ учениковъ. Потачка, или послабленіе, со стороны авдитора строго была взыскиваема: виновный лишался авдиторскаго званія и иногда подвергаемъ былъ и тѣлесному наказанію. Отъ обязанности сдавать уроки избавлялись только двое или трое самыхъ отличныхъ учениковъ и выслушивали самихъ авдиторовъ, называясь поэтому auditores auditorum. Они уже непосредственно состояли подъ вѣдомствомъ учителя и только ему отдавали отчетъ въ своемъ знаніи. Въ каждую субботу происходила главная репетиція за цѣлую недѣлю и считались отмѣтки въ нотатахъ: оказавшіеся лѣнивыми тутъ же получали приличное вразумленіе. Это называлось тогда субботками (sabbativa).

Среди этого ученики занимаемы были переводомъ латинскихъ авторовъ на языкъ русскій. Это происходило двоякимъ образомъ: устно и письменно. Послѣднимъ дѣломъ ученики занимались и въ школѣ и дома: школьныя ихъ задачи назывались экзерциціями (exercitia), а домашнія оккупаціями (occupationes). Для послѣднихъ ученики имѣли особыя разрисованныя тетради, связанныя въ порядкѣ, съ надписью: Liber diligentiarum — тетрадь занятій, или Codex laborum — книга трудовъ, и Occupationes — упражненія. Школьныя задачки всегда были оканчиваемы въ самомъ классѣ и подавались учителю, который, прочитавъ ихъ у себя дома и подчеркнувъ, а иногда и поправивъ ошибки, наутро возвращалъ ученикамъ съ приличною рецензіею, соотвѣтственно уже даннымъ правиламъ. Домашнія упражненія были предварительно показываемы авдитору, который, по мѣрѣ своихъ силъ, исправлялъ ихъ и представлялъ потомъ учителю съ надписью: correcta; лучшіе же изъ учениковъ подавали свои тетради прямо учителю, означая на нихъ: non correcta.

Такія задачки дѣлались иногда средствомъ къ соревнованію учениковъ между собою; въ такомъ случаѣ на тетради надписывалось: de calligraphia (въ чистописаніи), de diligentia (въ прилежаніи), de loco (о мѣстѣ), de erratis (насчетъ большаго или меньшаго числа ошибокъ). Соревнователь указывалъ и имя одного изъ своихъ товарищей, съ которымъ вступалъ въ такой споръ. И если въ претензіи своей онъ оказы-

вался достойнымъ требуемаго преимущества, въ такомъ случаѣ получалъ должное; буде же затронутый ученикъ не только не уступалъ ему, но даже превосходилъ своего противника въ затѣянномъ имъ спорѣ, тогда ему предоставлялось право искать удовлетворенія, и тетрадь обиженнаго такимъ совмѣстничествомъ требовала несостоятельному претенденту розогъ (de plagis). Иногда эти упражненія были средствомъ получить то, въ чемъ нуждался бѣдный школьникъ. На уцѣлѣвшихъ тетрадяхъ мы читаемъ надписи: de pane (о хлѣбѣ), de candella (о свѣчкѣ), de indutio (объ одеждѣ), de calceis (объ обуви), и грустно становится, когда подумаешь, какимъ лишеніямъ обрекали себя эти люди, которыхъ удерживала при школѣ одна лишь жажда къ просвѣщенію, — грустно, но вмѣстѣ и отрадно, ибо знаешь, что изъ этихъ горемыкъ выходили потомъ знаменитые пастыри Церкви, ученые и государственные мужи.

Воспитанники низшихъ классовъ и особенно синтаксимы непремѣнно обязаны были объясняться между собою на языкѣ латинскомъ, хотя бы то было внѣ школы. Провинившійся въ этомъ или сказавшій что-либо грамматически-неправильно тотчасъ получалъ отъ товарища calculum — узенькій, столицеватый бумажный свертокъ, вложенный въ небольшой футляръ. Имѣющій эту явную улику своего преступленія всѣми силами старался сбыть calculum какому-либо менѣе его осторожному и опытному въ языкѣ латинскомъ, — и горе, если этотъ свертокъ оставался у кого-нибудь черезъ ночь! Авдиторъ отмѣчалъ тогда: pernoctavit apud dominum N (переночевалъ у господина такого-то), и бѣдный dominus подвергался стыду и поношенію отъ своихъ товарищей, да сверхъ того и тѣлесному наказанію отъ учителя.

За латинскимъ языкомъ слѣдовало изученіе языка славянскаго и мѣстнаго русскаго: но что это были за языки! Странная и нескладная смѣсь польскихъ или малороссійскихъ выраженій — вотъ та рѣчь, которая иногда встрѣчалась между лучшими сословіями, говоримъ: иногда, потому что въ высшемъ классѣ болѣе любили говорить по-польски, чѣмъ древнимъ, прекраснымъ языкомъ, уцѣлѣвшимъ въ народныхъ думахъ и пѣсняхъ, и нѣсколькихъ договорныхъ и актовыхъ сдѣлкахъ. Въ самомъ низшемъ слоѣ общества оставалось, правда, то сильное и неиспорченное нарѣчіе, которое такъ прельщаетъ

нась въ воззваніяхъ Хмельницкаго и его сподвижниковъ; но то былъ языкъ хлопскій. и подавленная польщизною руская народность не замѣчала, что враги ея посягали на одно изъ лучшихъ достояній народа, рабски подделывавшагося подъ говоръ своихъ притѣснителей. Представители кіевской учености, кажется, меньше всѣхъ хотѣли это видѣть; да и то сказать, въ полемико-ожесточенныхъ спорахъ за первѣйшее достояніе Руси православной некогда было выбирать слова и наблюдать чистоту слога; нужно было говорить съ противной партией тѣмъ языкомъ, который она лучше понимала, и руские говорили; но въ рѣчахъ ихъ, кромѣ руской души, не было ни одного чисто-руского оборота. Не могло этому горю пособить и изученіе языка славянскаго, сохранившагося въ книгахъ церковныхъ; извѣстно, что всякій языкъ совершенствуется не столько теоретическимъ изученіемъ, сколько практическимъ его употребленіемъ; посему-то школьное изученіе языка церковно-славянскаго приносило только ту пользу изучавшимъ его, что позволяло понимать все, что пишется въ нашихъ священныхъ книгахъ; но какъ скоро доходило дѣло до передачи или до объясненія тѣхъ же самыхъ вещей народу, надобно было прибѣгать къ нарѣчію, ходившему среди его, и замѣнять прекрасное, но не совсѣмъ понятное слово дурнымъ, исковерканнымъ, но знакомымъ всѣмъ и каждому.

Тѣмъ не менѣе теоретическое изученіе русскаго языка и филологическое его изслѣдованіе началось собственно на юго-западѣ Россіи, и Кіевъ въ этомъ отношеніи имѣетъ едва ли не первую долю. Въ 1591 году студенты львовскаго училища составили полную эллино-славянскую грамматику; но такъ какъ это былъ лишь переводъ грамматики греческой, и поелику въ ней нимало не взяты въ расчетъ законы руской рѣчи, то она и не могла привиться къ слогу книжному Черезъ пять лѣтъ послѣ этого (1596 г.) явилась славянская грамматика львовскаго протопопа Лаврентія Зизанія Это ужъ былъ огромный шагъ впередъ. Для руской рѣчи указаны надлежащія формы; видно углубленіе въ характеръ и духъ самого языка: но написанная нарѣчіемъ церковно-славянскимъ, бѣлорускимъ и польскимъ, она въ самой себѣ носила живое противорѣчіе тѣмъ правиламъ о чистотѣ и правильности руской рѣчи которыя проповѣдывала, и сама „шармаючи въ писмѣ и словахъ“ ... не могла отворить всѣмъ умъ къ позна-

нію въ преправый разумъ". Наконецъ въ 1619 году вышла въ свѣтъ грамматика, которая по опредѣленію автора, долженствовала быть „извѣстнымъ художествомъ благо и глаголати и писати учащимъ". Это, безъ всякаго сомнѣнія, было то руководство, которымъ пользовались воспитанники кіевской школы, въ бытность Мелетія Смотрицкаго преподавателемъ наукъ. Болѣе вѣка прожила она, заслуживъ честь быть извѣстною всей Россіи; самъ великій творецъ русскаго слога Ломоносовъ изъ ней почерпнулъ первыя понятія о механизмѣ той молви, которую онъ потомъ геніемъ своимъ возвелъ „въ перлъ созданія". Кіевская академія по праву можетъ считать грамматику Смотрицкаго законнымъ своимъ достояніемъ: ибо правила, изложенныя въ ней, слышала она изъ устъ самого автора, здѣсь же изучавшаго ту рѣчь, которую уложилъ онъ потомъ въ умно-придуманныя формы. Положимъ, что дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе языка далеко оставило за собой правила грамматики Смотрицкаго, но и въ ней осталось многое, что доселѣ можетъ считаться незамѣнимымъ, несмотря на хитрости и мудрости новѣйшихъ грамматиковъ.

Рано юго-западъ Россіи началъ разрабатывать родное свое слово, какъ будто страшась за свое драгоцѣнное достояніе, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе заглушаемое чужеядными растеніями, щедро посѣваемыми отъ враговъ русской народности. Работа была механическая, не просвѣтленная наукою; но все же въ ней виднѣлась мысль искренняя — сберечь и сохранить по возможности какое есть добро. Такъ поступилъ Лаврентій Зизаній при составленіи своего словаря. Не пускаясь въ корнесловіе, не дѣлая никакихъ другихъ филологическихъ изслѣдованій, онъ только собиралъ извѣстныя ему русскія и славянскія слова и объяснялъ ихъ иногда реченіями польскими и бѣлорусскими, какъ болѣе употребительными въ томъ краю. Очевидно, что ближайшею цѣлію такого собиранія было желаніе уяснить тѣ выраженія, которыя сдѣлались уже не такъ доступными понятію слушавшихъ Зизаніевы уроки; но наука находитъ нынѣ въ этомъ высшую пользу. Кіеву предоставлена была честь видѣть у себя ученѣйшаго филолога того времени, если не въ школѣ, то въ нѣдрахъ его изучившаго тотъ языкъ, которому онъ былъ чуждъ по своему происхожденію. Это былъ Памва Берында, молдаванскій уроженецъ, прибывшій въ Кіевъ въ началѣ XVII вѣка. Его по

знанія и страсть къ ученымъ занятіямъ скоро нашли себѣ должное упражненіе. Когда Кіево-печерская лавра пріобрѣла себѣ стрятинскую типографію Балабана, Берында опредѣленъ былъ къ ней начальникомъ. Тутъ-то раскрылась въ немъ та страсть къ филологическимъ изслѣдованіямъ, которой мы обязаны первымъ правильно составленнымъ славяно-русскимъ лексикономъ. Его поразило богатство славянской молвы, имѣвшей „доквитое залецене (важное значеніе) не только отъ писемъ богословскихъ и гимновъ церковныхъ зъ еллинскаго нимъ претлумаченыхъ (переведенныхъ) але (но) изъ божественной литургіи и иныхъ таемницъ (таинствъ), которыя ся тымъ языкомъ въ великой и малой Россіи, въ Сербіи, Болгаріи и по инымъ странамъ оправуютъ". Ему прискорбно стало, что по причинѣ трудности къ уразумѣнію нѣкоторыхъ словъ славянскихъ и самая Церковь россійская многимъ „властнымъ (собственнымъ) сыномъ своимъ въ егиду (недобрую славу) приходитъ", и для того онъ предпринялъ дѣло, котораго до него только едва коснулся Зизаній. Все было для Берынды средствомъ къ уясненію того или другого слова: и польско-русское нарѣчіе тогдашняго времени, и филологическія замѣтки древнихъ писателей, и ссылки на свящ. книги, и языки еврейскій, греческій, латинскій и молдавскій.

Но всѣ эти многополезные труды были только частнымъ дѣланіемъ мужей просвѣщенныхъ. Изъ нихъ даже видно, что Кіевская коллегія была крайне бѣдна познаніями въ языкѣ чисто русскомъ, и что сами руководители ея въ этомъ дѣлѣ не могли оторваться отъ того говора, который былъ общеупотребительнымъ въ Кіевѣ и по всей юго-западной Россіи. Тѣмъ не менѣе школа, по мѣрѣ силъ и возможности, старалась очищать родную рѣчь отъ наносныхъ выраженій и значительно успѣвала въ этомъ.

Іезуиты, возмутившіе кіевлянъ противъ коллегіи, между прочимъ и тѣмъ, что въ ней находится въ большомъ пренебреженіи языкъ греческій, къ явному предпочтенію предъ нимъ латинскаго, нѣкоторымъ образомъ имѣли основаніе. Хотя Коссовъ въ своей апологіи и обѣщалъ поставить грецизмъ на такую степень, что онъ будетъ ad chorum, а латынь ad torum, но тѣмъ дѣло и кончилось; языкъ греческій и послѣ этого никакъ не могъ крѣпко привиться къ школьному образованію кіевскихъ коллегіатовъ. Патріархъ Паисій въ гра-

мотѣ своей училищному братству упоминаетъ, что языку греческому обучали тамъ только отчасти. Главнѣйшую причину сего должно искать въ томъ, что языкъ сей въ тогдашнее время былъ мертвымъ даже въ учебномъ отношеніи; ибо все, относящееся къ школьному кругу въ цѣлой Европѣ, выходило и печаталось на языкѣ латинскомъ, и слѣдовательно, если изученіе послѣдняго было неизбѣжимою надобностію, то знаніе перваго могло быть только ученою роскошью, а въ то время не до нея было кіевскимъ коллегіатамъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ языкъ греческій былъ вовсе въ пренебреженіи; иначе коллегія не произвела бы такихъ эллинистовъ, какъ Славеницкій, Сатановскій и подобные имъ.

Лекомцевскій.

Кіево-могилянская коллегія и ея значеніе въ XVII вѣкѣ.

Кіевская академія явилась въ концѣ XVI столѣтія, и явилась, какъ необходимый плодъ того времени и тогдашнихъ обстоятельствъ православной Церкви въ западной части Россіи. XVI вѣкъ для цѣлой Европы былъ такимъ временемъ, когда она, послѣ великихъ религіозныхъ и политическихъ переворотовъ, въ высшей степени чувствовала въ себѣ жажду просвѣщенія, и когда поэтому во всѣхъ почти лучшихъ городахъ разныхъ государствъ ея, какъ бы наперерывъ, спѣшили заводить университеты и коллегіи, въ которые толпами стремилось любознательное юношество. Россія еще не входила въ составъ европейскихъ государствъ и продолжала жить своею отдѣльною жизнью. Но западная часть ея, съ 1560 г. будучи присоединена къ Польшѣ и, чрезъ Польшу, приведши въ соприкосновеніе съ Европою, не могла не ощутить въ себѣ тѣхъ особенныхъ движеній, какія происходили въ общей жизни Европы, не могла не принять въ нихъ нѣкотораго участія. И кіевское училище, съ нѣсколькими другими, заведенное тогда у насъ по образцу европейскихъ, было явнымъ слѣдствіемъ и свидѣтельствомъ сего участія — перваго участія Россіи въ умственной жизни Европы. Но здѣсь только одна, и отнюдь еще не главная причина появленія кіевской академіи.

Для Россіи, въ ея отдѣльной жизни, XVI вѣкъ былъ также временемъ пробужденія отъ двухвѣковаго умственнаго сна, въ которомъ держало ее татарское порабощеніе, временемъ глубокаго, но еще робкаго сознанія потребности въ просвѣщеніи. Жалоба новгородскаго архіепископа Геннадія (1500 г.) всероссійскому митрополиту Симону на недостатокъ училищъ для образованія пастырей Церкви, жалобы на совершенный недостатокъ училищъ, высказанныя самому царю отцами, присутствовавшими на Стоглавомъ соборѣ, училище Заиконоспасское, открытое по приказанію Бориса Годунова (около 1599 года) — суть прямыя доказательства той мысли, что русскіе глубоко уже сознавали потребность просвѣщенія. Западная Россія, состоявшая вмѣстѣ съ Польшею подъ владычествомъ потомковъ Ягелла, хотя и отдѣлена была, повидимому, отъ Руси восточной, но внутренно не прерывала совершенно и не могла прервать родственнаго союза съ нею. Посему-то, принимая чрезъ Польшу естественнымъ и необходимымъ образомъ нѣкоторое участіе въ жизни Европы, она, въ то же самое время, не переставала жить по преимуществу русской жизнью. Кіевское православное училище, учрежденное въ ней вмѣстѣ съ другими подобными, было выраженіемъ этого глубокаго сочувствія ея съ образованнымъ Западомъ и съ твердою въ вѣрѣ и православіи Русью восточною, начавшею въ свою очередь сознавать потребность въ просвѣщеніи. Вотъ гдѣ можно полагать другую, но опять еще не главную, причину появленія училища собственно въ Кіевѣ. XVI вѣкъ для западной Россіи былъ временемъ, когда она въ первый разъ увидѣла крайнюю опасность лишиться перваго и драгоцѣннѣйшаго своего достоянія — православія. Давнее покушеніе папы подчинить русскихъ своей духовной власти теперь воскресло съ новою силою. Іезуиты, проникше въ Польшу еще при Сигизмундѣ-Августѣ, управляя теперь всею польскою политикою, немедленно и съ жаромъ приступили къ своему любимому дѣлу. Желая совращать съ пути православія людей взрослыхъ, но не твердыхъ и неискусныхъ въ вѣрѣ, они распускали разныя полемическія сочиненія на восточную Церковь; а чтобы посѣвать и укоренять свои неправыя мысли въ душахъ еще юныхъ и неопытныхъ, они заводили въ Вильнѣ, Полоцкѣ и на Волыни свои училища. Въ такихъ обстоятельствахъ что оставалось дѣлать православнымъ? Училищамъ латинскимъ необходимо было противопо-

ставить училища, сочиненіямъ — сочиненія, а для этого нужны были люди ученые, и, значитъ, опять нужны были училища. И вотъ они начинаютъ возникать одно за другимъ. Первое православное училище явилось въ Острогѣ около 1580 г. Его учредилъ величайшій въ то время ревнитель православія Константинъ Константиновичъ князь Острожскій. Второе основано во Львовѣ около 1586 г. Третье благословилъ завести въ Вильнѣ въ 1588 г. константинопольскій патріархъ Іеремія II, путешествовавшій по Россіи. Православное братство, только что образовавшееся передъ тѣмъ, при церкви монастыря Святодуховскаго, не замедлило привести въ исполненіе священную волю іерарха. Точно такое же православное училище открыто, наконецъ, и въ Кіевѣ, столицѣ православія. Святая ревность по вѣрѣ успѣла и здѣсь связать узами христіанскаго братства нѣсколько лицъ разныхъ сословій, которыя, предположивъ себѣ цѣлью попеченіе о всемъ, касающемся до благосостоянія Церкви, рѣшились, между прочимъ, содѣйствовать всѣми мѣрами успѣхамъ и процвѣтанію лучшей изъ кіевскихъ приходскихъ школъ, находившейся при Богоявленской церкви. Сіе-то благочестивое братство, на обратномъ пути патріарха Іереміи II изъ Москвы въ Константинополь, испросило у него благословеніе преобразовать свою школу въ высшее православное училище, по образцу другихъ, существовавшихъ уже въ княжествѣ литовскомъ. Первосвятитель восточной Церкви, на одномъ концѣ Россіи утвердившій патріаршій престолъ и давшій ей перваго патріарха, на другомъ положилъ своимъ благословеніемъ основной камень православному училищу, тогда четвертому въ кіевской православной митрополіи. Итакъ, ревность по православію — вотъ главная и ближайшая причина появленія кіевской академіи. Такимъ образомъ академія сія, по своему происхожденію, служитъ живымъ памятникомъ трехъ важнѣйшихъ въ исторіи событій: она напоминаетъ намъ великую эпоху пробужденія Европы къ просвѣщенію и вмѣстѣ съ тѣмъ первое участіе Россіи въ умственной европейской жизни; она служитъ памятникомъ дѣятельнаго сознанія потребности просвѣщенія народа русскаго, послѣ удручавшаго его татарскаго ига, и дружелюбнаго участія въ семъ дѣлѣ великаго княжества литовскаго или, частнѣе, Малороссіи; памятникомъ, наконецъ, первой явной опасности для западной Россіи лишиться православія и вмѣстѣ памятникомъ особенной ревности кіевлянъ къ православной вѣрѣ.

Первые двадцать пять лѣтъ существованія кіевской школы остаются для насъ почти неизвѣстными. Сеймъ 1597 г., объявившій народъ русскій отступникомъ, вѣроломнымъ, бунтливымъ, далъ полную волю фанатизму ревнителей папскаго престола, и скоро вся Украина запылала страшною, непримиримою войною. Это продолжалось до 1607 г., когда новымъ сеймомъ ограждены были нѣсколько права христіанъ православныхъ. Легко представить себѣ, каково долженствовало быть состояніе кіевскаго училища въ это десятилѣтіе. Тогда какъ всѣ православныя училища были всячески тѣснимы и разрушаемы іезуитами, главнѣйшими дѣятелями въ сихъ гоненіяхъ, могло ли оно укрыться отъ ихъ преслѣдованія? Если они старались довести до совершеннаго упадка училище острожское, львовское, то не упускали, безъ сомнѣнія, ничего ко вреду училища братскаго, которое, находясь въ самой столицѣ православія, служило оплотомъ правой вѣры. Наконецъ, къ довершенію бѣдствій, претерпѣнныхъ симъ училищемъ, огонь испепелилъ его въ концѣ 1614 г. Къ счастію, кіевская школа не пала навсегда: и послѣ пожара ревность по православію возродила ее изъ пепла. Анна Гугулевичевна, единственно по усердію и приверженности къ православной Церкви, въ нѣдрахъ коей она родилась и была воспитана, пожертвовала для помѣщенія братской школы нѣсколько зданій и дворъ на Подолѣ (тотъ самый, гдѣ доселѣ существуетъ академія), съ условіемъ, чтобы при школахъ заведенъ былъ и монастырь и гостепріимный домъ для православныхъ странниковъ духовнаго званія.

Чему обучали въ кіевскомъ училищѣ? Патріархъ Ѳеофанъ назвалъ его, въ одной изъ своихъ грамотъ, школою наукъ эллино-словенскаго и латино-польскаго письма; однако отсюда не должно заключать, будто бы, кромѣ показанныхъ четырехъ языковъ, ничего болѣе здѣсь не преподавали. Такъ назывались и училища острожское, львовское и виленское, по примѣру которыхъ заведено наше; но въ нихъ не только были сообщаемы желающимъ первоначальныя свѣдѣнія въ этихъ языкахъ, но и во всѣхъ ихъ преподаваемы были и словесныя науки, т.-е. поэзія и реторика. Преподаваніе, независимо отъ постороннихъ препятствій, было въ состояніи цвѣтущемъ. Хотя здѣшніе наставники, большею частью, воспитывались въ православныхъ училищахъ, но слушали тамъ науки, пересаженныя изъ Европы. Послѣднее подтверждается тѣмъ, что по крайней мѣрѣ извѣст-

ные изъ сихъ наставниковъ были весьма достаточно приготовлены къ своему дѣлу. Таковъ Мелетій Смотрицкій, мужъ въ свое время ученѣйшій и славный между соотечественниками многими сочиненіями, но, къ сожалѣнію, запятнавшій свое имя измѣною православію. Онъ первоначально преподавалъ свою славянскую грамматику, которую издалъ уже впослѣдствіи въ Вильнѣ (1616 г.) Іовъ Борецкій, потомъ кіевскій митрополитъ. „Сей митрополитъ, говоритъ о немъ святитель ростовскій, бѣ благочестивъ и премудръ, въ божественномъ писаніи искусенъ, греческій и латинскій языкъ добрѣ умѣвый, и тѣхъ языковъ иные въ школахъ учивый". Вообще же учителями во все это время являются здѣсь монашествующіе, которыхъ ввела въ дворъ свой Анна Гугулевичевна.

Кіевское училище было открыто и поддерживаемо братствомъ, состоявшимъ изъ людей всѣхъ сословій; потому и вступать въ него имѣли право дѣти всякаго званія. Анна Гугулевичевна, жертвуя своимъ домомъ на школы, изъявила желаніе, чтобы въ нихъ обучались дѣти и дворянскія и мѣщанскія всѣхъ православныхъ, остававшихся въ воеводствахъ кіевскомъ, волынскомъ и браславскомъ. Что касается до числа обучавшихся, то оно, можно думать, было постоянно не малое. Послѣ сего можно уже судить, сколько пользы принесло кіевское училище всему малороссійскому краю. Самъ Богданъ Хмельницкій здѣсь получилъ первоначальное образованіе. Сколько наконецъ воспиталось здѣсь смиренномудрыхъ пастырей Церкви, которые по самому мѣсту, ими занимаемому, и по своему долгу, болѣе другихъ могли распространять и словесно и письменно свѣтъ познаній и особенно свѣтъ спасительной вѣры между единоземцами!

Между тѣмъ какъ кіево-братское училище болѣе и болѣе обезпечивало свое существованіе и содержаніе, день ото дня пріобрѣтая себѣ новыхъ покровителей и защитниковъ почти по всей Украинѣ, и наконецъ утверждено было грамотою королевскою, — въ это самое время незамѣтно и намѣренно ему готовилась опасность, которая, безъ сомнѣнія, много повредила бы ему, если бы не обращена была Промысломъ для нашего училища въ начало продолжительнаго и великаго счастія. Въ 1625 г. въ Кіево-печерскую лавру прибылъ, съ твердымъ желаніемъ поступить въ число братій, одинъ иностранецъ, знаменитый своимъ происхожденіемъ и своими личными

заслугами въ польской военной службѣ, своимъ образованіемъ, самымъ полнымъ и лучшимъ въ тѣ времена. Это былъ воеводичъ земель молдавскихъ, Петръ Могила. Съ самаго поступленія на новое свое поприще онъ не могъ безъ величайшей скорби смотрѣть на бѣдственное состояніе православной Церкви въ тогдашней Малороссіи, не могъ безъ огорченія сносить, какъ ученые іезуиты и уніаты наводняли ее своими полемическими сочиненіями и соблазняли православныхъ, не имѣвшихъ у себя образованныхъ пастырей, которые способны были бы отразить такія нападенія. Получивъ санъ архимандрита Кіево-печерской лавры, съ тѣмъ вмѣстѣ и значительные доходы, Петръ Могила отправилъ на собственномъ иждивеніи нѣсколько даровитыхъ и довольно уже приготовленныхъ юношей въ лучшія иностранныя училища для окончательнаго образованія на пользу Церкви. Прошло четыре года; посланные возвратились на родину съ запасомъ свѣдѣній, съ рѣшимостью принесть ей въ жертву все, что имѣли. Тогда воспитатель ихъ приступилъ къ другому важному дѣлу: онъ вознамѣрился, съ согласія всей братіи своей, открыть при лаврскомъ монастырѣ училище для дѣтей православныхъ. Можно было ожидать, что училище братское будетъ оставлено даже прежними своими питомцами и, пріобрѣтая мало новыхъ, падетъ неминуемо. Къ счастію братскаго училища, эта угрожавшая ему опасность не укрылась отъ заботливаго взора многочисленнаго братства Богоявленскаго, и три просительныхъ листа отъ трехъ главнѣйшихъ тогда сословій въ Малороссіи, участвовавшихъ въ лицѣ нѣсколькихъ представителей своихъ въ семъ братствѣ, одинъ за другимъ поданы были Петру Могилѣ въ той силѣ, чтобы онъ не заводилъ особаго училища въ лаврѣ, а соединилъ бы его съ братскимъ, находящимся на Подолѣ. Гетманъ Иванъ Петржицкій съ своими есаулами, полковниками и со всѣмъ запорожскимъ войскомъ клятвенно обѣщали защищать братское училище и все, ему принадлежащее, изъ рода въ родъ, отъ всѣхъ непріятелей и притѣснителей, хотя бы то стоило крови; шляхетство давало обѣтъ ежегодно избирать изъ среды своей старостъ для попеченія о содержаніи сего училища. Могила согласился. Признательная коллегія никогда не забывала своего величайшаго благотворителя. Болѣе ста лѣтъ, переименованная уже и въ академію, она во имя его называлась собственно Кіево-Могилянскою.

Много сдѣлалъ Петръ Могила для своей коллегіи относительно внѣшняго ея благосостоянія, еще больше относительно ея внутренняго устройства. Онъ распространилъ въ ней кругъ наукъ, ввелъ новый училищный порядокъ, завелъ при ней необходимое учебное пособіе—библіотеку. Предметы обученія въ коллегіи были слѣдующіе: три языка — славянскій, греческій и латинскій, нотное пѣніе, православный катихизисъ, ариѳметика, поэзія, риторика, философія и богословіе. Есть основаніе думать, что, по крайней мѣрѣ первоначально, здѣсь обучали юношей геометріи, музыкѣ и отчасти астрономіи.

Первые наставники коллегіи воспитывались въ академіяхъ и университетахъ заграничныхъ. А извѣстно, какъ преподавались тогда науки въ Европѣ. Въ богословіи, съ одной стороны, преобладалъ схоластицизмъ; съ другой стороны, по случаю отторженія лютеранъ отъ римской Церкви и происхожденія многихъ другихъ религіозныхъ обществъ, изъ которыхъ каждое всячески старалось защищать свое ученіе, подвергавшееся нападенію прочихъ, и опровергать все чужое,— науки богословскія были обращены въ жаркую полемику. Самая строгая схоластика господствовала и въ философіи. Аристотель оставался попрежнему въ уваженіи; его сочиненія издаваемы были вновь, и знаменитые ученые продолжали писать на нихъ огромные комментаріи. Правда, Англія имѣла уже Бэкона и Локка, Франція — Декарта; но творенія этихъ великихъ мыслителей были пока мало извѣстны и не успѣли освободить философію отъ тяжкихъ оковъ схоластики. По риторикѣ методы Аристотеля, Димитрія александрійскаго, и особенно Цицерона и Квинтиліана, почитались лучшими руководствами и единственными образцами при составленіи учебниковъ. Новые авторы писали комментаріи на эти образцы или сочиняли цѣлые томы о томъ, какъ писать письма, какъ умножать при сочиненіи слова и мысли и т. п. Поэзія въ школахъ занималась только стихосложеніемъ латинскимъ и разными его родами и видами. Изрѣдка преподаваемы были воспитанникамъ немногія правила стихосложенія на языкахъ отечественныхъ. Въ такомъ точно видѣ всѣ эти науки явились и въ коллегіи нашей. Изъ языковъ главнѣйшимъ почитался латинскій, который потому и находился здѣсь въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, и съ первыхъ годовъ училища. На этомъ языкѣ излагались всѣ науки, кромѣ славянской грамматики и православнаго

латинскій; на немъ писаны и почти всѣ сочиненія ученическія. Послѣдніе обязаны были говорить всѣ по-латыни и въ классахъ, и въ жилыхъ комнатахъ, и на улицахъ, словомъ вездѣ, гдѣ только могли сойтись другъ съ другомъ. Вторымъ языкомъ послѣ латинскаго считался здѣсь славянскій. И объ немъ также заботились здѣсь, хотя и не столько, сколько о первомъ. На немъ писались какъ наставниками, такъ и воспитанниками разныя стихотворенія по силлабическому размѣру; учитель поэзіи обязанъ былъ ежегодно приготовить драму, комедію или трагедію для лѣтнихъ рекреацій, а ученики нѣсколько діалоговъ, акростиховъ и другихъ виршей. На немъ сочиняемы были разныя поздравительныя рѣчи; на немъ произносились наставниками въ храмахъ Божіихъ поученія. Но болѣе всего изученію его содѣйствовало то, что на немъ изложено св. писаніе, которое составляло всегда главный предметъ занятій для обучавшихся богословію. На самой низшей степени, сравнительно съ другими, находился здѣсь языкъ греческій. Между науками, преподававшимися въ коллегіи, первое мѣсто занимало богословіе, которое наиболѣе и преподавалось. Побужденіемъ къ подробнѣйшему и основательнѣйшему изученію его служила отчасти унія, заставлявшая воспитанниковъ знать, какъ можно лучше, особенно спорные пункты вѣроученія, съ одной стороны, чтобы посредствомъ ихъ утверждать въ нихъ православныхъ, а съ другой, чтобы быть въ состояніи отражать всѣ нападенія враговъ и побѣждать ихъ. Съ этою цѣлью богословіе читалось здѣсь преимущественно въ трактатахъ о предметахъ спорныхъ, съ величайшею обширностью и отчетливостью, и полный курсъ его продолжался цѣлыхъ четыре года, между тѣмъ какъ преподаваніе курса философіи ограничивалось двумя годами, а преподаваніе риторики, равно какъ и поэзіи, только однимъ. Процвѣтанію богословія содѣйствовало, конечно, и то, что по этой наукѣ постоянно когда только было возможно преподавателями были отличные профессоры, знавшіе ее въ совершенствѣ.

Съ радостью, еще при жизни своей, видѣлъ Могила плоды своей коллегіи въ Церкви Божіей и просвѣщеніи. Пречудно было въ такое краткое время произойти изъ нея столькимъ знаменитымъ пастырямъ, подвизавшимся и прославившимъ на поприщѣ русской православной Церкви и русскаго просвѣщенія. Лазарь Барановичъ, архіепископъ Черни-

ловскій, и Іоанникій Галятовскій, архимандритъ, являются изъ кіевской коллегіи первымъ по времени яркимъ созвѣздіемъ на этомъ горизонтѣ. Оба они были славные состязательные богословы. Когда около половины XVII ст. уніаты и римско-католики стали издавать противъ восточной Церкви разныя бранныя сочиненія, тогда для состязанія съ ними, съ общаго согласія всѣхъ малороссійскихъ церквей, избраны были Барановичъ и Галятовскій; и они достойно оправдали сіе избраніе.

Поприщемъ дѣятельности для выходящихъ изъ коллегіи былъ главнымъ образомъ Малороссія, хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣли случаи служить Великой Россіи. Но затѣмъ они проникаютъ во всѣ страны обширнѣйшаго царства русскаго, занимаютъ большую часть пастырскихъ каѳедръ и всюду разносятъ съ собою свѣтъ просвѣщенія. Питомцы кіевской коллегіи являлись защитниками православія не на одномъ Западѣ нашего православнаго отечества, ратуя только противъ уніатовъ; многіе изъ нихъ являются столпами всей россійской Церкви, обуреваемой расколами. На престолѣ россійскомъ возсѣлъ величайшій изъ государей, который думая, преобразовать свое царство, собралъ себѣ отвсюду достойныхъ сподвижниковъ; коллегія принесла ему, какъ священную дань, лучшихъ своихъ воспитанниковъ, какихъ только когда-либо имѣла. Св. Димитрій Туптало, Стефанъ Яворскій, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, св. Иннокентій Кульчицкій и Гавріилъ Бужинскій — вотъ извѣстнѣйшіе изъ нихъ.

Митр. Макарій.

Характеристика южнорусской литературы XVII вѣка и ея представители.

Римско-католическая пропаганда, довольно сильная въ западной и южной Россіи въ XIV и XV вѣкахъ и почти совсѣмъ прекратившаяся въ XVI ст., въ золотой вѣкъ польской свободы, съ чрезвычайной силой развилась въ послѣднее десятилѣтіе XVI и въ началѣ XVII столѣтія, при королѣ-фанатикѣ Сигизмундѣ III. Пронырливые іезуиты, овладѣвъ королемъ, польскимъ духовенствомъ и частью польской аристократіи, захвативъ въ свои руки высшія учебныя заведенія и цензуру, обнаружили рѣшительное намѣреніе ввести въ южной и западной Россіи церковную унію, какъ переходную ступень къ латинству.

замѣнить юліанскій календарь новымъ календаремъ грегоріанскимъ и взамѣнъ церковно-славянскаго языка ввести въ южнорусскую письменность языкъ латинскій. Устроенный посредствомъ козней и интригъ брестскій церковный соборъ разрѣзалъ южно- и западно-русскій народъ на части, на православное большинство и уніатское меньшинство. Меньшинство это было сильно поддержкой короля и католическаго духовенства, ежегодно усиливалось приливомъ новыхъ уніатовъ.

Отъ южнорусскаго народа прежде всего отпали высшее духовенство и аристократія. Ихъ ослѣпилъ блескъ польской цивилизаціи, польская наука, литература, коллегіи. Въ особенности ихъ обольстила вольная и роскошная жизнь польской аристократіи. Русская аристократія и высшее русское духовенство, которое, какъ извѣстно, комплектовалось также изъ людей „уроженыхъ", знатныхъ, стали изъ всѣхъ силъ стремиться къ соединенію съ польской аристократіей, стали принимать латинскія вѣрованія, польскій языкъ, польскіе обычаи и нравы.

Гордые своей наукой и литературой, своими коллегіями, латино-уніатскіе писатели въ концѣ XVI столѣтія настойчиво указывали православнымъ южноруссамъ на ничтожество ихъ школъ, невѣжество и бѣдность духовенства, отсутствіе проповѣди, грубость нравовъ. „Во всей столь обширной русской странѣ, писали они, не имѣете и трехъ ученыхъ, а школъ по всей вашей землѣ Господь Богъ не соизволяетъ". Мало того, латино-уніатскіе писатели, хорошо сознавая, какое огромное значеніе имѣли въ Рѣчи Посполитой родовитость и старожитность, особенно настойчиво указывали православнымъ, что у нихъ исчезли сильные паны...

Православные превосходно сознавали всю основательность этихъ упрековъ. Князь К. К. Острожскій писалъ Поцѣю: „Не отъ чого иншого размножилося межи людьми такое лѣниветво, оспалство и отступленіе отъ вѣры, яко наиболшей отъ того, ижъ устали учители, устали проповѣдачи слова Божего, устали науки, устали казанья"... Мелетій Смотрицкій такъ оплакивалъ потерю лучшихъ русскихъ родовъ въ своемъ сочиненіи „Ѳриносъ" въ 1610 г.: „Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, которымъ украшена была православная Церковь,—гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры? Гдѣ другіе славные роды русскихъ князей, сапфиры и алмазы"

Православный южно-русскій народъ созналъ опасность своего національнаго положенія, вѣрно опредѣлилъ свои религіозные интересы, ясно увидѣлъ слабыя стороны своего духовнаго развитія и съ необыкновенной энергіей принялся за выработку необходимыхъ средствъ самообразованія и самозащиты. Мелкопомѣстное дворянство, низшее духовенство, мѣщане и крестьяне слились въ одномъ стремленіи отстоять православную вѣру, юліанскій календарь, языкъ церковно-славянскій, сохранить главенство константинопольскаго патріарха, удержать за мірянами право участія въ церковныхъ дѣлахъ, вообще отстоять всѣ проявленія національной самобытности.

Результатъ этого стремленія оказался поразительнымъ. Народъ южно-русскій, почти вовсе не находя опоры въ могущественной аристократіи, при временномъ, случайномъ содѣйствіи высшаго духовенства, главнымъ образомъ усиліями мелкихъ общественныхъ единицъ, повсемѣстно создаетъ церковныя братства, возстановляетъ разрушенныя церкви, учреждаетъ греко-славянскія училища, библіотеки, типографіи, издаетъ „вшелякія книги" — богослужебныя, нравоучительныя, историческія и даже филологическія, отправляетъ дьячковъ за границу, въ Румынію, учиться церковному пѣнію, снаряжаетъ депутаціи къ королю съ жалобами на угнетеніе православныхъ латино-уніатами, покрываетъ всю страну мелкими церковно-приходскими школами, шпиталями или больницами, и, наконецъ, выдвигаетъ изъ своей среды энергичныхъ и талантливыхъ церковныхъ полемистовъ, историковъ и филологовъ. И все это создается въ короткое время, въ нѣсколько десятилѣтій, такъ что у трудолюбиваго и скромнаго Захаріи Копыстенскаго въ 1622 г. вырвалось радостное признаніе. „Оминають за ласкою Божею, нашу россійскую церковь лѣта грубой простоты; свѣтити ей почала свѣтлость умѣетности и правды".

„Свѣтлость умѣетности и правды" въ половинѣ XVII ст. была настолько уже значительна, что озарила всю западную и южную Россію, проникла даже и въ другія православныя страны, въ Румынію, Сербію, Московское государство. Молдавскіе господари пользовались южно-русскими типографіями и оказывали имъ денежное пособіе. Обладая значительными средствами, „церковныя братства снабжали даромъ Сербію необходимыми для нея книгами. Въ Кіево-могилянской кол-

легіи училось много сербовъ. Малорусскіе ученые проникли даже въ сербское населеніе южной Австріи и завели здѣсь школы. Сербы охотно пользовались сочиненіями южно-русскихъ писателей. Такъ, въ произведеніяхъ Гавріила Стефановича или Венцловича (1725—1745) находятся отрывки изъ сочиненій Лазаря Барановича. Московское государство стало пользоваться услугами южно-русскихъ и западно-русскихъ ученыхъ съ половины XVII ст. Въ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ вызвалъ въ Москву кіевскихъ ученыхъ иноковъ Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго. Вскорѣ приближеннымъ къ царю человѣкомъ, наставникомъ царскихъ дѣтей, становится дѣятельный Симеонъ Полоцкій. Петръ Великій въ своей преобразовательной дѣятельности опирался, между прочимъ, на кіевскихъ ученыхъ, переселившихся по вызову царя въ Великороссію. Ученые малороссіяне работали въ Великороссіи въ духѣ и направленіи южно-русской литературы и лишь въ началѣ XVIII ст. стали приспособляться къ великорусскимъ особенностямъ быта, при чемъ въ дѣлѣ такого приспособленія болѣе всего помогли и принесли Великой Россіи наибольшую пользу Ѳеофанъ Прокоповичъ и Димитрій Ростовскій. Южно-русскіе ученые, переселившись въ Московское государство, создали здѣсь проповѣдь, ввели въ обыкновеніе составленіе мистерій и, удовлетворяя насущной потребности великороссіянъ, приняли самое дѣятельное участіе въ исправленіи богослужебныхъ книгъ отъ накопившихся въ теченіе вѣковъ ошибокъ и неточностей.

Очагомъ научнаго движенія служитъ Кіево-могилянскій коллегіумъ, построенный по образцу высшихъ іезуитскихъ училищъ. Научное образованіе состоитъ главнымъ образомъ въ изученіи латинскаго языка и въ ознакомленіи съ средневѣковымъ схоластическимъ богословіемъ. Литература характеризуется преобладаніемъ въ полемикѣ богословскаго элемента надъ историческимъ, въ развитіи искусственной схоластической проповѣди, или казанья, въ рѣшительномъ перевѣсѣ польскаго языка надъ церковно-славянскимъ. Значительное большинство сочиненій написано на языкѣ польскомъ; южно-русскій элементъ проявляется случайно въ немногихъ сочиненіяхъ, изложеніе тяжелое, обильное макаронизмами. Сильно развивается наклонность къ стихотворству; наклонность эта въ концѣ XVII ст. переходитъ въ манію, въ сумасбродство

исключающее даже самую возможность появленія строго-историческихъ или филологическихъ изслѣдованій. Развивается крайный панегиризмъ. Люди науки гордятся своею наукою и отдѣляютъ ее отъ жизни общественной и народнаго быта, какъ нѣчто чрезвычайно высокое, не допускающее прикосновенія низменной дѣйствительности.

По времени дѣятельности, по взаимнымъ личнымъ и литературнымъ связямъ южно-русскіе писатели второй половины XVII ст. раздѣляются на двѣ группы. Въ первую группу входятъ литературные дѣятели тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ XVII ст.: Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Исаія Трофимовичъ, Козловскій и нѣсколько второстепенныхъ по значенію. Въ вторую группу входятъ дѣятели шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ: Иннокентій Гизель, Лазарь Барановичъ, Іоанникій Галятовскій, Антоній Радивиловскій. Наиболѣе вліятельными людьми были Петръ Могила и Лазарь Барановичъ, наиболѣе образованнымъ и плодовитымъ писателемъ Іоанникій Галятовскій. Всѣ эти дѣятели стояли тѣсно другъ около друга, поддерживали другъ друга всячески. Петръ Могила покровительствовалъ и повышалъ Коссова, Козловскаго и Гизеля; Гизель — Барановича и Радивиловскаго. Барановичъ — Галятовскаго. Они соединены были другъ съ другомъ тѣсными узами нравственной солидарности, узами дружбы, и всѣ они въ литературѣ и отчасти въ политикѣ дѣйствовали сообща и въ одномъ направленіи, что обусловлено было сходствомъ ихъ литературныхъ и научныхъ понятій. *Сумцовъ.*

Построеніе южно-русской проповѣди.

Южно-русская проповѣдь не отличалась самостоятельностію. Какъ древніе русскіе проповѣдники до XV вѣка слагали свои поученія, руководствуясь греческими святоотеческими поученіями, такъ южно-русскіе проповѣдники XVI и XVII вв. подражали въ своихъ проповѣдяхъ латино-польскимъ образцамъ. Они заимствовали отъ латино-польскихъ образцовъ: 1) систематическое *построеніе* проповѣди, по опредѣленному плану; 2) *развитіе* и обогащеніе ея разнообразнымъ и спи-

магельнымъ содержаніемъ; 3) особенности въ *стилѣ, тонѣ и внѣшнихъ пріемахъ изложенія.* По этимъ тремъ рубрикамъ мы и постараемся охарактеризовать древнюю южно-русскую проповѣдь.

1) *Построеніе южно-русской проповѣди.* Южно-руская проповѣдь была плодомъ школьнаго образованія, поэтому въ построеніи ея, естественно, должна была явиться своего рода искусственная систематичность. Авторъ первой руской гомилетики Іоанникій Галятовскій, писавшій по руководству латинскихъ писателей Іереміи Дрекселлюса, Симона Старовольскаго, такъ опредѣляетъ составъ проповѣди: „кто хочетъ составить проповѣдь, тотъ долженъ прежде всего положить изъ св. писанія *тему*, которая служитъ фундаментомъ всей проповѣди, потому что, сообразно съ темою, располагается вся проповѣдь, состоящая изъ трехъ частей. Первая часть *екзордіумъ*, — вступленіе, въ которомъ проповѣдникъ дѣлаетъ приступъ къ тому, о чемъ хочетъ говорить, обозначаетъ слушателямъ предметъ своей проповѣди и проситъ Бога и Пречистую Дѣву о помощи, а слушателей о вниманіи. Другая часть *наррація*; въ этой части проповѣдникъ говоритъ людямъ о томъ, о чемъ обѣщалъ говорить. Эта часть — самая большая, въ ней вся проповѣдь замыкается и къ ней остальныя части стягиваются. Третья часть — *конклюзія*, заключеніе. Здѣсь проповѣдникъ припоминаетъ то, о чемъ говорилъ въ нарраціи, и, сообразно содержанію ея, увѣщеваетъ слушателей, чтобы они любили вышесказанное добро или остерегались вышесказаннаго зла". Въ этомъ правилѣ мы видимъ новость, введенную духомъ школы, создавшимъ южно-русскую проповѣдь. Старинная руская проповѣдь, слагавшаяся по стариннымъ греческимъ образцамъ, не знала правила о темѣ.

Пересмотрите старинные сборники древне-рускихъ поученій, вы увидите въ иныхъ мѣстахъ заглавія слишкомъ общія и неопредѣленныя, дававшія право проповѣднику говорить о чемъ угодно; напр. *поученіе избранно от соборника,* [illegible] *брати христіанамъ желати,* или [illegible] *—православнымъ христіаномъ*; въ другихъ мѣстахъ заглавіе или не соотвѣтствуетъ проповѣди, или само собою указываетъ на неопредѣленность и разнохарактерность ея состава и содержанія. Напр. [illegible], или: [illegible]

[illegible] Іоанна [illegible]. Духъ школы, создавшій южно-русскую проповѣдь, не могъ помириться съ такою неопредѣленностію и безсистемностію древнихъ проповѣдей и на первый планъ поставилъ требованіе *темы, которая служитъ фундаментомъ всей проповѣди*.

Имѣя въ виду произведенія южнорусской проповѣднической литературы, мы безъ труда можемъ различить четыре проповѣди, по ихъ темамъ и дальнѣйшему построенію.

Къ первой группѣ можемъ отнести тѣ проповѣди, которыя представляютъ собою не иное что, какъ отдѣльные трактаты изъ догматики, нравственнаго богословія, только произносимые съ церковной каоедры. Такъ какъ тема проповѣди берется изъ богословскаго учебника, то, естественно, и все дальнѣйшее построеніе проповѣди располагается по рубрикамъ, принятымъ въ тогдашнемъ учебникѣ. Такъ, напр., въ словѣ на день Богоявленія проповѣдникъ желаетъ изложить своимъ слушателямъ ученіе о таинствахъ. „Такъ какъ Господь (говоритъ онъ) крестился для того, чтобы установить намъ таинство крещенія, то по этому поводу я хочу говорить о всѣхъ таинствахъ, которыя суть видимые знаки невидимой благодати Божией. Итакъ, я покажу въ своей проповѣди, какая каждаго таинства матерія, какая форма, какая польза (пожытокъ)". Этими словами достаточно опредѣляется составъ проповѣди. Въ словѣ на день Преображенія Господня, изъ текста: „*явистася Моисей и Илія съ Нимъ глаголюща*", проповѣдникъ выводитъ такую тему: „я изложу милости вашей различныя пророчества о Христѣ, изъ которыхъ можемъ уразумѣть, что Христосъ истинный Мессія", имѣвшій пріити въ міръ для спасенія человѣческаго. На основаніи тѣхъ же пророчествъ мы можемъ дать отпоръ невѣрнымъ жидамъ, не признающимъ Христа Мессіею. Очевидно, и эта проповѣдь есть не иное что, какъ трактатъ изъ догматики. Систематичность южно-русской школьной догматики, перешедшая по наслѣдству и къ современному православно-догматическому богословію, отражается на южныхъ русскихъ догм. проповѣдяхъ съ полною ясностью.

Есть проповѣди и на темы, относящіяся къ нравственному богословію: такъ, въ словѣ въ недѣлю крестопоклонную проповѣдникъ разсуждаетъ о трoякомъ крестѣ духовномъ, т.-е. о нищетѣ, чистотѣ и послушаніи (обѣтахъ монашескихъ); въ словѣ на недѣлю 22-ю различными примѣрами доказываетъ

разнообразную пользу милостыни; въ словѣ на Вознесеніе Господне говоритъ о трехъ ступеняхъ, ведущихъ на небо, т.-е. о вѣрѣ, надеждѣ и любви.

Какъ по догматическимъ проповѣдямъ мы можемъ судить о преподаваніи догматики въ южно-русскихъ школахъ, такъ въ нравоучительныхъ проповѣдяхъ слышимъ уроки изъ нравственнаго богословія. И мы находимъ, что школьная южно-русская мораль была нѣсколько суха и отвлеченна, но она совершенно чужда іезуитской казуистики, заглушавшей голосъ совѣсти и спутывавшей понятія о добрѣ и злѣ съ недобросовѣстностію приказнаго крючкотворства.

Такъ какъ изученіе исторіи не процвѣтало въ южно-русскихъ школахъ XVI и XVII в., то не встрѣчаемъ почти и проповѣдей, спеціально посвященныхъ какому-нибудь церковно-историческому очерку. Отдѣльные лоскутки историческаго матеріала попадаются, правда, въ обиліи, почти въ каждой проповѣди, но стоятъ не въ исторической связи и, очевидно, имѣютъ цѣлью не поученіе слушателей исторіи, а расширеніе объема или увеличеніе занимательности проповѣди. Даже въ немногихъ, повидимому, спеціально историческихъ проповѣдяхъ проповѣдникъ чуждается исторической постановки дѣла и измышляетъ какую-нибудь другую. Напр., въ проповѣди на тему: „какія муки терпѣлъ Христосъ?" проповѣдникъ не изображаетъ страданій Христовыхъ хронологически, но приглашаетъ слушателей видѣть главу, лицо, руки, ноги Спасителя и замѣчать въ различныхъ членахъ Его слѣды различныхъ страданій. Въ другой проповѣди о величіи Іоанна Предтечи авторъ, правда, держится хронологическаго порядка, но, желая показать своимъ слушателямъ, что св. Іоаннъ Предтеча былъ великъ при рожденіи, великъ при жизни, великъ по смерти, такимъ образомъ уже самою постановкою проповѣди исключаетъ двѣ трети ея изъ области собственно-историческаго разсмотрѣнія. Всѣ проповѣди указаннаго нами періода представляютъ въ себѣ положительное содержаніе, даютъ христіанину дѣйствительное знаніе того, что ему нужно знать, и потому не утратили своей цѣнности и до настоящаго времени. Многія изъ нихъ, будучи переведены на современный русскій языкъ и [illegible] могли бы съ пользою быть произносимы съ церковныхъ каѳедръ. Не таковы остальныя группы южно-русскихъ проповѣдей. Болѣе характерны [illegible]

не менѣе несообразныя съ достоинствомъ церковнаго слова, онѣ вызывали противъ себя справедливыя порицанія и навсегда отошли въ область церковно-литературной археологіи.

Ко 2-й группѣ южно-русскихъ проповѣдей мы относимъ тѣ изъ нихъ, въ основаніи состава которыхъ лежатъ логическія формы. При построеніи такой проповѣди авторъ обыкновенно отрѣшался отъ исторической и отъ всякой живой дѣйствительности и крѣпко держался только за голыя логическія схемы и отвлеченные логическіе пріемы, при помощи которыхъ и образовался планъ проповѣди. Всего проще бывало дѣло, когда авторъ составлялъ проповѣдь, раздробляя какое-нибудь заключавшееся въ темѣ родовое понятіе на видовыя. Такъ, напр., Лазарь Барановичъ въ проповѣди на слова церковной пѣсни: „*Рождество твое, Богородице Дѣво, радость возвѣсти всей вселеннѣй*“ остановилъ свое вниманіе на словѣ *вселенная* и занялся указаніями, какую радость принесло великое событіе землѣ, водѣ, воздуху, огню, небу, пророкамъ, апостоламъ, мученикамъ, вдовамъ, гробамъ, древамъ, громамъ, птицамъ, агнецамъ и проч. Дѣленіе проповѣди основывается на исчисленіи предметовъ, обнимаемыхъ понятіемъ *вселенная*. Такъ Іоанникій Галятовскій въ словѣ на день Благовѣщенія Пр. Дѣвы задается вопросомъ: „гдѣ именно на землѣ и небѣ обитаетъ Пр. Дѣва?“ и отвѣчаетъ, что Пр. Дѣва обитаетъ на землѣ между всѣми людскими сословіями (простолюдинами, господами, духовными), а на небѣ — между всѣми чинами ангельскими. Составъ проповѣди бываетъ хитрѣе, когда въ основаніи проповѣди цѣликомъ полагается какая-нибудь логическая схема. Такъ, напр., проповѣдникъ собирается писать слово въ похвалу креста Господня и, не долго думая, беретъ рубрики для проповѣди прямо изъ логики. Есть у философовъ (разсуждаетъ онъ) четыре причины, безъ которыхъ не можетъ быть ничего на свѣтѣ: дѣйствующая, матеріальная, формальная и финальная или конечная. Будемъ же хвалить крестъ по четыремъ причинамъ. Дѣйствующая причина креста — самъ Христосъ. Матеріальная причина креста — древо пальмовое, кедровое и кипарисовое. Формальная причина креста — его таинственно-благодатная четырехконечная форма. Конечная причина креста — отверженіе на немъ. Вѣнецъ проповѣдей такого рода представляетъ слово Лазаря Барановича на Воздвиженіе креста Господня, начинающееся такъ: философы имѣютъ въ своихъ

сады одно изобильное древо, называемое arbor Porphyriana*). Въ саду христіанъ есть древо обильнѣйшее — крестъ Христовъ. Въ порфиріанскомъ древѣ находятся разныя степени: Substantia (существо), corpus (тѣло), vivens (живущее), homo (человѣкъ), individuum (недѣлимое); тѣ же самыя степени и въ деревѣ крестномъ. Слѣдуетъ опредѣленіе этихъ степеней, при чемъ въ соотвѣтствіе понятію: homo проповѣдникъ ставитъ слова Пилата о Спасителѣ: *се человѣкъ!* а въ соотвѣтствіе понятію individuum — надпись на крестѣ Спасителя: *Іисусъ назарянинъ, царь іудейскій*. Въ XVI и XVII вв. подобное построеніе проповѣди казалось очень остроумнымъ и замысловатымъ, а въ наше время кажется дѣтскою игрою въ понятія, недостойною серьезныхъ людей.

Къ 3-й группѣ южно-русскихъ проповѣдей мы относимъ тѣ изъ нихъ, въ основаніи которыхъ лежитъ какой-нибудь схоластически хитро придуманный вопросъ, отвѣтомъ на который служитъ какое-нибудь курьезное положеніе, поражающее слушателя своею странностію и неожиданностію. Такой пріемъ составленія проповѣдей былъ особенно любимъ іезуитами. Извѣстный противникъ іезуитовъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своей рукописной реторикѣ, по поводу проповѣдей польскаго іезуита Ѳомы Млодзяновскаго, говоритъ слѣдующее: „для пріобрѣтенія знаменитости ученые хвастуны особенно усвоили себѣ манеру говорить что-нибудь удивительное, необыкновенное. Поэтому они выдумываютъ курьезныя, но совершенно вздорныя и смѣшныя умствованія, и спрашиваютъ, почему въ имени Іисуса Христа и Святѣйшей Дѣвы находится пять буквъ, почему Богъ чрезъ пророка сказалъ такъ, а не иначе? Почему что-нибудь сдѣлано или написано такъ, а не иначе? Задержавъ бѣдныхъ слушателей нѣсколько времени безсмысленною проволочкою, ораторы, наконецъ, выпрямляются, приходятъ въ восторгъ, одушевляются и, поддерживаемые вниманіемъ невѣжественной толпы, съ натянутою важностію и отвислыми губами начинаютъ изрекать свое въ высшей степени нелѣпое прорицаніе. Ибо что можетъ быть нелѣпѣе, напр., такого

*) [illegible] *Введеніе въ категоріи Аристотеля*, гдѣ посредствомъ генеалогическаго древа [illegible] Porphyriana [illegible] *В*[illegible] -ліемъ, пользовался большимъ уваженіемъ въ средневѣковыхъ школахъ.

оборота: одинъ проповѣдникъ, произнося похвалы Богородицѣ (если онѣ только достойны названія похвалъ), спросилъ слушателя, какъ ему кажется, почему во время всемірнаго потопа, когда всѣ бѣдныя животныя погибали, одни рыбы избѣжали этой гибели? Вотъ о чемъ онъ недоумѣваетъ и спрашиваетъ. И мужики (если бы нужно было) готовы были бы отвѣчать: неужели, любезный отче, тебѣ кажется удивительнымъ, что рыбы не погибаютъ въ водѣ? Но проповѣдникъ, какъ мужъ мудрый, не считаетъ для себя приличнымъ разсуждать такъ, онъ отвѣчаетъ, что это случилось потому, что рыбы заключаются въ имени Богородицы, ибо Марія (Maria) созвучно съ словомъ море (mare) въ множественномъ числѣ. О, остроуміе, не лучше глупости рыбъ! Достопочтенный отецъ Млодзяновскій не знаетъ другого краснорѣчія, кромѣ подобныхъ умствованій. Что сказать о легіонѣ другихъ нелѣпостей? Такъ, напр., проповѣдникъ спрашиваетъ, есть ли на небѣ библіотека? или говоритъ, что въ мірѣ есть только двое часовъ, что въ мірѣ нѣтъ ни мяса, ни хлѣба, ни салата, и тысячи другихъ пустяковъ.

Къ 1-й самой многочисленной и характерной группѣ южнорусскихъ проповѣдей мы отнесемъ всѣ тѣ проповѣди, построеніе которыхъ основано на сравненіи, метафорѣ или аллегоріи. Конечно, проповѣдникъ имѣетъ полное право пользоваться этимъ пріемомъ, подражая примѣру Христа, который въ притчахъ открывалъ людямъ тайны царства небеснаго. Но между притчами Христа Спасителя и аллегорическими проповѣдями южнорусскихъ витій довольно мало общаго, что само собой откроется для насъ при разсмотрѣніи проповѣдей этого рода. Самый простой видъ аллегорической проповѣди бываетъ тогда, когда вся проповѣдь состоитъ изъ разъясненій какой-либо метафоры. Такъ, напр., любя восхвалять Богоматерь, южнорусскіе проповѣдники составили множество аллегорическихъ поученій въ которыхъ раскрывалось, что Пр. Дѣва подобна небу, дому Соломонову, радугѣ, морю, граду твердому, вратамъ, замку, жезлу Моисееву, зеркалу, лиліи. Есть проповѣди, въ которыхъ раскрывается сходство Христа Спасителя со львомъ, съ рощею масличною, съ цвѣткомъ, камнемъ. Іоаннъ Предтеча уподобляется соловью, Іоаннъ Богословъ — печати, св. Николай — солнцу, св. Савва — розѣ и лиліи, св. Антоній — муравью, крестъ Христовъ — мечу и рогу и т. д. Чертежъ подобныхъ

аллегорическихъ проповѣдей было [illegible]. Вся трудность ихъ на первыхъ порахъ состоитъ только въ томъ, чтобы найти готовую метафору. Для преодолѣнія этой трудности первый русскій гомилетъ Іоанникій Галятовскій совѣтуетъ проповѣднику обращать вниманіе на толкованіе имени. Если, напр., имя празднуемаго святого — *Василій*, что значитъ *царь*, то можно весьма удобно раскрывать, какъ онъ царствовалъ въ своей жизни надъ страстями, а по смерти вѣчно царствуетъ на небеси. Если, напримѣръ, погребаемаго покойника зовутъ *Стефанъ*, что значитъ *корона*, то пусть проповѣдникъ представитъ корону, которую онъ учинилъ себѣ изъ цвѣтовъ или драгоцѣнныхъ камней, разумѣя подъ тѣмъ его качества и [illegible]. Если толкованіе имени не давало подлежащаго матеріала для аллегорической проповѣди, то полагался въ основу текстъ, заключающій въ себѣ метафору или образъ, и затѣмъ въ приступѣ дѣлалось изъ этого текста, хотя часто съ натяжками, желаемое приспособленіе къ предмету проповѣди. Хочетъ напр. проповѣдникъ сравнивать св. Антонія съ муравьемъ, онъ полагаетъ въ основаніе проповѣди текстъ: *иди ко мравію, о лѣниве* (Притч. 6) и достигаетъ желаемаго. Но если ни толкованіе имени ни подходящій текстъ не приводили къ предмету проповѣди, то проповѣдникъ, желая сравнить Іоанна Предтечу съ соловьемъ и не имѣя для этого никакихъ основаній, прибѣгаетъ къ такому обороту: „Когда уже земные соловьи перестали утѣшать нашъ слухъ своимъ мелодическимъ пѣніемъ, теперь въ домъ священника Захаріи посылается, чрезъ зачатіе, новый соловей, съ новою небесныхъ пѣній мелодіею, св. Іоаннъ Предтеча“. Приступъ — худо ли, хорошо ли — сдѣланъ, и съ этого уже можно вести аллегорическую проповѣдь о сходствѣ [illegible] съ соловьемъ. Трактація подобныхъ проповѣдей весьма проста и вся состоитъ изъ нѣсколькихъ пунктовъ сближенія между обоими предметами сравненія. Вотъ, напр., сокращенная проповѣдь на тему: „Въ чемъ состоитъ подобіе Богородицы морю?“ 1) Всѣ потоки [?] идутъ въ море, точно также и [illegible] Пр. Дѣвѣ [illegible] [illegible] море [illegible] берутъ [illegible] источники, криницы [illegible] Матери Божіей (послѣ Христа [illegible] [illegible] получаетъ спасеніе [illegible] [illegible] скоро раскаятелѣнъ, то пускается на море [illegible] Ми[illegible]

свѣтъ купимъ, по слову Спасителя: *[illegible]*. И если хотимъ обогатиться небесными сокровищами, то должны обратиться къ мысленному морю — Маріи. Приведемъ въ заключеніе планъ аллегорической проповѣди, изображающей сравненіе Іоанна Предтечи съ соловьемъ. 1) Соловей созданъ для того, чтобы прекрасно пѣть; Іоаннъ Предтеча родился для того, чтобы возглашать славу Христа Господа; 2) голосъ соловья очень пріятенъ и громокъ; то же можно сказать о проповѣди Іоанна Предтечи; 3) соловей, по словамъ Плинія, имѣетъ очень много духа и очень мало тѣла; таковъ же Іоаннъ Предтеча; 4) по словамъ натуралистовъ, соловей въ началѣ весны такъ увлекается пѣніемъ, что почти не ѣстъ; Іоаннъ Предтеча, явившись при началѣ благодати, проповѣдовалъ съ великимъ усердіемъ и много постился; 5) соловей перемѣняетъ свой голосъ смотря по различію часовъ; точно такъ же была разнообразна проповѣдь Іоанна Предтечи. Аллегорическія проповѣди составляютъ большую часть южно-русскихъ проповѣдей XVI и XVII вв. Есть проповѣди, въ которыхъ авторъ не довольствовался развитіемъ одной метафоры, нагромождалъ цѣлую груду метафоръ, такъ что вся проповѣдь представляетъ массу пестрыхъ разнородныхъ образовъ, которые, по всей вѣроятности, трудно укладывались въ головѣ слушателей. Такова проповѣдь на Рождество Пр. Богородицы изъ текста: *премудрость созда себѣ домъ и утверди столпы седмь*. Проповѣдникъ приводитъ на память, для сравненія съ Богоматерью, семь столповъ, упоминаемыхъ въ библіи: столпъ соляной, въ который обратилась жена Лотова, столпы облачный и огненный, путеводившіе евреевъ по пустынѣ, столпъ дымовый (Суд. 20), столпъ желѣзный (Іерем. 1), столпъ серебряный (Пѣсн. П. 5), столпы небесные (Іов. 26). Такова же и та проповѣдь, гдѣ проповѣдникъ, по числу пяти литеръ, составляющихъ имя *Марія*, подбираетъ пять дорогихъ камней. Буквѣ м соотвѣтствуетъ *маргаритъ*, а — *аметистъ*, р — *рубинъ*, і — *[illegible]*, я — *[illegible]*; свойства каждаго камня сравниваются съ добродѣтелями Богоматери.

Что сказать о достоинствѣ аллегорическихъ проповѣдей? Объяснять тайны міра духовнаго подобіями міра видимаго можно и полезно; человѣческій языкъ такъ бѣденъ, что по необходимости употребляетъ метафоры для выраженія идей о мірѣ духовномъ; много такихъ метафоръ есть и въ [illegible]

писаніи; хотя эти метафоры, по большей части, ясны сами собою, но не мѣшаетъ еще болѣе разъяснить ихъ, только нужно, чтобы эти разъясненія дѣйствительно уясняли, а не потемняли дѣло, т.-е. чтобы въ разъясняемыхъ метафорахъ раскрывалось сходство съ предметами міра духовнаго: 1) дѣйствительное, а не вымышленное, 2) постоянное и существенное, а не случайное, 3) близкое, а не отдаленное. Южно-русская проповѣдь погрѣшала противъ всѣхъ этихъ правилъ. Южно-русскіе проповѣдники забывали, что всякая метафора, даже употребляемая библейскими писателями, даетъ только одну черту сходства, а не полную копію сравниваемаго предмета; забывая это свойство метафоры, проповѣдники старались провести сближеніе по очень многимъ пунктамъ; при чемъ естественно подбирались черты сходства и вымышленныя, и случайныя, и отдаленныя. Объяснимъ это примѣромъ. Когда, напр., свящ. писатель называетъ Спасителя *львомъ отъ Іуды*, то, очевидно, разумѣется только Его могущество — это качество, которое въ своемъ родѣ присуще и льву, — и не болѣе. Но южно-русскій проповѣдникъ не довольствуется одною чертою сходства; онъ перебираетъ всѣ свойства льва, извѣстныя ему изъ тогдашнихъ наполненныхъ выдумками бестіаріевъ; исчисляются тутъ свойства льва совершенно баснословныя: напр., левъ не трогаетъ человѣка, если его голова или очи будутъ прикрыты плащемъ; львенокъ при рожденіи остается спящимъ или какъ бы мертвымъ, и только на третій день пробуждается отъ рыканія льва и пр. Очевидно, эти свойства льва — не дѣйствительныя, вымышленныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все уподобленіе никуда не годится.

Еще примѣръ. Когда Спаситель говоритъ о Себѣ, что Онъ восхотѣлъ собрать іерусалимлянъ, какъ кокошь своихъ птенцовъ подъ крылѣ, то, очевидно, кокошь является тутъ какъ образецъ нѣжной заботливости о дѣтяхъ — не болѣе. Южно-русскій проповѣдникъ проводитъ сближеніе Христа съ кокошью по многимъ пунктамъ, и, между прочимъ, говоритъ, что кокошь при жизни бываетъ въ загонѣ, а послѣ закланія подается на золотомъ блюдѣ предъ царя и великихъ пановъ. Аналогію этому проповѣдникъ находитъ въ униженіи и прославленномъ состояніи Христа Спасителя. Но совершенно ясно, что не всякая кокошь при жизни бываетъ въ загонѣ, и тѣмъ болѣе не всякая кокошь послѣ закланія подается на столъ на золотомъ

блюдѣ предъ царя и великихъ пановъ. Черта схожества взята случайная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое уподобленіе не выдерживаетъ критики.

Если такого рода неправильности имѣютъ мѣсто при разъясненіи библейскихъ метафоръ, то еще болѣе произвола и неправильности допускала южно-русская проповѣдь при разъясненіи метафоръ самодѣльныхъ. Положимъ, что проповѣдникъ имѣлъ право сравнить Пр. Дѣву, хранившую въ душѣ своей чистое отраженіе Божества, съ зеркаломъ, но когда проповѣдникъ говоритъ, что какъ зеркало слагается изъ стекла и ртути, такъ и Богоматерь имѣла отличительными свойствами дѣвственность и смиреніе, то совершенно неясно, чѣмъ стекло похоже на дѣвственность, а ртуть на смиреніе. Уподобленіе совершенно отдаленное и произвольное.

Но не всѣ аллегорическія проповѣди южнорусскихъ витій наполнены вымышленными, случайными и произвольными уподобленіями. Есть проповѣди, которыя имѣютъ экзегетическій характеръ и занимаются только исчисленіемъ и надлежащимъ разъясненіемъ библейскихъ метафоръ, о томъ или другомъ предметѣ: напр., о грѣхѣ, о Церкви Божіей, о нашемъ спасеніи и пр. Напр., слово *о грѣхахъ* исчисляетъ, что въ св. писаніи грѣхи называются *комарами и верблюдами* (Мѳ. 25), *[illegible], рвами, болотами, [illegible], [illegible]*, и разъясняетъ каждую метафору. Есть проповѣди, состоявшія хотя и не изъ библейскихъ метафоръ, но, очевидно, проникнутыя стремленіемъ разъяснить извѣстный фактъ міра духовнаго подобіями міра видимаго. Такова проповѣдь на тему: *какъ Богъ соединился съ природою человѣческою?* объясняющая эту тайну подобіями соединенія души и тѣла, двухъ наукъ въ знаніи одного человѣка, оловяннаго перстня съ алмазомъ, меча съ ножнами, лука съ тетивой. — Но подобныхъ, удовлетворяющихъ сколько-нибудь требованіямъ современной гомилетики, аллегорическихъ проповѣдей очень немного.

Мы различили и описали 4 группы южнорусскихъ проповѣдей, по ихъ *строенію*: проповѣди подобныя богословскимъ трактатамъ, формально-логическія, діалектико-софистическія и аллегорическія (такими краткими названіями мы можемъ обозначать эти группы для удобнѣйшаго воспоминанія).

Терновскій.

Источники южнорусской проповѣди.

„Можетъ-быть, кто-нибудь спроситъ, — говоритъ авторъ 1-й русской гомилетики, Іоанникій Галятовскій, — откуда мы возьмемъ матерію, изъ которой мы могли бы составить проповѣдь? Отвѣчаю: нужно читать библію, житія святыхъ, творенія учителей церковныхъ, — Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Аѳанасія, Ѳеодорита, Ефрема, Іоанна Дамаскина и другихъ учителей церковныхъ, которые толкуютъ св. писаніе". Все это совершенно справедливо: св. писаніе и творенія отцовъ Церкви всегда были и всегда должны быть настольными книгами для каждаго христіанина-проповѣдника, къ какому бы вѣку и народу онъ ни принадлежалъ. Но далѣе Іоанникій Галятовскій исчисляетъ источники, пользованіе которыми составляетъ отличительную черту средневѣковой латинской, а вслѣдъ за нею и южнорусской проповѣди. „Нужно читать", продолжаетъ онъ, „исторію и хроники о различныхъ царствахъ и странахъ, что въ нихъ дѣлается и что дѣялось. Нужно читать книги о звѣряхъ, камняхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, зельяхъ, камняхъ и различныхъ водахъ, которые находятся въ моряхъ, рѣкахъ, колодцахъ и иныхъ мѣстахъ, и узнавать ихъ природу, свойства и особенности и отмѣчать для себя и прилагать къ своей проповѣди, которую хочешь говорить". Такимъ образомъ гомилетъ открываетъ для пользованія проповѣднику всю безмѣрно-обширную область природы и исторіи, насколько она познавалась тогдашнею наукою. Какъ же проповѣднику управиться съ этими разнообразными матеріалами, какъ приспособить ихъ къ своей проповѣди? „Для этого", заключаетъ гомилетъ, „читай проповѣди различныхъ проповѣдниковъ нынѣшняго времени и имъ слѣдуй". Посмотримъ прежде всего, какъ южнорусскіе проповѣдники, руководясь примѣромъ проповѣдниковъ латинскихъ, [illegible] для своей проповѣди книгами [illegible] и что именно изъ нея заимствовали? Прежде всего южнорусскіе проповѣдники обращали вниманіе на [illegible] апокрифическіе разсказы, которые стоятъ, такъ сказать, на границѣ между духовною и свѣтскою исторіею и обыкновенно связываются именами [illegible]. [illegible] много сложилось [illegible] на Руси [illegible]

дамъ они строго преслѣдовались духовною властью и сыли подъ именемъ *отреченныхъ* книгъ; напротивъ того, южнорусскіе проповѣдники пользовались такими легендами несгѣсняясь, и, кажется, очень любили ихъ за ихъ фантастичность и занимательность. Обставляютъ, напримѣръ, многими легендарными чудесами исторію бѣгства въ Египетъ Младенца-Спасителя, разсказывая, что свирѣпый разбойникъ умилился предъ Божественнымъ Младенцемъ, что одно древо преклонилось предъ нимъ до земли, а другое, финиковое, наклонясь, предлагало путникамъ свои плоды; что львы и змѣи выходили изъ кустовъ воздать поклонъ Христу Спасителю, что множество мелкихъ птицъ пѣли передъ нимъ человѣческимъ голосомъ: *осанна, Царю!* Тотъ же проповѣдникъ приводитъ двѣ легенды въ доказательство того, что имя Пр. Дѣвы было извѣстно въ вѣкахъ давно минувшихъ, задолго до Рождества Спасителя. Вотъ содержаніе одной изъ нихъ: при папѣ Гоноріи III, въ царствованіе Фридриха II и Фердинанда, короля кастильскаго, одинъ жидъ, для расширенія своего винограднпка, раскапывалъ сосѣднюю скалу и докопался до чего-то очень твердаго; это оказалась книга, состоящая изъ деревянныхъ листовъ, въ которой по-еврейски, гречески и римски было написано о трояковъ свѣтѣ отъ Адама до антихриста. Начало сказанія о трояковъ свѣтѣ читалось такъ: „въ третьемъ мірѣ Сынъ Божій родится отъ Дѣвы Маріи и пострадаетъ за спасеніе человѣческое“. Не трудно рѣшить, насколько подобнаго рода легенды правдоподобны и достойны возвѣщенія съ церковной каѳедры. Авторъ *Ключа разумѣнія* приводитъ легендарное извѣстіе о числѣ ранъ Христа. Когда Брутъ Кассій и другіе сенаторы убили Юлія, цесаря римскаго, то на тѣлѣ убитаго оказалось 23 раны. Жиды были болѣе жестоки, потому что, убивая Христа, Царя славы, дали ему 5475 ранъ. Кромѣ библейско-апокрифическихъ сказаній, южнорусскіе проповѣдники вмѣщали въ своихъ проповѣдяхъ разныя легендарныя сказанія о чудесахъ, большею частію заимствованныхъ у католиковъ и далеко не достовѣрныя. Горячо вооружается противъ такихъ сказаній о чудесахъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и весьма мѣтко характеризовалъ ихъ, раздѣляя ихъ на четыре разряда. 1) *Притворныя и* [illegible] *чудеса*, говоритъ Прокоповичъ, я называю тѣ чудеса, которыя имѣютъ легковѣрнаго автора; таковыя, напр., видѣнія и

откровенія женщинъ. Нѣкоторыя женщины писали объ этомъ цѣлыя книги и трактуютъ по главамъ, что говорилъ Христосъ тогда-то и тогда-то, что видѣлось въ ту, что въ другую ночь. Поэтому у папистовъ всѣ житія женщинъ ни о чемъ столько не говорятъ, какъ о видѣніяхъ. Это понятно. Извѣстно, что женщины, по природѣ своей, склонны къ фантазіи и разсказыванію своихъ сновъ, такъ какъ этотъ полъ легкомысленъ и довольно тщеславенъ. Къ этому же разряду можно отнести всѣ разсказы или слишкомъ нѣжные и сентиментальные, какъ напр. то, что ангелъ будилъ къ молитвѣ какую-то дѣвицу, тихо щипля ее за ушко; или неприличные и несообразные съ Божественнымъ величіемъ, какъ напр. то, что св. Матерь Божія отдала мыть свое дитя другой дѣвицѣ, моющейся въ банѣ; или такіе, смыслъ и цѣль которыхъ нельзя понять, но которые тѣмъ не менѣе пусты и незначительны. Таковъ, напр., разсказъ о томъ, что юноша пожелалъ видѣть Богородицу, чего и удостоился, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы увидѣвши лишиться глазъ; но онъ хотѣлъ быть лучше кривымъ, чѣмъ слѣпымъ, и потому созерцалъ Богоматерь съ однимъ открытымъ и однимъ закрытымъ глазомъ. 2) *Чрезвычайно страшныя*, т. е. чудеса, которыя представляютъ собою какую-либо плачевную силу. Такого рода чудеса большею частію разсказываются о чистилищѣ; напр., что какой-то путникъ набрелъ на большую кузницу, гдѣ циклопы большими молотками ковали руки, языки, головы и прочіе члены людей, отторгнутые отъ тѣла. Сюда же можно отнести разсказъ объ Идеѣ и докторѣ сорбонскомъ, въ житіи Брунона; когда, говорится здѣсь, священники отпѣвали усопшаго доктора, мертвецъ поднимался трижды и въ первый разъ сказалъ: *я обвиненъ*, потомъ — *я осужденъ* и наконецъ — *я погибъ*. Значитъ, народъ и священники были такъ тверезы духомъ, что не разбѣжались отъ этого дива. Не говорю уже о томъ, что здѣсь вводится сцена частнаго суда... Изящные проповѣдники, не имѣя возможности другими средствами подѣйствовать на души, стараются потрясти народъ вымышленными страшилищами. 3) Еще менѣе достойны вѣроятія чудеса важныя и чрезвычайно изумительныя, такія, которыя, если бы теперь случились въ Кіевѣ, тотчасъ же, можетъ быть, разнеслись бы по всему свѣту, однакожъ *не подтверждаемыя [illegible] свидѣтельствами современниковъ* [illegible] и покрытыя глубокимъ молчаніемъ у всѣхъ писателей, кромѣ [illegible]-

будь одного. Таково, напр., то чудо, которое выдалъ смѣшной кропатель чудесъ Іеронима, худо скрывшійся подъ именемъ Кирилла. Когда Іеронимъ кончилъ жизнь, то всѣ колокола, сколько ихъ ни было въ мірѣ, будто бы зазвучали сами собой. Но я увѣренъ, что никому изъ смертныхъ не слышно было этого звука, только одинъ помѣшанный Кириллъ запасся тогда ушами длиннѣе кабаньихъ. Во-первыхъ, тогда не было въ употребленіи колоколовъ, а во-вторыхъ, неужели такое изумительное знаменіе не было бы передано и разглашено всѣми историками того времени?... 1) Къ четвертому разряду мы причислимъ такія чудеса, *которымъ, очевидно, нельзя приписать Божественнаго происхожденія*; эти чудеса легко распознать; въ нихъ замѣтишь или суевѣріе, или признаки нечестія. Скажите, пожалуйста, можно ли производить отъ Бога то чудо, что когда былъ убитъ Іосафатъ (Кунчевичъ), то младенецъ будто бы воскликнулъ, что Богъ убитъ!.. Ужели ты думаешь, что по Божественному мановенію могло произойти то (чего, впрочемъ, никогда и не бывало), что сбрехалъ, между прочимъ, странный панегиристъ Іеронима; у Кирилла — говоритъ онъ — былъ споръ съ однимъ еретикомъ, признававшимъ во Христѣ двѣ воли; за такое заблужденіе Іеронимъ будто бы въ виду народа отдѣлилъ у еретика голову отъ плечъ. Что это, безсмертный Боже, за грубость относительно священныхъ догматовъ! что за страсть и охота лгать? Здѣсь намъ приходится повторять то же, что было говорено прежде: именно, что Ѳ. Прокоповичъ, живя въ XVIII вѣкѣ и начиная собою новый періодъ русскаго проповѣдничества, могъ съ безпощадною критикою относиться къ слабымъ мѣстамъ прежняго проповѣдничества, которыя были для него совершенно ясны. Но для предшественниковъ Прокоповича несостоятельность католическихъ легендъ была вовсе не ясна, и они, нисколько не стѣсняясь, разсказывали въ своихъ проповѣдяхъ о католическихъ чудесахъ, которые были нисколько не лучше критикуемыхъ Прокоповичемъ. Есть въ старинныхъ южно-русскихъ проповѣдяхъ католическія чудеса и сентиментальности, и трагическія, и не подтвержденныя надлежащими свидѣтельствами, и не могущія, по своему характеру, имѣть Божественнаго происхожденія.

Вотъ чудо трагическое. „Въ королевствѣ британскомъ жилъ одинъ юноша, который каждый день читалъ про Пр. Дѣву

ангельское поздравленіе, потомъ захворалъ и умеръ. Долго лежалъ онъ мертвымъ; наконецъ ожилъ, велѣлъ поскорѣе позвать священника, и передъ всѣми людьми исповѣдалъ ему слѣдующее: я былъ представленъ на судъ Христовъ, гдѣ злые духи обвиняли меня въ трехъ грѣхахъ, именно, что я не давалъ десятину священнику, тайно ловилъ рыбъ изъ монашескаго пруда и, ѣздя на охоту со псами, давилъ бѣдныхъ людей. За эти грѣхи я былъ осужденъ на адское мученье, но пр. Дѣва умолила Христа Бога отпустить меня на покаяніе, и мнѣ велѣно снова возвратиться въ тѣло". Приводятся также въ проповѣдяхъ чудеса, поражающія своею недостовѣрностью и не обезпеченныя твердыми историческими свидѣтельствами. „Ринга, королева венгерская (говорится въ одной проповѣди), какъ скоро родилась, тотчасъ же стала говорить пр. Дѣвѣ такое привѣтствіе: „*Витаи, Царице небесная!*"

Переходимъ теперь къ изложенію того, что заимствовано южно-русскими проповѣдниками собственно изъ гражданской исторіи. Очень рѣдко они наполняли свою проповѣдь общеисторическимъ содержаніемъ. Мы знаемъ только два примѣра этого. Въ одной проповѣди, на день св. Онуфрія, на текстъ: „*яко чудо многимъ*", проповѣдникъ задается вопросомъ: *какимъ чудомъ былъ св. Онуфрій?* и припоминаетъ, что семь чудесъ было на свѣтѣ: стѣны вавилонскія, пирамиды египетскія, колоссъ родосскій, статуя Юпитера олимпійскаго, храмъ Діаны ефесской, дворецъ Кира, царя мидійскаго, и мавзолей, построенный Артемизіею, царицею карійскою. Въ проведеніи натянутой аллегорической параллели между чудесами древняго міра и доблестями прен. Онуфрія и состоитъ вся проповѣдь. Другая проповѣдь, погребальная, посвящена исчисленію различныхъ, извѣстныхъ изъ исторіи надгробныхъ надписей и символовъ. Такъ, по сказанію проповѣдника, на гробницѣ Іосифа были изображены снопы, на гробницѣ Іисуса Навина — солнце, на гробницѣ Толама, царя вавилонскаго, орелъ, на гробницѣ мученика Максима — фениксъ, на гробахъ Маккавеевъ были поставлены пирамиды и столпы съ изображеніемъ воинскихъ доспѣховъ и кораблей, на гробницѣ Олимпіи, матери Александра македонскаго, были изображены руки Олимпіи, обращающіяся къ небу, съ надписью: колесо вертится. Надъ гробницею Лукреціи римской была надпись: [illegible] числе, [illegible] не было, [illegible] при гробѣ сына Сервилина было:

повѣшена сѣкира съ изображеніемъ весны и осени, съ надписью: весна, лѣто, осень доблестей. Надъ могилою благочестивой кремонской княгини Булгаріи выросло кедровое дерево съ отраслями — бальзамоваго, оливковаго и кипарисоваго. Семирамида ассирійская на гробницѣ своей велѣла написать: кто хочетъ богатства, пусть, открывши гробъ, возьметъ, сколько нужно, а когда Дарій открылъ гробъ, то вмѣсто сокровищъ нашелъ только надпись: если бы ты не былъ злымъ и жаднымъ человѣкомъ, то не тревожилъ бы гробовъ умершихъ, и проч. Въ примѣненіи всѣхъ этихъ символовъ и надписей къ лицу покойника и состоитъ вся проповѣдь.

Въ другихъ проповѣдяхъ факты изъ гражданской исторіи далеко не наполняютъ собой всѣ проповѣди и приводятся отрывочно. Отрывочны они и по существу своему. Это или отдѣльныя изреченія, по большей части остроумныя, или анекдоты, или описанія какихъ-нибудь символовъ и гербовъ. Вотъ примѣры изреченій: Бруссилъ, римскій философъ, умирая, сказалъ: „самый несчастный на свѣтѣ человѣкъ тотъ, жизнь котораго даетъ всѣмъ поводъ плакать, а смерть радоваться“. Философъ Сенека сказалъ, что властитель долженъ быть крутъ съ гордецами и ласковъ съ покорными. Карлъ Великій, передавая престолъ сыну своему, сказалъ при всѣхъ, что „въ теченіе всей своей жизни, хотя и благополучной, не имѣлъ онъ ни самомалѣйшаго періода, вполнѣ радостнаго, который былъ бы изъятъ отъ печалей, безпокойства, болѣзней и всякихъ хлопотъ“. А вотъ примѣръ анекдотовъ: „При дворѣ императора Сигизмунда жилъ сановникъ, который жаловался, что императоръ не обращаетъ вниманія на его заслуги. Услыхавъ объ этомъ, императоръ велѣлъ приготовить два кубка одинаковой величины, одинаковаго вида и наполнить одинъ золотомъ, а другой оловомъ, такъ чтобы вѣсъ ихъ былъ одинаковый, и призываетъ къ себѣ дворянина. „Я слыхалъ“, говоритъ императоръ, „что вы ропщете на меня, будто я не обращаю вниманія на ваши заслуги; посмотримъ, я ли виноватъ въ этомъ, или ваше несчастье. Вотъ два кубка; выбирайте любой, въ одномъ золото, въ другомъ олово“. Смутился бѣдный дворянинъ, беретъ то этотъ кубокъ, то другой, молитъ Бога объ удачѣ, наконецъ рѣшился. „Наияснѣйшій цезарь, государь мой! я беру этотъ кубокъ“. — „Хорошо, сказалъ императоръ, ваше счастье если въ немъ золото“. Вскрываетъ кубокъ — но увы! въ немъ олово

„Видите, сказалъ императоръ, не я виноватъ въ вашемъ несчастіи, а Богъ; если бы Богъ захотѣлъ, рука ваша не ошиблась бы“. Всего чаще встрѣчаются въ проповѣдяхъ ходячіе анекдоты изъ древняго міра, такъ знакомые намъ по хрестоматіямъ. Напр., Діогенъ философъ, человѣкъ остроумный и насмѣшливый, находясь однажды въ маленькомъ городѣ Минды, въ коемъ были большія ворота, вышелъ на площадь и закричалъ: „Граждане миндійскіе, заприте ворота, чтобы городъ вашъ не ушелъ“. Или еще: когда Юлій Цезарь плылъ черезъ море и поднялась столь великая буря, что кормчій испугался, то Цезарь успокоивалъ его, сказавъ: „Не бойся, Цезаря везешь!“ Внушаемая схоластическою гомилетикою склонность къ аллегоріямъ, а также распространенная въ польской республикѣ любовь въ частности къ гербамъ — была причиною того, что между историческими данными, помѣщенными въ южно-русскихъ проповѣдяхъ, не малое мѣсто находить себѣ символы и гербы. Напр., Изабелла, царица аррагонская, имѣла такой символъ: пара цвѣтовъ — одинъ геліотропъ или солнечникъ, другой селеніотропъ или мѣсячникъ, съ надписью: „гляжу и смотрю на вѣчное“. Анна, царица венгерская, имѣла гербомъ сжатыя руки съ розой, изображающею любовь Божію, и съ надписью: „такъ навѣки“.

Всѣ эти разнородные и отрывочные куски историч. матеріала, помѣщаемые въ проповѣдяхъ (изреченія, анекдоты и символы) претендуютъ только на занимательность, но нисколько не отличаются историческою правдою, ни близостію къ предмету проповѣди. Требованіе исторической правды до такой степени было оставлено безъ вниманія, что разсказывались съ церковной каѳедры вещи не только неправдоподобныя, но и совсѣмъ невозможныя, лишь бы онѣ были занимательны. Напр., одинъ оселъ, когда хозяинъ ударилъ его, закричалъ: „Зачѣмъ ты меня бьешь, развѣ ты не знаешь, что я дворянинъ?“ Разгнѣванный хозяинъ отвѣчалъ: „Ты не дворянинъ“, и еще ударилъ осла бичомъ. Или еще: Александръ македонскій однажды пришелъ съ войскомъ своимъ на поле, гдѣ росли чудныя деревья, ... они вырастали вмѣстѣ съ восходомъ солнца и по мѣрѣ захожденія солнца умалялись, и, наконецъ, совсѣмъ скрывались въ землю. Одинъ воинъ, по приказанію Александра, хотѣлъ достать ... этого дерева, но внезапно злой духъ сбилъ его съ дерева и ушибъ до смерти, — и слышны были голоса

„Кто до этихъ деревьевъ ближе приступитъ, умретъ наглою смертію". Приспособлялись подобные quasi-историческіе разсказы къ общему содержанію проповѣди, по большей части, довольно неудачно — всего чаще чрезъ аллегорію, иногда и съ чѣмъ несообразную. Вотъ примѣры: во время осады Тира Александромъ македонскимъ, когда одинъ изъ его солдатъ рѣзалъ хлѣбъ, то изъ хлѣба потекла кровь, чѣмъ предызображалось кровопролитное взятіе Тира Александромъ. Хлѣбомъ называется тѣло Христово. И вотъ, когда этотъ хлѣбъ, т.-е. тѣло Христово было прободено копьемъ, то изъ него потекла кровь и вода. Или еще лучше: уподоблю монастырь коню троянскому, котораго греки устроили изъ дерева, подобно великой горѣ, замкнули тамъ воиновъ и подписали наверху: „жертва богинѣ Минервѣ", а сами отступили. Трояне втащили этого коня въ городъ, какъ жертву богинѣ своей Минервѣ, не зная, что внутри сидятъ греческіе солдаты, которые ночью, вышедши изъ коня, разрушили Трою огнемъ и мечомъ. Такъ и въ каждомъ монастырѣ скрываются воины Христовы, монахи, которые троякимъ крестомъ духовнымъ троякихъ непріятелей душевныхъ поражаютъ и проч.

Впрочемъ, встрѣчаются иногда болѣе удачныя приспособленія. Всего удачнѣе это могло быть относительно добрыхъ нравственныхъ изреченій. Когда, напр., проповѣдникъ приводитъ отвѣтъ Аристида богачу: „мнѣ моя бѣдность не приноситъ ничего худого, а тебѣ твое богатство доставляетъ неисчислимыя хлопоты и безпокойства, то, понятно, что эта мысль сама по себѣ можетъ имѣть мѣсто въ церковной проповѣди. Иногда, хотя рѣдко, удачно приводятся проповѣдникомъ примѣры изъ исторіи для подтвержденія какой-либо нравоучительной мысли. Напр.: „Дозналъ непостоянство жизни человѣческой Сеянъ, великій сенаторъ римскій, которому язычники приносили жертвы, какъ Богу, — который ѣздилъ на колесницѣ и подписывался на ряду съ импер. Тиверіемъ, а потомъ измѣнило Сеяну счастье, отрублена у него голова, и трупъ влачимъ по улицамъ и брошенъ въ Тибръ. Дознал ь непостоянство жизни Велизарій, гетманъ греческій, который побѣдилъ столькихъ королей, а потомъ выколоты были ему очи, и сталъ онъ убогимъ нищимъ, и просилъ милостыни на константинопольской площади. Дознал ъ непостоянство человѣческой жизни Баязетъ, могучій король турецкій, предъ которымъ дрожали Египетъ,

Сирія, Арменія и другія страны, а потомъ Тамерланъ, царь татарскій, плѣнилъ его на войнѣ, посадилъ въ клѣтку и, садясь на коня, ступилъ ему на шею". Если, наконецъ, обратимъ вниманіе на историческую почву, съ которой брались помѣщаемые въ проповѣдяхъ факты, то увидимъ, что они брались не изъ русской исторіи, но или изъ исторіи западно-католическихъ странъ, или изъ греко-римскаго міра, или даже изъ греческой миѳологіи. Таковы, напр., разсказы о яблокѣ раздора, о троянскомъ конѣ, объ ахиллесовой пятѣ и проч. Вліяніе латино-польскаго проповѣдничества въ этомъ случаѣ сказалось весьма сильно.

Теперь намъ слѣдуетъ говорить о томъ, какъ старинный южнорусскій проповѣдникъ пользовался для своей проповѣди данными изъ естественной исторіи, и что именно изъ нея заимствовалъ. Южнорусскій проповѣдникъ любилъ аллегоричность, и понятно, что данныя изъ естественной исторіи могли открывать ему обильный источникъ для аллегорій. Средневѣковая естественная исторія еще не стала на научную дорогу и была наполнена множествомъ фантастическихъ россказней, но это не смущало южнорусскаго проповѣдника, который не отличался критицизмомъ и заботился всего болѣе о занимательности своей проповѣди.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Треба читати книги о звѣрахъ, внушаетъ проповѣднику первый русскій гомилетъ о. Іоанникій Галятовскій. Дѣйствительно, въ южнорусскихъ проповѣдяхъ мы находимъ слѣды знакомства съ книгами о звѣрахъ. Такъ о единорогѣ говорится: „единорогъ имѣетъ то свойство, что, коснувшись рогомъ воды, изгоняетъ изъ нея вредоносность"; о слонахъ говорится: „слоны, увидѣвъ восходъ солнца, привѣтствуютъ оное нѣкоторымъ рычаніемъ и поклонами; впрочемъ, дѣлаютъ это не прежде того, какъ уже омоются водою". Слонъ отличается щедростью и другимъ звѣрямъ отдѣляетъ отъ своей пищи. Подобнаго рода свѣдѣнія изъ жизни животныхъ вв[illegible] въ составъ проповѣди, большею частью, чрезъ аллегорію. [illegible] Лазарь Барановичъ цѣлую проповѣдь на Богоявленіе [illegible] сравненію грѣховъ съ различными звѣрями (напр. [illegible] уподобляется [illegible] [illegible] [illegible]

разумѣется въ основаніе уподобленія полагаются вымышленныя или дѣйствительныя свойства звѣрей.

Треба чинити о птицахъ, продолжаетъ первый русскій гомилетъ. Раскрываемъ проповѣди и находимъ выполненіе этого требованія. Вотъ, напр., какія свѣдѣнія мы находимъ въ проповѣдяхъ о неясыти, фениксѣ и сароактесѣ. „Неясыть, иначе пеликанъ, есть птица, живущая въ пустынѣ египетской Когда змія съѣдаетъ дѣтей пеликана, то онъ носомъ рветъ свои перья, даже до крови, и кровью окропляетъ и оживляетъ дѣтей своихъ". „Фениксъ дѣлаетъ себѣ гнѣздо изъ такихъ сухихъ вѣтокъ, что оно отъ горячаго вѣтра и легкаго вѣянія крылъ его можетъ воспламениться. Въ такое гнѣздо садится фениксъ какъ въ гробъ, зажигается и превращается въ пепелъ. Изъ этого пепла, спустя три дня, родится червячокъ, который понемногу оперяется и превращается въ феникса". „Есть птицы въ сарацынской землѣ, называемыя *сароактес*, которыя, когда придетъ страстная недѣля, не пьютъ, не ѣдятъ до Воскресенія Христова, но висятъ на деревьяхъ, какъ мертвыя, распростерши крылья на подобіе креста; а когда придетъ Воскресеніе Христово, при разсвѣтѣ, онѣ приходятъ въ себя и поютъ. Есть цѣлая проповѣдь, основанная на свѣдѣніяхъ о птицахъ. Проповѣдникъ, на основаніи словъ Апокалипсиса: *даны быша жени два крилѣ* (Апок. XII. 14) усвояетъ Богоматери крылья и задается вопросомъ, какія птицы по своимъ качествамъ достойны послужить своими перьями для крылъ Богоматери. Такихъ птицъ насчитывается проповѣдникомъ 12: *орелъ*, о которомъ разсказывается легенда, что онъ занесъ Авреліана изъ колыбели въ церковь; *грифъ*, спереди похожій на орла, а сзади на льва; *лебедь*, предъ смертью своею жалобно поющій; *журавель*, чуткій,—чтобы не предаться сну, стоящій на одной ногѣ, а въ другой держащій камень,—и стерегущій своихъ товарищей; *богатю* (утка), отличающаяся благодарностью своимъ родичамъ; *фениксъ*, воскресающій изъ мертвыхъ; *голубь*—вѣстникъ мира; *ластовка*, умѣющая находить зелье хелидонъ, служащее для прозрѣнія ея дѣтей; *монодіатисъ*, никогда не садящійся на землю, не имѣющій ногъ, а прицѣпляющійся къ деревьямъ спиною; *галціонъ*, вьющій себѣ гнѣздо на морѣ и тамъ же выводящій дѣтей, безъ всякаго вреда; *порфиріонъ*, египетская домашняя птица, перестающая ѣсть и умирающая, какъ скоро въ домѣ совер-

дится какой-либо тяжкій грѣхъ. *[illegible]* птица, узнающая и своимъ видомъ дающая знать, выздоровѣетъ или умретъ больной человѣкъ. Въ проведеніи параллели между указанными качествами всѣхъ этихъ птицъ и доблестями Богоматери и состоитъ вся проповѣдь.

Треба читати о [illegible], рыбахъ. Есть въ проповѣдяхъ слѣды знакомства и съ этою стороною естественной исторіи. Таково, напр., извѣстіе о ихневмонѣ и крокодилѣ. „Когда крокодилъ пожретъ ихневмона, маленькаго звѣрка, обитающаго въ Египтѣ, тогда ихневмонъ начинаетъ ѣсть и терзать внутренности крокодила, и такимъ образомъ умерщвляетъ его и выходитъ вонъ изъ него. Такъ же (замѣчаетъ проповѣдникъ) и Христосъ побѣдилъ смерть“. А вотъ замѣтка о змѣѣ: „Если хипсатъ, ядовитый змѣй, укуситъ человѣка, то онъ тотчасъ же начинаетъ пухнуть отъ яда, если не поспѣшитъ омыться ключевою водою, текущею изъ камней“.

Треба читати... о деревахъ, [illegible]. Есть въ проповѣдяхъ слѣды знакомства и съ средневѣковою ботаникою, фантастическою и полною выдумокъ. „Есть въ Индіи, въ Перуѣ (говоритъ проповѣдникъ), одно дерево: зовутъ его *[illegible]*. Тяжко больнымъ прикладываютъ его къ сердцу и узнаютъ, выздоровѣетъ или умретъ больной. Если больной беретъ дерево съ печальнымъ лицомъ и мрачнымъ видомъ, лѣниво протягиваетъ къ нему руку и не прижимаетъ крѣпко къ себѣ, то это знакъ, что онъ не поднимется отъ болѣзни и скоро умретъ. Если же больной беретъ дерево весело, охотно и крѣпко жметъ къ сердцу, то это знакъ скораго выздоровленія. Что есть святое крещеніе, какъ не древо *[illegible]*“ и проч. „Разсказываютъ нѣкоторые (говорится въ другомъ мѣстѣ), что въ Британіи, при берегахъ одной рѣки, растутъ такія деревья, листья которыхъ, опускаясь въ воду, немедленно превращаются въ птицъ и улетаютъ въ невѣдомыя страны“. Кромѣ фантастическихъ свѣдѣній изъ ботаники, встрѣчаются въ проповѣдяхъ свѣдѣнія совершенно вѣрныя, но нисколько не научныя, а добываемыя путемъ ежедневнаго опыта. Напр., „ленъ означаетъ самоумерщвленіе и терпѣніе, ибо его мочатъ, сушатъ, трутъ, бьютъ“.

Треба читати... о каменяхъ и разныхъ водахъ. Доходимъ мы, наконецъ, и до средневѣковой минералогіи, какъ она отразилась въ южнорусскихъ проповѣдяхъ. Вѣра въ [illegible]

и цѣлебныя свойства различныхъ камней была сильно развита въ средніе вѣка. Богатые и владѣтельные люди постоянно носили при себѣ тотъ или другой камень, какъ талисманъ, отъ различныхъ бѣдъ и золъ. Неудивительно, что и южнорусская проповѣдь обращала особенное вниманіе на камни, и что есть нѣсколько проповѣдей, все содержаніе которыхъ обосновывается на свѣдѣніяхъ о различныхъ свойствахъ разныхъ камней. Такова проповѣдь на текстъ: *се лежитъ сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили* (Лук. 2, 34) и на тему: „какимъ камнемъ есть Христосъ?“ Проповѣдникъ насчитываетъ 10 камней, свойствами которыхъ пользуется для уподобленія имъ Христа Спасителя. Таковы: *карбункулъ* (такъ названный отъ огнистаго угля (a carbone), блестящій днемъ и ночью, и спасающій людей отъ моровой язвы; *ясписъ*, отнимающій силу у яда и останавливающій токъ крови; *сафиръ*, проясняющій зрѣніе; *гранатъ*, отгоняющій меланхолію отъ человѣка, который носитъ его при себѣ; *бериллъ*, дѣлающій человѣка смѣлымъ на войнѣ; *аетитъ*, отгоняющій змѣя, почему и орелъ кладетъ этотъ камень въ свое гнѣздо, чтобы змѣи не ѣли дѣтей его; *аметистъ*, отгоняющій склонность къ пьянству; *смарагдъ*, любящій непорочность; *топазіонъ*, служащій символомъ перемѣны счастія человѣческаго, ибо отражаетъ въ себѣ человѣка стоящимъ вверхъ ногами; *магнитъ*, тянущій къ себѣ желѣзо, такъ что съ помощью его можно вытянуть изъ раны желѣзную пулю или желѣзное остріе стрѣлы“.

Намъ не удалось найти въ южнорусскихъ проповѣдяхъ свѣдѣній о различныхъ водахъ, „которыя находятся въ морѣ, рѣкахъ и источникахъ“, но зато мы нашли много свѣдѣній астрономическихъ, или, лучше сказать, астрологическихъ и космографическихъ, конечно, не имѣющихъ научнаго достоинства. Средніе вѣка были временемъ астрологіи; тогда вѣрили что судьба человѣка опредѣляется звѣздами, и это вѣрованіе отразилось и въ проповѣдяхъ.

Съ большею подробностью излагаются средневѣковыя астролого-космографическія воззрѣнія въ словѣ на тему: „какимъ небомъ есть пр. Богородица?“ Для сравненія съ Богоматерью проповѣдникъ насчитываетъ 11 небесъ: 1-е небо самое нижнее; на немъ находится мѣсяцъ, благодаря которому человѣкъ растетъ; 2-е небо, на которомъ планета Меркурій, всѣ родившіеся подъ сею планетою бываютъ краснорѣчивыми ора-

торими; 3-е небо, на которомъ планета Венера: всѣ рождающіеся подъ сею планетою бываютъ склонны до милосердныхъ дѣлъ; 4-е небо, на которомъ солнце, благодаря коему люди имѣютъ смыслъ, зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе и осязаніе; 5-е небо, на которомъ планета Марсъ; родившіеся подъ сею планетою бываютъ смѣлыми и побѣдоносными рыцарями; 6-е небо, на которомъ планета Юпитеръ; родящіеся подъ сею планетою бываютъ сильными и могучими; 7-е небо, на которомъ планета Сатурнъ, родившіеся подъ сею планетою бываютъ умными и расторопными; 8-е небо, на которомъ всѣ звѣзды, оно же называется твердь, 9-е небо кристальное, названное такъ по своей чистотѣ; 10-е небо первообращающее, такъ названное потому, что оно прежде другихъ обращается и влечетъ за собою и другія небеса; 11-е наивысшее небо, эмпирейское, которое служитъ престоломъ Божіимъ. Свойства всѣхъ небесъ пріурочиваются къ похвалѣ Богоматери. Авторъ *Огородка* въ проповѣди на день Вознесенія Господня исчисляетъ тѣ же 11 небесъ и картинно изображаетъ, какъ Христосъ Спаситель постепенно возносился съ низшаго неба на высшее, и каждый разъ голосъ Бога Отца вѣщалъ ему: *Сыне, взыди выше*, пока, наконецъ, Господь вознесся до крайняго неба эмпирейскаго и возсѣлъ одесную Бога Отца.

Представленныя выдержки изъ исторіи человѣчества и природы служатъ, конечно, доказательствомъ плохого состоянія этихъ наукъ въ средніе вѣка; но за это едва ли можно винить южнорусскихъ проповѣдниковъ: не ихъ дѣло было разрабатывать гуманныя и реальныя науки, имъ приходилось только пользоваться готовыми свѣдѣніями. Конечно, нужно пожалѣть о томъ, что южнорусскіе проповѣдники не слѣдили за послѣднимъ словомъ науки, что въ то время, когда уже извѣстны были великіе труды Бэкона, Ньютона и Коперника, они пробавлялись еще жалкими остатками средневѣковой науки, но это является неизбѣжнымъ результатомъ того, что южнорусская ученость была плодомъ латино-польской цивилизаціи.

Обратимъ, наконецъ, вниманіе на то, какъ южнорусскіе проповѣдники пользовались тѣми источниками, которые во всякое время открыты и обязательны для всѣхъ христіанскихъ проповѣдниковъ, именно, библіею и твореніями свв. отцевъ. Библія и творенія свв. отцевъ — это такая сокровищница и [illegible]

всякій христіанинъ можетъ почерпать то или другое, болѣе или менѣе, — смотря по степени своей духовной скудости или воспріемлемости, — и притомъ такъ, что при этомъ всего лучше обозначается степень духовнаго возраста воспріемлющаго. По мнѣнію нѣкоторыхъ, впечатлѣнія, испытываемыя человѣкомъ при чтеніи евангелія въ разные періоды жизни, могутъ служить лучшею мѣрою его духовнаго развитія. То же самое можно сказать и о всей библіи по отношенію ко всему христіанскому міру. Не удивительно, потому, что и міровоззрѣніе южнорусскихъ проповѣдниковъ отразилось въ томъ, какъ они понимали св. писаніе и пользовались имъ.

Толкователями св. писанія различаются три смысла: буквальный, таинственный и аллегорическій. Южнорусскіе проповѣдники предпочитали послѣдній. Вотъ образчикъ аллегорическаго употребленія текстовъ: „Хотите ли знать, слушатели, куда смерть къ намъ вкралась, послушайте словъ Іереміи: *смерть взыде сквозѣ окна ваша* (Іер. IX, 21). Вкралась, дѣйствительно, подобно вору и разбойнику смерть въ наше естество, какъ чрезъ окна, чрезъ пять чувствъ тѣлесныхъ. Также пришла смерть и въ тѣло Христа Спасителя нашего, какъ чрезъ 5 оконъ, чрезъ 5 ранъ его наибольшихъ, вкралась между двумя разбойниками на горѣ Голгоѳской по злодѣяньи, когда тьма была по всей землѣ. Но теперь, когда Христосъ воскресъ изъ гроба, какъ побѣдитель смерти, сказавши: *Азъ есмь воскресеніе и животъ* (Іоан. XI, 25), теперь уже смерть никакъ не можетъ утечь отъ Христа, ни окномъ, ни также дверьми, ни въ какую темноту, никакимъ путемъ не уйдетъ смерть, подобно вору, чрезъ окно, потому что воскресши Христосъ загородилъ ей окно. Не уйдетъ смерть отъ Христа также и дверьми, ибо Христосъ, побѣдитель смерти, и тамъ ей заступилъ дорогу, какъ Самъ говоритъ: *се стою при дверехъ* (Апок. III, 20), и еще: *Азъ есмь дверь* (Іоан. X, 9). Проповѣдникъ рисуетъ намъ аллегорическую картину бѣгства смерти и беретъ для себя черты и краски изъ различныхъ мѣстъ св. писанія: картина выходитъ яркая и законченная; представленіе о бѣгствѣ смерти выносится наглядное и живое. Но если приступить къ этому изображенію съ холоднымъ анализомъ разсудка, то всѣ достоинства его тотчасъ пропадаютъ, и аллегорія является не имѣющею смысла. Въ самомъ дѣлѣ, что значатъ, въ переводѣ на простой, обыкновенный языкъ, слова

проповѣдника, что смерть не можетъ войти ни чрезъ окно, ни чрезъ дверь, ни въ темнотѣ, и никакимъ путемъ, потому что Христосъ вездѣ преградилъ ей отступленіе? Не затемняется ли только этими образами ясное понятіе о томъ, что Христосъ побѣдилъ смерть? Далѣе, не совершенно ли различный смыслъ имѣютъ приводимыя мѣста писанія въ самой библіи и въ устахъ проповѣдника? Когда ученики Елисея воскликнули: *смерть въ котлѣ* (4 Царствъ, IV, 40), то изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла видно, что они вовсе не хотѣли разсуждать о томъ, что пьянство есть смертный грѣхъ. Отсюда мы видимъ, что главнѣйшая погрѣшность аллегорическаго толкованія есть *зло-употребленіе*, пользованіе библейскими словами помимо библейскихъ мыслей. Такъ какъ истинный смыслъ одинъ, а произвольныхъ можетъ быть много, то естественнымъ слѣдствіемъ произвольности аллегорическаго толкованія библіи служили допускаемыя имъ разнорѣчія и противорѣчія. Особенная любовь южнорусскихъ проповѣдниковъ къ аллегорическому толкованію выражалась въ томъ, что они мало пользовались текстами, заключавшими въ себѣ нравоученіе или мысль, выраженную прямо и опредѣленно посредствомъ отвлеченныхъ понятій; но предпочитали тексты историческаго содержанія съ конкретными понятіями, дававшими пищу для аллегоріи; а всего болѣе любили тексты, заключавшіе въ себѣ притчу и темное слово.

Что касается до отеческихъ твореній, то они, какъ видно изъ проповѣдей, были достаточно изучаемы южнорусскими проповѣдниками. Учители западной Церкви, блаж. Августинъ и бл. Іеронимъ, также были приводимы и цитуемы не менѣе, если не болѣе отцовъ восточной Церкви, и притомъ пользовались наименованіемъ святыхъ, какое усвоено имъ въ Церкви западной. На ряду съ отцами Церкви были цитуемы и западно-латинскіе проповѣдники и богословы, у которыхъ наши много заимствовались. Въ концѣ XVII в. образцомъ для южнорусскихъ проповѣдниковъ сдѣлался польскій іезуитъ Ѳома Млодзяновскій, составившій весьма чувствительныя и картинныя поученія съ весьма слабымъ участіемъ разсудочнаго элемента.

(Продолженіе слѣдуетъ)

„Ключъ разумѣнія" Галятовскаго.

Галятовскій въ половинѣ XVII ст. окончательно установилъ и укрѣпилъ схоластическую проповѣдь въ Малороссіи своимъ „Ключомъ разумѣнія". Приложенная къ „Ключу" „Наука albo способъ зложеня казаня" представляетъ первый въ Россіи учебникъ гомилетики, по которому въ теченіе многихъ десятилѣтій духовныя лица учились искусству слагать проповѣди.

„Ключъ разумѣнія имѣлъ три изданія: 1659, 1660 и 1665 г. Въ старое время это была весьма распространенная книга въ Малороссіи. Въ настоящее время „Ключъ" сохраняется только въ старинныхъ семинарскихъ библіотекахъ; встрѣчается онъ иногда и въ сельскихъ церквахъ. Въ „Ключѣ" 1659 и 1660 гг. (кіевск. изд.) находятся: а) предмова до священниковъ, законныхъ и свѣтскихъ (монашествующихъ и бѣлыхъ), б) „казаня" на разные праздничные дни, в) „казаня приданыи" — 11 поученій, г) „наука albo способъ зложеня казаня" и д) „чуда пречистыя Богородицы нѣкоторыи и разныхъ авторовъ зобраныи".

„Наука о зложеніи казаня" изложена коротко, просто и ясно. Предусмотрѣно и объяснено все существенное въ проповѣдничествѣ, выборъ темы, раздѣленіе проповѣди на части и какъ заинтересовать слушателей. Въ казаньѣ должно быть три части: 1) экзордіумъ, или приступъ, въ которомъ проповѣдникъ „ознаймуетъ людямъ пропозицію свою, постановлене умыслу своего, що умыслилъ на казаню мовити", 2) наррація, или самая проповѣдь, гдѣ казнодѣя объясняетъ то, что въ экзордіумѣ обѣщалъ объяснить, и 3) конклюзія, или заключеніе. Всѣ три части должны быть тѣсно связаны между собою и строго согласованы съ темою. Другой способъ составленія проповѣди состоитъ въ томъ, что въ нарраціи тема раздѣляется на части, и каждая часть разбирается отдѣльно. Въ воскресные дни удобно говорить проповѣдь о смиреніи, милостынѣ, постѣ, или о какомъ-нибудь порокѣ, напр. пьянствѣ, развратѣ и т. п.; въ дни праздничные проповѣдь можетъ состоять въ похвалѣ того святого, котораго празднуютъ, въ объясненіи его цѣлъ и добродѣтелей. Чтобы возбудить вниманіе слушателей, Галятовскій совѣтуетъ проповѣднику „обѣцати якую новую речь показати, которои они не видѣли и не чували", или

прибѣгнуть къ толкованію значенія имени святого, напримѣръ имени св. Владимира, св. Христофора, св. Николая. Проповѣдникъ долженъ заботиться о томъ, чтобы его казанье для всѣхъ было понятно, чтобы въ казанье не прокрались мнѣнія, несогласныя съ ученіемъ православной церкви и, наконецъ, чтобы проводимое въ казаньи нравственное наставленіе было укрѣплено на назидательныхъ и убѣдительныхъ доказательствахъ, примѣрахъ, сравненіяхъ, или уподобленіяхъ. Относительно фактическаго содержанія Галятовскій не стѣсняетъ проповѣдника. Содержаніе, по его словамъ, можетъ быть взято изъ св. писанія, творенiй св. отцовъ, житій святыхъ, изъ сочиненій по исторіи и по естествовѣдѣнію, наконецъ, изъ „[illegible]мантыхъ казнодѣевъ теперешняго вѣку".

Въ добавленіе къ „Наукѣ о сложеніи казаній" Галятовскій присоединилъ наставленіе, какъ сочинять погребальныя рѣчи: взять тему изъ святого писанія, въ экзордіумѣ сказать о неизвѣстности смерти, о краткости жизни человѣческой, въ нарраціи изложить о добродѣтеляхъ покойнаго, при благопріятномъ случаѣ указать на его родовитость и старожитность, объяснять его гербъ, объяснить иносказательно значеніе его имени или фамиліи (напр. Браницкій — боронилъ отчизну, Любомирскій — любилъ миръ и т. д.), принять во вниманіе лѣта, въ которыя скончался, мѣсто, гдѣ погребается, и, наконецъ, въ конклюзіи пригласить родственниковъ умершаго молитвами и милостынею содѣйствовать упокоенію его души.

„Конецъ чинячи твоей моей працы, говоритъ Галятовскій въ концѣ своей „Науки о сложеніи казаній", даю тобѣ такую раду: читай книги и що хорошее вычитаешь, потуй себѣ и до своего казанья апликуй; до того уважай, — кто? що чинитъ? на якимъ мѣстцу? зъ кимъ? для чого? якимъ способомъ? которого часу? Если книги будешь читати и часто казанья повѣдати, до того если тыи циркумстанціи, околичности будешь уважати и конкорды зъ нихъ чинити, латво въ недѣлю и въ свято, и на погребѣ и на иншихъ оказіяхъ казанье учинишь".

Галятовскій въ „Наукѣ" отмѣтилъ тѣ такія стороны проповѣдничества, которыя имѣли мѣсто раньше и во времена появленія въ свѣтъ „Ключа разумѣнія", считалъ ихъ устарѣвшими. „Можетъ часомъ, говоритъ Галятовскій, казанье быти и безъ тема. Если схочешь [illegible]

мѣстѣ, можешь повѣдати казане любо въ недѣлю, любо въ свято, толкуючи евангеліе, которое читано было на службѣ Божіей",— и въ обоихъ случаяхъ прибавляетъ: „але того спилю казнодѣи теперешняго часу мало заживаютъ".

„Наука зложеня казаня" сопровождается 46 проповѣдями: 32 основными и 14 дополнительными. Проповѣди составляютъ практическое выраженіе правилъ, изложенныхъ въ „Наукѣ", и служатъ наглядными ихъ разъясненіемъ. *Сумцовъ.*

Наука о проповѣдяхъ и проповѣди Іоанникія Галятовскаго.

Наука о проповѣдяхъ была приложена Галятовскимъ къ составленному имъ сборнику поученій — *Ключу разумѣнія*. Такъ названъ сборникъ потому, что его поученія, по словамъ проповѣдника, отверзаютъ двери къ небу, а *наука*, приложенная къ нему, можетъ проповѣдникамъ отворить двери къ составленію новыхъ поученій. Ключъ разумѣнія состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части помѣщены поученія на праздники господскіе и богородичные; во второй — поученія на праздники святыхъ. Правила о проповѣдяхъ присоединены, какъ прибавленія, къ той и другой части. Въ прибавленіяхъ къ первой части Галятовскій говоритъ о томъ, изъ какихъ частей должна состоять проповѣдь, и какъ нужно составлять каждую часть ея. При этомъ онъ отдѣльно разсматриваетъ существенныя части проповѣди: экзордіумъ (приступъ), пропозицію (предложеніе), наррацію (повѣствованіе или изложеніе) и конклюзію. Всѣ эти части, говоритъ онъ, должны быть согласны съ темою проповѣди, на выборъ которой онъ обращаетъ вниманіе прежде всего, какъ и откуда какую надобно выбирать тему. „Какъ изъ малаго русла, замѣчаетъ онъ, выходитъ великая рѣка, и вода въ этой рѣкѣ соединяется съ тою водою, которая находится въ руслѣ, такъ изъ малой темы образуется обширное слово, части котораго должны быть согласны съ темою, такъ, чтобы то, что находится въ темѣ, находилось и въ экзордіумѣ, и нарраціи, и конклюзіи". Разсуждая объ источникахъ матеріи для слова, онъ главнымъ источникомъ поставляетъ Слово Божіе и ученіе отцевъ Церкви, но въ то же время, слѣдуя обычаю польскихъ и латинскихъ проповѣдниковъ, присоединяетъ къ нимъ и свѣтскія науки . нужно также читать исто-

ріи и хроники о разныхъ царствахъ и странахъ, что въ нихъ прежде происходило и что теперь происходитъ; также книги о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, камняхъ, все это замѣчать и приспособлять въ своей рѣчи; нужно читать и проповѣдниковъ нынѣшняго времени и имъ слѣдовать. Если ты будешь, прибавляетъ онъ при этомъ, читать тѣ книги и поученія, то найдешь въ нихъ обильную матерію, изъ которой можешь составить поученіе во славу Божію, въ отпоръ еретикамъ и на утвержденіе вѣрныхъ". Между другими источниками темы и матеріи для слова Галятовскій указываетъ на имя празднуемаго въ извѣстный день святаго. Въ день напр. св. Владимира, имя котораго значитъ — владѣлъ миромъ, Христофора — носилъ Христа въ сердцѣ, Василія, что значитъ — царь, Николая — витязь, защитникъ, — можно говорить о свойствахъ, выражаемыхъ ихъ именами. Особыя правила предложены для составленія надгробныхъ словъ. Матерію для нихъ совѣтуется брать или изъ общей мысли о неизбѣжности смерти, или изъ положенія, какое въ жизни занималъ умершій, а также изъ тѣхъ свойствъ, какими онъ отличался. Можно также при этомъ имѣть въ виду его фамилію, древность рода, гербъ или прозваніе. Если, говоритъ онъ, въ гербѣ умершаго была стрѣла, то темой поученія могутъ быть слова: положи мя яку стрѣлу избранну, и въ тулѣ своемъ сокры мя (Исаіи 49, 2). Но самымъ лучшимъ источникомъ для темы надгробныхъ поученій представляется опять имя умершаго. Если напр. умершаго звали Стефаномъ, что значитъ — корона, въ поученіи можно говорить о томъ, какую корону приготовилъ для себя умершій изъ своихъ добродѣтелей. Нужно также обращать вниманіе на возрастъ, на званіе умершаго и отсюда брать темы для слова. Если, говоритъ Галятовскій, умершій былъ священникъ, положи такую тему: священники его облеку во спасеніе (Псал. 131, 16); въ поученіи напиши: до смерти подвизайся по истинѣ, и Господь Богъ поборетъ по тебѣ. Можно взять тему отъ времени, въ какое умеръ покойникъ. Если онъ умеръ въ понедѣльникъ, можно говорить о томъ, что Богъ взялъ его въ понедѣльникъ для того, чтобы ангелы проводили его на небо; ибо въ понедѣльникъ Церковь празднуетъ ангеламъ. Наконецъ, при изобрѣтеніи и расположеніи матеріи въ словѣ, Галятовскій совѣтуетъ имѣть въ виду общія мѣста или циркумстанціи: *кто чинитъ, что чинитъ*,

съ какою мыслію, съ кѣмъ, какимъ способомъ, въ какое время? Если ты, прибавляетъ онъ, тѣ циркумстанціи, околичности будешь указать, то и на недѣлю, и на святого, и на погребеніе, и на иные случаи можешь составить слово". Во всѣхъ правилахъ высказывается одна цѣль—всѣми средствами сдѣлать проповѣдь интересною. Для достиженія этой цѣли совѣтуется составлять замысловатыя вступленія, чтобы заставить слушать произносимую проповѣдь, и хитрыя заключенія, чтобы расположить слушателей пріити на слѣдующую проповѣдь. „Можешь пріохотить людей къ слушанію, говоритъ Галятовскій, когда будешь обѣщать имъ показать въ проповѣди какую-либо новость, которой они не видали и не слыхали, или какое-нибудь необычайное диво. Читай мою первую проповѣдь на Покровъ пресв. Богородицы. Тамъ я въ пропозиціи обѣщалъ показать необычайное диво, что пресв. Дѣва свѣсила огонь, измѣрила вѣтеръ и воротила назадъ прошлый день, а потомъ въ нарраціи показалъ все это".—„Окончивъ проповѣдь, проповѣдники иногда имѣютъ обычай съ каѳедры приглашать слушателей на слѣдующую проповѣдь и при этомъ назначаютъ темы мудрыя и дивныя, иногда веселыя, иногда печальныя. Если напр. ты проповѣдывалъ въ Цвѣтную недѣлю и намѣренъ еще проповѣдывать на Страсти Христовы, то, окончивъ свою проповѣдь на Цвѣтную недѣлю, скажи такъ: Православные христіане! Прошу и увѣщаваю васъ, чтобы вы были благочестивы, въ церковь ходили, Богу молились, потому что на слѣдующей недѣлѣ будетъ страшный судъ. Сказавъ это, сойди съ каѳедры. А когда придутъ Страсти Христовы, то въ проповѣди положи такую тему: Пилатъ же слышавъ сіе слово, изведе вонъ Іисуса и сѣде на судилищи (Іоан. 19, 13), и говори такъ: Православные христіане! прошлый разъ я сказалъ, что на этой недѣлѣ будетъ страшный судъ; а вотъ теперь и есть страшный судъ; потому что Пилатъ Понтійскій и жиды судятъ, приготовляютъ на смерть Христа Спасителя нашего. Другой примѣръ. Если бы ты говорилъ проповѣдь въ недѣлю 14-ю и намѣренъ былъ проповѣдывать и въ 15-ю недѣлю, то, окончивши первую проповѣдь, скажи: Православные христіане! приглашаю вашу милость на слѣдующую недѣлю въ церковь; буду раздавать вамъ одежды, чтобы вы были охотны къ благочестію и къ слушанію Слова Божія. Сказавъ это, сойди съ каѳедры. А когда на-

станетъ 15-я недѣля, то въ проповѣди положи такую тему: друже, како внйде еси сѣмо, не имый одѣянія брачна (Матѳ. 22, 12), и говори такъ: Православные христiане! Обѣщалъ я вамъ сегодня раздавать одежды, исполняю свое обѣщаніе: даю каждому изъ васъ одежду брачную, безъ которой никто не можетъ войти на бракъ небесный, упоминаемый у евангелиста Матѳея".

Излагая эти правила, Галятовскій, для примѣра, постоянно ссылается на свои проповѣди. Его проповѣди, дѣйствительно, составлены по этимъ правиламъ и въ то же время отличаются характеромъ тѣхъ богословскихъ системъ, которыя преподавались въ школахъ. Догматы вѣры и нравственной дѣятельности въ нихъ излагаются со всѣми научными пріемами и формами, какія были приняты въ этихъ системахъ, такъ что нѣкоторыя проповѣди могутъ быть названы трактатами изъ системы догматическаго или нравственнаго ученія, перенесенными въ проповѣдь. Таковы, напр., слово на Богоявленіе, въ которомъ излагается догматъ о таинствѣ крещенія, и слово на Вознесеніе, гдѣ разсматривается нравственное христіанское ученіе о вѣрѣ, надеждѣ и любви. Въ правилахъ для проповѣди Галятовскій, между прочимъ, совѣтуетъ проповѣдникамъ обращаться къ природѣ, къ исторіи и наукамъ естественнымъ. Это мы встрѣчаемъ постоянно и въ его проповѣдяхъ. Предметы въ нихъ обыкновенно объясняются образами, заимствованными изъ природы — царства минералогическаго, растительнаго и животнаго. Иногда цѣлое слово состоитъ изъ аналогическаго сближенія или сопоставленія того или другого предмета или событія духовнаго царства съ предметами и вліяніями природы физической, которые въ этомъ случаѣ должны быть образами міра духовнаго. Но сближенія и сопоставленія употребляются часто слишкомъ отдаленныя и неестественныя; образы и сравненія указываютъ часто на сходство не дѣйствительное, а вымышленное, не существенное, а случайное. При этомъ Галятовскій, подобно другимъ проповѣдникамъ, мѣста св. писанія любитъ объяснять въ символическомъ и аллегорическомъ смыслѣ; но эти объясненія привязываются иногда только къ однимъ словамъ, помимо духа и смысла писанія, и становятся совершенно произвольными. Такъ, въ словѣ на Срѣтеніе Господне изъ текста: се лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили (Лук. 2, 34).

назвавъ Спасителя камнемъ многоцѣннымъ и краеугольнымъ положеннымъ въ основаніе Церкви. Галятовскій примѣняетъ къ Нему названія разныхъ драгоцѣнныхъ камней: *карбункула, гемма (геммы), шафира, гризолита, берилла, агата, аметиста, смарагда (изумруда), топаза и магнита* Почти все слово состоитъ изъ указанія сходства многоцѣннаго камня, т.-е. Іисуса Христа и его добродѣтелей, съ свойствами упомянутыхъ драгоцѣнныхъ камней, почему Іисусъ Христосъ и называется карбункуломъ, берилломъ, агатомъ и т. д. Въ словѣ на Успеніе Богоматери изъ текста: предста Царица одесную тебѣ, въ ризы позлащенны одѣяна (Псал. 44, 10), Галятовскій говоритъ о ниткахъ, изъ которыхъ Богоматерь соткала себѣ ризу — *лняной, шерстяной (вовняной), шелковой (едвабной) и златой*. Нитки эти означаютъ разныя добродѣтели Богоматери: нитка льняная означаетъ терпѣніе и умерщвленіе плоти и страстей; шерстяная — чистоту и невинность; шелковая — смиреніе и покорность; золотая — мудрость. Основаніемъ для такого сближенія служатъ свойства льна, шерсти, шелка и золота. Ленъ означаетъ терпѣніе, потому что приготовляя его, мочатъ, сушатъ, трутъ и бьютъ: шелкъ означаетъ покорность, потому что шелкъ, какъ покорный человѣкъ, отличается мягкостію, — его можно согнуть какъ угодно, — но въ то же время и крѣпостію, его трудно разорвать и проч Въ словѣ на Благовѣщеніе объясняется, почему Богоматерь называется небомъ; при этомъ, согласно съ средневѣковыми астрономическими понятіями, перечисляются одиннадцать небесъ или планетъ: луна, меркурій, венера, солнце, марсъ, юпитеръ, сатурнъ, твердь, на которой находятся всѣ звѣзды, небо кристальное, первое небо, эмпирей. Значеніе ихъ приспособляется къ пресв. Дѣвѣ. Она можетъ быть названа луною; подъ вліяніемъ луны человѣкъ растетъ, и изъ дитяти становится мужемъ; Богоматерь также малыхъ людей дѣлаетъ великими. Она можетъ быть названа солнцемъ; какъ отъ солнца люди получаютъ видѣніе, слышаніе, обоняніе, такъ пресв. Дѣва даетъ людямъ смыслъ. Тѣ, которые родятся подъ вліяніемъ марса, бываютъ храбрыми и одерживаютъ побѣды; и св. Дѣва даруетъ храбрость и побѣду надъ врагами. Подъ вліяніемъ юпитера родятся люди сильные и крѣпкіе; пресв. Дѣва также дѣлаетъ людей сильными и крѣпкими и т. д.

Ко второй части сборника Галятовскій приложилъ наставле-

нія, какъ должно пользоваться проповѣднику его словами и поученіями, для составленія новыхъ поученій. „Изъ слова на св. великомученика Георгія, говоритъ Галятовскій, ты можешь составить другое слово на св. Димитрія, Прокопія, Евстафія и другихъ мучениковъ; та же будетъ тема; тотъ же экзордіумъ, та же наррація и конклюзія; только тамъ, гдѣ я говорю о св. Георгіи, ты называй св. Димитрія, Прокопія, Евстафія и др. Изъ словъ на праздники господскіе и богородичные можно составлять слова на дни святыхъ. Во второмъ словѣ на Срѣтеніе, говоритъ Галятовскій, изображаются дорогіе камни, которыми Христосъ называется; изъ этихъ камней ты можешь устроить архіерейскую корону св. Николаю. Тема будетъ та же: положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камене честна (Псал. 20, 4). Въ нарраціи изображай тѣ дорогіе камни и силу и свойства каждаго изъ нихъ приспособляй къ св. Николаю, какъ я приспособлялъ ко Христу. Также въ первомъ словѣ на Успеніе Богородицы изображаются нитки, изъ какихъ пречистая Дѣва соткала себѣ ризу; изъ тѣхъ нитокъ можешь устроить ризу св. Онуфрію, который изображается нагимъ. Тему возьми такую: аще видиши нага, одѣй (Исаіи 58, 7); въ нарраціи изображай тѣ нитки (льняную, шерстяную и проч.), приспособляя свойство каждой къ св. Онуфрію, какъ я приспособлялъ ихъ къ св. Дѣвѣ. А экзордіумъ и конклюзію къ коронѣ св. Николая и къ ризѣ св. Онуфрія можешь придѣлать какія захочешь“. Слова на дни святыхъ можно передѣлывать и произносить въ господскіе и богородичные праздники, а слова на эти праздники, измѣнивши, можно произносить въ какую-нибудь недѣлю. Наконецъ Галятовскій учитъ, какъ изъ цѣлаго слова сдѣлать одну часть для другого слова, и наоборотъ, какъ изъ одной части слова сдѣлать цѣлое слово. „Нужно, говоритъ онъ, ту часть слова распространить и расширить, прибавить къ ней примѣры, подобія, изреченія, фигуры, — и небольшая часть слова сдѣлается большимъ словомъ“.

Такимъ образомъ, наставленія Галятовскаго направлены къ тому, чтобы научить, какъ должно находить и располагать матерію въ проповѣдяхъ. Главную роль здѣсь играютъ общія мѣста и потомъ подборъ по этимъ общимъ мѣстамъ разныхъ мыслей словесныхъ, откуда только можно взять ихъ, и наконецъ, передѣлка уже готовыхъ проповѣдей. Отсюда проповѣди

становится, очевидно, дѣломъ механическимъ, въ которомъ на первомъ планѣ стоитъ соблюденіе формы и установленныхъ пріемовъ. Правда, Галятовскій предписываетъ проповѣднику приспособленіе ко времени проповѣди, къ лицу, къ случаю и проч., но это приспособленіе относится не ко внутренней, а ко внѣшней сторонѣ дѣла, къ формѣ, и приспособленная проповѣдь также является формою, такъ что, измѣнивши немного, можно приспособить ее къ другому лицу и другому случаю. О внутреннихъ качествахъ и характерѣ проповѣди Галятовскій почти ничего не говоритъ. Онъ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи только одно наставленіе проповѣднику — не доводить своихъ слушателей до отчаянія. „Можно смутить и устрашить, сказавши, что дѣлающіе зло не достигнутъ неба, но потомъ нужно утѣшить и подать надежду на спасеніе, если покаются и перестанутъ дѣлать зло". Въ примѣръ этого онъ указываетъ проповѣднику на свое слово въ день св. Георгія. „Тамъ, говоритъ онъ, моя нарранія можетъ засмутить и устравить, ибо въ ней сказано, что не много будетъ людей на небѣ, больше будетъ въ аду; но конклюзія утѣшаетъ и подаетъ надежду на спасеніе, ибо въ ней написано: на свѣтѣ много жидовъ, татаръ, турокъ, аріанъ, несторіанъ, адамитовъ, монофелитовъ и другихъ поганыхъ еретиковъ и людей невѣрныхъ, ими Богъ наполнитъ адъ, а мы, православные христіане, надѣемся, что достигнемъ неба, ибо вѣруемъ въ истиннаго Бога; только при вѣрѣ надобно имѣть добрыя дѣла и покаяться въ грѣхахъ, и тогда всѣ достигнемъ вѣчнаго спасенія".

Порфирьевъ.

Средневѣковыя мистеріи въ Европѣ и Россіи.

Отличительный характеръ старинныхъ западныхъ мистерій состоитъ въ томъ, что чѣмъ онѣ древнѣе, тѣмъ болѣе въ нихъ сохранился богослужебный характеръ; притомъ, древнѣйшія писаны на латинскомъ языкѣ, на которомъ происходила божественная служба (Ludus paschalis de passione Christi, ludus de nocte paschali и пр.). Иногда мистеріи давались въ продолженіе двухъ, трехъ и даже семи дней. Въ позднѣйшихъ замѣтно болѣе искусства въ изложеніи, при семъ не-

исключены ненужные и нейдущіе къ дѣлу эпизоды, а введены такіе, которые имѣли близкое отношеніе къ жизни. Затѣмъ являются сцены, заимствованныя изъ ветхаго завѣта. Отъ времени до времени представленная новозавѣтной исторіи прерывается междудѣйствіями, въ которыхъ выводятся лица и приключенія изъ ветхаго завѣта. Такимъ образомъ исторія Сусанны предшествуетъ событію изъ новаго завѣта, когда Христосъ прощаетъ раскаявшуюся блудницу; Давидъ и Голіаѳъ выводятся предъ входомъ Спасителя въ Іерусалимъ, за продажею Іосифа братьями слѣдуетъ предательство Іуды и т. д. Въ этихъ междудѣйствіяхъ и вводныхъ эпизодахъ, по большей части, избирались такіе случаи изъ ветхаго завѣта, которые въ самихъ себѣ уже заключали единство драматическаго дѣйствія и характера, что приближало ихъ къ классической трагедіи. По этой-то причинѣ сюжетами для мистерій всѣхъ европейскихъ народовъ были по преимуществу приключенія Навуходоносора, Эсѳири и Амана и т. п. Сначала въ мистеріяхъ не допускался комическій элементъ, но его присутствіе какъ бы предчувствуется въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ этого рода. Тѣлесные недостатки, уродство и безобразіе — вотъ предметы, которые сама природа предоставила насмѣшкѣ. Передразниваніе этихъ недостатковъ, обезьянничанье ихъ составляетъ уже попытку ввести въ искусство комическій элементъ. Поэтому демонъ старинныхъ мистерій можетъ считаться первообразомъ всѣхъ карикатуръ и смѣшныхъ изображеній послѣдующихъ временъ. Комизмъ, по самому свойству его, необходима разговорная форма; большая часть шутокъ, остротъ и мѣткихъ насмѣшекъ древнихъ и новыхъ писателей являются въ разговорахъ.

Германскія мистеріи, гдѣ замѣчается комическій элементъ, относятся къ XIV столѣтію. На западѣ духовенство, для привлеченія толпы, допускало забавное и смѣшное даже въ свои процессіи, а это и было причиною, что образовались представленія, гдѣ серьезное смѣшивалось съ забавнымъ и шутовскимъ. Такъ какъ на самомъ дѣлѣ въ каждомъ празднествѣ есть всегда и важное и комическое, ярмарка и какая-нибудь торжественная церемонія, вмѣстѣ взятыя, представляютъ соединеніе серьезнаго торжества съ комическими антрактами. Нѣмецкое драматическое представленіе на Страстной недѣлѣ можетъ служить образчикомъ тому. Торжественныя пѣснопѣнія смѣшаны

съ уличными сценами между купцомъ, женою его, слугою и торговками — и все это въ шутовскомъ родѣ; лица преобразныя, бранчивая жена дерется съ мужемъ.

Въ сосѣдственной намъ Польшѣ религіозныя драматическія представленія существовали уже въ XII в. И тамъ высшее духовенство, замѣтивъ излишество и крайности, старалось о прекращеніи подобныхъ зрѣлищъ, которыя, вмѣсто распространенія набожности и уваженія къ религіи, служили только къ упадку ея. Запрещенія, однако, не произвели желаемаго дѣйствія, а подали поводъ къ пріисканію другихъ мѣстъ внѣ церкви для театральныхъ зрѣлищъ. Драмы въ родѣ страстей Христовыхъ, убіенія св. Іоанна Предтечи и т. п. продолжали даваться передъ народомъ съ тою разницею, что это происходило не въ церквахъ, а въ школахъ и на кладбищахъ. Въ началѣ XVII столѣтія были запрещены мистеріи, гдѣ преобладалъ комическій элементъ, и тогда-то онѣ, въ Польшѣ носившія названіе діалоговъ, нашли себѣ убѣжище въ стѣнахъ школъ. Уже въ XVI вѣкѣ онѣ были полурелигіозными, полусвѣтскими, и такими ихъ застали іезуиты, въ школахъ которыхъ діалоги удержались до окончательнаго уничтоженія ордена.

Старинные польскіе діалоги писались или по греческимъ образцамъ, съ хорами, или, согласно обычаямъ средневѣковой Европы, съ интермедіями, или же, наконецъ, просто, безъ всякихъ добавокъ, состояли изъ разсужденій, изложенныхъ въ разговорной формѣ. Нѣкоторые изъ діалоговъ были оригинальные, другіе переводные, большая же часть передѣланные на польскіе нравы. Сатирическія стихотворенія Станислава Граховскаго (въ концѣ XVI в.), писателя народнаго по преимуществу, породили множество подражателей и между прочимъ подали примѣръ введенію сатиры и въ драматическія представленія. Съ тѣхъ поръ въ такъ называемыхъ интермедіяхъ (прелюдіяхъ, интерлюдіяхъ) стали являться лица и событія изъ современной жизни. Въ Польшѣ такъ же, какъ и въ Германіи, серіозныя представленія смѣнялись шутливыми: въ одной драмѣ, на Страстной недѣлѣ, послѣ самыхъ поразительныхъ сценъ, является діаволъ и продаетъ веревку Іудѣ, совѣтуетъ ему удавиться и пр.

У каждаго народа были любимыя лица, постоянно показывавшіяся во всѣхъ комическихъ пьесахъ; съ теченіемъ времени они становились народными, и ихъ названія дѣлались нарица-

тельными именами пороковъ, недостатковъ или слабостей, которыми надѣлялись тѣ лица въ комедіяхъ. Такъ въ старинной итальянской комедіи часто попадаются три человѣка: добродушный отецъ, сынъ-распутникъ и пройдоха-слуга. Первый всегда былъ венеціанскій купецъ или законникъ изъ Болоньи и носилъ названіе Панталона. Изъ Бергама брали обыкновенно въ комедіи шутовъ, такъ какъ тамошніе уроженцы славились, какъ наши галичи, пошехонцы, особенною неуклюжестію, и притомъ были не прочь и помошенничать. Бригелла былъ плутоватый, а Арлекинъ — простоватый слуга. Замѣчательно, что слѣды этихъ четырехъ лицъ сохранились и въ комедіяхъ Мольера.

У французовъ извѣстно подобное лицо подъ именемъ Jean Farine, у нѣмцевъ — Hanswurst. Въ польскихъ интермедіяхъ выводятся Альбертъ, канторъ (пѣвчій на клиросѣ) и клеха (церковный сторожъ). Послѣдній заступалъ мѣсто итальянскаго Арлекина, роль кантора соотвѣтствовала Бригеллѣ. Иногда показывались на сценѣ и панъ, и деревенскій судья, у котораго, неизвѣстно почему, разумъ былъ холопскій, и рогатый нечистый, всегда измаранный грязью и съ мѣрою кипящей смолы. По временамъ входилъ и Добрый духъ или Вѣра съ крестомъ въ рукахъ. Смерть одолѣвала человѣка, а душу его соблазнялъ, только напрасно, нечистый же. За послѣднимъ выступаетъ колдунья, а изъ миѳологіи — Бахусъ съ сатирами. Изъ другихъ лицъ обращаютъ на себя вниманіе Хвастунъ-странникъ и Забіяка-солдатъ, также Слава, Добродѣтель. Глуповатая шляхта, любившая покутить, взяточникъ-бурмистръ, жидокъ, деревенщина изъ разныхъ мѣстъ, также бывали на сценѣ. Но всего чаще встрѣчаются въ польскихъ пьесахъ хвастуны-пилигримы и разные пьянчужки...

Русскія старинныя драматич. представленія, если разсматривать ихъ только въ самихъ себѣ, не обращая вниманія на окружающую дѣйствительность, имѣютъ много сходства съ мистеріями и драмами средневѣковой Европы и старинной Польши. Но это сходство не можетъ привести изслѣдователя къ убѣжденію, что возникновеніе, успѣхи и преобразованіе театра были одинаковы какъ у насъ, такъ и на Западѣ. Разница съ исторической точки зрѣнія тотчасъ видна и въ началѣ и въ дальнѣйшей судьбѣ русской и европейской драмы. Крестовые походы и религіозный энтузіазмъ, овладѣвшіе тогда за-

падной Европой, не мало содѣйствовали введенію мистерій. Разсказы крестоносцевъ, возвращающихся отъ святыхъ мѣстъ, повѣсти пилигримовъ при всеобщей экзальтаціи, имѣли въ себѣ много драматическаго и, весьма вѣроятно, подали поводъ къ введенію религіозныхъ мистерій. Католическое духовенство никогда не упускало случая пользоваться всѣми средствами увеличивать, подъ видомъ распространенія и прославленія религіи, свое собственное вліяніе на народъ и извлекать изъ того всевозможныя выгоды. Броженіе умовъ, особенная восторженность были отличительною чертою западныхъ европейскихъ народовъ въ средніе вѣка, не удивительно, что духовенство всего болѣе старалось дѣйствовать на чувства и обязательно представлять то, что для большинства въ религіи оставалось бы иначе темнымъ или непримѣтнымъ. Если Польша не испытала въ такой степени, какъ остальная Европа, вліянія крестовыхъ походовъ, то взамѣнъ она съ давнихъ временъ подвергалась вліянію католическаго духовенства. Припомнимъ только, какимъ важнымъ вліяніемъ пользовался въ этомъ государствѣ іезуитскій орденъ въ дѣлѣ просвѣщенія, по всѣмъ отраслямъ знанія, даже до конца XVIII вѣка, — и намъ становится яснымъ, почему, славяне по происхожденію и, слѣдовательно, не склонные къ какому бы то ни было фанатизму по самой природѣ своей, поляки, однако, принимали сильное участіе въ религіозныхъ распряхъ и неурядицахъ, что было причиною многихъ несчастій для цѣлой страны.

Вліяніе духовенства отразилось и въ драматическихъ представленіяхъ старинной Польши. Высшее духовенство издавало запрещенія противъ нихъ, но они не были искоренены, напротивъ, поддерживались и въ церквахъ и въ школахъ, потому что мѣстное духовенство и монашескіе ордена извлекали изъ того выгоду, привлекая народъ, вербуя себѣ жаркихъ приверженцевъ, увеличивая даже число учащихся въ своихъ школахъ. Все это не могло имѣть мѣста въ Россіи. У насъ мало или, лучше сказать, вовсе нѣтъ матеріаловъ для исторіи кіевскаго театра, но изъ исторіи тамошней академіи извѣстно, что Петръ Могила, при учрежденіи русскихъ школъ, заимствовалъ распорядки польскихъ учебныхъ заведеній. Поэтому то учитель поэзіи *обязывался* въ Кіевѣ каждый годъ приготовлять для лѣтнихъ рекреацій драму, комедію или трагедію.

Въ Москвѣ театральныя представленія при Алексѣѣ Михаи-

ловичѣ не были вызваны ни духомъ времени ни потребностями народа: потому-то они оставались забавою одного двора и немногихъ приближенныхъ къ нему (Милославскаго, Матвѣева), знакомыхъ съ польскими обычаями и даже литературой. Эти обстоятельства не могли не имѣть вліянія на судьбу драматическаго искусства въ Россіи и полагаютъ разницу между нашимъ театромъ и европейскимъ. Но выше замѣчено, что драма стоитъ въ тѣсной связи съ жизнію и болѣе, нежели другія отрасли поэзіи, сохраняетъ въ себѣ отпечатокъ современной эпохи. Этотъ характеръ театральныхъ представленій не могъ, конечно, не высказаться и въ пересажденіи къ намъ мистеріи. Первая попытка этого рода отзывается рабскимъ подражаніемъ: изрѣдка какой-нибудь намекъ, или анахронизмъ напоминаетъ намъ, что писатель былъ малороссъ или жилъ въ Москвѣ, — все остальное чуждо и нашему быту и нашимъ обычаямъ. Но подражательный періодъ русской драмы — если принимать въ расчетъ, что безпокойства политическія послѣднихъ десятилѣтій XVII вѣка въ Россіи мѣшали всякому прогрессу науки и искусства вообще — продолжался весьма недолго. Въ извѣстной намъ мистеріи Димитрія Ростовскаго хотя и соблюдена еще подражательная форма, однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ являются уже живыя лица изъ русской дѣйствительности, они говорятъ не переведенною съ польскаго рѣчью, но языкомъ русскаго человѣка; притомъ являются анахронизмы, изъ которыхъ видно, что народный элементъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ заученными съ чужого голоса правилами. Въ началѣ семисотыхъ годовъ является вдругъ трагедія изъ русской исторіи; въ ней описываются событія русскія, дѣйствуютъ лица, которыхъ, чтобы обрусить, именуютъ Жериволами, Ярополками. Разборчивая взыскательность и въ ней, разумѣется, найдетъ слѣды подражанія, но и самая мысль заимствовать сюжетъ изъ событій, близкихъ зрителямъ, при господствѣ схоластическихъ правилъ и рутины, заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Драмы и комедіи Петровскихъ временъ оставались по формѣ тѣми же, чѣмъ были онѣ прежде, но содержаніемъ своимъ имѣютъ одно [illegible] соотношеніе къ господствовавшимъ [illegible]. Театральныя представленія уже не ограничиваются событіями священной исторіи: если эти послѣднія и находятъ себѣ мѣсто въ драмахъ, то скорѣе случайно, [illegible]

верженнымъ прежде принятымъ порядкамъ. Главное въ театральныхъ зрѣлищахъ первыхъ годовъ XVII в. составляло прославленіе подвиговъ государя, его счастливые побѣды, униженіе враговъ, торжество надъ покоренными и т. д.; но казалось мало для назиданія зрителей одного прославленія побѣды или выставленія напоказъ несчастной судьбы противящихся: комическій элементъ, насмѣшка надъ тѣми, которые осмѣливались плыть противъ теченія потока, также призваны на помощь, и вотъ предъ зрителями являются староверы съ своими убѣжденіями, несчастный ставленикъ, котораго надуваютъ, подьячій, берущій взятки, дьячокъ, который не хочетъ отдавать дѣтей въ науку. *Пекарскій.*

Вертепная драма.

Вертепная драма сдѣлалась въ южной Россіи наиболѣе любимымъ и распространеннымъ видомъ *народно-религіозной* мистеріи. И по существу представляемаго событія и по языческимъ воспоминаніямъ, тяготѣвшимъ къ этому празднику, рождественская драма вертепа близка была къ народу и успѣла выработаться въ своеобразныхъ формахъ литературныхъ. Польша имѣла свою долю вліянія на происхожденіе и развитіе ея.

Праздникъ Рождества Христова наиболѣе способенъ былъ сдѣлаться темою народной пьесы: поклоненіе Христу пастуховъ вводитъ прямо въ число дѣйствующихъ лицъ событія представителей народной жизни. Почти всеобщій обычай западной Европы заставлялъ во время Рождества ставить въ церквахъ ясли и живописныя изображенія осла и быка. Францъ Ассизи, желая придать воспоминанію великаго событія еще болѣе наглядности, велѣлъ устроить ясли въ лѣсу и тамъ разыгрывать рождественскую драму. Въ Германіи съ празднованіемъ Рождества Христова соединяются остатки языческаго поклоненія богинѣ Гольдѣ или Берхтѣ, которой въ древнее время посвящены были двѣнадцать ночей передъ январемъ мѣсяцемъ. По народнымъ вѣрованіямъ, богиня странствовала въ это время по селамъ, посѣщала крестьянскія избы, хвалила и поощряла женщинъ, прилежно занимавшихся пряжею, порицала и наказывала лѣнивыхъ. Христіанство дало этому

вѣрованію новый видъ. Теперь въ Германіи около этого времени ходятъ по селамъ переряженныя лица, представляющія Христа или Богоматерь. Они входятъ въ избы, подарятъ добрыхъ дѣтей, пугаютъ злыхъ. При переряженномъ страннникѣ бываютъ одинъ или нѣсколько спутниковъ, которые носятъ имя то Іосифа, то Николая чудотворца. Одѣтый въ черную одежду, онъ пугаетъ дѣтей, грозитъ имъ ударами, обѣщаетъ выколоть имъ глаза. Въ языческое время спутникомъ Гольды былъ Knecht Ruprecht. Въ другихъ мѣстностяхъ Германіи господствуетъ другой обычай: молодые люди, особеннымъ образомъ наряженные, бродятъ по селамъ и полямъ съ бичами и колокольчиками: ими думаютъ отогнать старое божество, которое въ то время, по общему повѣрью, странствуетъ по землѣ. Послѣднему обычаю соотвѣтствуютъ наши колядованья: дѣти бродятъ съ пѣснями по селу и тѣмъ разгоняютъ злыхъ духовъ, которые въ это время вездѣ ищутъ себѣ убѣжища. У насъ въ XVII вѣкѣ, о Рождествѣ и до Богоявленьева дня, сходились мужескаго и женскаго пола многіе люди въ бѣсовское сонмище, на дьявольскія прелести, во многое бѣсовское дѣйство, играютъ во всякія бѣсовскія игры; а въ навечеріе Рождества Христова клички бѣсовскія кличутъ: Коляду, Таусень и Плугу.

Въ Польшѣ во время Рождества во многихъ церквахъ разыгрывалась вертепная драма: въ церкви ставили изображеніе вертепа, въ которомъ помѣщались картонныя изображенія Богоматери, Іосифа, Христа, ангеловъ, пастуховъ и трехъ царей; зрителю видны были также быкъ, оселъ и голова Іоанна Крестителя. Представлялось избіеніе невинныхъ младенцевъ, въ числѣ которыхъ погибалъ и сынъ Ирода. Послѣдній въ припадкѣ отчаянія призывалъ смерть: она являлась въ видѣ скелета и снимала съ него голову, за нею выбѣгалъ дьяволъ, весь черный, съ острыми рогами, длиннымъ хвостомъ, краснымъ языкомъ: онъ уносилъ трупъ Ирода въ адъ. Въ половинѣ прошлаго вѣка эти зрѣлища были однако запрещены, потому что вертепъ съ теченіемъ времени совершенно утратилъ церковный характеръ, въ немъ уже показывались забавныя пляски солдатъ и крестьянокъ; въ немъ являлись и украинскій казакъ, и житель карпатскихъ горъ, и жидъ маркитантъ, умѣвшій всякаго обмануть и въ заключеніе попадавшій въ гости къ дьяволу. Народный элементъ былъ верх-

надъ церковными. Въ Литвѣ передъ Крещеніемъ на всѣхъ дверяхъ пишутъ латинскія буквы, которыми начинаются имена трехъ царей, приходившихъ на поклоненіе Христу; въ церквахъ, около престоловъ, висятъ на лентахъ люльки, а въ нихъ лежитъ вылитое изъ воску изображеніе младенца; у изголовья стоятъ оселъ и быкъ; вокругъ люльки помѣщаются изображенія Богородицы, Іосифа и трехъ волхвовъ. Подходящіе къ люлькѣ качаютъ ее три раза и молятся. Въ Литвѣ распространена и вертепная драма. — Подъ именемъ вертепа извѣстны ящики въ два этажа, въ первомъ и третьемъ этажѣ происходитъ дѣйствіе посредствомъ куколъ, второй назначенъ для машинъ и пружинъ, которыми приводятся въ движеніе фигуры. Въ Польшѣ и Малороссіи вертепъ является большею частію въ двухъ видахъ: представленія городского вертепа сопровождаются рѣчами показывающаго, который съ приличными измѣненіями голоса читаетъ по очереди роли куколъ; въ деревнѣ вертепъ сопровождается только пѣніемъ колядскихъ пѣсенъ. Вертепныя пьесы всегда и вездѣ находились въ связи съ мистеріями, служили зародышемъ или же сокращеніемъ ихъ. Меньше распространенія и значенія должны были онѣ имѣть въ западной Европѣ, встрѣчая опасное соперничество въ духовной драмѣ; у насъ онѣ долго были *для народа* единственнымъ видомъ духовной пьесы и даже забавныхъ интерлюдій. Драматическое изображеніе жизни народа и сатирическія излiянiя его антипатій нашли себѣ мѣсто въ полуимпровизованныхъ пьесахъ вертепа; въ немъ прежде всего эпизоды духовной драмы переплелись съ картинами обыденной жизни и народнаго быта; забавный интерлюдіи незамѣтно вкрадывался въ рождественскую драму. Представленіе вертепа открывалось, напр., поклоненіемъ волхвовъ Христу. Затѣмъ изъ боковой башенки выходилъ полякъ, навстрѣчу ему женщина въ національномъ костюмѣ; отдавши другъ другу поклонъ, они начинали пляску, которая смѣнялась малороссійскимъ танцемъ. На сцену является и цыганъ съ медвѣдемъ и работникомъ. Разнообразныя пляски ихъ оканчиваются выходомъ царя Ирода, котораго сопровождаетъ неразлучный совѣтникъ его на всякое зло — жидъ. Иродъ грозитъ погубить весь свѣтъ; но смерть пресѣкаетъ своею косою хвастовство царя и навѣты жида. На сценѣ показывается не надолго сѣтующая Ревекка; а тамъ библейскія событія снова замѣняются сце-

нами народной жизни во время святокъ: чаровница дѣлаетъ масло, а діаволъ украдкою выпиваетъ у ней сметану. Наиболѣе обыкновеннымъ содержаніемъ вертепной драмы была смерть Ирода послѣ его напрасной попытки умертвить Христа; во время представленія пѣлась польская пѣсня: W żłobie leży и т. п.

Рождественская драма малорусскаго вертепа есть не что иное, какъ повтореніе рождественской пьесы въ томъ видѣ, какъ она ходила въ западной Европѣ или какъ писалъ ее Димитрій ростовскій; вертепное представленіе ея сопровождалось только пѣніемъ духовныхъ стиховъ и народныхъ дѣтскихъ славленій. Въ вертепѣ, освѣщенномъ восковыми свѣчами, изображалось появленіе звѣзды на востокѣ, рожденіе Спасителя въ ясляхъ, привѣтствіе ангеловъ, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ. Во дворцѣ царя Ирода, куда переносится зритель, пиръ и музыка. Балъ открываютъ деревянныя фигуры, которыя пляшутъ и вертятся, пока упадутъ въ обморокъ. Иродъ, очарованный красотою Иродіады, приказываетъ отрубить голову Іоанну Крестителю и принести ее на блюдѣ. Затѣмъ выскакиваетъ смерть: она отсѣкаетъ голову Ироду, который падаетъ, дрягаетъ ногами и кричитъ: „Оцежъ лихо мынѣ! Якъ бы я знавъ, что всему причиною дивчата, тобъ ни танцовавъ и ни жартовавъ. Карае за нихъ небесный Царь“. Иногда длинная народная пѣсня сопровождала всю исторію Рождества Христова, представлявшуюся на сценѣ; пѣсня начиналась словами:

Христосъ народився,
Весь міръ возвеселився.

Но и бѣдная народная драма Малороссіи стѣсняема была въ своемъ развитіи тѣмъ обстоятельствомъ, что попала въ руки бурсаковъ кіевской академіи, которые замѣняли народныя пѣсни схоластическими виршами школы.

Съ зрѣлищемъ вертепа часто соединялся другой народный обычай — хожденіе дѣтей со звѣздою для славленія, наканунѣ и въ первые три дня Рождества Христова. Звѣзда дѣлается изъ обечайки, оклеенной желтой бумагой, пропитанной масломъ: на одной сторонѣ ея изображено лицо, на другой поклоненіе пастырей; въ срединѣ вставлена зажженная свѣча, чтобы ри-

сумокъ былъ виденъ. Въ бѣлыхъ одеждахъ, съ коронами на головахъ, ходятъ трое дѣтей и поютъ стихъ о Рождествѣ Христовѣ.

Нова радость стала,
Яка не бувала и т. д.

Пѣсни оканчиваются просьбою о милостынѣ и могутъ быть названы драматизованными духовными стихами слѣпцовъ-нищихъ, „просящихъ святую милостыню". Дѣти, одѣтыя восточными царями, драматически исполняютъ передъ зрителями народную легенду, которую пѣвцы, калики перехожіе, поютъ безъ драматической обстановки: становясь во единый кругъ, они

Клюки, посохи въ землю потыкали,
А и сумочки исповѣсили,
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали...

Около вертепа и рождественской звѣзды группировались и драматически распредѣлялись народныя пѣсни и легенды, хранимыя то каликами перехожими, то дѣтьми, принимающими на себя роль народныхъ пѣвцовъ въ рождественскихъ обрядахъ.

Представленіе классической драмы вертепа — смерти Ирода сопровождалось часто колядками и пѣснями, которыя не имѣли никакого отношенія къ представляемому событію, а служили иногда отголосками языческихъ вѣрованій народа. То пѣли разсказъ о богатырѣ, который обложилъ городъ Львовъ (или Краковъ) и не хотѣлъ отступить ни за какую дань, требуя, чтобъ ему выдали золотую дѣвицу; то слышались насмѣшливые стихи о жидахъ, которые пустились промышлять обманомъ. Судьба святого семейства, изображеніе котораго стояло въ серединѣ вертепа, объяснялась пѣніемъ народныхъ легендъ и духовныхъ стиховъ. Въ одномъ разсказывалось, какъ Марія просила ночлега у крестьянина: бѣднякъ мѣстомъ убѣжища могъ предложить ей только конюшню, гдѣ она и рождаетъ Христа, въ другихъ: какую нищету терпѣла Богородица: она не имѣетъ денегъ, чтобы купить пищи и жалѣетъ, что не можетъ достать рыбы; ребенокъ Христосъ наловилъ ей рыбы.

а ангелы приготовили ужинъ. Богоматерь удивляется чуду и Христосъ говоритъ ей:

„A ty Matuchko nie wierzysz,
Żeby ja miał być Syn Boży“,
Oj stało nam się wesele,
Boże Narodzenie!
„Stworzyłem Żydów, Tatarów
I was Chorescianów“,
Oj stało etc.
„Stworzyłem ptactwo i bractwo
Sudziom na bogactwo“.
Oj stalo etc. etc.

Третья легенда разсказывала, какъ св. Іоаннъ водитъ коней по крестьянскому полю, вмѣстѣ съ Христомъ и св. Стефаномъ пашетъ онъ золотымъ плугомъ, а Богоматерь за ними ходила.

Śniadanko nosiła,
Szczęścia im życzyła.

Легенда заключается молитвою объ урожаѣ. Такъ примкнуло къ вертепной драмѣ древнее вѣрованіе о божественныхъ покровителяхъ поля и основанный на немъ обрядъ призывать ихъ милость на пашню, — обрядъ, связанный встарину съ обнесеніемъ плуга и съ процессіею окружниковъ.

Кромѣ легендъ, въ которыхъ доносятся къ намъ вѣрованія языческой эпохи, и которыя примкнули къ рождественской драмѣ, на сценѣ вертепа находили себѣ мѣсто и параболическія пьесы, moralités, обогащавшіяся народными пѣснями и стихами. Довольно часто представлялась въ вертепѣ притча о богатомъ, который призывалъ къ себѣ всѣ земныя удовольствія и хвастался своимъ могуществомъ. Собесѣдникомъ богача была смерть: она напрасно старалась обратить его къ покаянію; богачъ надѣялся откупиться отъ нея. Когда уже она поразила его, богачъ со слезами проситъ у ней помилованія, чтобы покаяться; но смерть отвѣчаетъ ему:

Miales na to czasu dosyć,
Teraz nie dam się uprosić.

Дьяволы и ангелы приходятъ по душу богача и начинаютъ спорить о ней. Эта вертепная пьеса представляетъ намъ не

болѣе, какъ постановку на сцену одного изъ любимыхъ мотивовъ народной литературы. Какъ у насъ Аника-воинъ, встрѣтившись съ смертью, предлагаетъ ей золоту казну и умоляетъ ее объ отсрочкѣ, чтобъ проститься съ отцомъ, съ матерью и покаяться, такъ точно богачъ въ польскомъ и малорусскомъ вертепѣ откупается отъ смерти тысячью копъ серебра и золота и, видя безполезность этой попытки, проситъ срока.

Niech dam komu co potrzeba,
By modlili za mnie Nieba.

Вертепная пьеса о Смерти и Богачѣ, а также и о самомъ Иродѣ, кромѣ стиха объ Аникѣ-воинѣ, стоитъ въ ближайшей связи съ стихами о Лазарѣ и богатомъ, а черезъ нихъ съ тѣмъ богатымъ запасомъ народныхъ представленій, которыя выразились въ „Пляскѣ мертвыхъ". Эпизоды послѣдней украсили стѣны храмовъ и листы народныхъ книгъ, нашли себѣ мѣсто на средневѣковой сценѣ западной Европы, у насъ — въ вертепѣ и на лубочныхъ картинахъ. Связь вертепной пьесы съ лубочными пьесами и народными діалогами тѣмъ важнѣе, что впослѣдствіи фигуры вертепа смѣнились лубочными картинами, и вертепъ превратился въ раекъ, передавшій ему свое содержаніе.

Вертепная драма, вращаясь въ кругу народа, пережила тѣ же два главные періода, которые ясно выдѣляются въ исторіи западной мистеріи: первоначальный, церковно-каноническій характеръ ея стерся и развѣялся отъ напора народныхъ началъ; церковное содержаніе мистеріи сначала профанировалось сценами обыденной жизни, выходками народнаго юмора, апокрифическими вставками, интерлюдіями, а подъ конецъ было совершенно ими вытѣснено. Въ вертепѣ, забывшемъ рождественскую драму съ ея легендарной обстановкой, представлялись самыя разнообразныя сцены изъ народной жизни малоруссовъ. Около шинкаря-жида, обманывавшаго покупателей, собирались въ вертепной комедіи самыя разнохарактерныя лица, и веселье ихъ всегда оканчивалось плохо для обманщика. Или представлялось въ вертепѣ возвращеніе домой пьянаго мужа: онъ капризничалъ, приказывалъ приготовить себѣ постель на дворѣ и предавался астрологическимъ наблюденіямъ. Указывая на созвѣздіе большой медвѣдицы, онъ спрашивалъ жену, какъ оно называется, и когда она отвѣчала: *В..* (общеупотребительное въ украинскомъ народѣ названіе

созвѣздія), пьяный вскакивалъ и начиналъ бить свою жену за то, что она положила его, какъ собаку какую-нибудь, спать *подъ воломъ.* *Тихонравовъ.*

Южнорусская драма.

На первыхъ порахъ южнорусскія драмы были, конечно, чисто подражательными драмами латинскихъ и польскихъ образцовъ: было вполнѣ достаточно для учебно-воспитательныхъ цѣлей... Но уже скоро южнорусская драма освобождается отъ узкихъ школьно-педантическихъ рамокъ, и подъ перомъ нѣсколькихъ южнорусскихъ писателей пріобрѣтаетъ болѣе самостоятельный литературный характеръ.

Репертуаръ старинной кіевской драмы былъ, конечно, не слишкомъ обширнымъ, и еще меньше отъ него дошло до насъ. Южнорусскимъ писателямъ принадлежатъ слѣдующія пьесы, изъ которыхъ сохранились лишь немногія: „Алексѣй, Божій человѣкъ“, „Патріархъ Іосифъ“, „Рождественская драма“, „Грѣшникъ кающійся“, „Успенская драма“, „Великомученикъ Димитрій“, „Эсфирь и Агасферъ“, „Воскресеніе Христово“; большая же часть перечисленныхъ пьесъ была написана св. Димитріемъ ростовскимъ († 1709).

Мы не станемъ, конечно, подробно останавливаться на каждой изъ этихъ драмъ: чтобы возобновить въ вашей памяти общее представленіе о ихъ характерѣ, я перескажу содержаніе лишь одной изъ нихъ, наиболѣе ранней, — „драмы объ Алексѣѣ, Божіемъ человѣкѣ“, и затѣмъ сдѣлаю лишь общую характеристику южнорусскихъ драмъ XVII вѣка.

Сцена представляетъ два этажа: верхній изображаетъ небо, нижній — землю. Дѣйствіе открывается на небѣ. Два ангела Гавріилъ и Рафаилъ ведутъ разговоръ о преимуществахъ безбрачія предъ бракомъ. Затѣмъ ангелы слетаютъ съ неба на землю, т.-е. изъ верхняго этажа по лѣстницѣ спускаются въ нижній; навстрѣчу имъ показывается Алексѣй. Гавріилъ, обращаясь къ Алексѣю, произноситъ:

Аще хощеши человѣкомъ Божіимъ званъ быти,
Храни до смерти чистость: она есть дорога
Наипростѣйшая въ небо до самаго Бога...

Ангелы исчезаютъ, т.-е. опять уходятъ по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Алексѣй остается одинъ. Въ длинномъ монологѣ онъ сообщаетъ зрителямъ свѣдѣнія о самомъ себѣ, о своихъ родителяхъ, о ихъ любви къ нему и ихъ непремѣнномъ желаніи его женить. Впрочемъ, онъ и самъ теперь еще не прочь отъ женитьбы и высказываетъ свое согласіе выбрать невѣсту... Въ тотъ самый моментъ, какъ онъ высказываетъ свое согласіе, въ его душѣ воскресаетъ только что слышанный имъ совѣтъ ангела — не вступать никогда въ бракъ. Въ этой внезапно возникшей мысли онъ видитъ особенное внушеніе свыше и рѣшается ее осуществить... Затѣмъ слѣдуетъ длинный рядъ сценъ, въ которыхъ изображаются продолжительныя колебанія Алексѣя... Передъ нимъ появляются богини Юно и Счастіе. Юно останавливаетъ Алексѣя и совѣтуетъ ему одуматься.

— „Остановись!...— говоритъ она ему:—Ты выбираешь дурное... Ты раскаешься потомъ, что такъ порѣшилъ съ собою... Выслушай мой совѣтъ...“ — Она указываетъ на свое могущество. — „Я сильная и славная богиня; я царствую на небѣ и на землѣ... Въ моихъ рукахъ счастье и несчастье. Я надѣляю богатствомъ, славою, почестями... Своимъ правдивымъ словомъ все это я обѣщаю тебѣ — только не бросай свѣта... Передъ тобою я постилаю дорогу ко всѣмъ наслажденіямъ“... Ту богиня Юно на дорогу стелетъ ковръ Алексѣю до суетъ мірскихъ... Съ своей стороны и Счастіе начинаетъ соблазнять Алексѣя... Въ его душѣ происходитъ борьба... Прелести міра на мгновеніе одерживаютъ побѣду:

Пойду тѣмъ путемъ, который сей мнѣ поставляетъ,

говоритъ онъ и хочетъ ступить на ковръ, постланный предъ нимъ богиней Юноной. Но является Виртусъ (добродѣтель): „Путь, которымъ ты хочешь итти — говоритъ она ему — ведетъ въ пагубу и огнь“. „Ту змій, замѣчается въ пьесѣ, ротъ роззявитъ и дымъ испущаетъ“.— наглядно такимъ образомъ показывая будущія муки ада. Алексѣй одумывается и возвращается къ своему прежнему намѣренію — остаться внѣ брака, если бы даже для этого пришлось покинуть домъ родительскій. Но онъ еще разъ измѣняетъ своему рѣшенію: въ слѣдующей сценѣ убѣжденія отца снова колеблютъ Алексѣя, и у него вырывается согласіе на бракъ; только новое явленіе ангела,

который укоряетъ его въ нерѣшительности, слабости, называетъ его „тростью, вѣтромъ колеблемою", окончательно укрѣпляетъ его въ принятомъ разъ намѣреніи — всецѣло посвятить себя Богу... Завязка драмы такимъ образомъ окончена.

Но вотъ сцена смѣняется. Въ домѣ Евфиміана идутъ приготовленія къ свадьбѣ Алексѣя. Особымъ посланіемъ онъ приглашаетъ друзей — „велце мосци пановъ" — раздѣлить съ нимъ радость и прійти на пиръ. Другой слуга Евфиміановъ въ худшомъ платію зоветъ мужиковъ на свадьбу. На сцену выходятъ мужики. Панское приглашеніе вызываетъ въ нихъ среди разговоры; они рѣшаются итти къ пану на свадьбу, — только хотятъ сначала забѣжать домой и захватить что-нибудь въ подарокъ —

Кто курку восьмемо, кто пирожковъ пару!...

Вслѣдъ за тѣмъ начинается самый пиръ. Евфиміанъ веселится на свадьбѣ сына. „Ту цымбалисты и скрипки играютъ" — замѣчается въ пьесѣ; „потымъ мужики на свадьбу къ музыкамъ приходятъ и пьютъ и играютъ". Мужики поздравляютъ Евфиміана и подносятъ ему свои деревенскіе подарки: курочку, коровай хлѣба, утку, яблоковъ. Евфиміанъ благодаритъ и приказываетъ слугамъ угостить ихъ. „Ту слуги — читаемъ въ рукописи — стелютъ полотенца мужикамъ, которыи сѣдаютъ у стола. Ту столъ на игралище поставленъ. Ту слуга другой стулы носитъ". Мужики пируютъ. Слуги подносятъ имъ вина, но они просятъ его самого начать:

„Почни жъ самъ, паниченьку, щобъ и мы посмѣли". Слуга пьетъ и желаетъ мужикамъ всякаго благополучія, — желаетъ имъ, чтобъ и они на старости лѣтъ получили отъ своихъ дѣтокъ утѣху:

Щобъ они васъ въ старости — шутитъ онъ — кіемъ под-
пирали...
Нехай ваши волики — продолжаетъ онъ, — козки, ко-
зенятка
И ввесь статочекъ здоровъ и ягнятка!
Зъ ними и вы здоровы!

Затѣмъ слуги просятъ мужиковъ самимъ угощаться и ху-

дить... Мужики остаются одни и начинають пить за здоровье другъ друга:

1-й мужикъ.

Здоровъ, Янко, къ тобѣ пью, щобъ ти живъ не стлѣвъ!
Але жъ добрый напитокъ...

2-й мужикъ.

Господи жъ благослови! Ось и я скоштую:
Здоровъ, куме Свиридъ, къ тобѣ охверую...
На; да не духомъ пій, щобъ есть не захлынувся.

3-й мужикъ.

Але жъ добрый напитокъ! Не выпью я много,
Бо и молодикомъ не пивавъ я такого.

Но вотъ одинъ изъ пирующихъ заявляетъ, что если съ такими церемоніями пить каждую чарку, то тутъ до вечера пропируешь и начинаетъ пить прямо изъ ведра: ту мужикъ изъ шата пьетъ, говорится въ пьесѣ, въ скобкахъ. Рѣшительность его пріема дѣйствуетъ и на остальныхъ: черезъ нѣсколько строкъ въ пьесѣ дѣлается замѣчаніе, — что ту вино мужики всѣ изъ шата пьютъ... Пиръ принимаетъ необыкновенно шумный характеръ. Является слуга:

Змилуйтеся, мужеве! спокойно гуляйте!
Теперь панъ обѣдаетъ...
Заразъ и вашимъ милостямъ обѣдъ дати маєтъ...
Тылко, прошу васъ, больше, якъ волки, не выйте...

Мужики объявляютъ, что они такъ выпили, что и ѣсть не хотятъ, и просятъ слугу передать пану, нельзя ли прислать къ нимъ музыку. Евфиміанъ приказалъ исполнить желаніе мужиковъ: „нехай, прибавляетъ онъ, и насъ мужеве танцомъ своимъ утѣшатъ". Приходитъ музыка, и мужики начинаютъ плясать. . Но вотъ кто-то кому-то перешелъ къ пляскѣ дорогу, а вотъ другой, нарушивъ порядокъ, съ боку наскочилъ; между пляшущими возникаетъ перебранка:

Отъ поганые сыны, перешли дорогу;
Отъ я вамъ которому-сь переломлю ногу...

Тѣ, къ кому относились эти слова, слышатъ угрозу:

> А кого-то ты, старый псе, такъ зневажаешь,
> Якій ты вепатъ, что намъ ноги ломать маешь?...

Первый мужикъ, не долго думая, схватывается за чуприну. . Ту — говорится въ пьесѣ — сваръ и битва всѣхъ мужиковъ стается: посля мужикъ пятый, будто иныхъ меньше пьянъ, миритъ ихъ .. Ту всѣ мужики кричатъ и отходятъ съ позорища. Ту, по отходѣ мужиковъ, мужикъ пятый отъ людей прощенье проситъ. Этимъ и заканчивается „играніе“ свадьбы.

Я съ намѣреніемъ почти цѣликомъ привелъ эту сцену Въ пирующихъ, пляшущихъ и, наконецъ, дерущихся между собою мужикахъ — передъ нами выступаетъ мѣстный народо-бытовой элементъ. Правда, представители деревенскаго населенія выступаютъ передъ зрителями въ не совсѣмъ завидной роли: но уже одинъ тотъ фактъ, что ихъ пригласили на свадьбу, что они пируютъ на сценѣ, передъ зрителями, является весьма знаменательнымъ. Зрители переносятся въ среду мужиковъ; среда эта считается достойной вниманія...

Въ слѣдующихъ сценахъ Алексѣй покидаетъ домъ родителей, заочно прощается съ ними и съ своей невѣстой, мѣняется съ встрѣтившимся нищимъ одеждой и затѣмъ, слѣдуя указанію свыше, направляется въ Едессъ. – Въ домѣ Евфиміана, между тѣмъ, скорбь и рыданіе: Евфиміанъ и жена его, въ длинныхъ монологахъ, оплакиваютъ пропавшаго безъ вѣсти сына. — Слѣдуетъ длинный рядъ сценъ: Гоноріи, римскій царь, бесѣдуетъ съ своими приближенными; Евфиміанъ доноситъ ему о своемъ несчастіи; Гонорій даетъ приказаніе искать Алексѣя: слѣдуютъ самые поиски и т. д. Въ длинныхъ монологахъ и сценахъ драматизируются извѣстные факты *житія*. Въ слѣдующихъ сценахъ изображается возвращеніе Алексѣя въ Римъ, въ образѣ пилигрима онъ приходитъ въ родной домъ, разговариваетъ даже съ своимъ отцомъ, но тотъ не узнаетъ его.
и проводитъ остатокъ жизни. Съ его возвращеніемъ въ домъ родительскій дѣйствие быстро приближается къ концу Алексѣя слышитъ гласъ съ неба, возвѣщающій ему скорую смерть Онъ проситъ слугу принести ему „тросты, папиру и трохи чернила“ и пишетъ „гисторію о себѣ“. Эта гисторія или житіе Алексѣя вставленное въ драму, цѣликомъ заимствовано

изъ славянскаго *пролога*. Описавши житіе, Алексѣй умираетъ... Дальнѣйшія сцены изображаютъ прославленіе Алексѣя ангеломъ среди людей, скорбь и плачъ въ домѣ Евфиміана, когда обнаруживается, кто былъ умершій и т. д. Пьеса оканчивается сценой, гдѣ Алексѣй (въ длинномъ монологѣ) т ѣ ш и т с я н а н е б е с и, п о с р е д и а н г е л о в ъ, т.-е. на верхнемъ этажѣ сцены. Въ заключеніе зрителямъ приносится благодарность за вниманіе...

По изложенной драмѣ можно судить и объ остальныхъ. Господствующее содержаніе всѣхъ ихъ — д у х о в н о е, ц е р к о в н о-б и б л е й с к о е. Дѣйствующія лица взяты изъ библіи, изъ житій святыхъ или изъ области христіанской морали. Ихъ монологи и разговоры еще тѣсно связаны съ библейскими повѣствованіями, христіанскими легендами и житіями святыхъ. Словомъ, южнорусская драма XVII вѣка въ полномъ смыслѣ духовная, церковная, библейская; это та драма, которую можно было видѣть въ западно-европейскихъ церквахъ еще въ XII—XIII вѣкахъ. Рожденіе и воскресеніе Спасителя, особенно важныя повѣствованія ветхаго завѣта, связанныя съ этими событіями, житія особенно прославившихся св. подвижниковъ и чудотворцевъ, аллегорическія фигуры христіанскихъ добродѣтелей и пороковъ — вотъ обычный кругъ содержанія древнѣйшихъ западныхъ мистерій... Тѣ же сюжеты и въ южнорусской кіевской драмѣ. И это вовсе не было какимъ-либо подражаніемъ. Общность сюжетовъ объяснялась не литературнымъ заимствованіемъ, а самой постановкой дѣла. Южнорусскихъ драматурговъ, лицъ, большею частью, духовныхъ, интересовали тѣ же лица и событія, на которыхъ нѣкогда останавливалось вниманіе и западныхъ драматическихъ писателей. Церковно-библейскіе, строго-духовные сюжеты были обще-европейскими, общенародными мотивами древнѣйшей средневѣковой драмы; они обошли всѣ сцены Европы, они должны были быть и на нашей...

Послѣ господствующаго церковно библейскаго содержанія, э л е м е н т ъ а л л е г о р и ч е с к і й занимаетъ въ кіевской старинной драмѣ самое видное мѣсто. До насъ дошла одна кіевская мистерія, въ которой аллегорическія фигуры являются почти исключительными дѣйствующими лицами. Это упомянутое нами — *Дѣйство на страсти Христовы списанное*. Главное дѣйствующее лицо въ пьесѣ — богиня Вражда — ведетъ непри-

миримую борьбу съ Любовью. Враждѣ удается различными кознями побѣдить Любовь, и второе дѣйствіе пьесы изображаетъ предъ зрителями торжество побѣдительницы. Любовь рыдаетъ, — въ длинномъ монологѣ она жалуется, что нигдѣ не находитъ для себя мѣста, всюду изгнана людьми; Вражда сидитъ на престолѣ и хвалится своими побѣдами надъ Любовью... Ея монологъ прерывается приходомъ поздравительной депутаціи. Является „Свѣтъ со сропотники своими, — Льстецомъ, Лукавцемъ, Убійцей и т. д.; каждый изъ нихъ произноситъ отдѣльное поздравленіе Враждѣ. Эту депутацію смѣняетъ другая: являются седмь смертныхъ грѣховъ, — каждый изъ нихъ хвалится своею властью надъ людьми и т. д. Подобными же аллегорическими сценами начинается и *Рождественская драма* Димитрія ростовскаго. Передъ зрителями является человѣческая природа (натура людская), окружаемая съ одной стороны Надеждою, Кротостью, Любовью, съ другой — Ненавистью, Завистью, Злобою, которыя ведутъ между собою длинные разговоры о судьбѣ человѣка, о человѣческихъ слабостяхъ, порокахъ и христіанскихъ добродѣтеляхъ и т. п. Всѣ эти безконечныя разсужденія выведенныхъ аллегорическихъ лицъ для насъ кажутся необыкновенно скучными; но они имѣли совсѣмъ другое значеніе для той публики, для которой писались. Для тогдашнихъ зрителей они представляли весьма живое реальное содержаніе. Мы не должны забывать нравственной физіономіи этихъ зрителей. Ихъ умственный и нравственный кругозоръ былъ еще слишкомъ неширокъ и требовалъ самой реальной образности. Нравы зрителей были такъ же грубы, какъ ихъ пища, одежда, вся обстановка. Эта публика съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ охотникъ, промахнувшійся въ бою съ дикимъ медвѣдемъ, на глазахъ у всѣхъ дѣлался жертвою своего противника: медвѣдь раздавливалъ охотника, разрывалъ когтями на части, объѣдалъ ему руку, голову, — и объ всемъ этомъ зрители дѣлали лишь лаконическое замѣчаніе: медвѣдь его (охотника) ѣлъ. Такъ въ 1619 году дикій медвѣдь ѣлъ [illegible]ковнаго псаря Петрушку, въ 1620 — псарю Кондрашкѣ медвѣдь изъѣлъ руку, а [illegible] Сенькѣ [illegible], въ 1627 г. — медвѣдь дралъ истопника Илью и т. д. Во всѣхъ сферахъ общественной жизни еще слишкомъ мало было признаковъ общественности. Выслушивать въ лицахъ моральные уроки было для такого общества въ высшей степени полезно. —

Нѣтъ нужды замѣчать, что пороки и добродѣтели большею частью являются въ пьесахъ подъ классическими именами греческой и римской миѳологіи...

Съ точки зрѣнія собственно историко-литературной самымъ важнымъ элементомъ южнорусскихъ драмъ XVII вѣка является элементъ народно-бытовой, который изрѣдка выступалъ на сцену изъ-за церковно-библейскихъ сюжетовъ. Мы видѣли пиръ мужиковъ на свадьбѣ въ мистеріи объ Алексѣѣ; тому же простонародному быту посвящается нѣсколько сценъ и въ *Рождественской драмѣ* Димитрія ростовскаго. Вотъ какъ изображается въ драмѣ явленіе ангела виѳлеемскимъ пастухамъ. На сцену выходитъ пастухъ; его два товарища пошли въ городъ за покупками, а онъ остался при стадѣ, но теперь, съ наступленіемъ ночи, пошелъ искать товарищей. Онъ спрашиваетъ зрителей, не видали ли они его запоздавшихъ товарищей, и описываетъ ихъ наружность:

Одинъ уже и пристаръ, маленько горбатый,
Кривъ на глазъ, имя ему Аврамъ...
Другой молодъ, именемъ Аѳоня —
Въ старомъ шубіонку...

Онъ садится и рѣшается ихъ ждать на мѣстѣ. О старикѣ Аврамѣ онъ почти увѣренъ, что онъ зашелъ въ кружало выпить — и тамъ сидитъ... Но вотъ по дорогѣ показывается Аврамъ. Онъ подходитъ къ своему поджидающему товарищу и укоряетъ его:

Борисе! чего ты здѣ, а овци покинулъ?

Борисъ.

А ты для чего, въ городъ пошодши, загинулъ?
Пришолъ вечеръ, я овци загналъ во ограду,
А самъ пошолъ былъ васъ искать...
Кое васъ тамъ такъ долго лихо удержало?

Аврамъ.

Не покручинься, братецъ: зашолъ на кружало,
За алтынецъ винишка съ паринишкомъ испилъ.

Борисъ.

Отъ вѣдь я догадался!... А мнѣ-то не купилъ?

Аврамъ.

Никакъ, купилъ и тебѣ: какъ вѣдь не купить?...
Малецъ, вынь ми съ кошеля...

Пастухи выпиваютъ и закусываютъ, и собираются уже итти къ стаду, какъ вдругъ раздается пѣніе: запоютъ ангелы, а они забудутся—говорится въ пьесѣ, кусы въ ротахъ. Думаютъ долго, одинъ на другого смотритъ, не скоро въ небо...

Аврамъ.

Што, брате? Гдѣ же такъ сегодня поютъ хорошенько?
Еще я такъ не слыхавъ: ты слышишь, Аоонько?

Аооня (*пастухъ-мальчикъ*).

Я вже слышу и виджу, ей, птички высоко.
Смотрѣте. Едбакъ ваше не досмотритъ око:
Ты старъ, ты на глазъ хромъ. Вотъ въ гору смотрите!...

Борисъ и Аврамъ.

Е! е! е! видимъ, видимъ...

Аооня.

А што правда птички?

Аврамъ

Братъ? кажется робятка стоятъ невелички?

Аооня.

Судари! Ихто видалъ ребята съ крылами?
Птицы то залетѣли межи облаками:
Етакъ бо хорошонько робята не пѣли...
Смотри, смотри: не видно, вотъ и полетѣли...

Борисъ.

Летѣте жъ здоровенько, а мы посѣдѣмо;
Маленько покушавши, къ овечкамъ идѣмо...

Аврамъ.

Когда бъ же такъ [illegible] пѣли,
То бъ мы, ихъ слушаючи, спати не хотѣли...
Аооня! ты учися на дудки играти...

Но вотъ передъ пастухами, собравшимися итти къ стаду, является ангелъ и возвѣщаетъ имъ о рожденіи Спасителя, посылая ихъ итти и поклониться Ему. Появленіе незнакомца пугаетъ пастуховъ; одинъ изъ нихъ спрашиваетъ, кто онъ таковъ:

Осударь! Кто ты таковъ? Ты княжего рода?
Чаю, что князь твой отецъ или воевода.

Ангелъ отвѣчаетъ, что онъ служитъ самому Богу, отъ котораго и присланъ возвѣстить имъ радость о рожденіи Спасителя, которому они должны итти поклониться. Но пастухи продолжаютъ относиться недовѣрчиво; одинъ изъ нихъ замѣчаетъ:

Чаю, тебе, государь, къ князьямъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали,
Не къ намъ, нищимъ пастухамъ: гето ты заблудилъ
Или не вслухалъ. Вѣстникъ къ намъ такій не ходилъ...

Но ангелъ подтверждаетъ, что онъ присланъ именно къ нимъ. Тогда одинъ изъ пастуховъ спрашиваетъ:

Осударь! Надобно ли что въ поклонъ понести,
Што бъ не велѣлъ, якъ нашъ князь, у шею вонъ вести?

Ангелъ отвѣчаетъ, что никакихъ подарковъ не нужно, что родившійся Богъ принимаетъ только одни дары: чистое сердце, вѣру, любовь... Пастухи окончательно успокоиваются и рѣшаются итти. Но сначала они хотятъ нѣсколько принарядиться:

— Што жъ такъ итти худо? — говоритъ Борисъ: ходѣмъ, украсѣмся, — въ чулки, лапти новы... Афоня! позабирай колачи и вино... Да и ты приберися: пойдемъ всѣ заодно и т. д.

Одинъ изъ изслѣдователей справедливо замѣчаетъ, что эти наивные, добродушные виѳлеемскіе пастухи, покупающіе вино и колачи, сильно напоминаютъ соотечественниковъ Димитрія ростовскаго, жителя Украйны...

Съ такими чертами возникли въ Кіевѣ наши первыя древнерусскія драмы. Заведенное въ Кіевѣ „комидійное дѣло“ скоро переносится и въ Москву. Къ отмѣченнымъ чертамъ древнерусскихъ драмъ въ Москвѣ присоединяются новые элементы.

Архангельскій.

Драма въ Москвѣ.

Въ маѣ 1672 года, за нѣсколько дней до рожденія Петра Великаго, изъ Московскаго государства былъ отправленъ за границу посолъ нѣкто полковникъ Фанъ-Стаденъ, „пріятель“ Артемона Матвѣева; Фанъ-Стадену приказывалось: „ѣхать къ курляндскому Якубусу князю и, будучи въ Курляндской землѣ, приговаривать великому государю въ службу рудокоповъ всякихъ, самыхъ добрыхъ мастеровъ, которые бы руды всякіе подлинно знали и плавить ихъ умѣли, да трубачей самыхъ добрыхъ и ученыхъ, да которые бъ умѣли всякія комедіи строить... Если — говорилось далѣе въ наказѣ Фанъ-Стадену — онъ и такихъ людей въ Курляндіи не добудетъ, и ему ѣхать для того во владѣніе короля свейскаго и въ прусскую землю“. Но послѣ отъѣзда Фанъ-Стадена при московскомъ дворѣ отыскались свои собственные актеры, изъ русскихъ нѣмцевъ: ихъ отыскали въ подмосковной нѣмецкой слободѣ, а ихъ пасторъ, Яганъ Готфридъ Грегори, оказался весьма свѣдущимъ въ комидійномъ дѣлѣ. Въ виду этого, чрезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда Фанъ-Стадена, изъ дворца былъ данъ новый указъ: „1672 года іюня въ 4 день — читаемъ въ современныхъ дворцовыхъ запискахъ, — великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея В. и М. и Б. Р. самодержецъ, указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедію, а на комедіи дѣйствовати изъ библіи книгу Есфирь и для того дѣйства устроить хоромину вновь...“ Постройка театральной хоромины была поручена боярину Матвѣеву, и дѣло быстро закипѣло. Въ томъ же году, подъ октябремъ мѣсяцемъ, въ дворцовыхъ запискахъ читаемъ: „Того жъ (1672) году была у великаго государя въ селѣ Преображенскомъ комедія: тѣшили его, великаго государя, иноземцы, *какъ Алоферну царю голову отсѣкли*, и на органахъ играли нѣмцы да люди дворовые боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева...“

Такъ возникли въ Москвѣ первыя театральныя представленія. Необходимо познакомиться нѣсколько какъ съ самимъ антрепренеромъ этого перваго московскаго театра, такъ и съ содержаніемъ того репертуара, который былъ предложенъ имъ на первыхъ порахъ москвичамъ. Пасторъ-магистръ Яганъ

Готфридъ Грегори былъ уроженцемъ Марбурга, въ 1662 году онъ былъ приглашенъ изъ Саксоніи въ Москву пасторомъ лютеранской церкви и поселился въ подмосковной нѣмецкой слободѣ. За десять лѣтъ пребыванія въ своемъ новомъ отечествѣ онъ, конечно, могъ достаточно обжиться и освоиться съ русскимъ языкомъ, когда государевымъ указомъ ему поручено было устройство придворнаго театра. Что касается до „комидійнаго дѣла“, то оно не могло быть пастору цѣломъ новымъ и неизвѣстнымъ. „Въ нѣмецкихъ школахъ и университетахъ почти повсемѣстно существовалъ въ XVII вѣкѣ обычай — въ извѣстное время года устраивать публичное представленіе комедій. Многіе студенты, оставивши университетскія аудиторіи, прежде чѣмъ избрать себѣ опредѣленное занятіе, отдавали часто свои молодыя силы театру, вступая временно въ число актеровъ какой-нибудь странствующей труппы...“

Успѣхъ первой поставленной пьесы былъ полный; спектакль необыкновенно понравился и московскому государю и всему двору. Актеры были щедро награждены. Самая пьеса была переплетена въ сафьянъ съ золотомъ. Грегори тотчасъ же приказано было устроить театральную школу, и уже въ слѣдующемъ 1673 году мы видимъ пастора во главѣ цѣлой школы, въ которой учатся „комидійному дѣлу“ двадцать шесть человѣкъ дѣтей, набранныхъ изъ мѣщанъ... Въ томъ же 1673 году приказывается „надъ аптекою, что во дворцѣ въ палатахъ, построить какъ быть комидійному дѣлу...“ Вмѣстѣ съ тѣмъ переводчики посольскаго приказа помогаютъ пастору въ переводѣ новыхъ иностранныхъ пьесъ... За первымъ представленіемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ...

Каковъ же былъ репертуаръ возникшаго московскаго театра?

Конечно, уже на самыхъ первыхъ порахъ сюда перешли всѣ тѣ пьесы, которыя разыгрывались въ Кіевѣ, какъ уже составленныя и готовыя. Такъ, уже въ первомъ приказѣ царя пастору Грегори, вслѣдъ за порученіемъ „учинити комедію“, поясняюсь: „а на комедіи дѣйствовать изъ библіи *книгу Есфирь*...“; есть свидѣтельство, что малорусская драма *[illegible]* была разыграна въ Москвѣ уже въ октябрѣ 1672 года. Извѣстно также, что въ слѣдующемъ 1673 году на московской сценѣ „дѣялась“ *[illegible]*; въ 1675 г. въ Москвѣ были представлены *[illegible]* и драма *[illegible]*. Съ такимъ же чисто-духовнымъ

съ русскимъ характеромъ были представлены въ Москвѣ *Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ* и двѣ извѣстныя пьесы Симеона Полоцкаго: *Комедія притчи о блуднемъ сынѣ* и *О Навуходоносорѣ царѣ*, изъ которыхъ первая разыграна была въ Москвѣ въ 1675, вторая въ 1677 году. Но [illegible] не одна часть московскаго репертуара. Одновременно съ этими пьесами или заимствованными въ кіевскомъ стилѣ драмами, въ московскомъ репертуарѣ появляются пьесы и совершенно иного характера. Уже первое представленіе, которымъ открывалось въ Москвѣ „комическое дѣйство", комедія о томъ, „какъ Юдиѳь Олоферну голову отсѣкла", вносила въ древне-русскій театръ совершенно новый элементъ, ясно выдававшій на московской сценѣ вліяніе современной англійско-нѣмецкой комедіи.

Въ половинѣ и подъ конецъ XVI вѣка англійскій театръ быстро приближается къ періоду самаго блестящаго своего развитія. Древне-англійскія маскарадныя сцены и интерлюдіи, впервые обработанныя Гейвудомъ († 1577), все сильнѣе и рѣшительнѣе развиваются въ настоящую комедію, въ то же время трагедіи Роберта Грина († 1592), Томаса Лоджа, Джоржа Пиля, Христофора Марло († 1593) предвозвѣщаютъ близкое появленіе Шекспира. Реформы совершаются вмѣстѣ, разомъ и въ сферѣ комедіи и въ сферѣ собственно такъ наз. драмы. Одновременно съ этимъ англійскій театръ дѣлаетъ громадный шагъ впередъ и въ техническомъ отношеніи. До сихъ поръ представленія давались обыкновенно во временно устраиваемыхъ сценахъ — въ церквахъ, школахъ, въ залахъ судовъ, тавернъ или въ домахъ знатныхъ лицъ; въ 1576 году въ Лондонѣ устраивается первый въ Европѣ постоянный театръ.

Вліяніе новой англійской драмы быстро сказалось на всѣхъ сценахъ Европы; но скорѣе и сильнѣе всѣхъ испытала этому вліянію Германія. Такъ наз. „англійскіе комедіанты" появляются въ ней уже въ послѣдней четверти XVI столѣтія. Труппы [illegible] нѣмецкихъ актеровъ и [illegible] [illegible] теперь новое явленіе. Англійскіе актеры [illegible] въ Германіи XVII вѣка полное содержаніе репертуара. Репертуаръ [illegible] англійско-нѣмецкихъ комедіантовъ носилъ [illegible] характеръ: грубая [illegible] трагедіи перемѣшивались [illegible] съ веселыми комедіями, фарсами, [illegible]

пошлыми. Въ Германіи получилъ особенное развитіе послѣдній элементъ. Англійскіе актеры принесли съ собой и водворили на нѣмецкой сценѣ особую, самостоятельную фигуру шута. Шутъ въ теченіе цѣлаго XVII вѣка и даже далеко за его предѣлы былъ неограниченнымъ властелиномъ нѣмецкой сцены. Комическій элементъ не распредѣляется между дѣйствующими лицами: онъ какъ бы прихлынулъ къ одному центру и собрался весь въ одномъ лицѣ шута...“

Вліянію этой-то новой, преобразованной англійскими комедіантами, нѣмецкой сцены и подпадаетъ московскій театръ на самыхъ первыхъ порахъ своего существованія. „Первыя комедіи, разыгранныя при дворѣ Алексѣя Михайловича, представляютъ — говоритъ одинъ изъ изслѣдователей — буквальные, часто тяжелые переводы тѣхъ нѣмецкихъ пьесъ, которыя въ Германіи XVII вѣка ходили подъ названіемъ „англійскихъ трагедій и комедій“. Таковы были: *Эсфирь* или *Артаксерксово дѣйство*, *Юдиѳь*, *малая прохладная комедія объ Іосифѣ*, *о Товіи младшемъ*, *комедія Баязетъ и Тамерланъ* и др.

Мы остановимся на одной изъ нихъ, чтобы судить объ остальныхъ; типическимъ образцомъ ихъ можетъ служить *комедія Юдиѳь*, — именно та самая комедія, „какъ царица Ата-ферна царю голову отсѣкла“, которою открылись представленія Грегори въ Москвѣ.

Содержаніе пьесы представляетъ извѣстная исторія Юдиѳи, спасающей своимъ геройствомъ осажденный Олоферномъ Іерусалимъ. Дѣйствіе идетъ чрезвычайно медленно. Растянутыя сцены оживляются лишь комическимъ элементомъ, который сосредоточивается въ лицѣ Сусакима, одного изъ солдатъ Олоферна. Сусакимъ изображаетъ собою шута-клоуна, — непремѣнное дѣйствующее лицо всѣхъ англійскихъ комедій XVI—XVII вв. Сусакимъ — самый веселый человѣкъ въ пьесѣ. Жареныя колбасы — его слабость; впрочемъ, онъ не пренебрегаетъ и другими вкусными кушаньями. Вообще, крѣпко выпить и плотно закусить и затѣмъ проѣхаться насчетъ слабостей своего ближняго — цѣль его жизни. Своего веселаго расположенія онъ не теряетъ ни при какихъ обстоятельствахъ. Чтобы вполнѣ ознакомиться съ этимъ типомъ, достаточно остановиться на одной сценѣ. Вотъ Сусакимъ случайно попался въ плѣнъ къ осажденнымъ евреямъ и его ведутъ на казнь; его хотятъ только попугать: вмѣсто меча, палачу приказано

ударитъ по его головѣ лисьимъ хвостомъ. Сусакимъ, впрочемъ, этого не знаетъ, но и въ виду приближающейся смерти не теряетъ духа: „Первое,— разсуждаетъ онъ самъ съ собой, идя на казнь и перечисляя свои приближающіяся мученія,— первое — Сусакима повѣсить, второе — возвысить его по достоинству, третье — главу ему отсѣчи...“ Когда ему замѣчаютъ, что чрезъ нѣсколько минутъ голова его отлетитъ отъ туловища, онъ спрашиваетъ: „Отлетитъ?.. Если палачъ можетъ заставить летать голову, нельзя ли ему придѣлать крылья и къ моему туловищу? Я тогда бы и голову и туловище заставилъ верстъ за тысячу отлетѣть отсюда...“ Но вообще онъ очень доволенъ, что ему отрубятъ голову. „По крайней мѣрѣ,— говоритъ онъ,— ни передъ кѣмъ тогда не придется стоять безъ шапки...“ Передъ самой казнью онъ начинаетъ прощаться; прощанія его необыкновенно длинны, приводимъ лишь нѣсколько: „Прости,— говоритъ онъ,— чудный и преизрядный свѣтъ честный!.. Простите, м[illegible]-платки, яичатки, яица свѣжія печеныя, кормленные каплуни и телята жареные,— къ пасхѣ молоко, сметана, калачи крупитчатые съ масломъ,— и молодые голуби жареные, далѣе скворцы и жаворонки,— молодые рябки, кролики и зайцы молодые осенніе,— гуси жирные, утка,— кислыя капусты, вино, жаркое и мясо баранье — въ пирогахъ,— шуба и рукавицы да шапка теплая,— зимнія кишки жареныя свиныя и желудки во всѣхъ корчмахъ! Простите, простите!..“ Послѣ безконечныхъ прощаній, онъ кладетъ, наконецъ, голову на плаху,— и его ударяетъ палачъ по шеѣ лисьимъ хвостомъ, со страху Сусакимъ думаетъ, что ему уже отрубили голову; онъ сначала лежитъ будто мертвый, но потомъ приподнимается и, все еще въ страхѣ, начинаетъ искать по сценѣ свою отрубленную голову,— обращается, наконецъ, къ зрителямъ и „покорно безъ шапки“ проситъ ихъ возвратить ему его голову, „аще кто и взялъ и прячетъ ее скрыто“ и т. д. Другимъ шутовскимъ лицомъ въ пьесѣ является Абра, служанка Юдифи; напр., когда Юдифь съ отрубленною головою Олоферна уходитъ изъ непріятельскаго стана, Абра съ недоумѣніемъ спрашиваетъ госпожу, указывая на обезглавленнаго Олоферна: „Что же тотъ, у тии человѣкъ скажетъ, егда пробудится и увидитъ, что Юдифь съ головою его ушла?“ и т. п.

[illegible]

существеннымъ пріобрѣтеніемъ для нашего театра. Разнаго рода „прохладныя" и „потѣшныя комедіи", внесенныя Грегори въ репертуаръ древне-русскаго театра, значительно разнообразили нашу сцену, ослабляя ея духовный, строго-церковный характеръ; сцены и фарсы, которыми пересыпались въ англійскихъ комедіяхъ сцены серіознаго содержанія, дѣлали нашу древне-русскую отвлеченную, книжную сцену болѣе близкой къ обыденной, будничной жизни, —служа вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы подготовленіемъ къ самостоятельнымъ народно-бытовымъ интерлюдіямъ и народной комедіи...

Съ тѣмъ же характеромъ продолжается комедійное дѣло въ Москвѣ и послѣ смерти Алексѣя Михайловича — вплоть до воцаренія Петра Великаго. Недавно напечатанная „Лѣтопись русскаго театра" показываетъ, что представленія шли непрерывно; они давались, попрежнему, или въ царскомъ селѣ Преображенскомъ, въ потѣшномъ дворцѣ, устроенномъ Алексѣемъ Михайловичемъ, или въ частныхъ домахъ знатныхъ лицъ, напр. въ домѣ боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева или въ теремѣ царевны Софьи. Съ учрежденіемъ въ 1685 году въ Москвѣ Заиконоспасской академіи, — въ ея стѣнахъ, по примѣру западныхъ академій, также стали даваться студентами театральныя представленія ежегодно два раза, съ цѣлью пріучить воспитанниковъ „къ честной смѣлости"...

Репертуаръ состоялъ или изъ прежнихъ пьесъ, или пополнялся новыми. Отъ конца XVII вѣка до насъ дошелъ переводъ комедіи Мольера: „Амфитріонъ — порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитеръ", поясняется въ заглавіи. Сохранилось извѣстіе о переводѣ комедіи Мольера „Врачъ поневолѣ"; до насъ уцѣлѣла даже афиша, съ указаніемъ тѣхъ лицъ, которые разыгрывали эту комедію въ королевскомъ дворцѣ, въ палатахъ царевны Софіи Алексѣевны. Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ на придворномъ театрѣ появлялись иногда и самостоятельные драматическіе опыты. Въ упомянутой „Лѣтописи русскаго театра" указываютъ слѣдующія пьесы за это время: „Рождество Христово", „Осада Іерусалима", „Поклоненіе волхвовъ", „Мудрыя и глупыя дѣвы", „Мѣдный конь или осада города Трои", „Шаманъ сибирскій", „Авраамово семейство", „Мечъ кладенецъ", „Іосифъ, узнанный братьями", „Александръ Македонскій", „Яга-баба", „Илья Муромецъ богатырь и Соловей-разбойникъ", „Екатерина-му-

чешина". Послѣдняя пьеса приписывается царевнѣ Софьѣ. Софія Алексѣевна отличалась вообще любовью къ театральнымъ представленіямъ. О ней еще Карамзинъ въ своемъ „Пантеонѣ" сообщалъ: „Царевна Софья занималась и литературою, писала трагедіи и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Мы читали въ рукописи одну изъ ея драмъ, и думаемъ, что царевна могла бы сравняться съ лучшими писательницами всѣхъ временъ, если бы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ..."

Къ сожалѣнію, всѣ упоминающіяся въ „Лѣтописи" пьесы не дошли до насъ. Впрочемъ, до насъ сохранилось отъ конца XVII вѣка пьеса, свидѣтельствующая, что древне-русское „комедійное дѣло" и за это время не только продолжало существовать, но имѣло и дальнѣйшее развитіе. Пьеса носитъ названіе „Междурѣчіе": это слово, вѣроятно, было замѣною непонятныхъ иностранныхъ: intermedium, interludium. — Пьеса представляетъ рядъ народно-бытовыхъ сценъ. Вотъ на сцену выходитъ старикъ-крестьянинъ, „искій мудрости"; онъ выжилъ изъ ума, бросилъ все свое хозяйство и непремѣнно хочетъ учиться.

„Ума хощу сыскать на потребу нашу", — объявляетъ онъ и спрашиваетъ, не знаетъ ли кто, „гдѣ въ лавкахъ разумъ продается?" — ему бы нужно разума „аршинъ съ десять купити." Появляется малецъ учитель со свиткомъ и съ плетью. Старикъ объявляетъ ему о своей кручинѣ: „ума хощу купити, да не обрѣтаю". Малецъ берется научить уму-разуму старика, — только послѣдній долженъ въ точности слѣдовать его указаніямъ. Онъ указываетъ старику на свой свитокъ и говоритъ:

Въ сей хартіи есть разумъ. Потребно ю съясти,
Изрядно разрѣзавши на мелкія части.

Старикъ соглашается: тогда — замѣчается въ пьесѣ — малецъ разрѣжетъ, а старикъ ястъ и глаголетъ:

О! вкусъ жестокъ есть!

Малецъ.

Терпи!...
Горекъ трудъ нынѣ, но сладокъ плодъ будетъ...

Юноша между тѣмъ пишетъ азбуку и затѣмъ начинаетъ учить старика. Происходитъ шутливая сцена:

Малецъ. Чти со мною: азъ!
Старикъ. Увязь.
Малецъ. Буки.
Старикъ. Учителя прибрать въ руки.
Малецъ. Глаголъ.
Старикъ. Учителя за хохолъ... и т. д.

Учитель замѣчаетъ, что у ученика совсѣмъ нѣтъ въ головѣ памяти, — вся расплылась по тѣлу: онъ хочетъ память опять „вогнати въ голову" и приказываетъ старику лечь на полъ. Старикъ ляжетъ („замѣчается въ пьесѣ") — а малецъ отъ ногъ плетію во главу память вгоняетъ и глаголетъ трижды:

Иди во главу память! Ты, старче, учися!
Но за соху паки пріимися!...

Послѣ нѣсколькихъ новыхъ уроковъ, учитель замѣчаетъ, что ученику недостаетъ болѣе остраго ума:

Аще хощеши, старче — говоритъ онъ ученику —
еще мудрѣе быти,
Тупый умъ твой треба изострити...

Старикъ.

Пожалуй, государь мой, ты о томъ потщися...

Учитель приказываетъ ученику сѣсть, а самъ беретъ брусъ и начинаетъ „главу острити"... Старикъ кричитъ, но все же непремѣнно хочетъ продолжать свои ученыя занятія; ему хочется не только умѣть читать, но еще и говорить краснорѣчиво, сладко. Учитель поневолѣ и на это соглашается:

Отверзи уста — говоритъ онъ упрямому старику —
пріими сію сладость,
Сладкоглаголивъ буди людемъ въ радость. —

„и мажетъ медомъ уста и лицо и даетъ ясти..." Мораль сцены высказывается въ послѣднихъ словахъ учителя:

Глупъ, состарѣся: кто его научитъ?...
Соха, борона — вотъ его дѣло...

Нѣсколько подобныхъ народно-бытовыхъ интерлюдій дошло до насъ отъ начала и первой половины XVII вѣка. Это были уже предвѣстники нашей самостоятельной народно-бытовой комедіи... *Архангельскій.*

Школьная драма.

Школьная драма имѣетъ важное значеніе въ исторіи европейской драматической литературы: раскрывая несостоятельность средневѣковыхъ мистерій, она противопоставила строго опредѣленныя нормы античной драмы. Вытѣсняя драматическія зрѣлища изъ нѣдръ народной жизни въ узкую сферу людей образованныхъ, подкапывая въ самомъ корнѣ народныя основы театра, она подчинила формы драматической поэзіи извѣстнымъ, хотя и чуждымъ, заимствованнымъ правиламъ. Пьесы древнихъ классиковъ, которыя съ конца XV вѣка переводились и дѣлались образцами въ Германіи и Польшѣ, если и не дали на первое время яснаго уразумѣнія различія трагедіи отъ комедіи, такъ что въ XVI вѣкѣ называли комедіею то, что скорѣе должно было получить названіе трагедіи, или прибѣгали къ двусмысленному слову трагикомедія, чтобы выпутаться изъ затруднительныхъ опредѣленій, то, съ другой стороны, тѣ же пьесы древнихъ классиковъ дали школьной ученой драмѣ свою опредѣленную внѣшнюю форму. Въ XVII вѣкѣ школьныя комедіи католической Германіи состояли обыкновенно изъ слѣдующихъ частей: 1) общаго правила, въ которомъ излагалось содержаніе всей пьесы; 2) отдѣльныхъ прологовъ къ каждому акту; 3) нѣсколькихъ актовъ съ одинаковымъ числомъ сценъ въ каждомъ; 4) хора, которымъ завершался каждый актъ и въ которомъ разъяснялся нравственный смыслъ представленнаго дѣйствія; хоры сопровождались иногда инструментальною музыкою, «играніемъ», по выраженію Симеона Полоцкаго; 5) мѣсто послѣдняго хора иногда замѣнялъ эпилогъ, такъ что послѣдній хоръ разсматривался какъ эпилогъ школьной драмы. Отъ этого обычнаго типа школьная драма католической Германіи допускала нѣкоторыя уклоненія. Иногда она осложнялась, особенно подъ перомъ іезуитовъ, прибавленіемъ предварительной аллегорической пьесы (Praeludium, allegorisches Vorspiel). Въ такой же формѣ, съ тѣми же раздѣленіями является и

драма и въ Польшѣ. Въ составъ ея, какъ и школьныхъ діалоговъ, входили слѣдующія части: 1) прологъ, 2) извѣстное число актовъ или частей, 3) хоры между актами, 4) эпилогъ. Польскій прологъ выходилъ namieniając, a czem się natoczy. Въ эпилогѣ, имѣвшемъ значеніе заключительнаго хора, приносилась зрителямъ благодарность за вниманіе. Прологи въ „акціяхъ“ польскихъ іезуитовъ помѣщались иногда предъ каждою отдѣльною сценою. Хоровъ иногда не было. Удержавъ смыслъ, какой былъ ему присвоенъ въ античной трагедіи, хоръ школьной драмы сохранилъ или пытался сохранить и ту метрическую форму, которую онъ имѣлъ въ древней трагедіи. Это стремленіе замѣтно еще въ хорѣ школьныхъ драмъ Кіева (напримѣръ, въ трагикомедіи „Іосифъ патріархъ“).

Въ Польшѣ школьныя пьесы „акціи“, діалоги писались на латинскомъ или на польскомъ языкѣ. Иногда въ латинскихъ пьесахъ, какъ Польши, такъ и Германіи, прологъ, излагавшій содержаніе отдѣльныхъ актовъ, эпилогъ и хоры передавались на языкѣ польскомъ, чтобы сдѣлать пониманіе представляемой пьесы доступнымъ для большинства. Съ тою же цѣлію знатнымъ лицамъ незадолго до представленія школьной драмы разсылался проспектъ или программа ея, заключавшая въ себѣ названіе пьесы, басню ея, ходъ дѣйствія по актамъ и сценамъ, перечень дѣйствующихъ лицъ и имена актеровъ-школьниковъ. Эти программы часто оказываются единственными остатками старыхъ школьныхъ пьесъ. Въ Польшѣ подобныя программы вошли въ употребленіе уже въ XVI вѣкѣ и держались потомъ не одно столѣтіе; иногда онѣ раздавались и въ печатныхъ экземплярахъ.

Народная жизнь не оставалась вполнѣ чуждою польской школьной драмѣ. Съ давняго времени послѣдняя стала освѣжаться такъ называемыми интермедіями или интерлюдіами, пьесами, которыя разыгрывались между отдѣльными актами или сценами школьной драмы, всегда писались на родномъ языкѣ, часто съ соблюденіемъ провинціальныхъ говоровъ, и часто представляли вѣрныя картины обыденной жизни народа. Въ старыхъ интермедіяхъ польскихъ хранятся драгоцѣнные матеріалы для исторіи народнаго быта, и интересующіеся разработкой исторіи народной культуры не могутъ не желать, чтобы эти любопытныя изображенія народнаго прошлаго были собраны и перепечатаны въ возможной полнотѣ.

Содержаніе польскихъ школьныхъ комедій въ XVII вѣкѣ было довольно разнообразно: 1) сближаясь съ средневѣковыми мистеріями и миракліями, онѣ брали свое содержаніе изъ области религіозной, изъ ветхаго и новаго завѣта, дѣяній святыхъ, переливая библейскіе сюжеты въ античныя формы, излагая, напримѣръ, исторію дочери Іефая выдержками изъ Ифигеніи въ Авлидѣ; 2) греко-римская исторія давала обильный матеріалъ для этихъ драмъ; 3) содержаніе школьныхъ пьесъ заимствовалось изъ школьной жизни и практики, изъ круга вопросовъ и интересовъ научныхъ. Особенно сильное распространеніе получили въ XVII в. школьныя пьесы панегирическаго характера, посвященныя прославленію важныхъ государственныхъ событій, побѣдъ, семейныхъ празднествъ короля, прибытія и отъѣзда знатныхъ лицъ и т. п. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ польскихъ школьныхъ драмъ являются государства, Церковь, миѳологическія личности и божества отдѣльныхъ странъ и народностей, мудрость, вѣра, надежда, совѣсть и т. д. Аллегорическія личности средневѣковыхъ моралите воскресли въ школьной драмѣ.

„Комедіи" Симеона Полоцкаго познакомили Москву XVII в. съ формой и существенными принадлежностями ученой школьной польской драмы; еще ранѣе привилась она въ кіевской коллегіи: издавна былъ обычай въ извѣстное время года представлять драматическія дѣйства. Въ московской академіи драматическія дѣйства развились почти съ начала XVIII вѣка, то-есть, съ того времени, когда прославленные греки уступили въ ней мѣсто кіевскимъ ученымъ, вызваннымъ Стефаномъ Яворскимъ, когда преобладаніе греческаго языка кончилось и началось господство латинскаго діалекта, латинскаго образованія вообще; царь положилъ тому начало, приказавши „завесть въ академіи ученія латинскія". Въ программахъ школьныхъ драмъ московской славяно-греко-латинской академіи мы можемъ наблюдать вѣрное подражаніе польской школьной драмѣ.

Въ кіевской академіи обычнымъ временемъ представленія школьныхъ драмъ издавна были лѣтнія рекреаціи. „Въ приятныя рекреаціи, пишетъ митрополитъ Евгеній, всѣ ученые и учащіеся и сторонніе любители науки выходили [illegible] на гору Скавику, между оврагами, при урочищѣ, называемомъ Глубочица. Тамъ же занимались самыми [illegible]

играми, и студенты пѣли канты. Учитель поэзіи для такихъ прогулокъ ежегодно обязанъ былъ сочинять комедіи или трагедіи, а прочие учители діалоги". Не привязанная къ церкви, какъ въ львовскомъ братствѣ или въ академической залѣ торжественныхъ собраній, какъ въ Москвѣ, школьная драма Кіева свободно развивалась подъ открытымъ небомъ, какъ средневѣковая мистерія западной Европы съ того времени, какъ вышла изъ-подъ опеки церкви. Святость, авторитетъ мѣста, которые естественно должны были стѣснять наставниковъ львовскаго братства и московской славяно-греко-латинской академіи при сочиненіи обычныхъ школьныхъ дѣйствъ, не давили въ этомъ случаѣ наставника кіевской академіи, не обязывали его рабски влачиться по пути, указанному іезуитской схоластикой и скрывать свою мысль подъ туманными символами или облекать свое чувство въ холодныя аллегоріи.

Тихонравовъ.

Полемическая борьба кіевскихъ ученыхъ съ московскими въ XVII ст.

Смертію Симеона Полоцкаго закончилось спокойствіе ученыхъ кіевлянъ въ Великороссіи въ XVII ст. Ученики и преемники-подражатели и сторонники Полоцкаго не имѣли благоразумной предосторожности своего учителя. Что Полоцкій говорилъ только немногимъ и то близкимъ къ нему или, сидя въ кабинетѣ, записывалъ въ свои книги, о томъ продолжатели его заговорили вслухъ многихъ, то стали проводить въ народъ, и естественно, что накликали на себя бѣду. И о нихъ стали говорить и писать, и ихъ стали оцѣнивать великорусскіе туземцы; завелась полемика, которая, наконецъ, разрѣшилась въ открытую вражду и кончилась тѣмъ, что ученые кіевляне потеряли всякое уваженіе въ глазахъ великоруссовъ и со срамомъ были изгнаны изъ Москвы.

Главнымъ представителемъ кіевлянъ послѣ Симеона Полоцкаго былъ достойный ученикъ послѣдняго, игуменъ Заиконоспасскаго монастыря Сильвестръ Медвѣдевъ. "Той Симеонъ, отходя отъ жизни сея, приказа душу свою единемудру съ нимъ въ наукахъ Сильвестру Медвѣдеву, ученику своему". Медв.

девъ былъ родомъ изъ Курска, въ мірѣ назывался Симеономъ; былъ сначала подьячимъ и служилъ въ Губной избѣ, состоявшей тогда въ вѣдомствѣ приказа тайныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ Шакловитымъ, съ которымъ такъ тѣсно связана его последующая судьба. Вѣроятно, пользуясь сосѣдствомъ съ учеными кіевлянами въ Малороссіи, Медвѣдевъ еще въ Курскѣ получилъ порядочное образованіе. Въ 1670 г. онъ былъ по какимъ-то дѣламъ въ Москвѣ и здѣсь видѣлся со всѣми тогдашними учеными знаменитостями. Лѣтъ черезъ пять послѣ сего онъ постригся въ монахи въ Путивльской обители, откуда, по настоянію Симеона Полоцкаго и самого царя Θеодора Алексѣевича, перешелъ въ Москву въ Заиконоспасскій монастырь, гдѣ и получилъ келью, по приказанію самого царя „наипаче всѣхъ богатѣйшую“ и ближайшую къ Симеоновымъ покоямъ, такъ что о Медвѣдевѣ впослѣдствіи говорили, будто онъ „купно съ отцомъ Симеономъ въ единой келіи живяше“ (Остенъ, л. 98). Здѣсь-то онъ и сдѣлался рѣшительнымъ послѣдователемъ Полоцкаго, потому что всегда слушалъ „словеса его латинская мысли полна суща, не познавъ лести онаго, прельстися вслѣдъ его мудрованія“. Когда умеръ и погребенъ Полоцкій, Медвѣдевъ почтилъ память его надгробною надписью въ стихахъ, которая свидѣтельствуетъ о просвѣщеніи сочинителя и его любви къ своему покойному учителю. Потомъ Медвѣдевъ писалъ еще нѣсколько стихотвореній — и радостныхъ: „Привѣтство брачное“, по случаю бракосочетанія Θеодора Алексѣевича съ Марѳою Матвѣевною Апраксиною 1682 г., февр. 12 и печальныхъ: „О преставленіи государя царя и великаго князя Θеодора Алексѣевича... плачь и утѣшеніе двадесятьми виршами, по числу лѣтъ его царскаго пресвѣтлаго величества еже поживе въ мірѣ“. Видно, что Сильвестръ хорошо понялъ своего учителя и такъ же полюбилъ стихотворство, какъ любилъ это искусство и Симеонъ Полоцкій. Не легко нарисовать нравственную физіономію Медвѣдева: до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о немъ отъ людей одной съ нимъ партіи; мы имѣемъ лишь свѣдѣнія отъ однихъ только противниковъ Медвѣдева, а [illegible] свѣдѣнія, писанныя во время раздора самой сильной ненависти къ этому человѣку. Ясно, что они крайне односторонни и нисколько не въ пользу Медвѣдева. Вотъ какъ характеризуетъ его неизвѣстный составитель повѣсти „О новомъ растригѣ, бывшемъ монахѣ, Сильвестрѣ Медвѣдевѣ“,

помѣщенной въ книгѣ „Остенъ" (л. 76—78) передъ словомъ патріарха Іоакима, сказаннымъ на соборѣ 1690 г., какъ бы вмѣсто введенія въ это слово: „Въ царствующемъ градѣ Москвѣ бяше нѣкто образомъ монашескимъ одѣянъ, именемъ Сильвестръ, прозванъ Медвѣдевъ... иже во вся дни творяше распри и свары и мня себе мудра быти, *паче же* языкъ свой изостряше, яко змиинъ, въ устѣхъ же его бѣ ядъ аспидовъ, полнъ горести и отравы. Злоковаренъ бо бѣ отъ юностна возраста и многорѣчивъ и остроглаголивъ и любопрививъ, уста имѣяй бездверна, и изъ гортани изрыгающъ ядъ душегубительный всякаго злословія и коварства. Къ сему еще оный Сильвестръ у нѣкоего іезуитскаго ученика (намекъ на Симеона Полоцкаго) пріучися чести латинскія книги. И отъ таковаго оныхъ книгъ чтенія и отъ наслышанія устоглагольнаго онаго чтенія свѣто и иныхъ латинниковъ обычаемъ навыче и весь онамо уклонися и отступивъ отъ св. церкви и отъ святѣйшаго Іоакима патріарха, отщанеся догматы и преданія св. апостолъ и св. отецъ, сущая по чину восточныя церкви, развратити и въ латинство превратити, еже и содѣлала бы, аще не бы всемогущая десница вышняго предварила и злоумышленіе его разорила и самого его сокрушила". Патріархъ Іоакимъ въ своемъ поучительномъ словѣ на соборѣ противъ кіевскихъ ученыхъ (январь 1690 г.) сказалъ о Медвѣдевѣ почти то же самое, только болѣе въ слабомъ видѣ. Составитель другой повѣсти о новорастригѣ Сильвестрѣ Медвѣдевѣ также выражается о немъ очень сильно, даже обвиняетъ его въ зломъ намѣреніи противъ нѣкоторыхъ членовъ царскаго семейства и убить самого патріарха. Нѣтъ сомнѣнія, говоримъ, что всѣ эти характеристики Медвѣдева составлены подъ вліяніемъ ненависти къ человѣку, не подходящему своимъ образомъ мыслей и дѣйствій къ тѣмъ, кто составилъ ихъ. Но и изъ нихъ видно, что такое за человѣкъ былъ Сильвестръ Медвѣдевъ. Видно, что эта была натура энергическая, кипучая, неспокойная, съ жаждою дѣятельности, — человѣкъ, весьма интересовавшійся, желавшій знать все, что дѣлалось въ обществѣ, особенно въ придворномъ мірѣ, — монахъ только по имени да одеждѣ, а самъ страшный охотникъ до мірскихъ событій текущихъ явленій, даже принимавшій участіе въ нихъ. Видно, что онъ любилъ много говорить обо всемъ, что самъ зналъ, уста имѣяй бездверная и говорилъ, какъ понималъ, не скрывая своихъ убѣжденій

а такъ какъ ему случалось встрѣчать и отпоръ убѣжденіямъ, то онъ любилъ споры (любопрѣнія), которымъ и предавался со всѣмъ жаромъ увлеченія; близость къ царскому двору давала ему еще больше смѣлости, и неудивительно, если онъ иногда позволялъ себѣ лишнее, даже и не менѣе не всегда простительныя вещи. Видно, уроки Полоцкаго, любившаго больше латинское образованіе, глубоко запали въ Медвѣдева, обратились въ его убѣжденіе, и потому онъ началъ уже открыто распространять то, что скрывалъ или говорилъ примѣрно его учитель; оттого-то о Медвѣдевѣ стали писать и уже простые изъ низшаго класса люди: онъ какъ нельзя болѣе доказалъ, какъ ненародно было въ Великороссіи то образованіе, которое вводилъ Полоцкій, особенно когда оно будетъ совершенно развито. Ясно уже и то, что слова составителя первой указанной нами повѣсти о Медвѣдевѣ, будто онъ былъ *невѣжда*, „только мня себѣ мудръ быти", совершенно несправедливы. Самъ этотъ повѣствователь ниже сказалъ, что Медвѣдевъ „прилучился чести латинскія книги". А мы знаемъ, что онъ читалъ не однѣ латинскія, но и польскія и славянскія; послѣ Медвѣдева осталась богатая библіотека. Медвѣдевъ описалъ первый стрѣлецкій бунтъ (1682 г.); онъ составилъ первое описаніе книгъ, какія были на Руси написаны и напечатаны до него, и тѣмъ привелъ въ сознаніе русскаго общества, что имъ сдѣлано и что еще остается дѣлать. Видно, что Медвѣдевъ много зналъ, много читалъ; видно также, что онъ широко и довольно вѣрно понималъ, въ чемъ должна состоять настоящая образованность.

Медвѣдевъ былъ не одинокъ въ Москвѣ съ своими понятіями. Сохранившіеся до нашего времени памятники даютъ знать, что у Медвѣдева было не мало и другихъ соучастниковъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны: монахъ Симеонъ, бывшій въ мірѣ *[illegible]*, изверженный *[illegible]*, Кирилловскаго монастыря игуменъ *[illegible]*, по прозванію Монастырскій, родомъ еврей и вѣры [illegible] жидовской; помогали имъ [illegible] и хозяйствомъ при царѣ *[illegible]* *[illegible]*, самомъ окольничій, изъ стрѣлецкаго полку *[illegible]* и иной тому подобный *[illegible]* именемъ прозваніемъ *[illegible]*, и изъ царскихъ пѣвчихъ клирики, дьяконъ *[illegible]* и уставщикъ *[illegible]* и иные подобные. Что писали эти люди въ книгу своихъ [illegible]

и писали ли что-нибудь, — неизвѣстно. Вся сила борьбы сосредоточивалась на самомъ Медвѣдевѣ, какъ главѣ партіи: онъ всѣмъ заправлялъ, писалъ и дѣйствовалъ противъ своихъ противниковъ; онъ больше всѣхъ потому и пострадалъ за свои убѣжденія.

Начертимъ кратко и противный лагерь. Онъ состоялъ изъ ученыхъ великоруссовъ и такихъ же грековъ, нарочито призванныхъ на помощь имъ. Первые были ученики Епифанія Славинецкаго и больше всѣхъ выдавался изъ нихъ *Инокъ Евфимій*. Евфимій по отношенію къ Епифанію Славинецкому былъ то же, что Сильвестръ Медвѣдевъ въ отношеніи къ Симеону Полоцкому: онъ, такъ же какъ и Медвѣдевъ, довелъ до крайности ученое направленіе своего учителя. Если Епифаній зналъ нѣсколько по-латыни, то Евфимій ничего уже не зналъ; если Епифаній былъ небольшой діалектикъ и вообще немного жаловалъ Аристотеля, то Евфимій прямо уже не любилъ логики; Епифаній не любилъ участвовать въ гражданскихъ дѣлахъ, больше ютился около церковной власти и помогалъ ей устроять дѣла церковныя: Евфимій провелъ дальше и эту черту въ характерѣ своего учителя, потому что на тѣхъ иноковъ, которые слѣдили за текущими гражданскими событіями, онъ смотрѣлъ уже какъ на измѣнившихъ обѣтамъ иночества. Ясно, что Евфимій не могъ сойтись съ Сильвестромъ Медвѣдевымъ; между ними неминуемо должна была начаться полемика, которая въ концѣ концовъ должна была разрѣшиться погибелью того или другого. Извѣстно, что она кончилась несчастно для Сильвестра Медвѣдева.

Евфимія поддерживалъ патріархъ Іоакимъ, который любовь къ Епифанію Славинецкому перенесъ и на учениковъ его. Притомъ Іоакимъ вышелъ изъ кіево-могилянской школы еще въ первую пору по ея учрежденіи и естественно не былъ расположенъ къ тѣмъ, которые были образованы исключительно по-латыни. Впрочемъ, самъ Іоакимъ, сохраняя достоинство патріарха, ничего не писалъ противъ Медвѣдева и его сторонниковъ: онъ только слѣдилъ за борьбою и, когда видѣлъ слабость Евфимія, помогалъ ему своимъ вліяніемъ. Особенно сильнымъ пособіемъ Евфимію со стороны патріарха былъ вызовъ въ Москву ученыхъ грековъ — братьевъ Лихудовъ. Значеніе Лихудовъ для Евфимія и вообще въ разсказываемой нами исторіи весьма понятно. Евфимій зналъ много, хорошо разу-

мѣлъ св. писаніе, могъ приводить множество мѣстъ изъ писаній отцевъ Церкви въ доказательство той или иной богословской истины, могъ потому доказать эту истину, но чтобы спорить съ кѣмъ-либо — онъ былъ не силенъ. Медвѣдевъ между тѣмъ могъ и немного знать, но ему и того было достаточно, чтобы запугать своего противника: „онъ былъ остроглаголивъ и любопрѣвъ, да и уста имѣлъ бездверна“. Поэтому нужно было выставить Медвѣдеву такихъ оппонентовъ, которые владѣли бы такимъ же оружіемъ, какимъ онъ владѣлъ. Такими людьми и были братья Лихуды, получившіе образованіе въ Италіи и, конечно, слушавшіе философовъ такихъ, о какихъ Медвѣдевъ могъ знать только развѣ по книгамъ. Съ прибытіемъ въ Москву Лихудовъ началась уже дѣйствительная полемика между спорящими сторонами.

Эта борьба была умная: противники стоили одинъ другого и не перебранивались между собою, какъ бывало прежде. Вся эта борьба по духу времени имѣла характеръ преимущественно религіозный: быть или не быть такимъ-то религіознымъ мнѣніямъ, а потомъ уже той или другой учености. Главнымъ спорнымъ пунктомъ было мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ въ евхаристіи. Медвѣдевъ, вслѣдъ за Симеономъ Полоцкимъ, согласно съ латинами утверждалъ, что пресуществленіе бываетъ въ моментъ произнесенія священнослужителемъ словъ Христа Спасителя: пріимите ядите и пійте. Между тѣмъ наши православные настаивали на томъ, что слова Христовы произносятся только въ знакъ заповѣди о таинствѣ евхаристіи, а дары пресуществляются уже по молитвѣ къ Богу Отцу силою заслугъ Христовыхъ, о ниспосланіи Святого Духа. Для доказательства справедливости своего мнѣнія Медвѣдевъ написалъ цѣлую книгу, которую назвалъ „Манна“. Лихуды прочли эту книгу и скоро написали на нее свое опроверженіе тоже въ цѣлой книгѣ, которую они назвали „Акосъ“. Медвѣдевъ естественно былъ недоволенъ „Акосомъ“*) и [illegible] хоть совершенно справедливо [illegible] [illegible] Лихуды отвѣтили и на эту тетрадь [illegible]

*) „Акосъ или врачеваніе, противополагаемое ядовитымъ угрызеніямъ змоевымъ“ (Публ. библ. въ Сборн. Щитъ вѣры. Отд. 1. № 186) переведенъ съ эллинскаго на славянскій діалектъ Николаемъ Семеновымъ, Алексѣемъ Кирилловымъ и Өедоромъ Поликарповымъ — учениками Лихудовъ.

къ нѣкоему іезуиту". Въ этихъ-то книгахъ, да еще написанныхъ Лихудами и ихъ учениками въ послѣдующее время, и, наконецъ, въ „покаянномъ отреченіи отъ ереси Сильвестра Медвѣдева", и содержится все, что говорили въ пользу своихъ мнѣній и защитники православія и противники ихъ.

Медвѣдевъ не думалъ уступать Лихудамъ, мнѣнія его распространялись болѣе и болѣе, соблазнъ въ Церкви и обществѣ усиливался. Тогда патріархъ Іоакимъ увидѣлъ, что пора пріостановить споръ, — что уже довольно спорили, православная истина достаточно выяснена и всесторонне доказана, греческіе ученые держатъ верхъ, Медвѣдевъ между тѣмъ доказываетъ свои положенія слабо, да не имѣетъ и достаточныхъ свидѣтельствъ въ свою пользу. Пусть же общество не соблазняется его сладкорѣчіемъ... Случилось такъ, что Медвѣдевъ страстный охотникъ до политическихъ дѣлъ, даже и до интригъ, замѣшался въ извѣстномъ заговорѣ Шакловитаго, по крайней мѣрѣ, современники и его считаютъ участникомъ этого дѣла. Медвѣдева судили; патріархъ Іоакимъ дополнилъ этотъ гражданскій судъ церковнымъ, доказалъ, что Медвѣдевъ возмущаетъ и Церковь; Медвѣдеву грозила опасность, и онъ не устоялъ передъ бѣдой... Бѣжалъ за границу Польши. Но „ятъ бысть близь уже границы польскія, и связанъ и возвращенъ... лишенъ образа и именованія: изъ Сильвестра Медвѣдева сталъ Сенка Медвѣдь, — потомъ царскимъ судомъ истезанъ по гражданскимъ законамъ до пролитія крови его и данъ въ вѣчное хранило".

Медвѣдевъ отданъ подъ стражу въ Троицко-Сергіевъ монастырь. Здѣсь-то суждено было ему закончить свои ученые споры съ учеными Лихудами уже не полемикой, не доказательствомъ своей правоты, а смиреннымъ сознаніемъ, что онъ ошибался, поносилъ защитниковъ православія, клеветалъ на Церковь Христову. Зная ученость Медвѣдева и не желая принуждать его силою къ отреченію отъ своихъ мыслей, патріархъ Іоакимъ прислалъ къ нему ученыхъ людей съ наказомъ, чтобы они доказали Медвѣдеву отъ св. писанія и отъ книгъ отеческихъ, что онъ дѣйствительно училъ неправо. Новоспасскій архимандритъ Игнатій, игуменъ Ефремъ, Софроній Лихудъ „со иными священнаго и иноческаго чина" явились къ Медвѣдеву съ книгами и еще разъ повторили ему все, что уже такъ много разъ было писано противъ него въ разныхъ кни-

тахъ. Медвѣдевъ убѣдился, написалъ „покаянное отреченіе отъ ереси", поклялся, что отреченіе его искреннее и въ знакъ искренности своего раскаянія призвалъ во свидѣтели пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ и въ заключеніе еще разъ сказалъ, что всѣ его заблужденія были отъ книгъ кіевскихъ — отъ прелести латинскія, еже кіевскія новыя книги утверждаютъ".

Раскаялся Сильвестръ Медвѣдевъ; вмѣстѣ съ нимъ раскаялся и Савва Долгій, также написавшій покаянное отреченіе отъ всего латинскаго, что почерпнулъ тоже главнымъ образомъ изъ книгъ кіевскихъ. Но это еще не значило, что всѣ отказались отъ кіевскихъ мудрованій: Медвѣдевъ сказалъ въ своемъ покаянномъ отреченіи, что онъ „своимъ подущеніемъ премножайшихъ прельсти и соблазни". Такими людьми была наполнена Москва, ихъ не мало было и въ другихъ мѣстахъ, особенно близкихъ къ Малороссіи, гдѣ уважалась ученость кіевская: тамъ принимали и тѣ мнѣнія, какихъ держались ученые кіевскіе. Патріархъ Іоакимъ видѣлъ это и счелъ долгомъ своимъ разсмотрѣть дѣло соборомъ; для этого снесся съ высшимъ изъ малороссійскихъ духовныхъ и, получивъ удовлетворительные отвѣты, собралъ соборъ въ Москвѣ въ январѣ 1690 г. Въ обширномъ словѣ, прочитанномъ на соборѣ, патріархъ пространно доказалъ несправедливость нововнесенныхъ въ Великороссію папскихъ мнѣній, объяснилъ исторію ихъ появленія и распространенія чрезъ Симеона Полоцкаго и Медвѣдева и чрезъ книги, ими написанныя и принесенныя изъ Кіева, произнесъ запрещеніе на эти книги, — тѣ изъ нихъ, какія оказались на лицо, тутъ же приказалъ сжечь, а если у кого они остались, то всѣ такіе люди обязаны были приносить ихъ къ властямъ тоже для сожженія, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ подвергнуться тяжести анаѳемы; въ заключеніе патріархъ научилъ, какъ нужно вѣровать относительно времени пресуществленія св. Даровъ, а потомъ и о времени поклоненія имъ, уже пресуществленнымъ. Чтобы утвердить въ истинной вѣрѣ всѣхъ православныхъ христіанъ, которыхъ такъ занималъ спорный вопросъ о времени пресуществленія св. Даровъ въ евхаристіи, патріархъ Іоакимъ поручилъ одному ученому монаху великоруссу собрать всѣ свидѣтельства, въ пользу православнаго мнѣнія, отъ св. писанія и твореній отцовъ и учителей Церкви и практики древней восточной и особенно русской

Церкви, съ наказомъ присовокупить при этомъ и самую исторію спора и свѣдѣнія о лицахъ, которыя особенно возмущали Церковь; а такъ какъ южноруссы особенно крѣпко держались неправаго мнѣнія относительно спорнаго вопроса и въ оправданіе ссылались на книгу „Выкладъ о Церкви святой“, гдѣ будто бы основательно доказано папистское мнѣніе, то Іоакимъ приказалъ подробно отъ его патріаршаго лица разобрать и эту книгу. Монахъ, которому поручено было это дѣло, былъ уже извѣстный намъ ученикъ Епифанія, Евфимій; а книга, имъ составленная, и есть та самая книга „Остенъ“, — на которую мы уже не разъ ссылались въ настоящемъ очеркѣ.

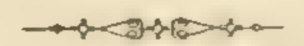
Соборомъ окончательно рѣшена участь Медвѣдева, а вмѣстѣ съ нимъ — и тѣхъ, кто держался его мнѣнія: „жити же ему Медвѣдеву тамо, идѣже повелѣно отъ мѣрности нашея и отъ всего освященнаго собора, подъ крѣпкимъ началомъ у самаго искуснѣйшаго и твердѣйшаго мужа и свѣдуща священнаго писанія, въ молитвахъ и постѣхъ, во смиреніи и трудѣхъ, яковыхъ можно пребывати; со иными же человѣки сходитися ему особно разглагольствовати ничто же велѣти, бумаги и чернилъ отнюдь не давати“.

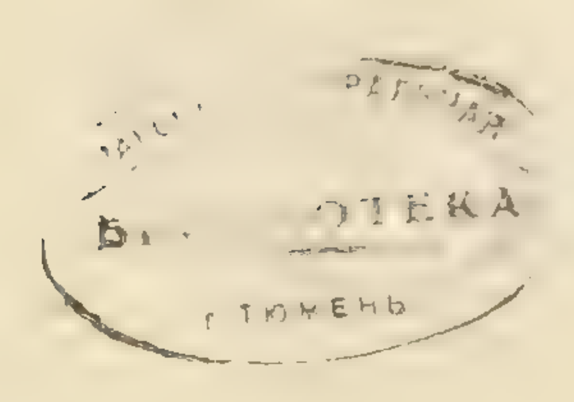
Неизвѣстно, что за мѣсто, куда назначенъ былъ на жительство Медвѣдевъ, да едва ли ему и пришлось сколько-нибудь жить въ этомъ мѣстѣ. За участіе въ замыслахъ Шакловитаго онъ скоро преданъ гражданскому суду и „паки огнемъ, бичми и прочими испытаніи истязанъ и объявлялся злоумысляцъ и съ волхвами содружествовалъ и совопрошався, гадательствовавъ о себѣ превеликая и превысокая и купно съ гадательствующими получи преисподняя: за многоя бо злодѣйственная своя умышленія главпоотсѣченъ бысть въ лѣто 7198 (1690) въ 11 день“ (мѣсяцъ не поименованъ). Соучастники Медвѣдева также получили достойное за свои убѣжденія, не народныя въ Великороссіи: соборъ предалъ всѣхъ ихъ отлученію отъ Церкви, упомянувъ подъ общимъ именемъ „единомудренниковъ Медвѣдева“. Одинъ только монахъ Савва Долгій отличенъ отъ другихъ и точно такъ же, какъ и Медвѣдевъ, написалъ, какъ мы видѣли, свое покаянное отреченіе отъ ереси и исповѣдалъ православіе.

Въ лицѣ Медвѣдева и его товарищей кіевскіе ученые понесли рѣшительное пораженіе въ Великороссіи. Признанные

еретиками, они признаны вмѣстѣ съ тѣмъ и неспособными къ просвѣщенію общества; все дѣло обученія въ московской академіи осталось въ рукахъ Лихудовъ и потомъ людей, образовавшихся подъ ихъ вліяніемъ; въ высшемъ ученомъ мірѣ въ Москвѣ прекратилась на ту пору всякая полемика.

Образцовъ.





Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о народной словесности и книжной словесности до эпохи Петра.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (8°, 659 стр.). Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ статей о **Кантемирѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Екатеринѣ II, Фонвизинѣ и Державинѣ.**) Пособіе при изученіи литературы для учениковъ среднеучебныхъ заведеній (8°, 1176 стр.). Изд. 2-е. Ц. 2 р. *Одобрена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. III. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Карамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ.**) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. (8°, 818 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Пушкинѣ.**) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8°, 798 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ.**) Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к (8°, 632 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VI (Сборникъ историко-критическихъ статей о **С. Т. Аксаковѣ, Григоровичѣ, Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Л. Толстомъ.**) (8°, 1115 стр.). Изд. 2-е. Ц. 2 р. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VII. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Майковѣ, Фетѣ, А. Толстомъ и Тютчевѣ.**) (8°, 505 стр.). Ц. 1 р. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Хрестоматія по русской новѣйшей литературѣ. (Избранныя стихотворенія **А. Толстого, Фета, Майкова и Тютчева.**) Ц. 40 коп. *Допущена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки, а равно въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ.*

Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Ч. I. Этимологія. Изд. 13-е, исправленное и дополненное. Ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв., Уч. Ком. при Св. Синодѣ для духовныхъ училищъ и Учил. Сов. при Св. Синодѣ для церковно-приходскихъ школъ.*

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 11-е. Ц. 60 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.*

Имена существительныя, употребляющіяся только во множественномъ числѣ. Ихъ родъ и окончанія. Ц. 20 к.

Справочный орѳографическій словарь. Изд. 7-е. Ц. 25 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*